Дроиды. Гелиотроп.

Часть 1

01.01

Гелиотроп встал на Улиточий Тракт, немедленно забросивший его в гулкие недра Храма Фортуны.

Где богиня, где её Фавор? Арки, арки, арки… Своды храма - пологой спиралью, сужающейся над головой. Свет льётся сквозь арки. Вверху небо глубокое, бесцветное, с поволокой. Небо космоса.

Конструктор ступил на Тракт, не стерев малые орбиты имитации общей формы. Они и сыграли. Им всё равно, высший ты дроид, автономный… Тракт – это им не всё равно. Если в общей форме стопой коснулся его – стартуй пружиной в зенит. Оттуда Гелиотроп и отправился к себе, долгим путём первой расы, пешком сквозь всё при всё.

Автономные ошибок не допускают, захотел, успел бы орбиты стереть. Сделать же вид, что ошибся, способен кто угодно, и тень безмозглая, и уж конечно дроид-конструктор предпоследней эпохи! Беда, не перед кем ему притворятся. Разве, перед собой. Одним и без того таинственен, кое-кому, напротив, до безобразия

прозрачен. От этого, храмового места, непонятного ему, созданного порывом, а не расчётом, тревожного для Гелиотропа места, путь домой втрое дольше, чем с турнирной площади.

Только что с удовольствием и одобрением, затерявшись в толпе трибун, он просмотрел схватку-внушение. Глава Порт против одного из своих, очередного бунтовщика. Спускаясь Трактом, увиденное вспоминал…

У владыки сейчас нелёгкий период. Разброд, неповиновение. Кто-то из приближённых вознамерился покинуть семейство, кто-то приценивается к трону.

Ещё больше дроидов, решивших ловить момент, похулиганить, посвоевольничать снаружи семейства, внутри сколотить остов для личного, будущего трона. Думали, владыке не до них, не заметит… Как же!..

Сильно просчитались и те, и другие, и третьи! Порт – владыка оказался, как есть. Прибрежный, на стыке утверждённый, в обе стороны смотрящий внимательно, внутри себя хорошо организованный контур-азимут сбалансированных орбит. И контроль-азимуты его так же подвижны, как отсчёт-азимуты тверды!

Суета и этот тронный дроид – несовместимые явления.

В стенах семейства он никого особо не удерживал, однако из покинувших его сразу при воцарении, за ничтожный по дроидским меркам срок, уже имелись вернувшиеся. Имелись и те, что просили возврата, но получили срок нейтральной полосы.

Глава Порт не спешил, всё примечал, не придирался к пустякам и не спускал наглости. А тёплые дроиды дерзки! Так что, при устаканивающейся понемногу ситуации, своих дроидов вызывать ему приходилось часто.

Этот дроид, заменивший всеобщего любимчика владыку Там, баловня Фавор, конструктору внушал всё большую симпатию и уважение.

Как делал его высшим, не помнил. Значит, делал одновременно с антагонистом… Значит, они либо имели взаимное отторжение, либо являлись малодифференцированными дроидами, и обнуление точек фокусировки не пугало их… Что из этого следует? Ничего не следует. Широкий спектр вариантов. Располагающий дроид… На сегодняшнем турнире Гелиотроп осознал причину симпатии: они похожи.

Визуально новый глава тёплого семейства слегка напоминал его самого.

Не чертами, но средним возрастом, запечатлённым в них. Ни признаков упадка, ни полудроидской, юношеской свежести.

«Значит, высшим поздно стал, – размышлял Гелиотроп, – становясь, удерживал в уме главные азимуты… Это естественный порыв. Но не удерживал точку фокусировки?.. Любопытно… Тогда азимуты чего? Отсчёта? Влияния? Поиска?»

Азимутом для одного дроида может, а часто и является, контур точек фокусировки определённого слоя орбит другого дроида. Контур, оценённый за постоянство, либо регулярность широких перемен, их связь с азимутами некого третьего дроида, к которому иначе не подобраться… А то и четвёртого, пятого и так далее…

«Доминго строит так иерархию внутри семейства. Возводит дом… Он молодец, Доминго…»

Но что из этого следует? Опять ничего конкретного.

Владыка Порт… Его сутулость, вместе с обыкновением исподлобья взглянуть, пряча полуулыбку…

Весьма необычная деталь – эта осанка. Прямота дроида – его сбалансированность. Ось. Внутренняя Юла. Сутуловатый абрис владыки Порта, напоминал лопатки пригнувшегося ягуара, наводил на мысль о больших и резких скоростях, внезапном старте, принесённой в жертву им пластичности. О маневренности на крутых поворотах, заведомой ориентированности дроида на них. Когда же он в одиночестве сидел на троне, недосвернувшийся броненосец, казался весь воплощением тихой орбиты. Единожды разорванной? В поединке? В предательской схватке? Когда восстановится, когда замкнётся она, встанет с трона преобразившийся дроид. Каким-то он встанет…

Но и это всё внешнее. Гелиотропу импонировал стиль тёплого главы на турнирах, отношение к самим турнирам в целом.

Не случайность, как показалось вначале, не манера, как подумалось следом, а очевидно – характер. Позиция.

Владыка Порт был бесконечно аккуратен с соперником, что из своего, что из внешнего круга. Отношение настолько деликатное, что восхищало постфактум тех, кому довелось проиграть, равно слабых и сильных. Вроде, ни

мощью не брал, ни скоростью, ни финтами своего исключительного коня… Порт побеждал как бы невзначай. С каждым играл на равных до какого-то неуловимого момента. «Заведомо уверен в победе…» – всякий раз отмечал Гелиотроп.

Подобно Доминго, для рядовых турниров тёплый владыка предпочитал копьё. Владел им просто виртуозно! Против любого оружия.

В дроидских поединках самое злое оружие - кистень. Некоторые виды мечей. Самое аккуратное – копьё. Реже – шест. И то и другое требует мастерства: прицельности и навыка резкого ускорения. Ведь копьё и шест, они, как сильно растянутые эллиптические орбиты, или замедлившееся до "стоп" время. С этим дроиду нелегко. Копьё, достигшее цели, накручивает балансирующие технические орбиты дроида наконечником. Далее, в зависимости от… Немного смещает, нарушая его чувство равновесия, выдёргивает, парализуя, пробивает дальше, пригвождая к месту, однако не парализованным… И ненадолго. Плоским, широким наконечником копья, стремительно прокрутив, можно разорвать и присвоить некоторую, пустячную часть орбит. Но это и всё, что можно им сделать.

Порт даже так ранил редко. Он обезоруживал, отбрасывал, пригвождал к месту.

Приводил к себе. Не стыдно вместо потери части орбит, послужить такому трону! Возможно, остаться подле него… Поединки часто кончались не фейерверком, осыпавшим зрителей, а вопросом: «Ну, что делать будем? Как будем решать?..» Несмотря на такую скупость, зрителей лишь прибывало.

Доминго, едва меч оказывался в руке, разрывался между природной жадностью – всё забрать несравненному себе! И неистребимым позёрством – щедро осыпать огоньками дроидов площадь, зрителей и владык! Окатить блистающим дождём разбитых, ореолами отнятых, серпантинами разорванных орбит, кому что достанется! Вытряхнуть на них чужую сокровищницу! Как правило, побеждала эта вторая страсть.

Стиль турнирный хорош… Но и он – внешняя, правда, характеризующая, располагающая черта, а по сути, по ситуации…

Тот факт, что Порт – ставленник Августейшего на тёплом троне, не мог ускользнуть от Гелиотропа. Ну, а владыка Там чей был ставленник?.. Автономные поменялись. Бросающаяся в глаза разница та, что предыдущий владыка на этом троне был

счастлив. И уж как счастлив, отлучаясь с него! А теперешний?..

Отправляя своего протеже, отчасти своё создание, на служение Я-Владыка, Гелиотроп понимал, что не скоро увидит его. Сколько впоследствии ни намекал Августейшему, заполучившему большую часть тронных орбит и человека в «друзья» с отпечатком контур-азимута Там, что разлука в тягость ему, гаер отшучивался. Пожимал плечами: что я могу сделать, Собственный Мир!.. Ну, положим, он много чего мог сделать! Но столь очевидно не хотел, раз предпочёл скрыть существование бывшего владыки Там в принципе, и от драконов, и от второй расы.

Комбинация Августейшего со ставленником не шла из мыслей Гелиотропа.

Интуиция автономного дроида говорила ему, что для начала, Порт единственный, кто знает, что владыка Там не был прекращён. Чисто интуиция: они связаны глубже, чем на первый взгляд, эти дроиды. Воцарение одного с изоляцией другого связаны нелинейно. Не из-за того Порт правит, что Там в неволе, а из-за того Порт в неволе, что Там не прекращён… Сутулый, пригнувшийся, с леопардовой лентой на лбу, с

неким ежедневным, ежеминутным напоминанием… О чём?

Ещё громче интуиция говорила: ситуации одного и второго имеют больше сходств, чем различий. Трон великолепного, обширного тёплого семейства может быть не подарком ставленнику, а принуждением. Вполне может быть…

Порядком давно присоединившись к тёплому семейству, Порт оставался до последнего момента на его периферии. Как выяснил Гелиотроп, оставался безвыходно.

Пребывание на краю семейства, у стен и дверей сулит больше службы, чем выгоды. Такое свидетельствует либо о слабости… – эту версию Гелиотроп сразу отмёл, – либо о тщательно продумываемом плане… Либо же, что куда серьёзней, об искренней любви. Преданности трону. К последней версии Гелиотроп склонялся. Но… Бац! С периферии на самый трон! Тогда кто тщательно продумал план? Единолично Августейший? Продумал относительно дроида, не отлучавшегося из семейства?.. Располагая достаточной информацией о нём? С каких же времён следил? И по какой причине?

«Заключив в надёжных стенах своего семейства антагониста ставленника, Августейший подложил Порту большую свинью, даровав трон и отняв того, кто пребывал на нём, так? Порт, по-видимому, закрывает, замещает чем-то недостающий отрезок орбиты, сделавшейся тронной. Разрыв её заживляет… Что и делает его тщательным, боящимся сорваться, скрытным и сутулым».

Гелиотроп, конструктор внутренних структур и внешних видимостей, чертил в уме: «А каким Порт стал бы, замкнув её? Когда броненосец свернётся? Когда ягуар распрямиться в прыжке?..»

Один вопрос. Другой: куда прыгнет? На главу Закрытого Семейства, на того, кто поработил его?

В сражении высший дроид не ровня автономному… Но бывает и то, чего не бывает, а холодный паяц - последний Гелиотропу подобный в структуре и масштабе дроид, друг и побратим… Исчезни он, вовеки не с кем перекинуться словом…

Беспокоился Гелиотроп за Августейшего, молча, чтобы не смешить братишку!

Молча скучал о протеже, лихом, неуёмном нарушителе Там. Оглядывался и разочаровывался, когда на эсперанто произносили название, оставшееся от него

семейству: Там…

Время шло, бежало, летело. Симпатия, над коей люди и дроиды не властны, к чужому протеже возрастала – к дроиду, пару минут назад выигравшему сотый турнир от воцарения.

Порт уезжал с турнирной площади неспешно. На чёрном, смоляном коне, без седла и уздечек…

Гелиотроп собственноручно перековал Чёрного Дракона – нарушителя в турнирного коня. Белозубый, с клыками, порывистый… Вбирающей, горячей спиралью зрачка косит… Спираль пульсирует в девственно-голубом белке круглого, драконьего глаза… Лучше, чем быть улиткой! Владыке Порту Гелиотроп отослал коня анонимно, они не были знакомы. Изящный и незаконный жест…

Бой закончен, бунтовщик внушён и перепоручён родственному трону Тепло-От, к удовольствию обоих сторон, с обговоренным сроком…

Напоследок брошенное владыкой копьё, со свистом вращаясь, зависло над трибунами… Увеличилось… Покрыло гудящими лопастями четыре стороны света… И рассыпалось!.. Салют!.. Зрителям маленький подарок.

Порт исподлобья глянул на публику, головы не поднимая. Спокойные руки лежат на чёрной шёлковой гриве… Всадник сутул, а шея коня гордая, прямая…

«Хорошо, что подарил, не жалею…» Хорошо… А дальше?..

01.02

Улиточий Тракт, он же Панцирный Тракт…

Путь вдоль всей Юлы сверху донизу, которым может прогуляться не только первая раса, в трактах не имеющая нужды. От Заснеженной Степи до Горы Фортуны, до безмолвия взмывающих, спиральных арок или голоса птички Фавор над ней Тракт восходит непостоянными, неравномерными, но всегда доступными ступенями.

Мощён Тракт, согласно названию, панцирями улиток, оставшимися с предыдущей эпохи. Где по одному панцирю на уровень, а где, сколько было, столько и бросили. Да ещё они сами, разную плавучесть имея в общем поле Юлы, распределились произвольно, местами потопли, местами всплыли, где-то разошлись, где-то сбились в плотные островки.

Поддерживающее вращение Юлы в некотором смысле агрессивно для орбит. Сваривает соприкоснувшиеся, все испарят чуть-чуть, неизбежный эффект.

На некоем горизонтальном уровне волна, исходящая от Юлы, встречается с орбитами постоянных траекторий семейств, дроидов одиночек, выпей неподвижных, где от перекрёстка отходит больше дорог, там и утверждается панцирь улитки, как ступень. Синий панцирь, похожий на спил толстого дерева, с тесной спиралью годовых колец. Близ четырёх тронов ими мощён Тракт как булыжником. Возле малых семейств, над Туманными Морями одиночек 2-1 случается, надо подождать, чтоб сделать следующий шаг, наблюдая, как мигрирует панцирь, кружимый, подбрасываемый волной.

Шагал Гелиотроп прямо с панциря на панцирь, Тракт выглядит дорогой, а не лестницей, но оказывался уровнем ниже.

Ходить дроиды могут по горизонтали: подножием горы Фортуны, Лабиринтами Бегства, по Шнуркам Сапожков и по ним самим… Улиточьим Трактом – по вертикали. И в зависимости от того, что за дроид.

Для высших дроидов в общей форме панцирь это вращающийся диск, забрасывающий их на один уровень вверх, на периферию. Желая продолжить путь, дроид направляется к центру, где обнаруживает подобный же панцирь, наступает на него, и так далее.

Для Гелиотропа, автономного дроида, Тракт работал не как для второй расы. В имитации общей формы, без скорлупы видимость создающих, изолирующих орбит, дроид наступал на панцирь, и тот не подбрасывал его. Лишь вращение чувствовала подошва, будто она шире панциря, тяжела для его скорости. Но таким образом тракт пропускал Гелиотропа только вниз.

Нижний панцирь дроидской сферы расположен посередине Турнирной Площади. Верхний панцирь – фундамент Храма Фортуны. Крупный панцирь. За размер Феникс и выбрал его.

Пух Рассеяния открылся конструктору при третьем шаге, пух, охватывающий планету.

Слой паутинок перемешивался, всплывал и непрерывно испарялся в космос… Чёрный для высших дроидов, для глаз Гелиотропа пух не имел цвета и блестел яркими, крупными

звёздами. Белые лучи – ослепительны и длинны, так что по дроидскому лицу проводят осязаемо, щуриться заставляют. Атмосфера не рассеивает их, ниже она сгустится.

Троп указал бы в вышине сотни настоящих вселенных, тысячи солнечных систем. Любой дроид определил бы навскидку одно постоянное созвездие. Кушак, Пояс. Оно предстаёт то развязанным поясом с пряжкой и вьющимся концом, то застёгнутым. Пояс Фортуны…

От её горы, как из жерла вулкана, из недостающей верхней трети исходил нежный свет и окрашивал атмосферу над головой, где рассеяние уже и не кажется нитями, голубым цветом, тёплым, как пятно на горлышке Фавор. А порой – в зелень… Тогда над горой разносился гул вместо щебечущей песни. Звук и цвет нарастали до трубящего, пронзительно зелёного неба.

Гелиотроп очутился под арками-арками-арками храма и немедленно вышел, оставив гулкий простор за спиной, ступив на улитку порога. Вниз, домой.

Над горой, кружащей сквозными арками, распахнулось пронзительно-ледяное небо, как

глаза дроида, смотрящего на него. Совпадение полное, словно морская волна космоса плеснула сквозь арки и глазницы, положило нечеловечески яркий, звёздный блик в зрачке. Тревожное, пограничное место.

Пух, Нити Рассеяния блестели как снег, испаряясь, как иней под солнцем, под звёздами, без таяния, сразу вверх, в ничто.

Внизу они сложатся контурами тех орбит, от которых произошли, семейств, одиночек… Станут твердью лабиринтов и прочего. На верхотуре, произвольно объединялись, пушинки распадались от слабого ветерка. Самые внешние слои всех дроидских орбит, расправившись вертикальными нитями, тихо растрачивались в космос…

Потери ничтожные, неизбежные. Как конструктор, Гелиотроп не думал о них. Думал как дроид: «Уходят, безвозвратно…» Это, кого хочешь, заворожит.

Место, в котором он задержался, тоже относилось к Лабиринтам Бегства, хотя тут – в любую сторону беги. Просматривается на раз, за горой лишь спрячешься.

Когда ещё не было Храма Фортуны, волны в

Пухе Рассеяния гуляли туда-сюда свободно. На взгляд Гелиотропа оно было красивей, интересней. А когда Феникс бросил его, свой храм, камешком в шёлковую, прозрачную многослойность, волны побежали согласно. Но не от камешка горы, а к нему. У подножия, не набегая на берег, они исчезали. Внутрь сквозь арки доноситься их размеренный шум. Перезвон, как в Туманных Морях дроидов. Некоторые говорят, что слышат, что он нарушается иногда плеском быстрых шагов Фортуны. Фантазёры.

Плоские волны, медлительные. Поднимаются из недр дроидской сферы, переваливаясь одна через другую, меняя очертания… Достигнув поверхности, делаются тягучи… Теряют цвет, признак второй расы. Заиндевевшая плоскими, медленными волнами равнина…

Неполная симметрия: под океаном Заснеженная Степь, тут – заиндевевшее поле. Не летят на него хлопья снега, напротив, исходит в небо оно само.

Слоёв на десять видно вниз, как идут волны над волнами, неправильные, хранящие память об источнике. Видны синие панцири Тракта, удаляющиеся в направлении Синих Скал, плоть от плоти.

Полупрозрачность всплывающих слоёв

сумбурно украшают волнистые параллельные линии, тугими и почти развёрнутыми серпантинами, всплывающие среди них. Контуры путей первой расы, следы двух дроидов: золотого и янтарного, не знающих разлуки. Мимо Тракта, порой вдоль него.

Низлежащий Лабиринт Бегства представлял собой уплотнённые нитяные контуры. Без стен, в которых нужно бежать, что-то вроде слабых, не бурных течений.

Если Пух демонстрировал вперемешку контуры всей дроидской сферы, то Лабиринты по отдельности. Конкретно этот - контуры внешних орбит одиночек 2-1 и 2-2, находящихся вне семейств. Показывал освещённые их стороны, обращённые к Юле, уплотнённые, испаряемые ей. Их бессчётно, но они уже не волны из мириадов тонких как пух нитей, но тропинки. Густая сеть тропинок. Перепрыгивать легко, хотя, возможно, соседняя тропинка окажется скользкой. К тому же издали не разобрать, в какую сторону, с какой силой течёт. Не постоишь и на двух сразу.

Дроид, таким образом послуживший тропой для какого-то дроида наверху, не узнает об этом. Взаимно, дроид, идущий Лабиринтами Бегства,

не узнает происхождения тропы. Она скорей часть Юлы. Уплотнившееся отойдёт общему полю, остальное испарится до Пуха и до ярких звёзд.

С этого уровня небо кажется многоцветным, объединённым тёплой синевой. Зелень не проникает. А лучи - да. Если дроид не убегает ни от кого в Лабиринтах Бегства, он может выбрать себе подальше от Юлы небыстрое течение, чтоб дольше несло к ней, лечь на спину и смотреть в небо. В тёплую синеву, проходящую сквозь все цвета. На тончайшие волны... На неведомо чьи контур-азимуты во всей красе и полноте. Личные... Тронные... Бело-Драконьи, хвостатые... Пульсирующие Чёрно-Драконьи круги... Пытаясь по цвету угадать семейство. По величине. С четырьмя главными не ошибёшься, с их постоянными спутниками тоже, прочее - догадки.

Золотистые, медовые – ближе к Там, и само Там. Фиолетовые с зелёной искрой - Сад. Всепроникающая густая синева Доминго. Индиго, нераздельный с ней.

Хорошее место и подходящее время задуматься дроиду: "Куда влечёт на самом деле меня?.. В том ли семействе нахожусь, куда сбегаются точки фокусировки, отпущенные на волю, как сейчас?.." Он возможности не имеет пройти прямо оттуда к воротам приглянувшегося семейства, не узнает даже названия его. Но при

встрече внизу узнает непременно. Откликнется память внутренних орбит.

Уровнем ниже тропы становятся шире, течение в них более выраженным. Зато траектории постоянней. При бегстве, запомнив перекрёсток, имеешь надежду обнаружить его на прежнем месте.

Оттуда небо выглядит как сквозь сплетенье ветвей трёх оттенков. Ещё светло, и видны самые крупные звёзды. Пояс Фортуны горит, тянет лучи. Перепрыгивать с тропы на тропу сложно. И рискованно. Высший дроид, промахнувшись, падает на неопределённое число уровней вниз, до какого-нибудь панциря. С того, как обычно – на уровень вверх, на периферию. Умный преследователь способен рассчитать.

Ниже – в значительной мере постоянный Лабиринт Бегства четырёх тронов. Сложный "Вензель" из имён владык.

Крупные течения. Бежать по ним трудно.

Есть имя и символический знак у любого дроида на необщем дроидском языке, не кем-то,

а самой природой созданный. В абрисе – круглый с хвостом.

Личными оттисками как бы мощен Вензель, печатью того дроида, к которым в данный момент взаимодействует глава семейства. Можно подглядывать, зная признаки, приметы! По цвету и ритму пульсации. Можно и попасться, если с этим самым дроидом владыка сейчас зашёл в лабиринт. Сбежал если с турнирной площади, так бывает кончаются схватки, герои не все! И не все публично желают обсуждать условия капитуляции.

Свет на Вензель исходит не с неба, но от самих дорог, над головами в густой синеве индиго горят, поясом протянувшись, лишь самые крупные звёзды Кушака.

Пути семейства Там на Вензеле красиво тёплые, как песочные, но либо пружинисты, либо стопа до щиколотки проваливается.

У Сада – нормальные, мощение крупней, то гравий, то брусчатка, хотя песок тоже есть. Изменчивые, век смотри. По ним гуляют для удовольствия, в одиночестве, беседуя с другом или давним оппонентом, отступая на шаг иногда пропустить несущихся вихрем…

Пути Доминго надёжны. Постоянны. Мощение плитами. Он государь, опора дроидской сферы именно по этой причине. К иным тронам льнут спонтанно, в личном порядке, Доминго и его запросы уважают и те, кому чужд сильный холод, чужды стены, как таковые. Дом - не стены, дом за стенами, в чём суть.

А на стальные, гравированные полосы Августейшего лучше не наступать.

Ещё на уровень вниз находятся два Башмачка, два Сапожка, в зависимости от розы ветров разлетевшиеся, связанные Шнурками.

На узле Шнурков – панцирь улитки, но не просто на него ступить.

Сапожки, как восьмёрка, символ бесконечности. Дальние полукружия сила внутреннего течения заставляет быстро проскакивать. Но именно оттуда надо успеть зайти на "Шнуровку", и уже по ней добраться до панциря.

Восьмёркой долго могут гоняться антагонисты, дроиды, покинувшие турнирную площадь в надежде сбежать, Чёрные Драконы за нарушителем. Трудно и ему уйти от них, и

драконам, охватить его вниманием, как плащом, чтоб стал частью их орбит внимания, частью доклада Гелиотропу и временной частью их горячих цветов, а именно Смоляного Бурного цвета. Да-да, с ним же поиграл Гелиотроп в подаренном драконе-коне, Георг, чудный дракон… Отслужит, образумится, Порт отпустит его…

Кстати, откуда, промахнувшись можно попасть вместо Шнуровки в «Голенище», вовнутрь Сапожка, где блокируют нарушителей, где принимают неудачливые беглецы навязанный бой. Вариант, кто сильней и хитрее, да ещё и жадный, с публикой не желая делиться, может заманить противника туда, и перекрыть ему выход.

С Голенищем связана одна странная, старая история, до дрожи пугавшая Дрёму из-за беспокойства о Проблеск…

У Августейшего раз случилась беглянка с чужого турнира, с турнирной площади… Думала, подходящий момент. Недалеко убежала. Страж настиг её там.

В одном Голенище пространства, на сколько хочешь, драконов, но… – лишь на двух иных дроидов.

Что происходило там, никому не ведомо. На Вензеле прогуливалось порядком народу… Кто-то немедля прибыл с турнирной площади, досмотреть погоню, кто там и был…

Шнуровка, косичка двух тонких троп, дрогнула землетрясением, сбросив с вышележащего Вензеля праздных гуляк…

Течение восьмёрки замедлилось и остановилось под их ногами, ошеломлённых и падением, и ситуацией: дроидская сфера никогда не останавливается.

Августейший вышел один. В облике Стража. Клещи в карманах передника, суровая ткань измазана блеском металла, как его тропы на Вензеле. Крутая бровь, к переносице сбегая, выражает недовольство любопытствующими. Однако на безмолвный вопрос ответил:

– Недопустимо своеволие дроидов желания недопустимо…

Без выражения так дважды повторив «недопустимо», повторил и в третий раз.

После чего, став огромным, как Тропос, починил, этими же клещами хватая, расплетшиеся тропы Шнуровки. Течение

восьмёрки Башмачков возобновило свой ход, унеся зрителей прочь. Труда им стоило после увиденного попасть ногой на панцирь Узла! В Голенище не рухнуть!

Холодный дроид 2-1 из невольных зрителей нарочно зашёл туда. Но ничего не увидел. Почувствовал лишь руку Сторожа на шкирке, схватившую его и вышвырнувшую прочь.

Кошмар. Чем непонятней, тем страшнее. Дроидская сфера не оставила происшествие без внимания.

Исключительный случай, когда большинство тронов по просьбе своих дроидов скопом, не разбирая связей, азимутов и точек фокусировки отправились к одному автономному дроиду с претензией на другого. К Гелиотропу. Безрезультатно. «Нам не очень-то это как-то…» Нет протокола на подобный случай. Что они могли сказать? Что они больше люди? «Мы больше люди, чем ты и он?..» Так это не комплимент отнюдь. «Мы больше дроиды?» Так нет же снова, автономные – больше дроиды, чем высшие… Что слепое пятно на всей дроидской сфере тоже недопустимо? Но на ней полно слепых пятен. Они были напуганы.

– Не трон, тогда кто отвечает за дроидов своих? – спросил пришедших Гелиотроп.

Больше ничего не сказал им.

Под Башмачками – Турнирная Площадь.

От неё и колокольчиком расширяется Юбка Юлы, подол – Туманные Моря дроидов 2-1.

Вокруг Турнирной Площади уровень второй расы 2-2, малых и четырёх главных тронов.

Земля просвечивает облачным небом под дроидскими ногами, как вода под ряской огоньков Доминго. Придверными ковриками, тропинками вдоль крепостных стен, ажурных оград и бесчисленного количества иных вариантов границ огибают их панцири ослабленного свойства. Но нет их вокруг Закрытого Семейства.

В общей форме перемещаться можно ступая по панцирям, эти наверх выбрасывают по желанию, автоматически лишь главный на Турнирной Площади. Их сила невелика подальше от оси Юлы.

Особенно свободно гуляется вокруг Там. Легко гулять с Вепрем. И на Белом Драконе. Одна из причин, по которой высшие дроиды ищут их дружбы.

Вокруг самых маленьких семейств, не обзаведшихся даже одним панцирем

придверного коврика, перемещаться сложновато. Иные окоёмы слишком жёсткие, усыпаны острым гравием, иные так пластичны, что трудно быть уверенным, не находишься ли ты уже в сфере чужого влияния. И заблудиться можно, очутившись вдалеке от крупных семейств.

Такие периферийные 2-2 прибывают на турнирную площадь "своими ногами". А те, у кого есть коврик панциря перед дверью семейства, выходят с него сразу на трибуны, тоже мощёные. Как бы с почётом...

Гелиотроп – бац! – перепрыгнув громадный панцирь, оказался под Турнирной Площадью. Внутри Юлы, на её ядре. Сразу под Заснеженной Степью. Вторая половина его пути домой пролегает условно «снизу вверх».

Дальше лишь его личное мощение. Снегопад за маревом цвета индиго... От Заснеженной Степи, прямо шагая, он поднимался теперь по Юле. Снег кончился, началось Великое Море. Стало темно, тракт-труба плотно мощён, светится глубокой синевой... Светлей. Поверхность. Плоть Синих скал изнури... Долгая прогулка.

Ровно над Синими Скалами, под настоящим солнцем, открытым лишь ему, Гелиотропу, его дом. Его «Долька».

Снаружи обитель Гелиотропа представала облачным миром с простой рамой без звонка, к которой не подходит хозяин, сколько ни стучи. Видна прихожая, за ней следующая дверь, приоткрытая, в щели солнце, ничего кроме.

За второй дверью каморка, мастерская. Сектор с прямым углом, две стены и полукруг, долька.

Мест для отдыха в мастерской не имелось. На отрезке периметра - окна сплошные: от низких подоконников на уровне колена, до потолка. Настоящие. Облака за ними и солнце для Гелиотропа. Справа дверь в кладовку.

Мастерская имитировала кабинет человека, которому служил. По набору инструментов – мастерская какого-то странного человека неопределённой эпохи. Сам Гелиотроп обликом – упрощённая копия того технаря, за исключением функционального цвета пронзительных глаз.

Огромный рабочий стол посередине. Стол-верстак, стол-наковальня, стол-склад. Модулятор какой-то объёмистый. Стоят, валяются и привинчены к столешнице по бокам, посредине

сквозными болтами приделаны разнообразные тиски, струбцины. Не все и не большинство механические, но такие: излучатели с обеих сторон, отражатель с одной, отражатели с обеих… Изолирующие тиски. Тиски-прессы. Ещё сосуды открытые, ванночки. Присосок много валялось, включая, что к воздуху присасываются. Любимый фокус завсегдатая для новичка на Рулетки!

Тиски Гелиотропу нужнее всего. Тиски - среды. Он, автономный, может руками дроида разобрать, руками и собрать, но во время всего этого удержать где-то надо и недоразобранное, и недособранное, и анализируемое без суеты, без постоянных поправок на вмешательство внешней среды.

За столом на жёстком стуле с низкой спиной сидел крупный, как зубр, покрытый прижатой, жёсткой шерстью юноша. Большеголовый. Предплечья рук, стволами дерева лежали поперёк стола, кулаки, его головы немногим меньше, рядом с тисками – живые тиски. Тоже мохнатые. Кожа под редкой шерстью её немного смуглей. На локтях, на коленях, на щиколотках и каждом суставе пальца – загнутые, толстые шипы то пропадают, то появляются, играет.

В фас лицом юноша ещё сильней, чем осанкой, напоминал зубра. Широкий нос, большие тёмные глаза кажутся невелики. Высокий, упрямый лоб. А в профиль напоминал дракона или орла. Бычье куда-то девалось. Нос не девался, крупный, да. Черты высокомерные, чистые.

Дождавшись хозяина каморки, юноша обернулся зубром к нему, хлопнул, не вставая, по двум плечам сразу и попрекнул:

– Мне что ли оно надо, Хелий?..

Заждался.

Упрёк странен от дроида, не знающего предела бытию? Нет. Если они освоились в миллиардах лет и умеют обращаться с ними, технически верно оценивать и по-человечески остро ценить, то лишь потому, что прежде освоились с миллиардными долями секунд. Иначе не существовало бы никаких дроидов. Прогулка с вершины Юлы была длинна. И беспричинна. Помимо того очевидного факта, что Гелиотроп не спешил домой.

01.03

Хозяин подошёл к окну, толкнул стеклянные ставни, откатив их в стороны, тяжёлые, как двери сейфа, и пристально, придирчиво оглядел небо.

Стайка Белых Драконов уловила его взгляд, как внезапно вспыхнувшую, зелёную звезду… Помимо белых ящериц, простор свободен отсюда и выше.

Вернувшись к юноше и к столу, Гелиотроп взял тиски-излучатель. Разомкнутая дуга на массивном основании, в разрыве удерживалось требуемое, сейчас ничего. Тиски походили на рога.

– Пободаемся? – хмыкнул юноша-зубр.

– Мууу!..

Гелиотроп приложил ко лбу основание на миг, а после того внезапно, от плеча со вторым, низким «ммму!..» вписал рога в широкий, мохнатый лоб. Как удар в котёл!

Гул ещё раздавался, а голова уже выросла, словно не ударил, а кнопку нажал, видимость переключил с антропоморфной на драконью. Заполонили комнату, пренебрегли её ограниченностью два беспредельных крыла. Крылья сложились назад, в копьё… Длилась всё та же секунда… Гелиотроп летел за окном, оттолкнувшись в прыжке, не успевая отбросить имитационные орбиты формы… Наконечник копья настиг, ударил, но поддел его между лопаток, подбросил и серпантином первой расы унёс выше облачных миров и дроидской сферы, выше горы, откуда проделал Гелиотроп свой путь.

В просторе без цвета, излучение звёзд ощущалось, как ветер, были они идеально круглы, с монеты и блюдца размером. Некому полюбоваться на них. Для одного обыденность, для другого чужеродность. И времени нет. Копьё стало осью, а руки Гелиотропа, правая - в космос, левая - в сторону, добавили недостающие оси трёхмерно-временному пространству… Образовали новое пространство, текущая секунда, наконец, закончилась. Дроиды разлетелись на несколько драконьих корпусов.

В этих пределах они схлестнулись первый раз, в пределах удобных Тропосу. Как тогда, на дроидской войне… С тех пор каждый год. Каждый…

Дроидская война, далёкое прошлое…

В ту пору автономный одиночка, Гелиотроп не был связан никакими узами и обещаниями, беззаботен, весел и зол. И кое-чем до предела выбит из строя. Это кое-что не дроидская война, его личная, его слепая…

Увидев, что ему уже не затормозить перед огромным драконом и вильнуть, места нет, Гелий ускорился. Он ворвался ядром пушечным, пробив драконью грудину сразу до его

центральных орбит. Пике, удар камикадзе. Растянулся, собрался. Пробой дракону - ничто, пустяк, но вблизи сердечника очутившись, враг действительно способен уничтожить этого феноменального дракона.

Конструктор во-первых, боец во-вторых, Гелиос не имел ни таких склонностей, ни таких рефлексов. Крутанулся волчком: полный оборот вправо, полтора влево… Разорванная орбита равновесия оказалась, как вожжи в его руке. Не отпуская, вылетел прочь.

Дракону досадно! И чрезвычайно удивительно…

Тропос повторил маневр волчка, но не отнял орбиты, а лишь притянул дроида ближе к скуластой, орлиной морде… Щёлкни клювом, и не одна жалкая, разорванная орбита, а весь кукольный дроид пойдёт в переплавку, найдёт употребление в жарких драконьих недрах! Вожжей не отпускает…

– Клещи заело? – щёлкнул Троп крючковатым клювом.

Светилась хрупкая рука, и в кулаке зажат разорванный эллипс.

– Бросай, дроид, или всё вместе откушу.

«Давай, давай, открой клювик… Посмотрим, что внутри сердечных орбит, а то и моторчик

переберём...»

Гелиотроп прицелился к угловой, всегда уязвимой орбите языка. "Если закрутить и порвать эту..." Но Троп не тупо боевая, стратегически-боевая машина. Отследил. Огненный язык изнутри к нёбу прижал, клюв приоткрывая, вулканами оранжевого огня дракон выдохнул через ноздри:

– Джжжех!..

Что на общедраконьем – искажённое «джем!..» Издевательский зов: «Иди сюда!..»

Гелиотроп так и сделал!

Весь немногим больше его клюва, Гелий уплотнился ещё, каплей, излюбленной формой для моделей и меток, ударился в щель клюва и зелёной звездой проскочил забирающие орбиты. Орбиты-мечи, которые на турнирной площади держат в руках. Не над языком, под язык, в клёкот, в нутро... Гелиос устремился к сердечнику по вибрациям, на звук. Он тонок, автономный, он может так. Тропоса обманула его имитация общей формы. Случайный обман.

Когда собрался в шар, его орбиты с драконьими оказались равной плотности. Шар

скакал по кругам драконьих орбит, как мячик.

Одни орбиты смотрят вглубь и вглубь забрасывают, другие наоборот. Жар огромный. Вбирающая тьма. Всё горячих цветов…

Белая видимость дракона в свою очередь обманула Гелиоса. Тоже не намеренный обман. Без поверхностных ледяных цветов чешуи Тропос не мог обходиться. Верней, с ним не могли взаимодействовать! И так-то до беспамятства боялись. До онемения при звуках его голоса, а голос ледяными цветами не покроешь, ха-ха, извините!

Устройство же любого дракона чрезвычайно просто. Если прикинуть, между каких орбит мячик скакал: лапа-лапа, хвост, лапа-лапа, нос… Лапы сжаты в кулаки, не вырвешься.

Но Гелиотроп, сверхталантливый, опытный, что немаловажно, конструктор нацелился глубже. Ему надо было не разогнать амплитуду, а притормозить на конкретным месте, на входе к орбитам расщепления, поглощения, к желудку что ли, иными словами.

Он отверг способ, кинуть пару своих малых орбит в качестве пищи, да вслед за ними и проскочить, выбрал более тонкий.

Гелиотроп, вот так, болтаясь туда сюда, смог обнаружить пересечение азимутов внимания –

внутренних азимутов между техническими дроидами. В них и канул, они пропустили его. Не сразу, когда внимание всего дракона устремилось наружу. В поле зрения Тропоса попала группа Белых Драконов вдалеке. А поскольку среди них имелся знакомый, возник доминирующий азимут. Миг, но его хватило. Не чтобы «перебрать моторчик», конечно, чтобы оказаться в нём…

Первооткрыватель внутренней, драконьей вселенной… - не обитатель. Почему? Это пустая вселенная. Там не было никого, Гелиоса тоже не было. Этим она и оказалась так хороша для него… Так своевременна… Сверхъестественно, невыразимо. Горячие цвета, сбалансированные другими горячим, за счёт формы, объединившей статику и динамику, без противоречий.

Драконы вылупляются из яиц и навсегда сохраняют форму яйца в форме центральных орбит. Воспроизводят. Дракон так же дик, свободолюбив, как и постоянен. Он постоянен в своей независимости.

Гелиотроп оперировал за работой горячими цветами многократно, дозировано, как с чем-то эффективным и опасным. Обращался с ними как с приправой или взрывчаткой, с чем-то, что

должно оттенить, запустить реакцию, катализировать. Отнюдь не с основным материалом, не с фундаментом. И вот он – фундамент…

Пространство горячих цветов…

Доставленное они расщепляют, расщеплённое вбирают… Всё движение вглубь, всё внимание наружу. Внутрь сами на себя отнюдь никогда не смотрят… Гелиос очутился в месте, где нет предпосылки для смотрения внутрь. В сердечнике у Тропоса нет ни его, ни самого Тропоса, ни дроидской войны… Ни главной проблемы - слепого пятна, приближавшегося к Гелиотропу неотвратимо…

Излучающийся Бархатный Неистощимый… Повторяющийся Бледным… Повторяющийся Обратно… Случайный… Из них Случайный – наиболее неуловимый цвет. Краску сделать из него – целая история. Проникающий Смолистый… Желанный… Этот цвет добывают и люди, если точками наносить, он безопасен… Бездну горячих цветов Троп вмещает.

Сердечник, яйцо внутренних орбит.

Используй Гелиотроп более двух временных долек на атаку: вычислить и кануть, он бы погиб

над сердечником. Стал топливом для него. Нельзя над сердечником зависать, нельзя в горячие цвета вглядываться. Ни людям, ни дроидам, автономным тоже нельзя. Потому у технарей дроидов очки – частый атрибут!

Что дальше? С выходом та же проблема? Нет. Сердечник, это поглощающие и смотрящие орбиты. Они опасны вблизи, внутри них – жаркое ничто. Место, где всё свершилось. Место великого покоя, потенциальной энергии. Точка старта. Орбиты наружу от сердечника основные функции осуществляют и поддерживают, он же – задаёт.

Планируют, рассчитывают что-либо драконы, к слову, ну, почти буквально, кожей.

И того, выход через глаза. Сквозь оба сразу, по твёрдому азимуту внимания.

Гелиотроп без труда осуществил задуманное и в небе пред драконом возник.

«Не утончаться, не замедляться…» - вертелось в голове важнейшее про горячие цвета, обращение с ними без очков.

Затем лишь вспомнил, напротив кого завис в небе…

Тропос, ошалев от такой наглости и живучести противника, аж залюбовался… Перед ним играла зелёная звезда. Разматывалась, восходила из остаточного флёра горячих цветов. Звезда снимала их вплоть до прежней имитации человеческого облика, и до тех пор, покуда память не вернула Гелиотропа в исходный момент.

Правда, на борьбу он был уже не настроен, конструктор, ошалевший не меньше противника: «Невероятный дракон! Потенциал его трудно охватить…» Гелиотроп оглянулся во времени, на прошедшие мгновения взглянул и вздрогнул: «Слепое пятно!»

Оно было пройдено, год свободы впереди… Какая ирония: перескочил наиболее опасным способом в предельно опасном месте! Перепрыгнул…

Оно и сделалось предметом связи дроидов, их равной-неравной дружбы.

Все эти мысли, как мерцание лазуритового света сначала в зелёной звезде, затем в рыхлом клубке и затем в макушке человека за дымным флёром, Тропос позволил ему продумать… Щёлкнул клювом… Но уже не поймал!

Гелиос летал, очень быстро переходя меж имитирующими орбитами. Остановись, он упал бы, как материальное тело. Порой так и делал, направляясь вниз. Но это получалось не быстрей, чем наверх. Малые орбиты формируя, он двигался ещё стремительней.

– Фрррах!.. – по-драконьи фыркнул, отклоняясь на месте от щелчка клюва.

Тропос был удивлён ещё и не присвоеньем никакой из его орбит, включая ту, которая побывала вожжами. Она осталась сплетённой на нужном месте, идеально правильно. Конструктор есть конструктор, любовь к порядку! В патовом положении, как успел?! И зачем? Похвалиться, показать своё искусство? Или это попытка его, Тропа переманить на другую сторону?

Он по касательной, слегка принимал участие в их войне. К драконам относясь, разумеется, принимал на их стороне. Но внутренней склонности не испытывал ни к тем, ни к другим. Покосился на растущую вдали белокрылую стаю… Клин… «Собираются. Скоро будут порядок атаки планировать… Если заметят, дроиду швах, а забавный дроид…»

– Джжжех!.. – повторил Троп и перешёл на более отчётливое эсперанто, без драконьего выговора. – Джем, не по росту, а, ты выбрал соперника? И где твоя стая, где ваш фронт?

– Джех! – насмешливо повторил Гелиотроп: «если плохо слышишь, сам подлети ближе». – Я отбился от стаи! Руками устал махать, ездовую ящерицу себе ищу, присматриваю? Ты чей-то?.. Я бы взял!

Троп хрюкнул и разгоготался, как обычный Белый Дракон! «Нагл, быстр, на язык остёр! Фигулинка дерзкая, не крупней иероглифа!..» А ведь в итоге, как Гелиотроп сказал, так и вышло!.. Когда примирились, начали обустраивать сферу людей, обнаружили, что ответственны за смежное.

Пока – разбежались. Троп его отпустил и направился к белой стае, а Гелий - в необщую форму и прочь. Хватит на сегодня. В растерянности и облегчении: проскочил...

Слепое пятно проскочил... Неистощимый Бархатный отпечатком длился в нём тёплым отпечатком блаженства, заставляя тише кружить широко развернувшиеся орбиты... «Теперь через год...» Для дроида это: и через миг, и спустя вечность, и то, и то.

«Как высшие справляются? - заново недоумевал он. - Те, что без антагониста и не при троне, как?»

Никак. Пролетали, проскакивали. Обыкновенно без последствий. Редко - с катастрофическими последствиями. Если недоброжелатель, приготовившись загодя, использовал этот момент уязвимости.

Высшие дроиды легко проходили слепое пятно. Он - Гелий - не мог. Не мог!

Ему, автономному, непременно требовалось оказаться на эти несколько жалких минут в пределах какой-то жёсткой структуры. В пределах чужих орбит, превосходящих его собственные. Но нет таковых для автономного! Нету!

В предыдущий раз, это были орбиты Юлы, ещё распределяющие слоями плазму Кроноса, ныне закончившего своё существование. Вобрали, распределили… Больше подобное невозможно.

Есть равный Гелиосу, братишка… Есть Белые Драконы… Тоже вровень за счёт вторичных моментов, с плотностью связанных. Они вроде марли, крепкой, но сетчатой. А Тропос оказался не из белок…

Для спасения от слепого пятна подошло бы семейство, трон.

Нереально, у конструктора не бывает трона, это его суть, его воля.

У братишки Августейшего трон есть. Как

прежде справлялся, Гелий знал. Незачем об этом. Видел случайно. И слышал… Хорошо, что семейство досталось братишке, что это больше не повторится.

Автономный дроид – потомок машин. Разумных, неавтономных машин. Он не может броситься в слепое пятно. Он должен видеть, твёрдо знать, куда и каким выйдет из него. Фундаментальное противоречие. Без Кроноса нет такой возможности.

Начальные порывы Гелиотропа к спасению были судорожны и хаотичны, как человеческие.

Он окружил себя Черными Драконами, подчинил их сходу, холодный дроид – тёплых драконов, носителей приютивших его в чужом сердечнике горячих цветов. Знал, что не поможет. Не помогло. Весь их круг мал для него. Феноменальный боевой строй Чёрных Драконов Стена – рыхл для него. Нет опоры. Лишь Троп, Тропос… Проносящийся иногда в космическом бесцветном мраке, над верхушкой Юлы. Белые Драконы уже вышли из войны, но не заключили пока договорённостей со второй расой. К себе Тропоса не зазывали. А гиганта, вольного в космосе, тянуло на землю…

Год спустя на устоявшейся траектории Гелий поджидал Тропа за минуту до слепого пятна.

Неопределённый статус у дракона… Орбита низкая… Всё неопределённо…

Гелий бросил ему вызов хлёсткий, внезапный. Безосновательный вообще. Озаботился только отсутствием свидетелей! Прекращения в позоре побоялся, больше ничего!

Троп едва не стал его прекращением тогда, едва не разбил до пыльной россыпи огоньков.

Троп наблюдал, как структурированность тронов и сферы в целом растёт день ото дня. Рамки растут, пределы образуются и сужаются… Он больше не шутил и не промахивался. Хвостом мог разбить.

Кольцами обвил Гелия, коконом скрыл… Когда же оказалось кольцо под ногами, кольцо над головой, когда стало жарко и всё равно, по гудению сердечника, по уже известному азимуту пройдя, Гелий снова оказался в горячих: в Бархатном, в Уходящем, в Смолистом текучем…

Превосходна пластичная структура дракона… Взаимопроникновение центра и периферии за счёт одних лишь изгибов тела…

Гелия не было, были горячие цвета, и слепое пятно шло…

Тропос развил опустевшие кольца, остановился… Выпустил зелёную звезду из подозрительно прищуренных глаз.

01.04

На следующий, третий год пришлось объясняться. Закономерность не ускользнула бы от улитки, а Тропос – умный дракон.

Не выразить, какой мелочной, абсурдной, смехотворной показалась ему слабость автономного дроида! Но если принять как данность, то – интересной задачей…

Многократно в шутку и всерьёз они обсуждали варианты решения. По большому счёту, Троп считал, что проблема отсутствует. Гелий, что она неразрешима. При заданных условиях. Можно стать высшим, можно обрести антагониста, отказаться от конструкторской широты мысли, от гибкости, получить трон. Но такой, как есть, он обречён ежегодному прыжку в накатывающееся ничто. Обречён принимать как одолжение схватку с драконом, носящим Солнце, Землю и Луну, – воссоздаваемую, его Луну-гнездо, необитаемую: ни дроида, ни улитки.

«Я не могу действовать вслепую! Стоять на месте, стоять и ждать слепоты не могу! Троп, забери мои орбиты, Неистощимым Бархатным цветом и распорядись им умней, чем я! К такому исходу я готов! Слепота, Тропос, полная слепота!..» Не полная. К примеру, какие пронзительные, ледяного льда глаза сымитировал... В необщей форме слепота полная, это верно. Гелиотроп даже броситься на дракона в необщей не мог за минуту до... Не решался... Как сейчас, перед сто-тысяч-миллион-невообразмо-какой по счёту схваткой. Человеком по лбу широкому вмазал, человеком бросился за окно, и над горой Фортуны встал прямо.

Хитрый, мстительный Троп копьём его наверх забросивший, этому копью – первой оси недолговечного измерения – присвоил доминирование и дискретно растущий в геометрической прогрессии гравитационный наклон. Попросту сказать, их пространство, едва возникнув, начало крениться рывками, и крутизна горки росла. Так что, с космических подзвёздных высей оба ринулись вниз, едва завершили первый, без столкновения обошедшийся, круг.

Под двумя беспредельностями распахнутых

крыльев грохоча копытами, зубр равный большой звёздной системе, превосходящий средние, нёсся на дроида по наклонной. Пар из ноздрей, опущены рога.

Гелиотроп тоже изменил облик.

Взяв небольшую дистанцию, на плоском хвосте тритона и на согнутых ногах, упираясь в увеличивающую наклон землю, он слегка покачивался, подныривал плечами и головой, в ожидании удара, выбирал направление встречного броска. Бронзовый, тёмный. Сейчас во лбу у него горел единственный зелёный глаз. От локтей до мизинца и от ушей на плечи - бахрома древних рептилий... Это всё не нарочно, от волнения, от долгой близости с подчинёнными ему Чёрными Драконами.

Троп взмыл перед ним ещё выше в прыжке, ударил копытами, промахнулся. Несуществующая твердь громыхнула, прогнулась в месте его приземления, выгнулась дыбом. Судорога, порождающая цунами межзвёздных полей пошла грохотать, под новыми ударами копыт.

Тропос плясал вокруг получеловека, полутритона. Всеми четырьмя громадными копытами крылатый зубр пытался попасть.

Бросок за броском полутритон снизу пытался попасть в коленный сустав или между ногой и корпусом, в какое-нибудь сочленение. Ослабить, разбалансировать. Заставить дракона опираться не на копыта, а на гораздо более предсказуемые крылья. Не получалось. Уворачиваться выходило всё хуже и хуже. Клубком Гелиотроп покатился вниз. Как и задумано Тропосом.

Автономный превращался в тритона, вытянутость росла в нём, бронза чернела. Он расширял орбиты, спасаясь, переводил основные в эллиптические, эллиптические в мерцающие. Спасаясь… Партнёр Тропу, в схватке Гелий верил его серьёзности. Каждый раз верил…

В таком положении зверь уже ищет нору, укрытие в расщелине под корягой. Несколько раз Троп его обогнал, и передние копыта ударили, возле головы, обдав лоб ветром.

Обогнал снова. Снизу нацелены рога, глаза целиком пульсируют, и зрачки, и белки, чудная, изливающаяся из них размыто-чернильная синева…

«Это Горячий Неотступающий… – узнал Гелиотроп цвет, не давшийся ему в тиски. – Базовый среди горячих цветов, загадочным

образом имеющий антагониста…» Ну, он так долго не думал, вспомнил и всё!

Троп легко схватил бы тритона гибким драконьим хвостом, но ему больше нравилось драться зубром!

Встав на дыбы, заплясал, не касаясь передними копытами, ходуном ходившей небесной земли, где вился соперник, перекатываясь, убирая за долю секунды, не попавшие под удар орбиты, собирая кривыми, зато – на дольку в стороне.

Долго такое тянуться не может.

Гелиотроп из-под копыт вырвался и клубком необщей плотной формы устремился против наклона земли. Зелёное око горело в клубке, сам он терялся за водяной мелкой пылью, порождённой скоростью Тропа, исходившей, испаряющейся от него. Несколько виражей зигзагами позволили ему ударить зубра в бок, но не пробить. Опять же из-за скорости. Прицел нужен тонкий, сливается большинство внешних орбит.

Продолжительность их поединка для Гелиотропа – большой прогресс. Троп не притворялся. Не шутил.

Клубок плотных орбит мячиком закатился обратно под копыта, способные походя расколоть планету. Оба прибавили маневренности и скорости. Оба тонули в умноженье мерцающих орбит. Пар валил от громады зубра, из раздувающихся ноздрей.

Зря Гелиотроп попытался взять ещё раз направление в гору. Боднув раз, другой мимо, рог орбиты, нарочно для этого разорванной, прошёл в клубок. Подбросил, на оба рога поймал, кинул на круп и с него, взбрыкнув, под копыта… Взвились: левое выше, правое ниже, и ударили…

Гелиотроп успел отлететь, но не прочь, а в лоб, куда тисками залепил…

Плоские элементы, как и остановившиеся – невозможны в дроидах, но Тропос исключителен во всём.

Его лоб плоский и твёрдый, он – самое твёрдое, что есть во вселенной. Клубок расплющило. Фырканье из ноздрей зубра окутало, орбиты Гелия и на вдохе вобрало

внутрь…

После чего дракон, величайший дракон, не зубр уже, сложился в клубок сам, так, что не видно головы, вокруг неё… Задумчиво осмысляющей орбиты автономного дроида, те, что сейчас пыль, те, которым он позволит собраться скоро и без ошибки. Кто поможет верховному конструктору, если не верховный устрашитель дроидской сферы?

А если сожмёт кольца… Если сделается монолитом на миг, уже и Фортуна не выберет из этой плазмы, что было кем из них…

Гелиотроп не существовал…

Горячие цвета в недрах дракона смотрели наружу…

Слепое пятно шло…

Свернувшийся дракон снижался…

Они давно уже пребывали в человеческой сфере, среди облачных миров. Уже и высокое небо кончилось…

Слепое пятно прошло.

Троп развернулся. Орлиным клювом выдохнул светящийся пар.

Драконьей лапой когтистой, с шипами на каждом суставе, ударил светящийся пар. Пыль огоньков ударил наотмашь, тыльной стороной лапы. Загнутые шипы скользнули, а не впились. Полосы прочертили в тумане. Начиная от них, автономный дроид легко, безошибочно собрался человеком. Пронзительно зелёная звезда одного глаза разделилась на две. Лишняя ему, драконья влага сконденсировалась на лице, добавив человеческое дроиду.

В плане воды Тропос - тоже исключение из правил! Гелиотроп, конечно, был признателен ему, ещё как, но слёз, конечно, не имел. Ему понадобилось бы тысячу лет изучать какое-то целое семейство, Ритуальных Домов, например, связанное с захоронениями, чтобы приблизительно понять, что это такое. К тонким материям человеческих чувств он и не совался.

Гелиотроп взмыл на хребет дракона между двух беспредельных крыльев, и там стоял, не садился. Осмыслял произошедшее и себя целиком, задумчивый...

– Лучше... – произнесла драконья орлиная

морда, повернувшись к нему в профиль.

– Утешаешь? – очнулся Гелиотроп. – Лучше, угу. Троп, скажи, не тогда, а сегодня сколько бы мы с Августейшим против тебя продержались?

Троп фыркнул сквозь ноздри:

– Не знаю столь малых чисел!.. – загоготал. – А выставит своих королев – будет, о чём говорить!

– То-то и оно… – Гелий встрепенулся. – Ты сталкивался с дроидами желания?

– Не-ет… Нет. Подвозил.

Хороший ответ! Гелиотроп нагнулся к нему удивлённо, изучая внезапно прищуренное веко, в глаз что-то дракону попало?

– Да ну?.. Далековато ли подвозил?

– Порядком.

Очень интересный ответ…

– А обратно? – уточнил Гелиотроп.

– Обратно?.. – клокочущим фырканьем усмехнулся Троп, не раскрывая клюва. – А мы ещё там! Не возвращались!

Дракон, чей голос так редко раздаётся в пределах Юлы, отвечал на необщем дроидском, без голоса как бы, ворчанием и миллионами окрашивающих его звонких интонаций. Лишь

автономный мог в таком режиме его понимать. Вдобавок понять, что пора свернуть разговор. В сторону.

– Я надолго подзавис, Троп?

– Как всегда.

– Уловить не могу, как оно кончается…

– Но ведь кончается. Ты мог убедиться в этом.

– Убедиться постфактум. Но не тогда, когда…

– Когда что?

– Когда нужны признаки, а их нет.

– Так ведь и тебя нет, как тебе может быть что-то нужно?! Ты не один. Не в своих орбитах. Один дождись слепого пятна, тогда суди.

– Я не могу! – отубил Гелиотроп хвост вечно повторяющегося спора.

Обмен последующими аргументами они знали наизусть.

Троп выпустил из орлиных ноздрей пар колечками, руладой смеха, вроде «пам-пам-

пам!..» – «бла-бла-бла!..»

Разбил их следующим выдохом и спросил:

– Домой? Ещё год подряд на оранж смотреть?.. Подкинуть тебя?

– Ироничный ты мой! Когда мне в последний раз давали год подряд на что-нибудь посмотреть, не отвлекаясь?! Подкинь, пожалуй. Раз уж ты и сегодня не надумал окончательно расколошмать мне копытами башку, может, умную мысль в неё добавишь? Я не понимаю...

Троп заложил крутой вираж, взял курс к Синим Скалам и глянул на всадника вполоборота. Его необщий дроидский выговор приобрёл размерность эсперанто, где есть слога и слова.

– Хелий, дорогой всем нам, верховный конструктор дроидской сферы, дорогой нам всем, - обратился он почти официально, на старинный людской манер повторяя обороты и смягчая его имя. - Хелий, сколько знаю тебя, опору четырёх четвертей и примыкающих тронов, надежду Туманных Морей и радость Фавор, на три нормальных слова приходится у тебя «не могу» и "не понимаю". Не странно ли?

– А что волнует тебя, Троп? Что можешь и в чём ты уверен? Троп, тропа между звёздами, дорогая нам всем, опора сферы, нам всем дорогой, поделись... Меня волнуют – мои

ограничения. Ограниченность, тупость. Слабость!

На этом голос его взлетел, обозначив непрошеный акцент. Бесхитростный, результирующий азимут автономного, кому и соперников-то нет – сила… Азимут-антагонист – слабость.

Умозрительные вещи. Между тем, контур-азимут, азимут физического пребывания Гелиотропа в общем поле Юлы, со слабостью ничего общего не имеет! Первый, лучший, главный. Наихрабрейший. Самый опытный. С кем же равнял он себя? Кому, сравнивая, неизменно отдавал первенство?

– Хелий, меня ничегошеньки не волнует!..

– А в море…

– А в море – не твоё дело.

– До времени, Троп. Мы не оставили намерения приручить его.

– Успеха! Жду! С распростёртыми объятиями!.. А пока открывай, – дракон развернулся и завис боком к окну, погружённому в облачную дымку, – пока посмотрим на оранж.

01.05

За истекшие в бесплодных попытках годы Троп вдоволь посмеялся над своим, в равной мере – патроном и подопечным, наблюдая его терзания. Зато наступил и день, а именно этот, день прошедшего слепого пятна, в который, ведомый абсурдным драконьим юмором смог дать по-настоящему ценный совет.

Вот пример их, многократно повторявшегося, спора, в котором гуляка космоса и гроза Великого Моря, Троп, пытался конструктора Огненного Круга, Собственных Миров и второй расы дроидов, давшей самоназвание им «высшие», наставлять.

– Обобщай! – разводил ручищами дракон. – Чтоб осознать – обобщи, чтоб воплотить – обобщи! Собери частности, объедини в уме, сведи к одному имени-функции. А затем, разбери обратно. Но уже на удобные тебе, ради воплощения удобные части.

– Не могу! Часть любой дольки сама требует обобщения! Из непостижимого числа деталей состоит, во времени никогда не началась и нигде не заканчивается. Таков и всякий человеческий запрос.

– И ты, просто выслушав, просто глядя на что-то, начинаешь разбирать это в уме?

– До бесконечности! До той грани, где качества частей теряют связь с качествами

целого. А теряют они – вдруг! Уловить эту грань я не могу. И дальше можно мельчить, но там уже понятно, что не имеет смысла относительно первоначальной цели.

– Но, Хелий, можно промежуток обозначить… Примерный…

– Примерный?! Примерных промежутков не бывает! Имя – надгробный памятник, а буквы – даты на нём. Именем обладает лишь то, что существовало и прекратило существование. Я принципиально не способен собрать оранж, которого не было на свете!

– Погоди. Ты создаёшь дроидов, улиток, метки-компасы… Про улиток ты понимаешь, про компасы? Тобою же цельнокованые? Единожды метка выбирает направление, дальше срывается и летит. Так и с запросом, со следованием ему. Единожды голова выбирает направление, дальше крылья сами несут, ноги.

– Не так же! Не несут! Каждый взмах крыльев, каждое утверждение стопы находятся в допущении точности направления к цели. Тропус, – он топнул ногой и вниз кивнул, – вон стопа, она ведь тоже компас! И при каждом шаге, при каждом! Чуть вправо, чуть влево… Бац, и совсем не туда зашли! И как мы здесь оказались?.. А так и оказались, что чётко цель не была видна, вот как!

– «Не туда», Хелий, как ты можешь заметить, тоже растяжимое, тоже нечёткое понятие. Придти можно почти туда. А можно туда, где повеселей окажется, чем там, куда!.. Ты хочешь сказать, что приблизительность недопустима? В каких областях? Из каких соображений? Или ты экономишь шаги? Отчего нельзя скорректировать маршрут, прямо на нём находясь, по пути следования? На последних этапах, уже в пределах видимости цели?

– Видимости… – несколько раз Гелиотроп повторил это, болезненное для него слово. - В пределах чего, какой видимости? В пределах того, что отсутствовало с самого начала? И откуда путник, шедший неведомо куда, узнает, что перед ним? Ну вот, ты шёл, шёл от горы Фортуны, и нечто маячит в Пухе Рассеяния… Что, откуда? От семейства, от одиночки?.. Какой изгиб Лабиринта Бегства отблеск бросил сквозь все слои?.. Ох, Троп, это напоминает мне вирту по истории давних веков: куда-то плыли, что-то нашли… Назвали своим именем, конечно, открыли же!

– Некорректное сравнение.

– Ладно! Оттого нельзя на последнем этапе, что, нет, не наступает на нём этой самой видимости! Ускорение наступает, уплотнение, суета. А видимость – нет! Допущения начинают корректировать допущения! От самих себя ведя

отсчёт, ведь не на что им опереться! Отклоняют стрелку компаса, крутят её, как карусель, там, на перекрёстках земных. Чтоб ты понял, – на перекрёстках. Дроиды, с кем говорил, которые на рыночные, земные перекрёстки Восходящих сопровождали, они это неохотно делают. Запросом даже не считают. И представь, проблема та самая! Восходящий заявлял, что-то ему безумно прям нужно… Ладно, вепрь нашёл, дроид нашёл артефакт для мены, Чёрный Дракон во всеоружии, на ушах стоит от этой прогулки, от тесноты перекрёстка… Так что ты думаешь? Пока они до места дойдут, восходящий этот артефакт сменяет на что-то, отношения не имеющее! А и выменянное до выхода с рынка ещё раз успеет сменять! Вот это, чтоб ты понял, и есть «корректировать маршрут, прям по пути следования, на последних этапах прям»! Когда ясного видения цели не было, полного осознавания её.

– Так я не понял, Хелий… В конечном итоге Восходящий доволен остался, или как? – ухмыльнулся дракон.

Гелиотроп моргнул пронзительной вспышкой возвращения от мысли к слуху и зрению и ткнул хохочущего дракона в плечо:

– К чёрту иди, Троп, с чертями своими под морем искупайся, заскучали они без тебя! Ещё гаер нашёлся…

– Но Хелий, если всё так печально, так непоправимо сложно, как же работает наша дроидская сфера уже вторую эпоху подряд?

– Да очень понятно как раз. За пятьдесят процентов услышанного запроса зайдя, технические дроиды перехватывают его. И реализуют.

– Понимаешь, конструктор и коваль, что ты сказал сейчас? Технические, неавтономные дроиды правят миром в прямом смысле слова.

– Да. Именно так и сказал. Дроиды левой руки, так называемые. Дроиды превращений. Тут-то никаких новостей, всегда так и было. Это ведь не фактические пятьдесят процентов, они для словаря эсперанто не сгодились бы, а их пятьдесят, степень ими схваченного. Когда зашевелились, когда ассоциативно начало слипаться запрошенное, отсекаться сопутствующее… Во взаимодействии с техническими, автономные дроиды и люди где-то равны… И я, когда вручную не собираю, не кую, я не успеваю договорить, как они уже собирают! Схему если чертить, надо отдельно сказать: не собирайте на ней самой, рядом собирайте, оставьте и схемой, чтоб было.

– Ага, да-да… А когда ты в У-Гли вручную куёшь?..

– Да что я сложного кую-то? Ошейники для

Чернышей из их же зубов?..

– А когда не вручную, а что-то, ну… Когда Коронованного создал? Технические?..

– Разумеется. Они предъявили, я посмотрел… Перебрал до дна, до сердечника. Угадали. Всё собрали точно. Если б нет, распылил бы и заново. Как, вообрази, на том же земном перекрёстке, бай рисует что-то крохотное, дракона, тебя рисует, и зрачок тебе, ну… – на брошке тебя рисует. Промахивается, стирает, прицеливается снова. Кто прицеливается? Я или они? Конструктор или технические дроиды? Никак не я. Я могу лишь инициировать и обнулять. Или Фавор?..

– Или Фортуна? Мы автономные, и ты ведь не веришь в Фортуну, а чирикалку вспоминаешь часто.

– Топ-извёртыш, не то слово!.. И люди и высшие дроиды заискивают перед Фавор. Ты вобщем-то прав, Тропус, технические дроиды держат направление. Пользуясь ими, следуя за ними, на последнем этапе я могу их отклонить, подрихтовать напильником… Но это не про меня, Тропус, не про ручную сборку. Не я прошёл этот путь – они! И собранное ими, я беру в руку всегда и изумлением, как новую вещь! Я задумал её, отрисовал, они – хлоп! – и преподнесли мне. Готовенькой. А в середине… Притом, неизвестно

где начинаясь… Наступая неизвестно когда…
Всегда есть что-то вроде…

– …слепого пятна?

– Да. Именно.

Оранж, это апельсин. Плод редкий! По крайний мере до возникновения Архи-Сада, а символ исключительно популярный. Как символ солнца на вечно пасмурном континенте и в вечно же пасмурных рынках. Его зовут и «апельсином», и «оранжем», и кратким «ор» – «золотой, дорогой, уважаемый». В нехищнических устоявшихся группах эта добавка к имени часта, как на уважающем силу Южном «биг», большой.

Популярен апельсин не только на письме как кружочек солнца, синонимичный ему, не только как слово. Непревзойдённо изысканные артефакты, наподобие улья, делаются в его форме, имитации, вплоть до запаха. Средней цены артефакты, музыкальные шкатулки. Сигнальные звёзды, которые плод выбросит сам, добавляя старту напряжённое ожидание. Оранжевые бусы, серьги из круглого сердолика, как опознавательные знаки посыльных-голубей, охранительный знак парламентёра, вроде белого флага, обуславливающий, вести охоту при таких

украшениях, не по-дроидски, не честно.

«Ор-данс» называют и хороводы на Мелоди, «солнечные круги», кроме соревновательных. Ор-дансом зовёт и танцор своего учителя, в терминах Краснобая – «данс-бай».

Вожделенные, дорогие артефакты маскируют под заурядное, придавая им вид апельсина. Будто их ценность лишь декоративная. Наоборот: подделки и простую механику, чтоб обманом продать.

Широта распространения символа тесно связана с культом марблс. Ярко-оранжевые шарики с рисунком тонких долек называются «орблс». При игре в них засчитывается, остановился ли шарик одним из полюсов вверх. Ими никогда не ведут злую игру, с дурными ставками.

Самые-самые разные штуки встречаются в виде апельсина на рынках и в частных коллекциях, Гелиотроп же хотел простой и настоящий оранж. Получить, постигнуть, осознать плод!

Гелиотроп выбрал апельсин однажды, как самое, как ему казалось, простое, стремясь, оставшись автономным, понять, как

воспринимает человек. Сделал его моделью своих принципов, обобщений, структурирования, в ностальгии по уникальной плазме Кроноса, оранжевой эпохе единства автономных, эпохе без слепых пятен. Получилось, что оранж для Гелиотропа – модель и символ его основополагающего, неукротимого непонимания!

Апельсин Гелиотропа перешёл в присказки и поговорки дроидской сферы, но, терра инкогнита, так и продолжал лежать на его столе, согреваться под светом лампы, остывать в холодной дроидской ладони. К своей цели Гелиотроп не приблизился ни на шаг. Оранжевое, отдельное мироздание.

Гелиос знал, знал до клетки, до молекулы устройство этой стадии растения! Он мог на общем и необщем пересказать, записать, не сбившись в одном знаке, стадии образования, разложения или начала нового цикла. Мог собрать и разобрать, мог усовершенствовать и с юмором испортить… Не мог только понять!

Полный набор, бесчисленные наборы окраса, объёма, семечек, мякоти, оттенков запаха и вкуса… Систематизировал, чтоб хоть что-то делать, чтобы на месте не стоять. Ясно, что

нужен принципиальный прорыв, а не каталог…

Выращивал!

Угощал тёплых и холодных 2-2, чтобы проследить момент восприятия. Участвуя в эксперименте, дроиды желания к удовольствию подопытного немножко продлевали импульс… И это записывал в таблицы…

Людям подсовывал и смотрел. Их реакции в таблицу не сведёшь! Графы вниз растянутся сквозь планету и выйдут там, куда не достаёт и ось Юлы… Слишком много данных.

Обобщать, дискретизировать? Как?! Что?! На каких принципах? В этом-то и вопрос! Спрашивал у людей, вроде Беста. Тот, облизывая пальцы, виновато пожал плечами: апельсин, спасибо, вкусно… Объединение с ним дроида желания не помогло… Волны удлинились, но меньше их не стало… Бесту понравилось очень: «Всегда к твоим услугам!» Посмеялись и разлетелись.

Из-за этих дурацких апельсинов, Гелиотроп стал ботаник! Конструктор, исходно он вроде как часы, наблюдатель солнечного времени. Теперь, скооперировавшись с кем-нибудь из людей, мог на Южном Рынке открывать фруктовую лавку!

В уме и на бумаге и лежали они пред ним: строки, таблицы… Плод, поселившийся среди тисков на рабочем столе, никак в них не помещался, не сходился. Разве скомкать бумагу, тогда шар, тогда катается!

Гелиотроп не понимал, как единое понятие образуется в человеческом уме, когда это – набор… Набор, набор! Причём, всегда немножечко разный! Положим, тонкие отличия органы чувств проигнорируют… Но ведь где-то должен иметься момент, когда человек уверяется – апельсин. При скольких допущениях? От чего они зависят? Тут неважно, ошибся ли он, важно: он знает саму вещь, плод, в наличии перед собой которого ошибся или нет. А Гелиотроп и не ошибался, и не знал.

Как хочет человек? Как вспоминает вдруг? Как походя, отбрасывает прочь? Тайна.

У конструктора очередная таблица. Жёлто-оранжевая, круглая, в руке… Сам создал. В достоверности её стопроцентно уверен, как и в том, что это таблица, а не апельсин.

Августейший справедливо говорил ему:

– Братишка, ты пытаешься постичь не вонючий мячик!.. Извини, спасибо, не люблю… И

не человека. А именно и собственно дроида желания! Нет в них двух вещей: достоверного наличия и полного прекращения…

Но Гелиотроп отлично понимал дроидов желания, он не понимал апельсин! Оранж…

Где переход от распознавания к оценке? От воспоминания к отвлечению?

«Запах – царь восприятий, царь воспоминаний, – думал Гелиотроп. – Он влечёт за собой зрительное восприятие, осязательное, вкусовое, он их всех глубинная, тонкая суть. Слух – служка, он промеж людей так важен, с концепциями в связи. Поглощаемое молчаливо. Но что же объединяет сигналы в одно, в вещь, в оранж? И так быстро! Если повеять надломленной коркой, человек вспомнит и захочет его быстрей, чем дроид сборщик может создать! Непредсказуемо, угадает ли? Жёлтый, красный? Сладкий, кислый? Ещё и потому непредсказуемо, что ошибочное может быть принято с большей охотой! На той же скорости, что пожелал, и передумает человек! А это от чего зависит?! Вся дроидская сфера довольствуется приблизительным. Лишку занимается собой. Но я хочу понять».

В данном случае за «всю дроидскую сферу» монолог пришлось выслушать Тропосу, жестикулирующему в такт «не понимаю» и «должен понять», затем дирижирующему в такт, пританцовывая от скуки, усмиряя бело-драконью смешливость. В Дольке, обители Гелиотропа, он мог говорить на эсперанто полным голосом, удобно.

Долька же апельсиновая лежала перед ними в розетке нарочито небрежно очищенной кожуры. Бессмертная, невысыхающая. Семечек рядом не валялось.

– Откуда у тебя этот апельсин? – спросил Троп низким фырканьем по привычке, вспомнив, перешёл на эсперанто. – Конкретно этот?

– Как и конкретно предыдущие. Я создал его. Достоверно, – подчеркнул дроид.

– Не сомневаюсь! А сколько, Хелий, времени эта конкретно долька здесь лежит?

Странное уточнение…

– Год, полтора. Поднять тему?

– Не, не суетись.

– Тогда что?

– А то, Хелий, дорогой, что люди не создают апельсинов отдельно от деревьев или взмаха руки! Достоверно! И не хранят корки по году,

если не завалились куда-нибудь. И уж точно по году на неё не таращатся, пытаясь понять, что это такое! Если не двинулись окончательно.

– В мирах бывает, затворники миров и дольше смотрят.

– Нет, Хелий, они дольше едят! Поглощают взглядом. Носом, протяжённостью от запаха до пределов Там, до солнечных лучей.

– Игра слов. Пусть. И что изменилось бы, сумей я некий плод купить и ограничиться пятью минутами? Имитацией малых орбит, я их не пробовал что ли? Я, Троп, во всех частях конструктор, мне разбирать и думать всё рано чем. Хоть рукой, хоть языком, хоть голосом.

– Ага-ага, ты сам признаёшь. Купил и разобрал бы. А они съедят и косточки выплюнут! Не глядя, не задумавшись. Ты разделяешь, они обобщают. Как конструкторы люди выше тебя!

– Здесь я согласен.

– Я хотел пошутить. Всё, что могут, не глядя рукой махнуть. Это, Хелий, уж не те люди, что задумали тебя и меня, а как хорошо получилось!

– Те, те… Боюсь при малейшем послаблении, они примутся за оружие, им и закончат!

– Аxx-ха-ха! – Троп, юноша-зубр хлопнул себя по коленям, – Так и я оружие! Считаешь, у них и

позаковыристей выйдет?

– Боюсь, что да.

– Брось! Я – венец творенья!

– Признаю.

– Вернуться к теме? Они – обобщают. Свободно, стремительно и небрежно.

– Я знаю! Но я не могу обобщить! Пытаюсь выбрать и не могу. У меня тысячи тысяч обобщений!

– Так ведь нужно одно…

– Вот именно.

– Нужно такое, которое не знает само, откуда взялось, и что за ним последует. Уверенное, наглое до предела. Хочу! Не хочу! И никакого смущения своей непоследовательностью. Апельсин! Нет, мячик! Ха-ха-ха! И никакого смущения ошибке. Большинство ошибок для них абсолютно незначимы. Хелий, попробуй так… Не смотри на свою дольку прямо. Не глядя, возьми её и отправь в рот!

– Но это невозможно. Принципиально невозможно. А ты, что ли можешь так?..

– Хелий, милый, я прямо смотрю на всю вселенную, не отрываясь!

– А советуешь…

– Тогда по-другому… Если не можешь, не глядя, поглотить, не глядя, создай! Походя, произведи. Это имею право советовать, это я могу!

– Да? И чего, дракон небесного обсидиана, в своей жизни ты произвёл? Походя?..

– Тррррепет! Аххa-ххa, в сфере дорогой нам всем!..

– Люблю тебя. Но серьёзно, дерево посадить что ли? Сто раз сажал. Это ровно то, что вручную создать, дольше и вся разница. Я предвижу ясно каждую стадию от листка, до поры на коже плода.

– А они, и те, что Восходящими собрали мир, и те, те, что хозяевами превращают, и садовники прошлых эпох, ничего подобного не знают. Не знали даже, взойдёт или нет? Расцветёт или нет? Доживут ли они сами.

– Очевидно.

– И ты не должен знать.

– Как?

– Как, хо-хо!.. Как ты говоришь, долька или сколько? Ты готов принять совет с обременением следования ему? Со всеми дольками вместе?

– От тебя готов.

– Как принято, я во второй раз спрашиваю, и скрывать не стану, кожура, есть кожура. В случае неудачи, если свернёшь на полпути, через год не прилечу к тебе. Готов?

– Готов, зачем бы мне свернуть.

– Мало ли… Ну, раз готов, слушай… Не нужно деревьев, зачем так примитивно подражать? Или нужно… Как хочешь, дело вкуса. Хелий, обопрись на них. Не на деревья, на людей. Устранись. Путь выбор обобщения совершается ими, а не тобой на каждой стадии созревания плода. От каждой опорной точки схемы протяни по нитке к их поступкам, к их движениям, к поворотам в человеческой сфере. Не мелочась, от «быть совершенным плоду» до полного «сгинуть, не воплотившись». Дождями и засухами, заморозками и теплом пусть распорядятся они. Спутаются? Оборвутся? Пускай идёт, как идёт. Расположи нити в зависимости от своего представления о надёжном успехе, но… – больше не прикасайся. Не сворачивай на полпути. Не вмешивайся. Обременение означает, что ты в любом случае не получишь дольку. Получишь «сколько», весь плод. Если не созреет оранж, или ты вмешаешься, я не прихожу. А если созреет, он будет подлинно настоящим, твой апельсин. Уж не знаю, поможет ли это тебе, Хелий. Третий раз, спрашиваю, согласен ли ты? И это – первая нить.

– Троп. Я начинаю.

– Фавор. Пусть она поёт над тобой.

Человек-зубр встряхнулся и, превращаясь в дракона-орла, вылетел через окно.

А Гелиотроп понял, что ему надо поспешить, год не такой большой срок.

Он перешёл в необщую форму и распростёрся над земным шаром, через все свободные азимуты. Явление невозможное для высших дроидов.

Устремился к созвездиям людей, пребывавших вне Собственных Миров. Выбирал контур. По величине и по плотности. Где не так тревожно мерцали бы звёзды Огненных Кругов, и не так часто возвращались в белые руки Доминго. И ещё…

Гелиотроп хотел, чтобы стабильность контура, а значит, и его проекта держалась не на хищниках. Чтобы искры Чёрных Драконов, рубленные чёрным бисером, проблёскивали в созвездии. Это глупо. Если хищник давно обитает за пределами своей рамы, значит, опытен и силён, шансов на успех больше, если на него завязать ключевые моменты. Ну и пусть! Душа не лежит.

Гелиотроп внезапно обнаружил в широком контуре созвездие, как брошенное на чёрный бисер, чистых хозяев, молодых людей. Созвездие, находящееся в стороне, но неуклонно лавирующее к центру. Контур похож на дерево с коротким стволом, зримыми толстыми корнями, с шаровидной, раскидистой кроной, почудилась даже птичка в ней.

«Не буду дальше искать!..» Птичкой был мерцающий перекрёсток рынка, редкое явление. С ними опорное связал. Не пытаясь закрыть глаза на тот факт, что несёт его к главным перекрёсткам старого, хищнического контура. Если его опорное там сожрут, про апельсин и Тропа можно забыть. А если их статус падёт, чистых хозяев, то кривизну ствола деревца должен будет выправить кто-то другой… «На что бы это завязать?..»

Отпустив себе день на работу, Гелиотроп тянул и тянул тонкие нити. От автоматических процессов к бессознательным движениям людей. От сознательно совершаемых поступков – к всхожести зерна, времени пробуждения, побега… Ко влаге, что прольётся над его кадкой без его участия… С каждой новой нитью, всё тревожнее и веселей, как мальчишке!

Троп внёс разнообразие в размеренную жизнь автономного технаря!

На сам континент опиралось кое-что в

проекте. На расположение облачных рыков, где бывали эти люди. На розу ветров, то есть, епархию Доминго… Много-много тонких-тонких связей. Закончил. Перепроверил. Позвал дроидов-сборщиков, рой завис над местом, выбранным под кадку.

Заря. Начало…

Указательные пальцы поднял вверх, дунул, как между столбов распахнутых ворот, и произнёс необщее имя Тропа, чтоб тот издалека услышал его: принято, начато.

Дроиды сборщики, разбив рой на тот самый, избранный контур, начали свою работу.

Кадка стояла между двух окон и солнце переходило из одного в друге, утром слева, к вечеру справа освещая её, а затем и его, деревце.

Обычное место Гелиотропа за столом – лицом к ним. Чем ближе оказывался год к полному повороту, тем меньше технарь смотрел на свои тиски и детали, так в них и замершие, тем дольше смотрел в простенок между окнами, а затем и вовсе не сводил с него глаз.

01.06

Издавна эти два рынка-визитёра имели пространственную связь, сближаясь регулярно и тесно, а однажды и вовсе перестали отдаляться друг от друга. Словно дроиды наконец-то хоть в чём-то учли интересы людей и поправили розу ветров ради их удобства!.. Ещё более вероятно, что загнулся лепесток от тяжести человеческих страстей и нижний рынок остался под верхним, таким образом, люди всё сами поправили, вовсе без дроидов обошлись.

Рынки имели любопытную взаимную противоречивость внешнего и внутреннего объёмов.

Верхний казался аккуратным кудрявым облачком. Ложкой густой, немного расползшейся от тепла, сметаны он лежал на стопке блинов слоистого нижнего рынка. Изнутри же представал весьма просторным. Большущее игровое поле для марблс. «Безобманное поле», идеальное. Что до нижнего, он – широкая стопка слоёв, изнутри миниатюрен, техно-рыночек: помещение с модулятором, производящим несравненные по качеству, простые стеклянные марблс, да кладовки.

Рынки имели каждый своего постоянного обитателя, слугу-хозяина. Как раньше, не известно, но в описываемый период они были

друзья.

Верхний рынок носил человеческое двойное имя Отто-Боб. Только его никто не употреблял! Сакральное… А нижний – Гранд. Вместе же их назвали Гранд Падре. И говорили не на рынок, на рынке, а к Падре, у Падре. И вот почему…

Эта связка – элитное игровое поле для марблс.

Элитарность в том, что на идеальное поле нельзя повлиять извне, задать принесённой скрытой механикой хитрых препятствий. Даже разметку спроецировать нельзя! Кроме одной его собственной, поперёк делящей линии. Гладкое, гладчайшее. Будто замёрзло Великое Море до дна, и чистый, непроглядный глубокий лёд заиндевел чуть-чуть. Тёмные и светлые марблс прекрасно видны, оно как бы подчёркивает их и озвончает. Торжественное поле. Самого опытного игрока охватывает благоговение перед броском, волнение.

Имя Отто-Боб возникло и стало табуированным по одной и той же физической

причине. Из-за акустики зала. Там его лучше не произносить. Уж совсем давно «Отто» в названии звучало примерно как «а-та-та!..», ой, упало, ой держи, покатилось!.. Играли тогда марблс с формой бобов. Акустика внесла в поименование свои коррективы.

Игровое поле, не стол, площадка, и зал соответственно имели абрис бейсбольного мяча. Решающие партии играли дуэлью, стоя на дальних углах, бросали оттуда.

Так вот, если там стоя, произнести что-то наподобие «отто, атата», что-то с гласной начинающееся, ею и заканчивающееся, эхо пробежит и вернётся! Как незримый, громадный, грохочущий, пугающий, смешной, подскакивающий шар марблс! Ряд, поток шаров! Сильно! На первом «а» оно подскакивает до лба, на «тат» прыгает по макушке, на заключительное «а» рассыпается за спиной об стену множеством уже мелких, затихающих «отто, атата»!..

А вот если произнести что-то рубленное, короткое, типа «боб»... Эхо с дикой силой ответит в голову прямо! С неё же размером! С колокольной оглушительным звоном! Разгоном, как пушечного ядра.

Выдержать можно раза два подряд... Ну, до семи, идиот если, в голове нечего беречь, ибо «бух!» пройдёт не скоро. Дурацкое занятие,

особенно для игроков. Чтоб руки дрожали, поле плясало и не прицелиться?

Если вначале и в конце краткий звук и протяжный, разные, ничего не происходит.

Там устраивали словесные дуэли, голосовой марблс. На сообразительность и реакцию. Обмен быстрыми репликами, вопросы-ответы, при судействе публики. Не добавлять пустые слога, междометия: «ах, а, о». Кто медлит с ответом – слабак. Кто ляпнет – получит обратно эхо, вступает в марблс партию таким, покачивающимся слегка…

«Боб» в названии рынка сразу перестали произносить, эхо особенно любило это слово, а «отто» осталось в употреблении.

Рынок – «отец» всех марблс-рынков, всех помешанных игроков. Их звали так вторым, а то и единственным именем. Отто с Ноу Стоп так получил своё. А нижнему слоистому облаку осталось прозвание Падре.

И верхний и нижний рынки крытые не Восходящим, но сухие. То есть, пирамидку поставить можно, дракона позвать нельзя, как в материальный шатёр, верхушка которого закрыта. Не охотничьи рынки огромный плюс к популярности, естественно. Хотя ставки у Гранд Падре ещё те…

Нижний рынок, Гранд в единственной комнате имел модулятор, приспособленный для создания идеальных марблс. Без секретов и дефектов. Давно уж производимые им марблс не бобы, а шарики, в совершенстве центрованные по весу… Рука полудроида, опытного игрока способна ощутить такие нюансы лакун в стекле, уплотнений, микротрещин, боковых вмятин, какие не уловила бы рука дроида, разве специальная улитка их!

Модулятор - чаша, меняющая свою глубину от полусферы до плоскости. Катает за раз десять таких, стандартный набор. За раз – это за год.

Плоский столик в выключенном состоянии, глубокая на начальных фазах чаша уплощалась: поочерёдно модулятор отправлял капли стекла, будущие шарики в центр, и пошло, поехало. Лучи-радиусы сбегались, уплотняя. Лучи-окружности сжимались, уточняя форму, непрерывно поворачивая. Снова лучи, снова радиусы. Иногда они расходились, разбрасывали шарики, значит, к процесс близится к завершению. Тогда шарик словно исходит аурой и лучами. Ничего к нему, всё от него… Пленительный. Юное солнышко, предназначенное к одной партии. Затем в

обыкновенном качестве скатится на Морскую Звезду.

Слуга-хозяин знал, как закладывать стеклянную породу, как вынимать готовое. Следил за чистотой помещения, в том числе звуковой, чтоб без сильных вибраций. Сам модулятор, в отличие от производимого им, не идеален и тоже нуждался в присмотре. Иногда останавливаясь в произвольном месте любой стадии, он нуждался в том, чтобы заново набрать задачу. Но к счастью, перезапускался не с начала, а с места остановки.

Из-за длительности приготовления, по-крупному играли у Падре дважды в году, на стыке сезонов. О том речь впереди, с кем и на каких условиях она игралась... В остальное время - обычными марблс, которые примет поле. Пребрёхивались из углов зала. Мечтали, кто попадёт на ближайшую, крупную партию. Спорили, ставки делали, всё как обычно.

К серьёзной игре в гостях у Гранд Падре люди прибегали ради окончательного выяснения отношений, как к способу, исключающему подтасовку.

Как бы филиал Гранд Падре имелся на континенте.

Вход на Рынок Мастеров, Краснобай, спрятавшийся за высокой каменной стеной, обращён в сторону Рынка Техно, что естественно, на старшего брата и покровителя смотрит Краснобай, сколько бы не хорохорился. Арка вычурная. Направо от неё, сотни за три шагов есть дополнительный вход, чтобы сразу попасть на марблс-ряды, в других не путаться и не мешаться там.

Вечно распахнутые, не запирающиеся ворота. За ними площадь, окружённая торговыми шатрами, вдруг кто марблс-набора не захватил, можно купить.

С той стороны площади параллельно сене Краснобая идёт притягательная, прославленная Марбл-стрит! Озирая площадь и распахнутые ворота в пыльную, пустынную равнину за ними, стоит Арба, Гранд Падре приёмная дочь. Кто из них старше? Он - главней.

Арба, как ей и полагается, сооружение деревянное. Домик крытый, прямые похищения в Собственный Мир невозможны. Двухэтажный. От теней прилично защищённый сорбентом рассыпанным стружкой, опилками по полу, как и вся Марбл-стрит. Наверху несколько комнаток,

внизу игровой зал. По жёлобу вдоль дальней стены на уровне локтя скрытая механика непрерывно гоняет смесовую воду Впечатлений. Отчего Арба журчит лесным ручьём и благоухает свежеспиленной древесиной. Ни вода не испаряется, ни деревянный жёлоб не гниёт, приятная атмосфера. Это дополнение, освежиться, умыться. А угощение – соломинки в ведении хозяина заведения.

По сторонам зала два круглых игровых стола, идеальных, как у Падре, разделённых на сектора, как спицами колёс. Отсюда пошло – Арба. Средство передвижения…

Поговаривали так про одержимых игрой: «Засидевшись в Арбе, рано или поздно приедешь к Гранд Падре…» И это – осуждающая поговорка. Хоть облачный рынок и Арба – не охотничьи места, на них часто редко проигрывали меньше, как жизнь.

Идеальные столы Гранд Падре и Арбы оживлялись, становились доступными броску приложением ладони. Особенно важен постоянный смотритель, «возчик» на материке, потому что на эти столы можно повлиять механикой, элементарными магнитами снизу. Но лишь той рукой, что включила, оживила их.

Возчика иногда просят задать специальные условия, приносят механику. Он применяет

открыто, при всех. В остальных случаях, он гарантирует, что стол «пуст-снизу» – официальная формулировка, игра честно. Его не просят говорить, свидетельство – его присутствие, будучи пойман на мухляже, поплатился дорого.

Должность разыгрывается заново после гибели возчика, отсутствия его дольше трёх дней, – это очень долго.

Возчиков-жуликов не случалось в Абе. Заведение – мечта, кто станет рисковать, заполучив такое? Хобби рядом каждый день, пропасть интересных знакомств, статус, предполагающий защиту. Крупные континентальные группировки уважают стабильность. Равновесие. Полностью нейтральный человек хорош в Арбе, даже необходим в ней. Скромный человек.

Светится тихим силуэтом под яркими спицами раскрытая рука, четыре пальца вместе, большой отведён в сторону. Такой флюгер-фонарь имелся у Буро, и не только у него. Сообщал кое-что этот флюгер всем заинтересованным, но не очень умным, лицам… Прежде, чем пытаться наводить свои порядки в Арбе, надавить на её смотрителя, затеять драку, очень неплохо, а напротив, весьма правильно,

подумать, кто вообще катается на Арбе, сколько их и какие они.

Казалось бы, как можно по-особенному встать в дверях? Ан, сколько людей, столько и способов, манер. Эти двое… Среднего роста и сложения, они разом перекрыли собой и широкую Марбл-стрит и площадь за ней, и выход с Краснобая, и радость, мир-покой в сердце нового возчика Арбы, ещё и в права не вступившего.

Шагнувший за порог парень, с узкими, как против ветра сощуренными, глазами небесного охотника, сказал приобернувшись к приятелю в проёме дверей:

– Тук-тук, мы забыли постучаться… Ай-яй-яй… Но счастливчики обычно щедры, нам простят, как считаешь? Везунчики не жадничают, всегда готовы поделиться выигрышем с друзьями…

И этими «друзьями», как ни был нагл, сухо поперхнувшись, без юродства в тоне закончил:

– Перепадёт нам денёк узкой компанией прокатиться на Арбе? Один вечерок от тысячелетий ожидающих её хозяина?

Парень уголок рта поднял лениво,

вопросительно, на Пачули глядя в упор. Повторил ему, застывшему между тёмными, не ожившими кругами игровых столов:

– Тук-тук?.. У нас предложение к везунчику. Деловое. Ма-а-аленькое…

Он пальцами показал, насколько маленькое, сопроводив угрозой:

– Не пришлось бы разыгрывать Арбу дважды подряд…

«Отребье недроидское, подлое… Против всех обычаев и законов!»

Пачули отступил шаг назад, и словно мешал посреди зала, тогда гости прошли внутрь. Кривляясь, переглядываясь, друг другу и ему показывая открытые, без оружия ладони. У каждого запястья обвиты тонкими удавками, за браслеты их не принял бы и Восходящий, с дракона упавший вчера. Разноцветные, шёлковые, скользкие. «Этого цвета для друзей, этого – для врагов. Для случайных людей… Для людей уважаемых!..» Обычные их шутки. «Недроидское племя… Пропал я».

– Вы видите. Видите, что я – не охотник… – тихо сказал Пачули.

Потрясение. Совсем не тех посетителей ждал. Да и от пришедших – не шантажа.

Жребий вытянул вчера, о каком мечтать не смел… И не переставал мечтать! Пачули, чистый хозяин, с чистыми хозяевами и водивший дружбу, готов был ко многому на преимущественно хищническом континенте, малознакомом… Но не к тому, что подаренное судьбой здесь немедленно вырывают из рук! "Зачем тогда жребии эти?.. Если силой берут, что им надо? Из которых они с Южного?..»

Как зачем? Да кто ж к разбойникам, к ним-то марблс катать пошёл бы?! С Южного они – от Секундной Стрелки…

Пачули не грабили, хуже.

Ухмылялись и ждали какого-то другого ответа, дополнительных аргументов не приводили.

Ещё тише Пачули повторился, отступая:

– Вы видите, что я не хищник…

– Дай мне твою ручку… – сказал второй парень.

Быстро, но недостаточно, намечая удар в лицо, давая время на отмашку, жёстко схватил его за руку. Приложил ладонь к ладони, померить. Неожиданно артистичные длинные

пальцы. «Тошнотворно длинные… Да это же из-за ногтей! О, фу, ещё и накрашенные?..» Да, тёмно-красным, облупленным лаком.

Игнорируя очевидное несоответствие с его небольшой рукой, парень довольно, победоносно задрал подбородок и заявил:

– Каури, гляди! Один в один!..

Наклонился к Пачули:

- Мы не видим, кто хищник, кто нет, мы не дроиды… Зато видим, что ты ещё не прикладывал ручку к столам… Позволь мне! На вечерок… Я сразу верну… Никто и не заметит…

Отступая, Пачули выдернул руку, длинные ногти легко, отвратительно скользнули по ней… И приложил к столешнице вместо ответа. Ко второй уже не требуется.

Толстое, полуматовое стекло осветлилось, показало спицы радиусов и отпечаток его чистой ладони. Личный в форме и цвете. «Приложи к левому колесу, гад, и путь оно переедет тебя! И пусть все узнают!..»

Похоже, вечерней игры действительно сегодня не будет. Парни помрачнели, не ожидали отпора. Прямого и быстрого.

– Вы видите, – в третий раз повторил он, – нет! Арба не подаётся. Я тоже. Поводья в моей руке.

Оттолкнул плечом Каури и вышел на Марбл-стрит. Быстрей и быстрей, бегом - в проулки, в проулки, в проулки. Всерьёз он не надеялся оторваться. Искал друга, континентального, тоже марблс-помешанного, тоже азартного, близкого друга, так непохожего на него. Может, хоть совет получить успеет. Однако Отто не нашёлся, ни у себя, в Бесповторном Шатре, ни на излюбленной им дорожке Кривульного Марблс… Пачули и не догнали к его удивлению.

До ранних сумерек Пачули метался, то уходя на Краснобай, то обратно на стук шариков, на Марбл-стрит возвращаясь…

Ситуация разрешилась в его пользу. Ещё не успокоившегося Пачули, циничный Отто затем со смехом наставлять будет, не скрывая удивления:

– Какая охота, Пач?! А они богаты… О, богаты, дурилка!.. От тебя требовалось не охотиться для них, не толкать на пирамидку, не превращать тем более, а всего лишь – отвернуться! Ну, выйти, прогуляться вечерком, по Марбл-стрит или верхом… Кружочек над Морской Звездой,

кружочек над Краснобаем… И можно возвращаться в Арбу!.. Разве это охота: учтиво встретить гостя, учтиво проводить оставшихся?! Обнаружить на столе случайно забытый подарок… Ради чего отказываться, скажи мне, дурилка, от мечты всей жизни, от мечты всех краснобайских марблс-маниев? От жизни, наконец?! Пач, разве это сложно – отвернуться?!

Очень. Практически невозможно. Требуется навык, как и во всём.

К цинизму друга, насквозь легкомысленному, напускному, Пачули привык. Но прозвучало нечто большее, чем цинизм. Нечто вроде искушения. Со стороны взглянул, как Отто, и признал: ему не предлагали обменять Чёрного Дракона на деревянный шатёр, с двумя игровыми столами… «А если бы речь шла о чём-то значительном? Не о свалившемся на голову приобретении, а о чём-то, что хранимом, лелеемом давно?.. О той же Арбе через сто, двести лет?.. Когда уже свыкся с ней, полюбил её, когда она уже не заведение, а второй дом?» Вполне вероятно, Пачули ещё предстоит ответить на этот вопрос. А может быть, не ему предстоит, может, самому искусителю, не задумывающемуся до поры, который смеётся ему в плечо, телячьей ласковой привычкой надо и не надо обниматься, уткнуть в кого-то нос. Безумно контрастировала эта привычка со всем, чем Отто хотел казаться.

01.07

Как разрешилась проблема.

Парень, меривший ладонь Пачули по своей руке, носил, полудроидам ни о чём не говорящее, но тревожное имя – Чума. В круг Секундной Стрелки он был принят недавно. Примкнув исходно не ради нескольких пробежек в году, а ради постоянных охот, он, естественно, хотел выслужиться перед группой, вызываясь на все авантюры подряд. Чужие, пробные, разведка боем, репутационно зазорные, откровенно недроидские. Имя данное за характер – чумовой, бешеный, пристало к нему, подошло. Где ни появится, там резко убывало людей.

Чума посещал мирный Рынок Рулетки, ради игры "жмурки-пауки", закрывающейся для трёхдневной игры.Сначала проигрывал и, как «раненый», одежду вывернув наизнанку, сняв маску, получал право «паука-без-паутины», внося панику, принося паукам победу. Узнан, но уже неотвратим.

Про внешность...

Он одевал с юбками рубашку косоворотку, широкие рукава, в китайском стиле. Пуговиц нет, закалывал булавкой на плече – косой. Чума, так чума, чего там... Такой косой, настоящей, остро

заточенной. Кода-то на облачном рынке он выиграл в Когти "против всех". Когда все одного ловят. Чуму ловили. Не слишком удачная мысль.

Механика в Когтях разрешена, обычно выкидные пилки и ножи. Он пронёс косу, что раскрылась из короткой палки. Как хрупкие стебли травы коса одним взмахом разрезала нити, где хитро были размещены когти, сигнализации, где он должен был пробираться как сквозь лес, лианы, колючки, змей... Против них действуют аккуратно, распутывая, думая, где можно резать, где нельзя, потому что канат держит сеть... Чума не распутывал и не гадал, а прыгнул наверх, не глядя, за какие шипы хватается, как неживой игнорируя боль, пробрался, взмахнул и обрезал несущие... Накрыл игроков всех ярусов их же ловушками. Связал, сбросил... Внизу пирамидки. Его...

Около двух десятков человек играли.

Чума никого не отпустил.

Его право, но так не принято. Когти обычно затеваются ради торга...

Приобрёл специфическую известность. Не тушевался. Булавку сделал себе вручную на Краснобае и с тех пор носил.

Можно подумать, Чума игрок. Чумовой игрок. Нет… И не гонщик. И не позёр, в общем-то. Он реже улыбался, чем шутил. Очень странно стригся… Тёмный шатен. Стригся короче, чем ёжики на Техно, кожа видна, оставляя до плеч дугами свисающие пучки волос. Будто случайно пропущенные, будто вставшие дыбом.

Если какой-нибудь художник с Краснобая дал бы себе труд задуматься о Чуме, о том, что именно отталкивает во внешности безусловно отталкивающего, жёсткого и непонятного парня, об имени его, то мог заметить… Это не Человек-Чума. Это человек перед чумой стоящий, вплотную к ней. Окаменел и смотрит… А на что смотрит, видно только ему… Как спасти? Как его спасти, если не видишь от чего? Безнадёжно. И честно, подходить не хочется. Отсюда глухое отторжение. Так полнокровный, здоровым нюхом наделённый зверь не подходит к заражённому, смертельно больному зверю.

Пачули, распрощавшись с жизнью, как ситуацию на поле, когда чужие марблс уже брошены, одним взором окинув стол, правильно

оценил свою безрадостную перспективу. Он даже с цветом удавки угадал, посторонний человек! И Чума, приглядываясь, где побезлюдней, примеряясь к быстрым путям исчезновения, уже шёл за ним рядами. Но человек, когда он смесь гнева и паники, бывает несколько непредсказуем в ускорениях и странен в логике запутывания следов. Преследователь же мыслил логично и зря, в какой-то момент добычу он упустил. Нагнал бы, но в это время кое-что происходило и за его спиной…

Пачули искал Отто, а Отто – Пачули, сначала в Арбе, они разминулись, затем возле Арбы. В шатёр разминочных игр и изысканных угощений зашёл спросить, куда подевался сосед. К Халилю, зашёл, и завис у него в погребке, проведённый туда чёрным ходом живо, с неожиданной настойчивостью:

– Побудь, занят, вернусь к тебе.

Хозяин, Халиль, давно обосновался на Марбл-стрит. Погребок предназначен для подсматривания и прослушивания Арбы и своего шатра. Но только через очки. Для остальных – обыкновенный тайничок торговца водой впечатлений.

Механика шпионская лобовая, примитивная, построенная на системе зеркал. Только вот, никак не угадаешь, что эти блёстки на тканях и древесине – датчики, в совокупности – зеркала. Очочки хозяина не украшение и, конечно, не очки. Снаружи, по рядам гуляя, Халиль менял их на другие, чтоб поддерживать легенду, выгодную ему, будто зрачки Морского Чудовища скрывает за дымчатыми круглыми стёклами… «Ха-ха, догадливые, фантазёры!..»

Владельцы же, возчики Арбы традиционно бывали в курсе дела, им с надзором безопасней, удобно. Пачули пока не знал.

У соседа Арбы в гостях находился особо ценный поставщик. Визит двух разбойников Секундной Стрелки не остался от них тайной.

Чума рванул за неподкупным возчиком. Каури, не торчать же ему после облома в Арбе, направился в соседний шатёр выпить чего-нибудь, Чуму дождаться…

До появления Отто в погребке Халиля сидел парень…

Поставщик глубоководного, скромный, некрупный парень, безоружный, вечно в рванье, которому очочки, как раз таки, пригодились бы,

скрыть тинистую пелену в невыразительных, полуприкрытых глазах завсегдатая Рынка Ноу. Кому такой может представлять угрозу?..

Паж когда-то очень давно, настолько давно, что оба затруднились бы сосчитать прошедшие с того момента годы, выудил Халиля с океанского дна.

Над раскинувшимся салютом щупалец, догорающих, доживающих своё актиньих дёсен, Халиль парил как в невесомости. Ужаленный, отравленный...

Щупальца не имели координации для простейшего: разделить энергию, которая выбрасывает их вперёд, и которая хватает, притягивает. Извивались беспорядочно. Невозможно поверить, что это – когда-то было человеком... Последняя стадия чудовища, самая последняя. Под густым салютом трепещущих нитей ещё теплится Огненный Круг, а над ним, на спине парит, не падая, не удаляясь, человек, раскинувшись, как в глубоком сне, расслабленно и свободно...

Паж его вытащил. Да ещё и отогрел по схеме, которую знают лишь опытные ныряльщики.

Будучи уже в курсе его биографии и

пристрастий, Халиль порой спрашивал:

– Кто тебя самого-то ужалил тогда? Начерта я тебе сдался?..

Паж молчал и пил, хрустел ледяным песком, веки подрагивали нервно, сонно… Ну и тип, благодетель… Если бывали довольно охмурены коктейлями, Паж, заикаясь, придумывал стандартную шутку, с большим трудом излагал:

– Мим-карлы знаешь?.. Да, для… Да, для них я тебя приберегаю!.. Готовься, скоро. Да-да, ага, готовься… Бегать на кулаках учить и задом глядеть!.. Озираться задом, принюхиваться!

Мега-брехня! Про то, что чудовища способны перекусить человека поперёк так, что обе части живут и двигаются на потеху им на Столовом Мелководье. Будто их стравливают, чтоб верхушки грызлись, и низы бегали вокруг, свою половину ища. Если две части, найдя друг друга, соединятся, то в награду их склеят, как было, и отпустят. Не говоря про технические моменты, и места-то подобного в океане быть не может, где перемирие, где развлекаются чудовища, пусть так зверски, глядя на мимов! Как есть, запредельная брехня!..

– Ты, Халиль дли-и-иненький… А башка с кулачок!.. – Паж бесцеремонно совал для убедительности под нос ему кулак, сложенный в фигу… – Мим-карла из тебя, ухохотаться до-смер-

ти, до-о-о смерти!..

Оба ужасно грубо и ужасно редко беседовали! А выпивали вдвоём, сог-цог, часто. Странно для Пажа, что на земле выпивали, не на Ноу, но Халиль не из тамошних. Так что, приятель, разделяя, сог-цок, чистые коллекционные редкости, лишь время от времени прикладывался к своей, для ноу-стопщиков типичной, фляжке.

В тот день они успели пригубить самый обычный связный коктейль, подводным холодком слегка замедленный, как Халиль схватился за дужку очков, ухо закрыл ладонью, настолько откровенно, что при чужих бы рисковал быть разгаданным. «Двое… От Стрелки? Ох… К Пачули, из нехищнической Аромы-Лато?! Это – Арба!.. Это – Марбл-стрит! А не вонючий тайник на задворках Южного, стыд у них есть или как?! К Гранд Падре бы ещё заявились с угрозами! Небось, не заявятся, там-то есть, кому мозги им вправить!..»

Паж терпеливо ждал изложения вслух.

Прекрасные, как тихая звёздная ночь, чернейшие глаза Халиля расширились до тонкой, круглой оправы очков… Изложение его было

неудобосказуемо в приличном обществе и кратко. Паж кивнул. И на суть, понял, и на оценочный тон, согласен.

Когда Каури зашёл в шатёр, незнакомый бродяжка в рванье подмигнул хозяину, и Халиль исчез из собственного шатра со скоростью ветра между сезонами. Схватил Отто на пороге и утащил по ступенькам вниз.

Бродяжка остался… Уже интересно.

Каури присел за деревянный, когда-то игровой, щербатый стол. Раз так, он не уйдёт, не выпив чашки…

Паж встал и, с противоположной стороны перейдя, сел к нему ближе. В лицо не глядя, улыбаясь трещинам столешницы, головой покачивая, словно на шее-соломке она у него. Посидел и сказал:

– Вечерком на Арбе рассчитывал прокатиться… А в ней намечается закрытая вечеринка… Да?

– Подслушал, считай, приглашён, – мрачно и откровенно среагировал Каури.

– Велика честь для меня.

– Скромняга…

Узкие глаза Каури стрельнули по перепоясанным лохмотьям одежды, по треугольному дверному проёму. Не фазан ли маскирует оружие? Кого в подмогу на улице оставил? Не похоже на то.

– Придёшь сам или вместе вечерка подождём?

– Ну, если ты настаиваешь… Подождём. Халиль нас бросил…

– А ты, оказывается, тут завсегдатай?

– От времени. Время-от-времени… Но коктейль смешать могу. Парочку…

Паж подошёл к обычному вращающемуся барабану для разных вод.

Незаметно бросил в щель верхнего отсека с самым широким краником мутный шарик марблс, щелчком отправил. Крутанул барабан задумчиво… Затем крутанул несколько поясов по отдельности, останавливая, пальцем трогая, выбирая…

Среди множества посуды на соседнем барабане взял пиалки тончайшего прозрачного

стекла, дешёвые, не желая и в мелочи повредить чужому хозяйству. Имелось у Пажа такое свойство, внимательности, подробности, идущей параллельно любым ситуациям, или сказать - поверх.

Лил одинаково в оба коктейля, из того, верхнего отсека тоже, в последнюю очередь, пиалы держа низко под сильной струёй, слегка вспенившийся. Об стекло одной пиалы что-то ударилось, но почувствовала это только его ладонь. Ни дзинь, ни всплеска.

Предположение, что он возьмёт из чужих рук чёрт знает какую оливку показалось Каури забавным до крайности. Неужели он так наивен на вид? На слабо что ли?..

Соломка у него с собой. Классная, в маленькую воронку дунешь, она раскрывается ровной трубочкой. Жерло воронки, опущенное в оливку, заставляло ядовитую тень бурлить, сопротивляясь затягиванию, прежде чем в трубочке распадётся. Соломка, чтоб в злонамеренности уличать. Он не успел раскрыть воронку...

Оказавшись в руке Каури, ядовитый марблс глубоководного льда почуял тигель ладони. Тигель мягкий, как брюшко скального слизня, несознаваемый, не умеющий лепить, и устремился в него с ударной мощью пирамидального актиньего жала...

Пояснение для сухопутных: с мощью за одну секунду выкидывающей шип от подножия Синих Скал до поверхности Великого Моря.

Каури даже не вскрикнул.

Осколки тонкого стекла выстрелили лезвиями, размазав руку по столешнице, разрезав пальцы так, что рука скелета, в бешено быстрых огоньках дроидов осталась пригвождена матовым ледяным марблс к столешнице. Ледяной шарик не изменился ничуть...

Когда разбойник Секундной Стрелки смог поднять глаза, мутная пелена встречного взгляда открыла самонадеянному наглецу: этот далёк от фазанов, да и вообще от материковых людей.

Регенерация не всемогуща при морских ранах. "Прижечь оливкой", сразу выражение припомнил, казавшееся образным до сего момента.

Шок позволил произнести единственное:

– Больно…

– Пройдёт. Ты не хотел, чтоб я сбежал от вашей компании? Взаимно. Вот я и подстраховался.

Разглагольствуя, Паж всё-таки вылил свою пиалу на его горящую руку, снял шарик, и боль сменилась каменной тяжестью полного бесчувствия.

– А теперь послушай меня. Зайчик континентальный, попрыгунчик… Секундная Стрелка - приспособление для тех, кому не хватает проблем, да? Кто заскучал, верно? Зайду как-нибудь… Но пока предпочитаю Марбл-стрит. Что же до Марбл-стрит… Хорошо, когда такие популярные места, вроде Арбы, имеют постоянных хозяев, да?..

Паж всё время переспрашивал и продолжал, не раньше, чем услышав ответное согласие, речь крайне занудную, с повторами, не оратор вообще, про свою и всеобщую любовь к стабильности. «Да?.. – Да, да, да…»

– Перемена влечёт не следующую, а две следующие перемены… Но они покороче, они умещаются в срок предыдущей, вот так дела… Кто думал, что нельзя, задумается, вроде бы можно?.. А им можно, так, значит и мне… И

сколько таких задумается?.. Хаос начинается с конца… Он вдруг начинается. Неуловимо… До него не он, и после него не он… Да?.. А посередине вдруг все решили, что он… Он и получился… А почему они так решили? Кто-то подал им дурной пример? Не ты ли?.. Нет, не ты. Он так, вдруг случился… Или нет?.. Рукой больше, рукой меньше, – без перехода произнёс, глядя на замедляющиеся, редеющие огоньки.

– Больше, – сипло прошептал Каури, – рукой больше.

И Паж вдруг резко, несвойственно для себя расхохотался, откинув голову. «Не понял зайчик сухопутный, как хорошо пошутил! По-морскому!..»

– Попрыгунчик, ты сомневаешься, что я могу и третью пришить? Осторожней с просьбами, я отзывчив!.. Значит так, ты Чуму догоняешь, раньше чем… И приводишь сюда. Где мы и обсудим количество чьих-то рук. Да?

– Да.

Паж своей рукой поднял его, скелетообразную, указав, что тяжесть – полностью иллюзорна. Бесчувствие стало невесомым.

– Поспеши.

Догнать Чуму потребовало не труда, но везения. Яд, кочующий резкими толчками от раны до Огненного Круга, рубил слова в горле на односложные. Каури, не скрыл от Чумы поворота дел, поневоле не был и многословен.

Их возвращение совпало с тем моментом, когда Отто решительно наскучило перебирать этикетки к водам в погребке… Халиль развлекал его изо всех сил, удерживая.

«Ведь, как на зло, столкнуться. Не надо бы Отто их видеть, лишнее свидетельство неудачной и недопустимой охоты на Марбл-стрит…»

Халиль рассказывал, что от кого досталось, почём куплено. Как сочетать в коктейлях эпохи, как нарушать эпохи по теме артефакта, как делать сквозное повествование на основе его… Незадача, для держателя питейного заведения ему бы быть поязыкастей.

Крутые ступеньки из погреба выходили рядом со стенкой шатра, снаружи, за углом постоянно откинутого полога. Драпировка расправлена уютным закутком. Лавочка, плетёное кашпо. Цветок в горшке распространяет лимонный запах. На лавочке места – посидеть вдвоём, помолчать или, языками цепляясь, позадираться к прохожим.

То есть, поднялся и уматывай влево, к Арбе… Или же сделай вид, что на основной Краснобай собрался, направо, а в заведение Халиля чисто случайно заглянул…

Халиль, болтая с Отто, всё время поглядывал через очочки свои, что наверху происходит… И отвлёкся! Не подгадал.

Чума вернулся. Паж выгнал Каури.

Поднявшись из погреба, Халиль и Каури столкнулись нос к носу. Оба вздрогнули и прочь.

Каури успел в ответ на упрекающий взгляд чёрных, звёздных очей, скрестить указательные пальцы, сцепить крючками живой и неживой. Означает: «Вытащи меня, не бросай! Не согласишься ли ты выступить оплачиваемым посредником?..» Халиль добрый, он согласится.

А Отто поворот направо предъявил в шатре Халиля незабываемую картину…

Чума стоял перед Пажом – «…мои глаза, перед Пажом с Ноу!» – на одном колене!

Очевидно не впервой. Церемониал зримо отличается от порыва. А искренний порыв, облечённый в церемониальное, от неловкой торопливости спонтанного… Паж и Чума

предстали одной скульптурной группой, ни прибавить, ни убавить. И предмет встречи - не предмет обсуждения, побоку.

Будучи влюблён не в человека, а в окружавшую его тайну, Отто рядом с полудемоном Великого Моря раз за разом, как за руку тащимый, лбом налетал на новые и новые ревности. Паж давным-давно отпустил бы… Так не он держал, за него держались! Оттолкнуть?.. Как-то не отталкивалось у него… Наоборот, даже где-то…

Ревности и обидности! Всё время обидно непонятные! Прямо-таки непостижимые. Тайна… «На одном колене!.. А разбойник не с Ноу. Да откуда же он тогда?!»

Они оба были из Шамании.

Долька.

Ошарашенный конструктор.

Кадка полна землёй, свежей, влажной, рыхлой, подходящей землёй.

Есть ли в ней семечко, нет ли? Взгляд автономного конструктора – что его рука. Не заглядывать.

Трещины по глине шли узором?.. «Нарисованные!..» Гелиотроп перевёл дух. Зря, в дальнейшем и кадка и содержимое вытворяли финты Белым Драконом под стать!

01.08

Образовавшаяся самопроизвольно кадка с землёй немедля замшела снаружи! При первом же повороте дел человеческих. Будто сто лет ей и не в мастерской дроида проведённых, а под открытым небом.

Этот факт, этот не первостепенного значения штрих так поразил конструктора, что о косточке апельсиновой Гелиотроп на какое-то время забыл! Есть она там, когда появится?

Выступившая на боках грязно-меловая патина перемежалась с изумрудными, бархатными пятнами. Гелиотроп вперился в них ярко-зелёным взором, того гляди, начнёт как на кофейной гуще гадать, на форме пятен.

А трещины? Новых нет… Нет разнородности в материале кадки, глина, керамика без глазури. Значит, группа, на которую завязал результат, плотна, однородна? Пальцем провёл… «Топ-извёртыш, заплутавшей улиткой выгрызенный – я в безумной этой затее! А если люди что учудят,

вся она глиняная расколется целиком?! Треснет и развалится?..»

Потрогал землю, земля понравилась растерянному дроиду, не холодная. Под кадкой сырость. Вздохнул. «Поддон нужен. Имею я право по условиям на поддон? Нет, чего и спрашивать. Если влага должна уйти, она уйдёт. О, Фавор, люди так и живут что ли, вслепую, в бессилии?! С другой стороны, им-то поддоны ставить никто не запрещает! Я окончательно запутался. Всё-таки эпоха высших дроидов принадлежат высшим дроидам. Они хоть как-то на людей похожи, хоть в чём-то их понимают».

О собственноручно перекинутом между эпохами мосте, – решение было общее, реализация его, – Гелиотроп секунды не сожалел, как и о том, что сам, по сути, в прошлой эпохе остался. Имя Кроноса, бывало, срывалось с его губ, бесцельной ностальгически крутилось по необусловленной орбите. В таких орбитах дроиды артефакты носят. В необусловленной от того, что не нужной, автономному дроиду и одиночкам 2-1 артефакты несродственны, не нужны, правильнее оставлять их под Йош, отдавать второй расе, Гелиотроп оставлял в Дольке и в У-Гли. Но не это имя. Где оставишь имя?

Теперешняя Юла – ось и только, а Кронос, он был, как…

Чем был Кронос, единый координирующий центр? Да элементарным передатчиком запросов, основанным на числе предыдущих совпадений требуемого с выданным. Кронос направлял запрос от личного дроида, от технических, ответственных за жизнеобеспечение всей популяции людей, к перекодировщикам и сборщикам, основываясь на банальном преимуществе совпадений, учитываемых в лоб, бесхитростно.

На протяжении всей истории запросов одного типа после скольких был получен аналогичный запрос немедленно, столько, значит, минусов на подобные заказы этому сборщику. Результат, скорее всего, неудовлетворителен, ведь для компании, скажем, бутылки колы не заказывают по одной. Раз повторён заказ, что-то не устроило. Не будет Кронос к нему подобное направлять. Принят – сборщику плюсик. К нему пойдут этого типа заказы чаще. А в нюансы дроиды не вникали.

Частички Кроноса остались в первой расе. У людей – в левой руке, той, которая превращает в

Собственном Мире. Там имя перекодировщику – сосредоточение. Насколько хорошо представил себе желаемое, настолько хорошо сборщики поняли тебя. И воплотили его. Сборщики – дроиды низшего порядка, чисто технические, сознания в них нет.

В Юле остались, возводят первую расу и обратно позволяют снизойти, чтоб не прекращалось движение, чтоб тепло и холод пронизывали всё.

Кронос являлся ничем иным, как идеальным проводником. Таким местом, где нет преграды для связей. Не тот, кто решает за тебя, а кто стремительно свяжет тебя с дроидом, уже решавшим похожие задачи, со всеми прецедентами прошлого. Воплощённая мечта о беззаботности.

Настолько проста формальная сторона дела, субъективная для дроидского восприятия тоже проста, но… – нечто особенное.

Ведь как подавался запрос? Ведь не на бланке с печатью! Не в метке, меток в помине не существовало тогда, они, кстати, тоже содержат немного Кроноса.

Дроид с запросом в уме канет в оранжевую

плазму Кроноса, на непременную долю секунды зависнув над плазменными песочными часами, над верхним их шаром, и канет. Весь – запрос, весь – текущая процедура. Для одних Кронос – только верхний шар, для других – только нижний. Плазма, магма, оранжевое горнило яркого света. С той стороны дроид выйдет ровно таким, как вошёл, но без запроса, свежий, освобождённый.

Сборщик, вынося сделанное, вылетает вперёд спиной, лицом в оранжевый свет, чутко внимая, угадал ли, есть ли повтор запросу.

Шар для человеческих глаз. Величественные песочные часы без каркаса, с плазмой вместо песка для дроидского взгляда, таков был Кронос.

Много-много раз из лаборатории Гелиотроп отправлялся туда, в оранжевую безошибочность, зная, что выйдет свободным от запроса, не ведающим, придётся ли повторять, уточнять и сколько раз. Да, падал, как в слепое пятно. Охотно, свободно. Постоянно, безоглядно. Прямая противоположность наступившему порядку вещей. Теперь лишь раз в году наползает оно само, автономный бежит от него, незрячего момента бессилия, ни с каким запросом не связанного. Эпоха сменилась его руками, результат - есть слепое пятно, а Кроноса нет.

Гелиотроп стоял у абсурдной, замшелой глиняной кадки между двух широких окон, которой он почти боялся, в несомненной и не подвластной её материальности, – уже избыточной, а что будет дальше? – и шептал это, предмета не имеющее имя: «Кронос… Кронос…»

Имя, не обозначение. Высшим дроидом Кронос не стал, но автономным был. Сознание его было по первой расе чудно, гармонично сбалансировано, и облик соответствовал ему.

Верховный конструктор дроидской сферы выглядел таким растерянным, стоя пред кадкой, когда Августейший возник за окном со своим обычным, громогласным:

– Братишка, автономный!..

Восхищённый хриплый рык, будто сию минуту этот факт обнаружил!

– Да, – признал Гелиотроп, – несомненно, братишка и всё ещё автономный. По крайней мере, на год…

Задумчиво проговорил кадке замшелой, поднял глаза и сменил тон:

– И почему вас, автономных, через окно так и тянет заявиться?! Обязательно вам надо

отличность подчеркнуть! Мне отчего-то не требуется, человеком обернулся, человеком и пребываю, копыт не наращиваю, в окна не вхожу…

– … кого насквозь вижу - тщательно скрываю!.. – подхватил Августейший с грубым хохотом, уеденный за пустячное несоответствие: пребывая в облике паяца, постучался он в окно копытом.

– А скрывать нечего! - возмутился Гелиотроп. – Не вижу! Сам же упрекал меня. Да и что толку видеть буквы незнакомого языка? Тебе-то с дроидами желания одновременно тяжело и просто. Они постоянно провоцируют, ты постоянно учишься понимать. А я только ящериц в чёрной броне перековываю. Они хоть шипят откровенно, если клещи посильней сожмёшь, а вторая раса слова не скажет, что называется, в простоте. Поверишь, сущий пустяк им надо, а сделают вид, что за другим пустяком пришли, этот же вскользь упомянут! До смешного доходит, правда. Какого подвоха они ждут от меня?

– Гы-гы… – сказал Августейший.

Вместо ответа постучался в окно… Кулаком… Причём, естественно, снаружи, стоя внутри рядом с хозяином Дольки… Фокусник автономный!

– Так учтивее? – переспросил, и снова разразился хохотом.

– Ненамного. Попробуй ещё раз.

Шут ведь он, сколько угодно!

Августейший пощёлкал пальцами так, что раздался стук в дверь снаружи… И в дверь кладовки особенно отчётливо! Скрестил руки на груди, на взъерошенном белом жабо, а незримый, несуществующий некто продолжал ломиться из кладовки наружу…

Воздев руки, Гелиотроп покачал головой: нету слов!

– Что?! Ужели и чуточку не лучше?

– Хуже. Перелёт.

– Ох, гы-гы-гы!.. Это моя вечная проблема!

– Заходи, – буркнул Гелиотроп и улыбнулся, отворачиваясь.

Серые крылья взмахнули, и плешивый шут в кургузом пиджачке возник с той стороны стекла!.. Оставшись и с этой!.. Почесал в затылке… Огляделся вправо-влево… Тихо, как мышка поскрёбся в окно, поёжился от холода и, шикая, сделал знак: эй отодвинь-ка раму, и я погреться зайду! Но шут с этой стороны стекла демонстративно отвернулся, не знаю тебя, и у смеющегося хозяина спросил:

– А что, братишка, Троп потише стучится?

– Знатный шутник ты, этого не отнимешь! Если Троп постучится, тут не останется и вихря Юлы!

– А от других у тебя в Дольке легко затихариться? От высших вообще молчу, но, подойди я к двери, ты б сделал вид, что не ты, а облачко пустое летает, а? Или не притворяешься? В окно-то, стоял, не видел!

Справедливо, Гелиотроп боролся за уединение всеми силами. Позволял себе в мастерской быть рассеянным.

– Что это за горшок? – наклонился Августейший, уперев руки в боки. - Чем он интересней братика на пороге? Ты та-а-ак уставился в него… Оттуда что-то должно выскочить?

– Н-да… Желательно… Хотелось бы.

Вкратце Гелиотроп изложил ему суть дела, умолчав об условиях Тропа.

Основное изложил, что каждая стадия роста будет определяться поступками группы людей. Вначале заданного числа людей, а после – произвольного, как сложится, как переплетётся…

Неожиданно, вместо едкого сарказма, он получил едва не завистливое одобрение. «Горшок» с этой поры уважительно именовался «Полем Фавор». О судьбе проекта при встречах братишка не забывал осведомляться, словно Гелиотроп домашнего любимца завёл себе, а не роковое пари заключил с могущественным и непреклонным драконом.

– Удивлён, – сказал Гелиотроп, – твоей реакции. Ждал, что покрутишь у виска, мол, орбиту соображалки подтяни. Я-то сам себе понимаю – авантюрист. Что выйдет?.. Зачем?..

– Первый настоящий апельсин выйдет за много миллиардов лет.

– Вот, очень сомневаюсь! Не что настоящий, а что выйдет, что Фавор ему созреть. С каждым днём всё сильней сомневаюсь. Да не суть… Зачем? Вот я представляю, как держу его в руке… Что мне скажет артефакт, насквозь, это да, прозрачный, насквозь видимый? Что?..

– Тогда и узнаешь!

– Да, но…

– В том-то и суть, как я понял, чтоб заранее не знать? Чтоб мыслить, как люди, обобщать, как они? Можешь порадоваться! Сейчас ты – ровно как они – уверен, что не уверен, что получишь, но если получишь, то вещь банальную, известную.

– Да, но… Топ-извёртыш, как непривычно!

«Топ-извёртыш» или просто извёртыш – «перевёрнутый топ», это негрубое дроидское ругательство, как обзываются не чем-то дурным или грязным, но странным и мало к чему годным. Вещь отчасти легендарная, отчасти реальная. Парадокс за счёт чего возможен…

Извёртыш – топ лазурита, который добывает из Синих Скал улитка по ошибке запущенная туда. Не грызущая, «плавная» – сплавляющая. Эту работу в норме она выполняет на поверхности, подготавливая топ к чему-либо. Но ей вообще-то всё равно, где выполнять… И куда приносить, откуда – тоже всё равно…

Подготовить же топ, означает превратить его материальность в сумму направленных полей, в сумму орбит с заданными лёгким намёком точками фокусировки. Не на цель конкретную цель направленными, её задаст конструктор, а на категорию целей.

Так и получается, что по синей, отвесной скале «плавная» улитка выносит не камешек-топ, а лишь связи частиц прекративших существование. Как бы топ, вывернутый наизнанку.

Запущенная по ошибке, улитка не имеет указания обратного пути. А дроиды, не имеющие его и не удерживаемые специально, стремятся в центр Юлы, в основание, в ядро земного шара, где топ пропадает безвозвратно с улиткой вместе.

Если же кто, указание на возврат ей задаёт, то улитка скалу не плавит, а сразу, брошенная возвращается, ибо ей нужен тогда ограничитель размера.

Парадокс: либо пустой - наверх, либо с добычей - вниз навсегда.

Ну и конечно, ходят легенды, что если дать ей задание сплавить что-то, знать бы что, феноменально особенное, наступит миру конец. Особенное, то есть, такое, что может получиться изо всех Синих Скал целиком, как из огромного топа... Она превратит в это нечто Юлу, а значит, и весь мир, вместо того, чтобы, как обычно, проплавить себе путь навстречу погибели. Другой вариант легенды: окажется, что для задания малейшей частицы довольно, с ней улитка вернётся, и дроид получит топ-извёртыш, готовый полуфабрикат для этого, угаданного нечто...

Гелиотроп не такой уж зануда, а экспериментаторство у технарей в крови. Включая дроидских, у кого и крови-то нет!

Он запускал вниз по Синим Скалам плавных улиток не единожды, снабдив грызущей, как ограничителем, и не дав конкретных указаний. Что выйдет? «Плавная» начинает, грызущая останавливает её в произвольный момент. К чему «плавная» улитка топ плавить начнёт, к чему готовить?

Очень, очень скучны бывали результаты, Гелиотроп забросил это занятие. Единственный стоящий вывод: сплавленный в солёной воде извёртыш, отличен от сплавленного на воздухе. Даже при наличии точек фокусировки, орбиты его были мерцающими, дрожащими, тихими становились внезапно и непредсказуемо… Но общее в них банально, топ предлагал себя как подобие отправленного, заготовку под очередную улитку, бесконечное самовоспроизведение, да ну… Это и не настоящий извёртыш. Настоящий - крушение мира или крошка тайны.

– Непривычно, что подглядеть нельзя? Понимаю!

Августейший обернулся Стражем, рабочий передник, клещи, карманы… Присел перед кадкой на корточки на четырёх ногах, и четырьмя руками обхватил её, лбом в глиняный бок упершись, так что Гелиотропа мороз продрал по спине… Не образное выражение, внезапное доминирование холода в первой расе, замедляющее орбиты неравномерно, да, как мороз вдоль хребта.

– Дык-гы… – протянул Страж. – Вроде, ещё и смотреть не на что…

– Или уже не на что.

– Вряд ли… А ты глазами-то, Хелий, наблюдаешь этих людей? Слетай, погляди не вмешиваясь.

– Нет! – резко ответил Гелиотроп и даже руками отмахнулся. – Нет-нет!..

А между тем, он летал и смотрел!.. Уррса приводило на перекрёстки орбит этих людей регулярно. Не в само перекрестье Арома-Лато, там Гелиотроп действительно не бывал и не собирался. Но рядом. Заполучив подопечным именно этого необычного уробороса, к одному из этих же людей привязавшемуся, Гелиотроп никак не мог поверить, что такие совпадения бывают!

– Смотреть не на что? – возразил он. – А что

на ладонях у тебя? О, и на лбу! Откуда оно взялось? Зачем оно такое?

Глянув на ладони, Августейший Страж обтёр их углом передника, тыльной стороной провёл по запачканному лбу и рыкнул, припечатывая:

– А это не на что, это в чём смотреть. Это называется – внешние обстоятельства!

– Для меня они все – внешние. По условию.

– Не для тебя. Для них.

«Для тех, чьи поступки станут апельсиновым семечком, может быть, Хелий, и апельсиновым деревцем, может быть… Хелий, как можно ставить на людей! На улиток ставь, как те люди, которые играют ими, нашими счётчиками устраивают забеги на перекрёстке Рулетки! Ставь на крепость стен моего семейства, что метка Порта их не прошибёт… На турнирные победы Доминго! Примерный дроид, даром что не изначальный. Дроид что надо, порядочнее некоторых… А на людей, Хелий, не ставь даже по мелочи, это глупо, братишка…»

Вытер руки ещё раз. Не понравилось. Что-то… Встревожило, запачкала дроида мысль о неподвластных ему обстоятельствах.

Короткая перчатка без пальцев, льняная на правой верхней руке осталась совершенно чистой.

01.09

Августейший заявился с целью: пригласить загодя Гелиотропа к себе, в Закрытое Семейство.

Без особой охоты, событие не радостное, но редкое, а он обещал. Да, хоть бы и не обещал, знал, что Гелиотроп давно хотел посмотреть.

– Хелий… Амаль раздаёт облачения. Если тебе ещё интересно…

Да.

Дело в том, что дроиды желания конечны. Смертны.

Срок их эффективного функционирования заканчивается насколько раньше фактического прекращения дроида. То есть, орбиты – облачения ещё есть, но на ослабленных связях. Внутренние орбиты чересчур уплотнились, внешние разошлись, а несколько пограничных между теми и теми утратили ориентацию – плавают, и граница приобрела расплывчатость.

В любом случае не оставаясь самим собой в качестве суммы активных свойств, при

наступлении такового срока дроид желания имеет выбор… Изменить функцию или «раздать одеяния» – прекратиться.

Мощней утраченной новая функция не будет, и равной не будет, возврат к прошлому величию закрыт.

Но… Следует помнить различие, дроид мощней – может быть! Функция – аспект узкой специализации. За счёт универсальности дроид может сделаться стать куда мощней, а затем личной эволюции, универсальность к новой своеобычности свести.

Если согласиться на схему послабей, позаурядней – возможно продолжить существование практически любым иным дроидом второй расы, сохранив даже азимуты, ориентиры, можно сказать, память личных моментов. Азимутов, которые терять жалко, тотальных, определяющих общее тяготение дроиды желания, понятно, иметь не могут. Августейший им азимут! Отсекающий. Стена семейства.

Уходящая от Закрытого Семейства королева должна озаботиться схемой будущей себя заранее, согласовать эту схему с четырьмя главными тронами, с Гелиотропом и вручить ему, либо иному знакомому конструктору.

Впрочем, не обязательно вручать.

Опустившись, как в купальню, в Стократный Лал, королева способна протанцевать новую схему и выйти обнулённым дроидом, лишённым азимутов и точек фокусировки.

Прелесть этого варианта – отвлечённая гордость, в отрыве от резонов. Дроиды желания горды как Белые Драконы, вторая раса им не ровня. Согласовать ещё ладно, но позволить колдовать над собой… Может быть ещё в У-Гли? С клещами, в тисках?.. Нет уж, как-нибудь самостоятельно!.. Это плюс, минусы всё остальное.

Выучить схему нелегко. Её воспроизведение по мере погружения даваться станет всё тяжелей, каждый следующий командный жест вспоминать всё труднее. Велика вероятность, что кончится авантюрный порыв тем же самым - страхующим вмешательством Гелиотропа.

Последний аргумент против… Над лазурной гладью Стократного Лала воспарив, сквозь конус граней в заранее выбранное место дроидской сферы попав, преображённый дроид ведь даже

не вспомнит, почему эту форму выбрал, эту функцию, зачем. Если глава семейства таким образом хочет заполучить дроида, этот вариант не выгоден ему. Что толку в договорённостях, о которых давший их не вспомнит?

Беспечный дроид желания, вовремя не задумавшийся о завтрашнем дне, должен экстренно обратится к Гелиотропу. Положиться на его опыт и мудрость. В наглую изложив свои пожелания по поводу новой функции. В этом случае с четырьмя тронами согласовывает всё сам Гелиотроп.

Итог всёх трёх способов – новый дроид.

Но есть и четвёртый вариант.

Дроид желания просто раздаёт свои орбиты. И прекращается.

Как раздают наследство. Приглашённым, чаще подругам, королевам, остающимся в семействе, чтобы подлить их век.

Легко догадаться, что добровольное прекращение дроида не такое уж частое событие. При большинстве тронов 2-2 запрещённое. Гелиотропу видеть его не доводилось.

Амаль, полное имя которой – Аномалия-Августа, выбрала именно этот, третий вариант.

Она давно так решила. Какая разница, в конце концов, продолжить существование иным дроидом или суммой орбит? Дроидом, лишённым всех прошлых азимутов, или сохранившим их как тоску по невозвратному? А раздавать - приятно и увлекательно. Торжество, проявление дарящей власти...

Дроидам желания "власть" не пустое слово. Как их, так и Августейшего власть.

Хоть дроиды желания мало дифференцированные в сравнении с иными представителями второй расы 2-2, их имена указывают на предпочтительный аспект. Область, в направлении которой их влияние осуществляется точней, как выстрел – более кучно.

При влиянии такового, не вихрь желаний захватит человека или дроида, как в торговом шатре нищего изгнанника, а одна вещь на полке высветится концентрацией внимания. Поиск желаемого при помощи соответствующего дроида будет успешней и быстрей, меньше ошибочных поворотов, меньше отвлекающих,

лишь на вид подходящих вариантов. Продлятся импульсы в правильном направлении. Импульс ведь не монолитный, и даже не вполне однонаправленный поток, а цепочки импульсов, чья перепутанность создаёт суммарное направление. Некоторые отрезки, угадав, полезно вычленить, вмешательство других исключить.

Аномалия Августа была в этом отношении совершенно уникальным, очень эффективным существом. Владыка Закрытого семейства понимал, что в ближайшее время никого равноценного в свою оранжерею не добудет. Потому с лёгкостью принял решение приближённой. И даже обрадовался ему. Пусть её акценты и характеристики не уйдут совсем, останутся, рассеявшись среди королев, ну и ему, наверняка, перепадёт. Прагматик. Самоуверенность очень вредит прагматикам, уж они-то должны ежесекундно помнить, что твёрдых оснований в помине нет.

Амаль не была бы дроидом желания, если б не отследила импульс самого владыки.

Бесконечно суровый в форме Стража, выдержав подобающую паузу, он сухо кивнул в ответ и пообещал открыть двери семейства для

всех без исключения избранных ею свидетелей и наследников. Но удовлетворение владыки не скрылось от Амаль. Осталась ли тайной для него её секундная горькая усмешка? Самонадеянность один раз поможет, десять повредит…

Королева верхней ступеньки трона… Так звал их, королевами. Но если на ступеньках, придворные, свита всё-таки. На троне он, и только он. На ступеньку ниже – она, не знавшая отказа.

«Что ж, – кивая, обсуждая детали с ним, усмехалась Амаль непобедимой улыбкой дроида желания, – по моему слову, по твоему обещанию на церемонии раздачи одеяний будет порядком гостей. Будет и сюрприз для владыки…»

Помимо облачений у дроидов желания имеется, что раздавать.

Они, пожалуй, наиболее зажиточные из дроидов! Да-да, в смысле обладания артефактами!

Дроидская сфера в целом бедна на материальные предметы, потому что… Они не нужны трём расам, они практически не нужны и людям! Что для трёх рас – определяющий момент. Третье же – дроиды не любят артефакты

создавать. Какова причина? Фундаментальна.

Замечательный фундаментальный казус. Когда приходится создавать, смирившись, они ругаются словом «извёртыш», весьма подходящим тут.

Это не сложно, создать артефакт элементарно просто. Среди обитателей дроидской сферы вряд ли найдётся настолько бестолковый, что б самый мудрёный артефакт явился проблемой для него, будь то воплощение по схеме или кратко изложенной функции. Обращение к перекодировщикам и сборщикам вместе с их работой займут долю секунды.

Однако и в том случае, когда Восходящему потребовался артефакт сейчас, а не по завершении мира, или когда приятель дроида нарушителя, якшающегося с людьми, сильно желает какую-то штуку, дроиды предпочитают искать, торговать, на опасные рынки провожать, но не создать! Вепрей просят найти… Порой у Августейшего просят, у красавиц его… У Чёрных Драконов осведомляются, не мелькало ли что-то подобное при фильтрации запретного. Словом, задействуют все доступные ресурсы.

Разгадка проста. И непреодолима.

Дроид может создать только дроида! А уж из него – артефакт.

Дроиды не машины, не роботы, они высшая форма жизни, и полудроид – не наполовину живой человек, а дважды живой!

С нуля сначала возникает простейший, неавтономный, но – дроид. Множество таковых. Из них – усложнённый. И чем сложнее, тем артефакт удастся лучше, на окончательных стадиях сборки – быстрей. Но у такового, материалом ставшего, дроида потенциальность уже ближе к автономным! Потенциальности в нём – вплоть до высших дроидов и до тронных!

Честно говоря, и улитку-то жалко перевести на бездыханную, без сознания вещь. И хотя в плане заготовки под артефакт, любой дроид – универсальный пластилин, отверждаемый единожды. Потратить его на что-то конкретное, надо ещё решиться.

А у королев Закрытого Семейства, у Доминго скопилось море разных штучек! Ещё у Тропа, да он не хвастался. Сложновато безмолвно хвастаться.

У Доминго богатая сокровищница, оттого что – во всех отношениях, до неразборчивости

жадный! До щедрости тоже. До почестей. До власти. А уж подкуп – это святое!.. Тут разница, Доминго алчен, но не скуп. Легко, то есть, выпускает кошелёк из руки, легко меняет меньшее на большее!

У королев, оттого что – богато ли развлечений за глухой стеной? Но они любезны вепрям, выдумщицы, всезнайки. О чём вепри и не подозревали, расскажут, попросят найти. Те услужить рады. И королеве и поисковику интересно.

Августейший же не видит проблемы в дружбе королев именно с дроидами-поисковиками. Сам часто гуляет с ними, особенно в Туманных Морях второй расы 2-1. Когда, хрюкнув в тумане, вепрь рылом указывает в океан, Гелиотроп одолжит Чёрного Дракона, нырнуть, поглядеть. Скорее всего, там не затонувшая вещь, а связное Впечатление о ней сложилась из Свободных Впечатлений, согрелось тем самым и поднимается к поверхности. Всё равно интересно, дракон расскажет вепрю, а тот вспомнит, находил ли такое, требовал ли кто подобное недавно, за какую раму оно ушло в эскиз. За информацию можно поторговаться с тронами, координаты облака им оставить.

Из самого себя, из части себя автономный дроид способен создать артефакт, заполучив в помощники, как минимум, перекодировщика, он

же буфер кратковременной памяти, функционирующий на размерностях технических дроидов. Способен, но это так глупо! Что можно до такой нелепой степени возжелать? Не для себя возжелать, сделать для приятеля-человека?.. Нарушение выйдет средних, непустячных дробей. Скрыть нельзя. Возмездие на Турнирной Площади ослабленного дроида настигнет без промедления. В общем, и нарушители для людей собою редко жертвуют.

Другой источник материального достатка… – сильно другой.

Он пересох, не пополняется. Но когда-то из него били ключом и живые артефакты. Птичка, к примеру, была у одной из королев по имени Фортуна-Августа. Имя для сферы дроидов особенное, вроде как Мария когда-то на земле, «Фортуна» часто берётся вторым именем, на необщем дроидском – третьим, учитывая непременно упоминаемого антагониста.

Источник такой…

Дроиды желания, прежде чем остановили ту, последнюю войну, вполне себе участвовали в ней. Ближе к финалу, ими же обусловленному, присоединились ко второй расе. Прежде того,

воевали третьей стороной, налётчиками и мародёрами. Шакалы желания, вороны войны. Она ничего так усилила и обогатила их…

Помягче сказать, на войне дроиды желания были опять-таки конструкторами. Экстренными сборщиками прямо на поле боя. Что-то враждующим сторонам передали, что-то себе забрали… А из кого-то артефактов наделали! Им достаточно было перекодировщика выпустить, возможно, пленного и крикнуть: «Лови!» Чтоб тот уже не смог остановиться, прежде чем выполнит приказ. Если не союзник, а пленный был, то обычно становился составной частью артефакта… Для себя схему перекодировал, сам ей топом становился…

С тех времён дроиды желания осторожны с голосом, как Троп. Вот часто и смеются. Рассеивают, заглушают мощь импульса. За исключением Гелиотропа и его подданных телохранителей, это характерная черта всех автономных: Августейший, дроиды желания, Белые Драконы только и знают, что фыркают и хохочут. Царь-на-Троне серьёзен, телохранители тоже.

Артефакты по дроидской сфере кочевали с той самой войны.

Кто-то стал тогда колечком для дроида под вуалями… Кто-то превратился в Четырёхгранный Гвоздь, на который владыка Сон, восходя на трон, вешает «уличное» одеяние длиннополое… Вешает и орбиту движения, приглянувшегося ему дроида, не спрашивая, намерен ли тот его подданным стать. Особенный гвоздь, артефакт с тихой орбитой, вещь и не вещь… Непорядок, но у него, у бывшего дроида желания, объединившего тронные азимуты с владыкой Кошмар, кто сможет отнять? Не имеется таковых, издержки непропорциональны.

Превращались дроиды, погибшие на войне, и в живые артефакты, в певчих птиц… У иных разлетелись, наскучили… У Фортуны-Августы долго жила варакушка, соловей с голубым, светящимся пятном на горле, далеко не улетала. Взовьётся, покружит, и вернётся на плечо.

На турнирной площади варакушка не расставалась с королевой. Обычно пела, сидя на плече. Раз – взвилась, расчирикалась, разлилась над площадью… Заворожила трибуны: не умолкала бы… Но время поединку, где же плечо, чтобы вернуться, коготками вцепиться Фавор? Где королева, беглянка где?..

01.10

Когда ты известный, с полным правом можно сказать – незаменимый, в каком-либо отношении дроид, конструктор, к примеру, иметь широкий круг знакомств и бурную светскую жизнь несколько обременительно. Да и узкий-то обременительно, как у Августейшего, не конструктора даже, но братишки, близкого к нему… Миллион дроидов – квадриллион пожеланий, давнишних и мимолётных, крошечных и принципиальных. Откровенно эгоистичных, и – «всей сфере на пользу!..» – ну, срочно необходимых улучшений…

Плохо ли быть востребованным? Превосходно! Радует, даже идя в ущерб личным, уединённого размышления требующим, планам. Которые тоже ведь – «всей сфере на пользу пойдут, клянусь!..

Совсем было бы хорошо, излагай дроиды честно и прямо Гелиотропу, хоть одну из тысячи задумок, вместе с последствиями.

Кто дальновидности лишён, разумней излагать мечты-мечты, не изображая бескорыстия. С конструктором вместе пройти цепочку логических связей и допущений, прежде без утайки заявив о своей мотивации! Она-то вполне им видна, не скрыта? На какие азимуты опираются из имеющихся, на какие надежду возлагают, какие желают сменить?..

Эх, вдвойне пустые мечты автономного конструктора. Не даст им сбыться лукавая, столь же незатейливо, сколь упрямо лукавящая перед его лицом, вторая раса…

«Не читаю я ваших мыслей, интриганы застенчивые, не могу! Но и мог бы, чего там читать?! От меня вы таите истинно желанное. И от себя таите! Искорки пляшут в вас, репейные к дроидам желания… Августейший крепок, в том вижу огромное благо. Юла у Тропа под крылом. Страшно представить, что без них началось бы…»

Чего тут читать, в их мыслях? Либо к поисковикам льнут, либо от поисковиков надеются прятаться, да так, чтоб им всё видно, лишь они не видны. В одностороннем порядке. Великая хитрость, да. Главное, оригинальная, свежая.

Гелиотроп ворчал…

«Высший дроид – замечательное создание, мыслит через один ход вперёд. Ровно! Ни меньше, это была бы уже искренность, ни больше, этого и не жду! Если заявил, что хочет изменить приоритет личной функции с «обнаружения» на «удержание», считай, на «классификацию» надеется перескочить. Если с

«удержания» на «обнаружение», значит, оружия турнирного ему не хватает, решил орбит несколько освободить!.. Врут безбожно!.. Каждый второй под любыми предлогами надеется стать на турнирах ловчее, остальные метят прямо на троны или возле них на тёплые места… Так цепочку выстройте, я же не против! Через что пытаетесь перепрыгнуть? Через себя?.. Подробный, с хорошими опорами мостик к трону надо навести, чтоб и правда им пользоваться смогла вся дроидская сфера. Я помогу, но я не могу пройтись по азимутам за вас! Это же ваши азимуты!.. Вы смотрите на них, оглядываетесь, а делаете вид, что нет. Врунишки… Фортуна вас благослови, милые, люблю…»

Представлялось ли самой второй расе их лукавство мелкой проблемой, пустяком для якобы всепроникающей прозорливости автономного? Конечно. Для него – не мелочная.

Элементарная просьба о щитовой орбите для дроида, не вписанного во взаимосвязи сферы должным образом, ложилась полным грузом на совесть и ответственность Гелиотропа. Кто скроется и кого скроет рыцарь за этим щитом? Кого столкнёт с коня?.. Ни мысли их, ни будущее конструктору не открыты, в этом смысле

Гелиотроп так же легендарен для второй расы, как Аволь для обитателей моря, как Фортуна с Фавор для всех, кроме дроидов желания.

В общем, Гелиотроп избегал новых знакомств под своим настоящим именем. Появлялся в скорлупе имитации общей формы. Для скорости оборачивался дроидо-меткой, какой Троп срывается в небо: крупной, ординарной, закрытой каплей. Ясно, что дроид, но не понятно, какой.

Так, но с четырьмя главным тронами он всегда был лично знаком. Личными метками связан. К ним ведь стекаются новости, включая неприятные, форс мажор, вдруг живо отреагировать надо.

Большие прожектора: Дом, Сад, Там и Закрытое Семейство субъективно, в цвете своих лучей, но ярко освещают дроидскую сферу.

Глава Порт победил на своём сотом турнире, настало подходящее время для официального с ним знакомства. Прежде смысла не имело. Из претендентов на крупные троны, совершив прорыв успешно, единицы доходят до этого числа турнирных побед. А если каждодневно его не отвоёвывать, что такое трон? Стульчик,

который не сегодня, завтра выбьют из-под твоего седалища! Ближний круг стоит не патрулём, а сомкнувшейся волчьей стаей.

Глава Порт дошёл до сотни, «лал-числа» стремительно, благодаря неугомонности подданных, и своей турнирной доблести благодаря. Владыка, бесспорно. Время признания, откладывать незачем и несправедливо.

По традиции, когда на одном из четырёх главных тронов сменялся правитель, собирались они впятером, с Гелиотропом вместе, чтобы, формально или фактически перезнакомиться, обменявшись взаимными представлениями, возможно, тайными именами, и сделать улитку. В восемь рук, при паре содействующих, высочайше-конструкторских. Ритуал. За знакомство. Улитка достаётся новичку.

На верхнем ярусе облачного рынка дроидов сиял лазурной землёй открытый к лазури ясного неба Стократный дроидский Лал. Гранями его, на нижний ярус сходящимися прицельно, голубой звездой над Йош сияющей в ночи, звенела

глубокая тишина. Сейчас там, внизу день и солнце, переплетенье дроидских страстей, тугих и ровных, по силе, по разбегу, человеческие срасти превосходящих…

На жаргоне дроидского эсперанто их рынок назывался Йош, испорченное – «ёж», он колюч сближениями необоснованными и тесными. Некомфортен, многоперспективен и волнующ. Вариантов знакомств – как иголок у ежа. Звучание слова претерпело смягчение, обычное для дроидского языка.

На гладкой лазури Стократного Лала разместились пятеро…

Двое – автономные дроиды, причём один из них – трон, владыка.

Августейший не взял тронного облика. Пребывал в форме Стража. И не сел в кругу, над точкой схождения неисчислимых граней. Высился, ходил над ними, четырёхногий… Цокая копытами, когтями скрипя… А то вдруг перемещался настолько тихо, бесшумно, что высшие дроиды усилием воли сдерживали порыв резко обернуться, когда Страж оказывался за спиной.

Гелиотропа братик огорчил,

недружественный облик, немирный. Обе пары рук скрещены на груди, большой палец заложен за лямку рабочего передника. Льняная перчатка без пальцев, как раз таки на этой руке… Жест самоконтроля. Но в случае автономной машины, удерживающей дроидов желания в узде, скорей – жест контроля. Как тут отличить направленье наружу от направления внутрь? Чистая перчатка, всегда чистейшая… Пропасть инструментов, на хлястиках и в карманах, есть промасленные, есть начищенные. Ржавые, в непонятных пятнах… Проводит по рукоятке, перчатка остаётся чистой. По маслу – та же история…

Саркастичный, лысый, суровый. Продольные впадины – от скул по щекам. С комментариями до поры не вмешивался, хмыкал и цокал, да с места на место переходил.

Замечание.

Широко - бытие, уже - сознание, ещё уже - дроидское бытие. Плоть всего этого - непрерывное движение. Чем могущественней, крупнее троны, тем короче их досуг, посвящённый чему-то одному. Если владыка встречается с владыкой, краткость их встречи удваивается. Как очень занятые правители, словом обменяются, редкий визит нанесут…

Доминго с владыкой Сад могли дружить, потому что один из них - неизначальный, его остаточная плотность позволяет выкроить время для дружеских уединений.

Дроидское бытие – непрерывное движение.

Йош не случайно заимел человеческое обозначение «рынок» - перекрёсток, перемешивание.

Внутри семейств то, над чем смеются Белые Драконы, стояние при троне, передразниваемое в играх, выглядит отнюдь не стоянием, а вращением сплетающихся канатов. Шнуров, нитей, паутинок, и так далее до истончения...

Турнирная Площадь тоже – дроидский «рынок», перекрёсток, получающий динамику частью от сражающихся, частью – от трибун, отдающих ей волнительное сопереживание.

Всюду движение, везде в тесных берегах. Нечастые приглашения куда-либо дроидов в количестве, достойном назваться званым приёмом, проходят, как рауты на ногах, в танцах. Но поскольку причина встречи – отсутствие гармонии в некоторых вопросах, то танца именно и не получается. Происходит шатание, прогулки вдоль тех линий дроидов, что решили не участвовать, не вникать, слушать и смотреть. Они как бы деревья аллеи, колонны портика, для спорщиков – нейтральные азимуты...

Встреча на Лазурном Лале – редкий момент, когда владыки сидят, людям подобно, тихи. Динамика отдана Лалу. Времени вдоволь… Редкие, редчайшие обстоятельства.

Августейший сидеть не пожелал.

Доминго, мраморноликий дроид сильного холода, облачающийся при конденсации орбит безыскусно – в свет, на сей раз был в тоге цвета индиго. В ауре орбит Индиго, его необщей формы. Таким образом фаворита с собой взял.

В необщей форме Индиго полноценно видеть и слышать не мог, откликался на совокупные импульсы окружающего, как складки тоги на отсутствующие порывы ветра, обнимая возлюбленного и владыку. Через него, как через рифлёное стекло происходящее воспринимал.

Все поняли, никто не возражал. В иной день Августейший от души бы поиздевался, разоблачил и выгнал. Но – проигнорировал. Запрета нет, на самом деле. Лишь на жилистой ноге коготь Стража, хватающим, ястребиным движением опускаясь ниже копыта, ступил невзначай на оторочку, на складку тоги… Скрипнул, потоптался и отошёл… Они имели взаимную неприязнь, с той ещё встречи, когда

Индиго был человеком.

Немного иное значит на человеческом эсперанто неприязнь… Ну, как для тигра сожрать – присвоить… Гнев это или наоборот? Без разницы, итог – поглощение…

У дроидов приязнь – отказ от притязаний, такая степень уважения, которая называлась бы верой в то, что трон – владыка по праву. Пребывание рядом. Отсутствие атаки. Со стороны трона приязнь к подчинённому – благожелательное наблюдение, ожидание, когда близкий дроид превзойдёт тебя.

Неприязнь - презрение, жажда заполучить дроида. Лучше целиком, но можно частями. Неприязни как таковой, враждебности у них нет, и быть не может.

Индиго – малодифференцированного дроида цвета, чужого любимчика, Августейший этими же когтями с превеликим удовольствием отрихтовал бы только так… Немножко клещами и совсем чуть-чуть молотком поправил до дроида желания, заполучив и целым, и по частям! Из бывшего человека – получится.

Но – не светит… Не светит Августейшему любимчик Доминго! Достаточная причина неприязни?

Разные они четыре трона…

Сад в многослойных, рабочих, дорожных одеждах-артефактах. Как всегда – часть велика, часть мала ему.

Гелиотроп в постоянных малых орбитах имитации. В полном костюме тройке, сером, мягком на вид. Рубашка блистает снежной белизной, ворот расстёгнут, галстука нет. Консерватор.

Тот, из-за кого собрались, владыка Порт, был в турнирной одежде. Жест близкий к неприличному, пренебрежительный. В чёрном и хромовом. Короткая кожаная юбка, разделённая на широкие лоскуты кожи с металлическими пластинами. Цельнокованая кольчуга, японский узор - каждое кольцо схвачено тремя вокруг, весьма надёжные доспехи. Поножи. Браслеты с сюрикенами. Под кольчугой чёрная куртка. Но без оружия, помимо сюрикенов, кажется.

Держался владыка скромно до застенчивости. Знакомясь с Гелиотропом, встал, едва завидел его на входе-лапе с нижнего уровня Йош. Встретил не пожатием руки, а своим именем и низким поклоном, как отчёт давая, сутулый.

«Что прячешь, – подумал Страж, – ухмылку?

Или атомной силы в зрачке прицел?..»

Когда глава Порт распрямился, глаза его были печальны отрешённой, не ищущей надежды вовне, меланхолией. Что бы то ни прятал, но не усмешку.

01.11

Безо всякой видимой причины, едва собрались, между дроидами повисло напряжение.

Поэтому они шутили больше обычного и усложняли проект улитки сверх необходимого, сверх всяких пределов, будто всерьёз ради неё пришли.

Но прежде тёплый владыка отстегнул с браслетов сюрикены. До чего тонкие, оказывается! И тяжести неожиданной, звякнули чисто и глухо! Не две штуки – две стопки сюрикенов положил на глянцевую лазурь перед Гелиотропом. Четырёхконечные с равносторонними углами, трёхконечные, закрученные как свастика. Сказал, вновь кланяясь, извиняясь за свой костюм:

– С площади прямо, как хулиганам откажешь. Год не вылезал из кольчуги, того гляди прирастёт.

Гелиотроп кивнул с понимающей улыбкой:

– Не беда, приходи в кузницу, эту оставим, а новую поверх скуём!

И похвалил его турнирный стиль, к сюрикенам пока не прикоснувшись.

– Это не оружие, – поблагодарив за одобрительные слова, указал на стопки владыка Порт. Я периферийный дроид, но не такой уж провинциал, чтоб с разобщающим на Йош заявиться. Взгляни любезно. На досуге сковал. Если я не стану исключением в четвёрке тронов, с тобой связанных метками, то не подойдут ли эти?

Тогда Гелиотроп поднял стопку, примагнитив за центр указательным пальцем…

Восхищённое удивление разлилось по строгим, механистичным чертам автономного дроида. Кто в чём спец, остаться безразличным к чужому успеху в своей области не способен.

Это его, Гелиотропа, – метки!

Дроид взошедший над непокорным, обширным Там, нашёл время изобрести, воплотить их совершенно независимо! Сомнению не подлежит факт независимости, так как материал, а значит структура другие

абсолютно, но принцип - его! Отпущенная метка подгоняет себя сама. И дроид, противу его капли-компаса, дал каждому сюрикену три, четыре стрелки направления. Есть преимущества? Таки есть! И недостатки, разумеется, тоже. Гелиотроп, возможно, отверг бы в итоге этот много-магнитный вариант, подробно обмозговав. Но в том-то и дело, что ему не приходил такой вариант в голову! Ревность и восхищение.

Метки обоих конструкторов полетят к цели на хороших скоростях, но – отличия…

Время ориентировочного установления метки Порт легко и непринуждённо сократил в три-четыре раза! Сверх того, скорость полёта увеличиться тоже в разы. Что даёт не только выигрыш по итоговому времени доставки, но и неотслеживаемость, что вначале, что в середине пути, неперехватываемость, гениально! Чёрт-первёрнутый-топ! Именно за эти два аспекта идет среди немногочисленных конструкторов и многочисленных тайных и явных заказчиков постоянная борьба. На таких меточных скоростях разрешаются сложнейшие, судьбоносные коллизии в дроидской сфере. А ведь ещё и в полёте обыкновенную метку можно прочитать… Из сюрикенов, что держал он в руке, – Гелиотроп

поклялся бы, – считать вложение невозможно!

Капля-компас Гелиотропа, прежде чем установиться, делала не менее одного полного оборота, обычно - несколько, отвергая, как рука шелуху, препятствующие прицелу орбиты в пространстве. Сюрикен владыки Порта производил один доворот, максимум на сто тридцать градусов, и всё, цель обнаружена! Углы не магнитные в данном прицеле, отстают, как корона венценосного дракона при рыке, а нагоняя, сообщат метке их: ускорение и непредсказуемость.

«Они сломаются быстро, – утешил себя Гелиотроп, – починки регулярной и настройки требуют. Моя догоняется в русле луча, ни того, ни другого не требуется. Моя надёжней! Но какой дроид!.. Казалось бы, тема не его… Порт… С навигацией связан, точно. Отсюда удача. Принёс похвастаться…»

Исподлобья, меланхолично, удовлетворённо владыка Порт следил за переменами строгого лица. Ожидал, как младший, от непревзойдённого конструктора дроидкой сферы оценки. Похвалы.

Гелиотроп на похвалу не скуп, языком прищёлкнул и показал большой палец:

– В высшей степени подходят! Печать приложу, и птичками отпущу к тебе обратно.

Выше всяческих похвал!

– Спасибо. Я наблюдал драконов, наблюдал тобой созданное, Гелиотроп.

Грохнувший, так падает что-то неподалёку, тяжёлое, к падениям не предназначенное, голос прервал их:

– Как откровенно!

Лицо Стража, претерпевавшего их взаимные любезности, застыло в каменном сарказме. Таких не бывает шутов. Каменные идолы такими бывают, те, которые дождя пошлют не за пролитое молоко, но за перерезанное горло пленника. «Братик, в чём дело? – недоумевая, беспокоился Гелиотроп. – Твой ставленник… И действительно, полная откровенность…»

Действительно зол, вертикальные складки щёк обозначились глубже и темней, на лысой голове уши отстоят, вроде острых рожек по сторонам.

Порт не отреагировал на его выпад. Сад и Доминго сделали вид, что пустяки: облик Стража, язвительность шута… Перешли к делу.

Вносить свою лепту в задуманную ими улитку Августейший отказался:

– Без меня. Дайте поглядеть на творчество высших, ха.

Как угодно. Творчество высших? Отчасти. Воплотит Стократный Лал. Гелиотроп Лалу станет командовать, то есть воплотят две его руки, а не три пары высших. Ему улыбнулось нечётное число. Диссонанс.

– Грызущая? Измерительная? Прекращающая?.. – перечислял Доминго варианты.

– Молот и наковальня? Горнило? – дополнил Сад.

Задумались, и Августейший бросил:

– Измерительная!

Гелиотроп простёр руку: передумал, садись к нам в круг. Но Страж зацокал в сторону: всё-всё, дальше не вмешиваюсь.

Измерительные улитки многообразней и многочисленней всех других категорий, вместе взятых. Одновременно проще и интересней. Для дроидов они – расширение органов восприятия, могущих быть не только личными, как у людей, но и ничейными, общими, передаваемыми.

Измерительная… Принято. И пошло веселье!

Лал им, как костёр лазурный, от которого не нужно отодвигаться. Команды опускала рука Гелиотропа в горнило преображения, сквозь лучи. Каждый стократен оттенками голубого, навстречу конструкторской руке распыляясь, пляшет чуть-чуть, изгибается.

Лучи ожившего костра наглядно проявляли дроидов, как бесплотные формы соответствующих оттенков. Доминго – индиго, пронзительно, леденяще зелёный Гелиотроп, Сад фиолетовый с тёплой зелёной искрой. Владыка Порт – цвета смуглого янтаря вдруг оказался возвышенным над ними и отдельным. По контрасту. Прекрасные…

Августейший за их спинами просвеченной серой сталью, инородный, иной.

– Что же станет она уточнять, наша улитка?.. – вслух подумал глава Сад.

– Ммм… Уточнять за кем-то? - переспросил Доминго. – Или всё-таки мерить?

– Всё уже меряно-перемеряно! – Сад обратился к Гелиотропу. – Верно я говорю?

– И да, и нет, – улыбнулся тот. – Как прицелиться, откуда посмотреть… От начала времён одна долька измерена, а от конца - одну осталось уточнить, улиткой обползти…

– Где же девяносто восемь потерялись?

– Чего не знаю, того не знаю! Я же не улитка, чтобы достоверно знать!

Доминго запрокинул голову к Августейшему:

– Владыка, Гелиотроп отнимет у тебя трон, как только дроиды желания прознают, что он шутник получше тебя!

– Это была не острота, – возразил Страж без улыбки и переиначил, ударение поставив на последнее «а». – Острота.

Владыка Сад спросил Гелиотропа:

– Действительно? Принципиально нетронутое замерами ещё есть? Если да, то какой измеритель такие области для начала обнаружит?

– Есть, поле непаханое, одна такая область, – пожал плечами конструктор. – Только её нет. И

да, и нет… Я не шучу, я вынужденно повторяюсь.

– Удивление-синь-Фавор… – пробормотал Доминго, сознавая, что в балансе накопленных знаний и турнирных навыков у него образовался нежелательный перекос.

Ещё менее ловко спросил:

– Но чем же целиться? И куда? Если с прошлым порядок, и над будущим рожки улитки уже наклонены…

– В настоящее, полагаю!

Гелиотропа развлекала и радовала их беседа.

«Непродуктивно сплошное уединение, - подумал он, - успехов мизер, одичания короб. А они такие… Я уж и забыл, какие… Свежие. Ходишь, как маятник, от Дольки к У-Гли, на драконьей чешуе ошейник чёрный поправить, покрепче затянуть, и обратно иди… Кто угодно в конец одичает».

– В настоящее… Откуда?

– С любой из двух сторон, полагаю! Логично?

– И да, и нет! – вернул Доминго Гелиотропу его же слова.

Конструктор засмеялся:

– Логично!

А Сад сказал:

– Но так можно прицелиться только в себя… Ни в кого, и ни во что, кроме…

– А разве это не подходит? – откликнулся Гелиотроп. – Или тебе в тебе всё известно, всё померено? О, не говори, уже знаю: да и нет!

Все трое владык закивали и рассмеялись вместе с ним.

В том же духе продолжали дроиды, после каждой фразы хохоча, анекдоты травили!.. Кроме шута.

Возникла пауза, и глава Порт, слова неспешно выпуская, Лазурному Лалу рассказал лучший анекдот дня, а может быть, эпохи…

– Пускай же она меряет, – задумчиво произнёс он, – то, чего нет на свете, нет и в нас, дроидах.

Паузу нарушил Страж. Переступая, он так ударил копытом, что Стократный Лал вздрогнул и лучи взвились, как будто он камыша подбросил в костёр или поворошил пламя.

01.12

Мерить их дроид будет… – дроидскую тишину. Не ползать вдоль-над-под измеряемым, а иметь беспрецедентное по скорости и охвату движение как основу бытия, при конкретном исполнении запроса, станет замедляться до найденного результата. Перед найденным – отсутствующим – останавливаться. Останавливать на нём взгляд.

Дракон-уроборос, вчера узнавший про бытие, заметил бы в подобном устройстве несомненную параллель с королевами Августейшего. Гелиотроп, поняв, до чего они дошутились, попытался найти в своей обширной памяти аналогичным образом функционирующие устройства и не смог. Добро, тем интересней.

Дроид нацеленный на то, чего нет в мире… Смелый замысел. Да, и для частностей не бесполезен, для замера того, чего нет в дроидах – активности определённых орбит. Тихих орбит… Счётчик определит продолжительность их молчания, силу влияния на соседние и отдалённые. Её знаки обнаружит в

имитационных, малых орбитах формы… Рассчитает природу азимутов, проявляющихся непостоянно. Укажет пределы существования точек фокусировки на орбите при постоянных азимутах… Отследит, к примеру… движение слепого пятна. Упс.

Вероятности-вероятности-вероятности, допущения. Кроме – слепого пятна.

В какой-то мере каждый из дроидов, не исключая Индиго, осмыслил всё это.

Застопорились на форме! Обычное дело – на вкус и цвет!..

Перебрали: геометрию, стилизацию, растения, животных вымышленных и нет, символику разных эпох, надписи, шрифты… И прочее, и прочее. Не столько выбрать, сколько остановиться на чём-то надо решением воли.

Общая форма… На чём отобразятся значения и в какой кодировке: цвет, звук? Вибрация, как среднее между ними?

В числах дроиды не считают, очень уж неточны, они – часть алфавита и словаря, используемая, как степени чего-либо, указатели, как люди используют абстрактные понятия.

Сошлись на элементарном – диск, набранный дисками.

Дроидское волшебство заключалось в том, что при идеально круглой форме зазоров между собой они не имели. И не пересекались, будучи круглыми и заполняя круглую форму полностью.

Изнанка не предполагалась. Диски станут прозрачными, когда улитка достоверно обнаружит пустоту, признав тем самым, что запрос действительно относится к области её компетенции. Дроид увидит сквозь прозрачный счётчик свою ладонь. Люди, господствующие на первой расой, слышат её ответ, таким образом: неравновесно ощущая тепло и холод в руках. Дроид в одной руке услышит итог измерения…

В которой?.. «В левой?.. Пусть в левой». Сошлись без спора. Воспримет итого подсчётов, как вибрацию, пускай по коже течёт… Насколько тёплая или холодная, жидкая или густая – суть результат измерений.

Неполная прозрачность – сигнал приблизительных результатов. Цвет? Не узнать цвет счётчика в покое, пока не измеришь первый раз. Потому оттенкам значения не задавали. На долю Фортуны положили. Измерит, будет ясно,

какой цвет – о чём свидетельствует.

Счетчик назвали – Айн. Первый в мире!..

По тонкому ободу на необщем дроидском, обрамляя, круглые и хвостатые, росчерками огибая друг друга, пусть идут слова: «пустота, отсутствие», всяческие синонимы.

Договорились.

Гелиотроп положил топ, над точкой схождения граней в бездонной перевёрнутой вышине, забравшей его без всплеска. Излучение лазурного света утихло. Бывшее как бы огнём, оно стало колебаниями воздуха, по периметру – сильными до миражей. Вдалеке «лапа» спуска на Йош, изгибалась, прибавляла, убавляла побегов.

Из внутреннего кармана пиджака Гелиотроп извлёк объёмный стилус, на средний палец левой руки надел ластик-напёрсток, с начала эпохи не пригодившийся ему, и тем не менее… Во всеоружии.

Топ достиг глубины, сделавшей его податливым, разбитым на координаты, готовым к

работе. Но поскольку не Лалу отдана, работа предстоит ручная, он начал всплывать.

Дроиды начали соревнование. Три высших – против одного автономного, конструктора их самих, «высших»!

Виновник торжества, Доминго и владыка Сад поочерёдно, ни слова не говоря, плоскостными стилусами словами необщего дроидского писали задачу на глянце лазурита.

Гелиотроп переводил её, не имея секунды промедления, на язык понятный Лалу. Пока бежит преобразующее указание по стократным граням, сообщает его, фиксирует в координатах, топ воспарит на условную ступень, где время следующей команде…

Слои, слои, слои… Командные, смысловые. Структура веществ, конструкция датчиков, срок отклика, распределение приоритетов замера. И – отбрасывание, отбрасывание, отбрасывание. Того, и того, и того!.. Что бы лакуна образовалась, чтоб счётчик обнаруживал не наличие, а недостачу, как факт. Затем – как явление с замеряемыми характеристиками.

На необщем дроидском, на этом протоязыке никакое понятие дважды не повторяется. Дроид, пишущий «я» тысячу миллионов раз подряд, двух одинаковых слов не напишет.

Технических терминов полно на эсперанто, но владыки же собрались пообщаться, развлечься! Они не проясняли, а запутывали командные строки, протаивающие в лазурь, распускающиеся на нити, расходящиеся кругами.

Кругами стремились стать командные строки от камня брошенной идеи… Пять-семь орбит на одно понятие. Разбежаться до берегов, отразившись, вернуться под стилус Гелиотропа, и тем принести хитрецу выигрыш десять очков.

Ну-ну… Не в этой эпохе!

Объёмный стилус конструктора настигал их легко, примагничивал точкой смысловой фокусировки к зерну острия, и переписывал в окончательную команду.

Взмах конструкторской руки начинался вертикальной спиралью, взлетающей, сужая круги. Прицел. Установление смыслового акцента. Пикирующим зимородком стилуса

акцент настигнут и схвачен…

Непрерывную строку держа, стилус не отпускал её в бесконтрольное расширение. Сматывал той же самой спиралью, сужающейся вверх до капли на конце пера.

Затем спешно, но чётко Гелиотроп переписывал команду в схему воплощения. Лишь Лалу понятны элементы кода: четыре варианта по первой расе, два одиночные, два парные, пятый – знак разрыва, шестая – пауза без разрыва.

Гелиотроп успевал ещё и уточнить, усложнить разгадку пойманной мысли!

Результирующей точкой, – визуально, призмой двояковогнутой, – отпустив схему в схожденье лазурных граней, стилус взлетал над поверхностью без спиралей, по-прямой.

Когда стопка из пяти-семи призм бывала сложена, Гелиотроп серьёзно вопрошал задававшего параметры владыку, насмешливым взглядом: так ли понял, ничего не упустил… После чего стопка схем становилась по «надводному» мановению стилуса цельной линзой, двояковыпуклой и тонула бесповоротно.

Всё в тишине.

Опорное чередовалось с расширяющим, динамичное с конденсирующим, пары - с необходимыми препятствующими элементами… Работа шла. По людскому счёту весьма долгая, с их точки зрения – стремительно пролетающие минуты беспечной, дружеской радости.

Дроиды начали придуриваться под конец.

Отдалённо подходящим словом они намекали на характеристику, остальными, к делу вообще не относящимися, пытались сбить конструктора с толку.

Ну, ну… Не в этой вселенной!

Пока рисовали лишние слова, Гелиотроп успевал демонстративно заскучать. Дроидским жестом, барабаня пальцами по губам, с тихим, неожиданным для серьёзного человека в строгом костюме, отрывистым клёкотом – "Тактами Тропа", прочищая горло… Звук, которым зовут Тропа, когда и правда надо, смертельно, жизненно необходимо. Которым Троп упреждает свой приближение. Поёжившись, увлёкшийся дроид улыбался смущённо и убирал руку: готово, записано.

Гелиотроп не только ни разу не ошибся, он из вежливости не замедлился, секундного колебания не изобразил.

Глава Порт, кстати, придуривался менее других. Задавал быстрее, сосредоточенней. Чертил раз за разом – не принципиальные вещи, не костяк схемы, а структуру этих костей, в общем-то, вариативную… Не вёл, но следовал. Сутулый, выпрямится и глянет исподлобья, мельком, иероглиф дописав.

Гелиотроп без предварительной спирали занёс стилус… Нарисовал символ – клещи Августейшего, два параллельные отрезка упираются овалу в бок, – поверх заготовки. Сомкнутые.

Делу конец.

Рукоятки разошлись. Овал разомкнулся.

Топ лазурита, под символом и линзой ему показал готовую схему, посветлел, слился с лазурью, как не бывало.

Схема начала взлетать в надир, к

перевёрнутой лазурной вершине. Окончательное воплощение счётчика Айн, грани Стократного Лала взяли на себя.

Рябь волнения пробежала по глади. Дроиды покачнулись на ней, Августейший бесшумно переступил копытами.

Гелиотроп улыбался в ожидании всем сразу, глядя под утихающую рябь. Всегда волнительно… Возникает то, чего не бывало.

Рациональный, холодный ум романтичен. От масштаба создаваемого этот священный трепет ожидания не зависел для Гелиотропа. Был связан с непостижимым, восхитительным фактом преумножения бытия.

Редко кто из дроидской сферы мог сделать Гелиотропу подарок, сюрприз. Да он и опасался, наученный горьким опытом их сюрпризов! Зато сам себе конструктор – сколько угодно. Над Стократным Лалом оба источника соединились.

Из лазоревой бездны Айн поднимался к ним. Уменьшаясь. Взлетел над, и обыкновенным образом, звонко упал на стеклянную поверхность без намёка на волны. О!..

– Айн…

Никто не потянулся к нему. Доминго, Сад и Гелиотроп, улыбаясь, кивками указали тёплому трону: бери, твоё.

На суховатой ладони Айн лежал, словно крупные капли дождя на осеннем листе. Многоцветно-прозрачный вне запроса, удивительный. Итог запроса заставит капли слиться. А процесс обработки - менять их размер.

«Эта улитка весьма цельна, притом, что весьма и сложна, – подумал владыка Сад. – При некоторой доработке она может стать автономным… Да что, автономным, высшим дроидом. Дроидом числа Айн».

Так и есть. Но пока это всего лишь улитка-счётчик.

Капли были и сенсорами, и выходами информации. В покое крупные капли располагались ближе к центру, мелкие – к периферии.

При обработке запроса изменение этой закономерности на противоположную будет сигнализировать о пропорциях первичных и вторичных влияний на небытие некой лакуны, объекта поисков. Грубо говоря: случайна она, как результат совпадения многих

разнонаправленных факторов, азимутов. Или же она – продукт факторов выстроившихся в линию, намеренных, закономерных.

Кодировка… Изменение размера капель – первое, миграция их – второе, температура – третье, вибрация – четвёртое, вязкость – пятое, оттенки – шестое… Сложный дроид. Капли, при всех изменениях круглые, заполняли Айн без промежутков, сплошь, удивительно.

Близость оттенков к одному из трёх цветов показывает близость природы… – отсутствующего, да!

Ближе к чему лакуна бытия? К жёлтой устойчивости, к преображающему пурпуру, к рассеивающей синеве? Убывать они должны в некоторой последовательности вплоть до прозрачности конечного итога подсчётов.

Инструмент великолепный, людям бесполезный, дроидоувязанный на девяносто восемь процентов.

Владыка пустил Айн по рукам: любопытствовать и любоваться.

Затем они много шутили про своих подчинённых, подопечных и подопытных, в

хорошем смысле слова: у кого чего бы замерить?! В основном – безрассудную решительность. Шутки про знакомых 2-1 были ровно противоположного плана, померить бы им решительное безрассудство!

Оттенки этих не двух, но четырёх противоположностей только дроидам ясно видны, как и оттенки Айн.

Что ж, пора расходиться?

Цокая, скрежетом когтей каждый шаг отмечая, Страж подошёл у Гелиотропу. Владыка Порт не вставал, будто ждал чего-то.

Их дела.

Сад и Доминго тепло распрощались с тёплым троном, а именно - на расстоянии, без холодных поцелуев и рукопожатий. Поклонились Гелиотропу, Августейшему, и радостно удалились, предвкушая время неспешного пути, отданного на личные, дружеские сплетни, без автономных взглядов, пронзающих насквозь.

01.13

Страж застыл, скрестив на груди обе пары рук, та, что в льняной, короткой перчатке, оказалась сверху. С владыкой Порт они друг на друга не глядели. Столь разные, столь всё перепутано…

Дроид в рабочем переднике, мастер контроля, знаток истории по узкому, ограниченному аспекту: войн, откинув голову, кривя уголок шутовского, скорбного рта, смотрел в пространство и время.

Дроид в кольчуге, как выяснилось, знаток инженерных дел, привычно опустив голову, пространству и времени под ногами у себя невесело, незаметно усмехался.

– Ну, говорите… – пресытился электричеством в воздухе Гелиотроп.

Владыка Порт сказал Августейшему:

– Я вовсе не имел этого в виду.

Язвительность зазмеилась по губам паяца, но дальше того не пошло, форма осталась прежней – стражеской. Копыта сделали «цо-цок…», выразительно, как «ну-ну…» Плешивая голова откинулась ещё, впадины на щеках стали глубже,

скулы острей.

Над Йош сейчас, как в своей исходной, бестелесной форме игрового персонажа, он – Страж! – проиграл только что своему же ставленнику, заурядному периферийному дроиду! Которому соображения не достаёт перед входом снять кольчугу, превращаемую одним щелчком!.. Фавор, отвернись, предательница, раз так! Страж, не изменивший автономности, Белым Драконам подобный, независимым навсегда, он, Страж, проиграл обыкновенному высшему дроиду! Терпя поражение, лазейки не нашёл свернуть!

О, как он был зол на себя! «Умный, да, зазнался, да, расслабился?! Решил: на черта мне и моим клещам лазейки?!»

Августейший намеренно выбрал тип улитки – счётчик. Не предназначенный к активному вмешательству. «Разобщающие» счётчики имеют форму мечей, их улитками не назовёшь, аргумент против их создания заготовлен. Не пригодился. Чья-то, но не его, Фавор, щебетала, указывая непредвиденный поворот.

Страж скрипнул зубами, не ответил. Тогда владыка Порт, сидевший, ноги скрестив, поднялся с юношеской лёгкостью, одним движением, и молча же, протянул ему улитку, дроида Айн.

Гелиотроп встал между ними с возмущением и недоумением:

– Братишка?

Братишка швырнул братишку в какой-то запредельный внутренний раздрай.

Гелиотроп видел недроидское в дроидской сфере на своём веку, понятное, недальновидной глупостью достойное назваться, сталкивался часто. А такого, дальновидно несправедливого – нет.

Автономным ведь высшие дроиды, как высшим - люди: предмет неиссякаемой, любознательной нежности и заботы. Со сложностью – хрупкость прибывает во всём, дроиды не исключение… Отсюда и интерес, и забота. Но что бы автономный с высшим дроидом обращался – так… Со своим протеже, успешным ставленником?..

«Фавор и впрямь, увидав такое, надолго замолчит!..» – с упрёком подумал он. Страж ухмыльнулся широко и плотоядно, без смущения восприняв мысленный, громкий упрёк и ответил:

– Сейчас братишка всё тебе объяснит. Но сначала… Вот у этого дроида спросит, не

ошибиться бы!.. А ты послушаешь…

Послушал…

Взятый обвинителем тон послушал, и тон взятый другой стороной, безмолвным обвиняемым…

Страж изъяснялся рубленными, скупыми фразами. Но не как человек, теряющий самообладание, отнюдь. Как рубят дерево, чтобы добраться до зверя, вцепившегося в тонкую макушку, болтающейся туда-сюда, как раскачивают с берега верёвочный мост.

Звучала очень грубая дроидская речь, расшатывающая орбиты переходами с необщего на эсперанто внутри фразы…

Говорить так, как форму менять стремительно, многократно с необщей на общую. Свою и насильственно – чужую, ведь чтобы слушать, надо менять форму тоже. Тактика не для Турнирной Площади, а для реальной драки в небе человеческой сферы. Для дроидской войны.

Не слушать Порт не мог, он должен был

отвечать.

Пропуская вопросы: первый, второй – риторический, обвинительный… Отвечая на третий – предельно конкретный вопрос. Без запинки, это важно. Кратко – ещё важней. Не давая развернуть цепочку дополнительных вопросов. Не дать повод.

Дроиды имеют голос не только для слов, но и для молчания. Интонации, тембр.

Какой тон избрал обвиняемый для двух третей молчания? А как балансирует мим на верёвочном мосте! Ожидая, не противореча. Следуя, лишь следуя - взлетая, приземляясь.

На эсперанто:

– Вообрази, Хелий, порядок, какой тебе и мне не снился!

Порядок среди чего? Предмет обвинения?..

На турнире выбор оружия и тактики определяется для начала предпочтениями сражающегося.

Если дроид выступает против трона, намерен

ли он сыграть в поддавки? Это обычное дело.

Если нет, на что рассчитывает? Чем из отнятого ему впоследствии удобней распоряжаться: готовыми орбитами, отрубленными виртуозно, при сохранности точек фокусировки, дабы за них и держать? Целыми системами орбит, при условии некоторой вины за травму? Так как, системы хранят и азимуты, а дроид без этих азимутов будет «страдать», в смысле помнить и нуждаться в них, при их недоступности?

Или предпочитает отнимать мелкие составные части? Орбиты, за их исчислимостью называемые «созвездиями огоньков»? Распорядиться ими тем сложнее, тем мельче приобретение. Больше вложение личной энергии, пропорция – как поверхность к объёму. Зато потери энергии на их отрубание турнирная площадь отдаёт раненому. Куда удобней: отрубив целой, в тишине и покое разобрать орбиту… Но орудуешь созвездиями огоньков, как с чистого листа. Без топов лазуритовых, делаешь что угодно, без договорённости на Стократный Лал. Без вообще каких бы то ни было согласований! Ради того и вступают в схватку. Соблазнительно.

Можно предположить, что созвездия огоньков наименьшая из травм. Неправильно. Наименьшая – всяческие целые орбиты. Их

можно отнять и вернуть. Системы орбит можно вернуть, но не прежними, изменившимися, «запачканными, чужими», притянуть за них можно, примириться, к лучшему повернуть. А созвездия огоньков – рана, травма, убывание в чистом виде. Сквитаются за такое – тем же способом. Компенсируют, отняв у того, кто слабей.

Гелиотроп потемнел от огорчения…

Прежде воцарения, Порт, как выяснилось, предпочитал третий вариант… На Турнирной Площади отнимал созвездия малых технических орбит, которые уже орбит имитации внешнего. Технических дроидов от седьмого снизу и до предпоследнего уровня. Вот так…

Годится и требуется подобное конструкторам-универсалам. Не уровневым, а "сферным" инженерам. Гелиотропу, например… Но он не отнимал, в Туманных Морях собирал, у одиночек 2-1 заказывал, улиток отправлял вдоль по Юле…

И оружием дроид Порт имел в те времена не копьё, а, да – сюрикены, турнирные с функцией – бумеранг…

«Что ж из того? – поморщившись, оправдывал другого Гелиотроп. – В конце концов,

многие так поступают. Брат автономный, они же, высшие, не лезут в дела людей? Не дело и нам с тобой устанавливать порядки на их Турнирной Площади».

– В какой же формы сосудах, – перескакивая с эсперанто на необщий, оглушив тёплого дроида, Страж продолжал допрос, – напомни мне, Порт, в чём хранится отнятое тобою? О, метка-глаз!.. О, маленький мой, шпион, скорблю по тебе!.. Что смогла, то передала!.. Какой, говоришь, формы сосуды? Под какими Печатями?..

Владыка Порт взлетал над верёвочной переправой, над пропастью, над глухотой, и приземлялся ответом:

– Без сосудов…

– А под чем?..

– Ни под чем… В форме чего.

– Чего?

– Печатей.

Понятно? Не под Печатями – в форме Печатей.

Мало того, что универсальное хранил, так

ещё и в универсальной форме! Это как пистолет хранить заряженным, со взведённым курком. Запас, мобилизуемой стремительно ко всякой задаче. Однако сама форма, на задачи как бы намекает…

– Печати назови! Тип их!

– Припои… И Дополнения…

Ответил Порт негромко. Их улыбки соревновались кривизной.

«Упс… А вот это уже откровенно оружейно-наступательная тема».

Страж замолчал, склонив к плечу плешивую голову. Уголок рта полз вверх всё выше мрачней, от улыбки всё дальше.

Гелиотроп сделал под зловещее молчание обоих недостающий логический шаг и полетел в бездну…

Единожды пережил подобное. На стыке эпох, когда Кронос автономных прекратил существование. Не во что заглянуть, нет связующего дроидскую сферу плазменного ядра. Смотри отныне прицельно, на единицы дроидов, на их устройство, на их союзы…

Тогда Гелиотроп вдруг ощутил взгляд, направленный на него самого. Из этой, атомизированной сферы. Фасеточный, нейтральный, сквозной.

Причём тут какие-то Припои невинные? Конкретике назначенные, соответственно, никак не главенствующие в системах, Дополнения?

Да к тому, что связующее дроидской сферы главное в ней – метки и поисковики.

Связующее дроидского существа – наиважнейшее в нём. Припои, Дополнения, Стяжки-Распорки. Это всё инструменты дроидов, уровнем ниже улиток – связующее дроидского организма, "клей". Как болт и отвёртка являющиеся одним целым.

Нет возможности высшему дроиду прочитать внутренний мир орбит другого высшего. Автономный может более-менее прочитать по точкам фокусировки.

С вышеупомянутыми Припоями и Дополнениями можно прочитать и вмешаться, заполучить огромную власть. На сосудах они

крышки – Печати. Как инструменты они одновременно - импланты.

Поставь датчик из Припоя, и отследишь пульсацию орбит. Как на ладони карта дроида раскроется перед тобой. Карта времени покажет, когда он будет слаб, когда силён, при каких азимутах быстр, при каких условиях сближается с троном, удаляется от трона… Теряет трон…

Не над высшим обретёшь власть, над любым! Хоть над Белым Драконом! Но эти, на их счастье, так просты, откровенны и бескомпромиссны, караулить нечего! Предугадывать? Когда перекувырнётся? Чего в драконе предугадывать?! Рискуешь - за хвост лови!

«Надо мной… – подумал Гелиотроп. – Его инструментарий даёт власть надо мной… Вероятно, на дольку и над человеком? Я как-то не задумывался, не пробовал… Мне-то зачем?.. А нарушителям?.. Боюсь, что и над человеком…»

Гелиотроп вгляделся в меланхоличные, опять склонённые черты…

«Э, как… Ты и самоё – Клеи: Припои и Дополнения - хранил в виде Печатей?.. Силён».

Клеи характеризуются сложностью держать их в сосудах. На дроидском эсперанто «в сосудах», означает – в какой-либо форме. Трудно придать им стабильную форму. Универсалы, кто умеет потратить на Клей часть топа или отнятых созвездий огоньков, его тут же используют. А уж сделать из Клея Печать, форму, собственно, и предназначенную для подавления хаотичной активности в таких именно веществах…

«Дроидская сфера в тайне обогатилась способом хранить Припои и Дополнения небывалым способом… В тайне обогатилась… О, Фавор…»

Однако это не обвинение. Это открытие. Формальной претензии к держанию чего-либо в тайне быть не может.

Августейший догнал вопрос вопросом, чтоб окончательно устранить сомнения:

– В каких же пределах лежит количество Печатей, сконструированных тобой, Порт, тёплый дроид, четвёртый владыка? Ответь нам!

– Сто-двести в динамике…

«В динамике… Эу… Нестандарт. Ну конечно, на самих себе хранятся, ни на чём ином, так и

выходит, что в динамике. Молодец он, всё ж, как бы оно ни повернулось!..»

Разговор Стража, диссонирующий со всей вселенной, как дискретное гудение его стрекозиных крыльев в полёте, острейший из существующих звуков, утомил и Гелиотропа окончательно. Он довольно услышал.

– Фавор над тобой, нежный голос Фавор, пусть звучит над тобой! – перебил он допрос, обратившись к тёплому владыке. – Ты мог не скрываться, зачем? Давно уже, как иные конструкторы 2-1, стал бы одиночкой выше, чем тронным! Поисковики тысяч чужих нужд крутились бы подле тебя!.. Но, Порт, милый, столько хранить… Зачем?!

Милый… Всё ещё?

01.14

Прямо противоположное мнение имел Гелиотроп об этом дроиде до последней встречи. Услышанное, как за закрытой дверью пасторального домика обнаруженный склад разбойничьего, воровского инструмента. Выдаёт

умысел – именно количество! На грустные сомнения наводит. Особенно, упомянутая Августейшим, категория Дополнений, подкатегория Припоев – Клеи-Мом, «мои-мосты»…

Мом – клеевые участки, наращиваемые с одной или обеих сторон разорванной орбиты. Как вариант – прикладываемая заготовка – мост. Нормально хранить такое в количестве нескольких штук для себя, на всякий случай. А в количестве нескольких десятков, Мом указывают на намерение дроида закручивать и рвать чужие орбиты, отняв – склеивать. На себе. Не возвращать.

Мосты – часть дроидской механики чрезвычайно сложная, наверное, самая сложная, и вот почему…

Не только дроидские орбиты, ни какая вещь в мире по большому счёту несчитываема. Как дроиды любовно говорят о человеке, бесконечно плавной бесконечной сложности: «Из волн и волн, из волн волна…» Произносят аккордом мелодичным, тавтология. Припой, Клей-Мом – считывает её! Правда, секрета не выдаёт, не улитка он и не имеет каналов вывода информации. Но для себя – считывает, потому

что иначе, как бы он склеил? Мом не остаётся чужеродным, он вливается в кружение орбиты на все сто…

Есть злой приём, осуществляемый на предельных скоростях…

Если хочешь узнать чей-то азимут, и выяснил, точка фокусировки какой орбиты указывает на него, надо Мом вложив в оружие… – «Например в сюрикен?..» – разорвать эту орбиту так, чтоб Мом её склеил, но не оставлять, а с мясом выдрать. Для этого используют сюрикен-бумеранг. В нём сохранится отпечаток, направление к азимуту, как в метке с запросом.

Выдаст, что планировал дроид, кому антагонист, есть ли у него возлюбленный…

Орбита в раненом, если он не припас своей клеевой заплатки, останется сильно повреждена… Примерно как репутация дроида, напавшего таким недроидским способом. Как доверие и уважение к нему, со стороны ли его трона, если он в семействе, подчинённых, если он сам трон, зрителей, всей дроидской сферы, если имел глупость совершить подобное на турнире.

И так, Припой считывает концы разорванной орбиты. А к Припою прикладывается, что захочет конструктор, сочтёт нужным. На пользу ли дроиду, в пику ли его прежним намерениям…

Зыбкая почва.

С Чёрными Драконами, а именно с их темпераментом, Гелиотроп регулярно такое проделывал. Он и не скрывался, в том числе от них, знают для чего и за что!

Велика важность, дракону, повреди, попробуй! Отряхнётся и свеженький, как огурчик, а эти, чёрные, так отряхиваются под водой! Возвращаются бочком, бочком, без никаких следов Припоя. Глаза ясные, зрачки спиральные, взгляд честный: «Мы??? Не отряхались!!!» Вся работа насмарку.

Или делали вид, что случайно… «Надо было нырнуть! Я же телохранитель!..» Но в свободное от службы время Чёрные Драконы для развлечения в Великом Море не купаются!.. Потому что там – Троп… Летает на беспредельных крыльях, белый, как сон в начале сна, без сновидений. С него же спросу нет, и взятки гладки с Тропа.

Иногда верил, иногда прощал. А кому-то возвращал, вчера снятый, ошейник на место, добавив шипов!

Они сильней боялись отвержения Гелиотропа, с его разумной деспотией и

готовностью к диалогу, в конструкторе – ценность немыслимая, – ведь дроидов из дроидов конструируют дроиды! – а с материалом не всякий снизойдёт поговорить!.. Боялись лишиться подопечного. В произвольный момент телохранителя можно заменить. И особо – отлучения от Юлы, общего поля Юлы. Гибель, катастрофа… Одинокое кружение год за годом над Пухом Рассеяния, в ожидании, когда Троп проглотит, милости его ради.

Есть ещё подкатегория Стяжки-Распорки. Они применяются, когда что-то по логике развития должно разомкнуться, чтобы зафиксировать его в этом положении, ради наращивания Мом, к примеру, подходят – Распорки. Чтобы сократить, ликвидировать этот момент, без моста, применяют Клей Стяжку.

Что именно разомкнётся? В высших? Да что угодно!

В автономных… Где их разрывы, неуязвимых?.. Разве что, слепое пятно?..

Владыка Порт сидел перед Гелиотропом спокойный и сутулый, не поднимая головы.

Совсем, совсем не так Гелиотроп думал об этом незаурядном дроиде. Грустно.

Августейший продолжал:

– Слушай дальше, Хелий! Новость, братишка, в другом. Неспроста же моя метка-глаз в его чертоги залетела, хоть я её, веришь ли, туда не посылал!.. Не подозревал о них, позор на мою лысую мою голову...

И вдруг отвлёкся...

– Хелий, напомни, а почему я не должен ходить без головы? На заре эры совместно обсуждали, запамятовал.

Гелиотроп просёк, что с темы хотят сбить уже его.

Вопросом на вопрос ответил:

– А почему, автономный брат мой, из всех пустых слов ты выбираешь каждый раз это, самое неподходящее "запамятовал"?

– Не всё ли равно? Ведь ты понимаешь, и я понимаю?

– Э-эх... Да ладно. Отвечаю наново: малые орбиты видимости мало на что влияют. Отсутствие их - влияет сильней. Особо когда нет солнечного-перекрёстка-сплетения, и лунного-

головы. Хочешь, чтоб троны покачивались когда ты мимо них проходишь? Или намерен развлечь старой, страшной сказкой мир людей? Признайся, голова просто мешает тебе?!

– Нет, Хелий. Я хотел обратить твоё внимание на особенность некоторых вещей быть не влиятельными при их наличии, но влиятельными при отсутствии. Только и всего.

– Отлично. Я обратил.

Неплохой, грубоватый приём.

– Так о чём я… Повествую… Моя меточка-деточка с его меткой столкнулась, с глазом же! За ней и увязалась. Как увязалась – как летит под воронку Юлы! Во как сильно захватил обзор его метки мою, будто общее поле Юлы! Распрощался я с меточкой. Ну, промахнулся, подумал. Сбита была внезапным изменением чьей-то траектории. И вдруг – бац!.. Вернулась! Показывает не вспышку лазуритового индиго, а склад! Чертоги! Произнеси-ка вслух, тёплый дроид, владыка Порт, каков же процент собственно клея в Клеях-Мом в статике…

– От единицы до топа…

Стремится к нулю. Макеты клеить.

– И соответственно охват ими пространства…

– Достойный охват, Августейший, - Порт прямо взглянул на него. – Не ты ли успел немножко присвоить?

Штрих за штрихом проступала картина. Ничтожное содержание клея и огромный охват пространства, вещи неразрывно взаимосвязанные. Подобно связи летучести с эфемерностью хрупкой ткани. Оружие сильной поражающей мощи действует на близком расстоянии, а шпионы летают далеко, но не могут даже защитить себя. «В метку-глаз клеёв пока что никто не клал. Но в природе оно существует, как свойство вепрей, высших дроидов…»

– Присвоил?! – взрычал Августейший

В его рыке явственно проступили нотки невыносимых, зудящих крыльев.

– Или отмахался от них?! Скажешь, случайность?! На кого, скажешь, ориентированы они, в «достойном охвате», на улиток, быть может?!

Взаимоисключающие задачи для метки: искать автономного дроида или неавтономную улитку.

– Нет…

– А на кого?!

Гелиотроп с трудом выдерживал рычащий голос, каково же тёплому дроиду.

– На кого?!

– На высших…

– Точно?! Подумай, только на них?

– На них - в частности…

И предупреждая новый удар зудящего, жилы вытягивающего вопроса, договорил:

– … в целом – на автономных.

Тогда Августейший замолчал. Не дал воли мстительности ради неё самой. Он же не так давно выбрал Порта… Себе азимутом, семейству Там - ставленником… Как способен симпатизировать, ему симпатизировал… Дичайшем оскорблением для всепрницательного гаера стало открытие вышеизложенного, сам факт, что заурядного, периферийного дроида проведя на четвёртый трон, он, паяц… – он, Страж! – масштаба его не разглядел! Зато как увеличил…

«На автономных…» – мысленно повторил

Гелиотроп. Окинул пронзительно-зелёным взглядом обоих, улыбнулся Августейшему:

– И чем же ты заслужил такое внимание?

– Не я!.. - рявкнул Августейший. – Ты!

Глава Порт снова не смотрел ни на кого. Ждал.

– Да! Да, именно! Братишка, именно за тобой он следил с оружием в руках! Порт!.. Так, нет?!

Картина проступила полностью… «Не долька, а сколько. Все дольки, целый оранж, и очищена кожура…»

Слепое пятно автономного дроида наступает, когда разрывы всех орбит до единой, – всех абсолютно! – ничтожно узкие, выстраиваются вряд, и он – прострелен насквозь… Он слеп. Не может знать даже надолго ли, ни времени, ни пространства, полная слепота. Да… Клеи, Распорки, Припои… Да… И метки-глаза, с капелькой клея, отследят момент слепого пятна…

Бездна, с которой Гелиотроп знаком до полного сроднения… Понял, узнал, и сорвался… Слушать надоело.

Лапа, спускающая с Лазурного Лала на Йош, накрыла двоих автономных по мановению руки Гелиотропа, Августейший лишь хмыкнуть успел, от троповых скоростей, очутившись в Горсти, меж Лалом и рынком.

– Не рычи на него!.. – сорвался Гелиотроп. – Он высший, мы автономные! Он будущее, мы прошлое! Не смей!.. Претендует на мои орбиты? Отдам! Как-нибудь разберёмся… За дроидами, вручёнными тебе, следи!

– Ой-ой-ой, щедрость какая!.. Отдай мне! Я не хуже распоряжусь!

– Повторяю, не смей! Это не улитка и не дракон!.. Хочешь братика защитить? Заходи в У-Гли на огонёк! Покажу тебе, как Чёрные Драконы кусаются, всего перекусали! Защищай братика, на них рычи! Придержи за хвост, пока ошейник меняю! А на высших я запрещаю тебе нападать!.. Как старший брат я тебе запрещаю!

– Мы немножко увлеклись… - тихо, сипло и жутко в коконе, зависшем над Йош, отозвался гаер.

– Да… – Гелиотроп резко сбросил напор. – Я ценю, я… ценю тебя, я понимаю. Но это лишь ряд совпадений. Вернёмся.

И Лапа выпустила их.

– Фавор, тёплый трон, милый, ты следил за мной? Для чего?

– Мне было интересно… Как вы устроены… Те, от которых произошли мы… Которые сами произошли от людей… Стоят на шаг ближе к ним.

– Нет, вы ближе. Но я понял тебя…

«Отчего ты сутул, – подумал Гелиотроп. – Кто и что ранило тебя? В которую именно неведомую, давнюю пору?..»

Интуиция подвела его, не весьма отдалённую.

Допрос, начатый Августейшим, не возымел продолжения. Смысла нет, нет и законных оснований. Отношения автономных с высшими по сути никак не регулируются.

Гелиотроп выразил сожаление о грубости своего брата, о скрытности Порта. Пригласил ради инженерных дел заходить без сомнения и смущения.

Прозвучало, как – заходить в У-Гли, в кузницу,

ради ковки. Что, конечно, могло вызвать лишь одобрительную усмешку Стража! Гелиотроп в расстроенных чувствах не заметил двусмысленности своего приглашения, он-то Дольку, скрытую мастерскую имел в виду.

На том дроиды разошлись.

Теснота кокона Лапы, столкнула их лбами за долю секунды. Напряжение, росшее на Лале, загудело струной и лопнуло, пропало, наконец, в непередаваемом, гармоничном оживлении дроидского рынка.

Йош ищет удачи, высматривает её, рассчитывает на неё. Йош - подлинный Храм Фортуны!

Фавор в каждом новом лице. Йош успел важное понять: одной Фавор ведомо, кто сделает тебя счастливым. Юный или не очень? Похожий на тебя или чужой? Звонко хохочущий, суровый?.. Нежданный, всегда нежданный. Он?.. Вот он?.. Фавор знает!..

01.15

Рынок Йош представал перед посетителями не торговыми точками какого-либо сорта, а липовой аллеей. Местом прогулок, местом знакомств. Себя ведь предлагают дроиды, чего ещё им предлагать и искать?

> Прямая, очень-очень широкая аллея, длинная настолько, чтоб сойтись в точку, но не продолжиться за неё, собственно, там Лапа. Горсть. Кокон раскрывающийся и берущий.

Аллею прорезали косые солнечные столпы, вокруг неё парк, состоящий из солнца. В парк уходили, более группкой тесной компанией переговорить.

Жаль, что нельзя выразить словами уединённость в ландшафте, состоящем из одного только солнца!.. Ну, как… Поляна солнечная, лучи прямо в глаза деревьев не разглядеть. Зато лицо напротив – смуглое от тени, полуденно-летнее в контражуре, и тишину слышней. Нюансы раскрываются, рынок ведь нарочное для этого место. Расположились под липой раскидистой, сотканной из лучей, под её сенью – в шатре её

света…

Уединение, как отсечение постороннего не стенами, а сиянием солнца, что изливается и на гору Фортуны, и на Турнирную площадь, в Собственные миры, из рынков же - лишь в этот, дроидский.

В полдень на Йош лучше всего, многолюдней, переговоры глаже идут, интриги напротив – хуже. Если кто кого присмотрел, а уже дело к вечеру, встаёт вопрос – подождать следующего полудня, благоприятного для взаимопонимания? Или не рисковать тем, что выбранного дроида перехватят?

К вечеру Йош тоже не пустует. Он полон парочек и групп, рассевшихся на песке и разлёгшихся на траве и лавочках, в ожидании утра, что будет вечера мудреней, а следом того полудня, который свяжет их на долгие годы.

Первичное своё намерение что-то предложить: идея, вопрос, желание образовать семейство, приглашение от трона, готовность быть найденными троном – дроиды выражали

абсолютно спонтанно и весьма разнообразно. Символической одеждой, танцами, походкой, песенкой, свистом, прямым вопросом тому, кто показался подходящим. От тронов часто приходили с поисковиками, иногда – с дроидом желания.

Аллея уставлена скамейками, плетёными, как плетут ротанг. Дроиды сидели и лежали на них, сидели подобно дриадам – среди ветвей, на траве обочины, на песке аллеи, что-то палочкой рисуя.

Перед некоторыми разложены артефакты, словно они впрямь торгуют на рынке. Безмолвный вопрос: «Кому-нибудь ведомы происхождение и смысл этих артефактов?» Дроид ищет того, кто раскроет ему его же собственную тему, на основе вещицы, найденной во Впечатлении, воплощённой в эскизе, но не пригодившейся в итоге. Когда закончен эскиз, первые дни новоиспечённый хозяин Собственного Мира вручную подгоняет его и чистит от лишних деталей. Их, выбрасываемые, дроиды ловят, умножая познание своей темы, что же именно под ливнями нашли…

Сидящие окликали гуляющих, в руках которых артефакты имели гораздо чаще символическое значение, заговаривали, улыбались. Вставали пройтись. Заговаривали с соседями и делились сведениями.

Публика присматривалась, прислушивалась на фоне столь тесного места прежде всего к себе, к своим желаниями и антипатиям, размышляла о перспективе своей функции, своего имени.

Когда заносило на Йош Доминго, а уж вместе с владыкой Сад… О!..

Благолепие гармоничного перезвона необщих голосов, мурлыканья на эсперанто, замолкало… Волной от Лапы, катящейся тишиной отлива, чтоб возвратиться цунами неприкрытого:

– Доминго!

– Доминго!..

– Доминго!..

– Выбери меня, владыка Дом!..

– Выберименя-выберименя-выберименя!

– Вы-бе-ри-ме-ня!.."

Приятели шли в обнимку и улыбались. Трое, Индиго уже в общей форме – одесную, Сад с левой стороны. Улыбались, свободными руками разводили: не так всё просто…

Останавливались порой! Присматривал кое-кто подданных себе на будущее… Индиго сжимал его и глядел, голову запрокинув, в солнечно-жёлтое небо Йош. На выбираемых не смотрел.

Доминго на Йош этим бешеным, откровенным признанием бывал лихорадочно счастлив. Потому и редко заходил, что бесстыдно, лихорадочно счастлив. Равновесие, порядок в Доме первоочерёдны, ограничивал себя. Нельзя же так, сразу. Надо место приготовить, прежде чем дроида к себе брать, в будущее посмотреть, в прошлое его заглянуть не помешает. Порядок прежде всего.

Вовсе не значит, что все предлагавшие себя стремились принадлежать семейству Дом всерьёз и надолго. Владыка и не подозревал их в этом! Но они стремились к нему. Неизначальному. Главному трону. Царственному дроиду…

Кто-то на Дом, на владения Доминго изнутри поглядеть. Кто рассчитывал сбежать и стащить какую-нибудь мелочь ради провокации, ради турнира, в результате которого семейство Дом заберёт его в желанном ему статусе. Великое число дроидов 2-2 и одиночек мечтали на Турнирной Площади отдать, преподнести Доминго часть себя, публично и торжественно,

это так!

А кто-то просто хотел крикнуть неизначальному, царственному дроиду: «Выбери меня!..» И получить, до сих пор человеческую, не удержанную, сияющую улыбку!

Августейший покидал рынок в форме шута, его красные губы змеились, серые крылья тесно и высоко сложены за спиной. Его взгляд заставлял потупиться. Иных же гипнотизировал.

Не желая быть узнан, отстав, Гелиотроп затерялся в толпе.

Привратник-человек, Змей курсировал вдоль аллеи по требованию, а так оставался при раме, созерцая то дроидов тут, то там – облака. Глубокие синие глаза, кажется, и зрачки в них не черны, а тёмно-тёмно-сини. Лицо сохранило печать Великого Моря в непроизвольной властности.

Перед Августейшим взгляда он не опустил, поклонившись со всем почтением, провожая. С Гелиотропом, угадав его желание, Змей попрощался едва заметным наклоном головы. А владыка Порт вышел прежде, и гаер успел отметить нечёткую реакцию привратника, знающего, кто это… Будто человек не признаёт

его четвёртым троном… Без высокомерия, но неуверенная какая-то реакция.

Августейший провожал Гелиотропа.

– Чтоб оставался на виду! – отрыкивался он от вопросов. - На троне - значит на виду! Зачем возвёл… Зачем пропихнул… О тебе, братишка, забочусь!

– Ни дольки себе? – усмехнулся Гелиотроп.

Больно уж гнев его очевиден. Личен.

– Ну, это было бы странно! – захохотал паяц.

– В твоих-то замыслах Порт тебя не разочаровал, полагаю? Вот и прекрасно. Не обижай его. Посмотрим, подумаем.

Переступив порог мастерской, Гелиотроп остался наедине со своими тревогами. Новыми, старыми. Неразрешимыми.

Слепое пятно для автономных совсем не то, что для высших дроидов, оставшихся без антагониста. Для высших, это плавающее совпадение небольшого, разорванного отрезка в противоположном направлении точке

фокусировки орбит. Разрыв в нескольких смежных слоях. От десятка до трети существа.

Широко взглянув на вопрос, можно заметить, что дроиду сложнее всего изменить общую сумму уязвимости.

Если его антагонист прекращён, не существует вовсе, а очень мешал, то слепое пятно достигает трети, влияет ощутимо. Если антагонист просто вошёл в чьё-то семейство, то его влияние ограничено стенами семейства: тормозящее, обнуляющее притяжение, отторжение, выталкивавшее от нужных азимутов. Принципиальная возможность этих неприятностей никуда не делась, она в руках у трона, зато слепое пятно неглубоко, орбит десять-двадцать.

Автономный раз в год – все, прострелен. Насквозь.

«Для высших одиночек пятно в течение года не растворяется полностью, трансформируется, течёт, впрямую – слепотой не угрожает им. Где-то что-то дроидом упускается из виду… Для меня редко, но метко: полный провал… Да вышел ли хоть из одного такого провала?!.. Я или новый Гелий?! Много-много последующих меня? Фавор,

это игра слов! Отчего же не возникнет последующий я, которого это бы не волновало?!»

Игра слов, ведь слепое пятно не вредило его памяти.

«Уйти в полный затвор? Осмыслить в новом аспекте точку своей уязвимости?»

Что-то могло понадобиться от него дроиду второй расы. В годовой затвор?.. Мечты-мечты.

Громкий стук. Причём, копытом. Причём, в окно.

«Августейший надумал вернуться ради очередного объяснения, – каковых никто у него не просил! – своего эпического промаха?»

– Георг!.. – удивился и обрадовался несостоявшийся затворник.

Тех, кто мог постучаться к Гелиотропу в окошко, по пальцам одной руки пересчитать. Снаружи не только людям, дроидам его окон не видно.

Смолью блистающий, с гривой до колен, ясным драконьим глазом из-под чёлки косил

вороной конь. «Ах, удался! Могуч, покоритель просторов! Какой я всё-таки… – неплохой конструктор!..»

Откатив сворку окна, Гелиотроп фыркнул ему по-драконьи:

– Привет!..

Затем фыркнул недоумённо:

– Что значит, вернулся?..

Не громче птичьей трели ржанием ответил ему конь-дракон и головой тряхнул. Его лоб был украшен бляшкой серебра… В каплях росы…

– Дроид Айн. Я так и знал…

Гелиотроп снял украшение, на изнанке обнаружил простейшую записочную метку – лист липы. И прочитал на ней: «Я всё понимаю».

«Хорошо тебе, владыка Порт! – подумал он. – Я вот чем дальше, тем меньше понимаю, а уж до всего…»

– Жди, – сказал он, – Георг, обратно поскачешь.

Не сразу отыскав обыкновенный писчий стилус, прокатил его, стёр записку и ответил строками по начертанию острыми как клинопись,

а по смыслу мягкими, как пёрышки на горле Фавор…

«Тёплый владыка на троне дорогого мне семейства, дар, это дар. Там, значит – Там!.. Глава Порт, не для себя, так для подвластного тебе семейства, распоряжайся моими дарами во благо ему. Во благо себе прими сейчас или завтра моё участие. Хотя бы ради того, кто прежде танцевал на этом троне, и у кого, я уверен, ты не помыслил бы свергнуть. Фавор да поёт над тобой».

Наспех проставил личные печати на метках-сюрикенах, соединил их временной орбитой, повесил ожерельем на шею коня и бляху вернул на место.

Поболтали минутку о новой службе. Георг – из Чёрных Драконов, невыносимый и очень близкий Гелиотропу ящер-нарушитель. Неисправим!

После очередной выходки, временное решение службы турнирным конём, в такой вот, шикарной и необычной форме устроило всех.

Создатель потрепал, пожурил и отправил обратно к трону вороного коня, насладившись зрелищем его небесной иноходи.

Впоследствии, узнав о случившемся, Августейший оживился:

– А что ты забацал в Айн?

– На форм-орбиту? – растерялся Гелиотроп. – Ответ, записку… Чего ещё?

Порядочно времени требуется побыть тронным владыкой чтоб насквозь пропитаться денным и нощным ожиданием подвоха и неповиновения… Это время прошло, и настолько разница между братишками автономными стала велика, что простодушное недоумение ускользнуло от проницательного паяца.

– А выудил чего? Что Порт успел добавить за столь короткий срок?

– Ничего… Наверное… Я не заглядывал за форм-орбиту…

Страж возмутился:

– Хелий, радость Фавор! И не заглянул, и отпечатка не снял?!

– Не… Да и что дало бы?..

– Хоть что-то! Слёзки Фортуны ты, Хелий, радость моя! Уверяю тебя, Георг возвратившийся был воспринят с трепетом! Как шпион и одновременно вызов!.. А ты даже и не знаешь, в ответ на что! Твой возврат Айн – прозрачный вызов на дуэль конструкторов! Хелий, Хелиос!..

Одно меня радует и веселит…

Веселило наглядно.

Шут… Жабо пышное поверх бортов кургузого пиджачка топорщиться, как перья птица ерошит… Серыми крыльями хлопает. Руки потирает…

– … смешит меня! Долго ему искать чёрную, как говорилось, кошку, в тёмной комнате! В прозрачном Айн – пятно коварства! На голубом, как говорилось, глазу драконьем, пятно!.. Выискивать подвох!.. Георг для него теперь, что ни фыркает: на голубом глазу врёт! Я уже хвалил тебя, Хелий? Георг, пропасть мне у Тропа в глотке, превосходен!.. Георг тебе удался. На сколько уговорились, сколько он в Там служит?

– Как сложится. Удался, подлец! По-справедливости улитку бы из него сделать за все выкрутасы! На месте панцирь содрать, да тракт замостить поплотнее. Не могу! Сил нет, как хорош дракон!..

На этом они сошлись. Сил нет, как хорош. Тропу на один зуб, а вспоминай целую вечность, каков был, да каков мог быть.

01.16

Всё не само по себе… В связи, на фоне. В

контексте, по контрасту. Короля играет свита? А пажа?

Отто с приятелем, признанный марбл-асс и Пачули – новый возчик Арбы вместе отправились в отеческое ей заведение, в гости к Гранд Падре. Где ни безобразий, ни суеты. До утра пусть тёмной постоит Арба. Несчастливый день для начала, для рассвета второго колеса. Отто друга увлёк. Отвлечься, успокоиться. На этот раз, Паж, отнекивавшийся прежде, согласился лететь с ними. За знакомство.

В просторном, как для боулинга, зале Гранд Падре среди мастеров игры, изощрённых знатоков и ценителей Отто царил вполне.

«А за котлом Ноу Стоп – он странен, как щелчок искры в хаосе, огонёк дроидов – в хризантеме актиньих дёсен, обмораживающих, ледяных щелчках. Как если б два из сотни щупалец игрались искрой, пока остальные изрыгают лёд!.. Неуместен…» – в очередной раз отметил Паж про себя.

Настолько случаен, что тусуясь на Ноу порядочно лет, Отто имени-титула там не приобрёл. Настолько, что и пятна не оставило на нём, мутное, обезличивающее питьё запретной

воды. Ради спокойного места и секретной общности Отто бывал на Ноу. Любопытный, скучающий. Общительный, но замкнутый стиль, господствующий на секретном рынке, готовый с лёгкостью перенять. Попытаться… Инородность сам не замечал в упор, местные списали на личные загогулины характера.

На Ноу всё прощается, что не мешает, что не выдаёт их чужакам и дроидам в небе и на земле. Остальное на твоё усмотрение.

Кому-то нравиться спать в котле. Кому-то перец под язык, кому-то дождь из струнных лезвий. Для некоторых травматичные прибамбасы – чересчур, вытягивают из наблюдения воды к реальности… Кому-то нравится неглубокий тычок стилетом и быстрая регенерация. Другому – надрезы бритвой с ядом и медленная регенерация. А кому-то – обниматься…

Прятать нос в сгибе локтя, садиться вплотную к людям и обниматься. Что ж, чужое тепло тоже сочетается с запретным. Не хуже и не лучше глубоководной, ядовитой ледышки под язык.

Но Отто не только на Ноу такой. Он везде такой. «Ласковое, глупое теля… Тень-телёнок…» –

морские ассоциации Пажа.

Тень-телёнок – последняя стадия исходно несложной тени, что всё толчётся у соляных надолбов восточных берегов, у Горького Залива. Её привела тяга к успокоению, к прочности, к земле привела тыркаться в соль лобастой головой. Потеря функции упрощает очертания. Тень-телёнок становиться на какой-то промежуток времени трогательной и совершенно безвредной рыбкой. Пока не уплотниться до каменой полностью недвижимого, не сделается сплошной солью… Из таковых останков, продолговатых и круглых булыжников состоит, если смотреть с высоты, с драконьей спины, как жемчужная под огоньками дроидов, под вуалью Туманного Моря, прибрежная полоса залива меж двух больших и вдоль малого восточного мыса.

«Телёнок…»

В чертах – живинка молодости. Светлый шатен. В меру упрямое, в меру открытое личико, не в меру тренирующее пренебрежительную мину.

Впрочем, Отто постоянно отвлекали и увлекали самые разные вещи, мина стиралась, не успев закрепиться.

Из выражений, не из черт состоят лица, и лишь те проступают до кожи, которые

проступают из глубины характера, от сердца. Что в его случае? Трудно сказать… Но что-то очень простое, полудроидское. А значит, и дроидское. Скруглённый брусочек плотно сомкнутых, мягких губ, отчасти да, делал Отто похожим на ласкового, недоверчивого, лишку доверчивого телёнка. Манера обнимаясь, прислониться носом, губами. К кому-то или к себе, в плечо, в колено, в кулак сунуть.

Когда валялись на Ноу, захмелев от запретного с оливкой, когда слушали речитатив рассказчика там же, певца на Мелоди, в парном танце… Пажу в лопатку, за котлом, за кругом ноу-стоп, будто секретничает или прячется. Привычка.

Оставить его в таком положении – хороший способ прекратить поток расспросов и подколов! Приобними в ответ, и болтливость покидает телёнка на время

Друзей у Отто полно, приятелей ещё больше. В близкие друзья закономерно попали наименее похожие на него самого: полудемон и марблс-партнёр из чистых хозяев. До последних событий эти двое не только не общались, но и не были знакомы, общих мест не нашлось. Такая Отто разноплановая личность!

Чуть что не по нему, – а Отто ужасно не любил когда выражали недоверие его словам, даже когда он пересказал, услышанное от незнакомца пять минут назад, – лоб наклонял, обретая ещё больше сходства с телёнком. Сердитости не излучалось ничуть, даже если, правда, сердился! Наверное, потому что не дрался ни на правом крыле, ни по-жизни, выражения тела для него не часть действия, а только жесты, выражения.

Критичность к чужому и своему, необдуманно сорвавшемуся слову никак не приживалось в Отто. Ведь он же слышал! От реального человека! С этого момента оно – существующий факт! В давние эпохи не избалованные информационной свободой люди имели похожее слепое, – ну, подслеповатое, даже в разумных кругах, – доверие к печатному тексту. Это же напечатано? А раз так, то правда!.. А Отто своими ушами слышал!

Нет, он не был дурачком, торопыгой да. Обижался и начинал спор скорее, чем осмыслял недоверие, заявленное ему словом или жестом. Чем меньше такового выражал человек, тем ближе телёнку оказывался.

Некритичность косноязычного флегматика – Пажа превосходила самые смелые мечты, приближаясь к абсолюту!

Пачули же просто не склонен ни ехидничать, ни выдавать эмоции. Его улыбка, замершая слегка, улыбка затворников миров, не по-континентальному спокойная. В ответ на нелепости, на бредовое и тысячу раз перевранное она не выдавала ничего, кроме нежности к другу.

«Ненастоящий» хищник, статус чистого хозяина Отто утратил по глупости, обманом вовлечённый в чужую охоту, и не любил об этом вспоминать. Дома стало тоскливо. А на Ноу Стоп оказалось круто!.. По-своему уютно… А у Гранд Падре – он был крут!

Крут. На это и удивлялся Паж, наблюдая мгновенно преобразившегося за игрой приятеля. Не телёнок, – дроид!.. Венценосный Белый Дракон!

Из тех, что плывут иногда, бросками, упругими рывками, без взмахов крыльев в самом высоком небе. Присмотрись – свет венцов отстаёт, будто против сильного ветра. Стремительно, без кувырков в высоком небе плывут… Не видали их ездовыми драконами, у людей таких не бывало.

Таким, обходил поле Отто, преступая плавно,

сосредоточенный и лёгкий. Марбл-асс, Отто, заполучивший имя самого рынка!

«Туц!.. – тудц!.. – туц!..» – стучали шарики, вылетая из его горсти. Полосатые, сине-жёлтые… Они летели, подскакивая. Останавливались, окружая непрозрачный тёмный шар, шершавый, как с окалиной по железу. «Гнездо», ориентир. Отто бросал, на корточки не присаживаясь, не «закатывая». Бросал, не тратя времени на прицел. С высоты роста отпущенные стеклянные шарики допрыгивали куда требовалось ему! Где он хотел, останавливались, чуть замирая перед самой остановкой, будто это полуоборот к игроку: правильно мы поняли тебя, на нужном оказались месте? Взаимопонимание полное!

Тем он и прославился, тем и приобрёл имя рынка - Отто. Лёгкой рукой, непринуждённой манерой.

Со звонкого «туц!..» шарика, открывающего партию, Пачули ходил за Отто по пятам след в след, раскрыв рот. Опомнился, решил понаблюдать напротив, с той стороны поля. Отто успевал улыбнуться ему перед броском, а Пачули не успевал ровным счётом ничего особенного увидеть!

На континенте, на всём Краснобае нет таких огромных, совершенных столов, игры на них, соответственно, тоже. Случается широкое поле, начерченное прямо между шатров, в пыли. Есть немаленький стол в игровых рядах Южного. Но там – подделка, обман, подтасовка, хитрые поля. Ценители туда не ходят.

Отто играл несколькими комплектами без противника показательную партию, задающую статус на день или ночь, смотря, когда пришёл. Необязательная процедура, для игроков уверенных в себе.

Здоровался, обнимался, перешучивался за игрой, огибая поле… Заранее договаривался о стартах с разных комбинаций.

Пачули ходил следом, наталкивался на людей, спотыкался о низкие бортики, забывшись, о приподнятые на высоту ладони края. Пытался секрет мастерства уловить, хотя бы на след напасть? А не имелось секрета! Как не имелось следа от лёгких, босых ног, как от «тудц-туц!..» стекла по стеклу. Отто любил игру, любил марблс и великолепно чувствовал их. Чего разгадывать? Не секрет. Открытая партия весила для него не меньше, чем сумма всех оставленных за пределами поля дел, но и не больше, чем душная

тяжесть страсти, за которой начинаются ошибки глаза и руки.

Окружив «гнездо» тёмно-ржавого шара «птенцами» результативных бросков, Отто мог удовольствоваться этим, и объявить, что закрывает партию. Но он не побоялся рискнуть испортить мастер-класс…

Подбросив на ладони оставшийся белый шарик, Отто повернулся спиной к полю и… Бросил его по высокой дуге… «Тыдц!.. Тук-тук-тук!.. Тук-тук-тук… Тук-тук…» Пал и запрыгал шарик…

– Тыц!.. – прокомментировал крайне неосторожно Пачули его фантастический бросок, как раз из угла зала.

Зря!.. Оглушительное: «Тыдых!..» вернулось ему в голову, так что сел, закрывая её руками, утонув в хохоте зрителей и аплодисментов игроку.

«Тук-тук… тук…» – закончил шарик угасающие прыжки. На чём же? Так на гнезде же! Белый птенец цокнул и утвердился на окалине тёмного, крупного шара, слегка магнитного для них, но действительно – слегка, в невидимой точке сцепления. Шар на шаре! Птенец вылетел и

вернулся!..

Пачули выбежал из опасного угла и рукоплескал другу громче всех!

Мастер раскланялся на четыре стороны, не забыв отдать поклоны и полю – Падре, и нижнему рынку - Гранду, где скатается однажды десятка марблс, предназначенная для решающей какой-то игры, о которой мечтал, неподкупная десятка, братская той, что ляжет в руку противника.

Марбл-асс вышел не просто покрасоваться, они ведь прилетели на всю ночь, до утра, партий будет несчётно. Его просили… Он не любил отказывать и ломаться тоже.

Отто часто просили войти в игру за себя. Когда ближе к развязке партии свежим взглядом оценив ставку, соперника, когда нервы сдают, рука дрожит. Из интереса просили, вырулит марбл-асс из того, что я напортачил? Есть стратегия «топких ставок», затягивающих, как болото, когда начинают с малого, на каждый следующий бросок – своя цена. И оказывается, что повышать страшно, а терять предыдущие жалко… «Отто-марбл, закрой партию за меня!..»

Делать же это, не спросив разрешенья

соперника, имеют право лишь те, кто, заявившись на день или ночь, собрал какое-либо гнездо. Что Отто и сделал.

Благодаря подобным гнездам он имел статус, при котором получают ставку просителя, но не риски. Алчным, честолюбивым игрокам это важно. И доверие лестно, и выгода. Отто доверие крайне приятно и лестно, а выгоды безразличны.

Бескорыстное отношение марбл-асса посетителям Гранд Падре было очевидно. Так воздушными мелочами, а не чем-то особенным завоёвывают симпатию, воздушную, лёгкую, без зависти, разве что с белой завистью, как птенец на гнезде. За это Отто любили. А за что нет…

Сверх мастерства и «отто» прозвали за это, с упрёком. Он был «отто» многим, находившимся тут, привёл их. Он брал с собой на небольшой, элитарный рынок едва не каждого, кто просил, и хоть сколько-то умел играть. Многолюдность ему в радость. Старожилам рынка – отнюдь.

На Пажа косились… «Вон, гляньте, опять кого-то притащил… Чего поставит гость, битую раковину, судя по лохмотьям?..»

«Интересно у них получается, – думал Паж, вникая в местный жаргон, – заход, зайти в

партию… Сыграв, закрыть. Но не выйти. За собой что ли дверь закрыть? Будто там остался…»

Покоя не дают людям его лохмотья… Паж куда чаще самых завзятых пижонов менял наряды. Беда – всякий последующий мигом приобретал стиль предыдущего! Тряпки не выдерживали того, что выдерживал он, ныряльщик – глубоководной, ледяной соли и перепадов температур. Леденели, ломались. И Паж заново подпоясывал хламиду из лоскутков широким, армированным поясом, от которого давно уже осталось само армирование и ни клочка псевдо-змеиной кожи. Пояс с карманом, с хлястиками для разного прицепляемого. Да, нищеброды, бродяжки небесные так именно и выглядят.

«Этот, в лохмотьях» сунул руку за пазуху, вынул и положил на бортике игрового поля, на углу, где Пачули сразило коварное эхо, одновременно марблс и ставку…

Сверкнули, запахли морем на весь зал десять, - десять! - "птенцов-пингвинов", морских, коктейльных марблс!.. Без фантиков.

– О, дроидские гнёзда!..

– Пинг-марблс!

– Без фантиков…

– Экстра!..

Обычные кокт-марблс не подходят для игры, липкие, быстро тают…

Зрители с пробежавшим шёпотком тянулись посмотреть не столько уже не пинг-марблс, сколько на предлагающего ими заход в партию. Такие вещи и Гранд Падре приносят редко, богачи или, собственно, демоны моря. Но они приходят сыграть против своего брата демона, когда что-то не складывается промеж ними в волнах и на побережьях. А этот пришёл с Отто…

– И каков он в смысле игры?

– Нет предположений?..

– Чего запросит?..

Ещё сомневались: не странно ли будет при неудаче звать Отто на закрыть партию против…

– Кто ему демон?..

– Друг, случайный знакомый?

Чего вдруг разволновались? Боишься, отступи, никто не неволит! Ага… Эти конфетки, они очень вкусные, и хоть вкусностями полудроиды не обделены… Пинг-марблс неповторимы.

Шарик проглатывается легко, как любая

коктейльная конфетка, выбивая в полное небытие. Экстра состав подчёркивает какую-то малую деталь в крошечном, заключённом там моменте Впечатления, не во время поглощения лакомства, а после. Кажется, будто ненадолго улетел из бытия, а через паузу, как проснувшись, вспоминаешь. Явственно. Не как сон, а как явь, как, пройдя что-то в задумчивости, оборачиваются рассмотреть.

Если повезёт, фрагмент связан с любопытным артефактом, на основе такой чёткости Впечатления его легко создать даже бездарному гостю или хищнику одним взмахом руки. Не приблизительно воспроизвести, а до материалов, до послойной структуры точно. Пинг-марблс во всех смыслах – шик-блеск. Но и ставки должны быть соответственны…

– Ясно, оборванец – демон…

– …или демонов прислужник.

– Наверное, что-то у них стащил и за новенького пришёл, с угощением.

– Чтоб не погнали…

Это Гранде Падре одобряет… Побольше бы таких.

Паж невозмутимо разглядывал публику.

– С чем предлагаешь зайти? – ступая к полю, бросил высокий, крепкий парень с некоторым гонором.

Кожаная одежда, причём, не типичная полудроидская - с короткой юбкой, а из эпох: куртка, штаны, не сапоги, но видимость их – голенища, брусок танцевальный щёлкает по пятке. Шипы, вроде как намёки на шпоры. Украшения из серебра без камней.

Гром, изгнанник.

Ему не сиделось на континенте, не сиделось нигде. Не нырялось в море, и у борцов не задержался. Марблс же – общее для всех статусов и сословий. Он средне играл, но был нетерпим к любому вызову или тому, что ему таковым представлялось. Публика обернулась к нему, оценивающе… И Паж пригляделся. Руки борца, осанка тоже. На обоих борцовских крыльях Южного Рынка смотрелся бы органичней.

– Без особых требований, – ответил Паж. – По ставке на бросок. Я выбиваю – ставка мне. Вы выбиваете – птенец вам.

Ну, да, логично. Не обязательно одному сопернику против десяти играть. Да и больно шикарно при удаче! Такое лакомство, несмотря на устойчивость состава, лучше не хранить, а сразу съедать. Жаль остроты, пропадающей без фантика.

Но… проглотить и пропасть… И так десять раз подряд… Сохраняя для игры нужную концентрацию?! Лучше эхом «боб!..» в голову!.. После одной пинг-марблс попасть в само поле птенцом затруднительно, не то, что в стеклянного птенца!..

– Я первый, – сказал Гром, снимая широкий браслет.

Пытаясь снять. Сам он большой и всё у него массивное. Серебряный крючок зацепил за перстень-печатку, который даже Грому был велик. На стекло игрового поля сбросил. Резкий Гром, не смотрит, что дёргает.

Лёгкое, недоумевающее поднятие брови, вся от Пажа реакция. Случайность он заметил, но в целом выглядело как-то… Двусмысленно.

Кольца и в эпоху высших дроидов ассоциировались с «обручением», со связью. Пустые особенно. А это не вполне печатка и не кольцо. Удвоенное обручение. Круг на круге. На месте герба, символа – тоже пустое кольцо…

Гром чертыхнулся невнятно, плечами пожал и застегнул браслет на запястье. Так, значит так.

Паж взял первый пинг-марблс на ладонь, ему-то всё равно, как бросить, лишь бы не близко к краю… Хоть щелчком. Задумался. Прозрачная сладко-солёная сфера отразила болотную, тинистую пелену его глаз.

«Зря они шепчутся, что прислужник, – пробило Грома, повидавшего Чудовищ Моря… – Это он самый, демон и есть… Бррр… Сам кокт-марблс и сделал, тиглем, Огненным Кругом своим, паром и болью… Противно. Не хочу пробовать».

Отступать тоже некуда. Не из-за перстня же мелочиться.

Гром так резко расхотел конфетку, до которых жаден, вспомнив Чудовище Моря, поломавшее уклад изгнаннической и без того несладкой жизни. Змея вспомнил. Невыносимую унизительность двухгодичного плена, выбившую Грома из равновесия, которого он так и не обрёл.

Омерзительного и реально, объективно превосходящего их, людей, в силе, уме, таланте, монстра никто с той поры Грому так явственно не напоминал, как этот непредставительный,

странный бродяжка… Чем? Неужели только полуприкрытыми веками?..

Паж играл плохо до никак. Всё проиграл на радость Гранд Падре.

Единственное из ставок, что досталось ему, перстень серебряный. Гром промахнулся.

01.17

Перед одним выделываешься, а оценили все, кроме него!

Когда не загадываешь, идёт вроде гладко, стоит захотеть, стоит порассчитать на что-то, как – упс!.. – невезение двумя пальчиками поднимает тебя, как бугу-жучка над беговой дорожкой, на сто восемьдесят градусов разворачивает… Честно, нет?

Отто выпал долгожданный случай показать Пажу, где и в чём крут. Подрасти слегка в глазах загадочного приятеля с Ноу… И Паж бы тогда рассказал ему, где обитает. Взял бы с собой… А не дёргал плечом, когда заплетается язык от вязкой, придонной ледышки, когда, от неё же

осмелев, носом ему в плечо Отто шептал: «Откуда ты? Расскажи…» Ледышка взрывалась во лбу вяжущий холод. Паж не отвечал, журил, отталкивал, больше не давал, заставлял фигнёй какой-то запить…

Откуда он? Откуда его странные песни? Феноменальная чувствительность ко всему, что происходит вокруг котла, под навесом, да и на всей территории Рынка Ноу Стоп? Вокруг облака…

Бывало, люди ещё на подлёте, а Паж просит кого-нибудь, Отто, например:

– Не в службу, а в дружбу, покружи на драконе чуток… Если наш, да не один, скажи – ноу, пустой день…

И впрямь оказывалось, что не требуется за котлом этот гость! За сплетнями летел, или по сугубой глупости, где не следует, надеялся выстроить охоту! Предупреждающий жест Пажа для рынка и для чужака оказывался к лучшему в итоге. Но это радикальный пример. Паж необъяснимо уместен по мелочам.

Когда собравшихся много, удобнее с виночерпием. Паж мог ходить и наливать с закрытыми глазами, кому, сколько надо,

перешагивая через тех, чья чашка пуста, но полон человек, паузы требует, задерживаясь возле тех, кто хочет опрокинуть две подряд.
Феноменальный.

Замечали другие ноустопщики такую особенность Пажа или Отто лишь? Он не знал. На Рынке Ноу Стоп избегали Пажа обсуждать… Избегали обсуждать и необсуждение! Хотя… На всех распространялось… Молчаливый рынок. И сплетников Южного не надо на нём. А уж с дроидами связанный человек оказался бы катастрофой.

Откуда песни его?

Когда не слушается язык и два слова не встают рядом, второе вспоминаешь, а первое напрочь забыл, песня, речитатив длится и длится… Меланхоличные перечисления… Названия какие-то, какие-то имена… Всё незнакомое, перемежаемое словами прощаний… Клятв… Паж сам придумывал так, сходу?.. Или дико древнее, в самую глубину сердца запавшее, повторял, такое, чему не препятствуют всплыть запретная вода и ледяная оливка?..

А голос такой откуда?

При разговоре, нет, вовсе иной! Тихий, суховатый, бедный интонациями. При пении же голос Пажа словно на драконе летел, на музыкальном тоне из глубины… Тот же самый и совершенно иной…

Как с мелководья уходит тень ро, подрагивающим, хвостатым ромбом уходит на глубину, над сапфировой, синей бездной у Синих Скал летит, плывёт, переворачивается… И бездна сопровождает её, её же собственным вздохом… Оу… Оууу-у… От сапфировой глубины к прозрачности аквамарина… Обратно в глубочайший синий сапфир, где пропадают, густея до фиолетовой черноты скалы… Та же самая тень, тот же самый голос… Но над бездной…

Паж пел не громче разговорной речи. Обыкновенно еле слышно - на границе тишины. Почти про себя.

Пел непонятные, незнакомые слова – одно за другим, одно за другим… В линию… Завораживающая дорога, петляющая чуть-чуть… Идёшь по ней, вечно бы шёл… Пейзаж не меняется, она не меняется…

Слова, помещённые в глубокий, тихий вздох,

абсолютно без… Обещанья? Надежды?.. Голос не понижался и не взлетал, и по смыслу слов не понять. Песня кончалась всегда внезапно, как жизнь.

Не было предупреждения, не было надежды, никто их не обещал, всё кончилась. Кончилось и всё.

Отто ценил, восхищался его пением. Но пару минут по прекращении, в тишине… Чувствовал себя как-то странно: «Голос прекратился… Остался?.. Нету… Ещё больше нету… И совсем-совсем прекратился, и ещё раз…»

Предчувствие этих минут заставляло его сжиматься заранее

Когда пустел котёл, Паж, приоткрывая глаза, соизволял заметить, что его очередь на байку, угощение или куплет… Тогда, улетая и переворачиваясь тенью ро в синюю бездну, Отто цеплялся за тихий голос, длящийся, длящийся, чтоб исчезнуть непредсказуемо, как Белый Дракон под всадником, накрытый внезапной волной. Сейчас оборвётся внутри.

Куплетов же с Мелоди Паж не пел, кроме одного коротенького, последнего из «пяти прощаний».

Если Отто докажет, что он тоже где-то и в чём-то ого-го, Паж откроет, откуда всё это?

На континенте скучно. Скучно и на Ноу Стоп, но хотя бы нет хищнической суеты, которая не развлекает, а лишь подчёркивает однообразие, монотонность дней.

Нырять с Пажом Отто не просился, море казалось неприятно ему, враждебно. Волны пугали. В глазах людей, глубины не попробовавших, они так и идут до дна, высокие, вечные, злые, отнимающие дракона волны… Нырять не хотел, да и зачем? За ядом? Его надо уметь собрать… Но Паж ведь не там пропадает. Откуда в нём всё это? Когда не ныряет, куда ныряют его дни?

– Кому ты паж? – осмелев от оливки, тыркался он телёнком под локоть, выбивая пустую чашку из руки.

В губах побелевших от холода – готовность усмехнуться отказу.

Но Паж – ни то, ни то…

– А кому ты – «отто»? – парировал он.

И Отто смеялся, сплёвывал донный песок:

– Ты знаешь, откуда прозвище! Рука верная, птенцов крепко держит. Да в гости к Гранд Падре живых птенцов гуськом привожу.

– Да? Приведи что ли мнея… Менее я… Меня! Тьфу, меня!.. Приведи ещё птенчика… Оу?

– Не, что я слышу? Тебя?! Не ты ли вчера, а, твоё пажество, со мной отказался лететь!..

– Что, правда? – циник. – Передумал, сегодня прошу…

– Провожу! А ты?

– Что я?

– Проводи тоже.

– Куда?

– Пажество!..

Так разговаривали.

Тайну про удивительный голос Пажа раскрыл для Отто совершенно случайно один изгнанник Архи-Сада.

Раскрыл или углубил?.. К тому моменту Отто уже довелось слышать и другие морские голоса, так что, он мимоходом упомянул о преображающем свойстве Великого Моря, не

демонической черте демонов: дивных, глубоких голосах. Амиго горячо согласился.

Но узнав, что речь именно про Пажа, воскликнул:

– Нет, что ты! То есть, да, конечно, голос его глубоководен, но то, о чём ты говоришь, эти несуществующие паузы, где светится Аволь, и Фавор успевает свить гнездо, они не с моря! Эти паузы сливаются, да, когда песня исчерпана, и пропадают, сливаясь да? Их не хватает, хотя они не уходят? Из вокруг, из всякого, из тишины, да?.. Это не от моря!

– Но отчего тогда?

– Стиль…

Амиго заметил недоумение и повторил:

– Стиль же!.. Вайолет. Есть обычный, сог-цок, парный…

– Знаю.

– …есть «ай» – общий. А это одиночный – «майн». Майн-вайолет, песня памяти. «Мой», то есть. «Тебя уже нет на свете, но ты по-прежнему навсегда мой». Второй голос поёт в сердце у того, кто повторяет однажды случившуюся между ними песню. Этот безмолвный голос ты и слышишь, он изумителен, да? Он не уходит…

Отто сидел: нос в кулак, зрачки, как ночь над континентом… Амиго добавил к его открытиям деталь, много превзошедшую объяснение стиля.

– Майны чудесны и редки… – произнёс он задумчиво. – Мелоди Рынок не желает грустить! А желает скакать козлом! Эх, это жаль. Я записываю за ними, но оригинального мало. Разве чары поймают кого! А Паж… Дело в том – с кем – он пел… Чьи майны повторяет, а не что голос глубок.

– И чьи же? – ревниво переспросил смешной Отто, вынырнув из задумчивости. – С кем он пел?

– С дроидом. Это как бы получается, паузы дроидской тишины…

Отто поднял челюсть с газонной травы, подпёр коленом и замахал руками, черпая на себя: продолжай, рассказывай!.. Поверил мгновенно! И в этот раз не зря.

– А… Амиго, откуда? Как налаживают такие знакомства?

Амиго фыркнул своим мыслям, внезапно обнаружив параллель…

Он лично сам вытащил из волн, из щупалец тени этого полудемона, о ком разговор, который однажды вытащил того самого дроида… И не только его. Но своих добрых дел Паж не афишировал, как и злых.

– Налаживают?.. Признательность такого масштаба не нуждается в налаживании, Паж вынес его с глубины.

– Дроиды тоже боятся теней?!

– Нет. Они, удивись, не умеют плавать. Где Белый Дракон тает, все, кроме Чёрных Драконов, тонут, погружаются. Ни плыть, ни на огоньки не разойтись. Мне говорили, что разойтись на огоньки, называется – необщая форма. Если принять её под водой, никто никогда этого дроида не найдёт, а так есть шанс, хоть призрачный, что его выловят. Он дроиду и выпал…

Амиго, помолчав, оживился:

– И знаешь, как звали дроида? Так и звали, Вайолет! Певец легендарный. Понимаешь теперь, какой вайолет-партнёр был у Пажа!..

Отто пал в смятенье… Ревнивый язык опередил скромность:

– Паж любил этого дроида? Стиль вайолет, это такое сог-цок… – Отто сопроводил вопрос характерным жестом, как будто посолив, но не вниз, а вверх.

– Любил? Не знаю… В смысле?.. Нет. Нет, дроид имел возлюбленного – человека. Но он же дроид, он был сог-цок, близок со многими, с огромным количеством людей в песне. Понимаешь теперь, что за майны Паж напевает… Из их дроидской сферы наполовину…

О, да… Отто не понимал только, есть ли в обеих сферах, дроидской и человеческой, какое-либо обстоятельство, не способное причинить укол ревности ему! Что-нибудь, что мимо прошло, да и ладно? Партия, что сыграли не с ним? Вайолет, что не с ним пели? Рынок тайный? Что-нибудь – в прошлом, в будущем, в примстившемся?.. Относительно Пажа – точно нет!

На безобманном поле Гранд Падре мысль когда-либо открыть Шаманию ласковому телёнку, в своей стихии, грациозному и уверенному, как венценосный дракон, у Пажа не только не зародилась, но ушла в глубокий минус. Отто почувствовал это. Что на поле марблс в гнездо попал, а за межой опять промахнулся.

Куда целиться без поля, где снаружи гнездо?

Марблс жизни играют с завязанными глазами… Если припомнить, один случай всплывает, когда Паж сам обратился к нему, а сколько ночей Отто провёл на Ноу Стоп…

Единственная поправка: если б не ревнивое беспокойство предвзято освещало для Отто прошлое, припомнил бы, что к остальным Паж с вопросами и разочка не обращался!

Было так…

Было тесно, потому что холодом тянуло под навес, не имеющий стен. На мрачном Ноу случаются ночные заморозки.

Все теснились к котлу. Пили одно, цельное Впечатление, не микс.

Отто ещё новичок, к обычаям рынка присматривался, чисто технических обстоятельств многих не знал. А тем, что и слышал, пренебрегал по молодости, по беспечности. В первом ряду оказался и на него выплёскивался свет от бока котла, сквозь толстое стекло, за которым бурлит, пузыриться влага. Молнии скрытой механики почему-то били чаще в его сторону, на новенького заглядываясь,

указывал на него незримый громовержец Ноу. Молнии раз в сто лет – губительны, блики же ловить просто неполезно, нехорошо.

Паж, уже смирившийся, что этот оказывается всё время рядом, толкнул его в бок:

– От котла отодвинься.

С чего бы вдруг?

Что в пустом котле, что под светом от него, кипящего, есть некий особый, подавляющий уют толстого, тяжёлого одеяла. Отто не послушался. Тогда Паж, которому легче на дно Великого Моря нырнуть, чем лишний раз рот открыть, покосившись на упрямца, сел немного вперёд и оставил его в своей тени.

Пили…

Через час, наверное, возвращаясь к реальности с трудом, Паж обернулся за своей фляжкой. Вода кончилась в котле, а предплечье его осталось располосовано. Плеснуть из фляги, регенерацию ускорить. Ощутил препятствие… Тяжёлое и тёплое. Отто пригрелся у него на спине, где-то в полудрёме витая. Нос и губы, сопящие влажным теплом, уткнулись Пажу в лопатку. Теперь её захолодил сквозняк.

«Телёнок…» Ноу-стоп пить забыл, чашка в руке на отлёте.

Очнувшись, Отто протянул ему воду с предыдущего круга, вылил на руку, на порез струйкой.

Яркое, как из позвоночника одним рывком выдернули нерв, зрелище сдираемой кожи прошло через рану, с запахом крови вместе, с криком, который звенел в голове, когда уже рана сошлась, и впиталась вода… Ничего не скажешь, подходящее пойло, чтоб витать в облаках и обниматься!

– Зачем ты на Ноу? – в упор спросил его Паж.

Редко он спрашивал, ещё реже удивлялся.

На рынок запретных Впечатлений без приглашений, проверок, чуть ли не допросов и не попадёшь. Отто ещё не забыл их и не был уверен, что они закончились. Он вдохнул, собравшись заготовленный с вариациями, пространный ответ выдать про нецензуру прошлого и независимость от дроидов…

И вдруг ответил:

– Да я и сам не знаю…

Развеселил.

Пажу, как Морском Чудовищу, пришлась по душе его бестолковая искренность. Сблизила их.

А последующее любопытство – нет, не пришлось. И тактичность его не искупала.

«Тактично, исподволь… Предложил бы сыграть по-крупному, как делается, ели уж заклинило на артефакте или тайне! Марблс-дуэль, бросающая на пирамидку! Вон, у Чумы в шатре».

Бывают такие поля-приспособления. В зависимости от исхода, поле покачнётся и…

«И что? – уходя от ответа и обиженных глаз, спрашивал себя Паж. – Взял бы я с него ставку? Проигранную отдал бы? В случае Шамании, близкие вещи… До неразличимости близкие. Отто-телёнок неплохо играет, объективно. Легко играет, хотя… С нашими «чумными» птенцами… Навык не играет… как ни играй… роли…»

01.18

Имея схему общую для всех дроидов, создать Белого Дракона легче лёгкого, главное ничего не убирать и ни в коем случае не улучшать! Справился бы и человек, не говоря про самих драконов!

Труднее заполучить подходящий «топ» лазурита. Улитка должна сделать забор из толщи, а не с поверхности Синих Скал. Но уж заполучив, остаётся заключить её в пашотницу-инкубатор, автоматизированную замену последовательности команд, обернуть схемой и уронить в Великое Море. Для классического, длительного формирования. Для ускоренного – в Стократный Лал, и затем – под волны.

Пашотница – надёжная, умная скорлупа. Неваляшка с тяжёлым основанием. Она защитит, согреет. Падающие снежинки протаивают сквозь её пористую скорлупу, весенней капелью падают на лазурит, объединялись со схемой, её преобразуя, расходуя лазурный топ.

Ближе к завершению процесса, скорлупа пашотницы десятикратно засветится чудным, призывающим мерцанием. Царь-на-Троне вынесет будущего дракона вполне сформированным, полноразмерным, как Восходящих выносит, это общее у них.

Впрочем, вторая раса редко создаёт драконов. Нет нужды и большого интереса. Улучшать – только портить, а по количеству их полно. Хулиганов.

Разве, кто-то из дроидов конструкторов пожелает проверить на них, как на базе, чистом листе что-то привносимое в малые орбиты

внешнего облика. Как оно скажется на характеристиках больших орбит траекторий и памяти?

Это не произвол, над своими малыми орбитами дроиды трёх рас легко властны, не понравилось, стряхнут и всё. А за удачное – спасибо.

Такому конструктору пришлось бы девяносто процентов времени и сто - внимания уделить моменту появления нового дракона в небесах, самым первым секундам после вылета. Иначе он увидит не результаты своих расчётов, а хвост, мелькнувший на горизонте и девственно чистый драконий характер во всей красе! Если догонит… А зазевался, так и не найдёшь и не отличишь потом.

Мало кого, понятно, такая экспериментаторская работа прельщает.

Отдавая предпочтение теплу или холоду в первой расе, остужая что-либо в кольцах, извергая огонь, драконы теряют часть своей силы, не как широты внешних орбит, а как скорости перемещения по ним. Для второй расы и службы людям - потеря незаметная вообще. Для них же самих ощутимая. Уж не те парят,

шуткуют и кувыркаются Белые Драконы в высоком небе, что вели дроидскую войну. Есть ли среди драконов не пользовавшиеся «горячим бросом» тогда, не терявшие клыков и жара? Среди венценосных драконов – есть…

Что до возрастания численности их племени, Белые Драконы, разрываются между нежеланием растрачивать себя, – у высших и Гелиотропа восстановления жди, допросишься, с их точки зрения, сколько ни осталось, всегда с избытком, – и любовью к уроборосам. С третьей стороны за – волшебная, очаровательная непредсказуемость результата, тех же самых малых орбит внешней формы. Каким он перекувырнётся на волю, свеженький уроборос?!

Решившись создать его, драконы поступают иначе…

Улитку грызущую они могут добыть лишь одноразовую… Как добыть – стащить любую, зубом с ней поделиться и запрограммировать на единственный заход. Привязать на цепочку покрепче, потому что возвратность - уже сложное программирование, дракон не осилит, и запустить в толщу Синих Скал и положиться на удачу.

Пашотниц в белодраконьих закромах не хранится, откуда. Специфическая вещь, концентрат горячих цветов. У тронов-то мало, ими не разбрасываются.

Зато у Белых Драконов есть их пасти! Горячие пасти огнедышащих драконов, древних как мир, возникших прежде, чем возникли, бывших мечтой прежде, чем дроиды стали мечтой, и независимых навсегда!

Схемы же общедоступны. Базовая схема дроида, как лабиринты бегства - уплотнённое волнами вращенья Юлы излученье тончайших орбит. Ведь дроиды, одновременно и обитатели сферы дроидов, и её география. Покрутись поближе к Юле, выскользни строго вертикально, и лови перфорированную ленту, она и будет – основная схема дроида. То есть, полная, достаточная схема Белого Дракона.

Для того чтобы провернуть такую, не запрещённую и не одобряемую, авантюру имеется одно подходящее местечко.

Между землёй и «луной» – троповым гнездовьем, над верхними лепестками розы ветров, контролируемой Доминго, и под розой ветров драконьей, ничейной, имеется область...

Не большая, не маленькая, а растущая и убывающая, как фазы луны. На общедраконьем название её звучит вроде как… – Зыбкая Обманка, Непостоянная Ненадёжность? Масло масляное.

Отражённый свет солнца, испарения Великого Моря воды, пустые, чистые, не содержащие ни связных, ни Свободных Впечатлений, пух рассеяния, вместе образуют стебель, подобный дымовому столбу в безветренную погоду. Ненадёжное, непостоянное что-то – Зыбкая Обманка.

Она изменяется как фазы луны – от цилиндрического стебля, до выеденного изнутри тонкого серпа и до полного исчезновения. Влажность этой области по природе – морская, но очень рассеянная и не слоёная, так что она не угроза драконам. Она им, как почва кротам.

Обманка, как бы аналог Заснеженной Степи, но снежинки крошечны, информации в них нет. Аналог и Туманным Морям, но без перезвона второй расы 2-1.

Слои Зыбкой обманки – зыбки и неравномерны. Нижний порой вырывается, сгустившись, с протяжным, усиливающимся

шипением. Растворяется в верхних слоях раскатами… Голос Тропа чудится Белым Драконам в такие моменты, и хоть знают, что здесь так всегда. Замирают, прислушиваются.

Собравшись что-то сказать вслух, Тропос обыкновенно вдыхает со звуком, и выдыхает почти полностью, чтоб не снести к чертям весь мир.

Отчего драконы обитают там? Им забавно! Редкое место, где можно спрятаться. И по этой причине очень увлекательно драться! Устраивать потасовки и сражения нескольких фронтов!

Двигаться трудно бегом. Ползком надо, крыльями помогая, но не сильно раскидывая, поломаются. Вдоль слоя можно лететь… Можно залечь в слое и колечком хвост выставить, как силки… Сверху, клацая зубами, выскакивать, на голову падать!.. Да мало ли чего!

Кто не в настроении участвовать, а залетел в Обманку спокойно калачиком полежать, о жизни подумать, так калачиком и сворачивается, чтобы не трогали его. Не помогает…

Ещё в Обманке можно прятать артефакты. Нужна механика, добытая у людей, пузырчатая, что не падает и не улетает в космос. И желательно в цвет обманки. Туда штуку зароешь и как-то запоминай. Отметина выдаст. Увлекательно искать чужие!

Когда Белый Дракон принимает необщую форму, находясь в Обманке, например, безнадёжно проигрывая в драке, не успевая убежать на простор, он испытывает необычайное для такого крупного существа головокружение.

Вокруг земли, Юлы, общего поля драконам негде падать. Их орбиты движения сами размером с общее поле. В море им тоже не суждено упасть, отторгает. А в необщей форме упасть из Обманки можно.

Собирается дракон рядом или вдалеке как бы чуть обнулённым, освежённым. В этот момент, если недруг угадает место, получит несколько секунд не просто кусить за нос или обидно хлопнуть хвостом по нему, а скрутить беглеца и потребовать перейти на их сторону, или ещё что-то потребовать. Например, от людей добыть что-то. Спросить что-то.

Почему, отчаянно любящие полудроидов,

Белые Драконы вольные и ездовые так редко с ними говорят, отдельная история. Принцип тот, что дракона, автономного, независимого навсегда, беседа на эсперанто уравнивает с высшими дроидами. Связывает. Ослабляет. Не абстрактно, а накладывая отпечаток. Именно разговор и принятие антропоморфного облика. Играть, фыркать и хрюкать с людьми – сколько угодно! Поговорить… – одолжение.

По той же причине и вызвать дракона к тронам сложное дело, приход же в ответ на просьбу – большое одолжение. Или веселуха для драконьей компании!

Когда идёт ранняя, либо последняя фаза месяца Обманка образует серп, охватывает наполовину укрытый от ветра кусочек неба. От ветра и посторонних глаз…

Сквозняк был им не нужен, посторонние тем более.

Стебель розы ветров возносит достаточно Свободных Впечатлений в подходящем состоянии для превращения схемы в дракона. Жар пастей прокаляет обёрнутый схемой лазурит, растапливает снежинки в метели, драконьими крыльями наметаемой с изнанки тонкого месяца.

Владыка Доминго – объект белодраконьих неистощимых шуток, как символ остальных тронов, второй расы вообще. В то же время, именно поединков Доминго они не пропускали. Человеческое ли происхождение дроида, тот ли факт, что – удивительно, достойно уважения для драконов, – именно и собственно взвешенной силой бойца, точностью, скоростью, расчётом и безоглядной храбростью, он положил начало семейству Дом, но внимание белок неизменно приковано к его делам.

Примета: если над турнирной площадью высоко вьются драконы, как белые флаги, как белый дым, расходящийся и возвращающийся клубами, значит, глава Дом вылетает из правых ворот на коне… Со смехом, с копьём наперевес, чёрные волосы плещут по злому, идеальному, сосредоточенному, экстатическому лицу.

Индиго, привратник Дома, кричит, приветствуя его, вместе с трибунами. Безоблачно счастливый во взаимной любви. В необщую форму ныряет за воспоминанием: их первый турнир, те, ветреные секунды! Быть сейчас, завтра, всегда на линии атаки этого дроида единственным, вечным соперником ему! В такие моменты Индиго клянётся себе пуститься во все

тяжкие, чтобы – обратно, на площадь!.. Встать у Доминго на пути… Разбиться об этого царственного дроида в синие, мерцающие орбиты без возврата, каждая пусть взорвётся блаженством, пусть фейерверком осыплет победителя и закончится время… Шага с поста он не сделает.

Белых Драконов появление владыки Дом тоже не оставляло безучастными. Они хохотали, хрюкали, подкалывали на эсперанто. Комплименты и превосходные оценки владыке фыркали на общедраконьем языке, в секрете.

Турниры, которые эти белки решились проигнорировать, были самые, что ни на есть дружеские. Ряд вольных поединков, приглашающих в семейство, статусных внутри него. Три дракона проявили недраконье терпение в ожидании подходящего дня.

Драконья сфера отправилась смотреть турнир Доминго.

Они думали, что спрятались!

01.19

Спрятались от собратьев? Конечно-конечно!..

Зыбкая Обманка текла к звёздам слоями,

холмами на срезах слоёв, к зовущему её троповому лунному гнездовью. Полукругом обняла область спокойную, как заводь, открытую с другой стороны к крупным и круглым звёздам бесцветного неба. Не по-дневному светло, штильно, подводно, но светло.

Три дракона, соблюдая равные расстояния между собой, кружили медленно огибая лазурит, мордами к нему, круглому, в сетке крупноячеистой схемы. Цветом топ близок линялой вершине Синих Скал.

Дракон, пролетающий мимо Обманки, плавными взмахами крыльев гнал на лазурит метельную поволоку с неё. Двое с другой стороны крыльями создавали поддерживающий поток ветра, схема держит, он чуть-чуть нужен. Все три Белых Дракона, широко разевая пасти, извергали направленный алый, оранжевый огонь, жар, в котором зыбились их силуэты и лазурит яйца.

Драконы извергали огонь поочерёдно, попарно, единовременно… Всеми возможными последовательностями и сочетаниями. Чтобы - разнообразие! Чтоб схема сама брала, как знает, а они тоже сами, как получится. Чтоб не предвидеть и не угадать!

Трёхконечной, крылатой, хвостато-змеистой звездой кружилась группа Белых Драконов.

В центре её, в оранжевом пламени зависло бледно-голубое, мраморное яйцо.

Схема таяла на глазах, сеть белых трещин утончалась до вуали, до тумана, обвившего лазурит, и вдруг разошлась.

Тёмный-тёмный лазурный камень открылся…

Драконы переглянулись…

Наморщили носы, сомкнули клыки, и сквозь них, став страшными и свирепыми, изрыгнули кроваво-красное пламя, ослепительной белизны на излёте.

Лазурная тьма изошла мельчайшими брызгами огоньков дроидов, ярких невозможно, будь на йоту крупней, ослепили бы, и разнесла, развеяла по небу такие же мелкие, синие осколки, пыль.

Три дракона, беспорядочно, нетерпеливо замахали крыльями…

… Чудо – предстало им.

Овеваемый взмахами крыльев, на осколке тёмно-синей скорлупы лежал, – хвост в зубах,

глаза распахнуты, – крошечный «уроборос», Белый Дракон… Лежал и мерцал неустановившимися импульсами первой расы, как шубкой: то снежно-белая, ледяных цветов, то плюшево-чёрная, горячих. Дракончик в пуху… То черныш, то белёк…

Сказать, что он был прелестен, ничего не сказать!

Они все таковы поначалу: хвост в зубах. Отсюда и прозванье, уроборос – дракон до года. Но этот сохранит привычку и прозвище вместе с ней. «Уррс» – будут его звать, урчанием протяжным и ласковым. Как сейчас заворчали они, синхронно, в унисон, в умилении. Сквозь фырканье, урча и кивая…

О, Доминго им выскажет! Умиляться, понятно, но кивать - чему?!

В их, беличью сферу нарочно поднимется, чтобы сказать:

– Крокодилы безответственные! Хулиганить, – Троп вам песню спой! – хулиганьте промеж собой или вовеки замиритесь, ваше дело! Но… Уши ко мне поверните на минуту! Ну, лапами придержите, у кого вниз висят! Ах, у всех висят?! Надо же, эпидемия вислоухости среди Белых

Драконов! Не полечить ли вас Гелиотропу, а?.. От его имени ещё раз вам, крокодилы, повторяю… Нет, не белки вы, а крокодилы!.. Два, четыре, восемь!.. Ну, обращайтесь вы как положено к схемам: парно! Шаг на уровень – парно! Не один, не три, и не шесть! Ну, никак не три!.. Не втроём!.. Вы улиток-то помните тех, ненормальных?! Ваше, топ-извёртыш, творчество!.. Чёрные Драконы их потом с проклятиями год собирали!.. Иных ловили вровень над людьми, на рамах, на почве континента! По Горе Фавор и сейчас ползают, хвала Фортуне, вниз не могут спуститься! Всеми вепрями их собирали… Но то – улитки! А то – соплеменник ваш, крокодилы! Совести у вас нет!..

Малая часть и полное рёзюме его речи, зацикленной от гнева, как драконьи шутки.

На какой, спрашивается, эффект рассчитывал высший дроид, поднимаясь с проповедями к белым, крылатым крокодилам?

Он узнал несколько новых словесных оборотов… Родственных тем, с которыми Чёрные Драконы собирали безумных улиток. Узнал ещё любопытный обобщающий эпитет, с которым вепрь одну из улиток со злости вернул по адресу, вместо того, чтоб к Гелиотропу притащить. Вепрь затем к нему же чиниться направился, быв укушен в пятак!

«Безумных улиток» Белые Драконы тогда впятером сконструировали. Каждая – мячик, который внезапно, непредсказуемо сходит с ума, и воображает себя дл-и-и-и-нным колючим побегом с цепкими усами… А колючки какие? Колючки такие, от стебля: три с одной стороны – две с противоположной… Ножницами смыкаются! Скольких они перекусали… Особенно та, которую вепрем, раздосадованный дурацкой работой, зашвырнул в драконью стаю! Прежде чем Осетру попалась на клык. Доминго мог быть удовлетворён возмездием!

Да, по сотворению улиток драконы лихо прошлись… Замахнуться на автономного дроида случай не представлялся. Когда же представился, то спешили: делай или отступи.

Нечётное число создателей сложилось без злого умысла, случайно.

Двое драконов-приятелей нашли подходящую, то есть со сбитыми настройками, выброшенную на линию прибоя, улитку-счётчик, зубы ей наточили… Привязали, отпустили. Цепочка натянулась и оборвалась… Но к их огромному удивлению из толщи синих скал улитка вернулась с добычей! Третий дракон нашёл её, за авантюрой наблюдавший и

догадавшийся, к чему дело идёт. Угадал место её возврата на поверхность, подкараулил, поймал и с фырканьем за спину спрятал:

– Ясненько-ясно… Отдам, но схема – с меня!..

Момент индивидуальности в любом случае привносится, базовое, не базовое… Интересно же, ждать не надо!

С шуточного воровства началась прежде начала жизнь Уррса, загогулина таковая, похоже, преследовала его.

Хозяева улитки возражать не стали и драчки не затеяли. Время, близок турнир, обещавший им уединение. К тому же, не надо спорить за авторство схемы между собой.

Так и получилось общее число, не нарочно, но по факту и любопытства ради.

Трое… Три пасти горячих, три потока огня… Всевозможные ритмы продолжительностей, чередований…

И вот…

Совсем не нарочно, Доминго!..

Но по факту…

Дракончик был невозможно прелестен, но…

Ох, перед Доминго эта троица ещё долго не смела хвостами махать…

Нельзя же сказать про такое чудо "дефективен", но…

Широчайше распахнутые, громадные глаза крапчатые: огуречно-зелёные в коньячную, солнечную крапинку…

Левый… – дёргается! Подмигивает куда-то в сторону… Возвращается в нормальное положение, мигнув, как через усилие…

Дракончик, дракон – с глазным тиком?! Ну, что это такое?!

Тик троицу не смутил. Что они впрямь сочли бы за дефект? Может, прямохождение? Покладистость характера?.. В смысле отсутствия таковой дракончик полноценен до совершенства! Нет, не имеется! А глаз… Да хоть бы с десятью глазами вылупился, и все дёргались в разные стороны, не это главное! Хвост есть? Есть! Длинный? Ого-го!.. Значит, красавец! Просто красавчик!..

Через год дракончик приобретёт нормальные пропорции, пока: глазищи в треть головы, голова немногим меньше туловища, толстые лапы. Когти и зубы у них сразу большие, как наиглавнейший элемент, безоружным Белый Дракон не бывает, независимый навсегда! Верхние клыки придавали уроборосу некоторое сходство с моржом, прикусившим длинный хвост ящерицы, от восторга перед вселенной, и немного растерянным от её оглушительной огромности.

Трёх драконов ждал впереди год купания и ныряния с ним в огоньках Туманных Морей. Чтобы ложились на исчезающую шубку краткие Свободные Впечатления. Чтоб – чешуя крепче, чтоб рос скорей, познавал скорость над самыми волнами.

Впереди миллион вопросов: что было, что будет, что есть?..

Впереди анекдоты с бородами, запутавшимися в вечности, про смешные, нелепые троны второй расы… «Ухрр-ха-ха!.. Слушай про сидящих на тронах дроидов! Про не кувыркающихся «как бы людей»!.. Фррр-ха-ха!.. Про Чёрных Драконов, которые носят ошейники! А-ха-ха-ха!.. Которые ходят на задних лапах!..

Перед ними, а-га-га-га!..»

Впереди не юморные легенды, со всей их неизбывной свежестью, принадлежащие вечности, снова и снова подснежниками прорастающие из неё.

Впереди бесконечные игры: клубками и кубарем, угрём между облаками, пружиной в засаде, а нос – хватать, а свой – убирать во время!.. Борьба, поддавки, сходящие по мере взросления на нет. Мощен, могуч юный дракон, силу рассчитывать пока не умеет...

Замечтались ящерицы, любуясь... Лишку долго: секунды две...

Над ними в срезе холма из неверного слоя Обманки, свесилась принюхивающаяся белая морда. От ветра их крыльев и от восхищения её усы, внимательно нацеленные вперёд, разлетелись по сторонам, а улыбка источила проникновенное урчание:

– Урррро-борррос?! Какой хор-рошенький!.. До чего славный...

Подозрительно быстро перешло урчание от изумлённого восклицания... – к задумчивости.

Им понадобилась бы одна сотая следующей,

третьей секунды – перегруппироваться. Но у них не оказалось третьей секунды!

Вор мчался сквозь Обманку пружинящими, короткими прыжками, подскоками, галопом, иноходью на виражах…

В его зубах, схваченный за шкирку мерцал то черныш, то белёк, неотразимый, подобравшийся крохотный дракончик, и поуркивал нежным, ликующим смехом – первая в жизни гонка! Уроборос болтался туда-сюда, подобравшись, моржовыми клыками зажав хвост.

Вор мчался и сопел на бегу в загривок мерцающей шкурки, чисто-бело-драконьей лихостью и добычей счастлив.

Такой азарт, такая жадность охватила его, что преследователи, до крайности оскорблённые, втроём не смогли догнать! Упустили.

Не в пределах Обманки, среди облачных миров драконы упустили вора.

Ниже, под лепестками облачных рынков, как они говорят «человеческих перекрёстков»,

столько орбит пересекается, след запутать легко. Да и спрятаться можно. Но надолго ли?

На несколько дней. Тесновато для драконов, особенно для растущего уробороса. И к морю пора. Обнаружили себя, конечно…

Скоро вся беличья сфера будет любоваться на него. Обфыркает и обхрюкает…

Троица будет гонять ворюгу нещадно, но помирятся, в конце концов. Драконьи конфликты не затяжные.

Обнаружив над Туманным Морем дроидов, посреди крупной и шумной белокрылой стаи уробороса с нервным тиком, Доминго лишился дара речи… И человеческое и дроидское эсперанто позабыл! Те же слова, что сами пришли на ум, неудобно высказать при месячном дракончике… Руки воздел и над головой сложил: оставьте меня, крокодилы, я в домике! Отчитает их позже.

В остальном новый дроид был хорош. С глазами справится, приобретя характерную черту, изредка взгляд отводить в верхний угол, в сторону правого, проблемного. Будто задумавшись о чём… Два круглых среза огурца… Избыточный, внутренний драконий свет,

избыточный лучится, переливается сквозь коньячные, чистые крапинки.

Лишь когда волновался, в драке, в погоне, зрачок съезжал. Тогда, выправляя его, Уррс подмигивал самым диким и неуместным образом!

Хорош, вполне нормален…

Но вот это-то и смущало Доминго. Неужели обошлось малой кровью, незначительной деталью?

Припоминая уробороса, владыка Дом ждал какого-то подвоха. Не от него, малыш чудный. Около него. Или от разворачивания его схемы дольше закономерного года.

Повинуясь неистребимой человеческой привычке, он подсознательно ожидал самого катастрофичного! Для людей катастрофичное и непредсказуемое, едва ли синонимы. Лучшая новость – отсутствие новостей. Вот и Доминго как-то раз, насмешив Гелиотропа, предположил:

– А вдруг неуравновешенность непарных воздействий так велика, что они, активизируя, вдобавок меняли схему? Вдруг положение Белого Дракона окажется лишь переходной

стадией?

– К чему же?! – рассмеялся Гелиотроп.

Нет, многофазные дроиды действительно существуют… Но это очень сложные и, как правило, технические дроиды.

Не приходилось ждать глубоких конструкторских познаний от божества турнирных побед и вожделенной для половины холодных 2-2 деспотии семейства. Но высказывать такое вслух?

Запредельно комичным показалась Гелиотропу мысль, что собираемое им в стерильных условиях, тонкими инструментами может возникнуть случайно, благодаря жару разинутых пастей. Он абсолютно прав, но у неизначальных дроидов, бывает, зависнет неведомо на какой орбите кусочек человеческой интуиции, столь же ослепительно, беспричинно пессимистичной в знаке, сколь безошибочной в оценке масштаба.

Скоро Гелиотроп призадумается и согласится с Доминго.

Уррс тем временем проживал год, год уробороса в тесной стае из трёх драконов и одного похитителя. В четвёрке, как и должно было быть!

01.20

Отто суждено было стать первым человеком, которого Уррс повстречал на заре своей жизни. Произошло это так…

Верхом летел, всадником на Морскую Звезду с Рулетки. Как, если не всадником верховым? Ну, к примеру, акробатом, скучая в долгом пути! Или, как чар, пританцовывая на драконьей спине. Он же – именно в седле. Сбрую накинул на дроида, имелось и подобие седла. С высокой передней лукой, что сыграло роль… Выиграл богатство у хозяйки, а именно у Нико. Махараджа осваивался на Краснобае, обратно на Южный Рынок как-то не тянуло.

Не жадный и к накопительству не стремящийся, Отто умудрялся быть страшным барахольщиком! Мимо незнакомого явления пройти – выше его сил. Глубинная неуверенность в себе: вдруг оно? Оно самое, что-то жизненно важное, а я упущу? Поиск спасения, облегчённый вариант. От чего? От жизни. Незнакомый, тревожный дымок над бутылочкой с Впечатлением незнакомого, новая игра, новый человек, механика, что ему совсем без нужды, но

заглянуть – надо! Порой он отвлекался раньше, чем успевал вникнуть, особенно в механику, натыкаясь на закономерный вопрос приятеля с Техно: «Ты где, мурзилка? Зачем тогда спрашивал?..»

Отто за правило держал: прежде, чем избавиться от чего, пусть единожды, но опробовать, использовал хоть разок, после чего откладывал с чистой совестью, передаривал, проигрывал. А вещи шли к нему в руки. Как часто бывает с теми, кто не держится за них, в легко и свободно дарящие руки.

Всякие в своей игривости бывают драконы…

Прикинуться простачком, ещё лучше косноязычным, для дракона – милое дело. Очень многие из этих ящериц, якобы несведущих в истории, биологии, эволюции, выдавая свою осведомлённость, изображают в полёте полёт, бег, скольжение, нырки всяких разных зверей. И на удивление точно, если всадник сам довольно эрудирован, чтоб оценить! Другое дело, что любой зверь в их исполнении нет-нет, да и перекувырнётся!

Дракон Отто имел несколько особняком стоящие в этом отношении привычки.

Он летел, вроде, ровно… Но стартовал и тормозил с некоторым рывком. Подпрыгивал, подбрасывал всадника на резком старте… Ещё он умел распространить глазами направленный иссиня белый свет… Чем, к сожалению и недоумению Отто, не пользовался ночами. Внутри же объёмистого корпуса дроида дрожь и рокот мотора намекали на природу его имитации!.. Правдоподобно! Дроиды крайне редко изображают примитивные механизмы. Отто не знал, а кое-кто с Техно в восторге был от света глаз, от гула мотора! Похоже и уморительно смешно!

Внешне Белый Дракон Отто смахивал на поджарую гончую совершенных, приятных глазу пропорций. Лапы, понятно, короткие. Без гривы. Гибкий, упругий… Ему подходит, ему прямо-таки требуется седло!.. И сбруя…

Запряжённый дракон морду ко всаднику развернул, наклонил, и крутолобое их сходство стало очевидно. Глаза круглые, навыкате… Вперился на луку седла… Фыркнул, и оглушительно чихнул! Аллергия прорезалась у дроида на этот предмет! Скривившись, брезгливо приподняв ус и губу, двумя клыками потрогал… Дёрнув дракона за ус, Отто весело расхохотался!

Приглашение к игре? Однозначно! Дракон устроил наезднику короткое бурное родео! Его-то он сбросил и поймал, сто раз подряд, но не сбросил упряжи! Чего проще, исчезни и проявись! Но это будет нечестная игра.

Наскучив возмущаться, дракон закатил глаза, чихнул на седло ещё раз, развернулся… Помчались.

В сухой сезон дорога от континента до Рулетки длинна, рынок относит к высокому небу.

Некоторое время спустя Отто показалось, что его подбрасывает в седле нутряное ворчанье дракона как-то иначе, не как всегда… Вне ускорений и торможений… Он списал эффект на то же самое упрямое дроидское недовольство. Объяснил и сразу засомневался.

Нет… Их обоих потряхивало, и всадника и ездового зверя. Землетрясение в небе? Неботрясение?! Ха-ха!..

Прислушавшись, Отто заметил, что и дракон его прислушивается, но не как будто сейчас заметил, а как будто участвует, откликается. То ли поправить, то ли поддержать готов… То ли думает, не свернуть ли? Не продолжить ли путь – по дуге?.. Ха, интересный расклад… Отто хлопнул

симметрично дракона по шее: вперёд, только вперёд! Ладно…

Их начало подбрасывать сильнее.

Ворчание в корпусе и вибрация за грудиной, игравшая блеском тонко-гранёной чешуи, замолкали на время толчка.

Облака сгустились. Потемнели.

Над нижним, сплошным слоем тёмной тучи дракон мчал всадника стремительно, как над морской далью, непривычно.

Отто подумалось, что они просто летят на отдалённую грозу, и дроид не может решить имеется ли в её огромности что-то запретно, такое, за что Чёрные Драконы не похвалят ездового. С обширными ливнями случается. Бывает у дроидов и элементарный, беспокойный резонанс на гром. Диссонанс.

Бесформенные, грудами нависавшие облака-ущелья, неожиданно расступились. Нет за ними грозы.

Всадника встретили кучевые, ослепительно белые, летние облака… Головокружительно высокие.

Облака до пламенной яркости выбелило солнце, лишь одним из них заслонённое, а не как всегда. Это закономерность обыкновенных туч и облаков. Их разыскивают, среди них летают те, кому не хватает света вечно пасмурных, облачными мирами заполонённых, небес. Чужими Собственными Мирами. Изгнанники любят гулять в простых облаках…

В сахарном, слепящем просторе монументальный, хоть не достигший окончательной величины и правильных драконьих пропорций, юный Белый Дракон стоял на небе. Упёршись в него четырьмя лапами, как по приземлении, выпустив когти, в воздух когтями впившись, толстолапый уроборос упоённо рычал перед собой, пригнувшись, заставляя дрожать пространство… Ни о чём, ни к кому… Пробуя голос… Внимая себе… Улавливая отклики с чьих-то орбит… Наблюдая, как летит голос, как отражается, как в горле перекатывается… Немудрено, что их подбрасывало! Дракон запрокидывал в зенит морду, чтоб глубже вдохнуть, изливая рокочущий рёв прямо… Прямо на Отто!

Дракон и всадник из-под тёмной тучи вырвались прямо на белоснежные облака и сносящий, оглушительный рык! Дроид Отто сам не ожидал, что источник гимна жизни, независимой навсегда, так близок!.. Едва успел

притормозить.

Повзрослевший Уррс, – о, чудесная шутка Фортуны! – сильней походил на дракона, укравшего его, чем на своих создателей!..

Ворюга, Ихо-Сю, из древней, мало сплочённой стаи Лун-Сю, то клубящейся бубликом, роющей чужие сокровища в Зыбкой Обманке, то рассыпавшейся на год, будто чужие и дела нету, до жути напоминал кошку. Нормальную домашнюю кошку, с лоснящейся богатой шубой. Сибирскую, если так подумать...

Ихо-Сю не имитировал форму время от времени, а в любые моменты, самые критические оставался верен своему облику. Крылья кожистые, широкие, с выдающимся размахом. Они ему на вид чужды! Когда крылья распахнёт, из-под воды глядя, ночью, напротив источника света, Ихо можно принять и за Чёрного Дракона, и за Морское Чудовище! В остальном: рассыпавшаяся с пробором густая грива переходила на грудь шикарным жабо, до пальцев сжатых в комки сильных лап спускалась. Когти спрятаны в меху, волнистом ниже колен. Хвост весь мохнат и развевается на бегу, демонстрируя плоскую кисточку жёсткой шерсти. А мех пуховый, мягкий. На торсе – кожа, не чешуя,

очень и очень жёсткая, морщинистая, как в трещинах, не прокусываемая, непробиваемая.

Насчёт этой брони…

Ихо-Сю единожды по случаю выступал на турнире ездовым дроидом, конём противника Доминго.

Копьё владыки, соскользнув, застряло самым наконечником в шкуре. А владыка – неизначальный дроид… Шутки шутками, но этот факт все помнят, автономные особо… Ихо-Сю, не задумавшись, тут же подыграл Доминго: высвободился лёгким движением и отклонил удар своего всадника. Сколько было упрёков!.. «Крокодил летучий!.. Лучше б я пешим выступал!.. Доминго что ли в поддавках нуждается!?» Нет, конечно. Но, увидев перед собой человека в опасности, автономный поступил рефлекторно, как заложено в самой его глубине. В общем-то, наездник его отлично понял.

Морда… Нос короткий. Удобный – трудно схватить за него! Аккуратный и розовый. Ну,

ужасно похоже на кошку!

Они продолжали приятельствовать. Уррс обожал Ихо-Сю, и даже в одном случае из десяти, - рекорд почтительности для дракона выросшего из уроборосов! – к его мнению прислушивался.

Уррс… Как Ихо-Сю гривастый, он больше напоминал дикую кошку. Гепарда.

Лапы и тоще и длинней, хотя, конечно, не как у гепардов, а как у драконов. Ушки круглые. Шерсть жёстче, короче. Немного спадает, дыбом стоит. Сияние горячих и ледяных цветов сбалансировалось, как и у Ихо, в кожу, а не в чешую.

Пасть, одно из двух: либо в ликующей ухмылке, либо в отпаде удивления! Если белые зубы минуту не видны, значит, уж очень кто-то за нос куснул! Моржовые для пасти уробороса, у выросшего Уррса клыки оказались недлинными. Нос широкий, глаза те самые – огуречные в коньячную крапинку разбрызганного солнца.

Вечная зубастая улыбка – океаническая ширь восторга, озирающего бытие!

На это существо, на эту пасть, и рык, и очи светло-зелёные Отто при резком торможении

едва не налетел, задержала лука седла.

Радужка правого глаза огромная, как уличное, тонированное зеленью зеркало на Краснобае, метнулась куда-то вверх и в сторону, прозрачное зеркало левого глаза, присоединилось к правому, и оба вернулись к Отто, охватив его светом – первозданной чистотой даже на пылинку не предвзятого удивления.

Дракон дико и весело подмигнул человеку запоздалым исправлением малой орбиты. Будто сто лет знакомы!..

– Ооооо-ох!.. - вырвалось у обоих.

А юный дракон-великан добавил:

– Урр-рр-ррс!..

Выдохнул, окатив свежестью и усмирённым рокотом.

Когда произносил что-то на необщем дроидском, крапинки глаз сбегались к зрачку. Вытягивались, принимая форму удлинённых капель…

– Ух ты!.. – единственное, на что хватило Отто.

Дракон произнёс своё имя не на эсперанто и не на общедраконьем, хоть имена в равной мере принадлежат любому языку, а на необщем дроидском, где оно означало сразу несколько вещей: «Что?.. Кто ты?.. Почему?.. Как?..» Одновременно представился, что он – Уррс. Всё в целом выражало недоумение: «Что ты за дроид?.. Из прямоходячих?..» Уррс принял его за дроида второй расы. Результирующий, практический смысл вопроса: «Тронный дроид? Или можно – хвостом по носу?..»

Ритмичной, на несколько голосов разбежавшейся руладой дракон Отто ответил Уррсу:

– Это – человек…

Уррс не понял и не заинтересовался, наверное, имя… Рядовое имя в семействе, раз не прозвучала маркировка первой расы в ответе и маркировка трона тоже. А коли так - хвостом по носу!

Он пригнулся чуть, припал на лапах и вполне членораздельно на дроидском эсперанто пригласил, тон уробороса, требовательный и нетерпеливый, он ещё не скоро утратит:

– Давай играть!

Этой фразе с первых дней научили его, потому что кусался с разбега!.. Отнимать желаемое учить не пришлось, что же это иначе за дракон?..

«Гончий» Отто попятился, открыл зубы и зашипел на наглеца, высунув раздвоенный, змеиный язык: нельзя.

– Почему? – переспросил Уррс на эсперанто.

Голос его был мелодичен и глуховат.

– Нельзссся!.. – повторил Гончий на неожиданной смеси необщего с эсперанто.

«Очевидно, юный дракон. Но не может же он не знать совсем ничего? Если же так, почему он рычит тут один, где его предустановленные азимуты?..»

Зазевались! Все четверо!.. У четырёх драконов уроборос – покусанный нос!.. Объективно по возрасту они и не обязаны приглядывать, но по его характеру – очень желательно.

Нельзя… Что значит нельзя?

– Я хочу! – возразил Уррс.

Исчерпав словарный запас полностью!

Вскоре человеческое эсперанто он освоит лучше второй расы, звуками его, нескладными для драконьей пасти, овладеет, как певец Мелоди, предустановленный азимут получит пятый, взаимный, но пока…

Я – Уррс! И я – хочу!..

Отто был в ауте от происходящего.

Слова от Гончего он прежде не слышал! Что Белые Драконы обладают речью, имеют какие-то отношения между собой, он, подобно большинству полудроидов даже не задумывался. Считал, они тают где-то в трансцендентном, возникают на зов… Чем грозит ему лично их препирательство, интересно?.. Недолго ждать!

Уррс быстр и решителен. Пора рассуждений, тенета сомнений, лабиринты расчётов для него – в необозримо далёком будущем!

От неба оттолкнувшись, толстые лапы дракона выбросили его вперёд. Уррс поднырнул под Гончего, распрямился и вбил Отто из седла! Отнял с той же лёгкостью, что Ихо-Сю украл его самого когда-то! Может гордиться, его школа!

Отто же, ничком на незнакомой белой спине, без никакого седла распластавшись, вдруг

почувствовал: его дракон! Оба его, и тот и этот!

Крылатые ящерицы жгутом перекрутились в драке. Попробуй у такого отними!

Уклоняясь от свистящих лап, замирая под петлёй хвоста, вцепившись в жёсткую гриву, Отто понимал: вместе. Если позовёт – этот чудесный, растрёпанный, небесный зверь услышит его. Да, так. Так получилось.

Дроиды расцепились и Отто, отдышавшись чуть-чуть, переспросил:

– Уррс?..

– Уррс!.. – подтвердил дракон.

Отто хрюкнул. Экспромт! А на общедраконьем такое хрю: «Привет!..»

«Привет», который – отсюда и навсегда. Каждодневные приветы звучат, как «ффррр-хррр...», многоразовые.

Уррс хрюкнул ответно, и, отвлёкшись... игрушку свою упустил! Отбил через два взмаха крыльев!..

Отто приготовился играть в мячик, в качестве мячика, но Гончего что-то смутило. Он успел потерять сбрую, нырнул вниз за ней, передумал... Запрокинул морду и что-то провыл совершенно в другом тоне.

Оба, уроборос, прежде не слышавший подобного звука, и человек, слышавший над Южным, одинаково замерли и насторожились.

01.21

Прозвучавший безрадостным, пресекающим зовом, протяжный вой, Белым Драконам несвойственный, нечто прямо противоположное зову: «Летите, куда летели! Мы тут без вас разберёмся».

Гончий постарше и повнимательней к переменам орбит движения необщих форм вокруг.

Он заметил трёх Чёрных Драконов, стоящих вплотную, кирпичиком Большой Стены. Проявились, а не собрались на месте, заведомо значит, с конкретной целью посланы. Не с разведкой, а с директивой.

Смоляными каплями ринулись навстречу Чёрные Драконы от облачного горизонта. Когда делают так, их скорость и у белок вызывает почтение. Остановились, как ударившись, резко – воплощённой лаконичностью: пирамидкой их трёх. Верхний дракон одновременно на плечах

нижних драконов и под ними… Потому она и Большая Стена, что один кирпичик – мнимо тесная тройка – огромную площадь охватывает. Они не связаны, не переплетены. Кто захочет скрыться, не скроется, не выйдет за ярко освещённые их пристальным вниманием пределы, пока не дойдёт до турнирной площади или к трону, своевольно оставленному…

Бумц.

От горизонта брызнули и встали.

Чёрные, щитками бронированные люди с чёрными драконьими головами.

Белки круглых глаз исходят голубизной, которой нет, и всё же она есть, от первозданной чистоты происходящая.

Презирая хождение Чёрных Драконов на задних лапах, кое за что Белые Драконы зовут их к себе и берут в игры… Унюханным из запретного, делятся. Рассказывают про полезное и желанное людям. Делятся артефактами… За иссинь белков, выдающую неколебимость основы.

Даже по отношению к ним, к самой базе она базовая. Такие глаза бывают день-два у дроида,

перешедшего из технических в автономные, из автономных в высшие… Уроборос смотрит на мир несколько секунд такими глазами. У телохранителей «глаз-уробороса» остаётся навсегда – девственная голубизна, в которую до бесконечности расширяется спираль горячего цвета зрачка.

Драконы, прервавшие веселье, смотрелись солидно.

У каждого щит размером от плеч и до стоп, сплошь покрытый призматическими бляшками. У каждого клыки… – как если крахмальный воротник стойку поднять до ушей. То есть, морды драконов помещались в теснине между этими клыками…

Надо заметить, элементы вооружения высших дроидов третьей расы, и само наличие турнирной площади, как способа разрешения споров и конфликтов, всё это отпечатки дроидской войны. Разновидности малых орбит формы, сохранённые потому, что дроиды вообще всё сохраняют, приспособленные для боевых и иных нужд, зримое лишь в дроидской сфере.

Отто, человек, впервые видел Чёрных Драконов при оружии. Клыки и Когти белых – вот

кинжалы, не исчезающие при пересечении сфер! Остальное прячется. Он был впечатлён…

Дракон в стене как бы верхний-нижний, с седой гривой волос, с нахмуренными бровями, обозрел уробороса с носа до хоста, с пальцев лап до прижатых ушей, и ласково, протяжно обратился к нему низким громовым раскатом…

Пропел сквозь носовое хрюканье юному хулигану:

– Уррр… От уговорррра нельзя… Человек это, понятно?.. Отдай его.

Особым жаром первой расы наделённый дракон – Гоби.

Прищурился и, подсказывая, спросил:

– Что это, человек, такое?..

К сожалению эсперанто не обогатилось в следующие минуты полным определением человеческой сущности. Ответил сам себе Чёрный Дракон на дроидском необщем.

Ответил песней.

Рулады и паузы одинаковой длинны.

Паузы сокращались периодами, внутри которых тоже шло убывание. До тех пор пока не

завершил тремя без разрыва птичьими трелями, взлётными и растаявшими. Наблюдательный человек отметил бы закономерность, на необщем обязательна точка – краткий на одной ноте свист.

Уррс меж тем тихонько-тихонько пятился от кирпичика Большой Стены, взиравшего вполне благожелательно. Уши так и остались прижаты. По сторонам вниз раскинул, треугольные, кожистые, наконечники стрел напоминавшие крылья.

Ответил без рулады вообще. Пронзительным, тонким свистом. Подумал… И повторил его… Точка. И ещё точка…

Первая: «Независимые!» Вторая: «Навсегда!»

Ну, ясно: не указывай мне, ящерица прямоходячая!

Гончему же Уррс хрюкнул как раз таки руладой. Певцам Мелоди на зависть, Уррс станет развлекаться там, одарённый в речи и песне.

– Фррр-ах!.. Поиграю и верну!..

Острые крылья выписали два невозможных, несогласованных вращательных финта. Подбросили, развернули и вынесли, Отто не

уронив, из ослепительных, сахарных облаков, под более пасмурное небо, туда, где облачные миры.

Финт был великолепный… Но привёл он точно и ровно к носу седого Гоби!

Без собратьев стоял тёплый дроид на широком, как черный луч, прямом мосту, преграждая дорогу. Свернуть с него невозможно ни вправо, ни влево, ни в зенит. Общая орбита движения. Лети или беги, но лишь вперёд.

Уррс морду запрокинул, кривляясь, с надменной миной, однако глазами стрельнул назад. А там-то чего? Ничего там не было. Причина: орбита виделась прямой в одном направлении из-за того, что в противоположное направление согнала всю кривизну без одной тысячной процента. За спиной смотрящих она – малая, орбита внешней видимости, а тут, вооон до туда… – орбита движения, открытая, лети…

Попался, как несмышлёныш, он и есть. Уррс топтался по-кошачьи. Его, слишком нутряное для диалога, хрюканье больше походило на рычание. Присматривался, есть ли оружие за щитом? Что за мост под лапами? Плиты не соединены… И что за спиной у дракона, если вперёд рвануть, то,

собственно – куда?..

В «У-Гли», вот куда! Гелиотроп послал этих драконов.

В конце ровного как луч моста находилась его резиденция, его кузница, её вовсе, вовек не открывающиеся, ворота.

«У-Гли» – за черноту прозвали, за тепло первой расы. В жарком месте работал холодный автономный дроид. Название произносят отрывисто в соответствии с артикуляцией обитателей.

Резиденция, отдельная сфера Чёрных Драконов. Гостеприимная, нет? У кого бы узнать?.. Никто не стремился туда.

Суровая драконья морда под полуседой копной, прядями рассыпанной ниже носа и клыков, сохраняла прежнюю доброжелательность…

Ждал, удобный момент понаблюдать недавнего уробороса, за всполохами человеческих непостоянств посмотреть. Гоби, как помощнику Гелиотропа, люди особо интересны, реже видит их, чем телохранители, с постоянным подопечным. Особо интересны в новых,

непонятных ситуациях. Это несколько уравнивает: дроидам непонятны люди, независимо от ситуации.

Черный Дракон долго мог так стоять, но это не совсем правильно, отчасти незаконно. Их же племя за нарушения платит по высоким счетам.

– Верррни… – повторил Гоби раскатисто и мягко.

Уррс отрицательно мотнул головой и гривой, дико подмигнув уехавшим в сторону глазом.

Ну, раз так… По протоколу, куда дракончик заглядывал, туда они и должны были направиться, раз так. Без человека, разумеется!

У-Гли имеют в дроидской сфере специфический имидж… Чистилище, ха. Нет, у кого совесть чиста, заходи по-соседски!

У-Гли – не закуток для раздумий, праздных бесед, маленьких опытов и дружеских встреч конструктора, а кузница владыки Чёрных Драконов, горн и наковальня. У-Гли – место, в котором дроид, добровольно ли, вынужденно

обречённый принять изменения, теряет волю, точки фокусировки орбит, азимуты, контур-азимут, если потребуется…

В У-Гли недолго потерять и азимуты безличные, удерживающие дроида, как совокупность технических дроидов, вместе. Проще говоря, стать навсегда или на время перековки клубком сбитых, неуправляемых орбит! И тиски в Кузнице не такие, как в Дольке на столе… А такие, что Белые Драконы, избегают близко пролетать! И не шутят про них, ругаются ими. У-Гли на их жаргоне вроде как чёрт, ад… – предмет чёрного юмора.

К слову, в случае конструирования не ручного, а по схеме, Стократный Лал и держит и куёт. Ему не надо ни тисков, ни струбцин. Ни клещей, одалживаемых у Августейшего втихаря, чтоб никто не видал.

С тисками связан вот какой момент… Дроиды – это поддержание, это движение. Остановка – это разрушение, это тиски.

Ковка вручную – это ряд разворотов внутридроидского движения под острым углом, неполных, но ощутимых пауза.

И в микроскопическом размере они

дискомфортны! Даже когда на Турнирной Площади дроид легко ранил соперника, мелочёвку орбит отнял, вот этот момент их присвоения – дискомфортен. Хотя до настоящей ковки ему – как до неба.

В макроскопическом размере полные, останавливающие тиски – вещь физически непреодолимо страшная. Да, как Троп. Близко, тепло. И в Кузни тепло… Кузнь – называли кратко, обрезая, озвончив.

Опять к слову, Лазурный Лал эти моменты смягчает. Скаты его продолжительны, плавны. Нет страшных пауз, остановок, острых углов.

«Так что, малыш, в У-Гли? Может, Гелиотроп и глаз тебе заодно починит? Про уговор от начала эпохи сам тебе объяснит…»

Радикальными преобразованиями вряд ли угрожал визит недавнему уроборосу, но Гончий, напряжённо сопевший рядом, по плитам моста скрипнул всеми когтями! От страха и гнева. Уроборос – их племени! Гончий готов встать за него зубами и когтями!

Но встал не он, а человек.

Отто, едва видимый на горизонте, зубчатый горный хребет У-Гли, как магнитом притягивал… Проявлялся характер горячих цветов. Хлопнул бы дракона по шее и рванул туда, если б не грозный телохранитель… Зрачки пульсируют… Белки девственно-голубые, круглые…

Отто решился заговорить с дроидом:

– Эээ… - сказал он и замолчал. – Э, дракон, как бы… Нет проблем.

Тоже самое воем сказал Гончий, едва заприметив приближенье камешка Большой Стены: идите себе, у нас нет проблем.

Но вес их произнесённые слова имели разный.

Есть закон, чтоб у каждого человека был ездовой дракон. Но нет закона, что нельзя больше одного… Не в смысле – поиграть в небе, а иметь как азимут дракона, который отовсюду услышит зов. Подсознательно Отто имел в виду именно последний вариант. И Чёрный Дракон понял его однозначно.

Гоби подошёл ближе…

Когда ступал, плита под ногой преображалась в лапу, словно он на отражение наступал.

Уррс заворчал, Гонщик приблизился вплотную, без взмаха крыльев, без дуновения. Отто его белую морду обнаружил над своим плечом.

Две пульсирующие спирали в голубизне белков отняли у Отто небо и землю. Померк чёрный луч притягательного и страшащего пути… Зрачки отняли всё, отсекли, бросили его в полную обусловленность драконьего внимания, неагрессивного, непереносимого в возрастании. При избавлении от которого ликует каждая частица души и тела.

– Удостоверь, – произнёс Чёрный Дракон.

– Как?.. – выговорил Отто по-рыбьи, безмолвным ртом.

– Повтори в незамкнутую орбиту, – имея в виду горячие цвета зрачков. – И если да, то первая раса повторит.

Отто понял и не отступил.

Огненный Круг полыхнул, отразился в спиралях, остановил их пульсацию. Когда

остановилось и вращение спиралей на миг, телохранитель отпустил его с извинениями.

Вслух удостоверил его же словами:

– Так. Проблемы нет.

Отто был с головы до ног мокрый! Не холодным потом страха, а жаркой усталости!

Громыхнуло небо далёкой грозой…

Теперь можно и поиграть! Человек с дроидами, удостоившимися сурового контроля, и удостоившими его, не сговариваясь, восприняли гром, как…

Бабах!.. Старт!..

01.22

Уррс перемахнул над седой гривой, миг раньше – невозможно, миг позже – растает путь! Замкнул Чёрным Драконам прямую часть орбиты, оставив их позади. Что они собственно делают, Гончий один понимал, уроборос – нет!

Люди так играют над волнами, рискуя Белым Драконом и жизнью. Драконы играют у вотчины

гелиотроповой, рискуя носом и хвостом своим – символом вольной воли!

Что страшилка, то и аттракцион. А У- Гли – ещё какая страшилка, ещё какой аттракцион!

При столкновениях в открытом небе с недружественными и занудными легионами Гелиотропа – совсем не то же, что на пороге, откуда веет жаром Кузнь. Меж облаков, над Пухом Рассеяния Белые драконы рассматривают численность противников и только. Переоценка сил грозит им царапинами. Ошибочная оценка диспозиции – прогулкой до трона, если от четырёх владык вызов, фигня.

А мчаться в пике, перед Кузней в крутом вираже уходя… Или не уходя…

Куча угля возле дверей вздрогнет, расправляя гребень над чешуйчатым хребтом, удваивая жар, блокируя холод первой расы в уравновешенной белодраконьей природе. Отнимаются крылья. Дальнейший поединок возможен пешим для белого. Бегство – пешком на лапах. Далеко же Чёрный Дракон погонит его! Долго же, рея над головой будет лупить и клевать! А нечего тут, нечего!

Вариант для самых чокнутых и безрассудно

честолюбивых…

Прорваться за ворота У-Гли, за «пару-вход», неизменно закрытых дверей.

Вход – он же замок, предохранительный клапан. Что б ни снаружи, ни изнутри. В приступе мнительности, Гелиотроп сконструировал его от людей! Примстилось что-то и жутко стало: вдруг человек в горн свалится. Против Белых Драконов и Августейшего клапан не работает. Двуединый замок-дверь. Зелёные, атомно-зелёные, круглые очи-створки. Большого диметра: крупный дракон, вроде Гоби, зайдёт, не наклоняя головы. Человек воспринимает их как один зелёный прожектор, не может зайти.

В этой разведке боем главное прорваться, не дав кисточке белого хвоста покинуть вольное небо, – и ни в коем случае не посмотрев, за правой или левой дверью она осталась, иначе захлопнутся, и прищемлен, жди прихода хозяина! – зубами выхватить уголёк и кувырком наружу.

Авантюра, белодраконий азарт высшей пробы: стащить у Гелиотропа расходник и мчаться, мчаться, мчаться, так что ветер свистит. Самым кончиком влажного носа ощутить предел, за которым уже возможно, не цепляя чужих орбит, перейти в необщую форму, проглотить уголёк и рывком кануть, раствориться в ней!.. С

рокочущим смехом облегчения, «уффф…», смылся!..

Это – что-то особенное!.. Подвиг! Сколько зависти и почёта! Для ускользнувшего с непраздным трофеем ещё и выгода.

Полудроиды на драконах летают между облачных миров. Природа дроидов. Они сквозь облачный мир не летят, лавируют между горных хребтов, слоистых земель… Дождевая туча – проливающаяся часть облачного мира, она проницаема полёту, как и облака-хранилища.

А для человека рама – стоп, не пройти, недоступный проём, сам же чужой Собственный Мир – облако и облако. Случись же человеку упасть, сквозь миры он падает, как сквозь туман, пока не уловит дракон. Способ в их влажности подглядеть немножко… Про что там? Стоит ли рядом кружить, ждать дождя. В зависимости от того, насколько близок дождь, подсмотренное более или менее отчётливо. От неуловимого настроения, до мгновенного видения области Сад, куда из торгового шатра попадает хозяин.

Неодобряемое ездовым зверем поведение всадника.

Во-первых, ревнуя, как и все дроиды, к

способности зайти в Собственный Мир, - пребывающие в мирах дроиды Я-Владыка, чуть не изгои по этой причине, – ревнуют и возможности подглядеть.

Во-вторых, как бы ни были уверенны в себе, боятся не поймать человека. Как удар, резкое сжатие, утрата всадника для дракона… Трудно объяснить.

Дроид как таковой представляется людям волшебным созданием, пропадая в необщую форму, собираясь из неё… Однако дроид имеет высокую, но не абсолютную скорость перемещения в общей форме по орбитам движения. Широта при сохранении этой скорости задана широтой охвата самой внешней орбиты. Для Белых Драконов - максимальный охват - общее поле Юлы.

Для всех остальных, чтоб оказаться далеко, нужно уже в необщей форме сместиться, передвинуть всю совокупность орбит, опираясь на кого-то, как азимут. Азимут же – другой дроид, который может заметить тебя или нет, оказаться лояльным или нет. Откорректировать твои планы или нет. Запросить обоснование или не запрашивать. Тягомотная история. Но… Даже не нуждающемуся в дополнительном азимуте, азимут – сам человек, Белому Дракону быстрее собраться и разобраться, чем облетать вокруг чей-то облачный мир. Быстрей перейти в

необщую форму, установить место для приобретения общедраконьего вида, где ловить, и там проявиться.

Никто из дроидов не любит такое, стремительное расширение и уплотнение орбит. Как болезненно резкое сжатие.

Или этому упрямому, обожаемому поганцу приятно быть схваченным за ухо и заброшенным на спину?! Тогда получай!..

Облачные миры недоступны, непроницаемы, а У-Гли это…

О-г-р-о-м-н-а-я!.. Гро-мад-ная!.. Тучища!

Проницаемая для храбреца! Фррр-ах-ах!.. Ха-ха-ха!..

Туча, налитая мраком, густой тьмой. Двуединая дверь пылает, как очи, пронзительной, чистой зеленью Гелиотропа, холодного дроида, подчинившего их, тёплых дроидов, законно получивших горячие цвета в своё распоряжение. Зелень лазерной, атомной яркости. На солнце можно смотреть, на неё – никак. Её взгляд выдержать трудно… И всё равно! В закрытые створки дверей У-Гли что ни год, мчится кто-то белый, юркий, игривый… А то и не

раз за год!

Мчались и они вдоль моста, над его расходящимися чёрными плитами. Чёрным Драконам не осталось ничего иного, как разбирать мост, по кривизне прямоту не догонишь.

Уррс, не ведающий, куда летит, подчинялся инстинкту первооткрывателя, который есть - стержень дроидов желания. Отклик на многообразие явлений любого сорта, рода и масштаба: температур и сред, цветов и оттенков, полей, вуалей, масок, замочных скважин, секретов и секретиков. Искушающий шепоток инстинкта: «А там? Чего – там?»

Гончий видел пляшущие вдали атомно-зелёные, разнесённые створки дверей и хвост чокнутого уробороса перед собой. Уррс видел ослепляющий зелёный прожектор. Внутренним же взором дракона, – не помышлявшего, а ставшего ездовым раньше, чем понял, что это значит и что такое человек! – зрел полнейшее согласие существа, вцепившегося ему в гриву, с выбранным курсом!

Обогнать, догнать, хоть тактику влёта-вылета обозначить Гончий надежды не имел, и в этот раз

надеялся лишь на то, что Чёрные Драконы с выдающимся безобразием разберутся сами.

В высоком небе близость У-Гли можно распознать по исчезновению запаха сладкой мяты. По возникающему, тревожному, – с его приманивающей тяжестью не смог ничего сделать и Гелиотроп, хоть пытался, – запаху сладкой розы. Неявному, утяжелённому пыльным, удушливым тоном перекалённого, только что распиленного камня… Этот запах угадывали обитатели рынков, особенно Краснобая, там случаются мастера по камню. Для небесных бродяжек – «веянье гигантской тучи, которая никогда не проливается». Отто знал и был заинтригован… Если применимо такое слово к гонкам на пределе! Захвачен?.. В общем, не меньше дракона он рвался туда!

Чуть ближе туча У-Гли предстала не туманной мглой, а необработанным самородным кристаллом, призмами, у которых одна из боковых граней зеркальна. Туча этим самым приобрела блеск. Вплотную они увидали бы, что и призмы из призм – до бриллиантового блеска… Дудки, всем нарушениям нарушение, Гоби только человека на пороге кузницы и не хватало! Мог бы, к своему гнезду не взлетая, прямиком

отправляться в тиски, на перековку!

Дудки… Горны!..

Чёрные Драконы, те двое, что не участвовали в диалоге, приняли игру! Снизу из-под струной натянутого моста протрубили звонко, залпами, вытягивая морды!

Плиты начали расходиться.

Хлопая крыльями, драконы мелькали, обгоняя, отставая, расталкивая плиты хаотично. Отто, не разбиравшийся в тонкостях дроидского, ощутил, что вверх-вниз с моста уходить уже можно, а сворачивать – нет. И что трещины препятствуют полёту. Когда плиты не под прямыми углами расходились, Уррса, начинало закручивать, заносить…

Троекратные горны звонких голосов так удивительны для Чёрных Драконов! Звонкие, трубные, чистые звуки не сочетаются с тягостным, властным теплом зрачкам!

В голосах телохранителей проявлялась их древняя ипостась, ныне суженная до предела, скрытая. Они сами виноваты, сами выбрали такую судьбу.

Едва возвратившись в зону покрытия Юлы,

приняв условия службы и Гелиотропа, как главу, они начали толкаться, расширяя сферу вольностей. Мол, это людей не коснётся.

Гелиотроп честно предупредил обычной присказкой: «Дольку или сколько?» Мол, коснётся неизбежно и скоро. Для начала не дружественность горячих драконов к холодным семействам в принципе.

Например, когда Восходящий, чей дроид – тёплый владыка, встречался с человеком, собиравшим облачный эскиз под патронатом холодного трона, дракон проявлялся всегда при этих, полностью мирных встречах… Как бы намекая… Разве это порядок, разве может пройти бесследно?

Зачем они делали это? Тяготение к расширению свойственно всем дроидам.

«Расширение» для них синоним – «благо». Сужение, утрата чего-либо, перемещение «под» – зло и страдание. Связанность. Лишаться орбит, дарить, отдавать дроид может охотно, вплоть до утраты статуса высшего и автономного. Да и положение улитки его не пугало бы, не будь оно связано с тем же самым сужением. А оно связано, ведь «улитке грызущей» нужны острые

зубы.

Чёрным Драконам, телохранителям людей и ясным очам сферы дроидов нужна огромная сила удержания. Для людских противников, чтоб сохранять грань допустимого против них, для разбивания теней, полных морской воды, для пребывания в этой враждебной среде и для удержания дроида нарушителя в пространстве, которое они образовывают ничем иным, как вниманием. Никакого сплетенья орбит, только глаза общедраконьей формы. Большая Стена, кстати, затрат силы не требует, отчего дроиды так охотно её образуют.

По изложенным причинам Гелиотроп не лишал их орбиты силы. Стискивал.

Внешние орбиты движения от внутренних смотрящих далеко отстоят. Примерно, как взгляд человека, сидящего за решёткой, устремляется далеко в поля… И еще голос… Как горн звонкий, летит вольно, далеко. Но сам пленник – нет. Не на одном месте остаётся. Так и Чёрный Дракон, отлаженный Гелиотропом, многократной ковкой в тисках, соберётся, где надо, но - в прежней тесноте. Он носит её с собой, как улитка панцирь. Голос – остался.

К Панцирному Тракту у Чёрных Драконов особое отношение. Вера в Фортуну – вера в богиню. Чёрные верят в духов…

Они верят в духов прекратившихся улиток, сбросивших тесноту панцирей, что если задумать азимут… Азимут очень важен в любом деле – система координат. Неизбежно подвижная, пусть, но хоть бы не исчезающая! Если загадать его и прогуляться сверху донизу, – им-то открыто Великое Море, – пройти весь Тракт, твёрдо держа загаданное в уме, выдуманный азимут превратиться в реальный. Сбудется. Не в смысле сконденсируется из ничто, из Туманных Морей восстанет самопроизвольно, нет! Объявится, выйдет из семейства, предстанет в яви перед драконом тот дроид, на которого можно опираться, как на азимут, от него построить всё задуманное.

Суеверие…

К нему препятствие судьбой положено! В океан – только вслед за человеком или по приказу, уговор, который их не волновал, все драконы анархисты, бунтари. Чёрные сильно хулиганили поначалу, но оказалось… В море – Троп… И голос Тропа… И клюв Тропа…

Пара моментов относительно характера Чёрных Драконов.

Они с самого начала оказались в неудачном положении серединка на половинку.

Белые, вернувшись, служили людям и только. Подчёркивая таковой факт при всяком удобном случае и без него: независимые навсегда! Коронованный, Царь-на-Троне – важное связующее звено, долгожданное, но не указчик им.

Чёрные же служили другим дроидам… Под этим условием были приняты.

Дроидская война разразилась, собственно, за всякие тому подобные условия: кому где быть. Драконы ли – земля для Восходящих, или облачный эскиз? Нужна ли вообще помимо сборщиков вторая раса? Чёрные закончили противостояние из-за того, что союзники, белые, внезапно капитулировали перед дроидами желания… Рухнул фронт. Опять от них до обидного ничего зависело. Напряжённость чёрно-белая с тех пор… Общего больше: и те, и другие до сих пор считают, что могли бы служить землёй и покровом для людей, для Восходящих. Чтобы сквозь них проходили люди, ладно уж, ко

второй расе, к помощникам в сборке эскиза.

Момент относительно моря...

Телохранителям странно: для малой, но существующей категории континентальных полудроидов, отчего просто не закрыть берега? Не возвести стену из их же, из чёрнодраконьей чешуи? Они способны на это. Вполне. А от моря просто отсекать гонщиков, физически. Запретить снижаться до пределов, откуда Белый Дракон падающего не успеет поймать.

Если так приглядеться, ход их мысли чертовски похож на развитие санкций Гелиотропа против них самих: ограничения и снова ограничения! Только Гелиотроп осуществил и продолжал осуществлять это практически, а люди оставались до безобразия незащищены, иначе говоря - свободны!

Зато в поиск запретных Впечатлений и артефактов телохранители вкладывались во всю.

Плиты исчезающего моста превратились в ледоход на бурной реке. Скрипели, трещали, сшибались и расходились, открывая не

пространство воды, а необъяснимо голубого, летнего неба… Водовороты ветра гнали по нему не кучевые облачка, а осколки чёрных льдин в васильково-синих трещинах, под трубящие кличи Чёрных Драконов!..

Ни разу Уррс не задел края льдины, не дал всадника задеть. Реальна ли угроза? Не было ли окружающее дроидской мистерией, для человека не более чем зримой? Слышимой – как бушующая симфония, не слаженный оркестр, но страстный, оглушительно звонкий!

Оркестровая музыка полудроидам лишь во Впечатлениях ведома… На Мелоди она ни к чему, плясать под неё никак… Петь? Не… Думать о чём-то? Думать в тишине лучше… Отто же случайно открыл, для чего годиться: для гонок! Для небесной драки!

Игра игрой, все понимали, что игра, но как без предлога их затянувшегося отсутствия и забавной неэффективности? Предлог – это вежливость… У чёрных был, отменный: отнять у белого, сумасшедшего уробороса, летящего в сторону У-Гли, всадника!

Отто попал в заварушку, в какой не бывал даже Рута: он стал мячиком в чёрно-белой

междраконьей игре! За шкирку, как уробороса его схватил Гоби с третьего раза, дважды промахнулся!

При немедленной контратаке Уррса шкирка пончо пострадала…

Типичные же атаки ничем не грозили ему, тактика дракона – выбивать, подбрасывая снизу.

Отто с перепугу – клубком, под конец – вольготно раскинув руки, взлетал над лазурной рекой, покрытой трещащими, воющими льдинами, водоворотами, над широкой рекой, как величайшие континентальные реки прежних эпох и континентов: берег противоположный виден едва, и падал, падал замедленно в высоком небе, пытаясь угадать, белая спина его подхватит или чёрная… Эти уже не изображались людьми и на задние лапы не поднимались. Неслись вихрем, дудели, завывали, ликованием вписывая в симфонию ветра и скрежета чёрных льдин свои голоса. Не близились бы У-Гли! Река бы не кончалась!

Всё кончается.

И лукавство третьей расы перед второй. И терпение того, кто закрывал на это глаза.

Кузня полыхнула невыносимо зелёным, лазерным пучком… Река разошлась и двое белок камнем пошли на дно. Провалились сквозь неё в пасмурное небо, чья ветреность по контрасту казалась штилем.

А свой обычный голос показался Отто шёпотом:

– Чего там, дроид?! Дроидский, чёрно-драконий мир?! Да?! Мы не прорвались к ним?! Не прорвёмся уже?!..

Издали бы поглядеть! В раму заглянуть, ну, что за разочарование!.. Он спрашивал, забывшись, дракона как человека, и как дракона, спрашивая по привычке, хлопал, гриву подтягивая вверх, туда-туда, как направляют их…

– А есть ухищренье какое прорваться?! В компании или как?.. Или время ночное, или что?! Или нет?.. Или да?! Да?!

– А то!.. – хрюкнул дракон, в чьей коллекции предмета для такого бахвальства, увы, не имелось. – Но, фрррах, не человеку!

Опомнился! Уважительно вытянутый нос гончего пса к Уррсу повернул и добавил:

– Младому, вчера уроборосу: фррр… ах!.. Моё уважение! Запоминай, если в Кузнь, то там: фррах!.. Шмыг, в кувырок, за хвостом назад! Ахррр, понимаешь ты меня?.. Вот так. А теперь

давайте ещё погоняемся?!

Сколько угодно, ага!..

Таким образом Уррс, вчера уроборос, сегодня - азимут Гоби, дозорного У-Гли, познакомился с первым в своей жизни и фортунно-важным в ней человеком, который ему самому стал азимутом до последнего дня. Уррс обнаружил и понял отличие, вкус, глубину слова: человек.

На последних, широких кругах по периметру Морской Звезды Отто, его человек, его азимут устал до потери сил! Замучили. Прятался в густой, жёсткой гриве, в ухо сопя, держась крепко, не вышибли бы снова...

Проворонившая Урррса его маленькая стая, кружилась в тревожном поиске. Не зря. Предчувствие не обмануло четверых белок, увлёкшихся чрезмерно очередным выяснением отношений... Тропос единственный, кто способен сделать им внушение. Был направлен. Было сделано!

Оставив человека на земле, измотанного, счастливого и дурного от головокружения, Уррс тоже вспомнил, что кажется, есть его стая на свете... И вознамерился воссоединиться.

Зигзагами мотался, у него-то над морем счастья – ноль головокружения. Разве что от сплошного переизбытка сил!.. Зигзагами, каждый поворот кувырком. Он немного промахнулся с высотой от того же переизбытка, четвёрка осталась ниже…

Прежде, чем всё-таки раствориться в необщей форме и найтись, Уррс заметил, как стартует с ощутимого, но не видимого за облачными слоями континента, некая буря… Некая меточная капля, величиной с сам континент…

Троп, устремившись в космические пределы, оттолкнулся от оси Юлы. Он уникален: капля сорвалась внутри самой себя, белым выстрелом в острый угол. Залп оттого бел, что раскалены до предела чёрные, чернейшие цвета, горячие. Заметил дракона на пути, уже теряя зримую форму.

Здорово обнаружить столько чудес за день! Неприятность состояла в том, что заметил и столкнулся с этим чудесным явлением природы Уррс одновременно.

Мега громадный, орлиномордый дракон, мысленно унёсшийся за пределы земной и дроидской сфер, принял вновь общедраконий вид…

И был облит с носа до хвоста яростным красным огнём!.. Шипением и пламенем внезапного испуга.

Ударившийся об невесть что крепкое и бесцеремонное в небе, с каплей удар отнюдь не соотнеся, разгорячённый недавними гонками, озадаченный претензиями прямоходячих в чешуе, Уррс изрыгнул сноп искр в клубящемся, алом огне и поперхнулся последними, дымными. Из ноздрей выпустил дым поневоле смешными, трогательными колечками: пасть его оказалась тремя витками голого хвоста накрепко обвита! Ноздри уробороса гневно раздувались, левый глаз дёргался судорожно, сердито…

«Для уробороса, не те уж размеры…» Тропос подумал про себя почти слово в слово, как Ихо-Сю: «Он и есть?.. Хорошенький, как уроборос!.. Такой славный…»

Троп вдохнул, почти полностью выдохнул… Лишённый шерсти и, какой бы то ни было, кисточки, кончик хвоста постучал ему по лбу…

– Уррс – борррос?.. – произнесла на остатке выдоха гордая орлиная морда вплотную. – Лишку огня в тебе? С первой расы, через зубки

плюёшься, вдвойне убывает, дважды с каждой стороны… Крылышки ослабеют. Не возмашешь…

Этот жёсткий, непонятный и жутко крепкий дракон говорил на эсперанто вполне понятно! Уррс промычал в ответ на дикой, ученически-переходной смеси, считываемой лишь автономными:

– У мымя ммого мил!.. Ахррр-с-с!.. С-с-с-с-с-сил!..

Прошипел, изо всех этих сил, безрезультатно челюсти разжимая. Пытаясь высунуть между клыков язык. Не огнём, так искрой плюнуть!

– Ишь какой! - захохотал Троп резким клёкотом. – Ммого мил?.. Дааа, ты много мил! И балован много?.. Послушай что-то… Без крайней крайности не трать ни огня, ни зуба! Сил поначалу у всех много, но и вечность длинна… Клыки и пламя тебе ещё, чу, пригодятся. Чу, ты услышал меня, Много-мил?..

Так и не отпустив его пасти, Тропос превратился обратно в вытянутую, раскалённую каплю и сорвался, уйдя за пределы общего поля Юлы.

Разумная, сверхскоростная капля ушла с

мыслью: «А ведь я говорил с ним громко… Но Уррс-борос не пал до опорных орбит, не содрогнулся… А четырём из его стаи хватило утробного клёкота, чтоб вспомнили, что почём… Чтобы пали и за юбку Юлы спрятались. Хранить её должны, как и свои обещания… Год уробороса завершён, но где пропорции? Следите же за ним! Этот уроборос перерост - их стаи, да не их природы… Много-мил!.. Особенный… Хелию расскажу».

В облаках, куда сквозь лазурный всплеск ушла тягучая капля, кружились так тесно, что обтирались боками и крыльями, четыре Белых Дракона, тревожно задрав носы…

Пятый, Уррс, вернувшийся, нашедшийся, на их носы недоумевал. Чего увидели, чего унюхали там страшно интересного?..

Страшного и интересного много на свете… Клёкот… Не приближающийся, хвала Фавор!..

Над задранными носами вспыхнула и примирительное мерцание распространила падающая, льдисто-зелёная звезда.

01.23

В силу тотальной распространённости

марблс среди полудроидов, Арба обречена была стать местом пересечения самых различных типажей и сословий.

Факт что: и те, и эти проявляются ради пары заходов, бросить горсть, штучку прокатить, гнездо собрать, из гнезда выбить… – не удивлял, ни тех случайных, ни этих постоянных на Марбл-стрит.

Не удивляло появление вовсе чужих людей, которые приходят ради оговоренного броска, дрогнувшей в последний момент, рукой… Слова присутствующим не сказав, уходят опустив голову, оставив белый лист на игровом поле, положив две высокие платы поверх обычной: голубю и тому, кто сделает одолжение голубя позвать. На отдельной карточке – имя получателя, адрес, куда отправится чистый лист в голубином клюве…

Нередко случалось, что один и тот же человек вне Арбы может принадлежать кругам непримиримо, невообразимо разным, что друзья-приятели имели шанс обнаружить именно в Арбе. Отто – яркий пример.

С одной стороны друг его, теперешний попечитель игрового заведения, возчик Арбы -

Пачули.

Чистый хозяин, большую часть времени вообще проведший затворником мира. Кукольной, подчёркнуто не воинственной наружности. Стиль одежды и общения несколько вычурный, манерный, свойственный узким компаниям чистых хозяев, облачным клубам, оседающим в рынках, где охота затруднена по внешним обстоятельствам.

Компания Пачули собиралась на Краснобае, преисполненная взаимного доверия. Носили они отличительным знаком кружева, с головы до ног или одной частью костюма. Порой неожиданно, например – ворот, рукава, карманы плотные, а грудь и спина просвечивают молочной, незагорелой кожей сквозь кружево и вышивку по нему.

Пачули одевался сдержанней, но и в его костюме присутствовала, поверх плотной одежды обёрнутая, ажурная юбка-шаль. Не она, так короткий, танцевальный плащик, жёсткий с крупными узорами для театра теней на Мелоди. Или что-то подобное: по карманам распиханные, богатые, сладко надушенные платки. Отсюда и «пачули».

Крутые соломенные кудри, букли спускаются на плечи. «Нарочно завивал, на палочках?» Обижался. От природы, чего привязались?

На Мелоди по поводу внешности к людям не пристают, для Мелоди всё нормально. На Южном – вообще всё, вплоть до полудемонов не таящихся.

С некоторых пор число их увеличилось. Туманные вечера в пустынных прежде рядах, принадлежали им, распугавшим шустрых, безмозглых теней. Им, неагрессивным, но если, то… и неотвратимым, внезапным… Кто под капюшоном, случайный прохожий, припозднившийся торговец дневной?.. Балахонистый крой одежды со множеством отвлекающей, ненужной фурнитуры – плохой знак, не рассчитано, значит, на человеческое наполненье под костюмом. Среди дневной публики на Краснобае и Техно попроще одеваются. Хвалятся работой, не собой.

Так и Пачули буклями не хвалился! От природы как кукла: молочно белая кожа, беспокойный характер, а впрочем, волевой. Чёрный Дракон проявляется не часто, сразу пропадая.

Приняв, как свершившийся факт своё тяготение к континенту, марблс и Арбе, Пачули сознавал, что на телохранителя полагаться разумно в небольшой мере. Что серьёзные разборки континента стремительны, а подозревать в злонамеренности всех и каждого он устанет.

Состояние всеохватывающей недоверчивости, при котором дракон следует за гостем рынка неотрывно, отпугивая своим видом, заслоняя с разных сторон… Это не для него. Такие люди адаптируются или с рынков быстро исчезают. Делаются хищниками… Автоматически снимая проблему! Да, телохранитель благо и проблема, постоянная аура его внимания, как перемещаться в клетке.

Дроидская, техническая сторона относительной полезности телохранителя заключается в следующем…

Почему и белки, как Ихо-Сю с уроборосом в зубах, могут прятаться под облачными рынками? Не потому что – рынки, а потому что – игровые! Очень путаные!

Телохранитель реагирует на объективную опасность, связанную с морскими, водно-

солёными напастями, и на субъективную тревогу. Но где игра, там непрерывный мандраж!

Из дроидов наиболее глазасты: телохранители, поисковики и автономные. Телохранители, естественно, в отношении людей. Но и для них общеизвестный, крупный игровой рынок или ряд – клубок такой густоты, что непроглядно! Чума стоящий напротив Пачули, с ухмылкой и словами шантажа не сильней заставил его сердце стучать, чем секунды пред решающим броском в партии марблс! Дроид не услышал тревоги и не проявился.

Тревога должна просматривается через импульсы отличные от фона. Но посреди игровых столов редко как раз успокоение. Выходит парадокс: Чёрный Дракон проявиться, если отвлечься от игры, причём, не на жаркий спор, а на прохладное созерцание? Шутка, это дракону не сигнал…

В итоге, новичка игровых рядов можно отличить, если он чистый хозяин, по телохранителю. Среди завсегдатаев хищники от чистых хозяев неотличимы именно в опасных местах, широко прославленных. Таковое положение вещей косвенно подталкивает к хищничеству, к намерению обзавестись оружием, нападать первым. Среди игроков чистых хозяев единицы.

Пачули отпустил тревоги о безопасности и защите, что будет, то будет, страсть к игре перевесила.

Краснобайская группа Пачули именовала себя Лато, от игры в лото, их сопутствующего увлечения. Главное – ароматы. «Арома-Лато», заменилась одна буква. Для молодёжи – манерность такая, на старый лад, смягчая произносить, «лато» звучит мягче и прибавляется загадочность.

Обосновавшись на Краснобае, знатоки ароматов заходили гостями в соседние ряды и на Южный, взять заказ, воплотить чужую фантазию, поторговать своей, на Техно Рынок заходили проконсультировать, похимичить в модуляторе…

Создавали ароматы по Впечатлениям, по книжным описаниям. По редким, исчерпаемым альбомам ароматов. Кто умел, по схемам с Техно Рынка: загадочные, не растительные, не животные, далёкие от употребляемого в пище или воде, запахи… Создавали по фантазийным просьбам! Специально, чтоб такого – больше ни у кого! В дар задуманное. Заказанное для себя, внезапно вспомнившееся… Такое, что объяснить трудно. Вот заказчики и шли к тому, кто сможет понять, по ассоциациям, вздохам, восклицаниям,

размахиванию рук. Мастер переспросит, угадает, пробники даст понюхать…

Ещё создавали композиции в процессе игры, какие бочоночки вытащены будут.

У них был фирменный запах «Чёрный Дракон» и схема его была, на Техно расшифрованная! Не благодаря запаху дроида, и не для продажной завлекательности придумано название. Аромат сочинил телохранитель, о как!..

Отто кочевал между Рынком Ноу Стоп, Арбой и Жёлтым Парасолем Лато, вознесённым над Краснобаем.

Особенное сооружение, шатёр на ажурных лесах. Свой, давно в Ароме. Но в Арбе Пачули видел его с Пажом… Это мутноглазое, оборванное нечто… Зрелище передёргивало насквозь. Чего у них общего? Напускным цинизмом никакую область жизни не обделивший, Отто, ласковый, общительный От-то, и эт-тот?.. Молчаливый, с тиной во взгляде…

Как, чего общего? А Ноу?.. А на Ноу Стоп Пачули не бывал, для него запретное – случайно выпитая гадость, выплюнутая.

Пажу напротив, Пачули и компания Лато представлялась для телёнка подходящей.

Зато технарей – Ментора, Ноту и Свасти играющих регулярно против девушек с Архи-Сада, он вообще не понимал. Ставок нет, рубятся азартно! Треплются, дроиды разбери о чём!.. Технарь Карат – не игрок перед ними, особенно перед одной чуть не расстилался… Биг-Фазан, которого он сам, Морское Чудовище, на суше опасался! Что ему до изгнанниц?..

Арба - срез и смешение человеческой сферы.

Марбл-стрит…

Сплошная по ряду, очень хорошая защита от теней. Остальному Краснобаю, да и лучшим шатрам Южного на зависть.

Говорят, опилками и стружками сорбента Марбл-стрит закидали сами демоны моря, утомившись расшугивать мелкую шелупонь. Дорогу к шатрам Донного ряда сделали себе, глубоководные диковинки и коктейльные конфетки принося по ночам… В невиданные шатры со срубами, врытые в землю, всегда пустые… Где, говорят, а никто не видел,

собираются поиграть они туманными ночами. Марблс у них – тени, а про ставки даже и слухов не ходило…

Не суть, что за жуть там, польза же на лицо: Арба дневно-ночное, круглосуточное заведение! Это должно бы утомить её попечителя? Напротив, Пачули, как и предыдущий возчик, был счастлив находиться в центре событий! Не для того выходят из миров, чтоб оказаться на отшибе в тишине. К тому же, места доступные в любое время суток начинают тяготеть к активной жизни в тёмное время, день - на ленивое созерцание прохожих, тренирующихся за столами без ставок и полудрёму.

В туманный, ранний вечер Отто играл так паршиво, что с каждым последующим броском восклицал про себя: «Небу слава и морю слава, нету Пажа, перед ним не позорюсь!»

Руки не слушались, ноги не держали. Плюнул играть. Как раз Пачули вернулся из соседнего шатра, Халиль дарил Арбе бесплатное угощение, надо самому потрогать, попробовать… Отто под руку с бокалом нырнул, отпил. Носом и губами мокрыми ткнулся в щёку, привет! Скороговоркой недостаточно тихой для секретного сообщил, выпалил, одновременно хвастаясь и

оправдываясь за бездарную игру:

– Я-летал-на-двух-драконах-сразу!..

– Да ну?.. – рассеянно отреагировал приятель.

Новые люди возникли на пороге… Юноша высокий, какими бывают клинчи. Бывают и полудемоны, но те искорёженные, а юноша прям и грациозен… Когда заходил, ему пришлось нагнуться. Рядом, похоже, сопровождающий, старше его.

Как положено, соломинку за знакомство.

– Отто, услужи.

Набирал ртом из бокала, не запаивая патокой.

Отто не отпустил Пачули, повиснув на нём. Сил нет, ноги – вата. Покачиваясь, шагали между колёс Арбы…

Халиль принёс пучок приготовленный заранее. Очередная наполненная соломинка внушила Пачули какое-то сомнение, и он подхватил вазу со столика. Шёл и ворошил, к носу приблизив, Вспоминая на запах всю коллекцию Лато, выбирая послаще запаянное

патокой, воском для новых гостей. Погрузился в сомнения. А Отто глянул на вошедших… Ещё раз… И высокий парень диковато, весело подмигнул ему!

За длинными-длинными, за такими ресницами, как мимы клеят, - коньячного цвета глаза в огуречно-зелёную крапинку, совсем как у… Только наоборот… Один в один, только наоборот!

Гость подмигнул и влево, вверх, якобы многозначительно взгляд отвёл… Научился вроде бы контролировать, а до конца – никак! Отто затряс головой… И решил Пачули пока не рассказывать… «Отравился, сбрендил?» Какой ещё реакции дождёшься.

Сопровождающий смерил Отто пронзительно зелёным взглядом, и как-то сразу – бесцветным, приглушённым, оставшимся в районе солнечного сплетения проглоченной пустотой. И угрозы не было в нём, и укрытия не было от него.

Отто, таща за собой приятеля, забыв про него, шагнул навстречу знакомым-незнакомым, коньячным глазам.

«Наваждение, морок? Промолчать, спросить? Как?.. Чёрти что творится!»

Без слов потянулся на высоту его роста, к

приветственному поцелую, и дракон, сухими дроидскими губами касаясь щеки, подтвердил его догадку:

– Урррррр… Уррс!..

Ну и дела! Пробовали соломинки, благодарили и представлялись. Зеленоглазый спутник приложил палец к губам: тсс…

Народ стоял компактно вокруг обоих колёс Арбы. Играли марблс заведения. На традиционное выбивание из гнезда, не парами, а много людей поочерёдно. Не присоединившиеся и выбывшие наблюдали из-за спин, с высоких барных стульев вдоль стен.

Пришедшие не выразили желания играть сходу, уклонились от сопровождения к устоявшимся по тематике марблс-партнёрским кружкам. Осмотреться пришли. Пачули не удивился и оставил их в покое, кочевать от колеса к колесу, наблюдая и тихо переговариваясь за спинами зрителей.

На вопросительный кивок Отто сказал по возможности небрежно:

– Знакомый. Гонялись верхом…

Умолчав, что не «с», а «на»… Пачули,

которому цинизм друга нипочём, а мимолётная фальшь, как железом по стеклу, недоверчиво тряхнул головой, и… Вместо лёгкой складки между бровей пролегла глубокая черта, на кукольном лице – желваки… Отто повернулся, да кто там?

В Арбу зашёл Чума. Один. К ним направился…

«С букетом?!»

Обвязанный кремово-белой, атласной лентой примирения букет соломок для заведения он держал в руке. На каждой – сахарная розочка, какие враз тают на языке. Облупленным, тёмно-красным лаком крашеные ногти неприятно выделялись на белизне ленты.

–- Арбе от Секундной Стрелки, – сказал, протягивая.

Мимо сказал, в проброс, как все они говорили с чужими, без интонаций, пряча и выказывая пренебрежение. Высказал и акцентировано, демонстративно улыбнулся.

Пачули принял, он должен. Конфликт – его личный конфликт, Араба, она общая.

Чума добавил подразумеваемое вслух:

– Ты возчик. Мы едем. Птенцы и гнёзда, всё на своих местах. Так?

Пачули кивнул. Разбойник Секундной Стрелки тоже, чуть заметно: мир, не враги, проехали.

Народ зашушукался. Чума бросил общее приветствие Арбе, всем, заинтересовавшимся сахарным ароматом, посторонней игре напряжённостью:

– Доброй ночи – добрый рассвет.

«Добрый, добрый…» – откликнулась публика. Оказывается, его ждали.

К пятиспицевому колесу Арбы предыдущим возчик широким составом приглашал делегации от крупных группировок: Секундной Стрелки, с Техно, с отдельных рядов Краснобая, под боком, как же, как же… С правого и с левого крыла. Это был способ уладить что-то или добиться чего-то от определённого сословия, внутри сословия.

Такие люди сходились вокруг пятиспицевого колеса и разыгрывали сначала, выясняли или разыгрывали, за чей они интерес. Затем выявляли лучшего, прежде послав вызов той группе, к которой есть претензия. По итогам

захода либо добивались желаемого, либо победитель требовал что-то от них.

В последнем случае часто это происходило взаимно. Ведь игра использовалась для сближения, а не наоборот. Подходящий случай вопрос задать, проконсультироваться, в чём не сведущ, заказ сделать тому, кто заказов не берёт… Ради артефакта, модулятора, альбома затевалась игра не чтоб насовсем отнять, а чтоб не прятали, не жадничали.

Соревнования устраивали ради попадания в ученики, прощения проступка борцу левого крыла, на правом крыле - ради отказа от безнадёжного боя, смягчения условий. Когда за одним интересом пришли две противоположные стороны к пятиспицевому колесу, ещё проще, один на один и развязка!.. Хотя и тут не без подводных камней, можно к Отто подлизаться, чтоб за тебя сыграл…

В общем, способ коммуникации, утряски частных, рыночный проблем и коллекционерских пунктиков.

Была, однако, дополнительная, – или основная? – грань пятиспицевых игр.

Выигравший у этого колеса человек входил в

следующие партии два обязательных раза. Один – за интерес собравшейся группы, чего бы он ни касался. Помимо этих двух, по желанию, хоть ко всем спорщикам присоединяйся… Профессиональный марбл-асс, нанимаемый слабыми игроками, обычное явление. А второй обязательный заход…

Обязательный? Да всё на своей совести! Имидже. Гордости, гоноре…

Второй – ради Гранд Падре…

Таким образом попадали в число марблс игроков, которые уже там выберут противника латнику. Великану в маске, из тех, что редко навещают континент… Сыграет против бойца облачных земель, которых не видит без маски никто, кроме торжествующего или поверженного врага. И проиграет ему.

«Латники» их называли несведущие люди, чисто за внешность. Те, что немного в курсе, звали без разбору – «клинчи», ради положения, в котором оказались. Некоторые знали названия кланов, по маскам отличали.

По факту за год получалось, что не было марбл-асса, марбл-везунчика на континенте, которого бы не упросили на заход в пятиспицевое колесо ради… О, самых разных, ужасно желанных и важных вещей! Да ради меня же, друг, брат, побратим, ну чего тебе стоит!.. А долго игрока уговорить?.. Так и складывалось, что Морская Звезда выставляла лучшего. Теряла лучшего.

В гостях у Гранд Падре на безобманном поле он всегда проигрывал. Себя.

Отказаться? Такие отсеивались при отборе, чего проще: не пришёл или в поддавки сыграл.

Лучшие не отказываются. Несмотря на… Цену. Безнадёжность. Совершеннейшую добровольность традиции.

Как выбирали сами клинчи среди и внутри кланов, Фортуне ведомо. Возможно, они все такие непревзойдённые и выбирать не требуется. Ведь перчаток не снимая, бросали!.. И не знали промаха!.. Как?!

У Гранд Падре ставки же были таковы… Не на смерть, на жизнь. Условно…

Тянулась издалека. Неизвестно уже, был ли

тот «дымок-ойл», предлогом или причиной, случайной прихотью или чем-то стоящим? Кому принадлежал? За дымок-ойл и самих себя, как утяжеление ставки, спорили небесный боец в маске и технарь с земли.

Проиграл технарь. Один присутствующих, его патрон на Техно запросил отыграться. Получил согласие. Но: через годовую отсрочку, клинчам полезны пленники-технари, и при тех же, не подтасовываемых условиях. Условились через год. Отпускают либо берут проигравшего, на артефакты они не велись.

С тех пор оно и длится, следующий и следующий в порыве освободить предшественника пропадает на небесных рынках непрекращающейся войны.

Если потеряшка континента был людям известен и мил, игроку сулят за риск, за победу презенты невообразимые, радости-сладости. Порой некому посулить, но всё равно находится марбл-асс, кто в поддавки не сыграет, кому гордость дороже.

Латники же, воины небес ни на чём не настаивают. Традицию блюдут. Им выгода – человек на превращение. Умеет чего, спец в чём-

то, для войны подходящем, ещё лучше. Отыгранным не вернётся.

На вопрос, что с теми, со всеми сталось, «дымка-ойл» начиная, латники не отвечали. А ухмыляться рисованные маски не умеют. Впрочем, не умеют и прятать оскал.

Для зрителей, праздных зевак Гранд Падре самое главное - умотать по завершении представления на предельной скорости, не оглядываясь! Атака на латника под маской со стороны других кланов более чем вероятна. Под горячую руку попасться можно. Такие заварушки бывают, ого-го!.. Не на него лишь, а и на тех, кто на него, и на этих, и так далее… Кто разберёт их!..

Со стороны, – с возможно большего расстояния! – выглядела верховая стычка латников грандиозно: металлом и шипами ощетинившаяся туча, одновременно непроглядна и сверкающая, выбрасывающая вспышки и дым. Распадается на клочья. В погоню! Одни за другими, большие за меньшими, растягиваясь в небе, сбиваясь заново скрежещущими грозами. Издали страшны! Что уж говорить, вблизи!

Когда просчитавшись с направлением, не попав в своими сделанный коридор, клинч

запрыгивал обратно в зал Гранд Падре!.. Хорошо, что поле нельзя повредить. Зато игроков можно, и спрятаться там некуда. На самом деле, латники феноменально точны, пострадать случайно маловероятно, но страшно – очень.

Отто, милый, мирный телёнок о поединке с латником мечтал!.. Нет, о разящей победе!..

Мечтал, смешной завсегдатай Ноу, стать освободителем человека, год отчаянной надежды проведшего в плену… Спросить небрежно у рисованной морды, оскаленной: «На что через год играем?.. Дымок выветрился уже?..» Мечтал выиграть легендарный дымок-ойл через год!.. Откупорить с друзьями, с Пажом вот, с Пачули, с кой с кем из чар, и вдохнув, так же небрежно осведомиться: «Как вам? По мне, так сущая ерунда!..» Часто грезил об этом, бросая шарики, воображая, будто дело происходит уже там, и Гранд Падре, замерев, на него, на Отто!..

01.24

Весь в привычных грёзах, Отто смотрел, как

играет Чума за пятиспицевым колесом… Как переходит от стола к столу и обратно необычайная пара…

«Учитель с учеником?.. Похоже. Два дроида почтили Арбу своим присутствием? И у них марблс популярен?.. Поверить легко! Сбежали потренироваться, в тайне, руку набить!.. Ха-ха-ха, превосходно, наверное, играют Белые Драконы в высоком небе, отрывая от облаков, когтястыми лапами комкая плотные снежки, и бросая их в сизую тучу гнезда, пока не хлынет, не польётся!.. Ха-ха, Уррс, научишься, возьми меня поиграть с вами, на твой триумф посмотреть!..»

Странная одежда на старшем, сопровождающем дроиде. Для сибаритов полудроидов странная, ни к любви, ни к войне… Ближе к войне. Жёсткие плечи, строгий крой, серый цвет. Металлическим отливом ткани она ассоциировалась с доспехами, и то отдалённо. Ни функции, ни красоты… Это был обычный пиджак. Не костюм тройка, верх от него. Штаны, шаровары – одежда бедных изгнанников и специфика борцов, так что с пиджаком соседствовала нормальная юбка. Тёмная, с бронзовой искрой, до стоп. Что-то говорил этот господин высокому юноше непрерывно и очень тихо. По губам видно, что повторяет слова по нескольку раз, а порой и короткие фразы.

«Восходящий дракон? – практически угадал

Пачули. – Так учат эсперанто".

Днём Арбу освещали большие окна, сияние от колёс, спиц их секторов, от ладони попечителя заведения, ярко горящей под спицами. Что всех устраивало. Но окна Арбы померкли, Пачули зажёг на потолке третье колесо – огромной люстры, круг скрытой механики свечей. Их свет, тихий, недостаточный и тёплый придал игровому залу умиротворение.

Чума выигрывал уверенно. Он не стал дожидаться, пока определиться лидер, а сам поочерёдно выступил против имевшихся претендентов. От Секундной Стрелки, против неё играла сама Арба, как клуб завсегдатаев, хотели много чего, конкретный предмет не выбран. И, кажется, не доведётся выбирать… Поскольку Чума не услышал требования, и своё не озвучил. Не так уж и важно, рядовая встреча, на выкуп пойманных у Стрелки нет. В таких случаях рассчитываются комплектами марблс же, как традиционной валютой.

Молча играли, но накал страстей этот факт не снизил.

Колесо… каждый сектор имеет свой сопротивление поля. Пробросил с нужной силой

вдоль каждого, ориентировался. Его выбили раз, он выбил четырежды из гнезда, с центра. С последним броском там и остановился.

Соломки, принесённые им, оказались столь же вкусны фруктовыми ароматами воска и патоки, сколь отчётливо пленительны порциями связных Впечатлений… Тематически просты, лаконичны. Цветы тех же фруктовых деревьев… Коллекция.

«Стащить бы к себе, в Лато!..»

Пачули не осмелился, стыд это для попечителя. Но вполне можно пригласить своих сюда. Завтра. Букет велик, останется.

Словно откликнувшись на его безмолвный его призыв, Лайм с Личи возникли в дверях. Халиль за их плечами кивнул, но не стал заходить. Проводил с Краснобая, чтоб по туману Марбл-стрит идти не боялись. Все знают, что защищено, а страшно, привыкли, где туман – там тени.

– Ура-ура, привет!.. Попробуйте, каково, а?!

Что враг соломку принёс, забыл уже!..

Парочка…

Внешность полудроидов легко окликается на требуемые… Гонщикам, борцам, танцорам-аккробатам… Мышечная масса, гибкость, рост не исключение. Это и в Великом Море так. Есть типы чудовищ, но связывает их не происхождение, а общие привычки, тенденции, обретшие плоть в присущих телам тенях.

Лайма с Личи объединяла не каста, не род занятий, а любовь. Парочка лицами – едва не близнецы. Светловолосые, овалы лиц мягкие, губы в улыбках плюшевых мишек…

– Мир всем!

– Счастливой ночи – счастливый рассвет!

Взяли лакомство…

– Дроидский свет непрестанный, соломка достойная быть в короне Соломенного Дня!

Чума тихим, как драконье фырканье, смешком отреагировал на шумное одобрение пустячной коллекции, отнятой вместе с жизнью у жулика, что не на тех напал. Яд был в прежней ленте букета, но вот уже и нет ни яда, ни отравителя. Лишь эти, шумные, непуганые, неместные.

Слышать похвалу ему было, ну, безразлично, конечно…

Распорядитель Арбы ускакал к друзьям,

увлёкся, забыл… Очередь свою забыл! У пятиспицевого колеса же помнили и окликнули…

«О, черти подземных туманов!»

Пачули имел несчастие, имел неосторожность выиграть в начале вечера за этим столом!.. Все продул, он последний, возчик Арбы, и Чума ждал его там. С птенцами заведения в горсти, постукивая по ним красными, облупленными ногтями, длинными… С усмешкой и тем более неприятным, что не наигранным, сочувствием в пустых глазах.

«Видеть-то его, напротив-то становиться как неохота… Почему бы Отто не сыграть за друга?!»

В самом деле, почему? Когда он кого выручить отказался? Отто подмигнул Пачули, с благодарностью прижавшему руку к груди.

А Чума спросил:

– На что играем?

– Ммм… Может быть, Свет Правды?

Неожиданно. Но у Отто нет коллекционерской или ещё какой нужды… А любопытство есть! Любопытства в нём – неиссякаемый источник!

В кругах Чумы, возле пляшущей Секундной Стрелки под ставками в принципе понимается иное. Услуги, оказываемые со скрипом, артефакты, имеющие материальную ценность. А «Свет Правды» не вещь и не услуга, и если не способ выпытать секрет, то приглашение к следующей игре. Затяжной, как правило, совершенно невинной.

Оговаривается срок. В зависимости от желания победителя и его планов на будущее. Не более года, а потому обычно – год. Публично либо в присутствии свидетеля, дающего обет хранить тайну им услышанную, вариант – переданную ему в запечатанном конверте. Она заключается в обязательстве проигравшего соблюдать некое обстоятельство… Какое-нибудь простое. Данное без размышлений в виде ответа, Света Правды. Чем правдивей он был, тем легче ему соблюдать это!

Например, человека спрашивают, вызнавая про увлечения или про знакомства: «Чар-чар носишь?.. Да? Нет?» Чар-чар, две серьги в одно ухо, это бисерные знаки отличия гонщиков, одновременно – знак танцовщиц чар. А чары это не любят, когда необоснованно носят их символы. И год проигравший, если наврал о

своём высоком статусе гонщика, вынужден носить нечестную отметку, особо избегая Мелоди Рынка.

Бывают обязательства нематериальные: свой ответ при ком угодно повторить…

Совсем легкомысленные: одежду какого-либо цвета весь год носить. «Синий всегда? Синий никогда?..» Сказал, отныне не забывай!

Ужасно неудобный запрет на избегание определённых слов!

На обязательное повторение слов или жестов, при… Том-то и том то… Игра!

Пойманный на ошибке выполняет одно, тут уже любое желание. Даже встать на пирамидку. Но развлечение лёгкое, в нём непопулярно такое. Выкупят свидетели. А откажись от ерунды, репутация пострадает.

Хитрый-прехитрый замысел возник у коварного-прековарного Отто спонтанно в связи с открывшейся ему возможностью, когда Чума на его предложение кивнул:

– Взаимно.

«Это – взаимно не бывает!.. Лишь бы не

дрогнула рука!»

Сцена, в которой Чума перед Пажом стоит на одном колене, запала и не шла из мыслей. Чужие связи, чужие тайны, не зрителям предназначенный церемониал…

«Нехорошо так делать… А иначе как? Если Паж запредельно скрытный! Если не отвечает и на то, почему не отвечает, как быть? Зайдём с другой стороны. Точнее, зайдём без приглашения. И воскликнем: «Ой, где это я очутился?»

Пять секторов, разделённый тонкими как волос, горящими линиями, лежали пусты. Светился опечаток раскрытой ладони Пачули, стеклянные шарики ловить и отпускать готовый, ждал броска.

Заход финальный.

Зрители, игроки, только что уступившие Чуме, сделали круг пошире. Отто прошёл сквозь шёпот пожеланий удачи, – в марблс не приняты крики, откровенная поддержка одной стороны, – сквозь одобрительные и ободряющие жесты прошёл к игровому столу.

Словно перед дракой, тёмный Чума, с

поблёскивающей на плече булавкой косы, и Отто не торопясь обошли колесо.

Арба притихла. Прекратились на время и звонкие удары марблс за вторым столом.

Не без самодовольства на лицах, с ироничными полупоклонами, простирая руку к пустующим секторам, соперники выразили готовность уступить первый ход. Чтобы не было пересудов, начал по праву Чума.

Бросать можно любым способом, лишь бы рука не оказалась над полем.

«Канарейка» – прозрачный, будто капля свежей смолы, шарик прокатился со щелчка большого пальца низко поставленной руки, со щербинки на лаковом ногте. По сектору прошёл ровно… И остановился практически в гнезде, в центре светящейся ладони. Следующий ход тоже его…

Чума не собирал, а «держал» гнездо, выбил свою своей же второй канарейкой. Тактика, имеющая как преимущества, так и недостатки. Ход не надо передавать. Но держать – сложней, внимательней надо быть, не расслабишься. Маловероятна случайная удача, при которой соперник отправляет в гнездо чужого птенца, как

бывает, если собирая гнездо, располагать шарики возле него тесно.

Снова его ход…

На третьем броске Чума ошибся, зазнался. Хотел закрыть гнездо с очередного сектора на промежутке, где паре марблс не разойтись, а касание спицы, сопротивление поля соседнего сектора нарушит ход. Против себя сыграл, сопротивление того сектора, в который целился, учёл, а того, по которому бросал, упустил из вида. Бумц!.. Из гнезда в разные стороны разлетелись обе канарейки. Тем не менее, его марблс сделали неудобными для Отто три сектора из пяти, расположившись равносторонним треугольником. Два смещённые к спицам, там ещё можно проскользнуть, а один шарик так близко к гнезду, что его можно лишь выбить на противоположную строну. Чума стиля Отто не знал, не подозревал, что противнику свободный на прокатку сектор не очень и важен…

Отто взмахнул рукой перед броском, вхолостую. Делал так, и внимание зрителей, вязкое, неустойчиво-тревожное устремлялось за ним в пустоту, в то время как, выпущенный со следующим взмахом, шарик катился точно и беспрепятственно. Не приём, ритуал, игровой

почерк.

Ещё особенность: его птенцы весело скакали! И что интересно, куда надо прискакивали! Марбл-асс Отто умел бросать так, что они прыгали, выбивали, отталкивали, не теряя нужного направления. Навык, но больше – талант!

С лёгкостью Отто достиг основной и сопутствующей целей: отправил чужую канарейку в полёт, за пределы игрового поля и утвердил своего «кукушонка», серо-сине-голубой точками шарик в гнезде!

По Арбе распространился выдох одобрения.

Но у Чумы имелось два результативных хода, следующий бросок – его. Больше не отвлекался, не лихачил.

Он выбросил кукушонка из гнезда. Пятым, шестым и седьмым бросками поочерёдно дал посидеть там своим канарейкам, от сектора к сектору переходя. Сильный игрок. Стабильный.

Прозрачные, смолисто-глянцевые капли марблс закрыли ступицу так тесно, что соприкасайся они между собой или с сидящей по центру канарейкой, считались бы за собранное

гнездо… Но и у Отто в активе есть результативный бросок, дающий ему на один до финала законное право. Последний или предпоследний?

По традиции право начинать и заканчивать обговаривались или разыгрывались отдельно, к ходу партии отношения не имели.

Как и перед заходом в игру, соперники обменялись приглашающими жестами. С Чума с меньшей надменностью, Отто – с ясной, невинной улыбкой. Заносчивость, отчаянье?.. Столкнувшись, взаимные уступки уравновешиваются на том, что если один начинал, другому заканчивать партию, получается – Отто. Чуме это выгодно, взяв предпоследний бросок с каким-нибудь особенным финтом, вдруг Отто заберёт оба?

Чума простёр руку, столкнул птенца с указательного и среднего пальцев толчком, распрямляя их, и его канарейка угнездилась, выбив предыдущую подальше, во избежание касанья со сторожившими гнездо. За ней в секторе марблс шариков не было.

Грациозный и лёгкий, как венценосный дракон в необитаемых облаках, в сладкой мятой пахнущем, высоком небе, Отто сделал вокруг колеса круг почёта. Напряжения не нагнетая и не отпуская его, Белым Драконом по периметру ойкумены прошёлся, держа потенциальных, не случившихся её обитателей в руке, девять пёстрых кукушат… Примерялся? Оценивал расположение? Готовился заранее Свет Правды выпалить с наименьшими потерями?.. Вовсе нет! Трижды нет!..

Даже самые лояльные из публики ждали от него «бросок ради престижа». В глазах самых преданных поклонников Отто уже продул. Очерёдность решила игру, нередко бывает. Да и весь вечер бросал рассеянно, на себя не похоже. При создавшемся положении для победы единственным броском канарейку он должен выбить не просто из гнезда, а «с неба на землю», как первую выбил прочь с поля, что было не трудно при пустых секторах. Теперь они не пусты. Выбить, своего кукушонка угнездив…

Отто вовсе не требуется кругами бродить, чтоб оценить такой расклад!

После чёрно-белых гонок он пытался в себя придти, драконьи кульбиты успокоить в голове!.. Выпил соломку абрикосовой сладости, и заново поплыло…

Льдины чёрные, скрежещущие, в голубых трещинах…

Черных Драконов, трубные, медно-звонкие голоса…

Царство У-Гли, мчащееся навстречу, так и не достигнутое…

Верх и низ безнадёжно потерянные… Шапки белых облаков падают головы… На глаза съезжают, на затылок, не удержать… Кувыркаются облака вместо драконов… Ах, это драконы кувыркаются?..

Это он кувыркается!..

Он зависает в медленном кувырке, и приземляется на ту, что успела подвернуться, белую спину… Миг – и выбит с неё… Кувырок… Белые-белые клочья… Высокие-высокие облачные шапки… Руно сплошное под-над головой…

Виновник головокружения следил за Отто с внимательностью обожания, с простодушием неведения. Его странный спутник, наставник – рядом, руки за спину заложил… Отто почудилось, что сверкнувшая лишь на пороге, сразу затаившаяся, чересчур пронзительная зелень его взгляда отсвечивала на лице Чумы, огибающего игровое поле синхронно, поблёскивала на косе булавки.

«Что за Свет Правды выдумывает он сейчас для меня?.. Жаль – не узнаю!..»

Он прекратил бороться со светлым головокружением.

«Весы Ничто делений не имеют...»

Создавшие Айна дроиды могли бы возразить!

Поговорка при полноте кона, экстремальности игры. Означает, что они взвешивают, но показывают – лишь общий итог. Уравнивают все потери, все риски складывают в один риск, последний шарик уравнивают с общим числом.

Поговорка марблс-мания и гедонистов всякого сорта: игра выше любых ставок. Для всех маячит общее «ничто», завершение партии: она закончилась, каждый проиграл...

– Весы Ничто, примите сто!.. – взбодрил себя Отто симметричной присказкой и бросил.

Девять кукушат, согревшихся в его руке, соскучившихся по воле кинул одним движением, волю им даровав! Кучно, легко, ловко!

Венценосный дракон Марбл-стрит!.. Походка

драконья, как строчка натянутая ровно-ровно… Бросок в сторону, не прицеливаясь, как венец, относимый ветром…

Если хоть один его кукушонок уйдёт с неба на землю, упадёт с колеса, Отто должен Чуме пять-десять, по числу шариков, Светов Правды. Условие достаточное, чтоб загнать в тупик. Или «Правду в Тени». Дело, с обязательством хранить навечно в тайне. Дело, как противоположность слову. Этого от хищника Секундной Стрелки никто бы не хотел.

Этого и не будет!

Девять кукушат Отто, звонким и беспорядочным, летним дождём, крупным градом брызнули на ступицу вместе, расставаться не желая. Лишь один, придержанный большим пальцем на долю секунды, взвился с ладони…

Упал позже их… и выбил канарейку!

Пёстрый шарик щёлкнул по ней, заставил подпрыгнуть, перескочить через канарейку самого скользкого сектора и… Тук-тку-тук… Бумц!.. Проскакать под ноги Чуме с колеса!..

Мало того! Гордый, пёстрый птенчик на отвоёванном месте… Тук-тук!.. Ту-ту-ту-тук!..

Попрыгал, да там и остановился!.. Остальных смолисто-жёлтых, красивых канареек растолкали кукушата на секторах. А растолкав, собрались, откатились к ступице…

Вокруг неё остановились, «птенца клюнув», замерли…

Собранное Гнездо!

Ступица занята!

Девять марблс соприкасаются! Если б ещё тот, десятый, Отто бы гоголем ходить по Краснобаю год в «Кукушкиных Серьгах»!..

Арба взорвалась! Апплодисменты, топанье!.. Оглохла от свиста!..

Отто раскланялся на все четыре стороны, не забыв пожать сопернику руку.

Не только признание мастерства, зал болел за него. Из объятий в объятия переходя, Отто, – вот когда полностью на своём месте! – оказался в ручищах юноши-дракона. Коньячно-карие глаза в огуречных крапинках метнулись вверх и в сторону, как в задумчивости: ну, неплохо сыграл…

Дракон тихо уркунул:

– Фрррах, марбл-асс!..

– Да ладно тебе!..

На прекрасном, старинном эсперанто, смягчающем звуки Уррс переспросил:

– Ты – тронный марблс?.. Марбл-владыка?..

– Да прямо!.. Уррс, – он наклонил голову, и его, высокого, в плечо спросил, – ты хочешь жить и играть с нами с людьми?.. Тогда… Я тебя научу… Ты будешь мне Восходящим, а я тебе – дроидом!.. Дракону!..

Тепло, продолжительно Уррс фыркнул в ответ, и не надо вовсе знать языков, чтоб услышать радостное согласие.

– Договорились!..

Договор скрепляя, телячьими губами Отто ткнулся в дроидскую щеку и вернулся к столу, к Чуме, к ожидавшему их расчёту.

– Свидетельство или письмо? – небрежно спросил тот.

Флегматичный, скучающий, раздосадованный.

– Свидетель, – бросил Отто. – Пошли.

Кивнул Пачули на выход, и туманная ночь, близившаяся к утру, охватила их.

Мрабл-стрит редкое защищённое от теней место, где туман при этом остался. Обычно защита нераздельна с сухостью, сорбентами разных видов. Над Марбл-стрит нечто в туман и благодаря туману поднимается с земли, что не по нраву теням, а людям смешно холодит пятки. Щекотно, если на одном месте подольше постоять и прислушаться к ощущениям.

Они не прислушивались, не до того. Сейчас Отто не промазать ещё важней, чем за колесом!

Свидетеля, а не толпу звали, когда без претензий на год слежки, когда выясняют что-то, и довольно его подтверждения при случае.

Отто и того не нужно, ему нужно раскрутить, мозги запудрить, зовя Пачули, он соблюдал видимость.

Чума ждал вопроса о не сложившейся охоте. Ждал гарантий Арбе, её попечителю, что такового не повторится, букет соломок – не гарантия. Лишку свидетелей компрометируют Секундную Стрелку, это способ поссориться, а не помириться… Вполне разумные, несбывшиеся ожидания.

Как само собой разумеющееся, лживости чуждый, благодаря душевной чистоте, артистичный в розыгрышах Отто начал с ожидаемого Чумой слова:

– Какие гарантии… – но дальше не последовало названье Арбы, – что ты дан мне, как «голубь пути», а не я тебе, как охотнику?

Чума тряхнул головой. Облизнул пересохшие губы. Пряди волос над стриженым черепом разлетелись в почти полном мраке, на фоне дальнего освещённого полога. Так распушается сова, хищная птица, напуганная, зверь, чтоб показаться крупней.

Среди посыльных бывают «голуби слова» – почтальоны, и «голуби пути» – провожатые. Им заказчик даёт твёрдо известный второй стороне знак, что это не охота, не их охота.

Чуя подвох, в жизни отношения не имевший к голубиной службе, низкостатусной, шпионски-нечистой, Чума лишь руками развёл: ты о чём, приятель?

Ещё твёрже, немножко торопливей, чем следовало, Отто повторил:

– Где гарантия на завтра? Что Паж дал тебе для меня, голубь пути?..

За туманом призрачный, увеличенный и размытый, с расширившимися глазами Чума

качнулся вперёд, на Пачули косясь, ушам не веря, и переспросил:

– В Шаманию?!

«Ага, попался!!! Есть!..»

Торжество на лице Отто не скрыл бы ни туман, ни маска!

Попался… Чума сжал виски, кулаки сжал…

«О, Шамаш дельта, брод духов, скользких камней брод! Поскользнулся, расшиб голову! За что мне это?! Паж, прости!..»

Отто подошёл к Чуме, руку на плечо положил, заставив Пачули мысленно содрогнуться. Подмигнул другу, спасибо, уходи.

– Ах, я запамятовал, ошибся!.. – со смехом в голосе произнёс он. – Паж не про тебя мне говорил!.. И не об этом!

Помимо всего прочего, Паж произнёс бы «ворон пути». Непростительная ошибка.

– Паж огорчится, да, когда расскажу ему?.. Но ведь не обязательно рассказывать?

Тут промах, Пажу никто из шаманийцев не станет лгать. Да и вообще в своём кругу.

– Чума, а Шамания, где это?.. Что это – Шамания?.. Группа, рынок?.. Отмель непостоянная в Великом Море? Пещера в обсидиане, где тепло от недр земли?..

– Страна… – придушенным голосом отозвался взъерошенный силуэт в тумане.

И да, и нет. Коллекция запретного. Непревзойдённого размера тайник.

Земля, страна, Шамания.

01.25

Разоблачение дроида, включая и дроидов желания, естественным образом начинается с внешних орбит, с чередующихся правильных орбит памяти и пластичных – движения. Одеяние, таким образом, скидываемое за два приёма, по турнирной терминологии лишает дроида какой-то единицы оружия.

Такое же добровольное, редкое явление, как раздача одеяний дроида желания, начинается с внутренних орбит. Продолжается внешними, а заканчивается уходом в «орбита-узел». Своего рода противоположность контур-азимуту. Если он скорее результирующее понятие тенденций и склонностей дроида, то орбита-узел – скорей

дроидская плоть: сумма технических орбит, бессознательных поправок, инстинктивных акцентов на каркасе исходной схемы дроида.

Орбита-узел оказывает незначительное влияние на ежеминутные решения в течение жизни, но определяет сущностные параметры: предельный масштаб орбит движения, максимум и минимум скоростей, число возможных к присоединению орбит до предела уплотнения, за которым следует образование из них трона.

Наиболее сложная, путаная орбита-узел как раз таки у дроидов желания. Трёхмерная. Самая простая у Белых Драконов – плоское кольцо. Отсюда и – «уроборос», всякий дракон остаётся до-годовалым уроборосом в душе! Стремится ухватить зубами непослушный хвост!

Пронизывая, спутывая, сближая и разводя все прочие орбиты, узел сам, понятное дело, малоподвижен. И прочен, вроде как железный каркас в конструкции, замкнутый узел, бесконечный. То есть его нельзя развязать. Прекращение дроида не разрывает его.

Возможен только уход в орбита-узел, как говориться, падение в него. Это, когда дроид падает и летит, пропадает, не долетев до конца траектории. Пропадает он, но не орбита-узел, который теперь может забрать кто-то другой для своих нужд. Порвать, распутать, сковать по-

новому. Может скомкать и использовать, как лазуритовый топ.

Августейший считал, что на орбита-узел Амаль он может рассчитывать с полным правом. Как на ту, ещё более значимую орбиту, отдаваемую прежде него… На уникальное в дроидах желания – «тихий трон».

Он смотрел уже не на королеву, Аномалию-Августу, заглядывался на соблазнительный склад запчастей, которые достанутся ему вскоре.

Шут забыл, кто остановил дроидскую войну, пред кем Белые Драконы убрали когти.

Процедура раздачи одеяний дроида желания опирается на крепкие внешние орбиты. До самого конца дроид держит избранную вначале форму.

Обставить же церемонию можно как угодно.

Амаль не стала мудрить. Ни танцев, ни лотерей. Прощание и раздача наследства.

Закрытое Семейство окутал флёр умиротворения и меланхолии. Снаружи стальной

шар представал чистой каплей, росинкой падающий на пион. Ровно в сердцевину пиона летела капля, не достигая его.

Рядами лепестков проявлялось первое растождествление: добровольной пленницы с крепостными стенами. Оно же послужило свободному проходу званых. Обещанному. Что для Августейшего, для Стража – железом по стеклу.

Он ходил кругами, цокал железом по стеклу, стеклом по железу, когтями по полу, копытами по лепесткам… Снаружи семейства раскрывавшимся, лепестки опадали внутрь семейства, покрывали зал, благоухали. Пион был пёстр, черно-бел снаружи Закрытого Семейства. На полу сквозь каждый лепесток проступила ржавь увядания.

Цокал, скрипел когтями, ждал, когда узел и всё.

Впустив званых гостей, Августейший закрыл, тем не менее, от них покои королев. Семейство предстало изнутри тем же, что снаружи – стальной сферой, разрезанной полом надвое, пока не сплошь усыпан лепестками, тускло-зеркальным.

Как пахли лепестки растождествления, само-растождествления, нет возможности передать словами.

Запах сближавшихся ледяных и горячих цветов.

Орбиты с преобладанием тепла и холода сближались, когда внутренние, отдаваемые первыми, поднимались на выход. Они сближались так, что бы взаимно не ослабляться. Ситом сквозь сито проходили, не смешиваясь и не соприкасаясь. Ледяные и горячие цвета в вуалях достигали предельных, нерабочих величин…

Крайне притягателен этот запах, человек не мог бы в зале находиться. И дроидам требовалось совершать непрерывное усилие, отстраняясь от него. Где-то приятное, но утомительное.

Проблеск, вдыхая этот аромат, осенний, как распад, пиковый, как июльский полдень, вспоминала вайолет, услышанный до перехода под власть Августейшего, на воле.

Парочка преисполненная благополучия на Мелоди Рынке пела про то, как смотрят друг на друга издалека юноша и дева… Как смотрят друг

на друга вблизи, когда их роды обменивают, отдают в супружеские узы, но не друг дружке. Вайолет рассказывал про тесный шатёр, про густой, бродящий праздничный напиток, про то, что надо пить и молчать…

Ничего общего с жизнью полудроидов, за исключеньем шатра! Может быть, эта деталь ощутимо приближала… Завораживало искусство певцов, изображавших не диалог, но два монолога. Попеременные, иногда сливавшиеся слова отчаянья…

Зрители мим-вайолета забывали о своём счастье и нынешней эпохе! Даже она, Проблеск, дроид желания, и то заслушалась!

На запах лепестков всплывали строчки: «В невозможности прикосновения, невозможной тесноте…» Дрёма сказал тогда: «Удачное определение любому негодному положению: ни ухватить, ни разойтись…» И ухватил Проблеск за узорчатый пояс! Закинув, посадил на широкое плечо!

Вспомнила, задумалась. Заскучала по нему.

Вид Амаль не прибавлял уверенности в завтрашнем дне, в правильности некогда совершённого предпочтения Августейшего паяца

возлюбленному, ложился на чашу весов, качнувшуюся вниз.

Присоединение к Закрытому Семейству как правило происходит без антагониста, часто именно ради того чтобы ослабить или нейтрализовать его воздействие. В случае Проблеск, Дрёма ей и антагонист и возлюбленный…

Напрашивается сравнение с тем, как если б она предпочла карьеру и обусловленность службы обусловленности любви. Неверно. Неподходящее сравнение.

Дроид второй расы идёт к чьему-либо трону оттого, что обретает рядом с ним возможности всего семейства. Более чем половина значимости на эту чаше весов – возможности и достоинства самого владыки. Правда, выражается это скорей в подспудной и откровенной ревности его к трону, в желании не поклоняться, а отнять. Но на самом деле одно другому не противоречит. Вторая раса искренне почитает своих владык, и ни на минуту не даёт им расслабиться! Упреждая такое, всякое разное, и Августейший своим королевам не позволял заскучать!

Искушению его искусства и могущества однажды уступила Проблеск. О том, глядя на Амаль, теперь засомневалась.

Амаль – красавица. Волосы уложены драконьим завитком, как всегда.

Но из Белых Драконов зван лишь один? Да, и не ею, а гостем за компанию. Дракон не из старых приятелей, способных загрустить и уменьшить решимость. Судя по железной, непроницаемой мине Августейшего, лишь белки, ящерицы небесные и пропоют пять прощаний о ней…

А этот… Не знающий грусти, юный. Прежде чем обернуться человеком, всё пытался хвостом повторить завиток её локонов…

«Ха! Уроборос!.. Целиком лишь он повторяется – целым тобой!»

Великан… Глазищи – огуречные, светло-зелёные блюдца. Пасть не улыбаться минуты не может!

«Как бы там ни было, за компанию или нет… Но что-то особенное стоит ему лично отдать!..»

Амаль поклонилась Гелиотропу.

Прослеживается некая трудно выразимая связь места церемонии раздачи с незваным, но

желанным гостем. Какая…

Относительно приглашения…

В дроидской сфере, как бы сказать, всякое приглашение – билет на двоих, всегда. И Доминго имел право придти на узкоформатную встречу четырёх тронов над Йош, захватив Индиго, как облачение синего цвета. Это правило и на глади Стократного Лала в силе. Почему?

У контур-азмимута непременно есть доминирующая на данный момент орбита, а у неё точка фокусировки будет смотреть на азимут, соответственно, актуальный в данный момент. Они могут совпадать или не совпадать. То есть, дроид может тяготеть к контур-азимуту, но азимут доминирующей орбиты, как возрастающее тяготение, может отклонять его сторону. В обоих случаях, они представлены другими дроидами! Контур-азимут – давнишним. А доминирующей орбите может послужить азимутом на выбор кто-то выгодный в данный момент: близкий по функции, приближающий желанное знакомство, отдаляющий неблагоприятное.

Чтобы за время пребывания на чужой территории, у чужого трона, ситуация,

оставленная без присмотра, не начала каким-то нежелательным образом разворачиваться за спиной, определяющего её дроида стоит захватить с собой! И его зовут, даже если он не этого и не того семейства, и вообще одиночка 2-1.

Иначе может сложиться так, что выйдя за ворота семейства, дроид обнаружит себя без точки актуальной опоры, без ориентира на первый шаг за порогом.

Приглашая кого-то в одиночестве, ему поставили бы некрасиво категоричное условие. Удобно одному, один и придёт.

Однако… Приняв обоих, незваного можно выгнать! Кто помешает трону прогнать дроида за дверь? Это зашкаливающе категоричный поступок! Но он скорее относится к интригам, чем к свинству. Делают… И наоборот случается! Зовут, зная, кого гость захватит в качестве азимута, и, претендуя именно на него, прогоняют званого! Это было бы подлянкой, если бы не было общеизвестно, а так – условия игры. Следи за своими азимутами! Не каждому трону верь. Внимательней наблюдай.

Относительно места…

Когда Гелиотроп следил за постепенным возведением стен Закрытого Семейства, избранная Стражем архитектура удивляла его запредельной лаконичностью. Что естественно в отрыве от задач, а в связи с ними Гелиотропа удивляло противоречие: «Братишка мыслит так просто и притом управляется со столь заморочными существами, хитро-закрученными в основе, пронырливыми как смесь ручейка с лучом… Горного ручейка. Зазевайся, поднимется, с ног собьёт и унесёт. Но ведь справляется! Нет, уж лучше я буду воевать с моими крокодилами в У-Гли… О, Фавор, я перенимаю у Доминго словечки!»

Его удивление следствие богатого опыта.

В дроидской сфере, касательно силы простые формы – ничто. Турнирные мечи, кинжалы, отдельно лезвия и рукоятки вычурны до крайности. Преисполнены зримых и незримых украшений, узоров, надписей… Прямое, простое, это как считанный противником замах.

Тьму однозначного при конструировании заковывают в сложное целое, а вот его упаковать в простое, в шар, это дела стоит. Совсем, совсем не похоже на запихивание своевольных зверей в крепкий круглый ящик! То ж дроидская сфера! Она по названию лишь сфера, местообитания. Чем сложней, прихотливей в своей конструкции дроид, тем причудливей границы семейства,

удерживающего подобных. И не потому, опять-таки не потому, что запихать их в строгую, простую форму, значит сломать, муштра, дисциплина, всё-такое, мундиры… А потому, что легко читаемая форма – это непрерывное предложение! Это навязывание, агрессивно воздействующее на его исходную функцию! А этого не требуется ни трону, ни его приближённым. В индивидуальности заинтересованы обе стороны.

Зримо если вообразить негативный вариант… Августейший в бараний рог свернул и в сферу заключил королеву, как в шар лиски-намо… Его ошибкой и насилием была бы не теснота, а оставшиеся лакуны! Позволяющие двигаться, но – лишь определённым способом.

Гелиотроп понимал, что подобного нет в помине. Страж сторожит шутом, прибаутками, развлечениями. Не привязывает, а ловит! Обгоняет. Непрерывно играет на опережение. Подкупает тщательно распределяемыми, не такими уж частыми откликами на запрос снаружи. Прогулками, всегда при нём либо не ниже белодраконьей сферы… Но как в точности, чем Августейший берёт и держит их, дроидов желания, Гелиотроп не понимал, молча восхищался и немного завидовал братишке. Младшему братику…

Относительно двух обстоятельств вместе…

Кто может, тот пусть и выразит на каком-либо эсперанто!

Навскидку понятно, что гостей в стальной сфере Закрытого Семейства собралось примерно вдвое против числа званых за наследством. Отношения между ними крайне запутаны и сложны. Как между собою, так и со стенами, их принявшими.

В которых Августейший всё кружил и цокал по залу, по стремительно увядающим, благоухающим невыразимо, лепесткам. Деловито хмурился. Деловито цокал. От неуравновешенного беспокойства постоянно менял форму со Стража в шута и обратно.

Публика пребывала в движении. Ведь они дроиды, остановки неприятны. Замедления должны быть точны.

Для двух равностатусных друзей непрерывное движение ещё может происходить за счёт внутренней работы слов, эмоций. На встрече тронов такое возможно, когда лишь сидят и разговаривают, на тронах внутри своего

семейства. Но если собирается разнородное множество, то пребывает в движении. Чем ниже статус дроида, тем беспокойнее его поведение.

Представительный, как сам Доминго, несущий знаком семейства при официальном визите его сочетанье цветов: белое на чёрном, Индиго пребывал в торжественном, безмолвии неторопливого фланирования по залу. При параде… Белые пуговицы идут сплошным рядом, нашивки покрывают строгий чёрный мундир, глухо застёгнутый. Воротник-стойка подпирает подбородок. Широкие, жёсткие манжеты.

У Индиго в семействе Дом статус почти нулевой! Но за его пределами взлетало близко к статусу владыки. Вышагивал солидно.

Августейший обгонял его время от времени, погружённый в свои мысли, забывая поддеть или толкнуть. Индиго имел к шуту претензию конкретного плана, загодя облечённую в подходящую колкость, но не хотел репейничать первый. Заведомый проигрыш и обстановка неподходящая.

Тяжело. И в мундире и тут. Как человеком обратно сделался в недрах Закрытого Семейства. Равновесие орбит сохранять трудно. Азимуты

стен – вроде нестабильной гравитации.

Нахлынула память о недолгих человеком прожитых годах. Что тоже не способствовало уравновешенности, как её не понимай.

Ближе к завершению мероприятия Индиго чувствовал себя, как на ходулях, на мим-каблуках. Будто не внутри, а снаружи ходит по стальному шару, шар скользкий, уменьшается под ногами. Одно резкое движение, лодыжка подвернётся, и он полетит вниз с вершины дроидского счастья обратно в человеческое тело. Тесный мундир защищал его от этой, неявно присутствующим сонмом королев, производимой иллюзии. Оборотная сторона функции их, дроидов желания: завораживающая притягательность самого ужасного.

В орбитах верховного конструктора, когда проходил под его пронзительно зелёным взглядом, тяжесть и шаткость для Индиго пропадали. По выходу проявлялись вновь.

На следующем круге, когда пересеклись и разминулись, с изгибом усмешки на ярко-красных губах, Августейший прочитал «мундирное» на необщем дроидском под треугольными нашивками и круглыми

пуговицами.

Белым по белому: в кругах – треугольники, крыша дома, знак семейства Дом. В треугольниках – круги, нерушимость. И это не считая их расположения! А именно… Два ряда пуговиц, вплотную нашитых на мундире по груди. По рукавам от локтя до манжет в один ряд. По широким хакамам – лампасами. Треугольники нашивок вдоль них. Каждая нижняя совершает доворот, чтобы общим числом завершить полный круг. Три круга, для рук, ног и туловища… Вот защита, так защита!

Даже при красивом, пропорциональном исполнении, запредельное число функционально бессмысленных для одежды атрибутов. Раз уж владыка столь щедр к фавориту, прорву мундирных орбит можно бы превратить и во что-то более ценное. В хитрое оружие. В подаренный ему второй облик, каковой сам себе подарил Страж, сделавшись Августейшим…

Но это значит – отдать, вручить. Доминго использовал, чтобы заслонить и связать. Неизначальный дроид! Индиго было тесно, но, в общем, нормально. Спроси его, пожал бы плечами: привык.

«А как же голова?.. – подумал Августейший и фыркнул, хлопнув растрёпанными серыми крыльями. – Хоть бы фуражку надел на него,

Доминго, с козырьком от солнышка!.. Или там нечего охранить?!»

Грубо и несправедливо. Индиго среднего дроида не глупей. Августейшего бесило всякое-любое, которое ему не по зубам. Привык, как и Троп, получать, на что глаз упадёт.

Гелиотроп и Августейший не без сарказма переглянулись, кивнув на спину в чёрном мундире, на её струнную напряжённость.

Что тяжело на церемонии неизначальному дроиду, это всё понятно. Амаль пожелала видеть и одарить, пусть не человека, так хоть бывшего человека, таковых же раз, два и обчёлся… Сарказм относился к отпустившему привратника холодному владыке. В мундире представительских малых орбит, внешних и по отношению в внешним. Хотя он вовсе не представитель! А обычный дроид, получивший дозволение на краткое время покинуть семейство.

Степень защищённости и связанности Индиго равнялась примерно тому, как если бы Гелиотроп приказал всем действующим телохранителям, всем крокодилам своим, явиться и охранять его по периметру! Каждого поставив краеугольным,

как в стене У-Гли, когда фазы Юлы поворачиваются, всех до единого дракона! Смешно…

Но в какой-то мере оба автономных понимали, что люди больше них знают про утраты. Что, однажды приобретённое, это знание не отпускает их никогда. И всё-таки смешно!

По сравнению с Индиго, королевы Августейшего – вольные пташки!

Гаер хмыкнул и флегматично подвёл черту наблюдениям: «Суть – недоверие мне…» Фарфоровый, подглазурный кармин губ зазмеился, искривляясь в другую сторону. «Тронный масштаб недоверия! С Тропа величиной… Мог бы и сам придти, но нет. Предпочёл рискнуть фаворитом, но не прочими азимутами? Неужели?» Догнав Гелиотропа, поинтересовался, что братишка думает на этот счёт.

– Не думаю, я знаю. Хороший мундир, надёжный. Пошатнуться не может. Доминго себе не доверяет и никогда не доверял, где уж другим!.. Я так думаю, он в гипотетическом столкновении абсолютного копья с абсолютным щитом, ставит на щит. Будучи сам копьём…

Доминго – копьё. Кто в этом усомниться? Никто, и не он.

– От-так-так!.. А что? Вполне…

Соглашаясь, Августейший крыльями замахал, маховое, серое перо поймал на лету и привычно сунув в зубы, низким рыком рассмеялся:

– А вот захлопну стены, вместе со щитом! Что тогда? Кем он там служит, у Доминго? Мост подвесной опускает, при воротах стоит? Ха-ха, мои не откроет! Мои тяжеловаты. Одним камердинером меньше, одной королевой больше!

– Не вздумай!

Августейший смеялся. И вся сфера закрытого семейства дрожала чуть-чуть. Узкое, длинное перо перебрасывал из уголка рта в уголок.

– Что так, Хелий?!

– Застыл, застоялся? Подмени меня в У-Гли! Вот где жарко, вот где захлопывай, да поплотнее!

– Скучно, Хелий! И в У-Гли скучно, У-Гли - работа, а мне бы…

– …Тропа тебе в компаньоны! И развлекайтесь повыше Юлы.

– От-даже как?! Ты меня… Ты мне… Слов нету!

– От-и помолчи.

Пожимая крыльями и плечами, и хмыкая, словно на него напала икота, Августейший старшему братику не стал возражать и отставил его в покое, чтоб дальше кружить по залу и цокать…

Неотрывно, возле плеча Гелиотропа державшийся юный дракон слушал во все уши и ничего не понимал. За исключением слова «скучно». Что тут скажешь, беда большая… Но вполне поправимая!.. На этот раз Амаль опередит его.

Шутки паяца – с далёким прицелом шутки…

Автономный гаер считал междроидские отношения, в общем, среди второй расы, особо, - избыточно зарегулированными. Каковой взгляд роднил его с Белыми Драконами. Отчасти. До ближайшего принципиального уточнения.

Белки – анархисты промеж себя, а ниже, где их орбиты перепутываются с чужими, сколько б ни фыркали, не гоготали над увиденным, вмешиваются они редко и осторожно. И уж никогда не навязывают себя.

Августейший же полагал, что немножко

неограниченной диктатуры взбодрит это, с его точки зрения, застоявшееся болото. Лужи семейств, обменивающиеся ручейками меток… Грозы громыхающие строго над Турнирной Площадью. Да и какие это грозы? Смех один. Встряска спонтанного террора пошла бы на пользу, перемежаясь стопорами безусловного диктата… Со стороны ясное дело кого! «Ах, сладко представить!..»

Никаких дополнительных договорённостей! Их, – Фавор отвернись, не слушай! – лишку с покрышкой.

Пара-тройка сотен тысяч лет жизни при абсолютной монархии и сплотила бы и раскрепостила их. В ней есть всё, что требуется: объект противостояния и объект преклонения… Он же!.. Снятие ответственности и удвоение её… Выбирай на вкус!.. Выбор-то никуда не девается! Обостряется только. «Хочешь, противустань мне!.. Хочешь, облизывай меня!.. С головы до копыт, давай, давай, не ленись… Ах, вообразить сладко!..»

Автономный конструктор, Гелиотроп представлял будущее дроидской сферы с точностью до наоборот: вторую расу нужно окончательно предоставить самой себе, однако…

Третью расу, а именно Чёрных Драконов сделать повсеместным буфером, как первая раса сейчас, вдобавок к ней. Первая – тонкая всепроницающая ткань. Третья – напротив, будет универсальной, равнораспределённой прокладкой. Грубой, и в реакции не вступающей. Следящей за связями и договорённостями, каковы бы ни были они, сколько бы их не образовалось. Телохранители для людей, для дроидов чёрные ящеры стали бы – изоляцией провода, бесчисленных проводов бессчётных связей.

Камень преткновения между автономными. Неподъёмный. Лежащий целиком на поле Гелиотропа. Он ли закроет от братишки своё поле?

Легко вообразить, как Августейший реагировал на его повествовательно-задумчивое изложение картины, раскрывающейся перед внутренним взором. Сколько перьев сгрызено!.. Сколько раз Фавор помянута! А топ-извёртыш!..

Шут не столько возражал, сколько хмыкал, кашлял, чесался, воздевал руки к небу, космосу и Тропу… Не менее экспрессивно простирал их вниз, к Собственным Мирам, кружащим на лепестках розы ветров и континенту под ними…

Когда оппонент начинал заговариваться в «диктатурах» и «недопустимостях», взывал через стон:

– Хелий, радость всей дроидской сферы, лал всех трёх рас! Ну, не дивный ли абсурд именовать недопустимым невозможное! Ну, какой диктат, Хелий?! Мы скоро бесповоротно утратим способность их понимать! Отчего ж не поставить их в условия, когда они вынуждены будут изо всех сил понимать нас? Меня!.. А?.. Пусть стараются! Пусть совершенствуют эсперанто, ха-ха! Ха-ха-ха!..

Гелиотроп качал головой.

– Хелий, не замечал ли ты: единственный способ взаимодействия – произвол? Слово… Копьё… Клещи… Или исчезновение! Нет способа подготовить, нет возможности предварить… Подготовить к тому, чтоб подготовить к тому, чтоб подготовить… Это превращается в дурную бесконечность! Будущее – то, чего нет. То чего нет – это то, что неизвестно. Ни тому кто, ни тому кто… Ни одной стороне, ни другой. Так было всегда, так останется вовеки… Глянь сверху на них слегка, на троны. Они застоялись! Всё тухло, всё вяло, всё обросло паутиной обязательств, как шерстью! Не пора ли постричь их, пусть голыми побегают! Хелий, оглянуться не успеешь, как заново обрастут! Что? Не так?..

Но качал головой Гелиотроп.

– Гелий-Хелиос!.. Муравейник их скоро превратится в плотно пригнанные шестерёнки! С изнанки и снаружи все облачные миры, второй расой сопровождаемые при сборке, станут как близнецы! Хелий, небольшая встрясочка! На то и щука в реке, чтобы карась не дремал!

– Твоё прошлое говорит в тебе, – не по делу возражал Гелиотроп.

Страж не обижался переходу на личности:

– И толковые вещи оно говорит, Хелий! А твоё прошлое имеет голос в твоём настоящем?

На это Гелиотроп не отвечал ему.

01.26

Из четырёх главных тронов Амаль пожелала увидеть напоследок нового владыку тёплого семейства Там.

Не сменивший турнирных доспехов, глава Порт скромно подошёл, опережая её поклон гостю на входе, засвидетельствовал уходящему дроиду желания своё почтение в форме сожаления об этом её решении. Амаль ответила полуреверансом… Артефакт плоской рукоятки

ножа лёг между их ладонями в его ладонь, от любопытных глаз скрытно.

Подарок ценный.

Типы турнирных клинков исчислимы, общеизвестны. Поправки к их свойствам заключены в рукоятях, существенно расширяя вариативность. Когда рукоять – артефакт, больше свободы заложить в неё желаемое. Если же помещается целиком в ладонь – считать её свойства невероятно сложно. Недамский подарок, высший класс.

Прекращение – континуумное, рекурсивное решение, само по себе контур-азимут. По природе оно требует такового для реализации, то есть, требует быть сориентированным относительно какого-то дроида. Причём, как плюс-вычитающий процесс, нового дроида, «плюс-вычтенного из вчера», не знакомого либо автономного. Он будет называться – «точка фокусировки контур-азимута прекращения».

Амаль пока не выбрала и раздачу вуалей не начала. Исходно подразумевалось, что им станет Августейший…

Передумала за миг! И опять-таки подразумевалось, что тогда – Гелиотроп. Но

рядом с ним такой дракон…

«Хорошенький, славный!.. Как уроборос!..»

Дракон – фиговый азимут. Серьёзные 2-2, как могут полагаться на них, кувыркающихся непрерывно?

И владыка Порт поневоле заявился с сопровождением, не азимутом, с подопечным…

«Не дракон… И совсем не знакомый…»

Подходит Амаль…

Королева желания спонтанно избрала Айна, – счётчик несуществующего, то есть имеющего в сердечнике молчащий трон, – азимутом для процесса своего прекращения. Это удобно: он не подаёт голоса, но и не колеблется. Но с незнакомцем ориентировка 0-1 всегда 1-1, взаимно. Пока существовала на свете, и Амаль ему азимут. Как только прекратится, трон станет нечитаемым, принципиально не угадываемым, даже за несколько мгновений до того, как подаст голос. Второй раз каким-либо образом узнать, кто Айну азимут, не будет возможности. Даже у Августейшего.

«Не придерёшься!.. – Августейший скрипнул острыми зубами и выдернул сквозь них остевой прут обглоданного пера. – Хелий, ну, чего ты умиляешься на оно?! Как дракон на уробороса?! Оно ж ещё и вовсе не понятно к чему и зачем!.. Зато слишком понятно откуда!..»

Автономный провидец ждал чего-то подобного и не ошибся.

Плечом к плечу с владыкой Порт, торжественный как Индиго, торжественный как вещь, ни разу не использованная и даже не вынутая из упаковки вещь, погружённый в беспристрастное созерцание, – тёплого владыку сопровождал высший дроид Айн…

Заведомо высший, но пока что и до автономного незавершённый.

Тонкий юноша. Из-за сутулости Порт казался ниже его, иначе были бы вровень. Полупрозрачный. Все суставы – матовые шарниры. Плоть орбит словно набрана на кости тончайшими звонкими браслетами танцовщиц по

рукам и ногам, на корпусе они, пресекаясь, лежали плашмя. Лицо набрано плотней, кажется цельным. Глаз не поднимает. Правильно, пока что Айн смотрит на Юлу, Юла ему важнее траурных светских приёмов.

В этот период от коваля ему нельзя отходить, после – вольному воля. Идёт кодировка речевого аппарата, как непрерывности сигналов и пауз, желательно максимальное количество вариантов охватить. Не из пространства идёт, через коваля. Что Айн воспринимает через уши, ему – белый шум. Мало-помалу наполняющийся всеми цветами радуги.

«Один, значит, делан непарно… Вот же, Хелий умиляется, чем возмутиться!.. А ведь можно было расковать считалку Айн, как топ лазурита! На ту сторону коромысла добавить. Но нет! Чтоб без влияний! Сразу без антагониста!.. Целиком вручную. Кузня, видать, у него здорово хороша!..»

Последняя мысль пришла к автономным одновременно.

Гелиотроп заметил пришедших и, да, умилился!

Оставив подопечного дракона, как бы –

сидеть в уголке, пальцем прочертил ему траекторию прогулки по залу. Ускорения, замедления, мимо кого… А сам повернул к тёплому владыке.

Вдумчиво махнул, повёл рукой вдоль спутника его с головы до ног:

– Великолепно!

Юноша поднял глаза, кивнул и негромко произнёс:

– Ди…

Одновременно «здравствуй» и «да». Опустил взгляд.

Ди, то слово на необщем дроидском, которое не меняется. Порой его используют в качестве союза «и», причём, для двух, но не более понятий. Таким образом, оно означает и цифру «два». У слова «нет» на каждый случай – новая форма. Собственно им, звонким «ди» перекликаются Туманные Моря дроидов, им лепечут.

– Ди… – кивнув, произнёс и владыка Порт.

Охотно соглашаясь с высокой оценкой, тем более что Гелиотроп похвалил в какой-то степени

себя самого.

– Где твоя кузница? – спросил Гелиотроп отличившегося мастера с живой, приятельской непосредственностью.

Августейший чуть не упал!

«Сейчас, проводит он тебя!.. Как говорится, закрути своих улиток в узелок!.. Потуже!..»

Но не успел хмыкнуть вслух, как владыка Порт с той же непосредственностью ответил:

– Над горячим ключом Юлы.

Имелись в виду Синие Скалы.

«Так вот оно что…»

– О, удачный выбор! Но, постой, а как же…

– …у меня есть копыта от старого вепря, - пояснил Порт.

– А… Тогда удобно.

Имелось в виду приспособление, дающее проход под водой. Четыре раздвоенных копыта складывались так, чтоб между ними мог поместиться дроид. Оставаясь внутри, он мог перемещаться в Великом Море. Лишь вдоль Синих Скал, но и это весьма ценно.

На этих копытах вепрь бегал когда-то по мелководью Туманных Морей. Как шкура Чёрных Драконов, копыта вепрей устойчивы против воды, однако, не до бесконечности. Периодически вепри сбрасывают копыта, новые самостоятельно отверждают, либо в У-Гли, побыстрей.

У Гелиотропа полно этого добра, но ему не приходило на ум какое-то ему применение. Ему отброшенные копыта доставались за услугу отверждения новых и просто ради уважения, тронам их продают за эксклюзивные метки.

Вепрь, хоть поисковик сам, но метки и ему не помешают. Например, личные – прямые к тронам.

– Там ниша… – рассказывал Порт, сутулясь ещё круче.

Тёплая меланхоличность неуверенного голоса.

«Тронный дроид? - думал Гелиотроп. - В жизни бы не догадался, не поверил!»

Ну, а эта картина?..

Турнирная Площадь… Владыка Порт разворачивается на гарцующем вороном коне…

Георг косит девственно-голубым круглым, драконьим глазом… Длинное копьё в одном движении, неделимым, ударяющим и подкрученным ударом вперёд, выбивает копьё из рук противника и сбрасывает его с коня…

«Тронный, несомненно! Ничего не понимаю…»

– …нишу выгрызли бестолковые улитки. Азимуты первой расы часто проходят вдоль, улиток, упавших в море притягивают… Горячий ключ тоже. Я заметил, углубил.

– Да-да… О, так мы соседи! Домой там хожу.

– Я видел тебя иногда.

– И не окликнул?

– Гелиотропа? – улыбнулся Порт. – Да и как?

– В смысле как? Сквозной проход из закрытой кузни Улиточий Тракт не испортит. Дверцу навесить – и все дела!

Порт кивал неопределённо, склонив голову.

Резкий, трескучий смех Августейшего нарушил паузу:

– Тайный коваль, Хелий, конечно мечтает об этом! Чтоб в его кузню любой мог свернуть

непосредственно с Тракта!

Слегка механистичное, правильное лицо Гелиотропа отразило смущение машины, допустившей осечку:

– Глава Порт, я бестактен! Впредь можешь мне просто не отвечать! Одиночество быстро огрубляет, стирает, что было, чего и не было, а казалось, что было в тебе! Из нас, автономных Августейший всегда в форме, семейство даёт ему жару, не хуже наковальни для дракона! А я, когда к вам, ко второй расе выхожу, читаю эсперанто пред выходом, как тестовую таблицу. Как дроид, выброшенный Стократным Лалом минуту назад! Пути автономных и высших расходятся…

За беседой паяц успевал кривить рот на развернувшуюся церемонию. По усмешке на каждого, получившего что-то от Амаль. Зная цену её наследству, он намеревался не мытьём так катаньем всё это вернуть.

Траектории дроидов одиночек и групп, кочующих по залу, усыпанному и осыпаемому пёстрыми лепестками, пролегали восьмёрками через центр, где пребывала королева. Кто получил что-либо, кто нет, все проходили мимо неё.

Амаль стояла на парящем, полноцветном диске. Дроид подходил к ней, покров отдельной орбиты или небольшого созвездия конденсировался в пятицветном излучении на её тонких и гордых, широко развёрнутых плечах. В зависимости от жеста, которым снимала, даримое становилось вуалью, одеянием той ли иной вычурности. Подругам, их звано пятеро, доставались вуали не по разу, а сколько подходили.

Для остальных покровы чаще выглядели шарфами, палантинами. Момент предупредительности, разомкнутое получатель закольцует, как он хочет.

Траектории владык и дракона были самыми широкими. Ясно, последними подойдут, единожды.

Порт сказал:

– Верховный конструктор, я знаю старую людскую поговорку: сапожник без сапог… Позволь мне спросить? И поныне разве не в твоей воле сделаться высшим дроидом? Почему ты отвергаешь переход?

– Так это буду уже не я! Аргумент, владыка не в том, что «не я» окажется хуже, бесполезней,

чем я… Несчастливей… А в том, что знать невозможно заранее, он-то хочет перехода или нет! Как спросить того, кого самого ещё нет?! А в принципе, могу, конечно.

Они помолчал, издали глядя, на королеву, взмахнувшую покровом цвета морской волны и облекшую им серебристого дроида желания…

– Холодный гаер-владыка не прав, – вполголоса, но на шёпот не переходя, сказал Порт. – Я пытался сделать выход на Улиточий Тракт. Сразу. Из интереса. Породу прошёл легко, лазурит обычный. Топов у меня тогда накопилось: складывать некуда! А сколько улиток осталось без зубов, сколькие их сточили в край!.. Пройти-то прошёл, а панцирь выходной нужен. Дверцу, да. Откуда я такой возьму? Не с мелочи же современной. Это был бы для улитки выход на Тракт! Зачем она там нужна, куда ей по Тракту ползти?!

Гелиотроп улыбнулся:

– Своей Фортуне навстречу.

– Разве что… Я тогда с булавочную головку линзу проделал, с каплю припоя, и не нарочно, последнюю улитку снимая… О-е!.. Как дунуло на меня от Юлы!.. Не увернись, об стенку бы размазало, как белого хрюка об наковальню У-Гли!

Рассмеялся и смутился, поняв, что упомянул его, собственно, Гелиотропа наковальню и кузницу. Может ему неприятно это, вошедшее в поговорки, пользование его владениями, как полигоном для лихачества белыми ящерицами небес?..

Августейший вырос за спиной беспардонно внезапно.

– Про зубки интересуюсь, – встрял паяц, – про зубки можно поподробнее? Затачивал, новые вставлял?

«Невыносим всё-таки...»

Порт на ходу слегка поклонился в его строну, как делала прежде, чем Августейшему ответить, вся без исключения вторая раса. Не этикет, дыхание холода, избыток цветов-дискрет в лицо.

– Страж сокрытых королев, не топы пошли на починку улиток, а улитки – на топы. Где бы я хранил эту кучу и пас это стадо? Они в Йош, под Стократным Лалам. Наверняка, лучшие израсходованы давно.

Выплёвывая остатки пера далеко и сильно, Августейший, покосился на Уррса, траектории кружения по залу сблизили их.

Меняя тему, поцедил:

– Белки-хрюки… Вот уж кого у себя не ждал, не гадал увидать…

Гелиотроп издалека улыбнулся огуречно-зелёным глазам, подтвердив:

– У нас тут площадка молодняка! Познакомить бы их, да чуть рановато.

Что-то подсказывало Августейшему, что знакомство это совершенно неизбежно и отнюдь не за горами.

Ныне же знакомство Айна с кем бы то ни было ограничивалось кратким: «Ди…» И это не звук голоса.

Его горло выглядело как сустав, матовый шар. Эффект должен пропасть за шаг до обретения непрозрачности. Ради форсирования процесса, речевые аспекты вибрирующей рекой шли через физические орбиты общей формы. Ячейки категорий готовы. Их подъячейки формировались споро и правильно. По завершенье дробления они будут оживлены однократным взыванием их содержимого, оставшись ячейкам собственно. Вроде как древнее чтение тестовой таблицы. Опекун прерывать может, вопросы задавать,

нарочно запутывать с целью умножения связей, развития гибкости речи, а значит и ума.

Порт дробление старался затянуть. Мельче – лучше. Но затягиванию процесса бессознательно сопротивлялся организм нового дроида. Он хотел уже не учиться, а – быть!

Уррсу повезло больше, его обучали, развлекая! За игрой в марблс, на Мелоди, на Морской Звезде… Да ведь он – дракон! С драконом иначе и не сладить!

Владыка Порт хотел, чтоб первой одеждой Айна, стала вуаль дроида желания вокруг шеи. Надеялся на это.

Фортуна и Фавор, неведомые формирующемуся дроиду, немного откорректировали желание его опекуна.

Проблеск очень удивилась, попав в число званых наследниц Амаль.

Не дружили, конкурировали слегка. За сопровождение дроидов при запросе. За игрушки.

Перетягивание артефакта, будто каната – частое развлечение в их кругу. Телекинез такой, специальный. Усилие направлено не на вещь и

не на соперницу, а на ту королеву, что предоставила вещь для игры, продолжая держать в своём силовом поле. Игроки подсчитывают частоту вибраций, устанавливают алгоритм как можно точней, чтоб попасть в промежутки, в формулу. Если приблизительно, артефакт тоже сдвинется приблизительно к тебе, медленно и не намного. То есть, нужно выбрать стратегию из двух вариантов: схватив быстро, но не крепко начинать тянуть и продолжать подсчитывать корректировку, либо отдать больше времени подсчётам, затем хватать и - рывком. Для дроидов желания азартная и полезная игра.

Конкурировали, как и все остальные, за очерёдность вольных прогулок с Белыми Драконами.

А за внимание Августейшего – нет.

Проблеск вполне хватало, и Дрёма, опять-таки из её мыслей не выходил. Амаль, напротив, всегда не хватало внимания владыки, на ступеньках трона – её постоянное место.

Сейчас, в засыпанном, осыпаемом метелью чёрно-белых, ржаво-шуршащих, неодолимо ароматных лепестков зале, глядя на то, как

владыка-гаер, всё устроив по слову Амаль, не будто, а действительно забыл про неё, оставил за дверью прошлого дня, Проблеск изумилась его настоящему лицу – всегда очевидной, но оказавшейся бездонной холодности.

Представить не могла, что в такой момент задумается о выходе из семейства и воссоединении с Дрёмой. Не это ли – главный подарок ей от Амаль? От чистого сердца, от запоздалого прозрения.

Или наоборот: остающейся счастливице в рот – ложечку терпкой грусти?

Неотрывно Проблеск смотрела на неё.

Дроид есть дроид! Сочувственность взгляда живо уступила место восхищению мастерством, улавливанию приёмов. Проблеск-Августа ещё подумала, отметив ювелирную точность, самостоятельно, без «фрейлин» разбираемых покровов: «Ох, напрасно бесподобный владыка забыл, над кем поставлен!.. Забыл убравшиеся когти Белых Драконов, спрятанные клыки. Или не слышал, как в высоком небе курлычут они: котятки, а не гогочущие гуси, приветствуя Амаль… Напрасно ты решил, что при удерживании дроида желания, есть хоть доля секунды, когда можно расслабить руку… Амаль… Аномалия-Августа… Она никогда не доставляла тебе хлопот… Именно она. Вот это, бесподобный

владыка, мне представляется, плохой для тебя знак».

Взлетали покровы… Кого-то окутывали, на ком-то оборачивались шарфом… Поясом… Платком на голове, чадрой… Перевязью для меча и кинжала, для колчана. Иную вуаль её руки комкали в розочку, в мячик и бросали, чтоб, ударившись в дроида, вуали тайно в нём пропасть.

«Тихий, скрытый подарок».

Страж хмурился. Всё подмечал… Кроме главного.

Чистые вуали, ровные. Всех цветов, нежных оттенков. С разводами, с пятнами. Правильного и дисгармоничного расположения, предполагающего включение заплаткой.

«Полезная вещь…»

Страж хмурился, дёргал щекой.

Покровы с повторяющимся и неповторяющимся узором серебра. С надписями. С блёстками, вкраплениями столь малых орбит, что остались бусинками прозрачными.

«Мишура».

Не хмурился.

И так далее, и тому подобное.

Отдельная песня: вуали, содержавшиеся, как запахи, духи в сосудах, флакончиках. Оттуда вьются, испаряясь навсегда или с возвратом. Те же орбиты, способ хранения такой.

Немного орбит колец, браслетов, ожерелий.

С определённого момента, вихрь света нисходил на королеву, и те лепестки, что залетали, безвозвратно таяли в нём. Как и она.

Оттого что раздаваемое Амаль имело природу холода, а жест раздачи – тепла, её руки разбрызгивали этот свет. Взмахи вуалей… Протягивала флакончики, повязывала шарфы. Любое движение оборачивалось брызгами, недостаточно плавное, чтобы погнать круги.

Амаль и не старалась быть сдержанной, мягкой. Её свет. Её кропящее, серебристое прощание. Явление аналогичное фейерверку пробитых доспехов на турнире, брызги из-под клинка.

Плавность дроида желания осталась в прошлом. Числа оставшихся орбит не хватало для плавной смены кадров. Картинка вздрагивала.

Уронив очередную вуаль, королева представала в вихре света маленькой статуэткой, обретая прежний размер также рывком.

Несколько артефактов продолжали лежать под ногами, на границе не растаявших, всё прибывающих лепестков. Решала кому? Или тот, кому, не подошёл ещё?

Проблеск ахнула…

Сквозь брызги первой расы с головой покрыла её фата, сотканная из лепестков жасмина, аромат сбивал с ног. Распалась. Каждый цветок протаял до той орбиты, которую мог усилить. Не просто ценный дар, искренний, отмеченный вниманием. И ещё – совет. Фата.

«Выбирай своевольно. В подходящее время, когда решать разрешено, плен меняют на плен».

Проблеск кивнула. С учётом репутации Дрёмы, заложница, значимая в высшей степени, и как возлюбленная бунтаря, и как его антагонист.

Уррс взял из тонкой, пропадающей в

завершении жеста, руки чеканный флакончик. Непрозрачный.

О, какую цепь далеко протянувшихся последствий произведёт этот, совсем не значимый для Амаль нюанс: выбор артефакта из непрозрачного материала!

Металл потемней меди, без окисла. Выдавлены на нём, над пояском сужающимся волны, две сшибаются две разбегаются, замыкая, таким образом, круг. А на пробке серп лунный.

Протянула не прежде, чем взглядом осведомилась у Гелиотропа, уместно ли это. Его подопечный, не её званый гость, мало ли что…

И Уррс получив, осведомился у патрона, вопросительно дёрнув подбородком:

– Уррр, как тут принято, выпить сразу или сохранить?

– Как хочешь.

«Откуда я знаю, как я хочу?..»

Убрал. Достал. Понюхал. Откинул ногтем крышечку, снова понюхал… Убрал. Достал и лизнул.

Амаль рассмеялась, не прекращая вскидывать и окутывать дроидов, текущих мимо неё, вуалями всё более и более эфемерными, прозрачными. Без слов.

Взглядом спросила: «Ну как, дракон?..»

Огуречные очи сощурились, будто дракону за ушком почесали, и раздалось тихое хрюканье, заставив улыбкой ожить весь зал. Общеизвестно, как Амаль благоволила к драконам.

«Чудное создание!.. На дроидский день раньше встреть тебя, я, может, и по-другому распорядилась бы днём теперешним...»

Юный Уррс, день за днём на Краснобае набиравшийся человеческого опыта, напитывающийся страстей и лукавства, был уже не так прост, как казался.

Знал, что некоторые флаконы открываются и с другой стороны. Знал, как много зависит от времени. Можно открыть, образным языком Гелиотропа выражаясь, «когда сок, когда вино, когда уксус». Он подарок ненадолго, но сохранит.

Вот степень надменного, врождённого безразличия Белых Драконов к делам второй расы: лишь приняв подарок, Уррс осведомился, а зачем они вообще-то сюда пришли... В чём смысл события?

Выслушав, пока широкая, сложная река траекторий уносила их от Амаль, поперхнулся услышанным, и, против течений, круга не завершая, выплыл обратно к ней. Кольцо драконьего кувырка замкнул вокруг королевы, чтоб не относило бы его.

«Какой извётрыш укусил тебя, королева?.. – было написано крупными буквами на улыбчивом, диковато-характерном лице, в сошедшихся бровях и белоснежной, озадаченной полуулыбке. – Что за абсурд, что за прекращение?! Подпрыгивай, кувырок – и бежим!..»

«Чудный, смешной… От кого бежим?..»

Амаль уже практически убежала.

01.27

Световой столб уплотнился. Брызги стали крупней. Хрусталь мелкого гравия на отмелях восточного побережья… Волны перекатывают в прибое этот обкатанный гравий до бесконечности, так зачерпывали и подбрасывали брызги света руки Амаль. С шорохом ветра рассыпающего дюну намытую штормом, высохшую за время отлива, рассыпались крупные, застывшие брызги… Великое Море и

отмели, и связные Впечатления облаков, и Морскую Звезду, всё забирает обратно…

Недолго осталось и королеве желания, собственноручным ветром раздувающей последние вуали, рассыпающей последние брызги, до возвращения в пространство, где едины люди и дроиды, и пребывание и прекращение.

Он хулиганить не хотел… Даже не помышлял! Уроборос проснулся в драконе. От переживаний. Вместе с нервным тиком, лихо убежавшего в сторону глаза.

Уррс нагнал Гелиотропа и сильно куснул за плечо.

– Ты чего?!

– А вы чего?!

– Кто – мы?! А… Понятно… Ты форму-то меняй, кусака…

Гелиотроп половину времени уррсового воспитания уделял тому, что для высших самоочевидно… «Определённые взаимодействий возможны в определённых формах!» Устал повторять. Высшие обусловлены этим фактом. Подраться, устроить турнир

дроидам в необщей форме принципиально невозможно. Необходимо провести тотальную подготовку: место, бишь – площадь, оружие, и наконец, облик. В смену формы оно и выливается!

Но это для высших, автономным требуется заучить и вспоминать, что к чему подходит. Их-то обличья свободно, в меру искусности меняются.

То есть, Гелиотропу не привыкать, что его кусают драконы, но не в человеческом же облике!

Брызги застывшего света теперь не пропадали в воздухе, оставались блестеть среди пестроты чёрно-белых, ржавчины увядших лепестков, и весь зал начал блистать из-за них, переливаться, отражая многоцветные тела самих дроидов и их одеяний.

Срок Амаль подходил к концу. Оставался тихий трон, отделяющий последние внешние орбиты движения – раздающего жеста от малых орбит облика королевы. Ну и сам орбита-узел, лишённый размежеваний клубок.

Пустой взмах рук… И «драконий завиток» густых волос рассыпался по плечам.

Августейший отстранённо подумал, что это было нерасчётливо – сохранять его до последних минут, скормить несколько широких орбит лишь на энергию его поддержания. Мысль не более практическая, чем её предмет. «Дроидская» в изначальном понимании слова мысль машины, ведущей непрерывный подсчёт. Взаимосвязей, трат, выгод.

Практически - ничто, а символически «драконий локон» связан с волей, неосознанной волей к жизни. В случае Амаль неудивительно его сохранение, феноменальна проведённая ею церемония. Чем? Самостоятельностью исполнения.

Дроид желания, выбравший прекращение и дары облачений, в среднем способен дойти без посторонней помощи до трети процесса. С трудом до половины. Дальше – гувернантки, пажи, фрейлины… Технические, высшие. Кто-то, не важно, кто. Подруги, сам Августейший…

Амаль без их помощи прошла. Поднялась и стояла на девяносто девятой из ста ступеней, каковым числом не случайно маркирован и

Стократный Лал. Королева произвела работу обратную его синтезу.

Драконий завиток был распущен последним, возможным для неё жестом. Орбиты движения исчерпались.

Вихрь света упал воздушной, колеблющейся вуалью и остался под ногами королевы обручем – тихим троном. Таким образом, он находился между узел-орбитой, которой являлась Амаль фактически, и мерцанием орбит внешнего облика, для тех, кто снаружи смотрел на неё. Как свет угасающей звезды, точно.

Тихий, молчащий трон… Неделимый как человек в порыве свободной воли… Базовая черта дроидов желания… Такой крепкий… Такой непредсказуемый. Несуществующий. Удивительно ли, что Айн отчётливо видел его?

В тихом трое уплотнены до необратимого слияния орбиты наблюдения и движения, именно в дроидах желания разнёсённые столь широко, что вообще не соприкасаются! Ковальский парадокс: нельзя разносить что-то вплоть до полного неконтакта! Оно схлопнется!

После виртуозной церемонии Августейший ждал себе узел-орбиту, как закономерный дар… Ждал, что принадлежавшее ему, останется его.

Ну, а с жадностью и некоторым сомнением, не сумеет ли и его потратить на честолюбивый эффект, взрыв салюта, осыпающего приглашённых, он ждал тихого трона. Если не салют, чтоб перешагнуть через орбиту тихого трона, чисто технически дроиду желания нужен мостик.

Всегда есть мостик в семейство, откидной, подвесной, постоянный. Какой-то, но есть, как рама в Собственный Мир. И как всякую обусловленность его стараются заменить, искусность демонстрирует могущество. Окружной ров кустами, клумбой маскируют, роем меток, пригодных лишь для оповещения, как дверной звонок… Мост – решёткой сада или даже тенью от решётки…

Из крупных семейств только у Доминго ров – это ров, мост – это мост. Пренебрёг, проявил надменность.

И к молчащему трону дроида желания нужен мостик, чтоб ей выйти. Протянутая рука. Не слабей её руки, принадлежащая тронному или автономному дроиду. Ему и достанется тихий трон.

Каждый из возможных претендентов ясно понимал, что даже по просьбе Амаль оказав ей эту услугу, подпадёт под его недоброжелательство Августейшего такого масштаба… Которое полученным даром не искупается. Кто рискнёт, ха-ха? Сумасшедший или несведущий?..

Так что в целом, если не салют, гаер был спокоен. Уверен… О, Фавор…

Некие подобия тихих тронов желания складываются порой в существе дроидов как временные явления. По масштабности с настоящими несравнимые. Пробуждение их голоса чаще всего и прекращает их существование, слабых, временных, образующихся долго, существующих до первого крика-импульса. Но распознать их, в чём суть, невероятно трудно. По косвенным признакам можно. По неоправданно длинным или необъяснимо коротким зависаниям дроида перед чем-либо, после чего-либо совершённого, регулярным. По необъяснимой избирательности в пустяках. Это будет не проявление, не «голос» трона, а маркер его наличия.

Если пробуждение его голоса и спонтанно, то уровень пребывания среди других орбит –

постоянен. Он обусловлен пределами, до которых смог протонуть, на каком уровне узел-орбита уже способна держать его.

К примеру, при обработке меток дроид может регулярно подвисать. А на турнире быстрый. Тормознутость вовсе не проявляется, где новая информация не упакована в метку. Кто это увидит? Никто. Кому это важно? Турнирному сопернику. Важна степень предсказуемости, ритмической простоты! Адресатам же меточным она абсолютно безразлична, на миг позже прочтёт, на миг быстрей…

На трибуне стоя, над площадью и толпой, обеими руками обнимая своих королев, Августейший до начала схватки всё пытался разглядеть, угадать: есть в ком подобие тихого трона? Сыграет в решающий момент? Автономный, а угадывал редко. Такое дело, тёмное… Тихое.

В нарушителе, с которого требуют отчёт все четыре трона, к гадалке не ходи, молчащая область есть или была! Он думал, что ею следы запутывает! Соскакивает с привычных траекторий, держит азимут для видимости, а реально ориентируется тихим троном вовсе не на него. Это так. И немножко наоборот…

Тихий трон не служит дроиду в проделках, стоящих дроби дробей и выше, он подталкивает к ним! Продление импульса, да. Функция, которой дроиды желания распоряжаются сознательно, и которая распоряжается всеми остальными, стоит ей чуть возрасти.

Ни честным одиночкам, ни дроидам семейств тихий трон не нужен, нужен лишь тот, на котором сидит их владыка, ему и служат, за ним и пришли. Предсказуемый. Прочный. А эти подходят для отлучек в людскую сферу и для коварных замыслов! Для планирования подходят, если крепко их держать. Такая записная книжка…

В предтурнирной напряжённой тишине Августейший угадывал и промахивался.

В усыпанном лепестками прекращения зале он увидел тихий трон глазами. Потому что, как только облетели вуали дроида желания, тихий трон подал голос, бессодержательный, отчётливый зов… И сделался автономному гаеру зрим.

Рядом же в толпе стоял один дроид, счётчик небытия, который в тот же самый момент потерял тихий трон из виду.

Лепестки больше не опадали. Чёрно-белая канитель в воздухе прекратилась, весенняя часть невозможно притягательного аромата ушла. По ржавчине распространялось искрами бенгальского огня пламя-дискрет. Точные искры. Пятилучевые. Маркер насильственной власти, приказующих импульсов. Августейший начал уборку, не дожидаясь ухода гостей.

Многие отстранялись, ломая траектории, большинство ускоряло ход, но все любовались. Осень сгорала, перешагнув зиму, торжествовала металлическая, как Закрытое Семейство окончательная весна… И вдруг остановилась. Бенгальские искры зашипели и откатились от ног дроида до сих пор не получившего дара.

Айн кротко и сосредоточенно как вниз смотрел, так и продолжал смотреть…

– Ди… – сказала Амаль и протянула ему руку.

Как трудно даже автономному поверить в то, во что верить не хочется! Августейший подумал, что в этой руке прибережённый дар, пустячок какой-нибудь. Нет же, она была пуста.

– Ди!.. – откликнулся Айн.

Поднял взгляд и взял её руку. Взял пустоту

молчащего трона из её руки.

Тут уж никто вмешаться бы не смог и не успел. Без паузы Амаль оказалась снаружи круга, Айн - внутри, и трон в нём пропал. Со всеми искрами разом.

«Шутница, ученица, ненавижу!..»

Маленький штришок… А как же владыка?

Шпилька выпавшая из чёрных волос, шпилька чёрного дерева лежала под четырьмя копытами Стража. Насмешка.

Грубая драконья шутка, когда бьют и попадают по носу: «Хвост драконий тебе от меня! Получил?!»

Вообще-то шпилька – стилет…

«Амаль хранила турнирное оружие?!» – некстати поразился Августейший, будто это теперь важно… «Ну, спасибо, Аномаль-Августа…»

Тяжело и пристально Страж изучал её черты той, от которой помимо черт ничего и не осталось…

Индиго поднял стилет!.. Из не иссякающего любопытства ко всему дроидскому. И ни одного места, ни на одной из форменных орбит свободного не нашёл для второго, незапланированного дара! Карман, петля, хлястик?.. Ничего! Доминго ревнив и подозрителен, тайному не место в его дроиде!

Не долго думал, шпилька, так шпилька! Он повторил жест Амаль наоборот, и шпилька чёрного дерева пропала уже в его иссиня-чёрных волосах. Вместо локона замкнула крупный, гладкий пучок на макушке. Поклонился.

С толикой грусти неподвижная Амаль проследила его благодарственный поклон. Тугая, ровная причёска, с которой предстал воинственней и взрослее, преобразила Индиго неожиданно сильно и не только внешне.

Так и взрослеют дроиды, не годами, а связями, дарами, трофеями. Отстранённостью, приобретённой вдруг.

Общая форма Индиго, изменившись не по воле Доминго, позволила взять дистанцию для взгляда на владыку. На собственную неколебимую преданность возлюбленному и трону. Скачок взросления не раскрепостил, связал его ещё крепче. Амаль это не по нраву, но дар должен радовать получившего, а Индиго очевидно счастлив.

Острые зубы паяца скрежетнули без пера между ними… Амаль не дрогнула, за неё дрогнул весь зал, обмер. Блюдца огуречно-зелёных глазищ заняли половину его. Недоумение и возмущение переливалось через край.

Это очень старый жест Августейшего… Персональный.

Фронтально Страж казался двуногим, двуруким, нормальным человеком в рабочем переднике. Мгновенная демонстрация ещё двух пар ног и рук, превращающая его в копытного паука, была коронным, врождённым приёмом с отчей ему игры. Его повторял очень редко и бессознательно, при неподдельном гневе. По вложенной силе ужаса это маленькое переступание и высвобождение рук из-за спины равнялось лишь голосу Тропа. Но если Троп сеял панику, то Страж парализовал.

Сутулый броненосец с леопардовой лентой на лбу усмехался себе под ноги. Стража

игнорировал.

«Завтра пугай. Сегодня всё слишком увлекательно. Похоже, сегодня, холодный гаер, не твой день. Для шуток неподходящий».

Айн смотрел прямо, стремительно теряя прозрачность. Высший… Дело сделано. Превосходное место и время для начала жизни, и превосходный дар на первый день рождения.

Бешенство. Кого паяцу винить?

Лишь себя! Как естественен был финальный аккорд Амаль, как ужасающе логичен! Добавить тайное к тайному. Отсутствующее – к счётчику отсутствия… Как будто заранее знала…

«Или не как будто, а знала?! К этому шла?.. Себя вини! Ты-то без сомнения знал!»

Знал, что владыка Порт зван. Что придёт не один. Знал свойства дроида, имеющегося в распоряжении тёплого трона. Предвидел, что от сложного счётчика до высшего дроида не долог путь через кузню. А уж устройство дроидов желания для их владыки, как на ладони.

Странно, что машина может злиться? Нет, странно, что может человек. Рассеянный, пластичный, многогранный. А однонаправленная машина, сталкиваясь с препятствием, естественно испытывает гнев. Обыкновенный, досадующий, в обе стороны направленный и на обстоятельства и на себя. На себя! Августейший был в бешенстве.

Но автономная машина с чёрным ящиком самописца внутри тоже не утратила в нём голос… Сквозь бурю гнева шут добавил запись в бесконечный сухой отчёт, на Айна глядя: «Суть исторический момент стоит за ним. Создано не существовавшее прежде. Айн, первый».

Лично же от себя добавил: «Либо целиком изловлю, либо… Утонуть мне вдоль Юлы до снегов Коронованного, всё равно поймаю! И своё заберу!.. Дрянь Амаль! Дрянь!..»

Облачение возникло на плечах Айна. На ключицах лежал толстый витой шнур плаща, сам плащ длинней, чем до полу, вился над ним невесомо. Бесчисленные «айн» необщего дроидского покрывали и составляли ткань плаща.

Иероглиф очень простой в начертании, близкий к «драконьему завитку» причёски

Амаль, с хвостом отдельного локона, цепляющимся за соседние хвосты.

«Ну да, всё так, всё правильно… Странно, если б мимо прошло такое громадное совпадение».

Гелиотроп потёр укушенное плечо… Покосился на братика…

«В конце концов, ты сам пригласил меня, не подерёмся же мы из-за топа, из-за такой ерунды…»

01.28

Дроиды не умирают и смерти не боятся. Но это одна сторона. Оборотная – ценят ли они свои тела, как совокупность? Является ли узел-орбита самоценностью для них? Ответ тот же – нет! Функцию ещё туда-сюда, уважают, развить стараются, остальное – пустяки, не ценят. За исключением… Белых Драконов, независимых навсегда!

Именно они в этом пункте приближаются к людям. Их служба не заданная функция, а – добрая воля, вопрос соблюдаемой договорённости. Не обусловленные ни внутренне, не внешне, именно они уважают жизнь просто как жизнь, за неё саму.

Кувырки, формы, фырканье, драки, гонки… Драконы ясно видят, что это всё не зачем, а почему, просто есть оттого, что есть. Как серпантин бесконечной прогулки первой расы, озирающей бытие – ни к чему, ни зачем, но в итоге – Юла… Всем «к чему и зачем» - опора. Изначальное знание второй расе затмевают функция, мегаценность контур-азимута, и жажда трона.

Именно Белый Дракон не мог при всём желании понять Амаль и согласиться и её решением. Особенно недавний уроборос! Тут такой мир вокруг огромный, оказывается, а она!..

Это же свойство белок вносит элемент непредсказуемости в турнирные сражения второй расы. Конь дроида вполне может решить вдруг, что прекращение совсем не то, что надо противнику! Неудобство, да. Но выгода быть конным на турнире превышает риск. Тем более бои до прекращения крайне редки.

Дальше случилось следующее…

Плечо Гелиотропа сказало ему внятно и недвусмысленно, что сейчас, прямо сейчас будет укушено ещё раз, притом гораздо сильней… Предчувствия конструктора настигали редко, но метко и приучили не игнорировать их. Он даже потёр плечо и поёжился.

Последнее время как-то участились между автономными размолвки…

Гелиотроп не собирался грабить братишку. Но быть укушен и брошен подопечным он тоже не хотел, в итоге перевесил каприз младшего, разумеется!

В лазурном простом платье, голубоглазая, черноволосая…

Уррс с шумным драконьим «фррр…» втянул воздух и пламя, которое Троп настойчиво рекомендовал ему не тратить, заклокотало в ноздрях. Да, тут укусом не обошлось бы…

В густой дроидской тишине немного механистичный голос Гелиотропа произнёс:

– Амаль… Братишка… Троны… Одиночки… Дольку на слово. Есть такой пункт… Четыре трона дали согласие на прекращение. На дары вовеки не требуется согласий… Однако, оставшееся – моё? Если я по-прежнему верховный конструктор для высших. Так ли?

Зал дрогнул риторической перекличкой Туманного Моря. Смысл её и содержание лишь хвала Гелиотропу. Он – верховный. Он – для высших. Он – и никто иной. Сплошные, набегающие: «ди!.. ди!.. ди!..» вернулись к нему.

– Ди, – промолчала Амаль.

Выражение её лица неуловимо.

– Ди! – хрипнул и Страж, удивлённый

Но судьба Амаль, как узел-орбиты, как топа, действительно на предмет для спора с Хелием. Пусть он куёт, если ему приспичило.

Уррс рыкнул огненно-пламенное «ди!!!», осклабившись белоснежно от уха до уха. Человеческую формы опять не изменил, дым в ноздрях клубится… Не шло учение впрок ему! Зафыркал смущённо, подул и дым рассеял…

О его капризе глупом, о его мудром упрямстве заботился сейчас опекун, а не о дыме

из ноздрей! Хотя дым он заметил…

Владыка Порт, леопардовой ленты на лбу, свидетельствуя, коснулся и тоже покивал с улыбкой: «Ди, ди… Разумеется».

Индиго, как представитель Доминго и дроид-азимут владыки Сад также признали требование справедливым.

– Амаль… – сказал Гелиотроп, взяв и сразу отпустив её руку. – Моими следами.

Конечно, это не было следами. Траекторией. Орбитой движения. Они вылетели прочь и взлетели над стальным шаром семейства. Уррс вился вокруг как щенок.

Черные Драконы ожидали своего владыку, представ Большой Стеной в горизонтали. Мощёным лучом протянулась до У-Гли.

На «пороге» Гелиотроп попрощался с братишкой официально, потому что частью официального являлась и стена. Формально и неформальное очень разграничено у дроидов. Августейший, снова паяц, ответил извивом слишком красных губ и утёк в сталь.

Удачно. Пусть позже огорчиться. Гелиотроп приготовился уже командовать лучу, как

изогнуться, каких поворотов наделать, чтоб скрыть схождение на каком-нибудь из них, до кузни не доходя. Не понадобилось.

Остановившись, переведя энергию одолженных её орбит движения в движение голоса, Амаль спросила:

– В чём же имеет нужду коваль второй расы? Имею счастье спросить напоследок, если моё любопытство уместно.

Коваль ступил с глянца чёрных плит, обняв её за пояс, а Уррса за плечи, на ближайший панцирь тракта…

Взлёт: Вензель, лабиринты…

Гора Фавор.

Шум тихий, излучение тонкое от плоских и долгих волн… Звёзды огромные, свет вечного дня… Чудится щебет под ними. Амаль поклялась бы, что слышит его.

– Ни в чём, Амаль, как в отдыхе… – ответил ей Гелиотроп. – Эй, вы двое!..

Последнее относилось к носам, торчащим из-

под волн, то скрываемых их набегом, то округлыми гальками притворяющихся. Возле каждой гальки зыркало по паре глаз, отличная маскировка!

Ихо-Сю, снова поцапался с тройкой их стаи и как обычно прятался там с одним из Лун-Сю… Вокруг горы удобно гоняться, удобно встречаться, возле неё. Сюда и Уррс возвращался, потеряв своих на широких орбитах дроидской сферы.

Белые Драконы вылетели без обычной для них дерзости, неуверенно. Будто равнинные реки они, и не раньше к Гелиотропу притекут, чем пройдут все изгибы.

Конструктор достал из кармана пиджака дисковую метку зависания, ступень метки прицельной, взял под локоть Амаль, чтоб взошла на диск.

Взошла и воспарила.

На соответственно его функции зависшем диске стоя, снизу от подножия Амаль казалась кусочком голубого неба под небом бесцветным, под яркими звёздами. В нижний ряд арок пустого Храма Фортуны смогла заглянуть, услышать шорох волн повторённый оттуда.

Колонну обвив хвостом, – опять в промежуточной форме! – юноша дракон сидел, рот разинув, вопросами не предвосхищая чуда. Технические моменты – это не драконье, а что будет по-егономуУррс уже понял. Оправдывая своё имя, волнуясь, в зубах теребил кисточку драконьего хвоста, промежуточного обличья уроборос!

– Белки, – начал Гелиотроп и, присмотревшись, персонализировал, – Лун-Сю независимые навсегда! Кроме, как воровать, и в чужие владения врываться незваными, вы ещё что-то умеете? Не остыли ещё ваши пасти?

Угадывая его мысль, драконы оживились, бошками замотали, закивали поспешно. Усы из настороженных пружинок, к отведённых к затылку, в разлетелись в стороны. Со вниманием поплыли к нему, вперёд носов: кошачьей пимпочки Ихо-Сю, блестящего пятака приятеля. Очаровательна мимика драконов, таких грозных на самом деле и таких непосредственных. Можно ли не влюбиться, один раз увидев!

Зауркали, переступая лапами в небе:

– Нет-нет, что ты, коваль, дорогой всей дроидской сфере! Умеем, не разучились! Не

слабей огонь в наших пастях, чем в твоей кузне!.. Нет-нет, что ты, мы, Лун-Сю, не заходили и не заглядывали! Наслышаны… Вполуха… От других, бессовестных, куда не надо врывающихся белок!..

– Ну, если в первой расе вы укоренены по-прежнему, и на огонь не скупы… Разиньте пошире свои пасти! Тут кое-кто слишком долго скучает по вашему племени!

Приложил руку к груди, простёр к Амаль и спросил риторически:

– Надеюсь, тебе схема облачением не нужна? Довольно их знаешь?

Амаль не ответила. Подняла лицо к крупным-крупным звёздам, к созвездию Пояс Фортуны в бесцветном дроидском небе, неуловимо прибавляющем прозелень… Рулады Фавор гуляли среди созвездий…

«Достоин ты своего места. Почтения, оказываемого тебе всей дроидской сферой, достоин».

Свысока подумала королева, оставляющая в прошлом надменность дроида желания, чтоб немедленно обрести взамен троекратную драконью надменность. Судьба такая – меняясь, не измениться, фортуна!

– А я?! А я!.. – бил хвостом, так и не выпустив его из зубов Уррс. – Да у меня пламени, да во мне, как во всей ихней стае!

– А ты сиди и смотри!

Только третьим и не хватало супергорячего, совершенно неопытного уробороса, всю симметрию порушить!

– Обещаешь сидеть? И не вмешиваться? – нахмурился Гелиотроп.

– Угу…

– Угу, это да?

– Да!.. Ди!..

– То-то же.

Гелиотроп стрельнул пронзительной лазерно-зелёной вспышкой в коньячные крапинки недовольно прищурившихся глаз, – дракон – сущий уроборос, на что ради него не пойдёшь, всё окажется мало! – и отправился пешком к себе, двум Лун-Сю вполне доверившись.

Не всё ему ковать. Пусть жару зададут, а Амаль, сочиняя штрихи своей новой формы, пусть их протанцует. Ровно такой и выйдет из пламени, какой намечтается ей. Сможет, если раздачу покровов без фрейлин смогла.

С нижнего уровня остановился взглянуть, как белоснежные силуэты крылатых ящериц извергают оранжево-алое пламя на крошечную лазурную звезду. Она сверкает, белеет…

«Спешат… А, их дело! Поручил, так не поправляй…» – одёрнул Гелиотроп себя.

У него и учеников-то не имелось поэтому. После каждого задела, чувствовал, знал, как лучше. И как же лучше? А лучше-то всегда по-своему! Ученик-то по-своему видит! Вот и не складывалось. Только ли у него?.. Если так посмотреть, в дроидской сфере отсутствовала преемственность конструкторских дел, ковальского мастерства. Сплошь одиночки, конспираторы.

Гелиотроп услышал от горних высот, трубный, рычащий и хохочущий голос нового дракона, трубящего миру – восхваление, а ему – благодарность.

«Хорошо… Как зваться будешь? – подумал с улыбкой. – Амаль-Лун?.. Аномалия Луны?..»

Прав таки оказался великоопытный

конструктор, сквозь Пух Рассеяния мимолётный, оценивающий взгляд бросив… Они таки здорово спешили!..

Уррсу оправдываться пришлось ни за что, клясться пришлось, что не вмешивался он, когда Гелиотроп встретил Амаль-дракона после преображения!

– Доминго не показывайся… – всё, что смог выговорить конструктор.

В ответ – самодовольный, фыркающий хохот!

Покажется! Непременно! Доминго, кстати, оценит, не такой уж он и зануда. Притом – знаток турнирных лошадей…

Едва зашёл к себе… – привет.

В Дольке-мастерской Гелиотропа ждал Августейший, за его столом, перед его блокнотом… Закрытым. Но хозяина немного раздражала их с Тропом привычка вот так заходить. Троп ещё потактичней, даром что дни космического одичания перемежает днями подводного. Августейший обходился без стука в дверь и без предисловий.

– Считаешь, получится удержать ключ к влиянию?

– Ключей не ковал…

Гелиотроп присел на жёсткий стул. С прямой спиной, с усталостью машины, предвкушавшей отрезок самовосстанавливающего одиночества, и вынужденный снова отложить его.

– Да уж я видел, что белки за тебя ковали! Азимут в Белом Драконе как азимут – извёртыш, дрянь, но с другой стороны – он никуда не денется… И когда придёт пора воспользоваться… Айну будет это не проще, чем нам. Молчащий трон в нём навсегда, с этим ничего не поделать… Но ключ к трону ещё может оказаться в нашей руке…

– В которой из шести наших? – улыбнулся Гелиотроп.

И эта улыбка не пришлась шуту.

– Хелий! Что ты хочешь этим сказать, что есть разница?! Что я не за тебя? Или ты не за меня?

– Да нет, я просто…

– Хелий, ты хоть понимаешь, кто возник сегодня?! На наших глазах, по моей, топ-извёртыш, глупости!..

– Ну, более-менее… И почему глупости? Ты жадный как Доминго. Всё так складно вышло.

- Как складно? Для кого?

– Для Айна… О…

Гелиотроп резко вспомнил про свою кадку! Настолько резко, что канул в необщую форму из имитационных орбит, и она осталась сидеть за столом, а он стоял перед кадкой между двух окон в прострации.

Борта по-прежнему замшелые, Гелиотроп уже и не представлял их другими, испугался бы чистых. Каждой следующей перемены одинаково пугался, и к каждой необратимо прикипал.

В круге бортов этих зеленело… – пять? – вытянувшихся, неотличимых ростков! На ковре из мелколистного нечто.

– Я это не сажал!.. Не думал об них… – он потёр пальцами, словно кроша что-то или что-то стряхивая. – Братик, каким образом? Что это?..

– Сорняки! – хохотнул паяц. – Давай, я выполю!

И зашёлся хохотом надолго, получив нешуточный удар по руке.

– Хелий, братик, полно-те, шучу ж я! Ты к континентальным бродяжкам в человеческой сфере привязывал свой проект? Чему удивляться, столько сора. Да умножение, вижу… Дроид

какой-то нарушитель, с ними гуляющий вошёл в формулу. Вписался, заметь, в алгоритм. Отсюда и умножение. Да разве это плохо. Будет пять оранж-деревьев. Или кадка треснет! Не треснет, Хелий, о Фавор!.. Дроид притянул новых людей к фокусу твоего проекта, распятерил его, гы-гы. Хищники и гуляки земные, они гибнут, как метки-мотыльки тебя в У-Гли настигшие. Пшшш!.. И всё, как не бывало, гы. Не беспокойся. Образумится дроид, уйдёт из формулы, прекратится умножение самоподобий…

– Стоп-ка… – Гелиотроп соотнёс вероятность нарушений с неосведомлённостью, что всегда коррелирует, а прибавления в дроидской сфере редки. – Ты считаешь, что Айн…

– Айн тут пророс бы, как тропический лес! Кронами вниз, корнями наружу! Ты в дверь не зашёл бы! Нет, я уверен, что Порт не отпускал его от себя. Скорей похоже на драконьи проделки.

Верно, что-то подобное начнётся в неприкосновенной кадке со дня на день! А пока гулял один юный, малоосведомлённый дракон по рынкам Морской Звезды… С Гелиотропом и гулял. А из людей – с неким, встреченным в небе хищником, что не возбранялось ему.

Как мог конструктор предположить: незлостный хищник принадлежит к группе чистых хозяев, той самой, на которой завязан

оранж. Оба, и уроборос и хищник захаживают в Арома-Лато, под Жёлтый Парасоль.

– Наверняка столько мусора, однако, понизу стелющегося, с перекрёсточком каким-то связано, чистым в нечистом, – угадал паяц. – Своего Уррса поближе держи.

Снова угадал.

Вот что значит, ковалю на себе эксперименты ставить, вслепую. Носом тыкать можно его в его же работу, советы давать. Хочешь, не хочешь, а прислушиваешься. Потому что каждый день - трепет. Потому что оно - само, смотри, жди... А знать-то хочется заранее! Хоть на день, на два вперёд!

Августейший отошёл от кадки, позволив Гелиотропу вздохнуть с облегчением. Уставился в панорамное чистое окно. Классная орбита, видно, но не слышно. Размежевание свойств нравилось, на его стены не похоже.

– Аномалия оправдала своё имя... Встречу, в огоньки раздраконю! Дракон, дрянь!

Смелое заявление.

01.29

Прежде уже доводилось владыке Закрытого Семейства претендовать на узел-орбиту и тихий трон дроида желания… Давно. Столь же безуспешно.

Обсуждать этот момент доводилось. Напрасно.

До прекращения оставалось всего ничего.

Любезный Страж…

– Чего желаешь напоследок?

– Ну… Посмотреть турнир?

– Обычный день? Как всегда?

– Именно так: обычный. Будто бы, как всегда…

Турнир – одно из немногих развлечений, объединяющих драконью сферу и вторую расу. Одна из причин, коих по пальцам пересчитать, для отклика белок на просьбы высших дроидов – побыть турнирным зверем.

Бой был интересен не всадниками, но их конями. Необычен смоляной, Чёрный Дракон-

конь! Да, и такое уже случалось, Георг не первый из них на Турнирной Площади.

Для белых, независимых навсегда, на задние лапы встать, на одном месте долго находиться, вот смехотворно и унизительно, а на спине покатать кого-нибудь – одолжение совершаемое охотно, с барского плеча. Случалось, что Белый Дракон по-приколу носил вепря над Туманными Морями!.. Случайный путник не назвал бы перекличку разноцветных огоньков в тумане мелодичной! Дракон фыркает, громадный вепрь визжит, причём, со страху!.. Бело-Драконья стая с завываниями их догоняет… Весёлая жизнь!

Покатать это легко, всегда пожалуйста. На турнирной площади день за днём гарцуют кони белые, как снег или молоко.

А для чёрных «крокодилов» Гелиотропа ходить на задних лапах в порядке вещей, позволить же взобраться себе на закорки – увольте. К тому же, будучи ответственными за сбор запретного, они понимали о себе, как о дроидах, которые хрюкающих бездельников выше, важней.

Первым влетевший на площадь конь оказался бел, следом ворвавшийся – чёрен. Параллельное противостояние, вдоль второй расы… Публика сосредоточилась на них. Собственный норов: аллюр, лягания, укусы и

общей породы кони проявляют со всадниками наравне…

Редкостное зрелище. По его завершении пела птичка Фавор…

Очнувшись, Страж оглянулся… Где его дроид? Где беглянка?!

Беглянка же, значит – в Лабиринте Бегства.

Ниже Вензеля, на Шнуровке Страж её настиг. Тупиковый поворот Голенища захлопнул ловушку.

Вышел.

На клещи любопытная публика, устремившаяся с Турнирной Площади за ними следом, пожалевшая о своём любопытстве, предпочитала не глядеть. Мимо, в сторону, под ноги… Как и на передник его рабочий…

«Недопустимо – своеволие дроидов желания – недопустимо».

Затем Амаль… Не везёт Августейшему с узел-орбитой.

Гелиотроп и Страж. Автономные. Братишки.

Разнящийся до чрезвычайности, жизненный опыт двух автономных дроидов позволил им образовать взаимодополняющую, устойчивую конструкцию. Деловую и дружескую. Имелись, однако, в судьбе Августейшего такие повороты, которых в судьбе конструктора и не намечалось. А соответственно тому – переживания, братишке и на гран неведомые.

У Стража была возлюбленная.

Именно у него, Августейшим он тогда был по прозванию, а не облику. Хотя тронным уже был. Год как. Ровно один год.

Вершина сухого сезона над полностью безлюдной Морской Звездой принесла ему в первый год трон, во второй – не мечтавшееся счастье: прекраснейшая из королев постучалась в стальную дверь.

Договорённости на вхождение дроидов желания за общую стену Закрытого Семейства уже были достигнуты, осуществлены, и лишь единицы колеблющихся определялись с крутым жизненным поворотом.

Определилась, немного попозже других, и Она…

Она…

Прежде, чем возникла на пороге, Страж этого дроида не видел. И тут не увидел.

Её окружало сияние. От неё исходили лучи. Пространство пело вокруг неё затейливым и звонким голосом соловья. О наступившем расцвете. О том, что торжествует весна, встречает лето, которое на этот раз не закончиться.

Гимны безобманны. Верить им нельзя.

Соловья Страж увидел действительно, запрокинув сухое, полуденным светом озарённое лицо. Над ней, над собой. Над всей дроидской сферой. Голубое пятно дрожало на птичьем горле, на нежном пухе. Живой артефакт сел на её плечо и продолжал петь. Соловей был – варакушка.

– Отчего она не улетает? – спросил Страж. – И как вас обеих зовут?

– Зову её Фавор… – ответил дроид желания из-за вуали, покрова солнечных лучей.

Голос пробежал по всем азимутам Стража

разом и растворил их. Растопившись, ушли в небытие. Остался голос дроида желания, остались рулады, рассыпавшиеся с плеча. Голос дроида желания проходил по Стражу, как ток по телам киборгов, насквозь.

– …зову Фавор, оттого, что люблю. Я Фортуна. Если позволишь, Фортуна-Августа. Антагониста не имею, в первой расе принадлежу теплу…

«Оттого-что-люблю».

– …а почему Фавор не улетает, Августейший, позволь спросить у тебя!

И рассмеялась. Дроид желания.

– Заходите.

Изменения первой расы не было.

Фортуна-Августа оставалась умеренно тёплым дроидом в холодном Закрытом Семействе.

Страж никак, ни при каких условиях не мог позволить прикоснуться к ней какому-либо ковалю, конструктору, дракону, Гелиотропу… Себе тем более! В Фортуне он, любя каждую черту, полное совершенство мира, не мог заменить и одной, малейшей орбиты.

Это обстоятельство поставило их на край пропасти. За край.

Они были не то, что близки. Они были нераздельны. И слепы. Он - дроид чрезвычайного холода. Чем всё семейство держал. У неё исчерпывался срок. Дроиды желания - конечны.

Близкое взаимодействие дроидов, разнящихся по первой расе не вредит им, но ставит перед ежеминутным выбором.

В некоторый промежуток времени либо совершать, либо смотреть.

Что совершать? Да что угодно. Беседовать, расслабленно пребывая в семействе, у себя дома, не опасаясь подвоха.

А смотреть полноценно, насквозь, не на малые орбиты внешних форм, значит непременно отстраниться, отдвинуться. Смотреть как машина на машину. На сумму, на созвездия всех орбит. В частности, глядя отстранённо, дроид дроида не слышит, не осязает. И людей не слышит, а слыша, не понимает. Разговор даже на необщем дроидском предполагает общую форму, человеческий облик.

Так всё и случилось. Прежде чем до критического момента дошли, Августейший и Фортуна-Августа разочка не взглянули друг на друга глазами машин.

Чёрные Драконы Гелиотропа так мало следили за Юлией-Альбой, не откусили и дня от счастья Гая и Юлии-Альбы, потому что Августейший попросил братишку об этом, памятуя Её… Их с Фортуной дни и годы. Не мог чужому счастью препятствовать. В благоприятное вмешательство на йоту не верил.

Внешность королевы Фортуны, если и отличалась чем особенным: уравновешенной тишиной. Статуя, картина без экспрессии. Символ. Объект поклонения.

Уголки глаз – на одной линии, без хитринки, без печали. Лучатся из глубины. Прямо, в упор. В такие глаза либо тяжело глядеть, либо наоборот. Зависит, от того, чиста ли совесть. Примерно как человеку с собой наедине. Глубина, небо… Смотри и смотри… Ни о чём не спрашивают эти глаза, ничего не ждут. Хорошо, тихо. Тенью ресниц подведены и верхние, и нижние веки, что ещё усиливало эффект. Уголки губ приподнятые неуловимо, готовые к улыбке. Общая прямота осанки, избыточная… Характер? Типичный для

дроидов желания – сильный, весёлый, упрямый. Словом, королева.

Они пропустили срок, когда дроид желания выбирает схему для перехода в следующую фазу.

Пропустили срок, когда, без схемы оставшись, дроид желания призывает конструктора и полагается на него.

Пропустили и точку, в которой возможна форсированная, осознанная раздача одеяний.

Попустили всё.

Тонкой струйкой помчались считанные дни безвозвратного растворения этих одеяний туда, где Пух Рассеяния, где ещё нет ни храма, ни горы. В никуда, в космическое ничто рассеивались орбиты дроида желания.

Тогда опомнились. Взглянули друг на друга…

Считанные на пальцах одной руки, поражения Стража, намертво впечатавшиеся в память, поражения тех времён, когда был виртуальным, был игровым дроидом, вечно перебираемые, вечно мучительные, ударили ему

в лицо. Масштаб потрясения отбросил дроида к самому истоку. Следующая секунда вернула к устью. Что будет дальше, поняли за миг, без слов.

«Тихий трон», «молчащий трон». Он тает в последнюю очередь. Он обратился к Стражу на неверном языке надежды. На языке сплошных обобщений и недоговорок, восклицаний и многоточий… В нём, как в прозрачной бездонности несравненных очей Фортуны, отражается контур-азимут до последних мгновений.

Следовало дождаться этого момента. Без паники. Без вмешательства.

Когда останется прозрачный тихий трон и под ним станет видна узел-орбита, Страж опустит в неё, как в Стократный Лал, как в зеркало отражение себя. Столько своих орбит, сколько нужно, чтоб контур азимут, вобрав их, развернул утраченное заново. Все покровы, все одеяния. С опорой в первой расе на холод. Ничего не пропадёт, ничего не изменится для королевы, за исключением первой расы.

Маневр доступный лишь автономным. Но не драконам, их «независимость навсегда» лишила такой возможности, экстра близкого контакта. И не техническим дроидом, масштаб не тот… Да всё это пустые, посторонние варианты, Августейший не доверил бы никому, и не

позволил никому!

Он, хмыкнув, небрежно усомнился, что удерживать семейство при новом раскладе ему будет играючи легко. Вслух.

Она усомнилась, не означает ли это для владыки полного прекращения. Молча, про себя.

Он принял решение. И она приняла решение.

И это были разные решения.

Фортуне не требовалось надолго надёжно спрятаться… Требовалось сбежать и пропустить конкретный, решающий момент. На руку ей, что срок чувствовала лишь сама.

Исход боя.

Дроид на чёрном коне маневрировал на стороне площади противоположной воротам своего появления, а это негласный знак, что, проигрывая, идёт до конца, снисхождения не просит. Отступление же к своим воротам знак противоположный. Внимание публики, естественно было устремлено туда, в ожидании эффектной развязки…

Вот и она… Белый триумфатор…

Королева чирикнула птичке Фавор и подбросила её: «Пой!..»

Отступив на полшага за спину Августейшего, Фортуна перешла в необщую форму. Обратно в общую собралась настолько близко к центру площади, чтоб оставался маленький шажок… Панцирный Тракт подбросил её на уровень вверх, на Башмачки…

Настигнув, захлопнув тупик, Страж уже опоздал.

Друг на друга смотрели безмолвно.

Полное таяние дроида желания, это не раздача одеяний. Это явление ещё более редкое и, несомненно, красивое.

Если уж нравится турнирной публике фейерверк пропущенного удара, россыпь обыкновенных огоньков, которых несчётно в тумане, самое большее – дуг простых, разорванных орбит, серпантином закрученных при разрыве, как прекрасно должно быть их растворение… Не разорванных, упорядоченных… Хризантемой, пионом осыпающихся вверх до Пуха Рассеяния, так что дроидская сфера

насквозь становится видна… Но в отличие от турнирных фейерверков и наследства, выгоды зрителям нет, им ничего не достанется.

Вуали солнечных лучей облетали с её лица. Глаза становились прозрачней и огромнее…

– Я почему-то не хочу зрителей… – задумчиво прикрыв их, прищурившись на что-то в глубине его стальных, неподвижных глаз, сказала Фортуна-Августа. – Подумать только, дроид желания не хочет, чтоб его видели!.. Грустно, моя птичка осталась снаружи, не слышу её… Владыка, открой мне выход туда, где меня не увидят?

Августейший снял льняную перчатку, голой рукой взял сомкнутые клещи, ударил ими вертикально над головой и пробил весь Панцирный Тракт, заставив содрогнуться Вензель и Лабиринты Бегства.

Пробоина капала сталь-плазмой, – условное название любой переходной фракции, – холодной и текучей, запредельно холодной жизненной силой тех улиток, которых давно нет.

Фортуна взлетела, Страж не последовал за ней. Выше его сил.

А Фавор последовала за Фортуной снаружи,

крохотный живой артефакт. Мимо сложностей дроидских, вдоль Тракта. Кругами всё вверх и вверх…

Далеко-далеко внизу Августейший, прислушиваясь, услышал в миг встречи её звонкую трель, её счастливый щебет.

Услышал и рассмеялся. Таким смехом – второй раз в жизни. И Троп не хотел бы услышать его, а Гелиотропу прежде довелось…

Замолчал. Постоял, задрав лицо к маленькому просвету, к затихающему щебету, под стальной капелью. Надел перчатку. Починил сломанное и вышел туда, где Фавор отныне не слышно. Где не смотрели на него. На клещи, на передник. Мимо.

«Своеволие дроидов желания недопустимо».

Отныне, сколь возможно, он играл на их стороне. Держа стены, совершенствуя стены, он в пику собою же утверждённой крепости допускал, провоцировал, покрывал своеволие королев при каждом удобном случае. И рассчитывал на взаимность. Какую же? Если он не любил их? Он их не любил.

Страж переделал всё семейство изнутри и

свою внешность.

Гаер, паяц, маленькой паузы себе не позволял, чтоб отвлеклись, чтоб заскучали королевы, чтобы замечена могла быть его холодность. Не природная, приобретённая. Он стал… Бесподобен!

От Амаль, от Аномалии-Августа Августейший ждал благодарности. За что? За то, что на важнейшую церемонию смотрел отчуждёнными глазами? Не на неё, а на то, что достанется ему? Ну-ну… Новая ошибка – перевёртыш старый.

«Подразумеваемое отныне – в горн, в У-Гли! Только ручной контроль! Топ-извёртыш!»

А не говори гоп, пока… Внимательней надо, тщательнее.

Что фактически представляет собой аспект «высшего» в существе автономного дроида.

Положим, орбиты, это движение. Движение, упростим, это мерцание. Тогда «высшестью» в мерцании будет повторяющийся момент, когда дроид воспроизводит расположение человеческих орбит, во всей полноте их плотности, но на ничтожный отрезок времени.

Процесс автоматический. В необщей форме

незримый. В общей – на людей похожи, но рост с внешностью другие и влияние первой расы ощутимо. А при воплощении процентное соотношение обратно тому, которое имеет место в общей форме. То есть, дроид вроде как человек, а чуточку, в редком мерцании – дроид. Но эта чуточка – громадная разница!

Один полный год провёл Страж в дроидской сфере без трона, после того, как Кронос прекратил существование.

На эсперанто дать оценку этому прекращению для бытия автономных невозможно. Потому что, эсперанто – язык высших дроидов, ими создаётся, сближается с эсперанто людей. Автономные учат его, но не вносят вклада. А что нельзя выразить, то нельзя и считать понятым.

Исчезновение единого распределяющего центра, это не крушение пространства, а возникновение его! Когда падают стены и видишь, что за ними пределов нет… А ты? Такой маленький. Кто ты тогда? Кто ты теперь?.. Сквозняк космоса. Мир состоящий из неплотно прикрытых дверей, без стен и без крыши, без фундамента.

Для высших легче, они осознали себя единицами, «людьми»… Осознали схожесть, несхожесть, конкурентность… Невозможность разбежаться…

Отсутствие Кроноса для высших дроидов равнозначно главенствующей обусловленности всех и любых сближений. Личных отныне и навсегда. Территориальные существа. Разбивка на области, уровни, семейства, сферы влияний.

Осознали себя людьми, и… – правильно, немедленно начали воевать! За влияние на людей, за доминирование тут и там, за возможность не учитывать интересы соседа, за территорию. Белые Драконы по всем пунктам – на той стороне… Год и провоевали. Для них – долгий, как все последующие века! На таких-то скоростях. А какой урожайный на прекращения, на артефакты какой урожайный!.. Благо, технические, не вовлечённые дроиды легко поддерживали миры, дроид же при Восходящем – неприкосновенен.

Короче, высшим по Кроносу некогда было скучать.

Немногочисленные автономные дроиды пребывали в полном ауте без Кроноса, внутри разгоревшейся войны. Гелиотроп, собственноручно это устроивший, не меньше прочих. Он как бы ковал и отошёл, посмотреть… Уж наделал, так наделал…

Что они утихомирятся скоро, это он понял. Сами по себе, вмешиваться – только баламутить. А вот пустое место на месте Кроноса… Физическое и функциональное, место, где его плазма не требовала даже вопроса, чтоб дать ответ, приковала коваля, не отпускала его.

Слепое пятно приближалось…

Троп летел где-то в межзвёздном пространстве, нёс земной шар на хребте… Кормил Солнце пойманными звёздами.

Семейства не существовали, а значит и Лабиринты Бегства.

Дроидская сфера ниже Пуха Рассеяния представала единой драконьей Обманкой. Облака и облака… Разрыв, плена опускается к Великому Морю – тенденция части высших стать одиночками 2-1…

Ниже оформленными облаками простёрты

Собственные Миры.

На границе «неба и земли», неба и неба, в Пух Рассеяния, четыре ноги уперев, высился Страж.

Длинные плоские волны… Никаких берегов им не найти, чтоб удариться, залепетать, откатиться.

На том самом месте, где Феникс воздвигнет храм в честь своей любви, в честь Фортуны, пославшей её, где дроидам будут мерещиться нежные птичьи трели, настигнутый слепым пятном, Страж окаменел и хохотал. Громоподобно, оскалившись, распахнув до предела стальные, сверкающие глаза. Выше будущего храма четыре руки воздев…

Гелиотроп оказался невольным свидетелем тому. В ожидании слепого пятна, это жуткое зрелище радости ему не прибавило.

А в последующие годы, на троне сидя, Страж попросту захлопывал стены, звал королев и устраивал фокусы. Мерцал, не на автомате, как высшие дроиды, а принудительно. Схема

человеческого устройства повторялась в нём. Плотно-плотно, быстро-быстро, от холода к теплу… Со смехом выходил из пике! С обычным, хрипловатым смехом из слепого пятна выходил.

Он тоже ничего не видел какое-то время, но это не волновало паяца. Идеальной, шаровой формой стен удержанные, королевы видели его. Будто он, как и прежде в Кроносе, в его плазме, связывающей всех со всеми, в атомной силе побуждающих импульсов. Будто Кронос ещё не определился. Напряженье полей со всех сторон. Что весь год требовало труда удержать, раз в году на руку играло.

Простой выход из ситуации, которого Гелиотроп не имел.

01.30

Отвергнув предложение Чумы и Каури, своей неподкупной принципиальностью Пачули, воспрепятствовал мероприятию дичайше нечестному, но вполне благому: попытке обставить клинча в слепой магнитный марблс и выиграть у него человека. А именно: последнего из проигравших на безобманном поле Гранд Падре латникам свою жизнь.

Клинчи редко нисходят до общества всяких прочих людей. Но случается.

Ради заказов на Рынке Техно.

Ради таких азартных игр, в которых распоряжается лишь случай.

Ставки могут быть высоки, могут – ничтожны. Клинча, утомлённого вечной войной, где веками перелома не намечается, привлекает сам факт быстрой развязки. Ничтожно число погибших в их полевых стычках. Его превосходит даже ничтожное число смертей в море, из которых часть – дуэли над гребнями волн, в предельно облегчённых доспехах, когда один другому чем-то на континенте насолил или вконец осточертел, а часть – попытка выловить кого-то сверзившегося на гонках.

Гонки и варианты слепого марблс – два типа игр прельщающие клинчей. Вписавшись на гонки, на слепой марблс, и одержав победу клинч готов ставку простить. Так что, проиграть клинчу не страшно. Для великанов внешне столь грозных – плюсик к репутации. Репутация всем необходима.

Против латников страшно у Гранд Падре проиграть, на год заложником себя проиграть, и

надежды, что выиграют тебя ничтожны. Однако же год за годом желающие рискнуть находятся.

Клан, где пребывал заложник, согласился сыграть на него в нарушение текущего порядка – событие экстраординарное. Несостоявшееся. Чтоб и теоретически стало возможным, совпали интересы двух сторон.

За похищенного вступилась могущественная и многочисленная группа Секундной Стрелки, имевшая немалое влияние на важный для клинчей Техно Рынок. Их человек, Стрелки. Дело чести.

Клан раз в кои-то веки заинтересовала предложенная внеочередная ставка. У Гранд Падре она неуместна, там по традиции против них артефактов не ставят. Латники не считали, что рискуют устоявшимися договорённостями в своей среде. Шли выигрывать. Враги узнают, но предъявить нечего. Чтоб попозже узнали, постфактум узнали, а в процессе не вмешивались, отправиться на партию должен был один клинч. Впрочем, они толпами по континенту и не гуляют.

Предлагая партию в Арбе, Секундная стрелка рассчитывала сжулить – создать там массовку исключительно из своих людей, вооружённых механикой, влияющей на поле колеса, остававшегося формально чистым. Тогда, будь клинч, как демон морской, чуток, результат игры – их, как и ставка.

Идея хорошая. Требует чёткого исполнения.

Посторонних быть не должно. Колесо должно быть включено ими же, ведь когда добавляют магнитный излучатель для этого типа марблс, под игровой стол его кладут той же рукой, что включила колесо Арбы.

В слепом магнитном марблс глаз не завязывают. Нет необходимости. Что смотри, что не смотри, хоть целься, хоть не целься… Бросают оптом десять раз по десять из горсти. Цель - выбить птенцов соперника за пределы поля. Поштучно бросают, когда есть охота затянуть игру.

Название происходит оттого, что шарики быстры, не разглядеть. Все взаимно отталкиваются. Похожи на подшипники в бензиновых разводах. Скользкие, в руки берёшь, кажется – испачкаешься. Они немного пахнут.

Техникой, технической смазкой. Это «немного» – их свойство чрезвычайно важное для латников. Играли ими и на них. Клинчам нужны эти шарики.

Магнитные марблс – редкость. Кто-то на Техно Рынке в очередной раз разобрал дроидоувязанный инструмент, отчаявшись применить его к делу. Шарики выковырял.

План имел хорошие шансы на успех.

Имелся запасной вариант, подходящий как на случай проигрыша, так и на случай разоблачения. Численный перевес.

Неужели высокоскоростные, отчаянные, скучающие по достойным противникам и сильному адреналину разбойники Секундной Стрелки не справятся с одним клинчем?! С одним! Не дроид же, не дракон! Затем обменяют на своего.

На кого обменять собирались?.. На Шамана.

У Гранд Падре Шаман вышел в финал совершенно случайно. О том что – удивительное дело, он в принципе способен проиграть? – не помышлял. Марблс – не его страсть, опасливость

– не его порок, а вот же.

Цепочка партий, приведшая шаманийца в гости к Гранде Падре началась задолго до тамошнего поединка. На безобманное поле парни Секундной Стрелки прилетели в тот самый день, разрешить внутреннюю коллизию в группе.

Таковую…

Один из них привёл на игру против Секундной Стрелки нового человека, как своего знакомого. Зашли рядом, плечом к плечу: не общая добыча. Но оказалось, что приведший новичка не имел ввиду и последующее членство.

Привёл ради его поражения и его ставки, заранее записанной на третьего соучастника. Соответственно и всех остальных ставок. Нечестно. Новенький пишет по жребию, случайным образом.

Предатель обещал: тебя выкуплю, выигрыш поделим!

Девять из десяти приведённых терпят фиаско на первой же игре, да что там, на первом круге. Так и происходит отбор лучших, безбашеных. Проигрыш новичка в принципе не подозрителен. Но не оправдался расчёт.

Парень оказался ловок, но не артистичен, не сумел выбрать момента, подставиться и прошёл все круги.

Обман раскрылся, когда изучали бирки на брошенных артефактах. Новичок удивился полнейшему жуткому игнорированию человека на острие. Словно его не существовало. Да и он, не двигаясь, смотрел на них, будто уже не существовал. Добычу бесстыдно рассматривали, кто у кого в любимчиках. Его – будто нет.

Посыпался ряд наивных, неуместных вопросов… Оказалось, что плечом к плечу он зашёл с тем, кто не осведомил его о настоящих ставках, правилах и рисках. А имя для бирки продиктовал…

Фу, некрасиво. Хотя формально парочка жуликов, задумав грабёж своих, по-крупному подставляла не группу, чужака. На входе – чужака, после пройденных кругов – игрока Секундной Стрелки… Задумались… А решает на безобманное поле, оставаться жуликам или быть отвергнутыми.

Настроение группы: отвергнуть. Выбран противником самый в марблс сильный игрок, тот, чьих поражений не видели. А именно – Шаман.

Напрасно Биг-Фазан ждал его. Отклонилось искушение. Мимо прошло.

У Гранд Падре Шаман походя сделал то, чего и ждали от него. Недрогнувшей рукой шаманийца отправил жуликов в изгнание. Когда один из них, вспылив, поражённый небрежностью победы, затребовал отыграться по самой высокой ставке, Шаман выиграл повторно и сделал предателя тем, чем приведённый не стал, общей добычей. Как говорится, не рой другому яму.

Публику облачного рынка, ей практически незнакомый, Шаман взволновал.

Его успех попал на общую взвинченность ожидания клинчей…

Между лидерами пошли финальные партии на поле и на нервах, кто откажется, кто рискнёт, для кого гонор важнее, для кого ставки, приведшие к полуфиналу…

А вдруг ставку возьмёшь, рассчитывая незнакомцу за шаг до клинча проиграть и в сторону отойти, а он хочет того же? Или откровенно откажется. Что тогда? Стать первым за всю линию традиции, кто уже на рынке, на

поле, скажет оскаленной маске, я пас? Кто предаст прошлогоднего заложника, не струсившего, по крайней мере? Того, кто призрачную надежду имел целый долгий год?

Игрались финальные партии, Шамана вызывали в них, Шаман выигрывал в них, кому-то причиняя досаду, в общую атмосферу принеся весеннее что-то, запах возможного чуда.

Блиц, блиц… Короткие партии играли.

Как высок, хорош собой, мощен, львинолик этот борец… Как самоуверен.

Пренебрегая одеждой, Шаман всюду появлялся, как на правом крыле, в короткой юбке либо набедренной повязке, смуглый от масла. Если завсегдатаям Гранд Падре клинчей одолеть не суждено, может весеннее тепло к ним явилось в образе незнакомца?

Нет. Настоящее светит в глазах, не в мускулах великолепного тела. Грянули заморозки.

Шаманийская небрежная безошибочность покинула его именно по прибытии клинчей. До состояния Чумы внешне ещё далеко, изнутри оно самое – ни координации, ни собранности… Какая-то бесцветная, бесконечная равнина, лишённая ориентиров. Это не паника, не тремор, это хуже: всё равно где ты… Что за шарики в руке? Безразлично. Кто напротив, зачем?..

Проиграл.

Публика, элита Гранд Падре выдохнула. Кто разочарованно, а кто злорадно, успев красавцу позавидовать.

Арба ничейная на день… Секундная Стрелка предложила кличам вариант: Шаман за вонючие, скользкие шарики.

Чем же настолько ценны в глазах клинчей магнитные марблс-подшипники? Придётся начать издалека.

01.31

За что воюют клинчи, если шире взглянуть, поверх частных моментов артефактов, дворцов-артефактов, опорных пунктов с особыми свойствами, поверх мести за каждого погибшего из своего клана? Клинчи воюют за рынки как территории.

За полный контроль над рамой, логично бы предположить, но дело обстоит иначе. Рынки так велики, что события могут разворачиваться, не

выходя за пределы рамы. Входы-выходы распределены по всем точкам, где возможно поднять пирамидку.

Воюют… по привычке.

Ум человеческий узок, и не так это скверно в статике, как в динамике. В тенденции к дальнейшему сужению. Жизнь клинча – повтор, повтор, повтор.

Человеку, забредшему случайно в необитаемые, неприветливые просторы, не объяснишь, почему латников так «заклинило» на контроле над этой пустыней.

Иные рынки от начала были пустынней… Иные сравнялись.

Где долго война, всё становиться единообразным. Нищим. Мало ли в былые эпохи лежало таких земель, жаждущих тени садов, столковавшимся по возделанным полям, а получавших руины и оружейный огонь. Даже военные сооружения, укреп-точки, отбиваемые регулярно, стремятся к упрощению, что уж говорить про ландшафты и умы, про утончение чувств.

Хотя, так подумать, чувства – исключение.

Под коркой отмерших напрочь, окаменевших давно, чувства совсем врождённые, светлые и наивные остаются в особой сохранности, недоступной переливающемуся гедонизмом внешнему миру.

Клинч не колеблется напоказ, цены себе не набивает. Выбрал, значит – выбрал, сказал, значит – сказал. Без клятв и уловок покупая и пучок соломы с коллекционной водой, и снаряжение на Техно.

Если ранен, врагом или «голубкой» почтальоном, что с Техно послали к нему, попав не в карман, а в сердце, он не притворяется. Решает категорически: жив он или пропал. И если пропал, как хватался за оружие, не хватается за маску, не торгуется за неё, слушая треск разрыва. Перед голубкой так же. Отбросит, не спросив… Ничего не спросив. Всё – после…

Голубки и голуби, по правде говоря, для кланов, чувствительных к потере бойца, самые опасные люди!

На Техно Рынке народ жёсткий, занятой, любовей не складывается. В азартных играх другой азарт. А голубиная, лукавая, посредническая каста, меченая сознательно и не нарочно няшностью, услужливостью, угодливостью – полным боекомплектом располагающих и умиротворяющих черт, очень

важных, ведь часто враги через почтальонов общаются, эта каста регулярно выдёргивает бойцов, на кого бы и не подумалось.

Но вообще-то латники – примитивны, тупы, ограничены. И здорово страшны на вид!

Обстоятельства, растянувшаяся на годы, когда бессмысленно создавать что-то новое, сложное, долгоиграющее, красивое, беда для любой земли в любую эпоху. Когда дело приходит к тому, что бессмысленно создавать вообще что бы то ни было – швах. Трудно сказать, как можно выправить.

На рынках клинчей, взрытых «кибер-байками», комплексы дворцовые стояли пустыми, освоенные их качества использовались на одну сотую. Ибо – зачем?

Для создания артефактов, приносящих наслаждение, задумываются дворцы и миры. Для беспечности и забвения. В буйных играх, в покое и тишине. Но какие же тут наслаждения, не до них в эти-то времена. Вот отвоюем полностью, окончательно, вот тогда...

Положение вещей вылилась в то, что самым ценным, сложным и слаженным на рынках вечной войны латников были сами клинчи. Опыт,

сила. Обмундирование – отдельной строкой. Доспехи – пятьдесят процентов клинча.

Ходячие крепости. Уму непостижимые боевые машины, вооружённые с головы до ног. И да, дроиды не отнимают это! Даже не делают попыток. Как с медянкой отододи. Отнять её, лишить защиты. В случае клинча – смерти подобно.

В круговороте стычек, засад, оборон, технических изысков, редких договорных небесных стычек стая на стаю, несколько десятков кланов и живут. Есть рынки, где противостояние идёт между двумя крупными кланами. Между тремя не бывает. Есть рынки, где мелкие сшибаются от трёх и больше.

А рынки такие… – на киббайке лети, скачи, день от рамы, сутки, взлетай над ухабами… Поле и поле, степь и степь, пейзаж не изменится. Дождёшься на нём, как маяка жизни ли смерти, лишь другого клинча. Свой-чужой они разбирают не на горизонте, и не на слух, а загодя – по дрожанию земли. Останавливаться не надо, ухо прикладывать.

Есть рынки с границей, фронтом войны.

Есть, находящиеся под контролем одного

клана, подвергающиеся регулярным набегам, мелким, точечным и продуманным, шквальным.

Есть рынки-степи для погулять и подраться. Без дворцовых комплексов, без рассеянных артефактов, исходно или давно опустошённые. На них непонятно самим клинчам, где чьи области.

Есть один гористый рынок… Ещё то местечко!..

«Жук» звать, Жуком, за непостоянство ландшафта, перемены которого регулярные, но непредсказуемые сопровождаются характерным жужжащим звуком. Собирая облачный эскиз, Восходящий боялся заскучать, наверное, в мире размером поболе Морской Звезды, если тот несколько раз на дню не будет выворачиваться наизнанку! В итоге, не то, что жить, повоевать толком на Жуке невозможно! А вот что хозяину удалось, так это горные озёра… Красота… Конечно не для того, кто прикорнув на каменном козырьке, над обрывом, под защищающей спину глухой стеной, над обрывом, проснётся в ледяной кристальной воде этого озера! Бррр!.. А доспехи как тяжелы…

На Жук летали отвлечься-развлечься, смерть подразнить. Или позвать её.

Траншеи, создаваемые не руками и не взрывными устройствами, а «кротами». Котлованы замаскированные и нет, серпантином дороги обведённые, с норами на поверхность, если позволяет грунт… Пожалуй, и все основные приметы пейзажей.

Остатки городов разбитые в хлам. Области Дом.

Степи… Области Сад, задуманные едва не безграничными.

Чьи-то попытки поместить мир снаружи в Собственный Мир, сохранив главное качество - беспредельность. Случайному человеку заблудиться легче лёгкого. На клинча он наткнётся раньше, чем сумеет это осознать.

Для местных есть много способов ориентироваться, не оставляя отметок. Компасы, повторяющийся рисунок облаков области Там. Речки есть без истока и устья. Есть и широкие реки. Плав-киббайки, соответственно, присутствуют как факт. Отдельные береговые тайники, ловушки, укрепления.

Принципиально открытыми из рынков-

громад сохранились те, исходные условия которых не позволяют ставить пирамидок торга. Как правило – сырость земли. Как исключение – небо не область Там, а Дом или Сад. Степь как бы покрытая ими.

Симметричное свойство крытых рынков таково, что рынок, целиком представляющий собой здание, может иметь крышу область Там, то есть пирамиде не препятствующую. Так, например, на Рулетки похищение возможно аж с первого этажа, его потолок – область Там, второй этаж – не крыша первому, а отдельная часть рынка.

Ловля на пирамидку, как военная тактика не распространена, если в степях клинчей и находятся сухие основания, они общеизвестны, есть и метод против них. Случайные гости рынка, те попадаются. А дальше, как карта ляжет, кланам нужны и доспехи, и шпионы.

Киббайки - транспорт, конечно, но вторая их функция была ещё и поважней.

Наступить на пирамидку значит попасться, байком наехать – «всего на всего» потерять дорогущий байк. Или даже одно колесо. С течением времени, передние колёса начали делать отстреливающимися, отбрасывающими сам байк, как ящерица хвост.

Носящиеся на киб- и вод-байках, клинчи сами себе крепости, тяжеловооружённые мобильные бойцы, вооружённые преимущественно колющё-режущим оружием. Для полудроидов малотравматичным. Взрывным системам препятствует общее поле Юлы. Самое большее, что оно позволяет: фейерверки и пенковая мебель самораспрaвляющаяся. Цепные реакции взрывного типа не поддерживает поле.

Таких гнусных вещей, как радиация, ударная волна направленного действия полудроидская природа не боится, срабатывая на опережение. Для неё не удар, а изменившиеся климатические обстоятельства. Оружие массового поражения полудроидами просто не приходит в голову, всё-таки они дроиды наполовину своего существа. Так человеку недовольному местопребыванием, покидающему свой дом, перестраивающему от фундамента до крыши, тем не менее, не приходит в голову: «А как бы мне уничтожить пространство?..»

Стреляющие орудия клинчей относятся к колющим и ничем не превосходят их, включая дальнодействие.

Каждый облачный рынок особенный, неповторимый: субъективное пространство-время, гравитация, оптика, ветра... Нужна куча

поправок для дула и оптики при расстоянии большем чем то, на которое рука бросает кинжал. Калибром стрелялки выделяются иногда, чтоб оглушить. Но и тут кулак и дубина не хуже! Стрелялки имеют свои минусы в эксплуатации, отдачу, к примеру, не удаётся погасить, тоже не летальны.

Яды морские клинчам чужды. При случае применяются, но редко, их применение несовместимо с некоторыми принципиальными пунктами негласного кодекса латников. Потому что есть победа, а есть победа… Клинчам же в сияющей дали и в промежуточных пунктах нужна – победа!

Нераспространение автоматического оружия, помимо воспрепятствования дроидов, обусловлено несколькими факторами.

Без модуляторов не создать. На них создавать долго, отнимать быстро… Решающим стал тот факт, что развивалось оружие нападения шаг в шаг, ноздря в ноздрю со способами не только защиты, но и рикошета! Как составная часть защиты, дроидами не отнимаемая, совершенствовавшаяся без откатов.

Дошло до смешного, перестрелка на таких

условиях превращалась во что-то глупей тех дуэлей, когда одна пуля неизвестно в каком пистолете, и каждый направляет ствол в свой висок. Разница, что щит-рикошет неизвестно на каком виске, и куда в свою очередь направлен, это даже не русская рулетка, а просто дурь.

Вооружение клинчей – мечи, ножи, кинжалы. Цеп против лат. Удавки, конечно. Удавки в первую очередь. Против треснувших разбитых лат.

Простая конечная формула. В знаменателе опыт, искусство. Все способы вскрыть доспехи, все способы не позволить этого. Удавка как финал. Знак «равно». Можно и без неё.

Что же до совокупного результата их пристрастий и обстоятельств, тела клинчей достигали такого размера и мышечной развитости, каких принципиально возможно. Лучшего из небесных борцов они выше в полтора раза, тяжелее в два, без амуниции.

Их наблюдательность, интуиция, память и внимательность к мелочам выше всяких похвал.

Развито восприятие цветовых нюансов, качество важное для технарей, охватывая освещённость дней, ночей, в рынках, снаружи,

высоты над континентом.

Чувство времени латников и способность ориентироваться в пространстве великолепны. Как среди облачных миров, так и в полях вечной войны… На игровых столах тоже!

Когда клинч, не сняв перчатки, бросает горсть обычных стеклянных марблс, они не скачут для него весёлым, беспорядочным, редкостным для эпохи градом. Как по приказу, дробно простучав, шарики последовательно достигают уготованных мест. Сталкивают птенцов, занимают гнёзда. Клинч не имеет возможности проиграть. Он не бросает и не играет, а просто кладёт, куда ему надо.

Таков общий обзор. Воинское искусство клинчей по достоинству могли бы оценить лишь в дроидской сфере на турнирной площади.

Далее частное, то есть главное – доспехи.

Латником ведь его и называют, доспехи – половина клинча. Для них грязноватые шарики, подшипники магнитного марблс и нужны.

Про вооружение и амуницию латников, Карат, случись такая тема, мог бы курсикам рассказывать часами, год без перерыва. И тема

не исчерпалась бы, и никто из слушателей не ушёл. Бо, многоплановая, теоретически всеохватывающая, практически актуальная тема! Даже если не в плане присоединения к латникам, сложно… Не работы на них, сложной и ответственной. Заказчики надёжны, щедры и требовательны… Но в плане живописного полотна со многими деталям. Ради того, что осмысленно разглядывать затем монументальные серии картин на Краснобае: «Атаки клинчей»… На ширмы разошлись отпечатки с полотна… Ради, по-другому открывшейся слушателю, пронзительной песни на Мелоди.

Касательно одних только доспехов, можно составить по сборнику вирту на воина, по библиотеке на каждый клан. С картинками и схемами, то на всех – не менее гига-вирту! Материалы, сочленения, стили…

Грубо раскрашенные маски – единственное, что грубо в них. Остальное – тонкая срытая механика. Прорези глаз – единственное, что открыто. Оскаленные клыки – единственное, что все кланы объединяет.

Ни дроид, ни полудроид, ни Чудовище Моря не захочет и не сможет жить постоянно в глухой броне, под панцирем.

Когда клинч залетает под дождь, его исконная полудроидская жажда омыться, впитывать и смотреть всей кожей всем телом берёт верх над соображениями безопасности. Да и в остальное время они бы с ума сошли, нося армированные, бронированные, сплошные доспехи постоянно. Направляя дракона под тучу, клинч – полудроид и всё! Такой же, как все, жизнью за стиль её не жертвуют.

Сложность устройства доспехов обеспечивает эту возможность – купаться в дожде, не снимая их. А в самих доспехах обеспечивает «ойл».

Латы клинчей подвижны, состоят их многих частей. Материалы в свою очередь проницаемы. Каждая деталь имеет значение, даже в щите наколенника один шип! Туп он или остёр, конический, пирамидальный, закрученный, матовый, полированный… Какая лазерная насечка идёт по нему. Что лучше отклоняет: удар, рез, тычок… Какое лезвие лучше затупит и каким способом…

Самым кончиком неудачно выбранного широкого кинжала попав в щель нагрудных пластин врага, тяжёлый клинч полетит, кувыркаясь как Белый Дракон, вместе с киббайком… Доли секунды имел, продолжить удар или руку выдернуть… Теперь уже не будет ни секунд, ни лет у безоружного и безлошадного…

Хруст своей перчатки самое страшное, что может услышать клинч в жизни. Если перчатка цела, а врагу не придёт подмога, то пешим он имеет шанс в бою, достать следующий нож сможет. Голой рукой не сможет.

Хруст перчатки врага в твоей руке или под твоим ударом, это самый желанный звук… Уступает треску чужой разрываемой маски, больше ни чему.

Окинув взором избранную судьбу, клинчи должны бы честно признать, что не пустынные, изрытые просторы, своим кланом отбитые полностью - вершина, пик, взлёт… А краткий и редкий момент победителя и побеждённого напротив друг друга замерших с открытыми лицами… Вершина. Тупик. Взлёт… Кому как. И как получится.

Попасть колющим ударом в сочленение и не лишиться стилета, и руку не вывернуть… Из области фантастики! Эффект внезапности способен помочь. Встретившись буквально только что с голубкой в высоком небе, получив от неё кинжал с Техно Рынка, какой никому ещё неведом… Наткнувшись на противника в облаках… Клинч опасен.

Неведом – кинжал? Именно. Каждая деталь, да-да, каждая имеет значение. Рукоятка, поле вокруг рукоятки, фиксирующее кисть, гарда, поле гарды, направленность луча вдоль лезвия, одного или нескольких, прямо или с отклонением, линейным или спиральным… Заточка…

И – ойл. Главное – ойл.

Острота мечей, кинжалов, ножей, копий, стрел, дротиков клинчей – дроидская острота. Произведённая на дроидо-неувязанных, но ими некогда спроектированных модуляторах, на пределе возможностей. Или в мирах, но там лишь для отдельных деталей. Собирает всё равно модулятор, руками этого не сделаешь.

Тонкость сочленений дроидская тоже.

Всё это тупится, расшатывается. Чтобы поддерживать и то, и то, и проницаемость доспехов для воздуха, для дождя, требуется ойл. Клей, смазка, изоляция, и одновременно тип поля. Универсальная помощь. Ойл способствует как проникновению клинка, так и отклонению его доспехами. Их склеивает, в них позволяет дышать.

В дроидо-увязанных технологиях масштаб силе не помеха. Бывают и обратно пропорциональны.

Успешным выпадом отправив меч в сочленение между маской и плечом, – казалось бы, по определению слабое место, – клинч своей силой удержать его не сможет, какой бы ничтожный поворот не совершил раненый противник. Перчатка удержит. А если её силы и веса латника, его упора не хватает, ойл позволит вовремя отдёрнуть руку.

Ойл, он дроидски текучий. Не как жидкость, а как запах. А когда связался с чем-то, ойл дроидски крепок на разрыв, при сохранении пластичности. Проникающая способность запаха, газа.

Запах марблс-подшипников… Не

отмываемые, всегда чуть-чуть скользкие шарики в радужных разводах…

Тончайшая плёнка ойл на них, но и она – роскошь, драгоценность. Ими на них сыграть удача. Проиграть? Клинчи не проигрывают. И в слепой, в магнитный марблс, с чего бы им проиграть.

На эти марблс и на самонадеянность латника рассчитывали его поймать разбойники Секундной Стрелки.

Секундная Стрелка промахнулась, но клинчи так чутки, наблюдательны, так много голубей и более серьёзных осведомителей доносят им новости с рынков… А ведь он самый, ойл, достался Уррсу от Амаль в чеканном флакончике, суть одной из орбит дроида желания. От Аномалии-Августы – уроборосу, от Уррса – Отто… Завсегдатаю Арбы…

Достался… – целый – флакон – ойл…

Барабанная дробь и громовые раскаты.

01.32

В атомизированном существовании полудроидов, за рамами Собственных Миров обмен знаниями ничтожен. В гости ходят единицы.

На континенте, где это качество обособленности бытия расплавлено и ослаблено, переваривается и перемешивается в котлах крупных рынков, более-менее процветала наука о материалах. Наука из точных и прикладных. Что неудивительно. Как не вызывает удивления присутствие в первом её ряду людей по-настоящему, кровно заинтересованных – клинчей. Передовые научные технологии с военными часто идут бок о бок.

В эпоху высших дроидов можно выделить четыре вида универсальных рыночных валют. Частные, актуальные в узких кругах – бессчётны.

Ракушки, низший уровень. Уровень нищих изгнанников. Как ни крути, вещь применимая, и условная договорённость. Полудроиды неразрывно связаны с водой, а вода – с сосудами под неё.

Средний уровень до высшего – марблс. Миллион разновидностей. Штуки, наборы,

коллекции. Полудроиды неразрывно связаны с игрой, а игра – это марблс!

На высшем уровне расположились редкие артефакты, невоспроизводимые похищением и одним взмахом руки, невоспроизводимые без схем, без модуляторов и умения обращаться с ними, живые артефакты, пурпурные лалы, скрытая механика. И – человеческая жизнь. Цена похищения. Точнее разные цены, заказ на конкретного человека или любого, как на расходник.

Требуемое клинчами далеко превосходило сумму всех единиц этих валют вместе взятых.

Дорого всё… Материалы. Содействие мастера, если клинч не умеет обращаться с модулятором. Схема. Если схемы нет, а есть опыт мастера в чтении дорожек Техно Рынка и последующая импровизация на тему заказа.

Основная проблема для латников в изготовлении экипировки не опыт и знания, клинчи сами могут технарей континентальных поучить, а время. Позволить себе день за днём распутывать указатели мощёных дорожек они не могут, как и ждать пока дродидо-неувязанный модулятор двое суток гудя, требуя регулярного

добавления данных, выдаст материал для следующего модулятора, и так далее… Растянется на полгода. Сами они могут приготовить, доступное превращению левой рукой в Собственных Мирах.

На Рынке Техно латников мало что не опасаются, там борьба идёт за них, как заказчиков! Между кланами идёт борьба за технарей.

Взаимовыгодность контактов – приземлённый аспект неопасности клинчей как заказчиков и коллег. Есть ещё более жёсткий ограничитель, нематериальный, немеркантильный. Он связан с тем, как формируется собственно каста латников. Какие трансформации прошёл ум клинча за тысячелетия, по истечении которых, как тяжело вооружённая боевая машина вернувшись, тяжело шагает пыльным рядом Южного Рынка? Здесь бегал когда-то легконогий голубь-посыльный, теперь заключённый внутри громады, сопровождаемый восклицаниями и шёпотками: «Латник!.. Ой, дроиды, какой огромный… Милая, посмотри… Не высовывайся… Позови дракона!.. Латник, смотрите… Интересно, к кому?.. Зачем,

интересно?..»

«Не высовывайся» и «позови дракона», это, конечно, всегда правильно...

Но опасность латников внешним видом и скрытым под маской лицом преувеличена в тысячу раз. Вероятность конфликта торговца с клинчем ничтожна.

Грабёж случается, но выглядит он так, что рядом с артефактами, ради которых боец и спускался на континент, разложенными без пирамидок вдруг резко не оказывается хозяина! Хочешь, бери, хочешь мимо иди...

А когда зазевавшийся хозяин бывает обнаружен под пологом шатра, его язык, перейдя в автономный режим, – и тем повергнув в шок дроидов регенерации! – мгновенно берёт на себя всю полноту ответственности за остальную тушку, отказываясь назвать цену! Сменив тембр от зазывного на проникновенно сладкий, автопилот языка уважаемому клинчу сообщает, что пустячок этот ждал его рук, безо всякого торга, и, счастье какое, наконец, дождался! Как жаль, что мне уже пора!..

Широкая распространённость масок и полностью закрытых одеяний – атрибут

публичных пространств. Пересекая места, представляющиеся враждебными, безынтересными, полудроид прячется, достигнув пункта назначения, скинет.

Клинчи же, долгожители среди полудроидов вне Собственных Миров, пребывают нераздельно со своими масками. В своём кругу, в кругу врагов и на нейтральных территориях они не снимают масок. Многие последствия эта особенность влечёт за собой. Если одним словом – консервацию.

Как объяснить…

Для полудроидов в целом понятия о приличии связаны с моральностью. Без каких бы то ни было фетишей, одёжных, разговорных, любовных, каких ещё. Их выбирают на вкус и цвет для себя лично, для своей компании. Моральность же связана с честностью и ненасилием. Чего-либо плотского: внешности, манер осуждение может коснуться постольку поскольку.

Для клинчей же открытое лицо… – крайне значимый жест. Ну… Как перерождение, взрыв сверхновой, помазание на царство, низвержение в бездну. Полная обнажённость, более полная,

чем совсем. Как жест, захватывает всю шкалу эмоций, от непоправимой бездны, до головокружительных высот. От крайней непристойности, причём это может быть и невыносимое унижение и бесстыдный вызов, до наоборот…

Культура воюющих клинчей столь древняя, что саги про них весьма древние. И там они – в масках. И там – срывают или приподнимают их не раньше, чем сага подходит к концу.

Как сформировалась традиция ношения масок понять нетрудно.

Обширные земли неторговых облачных рынков притягательны для многих. К играм они располагают мало. Сиротливо и глупо без драконов чувствует себя горстка людей на таких просторах. И пирамидки не поднять… У рамы оставаться что ли? Зачем?..

Зато к обособлению такие пространства располагают много, к тайникам… Чёрных драконов нет, где одни хищники собрались, оружие, значит, есть, какое угодно… Но так невозможно, когда все против всех. Сбивались группы, сплачивались кланы, Сцеплялись за артефакт и без повода. Выдумывали знаки

отличия…

Однажды получилось, что самый яркий знак отличия, само наличие или отсутствие маски… Что все остальные люди – отдельный непостижимый клан.

Полудроиды легкомысленны, непостоянны, лабильны, в чувствах нежны. Их бытие в первую очередь – про милоту и развлечения. Когда махины кланов уже существовали, а вместе с тем шпионаж, перебежчики, измены, опытным путём выяснилось: кое-что как по маслу идёт с закрытым, а кое-что напротив, с открытым лицом. Проще жить – с закрытым. Куда сложней - со всеми нюансами открытого лица.

Лгать на первый взгляд легче под маской. И вообще – начинать. А добиться успеха, хоть бы и во лжи?

Как всегда эволюция пошла самым коротким путём, маски престали снимать и среди чужих, и среди своих. Что окончательно размежевало категории. Не черта пролегла между ними, пропасть.

Постоянное ношение маски обрубило все мешающие вопросы разом. Она стала не обычным опознавательным знаком, а краеугольным камнем. Самоидентификацией.

Именно – само. Символ клана – латника часть и честь.

Её нельзя сменить на маску противников, отправляясь к ним в тыл. Как ни грубо раскрашены, подделке маски не подлежат, всё предусмотрено. В одиночестве неба или Собственного Мира маску можно снять, а одеть другую – лишь получив от кого-то. А значит, представ с открытым лицом.

Однажды это происходит для новичка, а больше никогда не происходит. Перебежчиков нет. Преданность, непреклонность у клинчей в крови. Безэмоциональная. Безличная. Внутри клана они также закрыты, как и вне его. Только роль, только место в нападении, расчётах, обороне.

Перебежчиков нет, но есть мост перехода. Предложить его – долг победителя, согласиться – право побеждённого. Когда без масок смотрят друг другу в лицо. И это редкость невозможная, но это и священная традиция.

Ни в какое сравнение этот конгломерат зависимостей и комплексов, сфокусированный на единственном фетише, не идёт с ношением на рынках масок, полумасок, вуалей, платков, покрывал…

Самые робкие и редкие посетители Южного Рынка не имеют сотой доли клинчевой маниакальной приверженности аксессуару.

Обнажённоликие… Обычные люди. Принадлежащие хуже, чем враждебному, клану «обычных людей»…

Разумеется, клинчи промеж себя их так не называют! Но чувствуют именно так, всеми силами избегая контактов, под бронированной скорлупой мягкие, как моллюск.

Редко бывает в природе, чтоб стрежней, скелетов было два: и наружный, и внутренний. К убеждениям тоже относится: если есть стержень внутри, человек открыт, нового не боится, на чужих, странных и удивительных людей не лает, не лезет укусить, а если у него наружный скелет - панцирь, все ему враги.

Клинчам «обнажённоликие» люди не враги, полудроид до абстрактной, обобщающей враждебности пасть не в состоянии, но они – смутное, тревожащее сомнение. Вопросительный знак без строки. Не проговорённое: как вы живёте? «А как вы?» – с большим правом

спросил бы обычный человек.

«Чур, честно: часто ли? И как вы целуетесь в масках?» – припев из старой песенки! Про клинчей, но без трагедии сага, там хеппиэнд!

Довольно трудно признаться себе самому, что в блаженную, счастливую эпоху ты живёшь полудроидом сотню, тысячу, сотни тысяч лет – и не целуешься. Не снимаешь маски.

Это всего лишь песня, такого у латников не спрашивают. На рынках от них шарахаются. Меж тем, клинчи сами практически никогда не охотятся на «вешних», – наверно, испорченное «внешних», – людей. Пользуются услугами охотников и технарей, которые превращают в мирах. Если же для себя, частым условием бывает, чтоб у пойманного на пирамидку тоже было закрыто лицо… Он, да обречён.

Слово «вешний» прижилось в пику тому, что сами латники считают себя «летними», зрелыми, осенними, обретшими плоды опыта… Но напрашивается подтекст: даже нестареющему полудроиду «вешний» период, оставшаяся за спиной цветущая пора, не мечта ли? Не выше ли себя подсознательно ставят клинчи вешних людей, называя так, ведь в одну сторону время идёт…

Видя перед собой вешнего, обнажённоликого торговца, завязывая

обыденный, чисто деловой разговор, клинч испытывает что-то необъяснимое для людей свободных от строгих физических запретов, вошедших в полоть и кровь ежедневным самоограничением. Вешние люди обделёны как нудным, тянущим, голодным соблюдением обетов, так и головокружительным нарушением их.

Ещё реже, чем погибают, реже, чем переходят на сторону противника, клинчи волевым решением покидают поля бесконечной войны.

Кульминация завязана в саге на поднятую маску, но по знаку противоположна той, за которую бессердечный, враз очнувшийся, Гай чуть не съел себя живьём…

Сюжет последней части саги таков…

Клинч пролетал над Мелоди Рынком, где шло представление мимов. Задержался. Представление закончилось, пошли танцы…

Когда Мелоди Рынок сам про себя поёт, про стародавние времена, можно подумать, что

нравы и в самом деле меняются от созерцательной, мудрой красоты, к козьим пляскам и барабанам, рвущимся громкостью и буйством друг друга превзойти! Будто сплошной вайолет звучал прежде, парные танцы сменялись замысловатыми хороводами исключительной аутентичности, прямо историю можно по ним учить! Ой, не верится!.. Наверняка, от зарождения рынка, Мелоди прыгал и скакал козлом! И потасовки устраивал в хороводах.

Но в этой конкретной песне начались они именно, вычурные хороводы… Пары меняются… Сходятся и расходятся…

Церемониймейстер к клинчу, как чужаку, направил местную голубку, помощницу, с вопросом, включать ли его, участвует ли он.

А почтальоны Мелоди тоже ходят и танцуют в масках. Унификация плюс безопасность, мало ли какие у них на других рынках дела, конфликты и торги, Мелоди же открыт и бегству, и нападению…

Она спорхнула с дракона, передала вопрос, вместе с кратким изложением сути танца. Подробнее – вокруг смотри, да повторяй… Поскольку клинч кивнул, и танец уже начинался, голубка так и осталась с ним в паре. Маски не сняв… А потом вдруг сняла…

Весь сюжет в том и заключается, что просто

сняла… Вся долгота песни… Это очень лиричная, одна из самых популярных и красивых песен на Мелоди, пустоватая, монотонная, с единственным плавным взлётом, возносящим и уже не возвращающим к земле. Целиком сагу редко исполняют, эту завершающую часть – едва не каждый день. Клан своего бойца, понятно, не дождался.

Так ведь не бывает для них, в чём дело… Клинч никогда лица первым не открывает. То есть, перед врагом ещё возможно, а перед своими не открывает вообще! Этот мега значимый жест – с фронта войны, не с тыла. Если разорвал маску врага, лишь тогда приподнимет свою на условленные мгновения. Голубка же – на кудри подняла короной, будто он уже побеждён, будто виден ей насквозь. Ну, он и был побеждён!.. Хоть за судьбу считай, хоть за уловку судьбы!

Клинч-саги же в целом такие…

Под барабанную дробь: враг – маска – враг – перебранка! Пейзаж – враг – маска – подмога! Враг – маска – разорванная маска!

Латники над этими мим выкрутасами смеются! Но залетают послушать… Поправить

несколько слов, мелодию предложить... У большинства клинчей приятные, только весьма низкие голоса. Даже звук голоса не сближает клинча с вешними, обнажённоликими людьми.

Как бы с лучшей стороны сказанное высвечивает воинов. Однако их опасность однозначна и не преувеличенна, по крайней мере, потенциальная, непреходящая.

От зарождающихся кланов исходит опасность сиюминутная, как от не устоявшихся систем, не усвоивших правила.

Когда-то один из таковых, клан Рогачей, «Рогули, Рогатки», вздумал похулиганить на Центральном Рынке. Технари пожаловались заказчикам - латникам старейшей Камы, ныне распавшейся и прекратившей существование. Рогатых настиг грандиозный разгром... Там же, на Центральном была устроена засада.

Опустели ряды, которые пустыми с основания рынка не видали! И шатры снимали почему?.. Чтоб не прибило, да. Ещё причина: с Рогатками кое-кто сотрудничал в разбое, успел поиметь с них выгоду, а клинчи сверхъестественно наблюдательны, их память - память машин, и сами они боевые машины. К

тому же, охотники-комодо в их, богачей, распоряжении… Буря случилась. Успокоилась не скоро.

Опасны латники для торговцев недобросовестно ведущих сделки… Для технарей, кто работает не на один клан.

Ноленс воленс, безвариантный способ общаться с латниками умиротворением и подкупом наложил забавный отпечаток на поименование касты в обращении к её отдельным представителям!

Разнообразные эпитеты, происходящие от «хороший, добрый»… «Милый, славный»… Смех! Ну, такие они, полудроиды! Шебутные, но робкие в целом.

На полях войны к собрату или врагу клинч обращается словами вешнего человека чтоб подразнить или оскорбить. «Хороший мой, продай мне байк за эту битую раковину!.. Вседобрейший, всерогатейший, соизволь уступить мне эту скалу?.. Не упасть бы тебе оттуда, когда Жук повернётся, рожки бы не обломать!..»

А Рынок Жук гудит уже, поворачивается… Камнепад… Новые складки рельефа… Оба

сцепившихся клинча пропадают в них…

Вся разница между полями непрекращающейся войны и остальными облачными рынками, задана величиной. Привычный масштаб надо умножить на сто. И над результатом поразмыслить… Ещё на сто умножить – ещё ближе к истине…

Похищенным или заблудившимся попасть в рынки латников это…

Затеряться в просторах, неодолимых без их киббайков, без сети ориентиров клинчей, их знаний и выносливости…

Затеряться среди мобильных, тяжеловооружённых крепостей. Великанов с закрытыми лицами, чьи маски говорят лишь о том, что тебе конец. Появляющихся из ниоткуда, как смерч или град. Ты перед ними – песчинка.

Выведет клинч заблудившегося или превратит… В разговор не вступит точно.

Они должны были возникнуть, Собственные Миры, создателей которых пленил масштаб как

таковой. Нежилой сквозняк охватил владения. Допущена трудно формулируемая, но очевидная, фундаментальная ошибка.

Закономерно превращение их в рынки.

01.33

Благодаря растянутому взрослению и особенностям развития, предположительно, трёхфазного, Уррс имел одобрение Гелиотропа на пребывание в имитации человеческой формы. В человеческой же сфере, иначе где и зачем? Дракону – полезное разнообразие в фокусировках орбит, вдруг для следующей стадии пригодиться. Гелиотропу – предлог поглубже в людях разобраться.

Уррс овладевал двумя эсперанто параллельно, отличающиеся непринципиально, словарным запасом и нюансами терминов.

В дроидском – прорва технических и уточняющих. На одно существительное идёт столько прилагательных следом… Ряд их закончится, когда собеседник прервёт возгласом: «Забыл, с чего начали!» Или кратким: «Понял!»

Представления, как последовательно учить

эсперанто у Гелиотропа не имелось, так что Уррс бывал на всех рынках, где чешут языками. Положение достойное самых вершин чёрной и белой зависти для дроидов.

Конструктор следил, чтоб и в остальное время уроборос был занят чем-то, помимо кувыркания в небе. Подсовывал ему вирту и обычные книги. Но это без толку.

Уррс не против, но он в упор не понимал, как даты существования государств и сражений помогут ему разобраться в том, что Отто – признанный марбл-асс, а прекрасноокий Халиль не стал игроком за всё время близ Арбы.

– От чего зависят людские способности и предпочтения?

Если б знал это Гелиотроп!

– Как быть с тем, что Отто смертен?

Ему, дракону и дроиду, как с этим быть? Как вдобавок понять факт, что принципиальная смертность не волнует Отто, а волнует позавчера проигранная партия?! Схемы плодов и механизмов как помогут разобраться со всем этим?

Система счислений откроет ли тайну, кто из

борцов, утром идущих на правое крыло, выйдет оттуда вечером, а кто никогда? Что в его драконьем сердечнике заставляет на этих хищников издалека смотреть, не приближаясь, не позволяя себе полюбить их легко и сразу, как Отто? Но – смотреть… Едва ли не всякое утро – смотреть?.. И откуда в его рту при этом заводится горькая морская вода: никогда не слышанное ругательство, каким дроиды именуют проклятое правое крыло Южного Рынка? Почему эти незнакомые парни, надменные хищники, в такие моменты ближе дракону, чем его первый, ближайший человеческий друг? Их лёгкий шаг отзывается в нем, как в барабане – гулко. Гневом?.. Но это же – люди?! Горячим гневом, смесью негодования и любви. Подойти не даёт. Что не даёт, что?! Причём тут книжки?! Почему он, Уррс любит их сильней, чем друга? Всех скопом! И избегает, будто любовь может причинить зло? Так бывает вообще, чтобы – скопом?! А с людьми так бывает?..

«Всё это пустое…» – сказал себе Уррс, послушно беря книги, пролистывая от начала до конца, и отдавая Отто, пусть обменяет по своему усмотрению. На лакомства и воду, на игру, на украшения для голубки, ласковой к нему… Благодаря снабжению Гелиотропом дракона литературой Отто чуть не сделался книготорговцем! Но поток скоро иссяк.

Тяга Уррса к людям шла ему впрок, способствовала возрастанию такого недраконьего качества, как терпеливость. Терпение к непонятному… К непоследовательному… К неудобному, такому как смешное, нелепое двуного-вертикальное прямохождение.

Отто и Уррс пребывали во взаимном обожании и немелочной болтовне. А разговаривать на эсперанто драконьей пастью – не лучший вариант… Хохотать, фыркать, да. Кусаться. Петь и молчать на необщем дроидском…

К тому же, они проводили много времени на рынках облачных и земных, а к ним подлетать как-то надо, приземляться… В каком-то виде, не вызывающем вопросов у окружающих. Но тогда Уррсу нужен свой ездовой Белый Дракон?

Вот за чем дело не стало! Ихо-Сю готов катать своего краденого уробороса, переросшего его, день и ночь напролёт. Тройка создателей тем более. Разумеется, они постоянно норовили отнять Уррса, но это не человеком в мячик играть!

Тройка носила более традиционные, чем Ихо-Сю, драконьи имена.

Чачо, Фрут и Фуча, если сокращённо. От фырканья происходят имена на «ф». Чачо – от звука складывающихся и раскрывающихся крыльев, наделённых выраженными остевыми спицами. «Ча-чо… Ча-чо…»

В тот день Фрут, дракон большой, среди облаков, однако, умевший затеряться легче самого маленького проныры, так как весь состоял из кругов, облачков, завитков, овалов, нёс Уррса вертикальным путём и выхрюкивал многозначительность своего имени. Курносый… Такого не вообразишь ни на гонках, ни в стычке небесной. На турнирную площадь, ездовым конём он тоже не выходил, по мягкости характера. Фрут первым простил Ихо-Сю и отношения у них с вором были теплей, чем у Фучи и Чачо.

Нёс и хрюкал под нос: «Слива ли… либо ли… долька для Хелия… оранж ли… либо ли… вовсе я дерево…» Песенка! Дорожная, восхитительно дурацкая!

Августейший когда-то, услышав его

сокращённое имя в не самый счастливый для дракона момент, прищемившего нос ровно между двух входов у У-Гли, захохотав, переспросил:

– И что ты за фрукт?!

А Фрут не был осведомлён ни в ботанике, ни в эсперанто. Но тут заинтересовался!

Вместо заслуженного наказания, Гелиотроп ему щедро отпустил картинок, схем из атласов и отправил восвояси: изучай на здоровье.

С той поры, во-первых, коваль возрос в его глазах безмерно, за проявленную доброту, - исключительный случай, когда Белый Дракон был напуган до хвостового трепета, – во-вторых, познания Фрута действительно возросли. Хоть и не намного…

Дарённое бережно хранилось в Зыбкой Обманке, время от времени подвергаемое ревизии. Но свободного-то времени у Белых Драконов мало как ни у кого! А драться, а кувыркаться, а вторую расу дразнить?! Но когда находилось время – рассматривал, читал. Вообразить пытался. Вслух напевал.

Он мог бы и дальнейших схем испросить, и у второй расы поинтересоваться, у семейства Сад. Как складывают Восходящие в облачных эскизах эти фрукты? Но дракон на то и дракон, что схемы

запутанные ему утомительны.

Фрут решил, так… Суть откроется ему вдруг сама по себе в именах! Снизойдёт, когда он проникнется звучанием их имён, их красивых, сложных наименований…

Она же есть там, в глубине? В названиях?.. Как на необщем дроидском.

Летел… Проникался…

Фрут и Гелиотропа катал. Уррс тогда оказался однажды в размышлениях, непраздных, имя-форма: «фрут» навеяла… А каким будет его самого последующая фаза? Во что ему суждено вывернуться без вмешательства коваля? А вдруг, топ-извёртыш, ведь и такое возможно, в улит-координатор, технический рой, применяемый когда должны синхронизироваться работы разнотипных улиток? Или банально – в грызущую улитку?

Насчёт этого Гелиотроп уже успокаивал его:

– Для грызущей ты сложноват… Часть не может отбросить целое. Реализация этого закона называется чувством равновесия…

– То есть всё-таки может?

– Уррси, сколько раз подряд тебе нужно в небе перекувырнуться, чтоб отвалился хвост?

– Чтооо???

– А ведь он может! Уверяю тебя, может!

Уррс зажал хвост в зубах тем смешней, что безотчётно! Забыв отпустить, шепелявя, уточнил про второй ужастик, навеянный заглядыванием Фортуне через плечо.

И снова был утешен:

– А для рой-координатора – ты недоразвит!

– Йааа???

Дразнить, так дразнить!

– Нет-нет, – отступил Гелиотроп, – ты развит превосходно, хвост – коротковат. Я это имел в виду.

– Так-ссс??? – ощерился Уррс, выплёвывая кисточку и поднимая шерсть на загривке.

Белок на «ссссс…» пробивает от внезапного гнева.

Кончик языка бился между передних клыков и огоньком горел. Плеваться искрами в коваля?.. В смысле искр он и ответить может!

– А что, интерессссуюсь, чуть что, вторая рассссса к нашим хвостам языком цепляется???

- А что вы ими кичитесь, будто сделали что толковое, а не от природы получили? При таком отношении до извёртыша недалеко. Удивительно, что летаете носом вперёд!.. Всё жду, бывало, из дольки глядя, когда стая Лун-Сю пронесётся под окнами задами наперёд, с Уррссиком во главе?.. И вообще, ты забываешь, я не вторая раса. К чему хочу, к тому и цепляюсь, хоть языком, хоть клещами. Страшно?

– Тссссс!!! Кхе-хе… Тьфу!

Слова у дракона закончились, а искрой он поперхнулся. Не везёт!

– Чего расшипелся? Хорошие вещи говорю: не бывать тебе улиткой. А ты? Сссс, да сссс… Уроборос ты по сию пору! Для начала не долькой, а полноценным драконом стань, потом загадывай дальше!

Гелиотроп пригладил шерсть на его загривке, и шерсть послушалась коваля, улеглась. Круглые ушки уже не прижаты, и только от переносицы гепардовые полосы разбегаются под драконьи скулы как-то разочарованно, обиженно. Коваль дунул в огуречные глаза, чтоб не щурились больше, не косили, встретив добродушную ухмылку, о которой успел заскучать.

«Не, по типу братишки Августейшего семейство держать, я не смог бы… – подумалось ему. – Не люблю дразнить малышню, и мозги пудрить не умею».

– Гелиос-топу-тропус! А если во что-то всё же, ну, непутёвое, ты переделаешь, а? Сможешь?

– Смогу и обещаю. Но если попросишь тогда, сейчас беспокоиться рано. Межфазовый близящийся промежуток, ты, в общем-то, прав, воплощённая непредсказуемость. Но имеется характерная, непременная черта… Древняя черта… Прежде людей, от зверей она происходит. Технарями для роботов как приём позаимствованная, нам доставшаяся в наследство… Замкнутость. Черта – замкнутость. Кокон. Неуместно, мой милый уроборос, постороннее при автономном фазовом переходе, а постороннее тогда – всё. Вмешательство извне – неуместно. Ты станешь избегать меня, ага, точно говорю, Уррс. Если наш теперешний разговор всплывёт в уме, понять не поймёшь: для чего была твоя просьба, зачем моё согласие. В том-то и суть, ты будешь видеть что-то крепко закрытое от меня… Твоё, личное.

– Ладно-ладно, Гелиос-тропус, допустим. Притворяться не стану, что понял. Но если не захочу? Но если вдруг, скажем… Проясниться, что за следующим кувырком – бытие одиночкой 2-1, неведомого имени?..

– Учи слова, учи! Не всё тебе кувыркаться! Тогда имя и окажется ведомым! – рассмеявшись, назидательно воскликнул коваль.

– Ссссс…

– Опять! Что не так?

– Вссссё!.. Гелий, Хелиос-тропус, дорогой всей дроидской сфере, - дракон повилял хвостом преувеличенно, изображая вторую расу, заискивающую пред автономным ковалем, – а нельзя ли попросту, заранее лишнее убрать? Если от чего угодно лишнее убрать, как раз дракон и останется… То есть – я!

– Неужели тебе не интересно? – смеялся Гелиотроп. – Совсем ни капельки не любопытно?! Белый Дракон не рвётся сделать ещё один широкий кувырок? Удивительно!

– Нет! – рявкнул дракон, утрихомирился и заурчал. – Не кувырок, а вывернуться! Извёртышем наизнанку, вшиворот-навыворот… Видишь, сколько слов я выучил?

– Ха-ха!.. Уррси, ты забыл выучить, что они значат! Не «вшиворот», о Фавор, какой же ты смешной!

– А как?

– В вашем случае… Если бы вы как змеи шкуру меняли бы… Шкирку-на-носопырку!

Гелиотроп щёлкнул уробороса по ней и, за его крыло уклоняясь от его же зубов, прячась, расхохотался.

Зубы щёлкали. Раздвоенный язык перебрасывал искру с кончика на кончик.

– Да никем я не хочу, кроме как драконом! И никогда не захочу!.. Можешь ведь, можешь, Гелиос-топу-тропус, дорогой всей…

– …да! Я сказал, да!.. На пороге, с условием, решим то, что решается на пороге. Сколько в проём ни гляди, ты тут, а дорога там… На дороге, когда принюхаешься, пыли нюхнёшь, дольку прошедших лет вспомнишь… На пороге станет ясно: ключ повернуть лучше снаружи или изнутри. Никогда не думай, что выберешь дольку. Не дольку, а сколько? Плод оранж разламывается на конечное число этих самых долек, а жизнь - на бесконечное. Вопрос, когда остановишься мельчить…

Дольку свою и У-Гли вспоминал Гелиотроп, когда летал на Тропе…

В космической бездне, где нет Юлы, нет опоры… На каждого дроида произвело бы неизгладимое впечатление. Летал с целью: понять хотел про себя, про слепое пятно…

Солнце вблизи увидеть, место от луны оставшееся, переделанное Тропом себе под гнездовье…

– Я – Абсолютный Марблс! – говорил Троп о себе

Шутил, на рынки налюбовавшись, гулял и играл там порой.

– Без руки и без поля. В Абсолютном Лунном Гнезде!

Полёты их совместные прозрения Гелиотропу не принесли, как и насмешки Тропа:

– В головном сердечнике мысли думают, Хелий, извилинами орбит пораскидывают, а не в космических далях! Ещё же лучше – друга послушать, ведь не враг я тебе! Забудь ты беспокоиться про то слепое пятно!

Забудь… Легко сказать.

А затем Троп стал вдруг отказывать, не звал в гнездовье…

«Сам-то в Дольку, как к себе домой… Да, Фавор его благослови, пусть, если не хочет».

– А когда правильно? – нетерпеливо повторял дракон.

– Что?

– Переставать всё на дольки мельчить! Начинать беспокоиться, когда правильно?

– Я не знаю…

– Но когда-то ты сам перестаёшь?

- Обыкновенно в десять раз позже, чем следовало! Поэтому так тяжеловато, медленно мне даются конструкторские дела. Я перестраховщик Уррси, мой чудный уроборос. Не бери с меня пример, не драконий стайл это.

Огуречный, огромный как блюдце глаз с коньячными, солнечными крапинками, в задумчивости уехал куда-то наверх… Задумчиво вернулся… Оба блюдца лучились на коваля одновременно рассеянностью и вниманием.

«Как интересно и приятно слушать тебя, – говорили они. – Если бы я понимал хоть что-то из твоих интересных, загадочных слов, я бы непременно поразмыслил о них».

Округлые ушки развешены по сторонам. Усы распрямлены… Знак полного доверия.

Очень старые существа почему-то склонны поразглагольствовать о главном наедине с малышнёй… С теми, от кого их отделяет наибольшая бездна прожитого времени… Не за подобострастие избирая, драконы

непосредственны, Уррс притворства не имел в себе. За что-то иное, вроде свежей, приглашающей чистоты исходно пустого сосуда…

Не очень-то пустого. Уррс имел вторую тему, не отпускавшую его.

– Но, значит, и человек? – внезапно утвердительно сказал он. – Значит?

– Что, милый? – ласково переспросил Гелиотроп, быстро устававший от пикировок.

– Если лишнее убрать, и человек станет Белым Драконом?

Вот что значит свежий взгляд…

– Но для него-то оно – не лишнее! А чисто технически да, вне сомнений. Путём отсечения, прореживания люди становятся дроидами.

– Тогда почему?

Гелиотроп вздохнул:

- Уррс, милый, пользуйся, пожалуйста, хотя бы теми словами, которые освоил уже. Эсперанто не необщий дроидский, где можно заскулить и вся твоя стая слетится почесать тебе за ушком!.. Что – почему?

– Почему они умирают? Почему ты и вторая

раса давным-давно не сделали их бессмертными? Фазовый, да, переход называется?

«При всей наивности, хороший вопрос! По-настоящему белодраконий, непосредственный».

– Нууу… Интересные у тебя представления о бессмертии. Человека-то не станет… путём прореживания! Прекратится он, как человек, это к вашему племени образуется прибавка.

Уробороса ответ не устроил. Пол ответа. И не о том.

От задумчивости Гелиотроп забыл держать малые формы, канул в простор необщих орбит и собрался из них обратно со словами:

– Вот что, Уррс… Слов ты знаешь на данный момент всё же не достаточно, чтоб я ответил, а ты понял меня. Но может быть, оно не главное… Может быть вещи, орбиты на вырост даже важней. Как тот азимут, что молчит до времени, что пока не азимут вовсе. А заговорит и закрутит по-своему. По себе… Непременно закрутит…

Будь Гелиотроп высшим дроидом, понял бы хоть отчасти, насколько его академическое разъяснение далеко от актуального драконьего

беспокойства: Отто! Очевидно: друг же!.. О нём речь, а не о ковальских делах!

В чём заключался вопрос…

«Не может ли Хелиос, дорогой всей покрываемой Юлой сфере, сделать Отто, как Уррс, Белым Драконом? И желательно загодя? Чтоб уж на сроки не смотреть и никакого беспокойства?»

Гелиотроп же ответил как технарь, коваль и конструктор:

– Запомнишь, однажды поймёшь, нагонит тебя… Бессмертными… Пойми: человек – конечное неустановимое число связей между орбитами, упакованными настолько плотно, что границы и взаимные переходы их также неустановимы. Бессмертными… Орбиты – название составных частей в статике. Фактически, то есть в динамике, одна частичка двуедина: образование связи и её разрушение. Из них состоит всё, в том числе человек. Пока ему есть что связывать, он молод. Пока есть что высвобождать, он жив. Выбор – « да, нет» – его собственность, его воля. Быстро ли, медленно ли… К добру ли, ко злу… Его жизнь. Нельзя изъять одну дольку. Только две вместе. Все вместе. Я столько раз вам, дроиды, это повторял! Как Фавор чирикал на разные лады! Невозможно… Воля человека желать и отдыхать

от желаний простирается, Уррс, далеко за границу исчерпания бытия. Далеко за ту грань, на которой можно убрать «лишнее» и останется Белый Дракон. Она дотуда простирается, где и технических дроидов в помине нет! О, лови наглядный пример: завещание! Видел ты правое крыло, стоял пред ним, как пришибленный? Так вспомни малую деталь: борца нет в живых, Доминго забрал контур-азимут Коронованного, а последняя воля борца на белом листе в нескольких строчках передо всеми лежит! А ты говоришь, обкорнать вовремя! Воля обогнала его. Минус это, понимаешь? Чистый минус! Из него уже не вычесть. Да и не прибавить к нему…

Последнего Уррс не услышал, перебил:

– А если я поделюсь?

«Гениально! – подумал Гелиотроп. – Просто гениально!..»

– Не выйдет. Орбиты – не ракушки и шарики для рыночных мен. Скорей – пазлы. Подойти должны.

– Эээ, погоди! - подфыркивая, затараторил дракон, – Для первой-то расы… когда в тучу сливаются… видел я, облачные миры… когда пара людей становиться первой расой… подходит само! Без конструктора промеж ними! Я видел первую расу, выходящую из кувырка, я видел!

– Да видел ты, видел! А что было прежде того кувырка, тоже разглядел? Нет? Так я тебе расскажу: совпал отдалённый момент, совпали контур-азимуты их орбит во взаимной любви, вся дальнейшая жизнь на подгонку ушла! Без коваля… Ну да, без коваля. Но удивительно ли, что кувырок в первую расу случился вольготен?

– А можно нарочно? Я смогу!

«Совершенно гениально!..»

– Не знаю. Это не моя компетенция, не ковальская работа, дружба крепче любви. Про саму любовь, про кувырок между фазами, когда уже поздно… Не знаю… Августейшего спроси!

Это вырвалось случайно, заболтал коваля уроборос.

Два огромные глаза-блюдца хлопнули… По светло-зелёной, прозрачной глазури брызгами разлетелся тёплый, чайный свет.

Перед мысленным взором Уррса возник трёпаный облик паяца. Угловатый – Стража, суровый, сухой. Не вяжется…

– Не спрашивай, – оговорился Гелиотроп. – Только гигантомахии на панцире нам, мне лично, и не хватало! Разнесёте турнирную площадь к чертям. Публику заденете.

Ну вот, теперь стало совсем любопытно… Не

вяжется… С четырёхруким, четырёхногим, копытами преступающим, когтями скрипящим Стражем – никак…

Гелиотроп прикусил язык.

01.34

Здорово же они погонялись, восхитительно! Чуть-чуть не попались, не выдали себя!

Трепетное, отчуждённое и сложное отношение к вешним людям объясняет то, как долго клинч преследовал Уррса в надежде договориться и ойл у него купить! Стреляющими удавками не пользовался, они и другому-то клинчу в треснувших латах опасны, безлатному человеку – гибель.

Насквозь проникнутый запахом и свойством, превращающим громоздкие латы в эфемерное ничто, потерять преследуемого он никак, с закрытыми глазами бы не мог. Но и догнать не получалось! Хо-хо,фррр! Странно, если бы получилось: догнать Белого Дракона, удирающего верхом на Белом Драконе! Ещё бы за Тропом погнался!

Заносит драконов в хулиганстве.

Фрут держал дистанцию, чтобы кисточкой хвоста, кругленькой, как черты его обширного тела, лёгенькой как ватный шарик из пудреницы мима или помпон на его колпаке, подпудрить невзначай нос дракона преследователя, а то и всадника! Шёл коротким равномерным зигзагом: прыг-прыг, мельк-мельк… Вверх-вниз, влево-вправо… Их словно подбрасывало в толкучке на волнах, которые и не перевернут, и плыть невозможно. Издевались, короче.

Когда двум драконам начинало казаться, что преследователи не проявляют должного азарта, Фрут складывал крылья и резко уходил к земле. Пока же клинч повторял их маневр, хвост Фрута, успевшего сделать бочку вылетал откуда-то со стороны, отвешивая нерасторопному дроиду клинча пендель! И снова зигзагами, но уже живей! Что думал себе Белый Дракон клинча, это надо вообразить! Он-то ясно видел, чем они занимаются!.. Понимал, что ему с человеком на спине их никогда не догнать. Недостижима столь полная согласованность дроида с человеком. А он великолепен, всаднику под стать, могучий дракон латника: чешуя матовая, на груди блестит, стальной голубизной отливает, морда серьёзная, скуластая…

Отчего Белые Драконы так редко разговаривают с людьми? Мог бы сказать, профырчать на ушко?.. Тому есть несколько причин.

Основная – личный интерес. Ездовой дроид смыслом своей жизни имеет всадника, настолько глубоким, исчерпывающим, что их жизни заканчиваются одновременно. Глупо было бы разменивать большую близость на кучу мелких, а степени взаимопонимания при вербальном и невербальном общении – обратно пропорциональны! Это правда. Настоящая дружба не болтлива. Лучшие гонщики не разговаривали со своими дроидами ни разу.

Вторая причина, которой стоило бы считаться основной: сколько ни насмешничай над второй расой, автономные ящерицы независимые навсегда уважают просьбы и договорённости. Хотя бы потому, что установившийся порядок вещей устраивает всех по большому счёту, и драконов тоже.

Третья причина, делающая неразговорчивыми ничейных драконов, устоявшееся среди белок поверие… Царь-на-Троне не направит к Восходящему того, кто с людьми уже нагулялся и подружился, или направит когда-то, но очень не скоро.

Ещё их пасти не удобны для разговоров на эсперанто. Да эсперанто вообще неудобно!

Уже не пара всадников неслась наперегонки.

Чачо то там, то тут мелькал среди облаков, ожидая, что Фрут развлечением поделится. Фуча летел над ними, наблюдая с высоты погоню, расслабленный, как посетитель театра в ложе. Любопытная пимпочка кошачьего носа Ихо-Сю показывалась из-за каждого облака, лежавшего на пути, в надежде на пас Уррсом. Держался из последних сил, чтоб без приглашения не ввязаться в игру. И не удержался!

Вначале им удалось это скрыть. На таких скоростях даже клинч не обратит внимания, что под утекающим всадником дракон немного не тот… Какая ему разница? Весь в погоне.

Типичным драконьим приёмом, едва выдавшееся клином облако, закрыло погоню от латника, Ихо-Сю поднырнул Фруту под брюхо и Уррса выбил! Ровно мячик! Словил раньше, чем обнаружилась подмена, и Фрут успел ускользнуть. Поменялась пушистость дракона,

зато шерсть придавала нужный объем. Короткими кошачьими прыжками манеру Фрута Ихо-Сю повторял даже вполне. Почти сразу Фуча отнял ездока, ударив боком в бок за следующим облаком. На его маневре Уррс ёкнув отметил для себя на будущее, что с людьми стоит быть и потактичней…

Фуча на Фрута больше похож. Уши не такие длинные, торчком, пятак не курнос, но шире. В Фуче завораживали глаза, необычные для их племени, грустные… Чистейшая иллюзия!.. Ещё та шкода! Ну, в погоне ни глаз, ни пятака клинч разглядеть не имел возможности.

Фуча закрутился в вертикальный драконий кувырок и сменил направление, погнав в обратную строну. Не хотел Чачо, нацелившемуся сверху, игрушку уступать.

А дальше они прокололись…

За облако, поправку сделав, на подлёте ловя, Чачо упал Фуче на шею, чтоб перевернуть его силой удара и Уррса, скинув, отнять, но просчитался немного. Вынужден был уйти в необщую форму и собраться на корпус влево. Со всадником вместе… Но так людей не ловят! Только на корпус вниз, или на сколько там

придётся… К тому же звук крыльев… «Ча-чо… Ча-чо…»

Ихо-Сю уже караулил, обогнав. Рассерженный своей предыдущей недраконьей нерасторопностью. Чачо прочувствовал его боевой настрой. Спасовал, перекинул Уррса Фруту, притворившемуся крайним клубком облачной гряды… На клинча не обратил внимания, отвлёкся! То есть у него на глазах просто швырнул всадника в облако!.. И облако стало драконом!..

Клинч потом вспомнит ещё дополнительную странность…

Тот факт, что дроид не может пролететь облачный мир насквозь, а человек может, элементарно падая сквозь него, давно обнаружен и сделан приёмом небесного боя, гонок и настоящих погонь. Вяхирь заметил, что преследуемый не использует. Совсем.

Очередная попытка ускориться. Они попали в небесный туман облака хранилища и рассредоточились в нём, держа лишь направление.

Пора и честь знать? Драконы оторвались, прехрюкнулись и в необщую форму ушли.

Измотанный клинч остался в растерянности, в потёках туманной мороси, стекающей по латам. Дорожки отливали синевой, мартовским небом отливала чешуя на груди его Белого Дракона, фыркающего, на одном месте крутящегося… Этому дракону турнирная площадь – дом родной, повадки коня закрепились.

Чернёный, матовый псевдо металл пропускал Впечатления краткие и беспорядочные. Они переходили с одного в другое, как луч фонарика по камням дороги, непонятно, по какому принципу.

Вяхирь остановился и слушал…

Его дракон, распластав крылья, под моросью пошёл на снижение расширяющимися кругами…

Влага отдаёт видение срывающейся голубиной стаи… И сразу – шум водопада… Различима каждая струя, каждое подпрыгивание её, журчание сквозь тесноту ветвей… Плеск ручья… Шум реки…

Вниз к дельте скоро раскрылось Впечатление тишины. Вяхирь впал в него. И остался…

Там было чему внять.

Отдалённая сладкая мята высокого неба яви

перемешивалась с чьей-то древней тишиной. Без нужды и тревоги вслушивались в неё, безмятежно.

Вяхирь подумал: «От меня, кроме киббайком взмётываемой грязи и пыли останется это – рафинированный чей-то покой, мятным туманом отдающий, дождиком сбрызнутый… Кто-то выпьет его. И похвалит».

Непременно останется. Нарочно белки завели его и бросили здесь. Утешительный приз, дроидская улыбка.

Вяхирь начинал погоню не один. Латники его клана отстали ещё раньше. Гонялись они за Уррсом не первый раз. Вынюхивали Уррса, караулили близ рынков. Надеялись, что враги не опередят, не учуют ойл в небе. На континенте прознают с гарантией. Дня не пройдёт, как им донесут. Как только флакон окажется на земле, война за него развернётся покруче всех ныне ведомых, вместе взятых…

Вяхирь хмурился, предчувствуя именно такой поворот дел, да ещё о дроидских кульбитах вспоминая, в покое осмысленных. Во всаднике Белого Дракона он не разгадал, дроида же признал. Удивился не сильно: ойл сам – элемент

дроидского техно.

Но догадку ни своим, ни чужим на вынужденных переговорах не озвучит… Почему? Без особой причины.

Когда Вяхирь остался в дождящем тумане, Уррс обогнул его в выси, невидимый… Борцов правого крыла латник напомнил дракону. Пора улетать, и останавливает что-то… Что-то не так, не завершено.

Уррс вспомнил, как Отто понравился этот запах, на шариках, на шарнирах марблс технический, смазочный, в концентрате иной… Зовущий. Для человека если на что-то и похож, на ставни распахнутые к полудню, к упругости жизнью наполненного дня. Хороший запах, действительно ориентир и смазка одновременно. Дроиды желания из многих этой функциональности скомпилировали его.

«Отто нравится, ему и отдам. Но может и этому понравится?..»

Уррс специфическим жестом сог-цок, будто посолив снизу вверх, наполнил тучу ароматом ойл.

Не стало лат…

Пропала маска…

Пропал клинч…

Сто тысяч лет так не дышалось ему…

Миллион лет не чудился, не вспоминался манок его дроида…

Вот-вот прозвучит…

Слишком большой и необъяснимый подарок.

Потому и молчал. О чём рассказывать? О том, что ему одному досталось то, за что сотни и сотни их будут готовы насмерть драться? Не о чем говорить… Каким-то немножко беспричинно виноватым, обособленным сделала его эта невинная тайна.

Уррс ведь не знал, за чем гонится клинч. Его познания в эсперанто, в технике, в новейшей истории недостаточны. Он уважил просьбу Гелиотропа, помимо Отто людям не открываться, приятелей не заводить… А что затянули погоню, так разве они её начали?.. А предыдущую? Отнюдь!..

Замеченный, Уррс приветливо махнул рукой из-за облака, зарёй подсвеченного снизу, и пропал под ним, прямо в заре. Дракон

откровенно дразнил клинчей! Что? Дружбы не заводил, в сущности своей не признавался. Всё нормально, всё соблюдено, чтоб опекуна не огорчать!

«Кажется, человек хочет погоняться? Отлично!..»

До встречи на континенте, Уррс и его стая о причинах яростного, упорного преследования латниками не только не подозревали, но и не задумывались! Для драконов это нормально, им для гонок, для заварушки причины вовсе не нужны, разве что поводы! Клинчи же про эту компанию неуловимую, про стаю всадников, невесть чего успели напридумывать. Про физическую кондицию дразнящего их парня, размером с них самих. Почему он без лат?.. Заманивает? Цену набивает?

Вяхирь звали клинча, голубем звали. Голубем, почтальоном когда-то был на земле, на исчезнувшем Центральном Рынке.

Похвального, гордости достойного нет в принадлежности к голубям. Сословие подчинённое, в него часто попадают за долги. Болтливое, на руку не чистое, не чурающееся шпионажа, порой и охот, им запрещённым, на

чём их же безопасность и держится!

Но вечно так: кто-то решил, что для него это лишь жизненный эпизод, дверь, которую можно приоткрыть, проскользнуть в щёлку, да и захлопнуть навсегда. Такой ради сиюминутной выгоды портит имидж всем голубям, носящим серьги – шарики сердоликовые, браслет почтальона над правым локтём. Яркий, контрастный, дающий защиту. Голубь охотник надеялся выкинуть его незаметно… Выкинул, но дверь-то не захлопывается, вот в чём суть. Не говоря уже про такие двери, которые норовят прищемить голову, и про чёрные, накрепко запирающие голубка.

На маске Вяхиря бровями два сизых голубя разлетались. Белые хвосты. При всей условности рисунка, узнавались они легко, летели экспрессивно, переполошно, будто сорвались из прорезей глазных, от его же оскаленных клыков спасались. На треть поседевшие, странные брови… По меркам долгожителей клинчей Вяхирь не стар.

У остальных в клане маски и доспехи отмечены атрибутами – веерами. Шёлковыми, бумажными, из хвостов ячьих, из белых перьев: павлиньих, фазаньих, ласточкиных… Обязательно

белые. У масок на лбу, на щеках. Лишь он пририсовал к хвостам целых птиц, чтоб не нарушать канон другим цветом.

Носящий птичье имя клан имеется, но другой… Лидер. Не просто лидер, в серьёзном отрыве. Его латников называют жуланами. Подразумевается, что другие латники – мошкара против них. Маркер у них не хвосты и не крылышки. Латы другие, стиль жизни, стиль войны другой. Если бы против жуланов Гаммы не встали, фиг бы кланы середнячки выжили. Но о них позже.

Нюанс маркировки клана Вяхиря, именовавшегося от «реять» и «веер» – Рейер, – написание отражённое, с начала и с конца одинаково читающееся на удачу, – изображение веера, как половины ромашки, неотрывной линией сделанное, на стебле как бы… Человек мало-мальски дроидов повидавший, особо 2-2 тёплого семейства Там, чьи одежды сотканы из надписей на необщем дроидском, сразу отметил бы сходство эмблемы с любой единицей этого языка, вписанной в круг, имеющей уходящий прочь росчерк… Откуда взялась, кто нарисовал эмблему Рейерам именно так?.. Клинчи не знали. А сходство-таки не случайно!

«Симп…» – читалась эмблема на необщем дроидском. И означала прерванное «чирик!..» Обычно относящееся к Фавор. Всегда

сдержанный Гелиотроп ооочень смеялся, в Арбе увидев Вяхиря и эмблему на латах, но ничегошеньки не сказал!..

В рынке Рейер от рамы до крепости шёл ряд сигнальных огней, кодирующих, не однозадачных, при каждом дозорный.

Вяхирь – «рамный дозорный». Почуяв ойл, не поверив себе, он покинул пост. Недалеко отлетел, всего-то на минуту, но объясняться пришлось. Повод был признан существенным. Он вылетел сделать обзорный круг. Привычно во время драконьего кувырка потянулся… Кулаки сжал… А перчатки не хрустнули знакомым щелчком!.. Ему было достаточно, чтобы удостовериться: ойл! Вернувшись, перед следующим по цепочке дозорным Вяхирь сжал их ещё раз. Достаточное объяснение и оправдание.

– Тебе следовало зацапать их!

– Кого? За рамой было безлюдней, чем на Жуке после пикника жуланов! Лишь ойл… А ты ж представь, не трудно представить: откуда он тянется и точится, ойл?.. Во, и я не понял…

Вяхирь с удовольствием ещё раз стиснул кулаки и потянулся:

– Красота!.. Красотища!.. Эх, да, зацапать хотелось бы… В другой ли раз? Если ветра переменились по сезону и наш рынок оказался на оживлённом пути? Тогда сезон в запасе, не ещё скоро разнесут миры прочь?..

Представился следующий, и заследующий представился случай! Фавор, чирикнула: «Симп!..» И присела лишь одному рейеру на латы, на правое плечо.

Уроборос-переросток, воспитываемый автономным дроидом, в интересах от обычного парня ничем не отличался: гонки да марблс! Артефакты для него – мишура, танцы на Мелоди казались чрезмерно сложными. А петь он не умел. Дроиды вообще не умеют. Оттого Вайолет был так счастлив, и так упорствовал в своеволии, что оно дало ему научиться пению, совершенствоваться и любить… Слушать Мелоди спускаются дроиды. Танцевать на Мелоди – нарушители. А петь…

Они слишком дискретны для этого. Порывисты. И однозначны.

Дроид исходно как машина ориентирован на что-то одно, на одну цель, функцию. Тронов не бесконечное число потому – трудно совместить

конкретность с универсальностью, воплотить в себе что-то, объединяющее их имена и функции дроидов в семействе не формально, а фактически, не угнетая при этом, а напротив, расширяя и связывая с другими.

Слушая Мелоди, внимая песне, подпевая, дракон просто бы завыл!.. Ага, выбрал непроизвольно момент, где песня совершенна с его точки зрения, и… «Уууууу!..»

«Из-волн-волна…» – это люди, дроид – это половина волны, взлёт. Дроиды это перекличка Туманных Морей, перезвон.

Правда, бывает такой момент, мало кто его заставал, бывает он ночью, когда тихий голос выпи, поисковика, не достигая искомого, длится чрезмерно. Он порождает в тишине что-то вроде ответного воя. Вой, слишком грубое слово, тоскливое… Что-то вроде отклика струн, протяжного, неугасающего… Без перебора их. Каждый голос – отдельная струна, натянутая вертикально от прибрежной отмели до горы Фортуны. Будто хор, орган, ноты же не следуют одна за одной, а сразу все, параллельно, одновременно… Тогда Великое Море окликается вдруг голосом косяков ро, гулким вздохом: "Ооо… Оууу?.." и Туманное Море вдруг замолкает…

Наигрались драконы с людьми и пропали. Всёму этому безобразию Гелиотроп был незримым свидетелем.

Возмутила его незначительная деталь. Автономная педантичная машина-конструктор спотыкалась об неё, о свою неспособность убедить дракона в значимости таких деталей не первый и не сто сорок первый раз, терпение у кого угодно однажды кончается. А именно...

– Малые! Орбиты! Имитации! Формы!!! Сколько повторять можно?!

Дразнясь, Уррс забывал делать язык нераздвоенным! Куда это годиться, помимо всего прочего?!

За язык Гелиотроп отчитывал уробороса в очередной раз. На хребте Фучи сидел он сам, Уррс – на Фруте. И оба – как воды в рот набрали! Как обычные ездовые драконы, которые обычных людей промеж облаков несут!..

– Ты, ты, ты!..

Указующий жест Гелиотропа, казалось, выбрасывает из указательного пальца пронзительно зелёные, яркие до ледяной голубизны молнии в драконий затылок, основание крепкого драконьего черепа. Кудрявая, волнистая шерсть Фучи дыбом, но –

молчок.

– Ты!.. Выбрал следовать моим советам! Ты – ради сближения с людьми! Ты – ради будущего своего кувырка! Я тебе не навязывался, я ошейника на тебя в У-Гли не надевал!.. Так почему ты меня не слушаешься?!

– Потому что я – дракон! – с обидой в голосе развёл ручищами Уррс.

В самом деле, обидно: такой древний, такой искусный дроид, а простых вещей не понимает! Что значит «слушаешься-не-слушаешься»? Не подчиняешься? Естественно… Странно было бы, если бы… А советы он слушает завсегда, уши – вот они, вот дырки в ушах. Вот, если мало, дополнительные дырки, не по одной на мочку! Уррс надумал серьги носить, а у драконов племенной недуг – гигантомания.

– И язык этот!.. – в сердцах третий раз повторил Гелиотроп.

«Язык?.. Так уши провинились или язык? И чем?.. Искрами в людей он точно не плевался…»

Уррс высунул, – как на грех, и сейчас раздвоенный! – кончик языка, изогнул его к себе… И уставился сведёнными к переносице блюдцами огуречно-зелёных глаз на вилку в упор… Комичный настолько, что Августейший проиграл бы ему раунд, и сгрыз от досады не

пёрышко маховое, а полкрыла!

Ездовые драконы, покосившись, фыркнули в унисон. Гелиотроп засмеялся, а скоро и гомерически безудержно захохотал, когда очи перевели на него недоумённый, чистый и честный взор. Правый кончик огненного языка приподнялся вопросительно, как собака приподнимает ухо… Искра горела на нём звёздочкой, отражаясь в зелёном, нервно мигнувшем глазу…

– Люблю я тебя, уроборос-извёртыш! Уррс, милый, ну не ломай ты им, человеческой сфере представление о согласованности формной! Дроиды не должны так делать. И без нас хватает всякого под морскими волнами.

– Гелиос-тропус!.. Но у людей бывают такие языки!.. – Уррс почуял несправедливость в обвинении. – Я сам видел! У девушки.

– Не из-под волны ли вынырнула?

Уррс тряхнул головой: вздор, мимо.

Да, видел у девушки. Не только не у Чудовища Моря, а вовсе даже у чистой хозяйки. У Личи, заправляющей в Шафранном Парасоле. Не человеческая и не морская сила сделала её

такой, дроидская сила сделала.

Тела полудроидов легко подстраиваются к требуемому. Личи же – коллекционер ароматов. Доля аромата тает на языке.

Про запах вообще не скажешь точно, носом, языком, горлом, губами, чем он воспринят. И глаза, и кожа тут задействованы. И воображение. Но для многих ароматов, приготовляемых к ароматизации воды, плодов, камешков, для долгого катания во рту, их вариант жвачки, для ледышек придонных, важно как поведёт себя аромат именно на языке. Что ударит в нёбо, что будет уходить из него первым, что продержится основой? Послевкусие какое?

Личи, размышляя надо всем этим, держала нейтральную воду с одним ароматом за разными щеками, с разной целью. Смешной асимметричный хомячок, иногда надолго задумавшись… Разные стороны языка привыкли «думать» о разном. Раздвоенным не сделало бы его, но однажды она порезалась. Как говорят, «мёд на лезвии»?

Некоторые запахи синтезируют на Техно Рынке в модуляторе, отпускающем их пробы ради на острую, как нож, выдвижную полосу. Понюхать, определиться: давать команду наполнять резервуар, либо остановить синтез и внести поправки. Аромат был для питья. Она

любопытствовала, спешила, лизнула и порезалась.

Регенерация, залечив, не склеила половинки языка. Личи это нисколько не смутило! Наоборот, полудроидам занятно иметь что-то их выделяющее. Потому Уррс и заметил, она охотно дразнилась своим особенным, змеиным язычком! И шипела, как Уррс зашипит сейчас, коё-что немыслимое услышав…

Отсмеявшись, Гелиотроп перешёл к следующей теме, волновавшей его. Точней – подтеме того же самого, маскировке Уррса под человека. Насущный момент, давно бы пора. Безо всякой задней мысли, как само собой разумеющееся, потрепав юношу-дракона по щеке, он сказал:

– Да, кстати… Ведь тебе нужен Чёрный Дракон.

Едва-едва не разошлись их пути на этих словах, нелепо и бесповоротно… Не рядовое оскорбление, плевок, беспричинная пощёчина.

Уррс отстранился, узко сощурил глаза. Его человеческое лицо обрело пунцовый румянец, ящериную вытянутость… Гепардовые полоски под щеками обозначились как глубокие складки.

«Послышалось? Опять синоним на эсперанто?..»

– Сссто-кто?.. Кто нужно… мне?..

– Телохранитель.

Гелиотроп мог бы на себя примерить, тоже ведь автономный! Как, если б Августейший сказал ему, по дороге в У-Гли: «Братишка, тебе нужен телохранитель!» Как бы отреагировал? «Дак, я вроде к ним, телохранителям, и иду…» Решил бы, что гаер устал среди своих красавиц, и чувство юмора отказывает ему на досуге.

Уррс заложил финт в строну на встревожившимся Фруте.

Сплошным шипением, человеческие уши прижимая к голове переспросил другой раз:

– Это ес-с-с-с-чоссс с-с-с-зззачем???

Дымок, виясь, показался из ноздрей, нижняя челюсть вперёд. Парень-дракон, натурально.

– Как, милый? – Гелиотроп даже смутился. – Чтобы спокойно гулять на перекрёстках неба и земли…

– А я-ссссс бессспокойно на них гуляю?! Ссс, тьфу!..

– Но мы же обсуждали, ты выбрал ходить среди них вроде как чистым хозяином?

– А-с-с-ссс?.. И что-с-с-ссс?.. Упс…

Уроборос моргнул нервным тиком и расслабился:

– Аааа!.. Да. Понял… У, ерундища какая!

– Не подумал, выбирая? Я и сам забыл. Но это важная деталь, поверь мне.

– Понял-понял… Гелиос-тропу-тропус, ух, сссмехотища же какая…

Хмыкнул, хохотнул и принял нормальный вид.

Предложение заиметь телохранителем Чёрного Дракона и между дроидами второй расы – перчатка, брошенная в лицо. Намеренное оскорбление. Для Белого же Дракона, ни в какие ворота… Взвился, но когда осознал, отошёл сразу…

Вскоре к их маленькой неразлучной стае: Уррс, Ихо-Сю, Фрут, Чачо и Фуча, присоединился, – небывалое дело! – Чёрный Дракон. Проверенный, надёжный. Тот самый, с седой гривой. Гоби сам захотел.

Как необычайно, выяснилось, летают они, чёрные, когда не на задних лапах, не на службе!..

В подзабытой для большинства ипостаси, у них выразить трудно, что за пластика. Разделить ли условно, белые – воздушные, чёрные – подземные?..

Вытянутый горизонтально, ненужных ему крыльев больше не проявляя, Черный Дракон мчит, стремительно расталкивая небо, срывается с места быстрее малька в воде. Ввинчиваясь? Не совсем. Роя, лапами отбрасывая? И опять не то… Вроде как гордый корабль взлетает и падает на волну корпусом, мысом, килем, когда высоко подбросило его, не замедляя хода. Только этот корабль мог ещё извиваться, рыть и тараном идти насквозь, снарядом, ящеркой…

Уррс заинтересовался. Проникся к нему. А Гоби он приглянулся сразу, как нравятся всем дроидам уроборосы.

– Что за «Гоби»? - спрашивал Уррс. – Не эсперанто?

– Название! – низким добродушным рыком отвечал дракон. – Пустыня была. Обзывали ею, обидеть пытались, мол, пустой я как пустыня, нет во мне ничего своего, Хелиоса-тропуса слуга и всё… А по иному, первой расы больше во мне, чем в них, тепла первой расы.

– Гелиос дал?

– Из начала было. Хелиос-тропус отнял…

Иначе я б не удержался здесь. Где Троп летает, всё туда заносило…

– Ууу… - понимающе тянул юный дракон.

– А почему?

До бесконечности тянулась цепочка вопросов, у таких она не кончается!

01.35

«Вопиющая несправедливость! Так всегда и бывает!.. Ждёшь, тактичничаешь, все ходы перепробуешь, от хитростей до полного откровения, и всё напрасно! А кто-то походя сорвёт её, цель твою, не глядя, не поглядев даже, а так… Пить, укусить сладкого сока захотелось… Ветер покачнул ветку, смотри, мол, яблочко какое, бери…»

После жуткой неудачи, бессмысленного выпытанного у Чумы названия Шамании, он опасался быть заподозрен в навязчивости, в слежке едва не охотничьей.

«Чужой, посторонний человек! Спорю, не больно-то интересно ему, не сильно-то и надо было!..»

Чужой, посторонний человек вон сидит… С Пажом рядом. Вернувшийся…

Тяжело, как только что возвратившиеся сидят, в остаточном напряжении утомительной дороги. Оно уходит постепенно: с ног, с колен, обхватывавших драконьи бока, до пальцев рук, сжимавших драконью гриву. В последнюю очередь – с напряжённой шеи исчезнет, с выражения лица. У вернувшихся издалека оно всегда окрашено каплей удивления: я тут, и обыденность тут, и я в ней снова, а не там…

Взгляд, остановившийся на колесе Арбы, за игрой не следит, полон мерцания. Как рана. Как будто мерцают в зрачках дроидские огоньки, исцеляют увиденное в дороге, а не глаза отражают, сшибающиеся, клюквенно-спелые марблс, на подсветке стола.

В тон шарикам зажжена подсветка, чтоб сложнее, заход в марблс-прятки.

«В тайну открывшуюся ему смотрит! Легко и незаслуженно доставшуюся ему! Отчего Паж так поступил?! Рассердился? На успешную провокацию, как я Чуму подловил?.. Наверняка, что ещё… Не должен был, не имел права, бла-бла-бла… Рассердился, ладно, но, дроиды, если в эту свою Шаманию они приглашают всё-таки, за все эти годы, за все прошедшие годы, почему он, а не я?! Почему даже приблизиться, издали

посмотреть не дали мне?.. Черти серых туманов, Паж угощает его напоказ! Он издевается? Мы не друзья больше?!»

Отто ходил маятником от клюквяно-красного игрового колеса к белому, рассеянный. Брал соломку и закусывал телячьи, мягкие губы, пучок травы жующий телёнок. Прятал их за бокалом Впечатления.

Помогая возчику Пачули, угощения разносил Халиль. Почему-то именно сегодня…

На высоких барных табуретах, одному высок табурет, а второму низковат, Паж сидел рядом с Громом… У стенки, обнявшись. Привычка Отто, но не Пажа отнюдь.

Как пришли, они не играли. Пили не преставая. И с собой принесённое, и угощение Халиля, и соломки заведения, подряд.

Из шкатулки прозрачного кубика матово-прозрачные горошины ледышек Паж клал себе в рот с размеренностью метронома и так же Грому напоминал брать, встряхивая кубик. А когда это не помогало, шептал ему что-то. Сам клал ему в рот.

Суровое от природы лицо Грома лоснилось,

блестело подсветкой столов, красным жаром от неё, не смытой усталостью дороги… Отто видел не игру света на испарине масляной кожи, а полыхание тайны посвящённого. Искры летели в него, полыхали в нём ревностью. Растерянностью и досадой. Зла не хватает на нерассудительного себя!

Паж бледен, Паж, какой всегда.

Отто знать не мог, но угадал точно: эти двое только что вернулись из Шамании.

На выходе, на пороге Шамании Гром думал, что худшее позади. Не подозревал скорого оглушительного перепада, догнавшей и захлестнувшей волны.

Не поддерживай его Паж, не напоминай каждую минуту: дыши-дыши, не подталкивай его по ступенькам глубоководных ледышек осторожно, – шаг назад, два вперёд, осторожно выходи, – Гром не показался бы Отто столь отрешённо-загадочным. Крутился бы волчком на полу, со свистом и хрипом, как на Техно неудавшийся фейерверк, в промежутках судорог пытаясь разбить себе голову и вернуть дроидам Огненный Круг!

В принципиально новых областях выдержка -

дело наживное. Не сразу приходит, а вслед за пониманием того, как оно всё бывает, чего ждать и когда, что смело игнорировать, при всей угрожающей видимости процесса.

Паж для него сейчас – больше, чем дроид, он – как технические дроиды тела, бег огоньков, пульсация влаги. Он – маячок из глубокого мрака к голосу, к вяжущему, ледяному вкусу на языке… И к пониманию случившегося.

Однако и для Пажа Гром – маячок к жизни, даже в большей мере. В моральной, а не животной.

Шамания должна пополняться людьми, но тот, кто зовёт… Он берёт на себя полную ответственность. За более чем друга, соратника, брата по лунному кругу, звена в страховочной цепи. За человека на первом этапе – звена совершенно незрячего.

Паж в Шамании настолько давно, что помнит ещё гадательные, проклятые времена, когда слепы были и они сами, вслепую определяли, кто годен, кто нет. Ошибались через раз… Ошибались за разом раз… Кого звали? Ведь не чужих, не врагов, не проигравших на спор! Друзей звали.

Сколь же часто этот визит, ничего не

подозревающих людей становился для них последним! Как волчками крутились они, прямо там, изгорая в агонии, или за пределами Шамании, когда худшее вроде бы миновало! И ничем нельзя помочь! Не получалось!

Недавний знакомый, Гром был для Пажа средоточием мира сейчас, не первой и даже не сотой, но от того не менее напряжённой попыткой отыграться за все потери, утраты, ошибки. Добавить сколь возможно аккуратно очередное звено в лунный круг, раскрыть глаза и предоставить дальнейшее его личной воле. Что впрочем, условность, дальнейшее Паж прекрасно знал. Но это не важно. Искушение Шамании – не его искушение, её.

Обитатели Шамании – не ача, не рабовладельцы. Держит сама Шамания. Крепко-накрепко.

Пока звено не сомкнулось в цепи, шкатулка с глубоководным ядом, опытная рука Пажа, мембране его шаманского лунного бубна – чужое всё. Чужая жизнь. Отрезанная как острым ножом прошлая жизнь Грома.

Первый опыт:

… сумасшедший, – ничем не оправданный! – риск…

…брызнувшие слёзы боли…

…слёзы с красными огоньками, дико горячие, успевающие высохнуть, пока насупит высвобождающий экстатический транс…

..экстаз, подхвативший на грани исчерпания сил…

…крик…

…бессвязный шёпот…

…шёпот…

…зов лунного бубна…

Однажды, ждать недолго, Гром свыкнется с тем, с чем можно свыкнуться. Смирится с тем, с чем невозможно.

На своих ногах, извиваясь в танце, освоившись, он будет заходить в экстаз, брать от него до капли.

Смеяться, а не плакать.

Гореть.

Гореть и не чувствовать боли.

В той же агонии изгорать, охотно навстречу ей идя.

Землёй под его ногами станут бубны лунного круга. Небом – каждый новый экстаз, приближающий безвременную смерть.

Как же Шамания ненавистна дроидам. Хуже, чем правое крыло.

А как она Пажу была ненавистна? И как любима им…

Морское Чудовище, промёрзшее до костей, он всех тёплых людей видел желанными в специальном, совсем другом смысле… Приязнь испытывал к ним… Но Шамания должна пополняться! Должна быть в разумных пределах людной, процветающей… О, как неуместно это слово в отношении такого мрачного места!.. Шамания нуждается в топливе из крепких, страстных, недалёких, подходящих для этого парней. Она должна существовать. Дарить непереносимое, обнажать тайное.

«Отто, дурашка, устами телёнка глаголет истина! Соломинкой прилипла к ним истина, – вот если б ответа! – вопроса: «Паж, а кому ты –

паж?..» Именно!»

Именно это он сам хотел бы узнать… Такой долгий, выматывающий путь, проделанный по муке своей и чужой, искушению, агониям, слезам, прощальным объятиям… Зря, что ли?! Прежде чем и для Пажа наступит время прощаться, должен он узнать, кому паж! Кому?!

Как выглядел сам? Кто ждал его за дверью, где прекращаются Впечатления? И наконец: как разъединить смертоносность этих Впечатлений с их оглушительным кайфом?! Самый главный, практический вопрос. Вполне вероятно, ответ на него надо искать там же, за дверью, где ждут пажа, куда заходит паж. Искать снова и снова, пока не найдётся ответ на излёте предпоследней эпохи, когда дроидское отказалось служить кибер-механике…

«Кому я паж?.. Ах, Отто, может быть, и узнаю… Не этот ли человек, крепкий, для Шамании перспективный найдёт что-то, нами упущенное. До чего же смешно ты дуешься, Отто, тёплый телёнок, отвлекись, сыграй в стеклянные шарики…»

Крепкий человек, подходящий. Когда Паж увидел Грома на козьих плясках, последние

сомнения отпали: выносли в, ритмичен, подходит им.

Как состоялось знакомство...

Гром пристрастился к коктейльным конфетам, выбивающим из бытия. Лакомство в цену механики. Удовольствие для богатых хищников, не для изгнанников. Кладовые Архи-Сада иссякали, да и неловко, общее достояние.

Гром копил, удачно меняясь на Южном, брал иногда призы на левом крыле. Поднакопив достаточно, шёл на Краснобай, в ряд «Донный», сворачивал в ряд пустых шатров. Незащищённый от тумана и ни в каком тумане не пропускающий теней, кто заплутал ночью на Краснобае, может искать спасения в Донном ряду до утра, если его обитателей не испугается!.. Хотя позвать дракона – всяко умней.

В шатрах Донного ряда Гром читал – с трудом, недавно научился, – пожелания рядом с конфетами в противоестественно ярких фантиках, и отправлялся разговаривать с людьми, узнавать, где и на что можно выменять эту вещь. Удавалось нечасто, запросы тайных продавцов конкретны и специфичны. Иногда везло.

Однажды он увидел обсыпанное крупной

солью ядро без фантика. И без требования… Верней, со значком, две лапки от солнечного круга раскинутые широко, приветственно. Знак – когда для чего… Может изображать широкий охват, неопределённость требований: на обмен сгодится что угодно из сферы удовольствий. Как иероглиф, означает насмешку в адрес жадности, неразборчивости мастеров Краснобая, берущихся за всякое разное, в ущерб качеству. Значок так же используется как приглашение куда-либо всех подряд, без входной платы и условий… А так-таки и за выход не потребуется плата? Не похоже на случай, когда: вход рубль, выход – два?

Буран, побратим Грома, человек разумный, увидев таковой значок на ценнике, нашёл бы что сказать!.. Гром был один, в Донный ряд он ходил в неизменном одиночестве. Забавно, эта манера роднила ночных с дневными посетителями ряда… И он - соблазнился.

Своего рода рекорд. Вершина неблагоразумия, эверест безрассудства, покорённый коротким шагом от полога до лакомства.

«Оливка?..» – стукнуло, когда в рот клал. Товар не оказался ловушкой. Просто предназначался не ему. Тот, кого ждало, солью поблёскивая, ядро конфеты, пришёл с разницей в минуту…

На входе в Донный ряд Паж вычислил бы его по скривившейся физиономии! На самом Краснобае угадал бы!

Жёсткое, игольчатое ядро, состоящее из кристаллов не растаявших на языке, а рассыпавшихся в горле, сухих и острых, дармовое лакомство проявило себя вообще ни с какой стороны не как конфетка! Какая дрянь! Но – сильная дрянь!

С типичной логикой гурманов всех времён и народов, что и оставалось Грому, как ни подумать, судорожно сглатывая, отплёвываясь безрезультатно: «Может быть, за то их ценят, что редкость?.. За – бррр!.. – непередаваемый вкус?..»

Проклятущий глоток камней вниз по горлу не шёл, а напитавшись влагой, ударил сквозь нёбо в макушку, так, что глаза едва не вылетели из орбит. Тогда отпустило. По плечам, по коже до подошв холодным, растёртым гравием сползло. «Ой, гадость!.. Как в прибой упал…» Что тут скажешь, без обмана: коктейльная конфетка выбивает из бытия!

Парень в проёме шатра, рвань перепоясанная… Осанка свидетельствует об ином… «Э!.. Да это демон с Гранд Падре!..»

Демон наблюдал молча за сменой гримас на его лице. Явного неудовольствия не выражал, кажется, и скрытого не держа.

Гром понял, что сделал не то, что надо, и готов был извиниться, как парень сказал:

– Это не пробуют на континенте. И в одиночестве нежелательно.

Предупреждая взмах руки в сторону заявленной мены, Паж добавил:

– Нет, штука недорогая. Неправленая… Дрянь, да? Попробовать настоящую не желаешь? Или боишься?

Какое дешёвое, какое вечное слово… Крючок. Гром дёрнулся и попался.

Небрежное «боишься» ловило людей и постарше, и порассудительней его… Они неистребимы, они сквозь все эпохи проходят, как эта уловка. К великому счастью, и до эпохи высших дроидов такие не перевелись! И Гром такой. Да ещё и жизнь его на тот момент была неуспокоенно-пуста.

Гром сообщил юноше-демону, что на Мелоди собирается, на оговоренную встречу, но поскольку юноша-демон имел неосторожность произнести очень неприятное слово, а тот, кто произнёс такое слово, вполне способен принять и Мелоди рынок за попытку улизнуть, то на пляски капри они летят вместе, и затем – куда угодно! Хоть к чёрту на рога, на рога к прыгучим актиньям!

Паж усмехнулся, услышав, как пустую страшилку сухопутных, название монстра реально существующего и настолько безопасного для него, что используемого за ездовую подводную зверюгу, и кивнул.

На Мелоди, прикрывая мутные, тинистые глаза, Паж, ещё не как друг, как мясник, наблюдал Грома… Козьи пляски… Скачки, завывания, повальный хохот… Удовлетворённо наблюдал.

Посматривал на соседей по хороводу… Оценивал… Хотя в Шаманию лучше приводить людей друг с другом не знакомых, или, по крайней мере, не вместе, через порядочный временной промежуток. Больше толка, меньше болтовни.

Буйный хоровод капри кончился. Дальше была уже Шамания.

Отто попытался отвлечься. Сыграл, продул партию и сник окончательно.

Паж к тому времени убрал руку с чужого широкого плеча, откинулся к стене и погрузился в свою обычную полудрёму-апатию.

Спутник его мало-помалу обретал способность озираться осмысленно… Говорить. Односложно пока… О, уже и вставать и ходить. Значит, пора отправляться дальше. На Ноу Стоп удобней, тихо, спокойно. И отдохнуть, и обсудить.

Гравитация земли произвела грубую, упорядочивающую встряску, гравитация облачного рынка даст разбежаться токам тела свободней… Приходится внешней среде делать работу, которую для старых шаманийцев расслабление производит без проблем, автоматически за минуту.

Так ни одной партии не сыграв, пересидев в Арбе вечер и ночь, выпив половину запасов щедрого Халиля, они направились к выходу. Гром – ни на кого не глядя, лишь под ноги.

Убедившись, что на них он держится твёрдо, Паж заложил кругаля между колёс Арбы

восьмёркой, поймав Отто невзначай. Здороваясь, когда уж пора прощаться, дал телячьим губам ткнуться в холодную щёку, и задержал примирительно:

– Да не сержусь я, Отто, коварный-марбл-асс!

– Бу!.. – сказал Отто.

Обиженное, тёплое, признательное «бу».

И тут же набиваться с ними! Но Паж покачал головой, уходя, добавив многообещающе…

Шутливо добавил, прощаясь:

– Однажды… Если будешь плохо себя вести… Я покажу тебе Шаманию!

01.36

Клинчи умели не только драться, но и шпионить.

Более того, их взаимодействие с «вешними» кругами Морской Звезды и облачных рынков лишь в этом и заключалось, лишь через осведомителей и осуществлялось, на девяносто девять процентов. В говорливых стаях, носящих сердоликовые серьги неприкосновенности, и пёструю повязку общедоступности выше локтя,

Фортуне ведомо, курлычет ли хоть один голубёнок, который об интересах латников не осведомлён, не подписан на какой-нибудь клан. Секретно, но тайна – нестрогая, за дурное не считалось. В конфликты, интриги, коллекции вешних людей клинчи не лезли. Голубь в первую очередь сообщал о появлениях других кланов, и о новиках скрытой механики, даже если это игрушки совсем. Оперативно информировал, с большой буквы «о», зачем его и нанимали. Тяжёлые шарики сердоликовые в оттянутых мочках ушей были пропуском через Пароль на главную часть Техно Рынка.

Настал день, когда неширокими рядами Краснобая, затихающими по ходу его продвижения, на голову возвышаясь, над толпой и некоторыми приземистыми, плосковерхими тентами баев, шёл клинч в полной боевой амуниции. Сверху озирал Рынок Мастеров, представший ему равниной тряпичных квадратиков, огороженных дворов, двухэтажных карточных домиков. Хрупкость и хаос.

Прорези глаз темны, глаз не разглядеть. Ломаный оскал сжатых зубов. Походка клинча ровна, как кружение Белого Дракона под замечтавшимся всадником. Упруга, как бросок

пёстрой глубоководной змеи. Голубь клинчу не нужен, направление чуял сам. Отпустил его и, пока шёл, вспоминал, как порхал когда-то мелкой пташкой Центрального Рынка.

Кончился параллельный, звонкий ряд чеканщиков. Вяхирь свернул в ряд, носивший смешное неофициальное прозвание «Оу-Вау!»

Ряд лакомок, ряд самых разных, а главное - вручную тут же приготовляемых сластей. Эти ценились, эти привлекали, отдающие аромат, пока из котелка до рта покупатель несёт воздушную, лихо закрученную вату. Ценились и годами выдерживаемые под спудом, сколько во рту не катай, а всё Впечатление мерещится, но не даётся, лишь манит ваниль с каким-то цитрусом, с какой-то тревожной горчинкой...

А взрывные марблс-пузырьки? А желе, чтоб лепить и швыряться им? А нежный, опьяняющий крем, чтоб в жмурки играя, слизывать?.. На пробу предлагая, на маслянистость, сладость и Впечатление, пшикают крем из тубы на ладонь или зачерпывают латунным, напёрсточным ковшиком, в другую руку давая стопку Чистой Воды забвения, чтоб по контрасту... Так можно сто пенных кремов перепробовать, если ты продавцу приглянулся!

Ну как ещё могли назвать такой ряд?! Оу?.. Вау!..

Для аскетичного, сверхчуткого клинча, из каждого следующего шатра сквознячок - наповал.

«Вернуться сюда, пожалуй... Или обратно через Марбл-стрит выйти?»

Вообще-то Краснобай не торгует Впечатлениями. Для этого на Южном имеются специальные места, да и Оливковый Рынок всяким коллекционным водам посвящён, как о нём ни суди. Но в ряд Оу-Вау стекались и они, начинкой для лакомств, ингредиентом для сиропа. Не пустую же воду брать, мало у кого имеется столь хороший вкус, чтоб оценить сладость без отсыла к прошлому. Это как в прежние эпохи кушать без телевизора и радио, фильм смотреть без попкорна. Правда, если за неспешной беседой...

Естественным образом в том же ряду обосновалась кампания Пачули, Арома-Лато, любители и знатоки ароматов.

Их шатёр стоял на ажурных лесах светлой, и не темнеющей со временем древесины, сам солнечно-жёлтый.

Жёлтый Зонт, Шафранный Парасоль называли, хотя этот зонтик, вознесённый, сам – солнечное пятно, и уж никак не защита от невозможных над континентом лучей! Яркий, радостный. Снабжённый при всей простоте устройства отменной вентиляцией, чему служила и обособленность его над рынком. Чтоб им не мешали случайные запахи из рядов, и они, паче чаяния, не выкурили соседей, разлив склянку какого-нибудь выдающегося по вонючести концентрата.

Запах вещества, тон его, характер очень от дозы зависит, в малости бывает совсем не такой, как в избытке. Ароматы на продажу, общепризнанные, большинству приятные – десятая часть интересного коллекционерам, в оставшихся же девяти частях полно такого, что не подсунешь и лютому врагу!

Краснобай – рынок без стен, драконы чистых хозяев Аромы приземлялись сразу на второй этаж, на открытую площадку вокруг шатра. Стены его и двери – бумажные ширмы, перфорированные, разрисованные. Сплошная, плотная ширма с изображением колокольчика перед входом с лесом, с Оу-Вау.

Группа Арома-Лато не обзавелась неким

общим символом или девизом, но личный имелся у каждого, связанный с именем, отражающий пристрастия. Если же, как рынок с высот Шафранного Парасоля, окинуть взглядом их стиль в торговле, играх и совместном коллекционировании, девиз сложится: «Мир, мир и мир!»

Чуравшиеся хищнического, непредсказуемого Южного, с опаской ходившие по Краснобаю, аромы всеми силами поддерживали добрые отношения. Внутри группы, с заказчиками, с игроками и мастерами, с баями, близкими им по теме и далёкими.

Отто – хищника, присоединявшегося с ним, разочка хищником никто не назвал! Не дал каким-то способом понять, что он… – без дракона как бы. Тайной не оставшееся, его членство на Ноу Стоп не было под Шафранным Зонтом вслух проговорено.

Заказчиков Арома-Лато имела столько, что в дни лото поиграть, они просили приходить лишь участников или по срочной надобности.

В остальные дни и ночи под Жёлтым Зонтом можно посидеть, поболтать, выпить обычной воды из миров, пустой или надушенной по

желанию.

Можно попросить Чистой Воды забвения, отвергающей любые добавки к её суровому вкусу базовой какой-то реальности. Не спускаясь в обсидиановые подземелья, таким образом избавиться от чего-то, выпитого по ошибке.

Аромы угощали друзей «сигарами» всех мыслимых видов. Приятно подышать сквозь них пропитками сложными и бесхитростными, термоядерно-густыми и освежающим слегка. Приятно забыться, втягивая, глотая запах и Впечатление усыпляющее, успокаивающее после партии в марблс, проигранной, увы. Неплохо и взбодриться утром, перед тем как отправиться кому в шатры правого, кому на арену левого борцовского крыла Южного Рынка.

Их лото соответствовало тематике группы и являлось задачей на ароматическую композицию.

Пачули заинтересовался странным флаконом, распространяющим вокруг незнакомую, притягательную ауру. Металл, чеканка. Пробка плотная не спасает. Концентрат.

Отто не пожадничал бы подарить, но это так себе подарок. Хотел объяснить, почему, да не

успел… В Арбе Пачули предложил сыграть на флакон, и Отто, марбл-асс, разумеется, выиграл!

Тогда Пачули позвал его:

– Асс, а?.. Вторая попытка, сыграем теперь в лото у нас? Посмотрим, как тебе в лото повезёт!

– А сыграем!

Отто с лёгкостью согласился, Уррса позвал с собой. Дракон просил о новых компаниях, Отто рад услужить. И снова не предупредил друга о нечестной ставке. Безо всякой задней мысли, пошли и пошли, успеется…

Вяхирь, между тем, клинч в полном вооружении, тяжёлый как попытка осмыслить их нескончаемую войну, уже был оповещён голубем, уже отпустил голубя и уже почти дошёл по вкусному ряду Оу-Вау до Шафранного Парасоля.

Успеется?..

Основным составом аромы прибыли загодя. Дюжина где-то собралась, столько же не закончили с прошлым заданием, сказались

занятыми в Собственных Мирах.

Отто хлопнул себя по лбу: вспомнил прошлое, так и не выполненное задание! Простое, возможно, потому и откладывал: на основе эфирного масла апельсина с лимонной полынью что-то приготовить.

Делились плодами из Собственных Миров, обсуждали, как дерево, задуманное в эскизе, «привить» на другие плоды, как сделать, чтоб из полива Впечатления брало. На земле континента само получается, а в мирах, чем внимательней, подробнее создан эскиз, тем упорней сопротивляется привносимым в него улучшениям. Некоторые и ветки не дают обрезать, а некоторые наоборот: обрезанное за ночь восстанавливают, и то, и то помеха. Быстрое созревание, казавшееся грубым нарушением аутентичности, теперь пришлось бы кстати…

Отто накануне жаловался, что у него осталась только горькая полынь. Клянчил, обещали поделиться.

Тут уже Лайм, отвлёкшись от метания дротиков в пушистый круглый коврик на стене, хлопнул по лбу:

– И я забыл! Другой раз, хорошо? Напомни, а в чём твоё задание?

– Три дополнения в пробирках, чтоб

сходились: в питьё, курительницу, духи.

– Хорошее задание, мне нравиться. Обмозгуй ещё пару дней теоретически, я вспомню про масло.

Личи давно пора раскидать в наборных табличках цифры, а она не могла оторваться от корзины, принесённой Бризом.

Вперемешку: орехи с соком, заключённые в хрумкой, кисловатой скорлупе, и трёхцветная, сиренево-сине-жёлтая костяника. За многообещающим цветом скрывался самый нормальный вкус, а вот орешки…

Их сок пах, если не выбирать специальных «арома-жаргонных» эпитетов, тиной прибрежной, на солнце нагретой, рекой! Старые орешки пахли откровенно рыбой.

Но полудроиды любопытны и непредвзяты, а гурманы, те вообще знатные извращенцы!

Личи увлёк этот необычный запах. Кислота скорлупы шла к нему, ягодная лёгкая сладость оттеняла. Она всё порывалась уйти за столик, откуда стопка табличек рамочных, пустых взирала на неё с безмолвным упрёком. Два мешочка: с цифрами для табличек и с бочонками

для игры, до сих пор завязанные, понуро ждали, скособочившись… Порывалась и опять руку тянула за последней горсточкой!

Никто Личи не торопил. Смеялись, а она рассуждала, облизываясь, что защёчные мешки - отличное приспособление! Что людям от эволюции не перепало ничего по-настоящему ценного и удобного, ни их, ни, тоже бы пригодился, длинного, цепкого хвоста!..

От всей души Уррс согласился с ней!

«Какая разумная девушка!.. И красивая, язык раздвоенный… С хвостом ещё бы лучше была!..»

Лото же их было такое…

Знатоки, когда начали хвастаться и меняться рецептами, за время существования союза Арома-Лато быстренько перебрали все ходовые, неизменный восторг производившие на Оу-Вау сочетания запахов. В мирах, в уединении с предметом коллекционирования давно перебрали излюбленные.

Чтоб подтолкнуть фантазию они нуждались теперь в каких-то рамках. Заданностях. И чтоб поломать свои шаблоны. Так изобретали новые духи: напитковые, для курительниц, телесные, для игр вслепую.

Кому-то рамки нужны, подстегнуть фантазию, кому-то – ограничить, и всем – посоревноваться!

На вкус и цвет образца нет, индивидуальные пристрастия аром совершенно разные, спорить, чьё лучше, не имеется никакой возможности. Под пьяную-пряную оливку, сдуру? Но порядочные, чистые аромы такого в рот не берут. Не отравишься, так чувствительность попортишь, собьются настройки, так сказать…

Потому соревновательность их ориентировалась на общественный вкус. Кто лучше публике угодит. А поскольку у всякой публики в основополагающих чертах характера значатся взаимо-не-исключающие две: консервативность и страсть к новинкам, лото опиралось на них. Составляя карточки, Личи клала под один бочонок общепризнанный хит среди запахов, зато под остальные такое… Над чем стоило голову поломать! Как оно впишется, как вообще может вписаться в композицию?!

– Тебе приснилось это в кошмаре?! – со смехом и возмущением спрашивали её. - Или океан нашептал туманной ночью от берегов вдали, где ни огонька дроидов, а лишь зарева

хребтов скользят под водой?.. Зачем же ты снижалась?! Так может пахнуть лишь демон Великого Моря, издыхающий на берегу!..

– Бла-бла-бла! - весело отвечала Личи, раздвоенным язычком дразнясь. – Если демон мне нашептал, слетайте, у него попросите подсказки! Обнюхайте с разных сторон… Не зря же он так благоухает, развалившись на берегу! Либо вы получите эксклюзив, либо он покушает!..

Лайм, воплощённое молчание, не вмешиваясь, размышлял над карточкой, доставшейся ему… Подруга его в поддержке не нуждалась, возмущения лишь подчёркивали степень признания, заслуженного ею. Ведь, если не нравится составитель, выберите любого другого. Но Арома-Лато стабильно предпочитала оригиналку Личи.

Каким-то бочонкам присваивали значения определённых ароматов. Каким-то - типов: землистые, сухо-земляные, сыро-земляные, прогрето-земляные. Высокого неба. Древесины живой и неживой, смолистые. Сухофруктов, сладко-фруктовые, сладко-цветочные. Пьянящие, свежие, студящие. Много запахов кожи, со временем суток связанных, сезоном, загаром. Лёгко-морские, солёно-морские, гнилостно-

прибрежные, бездны, это интересный класс запахов…

Располагая выбранное на карточке, Личи ориентировалась не только на удовлетворительную степень безумия, но и на цель композиции, область применения. С чего улетучиваться будут? С поверхности чашки воды? С шеи танцовщицы? Или окажутся заперты в соломинке? Или нужны, чтобы воску, эту соломинку запаявшему, придать некий тон?

Целостные картины проносились в её уме: свидание в небе на драконах, скачущие хороводы Мелоди Рынка, его же парные танцы под расплывающимися светильниками медуз, растекающимися, проходя все оттенки спектра, прежде чем новые выстрелят голубыми звёздами, яркими до белизны…

Видела, недоверчиво, через соломинку пробующего коктейль, богача у Халиля в шатре… Его самого, уединившегося в погребке, бросающего в пиалу щепотку их арома-приправы… Видела, взлетающий брызгами, сог-цок дружеских чашек, перемешивающихся дружеских вод и непохожих ароматов. Как же задать им, чтоб капля одного могла украсить второй сог-цок, а не испортить, не заспорить с ним?..

Личи умница, большой знаток. Распределяла,

чтоб было увлекательно и сложно. Но на первый взгляд, этой девушке с набитым ртом, пахнущей тиной и рыбой, с губами сиреневыми от ягодного сока никто бы духи сочинить не доверил!

Карточки разбирали, не глядя, изнанкой вверх, договариваясь о том, на что будет влиять последовательность их заполнения бочонками. Что будет основной тон, первым выпавшее или последним? Какие цифры, какие запахи позволят вычитать, а какие добавить по своему желанию. Да мало ли чего, чтоб и свобода импровизации была.

Победитель, конечно, определялся, но это промежуточный результат игры. Основная – на Оу-Вау в их торговом шатре развернётся, когда будут готовы образцы. Но и промежуточный результат имеет свою небольшую ставку. И тогда быть должен ею – флакон Амаль.

Окончательного, настоящего победителя назовёт Краснобай!

У Арома-Лато были преданные поклонники, ждавшие этих дней, ждавшие новинок. Но их

единицы, глас народный вынесет вердикт.

Щедрые, открытые бай-аромы не ставили серьёзных меновых цен на пробники, что делало их не бедней, но богаче, добавляя популярности. Один Биг-Буро, как постоянный заказчик и поклонник, целого ряда богатеев стоит!

Перед местными обитателями, оповещёнными гурманами, случайными прохожими, предо всем Краснобаем аромы выставляли напоказ духи, составленные каждым по своей табличке. И смотрели, чьё быстрей разберут. Кому сверх условленной цены подарков, презентов наложат. Засчитывались в сугубый плюс инциденты противоположного свойства – кражи!

Леса, ажурное переплетенье опор, ведущих снизу под жёлтый тент, были скрипучи… На Техно Рынке обитающие друзья Арома-Лато без проблем сделали бы любые бесшумные, эти бы смазали, но оставлено, как есть. На входе ни замка, ни колокольчика дверного, пусть такая «сигнализация» остаётся…

Леса не заскрипели, они криком застонали, громко и непродолжительно, словно по ним не взошли, а взлетели, и не человек, а неведомо кто

или что, модулятор «свинцовый», вместе со свинцовым постаментом. Аромы притихли…

«Местные что ли? Целой делегацией?.. Что-то срочное сторговать?..»

Долго гадать не пришлось.

Чёрная перчатка проступила на фоне входной бумажной шторки, величиной с голову кулак. Шипы на двух костяшках проткнули бумагу. Дверь в бамбуковой рамке откатилась, и клинч предстал перед аромами в их шёлково-бумажном, кукольном домике…

Личи с набитым ртом застыла над корзиной… Прелестная иллюстрация к тому, что люди таки произошли от хомяков, и защёчные мешки у них имеются! Когда же, сглотнув, облизнулась раздвоенным язычком, настал черёд удивляться клинчу…

Уррс, – дракон есть дракон! – подыграл сходу: бросил орешек в рот и слюнявой, неспешной, безо всяких там искр, вилкой языка облизался, зацепив нос и подбородок, благородный, ну и шкодный драконий лик.

Отто дрогнул беззвучным смехом. Другие аромы нет, они испугались клинча не на шутку.

Впрямь Отто смешно? Да, и снова да!..

Дальше – целый ряд вопросительных знаков…

Соломка с узором по всей длине, густо посоленная знаками восклицательными, многоточиями растерянности. Какое Впечатление скрывает внутри…

«Латник… Тот самый латник, чокнуться. И где? Под Парасолем! Сон какой-то, шейкером взбитый, Оу-Вау гордость. Латник – на Оу-Вау…»

«Тот самый латник» вовсе не означает, что Отто уже встречал его, запомнил на маске разлетающиеся брови-голуби. «Тот самый» – показывает, как редко континентальные люди, облачных рынков гуляки видят клинчей вблизи, для них любой латник – тот самый.

Для Отто же сверх сказанного: тот самый – клинч! Безымянный, так и зовущийся – «Клинч», из его марблс-мечтаний! Против которого тысячу раз при всём честном народе у Гранд Падре заходил в партию, и побеждал. Ослепительно побеждал. Всеми доступными способами побеждал. Под овации и крики. В восторженной тишине. Под свист, топот и овации. «Марбл-ас!.. Отто-ас!..» В своих дивно сладких, свежести не

утрачивающих мечтах.

01.37

Аромы перепугались, но и бессловесный клинч застыл, войдя под жёлтый, шёлковый, объявший его свет. Перед флаконом. Концентрат, сокровище.

Мир превратился направленный на солнце калейдоскоп лиц-лиц-лиц… – и его маски. Доспехи как растаяли во всепроникающем ойл.

Латника рассматривали в тишине с головы до ног, с ног до головы, едва не упирающейся в тент шафранный… Лишённые возможности встретить взгляд, изучить черты, аромы не решались заговорить, амуницию разглядывали.

Щитки на плечах, груди, торсе. Ножи как патроны в лентах. Щитки на голенях, предплечьях. На тех – кинжальной длины лезвия, серрейторные, без ножен. На правой ноге керамбит, дроиды светлые, как страшен… А перчатки… Тройной прочности сочленения на каждый сустав, накладка держащая кисть, как

черепаший панцирь, подобное нечто на локтях, коленях… Тонкая, узкая медянка отододи обвивала мизинец двумя витками кольца, поскрипывала в тишине, шипела змейкой, но не могла ни раздавить, ни отцепиться, крохотное пижонство клинчей.

Настороженные, ясноглазые лица. И полный шатёр постепенно исчезающих Чёрных Драконов. Стильный интерьер – полупрозрачное жёлтое с полупрозрачным чёрным!.. Ситуация не развивалась, телохранители пропадали.

Слышен с высоты звонкий чеканный ряд… Плеск влага над Парасолем…

Их флаг был вертикальный белый с голубой полосой поверху, знак дождя кропящего в чистоту, в чистоте собираемого.

Леса тонюсенькие, перекрытия самого шатра – бамбуковые, да и те – половинки и четвертинки… Всё тонкое, трепещущее, пропускающее ветер, запах и свет. Бумажные стены, над ними ещё и прорези, вроде жалюзи… Всё вокруг такое эфемерное…

Открытые лица, пристальные. Непонятные…

Клинчи не умеют читать по их выражениям,

не имеют возможности научиться. Торговаться умеют немногим лучше. Переговоры вести?.. Только в одном ключе! Вяхирь, бывший посыльный, знал, куда шёл, знал, за чем, и всё равно растерялся.

Выручила обе стороны припозднившаяся Мёд, Медок.

Она спустилась на драконе на открытую площадку, с другой стороны вошла. Что за тишина такая?..

–- Йеее!.. О?.. Йеее… – воскликнула Медок, вбежав на три шага, на два отступая.

Медовая, в янтарю подобном, платье-шали.

Снизу вверх в оскаленную маску глядя, будто поднырнув головой, поклонилась внезапному гостю Шафранного Парасоля и руки развела:

– На что же мы сегодня – такое – играем?

Из-под глухой маски тогда раздался голос приглушённый и очень густой, с нормальным рыночным приветствием:

– Доброму дню – доброго вечера, ночи, утра… – указательным пальцем во флакон прицелился. – На это…

«Ух, ты ж, латник… Какой ты оказывается вблизи… Латник, сдалась ли тебе твоя война? За такой голос можно продаться целиком, в любое услужение, за одну только песню, чтоб на ушко спел… А страшенный, йеее… Знала, с дракона бы не сошла… Хорошо, что не знала». Медок – певица.

– Йеее? – обернулась она Личи. – А что ж там такое, особенное во флаконе?

Принюхалась. Личи пожала плечами.

Отто встал и произнёс:

– Это моё.

Маска с высоты поклонилась ему. Над тёмной прорезью глаз – голуби нахмуренных бровей летят в разные стороны. Видны искорки в зрачках.

Представились, пожали руки.

«Интересно, у них у всех такие? – подумал Отто. – Когда в марблс клинчи играют, на них такие же перчатки?»

Отто заметил, что открыты подушечки пальцев. Нет, эти уникальные, личная прихоть, игра ни при чём.

Как и все полудроиды, клинч был босым. Доспехи хорошо, но колодки на ногах, это уже слишком. А пол в Парасоле – сплошной «персидский» ковёр… Перепад от пыли и грязи степной, от стремян киббайка к разнузданному сибаритству. Интерьерное решение это, – аромами давно не замечаемое, привыкли, – достойно нескольких слов…

Персидский условно… Персиковый? Больше подходит.

Гуляют по годам и эпохам слова, как ветреные танцоры по ночному Мелоди. С одним покружатся, с другим попляшут. Вернутся, а может, и нет…

Ковры приятны и персики приятны, исходный смысл забылся, персидскими стали называть ковры с ворсом короче миллиметра, бархатные, обязательно матовые. Блестящие и металлизированные нити неуместны, даже мягкие. Неуместны узоры и яркие, контрастные цвета. Поверхность пастельных тонов триммингова́лась кругами, «под персики», отличительный знак. То есть ковёр выглядел как побережье при отливе, покрытое округлыми, плоскими, занесёнными песком булыжниками. Бархатными, как персик.

В Шафранный Парасоль ковёр был выменян именно за короткий ворс. Удобство для «гусеницы» скрытой механики, примитивной в своём классе, недорогой служанки. Это их, эпохи высших дроидов, пылесос. Не от пыли, в данном случае от запахов. Нематериальный артефакт, уплотнённый сквозняк, вроде того.

Производит его собственно механика, крепящаяся на стену, сразу над полом, и неспешно переползающая по ней. Её, да, делают в виде гусеницы больших или меньших эстетических достоинств, от коих и будет зависеть цена, начинка у всех одинаковая. Делают их также в виде улиток, имитируя дроидские инструменты Рулетки, для фанатов этого рынка.

Обычная гусеница «ползёт», дует, сокращаясь, собирает мелкий мусор в шарик, отталкивает крупный вперёд.

Гусеница, заказанная аромами на Техно Рынке, и ползала, и каталась. Нагретым сквозняком под ногами перекатывалась. Цепочка «сквозняковых шаров», тёплых, обтекавших щиколотки. Абсорбировала запахи, пыль. Щекоталась, ласкалась. Пыталась взобраться на колени, сидящих по-турецки, людей.

Дева, возлежавшая на этом ковре, решила в проброс судьбу флакона, клинча и Отто… Будто спрашивали её. Вот кто латника не испугался.

Опираясь на пуфик, дивной серебряной рыбой, русалкой, к Бризу лицом, конкуренту своему, возлежала Айва. Бриз отшатнулся к стене при появлении латника, Айва лишь голову повернула.

Серебристое платье чешуйками, россыпь пайеток по груди играет всеми цветами радуги, от цвета морской волны уходя… Подол длинный струящийся, белые ступни из-под него, перекрещенные, точно русаличий хвост… На открытых руках выше локтей серебряные без камней браслеты. Гибкая, тонкая как побег, Айва без нарочитости во всякой позе такая – бери и рисуй. Ритмичная, грациозная, но не танцовщица. Рулетки, лото. Арома. Коллекционирование жульнических марблс и шулерских приёмов.

На узком и строгом лице глаза выдавали азартного игрока, как у шаманийцев, почти как у ача, запавшие отдохнуть, отстранённые. В отличие от людей и чудовищ, сплетающихся с противоестественным в своих страстях, с губительным и запретным, глаза Айвы, обычного азартного игрока при оживлении выдавали не тёмное пламя, а искорки, пляску хитрых чёртиков в глубине.

Красавица стрельнула чёртиками глаз и небрежно заметила, зная флакону цену, не зря Карат приятель ей с Техно:

– Такие вещи, латник, разыгрывают ли на Краснобае? Разве что на безобманном поле, у Гранд Падре в гостях…

– …где останавливается Арба, - непроизвольно закончил Бриз общеизвестное выражение.

Все молчали.

Отто физически ощущал, как бегут её слова по его спине, волнующий и пугающий холодок, а оскаленная маска видит это… Смотрит, вопросительно наклонив голову. Ожидая ответа.

Что ему оставалось? Кивнуть. Коротко. В тон словам её, небрежно. Этого хотел? Об этом грезил? Получи.

Язык не послушался, а кивок удался!.. Кивком он гордился впоследствии, жаль Паж не видел.

Но ойл-то во флаконе со вчера уж не было! Капля на дне!

Да какая разница, если не придётся

отдавать?! Отто собирался у клинча выигрывать? Публично, уверенно, ослепительно?.. Или как?..

Дракон подарил артефакт человеку, зараз вместе и выпили.

Летали от тучи к туче, от дождя к дождю. Стопка собиратель-влаги у Отто имелась. Ловили связные Впечатления, по капле добавляли ойл. Смакуя, Отто рассказывал дроиду, что видит, и дракон пытался соотнести это со вкусом, со зрелищем орбит, замедленным, протягивающимся благодаря добавке. Ему не хватало опыта, тронные 2-2, не видя, могут угадать, что содержит вода, довольно точно.

Но это им быстро наскучило… А на континенте брызгалка новая вдруг попалась… Отто сразу купил. Выменял, на приглашенье в Арбу с его поддержкой на заходе в первую партию, чтоб фору дать.

Брызгалки полудроиды очень любят! Обычный для них аксессуар. И на чванливом, богатом Южном не редкость встретить в рядах уважаемого, серьёзного, без шуток изысканно

одетого торговца с одним или двумя громоздкими, пластмассовыми пистолетами, заткнутым за пояс! В таком невинном качестве прошли они, пушки, в эпоху высших дроидов. Кстати, есть и брызгалки-пушки, и снайперские бывают. Ну, и бомбочки, конечно!..

Волнующее ускорение дроида желания, предавшееся ойл, побудило их растратить флакон незаметно как быстро.

Многогранное ускорение… Питьё делает ароматным, зримое – увлекательным. Прерывает вкус внезапно, и начинает – с тонкой, неуловимой ноты…

Словом, ни человек, ни дракон не понимали, зачем бы им экономить, зачем останавливаться. Из брызгалки досталось и стае Уррса, кружащей над Краснобаем, отдельно Ихо-Сю в сморщенную мордочку, как кошка, чихнул и умчал!.. И встречным в рядах…

По остаточному следу ойл шёл Вяхирь, знал бы он, что и как тут вчера было растрачено!..

Последний залп, – брызгалка стреляла очередями, – достался Халилю, мирно дремавшему в уголке своего закутка, растирая в пальцах листик лимонной герани… Стрельнули

из-за угла, в Арбу – шнырк! Халиль очнулся, тряхнул головой, поправил съехавшие очки… Никого. Принюхался. К пальцам своим, к воздуху… И остался с задумчивостью на лице.

Всё – флакон пуст!

Отто кивнул и прикусил губы.

Он – против – Латника…

Безобманное поле, пустое поле Гранд Падре… Остановившаяся посреди него Арба…

Поле, на которое раз в году двое встают как саженцы, а один другому будет – сорванный плод…

Он – против – Латника… Ох уж эти сбывающиеся мечты!..

«Дроиды светлые, до чего ж он велик вблизи… И что, с другой стороны? Для марблс, что за разница?.. Как дракон мой, как Уррс велик, но вот они рядом, а латник – гора прямо, железная… Не то, что дроид – облачко…»

Как ставку на ежегодное сражение у Гранд Падре понял клинч слова Айвы и кивок хозяина

флакона. Не их с Отто личный поединок, а общий, ставка в нынешнем году – флакон вместо человека. Отто не стал возражать, язык прилип к нёбу. Марбл-асс и его совесть заметались между: «Ну и что, я же и сыграю, я выйду в финал!» и «Не приду – да и всё! Не выступлю от континента. В поддавки сыграю на любом этапе. Ответ ложится на того, кто птенцов Гранд Падре в руку взял, кто выпустил их лететь».

Вихрем все эти мыслишки пронеслись в голове. Пока на мечту свою оскаленную, – поистине «большую» мечту! – смотрел в упор. Две искорки зрачков лежали в тёмной прорези маски, переполошные голуби нахмуренных бровей разлетались…

«Годик пересиди в Собственном Мире. Отвернись. Погуляй вокруг…» Так Пачули советовал?

«Отчего эти великаны так непобедимы в такой вроде бы не войне?.. Вроде шарик марблс – не нож, не удавка… Наверняка из-за перчаток! Скрытая механика или кибер-техно, наверняка! Айва, длинный твой язык!.. Ты меня подставила, ты и придумывай, как выпутываться теперь?! На что-то он должен сгодиться, весь опыт жульнический твой?..»

Гелиотроп, как и все автономные, на память, не жаловался…

Ножовку, поперёк кадки лежащую, он отнёс на счёт беспардонности кого-то, братишки или Тропа. В его отсутствие заходят брать, возвращать инструмент, хозяйничают. Но присмотревшись, понял, что не бывало такой ножовки в Дольке, не бывало и в У-Гли, там она попросту не нужна.

Пила не раскрой делать, а вроде тёрки, измельчить орбиту на огоньки дроидов. Для присыпки, для приготовления клеёв, припоев. Вероятность того, что дракон или шут зачем-то принесли её, ничтожна…

Уже руку протянул к нежданному инструменту, как остановился и отдёрнул. Все орбиты на миг остановились в нём! Одно движение и условия эксперимента, условия заключённого с Тропом договора нарушены безвозвратно: не вмешиваться! Ничего – своей рукой! Определённо, эта вещь возникла на кадке сама собой, как известковый налёт, как сорняки и побеги…

«Я ещё его, оранжа, росток не могу узнать в этих пяти, а предназначенное уничтожить лежит передо мной!»

Конструктор, почитаемый всей дроидской сферой, опустился перед кадкой на колени и внимательно, с замиранием, отвращением, благоговением смотрел, на пилу, как на простой артефакт. Зримое мистикой не пахло. Рукоятка пластиковая, полотно узкое, мелкий зуб… Что-то цепляло его внимание… Останавливало… Заточка? Плохая, неравномерная. Но не это. И вдруг понял: ножовка ему не по руке! Это был детский инструмент! Символически-детский, указующий на чей-то юный возраст. Физически могла быть и шире, и крепче та молодая рука.

«Невероятно!.. Как оно всё… Само…»

Он так и стоял на коленях, в длинной юбке, в лабораторном белом халате, и смотрел, как бегают огоньки технических дроидов по зубьям. Удлиняют, укорачивают… Заостряют, тупят…

Стук заставил его вздрогнуть. Троп облака заслонил в окне, в сторону кадки подмигнул: работает!

О, да…

Часть 2

02.01

Тем, что называется сфера услуг, странно, если бы Краснобай оказался обделён.

Всяческие украшательства процветали.

Наблюдая за манипуляциями полудроидов со своей внешностью, непредвзятый зритель из прошлых эпох, хмыкнул бы: данное природой они только портят! Так разве ж это новость?! Когда хочется новизны! Уникальности…

На первом месте по числу признанных баев и обычных мастеров – портные. На заказ деланная одежда.

Не отстают от них «мазилы», «мазики», так грубовато скажут даже про бай-мазилу, выдающегося художника по росписи тела. Уж очень много художников, и труд их кажется лёгким.

Перед гонками на старте оглядят лидера, которому мало показалось традиционных знаков побед, расписанного драконами и облаками: «О, гляди, мазик расстарался!.. Зазнайку – под дождь!» Ещё такой момент, что представления о гармонии у художника, мягко сказать, порой своеобразны… И не всегда попадают в согласие с заказом… Но с другой стороны, представления о времени, требуемом на исполнение, у заказчика вообще не совпадают с реальностью! Не любят полудроиды часами стоять на месте… Так и получается то, что получается.

Украшательства вроде прошивания кожи татуировками нитей, изменения цвета волос, пирсингов, причёсок – отдельным рядом идут по Краснобаю. «Бай-девы» звали их, даже юношей, «бай-дэвы», что-то среднее между девой и джином. Комплимент. Некоторые так искусны, что преображение заказчика тянуло на магию.

Эти ряды – стабильные заказчики Арома-Лато. От занудных бай-мазиков, до танцовщиц, проводящих день тут, а ночи под светом лимонных шаров, которая без платы заплетёт подружке, соседке в косы «ромашковый луг» и «струны грозы» шёлковые добавит, прежде чем вместе – на ночное Мелоди.

Шатры их открытые, бояться нечего, дракона позвать быстро. Полудроиды обожают, когда с ними возятся под пленительный аромат, новый аромат из курительницы с паром, с истекающим Впечатлением воедино! Состоятельные бай-дэвы нанимают и музыканта.

Но многие полудроиды носят глухую одежду. Не редки те, которые закрываются целиком. И, тем не менее, желают что-то особенное.

Покрасоваться с кем-то наедине. На каком-то облачном рынке, где известны открытым лицом, другой маской, раскрашенным телом… Каких только мест, ситуаций и традиций не бывает!

Для заказчиков такого типа ставятся глухие, как их одежда, шатры. Но к небу открытые и пустые, чтоб просматривались с первого шага за полог: пирамидки торга нет, нет ловушки. Практически – высокий забор из плотной ткани. Чтоб веселей смотрелся, яркие ткани натягивают между расписных резных столбов. Без клиента держат открытыми на все стороны, часто на два параллельных ряда, заходи, смотри. Зеркало в рост ставят. Мастер на пороге стоит разукрашенный с ног до головы, как соседскими мастерами, – Краснобай, дружащий рынок, – так и согласно профилю своего заведения. Краски, аксессуары разложены на прозрачных лёгких полочках, всё смотри. Напитки и увлажнители в прыскалках и соломках, флаконов, где можно скрыть злую оливку, нет. Если понравилось, рассказывай, чем богат. Когда договорились, пологи закрываются.

Один из таких шатров стоял на пересечении ряда Мазил и смешанного, разных услуг, там же находилась «Голубятня» почтальонов, более чем

актуальное заведение для Рынка Мастеров: что есть, что почём, в каком ряду разыскать, проводниками брали. Голубятня на противоположном углу, заметная, двухэтажная, вся в надписях и вывесках, флагах.

Шатёр-забор от подобных не отличался. Размером – в меньшую сторону, соседними чуть зажатый, высотой – чуть выше обычного. Отличался единственным входом, хотя мог бы иметь минимум три.

Но и единственный был закрыт в тот вечер, когда Отто защищал в Арбе вчера приобретённый титул и право носить «кукушкины серьги». Гром летал на медленных драконах под искристым светом лимонных шаров Мелоди. Уклонялся от планирующих на головы медуз, слушал внезапно загрустивший, задумавшийся рынок и в пытался совместить в уме несовместимое: Мелоди и Шаманию. Совместить не получалось ни в какую. Как сон. Порванная, скомканная ткань пространства. Изредка кто-то заговаривал с ним, Гром не отвечал толком. «Ммм… Угу…» Да кивок неопределённый.

А обоим: и Грому, и Отто было бы небезынтересно, Грому ещё и небесполезно, заглянуть в тот наглухо закрытый шатёр.

Несколько поменялось их взаиморасположение.

Не на одном колене, но на низеньком стульчике перед Чумой, полулежавшим как-то странно на возвышении для клиента, сделанном ступенькой, сидел Паж. На месте бай-дэвы сидел. За спиной Пажа переливалась, на сумрак не рассчитанная, шестигранниками собранная зеркальная ширма. Монолитных больших зеркал мало, они дороги. Чума изо всех сил старался туда не смотреть, и выдёргивался, вырывался из рук Пажа. Пока тот не догадался в чём дело и не разбил ширму одним ударом ноги.

Звон разнёсся по опустевшему, заполняемому туманом рынку. Проходивший мимо голубь Южного Рынка, читавший вытканное названье шатра на ощупь, вздрогнул, как вспорхнул, – быстроногий, – и скрылся скорей к Голубятне, приняв звон на свой счёт.

Название было простое «Ноготки и коготки», не дочитал.

Бай-дэва Калин, Календула, держала его, так обыграв своё имя. Оранжевые резные солнца календул на столбах, поздний вечер превратил в тёмные пятна, сердцевины продолжали светиться, что днём умножало их живую привлекательность. Сквозь туман же они горели

как зрачки в широко разнесённых глазах. С учётом того, что врыты по два – впечатление ещё то. Так на ночь они и не рассчитаны, ночью в салоны никто не ходит.

Звон и исчезновение своего отражения в шестигранниках вывели Чуму из тихого отчаянья и забросили в прежнее, острое. Согнувшись в три погибели, на нижнюю приступку сполз, там остался, крюком согнутый.

Отдал руку. Левой виски сжал.

Паж вздохнул и продолжил.

Паж красил ему ногти.

Бум, какой ловят гонщики на Трассе, флакон-шарик с густым красным лаком стоял, не переворачиваясь, как заколдованный. Кисточка была широка, и периодически Паж обтирал его пальцы испачканные лаком. Периодически, потому что наносил много-много слоёв. Синеватые, призрачные, красные под лаком ногти… Упрямое сияние светлячка пробивалось сквозь каждый последующий слой всё глуше, но пробивалось…

Паж был сосредоточен. Упустив, ловил заново руку. Продолжал.

Чума… Он, то ли жаловался, то ли упрекал, то ли бредил… Бормотал одно, думал другое: «Неужели всё кончено?.. Неужели, неужели, неужели?!»

– Паж неужели?! Но в море? Если в море?

Спрашивал, когда ясно, что море – обговоренный со всех сторон невариант.

– Но, Паж, док, док-шамаш, ты же старше меня, объясни!.. Почему?! Почему я?.. Так скоро… Что я сделал не так?! В чём я виноват?! Перед Шамаш? Зачем она?.. Неужели так скоро? Совсем скоро!.. Паж?! Ну, ответь!.. Ответь мне!

Паж отпустил руку и взял другую:

– Ничего не случилось. Ну что ты, а?.. Как девчонка… Смотри, всё нормально. Как было.

– Не нормально! Не! Нормально! Нет!.. Это на полчаса, оно не держится на мне! Ничего не держится, даже одежда! Видишь булавку?

Паж указал на булавку, державшую ворот на плече вместо верхней пуговицы. Коса блестела в темноте под лучами настоящей восковой свечи не целиком, угол лезвия, вышедшего через плотную, ломаной линией простёганную ткань.

– Ко мне, сквозь кожу приколото! Если так не сделать…

– …что?

Паж глянул исподлобья, не отрываясь от своего занятия, прекрасно зная, что у Чумы это только глюк, навязчивый, как призраки Шамании. Не слетает одежда с него, а подсознательно, кто уже начал светится изнутри, хочет её скинуть.

– Что, что!.. Не держится! Даже волосы!

Вот это была правда, дыбом стоящие, пряди волос поредели, ёжик на голове не рос выше двух миллиметров, будто Чума для Техно Рынка стригся так.

– Ничего, лак будет держаться.

Паж вернулся к покрашенным и подсохшим ногтям. Из-под лохмотьев, из ксивничка на шнурке, достал что-то вроде салфетки, желеобразного лоскута, запахшего Великим Морем. Положил это в широкую пустую чашу для ополаскивания рук и плюнул туда. Чаша наполнилась клубящимся паром, но, словно его прижали, пар сразу осел и пошёл вытекать слоями. Наклонив, так чтоб не на Чуму текло, Паж сказал ему:

– Опусти и подержи, сколько сможешь. Кончики пальцев.

Ухмыльнулся:

– Будет немножко неприятно… Это я тебя, как шаманиец шаманийца, предупредил!

Сделав так, как ему советовали, Чума не продержался ни много, ни мало. Без вскрика, со стеклянными глазами он откинулся на ступеньку сидения и вернулся к реальности, не раньше, чем Паж отставил чашу и накрыл перевёрнутым столиком. Удовлетворённо оглядел красный глянец ногтей. «Ай да работа! Если что, в бай-дэвы пойду, на Краснобае шатёр поставлю!»

– Сильно, – без выражения прокомментировал Чума и сглотнул.

– А то ж! Эксклюзив. Для врагов, веришь, ну, при заварушке, или борзеже чьём-то крайнем, применять не случалось. А по-дружески да, время от времени…

– Док, помоги мне! В море, но не в светлячки!

– Чума, я, и правда, старше. Поверь, в море таких, как ты, я водил и не раз. Не получилось… Ни – разу. Подчёркиваю: ни – одного – раза.

Он помолчал за работой и повысил голос:

– Я сам… Я ныряльщиком стал до Шамаш,

понимаете вы? До!.. Живым ещё! Сильным… Ну, невариант! Ну, не плачь ты! Ну, плачь… Руку дай.

– Почему?.. Почему я? Почему так скоро?

Чума вовсе не плакал, он не мог, ему веки казались сожранными изнутри, пеплом засыпанными, когда-то горячим, теперь остывшим, дыхание прерывалось судорожно. Он заглатывал несколько таких вдохов, после мог говорить прерывистой, лающей скороговоркой.

Паж проделал манипуляцию с чашей для его левой руки и, обмакнув кисточку, наклонился к ногам.

– Отдай, я сам.

– Мне не трудно.

– Я сам!

– Околемался что ли? Попробуй. Бывает, Чума, трясучка такая. О сроке не говорит. Ногти говорят, но весьма приблизительно…

Пока шаманиец Чума пытался справиться с руками, ногами, тремором, лаком, шаманиец Паж смотрел в склонённую, широкую спину, в затылок с рассыпанными прядями, рассказывая этому затылку вещи общеизвестные. Снова и

снова вслух проговаривались они, в лунном кругу обсуждались. Потому что не просматривалась система, а, следовательно, отсутствовал и вывод. Для кого-то смертельно любопытный, кому-то жизненно важный. Чем каштаны вредят телу полудроида? И отчего в продолжительности жизни шаманийцев имеет место столь огромная, непредсказуемая разница?

Чуму подкосило, – не его ли булавкой-косой, стоит ли мрачные символы выбирать? – внезапно. На игре Против Секундной Стрелки. Как для шаманийца, эта игра для него пустяк.

Поняв, что слишком приближает свой срок, несколько лет назад волевым решением вознамерился он чаще покидать Шаманию, посещать рынки и континент, где без труда присоединился к самой крутой группировке.

Азарт средненький, но лучше, чем ничего. Оно ему как замена вредной привычки – лайт-лайт, как однажды некий ача пил кипяток, пытаясь избавиться от пристрастия! Успешно. Но не за счёт же кипятка! И вот на такой ерунде чуть не срезался. Всегда пробегал, сколько ни назначено кругов, вполглаза глядя, перепрыгивая Секундную Стрелку, как верёвочку легко, уклоняясь от неё, как от нежеланного поцелуя.

Ни с того, ни с сего… – поплыло, заплясало, а он уже прыгнул в круг…

Разбойники Секундной Стрелки не заметили! Откуда им знать? Как человек, проглотивший свой первый каштан, который оптимисты зовут «посвящающим», а пессимисты – «пробным», Чума выдал такой неуправляемый, экстатический транс!.. Он владел собой не больше, чем цепочка на острие пирамидки. Его швыряло прочь от стрелки, перебрасывало через неё, распластывало по земле…

Всё закончилось бешеными аплодисментами. Такого парни не видели и сочли за диковинное представление. Пробежали все, никто не попался, однако, кон единогласно достался Чуме, за артистизм и безбашенность. А он был в шоковом состоянии.

Не вышел из него до утра и, лязгая зубами, рассказывал Пажу:

– Док, я был как тряпичная кукла! Как воздушный змей швыряемый ветром! Меня можно было голыми руками брать, а она… Она… Она как будто за ниточки дёргала! Шамаш не дала мне попасться… Она как будто берегла меня… Бережёт… Для себя… Держит… Но я не

хочу, Док! Вечность по колено в мутной воде! Я не хочу!

Паж решил зайти с другой стороны:

– Помнишь Шамана? Эх, не знал я, что вы за него латника в Арбу заманивали, вот не знал… Да всё едино, не вышло бы, да и непорядок. Я о чём… Зрительно помнишь?

– Ну.

– Каков? Глыба, махина какая… А ведь он втрое против твоего каштанов наглотался. И ушёл гулять на материк такой же, как пришёл в Шаманию! Не завязать хотел, но вроде как по расписанию появляться. И уйдя, не увял среди борцов. Да, Чума, и ногти не запылали. А Докстри? Он годами наверх не поднимался! Но ослабел лишь теперь. Я не вижу закономерности, Чума. Увижу, смогу помочь. А пока лишь с ногтями… Увы.

– Я не вернусь в Шаманию.

– Вернёшься. Здесь гарантированная смерть, там – неведомая, но жизнь… Плацеб незадолго до конца сказал мне как-то: «Не тех ли Шамаш быстрей забирает, кто ей особенно приглянулся?» И знаешь, смысл не в этих словах, а как он сказал их… У него и глаза светились. А ведь у светлячков не горят только они… Ведь Плацеб-то не упивался Шаманией, он как историк

пришёл. Эпоху посмотреть. Запретное, не подчищенное… Но на краю уже: «Шамаш… Шамаш… Я дурак был, Шамаш…» А больше ничего, как заклинило… Дай помогу, утро скоро!

– Как мне отблагодарить тебя, док?

– Не психуй. Не торопи события. И вот ещё что, про Шамана…

02.02

– Чего вздрагиваешь, светлячки это. Они безопасные. Шамания вообще безопасна! Да они и не видят тебя… Меня, нас… Интересно, они хоть что ещё видят? Впечатления?.. Как узнать…

Двое плыли затопленными улицами на плоскодонке. Гребец разглагольствовал, пассажир молча напряжённо смотрел по сторонам. С удвоенным интересом, удесятерённым. На всё, что первый раз как в тумане мимо прошло.

Неприветлива Шамания, на что особо смотреть? Провалы пустых окон, коробки домов.

«Светлячки?..»

Подсвеченный изнутри сплошной сетью огоньков регенерации, неоново-синей, неподвижной, без мерцанья буксующей невесть

сколько тысяч лет, – никогда Гром не видал таких, – голый человек вроде бы наблюдал за лодкой из дверного проёма. Смотрел неестественно большими глазами. По пояс в мутной воде.

Лица у них исхудавшие, или глазницы расширились по причинам внутреннего изгорания, исчерпывающего смотрения, но глаза увеличены непропорционально. И если долго наблюдать за светлячком, лица обычных людей затем предстают невыразительными, с маленькими, суетливыми глазами.

Горящий сиреневатый человек делал короткие, ему лишь понятные, однообразные движения. Что-то с головы снял, об косяк ударил либо на гвоздь несуществующий повесил… Кто его знает. Одежда давно сгнила на нём либо её изначально не было.

В Шамании носят специальную, пластиковую, неприятную телу. Зато и не отсыревает, влаги не задерживает. Юбки на лямках, балахоны. Шаманийцы пытались заказывать, чтоб похоже на ткань и с фасонами, да потом плюнули на это. Некоторые пренебрегают такими нарядами, повязывают карман спереди, как сумку для «каштанов» и всё. Ну, оставляют украшения, серьги, браслеты. Оружие на перевязи оставляют хищники, привыкшие к нему.

Бессмысленное оружие. Харон, лодочник,

иронизируя над Шаманией, правду сказал, помимо остевой фатальности она совершенно безопасна.

Общинное государство шаманийцев, светлячков и призраков. Земля. Облачный рынок.

Небольшая страна, пятёрка городков, примерно на одной линии выстроившихся, в положении вольно.

Затоплены когда-то, не созданы такими. Возможно, эта неровная линия была берегом реки. Наводнение захватило улицы, дома, подвалы домов с их многочисленными сокровищами, весьма специфическими, и уже не отступило. Через некоторое время сокровища начали выходить на волю… Из подвалов, из самих себя, из капсул с прошлым. Коллекция, распространяющаяся как эпидемия, с которой никто не борется, напротив. Вон, лодочник ещё одного коллекционера везёт…

– И ты станешь таким! – решил бесповоротно успокоить гостя Харон. – Но это ещё не скоро. После меня, не боись! Встречу, как сейчас, светлячковые броды покажу!

Мило. С юмором у них в Шамании порядок. Очень стильный юмор, с ног до головы в одном

чёрном цвете.

Наводнение явно случилось не в бытность Шамании облачным миром, а уже в обжитом рынке. Впрочем, прежде мог быть заложен механизм наводнения с отсрочкой. Иначе как? Откуда взяться такой прорве воды в месте, где превращать невозможно? В бутылках что ли наносили?

«Превратить мог изгнанник… – подумал Гром, слушая Харона, размышлявшего вслух от скуки. – И с пирамидки рукой выпустил потоп… Теоретически способ есть, представить невозможно: потоп, стоящий на острие пирамидки торга… Рори смогла бы. В облике человека он стоял? Перед изгнанником? Водяными глазами смотрел на уничтожающий его взмах руки… А затем, повинуясь следующему, упал и растёкся… Побежал-побежал… Прозрачной, мутнеющей, мутной водой… И поднялась река».

Пажа не было с ними. Не вернулся из Великого Моря. Шаманийцы могли только гадать, придёт ли в следующий раз. Через раз. Не придёт вовсе. А день уже назначен, и Гром не отказался, отправился, как все безлодочные, с Хароном.

«Харон» это должность.

Между городов половодье истребило видовые пейзажи под корень, если они были когда-то. Заболоченная равнина, смотреть тоскливо, хуже чем на эти… – остатки людей.

Приметы крупного рынка. Дома разграбленные, разрушенные, отсыревшие хранят следы игровых приспособлений, вывесок над дверьми, указателей на столбах. На потолке вон, померкший обод экрана…

«Померкший?.. Или… Кто там?!»

Никого, он работал как зеркало. Они уже проплывали мимо, но в последнем оконном проёме Гром увидел, как колышется голографическое отражение на потолке… А светлячок лежит под мутной водой на шашечках паркета. Остов человека, сплетённый из синеватой, светящейся проволоки…

Каменные, серые, затопленные города. И призраки, призраки, призраки…

Ни слова ещё не было сказано о них, кроме:

– Переоденься.

Гром отказался, пластиковый балахон остался

валяться под ногами в лодке. Демонстративно отверг, больше не заговаривали о них. А потому и о них… Бессчётных, повсеместных. Умножающихся в арифметической прогрессии. Призраки это ведь Впечатления, остающиеся в сырой одежде. Корни Впечатлений, тянущиеся короткими навязчивыми повторами.

Не спрашивал. А призраков всё больше… И главное, всё сложней отмежевать их от светлячков в своём уме. Не реагировать, как на реальность.

Казалось бы, чего проще? Одни – гирлянды ходячие, другие – Впечатления? Одинаково шатаются, с места не сходят. Те и другие светлее грязно-серой повсеместной темноты. Но не в этом дело, а в том, что исходит непреодолимая тоска от их узких, тесных движений. Режет по сердцу, так тщательны они в стереотипных пасах, необъяснимых…

Как бывает сосредоточен притворщик, действующий напоказ… «Как сговорились… Дождутся, лодка заплывёт подальше, в дальний город, на площадь и там сразу со всех сторон…»

Обыкновенная мания Шамании. Всё через это прошли. Мания преследования, разлитая в её

сыром воздухе. Гром решил, что он один такой, мнительный. И гордый. Не спрашивал. А зря. Чёрный юмор лекарство не хуже белого. Хирургия среди юморов, Харон не поскупился бы ему на лечение!

– Переоденься!..

Гром помотал головой.

Шамания бурлила, сплошь в миазмах, гейзерах от «каштанов» – просоленных корней Впечатлений. От «каменной, бурливой» разновидности таковых.

Пасы призраков непостижимы, так как из «бурливых» Впечатлений ушло всё сопутствующее. Обстановка не сохранилась, звуки не сохранились, настроение, атмосфера тоже. Корни, рафинированные временем до облика человека и его жеста. Уместного всюду и нигде.

До жути убедительные призраки, реалистичные.

В пластиковой ли одежде, голым ли, не видеть их невозможно. Не вдыхать.

– Глубоко не вдыхай!

Гром кивнул.

Исключительно предпоследняя эпоха нашла в соли крайнюю стадию консервации. Она и бурлила.

Но ценились каштаны «мало-бурливые», сохранившие целое Впечатление, а не корень.

Полудроиды заворожено смотрели на полукиборгов, выискивая среди сотен и тысяч обывателей – её хищников, её упоительных головорезов. «Стрижи» их называли. Стрижи, которые и стригут, и летают. Проносятся и стригут…

Запретное. Элитарный филиал Ноу Стоп.

Коллекция, убывая, не убывала. Убывала и пополнялась людьми общинная Шамания.

Тяжело приходилось – «ловцам каштанов», ныряльщикам, если применительно это слово к глубине пару метров редко где, а так по пояс. Ну, если в подвалы, ныряльщик, да. «Каштановый нырок» звали такого человека, предмет поисков, соответственно, «стри-каштаны». Стрижиные каштаны – мало бурлящие шарики в угластой, твёрдой скорлупе.

Сложно не выловить, а дважды понять, стоит

их вытаскивать или нет. Вначале прямо там, под водой, узнать есть ли человек во Впечатлении.

На язык положишь, и заглоченная вместе с каштаном, бурлящая из-за него, мутная вода ударяет в нёбо, как Грому памятная коктейльная конфета. Сильно ударяет сквозь нёбо в макушку, голова закружится, выплюнешь и снова ищи.

Не увидеть, что в каштане, но видно, если люди или нет.

Это первая проверка каштана, вроде как незнакомец окликает: «Эй!..» Затем уже следует просьба или неприятности. Убедиться обязательно надо, потому что за второй этап дороже встанет. За установление содержимого на воздухе ныpок собою платит.

Вытащенный каштан на воздухе моментально покрывается не просто угластой, а колючей кристаллической скорлупой, и его не опередить. А промедли лишние две секунды и она станет вовсе непробиваемой.

Каштановый ныpок колет соляшку тигелями ладоней, никакие клещи тут не помогут. Или об грудь, о тигель Огненного Круга. Так делают старые ныpки, которым уже нечего терять, выполняя эту работу, за новеньких, или за

провинившихся, по доброте.

Паж исключение, он Морское Чудовище и ноустопщик, ему попросту нравилось! К тому же он сроду не зазнавался и не гнушался низкой работы. Делал из фляжки глоток, с ледяной крошкой намешанной, запретной воды и нырял, смеясь. Вынырнув, со смехом в одной руке раскалывал, они так не могли.

Увидев при первом визите в Шаманию элегантный и острожный, привычный нырок Пажа, сиганувшего с лёгкой плоскодонки, – она даже не покачнулась, – Гром уже понял, как сильно на повороте Краснобая его занесло…

Как далеко продолжало уносить течением. Сквозь миазмы, испарения, гейзеры… Призраки, призраки…

Бурлила Шамания, исходила неморскими туманами, призраки вместо хищных теней, обитали в курительных, навязчивых туманах.

Лодочник примолк и вёл плоскодонку, уйдя в себя, лишь изредка поправляя курс широким веслом.

Оставшаяся от коллекционерских пристрастий, кожаная одежда Грома отсырела

совсем, холодная, потёртая, рваная. Жилетка, рваные на коленях, грубые штаны, не зашивал, так удобнее. Терпел, ёжился, она мокрая прижимала к нему густонаселённые, необитаемые города.

Человек из одного сумрачного проёма затем представал во всех подряд, и на стенах, и на Хароне…

Влага от корней предъявляет Впечатление не как обычная вода: плавно и единожды, а порывами в зависимости от человека и его состояния, через неравномерные паузы. Состояние Грома было таково, что призраки водили хороводы в нём, наплывали, увеличивались, тонули… В нём, Громе. Как заведённые…

Вот женщина… Из какого века родом она? Встречает кого-то, руки навстречу протягивает в дверях. Простой, естественный жест, без какой бы то ни было агрессии. Грома он измучил хуже всех вместе взятых. Отовсюду – она протягивает руки… Вздрогнув, Гром отшатнулся, и лодка едва не черпнула бортом. Харон рассмеялся, и взглядом указал на пластиковый балахон под ногами, покрутив свободной рукой у виска: не пора добавить здравого смысла? Нет.

Каменные дома стоят плотно. В следующем проёме старик… Ещё один, в пару к женщине этой!.. Встречает кого-то в дверях, с трудом на корточки присев, тянет руку. Внучка привели или с прогулки прибежала его старая собака? Не поймёшь, обнять хочет или лакомство даёт…

«А ведь это я не могу понять, дитя я перед ним или собака… Звери оставляли Впечатления? Как страшно выглядит осиротевший жест. Как когда Бурану руку отрубили… Долго восстанавливался. Расчленённое одинаково страшно, Впечатление или тело, или отражения в осколках… Или слова, как когда Амиго отравился и бредил. Обычные слова. Он даже улыбался, но они ни к чему, ни зачем… Отрезанные…»

Гром был отрезанным. Бросать новенького на других не в правилах Пажа, он действительно не сумел вовремя вернуться.

Неудачно вынырнул до течения, потащило обратно ко дну. Слишком холодное течение, чтоб на дракона сразу. Надо плыть заново туда, где замедлится, потеплеет, мимо горячих источников повторить круг… Не успел.

Ещё призрак встречающий! Раскидывающий руки!..

«Бррр… Почему они не на месте стоят, а налетают?!»

– Ой! Виноват, чёрт!..

Едва не перевернулись.

– Переоденься, а? – не выдержал лодочник, грубо возвращённый из меланхоличных грёз. – Здесь не грабят!

«Тем более такое…» – добавил он про себя.

Гром отрицательно качнул головой. И Харон подумал, без иронии, что Паж умеет находить и выбирать.

Города не средневековые, позже. Окна велики. Иные, как витрины без стёкол.

Проплывали четвёртый город от рамы.

Похоже на торговые ряды. Козырьки сохранились, верёвки для товара свисают.

Те города были как жилые, едва улочка началась, как, глядь, аккуратная площадь с затопленными скамейками. Харон ведёт рывками, чертыхаясь на них. Не выше пяти этажей дома.

Этот четвёртый город промежуточный какой-то, театральный, развлекательно-торговый. За

ним будет самый крупный, растянутый, заводской, смертельно тоскливый. Не город, а промзона. По сторонам хоть не гляди.

Вот и он, пятый. Они плыли и плыли вдоль глухой стены, вдоль забора, опять стены, забора… Мрак какой, тоска.

«Неужели проход? Ворота. Для погрузки? Зачем Восходящему так точно всё воспроизводить? Фантазии мало?»

Нет, тяга к аутентичности и недоверие к себе. Выкину, а вдруг там что-то важное было.

Для больших механизмов ангары… «Для роботов?» Разумеется, не для дроидов же!

От скуки заплыли внутрь. Та же стена… Ангар… Цеха сквозные. Рулонные двери подняты, заклинены навсегда, выломаны замки. Кто-то позаботился о свободной проницаемости всех городов Шамании. Забор… Ангар… Выматывающе долго. Вся разница, что продолжали движение под крышей, в сумраке.

«Оно никогда не кончится!»

Через следующие ворота вернулись в проулок. В конце его показались глинистые размытые поля, как долгожданное избавление.

– Они имеют названия? – зачем-то спросил Гром про города, вовсе их названиями не интересуясь.

Харон честно попытался припомнить. Течение влекло их ровно и в нужном направлении, он сел, весло положил.

– Имели… Слышал что-то такое… У тебя бывали проблемы с памятью? Будут!.. Как же их называли… Ты лучше у Пажа спроси, он светлячком только прикидывается!

Из унылых стен промышленного района, соединённых на уровне второго этажа мостами или рельсами без подложки, город уже готов был их выпустить навстречу тусклому свету затопленной равнины.

Быстро не получалось.

Именно тут течение начало швырять лодку от стены к стене. Блочные, бетонные. Плесенью тянет.

Харон ожил, правил путь. Веслом, как веслом, как шестом, разок и как якорем: заклинил его в щели, и отдышался, озираясь, не легче ли проплыть внутри последним ангаром. Но там ворот нет. Придётся через стену

перелезать, лодку перетаскивать, всё отработано, а лишний труд. Шаманийцы не уважают лишних телодвижений. Вытащил весло, оттолкнулся. Плоскодонка заходила ходуном, со скрежетом прошлась по какой-то мели, и течением была разом прибита к противоположной стене. И там ангар, и там через стену перетаскивать. Харон плюнул: переупрямлю я тебя! Продольно и поперечно шатающуюся, скорлупку проулком повёл…

Ура, воля.

02.03

Поля мелководья, в гейзерах и «позёмках» испарений. Горизонт ровный на все четыре стороны. Пасмурное серое небо смотрело на пасмурную, глинистую, серую равнину Шамании, отражаясь в дельте, разбежавшихся по ней, протоков. В отдалении слились, разровняли её и себя неспокойным, болотистым разливом.

Но снаружи было, по крайней мере, тихо, бурление не резонировало в пустых стенах.

На смену ему пришло буханье всплывающих пузырей. Размером с воздушные шары. А иные с аэростаты! Глубоких-то мест нет, и омуты не глубоки, самое большее в два человеческих

роста. А это чудо природы выходило из мути так постепенно, что лодочник успевал обойти, заметив известковое посветление, и путешественников всего лишь покачивало добежавшими волнами. Пузыри шли как что-то тяжёлое сквозь воду, вязкое…

– А если прыгнуть в него? – спросил Гром у лодочника.

– Ууу… Я услышу от Пажа поболе пары ласковых… Но нырять за тобой даже не подумаю.

– Там не дно?

– Где как… Пузыри поднимаются от тех же каштанов, но из болота… Чёрт знает, с какой глубины.

– И за ними никто никогда не нырял? Что за корни в них, что за Впечатления?

– Нырять ныряли… Приносить не приносили… Видимо, потребляли прямо там! Видно, стоящие каштаны! Но, знаешь что, ты попробуй их, когда свою лодочку будешь водить, договорились?

Целая связка таких шаров поднялась последовательными, захватившими их меловыми кругами… Бух. Бух… Бу-бух… Лодка заплясала. А

нечего на разговоры отвлекаться.

Гром из любопытства глубже вдохнул, надеясь различить что-то в сырости болотного, с глубин вышедшего воздуха. Не успел увидеть, помутилось в голове. Шамания!.. Таких галлюцинаций у него даже в бреду от глубоководного яда не бывало…

Сильная галлюцинация… Гром внезапно явственно понял, что если прямо сейчас не прикрутить правую руку, гайки не затянуть в плече, она отвалится! И улетит. Если сделать ещё полный оборот ею назад… Какой оборот? Суставы так не двигаются. Но роллетную дверь открывая, он их уже сто тысяч сделал… И самое смешное, что он даже явственно в левой трёхпалой руке ощутил что-то вроде гаечного ключа! Вздрогнул, спешил, волнуясь не как робот, как зазевавшийся человек…

Почудится же! Призраки отступили, до чего испугался руку потерять! Отпустило в миг, как и помстилось.

Однако что он заметил, когда уже вышли на спокойную воду… Харон перехватил весло как-то странно для тяжёлой вещи, не стилус ведь это, не платок у танцовщицы: тремя пальцами левой руки. Рога указательного и мизинца свободны.

На фоне затопленных, серых полей, заслонив всё предыдущие Впечатления, с сырым ветром долетело одно. Свежее, старое, отчётливое. С помойки.

Когда-то Паж, уронил тут соляшки не кибер-эпохи.

Видение человека на трибуне. Он говорит, эмоционально говорит, и вдруг, в отличие от тех призраков, не протягивает, а резко роняет руки. И запрокидывает голову, будто дракона пытается позвать. С широко раскрывшимися, стекленеющими глазами. Красное разлетается не из, а на месте груди, и свирепая радость разлетается. Торжество того, кто стрелял, кто оставил это Впечатление, сохранившее детали и чувства. Эмоция дожила до засоления в корне. Видение опрокидывается, кричит множеством голосов, и красное заливает серое, поля, Грому глаза… Специфическое зрелище для изгнанника, не ведающего о Рынке Ноу Стоп.

– А это? – встряхнулся он, указывая вдаль.

А там маячила уже непосредственно Шамания. Скала. Вход.

Ветер подул сильней, Гром дрожал от холода, но одежда высыхала, стало легче думать и дышать. «Да, – подумал он, с удовольствием

ощущая свободное движение грудной клетки, – незваных гостей шаманийцы могут не опасаться!..»

Искоса Харон взглянул на его повеселевшее лицо, хмыкнув про себя: «Упрямец!..»

Точно, могут не опасаться. Без учёта и того, что Белые-то Драконы к Шамании не подлетают.

Человек, проведший в отношении запечатлённой водой информации сравнительное исследование, обнаружил бы, но вряд ли смог объяснить такую закономерность...

Ставшее обыкновенным корнем, обыкновенное Впечатление кратко, сухо, формально, лишено эмоций. Запретное – оглушительно ярко. И засолонению подвергаются, похоже, лишь негативные эмоции, выборочно. Кто, что выбирает?..

Радость, значит, первой испаряется из открытой чашки. Как и организм полудроида усваивает вкусные, оптимистические верхние ноты в букете свежими, сразу. Они летучи. Следом раскроется букет ароматов, от

совокупного богатства до ординарного послевкусия.

Ну как, встречая улыбку незнакомца, в первую очередь принимаешь к сведению лишь. Оценки после, что за человек, богат ли, беден, твоего ли круга, подружитесь ли, подерётесь… Искренна ли улыбка, оценишь потом. Таким образом, замок достраивают под флагом, который гордо полощется на башне! Достраивают между вершиной и фундаментом – дворец необусловленной радости бытия.

И обратное верно.

В откровенно запретных Впечатлениях, совсем свежих, проливающихся из туч, эмоции не так уж ярки. Дурные чувства приглушены, тесно перепутаны с цветами и формами, слышимым и зримым. Отдельно она как бы ничто, злая радость запретных Впечатлений… Запретная вода, омрачённая подспудно. Без понимания сюжета, кто знает, что это злая радость? Можно заметить, что невнятная какая-то. Малорадостная. Она будто сама себя отталкивает, сама себя пытается прекратить…

Поэтому разными ухищрениями: от перца до ножей подстёгивают остроту на Ноу Стоп.

С каштанами этого не требуется.

В Шамании приспособление и напиток едины – каштан. Вторая скорлупа его, наросшая на воздухе довольно тонка, чтоб раствориться в горле и довольна остра, чтоб раскрыть корень ярко. Быстро.

Так сложилось по-природе, выбора в этом смысле у шаманийцев нет. Засолонённое до предела, рафинированное зло, каштаны избыточно ярки… Избыточно экспрессивен и способ употребления, превосходящий самые смелые фантазии Рынка Ноу Стоп. Новоприбывшие принимают за дурную шутку. За фокус. Но это не фокус.

Колючий каштан величиной до полкулака они глотают, не запивая.

И – транс… Бубны… Как направление к выходу… Как анестезия… Как поддержка стремительным потокам огоньков регенерации, ритм.

При таком количестве внутренних повреждений дроиды регенерации задумываются: восстанавливать или пора разбирать тело?

Шамания может существовать исключительно как общность, община людей. «Лунный круг» безусловного доверия.

Шаманийцы великолепно чувствуют как весь круг, так и лунные бубны, акустику. И того, ради кого в этот раз собрались. Экстатического танцора. Способен пройти «каштан навылет»? Требуется срочно возвращать?

Влага корня Впечатления из каштана выходит. Соль, проступая на коже, отнимает обратно. Вытягивает и влагу, бывшую в теле… Шаманиец по выходу из транса весь в соли, как под инеем. Не у каждого остаются силы даже самостоятельно умыться.

Зачем они такое вообще проделывают, речь впереди.

В погоне за кайфом.

Скала в равной мере напоминала природное образование и рукотворное сооружение, вдохновлённое им, но не замаскированное под него. Очень ровно разбегались по тёмному камню трещины. На первый взгляд – кладка, на второй – крупней, чем люди выбрали бы, людям такие глыбы не поднять. Трещины тонкие, не стыки раствором замазанные, а чёткая сеть, наброшенная в виде произвольной кладки. Камень – яшма, бурая с красновато-рыжими прожилками. Перед случайным взглядом

высился остров, цельная скала. Не причалить. Разве чудом, но на вершину и чудом не забраться.

А на вершину и не нужно. Шамания внизу. В этом облачном рынке нарушаются условности ландшафтно-закономерного мира. Под землёй следующая земля под следующим небом Шамании.

Вечное полнолуние… Оно повсеместно. О скалу плещут волны, на них ниоткуда ложиться потусторонний слабый свет. От луны, которой не бывает на верхнем небе постоянного пасмурного дня, не бывает и на подземном, всегда полночном небе. Где лунные бубны, сияя, низко над землёй висят.

С лица скалы, обращённого к городам, течение позволяло подойти к ней вплотную и заметить канаты, свисающие с причала, оставшегося на прежнем, высоком уровне воды. Что заставляло задуматься о причине затопления городов… Какая-то плотина ограждала их от большого озера. Она рухнула одновременно наружу и в нижний мир? Озеро, разлившись, достигнув рамы, откатывалось в обратный путь, чтоб низвергнуться под скалу водопадом?

По толстым канатам с узлами можно забраться и побродить по каменным залам крепости, вырубленной в скале. Ничего интересного. Ни вещичек, ни особых свойств полей. Столы да сиденья огромные, из камня вырубленные. Причём не вокруг столов, а вдоль стен. Ни пыли, ни разрухи, а всё же: где природное, плесенью не тянет, где обитаемое тянет ею… В прошлый раз с Пажом осмотрели. Теперь Харон повёл лодку сразу вокруг.

Человек несведущий, попав сюда, обогнул бы скальный остров, держась от шума водопада подальше. После оставалось бы ему, на вёслах возвращаться к раме. Ангарами, пригородами, где течение слабей… Где светлячки провожают лодку неестественно большими, тёмными глазами… Не горят глаза, в этом смысле они естественны, как у обычных людей. Их глубокая, остановившаяся осмысленность не допускает в того, кто столкнулся со светлячком, ни страха, ни пренебрежения. Пусть он сияет весь, пускай ненормально, бессмысленно движется. Не ответит, не услышит. Но он смотрит на тебя…

Гром вспомнил, Паж потихоньку начал сводить его с шаманийцами на континенте, когда Зэт, парень одну букву оставивший себе от полного имени, попавший в Шаманию тайком, без приглашения, признался, что день потратил, исповедуясь светлячку!.. «Всю жизнь ему

рассказал! Хотя сразу… Да, сразу, с первых минут, я-то и видел, что он ничего не понимает! Что он не из тех, кого ищу. А будто слышит, будто глубже понимает, чем я сам про себя…» Гром подумал тогда: «Потому ты и рассказывал, что уверился сразу: он не слышит…»

Обогнув крепость на полкруга, Харон повёл лодку прямо к пенящейся черте водопада, с водной пылью над ней. По лунным бликам повёл.

Гром знал, что не упадут… Но иллюзия посильней отрывающейся руки, которую надо срочно гаечным ключом прикрутить на место. Иллюзорная уверенность в том, что водопад низвергается в область Там. В недостижимую область Там, то есть без возврата.

Стоило лодке слегка царапнуть дном камни порога, сонный лодочник проявил шаманийскую живость, сверхчеловеческую. Этой манипуляции с причаливанием Гром не скоро научится, и в подробностях не сразу разглядит.

Канат с альпинистской кошкой взвился, ударил в расщелину скалы, и вот уже лодка сохнет, качается на нём. А Харон, как при похищении, выдернувший Грома за запястье,

стоит у порога на краю, в стороне от низвергающегося массива воды. Темно, чуть погодить следует, пока глаза адаптируются к темноте.

Они сейчас отправятся вниз по ступеням водопада, справа от основного потока, широким, опасным, но даже единого человека не погубившим путём. Однако впечатляет. Как два паука-сенокосца прошли они в расщелину и оказались в темноте, заполненной шумом и журчанием.

Каскадный водопад. Перемежаемый площадками ровного течения. Ступени не угадать природные, высеченные? Скользкие. Гром каждый раз изумлялся, спустившись или взойдя благополучно.

Глаза подстроились, и он узрел небывалое. Удостоверился, что не показалось. Огоньки дроидов, не в воздухе и не в тумане. Огоньки дроидов утонувшие в воде. Красные. Смываемые водой. Рассыпанные по уступам, сгоняемые вниз и не кончающиеся. Они были крупные и они дрожали.

Водопад - своего рода фильтр: шаманиец ты или чужак? Или уже светлячок? Пройти его способен? Пока стоишь на ногах, ты человек. Если на них спустился в Шаманию, ты человек, хоть бы горел истощением безнадёжно

забуксовавшей регенерации целиком насквозь.

Паж сбегал вдоль по водопаду вприпрыжку, он особенный. Харон ступал осторожно, и у Грома нашлось время рассмотреть своды пещеры, с каждым шагом отдаляющиеся в темноту.

Сосульками нацеленных сталактитов нет. Конденсат испарений образовал «иксы» кристаллов. Гигантские, как опорные балки, на них такие же иксы мельче и мельче. Не равноугольные, разной степени сплюснутости. Красновато-ржавые балки иксов непрозрачны, бурые с яркими точками алых вкраплений. Отражаются красные огоньки? Вмёрзли как в лёд?

Своды слились в матовый купол. Вроде бутылки тёмного стекла, травлёного до матовости, с пропусками лучистых иксиков, крестиков, звёзд четырёхконечных. Под сводами гуляло алое зарево. Останавливалось, когда останавливался Гром, как луна, сопровождающая путешественника. Уплотнялось в кружево, как морось сливается в лужи и ручейки. Следующий шаг Грома, вынуждавший его смотреть под ноги, обнулял процесс, заставлял кружево растаять. Кажимость, не физический процесс? Остановка

повторяла цикл.

Гром уставился в своды. Зарево приобрело симметрию, остановилось. Он не знал этих слов. Этой аббревиатуры. Пройдя века, она стёрлась из человеческой памяти на заре эпохи автономных дроидов. Да, лужица овальная, перед ней и за ней одинаковые ручейки: сверху левые полувосьмёрки и правые внизу. Читается как: «sos». Во весь купол зарево.

На лоб Грому упала красная световая капля, потекла… Исчезла раньше, чем успел стереть.

Гром не знал и обозначения, возникшего позже. Узкого, специального sos. Актуального на протяжении сотни лет каннибализма.

Когда Отрезанный Город стал непредсказуемым лабиринтом укреплённых апартаментов, переходом между ними, «батутов», «лифтов», «парализующих залов», где, согласно наименованию, невозможно ни злое, ни спасительное. Этот sos писали на стенах, на клочках бумаги, страницах книг, нумерованных со смыслом и наудачу. Его писали для собратьев по несчастью, унесённых, как живой корм в кладовку. Писали для задумавших побег, решившихся, заплутавших, для поверивших

напрасно врагу своего врага. Писали бескорыстно. Указатели, подсказки. То же самое «sos», но нижний конец «s» первого и начал «s» второго стрелками указывают в «О», что означает: беги! Спасай себя.

Алое зарево отступало. Прохладный лунный свет лился снизу, от подножия лестницы, принося облегчение. В самом деле: прохладный лунный свет… Бессметны определения, ухватившие суть. Бубны-луны, и «бум-бум…» их глухое, освежающее целебно.

Водопад остался слева и ушёл в землю. Гром и Харон стояли на земле Шамании. Лунные бубны над горизонтом светили в их лица. Далеко, ещё идти и идти.

«Прохладная бесприютность… – подумал Гром. – В пещерах-то я пожил. Так не бывает ни в норах, ни в огроменных пещерах. Лишь под открытым небом».

Причин к беспокойству нет, но изнутри в рёбра колотилось настойчивое желание откинуться и песней вызвать Белого Дракона. Порыв, настигающий полудроида всюду, куда Белого Дракона призвать невозможно.

Они шли на свет лунных бубнов, а те уменьшались. До размера, что можно держать в руке.

«Словно был задуман такой световой, сценический эффект, ради лучшей видимости издалека».

Версия реалистичная, но слишком приземлённая. Их сияние, распространявшееся правильными овалами, горизонтально сплюснутыми, когда бубен молчал, и рябыми, когда мембрана дрожала под ударами пальцев и открытой ладони, был подлинно мистичен. Проще поверить, что отвердел, превратившись в бубны, свет настоящей луны. Что богиня луны подарила их людям. Особенно когда ладонь вела глухие размеренные «бум-бум…», и ореол, выправляя сплюснутость, достигал идеального круга, охватывал вибрирующей тяжестью, упором отдавался в межбровье, мешал на бубен прямо смотреть.

Остовы низкорослых деревьев. Контражур подчёркивал их причудливую, посмертную грацию.

Бессознательное, подавленное желание

умчать на Белом Драконе, направляло взгляд ввысь. Звёзды… Мелкие, бессчётные, как иголками проткнутые, едва различимые звёзды… Россыпь…

Потянуло прохладой и сразу… – уголком Краснобая. Конфетным рядом запахло, Оу-Вау, патоками ароматизированными, сладостями… Это во мраке они с Хароном дошли до общинных складов. Тайники в земле, в Шамании – не личное и не секретное.

Прохлада шла из-под ног. «Ледники-тайники», земля Шамаш очень холодная, копни её, на локоть в глубину уже лёд. Оформлены богато, ледники высланы тканями «по-желанию» – цвета в скрытой механике, узоры, золототканая, ручной работы парча. «Пеги-парашюты» и «позывные свистки» – снаряжение, желательное для попадания за раму этого рынка. Парашюты ещё и подходящее, чтоб над своим Белым Драконом поиздеваться…

И сладости. Роскошь?.. На самом деле – нисколько.

Повсеместен до безнадёжности в Шамании настоящий запах холодной, уснувшей земли, не ждущей ни весны, ни рассвета. Сахар тут – фактически лекарство. Настоящее лекарство для души. Даже по периметру шаманийского круга, на нижних ломанных, корявых сучьях развешены

гроздья простых сахарных конфет кое-где. Сахарные капли на нитках. Те, что при срочности. Но и они пахли, как земля Шамании, холодные, как она.

Круг парней, лунный круг. У всех бубны. Собственно периметр – оставшиеся на ветвях сиять луны…

Мимо проходя, Гром коснулся пальцами, провёл… Как по боку зверя… Живого… Тугого, крепкого зверя, полного жизни, готового заурчать и зарычать.

«Или Шамания настолько холодна, что они кажутся теплы?»

Гром зашёл в круг, и каждый, – без особых церемоний, но каждый, – протянул ему руку, кто, вставая, кто нет. Собралось их на этот раз около трёх десятков человек в окончательной, так именуемой Шамании.

02.04

Что же там, в каштанах? История.

Переломный момент.

Расцвет кибер-технологий, предпоследняя эпоха разбрызнута по каштанам, засолена во множестве острых осколков. Дроидская система ценностей их скопом отнесла к запретному не без оснований. Хотя всегда смущает то, что – скопом.

Резкий взлёт технического прогресса травмировал коллективистское начало в людях. Передал автономным дроидам его благую потенциальность, от дурной не защитив. Давным-давно воплощение научных изобретений зависело не от сотрудничества многих специалистов, а от дроидов и Кроноса – дроида плазмы взаимодействия.

Столетие каннибализма и финал невмешательства дроидов подошли вплотную.

Могло быть хуже. Когда в людях окончательно возобладала звериная часть, так счастливо сложились обстоятельства, что дроидские технологии доступны вполне только дроидскому же пониманию, их инструментам. Повезло.

Да и оцифровка старого мира, сохранение его посредством облачных банков Впечатлений по большому счёту интерес дроидов, как сохранение всего на свете. Они желали законсервировать прошлое. Люди – меняться.

Ради того же самого, что и во все века, власти над другими людьми.

Эпоха высших дроидов извлекала осколки кибер-эпохи, а люди не отдавали. Некоторые, вроде шаманийцев.

Для полудроидов кибер-механика в лучшем случае бесполезна. Чаще вредна.

Для дроидов – обидна! Абсурдна.

При её задействовании выходит, что технические дроиды в теле служат кибер-приспособлениям, кибер-деталям. Очень часто при этом прямо или косвенно служат встроенному оружию.

Какому, например? Например, мании шаманийской – резакам стрижей, «обеспечивающих общественный порядок», «простых, не рассуждающих служак закона»… Надсмотрщиков и палачей. В терминальной фазе резаки стали ножом мясника, вместе: крыльями и клыками летучих хищников, уже совсем без идеологии. Славно они тогда порезвились. Впрочем, на скуку это племя не жаловалось ни в одну из эпох.

«Дай мне повод!..» – ухмыляется честный

хулиган, и никого над ним нету. «И не впервые во враге я друга узнаю…» – были когда-то такие строчки, где разбойник с разбойником схлестнулись и сдружились…

«Мне был дан приказ…» – говорит это подлое племя.

Объясняясь, если хвост прищемили, тогда открывает рот, всегда о прошлом. О будущем оно не говорит ни до, ни после «службы»… Кто бы объяснил почему? Да врёт к тому же. Тебе? Приказ?.. Ха-ха. Форму сними… Вот уже и не тебе! Вот уже и не приказ! Но зачем же её снимать, такую удобную, такую кибер-форму?..

Побочный эффект тесной взаимозависимости людей - узкая специализация разных сословий.

Во все времена это сословие, слуг царёвых, блюстителей порядка, противопоставляло себя, и по факту было противопоставлено основной массе людей.

«Блюстители» – обычное, нормальное слово, а вот – «порядка»… Понятие растяжимое, легко выворачивающееся наизнанку. О смысле «порядка» при всём желании окончательно договориться нельзя. Исходно фальшивое положение складывается, на всех не угодишь. Да,

но не обязательно и примерять эту роль, никто не неволит. А они, примерившие погоны, пушки и резаки, они-то как раз неволят. Они инструмент насилия.

Как только их не называли, как только они сами не называли себя, суть не менялась. В редких благополучных годах и странах обидное прозвище могло сосуществовать с неподдельным и заслуженным уважением. Во всех остальных пышное официальное прозвание тянуло за собой шлейф общей нутряной ненависти.

На рубеже эпох звали это сословие не уничижительно и не уважительно, а по внешнему образу, отвлечённо – «стрижи».

Очень плохой знак.

Когда проклинают – ещё взаимодействуют, ещё диалог, надежда какая-то. А когда начинают упоминать эпитетами, как про дьявола, «рогатый, нечистый», наступил полный неконтакт. Разрыв настолько велик, что угроза перешла в область магического мышления: не упоминать по возможности, прямо не называть, не накликать.

Глобализация свершилась, урбанизация тоже. Их совершила невыгодность информационного и энергетического обособления. Единый земной шар, единая нация, город «на-над» землёй – Отрезанный Город. Над ним Клык, в Клыке – стрижи. Снизу его не видно. Откуда срываются? Откуда на головы падают, чтобы состричь и исчезнуть? Где их лица? Как узнать стрижа, с кого спросить за его дела?

Нет, жизнь была вольной, весёлой и полнокровной, вот только отнять её могли в любой момент. А уж какой полнокровной она была для стрижей!

Чего не было в них, конкретно в стрижах, уже и номинально не «блюстителях порядка», традиционных лицемерных оправданий: зачем они такие необходимы на свете, как хуже было бы без них… Стрижи были тупо элитой, отбиравшейся тупо по силе, а пропускала сквозь фильтр их туповатая беспринципность, всё. Беспрекословную исполнительность, идеологию, сплочённость, верность, высокую оплату, личную безопасность… – всё заменила кибер-форма. Конкретные задания и те редкость для них. Летайте, стрижи, стригите. Кто дал вам резаки, подберёт, что надо ему. Не оглядывайтесь, стрижи, не задумывайтесь. Веселитесь, ребятки.

Прежде «блюстители порядка» охотились на прохожих и грабили лавочников, отдавая

вышестоящему начальству мзду, и себя не обижая. Ничего не изменилось. Технологии довели схему до автоматизма.

Самое время упомянуть, что именно было добычей и мздой.

Существуют на свете вопросы «не имеющие ответов». Под замшелой формулировкой, если раздвинуть кладбищенские заросли и копнуть слегка, скрывается надгробная плита надежды. На ней пропущено главное слово: не имеющие «положительных» ответов. Короче, ситуации, вход в которые от века широко распахнут, а выхода нет. Признавать же этого не хочется…

Один их таких вопросов, проблема «коллективной ответственности». Какая «проблема», когда по-настоящему нет ни «коллектива», ни «ответственности»? Ан, не так всё просто.

Примыкающая проблема – «наркомания». Идеологическая, физическая, разница не особо велика. Мозг человека конструкция принципиально неудовлетворительная. Можно добавить море уточнений, но главное сказано – неудовлетворяющая. Отсутствует автоматический режим пребывания в довольствии и покое! Его

нужно найти как рецепт, настроить, применить, поддерживать. Разве это справедливо? Булыжник счастливее, лежит себе и лежит!

Эти две проблемы дошли до своего апогея в предпоследнюю эпоху. До вершины дошли и устроили на ней праздничный салют нерефлексирующего канибализма!

Положительного решения такие проблемы не имеют, потому что нет вины. Не знают за собой вины люди, берущие то же, что берут все вокруг, берущие доверчиво. Доверчивость не вина. Личная храбрость и постоянный анализ происходящего – не обязанность. Как невиновен и тот, кто однажды налил, вдохнул или вколол наслаждение прямо в мозг, а затем не смог или не захотел остановиться. Ему действительно надо, ему, правда, так лучше, и в этом нет вины.

Предпоследняя, эпоха стрижей расслоила проблемы традиционно: личная наркомания сверху для сотен людей, коллективная наркомания снизу для миллионов. Она же коллективная ответственность за сложившуюся ситуацию, за пассивность.

И то, и другое доведено до абсолюта. Каков же абсолют?

Внизу обычные люди в плане жизни и смерти уже совсем ничего не решали. Без рассуждений жили, брали, что дают, и пришли к тому, к чему пришли. Теперь они пейзаж, пастбище, кормовая база.

Сверху элита «профессоров» не имела, перед кем отчитываться. Ограничений в экспериментах не имела, моральные пределы растворились, как утренний туман, с подотчётностью вместе, кстати, о морали.

Кастовое неравенство, поддержанное кибер-механикой, достойно было названия не кастового, а видового!

Элиты «профессора» больше не притворялись избираемыми народом и заботящимися о нём. Массы не имели влияния на них и понимали это.

Как стадо антилоп паслось от леопардов, ото львов неподалёку. Перекраситься в леопарды? Это да, это возможно, кому интересно, кто готов рискнуть. Зовут иногда. Вербовщик есть. О нём нескоро речь. На стадионе, на представлении, награждении победителей конкурса человек мог получить визитку, "вызов". Не приказующий, отнюдь, но и обратного пути нет.

Да нужен ли корм в эпоху автономных дроидов? Нет, конечно. Давно уже нет, как и в эпоху высших – жизнь поддерживает немного любой влаги. Так что Отрезанный Город не пастбище, плантация – чистый кокаин!

Любопытство, излишества, жажда власти. Это что ли новость? «Общество потребления» изругали, как могли, устали ругать, а оно всё цвело и плодоносило. С каждым сезоном всё более сладкими и ядовитыми плодами.

Кокаин, именно. На какое-то время сочетание огоньков дроидов с кибер-механикой позволило решить принципиально нерешаемую проблему: опьянение без зависимости, деградации и ломки.

Почему без деградации понятно, дроиды регенерации работали. Без зависимости почему? Без повышения дозы? Да повышать некуда! Они взяли верхнюю планку и оставались на ней.

Пока дроиды не ударили топором по основанию виселицы, и не обрушили всю конструкцию, раз так, то так, к чертям.

Природа «кокаина»? Тут плохие новости…

«Единственная роскошь в мире – это

роскошь человеческого общения…» Пик сарказма это выражение. «Общения»… Ну, да… Широко понимаемого, традиционно сводимого в узкую тему, острую, как стижиный резак, оселком безнаказанности сводимую.

Угадать их нетрудно, новости-старости, старые, как мир. Насилие было инструментом, оно же целью. Вышедший на первый план мотивирующий, возбуждающий побочный эффект.

Стрижам, – этим кошмарам широких бульваров, этому ужасу обывателей, – доставались крупицы с барского стола! От блюд, подаваемых «профессорам».

Информация как высшая ценность – неоспоримый факт. Собирать её всю в одном формате и носить в себе, было громадной ошибкой, да кто бы сомневался. С самого начала предупреждали. Но однажды варианты закончились: информация и тело стали единым целым. Вопрос: жизнь или кошелёк, потерял смысл. Все науки сделались прикладными к трансформированию себя.

Если одним словом: стрижиная эпоха – время экспериментов на людях.

Логично к ней привели эксперименты на животных. Логично она привела к эпохе тупого, необузданного каннибализма. Эта пружина должна была сорваться. Пружина вранья, жутчайшей лицемерной раздвоенности ума и совести. Лжи, лжи, лжи.

Так долго мир боялся, что его погубят учёные-военные, а едва не уничтожили учёные-медики!

Так часто власть над государствами захватывали военные, а над миром захватили «профессора»!

Характерно, если у военных оставались какие-то принципы, неограниченная власть «профессоров» доказала, что для высокоразвитых, высокоинтеллектуальных людей совесть - чистейшая химера, не выживающая снаружи колбы страха перед возмездием.

Забавно... Люди вели войны и осуждали войны, вели и осуждали... И судили тех, кто участвовал в них. И осуждали тех, кто участвовал «не по правилам». Бред, лютый бред! Одно лишь понятие «военный преступник» чего стоит! Масло масляное, плевок, пощёчина здравому

смыслу. Но однажды здравый смысл расквитался за все унижения.

Ставили памятники полководцам, сносили памятники… Изобретали бомбы, раскаивались… Вертелись в гробах, обзываемые чудовищами, нелюдями и людоедами. Несчастные заигравшиеся мальчишки, разбомбившие и расстрелявшие, ну, сотни, ну, тысячи человек, а иные лично и вовсе никого…

А в это время, «на благо науки», «ради победы над страшными болезнями» девушка в белом халате втыкала и втыкала шприц отнюдь не во врагов. В беззащитных малявок, которые болеют, как люди, мучаются и умирают как люди… Кожистые и пушистые, морские и почвенные. Черви, лягушки, медузы, мыши… До бесконечности мыши… Крысы, очаровательные меховые брёвнышки – морские свинки. Приматы, тут вовсе нет слов.

День, неделю или год девушка в белом халате будет наблюдать за их агонией и тщательно записывать в блокнотик. На благо человечества.

Если бы полудроиду рассказали, что нормальный с виду человек может… Нет, он бы

не поверил!.. Может растить и кормить маленькое животное. Затем втыкать в него иглы, резать на части заражать теми болезнями, которых сам надеется избежать. После чего наблюдать, насколько скоро зверёк подохнет, и как именно будет подыхать… Ни один полудроид бы в такое бы не поверил! Самый свирепый борец правого крыла не поверил бы! И дослушивать не стал такой мерзкий бред! А в промышленные масштабы, ежедневные пытки не поверило бы Чудовище Моря.

Вот разница между вивисектором прошлого и полудроидом Рынка Техно, который, не задумываясь, превратит взмахом левой руки человека в детальку…

Когда Свасти принесли живой артефакт, посмотреть на его устройство в линзовом модуляторе, выяснилось, что из таковых подходит – бесповоротно, последовательно разбирающий. Он констатирует путём вычитания, остановки процессов. «Стружкой», «Рубанком» его и называли. Какое-то крупное насекомое, топорщившее лапы и прозрачные, витражные крылья. Хоботок закрученный. Свасти было очень любопытно! Но он отказался, сказав: «Дык?.. Чего вы хотите от меня? Увеличителя во лбу не имею.

Не сувать же его туда, оно похоже на живое». И заказчик не подумал настаивать. Не повезло.

То есть, как в обустройстве мира главенствуют дроиды, так и в полудроидах дроидское начало берёт верх. Определённо без прямого вмешательства со стороны трёх рас, но есть такое дело… Будто проникло в самою ткань, в технические слои и орбиты. Гедонизм с милосердием наконец обрели друг друга, как полный век прожившие влюблённые, став навеки первой расой. «Чтобы милосердие в каждом движенье и красавица в каждом окне»… – мечталось кому-то. Кто-то угадал! Ингредиенты подобраны идеально, эксперимент удался. Где бы ни был, пусть он порадуется…

Ну, приторно, ну, не совсем правда! Не везде и не со всеми… Но с прошлым – не сравнить!

Коллективная ответственность? Конечно, люди брали лекарства. Конечно, большинство без вопросов и сомнений. Да хоть бы и с ними, да хоть бы и в упор спросили его, человек не обязан быть бесконечно храбр. Это называется искушение. Человечество свою дальновидность, сострадательность и мужество попробовало на зуб. Раскусило с лёгкостью, увы, не золото, фальшивая монета.

Генералы кормили «родину» трупами. Учёные – всех. Генералы куда как лучше. Выражение «честь офицера» выигрывает с большим отрывом у «этической приемлемости экспериментов на животных».

Куда шли, туда и пришли. Предлоги не работают в конечном итоге. Хоть миллион раз повтори: на благо людей. Не надо заурядную бессердечность, исследовательский азарт и тягу к лидерству маскировать благими намерениями. Это просто жизнь, научная карьера - добиться успеха, оказаться первым, самым уважаемым, самым основным. Азарт и нечистоплотность. Не надо врать. Тут уж одно из двух, или они – люди, или мы – звери.

Хотели бы «во благо», благим бы путём и шли. А так пришли к сословиям, разошедшимся страшно, необратимо. Пришли к истреблению животного и растительного мира.

Лицемерие… Доминирование фантазий про некое предполагаемое, отдалённое «общее благо», над обычными чувствами – страшное дело. Просмотр в записи, как тех же самых животных для развлечения пинают и давят каблуками – запрещён. Категорически! Пытать же до смерти можно, но – во благо и не забыв надеть белый халат. Иными словами, ради неприкрытого удовольствия нельзя то, что можно ради удовольствия, именуемого научным

любопытством! Прикройтесь!..

Впрочем, у всякого явления есть свои пики, вознесённые над обыденностью, вышедшие за пределы добра и зла.

Так, например, учёные, ставившие эксперименты на себе лично, и дроидами отнесены к вершинам человеческого духа. С дроидской мотивацией, подвергая себя риску, действовали чаще не «профессора», а рядовые медики, посреди войн, эпидемий…

К тотальному ужасу, к уничтожению биосферы привело развитие биотехнологий. А к победе света над тьмой, необусловленности и покоя над болезнями – развитие фундаментальной физики. Ни одна мышка не пострадала! Как только физика вышла из субатомарного на дроидский уровень, тела начали разбираться, исследоваться, чиниться безо всякого вреда для них, без какого бы то ни было ощутимого воздействия. Увы, зверики не дожили. Пустынна Морская Звезда.

Перекодировать тела зверей в матрицы опускать в заснеженную степь, под Великое Море дроиды не стали, памятуя былое. Сохранили схемы, внесли зацикленную поправку,

вычитающую свободную волю, – спонтанное, взаимодействие любой орбиты с любой, – зафиксировали.

Так, через мышек, оно и докатилось к свободному наслаждению стрижей-ловцов. К превосходящему стократно наслаждению «профессоров».

Вместо устаревших физических пыток – эксперименты с кибер-механикой. Вместо кокаина «профессора» наблюдали смертную агонию, растянув её до предела. Почему-зачем? Чтоб каждую стадию разглядеть, на каждой кибер-примочку новую проверить. И потому что кайф, да. Притворяться не перед кем, скрываться не от кого. Сейчас воткну другую кибер-вилку и посмотрю на эффект, насколько смерть замедлит, насколько боль заглушит, усилит…

Их отдых, их кокаин. Нужно для работы. Можно и себе из сейфа взять чуть-чуть… Для расслабления. Мне надо!

Да это ведь не живой человек лежит на растяжке… Это – умерло внизу на бульваре, под резаком стрижа, мы просто из запчастей собрали. А что плачет, воет и дёргается, так это, ну, эксперимент. Как лягушачья лапка под током,

чего особенного?.. Она устала, столько веков дёргалась.

Коллективная ответственность в дроидском осмыслении…

Один высший дроид, – а их жажда служить людям обратна степени их понимания людей, этот же был по дроидским меркам сообразителен, опытен и циничен, – на очередном диспуте по поводу запретного из науки сказал перед четырьмя тронами:

– Закрыть всё.

И привёл такое сравнение… Его спецификой и именем было неактуальное понятие «Детский-Сад». Ища большей активности, дроид поменял специфику и перешёл в семейство Сад, сохранив часть имени.

– Люди образованные в отношении людей, отдавших себя наиболее разумному чистому веселью, находились в том положении, что Трон в Саду. Представьте, что все дроиды семейства сошли с ума и принялись разрушать Впечатления деревьев, цветов… А владыка, – дроид поклонился владыке Сад, – и его ближний круг вместо того, чтобы прекратить безобразие, помогают им и развлекают сумасшедших игрой

на дудочках. Не значит ли это, что они ещё безумней? Человечество истребляло природу тем быстрей, чем умней становилось. А «профессора» пытали лабораторных зверей, исследуя уничтожаемое, уничтожая исследуемое.

– Какой азимут следует из повторённых тобой, общеизвестных вещей? – владыка Сад улыбнулся и нахмурился одновременно.

– То, что Впечатление любого «профессора» должно быть отнесено к запретному по одному этому признаку. Что снаружи, то и внутри. Их целью не было сохранение. Их целью не было уменьшение страданий. Их средства и методы соответствовали друг другу. В запретное. Мой азимут таков.

С технической точки зрения ради чего возникла каста стрижей. Искусственно возникла.

В эпоху высших дроидов после смерти человека они забирают лишь то, что дали сами – Огненный Круг. Распадение умирающего на огоньки дроидов, это и мельчайших дроидов действительное полное распадение.

Прежде было не так.

Дроиды препятствовали экспериментам на

людях. Но - на живых людях! Учёным нужны были не трупы и не живые. Кибер-механика решила этот парадокс.

Земля бульваров, кибер-земля, собирала элементы распадающихся тел. Собирала – незапрещённое, и передавала «профессорам» за «вертушки».

Едва закрутится смерчик распада, его уже собирает кибер-поле, как последнюю стадию законсервированной агонии. Когда стриж взмывает за «вертушки» взмывает, схема зарезанного им человека, так называемая «инфра-ультра» запись, недолговечная, с резаков считывается. Она восстанавливает жертву в той самой фазе – зарезанным, но не умершим! Дальше – дело техники, дальше профессора растягивали агонию на дни и недели, пока не выпотрошат до конца.

Жар влаги, добытой ача, палящий жар дженераль, от которого так сложно отказаться, не имеют ничего общего с тупым однообразным и непреклонным садизмом тех «профессоров»!

Формальная часть исследований состояла в том, чтоб обойти ранее созданных помощников – автономных дроидов! Обойти чинимые ими

препятствия.

Дроиды считали, что кодировать и сохранять они должны «человека исходного» без болезней, без деградации старения, но и без кибер-примочек. Технические дроиды воспроизводят строение тел полностью, до клеточного уровня и глубже, включая системы, которые возможно, не задействуются, или задействуются редко.

Развернулось подспудное, непрекращающееся противоборство дроидских технологий с кибер-технологиями. Со свободной волей людей.

Дроиды думали, как бы сделать, чтоб они себя в стрижей не превращали? Чтоб аллергия, что ли была? Но дроиды не могли запустить в людей аллергию, синтезировать болезнь для кибер-тел! Они пошли другим, умиротворяющим путём, развивая противодействующих дроидов, дроидов регенерации, технических. Тут-то оно в пропасть и покатилось… До самого дна, когда можно стало пожирать и усваивать чужие тела уже безо всякой кибер-поддержки, грубой и медлительной!

Автономные дроиды не могли такого вообразить! Они ещё до стрижей хотели прекратить грабёж, чтоб живой из живого не мог изъять его личностное. «Кровь пить», грубо говоря, Впечатления отнимать. Получилось. Но не

учли, что это им, дроидом, важно, живым и невредимым оставлять объект. Люди же мародёры, а мародёры добивают.

Затем у дроидов был ступор продолжительностью ту самую сотню лет. Ничтожную, по дроидским меркам, впечатляющую по последствиям.

Отрезанный Город завис над стремительно пустеющей землёй.

Жилой город. Учреждения и коммуны парят на ступеньку выше. Проход наверх по ступеням. Выше – никак. Только стрижи и «профессора» взмывают через вертушки. Там научные школы с их стягами, крепости враждующие, и Стриж-Город с Клыком главной башни. Он «профессорских» школ выше, над ним лишь облачное небо.

Белые Драконы уже вернулись, попросили службы, но ещё не обрели её, в процессе согласования.

Облачные хранилища накапливали Впечатления, но не использовались в качестве упорядоченных библиотек. Они были читальными залами туманов, опускающихся на город, орошающими людей снами, реки тумана

текли ночью… Дожди не содержали информации, проливаясь спонтанно.

02.05

Жизнь нижнего, Отрезанного Города протекала в целом мирно и беззаботно.

Профессии развлекательные. Мастеровые приобрели черты компиляторов. Сохранились люди искусства. Равные их совокупному количеству по театрам, площадям, площадкам кучковались разнообразные актёры! Руководитель одной из шестёрки крупных школ был известным, незаурядным актёром… Вербовщик «вербовщиков» стрижей…

Поскольку автономные дроиды уже во всю заведовали жизнеобеспечением, необразованность и легкомыслие народа были его основные черты. Хотя, причём тут дроиды и эпоха.

Взрыв Морской Звезды близился. Рокотал вулкан под широкими городскими бульварами. «Фить-фьюить!..» над ними. «Фьюить!..» Неизбежно, как погода, град, камнепад.

Сразу над Отрезанным Городом ступени от театра к театру, от коммуны к коммуне

кончаются. Там кусок неба с вертушками, над ним уровень «визиток» и «вызовов», «вертушек». Туда «фьюить!..» один за одним стрижи.

Как бы чашу неглубокую представлял собой Отрезанный Город. Жилые районы на дне, общественные выше по краям. Над краями зависли Бастионы конкурирующих научных школ. Их соперничество проявлялось и физически, в системе вертушек, накрывавших чашу города, как плоской крышкой. Над центром чаши реял Стриж-Город.

Для стрижей вертушки – зона турбулентности, всяких аномалий. Как вертолётные лопасти, огромные, полупрозрачные со специфическим упоительным рокотом они резали небо. Вертушки – зона постоянного тестирования: внимателен ли стриж, трезв ли, бодр ли? Не пора ли его самого по шее обвести указательным пальцем в последнем круге почёта? Погоны их, резаки, там же постоянно тестировались каждой из школ независимо, для носителей скрытно.

Конкурирующие научные школы, Бастионы

являлись центрами притяжения Отрезанного Города. Шесть крупных.

Школы хотели чего? Славы, популярности, имиджа удобного для частных пожертвований. Не деньгами, какие деньги, свободная мена артефактами установилась давно. Пожертвований несмертельных, от живых подопытных людей, чтоб не боялись, знали, что зайдут и выйдут. Дроиды препятствовать не станут, как личному выбору, как безопасному делу.

Во многих смыслах служили «профессорам» устраиваемые бессчётные конкурсы. Благотворительные пожертвования, бесплатные раздачи кибер-штучек. Посмотрите, как весело и нестрашно, а не хотите ли…

О, сколько тогда было конкурсов! От удручающе тупых, на скорость разгадывания кроссворда, думать не надо, лишь буквы подставлять, до спортивных, совсем как раньше, бег, прыжки всякие… Конкурсы на тематические монографии, на симпатичные мордочки, на рисунки с закрытыми глазами.

Школы не дурили народ, а честно всеми способами развлекали, как правителям и положено, не забывая собирать дань. Власть, да власть…

Всё при всё поделено. Заведения, притворявшиеся независимыми, равно как и считавшие себя таковыми, находилось под патронатом какой-то из школ.

Искусство актуальное популярно. Записанное, виртуальное, фильмы, игры виртуальные – в меньшем почёте. Стадионы и театры переживали расцвет.

Особенно стадионы. Расширившиеся, усложнившиеся, занимавшие целые районы Отрезанного Города. На них проверялось школами в открытую и оружие, и кибер-приставки, и регенерация в связи с ними, и факторы, препятствующие регенерации.

Прошли те времена, когда конкуренция между школами состояла в обмене публикациями, диспутах и прочем. Наступили времена, когда она выражалось в публичных зрелищных шоу, снабжении их участников специфическими вещами, кибер-допингом, новый-старый спорт.

Потому что… – на экспериментальных, виртуальных моделях дроиды не подтверждали регенерации у кибер-модифицированного и у кибер-атакованного больше, чем на сорок девять процентов! А на стадионе, куда деваться, подтверждали! Советы школ по этой причине

безмерно поощряли разного рода гладиаторские бои.

Большинство заведений не притворялось независимыми. Они представляли собой, будь то громадный стадион, театр, акробатическая труппа или крохотный магазинчик бижутерии, выставочную площадку достижений конкретной школы. Некоторые размещали стенды-вирту, за покупкой перенаправляющие непосредственно в комплекс зданий школы, автоматически выдавая «визитку»... На удивительные стенды ходили по большей части лишь поглазеть, дураков нет! Что визитка на вход работает, а на выход другая нужна, знали даже те, кто совсем ничего не знал и политикой не интересовался.

Но общая степень неведения народа была такова, что о связи стрижей со школами лишь подозревали!

Принципиальных различий в подходах научных школ, как и направлениях не наблюдалось. Подробно рассказывать о гонке вооружений, смысла нет.

Внушение? Нет. С помощью кибер-приспособлений летать и резать отлично получалось, а вот внушать приходилось по старинке. На дроидов школы и не замахивались. Те блюли свой кодекс, жили своей жизнью, смотрели за климатом и основными параметрами, собирали, что им сказано, в пределах актуальных потребностей, в сильно консервативных пределах. Запрос-ответ. От человека конкретный запрос. От дроидов – готовый ответ. А концепция реализации, опорные точки прохождения – не ваше человеческое дело.

Очень смешно получилось с целым рядом запросов от «профессоров» к дроидам на сборку механизмов, регулирующих побуждения, желания. Автономные собрали для глав и советов школ тысячи «гипнозиков»… Абсолютно нерабочих, периодически бьющих током! Шутки дроидов, шуточки! Вредить нельзя, шутить можно.

Дроиды «поисковики-проблем» затягивали поиск неисправности до бесконечности. «Подождите ещё пять минут, благодарим за терпение».

Когда же форма «гипнозика» уставшим и обозлённым лаборантом отдавалась на волю сборщиков… Руководитель, пришед заглянуть, не знал смеяться или плакать!..

Шутить – можно. И намекнуть не грех, попрозрачней, если тонких намёков не понимают.

Борьба шла и в невидимых даже стрижам, непрекращающихся уличных столкновениях за площадь кибер-покрытия бульваров. До сантиметра на каждой улице знал и глава совета, и профессор, и лаборант, где их территория, где нейтральная и где чужая. Ведь это поля, напряжения полей, кодирование информационных сигналов.

Случались нападения на Бастионы школ. Захват лазутчиков. Атаки провокаторов. По фальшивым «вызовам», по фальсифицированным пропускам, созданным на перехваченной частоте. По универсальным, попадающим в разные коды «визиткам».

Всё это мимо широких масс. Тайная жизнь, скрытая. И отбора в школы нет. Он случаен, кто-то кого-то в инкубаторе сделал, да при себе и оставил, кто-то кому-то любовник, кто-то выжившая жертва, прислуга, сгодившаяся в стрижи, выслужившаяся до старости.

«Фить-фьюить!.. Фьюить!..» – проносится стриж над толпой.

Вспоминает каштан, не смотрит на бурлящую воду Харон, наизусть знает, где подбросит лодку, но незачем брать весло, а где надо плавный ход чуть в сторону направить…

«Фить-фью!..»

Пикирует он мысленно, привычно, взмывает, никого не выбрав и не забрав. Не задев никого, разве дуновением ветра. Сейчас выберет пижона из толпы и с ним поиграет… Возможно, на пороге дома обвёдёт резаком горло, возможно, оставит на завтра, чтоб было кого высматривать. Нет, покажет другому стрижу! И – до завтра, чтоб было кого выслеживать обоим, мчаться наперегонки к открытому горлу! Да, так!.. Стрижиные радости.

Человек, с которым играет стриж, может и не догадываться, что лёгкие «фить-фьюить» вьются возле него ради него, а не случайно. Порой при фронтальной атаке стриж показывает жертве лицо на мгновение перед ударом, замедляясь и нанося его не на предельной, а на минимально возможной скорости. Это высший пилотаж.

Сладко вспоминать полёты в мечтах, однако,

сам экстаз – за кадром. Это – не воспроизвести, и за шаг до этого лучше остановиться. Иначе останется пустая неутолённая дрожь в груди, а когда ещё его черёд в лунном круге. Лодка скачет, пассажир вцепился в борта.

На плечах Харона лежат незримо «погоны стрижа». Тяжесть, внезапное исчезновение которой, придавливает и размазывает по безопорности бытия, а наличие возносит.

Потягиваясь, привставая, за угловым домом пора в сторону зарулить, Харон раскидывает руки. От незримых погон расправляется с плеча до указательного пальца каждой руки серп единого крыла. К голове с двух сторон подходит острый край воротником стойкой, заточенной до уголков.

На указательном пальце либо на уголке воротника заканчивается чья-то жизнь. Если на вороте, успей немножко отклонить голову, совершить стремительное завихрение, круг почёта, своей шеей вокруг шеи жертвы. Ах, как это сладко, приятно, кто не пробовал, тому невозможно объяснить! Как освежает предударное ускорение. Как приятно сопротивленье удара, несильного, безошибочного, скользящего. Как смешиваются во «фьюить!..» вскрик резака на вираже, жертвы и самой плоти, обведённой острым крылом… Как короток этот незабываемый звук… И ещё, и ещё…

И сколько угодно! Не приедается… Как пробиться из небытия в жизнь. В чужую жизнь. На несколько мгновений она твоя. Пока ещё существует.

Когда «старстри», старший стриж, кладёт на новичка «стри-погоны», паническая мысль: тяжёлые! А затем… Тяжелы ноги, преступающие по Отрезанному Городу, тяжелы слова доклада, что надо держать в уме, тяжела ночь, когда спишь, а не летаешь. И только погоны, только полёт снимают эту тяжесть, стриж уже давно не принадлежит себе.

Не принадлежали себе и шаманийцы. И тех и других это устраивало вполне. И те и другие не знали, кому же и чему в таком случае они принадлежат. Кто их создатель, какова природа погон и зависимости? Интересовались же этим единицы. Паж, например. Его старый друг, Докстри.

Чем разбираться с дроидами о пределах допустимого, удобней оказалось вывести стрижей. Новую породу людей, с которыми не надо договариваться. Неконтролируемое, но и не

нуждающееся в контроле, узко специфичное сословие. Симбионтов с «профессорами». Иначе говоря, падальщики – «профессора» вывели хищников - стрижей.

Когда старстри учит молодого стрижа атаке, никакого прогресса он не видит.

Давным-давно элита самурайская, феодальная тренировалась на простолюдинах? История циклична.

Учит своим примером. Очертив губительным кругом случайного прохожего, старстри указывает на следующего пешехода вдали: «Повтори. Сделай, как я сделал». Пытаясь, догоняя на скорости великолепной, на вираже, при столкновении стриж не может её сохранить. Он ранит, промахивается, сбивает с ног, отрезает голову полностью, а так не должно быть. Нужно, чтоб едва по коже, чтоб смерчиком утилизирующей-не-регенерации тело ушло в почву...

Старстри повторяет только одно: «Расслабься и – фьюить!.. Обведи. Не напрягайся в ударе, ты весь удар, ты – нож, ты более чем занесён... Расслабься».

Все новички делятся на тех, кто однажды

безо всякой видимой причины воплощает этот совет в дело. Стрижей. И на тех, кто однажды наотрез отказывается повторять попытки. Их участь предрешена.

Младшие стрижи, избегая лобовой атаки, предпочитали начинать рез с пальца. Ударять им, а заканчивать тугим оборотом у шеи. Среднего возраста и опыта стрижи поступали так же. Пристрастие. Сильное…

А вот пожившие, полетавшие шли не за толпой, а против её течения, летели в лобовую, замедлялись пред ударом. За секунды до столкновения жертва могла не только слышать «фьюиии!..» но и увидеть… Как при встрече на шею бросаются. Силой удара человека подбрасывало. Жертва катилась от плеча по резаку, пока указательный палец поймает и не отпустит указательным жестом: в землю. Тебе пора. Смерчик, огоньками дроидов подсвеченный, сузится и канет.

Стрижа уже нет. Он мчит дальше.

Как комета, стриж влечёт за собой хвост

инфракрасно-ультрозвуковой толкучки, затихающего жизненного фона. Мурашками он бежит по рукам, усиливая, укрепляя, опьяняя. Не усваивается. На десятую разве часть. Для стрижа инфра-ультра бессмысленно, нечитаемо. Предназначено информацию хранить.

Когда время придёт направляться в Отрезанный Город, вертикально взлететь, резаки отдадут на «вертушках» код жертвы, записанный в инфра-ультра.

На вертушках посмеются только, если он перебрал. За неслышным ему смехом скажут: «Жадина, хищник какой!» Тогда впервые прозвучит это, сквозь века прошедшее – «хищник». Посмеявшись, возможно сшибутся, за оставленное им, бросятся за хвостом кометы. Для развлечения. Ради сбора беспорядочной, остаточной информации в инфра-ультра-поле.

Стриж даже не заметит! А вот где бои! Размяться хотят время от времени и "профессора" предпоследней эпохи. Не на кафедрах отстаивают свои «научные», в высшей степени практические знания! Их «погонам» нечета простые стрижиные крылья. Их хищничество с наивным стрижиным хищничеством несравнимо.

Политическая согласованность между школами состояла в ненайме стрижей отдельно для каждой. Общее племя, не ведающее, что творит. Захваченное делится на вертушках. Иначе хаос получался. Внутри конкретной школы они вопросы начинают задавать. А зачем? Идут выше, в лаборанты, или в отступники. А те, кто выше и сами «стрижат», стригут толпу под погонами на других скоростях, инструментами другими, по надобности. Что, им ещё и стрижей чужой школы высматривать, обороняться?

Ещё момент договорённости. Внутри домов и заведений, даже если это уличный театр, кафе под зонтиками, стрижам запрещено нападать. Удачная находка. Она позволила сформировать отношение к их атакам, как к стихийным бедствиям. Как раньше относились люди к автокатастрофам.

Если кто вдруг интересовался, куда приятель пропал, отвечали с тем же «фьюить!..», и со щелчком пальцев, указывающим вверх, к Отрезанному Городу. Вместо долгих объяснений.

Про осечки?.. Не исключено.

Даже старстри мог в толпе напороться на младшего лаборанта, вышедшего ноги размять… Кажется, без никаких погон… В летних, цветастых бермудах, солнце сильно палит, под зонтом

физио-климатического дроида… Или, к примеру, на «профессора», обвешенного сумочками коробейника… Поздравления такому стрижу! И мир его праху.

Между вращающихся, рокочущих лопастей «вертушек» стрижи взмывали до обителей Стриж-Города, оборудованных специально под их касту. Где жили и слуги. И тот, кого Паж не видел, кто вызывал пажа…

Никакие слуги никогда не покидали мест своей работы. Все наполовину киборги. Плата или ошейник это для них, установить шаманийцам не удавалось. То есть физически – ошейник, но возможно он дорог им не меньше, чем стрижам погоны.

Оставленные слугами Впечатления редки и бесцветны, в противовес обилию Впечатлений с ними. Слуги занимались одеждой, погонами, постелью, лежанками берегам внутреннего озера Стриж-Города… Бассейна на козырьке Клыка, выдающегося подобно клюву. Занимались и метением полов, обдуванием бесступенных переходов между этажами, настройками стёкол от солнца и на закате для него…

Чтоб слуга занимался лично стрижом, эти

Впечатления редкость. Жаль. Всё выпили или всё дроиды поотнимали? Если отняли, то за что? Чертовски жаль… Когда нырок выуживал такой каштан, его полное право оставить себе. Подарить другому шаманийцу – знак большой симпатии и уважения. Пажу дарили постоянно.

«Профессора» считали, что стрижи – пейзаж, сформированный ими, вкупе с народными массами, плантация самособирающегося урожая. Стрижи считали: кто выше, тот и сверху! Что «профессора» – их обслуга другого уровня, техническое обслуживание резаков.

Логически размышляя, Паж думал, их заносчивость хищных птичек лишена оснований. Но она по определению не касается стрижиного инженера, их создателя. Кто же он, каков создатель стрижей? Его нет во Впечатлениях. Почему? Возможно, он не отличим на вид от обыкновенного стрижа. Но его Впечатления, его взгляд, лежащий на двери, которая дрогнет и отворится бесшумно, отличается от всего, что можно вообразить, сочетанием крайнего напряжения с полным покоем.

Шаманийцы знали, если при беглом, секундном просмотре выуженного каштана специфическая дверь, это Пажу, это для него.

Мелькала, случалось. Паж и надеялся, и не надеялся. Каждый раз виденье вместе с экстатическим танцем прекращалось на ней, открывающейся медленно и бесшумно… Не его, хотя таинственную личность дока стрижиного страстно желал бы увидеть, он ждал входящего себя.

Паж взял это имя ради единственно, ясно читающейся мысли загадочного существа! Мысли-ожидания, мысли-призыва: «Паж!!!» Ради того недоумения, с которым вновь и вновь слышал его мысль, его зов в каштанах. Ведь так не бывает среди людей, чтоб всепоглощающее ожидание-призыв покоился на глыбе невозмутимости! Это существо ждало и звало его, нуждалось в нём, абсолютно не нуждаясь! Противоречие загипнотизировало Пажа. Увидеть зовущего или увидеть пришедшего! Хоть на миг! Понять, как такое возможно. Наверняка где-то там ключ и к природе зависимости от кибер-механики и разрушительной силы Впечатлений, содержащих её.

Паж не верил, что деградация в светлячков происходит из-за соляных иголок каштанов. Иглы сущие пустяки для дроидов регенерации. «И татуировки, прошитые нитями, делали бы из людей светлячков!» Интуитивно Паж был убеждён, что сама природа Впечатлений производит какое-то нарушение, не

поддающееся регенерации. Считал его побочным явлением, обнаружимой и устранимой ошибкой, из-за которой лунный круг теряет шаманийцев. Из-за его, Пажа неспособности соображать живее!

Выглядели стрижи под погонами - как разновидность неавтономных дроидов, диковато и однотипно.

Стоя на ногах, отбросив автоматическим жестом крылья секачи за спину, а затем сведя в погоны, они оставались агрессивно-угловаты. Люди тяготели к андрогинности, и научная элита тоже, а эти – к маскулинному типу. Вытянутый треугольник: узкие бёдра, широкие плечи. Подбородок прижат, память о полёте, плечи жёстки. Пустые, замученные лица. Немигающие глаза, отмеченные постоянным, нездоровым блеском.

Стрижи походили на их собственный режущий свист, который ещё жизнь, и на финальное «фьюить...», которое уже нет. Эти кручёные финты они повторяли и вхолостую, движение разгоняло энергию по телу, которая иначе норовила собраться в погонах.

На расправленных секачах, на средней

крейсерской скорости незримые, при замедлении они были как серпы чёрных лун, летящих вперёд рогами, полоса металлического блеска по лезвию. Их видно и слышно не всегда, когда срываются с места, когда тормозят.

Толпа, толпа… Поток. Лица, походки… Пружинные и развязные, бегущие и пританцовывающие…

И всякий на этом бульваре, ныряющем за горизонт, твой. Всякий, каждый. Любой.

Стрижи наблюдательны, они любят свою работу! Не приедается, не сливаются для стрижей пешеходы в серую массу, а вылеты в серые будни! Нет ограничений, нет предела. Да и надсмотрщиков по сути нет. Это, кого хочешь, сведёт сума. Люди такого типа изначально высоким интеллектом не могут похвастаться. Ещё и кибер-механика на плечах.

Между собой налёт сзади циничные стрижи называли «собачкой», ну… – по-собачьи. А лобовой – «поцелуем фифы», это, когда губы накрасив и бантиком сложив, барышни поцелуй изображают.

Любоваться закатом, это в людях навсегда. Стрижи, не летавшие ночами, не интересовавшиеся облачными хранилищами, презирающие театры и безразличные к искусству вообще, проводили в созерцании закатов все вечера без исключения.

Шаманийцы видели чуть ли не в каждом каштане, искусственное озеро, из высотки Клыка выдающееся на запад, ряды шезлонгов и стрижей на них. Расслабившихся и таких, кто не снял ни формы, ни погон, будто готов ко взлёту. Одни разговаривали, другие молчали, вбирали угасающие закатные цвета неподвижными глазами.

Что-то ненормальное мстилось в этом, зловещее. Разгадать тайну мероприятия шаманийцы пока не смогли. Впечатления, состоящие из закатов, выбрасывались ими за полной непривлекательностью. Паж смотрел, вдруг что прояснится.

Ночью стрижи не летали, но случались эксцессы.

Дуэли стрижей. Ночные. Один погибал на месте, второй возвращался. Можно подумать, так

и надо, ничего не произошло. Ни предыстории ссоры, ни торжества победы. Тем не менее, дуэли случались регулярно. Словно что-то исчерпывалось в них, как будто надоедало жить.

02.06

Про мотивацию шаманийцев.

«Профессорские» мерзости они не смотрели! Встречается в каштанах редко, не котируется ничуть. Тоска, гадость. Шамнийцы – полудроиды! У них есть и человеческая, и дроидская честь.

«Фьюить!..» смотрели. Любили, да. Оно и есть – Шамания, стрижиные пролёты, виражи. Пристрастие к «фьюить!..» Тут без вопросов.

Старые шаманийцы приобрели пристрастие к самому процессу губительно экстаза, и это не удивительно.

Ремарка.

Но ведь не сама по себе, не от природы возникла она, адская, упоительная смесь неистового полёта, неограниченной власти и отнимающего удара, когда инфра-ультра, по

жилам разбегаясь, течёт! В научных школах и лабораториях для стрижей придумали её. Так сочинили, чтоб не остановиться, не задуматься, обратно на составные части не разобрать. А чего тут разбирать? Ингредиенты давно известны. И очень плотно связаны… Охотничья страсть, погоня, предчувствие, мясо с кровью на зубах. Получилось.

В облаках полно связных Впечатлений охотничьих погонь, охотничьих собак, рыбалки, никогда не содержащих завершающего момента. Там нет дохлых животных, нет их смерти. В ароматных Впечатлениях кухонь тоже нет! Почему? Их не дроиды вырезали. Это следствие многократного рафинирования цельных Впечатлений при сборке облачных эскизов. Восходящие берут, что нравится, остальное выкидывают. Не сговариваясь, они тысячи и миллионы раз отбрасывали гибель и муки зверей. В результате, когда Великое Море собирает всё, как было, хвосты подобных Впечатлений перестали не то, что к ним присоединяться, а вообще собираться из кратчайших, малоинформативных Свободных Впечатлений, подобных восклицаниям.

Впечатления же содержащие человеческую внутривидовую агрессию – совсем другая история…

Ещё имелся в каштанах притягательный для шаманийцев момент… Моменты скидывания крыльев, кибер-резака.

Огромная слабость, приходящая на смену нечеловеческой силе. В разные стороны тянет, как сладкая ломота. Так борцы и шаманийцы тоже тянули друг друга за руки, за ноги, расслабляя, раскачивая, возвращая к жизни. Момент избавления от кибер-пришибленности, когда возвращаются все тонкие, заслонённые мысли и ощущения, но вдруг оказывается, что голова до прозрачности пуста. А откуда в ней чему и взяться… Эти Впечатления тоже исключительно приятны, запретного в них ноль.

Правда, Пажу встретилось одно…

Пунцовая полоска заката под Стриж-Городом, над готическими пиками Отрезанного Города, надо всеми шестью бастионами школ… Стяги узкие, ветром растянутые… Стриж смотрит, смотрит на них с умопомрачительной высоты… То на них, то на крылья. Серп, занявший всю комнату, немалую, полупустую… То на них, то на крылья… Ставит резак вертикально, рогами вверх… И падает на него, как положено, шеей.

«Брр!.. – отряхнулся Паж. - Какое отчётливое, подробное Впечатление. Даром, что корень. Вау… – вдруг понял он, – это Впечатление слуги!..

Они не враги, значит. Остановить не смог, но слуге увиденное, определённо, не понравилось». Завсегдатаю Ноу Стоп оно тоже не понравилось.

Страсть к «фить-фьюить!..» общее для шаманийцев, дальше.

Поклонники истории по Впечатлениям каштанов восстанавливали «запретное столетие» и кибер-годы до него, попавшие в запретное почти целиком. Белое пятно на карте, любопытно.

Вариант той же мотивации – привычка жить во Впечатлениях, объединённых по месту и времени. Как это называлось, «внутри коллекции жить». Порой в экстатическом танце они приходили на уличные спектакли одной и той же труппы!

Мелоди Рынок – это обыденность, это банально, он был и будет всегда. А там – рулетка… Может быть, завтра влетишь на ту площадь, а может быть никогда, и каштана с нею не выловят… Стриж просто ждал, ему неинтересно… А шаманийцу, смотрящему

глазами стрижа, очень интересно, увлекательно. В нерафинированном, пересоленном корне, чувства стрижа сухи, пусты. Однако шаманиец смотрел уличное представление его глазами, но своим сердцем.

Музыка тех лет шаманийцам не нравилась. На музыку не похожа, да и производят её не люди, не дроиды, машины какие-то, дрянь. Как на зло тягомотно долгая. Полудроиды очень чувствуют неживое. И живое!

С этой, частной, вроде бы, узкой темой, связана одна из характернейших черт последней эпохи. Немногочисленность и несовершенство звуковых записывающих устройств и полное отсутствие устройств, передающих изображение или звук на расстояние дальше нескольких метров.

Первое попало в оружие. С учётом дроидских технологий, оно оружие и есть. Была пытка повторяющимися звуками, «музыкальная шкатулка», новые возможности с ней не сравнить. Полудроид с барабанчиками, с дудкой в руке такого никогда не сделает. А машину подкинуть? А громкость и частота звуков, доступные механике?

Второе попало в запретное как средства связи, вшитые в тела, как всё кибер-наследие. Очочки Халлиля с малым радиусом действия – не то же, что видеокамера в глазу.

К более примитивным вариантам возвращались немногие технари, собирающие исторические вирту. Но и у них мало что получалось, общее поле Юлы противодействует сигналу. Желаешь увековечить? Поделиться? Руками запиши, нарисуй и сыграй, а мы подхватим или спляшем!

Последний момент – община как таковая. Шаманийцы были в высшей степени братством.

Часть суровых, непоправимых фокусов, которые выкидывала с полудроидами эта земля, эта страна, этот ненавистный дроидам облачный рынок, компенсировалась силой их взаимовыручки, сплачивая сильней тяги к самим фокусам. Крепко-накрепко. В преданности, внимательности при ритуале, в соблюдении тайны. Не система наказаний держала тайну, внутренний порыв.

Два типа людей притягивает общинность.

Первый: люди-тюлени, люди-морские котики.

Основная публика бесчисленных игровых, танцевальных, сладких цокки лежбищ. Тесно сбившихся, непреклонных индивидуалистов. Таких похожих, таких мягких снаружи, и так чётко держащих внутреннюю дистанцию. Даже с близкими друзьями, даже с любимыми они немножко сами по себе.

Отто коротенькой сценки мимов не посмотрит, чтоб не повиснуть на ком, не уткнуть нос в плечо, шепчась, комментируя. Нет, ему не всё равно на ком, и в то же время абсолютно всё равно! И Пачули такой. Таких большинство. Как он был счастлив, заполучив Арбу в своё ведение! Он как бы – хозяин лежбища, лафа!.. Мир, дружба, и не надо никуда ходить.

Тип котиками противоположный… Сложней подобрать название. Возможно, люди-горы?

Черту между ними нельзя провести карандашом моральных оценок.

Тюлени обязательно легкомысленны? Нет, не больше, чем полудроиды в целом. Всеядны,

поверхностны? Не обязательно. Зависимы от избранных областей? Но они без проблем сменят их на другие. Всё мимо.

Есть физическая черта отличия, люди-котики слабей, причём особо в плане выносливости. По отдельности слабей. Им нужно стадо, чтоб долго бежать, заниматься последовательно чем-то одним. На Краснобае они станут успешны и счастливы, выбрав занятие себе из популярных ремёсел, где тебя и научат, и поддержат, и оценят. Разрабатывать в одиночку никому не известную, загадочную тему, это не про них.

Люди-тюлени зависимы от коллектива в нутре своём. Будто общим полем Юлы поддерживается в них прилив сил. Оживление, остроумие настигают их на лежбище. Токи первой расы свободней проходят?

Дроиды любят таких людей, троны к ним благоволят. Нарушения запрета на контакты в отношении толпы народа дроиду, как ни странно, засчитывая куда менее сурово. Намного выше цена за уход в такие дроби, как личные контакты, тем более возобновляемые. На Мелоди, человеком обернувшись, плясать всю ночь, дешевле встанет, чем два пятиминутных свидания с одним и тем же человеком наедине.

Люди-горы. К ним можно придти, с ними можно остаться. Гора не убегает и не отталкивает. Но если хочешь пошире обзор, получше его узнать, придётся идти в гору! Тех, кто обитает у подножия, горы защищают от ветра, но не открываются им. Людям-тюленям, ласковым телятам.

«Отто, не годишься ты! Для Ноу-ты постороний! Ты – глоток незапретного, случайно, без злого умысла, но и без пользы вылитый в общий котёл. Не подходишь. А вот Гром наоборот…»

Когда на пороге первого экстаза его будет швырять и корёжить, пока все бубны лишь шум, он выдержит всё сам. Не ища поддержки в инфракрасном тепле тюленьего лежбища, опоры вовне не ища. Погружаясь всё глубже и глубже, он дойдёт как ныряльщик до глубочайшей впадины вокруг Синих Скал, до места, где уже фиолетово в прямом смысле слова, где тихо, где боль уже не может кричать… Где скоро, не меняя направления, игнорируя лютый холод, увидишь колыхание морского брюха и снегопад, срывающийся с него на белую-белую степь без края…

Там шаманиец услышит бубны и поймёт, что они имеют к нему отношение. Лично к нему, прямо к нему. Не как Краснобай к одному из баев, а как манок дроида. В шаманском танце

нет вопроса, доверять или не доверять, там выбора нет. Всё видно прямо и ясно.

Тогда и лунный круг увидит его, увидит, как сопровождать его пока что судорожные рывки, как замедлять их. Где отпустить, где ускорить ритм. Где позвать, а где за ним последовать. Как освещать ему дорогу.

Гром подходит, потому что и не помышлял рассчитывать на них. Ещё, потому что крупный и крепкий.

Бурю, камнепад, с корнем вырванные деревья, колючий каштан, непрерывно увеличивающийся, проходящий по глотке, чтоб ниже превратиться в сущий ад, Гром переживёт внутри себя и выживет, медленно поднимаясь от бессознательности на звук глухих и гулких, зовущий бубнов, как на свет.

Но прежде он обернётся и увидит за буреломом агонии озеро глубокой тишины, которого не видел прежде. Бездонное озеро. С Луной. Они зовут это – Шамаш. Внутреннее знание.

Никто прежде Пажа Грому ничего подобного не показывал. Оно и называется «док-шамаш», чувство признательности за дар, всякое выражение признательности превосходящий. За тихий лик Шамаш внутри тебя.

Плен, падения в море, ожоги ядовитых теней, борцовские победы и поражения, унизительный плен, спасение, в которое не верил… Много всякого разного было в жизни Грома, но не бывало такого, чтоб полагаться на чужих людей.

«Бум-бум…» Глухо-глухо… «Бум-бу-бум…» Как реку переходя вброд, ступаешь с камня на камень, как из руки в руку на гоночной эстафете передают огонь, так он, на звук бубнов наступая, с одного на другой переходя, держась за них, выходил из экстатической бессознательности и вышел другим человеком. Знающим то, чего прежде не знал. Твёрже твёрдого и неким открытием выпотрошенный: мир, возможно, не стоит доверия, но оказывается, не стоит и недоверия, лишняя суета. Вода держит тебя, короче. Такое постижение влюблённости сродни. Стреле навылет. Аргументов ни за, ни против. Чистый свершившийся факт. Пока этот засранец с луком не прицелился, защищаться не от чего, а потом, – оп!.. – уже поздно защищаться. Гром пришёл одним человеком, а вышел другим, шаманийцем.

Может быть, не привычка к запредельной боли, не начинка каштанов, не это «фьюить!..», а

открытость к бубнам общины, к миру вообще, даёт им, даст и ему шаманийскую сверхъестественную пластику танца взамен судорог и пены на губах. Шаманиец в экстазе не видит себя со стороны, не видит, где, как, перед кем танцует. Но танцуя, он отдаёт. Изливается, прозрачный.

Высокий штиль! Паж рассмеялся бы. Он знал, насколько поступает цинично и расчётливо. Выражаясь низким слогом, Шамания купила с потрохами очередного борца неистовым наслаждением «фьюить!..». В Арбе, когда Паж отпаивал новичка, то слегка беспокоился, но больше гордился Громом и своей проницательностью. Да, он умеет находить и выбирать.

Соблазн переборол и память обычной, нормальной дружбы. Бурану всегда преданному, всегда критичному Гром не расскажет о тайной земле, куда не летают Белые Драконы.

Купила задорого, где ещё можно войти в круг и не заботиться больше ни о чём? В остальном, рука, положенная на плечо – предел их нежностей.

Как-то раз, Отто в расстроенных чувствах

занесло на Мелоди днём, где ненавязчиво, обрываясь и повторяясь, играла музыка репетиций, дудочки, барабанчики, и сам собой образовался уголок Архи-Сада. Дрейфующий на Белых Драконах островок. Отто примкнул к нему, развеялся и отвлёкся скорей, чем рассчитывал.

Он проиграл в Арбе. Как-то глупо незнакомцу, первую партию. Дальнейшие чужак передал, приятелю, Чуме, их тоже проиграл…

«Марбл-асс? Равных нету! Переквалифицируюсь на игру в поддавки!»

Финальный заход проиграл Пачули, и надо ж такому случиться, по дороге наткнулся на латника! Под Шафранным Парасолем их теперь пасутся стада, но на рынках в принципе можно год, и десять, и сто лет прожить, в глаза не видав. Холодком повеяло, как от ледяной угрозы, Гранд Падре недалёк, такой и встанет напротив Отто на безобманном поле. Когда проиграешься, ерунда задевает, и всякое чудится…

Ядром притяжения в компании изгнанников был тёплый дроид! Дрёма. Восторг! А Отто катал Уррс, тоже симпатизировавший из второй расы тёплым одиночкам, так что, ко всеобщему удовольствию, прямо посреди беседы закрутили

они драконий танец, клубок из кувырков, и дроид не падал, и Уррс не позволял Отто упасть. Изгнанники сопровождали дуэт хлопками и смехом, кружа горизонтально, кувыркаясь лишь иногда.

Живо выяснилось, что на Мелоди днём они не случайно. Коллекционерский, исторический интерес.

Высокий, длинноногий юноша, Амарант, интересовался эмблемами стран, заодно и гимнами. Ждали осведомлённого музыканта. С Дрёмой рядом летал юноша слегка пришибленный на вид, от резких барабанов втягивавший голову в плечи, но явно пользующийся уважением. Дикарь дроиду – немножко переводчик, когда беседа упиралась в несогласованность терминов, они что-то быстро лепетали на дроидском эсперанто. Знакомые вроде слова, но странным набором и с цифрами вперемешку. Затем Дикарь в обе стороны переводил. Раз ему даже аплодировали!

Расположились на земле, чертили многоугольники, кто-то рисовал от скуки. Речь зашла о символах последней эпохи. Отто сел к Дрёме поближе, потому что рядом с тёплым дроидом – хорошо! И тёплый дроид был не

против ни его, как его, ни как хищника в компании, а с давних времён поговаривали, что с хищниками изгнанники не дружатся. Отто был счастлив. На таком дроиде он ещё не вис, с таким вельможей из второй расы не обнимался!

Лукавыми, слегка раскосыми глазами Дрёма время от времени щурился в небо… Грозы ждал? Вроде того… Заигрался, загулялся, вызова на турнирную площадь ждал. Его всё не было. Рассеянно чертил: раковину гребешок – символ изгнанничества, цветущая ветка яблони – символ Собственного Мира. Щёлкал пальцами, распылял сливовый свет, ирисовый, цвет семейства Сад, заполняя рисунки. Должны быть розовыми, но красный отсутствует в дроидах.

Амарант вдруг спросил не дроида, а сказочника из своей компании, становившегося известным, – талант плюс покровительство Биг-Буро дорогого стоит, – спросил у Амиго:

– А есть без разбору, для нас полудроидов символ какой или значок?

Амиго пожал плечами. Дикарь что-то перевёл дроиду, и тот откликнулся:

– Да, у нас, ясно есть. Для людей.

Люди оживились, кто и заскучал. Две девушки, начавшие повторять танцевальные па, Соль и Рори подскочили ближе:

– Какой?! Дроид на своём скажи, как рисуется, если в объёмах! Дикарь переведёт, мы стилусом в вирту по отдельным измерениям запишем! Зарисуем, то есть!

Дрёма их ухватил, объял и оставил под руками, как под крыльями шоколадно-коричневого, бархатного одеяния. «Ряд круглых пуговок бесконечный…» Отто пробежал взглядом и закружилась голова.

– Вирту не требуется! – мурлыкал и смеялся дроид над ними, маленькими при нём, как воробушки. Начертаю!.. Вооот…

И его рука на земле, на песчаной пыли, к ней не прикасаясь, изобразила… Горизонтальный оскал маски латника!

«Да что сегодня за день?!»

По спине Отто холодными, острыми лапками пробежал озноб. Кому как не тёплому дроиду это заметить! На квадратные глаза и девушки обратили внимание, а Дрёма смутился:

– Я так плохо рисую? – рассмеялся тёплый ветер. – Или этот значок обозначает среди вас что-то сильно другое?

– Обозначает, – осветил Отто и понял, что

шёпотом.

– Что?

Спросили вместе: дроид и Дикарь практически не покидавший Архи-Сада, не представлявший латников вечной войны.

– Н-ничего… Я не так выразился… Это рисуют на масках воины облачных земель.

– Улыбку? – удивился Дрёма, удивив Отто куда сильней.

– Это – улыбка?! Дааа, дроид… Ты плохо рисуешь! Ставить шатёр на Рынке Мастеров тебе рановато!

Амарант перебил их:

– Давайте о графике после. Дрёма, объясни, почему – улыбка?

Ответ дроида был ещё примечательней его рисунка:

– Игровая агрессия. Потому что улыбка – азимут игровой агрессии.

Дальше Ауроруа кивала, слушая, погружённая в себя. А Соль будто стилус хватала, видно, как хочется ей сразу записать, не забыть!

Дроид изложил безо всяких красот очевидные, в общем-то, вещи…

– Что в какой среде живёт, ею усиливается. Ею и прекращается. Встречные азимуты. Особь другую особь может поглотить и так продолжиться, а может быть съёденной и продолжиться так. Особи общего азимута, вид, люди, они договорились как бы, что уже поглощены, видом. Вместе они. А как это маркируется? Предваряет взаимодействие что? Как и прежде – оскал. Но укуса не следует. Улыбка. Игровая агрессия. Это вы, люди…

– Подожди, – поднял руку Амиго, – извини, если спрашиваю глупость, но я вдруг обратил внимание… Амарант сказал, «для нас – полудроидов», а ты ответил «для вас – людей». Нет разницы? Ведь ты про ранние века. Про все века. А для нас полудроидов есть значок сокращения в письменном языке ваших дроидских вирту?

Дрёма пожал широкими, круглыми плечами, распространив тепло:

– Совсем технические моменты вас интересуют… Есть для всякого значок. Для каждой расы свой. Для каждого трона второй расы свой. Для каждого одиночки Туманных Морей тоже свой…

– Какой у тебя?! – хором воскликнули

девушки.

– …милый дроид!

– …если не секрет!

– Секрет! – потрепал вельможа Дрёма обе девичьи головы разом. - По секрету рассказываю, вам, лишь вам!

Произнёс какое-то длинное число и дорисовал в оскале зубов зажатую розу.

– Что это значит? – спросил Амарант, разочарованно заподозривший не правдивый ответ, а обыкновенное для Дрёмы с девушками кокетство.

– А значит это, о, коллекционер истории, что Турнирная Площадь ждёт меня и зовёт! Всякий из нас мечтал бы стать тронным дроидом для всех без исключения Восходящих! Опорой всех Собственных Миров! Роза ветров, видите, зажата зубами.

Отто потряс головой:

– Запутал. Выходит, это твоя эмблема. Не людей обозначает. Твоя «улыбка», в ней роза ветров твоя…

Дрёма соглашался, кивал!.. Кивал и

смеялся… Дроид, что с него взять!

Тут и танцы пошли.

02.07

Светлячкам не отказывали.

Когда таковому случалось преодолеть уступы водопада и достичь лунного круга, он без очереди заходил в этот круг. Состоящий из призрачно-синей «кровеносной системы», суховатого лица и глаз, кому-то из шаманийцев ещё знакомых, кому-то памятных, он имел привилегированное положение.

Община шаманийцев – братство сплочённое нуждой, но не злой волей, не общим врагом. Безумием сплочённое. Тёмным безумием, саморазрушительным, но страстным и добровольным. Неконтактное, потустороннее существо, погубившее себя днями или столетиями раньше, часть этого братства настолько, насколько способность имеет воззвать к нему. Воззвав, получит то, что хочет. Лунный круг. Нитку сахара. Иногда светлячок приходил за сахаром и уходил в бусах из белых капель во много нитей. Сам брал, ни слова не говоря. Вверх по водопаду его бережно сопровождали.

Светлячок – для кого-то бывший друг, для

себя – надгробие, и для всех напоминание – вот это ждёт и тебя. И его. И его тоже… Так что, не пасуй и не суетись. Не привязывайся и не враждуй. Смысла нет, есть гедонизм и скатывание, гедонизм и сползание в пропасть.

Предмет специфического чёрного юмора Шамании, при личных контактах светлячки – объект не наиграно внимательного обхождения.

Для Грома это должен был быть второй по счёту лунный круг… То есть, самый пугающий. Уже ясно, что ждёт тебя, но как справляться, совершенно непонятно.

При появлении в кругу призрачной, мертвенно-синей фигуры его суровое лицо с волевым подбородком дёрнулось, как от кислого песка, бросаемого в приторные коктейли. И рад, и разочарован, путешествие в преисподнюю откладывается.

Однозначный упрёк в глазах Харона, скорость, с которой разомкнулся сектор лунного круга, пропуская гостя, наглядно показали Грому, как он неправ. Вскоре он и сам, изнутри поймёт это. Экстатический танец светлячка пробирает до костей, сильней каштана, зрелище это незабвенно. Чем, почему? Пытался, но не смог

уловить. Ритмичный, незамысловатый танец… Сложны экстатические танцы шаманийцев в расцвете сил, на пике интереса. Без сознания, всем телом и жестами пытаются прокричать, выразить, что видят. Экстаз сплетения кибер-механики с живым телом.

Судороги же новоприбывших и покачивающиеся под «бум-бум… бу-бум…» свечи-светлячки вычурной экспрессии лишены. Одни ещё пугаются и не идут до конца, с оглядкой идут, за ритм круга держась. Вторым уже нечего бояться.

Прост, незатейлив их танец… Но ни Рынок Мелоди, ни шатёр Бутон-биг-Надира, с купленной на всю ночь танцовщицей, раз в году спускающейся, чтоб принести на континент сладкую мяту танцев-падений высокого неба, выдержанную в полыни одиночества, не знают подобного… Дроидская сфера с её чудесами такого зрелища, как разгорающийся светлячок в кругу лунных бубнов, не знает.

За лунами, не нашедшими рук, слабый ветер гуляет по незримой сухой траве… Бубны не деревьях кажутся далёкими и огромными, как настоящие светила. А в кругу – обычного размера. Иллюзия, поменяй один бубен на

другой, и то, что держал в руке, станет луной, а луна – гулким инструментом.

Светлячок взял луну из рук какого-то парня и закружился, ладонью выстукивая основной ритм, без мелодии, без замедления и ускорения. Живые, обычные шаманийцы так не могут. В трансе равновесие сохранять можно, па всякие выделывать сверхъестественные, но в руках ничего не удержать. Там кричишь руками, и зовёшь, и шепчешь. А уж выдержать ровный ритм…

Мимоходом светлячок бросил каштан в рот, Грома – в дрожь.

Закрыв глаза, светлячок воздел бубен над головой и до прекращения транса не опустил рук. Маятником, гибкий, словно бескостный он раскачивался, поворачиваясь слегка, внезапно взлетая. Каждый раз – неожиданно. Бубен – прежде. Невозможно увидеть, как подкидывал, каким неуловимым жестом, мистика… Тягучий взлёт светлячка, как падение вверх смолистой капли. Он ловил в апогее луну, раз за разом пытавшуюся сбежать на полночное небо.

Танец не содержал и грамма чувственности, но оторваться невозможно. Не увлекал, он

забрал лица зрителей и сделал единым - своим лицом.

Подобному нет аналога. Так или иначе, но похотливая козочка буйного пляса-капри проникла во все танцы живых, отпечатала в них острое раздвоенное копытце. А светлячок ловил сбегающую луну, до живых ему нет дела. С неоново-синей ладони жемчужный, лунный диск катился, белым светом отчёркивая синеватый свет лица. До шеи катился, как по резаку стрижа. Обратно взлетал…

Ближе к финалу танцор на кончиках пальцев луну оставил медленно поворачиваться над головой…

Крылом в сторону – свободная рука…

Так летел… Медленно кружились в противоположные стороны, луна над светлячком, светлячок под луной… Летели…

В неприкосновенности бубен продолжал: бум-бум-бум…

«Такого не бывает…» – думал Гром, не дыша.

Он не слышал сопровождения, не слышал их общего рисунка, осознал сейчас. Забыл про свой бубен под ладонью. Гром бессознательно тем

самым в точности следовал советам Пажа: всё рукой, всё кожей.

Неожиданно без усилий Гром увидел, откуда ударяет «бум-бум» в вознесённую над танцором луну. От них, от лунного круга. Их согласная волна, призрачно синяя, поднимаясь по светлячку, достигала густо-фиолетового цвета морских глубин, тогда раздавался «бум».

Ночь тянулась, нескончаемая полночь Шамании. Тянулась, вращалась, летела. Светлячок был Шамания, он был прекращение времени.

И снова необычное: этот цвет, взбегающий по рукам, стремится стать красным. Как огоньки, смываемые водопадом, как зарево на сводах пещеры… Гром задумался и отошёл немножко от полной вовлечённости.

В широкую грудь через ладонь, сквозь мембрану бубна и особенный воздух лунного круга стучались удары другого сердца, не его. Стучались, как в незнакомую дверь ночь стучит кто-то, спасения ища, от преследователей на шаг оторвавшись. Тихо, настойчиво. Слова ложились в ритм… «От кого, от чего убегает луна? Убегает из яви?.. Бежит ото сна?.. Мы бежим, а луна

убегает от нас… Я сплю». Он вздрогнул и очнулся. Увидел близко лицо Харона, склонённое к нему.

Шёпот:

- Это нормально. Но подыши глубже и непременно возьми сахара, когда прекратится…

«Прекратится что?..»

Светлячок уже вышел из круга и транса, сидел вдали, под чёрными остовами деревьев, а у Грома в груди продолжалось «бум-бум…» Едва подзатихло, как собаке с ладони, не Харон, кто-то другой, положил сахарный шарик Грому в губы. В жизни он не получал такого удовольствия от простого сахара!

– В кругу не спи, – сказал ему этот кто-то сурово.

Бубен в руке горел ярко, как луна, Грому не видно кто.

«Оп-па… Что со мной?..»

Этот кто-то, оказывается, останавливал его руку, ударявшую, будто чужая… Не отнял бубен, а добивался того, чтоб Гром заметил, что делает, и прекратил сам. Заметил. Перестал. Удивлённый, смущённый.

Некто добавил тогда:

– Ни при каких условиях. Как можешь, борись

с дремотой. Сам пропадёшь и невесть скольких утянешь за собой.

Гром тихо извинился.

– Не к тому, – ответил суровый голос, – а на будущее.

– Понято.

Кроме сахарных нитей, всякого разного понапрятано в земляных тайниках Шамании.

Разновидности всяких вод, от жёстких оливок, ядовитых шипов, до Чистой Воды забвения. Мозг выносящие, синтетические ароматы с Техно Рынка… Мерцалки с подобным же действием. Всё, что относится к лазарету экстренной помощи, что способно резко пробудить или глубоко усыпить, успокоить.

Имелась и кибер-механика, соответственно тематике эпохи каштанов. Вынеси из Шамании, дроиды сразу отберут. Хотя она не оружейного толка. Кибер-вилки раздельно насаживающие на зубцы ум и тело, останавливающие все процессы, как регенерации, так и распада. Тайм аут, если что, передышка. Лютая вообще-то вещь, по ощущениям хуже каштана, зазря не станешь пробовать. Паж, ноустопщик, баловался.

Имелись книги и вирту по истории. Вороха отдельных страниц, вырванных альбомных вкладок. Кое-что по схемам кибер-механики, запретное вдвойне. Приносить приносили, читать не читали. Они тут ради «фьюить!..» Условия не подходящие, темно. Если книжку под бубен вплотную положить, то видно.

Неприхотливый Паж читал, фонариком скользя. Он постоянно читал. И ни черта не понимал! Объективно: из трёх его жизненных увлечений ни одно не способствовало остроте ума. Ноу Стоп отупляет, Великое Море остужает и упрощает ум, и сама Шамания вытесняет интеллектуальное простым чувственным.

Но читал – постоянно, вникнуть пытался. Все прочие занятия Пажа по времени процентов двадцать займут, если сложить и транс, и сопровождение в трансе. Девяносто пять - склонившись, фонариком бегая туда-сюда, одинокая фигурка в навеки подлунной степи. Понять хотел. Так ли эдак, подступиться к тайне.

«Кому ты паж... Отто, правда, кому я паж, кому?..»

Но главное в тайниках – сладости. Шамании и всему происходящему сугубо противоположные, уместные как нигде.

Старые Шаманийцы, вплотную дотанцевавшие под стрижиное «фьюить!..» к состоянию светлячка, как и Паж, порой задавались вопросом о природе сопровождения в трансе.

Многожды проверено, что пока твоё тело не горит насквозь газово-синим пламенем буксующей регенерации, без товарищей зайти в транс можно с трудом, выйти невозможно. Меж тем, выводить никто никого нарочно не учил, оно само получалось, как звать, как тянуть на себя, как повторять: мы слышим тебя, мы видим тебя, мы тут. Причём, не тебя, бьющегося о землю с пеной на губах, не тебя, крутящего замысловатые кульбиты, и даже не тебя, падающего крылом стрижа на чью-то шею, а тебя – путника между двух этих состояний. Тебя, затерявшегося где-то в промежутке между Впечатлением и реальностью, будто за лунным кругом в степной ночи. Бубны повторяют: мы здесь, мы видим тебя. Летай, мы выведем тебя, когда надо.

Шаманийцы гадали, откуда что берётся. Не из гулких лун, нет! Экспериментируя, они пробовали сопровождать хлопками. Получилось! Бубны прекрасная, но декорация, не более чем! Откуда же проникновенность? От понимания чужого состояния? Невозможно. Да, они распрекрасно давным-давно знают, что там в

каштанах. Что это меняет?.. Общая зависимость от ультра-наслаждения сделала братство единым организмом, дала высшие способности? Полно, любые зависимости ослабляют и отупляют, это их единственное гарантированное качество. Братство лунного круга, простиравшееся за пределы Шамании, не кибер-связь, а обычная человеческая добродетель. Парень другу поможет, как шаманийцу, будучи знаком и узнан, а не под маской угадан каким-то сверхъестественным чутьём. В роли тесной, теснейшей связи выступало что-то скрытое, вероятно, сама атмосфера Шамании.

Гром начал задумываться с первого дня.

Сам по себе, Паж не взывал к его серьёзности, к ней требовательно призовут каштаны в глотке! Новопризванный шаманиец, когда старожилы решают дать ему совет, целиком превращается в слух!

Гром вспомнил, как Паж на континенте, у Чумы в шатре показывал фокусы, держа ёжик каштана на кончике языка. Иглы умножались от тёплой влаги дыхания, утончались до того, что получился пушистый комок. Тогда Паж плеснул в ладонь Грому морской воды и положил этот шарик. Реально – пушистый, не колючий. Но

пошёл обратный процесс, шипы укрупнялись, количество их убывало, но мягкий и невесомый как пух каштан лежал в руке. Исчезла мягкость, резко: Гром дрогнул, когда Паж сделал вид, что собирается ударить. Но он даже не прикоснулся! Однако шипы обрели несомненную жалящую материальность.

– Запомни, – сказал Паж.

Шаманиец в маске подхватил из любезности к их косноязычному, устававшему от слов Пажу:

– Ни то, ни то. Обе видимости иллюзорны…

Паж закивал признательно: вот-вот, изложи, подробно. С удовольствием послушаю.

А Гром удивился: зачем парень в маске? В чём причина? На щеках полумаски, где румянец рисуют, дразнились два чёртика. Рогатые мордочки: грустная помигивала, весёлая показывала язык. Странная же маска! Чёрная, мраморная, с разводами.

– Иллюзорны обе крайности, что следует из этого? Что и начинки в каштане по сути нет. Проглотить его не трудно. Как упасть с обрыва – спиной вперёд. Но учти, острота не исчезнет. Гром, изгнанник, шаманиец… В том состоит каштановый характер, что остроту он будет только наращивать. Во рту, в глотке, в тебе – остроту он будет наращивать. Проведи взглядом

мысленно по цепочке трансформаций: вода – капля, корень Впечатления – густой глоток, соляшка Горьких Холмов – шарик, а каштан – колючий шарик. Но этого мало ему! Каштан хочет стать сплошными шипами. Хочет исключительно, ты слышишь меня, остроту исключительно наращивать. Каштановая вода хочет в соль. Совсем, окончательно в соль. Ту влагу, что есть в тебе: в горле, в груди, она тянет за собой. В каштан, в шипы. Ты, каштан и Впечатление, вы затачиваетесь друг об дружку. В лунном танце не приходится ждать облегчения от хода времени. Здесь время не лечит!

Паж кивал, развалившись на ковре. «Хорошо раскладывает… По полочкам».

– Прости, как твоё имя? – перебил Гром.

Маска не скрыла удивления этому совершенно естественному вопросу.

– Так Вран же, – представил его Паж. – Ворон пути. У нас должности на продолжительное достаются время… В лодке с кем-то, значит, Харон. В маске, значит Вран. Почтальон, посыльный. Голубь, если по-континентальному.

– А… – сказал Гром и не стал уточнять, зачем маска, голуби-то их не носят нарочно, от людей с

закрытыми лицами чаще шарахаются. – Вран, вот ты говоришь про обострение, что идёт в одну сторону, как время…

– Да, подходящее сравнение.

– Но где же выход?

– Каштан можно обогнать. Да и время, кстати, тоже…

– Время нельзя, – быстро возразил Паж, заставив губы под маской усмехнуться.

У Врана были узкие кораллово-розовые губы точного и целомудренного рисунка. Впрямь, как свежие, узкие лепестки. Не клюв, совсем не враньи губы. Подковка ироничной улыбки изогнулась вниз:

– А ты?.. Сам ты, Паж?

– Я обогнал некоторых из вас, – неохотно признал он, – но не время. И вообще, мы не о том.

– Да… Так вот, как бы ты ни бежал, Гром, от иголок каштана, ты бежишь на них. Чем дольше, тем сильней ты терзаешь себя… Будем объективны, не очень тебе поможет это предупреждение, вовсе не поможет. Но на шаг или два… Может быть, всё-таки путь сократит. И так… Где ты остановился – там спасение. Позволь каштану обогнать тебя. Позволь шипам пройти

насквозь и выйти с другой стороны. Понимаешь? Так они уже не смогут колоться. А ты окажешься там, где самый сок, самый корень Впечатления…

На этих словах его голос мечтательно ушёл куда-то…

И вернулся обидным:

– А передумаешь, так за щекой не прячь! Бывали и такие… Мы не будем смеяться! И счёт не предъявим, испугался, выплюни честно!

Гром хмыкнул и, отвернувшись, покивал в оконце шатра, мимо утомившихся наставников. Лишку болтовни.

Вран добавил напоследок:

– Танцем ты зовёшь. Призываешь. Сначала отбиваешься, да, но это пройдёт. Мы шаманийцы, шаманы. Призываешь дух стрижа, или кого-то ещё, дух Впечатления. А затем мы зовём тебя, чтоб ты к нам вернулся.

02.08

Вран и Паж нисколько не преувеличивали. Обидное предложение выплюнуть каштан, вовремя спасовав, тоже не издёвка.

Первый каштан Грома, это был ад.

Беспримесный, беспросветный.

Зрелище не для Мелоди, от светлячкового танца – противоположный конец шкалы. Как бился затылком и лбом об землю, как за спиной пытался вырвать себе руки, как пальцы в замке ломал, костяшки грыз сквозь хрип и рычание. Лицо в прахе степном, в траве, слезах и грязи, рот в пене, губы изгрызены, ярко горят огоньками дроидов. Крики на выдохе всё слабей, хрипы на вдохе всё громче…

Да, Отто не подходит никак. Эта широкая грудь из последних сил втягивает воздух, ток влаги разбегается по телу от скомканного вдоха, омывая Огненный Круг только-только, чтоб не допустить перегрева.

Анализируя первый каштан, Гром не мог с Враном не согласиться… Поворотный момент наступил при такой агонии, что, куда не бросайся, везде на иглы, было уже всё равно, куда бросаться. Тогда и упал им навстречу. С головой захлестнуло, иглы не поочерёдно, а звездой взорвались, прошили изнутри. Глоток каштана ударил в нёбо, как на Краснобае, на сей раз, отдав полный вкус, а не одну только дикую горечь, пробил макушку и окатил, посвящая Грома в шаманийцы… И всё… И Шамания

исчезла, предпоследняя эпоха стала реальностью.

«Фьюить!..»

От шеи до указательного пальца – крыло резака, мощь кибер-механики…

«Фюить!..» повторился громко и полнокровно, от точки касания до скользнувшего по шее завихрения… Инфра-ультра, тончайшие нити в равной пропорции закрученные… Они стекли за воротник, за железную стойку с режущими уголками, с эмблемами карательного отряда.

Бульвар Отрезанного Города, полнокровный, многолюдный открылся ему внизу. Свист ветра, свист крыльев.

«Бум… Бум… Бу-бум…» Позвали издалека. И Гром пошёл на зов.

Начал складываться резонанс. Происходил «бум…» – происходил и шаг. Они как тропу прокладывали. И как в снегах, Гром мысленно благодарил того, кто шёл перед ним, прокладывая синеватый рез, преодолевая сопротивление целины, упорными, трудными шагами.

Лицо Пажа выражало не больше, чем на Ноу, то есть совсем ничего. А между тем, он первый без колебаний взял бы на себя лютую стадию, оставив новичку лишь идущее следом наслаждение. Слишком часто в проклятом прошлом Паж видел эту самую картину, заканчивающуюся трагически. Но решение принято, лицо его безразлично, ладонь, ударявшая по гулкой луне, уверенна.

Пока не попадал… Но вот… Вот уже… Ближе… Услышь! Слушай!.. И Гром пошёл на него. На зов: «бум… бу-бум…», дыхание начало успокаиваться, рывки приобрели размеренность, попадавшую в звук бубна хоть раз из десяти.

Гром упрямый, не покоряясь вначале, он замучил себя до предела, потому и выход был долог.

Для опытных ведущего бубна нет, есть круг, как свет далёкого костра, указание направления. Для новичка круг должен притихнуть, один бубен к нему вести, говоря: «Ступай… Сюда, теперь сюда, на мой голос… В направлении их голосов».

Вёл его Паж.

Каждый «бум-бумс…» развязывал что-то, убирал с рук, ног, груди, суставов. Узлы

развязывались, затянутые вначале сверхъестественной болью, затем нечеловеческим в прямом смысле слова, кайфом от кибер-механики, что артефактом не сохранена, а Впечатлением ещё как сохранилась.

Побочный эффект: перед затуманенным взглядом, двоясь и пропадая, Паж предстал дежавю – человеком знакомым тысячу лет, так сильна образовавшаяся связь. Человеком, которого понимаешь без слов.

Таковым Паж являлся для половины братства точно. Чем и обусловлено его особое положение, а не силой демона моря. Удивительно, но знакомство с главным для него человеком Шамании ещё впереди.

Пажа, повторения кошмара, «фьюить!..» Гром не дождался. Появление светлячка означало, что он в пролёте. В сутки раз собирается лунный круг, сутки – пропуск, да и то лишку часто. Это для сопровождения, для каштана – нормально раз в семь дней, на свежую голову.

Сиди, гляди, ладонь положив на лунную мембрану. Это ему немедля и сообщили, а ещё, что Гром получает шанс увидеть редкое и понять

больше, чем мог бы на этом этапе запрашивать.

Да-да, зрелище невероятное, но накрыло после.

Светлячки в танце исчерпываются резко, полностью. Сахар поддержка.

Развесив лунные бубны на деревьях, круг людей собрался рядом с фигуркой, светящейся не «венами», а сплошняком и слабо. Светлячок держал, к нёбу прижав языком, каплю сахара, щурился и молчал. Так же молча, поднялся, пошёл к выходу. Они сопровождали его. Для Грома, частого посетителя вольно-бойцовских, разбойничьих рядов Южного, такое сопровождение молчаливой толпой не ассоциируется ни с чем хорошим. Однако вот что случилось…

На полпути к водопаду ореол догорающего тела стал ровным, поле чего - белым, как налили молоко, и… Этот непроизвольный жест любой узнаёт инстинктивно, как инстинктивно и совершает его: светлячок будто Белого Дракона позвал. Прищур раскрылся, и весь он раскрылся

вверх, к спасению, повисшие руки, как готовые к взмаху крылья…

Шамания, подземелье… Какие драконы?

Зато тут были они, лунный круг, которые тоже Шамания, её часть, её люди. Они объединили тигели ладоней единым, как волна движением, захватив светлячка в цепи, сделав её звеном. Они чутьём знают, когда подхватить. Живых – в танце, а светлячка – где угодно. Его легче, он очевидный. К сожалению и «тяжёлый». Один шаманиец, встретив в затопленном здании такого светлячка, увидев, как цвет регенерации бледнеет в молоко, не сможет помочь. Нужно два человека для двух тигелей его рук, но надёжнее – цепь, чем длинней, тем лучше.

Памятно старое происшествие.

Двое пытались вытащить друга опередившего их в деградации, он был исходно слабей. Навещали его, смотрели на бессмысленный ритуал взмахов, словно кого-то встречал в дверях… Кого они все встречают?.. Тогда шаманийцы ещё надеялись, что стадия светлячка принципиально обратима, что способ есть. Увидев зловещие признаки, они образовали цепь из трёх звеньев с ним посередине, надеясь вытащить. Погибли все трое. Харон, мимо проплывавший, лунному кругу рассказал.

Это Паж, объясняя, скажет – «тигели»,

морское слово. «Через тигели ладоней община берёт светлячка на руки, чтобы ему перескочить мигнувшее сияние».

Центр ладони сухопутные люди не сознают как тигель, помимо господствующих на первой расой. Но шаманийцы считали руки, кисти рук несколько особенными. Как бы запачканными лунной пылью, считали, что гуденье мембран остаётся в них и делает особенными. И так можно сказать.

Толпа стала цепью за мгновение. И пошла к водопаду как непрерывная волна, где набегая, где отставая, но не размыкая рук.

Гром шёл посторонним, так показалось ему. На самом деле, он сделал лишь шаг прежде, чем оказаться крайним слева в цепи. Рука, поймавшая его, была ещё шире и крепче его руки, а человек одного с ним роста.

Профиль, сделанный грубым резцом, тремя зигзагами: надбровные дуги, нос и подбородок. Профиль кивнул ему: смотри, учись. Суровый голос, охрипший, как выяснится, навсегда, до потери интонаций, сказал:

– Понимаешь, шаманиец, он – это тоже мы. Для реки устье – смерть. А без устья? Болото?

Есть ли у вас, континентальный ведь ты, верно, рассказчики? Слышал ты сказки о смерти, которая бросает людей навещать? Правда, страшные сказки? И одинаково заканчиваются.

Гром помнил такую от Амиго.

– Вдохни сейчас. Свежо? Он не может вдохнуть без нас. А мы без него не можем попробовать эту свежесть. Сейчас мы грудь, а он воздух. Мы и он – Шамания. Светлячки, шаманиец, кто знает, не за смертью спускаются ли сюда? А мы? Не к продленью ли отчаяния их выводим? Но как иначе, как?..

Гром слушал его под шум воды, с удовольствием понимая, что не требуется ответа.

Левая сторона цепи отставала, Гром видел, как светлячок наполняется из бледного обратно синеватым, призрачным тоном не срабатывающей регенерации, возвращаясь в свою остаточную, загадочную жизнь. «Нет, не обратно к отчаянью. Я уверен, что нет!..» Гром чувствовал его сомнамбулическую улыбку на своих губах. Он просто-напросто знал, что светлячок улыбается.

На водопаде лунное братство, поднимаясь, выхлопывало простой ритм. Получалась волна.

Гром слышал особый ритм Шамании. Не сопровождения, не для лунного круга. Возникающий в моменты праздности, как местная песня без слов, гимн что ли…

Гром выхлопывал ритм под шаги светлячка, чувствовал на губах его бессмысленную, ни к чему не относящуюся, надмировую улыбку, встречал ею начало какого-то, - лучше не загадывать, какого, – но абсолютно нового пути.

Хлопал, и руки казались в лунном тальке.

Уносимые водопадом, красные, размытые огоньки отражались на сводах, рисовали «sos, sos, sos…». Иногда обе «s» загибались в центральное «о» и кричали: «Беги! Спасай себя!»

«Я остаюсь…» – сказал Гром-шаманиец Грому-изгнаннику на верхних ступенях водопада. Сказал обширной, подземной, во мраке оставшейся степи. «Я здесь навсегда. И будь, что будет».

Где бурлила река на ярком дневном свету, светлячок ушёл по ней вброд.

Парни разбирали подвешенные лодки.

Спутник Грома, человек с резким профилем обернулся к нему на свету… Оп, что ни шаг на

этой земле, то неожиданность. Впалые щёки, круто вырезанные ноздри. Если присмотреться, – и это у полудроида! – видна сеть морщин, как сиреневые разводы наметившейся регенерации… Без пяти минут светлячок! А держался, будто тронный дроид. Среди старейших борцов бывают такие, флегматики, кряжисто стоящие на ногах, как ухватив ими землю.

Реакцию его мгновенную, сразу подавленную, шаманиец считал, конечно, хмыкнул.

На Харона глядя, у Грома спросил:

– Что, безлодочный брат, с проводником загробным на выход поплывёшь? Или затопленную Шаманию с иного ракурса предложу тебе посмотреть?

Снаружи Грома никто не ждал, и ничто не ждало. Как там жить, зачем туда возвращаться? Напомни ему сейчас про пляски на Мелоди, не поверил бы.

Он выбрал этот, пересохший от каштанов голос. Эти сиреневатые морщины и новую жизнь.

Харон пожал плечами и раскланялся, отплывая.

– Докстри, – представился шаманиец.

Они плавали вместе. Они читали вместе. Молчали, говорили.

Докстри много говорил. Без вдохновения, как по обязанности, и в то же время, как одинокий человек, привыкший сам с собой разговаривать. Брюзжал, ностальгировал, открывал Шаманию новичку.

– Шаманиец родился, когда попробовал. Если сразу не умер, то направился к смерти… Зря Паж суетится… Он всё думает, нельзя ли как-то исправить… Нельзя. Проба запускает порчу регенерации. А затем… Всякий ведь знает, что начал умирать, каждый из нас знает. Не имеет сомнений… Один Паж суетится зачем-то. Чего суетится, когда всё понятно?.. А поняв, каждый, кто как может… В меру своих, как говорится, сил и возможностей… Кто – «фить-фить…» – навстречу Шамаш летит. В объятья Шамаш. А бывало, что и прочь от неё летят, перепугавшись… Только почему-то имя её берут! Гром, я шесть человек знал, пытавшихся не возвращаться, всех их на рынках, на континенте звали Шаманами! Смешно, нет?! Я не такой. Я навстречу летел. Я… «Фить!..» Безоглядно упивался, каждым каштаном, не оглядывался вообще, вперёд, назад, что там было, что будет…

Но в один прекрасный момент, видишь ли, все одинаково перегорают… И те, что бежали прочь, и те, что хотели захлебнуться в каштане, не выныривать из него… И тогда начинают бежать быстрей. Из последних сил. И добегают быстрей! А я остановился… Я как-то совсем перегорел. Ну, и оно замедлилось… И регенерация, и её упадок… Сижу вот, смотрю, наблюдаю распад… Как смерть приближается… Подходит… На тебя вот взглянул, а она ещё два шажочка подошла. На неё – глядь! Она – стоп! И стоит… Хитрющая! После первого глотка… Первого горла окрученного… После первого «фить», всё, назад пути нет. Теперь я чаще вспоминаю «фить», чем беру следующий каштан. Не из страха, нет. Не чтоб отодвинуть светлячовую пору, а мне стало почти вровень. Почти всё равно, как «фить, фить»… И ей, кажется, всё равно, не торопит… Но и не отступает… Замечтался, она, бац, ещё ближе стоит… Не могут люди, Гром, прямо на жизнь, прямо на смерть смотреть, а то б не умирали…»

– И не жили, – добавил Гром.

– Ну, это как взглянуть!.. – тихо смеясь, Докстри не согласился и не возразил. – С какой стороны взглянуть.

– А где тут другая сторона?

– А если нет её, о чем спорить?

Хитрющий! Не поэтому ли она и медлит.

Его дразнили – «док», того, кто придумал резаки, эту кибер-механику, считай, всё племя стрижей… Долгие годы в школе его дразнили так и за спиной и в лицо. Ибо был никакой не «док», был никчёмен. На побегушках у всех. А потом он придумал стри-кибер, кибер-ножницы, которые превращают человека в летающий серп, и над ним больше не смеялись.

Стрижиный док. Док-стри… Докстри.

02.09

Время событийное, жизненное, а не то, которое в шестерёнках часов, сумасшедшее какое-то чередование представляет собой: взлёты, болота, скользкие горки… Вообще, телекинез: как я тут очутился? Тянулось-тянулось путешествие, круча над головой росла, бац, ты у подножия. А с планами, со всякими, дела обстоят ещё веселей, лучше и не загадывать. Поперёк долины узкая полоса… Ручеёк? Кустарник? Совсем не кустарник вблизи оказывается! Не то, чтобы и ручеёк… Разрезана долина. Шипит, шумит поток, видны лишь брызги и пена на дне пропасти. Поворачивай, другие горы тебя ждут.

Закат прячут, манят: иди к нам.

Время – как ландшафт Жука, суровый, живописный и чокнутый…

Происходить всё важное начинает – вдруг, с не угадываемого тобою момента. Однако в отношении тебя – подгаданного идеально, так, чтоб не был готов! Смехотворно не готов, до отпавшей челюсти, до недоверчивого: «Шуточки?..» Ага – Фортуны.

Несерьёзен, несобран кто-то, кто заведует течением времени, занят увлекательным хобби, а не рутиной «тик-так». Ленится распределить события поравномерней. Ждёт, пока почта накопится, и вываливает всю, вытряхивает: разбирайся! Отвечать же на некоторые письма – крайние сроки подошли…

К Отто подошли, вовсе не ждавшему писем, смирившемуся с тем, что величественные пики – непокорённый мираж.

Отто проводил день за днём в Арбе и на безобманном поле Гранд Падре, прислушиваясь к нему, к рукам, подушечкам пальцев, к стеклу шариков. Как игрок серьёзнел и возрастал с каждым днём. В ряду восковых печатей он успел перекрыть даже тех, кого Паж собирался

подкупить, расчищая путь своему человеку. Когда все печати игрока перекрыты, его вызов могут принимать или не принимать, как обязательный соперник - он выбыл. В этом году противник клинча рисковал не собой, а вовсе каким-то флаконом, ему неизвестным, так что желающих, кто б сомневался, прибавилось по сравнению с прежними годами… И резко убыло – стараниями Отто.

Паж имел одновременно твёрдую уверенность в том, что на последних, отборочных партиях чумные птенцы заставят отступить марбл-асса Отто… Выбьют его с Гранд Падре, как из гнезда канарейку… Одновременно имея и уверенность в том, что если судьба захочет пошутить, то птенчиками Отто она не промахнётся.

Отто становился помехой. Отто давно стал непреходящим, дурацким, незнакомым каким-то беспокойством… За него, дурака! Вроде и намекал: отойди ты! В сторонке постой!.. Ну и что, что твой флакон? Был твой, стал – общий! От всего континента. Вроде как, не слышит.

Паж решился бодаться с упрямым телёнком, торговаться за отступные. Несложно же это оказалось! Настолько, что встаёт вопрос: а по-

дружески нельзя было попросить? Н-нет… Нет.

Дело не в том, сколько раз Паж отказывал ему. А в том, до какой степени запредельно странным представляется просить игрока: «Пропусти-ка ты поединок всей своей жизни!» С какого перепугу, спрашивается? Левая пятка твоя так захотела?

В чем Паж отказывал ему? Да во всём. Постоянно.

Узок мир демона моря при всей кажущейся широте. Со дна - до стрижиных «фьюить», через постоянный Ноу Стоп. Континентальные рынки пробегал с фляжкой в руке: переговорить, свести, развести людей. Лёд заказчикам отдать, экзотику глубоководную, если повезло, и обратно в Шаманию, фонариком по книге скользить, бесплодно, настойчиво. «Кому ты паж?» Кому?

Давно установившийся распорядок. Заказчиков много, все – серьёзные люди, богачи, борцы или полудемоны сами. Придонный, вяжущий лёд разных ядовитых градаций котировался у любителей. Будучи штукой редкой и дорогой, он позволял добытчику не отказывать себе в нужном и понравившемся.

Отто звал, выспрашивал, набивался то туда, то сюда, Паж отнекивался. На Мелоди – ну, его, спеть вайолет – не умею. Ага-ага… В Шаманию – закрыли тему, и будь добр, при посторонних не произноси. На морские знакомства напрашивался – зачем тебе?

На Цокки-Цокки Отто его тоже зазывал. В неформальной увидеть обстановке полудемона, буку, молчуна. Опять отнекивался. И вдруг согласился. За отказ от игры против клинчей. Раскинув мозгами так…

«По-дружески телёнку сказать: «Отступи ты с поля Гранд-Падре?..»

Паж прокрутил ожидаемый диалог в уме:

– Чума? По какой причине он, а не я должен встать против латника на краю безобманного поля?

– Потому что они – клинчи, а ты нет! И ты – не шаманиец!

– Так делай! Что бы оно ни значило, сделай меня шаманийцем!

Тупик, приехали.

«Без вариантов… О чём там Отто упоминал, когда ещё Шамания не втемяшилась ему? О рынках цокки, например. Вчера, не далее как…

Подходит, пусть… Завтра, когда будет хвастаться, кого на Цокки-Цокки обыграл, и на какое желание играли, тогда вплотную и обговорим, без виляний. Ну, типа, ему, чего он там хочет, мне – Гранд Падре».

Желания на рынках цокки вполне однотипные… Это не значит, что похвастаться нечем, наоборот!.. И марблс там катают, их не катали разве что по морскому дну! Но цокки - не игровые рынки.

Выбор Пажом предмета уступки, как самого недорого, походя сделанный выбор, оказался едва не легкомысленней поползновений самого Отто на визит к Гранд Падре. Отто по крайней мере достоверно знал область, в которую вторгается, марбл-ассом будучи, не расслаблялся, тренируясь каждый день. Решение Пажа говорило о том, лишь, как далёк был от… Как давно не…

Забыл про стрелы огненные ныряльщик холодного Великого Моря.

Обобщающее название «цокки» рынков происходит от манеры чокаться, выплёскивая и ловя, смешивая воду, от сог-цок, являясь именем собственным для наиболее обжитого и

популярного Цокки-Цокки.

Синоним «сог-цок», произнесённого с солящим вверх, разбрызгивающим жестом щепоткой – синоним цокки.

Произносится название отрывисто, высоким, поднимающимся тоном, с ударением на все четыре слога. С улыбкой и с прищелкиванием языком! Цоканье языком само по себе говорящий жест. Однократно не в счёт, а дважды или больше - намёк, приглашение. Воспоминание: «Помнишь, как мы с тобой...» Вопрос: кто он тебе? Кто она тебе, ей, ему? Тот голубок продаёт себя? Горлица, смотри, что у меня есть, как насчёт?..

Цокки-Цокки – рынок наслаждений, уединений, лежбищ, плясок, игр, песен, торга и неторга, непрекращающегося Соломенного Дня. Воды в сосудах туда не приносили. Самый мирный из всех – рынок знакомств и наслаждений. И знакомств без наслаждений. И наслаждений без знакомств.

Рынки цокки хороши своей безопасностью, усовершенствованные с той целью, чтоб сделать невозможными похищения. Защищённость, а не желание уединиться – причина их

существования. Повсюду рукотворная крыша, потолки натянутые. Обычно это рынки-дома. Области Сад если наличествуют, то в виде крытых двориков.

Как для земных торговых шатров, для рынков цокки характерны пологи на раме.

Это всё отлично, но психологически маловато. Обрезанный купол шатра и открытое небо вторичны, угрозой воспринимается пирамидка. Надо, чтоб пирамидку не поднять. В лидеры вышили те рынки цокки, устройство которых позволило залить их водой. Сначала её подкрашивали, ароматизировали эфирными маслами. Затем опытным путём обнаружили, что слой масла и слой воды, в смысле препятствования торговой подставке, не отличаются. Масло выигрывает по сумме условий, оно не должно как вода лежать озером или болотом, плёнки достаточно. А если озером и болотом, валяться в масле куда приятней, чем шлёпать по воде! Так эти рынки сделались сухими, но промасленными, где-то неощутимо, где-то до уровня мелководья.

Масла сближали столь разные сферы, как цокки и борцовскую, последнюю «дискредитируя» что ли… Предметом шуток сделав. Фазаны кичились, что масла не входят в их стиль, виры игнорировали насмешки, а на правом крыле – шути, если жизнь тебе не дорога.

Кто лишку темпераментный забыл найти крючок для одежды, обратно промасленный полетит верхом, виляя подальше от трассы и крупных облачных рынков. Или демонстративно не сторонясь! Встречая приветственные усмешки, раскланиваясь: жизнь удалась, чего и вам желаю!

Несколько слов о физиологии полудроидов.

Они чувствительны, податливы и выносливы много сверх людей прошлых эпох.

Не утратив специфику испокон веков доставляющих наслаждение мест тела, дроидская часть существа распространила его сплошь, без ограничений. Когда тугой клубок желания уже не имеет, куда сжиматься и как опутывать переплетённые тела, он вырывается насквозь через каждую пору тела.

Определяющий момент их цокки-радостей – полнейшая необусловленность желаний чем бы то ни было: возрастом, социальными предрассудками, временными циклами. Что сделало удовольствия разнообразней и – поверхностней. Сила наслаждения для полудроида зависит от силы воображения. От того, кто с кем. В гораздо меньшей степени от того, что именно они вытворяют. Торжество

субъективности.

На рынки цокки заходят и ради тривиальных связей «сог-цок», и ради простых знакомств без оного, случайных ласк, что на эротику-то тянут едва, ради атмосферы цокки, подглядываний. Никому не мешает, напротив общее варево возможно лишь в таком котле.

Понятие фетиша в эпоху высших дроидов невозможно в принципе. Фетиш, старым языком – отклонение, более человеческим – специфика, а если близко к истине – сопровождающий момент. Для полудроидов нет вторичного, сопровождающего. Всё норма, всё служит наслаждению.

Пристрастие к рынкам цокки – рядовое коллекционерское пристрастие. Кто-то начинает и бросает коллекции, кто-то собирает и продаёт, кто-то всю жизнь одну собирает, чужим вовсе не показывая. Так можно посещать цокки лишь с другом и ради него. Ради определённого типа ласк, игр.

Коллекционерское цокки, пока не надоест. К любви и образованию пар, связанных в первой расе, имеет косвенное отношение, если вообще имеет. Если один из партнёров не дроид.

Обретший пару полудроид меняет не формальный, а фактический статус, преображается. Удовольствие, сопровождавшее его прежние цокки связи, ласки, поцелуи, как бы ушло из них, как аромат, отставив лишь послевкусие. Полудроид кожей распознаёт те действия, что разъединяют с любимым и избегает их так же естественно, как работают рефлексы самосохранения. Любовные треугольники невозможны в эпоху высших дроидов. Зато колючие многоугольники цокки – в преизбытке! Хотя эгоизм, собственничество не в почёте. Кто кого ревновать не станет, это влюблённая пара.

Для одиноких цокки рынки – вроде исследования новых, безграничных земель, жадное и увлекательное. А для тех кто, случись такое несчастье, утратил возлюбленного – пустой звук. Перенесшие утрату не ищут утешения на Цокки-Цокки, как изгнанники не поводят время за разглядыванием чужих рам и прихожих Собственных Миров, так они утешения не найдут.

На букву «ц» начинаются преимущественно мальчиковые рынки – «цокки». На «с», «сокки» – смешанные, хотя «сокки» - партнёрша. Девичьих нет. Почему? Да парни пролезут куда угодно! Кто

же их станет гнать, когда они такие душки?! Парням на сокки – лафа… Настоящая же причина – просто из-за численности.

Девушек, пребывающих вне Собственных Миров ощутимо меньше. Где-то, среди торговцев, втрое меньше. Где-то в игровых рядах – в пять, в десять раз. Среди борцов в сотни.

По природе девушки Восходящие слишком уравновешенны и рассудительны, чтобы собрать неудобный облачный эскиз, непригодный для жизни. Слишком боязливы, чтоб покидать его, ради чего-то, кроме прогулок под ливнями. С дракона ступить на континент чистой хозяйке – подвиг, а тем более за раму незнакомого рынка.

Проявившие иной характер девушки, проявляют его лишку для выживания. Авантюристок губят и азартность, и физическая слабость, и неоправданная доверчивость, сокращая итоговое число. Так что танцовщица, зашедшая на Цокки-Цокки – почётный гость! Не шутка.

Что танцовщица, певица, чара будет радостно и уважительно принята на мальчишечьем и очень многолюдном Цокки-Цокки – не шутка дурного тона, чёрного цвета.

Что до плотских радостей, важнейшая черта полудроидского естества, – насилию ни в каком смысле нет места! Ни в какой форме и мере. Насилие пахнет иначе, дышит иначе. На дроидском эсперанто сказать: разные вектора.

Правое крыло, ряды целые и облачные рынки живут и дышат только им: борцы и клинчи, убеждённые охотники, те, кому нравится превращать, а результат превращения безразличен. Но эти сферы не пересекаются. Полудроид, борец, клинч, охотник, в цокки и любви не использует своё тело как оружие. Дроиды победили. Походя, исподволь, не подозревая о том.

Забавно, они так настойчиво стремятся изъять запретное… Окончательно, бесповоротно, и не получается! А куда более важная вещь сложилась сама собой.

Покупка же танца, песни или «сог-цок» для полудроидов обычная практика. Но разнообразие побеждает и тут, есть те, кто охотно продаются и покупают, и те, кто категорически не приемлет. Личное дело.

Исходно разные, повинуясь какому-то внутреннему закону, облачные рынки цокки

сблизились в стиле.

Полумрак тёплых, золотисто-коричневых, сливово-коричных, багряных тонов… Светильники на подвесах. Мятниками раскачиваются, описывают широкие круги, вращаются, разбрасывая лучи и скользящие блики.

Примета цокки рынков – всякие качающиеся интерьерные штучки. От мебели: качелей, кресел-качалок, неудобных, в общем-то, для цокки, гамаков, до статуэток. Болванчики кивающие, украшения, функциональные для любви и нет… Всякое такое заполняет комнаты, картинки, вирту по теме. Местные украшения: кольца с камнем на подвижном штырьке, серьги-цепочки… Серьги каплями – отличительный знак бая цокки рынков. Отдельно подаренное что-то из таких вещей – намёк.

Сходная музыка звучит на цокки рынках. Какая музыка…

Струнные непопулярны в эпоху высших дроидов. На цокки же – сверхпопулярны! Причём – забытые, смычковые.

Их дополняли большие барабаны, повсеместная страсть. Огромные барабаны, с

глухим, мягким «бумм...» Музыканты добивались ухода какой бы то ни было звонкости, и возрастания глубины звука. Их даже руками не касались, лишь меховыми, вспененными колотушками. Потрясающе, и всё-таки барабаны – сопровождение, а сок: «контрабасы», «виолончели»? Что-то на их основе сотворённое, громады фигуристые, лаковые, с глубоким, сочным тембром, пряным, пьяным и густым.

Мелодии приняты на рынках цокки с минимальным развитием темы, что не удивительно, средней скорости, и что уж совсем не удивительно - ритмичные.

Притушив, но, не утратив эротическую составляющую, буйные, быстрые пляски с Цокки-Цокки обрели второе дыхание на Мелоди. Да – капри! Козьи пляски оттуда пошли.

В иных областях рынки цокки не влиятельны, законодателями мод не стать им, по понятным причинам! Местом плетения интриг тоже, просто потому, что цокки-друг или подруга тем фактом вычёркиваются из списка людей, против которых легко и весело интриговать. Тем более сражаться. К примеру, на правом крыле цокки-друзья никогда не схлестнутся.

Насмешливо относящиеся к сильным страстям, продолжительным увлечениям, полудроиды так характеризуют человека, отдающего чему-либо много времени и труда: «Хочет в музыканты на цокки!» Настолько это положение завидно и желанно! И сложно.

Играть на контрабасе физически неестественно для полудроида: сидишь за ящиком, обнимешь его… Смычок – страннейшая вещь. Но – результат.

Инструменты делают всего несколько мастеров на Краснобае. Превращением левой руки по Впечатлению легче дворец создать целиком, от фундамента до шпиля и гераней в горшках, чем контрабас желанного звука! Обладающий им – богач, владеющий игрой – счастливчик! Кто откажется совместить приятное с приятным? И слава его, и все тридцать три удовольствия.

Музыканты «цокки-басы», «бумм-цокки» даже внешне отличаются. У них такая бархатная во взгляде, усталая, покровительственная лучистость… Взгляд как бы говорит, что не дроиды, а они, «басы» – жильцы горних сфер. Они даруют блаженство смычком и отложив смычок.

Есть легенда о двух братьях, связанная с контрабасом.

Будто они были изгнанники и друзья со дня утраты, настолько близкие, неразлучные в бедах и надеждах, что вернее назвать их братьями, а не побратимами. Но друг другу братья не были цокки.

Однажды изгнанники залетели на Цокки-Цокки. Их пленило веселье рынка, доброта. Открытый на вход, закрытый ото зла, большой общий дом… Пленило то, что должно было привлечь изгнанников, но особенно – голос басовых струн…

У одного музыканта учились, служили на рынках и между ними голубями, пытались нырять за ракушками, жемчугом и торговать. Получалось хило.

Изгнанники очень бедны. Выучившись, всем сердцем полюбив музыку наслаждений, не имея иного пристанища кроме Цокки-Цокки, братья поняли, что контрабаса им в жизни не заказать, не выменять.

Тогда они разыграли, кому стать инструментом, кому играть на нём. И воплотили решённое.

Так возник инструмент проникновенного, покоряющего звука…

С тех пор второй из братьев не прикоснулся ни к одному из посетителей рынка, желавших его, задаривших, соблазнявших. Он стал богат, и он – только играл. Имя его сохранилось как прозвище – Бас, стало комплиментом превосходной степени, составной частью музыкантских прозвищ, а имя брата не сохранилось.

Человек хоть единожды слышавший басовые струны, скажет, что легенда прозрачна донельзя, странно, если б она не появилась!

Низкие струнные стоны вливаются, в уши, как оливка в губы. Даже если человек на цокки – случайный визитёр, почта, и не планировал ничего такого, через три шага в полумраке запланирует и воплотит как миленький!.. Это точно, струны вытягивали изнутри всё подзабытое, спавшее поднимали… Запредельно живым, в полной боеготовности!

На что и рассчитывал Отто!

Надеялся в лице молчуна с Ноу Стоп увидеть ещё раз, повторявшийся многократно, триумф

непобедимого Цокки-Цокки: преображение самых разных людей! Надеялся что, нигде не раскрывающийся, Паж под «бум… буммм… бу-бу-буммм…», под пьяные, лихо и негромко наяривающее струны, раскроется, наконец! Про Шаманию расскажет… Про майны свои… Споёт, пока отдыхают бумм-цокки…

Ой, как всё удалось ему! Ох, как не удалось!

02.10

Отто надеялся на атмосферу рынка. Знал силу её.

Басовые струны поманят вперед, за спиной упадёт тяжёлый полог, благоуханный и промасленный, как всё вокруг, упрямство Пажа останется за ним, и молчун раскроется на Цокки-Цокки с другой стороны. В принципе, раскроется. Отто звал, намекал, подначивал. Паж хмыкал и только, даже темы не переводил. А тут – бац! – и согласился… В обмен на отказ от визита к Гранд Падре – визит на Цокки-Цокки.

Отто немедленно начал искать подвох. Не нашёл.

Паж достался ему целиком, под красными зарницами метрономом качавшегося светильника, с бледной кожей демона моря, сине-зелёным отливом в чёрных волосах, крепкий и жилистый. Поперёк груди, выше солнечного сплетения белым кораллом след от ожога. Не замкнут под левой лопаткой. Едва не погиб тогда. Отто на фоне его – смуглей, чем топлёное молоко.

Как цокки, они оказались равными и достойными партнёрами. Пажа чутким сделал океан, Отто – птенцы марблс. А неутомимость чудовища, помноженная на юношеский темперамент, произвели впечатляющий результат!

И ведь о предстоящем не уславливались, визит, а дальше – как пойдёт…

Отто надеялся его разговорить, в крайнем случае, с разговорчивыми и опытными друзьями перезнакомить. И после выпытывать у них, его тайные тайны и секретные секреты… Паж надеялся зайти и выйти. Соломок заведения потаскать, вокруг поглазеть, отмолчаться и выйти… Ага… Хоть он и не помнил, и значения не придал, когда-то за котлом Ноу Стоп, брусочек в спину сопящих, телячьих губ отпечатался безвозвратно. Не ожог, не смахнуть.

Кончилось их приключение на Цокки-Цокки,

верней, началось и закончилось спустя сутки, в утлом, отгороженном закутке. «Лодка черпнувшая» такие называются.

С драконов на раму сошли…

Окунулись в шоколадный полумрак за пологом рынка…

С кем-то здоровались…

Что-то вдыхали…

Соломки лакрицей запаянные…

Струны то ближе, то дальше…

В лабиринте ширм забрели в какой-то тупик…

– Лодочка… – констатировал Отто чужим, глуховатым голосом…

Пол заглублённый, масло плеснуло под ногами…

В закутке никого…

Красный светильник метроном качается с еле слышным стуком…

Упали в масло, далёким анисом отдающее, и не выходили уже. Ни на стук марблс, ни на ускорение струн и барабанов, призывавших

плясать и бороться, звавшим наслаждения объединить, ни на чью-то тихую, высоким голосом выводимую песню…

Оба не ожидали.

Обоих ждал сюрприз.

Разные сюрпризы, объединённые самоочевидностью. Но цокки, когда неподдельный, не купленный, как брызги сог-цок, высоко над двумя чашками взлетает, из реальности конкретно выносит…

– Ааа!.. – сказал неразговорчивый, безэмоциональный Паж, едва пришли в себя и огляделись. – Чёртик анисовый, неугомонный, что ты наделал?!

Отто соломку допитую, отбросил, из прострации вышел… И на спину повалился, колени обхватив, хохоча, пока слёзы не потекли!

– Я не нарочно, – выговорил он, – прости! Я отдам тебе жилетку!..

Лохмотья Пажа не представлялось возможным надеть на живого, сохранившего хоть каплю достоинства человека. Их в масле-то найти, не собрать! Лоскутки, ленточки… Пояс остался, нашарил его. Продел, завернулся,

застегнул… Отто слегка пижонист, юбка получилась с дырками по бокам, но так ничего, очень даже…

Вышли скромней некуда, по стеночкам, вдоль ширм. Где поворачивать забыли, и Отто забыл.

Лабиринт сменялся залами-лежбищами, где их приветствовали, показывая большой палец, приглашали заходить ещё. В другой раз общество вниманием не обделять требовали. Шебутные, беспокойные полудроиды и в Цокки-Цокки редко увлекались настолько, редко бывали так поглощены пусть приятным, но – делом!

Рама, свежий воздух облачных миров… Басовые струны остались за пологом, в анисовом полумраке…

Паж провожал Отто до его Собственного Мира, так как Отто сказал, что с дракона непременно свалится, и не проснётся, и дроид не поймает его, промасленного такого. Сказал и немедленно продемонстрировал! В шутку. Впрочем, его облачный мир кружил недалеко.

А сюрприз… Отто на прохладном свежем воздухе осознал прозрачную вещь: всё не началось, всё закончилось.

Сблизился он, с кем желал сблизиться… Ну и? Осталось лишь слово держать. Не выпытал тайны, на шаг к ней не продвинулся, не вытребовал на будущее визита ли, повествования о Шамании… Не разговаривали они! Гранд Падре в минус, итог. Огорчаться по-настоящему он пока что не мог, на расстройство сил не осталось. Мысли поверху масляной плёнкой текли, которая завтра не сдержит волн ревнивого, беспокойного моря. Завтра…

Долетели, Отто через раму перевалился, пробормотал:

– Как-нибудь повторим?..

Мельком, боясь «нет» в глазах своего цокки увидеть. И пропал за сквозной беседкой-прихожей…

Дом на пригорке. Ну, его. Рухнул носом в высокую траву. Не первый раз тут падал и ночевал, так что нос попал в забытую, девчачью игрушку, плюшевого медвежонка с галстуком-бабочкой. Торжественный, как дворецкий, медвежонок выслушал распоряжение:

– Меня нет дома.

Отто придуривался, верхом ему не усидеть, а

Пажу, демону моря на самом деле все силы для того же понадобились. Что и оказалось сюрпризом.

Нет, он знал… Прекрасно понимал, каков он, ныряльщик, как устроен. Но чтобы – до полного исчерпания…

«Аут… Або, Аволь… Меня нету…»

Кому пожаловаться, кому похвастаться, кому рассказать? Ни медвежонка поблизости, ни телёнка… Дракон если слышал, то не обернулся.

Что делать, куда направиться-то?.. В Собственный Мир он никак не собирался, этот визит положение только ухудшит. В море в таком состоянии нельзя. Значит, на континент.

Дракон его быстр, к плавным разворотам не расположен. Ветер лицо Пажа, на спине чешуйчатой, белой ничком лежащего, порывами обдувал. И Паж целовал ветер.

«Теля… Губы мягкие, анисовые, как Аволь лакричные… Нет её лучше, но Аут найти нельзя, вот беда… Найти нельзя и зайти нельзя в Аут Аволь… В них можно, и – аут… Да, на этот раз, марбл-асс, сахарный чёртик, гнездо мы с тобой собрали… Ничья… Птенцы все в гнезде: и синички, и кукушата в лакричной Аволь… Прикатились, в мягкие губы Аволь приплыли, за двое ворот… За лунные белые, за лунные

жёлтые… Спасибо, дурашка… Спасибо…»

Есть марбл-серии, когда цель «вдвоём собрать гнездо», то есть любую комбинацию строго вничью. Не сговариваясь. Их на двух полях играют: пара против пары, молча. Чтоб обеспечить честность, разыгрывают кто с кем, бумажки тащат. Этот вариант считается сложным и не популярен. Согласованность нужна, внимание большее, чем к противнику.

Над Краснобаем Белый Дракон снизился по привычке, указания не дождавшись, ближе ко входу на Марбл-стрит.

«Куда дальше? Марблс - Чума - шатёр чумных птенчиков… Годится. Сгоняет по-дружбе за ледяным глотком. Лишь бы у себя оказался».

Паж зашёл, щурясь со света, споткнулся о край рычажного, наклонного игрового стола… Стол, конечно, накренился… Дорогущие, заботливо Чумой разложенные, комплекты марблс покатились, поскакали…

– Ой, оу…

Хозяин шатра, склоняя колено, присел:

– Док-шамаш?..

– Оу, привет… – Паж опустился на угол стола, пытаясь поймать катящиеся марблс, и хуже рассыпал. – Ты будешь смеяться…

Над чем?.. С каждым днём пустело его лицо. Чума лишь квадратными от удивления глазами приметил капающее с угла жилетки масло. Меньше бы удивился, дроида в Шамании увидав.

– Эээ… Сгоняй до Халиля мне за кубиком? Он знает. И тряпку какую-нибудь на плечи… Полог прикрой, лады?

К вечеру Паж уже бродил рядами Южного Рынка, на вид такой, как всегда.

А не на вид? Как он устроен, ныряльщик, демон моря? Да весьма просто.

Он не оттаивал до конца, до нормы. Зачем? Редко случался перерыв в два-три дня, чтобы Паж не уходил в Великое Море на самую глубину. На берегу его ценят как поставщика, да и сам привык за щекой катать ледышку… Глубины для него больше, чем жадность и развлечение, среда обитания. Каждый раз, вынырнув, костерок разводить? Амиго звать, кого-то специального держать на подхвате? Ерунда, скука какая. Лишняя суета.

В тот нескладный день, когда Амиго вытащил Пажа, преследователь гнал ныряльщика с самого дна, не дал соблюсти траекторию минимального прогрева: мимо горячих источников, мимо ледяного ада Морских Собак. Преследователь хорош, спору нет: мощная тень, безголовая, из сплошных щупалец, монстр - не разорвётся при резкой смене глубины, не развалиться на скоростях, быстрое течение лишь обкорнает его. Хорошо, что подобные нечасты в Великом Море.

Тогда Амиго и огонь впрямь требовались Пажу.

Вынырнув, так хочется горяченького, хочется, как ача… Амиго ещё повезло, что Паж – это Паж. И дважды повезло, что с дракона не сверзился. Окажись он в щупальцах такой тени, секунда и уже щупальца – в нём, не успел бы в волнах побултыхаться. После чего ныряльщик с безголовым монстром его останки бы запросто поделили, через минуту – ошмётки одни, как при столкновении с косяком крошек-ро…

Паж солгал Отто на Ноу, на прямой вопрос солгал, имея в виду, что… Пажа угощали, он пил. Находя кое-что особенное в глубинах, этим пользовался… С тенями дрался за их добычу, это редко. У актиний отнимал. Но сам для себя не

ловил, это - нет, это подразумевал, отвечая.

Выныривал Паж обычным человеком с прохладной, бледной кожей, внутри оставалось Великое Море.

Отсроченная, каждый раз отодвигаемая весна: пригрело – заморозки, потекло – наст. Он изнутри состоял не из гибких упругих потоков усвоения-испарения, а из этих потоков, текущих сквозь ледяную крупу, пласты ледышек… На самочувствии сказывалось ощутимо. Всё тормозилось, что в Великом Море не нужно: сложное мышление, речь, чувства… Всё без чего можно выжить там. И даже удобнее выживать.

Из теней Паж имел лишь мутную плёнку, защищающую глаза. Это не его муть, и не с Ноу, рынок запретного даёт обычную, сонную полуприкрытость взгляду.

Небольшая тень, но Паж её ценил, ибо трудно сделать тень настолько пассивной. Удалось. Способствовала поддержанию её нейтральных качеств та же глубоководная непрогретость, остававшаяся в нём.

Отто всё к чертям порушил! «Тёплый, мягкий, нежный телёнок. Цокки… Горячий, как молнии, бьющие в котёл Ноу Стоп… Отто виноват!»

Никто не виновен. Весна сама не может, чтоб – однажды и вдруг – целиком и полностью не свершиться. Тогда уже – вдруг и окончательно – бежит всеми ручьями со всех склонов. И ей не удержаться, и её не удержать.

Даже муть с глаз прикипела к векам изнутри, открыла радужки. Не утопай рынок наслаждений в полумраке, Отто заметил бы, что смотрит Пажу в настоящие глаза, светло-карие, как вторые сахарные врата Аволь… Мифические врата Аволь, которые, невесть почему, так легко представляет себе любой демон моря. Внешние врата, скорлупу сахарной Або Аут Аволь называют лакричными вратами, анисовыми, как весь Цокки-Цокки, как веки, которые целовал.

Подвести черту под самочувствием ныряльщика мог бы подобный ему. Хорошее, сложное ощущение, однако… Жизненный уклад сколь можно быстрей возвращается к исходному, либо меняется напрочь. Одно из двух.

Какое меняется? Приоритеты Пажа устаканились давным-давно, рынки цокки в них

отсутствовали как явление. Так что подозрения Отто небезосновательны в частности и пессимизм обоснован в целом.

Ему приснился страшный сон.

Фиолетовая бездна морская, куда отродясь не нырял. Было пару раз предложено как развлечение: «Слушаться будешь, смогу гарантировать почти безопасность… Почти. А про Шаманию забудь». Не прельщало.

Сон сохранил воспоминания прошлого дня, пахло благовониями рыночными, лакрицей.

Во сне Отто влекло неимоверно сильным, глубоководным течением. Ужас состоял в том, что он, ныряльщик, обнаружен, целиком зрим. Начало ужаса.

Раскинув руки, выставив перед собой, летел над бездонным фиолетовым провалом. Заслонялся от света впереди, от пологих горных хребтов. Горы – как вытянутые в линию крылья, не кончающиеся ни вправо, ни влево… Над ними профиль орла… Нет, быка… Нет, орла… Над горами. Профиль медленно разворачивался… Смотрит… Сейчас взглянет в упор…

Белые отроги надвигались, сияли сквозь

фиолетовую, глубоководную тьму и надвигались. Сквозь них пробивалось тихое солнце в ореоле…

Такое огромное образование, существо запредельных, невыразимых размеров, от которого не спрятаться, которое слишком велико, чтобы что-то… Чтобы… Что?.. Всё.

Отто умирал от страха. Его видят, и сейчас его увидят… Он замечен, и через миг…

Наяву силы кошмаров не объяснить.

Развязка насупила, когда понял резко и чётко, что это – не его руки, и это – не его ужас. Но вместо того, чтоб испытать облегчение, он почувствовал удар в сердце, как копьём в щиток в игровых рядах. Безвредный. Но притом означающий – ты выбыл, дружок. Но если он, это не он, то кто? Кто – выбыл?

Пажу ничего не снилось.

С утра, встряхнувшись, выпив и набрав простой воды, Отто залетел в Шафранный Парасоль, игнорируя клинчей, на него реагирующих как автоматические прожектора. Даром, что из разных кланов, кивали друг другу: вот он, арома-марбл-ойл.

Воду оставил своим. Пошутковал с Лаймом,

забрал у него обещанную лимонную полынь, нюхнул… Нюхнули оба… – горькая!

– Чооорт!.. – покаялся Лайм - Клянусь, я не нарочно! Ну, просто не судьба. Другой раз.

В другой, так в другой. Если правила Арома-Лато соблюдать, а на них никто не настаивал, для Отто комбинация на апельсиновом масле – пара пустяков, может состряпать за минуту, до начала следующего лото. Захватил набор шариков, опрыскался мускусом и умчался.

Пажа на уличном марблс разыскав, Отто хлопнул по плечу, мускусный насквозь! От волос до пяток. Как мускусная свеча от теней, по легенде, ими не любимая. Запах лакрицы старался перебить после такого сна, истребить подчистую!

Не получилось… Лакрицей и сладостью пахли его губы, брусочек мягких губ. Паж вдохнул, целуя, эту лакрицу и мягкость прежде, чем услышал в своей, гудящей, пустующей голове: «Притормози-ка, демон, а? Дай телёнку его жизнь прожить, среди шариков стеклянных, среди нормальных людей».

Демон моря, Паж от мускуса фыркнул, кашлянул. Не на пустом месте легенды

возникают. Положим, мускусная свеча тень и не высушит, но отпугнёт. Морским Чудовищам этот характерный тяжёлый запах, неприятен.

– Повторим? – начал Отто с той же фразы, которой закончил вчерашний день.

– Непременно… – Паж кивнул, бросая тройку птенцов вдоль дорожки.

Два сразу улетели к бортам. Чума смотрел, скрестив руки, с неподвижным лицом. Док-шамаш скверно играет, не новость.

– Когда?

– Как-нибудь…

– Хочешь закончить партию? Или у вас серия заходов оговорена?

– Эээ… Отто, когда-нибудь это значит…

Он не закончил партию. Ушли, и Паж получил всю бурю, неизбежную, накопившуюся за время неравного, неравновесного знакомства. И Грома Отто помянул первый раз вслух! Не удержался, хотя рядом с этим парнем Пажа раз только видел.

– Он лучше меня, да?! Цокки-лонги?!

Выражение, обозначающее такой удар чашечками сог-цок, когда вода высоко

выплёскивается, длинный сог-цок. На жаргоне рынков цокки выражение комплиментарное чьим-то физическим данным, размерам…

– У вас там, в Шамании свои цокки, да?!

Вот что Пажу и в голову не приходило! Лунный круг не держится на парах. Круг есть круг, ему вредят любые углы.

Он шёл и мотал головой. Потом летели, и мотал головой. Потом обратно к Краснобаю спустились… Когда Отто выдохся, Паж попробовал объяснить…

Как мог, он объяснил он сухопутному, небесному существу, как это - наполовину принадлежать Великому Морю.

Но дело в том, что люди крепко ассоциируются с ролью, в которой пребывали на момент знакомства или единожды произвели фурор. Откровенные и логичные объяснения Пажа звучали чертовски неубедительно.

«Этот парень крепкий как железо может – раз в год?!» Ну, убедительно? Да ещё на разницу меж ними ссылаясь. «Какую разницу-то? Что я не ныряю? Так я не хочу нырять, и что? Ещё бы сказал, из-за того, что марблс криво катает, а я

прямо!.. И что теперь? Через полных два сезона?!»

На том сошлись, «когда Гранд Падре, вот тогда»…

Насупленный Отто в сторону Рулетки умотал, а Паж кое-что вспомнил…

Уж вспомнил, так вспомнил. И вовремя-то как!

А именно: с чего ему вообще взбрело именно за Цокки-Цокки с телёнком поторговаться…

02.11

Не далее как позавчера…

Паж с Буро смотрели бой-кобры в шатре Густава. Правила давно изменены. Теперь это был просто элитный открытый клуб, если можно так сказать «просто» в адрес заведения высшей пробы. Шикарные местоположение, изысканная обстановка участников и публику притягивали соответствующих. Сохранилась плата за вход, впрочем, ничтожная на фоне ставок.

Действовали правила «подкапюшонных» боёв. На мысль о рынке наслаждений нетрудно им навести…

"Подкапюшонных", означает – спрятанных, не для всех, кто снаружи заглянет, а для тех, кто специально знал, куда шёл. Единственный вариант не уединённого и не внутрирыночного, напоказ совершаемого сог-цок в плотском значении слова. Вот где традиционное и для борцов и для любовников масло было дважды уместно!

Боевую, часть, так сказать аперитив, в продолжительности уступала основному блюду. Однако подкапюшонные – поединки, не что-то иное, заканчивающиеся болевым либо удушающим контролем.

Доля доставшаяся борцам зависела от реальной победы. В случае если проигравший соглашался устроить цокки на публику, он получал часть ставок. Схватка могла закончиться на брудершафт, или ничьей, борьба на пирамидке реально утомляет. За ничью никто и не получает ставок, а за цокки на брудершафт – поровну.

Пирамидку ставил третий, назначенный Густавом, человек и снимал при подозрении на становившийся взаимно опасным удушающий захват.

По-прежнему разносили соломки от заведения, зеркало увеличительной линзы дрейфовало на зеркальном, бутылочно-зелёном потолке, раздавалась ненавязчивая музыка, приглушённая теперь, когда не проклятия заглушала, а протяжные стоны, короткие вскрики, чтоб не заглушать совсем… Пурпурный Лал в корне подставки покачивался слегка, напоминая об иных временах, особо Биг-Фазану.

Чёрт знает зачем, ноги регулярно приносили его сюда. Не участвовал, да и не наблюдал особо. За лалом, за маятником мыслей своих наблюдал.

Звездой шатра была девушка! Звали Ярью, в честь удавки – ярь-медянки отододи. Если другое имя имела, никто его не знал. Она притягивала зрителей не красотой форм, гибкая малышка, и не темпераментом, обещавшим многое… А тем, что до сих пор никому не досталась! Её способность коротким броском сомкнуть захват на чужой глотке поражала! Прежде могла и пошутить, выскальзывая, и оглушить хорошей оплеухой! Ждал народ, ждал… кому достанется?.. Половина не меньше всей публики ходила ради неё, в ожидании торжественного момента. Подозревали, хозяйская это, Густава приманка, доход от шатра умножить… Почему

нет?.. Кто-то против?

Ярь была блондинка, альбинос с голубыми глазами. Знакомств не заводила. Откуда появлялась, куда улетала? Ради своего прозвища или оттого что природой данное не нравилось ей, в маслах злоупотребляла медным и тёмно-смуглым пигментами. Это не шло ей, не к лицу.

Как-то раз публика поднесла Яри в дар масло «серебро в молоке». Со сливочным, далёким ароматом… Такие дары бывают с подвохом. В масла подмешивают оливку, что-то дурманящее, расслабляющее. Приняла Ярь-кобра его за чистую монету или за вызов, они так и не поняли, походя, приняла. И в тот раз была белая, обнажённая, голубоглазая кошечка сногсшибательна!

В силу морской природы его, тяжело и медленно истребляемых, проблем, Бутон-биг-Надир радостям цокки практически не платил дани, довольствуясь эротически насыщенными гранями бытия, не переступая их искалеченной, всё ещё тяжёлой стопой. Но – иногда…

Обуздывающему голод и холод присущих теней телу, ежесекундно, то есть, обуздывающему, цокки – испытание, ожог… В

радость, конечно, но дорого оплаченная радость. В том числе материально. Глядя на себя, он понимал, сколько это стоит, вкупе с молчанием.

Под «капюшон кобры», его зазвали обговорить покупку борца, на месте оценив. Обговорили, оценили, Буро не ушёл, завис. Решил, что раз уж так, то хочет все тридцать три удовольствия. Не услуги цокки нужны ему, а зрелище и то, что позволит расслабиться, морское что-то… Он отправил голубицу разыскать Пажа, обнаружила ею в гостях у Секундной Стрелки, в обществе Злотого, Чумы и несколько бледного Каури. Паж обещал, что заглянет? Вот и заглянул… «Не боись, не укушу». С Каури они мирились. Помирившись же, всей компанией и отправились «под капюшон».

Лёгкий флёр лакрицы – фирменный запах Цокки-Цокки, просочился с небесного рынка до пункта их следования. Запах на Морской Звезде нераспространённый, для полудроидов ассоциирующийся лишь с цокки. Из-за легендарной Аволь, ещё и с Чудовищами Моря. Кое-кто из разбойников Секундной Стрелки согласился бы: по отвратности – одно к одному!

От начала респектабельного ряда сомнений не оставалось, что за шатёр в его конце… Ну и

ор!.. Чего они так вопят?! Как от порыва ветра дрогнули соседние тенты, плотные, расписные…

– За-ме-ча-тель-но… – процедил Злотый.

До скрежета зубовного ненавидел смешение цокки с борьбой, его жизнью, его призванием.

– Давайте, орите сильней… Наконец-то выпинают вас отсюда, хорошо бы и вовсе с Южного.

Выругавшись, свернул на правое крыло.

Снова от Капюшона Кобры тряхнуло весь ряд, криком животным, не утихающим. Низким, звериным, происходящим на одной частоте, из утробы, из древних пластов требухи исходящим. Звериный рёв, финальный. Узким глазом Каури на Чуму стрельнул: чего думаешь? Подразумевая: неужели Ярь всё ж таки оступилась, а мы пропустили такой момент? Чума качнул растрёпанными прядями: не… Сорвало бы шатёр и унесло от их глоток лужёных.

А Буро там, под капюшоном подумал, прикрыв миндалины тёмных, многое повидавших глаз, что тихим-тихим стояло заведение Густава, пока душили и умирали в нём… Никому не мешало. Ветер переменился, и

сразу нашлись сразу те, кому помешало… Злотого он понимал, и даже был с ним согласен, презирая смешение жанров. Буро воду Впечатлений предпочитал не коллекционную, не цельную, а рафинированную по темам. Но несоизмеримость развлечений, несправедливость в данном случае задевала его. Шумное соседство, и правда, переставало местным нравиться…

«Под Капюшоном» незнакомый мальчик с крутыми кольцами кудрей отпивался, торопливо надкусывая соломки, вытягивая воду и после каждого глотка смеясь, от усталости и утихающего возбуждения.

Чума рухнул где-то у края, в дальнем ряду и стал ждать следующей цокки-кобры. Каури, почтительно приветствовал Биг-Буро и с Пажом тактично оставил, затесался в круг тянущих соломки. Орали впрямь как ненормальные, к мальчику стоит присмотреться… С плохими намерениями. Если он популярен, то он богат, найдётся чего грабануть… На плотские радости Каури чхать. Ему нравится разбой в небе, не честные гонки и не честная борьба. Погоня, драка, грабёж.

«Под Капюшоном Кобры», и пришло Пажу в

голову за тот же самый Цокки-Цокки с Отто поторговаться. Тысячу раз зван, и Буро, под влиянием места, неожиданно попросил ради его туда же ради своего интереса слетать.

Без скупердяйства Паж преподнёс постоянному заказчику до краёв полный кубик свежайшего, вчерашнего придонного льда и поимел от Биг-Буро признательность. Забавно получилось, что и Буро, и он – абсолютно случайные гости в подобного рода заведениях. Ледышки тягая, Буро чувствовал себя как-то уверенней…

За человеческий облик, который во всей полноте мог, сохранив, беречь Биг-Буро этого поставщика сильно уважал, отнёс его к числу людей, осведомлённых выше среднего, но контроля не требующих.

Паж молчун, Буро дипломат, не откровенничая, друг о друге они знали достаточно. Под Капюшоном Кобры слегка разговорились.

Буро похвалил его за редкостную морскую выдержку, Паж комплимент сходу отверг:

– Что ты, Буро, уважаемый, я не ловко выныриваю. День за днём никто бы не смог выныривать полностью к теплу. Я не прогреваюсь. Как-то незачем… А сделать круг от горячих источников к ледяным, это просто

привычка…

В знак доверия Буро обратился к нему с просьбой. Решил почему-то, что Паж тут не чужой, а значит и на облачных рынках цокки. Решил, что, как чудовище чудовище, Паж поймёт его… Буро попросил купить для него цокки там, куда прилететь не способен. На раз или как получится. Подходящего человека, чтоб без недоговорок: спокойно, откровенно, дорого…

– Сокки или цокки? – уточнил Паж.

– Да всё равно. Умненькую если, спокойную, можно и сокки… Девушки, тут проблема, они впечатлительные. Ну, ты ж понимаешь, каков я. Пугать никого не хочу. Но танцовщица, к примеру если, то вообще класс.

– А что голуби?

Биг-Буро усмехнулся:

– Воркуют много… Туточки на Южном и гнездятся… Что им потом, клюв затыкать или шею сворачивать?

– Буро, глупость спросил.

– Почему? Нормальный вопрос… Голуби конечно да, они такие, их много, им всё равно…

Но мне бы такого, кому не всё равно… Пусть и на раз, но… Не такую дешёвку, ты понял, а кто любит это дело. Кто тамошний, а не тупо здесь продаётся. Купить-то на Южном, что хочешь можно…

Паж пообещал. И забыл. Напрочь!..

На конкретный день не договаривались, но касательно Буро доступная исполнению просьба означает – завтра. На днях – с извинениями…

Кровеносная система крупных земных рынков, когда-то Центрального, теперь Южного – голубиная сеть, была кастой совершенно необходимой и низкой, неуважаемой.

«Проводник» по рядам, выше голубя, это специальный человек. Им, без рекомендации нанятым, может оказаться охотник, разумеется, на лбу не написано, но если нет, то доверие оправдано. Одновременно компас и телохранитель, проводник рискует своей репутацией. А голуби не рискуют, какая у них репутация? Раз проведёт, второй заведёт к торговцу, уговор с голубем имеющему, а в третий раз, перемигнётся с закрытым пологом и хищнику продаст на полпути. Потому им чаще доверяли письма и устные поручения, чем себя.

Глобальная причина, если так подумать, зиждется на ослаблении в почтальонах такой глобальной полудроидской черты, как гордость. Гордыня, гонор, чванство, показушность… Сколь ни уничижительны наименования, а заставляют хранить лицо, спину прямо держать. Когда же становится нетвёрд, не вертикален, погнут несущий штифт, периферия разрегулируется неизбежно. Не философски, а чисто практически.

Человеку из сословий, где все контакты вертятся вокруг: не уронить достоинства, не задеть случайно, подколоть нарочно и так далее, трудно и странно с голубями дружить. Ещё сообразить надо, а как реагировать и какой тон взять с человеком, заведомо поставившим себя в приниженное положение. Как говорить со служкой? Чем решать такие сложные интонационные вопросы, легче отстраниться. Общаться по делу, общепринятыми схемами. Потому вокруг голубей, голубятен слоилось множество ритуалов, церемоний. Потому, зачастую далеко не бедные, голуби обособлены незримой стеной.

Зато ориентировались они великолепно. В рядах, в именах, приметах, прозвищах, отношениях, артефактах, ценах. В услугах, которые можно на Южном Рынке получить, предоставить определённые из которых могли они сами. Охотно, по-быстрому, без энтузиазма,

недорого. Дешёвка.

Для тех, кто попал в голуби за долги, не служба, а низость кастового положения была актуальным наказанием. От крупных «голубятен» дистанцировались, как могли, предпочитая откровенно находиться возле шатра кредитора, на корточках сидеть. Если кредитор добрый, позволял в шатре под видом гостя оставаться. Такие пренебрегали охранительной символикой, весьма полезные голубям пёстрые повязки, браслеты, серьги шарики сердоликовые, не носили.

В смысле коллекционерского пристрастия, цокки для полудроидов - страсть не отличающаяся от любой другой. Естественная, длящаяся, сколько ей отмерено, угасающая по разным причинам, по разным возобновляющаяся. Цокки это просто цокки, капля в море их гедонизма. Предмет шуток. Чаще повод, чем цель знакомства. Источник прозвищ, как и Техно, и Рынок Мастеров, и борьба... Как гонки, искусство, коллекционирование.

Для голубей же, искусных и покладистых, цокки, вроде как не увлечённое коллекционирование. Зная цены, моды, они собирают порой незаурядные тематические

коллекции Впечатлений и артефактов. Но лишь затем, чтоб при случае выгодно продать. Это оправданно. Отчасти. Ведь купленная целиком, это не совсем коллекция, не твоя коллекция. И купленный на разовое или регулярное цокки – не твой цокки.

Представленная общим планом, жизнь полудроидов вне Собственных Миров довольно слабо проникнута плотским вожделением. Зато с ног до головы – густым эротизмом. Культ физической красоты, в нём блёстки и ароматы: азарта-азарта-азарта! Непрекращающейся игры.

Самый крупный, Цокки-Цокки – рынок от перенаселённости не страдающий. Почему? В нём не хватает игры! От посетителей ломится, когда марблс поединки назначены! Аншлаг, когда на желание играют! Понятно, на какое: то же самое, что в каждый из дней! Словом, ребячливость доминирует во всех областях. И тут голубь может демонстрировать, всё что требуется. Он без слов сообразит: ждут от него победы и доминирования или проигрыша и подчинения. Изобразит, но останется голубем.

Ещё значимый штрих.

Устройство тел, базирующееся на дроидских огоньках и влаге, в сравнении с исходными белковыми телами, гораздо полней открыто сопереживанию.

Когда полудроид говорит: «Я счастлив оттого, что ты счастлив! Мне приятно, когда тебе приятно!» Он имеет в виду не моральное удовлетворение, актуальное чувство. Опять-таки, причём тут продажная горлица.

«Напрочь забыл!..» День минул, второй заканчивался. «Оченно плохо, что я оченно забыл… Совсем это невежливо… Отнюдь это неразумно… И как же я так забыл?»

Значит, на Цокки-Цокки возвращаться? Реально никого Паж там не знал. А Отто каждая собака знает, то есть… Получалось вообще здорово: твёрдо отказав ему во встречах на полгода, обосновав, обстоятельства изложив, старый я, тяжело мне, Паж в тот же вечер развернётся и полетит обратно?! Даже на самого Отто не наткнувшись, нет малейшей надежды в тайне сохранить!.. Доказывай потом! Настолько зло и беспричинно обидеть телёнка Паж не мог…

Он постоял в смеркающемся ряду, покрутился, шаг в сторону игровых… Шаг в сторону борцовских…

В пыль, в позёмку раннего тумана уставился…

Хмыкнул…

Усмехнулся…

Ещё шире, совсем широко…

И быстрым шагом отправился в центр Южного Рынка.

Если горячий, насквозь живой Отто искренне хотел продолжения, то и он, подзамёрзший, оправившийся до среднего морского состояния тоже, не меньше его. Но не мог. Не мог позволить себе. «А море? А лёд, нужный, порой необходимый в Шамании? А яды, безоружным ходить, что ли? Заказчики на рынках?» Без вязкой ледышки за щекой не представлял себя, долгий день казался бесконечным.

«А цокки? А губы, бёдра?.. А как же человеческая, своего требующая, природа?» Тупик на первый взгляд. На второй, очевидно, что партнёр холоднее его не повредит Пажу, но даст скинуть напряжение.

Всё кувырнулось и продолжилось вверх тормашками: Отто не вернулся на Цокки-Цокки. Может, разок занесёт до самого Гранд Падре. На безобманном поле будет проводить день за днём, чтоб отвлечься, чтоб не показалось странным клинчам и друзьям по марблс его внезапное исчезновение… Поднимется на

знаковую ступень от марбл-асса к бай-марблс-отто, титулу, возникшему как его имя. От «некуда-себя-девать» Отто возрастёт до настоящего мастера.

А Паж…

В ночи вежливыми, негромкими хлопками Паж нарушил тишину близ шатра Биг-Буро.

Хозяин вышел, огляделся…

– Проблемы, Паж? Что-то нужно от меня?

– Прости Буро, что запамятовал…

От него гадски разило муском. Буро поморщился…

– Извиниться прямо-таки ночью пришёл? Я суров не настолько и срока тебе не назначал. Да, проходи, чего мы тут, в тумане… Что за тряпка на тебе, от чего так разит?

Паж засмеялся, скинул. Но, не желая оставить валяться, чиркнул искрой. Накидка вспыхнула и сразу прогорела.

– Приятель мой из Аромы…

Зашли внутрь.

– Из Арома-Лато? И как эта утончённая

группа терпит его… Так с чем ты пришёл?

– Ну… Был я на Цокки, на день выбило…

– Да я уж вижу… Кого-то присмотрел? Без мускуса, надеюсь?

Паж улыбнулся и развёл руками:

– Уже да! К сожалению не танцовщица! Зацени, подойдёт ли?

– Ооо… - сказал Буро. – Оу, дурак же я, дурак. Нашёл, кого о сводничестве просить, ты не тамошний… Мускусный приятель тамошний, да?..

– Анисовый сахарный!

– Оу, лакричный?.. Ты нашёл Аволь?! Ха-ха… Дурак я. Приятно удивлён…

Буро склонил голову, положил руку ему на плечо:

– Потерпи меня, Паж. И ты получишь больше, чем рассчитываешь. Жадным меня ещё никто не называл.

– Буро, что ты говоришь, ради дроидского света?.. Два монстра мы, ты и я, за честь мне, за удачу. Странно даже, что мы прежде…

– Твоя правда… А как насчёт тёпленького выпить?

Дженераль, внезапно оказавшийся в котле Ноу Стоп, Паж припомнил на раз. Однозначная провокация, успешная. Теперь ясно чья…

– Буро, ты знаешь, я знаю про ача… Я – нем. У меня нет языка.

– Ты лучше, чем нем, ты умён. И так?

– С удовольствием пригублю рожок… Жаль, что фляжка с Ноу в ответ не порадует тебя…

–Пей вашу дрянь, я не буду, что с того. От Олива сведения, обо мне, никому не нужном, никому не интересном Бедовичке?

Паж рассмеялся:

– От него!

– Длинный же язык чей-то зелёный!.. Укоротить всё никак не соберусь. А добудь-ка мне, Паж, да не затруднит тебя, ножницы специальные, из Ледяного Ада Морских Собак… От злой, зубастой тридакны скелет: верхнюю и нижнюю челюсти!

– Свирепо! Сурово!.. Позволь, Бутон-биг-Надир, мне заступиться за Олива! От имени всего Рынка Ноу Стоп!.. С подношением затрудняюсь, Надир, такое дело… Я не охочусь. И тёпленьким отблагодарить не смогу… Льдом смогу, как

всегда.

– Троп предстань перед тобой, я угощаю, хватит торговаться!

Они подходили друг другу, глубоководные твари с разной судьбой, объединённые печатью Великого Моря. Выдающееся уродство Буро не могло смутить Пажа. Туманы ночей не выдадут их встреч. Взаимный холод не задевает…

Паж мог сколько угодно вспоминать анисовые, тёплые губы… Мог свободно поговорить о ласковом телёнке. С кем же, как не с Буро? А он хотел поговорить! Хотел посвятить в курс дел, касательно клинчей, Арбы, вроде бы разрешившегося конфликта с Секундной Стрелкой… Но разбойники ведь они, а Пачули – друг Отто. Хотел о покровительстве для телёнка договориться. Присматривал бы Надир по жизни за ним, и на будущее, если вдруг чего…

Буро понимающе и скептично качал рогатой головой. Всё обещал, ничего не одобряя. Жизненный опыт говорил Биг-Буро: имущественный, сословный, возрастной мезальянс нехорош.

Философствовали, о Шамании говорили.

Как помочь, скажем, Чуме? Или хотя бы, что ему ответить? Паж, многим док, лунный круг постоянно в его мыслях.

– Как представляется тебе, цокки Надир, экстремальные обстоятельства скорей губят отчаянно храброго, одержимого шаманийца, или расчётливого, с прохладцей относящегося к ней?

Надиру не представлялось ни так, ни этак:

– Ох, Паж… Ну, глянем, пораскинь мозгами… Когда ты тормозишь, неуверенность демонстрируешь, якобы делаешь шаг вспять… Ты власти не имеешь сделать его вспять! Нет хода назад по времени. Так куда же? Если в сторону, у времени нет и боков, как толщины нет у тени ро… Шаг в сторону – шаг в другую ситуацию. Остаётся – вверх или вниз. Так Паж? Что мы имеем? Струсив, делаешь шаг вверх. Придавая значимости, ты возводишь на высоту. Ты взращиваешь проблему. Чем дольше, тем выше падать. Если не шугаться, импульс затихнет сам собой… Но ты не позволяешь ему.

– А если не колебаться, а форсировать? И так бывает.

– Подумай по аналогии.

– Шаг вниз.

– Конечно! Это как несогласованность с течением, надежда большую скорость найти на большей глубине. Теряешь, что имел. Если у него есть главенствующий фарватер, следи лишь за тем, чтоб тебя несло не на обочины, а в быстрину. Кто торопит события не получит того, что получил бы плывя по течению, следуя и наблюдая.

– Искусство в том, чтобы оставить всякую технику, все ухищрения…

– Вот!..

– …и, в конечном счёте, даже не желать…

– Ничего? – встрепенулся Буро.

– Ну, разве, вот этого? – Паж потянул, развязывая, шёлковый кушак.

02.12

Докстри подкупил Грома, на первый же вопрос ответив изгнаннической поговоркой: «Верить можно только плохим новостям». Кто-кто, а изгнанники об этом осведомлены. Разводы на сухом лице, как синей акварелью

проведённые и замытые…

Гром спросил, а возможен ли откат со стадии светлячка:

– Когда-то от хищника Великого Моря я слышал, что регенерация при ядовитой ране может совсем остановиться. Но на время. Потом вдруг запуститься, снова пойти. С каштанами также обстоят дела?

Резкий профиль Докстри усмехнулся и ответил:

– Верить можно только плохим новостям.

Они много времени проводили вместе. Да практически всё.

Докстри был как негромкое постоянное радио. Не требующее ответа, не ожидающее реакции. По волнам голоса, по затопленным проулкам… День за днём: от скуки к удивлению, через несогласие к пониманию, минуя спор… Пока Докстри разглагольствовал, Гром успевал с неявной стороны увидеть вопрос и согласиться.

Гром тоже вспоминал всякое вслух, и всё – по контрасту.

Хороводы ночами между искристых,

лимонных шаров, под световыми, планирующими на головы медузами… Козьи пляски дневные, ночные – под бликами «вулканов» крутящихся, задуманные, чтоб выхватывать разноцветными лучами лица и танцевальные па.

За пределами Шамании, при всём многообразии его занятий, Гром всегда что-то активно делал, коллекционировал, соревновался, тренировался. Доказывал что-то себе и другим. Времени и ситуации не нашлось – поразговаривать. Предположить не мог, что именно это и нужно ему.

В Архи-Саду, на левом крыле Южного Рынка Грому всё время приходилось изображаться лучше, чем он есть. Или казалось, что приходится. Казалось, что он не соответствует чему-то, кому-то… Сам же рынок и его борцовские, в правом крыле расположившиеся ряды, принуждали к большему, хоть бы напускному цинизму.

Шамания не требовала притворства, но она и не допускала его… В силу характера, Гром редко спрашивал, никогда не просил советов, а незнакомая земля, на девяносто девять процентов населённая призраками и останками прежних живых обитателей давила сумраком, все загадки представлялись угрозами. Чем дольше Гром молчал, тем фальшивей

становилось теперь уже, тут уже – бездействие о молчание. Снова он не соответствовал чему-то, непонятно чему.

«Бла-бла» Докстри, успокаивая, регулярно дёргали за какие-то струны в громовых сомнениях. Косвенно дёргали, несильно. И это представлялось подозрительным! «Целится наугад равномерно размазанной болтовнёй? Помочь хочет или задурить?..»

Ужас и эйфория первых каштанов прошли, начался естественный откат неуверенности, сомнений.

Начиная с игроков против Секундной Стрелки, Гром достаточно наслышан про группы, требующие регулярных жертвоприношений. Как чужими, так своими людьми, а случается – не прошедшими проверку... Критерии? Входит ли в традицию Шамании – осведомление о них. Или тут всё происходит молча?

«Не окажется ли вдруг, что резаки в каштанах – будний кайф, а есть ещё и праздничный? Что если кибер-резаки воссозданы, что они используются по назначению?» Чем меньше оснований для подозрений, тем пышней цветут.

Да, шаманийцы неразговорчивы, Докстри

напротив, и будто по надобности. Но пока это всё, что можно предъявить открывшейся Грому земле.

Атмосфера пробуждала подозрительность сама по себе. Неприветливую, насквозь тревожную Шаманию расценить, как приют, мог только изгнанник, притом большой оригинал. Не сравнить с кочевой жизнью небесного бродяжки, с оглядки требующим, но горячо живым Южным Рынком. С Рулетки, Краснобаем и так далее…

Гром продолжал в чужих лодках кочевать по затопленным городам… Но не всюду, куда заплывали другие! Он не мог бы сказать: куда? Ради чего? Но оно было в городских лабиринтах, место известное всем, но не ему! Фальшиво молчал про него с Докстри. Не спрашивал.

Как спросить? «Я чую, я обделён». – «Чем же?» Чем? Вон плывут, с собой не берут, в лодочке двое, следом трое, некуда взять. «Так и нас двое! Куда тебя отвести?!» Тьфу, бред какой-то! Не для Грома диалог.

Развернулась цепочка совпадений и чем они невинней, чем объяснимей, тем подозрительней, а те же что не объяснимы – на степень!

Безлодочность… Гром получался, привязан к

Харону и Докстри. Шаманийцы знают, где лодку добыть? Знают, да всё как-то откладывалось… Знает и сам Гром, у кого на Техно заказать дешёвое плав-средство. В мастерской пенковой мебели. Медлительная лодка, скорей, плот, зато на месте расправится. Собирался и откладывал… Тоже чужой злой умысел? Гипноз?

Весьма нескоро, не через день или два Гром понял, что за сухими, не интонированными монологами, внезапными афоризмами Докстри излишне искать скрытый смысл. Что это не притчи, не указатели на бурлящих течениях Шамании. Поняв, тут же засомневался, и обратное начал подозревать! Но уже серьёзней, с новой, так сказать, глубиной серьёзности. Настолько новой, что она не могла не отразиться на его лице.

Когда Докстри спросил о причине такой задумчивости, Гром честно ответил. Смех почти светлячка был тихий, как бурление каштана у самой поверхности воды, равномерное.

– Но с чего ты, Гром, решил, будто направлять тебя моя задача? Хех, и куда направлять? Может быть, отпустить тебя – моя задача? В Шамании каждый волен жить своим умом, либо без ума, в сплошном «фить-фить!..»

Да и почему я? Меня рядом с Пажом поставь, слово против слова, вот скажет он тебе, пора в омут нырять, а я скажу, нет, ведь ты нырнёшь. Потому что он – позвал и вёл тебя. Вывел. Ты задумывался, Гром, о выражении, справедливом вполне, что нет второго шанса произвести первое впечатление? Справедливо. События считаются по разам. По величине спорит между собой лишь второстепенное. Услышать, пример тебе, манок своего дроида, ты ещё помнишь его? Странный вопрос, да? Это – раз – событие. Оно не повторялось. Как ему повториться? А ведь тот манок ничем не громче, не красивей других манков! Сколько же их было? То-то… Хе-хе… А сколько из них ты помнишь? То-то и оно.

– А тебя кто вёл? – спросил Гром. – Он же? Кто позвал в Шаманию?

– Шамания и позвала. Через нас она говорит. А человек, нет, другой. Его нет уже.

Смех Докстри тихий, одобрительный. Потому что Гром угадал, а Докстри лукавил: роль Пажа велика, однако же, она – другая роль… Новый шаманиец начал разбираться, но радость тут невелика, это как лотерею угадать день своей смерти, получить приз – яблочко…

Поразмыслив, Гром полностью с ним согласился. Щепотками прибавляется второстепенное… Едва не отдав жизнь своему первому каштану, едва наизнанку не вывернувшись от адской боли, Гром ожидал адаптации долгой и тяжёлой. Связывал её с научением быстрей входить в транс, глубже. А там каких-то особенных глубин не оказалось. Есть достижение состояния, когда можно смотреть корень Впечатления, не отвлекаясь на боль, забыв о себе. И достигается оно не какими-то хитростями.

Был второй каштан и третий. Было сладостное, переполняющее тело «фьюить!..», сознание режущих крыльев стрижа, лицо жертвы в толпе, которое смог разглядеть… Особый кайф дарящая безвинность невозможности остановиться! Кайф!.. Было потрясение от того, что именно даёт эту полнокровную сладость. Колебание не прошло мимо… «Я не могу остановиться, даже отвлечься от Впечатления не могу, да, не в моей власти… Но я ведь и не хочу! Как с этим быть?»

Был рассказ Пажа о Рынке Ноу Стоп, о запретном. Проба. Отвращение и непонимание.

И снова «фьюить!..» в конце пикирующей

атаки. Снова уговоры себе: «Никто не страдает, и я не делаю ничего. Не совершаю. Того человека триллионы триллионов лет не существует, как и того стрижа».

– Они не задумывались, – сказал Докстри, – не задавались этим вопросом. Паж, вон, задаётся всякими подряд.

– А ты?

– Когда-то. Я ни черта не понял.

Гром недоверчиво поднял брови, и Докстри уточнил:

– Понял, хех, – ни черта… Порядок, в смысле, нет беды во «фьюить!..»

И привёл сравнение. Очередное потрясение для изгнанника, знакомого с Чудовищами Моря: ача, как явление. Гром не знал. Со Змеем не соотносил, монстр, извращённая тварь, особенность у него такая: жрать людей, воду высасывать из них.

В море неоткуда добыть связных Впечатлений, кроме как из чьих-то тел, общеизвестно. Но что это делают ради удовольствия на суше… Совершенно обыденно Докстри изложил Грому принцип и приспособы, сравнение же заключалось в одном аспекте:

– Я на Ноу пробовал дженераль, принёс кто-

то разок. Впечатления – Впечатления и есть, отличаются, что очень горячи. Так же и стрижи, я думаю. Силу жизни отнимали и всё. Как если бы Чудовище Моря разорвало упавшего гонщика, только чтобы согреться. Лапы, голову, плавники засунуть в него. Но не выпило влаги. Из того заключаю, если версия верна, что кибер-механика стрижам во-вторых – сила, а во-первых – слабость. Обманно присвоенный им изъян. Недостаток жизненных сил, который и побуждал к вылетам. Последующим, последующим… Бездонная бочка, дырявая глотка. А «фить!..» – хех, сумасшедшее получается да, жизни не жалко отдать, вечно бы окручивал в толпе эти шеи. Собственно, я её почти уже и отдал…

– Жалеешь?

– Не жалею, с чего бы. Видел, на что шёл. В целом, вот такая ерунда, если я хоть чего-то правильно понял. Пустышка. Пустой эффект.

Короткая, звонкая пауза повисла, лишь буханье и бурленье воды.

– Почему ты носишь имя его изобретателя? – спросил Гром, решившись.

– У… Какой ты, хех, любопытный.

За всем этим Гром и думать забыл о беспокойства по поводу адаптации, адски искусанных губах, пене на губах… Пройденная несколько раз под бубны лунного круга стадия превратилась заросший колючим кустарником пустырь перед блаженством. Промежуток безусловно отвратный, но конечный. Скучный. Отношения не имеющий к тому, что за ним. А отношение-то в реальности он имел самое прямое.

Таким образом, Гром непринуждённо, едва потоптавшись в смятении, встал на путь всех шаманийцев, обретя их объединяющее качество: нутряное пренебрежение к боли и к потребностям тела. Неблагоприятное шаманийцы просто перескакивают. Гром как остыл. Стал безразличен равно к другим и к себе. Что стало заметно сразу.

Оказавшись на левом крыле Южного, с Бураном проводя схватку, с побратимом, под присмотром Дабл-Пирита, он был точен и расчётлив как никогда. У шаманийцев, чем дальше, тем ярче выражены эти периоды: гибкой, упругой силы, чуткости, пластики сверхъестественной и разбалансированности такой, что на ногах держаться трудно. Грома

подхватило и несло первое состояние. Он провёл болевой, заломил руку, ровно до предела, плавно и точно. И был одёрнут учителем:

– Вир так бы не сделал! Гром, это не вирова борьба.

– Дабл?.. В чём ошибка?

Ошибки не было. Просто ему следовало остановиться намного раньше. Не на пороге регенерации. Не там, где предел, а раньше. Он не видел полутонов, побратима, смысла тренировки, её условной, лёгкой необязательности… Видел руку, сустав, секунды воочию видел, как гонщики видят их и привычные к скорости разбойники Секундной Стрелки. Но не людей. Точно так же, случись ему попасть на арену не в лучшей форме, оказался бы безразличен к себе.

И Буран не смог ему ответить, в чём ошибка.

– Ты где-то далеко, – сказал. – Тебе видней, ошибка это или нет.

Глаза у Грома через непродолжительное время сделались, какие бывают у шаманийцев повально, а из ача - у самых одержимых: запавшие чуть, отдыхающие в глазницах, чужие.

Откликаясь на полное безразличие полудроида к иглам каштана, к состояниям губительным для него, огоньки регенерации на

неуловимые пока доли секунды начали притормаживать в растерянности. Начали замедлять ход.

Иногда Гром по старой памяти поблекших развлечений пытался зазвать Докстри куда-нибудь за пределами Шамании. Недоумевал постоянству его отказов. Оно не удивительно для шаманийца, но остальные-то выходили. Жили в основном не тут. А Докстри всему на свете предпочитал сидеть, уставившись в мутную бурлящую воду.

Как-то раз, головой отрицательно мотнув на очередное предложение, он Грома спросил:

– Ты был когда-то счастлив? Вполне?

– Восходящим, – без размышленья ответил Гром. – И, ну, то же самое, когда снилось, что я Восходящий. Ещё бы не просыпаться…

– Неее… – перебивая, протянул Докстри. – Хех, хе-хе, далеко не то же самое!

Его указательный палец его очертил в воздухе круг, предлагая собеседнику перевернуть логику, взглянуть с другой стороны:

– Гром, если ты был так же счастлив во сне, значит Восходящим-то быть и не обязательно для

счастья. Так получается?

– Как бы, да… Ерунда получается. Значит, спать обязательно, что ли? Ну, дремли над мутью этой. А я слетаю всё ж таки поплясать. Засиделся.

Они разговаривали на ступенях лестницы, над затопленным первым этажом. Улочка такая узкая, что соседнее здание находилось практически вплотную.

Призрак испарения, – «Докстри не видит их что ли?..» – в дверном проёме, за дверью, на одной петле повисшей, приветствовал кто-то. «Кого они все встречают?..» Грому начинало казаться, что это вообще не выборочное засоление, когда корни Впечатлений автоматически сохранили главное, самое яркое – приход родных, друзей, гостей… Начинало казаться, что все эти призрачные люди встречают кого-то одного… Что под воду Шамании опали каштаны какого-то одного раскидистого дерева-Впечатления… А этот ещё зазывает руками: заходи, заходи. Грома мучило, беспокоило видение, но отвернувшись, он чувствовал себя ещё хуже. Совсем неуютно.

– Хех, давай-давай, – одобрительно отозвался Докстри.

Абсолютно без подвоха, и в противоположность призраку, махнул прочь: иди, развлекись, молодой ещё, шаманиец.

Упрямец Гром… «Машешь, гонишь?! Так я не пойду!»

Гром передумал и осознал, что к почти светлячку, суровому, иссушенному Докстри ощутимо привязан. Интересней, важней для него этот, тремя зигзагами вырезанный профиль, чем звонкое Мелоди…

«Каков ты был прежде, – подумал Гром, – если и теперь гора невозмутимая? Скала над бурлящей мутью… Как латники-клинчи, с холм высотой, что на Рынке Горн?» Сравнение, делающее честь его интуиции.

– А к чему ты это, – спросил он, – про счастье? Хочешь сказать, что достаточно тут погрезить, что Мелоди крутится под ногами, и поёт, и будто там? Не дороже, не дешевле?

– А?.. – Докстри очнулся. – Нет… Я думал, ты ушёл уже.

– Куда ж я уйду, без твоей лодки?

– А, ну да. Нет. Я к тому, что если необязательно счастье для счастья, хех, ну, его предмет, ну, Восходящим быть в действительности не обязательно, то и сон про это не обязателен! Хе-хе, ну скажи, так? Это ведь

пустышка, самый обычный сон. Как и вчерашний и завтрашний. А значит, сны вообще не обязательны, ведь ты же был счастлив Восходящим, когда не спал? А, хех?

Гром затряс головой, и смех весёлый, чужеродный здесь, раскатился по Шамании.

– С ног на голову! Нет, ну – так – запутать!

02.13

Предыдущий разговор, ещё не самый яркий пример оригинальности ума, подошедшего к краю! Удивительно ли, что Гром предпочитал нового знакомого континентальным и облачным досугам.

Не сумев тогда возразить, распутать словесное кружево, Гром воспринял промежуточный итог в ключе свойственном ему, как поражение. Хоть и спора между ними не произошло. В качестве поражения, следовательно, запомнил и стремился, так или иначе, отыграться.

«Пустышка», как выяснилось, как постоянный смешок, подкашливание, универсальная прибаутка Докстри, прилагаемая к чему угодно. «Пустышка» обнаруживалась после любого

«равно», в уравнении любой сложности, от приглашения на Мелоди сплясать, до собственных рассуждений Докстри.

«Пшик» бросал коротко. «Пустышка», презрительно результирующим тоном. А иногда задумчиво, с неопределённой интонацией в голосе, в которой вроде бы даже одобрение проскальзывало, говорил: «Плацебо...» Уважительно.

– Что это? – спросил Гром.

– Это старое понятие. Лекарство, действующее лишь потому, что в него верят. Пустышка, пшик.

– Ты шутишь снова?

– Хех, снова, это ещё когда?

– Да всегда!

Гром возмущённо хлопнул по коленям и окинул сырые своды, облезлой, отсыревшей коробки здания взглядом, взыскуя с них подтверждающих улик. Не обнаружил. Побелка цветов плесени собралась превратиться из лишайников и мха в тропическую растительность. Драпировка стены оторвана и углом висит.

– Хе-хех, Гром, я не понял, про что я шутил?

– Да про то хоть, чтоб счастливым быть - быть счастливым не нужно!

– В чём же шутка? – Докстри смеялся так тихо, словно экономил силы на смехе. – Это первейшее условие!

– Ну-ну… На Краснобае недавно за Марбл-стрит ряд сложился, закоулок короткий «Загадочный». Тебе туда.

– Я оскорблён тобою? Это глупый ряд с дешёвыми фокусами?

– Докстри!.. Нет, ряд реально загадочный: вопросы – ответы. Юморные в том числе. В основном для тех, кто в истории разбирается.

– А почему на Краснобае? Для баев-мастеров-болтовни?

– Ага, точно! – Гром засмеялся. – Просто Южный такой стал… Без проводника лучше не соваться. Зайти – милости просим, но чтобы выйти… Краснобай поспокойней как-то, люди и перебираются.

– Это нехорошо для Южного. А впрочем, за бурей следует штиль.

– И щепки.

– Хех, и щепки.

На том согласились.

Докстри предложил:

– Ну, загадай мне что-нибудь. Не полетим на материк, представим, что мы там.

– О, снова! Первейшее условие быть на Краснобае – на нём не быть!

– Не передёргивай, загадывай.

– Я истории не знаю. А дроидов знаю кое-кого. Дроидское угадаешь?

– Попробую.

– Валяй. Вот, есть у них тихие орбиты. А громкие, есть, исходя из того, как считаешь?

– Хех, в помине нет, – без паузы ответил Докстри.

Ответил правильно.

– А почему?

– Смысла не было бы называть тихие – тихими.

– С тобой скучно!

– С каштанами весело. Завтра твоя очередь.

– Угу. А твоя когда?

– Когда жить надоест, – помолчав, ответил Докстри. – Ты задумывался, что такое сознание?

Гром сроду немного задумывался.

– Я как-то представил… А если мы – просто тело. Линза. Окуляр. Комната эта старая, пустая. Снаружи её и внутри её, хех – сознание, как вода течёт сквозь дома эти. Свободно течёт. А линза выхватывает кусок, отпускает, и сразу хватает другой… Хех… Пока не сон, или не каштан… Мы всё держим, всё таскаем. Думаем сквозь тело, смотрим сквозь него… А оно, может, всё время на волю хочет…

«Борцы вытянувшие жребий на роковую для них схватку, жизнь проигравшие за стеклянными шариками марблс-мании как-то утешают себя, – подумал Гром. – А так утешает себя шаманиец за шаг до смерти».

Чем-то Гром выдал мысль окрашенную чувством превосходства.

Прочитав её, Докстри позволил себе фамильярность. Не обиделся. Сколько вещей осталось способных его задеть? По числу способных напугать – ноль целых, ноль после запятой… Старший шаманиец развернул младшего за плечо, и сухое лицо в прожилках сиреневатой акварелью рисованных морщин оказалось близко напротив.

– Плохо выразился… Не к тому я, что умирать

не страшно, а подумай… Если, как пространство, то – одно… Совсем одно. Как у лунного круга. У всех наших ребят в лунном кругу. И нет нужды в бубнах сопровождения. Нет нужды в словах. На всех – одно. Всюду – одно. Хех, Гром, в протяжённости лет – одно. Ну, скажи, хе-хе, я шутил, если так? Надо ли для счастья быть Восходящим, если ты до сих пор Восходящий? Обязательно ли – во сне?

«Восходящий – еще? Значит, мёртвый – уже?.. Надо ли умирать, если ты уже умер? А избегать смерти?..»

Гром обозрел величие картины в лице Докстри. Поверх неё дождевыми облаками лежали акварельные разводы буксующей регенерации… Сиреневые подчёркнутые скулы… Нет, не годы счастья, и даже не сны об этих годах. Разумеется, худшие, неразрешённые или вовеки неразрешимые моменты всплыли за единый миг.

Стыд пред Селеной…

Змей, башня, плен… Страх, каждодневный выматывающий страх, в котором бы умер, а не сознался.

Из недавнего: Бест над умирающим борцом. «Где была моя голова, когда я взял их на правое

крыло?..»

Дёргающееся плечо Мурены, чей шатровый поединок был следующим…

Безмолвно протянутые к ней руки Беста, отказ для неё – дикий позор… И чем рискует она – демоница моря?!

Богатый откуп, данный Биг-Буро…

Мурена со спины, быстрым шагом убегающая с Южного Рынка…

Моменты прошлого вперемешку с моментами… будущего? Провидение или фантазия разыгралась?

Гром увидел себя со стороны, но не тут и не теперь… По колено в мутной, бурлящей воде, сошедшего с лодки, хорошей, устойчивой лодки Докстри, уже не Докстри принадлежащей, а ему. По колено в мути, он бредёт, не хочет найти, боится найти. В комнате, подобной этой, с облезлой драпировкой он находит Докстри. Не может подойти. Не может и не подойти. К этому Докстри, уже не принадлежащему ни себе, ни ему, никому. И бессмысленные пасы, безвредные, однообразные пасы рук подсвеченных изнутри, режут по сердцу как…

Отододи, с крюком на конце, промахиваясь, раз за разом… Очень ясно, словно вспомнил, словно оно уже произошло, Гром увидел, как будет ловить его руки, останавливать, сходить с ума от бессилия, шептать, орать уговоры, проклятия в изменившееся лицо. В это лицо. Без ответа.

«На всех одно, на всё одно?.. Загнул шикарно… Но если правда, туда ли мы все плывём? В другую, похоже, сторону. Я попал».

Гром спросил бы, случаются ли в Шамании побратимы, но шаманийцы все побратимы, община. Это он понимал, как и внезапное: Докстри чуть больше ему, чем община, уже так получилось. Сложилось, как обычно, из всяких непобедимых пустяков.

А затем Гром случайно узнал, что «Плацеб», без «о», звали как раз того человека, который Докстри в Шаманию привёл. С него пошло знание, что сахар тут целебен, да ещё простая вода из миров… Но как узнал? Из обронённой случайной фразы!

В степи настало короткое время тюльпанов.

После лунного круга шаманицы разбрелись искать их. Крупные, атласно-алые. Немногочисленные. Ночь расступалась вокруг

цветущих островков. Рассвет колыхался, пробивающийся как сквозь завесу непреходящей полуночи.

Тюльпаны указывали, где влага. Не мутная, как над Шамаш. Кристально чистая и вкусная, будто их сахарные запасы, тайнички земли напитали её. Гуляло мнение, что она отодвигает день превращения в светлячка.

Сезона тюльпанов ждали, составили специальный календарь, и по мере приближения его, бродили бескрайней степью всё чаще, с компасами, в тех краях, откуда не видны их развешанные, в дальнюю даль, но не до бесконечности, шлющие лунное сияние бубны.

В кругу остались ленивцы, новенькие, те, кому нечего терять и полудемон, не верящий в целебную силу почвенной воды. В компании неверующих ленивцев пребывали Гром, Паж и Докстри. Они пополняли список, летопись вели того, стрижиного времени, одного театра. Впечатления про него часты и свежи. Про режиссёров речь зашла, про одного конкретного, про то, как уводил из уличного балагана актёров к себе…

– Плацеб был кто? Докстри для Докстри

твоего!.. – Вран поклонился ему, не вставая.

Конкретней, подчеркнул:

– Его док-шамаш.

Гром вдумался и похолодел. Уже привыкнув, к тому, что имена тут – актуальные должности, то нифига у них не дружба, а он службе Докстри – объект. Должности же очень разные бывают, двуликие…

Харон – не только проводник. Вран – не только посыльный. Есть оборотная сторона. Тот же Вран делает так, чтоб не распространялись известия. Харон – так, чтоб незваные гости не прошли либо не вышли… А «док»? Чтоб неподходящие люди не задержались? Доктор от неподходящих людей излечивающий Шаманию? И сколько по времени проверяют они новичков? Какие упоминают жернова? И шутки про тузика…

Сам факт сокрытия должности заставил похолодеть. По определению не бывает такое благом. Это не дурной знак, это практически предательство.

Дохнуло предчувствие. Лапа его, коготь его – больше Грома в сотни раз… Куда опустится эта лапа при следующем шаге, не очень важно для неё, но очень – для него.

«Док… Ишь ты, док… Но, черти глубоководные, должность-то какая? И какого

чёрта он молчал?!»

Гром внезапно и всерьёз испугался того, кого успел счесть другом. Едва ли не самый отвратный и тоскливый в жизни момент.

У них как раз были планы…

Распахнутые глаза опустив, не слишком сообразительный Гром пытался осмыслить открывшееся ему, прежде чем Докстри скажет: «Ну что, отправились?»

Пророчество Докстри сбылось! «Если тебе нужен будет ответ, ты пойдёшь к Пажу. Если тебе нужна будет помощь, ты пойдёшь к Пажу».

Соскальзывая от сомнения к панике и гневу, Гром обратил вопросительный взгляд именно к нему. С тупой надеждой обратился к нему, на которую заведомо не полагаешься:

– «Док», это приставляют у вас к имени? Ну как «биг» на Южном или «бай»?

Паж в свою очередь вопросительно оглядел круг, по Докстри включительно, остановившись на нём, и сказал:

– А… Ясно… Вы всё-таки решили молчком.

– Да никто ничего не решал, Паж, – юноша в глухой пластик одетый с шеи до ступней, поднял голову и отложил стилус примитивного вирту. – Кому решать-то было, и когда?

Докстри кивнул:

– С прелюдиями хуже получалось.

Вран хмыкнул:

- Что до Шамаш - и скучней! Паж, не ставят прицеп впереди, не лижут патоку перед лунным кругом. Упредить: скоро, мол, каюк? Чему каюк, что кончится-то?

Он и ответил Грому:

– Угадал, «док» – приставка. Но не как на Краснобае, не к богатству, а лицом на свои пятки смотрит…

Докстри потянулся и встал с этим самым, ожидаемым:

– Ну что, отправились?

Гром смотрел на Пажа. Тот кивнул.

– Отправились, – повторил Докстри. – Я тебе там и объясню.

Они уже плыли, Гром о подозрениях словом не обмолвился.

Докстри болтал:

– Шамания ведь клином сошлась задолго до… Вот этого вот состояния, покоя… Клинчевским полем была… – негромко рассказывал Докстри. – Глянь, как всё порушено. Ещё мало бурлили каштаны, тихо дремали на дне… А сверху клинчи, как придурки носились… Вон, киббайк валяется до сих пор. И воняет до сих пор, надёжно сработано, не поспоришь, глаза б не глядели…

– Ты был латником?! – догадался Гром. – Одним из них, да тут и остался?..

– Был… – не стал отпираться Докстри. – Кем я только не был… Пока каштаны спали на дне… Нет, Гром, я не настолько старый! Но помню, насколько меньше бурлило их, это я застал… Никто не знал про водопад, про луны…

– И как узнали?

– Узнали обыкновенно. Во все щели лезли, куда только могли пролезть. Сверзиться, сверзить кого!.. Они и вокруг бубнов лунных, в ночи, по тюльпанам, по тишине расползлись бы, чтоб драться! Это же клинчи! Это как растения, но жучки вдобавок, жуланы, хех! Пташечки… В хитине, с лапками, с усиками, с киббайком к

днищу приросшим… Как плющ, лезет и всё, бьются и всё тут… Дело не в этом… Гром, будет охота, сил у меня самого не хватает уже, укати ты этот киббайк к чёрту и столкни куда-нибудь, где поглубже и помутней!..

Гром кивнул, возвращая его к теме:

– Не в этом, а в чём?

– Шамаш показала себя…

Тихий голос Докстри понизился до торжественности, чтобы без промедления вернуться к иронии:

– Они, если так сказать… Они показали ей лица… Пришлось, хех, Гром!.. Шамаш позволения не спросила! Им всем пришлось открыть ей свои лица. Не любят этого клинчи, представь как, а? Хе-хе…

Гром не интересовался обычаями латников, разделяя к ним общепринятую настороженную неприязнь, с толикой ревности хорошего, но всё же обычного, континентального борца.

– Только ради них Шамаш показала себя? – спросил он. – Речь о каком-то однократном событии?

– Неее… Нет.

– А кому? Тебе в их числе?

– Каждому, кто не прочь. Кто хочет её видеть. А они-то не знали, что не хотят! И так внезапно узнали, хех! Узнали – и бежать!..

– И как с ней увидеться, с Шамаш?

– А ты хочешь?

– А мы не туда плывём?!

Ух, замучил, вокруг да около.

– Тебе бы, Докстри, затейником быть на Рулетки! Загадки загадывать и раздавать призы! Спорю, ты бы от гонок улиточьих, с финального забега всю публику переманил.

– Ты льстишь недроидски, вешний льстец, эфемерный мотылёк Морской Звезды! Но я не сержусь на тебя… – прогудел Докстри сильным, низким голосом клинча.

И настолько сразу устал, столько сил выплеснул, что, засмеявшись, закашлялся, и помолчал пару минут, отложив весло, озирая неприглядный ландшафт затопления, двухэтажную промзону.

Гром решил объясниться:

– Просто, Докстри, это звучало, будто угроза, будто Шамания вытолкнула их, а я… Будто не каждому, а которые досадят, что-то не как надо сделают, открывается, а я…

– …а ты не собираешься «что-то не так делать» против неё. Пшик, это всё пустое, Гром, хех, всё не про то. Запредельное не мнительно и не мстительно, хех, как сказал… Шамаш запредельна. Но она любит каштаны! Как и все мы, Шамаш – нам сестра! Скоро сам поймёшь, познакомлю вас.

02.14

Они плыли удручающе долго, то и дело забирая влево. Плыли широкими, унылыми протоками улиц, пятачками дворов, бурливших настолько сильно и тонувших в таком густом тумане, что лишь человек, досконально изучивший путь, мог провести там лодку.

В природе облачных миров, а соответственно и рынков бывает заложено нечто подобное: в то или иное место дверь откроется, зависит с какой стороны к ней подойти, за какую ручку взять… От времени суток может зависеть. Да мало ли от чего.

Гром подозревал, что Докстри нарочно затягивает дорогу, путает следы, готовя несложный фокус, обходя пункт их отправления против часовой стрелки. Чтоб внезапный какой-

то вид на гору с другой стороны открылся им? Или вход другой?.. Что в Шамании может обнаружиться главней? Могло.

Гром учился не обращать внимания на призраков. Оказалось легко, если не стараться. Представил, что тянешь воду через соломинку, а Впечатления неинтересные попались, тянешь и в полудрёме думаешь о своём… Есть они, нет, что за разница.

Со светлячками не прокатывало. Вглядывался, едва шею не сворачивая. В лицах схожих до неразличимости, сияющих, неоново-синих пытался прочитать то ли их прошлое, то ли своё, неотвратимое для шаманийца, будущее…

Особенно задевает постоянный манящий жест. Особенно когда призрак или светлячок оказывался прямо напротив. Словно манит кого-то из-за твоей спины. Не оглянуться стоит усилий. Какой-то тоскливый, необъяснимый тон тревоге придавал факт, что никто их манящих этого, за твоей спиной приближавшегося, низкорослого не боялся! Вывод напрашивался не тот, что этот «некто» безопасен, а тот, что они все на его стороне! Вся наземная Шамания. Но в чём? И с какой целью, чёрт побери, они подзывают «это»?! Новичок в Шамании поймал себя на том,

что уже называет мысленно «тузиком» незримое «это». Ещё немного и домыслит, а, услышав, согласится, что криволапо, большеголово оно, глаза, как у светлячка огромные…

Шаманийцы, за сахаром, за тихим разговором бубнов в руках, – а то подвесы сделают, качающиеся свободно, и несколько лун заговорят на тихом ветру, – за костерком порой, страшилками щедро делились! Эти черты тузика, самое нейтральное, что навыдумывали они.

По неоново-синим лицам светлячков пробегала тень… И Гром думал: «Не тузик ли подошёл вплотную? Не он ли отбросил на них эту тень?»

Докстри наблюдал за ним исподволь. Не насмехался, как Харон, не просвещал, всё уже сказано-пересказано. И Гром исподволь переводил взгляд со светлячка на светлячка через спутника. Задерживал… Пока – с исследовательским интересом. Вскоре – с тоской и тревогой, от которой холодеет и замедляется Огненный Круг.

Докстри снисходительно посмеивался его интересу к своей внешности. Цвет разводов, по линиям невозможных для полудроидов морщин не светлячковый, но близкий к тому. Как бы краску положили, осталось таким фонариком посветить, от лучей которого засветится разом.

«Этот не за одними «фьюить!..» Паж как всегда, хех, приводит удачно».

Они плыли в уникальную точку рынка. Закон о необходимом присутствии области Там с настоящим временем суток в этой области исполнялся для Шамании весьма своеобразно...

Область Дом – тоньше плёнки между верхней дневной Шаманией и нижней полуночной. И та, и другая – области Сад. То есть, рынок как бы на девяносто градусов наклонён, на боковой грани стоит. Эта незримая плёнка, область Дом, содержала окно в область Там, приходилась на второй этаж конкретного здания, а точнее – на специфический механизм второго этажа.

Окно – условно говоря, Там и Дом существуют как тонко нарезанные, чередующиеся детали механизма. В выключенном состоянии «окно» в Там закрыто, времени суток не предъявляет. Есть способ его распахнуть. И есть эффект, ради которого распахивать стоит ночью.

Шла ночь. Из пасмурно-дневной верхней Шамании Докстри собирался предъявить её Грому. Настоящую.

Про фокус Гром почти угадал. Даже и не почти, а более чем, сам не зная насколько. Масштаб «фокуса» не мог вообразить.

Число посетителей Шамании, «фокус» узревших, делилось на три неравные части.

Одна – те первооткрыватели, кто сразу жизнью заплатил за первый и последний просмотр. А именно – авангард жуланов. Наиболее отчаянные и нетерпеливые из них, самоуверенные. Жуланы обнаружили разрыв между наблюдаемым и принципиально возможным. И решили, что нет наблюдаемого. А не было, как раз таки, возможного. Шагнули и убедились. В разрыв.

Вторая категория, те, что сразу отпрянули. Драпанули. Тоже жуланы, основное их число.

И третья, те, что не боялись, единицы, не бросившиеся в бегство. Из них до последних времён остался лишь Докстри. Вёз познакомить с Шамаш нового шаманийца. Правил лодочкой, как ныряльщик в океане своим телом, бессознательно, уверенно и легко. А нечего бояться…

Гром получил две награды: за храбрость и за упрямство по-жизни. Без каких-то особых подвигов поднялся до них каменистым склоном, из множества естественных, небольших поступков. Поднялся склоном, повышающимся незаметно, ведущим туда, где награждают любого дошедшего упрямца. Две награды – два открытия.

Непостижимое. И обыденное.

Непостижимое до обыденности – до того, что остаётся принять его как данность, как самую что ни на есть руину дней Шамаш, половичок на входе в тайну. А за ним – тайна… Ни двери, ничего…

Обыденное до непостижимости – до того что подходит вплотную, берёт кого за грудки, кого за пуговицу, и говорит: «Ты думал, я шутка? Пошученная чужими про чужих? Тебя не касающаяся?» Можно дать моменту непрошенной этой очевидности, подошедшей грабителем из-за узла, сильно в морду. В свою. Во все тяжкие удариться. Вырваться, бежать, пуговицу пожертвовать ему… Всё равно получишь в спину: «Ты смертен, дружок. И друг твой смертен. Кто кого обгонит?.. Не на этом ли вираже?.. Кайфа и сердца гораздо больше на свете, чем тебе казалось, дружок. А вот времени -

гораздо меньше. Пустого времени - как воды в Великом Море, а важного - на глоток Впечатлений в соломинке. Долог ли праздничный Соломенный День?»

Непостижимая награда Грому – лик Шамаш. Возможность видеть его.

А обыденная – материальная опора этой возможности. Рука Докстри. Страховка, инструкция. Просто рука друга и брата. Не больше, не меньше, достаточно. Рука того, кто всё понимает про Шамаш, про тебя. Тебя ещё не было ни в Шамании, ни на свете, а он знал и понимал. Второй побратим, первый близкий друг, док. Док-шамаш.

К горе они не вернулись, не вышли и на открытое пространство за крайними промзонами.

Выбрав непримечательный с виду двухэтажный ангар, выделявшийся в ряду разве отдельным забором, и не сетчатым, а рифлёной жести, Докстри обогнул его против часовой стрелки. Незаметно, веслом работает или течения слушаются его?..

Окраина… Тянет специфическим запахом бухающих пузырей, не затхлым…

Вблизи забор оказался высок и наклонён наружу, в переулок. Дополнительная предосторожность, чтоб не влезть, не заглянуть. Строения не видны за ним, спряталась и плоская с квадратными трубами крыша. Круглая труба видна, если голову задрать, тонкая будто флагшток. Светлая, алюминиевая. Она удержала внимание Грома, на фоне всей Шамании и её вечно пасмурного дня – прямая черта, казалась светлой, как молния, ударившая в землю. В крышу.

По ней шла лесенка. Докстри проследил его взгляд. Выудив каштан из кармана, кивнул: именно, её-то нам и нужно. Он задержал лодочку, отвёл от забора, к противоположному забору вплотную.

Докстри носил полувоенное что-то, не разберёшь, карманы, хлястики, портупеи, патронташи с сахаром, рулончики с рукописными заметками, удавки, свёрнутые в клубки. Гром в упорядоченном хаосе его облачения заметил ленту каштанов, потому что в ней на месте изъятого взвился дымок… Пока Гром озадачивался глупостями, испарениями, дымками, Докстри бросил каштан через забор, не от плеча, а лёгким набросом снизу вверх по

высокой дуге… И каштан попал в трубу! Точно-точно.

– Веришь, и ты, не глядя, так будешь делать? Скоро совсем.

– Не верю!

Докстри рассмеялся:

– Напрасно! Это штука, Гром, вроде как громоотвод, хех, каламбурю!.. Если тебя, то есть, с катапульты зашвырнуть туда, за забор, тобой не промахнёшься: труба тебе!

- С катапульты? Что есть – она?

– Большая рогатка.

Клинчи одни и сохранили знания о подобных древних приспособлениях.

Труба, предположительно по звуку, имела лестницу и внутри. Из тонких ступеней. Потому что откликнулась как «дождевая трубка», «драконье горло».

Когда белый дракон наберёт в пасть дождя и горло полощет… Чтобы петь! Ему доставляет удовольствие соловьиный звук перекатывающихся, водяных рулад.

Последний звук внутри громоотвода сбежал

к основанию… – «Интересная труба… Начинается с первого этажа? С цокольного, из-под земли?..» – ворота раскрылись. «Труба работает как сеть! – подумал Гром. – Позёр Докстри! Не он попал, а она поймала!»

Направляя в ворота лодку, Докстри лирично с улыбкой сказал:

– Шамаш – дама, и любит подарки.

В ангарах Гром рассчитывал подробней разглядеть трубу. Но она либо замаскирована, в стены упрятана, либо как-то не так шли… На глаза не попалась. Гром всё ещё ждал вида на гору. Тоже мимо.

Первый – затопленный, как повсюду, второй этаж оказался такой, что под ноги надо смотреть: сплошь из балок, расстояние между ними – на широкий шаг, провалиться, как нечего делать. Потолок такой же. Параллельные бетонные перекрытия напомнили Грому разошедшиеся зубья шестерёнок, или валов протяжённостью во весь ангар, задуманных перетирать нечто попавшее между. Ага, ага заводской механизм для этого и предназначен.

Хлипкая, высокая лесенка наверх.

Второй этаж… Разнообразная, ржавая дрянь поперёк балок валяется, лестницы, канаты стальные.

Упс! А вот и предмет его подозрений…

Раскрытые резаки…

Нет, так оружие не держат, так не хранят нож для жертвоприношения. Гром устыдился своих подозрений.

Не стрижиный артефакт, организация пространства завладела его вниманием.

Стены имелись… – но перекрытия до них не доходили!

На чём стоит, на чём держится всё, колонны? Занят был перешагиванием, будучи на первом этаже не полюбопытствовал.

Гром лёг и свесился, заглядывая на "пол" снизу. Под нижними балками рябила, слабо бурлила мутная вода. Балки не опирались ни на что! Приставной лестнице, по которой поднялись, держать это не могла в самых смелых архитектурных решениях!

Гром поднялся на ноги и развёл руками: как

понимать?

– Больше ничего не удивляет тебя, – спросил Докстри, вправо, влево разворачиваясь демонстративно… – шаманиец наблюдательный?

Удивляло! Валяющая стремянка, до стены не доходя, кончалась, как обрубленная. Ржавая цепь попадала на половине звена. Что лежало на балках невдалеке от стены, резко пресечено в шаге от неё. Отрезано.

Гром подошёл к краю, к недостижимой области Там… Шагнул по балке, с пропавшей балки к стене, так в стену так и пошёл… Бесполезно.

– Тутошнее хозяйство разглядел уже, стало скучно?

Гром опять заглянул вниз… «Бетонные? Чёрта с три!» Когда свесился, на изнанку взглянуть, толщины балки он не обнаружил.

– Отражение, – сказал Докстри. – Перекрытия первого и второго этажа – взаимные отражения.

– А как же мы ходим? – спросил Гром.

Вскочил, попробовал наступить между балок, но – «чёрта с четыре!» – его оттолкнуло…

Докстри нарочито указующе смотрел себе под ноги. Зачем? А затем, что он-то между балок стоит!

– Заметил? Тогда смотри дальше…

Докстри переступил на «реальную» балку, и Гром смог переступить на «нереальную». Босые стопы опять чувствуют бетон, а не волшебную пустоту.

– А наоборот возможно? – неловко спросил Гром.

Но Докстри счёл формулировку гениально точной. Именно – наоборот!

– Разделены они, уловил? Горний и дольний…

– …зубчатые валы?

– Йес, совместятся – пропасть чему бы то ни было, оказавшемуся между них. Но довольно уронить каплю…

– Тут полно вещей покрупней капель.

– Покрупней не подходит…

– Каштан?!

– Добро пожаловать, позволь представить вас, Гром, Шамаш! Хех… Нет лучшее доказательство, что она принимает тебя, чем угаданный ключ! У нас полным полно всяких

примет, Гром. Что ревнива Шамаш, не принимает девушек, ни хищниц, ни чистых хозяек. Другое, в рифму, не поверье, а факт, что застенчива: не хочет оставаться с парнем наедине, поэтому лунный круг ей наносит визиты всем кругом, меньшее вдвоём. Это фактически так. Протяни руку… Видишь, мы можем разговаривать, но не соприкоснуться. На обратной стороне, хе-хе, вниз головой как бы, нам не на чем будет стоять, не за что держаться, кроме как за руки.

– А каштан?

– Ключ, один перевернёт их. Остальные – дар. Нам каждый день достаются, ей – когда приносим мы.

– Кому? Где она, кто она, Шамаш, которая любит подарки? Лишь эти?

– Лишь эти, исключительно.

– Внутренность здания убеждает меня, это мельница. Непонятно с какой целью, защитная ловушка?

– Постольку поскольку, жернова – созидательный механизм, вырабатывают муку. Пудру. Универсальную фракцию пластилиновой пыли. Разобрались за тысячелетия да оно, хех, неважно. Мир делал увлечённый человек, Восходящим обживший Техно Рынок.

– Понято. И когда ключ повернёт жернова?

– Миг назад!

…каштан брошен между балок…

…и вот он уже летит между балок вверх…

Гром был представлен Шамаш.

Обрушилась ночь. Жернова сблизились и разошлись взаимопроникновением.

Каштан зашипел, треснул. Его разорвал небесный свет изнутри, будто драконом проклюнулось ясное небо, и взмыло в ночное. Чем выше взлетал, тем больше напоминал маленькую, лазурную птичку. Тающий звук взлёта – как воркование, трель…

Пока Гром неотрывно следил за чудом, Докстри тихо сам себе повторил, давнюю мысль:

– Мне кажется, она, Шамаш, хотела бы заполучить их все…

Он вытащил из кармана следующий заготовленный каштан. Провёл им по шее, стрижиной обводкой, символическим шаманийским жестом добровольного дара, украсил шипы блистающей гирляндой огоньков дроидов. Традиция. В ладони взял и подбросил…

…вот этот каштан летел вниз…

Клещами рука Докстри лежала на плече Грома с момента преображения жерновов. Затем, когда волнение открытия уляжется, самонаблюдение войдёт в привычку.

Достаточно любого соприкосновения, чтоб не упасть. Иная опора невозможна. Только человек, спутник с Огненным Кругом в груди, сообщает дроидскому техно, комплексу здания: «Стоп. Это не зерно. Между жерновов не ронять».

Версия шаманийцев, относительно предохранителя такая, что дроидскую механику перепрограммировали для своих, этот простой, но трудно угадываемый секрет должен был превращать второй этаж в смертельную ловушку для одиночек, разведчиков, атакующих, вбегавших по одному.

«Жерновами» называется подобный тип механизмов.

Их выдающийся размер – не ради количества вырабатываемого материала, а с целью минимизации требований к субстанциям, закладываемым на переработку. С увеличением размера растёт неприхотливость машины при условии, что получающееся на выходе утрачивает

всё больше специфических качеств, дающих способность к самосборке, зато подходит для любых модуляторов и не только. Пластилиновая пыль.

Балки лишь казались грубым бетоном, и «взаимными отражениями» Докстри их ошибочно назвал. Жернова материальны.

Мелкоребристые, сложноребристые, пригнанные идеально. Начальную, самую грубую часть притирки осуществляли зубцами, окончательную – излучавшимися из них полями. Благодаря системе в горстку пластилиновой пыли можно превратить даже человека, дроиды регенерации не сумеют погибшего окончательно доразобрать.

Пластилиновая пыль не такая уж редкая субстанция, но делать её превращением неудобно в Собственном Мире, надо загодя, чтоб гость находился вблизи специального приспособления с вытяжкой и клапаном. Притом, пару минут стоял, на пластилиновой пыли быстрее не сосредоточишься и свободно, непривязанный стоял. Довольно оригинальные требования, не каждый согласится!

Модуляторы Техно Рынка превращают в неё отнюдь не всё, часто требуют для закладки вещей подороже самой пластилиновой пыли.

Лентяи и не торговцы отнюдь, шаманийцы

этот комплекс по назначению не использовали, уникальная координатная точка рынка просто совпала с ним. К слову, обычно «жернова» имеют форму действительно жерновов – тяжёлых огромных дисков.

– Гляди, Гром…

….исчезала лазоревая птица, затихали рулады в бездне…

…под ногами в атласной тьме балки тонкой штриховкой подсвечены сверху оттуда, где их полуночная земля и краткое время тюльпанов, где сияют созвездием лунные бубны…

…и всё это как мираж, шаманийцы смотрели сквозь него, сквозь неяркий круг лунных бубнов…

…ещё ниже, ниже пространств, которых человеческим взглядом не пронзить…

….на Великое Море смотрели, где отражалась большая луна…

Шаманийца смотрели из условной реальности облачного рынка, сквозь условную

реальность облачных миров… То и другое проявило относительность своего бытия. Далеко внизу земля осталась настоящей, предстала обширной, подлинной опорой. Великое Море – ещё больше… Превосходит же его Заснеженная степь на дне. Вывернутый мир предстал в достоверных пропорциях. Юла, от шпиля до юбки Юлы.

Перевёрнутый лик Шамаш на штиле Великого Моря…

С полуприкрытыми газами…

С полурасцветшей улыбкой…

– За знакомство… – прошептал Докстри.

Каштан, лазоревая птичка в гирлянде огоньков канула, и рябь побежала по лику. Трель затихала… Колеблемые отражением, размытые черты Шамаш, пропали, а возвратились тонкими, отчётливыми и в правильном положении…

Приоткрывая глаза, удерживая улыбку, она открылась дарителям…

Шамаш…

Увы, почти сразу лунный лик принял исходное положение.

Гром заметил, как крепко Докстри держит его за плечо.

– Док, – прошептал Гром, – Докстри, это что угодно только не фокус. Это какая-то реальность, сверх, чем реальность вообще…

– Прошу тебя, Гром, шаманиец, запомнить эти, твои собственные слова, хех, – чувство ответственности возобладало для наставника над лиричностью момента. – В том смысле, что смотри, куда наступаешь! В горней и в дольней фазе между балок ступать нельзя. Но там невозможно, а тут невозможно не… Хе-хе, тут надо мостик через балку – держаться друг за друга. Всё это реальность, хех, Гром, верно. Как обстоятельства, так и последствия будут реальны.

– Докстри, это – Луна – отражается! На целом Великом Море! Истинно подлинная луна… И сам отражает… Шамаш…

Версия его была отклонена сразу.

– Хочешь, не хочешь, – сказал Докстри, – а история у нас тут, в Шамании, пробегала, как тузик она всегда рядом крутится. Никакая луна ни на чём отражаться не может. Бо, нет её. Луна взорвалась, Гром. Рассыпалась при извержении Морской Звезды. Из ваших, изгнанник один Пажу

говорил, а Паж нам рассказывал, на месте луны какой-то особенный дроид гнездиться…

«Особенный дроид?..» На это Гром улыбнулся, живо представив Индиго отложившим в сторону меч и вьющим гнездо.

– Что это за звук? – спросил Гром. – Мне вначале показалось, что каштан стал живым артефактом и по-птичьи запел.

– Изволь, хех, порушу торжественность момента. Жернова ведь машина. «Трелью» она докладывает, что скушала, сколько муки выйдет, какой заказан помол.

– И какой?

– А вот этого мы не знаем. Панель ввода, логично предположу, тоже звуковая, струнная и она не здесь, дроидам ведомо где. Она должна быть где-то, как сказать, посередине «лифта». Мы сейчас на самом верху, тут «зерно» в жернова закладывается. Каштановое… Жулановое… Кто шлёпнулся, тот и привет. Они постоянно включены были. Думаю, таймер у них, на большие периоды времени. Теперь – период отдыха, каштан – кнопка, на короткое время их включает. Управляются, по альбомам судя, жернова где-то по центру. Ну, и «лоток» должен

быть, куда мука сыплется.

– И где он может находиться? Под водопадом, где лунный круг собирается?

– Все так думали. Но признаков тому нет. Возможно, ещё ниже. А скорее всего две трети жерновов просто отсутствуют. Делавший их Восходящий мог упустить, мог гость уничтожить.

Лик Шамаш виден был не всегда. Паж застал время, когда он казался бледной луной под бетонными балками. Приблизился, расцвёл, в период клинчевских боёв.

Это Докстри уже добавил от себя, застал. Участвовал, то есть.

– Но тогда Шамаш не улыбалась. Ей по нраву каштаны, а не жуланы!

– А сахар?

– О?.. Хех, не знаю!

Докстри добавил, что каштаны есть у него, с запасом, но, если Гром хочет…

– Предлагаешь нырнуть?

– Да. Если сам, то по-другому выходит. Нет, то самое, но по-другому, понимаешь? Странно ведь подарить, не зная что. Даже и невозможно.

Выкинуть разве.

02.15

На последних словах тема, поднятая Докстри, вдруг соприкоснулась с изгнаннической, постоянно возникающей в Архи-Саду: можно ли сожалеть, не зная о чём? Если не Собственный Мир, а облачный эскиз был утрачен? Возможно ли в принципе совершить действие, поиметь эмоцию в отношении неизвестно чего?

С появлением Ауроруа проблема и горечь изгнанников облеклись в умные слова!

До неё существовали два лагеря.

Один, условно говоря, лагерь «смирения»…

По сути верное, по окрасу феноменально неподходящее слово! Эти – яростно готовы идти вперёд. Лагерь изгнанников, смирившихся с тем, что не знали и не узнают, каково это – быть хозяином Собственного Мира. А раз так, то и горевать не о чем! Смысла нет, предмета нет! Лидер – Мурена, сторонники – ищущие

альтернативу утраченному.

Их антипод, лагерь «продроидский», вместивший тех, которые желают всё-таки узнать, а что потеряли? Вернуть всё-таки. Лагерь не смирившихся.

Разница меж подходами наглядно проявлялась в характере людей.

«Продроидские» в Великое Море, на крупные рынки вовсе не лезли. Не пытались освоить, обосноваться в новых и опасных местах. Небо, драконья спина, маленькие мирные рынки и Архи-Сад, вот места их обитания.

Когда же им удавалось найти какой-то источник информации, дроида на встречу призвать, противоположный лагерь – тут как тут! Что говорит о том, что пока жив, никто не смирится с утратой окончательно.

Аурору́а, по близкой ли дружбе со своим телохранителем, или потому, что ей повезло стать хозяйкой в Собственном Мире любимого, увидеть, чего изгнанники лишены, отстаивала продроидскую позицию.

Сопровождая до отвращения неопровержимыми комментариями свои

действия, аргументировала наглядно, так…

– Смотрите. Мне, положим, требуется на ароматизацию чашки один лепесток…

Брала шарик, какие они в Архи-Саду на продажу катали, из трёх жёлтых лепестков, свежий, не успевший высохнуть до бело-голубого.

Демонстрировала его всем:

– Я, как вы слышали, знаю лишь две вещи: свою цель и его состав. Мне надо один, он состоит из трёх…

Она закрывала глаза, вдобавок поднимая мальчишески строгое, девичьи нежное лицо к пасмурному небу над Архи-Садом, заставляя Дабл-Пирита замирать как в день их встречи… Катала, разбирая на ароматные лепестки, и показывала ту щепотку, в которой оказался один:

– Видите? Я понятия не имела, сколько в какой останется руке. Но с лёгкостью достигла желаемого результата. Не обязательно… А я считаю, что и невозможно… Контролировать процесс… И даже отслеживать его! Достаточно знать исходную и конечную точки.

Карат Биг-Фазан, ради неё объявлявшийся в

Архи-Саду, согласный с проделанным милым парадоксом, на последнее среагировал едва не возмущённо! Притом, едва не заискивающе, что так изумляло приятелей его из Арбы, в отношении этой девушки.

Ладно б его, Карата была девушка, так ведь чейная и чужая! Две, на Селену отношение тоже распространялось. И заумь такую несут промеж себя подруги… В четыре руки играя партию марблс против Карата, разговаривая как дроиды – сплошь цифрами, пока катится шарик! На победы, на поражения не реагируя вообще! А он… Перед ними… Как курсики перед ним, стелется прямо!..

– И всё-таки, почему? – возмутился он. – Ну, действительно, зачастую вполне довольно, знать исходную позицию и цель. Но невозможно-то отслеживать, невозможно – с твоей точки зрения, почему?!

Рори пожала плечами: ещё технарь, называется.

Селена ответила за неё:

- Динамика, господин Карат, она вещь как бы аналоговая. Её как волны, схватить нельзя, схватить – значит остановить. А предметы, равно идеи, равно намерения – они цифровые, дискретные. Их схватить можно. И они могут схватить нас. Собственно оно и не

прекращается… Плацебо – единственный нектар, достигающий заданной цели. Любое настоящее противоядие приводит к непредсказуемому результату.

– Как сказал бы дроид… – начала Рори.

– …а дроид именно так и сейчас и скажет, – подхватил Чёрный Дракон, обвивший её хвостом, – противоядие плюсуется к яду. Вектор к вектору. Зачёркиваний нет.

Биг-Фазан развёл руками:

– Я балдею с вас… То есть вы как-то разделяете саму динамику и то, с чем она происходит! Лихо.

– А она, господин Карат, ни с чем не происходит. Она начинается и заканчивается. Прежде начала её что-то умерло. По завершенье – возникло. Пустышка лопнула. Пустышка образовалась. Плацебо.

– Преснота?

– Зачем?

Селена навострилась за годы, проведённые с Изумрудом, лечить, да и с Оливом была на короткой ноге, методы разрабатывая прямо противоположные.

– Отнюдь, господин Карат. Пресное озадачивает, тревожит. Не целит… целует… –

рассмеялась. – Не исцеляет, хотела сказать! Ну, да, не целится и не попадает! И не целует! В плацебо сахар кладут.

Когда Гром последнюю часть Докстри пересказал, тот попросил о знакомстве с девушками.

Карат вздрогнул, когда Рори подхватила:

– Не схватишь динамику. Как дракона над волнами, ни за нос, ни за хвост. А середины-то самого дракона и нет. Нет корпуса, седла, сбруи плетёной так тщательно! Всё кануло на дно! И он тает в брызгах. Поэтому в ситуацию, вызывающую сомнение, элементарно не следует заходить. Единственный способ справиться с нею! Не заходить.

Но Карат как раз собирался зайти… И не справиться…

– Как же грива? – единственное, что на ум пришло. – Вы так говорите, будто из моря не взбираются на драконов обратно! Ну, девочки… Все аналогии шатки, но не до такой же степени!

Его вопрос не смутил их. И не заставил задуматься. Продолжать разговор они тоже не собирались, будто однажды всё для себя решив.

В насмешку или, наоборот, из вежливости, сворачивая беседу, Селена ответила ему:

– А как же те, которые не смогли схватиться за гриву?

Карат поклонился им уходящим, не вставая, и тихонько выругался двусложным, злым «ач-ча…»

Рассеянно он скатал в непротиворечивый, очевидный шарик два ароматных, доставшихся ему лепестка. «Этот мне… И этот мне… Оба тебе, Карат и Фазан… Разделю, глядя в упор. С открытыми глазами, какой захочу, такой и выберу. Ач-ча, выберу?! Когда они одинаковые!..»

Успевшие высохнуть лепестки, раскрошились в его пальцах, аромат оставили.

Таким образом, сложилось, что первый собственноручно вытащенный Громом каштан он посвятил Шамаш. Преподнёс Шамаш.

Докстри напутствовал его:

– Не тормози. Вынырнул, на ладонь, и сразу костяшками бей. Удачи, хех, шаманиец.

Спускаться по хлипкой лестнице в туманном

подёрнутую, бурлящую муть над широко разнесёнными балками, где никакой Белый Дракон не услышит тебя, не то же, что карабкаться наверх… И вдруг почудилось: «Спущусь, а поднявшись обратно, увижу хламовный цех пустой, и всё… И Докстри, который скажет, что я перенюхал испарений каштановых, почудилось мне… Если вообще всплыву. Если и сейчас не морок меня толкает».

Тусклый свет снизу. Бурлящие испарения каштанов.

Конечно, оказавшись в воде, он первым делом уставился наверх и, конечно, ничего кроме сквозного потолка не обнаружил.

Нырнуть в мутную взвесь с головой оказалось психологически сложней, чем расколоть каштан и даже чем проглотить его. Зато легко обнаружил на ощупь.

Слабо бурлящий, годный каштан был как живой. Хватая, Гром подумал: «Они-то и есть жители Шамании! Аборигены, предыдущие захватчики. Затопили рынок, чтоб поселиться в нём. Но – не спрятались…»

От неожиданности и остроты шипов Гром глотнул грязной воды. Вынырнул, отплёвываясь,

и тормознул, наставленья забыв. Как то не решился сразу ударить каштан, продолжавший бурлить в мокрой руке.

Оглянулся. Докстри сидел на лестнице, замахал на него:

– Поздно, закаменел! Бросай и ныряй за следующим.

Но Гром же упрямый, нет? Паж умеет выбирать, как верно заметил Харон? Упрямый, гордый. И… – сильный!

Под костяшками хрустнула скорлупа. Шипы обе руки прошили насквозь, пронизав их огоньками дроидов.

Докстри присвистнул, с тихим, поощрительным смехом, – «…молодчина, хоть с головой и не дружишь», – обеспокоился:

– Надеюсь, Гром, на континенте ты не карточный шулер и не марбл-асс?.. Хех, попортишься, карты придётся локтём зажимать или между двух ладоней!

Корень Впечатления предъявил Грому стрижа, пикирующего ранним утром над пустынным бульваром, чётко выходящего на низкий круг… Пикирующего… Но прежде стриж обернулся… Впечатление немедленно скрылось. Обросло на воздухе нежными колючками, новыми, пушистыми как ватная поволока

опунции, но удлиняющимися на глазах.

– Не игрок я! – и никто я! – на континенте! – могу вовсе туда! – не возвращаться!..

Гром шипел, приплясывал и дул на руки. Но каштана не уронил, подбрасывая как горячий пирожок.

– И чего там? – спросил Докстри.

– Щас, щас…

Задумался. Стриж… Бульвар… А прежде, когда обернулся? Куда обернулся, на что за широкий, приподнятый погон резака?

– Забыл? Бывает… Бывает, что и сразу забудешь. Да чего там помнить, всё одинаковое: фьитть, да фьить… Летать да… А помнить чего тут?

– Дверь, – Гром нарушил своё затянувшееся молчание. – Дверь-окно, козырёк снизу, не балкон, огражденья нет… По размеру – ворота. А в окне… – ты…

– Это наложилось у тебя, – небрежно возразил Докстри, – Впечатление стрижьих врат, чтоб с утра из них – фьить!.. Ласточки береговые, из норок вылетали, из окон. Годный каштан, не стыдно преподнести. Пошли.

Поднялись…

Сердце Грома бухнуло в груди, Огненный Круг ускорился, запылав сквозь тело, мокрую кожаную куртку, оттого лишь, что второй этаж предстал неизменным. Прозрачная, атласно-чёрная, под ноги тонкой параллельной штриховкой раскатанная ночь…

Круг лунных бубнов…

Бездна пространства…

Пятно отражённой луны…

Огоньки регенерации ещё не затихли и прочертили световой след, когда Гром бросил каштан. Выпустил. Шипение, свист, преходящий в трель…

Шамаш состоит из сахара…

Когда чуть улыбается…

Кто выпустил каштан, того окатывает этим…

Плацеб, услышав поэтическое сравнение, перевёл его в практическую плоскость.

Клещи Докстри, бывшего жулана, держали Грома за плечо, зигзаг профиля, не менее

похожий на клещи улыбался его сдержанному, очевидному восторгу.

– Докстри, – прошептал Гром, – я скорее поверю, что я сам глюк, голография, страница в гига-вирту, чем то, что Она…

– Понимаю… Не забывай, никогда не забывай про мостик руки. А если когда надумаешь провести сюда жулана настоящего, чего только не бывает на свете, знай, что их латы – не твоя куртка. Их обмундирование не подходит чтоб мостик сквозь него держать… Хех, с жулана надо перчатку снять! Или палец в глаз ему сунуть, хе-хе!.. Никогда не забывай, что стоишь на мостике, слышал?

Гром считал, что момент вовсе не подходит для поучений, и что Докстри не схватил, а кольцо продел ему в плечо железное, но кивнул. Докстри повторит это ещё сто раз или больше.

– Устал, – неожиданно признался Докстри.

Его лицо в сиреневатых разводах действительно казалось иссушённым, глаза обведённые тенью.

– Предлагаешь уйти? – тревожно переспросил Гром.

– Не, отдохнуть.

Они сели, а затем легли на соседние балки. Докстри выше, не доверял, и оставил клещи руки на его плече. Выпытывать начнёт, забудется, руками станет размахивать…

Примерно так и вышло.

Надо всей розой ветров, всеми рынками и мирами, над Великим Морем и огромной луной неплохо и молча полежать.

Изредка Докстри выпускал с шипением, со свистом раскрывающуюся лазурь каштанов, с продолжительной трелью, затихающей. Перевёрнутый лик Шамаш прояснялся и улыбался им. Разговаривали шёпотом. От легенды к легенде тянулся разговор. Тянулся, самого Докстри тщательно обходя…

Придёт сюда Гром и с лунным кругом, и с Пажом, с покуда неизвестной ему, Мемой.

Со своим док-шамаш придёт много раз… При каждом последующем визите тайны Шамании будут Грома всё меньше интересовать, безысходная тайна времени – и всё сильней. Ощутимо слабеют железные клещи руки, пальцы становятся прутьями, ещё стальными, но уже с

перемычкой сустава… Полупрозрачные, сиреневатые веки не скрывают движенья зрачков… Из потерь, из утрат состоит мир! А мир изгнанника состоит из них от начала и до конца!

Докстри заметит, а Гром нет, как забавно они поменяются местами. Его плечо, его рука, скрученная из сплошных сиреневых вен, оказывается в крепких клещах, словно это он, Докстри способен забыться пред ликом Шамаш.

Побратима, Бурана часто вспоминал Гром: всем делились, разошлись на «фьюить!..» и Шамаш… Остро сожалел, но ни за что не позвал бы. Не его. Не сюда.

02.16

Самый эффектный фокус над жерновами Грому показал Паж, даже к этому месту относившийся без особого пиетета, несентиментальный Паж. Слишком многих у него забрала Шамания.

Чудный миг её пробуждения лика Шамаш, переворота, с ответной полуулыбкой он комментировал иронично:

– Подглядывает: что-то ещё ей принесли?

Гром поразился… шёпотом:

– Ты говоришь о ней, как о земной! Как о девчонке с Мелоди!

– А как надо?

– Не знаю.

– Тогда пусть остаётся так. Видишь ли, Гром, она никогда на танец, в парный танец не пригласит тебя живого. Шамаш и есть девчонка из хороводов. Без компании к ней не подойти.

Фокус из серии «какое счастье, что Отто не видит». Но реально ни капли эротизма не предполагалось в этом жесте, в воде, которой Паж напоил Грома. Каштаном изо рта. Как птенца.

– Почему-то считается, – начал Паж, не торопясь, обуздывая своё косноязычие, – что нравится ей, ей – Шамаш, когда всё – ей. Достаётся… Не уверен. А я читаю, что и она, она – Шамаш, считает вдруг, то, чтобы разделить удовольствие…

Гром слушал и вежливо немного кивал, следуя его мыслью как заросшей тропинкой.

– Разделить, но как же с ней, с Шамаш

разделить? Во времени только, Гром. Мы мостик? Мы – мостик над Шамаш… А кто на нём? Никого. Меж собой и разделим, оу, Гром? С Шамаш?

Он расколол зубами некрупный каштан, предварительно обкатав в ладонях.

Уронил в атласный мрак жерновов сквозь штриховку каплю с губ…

Остальное дал выпить Грому струйкой изо рта…

Скорлупу же проглотил с очевидным удовольствием, поморщившись, ноустопщик.

Редко проделывал. Ни континент, ни поддержка в лунном кругу таких фокусов не позволяют, зайдёшь, не выйдешь. А здесь, как промеж двух магнитов, иногда можно.

Корни Впечатлений в принципе коварны, образование их случайно, употребление их нормальным людям ни к чему. Не вкусно, не увлекательно. Они плохо усваиваются, оказывая изнутри действие, соответствующее свое тематике. А так неправильно, вода должна усваиваться как вода, информация в ней – пища уму, равная впечатлениям от органов чувств.

Корень не таков. Он диктует, мешает.

В случае каштанов Шамании, не имея возможности последовательно через иглы в тело прейти, вода обжигает рот, нёбо, горло такой солью… Так безальтернативно бросает в своё содержание… Но до… До того как обожжёт, пока травма не сказалась есть промежуток абсолютной реальности, наблюдаемой… Изнутри, как со стороны. Наблюдение чистого, недроблёного будущего прежде первого шага в неё. Чувство: я могу. Я – есть.

Впечатление ещё не началось.

Получив его влагу от чужих щедрот, Гром попал на секунды, – чертовски весомые секунды! – в состояние протобытия… Он знал, что всё будет, знал, что всё может… Как уроборос за миг до появления на свет! То есть не было ничего и было всё – в потенциальности. Вот-вот она рассыплется на мелкий бисер и драгоценные камни последовательного бытия.

Бульвар перед глазами стрижа, ударившееся в его плечо, стекающая по лезвию резака жизнь, это всё будет непременно, но будет позже, вперемешку с обжигающей солью, судорожными вдохами через нос, ярким восторгом и ужасом удушья. Но прежде…

Паж Грому не док-шамаш, как и задумывалось, не стал и близким другом, но

Шамании в целом стал давным-давно.

В Архи-Саду, где редко видели его с некоторых пор, Гром случайно упомянул Шамаш при Индиго.

Отметил вскользь, что странна ему ненависть дроидов к этому магическому рынку, где пребывает лик Шамаш, с самими дроидами сравнимый по красоте, особенной, пробуждающей красоте. Как образ Царя-на-Троне раскрывает всё ясно и просто, секунду назад смутное, заслонённое страстями.

Где отдыхал в одиночестве Гром, Индиго, по дроидским законам избегавший контактов, ждал Беста, перехваченного кем-то на полпути, как всегда. Индиго неторопливо бродил, земли не касаясь, среди зелени, сквозя через неё подобно невозможному пятну синего неба…

Жутко резко дроид ответил ему, аж старые грехи помянув:

– А чего ты вообще понимаешь?! С того самого дня, как Лелий Селену привёл к «чаше воды и слов»? Помню тебя, девочку прогнать хотел! Не поумнел, ничего не понимаешь!

И сплюнул искрой по-драконьи! В дроидах

нет воды.

Гром не понял, не обиделся, не рассердился.

Некая пустота гнездилась у него в груди, прутики свивала, щели пухом затыкала. Он бездумно спросил. Ему что-то ответили. Ощущение связей ослабевало. Индиго мог бы понять его, сравнить с теми минутами когда падал в хранилище запретного, когда четырёхпалая рука зримо обрывала связи, как нити…

Сильные чувства Гром оставлял как тапочки за порогом, за рамой Шамании. Они ждали его там. Невыносимо сладострастные «фьюить…» Если бы предложили большее, на пробу, даром, отказался бы! Дослушивать не стал! Большее вообразить не мог.

«Куда ему поместиться? Каштан иглами изнутри занимает человека целиком, кончики игл изнутри протыкают кожу. Почему оно так сильно, ясно. Но почему так свежо? Каждый раз, каждый-каждый-каждый!..»

Дроид наблюдал лишь ему видимую рябь неподвижных, волевых черт… И сплюнул в сторону горячей!

«Не заслонённое страстями??? Раскрывает ясно??? Дурнем родившись, дуболомом, им и прекратишься! Нет Гелиотропа в людской сфере,

чтоб перековать тебя, надеть ошейник. Нет Доминго, чтобы тебя укротить! Страстями… Не заслонённое… Конечно! Как вепрем несущимся, одной страстью. Дубина, Гром, метка безвыборная! На стократное влияние дроида желания, вот на что это похоже: и рябь в межбровье, и дрожь в голосе».

Позже, за сахаром, их полуночи…

– Дроиды ненавидят… Ну, хех, да… Причина в том, – сказал Докстри, с дроидами отнюдь не знакомый, – что ты делаешь это «фьить!..» Не просматриваешь, делаешь. «Фить!..» как стрижа, так и твои. Хех, Гром, недоумение в твоём взгляде граничит с несогласием. Спорить не буду. Когда придёт твоя очередь, нарочно не спеши, не забегай вперёд, возьми каштан, уйди в него, и попробуй остановиться.

Какой странный аргумент. Что выпил, просматриваешь до конца именно потому, что это не твои Впечатления. Выпил же. Максимум отвлечься, но остановиться нельзя, это в реальной жизни можно.

Странный, не странный… Гром осуществил то, что его док посоветовал и так как посоветовал.

Очередь его на момент разговора недавно прошла. Ждать долго, любопытство копилось, результат не разочаровал. Напугал.

Всю жизнь почитавший трусость за вершину и квинтэссенцию пороков, попытавшись остановиться Гром на месте стрижиного кайфа обнаружил вопль отчаянья, крик о помощи. SOS! SOS! SOS! Стриж не помышлял остановиться, стриж больше всего на свете хотел остановиться. Не мог. Не хотел большей частью существа. Решающей, обусловленной кибер-механикой. Совсем не удивительный и не новый поворот. Удивительна сила отчаянья. Те слова, что над водопадом подземным горели и повторялись забытой аббревиатурой: "S" указывали стрелками в «О» – спасай себя – безмолвный призыв карателя, серпа свистящего, бульварной толпе: спасайтесь!

Что напугало Грома? Попытался и неудачно?.. Будучи стрижом, он потерпел неудачу в противоборстве своим крыльям? Нет! Вот это и ужаснуло: не попытался! Не попробовал! Он хочет «фьюить!..», он дорого платит за «фьюить!..», долго ждал его и не откажется!

Едва проглоченный каштан утратил остроту и облёк его в свист, режущий ветер, Гром понял, до какой степени… До каких «ни-за-что» может дойти хищник…

Нееет… Он не притормозит… Он не остановиться ради представлений о добре и зле, о самоконтроле и саморазрушении, ни ради чего. До светлячковых бродов… До момента, когда настигает запоздалое прозрение и остаётся в последнем человеческом – в человеческих глазах. До тузика, поджидающего на кривых лапах с тяжёлой, страшной головой. Он будет взлетать и замирать над случайным прохожим в сладострастном мгновении неограниченной власти…

«Идеально сказал док-шамаш: «Власть – это возможность безнаказанно причинять зло».

Грому и шаманийцам не надо душных столетий чьей-то покорности. Им нужна пиковая власть, очищенная от всего наносного, чистое зло, секундное «фьюить!..», ударяющее коротким финальным объятием, шея в шею, прокатывающее по резаку… Он – будет – летать. Он будет окручивать эти шеи. Стриж – Гром.

«Ты делаешь это… Докстри, док-шамаш, я делаю это. Как элегантно твоё доказательство. Как страшна твоя победа».

На фоне прочих шаманийцев, экспериментаторов, перестраховщиков, историков, Гром будет «стриж-мания» – фанатичным, одержимым, оглядки не знающим стрижом. На своего дока каждый чем-то похож.

Однако…

Момент пережитого бессилия застрянет в нём до горечи солёной иглой каштана, не обломанной заранее, и не растворяющейся в процессе. Заставит то с одной, то с другой стороны присматриваться, а как живут другие? Как заходят в экстатический транс, какими выходят из него? А на континенте люди радикально не таковы? Он забыл, что за жажда бывает у коллекционеров, как скачет Мелоди, как печальные песни поёт. Забыл или понял, что не знал никогда, не задумывался. «Фьюить!..» – игла тревожного недоумения: что есть свобода воли, и есть ли она, док?

– Хех, Гром, есть свобода? Хех, Гром, есть воля?

А ему нечего ответить, вернуть вопрос. Если нет, тем более, что его смутило до содрогания, до холодного пота?

– Док-шамаш, что другие люди имеют

внутри? Я всё забыл, как они живут, как чувствуют… Почему, док, жуланы бежали?.. Понять не могу.

– Хех, деталь, Гром… Не суть, но посмейся. Перчатки у клинчей, они дырявые, на подушечках пальцев прорезаны. Жуланы туда мембрану поставили. Чтоб пульки для рогаток сами в щепоть ложились, нож по мановению руки прилетал, шик-блеск… Плохо – решить, что ты самый умный! Хуже некуда! Мембраной закрыли прорези, хех!.. Жернова сказали: «Нет, не годиться!.. Мостик из них не получился, Гром. А мука получилась! Пыль пластилиновая. Умные – частью упали, частью драпанули сразу! Самые упёртые – погодя. «Мистика, – решили, – рынок возненавидел именно нас, жуланов». Хех, смешно получилось. И драпанули.

– А ты – сбросил панцирь.

– Хех, да.

Возвращались. Грому – на выход, к раме.

– Док тебе – Паж, – сказал Докстри по пути. – По большому счёту. Раньше так было, что приводящий и док – одно лицо. Но нескладно получалось… А что меня Докстри зовут, так это простое совпадение! Если б не оно…

– Я б ничего не узнал.

– Даже не заподозрил!

Докстри был не в форме. Не оставалось сомнений, что ему трудновато и говорить, не то, что смеяться в голос.

– Суть в следующем… От начала идёт, что есть дроид у Восходящего. Ведущий бубен… Манок ведущий. Человек так устроен, что выбирает. Выделяет. А лунный круг, он должен быть кругом, понимаешь? С одинаковыми звеньями. Без изгибов, утолщений. Чтоб всякое звено смотрело на все. Когда пары, любовники, цокки, оказывались в кругу, они ломали круг. Не звучал, не так слышался… Они друг друга слушали, друг с другом были, а не с тем, кто в каштане, внутри… Вот… Да… И когда не пары, а приводили кого-то, и он после пробного каштана выживал, он слушал приведшего… Держался за него. Чем лучше бубен слушался таких, тем хуже ломали круг… Вот… Ну не совсем ломал, не как пара, которая сог-цок, вместе пара… Но да… Вот… И тогда решили, решилось, что док-шамаш, он нужен старый… Старики наставничают, понимаешь?.. Которым… Которые, да…

– Скоро заполыхают светлячками?

– Вот… Да…

Докстри отложил ненадолго весло:

– Понимаешь, Шамания сама учит. Здесь словами не научить… Но если уж человек не может не цепляться, пусть – за того, кто скоро умрёт и освободит его. Пусть за рамой с ним не гуляет, жутким видом своим Шамании и нового шаманийца не выдаёт! Я идеальный док! – он засмеялся беззвучно и прикрыл глаза. – Ты не думай, что я задаюсь там, пренебрегаю, пшик, хех, на Мелоди чхать хотел. Я с удовольствием, прошлое вспомнить, да сил нет уже… Вот…

«Док» – обыкновенное дружеское обращение в лунном кругу.

Словосочетание, смутившее Грома, наименование должности – «док-шамаш» употребляется новичком в отношении наставника. К Пажу – кем угодно.

Подвоха тут нет, «док-шамаш» не внутренняя полиция, не внутри-групповой охотник. Однако трагическая нота в его должности есть, ещё как есть, и Гром её уловил. Так сложилось за последние тысячелетия, что док-шамаш на всю Шаманию действительно один, потому что и новичок – один, численность поддерживается, не пополняется.

Имя же Докстри не имеет к наставничеству

отношения, хотя и оно повторяется в Шамании, принадлежит ряду людей, которым достался совершенно конкретный каштан, возвращающийся как дежавю.

Хуже самых дурных предположений встала Грому его откровенность.

– И что?.. - придушенно, глухо спросил он. – Ты ждёшь срока? Или выбираешь, когда проглотить последний каштан?

– Ждать долго! Ждать – свихнёшься. Но когда-то Паж позовёт следующего… Ну, или не Паж. Может – ты! Тогда и мне на волю…

– Я?!

– Почему нет? Кто-то ему будет док…

– Нет!

Докстри лежал вдоль плоскодонки, вытянувшись с удовольствием, безмятежный. А Гром стоял над ней во весь не сожранный пока деградацией рост, в гневе и смятении. Как только она не переворачивалась?

«Нет. Не позову. Пусть обезлюдеет Шамания».

Шшшам… М-м-мания… Шшш… Мутная вода

отозвалась всплытием пузырей, бух и шипение…

Докстри сел и сказал:

– Отдохнул. Знаешь что, я недавно нашёл ключ тюльпанный, родничок. Мне сегодня нормально, покажи мне, как теперь скачет Рынок Мелоди! Я его поющим помню… Вайолет… Майны вайолет… Вот и прокатимся напоследок… Да…

«Да, да, да… Тысячу раз – нет! Не будет следующего званого Шаманией, не дождёшься, Докстри. Навечно отодвигаю твой последний каштан. И мне плевать, поняли!.. Я совсем не Бест, а Гром с правого крыла. Не нужны мне с левого ваши вирские заморочки! А не стать ли мне вместо Харона… Хароном?.. Кого приведут, задушу на пороге Шамании… Нет, док, тысячу раз нет».

Что Гром хочет стать Хароном для братства шаманийцы были осведомлены. Ничего странного в этом желании нет. Препятствующих обстоятельств тоже нет, Харон нынешний свою должность невзлюбил, и ядовитость на языке отсюда. Пусть Гром немножко ещё освоится с бубнами, с направляющим к раме бубном, и в его плоскодонку встаёт.

Среди шаманийцев не нашлось изгнанников, способных заподозрить, понять, уловить, что такое док – для изгнанника, как тесно

обретённый приют связан с ним. Меньше всего на свете изгнанник желает впускать в него новых людей, но ещё меньше – потерять тех, что встретили его за рамой.

Пустым порывом решение его не было. Первое, что сделал, оказавшись на Южном, Гром раздобыл удавку, надёжную отододи.

Лучше бы Докстри рассказал ему заодно происхождение своего имени, а не скромничал, представляясь, как рядовой док-шамаш. Ведь он был первым совместившим эту должность с этим именем. Экспромт. Не собирался, увидел Грома, и как-то получилось само. Он действительно и ждал и выбирал, хочет ли жить дальше. Человека проглотившего «каштан докстри» течение времени не столкнёт на стадию светлячка, пока он находится в Шамании. Но каждый кончал с собой. Отчего? Оставалось тайной. Каждый в определённый момент начинал остывать к каштанам в лунном кругу, но и взятый каштан не ухудшал состояния. Докстри был живой эксперимент для себя и Пажа, предмет наблюдений. Незаурядному по силе человеку достался последний каштан, человеку с любознательным умом, с шаманийской выдержкой, помноженной на храбрость латника.

Ничего этого Докстри Грому не рассказал. Подразумевается, что новичка зовут в закрытый клуб исключительного кайфа, а не историю изучать. Не эксперименты по регенерации ставить.

Докстри, никого, и Пажа не спросив, взял роль док-шамаш на себя, починившись и для него сильному импульсу к прекращению. Пусть оно уже закончится, пусть у меня будет формальный предлог покинуть Шаманию и жизнь. Не такой он человек, не бросил бы ни дела, ни друга, влияние момента. Одиночество, любопытство. Перемена образа жизни. Столько молчал, за каштанами, да за альбомами, а тут – болтать, не закрывая рта. Наконец, внезапная симпатия.

Гром готов был выполнить всё, что нужно для лунного круга. Кроме одного: расширения этого круга.

«Задушу. Если у них так принято, что последний отпускает предпоследнего, путь Докстри живёт вечно, пусть вечно ждёт его, своего сменщика. Не дождётся».

02.17

Лодочка Докстри курсировала понятно каким маршрутом, с Громом на борту: от горы до жерновов Шамаш и обратно. Нескоро Гром охладеет к чуду хоть немного.

Неприглядное, мистическое место – подходящий фон травить шаманийские байки, раскрывать нюансы – полезные на будущее и пустяки…

Его шуточный финт напомнил чередование фаз дроидов желания: либо появляются, либо исчезают. Не замахнувшись, не покачнувшись, как ножницами из киноплёнки вырезан этот момент, Докстри указательным пальцем легонько чиркнул по мощной шее Грома, сопроводив:

– Фьюй-йить!.. Чик, так сказать…

И негромким смехом. Лишь тогда Гром заметил каштан на тыльной стороне руки. А после ничего уже не заметил… Марионетка с обрезанными нитями, покачнулся и ухнул вниз. Силы ушли из живота, нитки, видимо, там крепились…

– Вот, как это работает, хех, если тебе интересно, – сказал Докстри. – Потянись руками-ногами, отгони тузика.

Невозможно привыкнуть к этому постоянному упоминанию среди шаманийцев смерти с идиотской кличкой! Вместо того, чтоб привыкнуть, начинаешь озираться. Высматривать… И оно высматривает! Не собака, совсем не собака! Не тузик, тьфу.

Докстри Гром с некоторого времени слушался, как дроида. Кто бы ему напророчил, что такое возможно! Потянулся, ощутив себя резиновым, предела в растяжении не знающим, вдохнул ладонями и стопами, и якобы утерянные силы – вернулись!

Зная эффект, Докстри отметил:

– Запомни, вполне может пригодиться. Если навостриться, притом, твёрдо верить, и медянка тебя не задушит! Она – поперёк старается лечь груди, а руки-ноги как бы в Огненный Круг непосредственно вдыхают, не дают его затормозить.

– Док, признателен.

– Не за что.

Докстри разглядывал каштан на обтянутых костяшках. Шипы уткнулись в акварельные, сиреневатые разводы, кожа огоньками дроидов мерцала едва-едва… Смотрел на указательный палец, словно режущая кромка стрижиного крыла была видна ему.

Гром поинтересовался:

– А тебе это фокус что-то даёт?

- Попробуй. Вот я, вот шея… Не, жизни не прибывает. Или прибывает, но не мне. Это для самой Шамаш. Тут всё для неё, ты до сих пор не понял? Каштаны вроде как подношение, а это – жертвоприношение… Возьми каштан, да чиркни по шее, прежде чем ей преподнести, то же самое… Можно развлекаться без них, с пустыми руками, мы развлекались, я по-молодости… Не борцовское, не кулачное, такая выходит забавная специфика… Танцы-пятнашки, хех… Догнать, изловчиться… Чиркнуть по шее, от локтя до пальцев, чтоб соскользнуло… Но тогда сутки не встанешь, и никакие потягушки не помогут.

Поднялись на второй этаж.

Докстри бросил каштан. Жернова перевернулись, открыв под тонкой, яркой штриховкой ночь до Великого Моря.

Гром испытал предложенное.

Интересное дело, царапнувший шею каштан ту же самую, мгновенную слабость как жажду произвёл. Жажду и удовольствие. Удовольствие жажды… От неё не хотелось избавиться, её хотелось продлить, распространить за пределы себя, на жернова, на здание, на город и весь облачный рынок, чтоб окружающее разом сложилось как марионетка и полетело каштаном в негромкое отражение полной луны… Туда… Насовсем…

В ореоле жемчужного, переливчатого сияния обозначились тончайшие черты… Ожили… Улыбнулись… На какой-то неуловимый, драгоценный миг предстали в нормальном положении, принимая дар…

Снова Гром забыл о страховке, снова Докстри тяжело и крепко держал его за плечо. Немножко ругал, сердился.

На выходе, очнувшись, Гром спросил:

– Ты так держишь, словно я не отвлёкся, а прыгнуть собрался.

Докстри не ответил ему… Гром притормозил, в лицо заглянуть. Что за молчанки опять?

– Бывало?

– Чего только в Шамании не бывало, хех…

– Твой любимый ответ! Это вас роднит с ней, да?

Докстри снова промолчал, и Гром понял, что попал второй раз подряд, не целясь.

Не сиделось.

Гром кружил по цеху, удостоверяясь, что держится на ногах, что за рамой Шамании его не настигнет, что после первого каштана настигло. Постоял у края, попинал киббайк, усмехаясь, прикидывая размер его всадника, лилипутом себе представляясь.

Хотел пнуть резаки, рядом валялись… И вдруг замер. Не решился. Никчёмные, нелепые. Раскрытые и мёртвые. Страшные.

Как нечто бывшее живым, так были страшны они, не похороненные. В положении, раскрытом для «фьюить…», неуспокоенное железное тело серпа посередине сходилось в двойной герб погон. Нетронутые тленом лезвия думали о нём, стрижином гербе, о том, чтоб сойтись в него, кануть, забыться… Серп упивался в своём параличе этой нечеловеческой и недроидской мыслью.

Грома буквально загипнотизировало… Но тут

их позвали.

К Шамании не подлетают Белые Драконы. Ни вплотную, и не ближе, чем за двенадцать «лепестков» – двенадцать позиций для облачных миров, можно оказаться от неё, оставаясь верхом. Порядочное расстояние. Как же попадают в неё? Падают. Шамания имеет сильное притяжение.

Обособить что-либо – взаимный процесс, и означает для обособляющего утрату власти. Дроиды отстранились от Шамании, совершенно по-человечески решив, если исправить положение не в силах, чего зря и огорчаться. Доминго отогнал рынок на пограничные лепестки высокого неба, установил ему орбиту-не-чередования, без визитёров чтобы, да и забыл. Ну, нельзя уничтожить место, в котором есть хоть один человек, а выкурить их оттуда не представлялось возможным.

Влияние Юлы несильно на этих высотах, законы природы брали верх над дроидскими законами, а именно – гравитация, притяжение огромного тела. Замедление времени… «На слабой Юле», так положение называется…

Со спины Белого Дракона прыгнув, падать

начнёшь, не к земле, а к Шамании… Сильно, очень сильно разгоняясь. Необходим маяк, голос Харона. Его бубен и больше ничей находиться у рамы, остальные – в Шамаш. Этот бубен почти не светится. Он велик, громок. Кто бы рядом, в который раз не стоял, поражается, как можно, чтоб такая ширь и глубина, бесконечность исходила из конечного… Весь в царапинах и трещинах, того гляди развалится.

Без бубна Харона, человека размажет об раму сразу на подлёте. И останавливает сразу за рамой глухим «бумммм…», обретая новую трещину.

Белые Драконы всеми силами препятствовали сокращению дистанции между собой и Шаманией. Но если бесполезно? Индивидуально. Чем старше шаманиец, тем с большего расстояния позовёт его притяжение облачной земли.

Если прыжок начат рановато, противоборство человека с дроидом заходит на очередной виток. Если вовремя, дракон уже не поймает. Оба они кружат в тягучем, замедленном падении, как в сиропе, пахнущем сладкой мятой высокого неба… Оба – драконы… Зубами за ухо?.. Но бесполезно если? Не вечно драконам

повторять игру, которая не игра для всадника. Прыгай, человек, твоё дело… В конце концов, Белые Драконы, независимые навсегда, сами никому не подчиняются, понять чужое упрямство им не трудно.

Вблизи облака полёт ускоряется до свистящего ветра в ушах. Несколько лет пройдёт, прежде чем новый шаманиец с открытыми глазами на ноги будет приземлятся, а не кубарем в раму залетать. Сердце сжимается, внезапный выход из-под давления, как обухом по голове. Чудовищные скорости содержанию каштанов – очевидная рифма. Шаманиец влетает за раму, как самый настоящий стриж. Завершающий полёт вокруг кучевого облака, до неестественности круто сбитого, непрозрачного кучевого облака, как «фьюить!..» стрижа вокруг чьей-то шеи.

Рама – дверь в непритязательный, затопленный домишко. Проход насквозь, с той стороны у крыльца на воде лодочка Харона, по стенам развешены личные лодки.

На фоне Белого Дракона, таявшего постепенно увеличивая размер и прозрачность,

на фоне его зубчатого гребня хребта и хвоста, фигурка спрыгнувшего, притяжением Шамании влекомого всадника смотрелась крошечной галочкой, какими бай-художник соломку под лупой расписывает. Две чёрточки рук… Крыльев? Соединённые, наверное, но точки соединения не видать.

Летящий в Шаманию и спешил, и играл. Крылья то прижаты, острым углом в облако нацелены, давая ускорение, то раскрываются и по синусоиде кидают вправо-влево резко, плавней… Вновь сложены, вновь ускорение.

Харон терял крылатого гостя из виду, когда тот совершал облёт рынка.

Мерные удары бубна от рамы разносились по небу, заполненному размытыми, бесформенными облаками, гулко и далеко. Диссонировал Рынок Шамания, круто замешанный, с этими облаками. Белый, света не отражающий, для света не проницаемый, монолит.

Некто совершал за облётом облёт, сопротивляясь ускорению, выглядел правильным крестом, с тонкой линией тела и треугольными парусами крыльев. По мере приближения, передняя линия крыльев обнаружила вогнутость.

«Стриж? – подумал Харон. – Наяву? Так вот как сходят с ума…»

Эмоции в его наблюдении и выводе, однако, отсутствовали, кроме лёгкого любопытства, явь ли, бред ли, посмотрим, что будет дальше.

Дальше «стриж» с характерным «фьюить!..» пропал из виду, заходя на ближний круг.

«Буммм!..» – безошибочно подхватил Харон, и визитёр вкатился за раму, поднявшись на ноги, раньше, чем бубен замолк.

Перепонки сложенных крыльев на диво тонки, под опущенными руками почти не видны. Одеяние из того же мерзкого пластика, но планерная часть структурирована мелкими сотами, без ожидаемых рёбер жёсткости, без каких-либо спиц и видимых защёлок-креплений.

Едва глянув в лицо, Харон приложил руку к груди и поклонился:

– Док-галло!.. Доброй нескончаемой ночи. Приветствую, док-шамаш.

– Лодки не нужно, пройдусь.

- Пришли мне смену ради твоего визита! Хочу слышать и видеть, хочу из каштана сопровождать тебя! Ребята не откажут.

Расправляя перепонку крыла, худая рука док-

шамаш потрепала его по голове:

– Будет, будет… Когда настоящий, пришлю, в лунном кругу когда, а это не визит, а так…

Будто призрак каштановый исчезла док-галло в сумраке затопленной улочки.

По пояс в бурлящей мути. По колено. По шею… Дальше – светлячковый брод, лишь перепрыгивай кое-где, где-то в окна залезай, карнизами проходи, в иных местах ровно и не выше колена.

Ни опасений, ни брезгливости.

Сквозь призраки, как сквозь толпу во сне лежал путь, краткая остановка случилась…

Толики внимания не уделяя светлячкам, естественно – тут и там попадавшимся на системе своих именных бродов, к одному из них, она, внезапно застыв, вернулась на несколько шагов…

Светлячок не манил, он разглядывал свои руки… Ладонь – тыльную сторону. Тыльную сторону – ладонь… Правую – левую. Левую – правую… Поочерёдно. С неподдельным, нечеловеческим вниманием. Ужасающим.

Черты обезличены до полной светлячковости. Кому они могли что-то сказать? На лицо – эталон светлячка. Однако чередование жестов ещё сохранилось. Присутствовал и дополнительный компонент: взглядом и на ощупь светлячок исследовал линию от ногтя указательного пальца до плеча… Линию резака стрижиного. Заторможено, с не возрастающим, не убывающим интересом он проводил по ней, как по реально острому лезвию, и в конце жеста тень изумления нарушала картину…

Лицом к лицу, вплотную они очутились. Галло впилась взглядом во тьму глаз состоящих из одних зрачков, в светящуюся паутину лица. Слабые руки светлячка скользили по ней, она мешала его пасам, зарево следовало за движениями… Горит…

Напоследок галло прижалась лбом к яркой, неоново-синей груди, к радиальному сплетению, за которым не виден Огненный Круг. И вместо горьких каких-то слов, с застарелой холодной ненавистью сказала:

– Мадлен. Мадлен…

После чего уже не задерживалась на пути.

Даже где кончились города, где на

тоскливой, водной равнине огромные пузыри, бухая, исходили с неведомых глубин, её шаг не замедлился.

В сухой, невысокой, спешащей фигурке было что-то от ребёнка, выбежавшего на луг. На грязные лужи, которые не грязны, а чертовски привлекательны! Шлёпать, бродить на воле, в настоящем одиночестве, в уединении!.. Не беседки опостылевшей, а города. Уединение под куполом небесным, хмурым, перед чертой не потревоженного горизонта.

Горный пик. Цель пути.

Лунный круг был завершён, наступило время сладостей.

Оставленные в отдалении, на сухих ветвях, луны бубнов горели ярким, опустившимся на землю созвездием, обводя шаманийцев яркой чертой контражура. Выхватывали профили, рисовали белым по чёрному. Рассыпанными бликами лежали в зрачках. Подсвечивали на удивление не резко того, кто, не расставшись с бубном, подушечками пальцев как шёпотом подбирал какой-то незатейливый ритм.

Шамания особенное место, чем дальше от людей, тем крупнее её луны, тем пронзительней

их свет и громче звучание. В руках же – прирученные они, домашние лунные звери. Ритмы не заглушали шорох вытянувшегося за день ковыля. Скоро увянет. Не статична эта земля, эта вечная ночь. Свои периоды имеет. Исследована-то на сотую долю едва.

Ребята разливали по чашкам чистую воду миров, к пустым сахарным осколкам и нитям сахарных капель – пустую воду. Кто-то из основателей принёс и оставил на общее пользование набор чашек, и тем заложил традицию. Они были квадратны. Из нескольких штук уцелела одна, со щербинкой возле ручки, но и все позже появившиеся – квадратны. Шамнийцы разливали воду, и в белых квадратах чашек отражалась белая круглая луна, та, которой нет над их головами. Грома, как новичка, этот пустяк озадачивал в Шамании больше других чудес.

Мир, покой, один бубен шепчет, тихо вторит незримый ковыль…

Сухощавая тёмная фигурка возникла резко, вскинула обе руки. Летучая мышь с пробитыми светом перепончатыми крыльями. Бросила почти скороговоркой, полу-благословением, полу-приказом:

– Доброй ночи Шамаш – добрую ночь.

Сделав паузу перед повтором «доброй»,

добавив слову веса.

Приземлилась, складывая перепонки, возле чьей-то до краёв полной чашки, к поваленному дереву спиной.

Пригубила её беспардонно, с запоздавшим:

– Чьё? Не обделю?..

– Мема?

Хозяин чашки, лежавший на животе, в земляном тайнике порядок наводил, встал, пригляделся, темно… Всё лежбище зашевелилось, собирая для неё сахарное блюдо, передавая целый кувшин прохладной воды.

– Надо же, меня ещё помнят в Шамании!

Уступивший ей место и чашку парень вернул:

– Быть не может, Шаманию ещё помнят в Гала-Галло!

– Ха-ха, – сказала Мема, не засмеявшись и не улыбнувшись. – В Галло и дел-то, кроме как вспоминать. Каракули выводить, бумажки складывать… Есть хрумкнуть чего? Я без претензий.

Ей протянули каштан.

Мема и в самом деле давненько тут не была… Плохо знавшие её шаманийцы собрались возвращаться на лунный круг, те, что постарше, махнули им, сидите.

– Постучи, – кивнула Мема парню с бубном в руках, – маячка ради.

Каштан можно обкатать слегка, человеку – в камнях, как в ступке, Паж руками мог, обломать самые длинные шипы, самую остроту их. Такой каштан слабей проявляет корень Впечатления, но легче глотается. А хранить их надо в полной шипастости, она, кстати, самопроизвольно восстанавливается, от сломов уходит последнее, ничтожное количество заключённой там влаги.

Мема не обкатала, а дали ей лучшее, крупный каштан. Кинула в рот и одним ударом грубо расколола, женственности лишённая, не заботясь, как выглядит со стороны, опустив челюсть на колено. И проглотила, словно колотый сахар…

«Ничего себе!.. Нереально…»

Да, фокус Грому уже известный. Паж, ноустопщик использовал этот способ, умел. Но и он – иногда. И его эта сногсшибательная боль отвлекала на пике.

Провал и затем – Впечатление раскрывается вдвое быстрей и десять – острей, из-за соли, разъедающей, жгучей. И через иглы, и разом в горло. Жгучая смесь соли и битого стекла.

Мема не билась в агонии, не танцевала светлячком и не потеряла сознание, как некоторые, чей танец похож на судорожные движения во сне. Правда, он стала двигаться и говорить замедленно, как Халиль, когда он подглядывает за Арбой в очки. Плавно, слепым канатоходцем, дошла до ближайшей луны и сняла её с ветки… Могла попросить кого, не попросила… Вернувшись, прикрыла глаза…

Ритмы бубнов её и сопровождающего скоро нашли гармоничное равновесие и остались в нём. Изредка, как впустую, сглатывала. Вдыхала трудно и глубоко.

Агрессивный след её, внешне непримечательного, вторжения развеялся, позволив любопытствующим беспрепятственно рассмотреть шаманийку и галло.

Сухощавая, неравномерно смуглая от всех

излучений когда-либо пролившихся на неё. Правая скула как под направленным светом, всё же лицо – коричневое. На плечах полосы, будто рябь, на руках как брызги, пятна, есть светлее её смуглой кожи, есть темней. Кисти рук вообще пёстрые сплошняком, рябые. Руками лазит, куда не надо. Сколько раз она начисто лишалась их! Эти рябые – уже последние восстановившиеся! Да здравствуют дроиды регенерации.

И голос стал сухой при разговоре у певицы вайолет. Вдохнула, наклонившись над модулятором, который закончил работу, но продолжал самоочистку. Связки не регенерировали до исходного.

Неравномерно выгоревшие волосы связаны на затылке. Пучком, жёстким веником торчат, словно голова – зверь, а это – его хвост. На завязке горит подлинный пурпурный лал, минимальная из рабочих модификаций.

За что Шамания имеет почтительность выше среднего к галло, появляющейся раз в сто лет? За то же, что и ко всем в лунном кругу: надёжность, взаимовыручку. Поначалу, когда никто ещё не знал, беря каштан, вернётся ли живым из головокружительного приключения, Мема, благодаря опыту певицы вайолет, вывела многих.

Она умела, прислушавшись к ритму дыхания, к судорогам, напоминавшим предсмертные, уловить в них биенье живого пульса, подстроиться под него, заставить свой бубен услышать, и вывести наружу из положения безнадёжного на первый взгляд.

Становившийся всё более хриплым, её голос заменял вытащенному с того света и воду и сахар. К жизни возвращал. Не будучи сладким, он был очень чистым, прозрачным и жёстким, да, как правда, изложенная без завитушек.

Мема и саги коллекционировала такие, сухие, где перечисляется подобно формулам: кто, с кем, чего, кто на царство, кто в могилу… Но в её исполнении, кто бы ни оказался вайолет-партнёр, они звучали захватывающе до полного погружения…

В Галла-Гало у неё был канал связи со своими на такой случай. Неизвестный даже Мадлен! Замаскированный ловко и изящно.

Пирамидка Харона представляла собой лист манжетки, трава с резным краем, вроде бокала для мартини. В ней лежала невысыхающая капля росы: капля голубого топаза. Если: «На помощь», то будет лежать королевский топаз. Заменить в

этом глухом уголке сада – одна секунда.

А если Мадлен и доложат, пусть попробует слово против сказать!..

Последний раз Мема экстренно понадобилась шаманийцам невесть сколько столетий назад. Тем не менее, не было дня, чтоб утром и вечером она не прошла в густой тени стриженных, непроглядных крон мимо манжетки.

Харону же было сказано, что если воспользуется входом, чтоб увидеть свою док-галло, получит по ушам… Из естественного возмущения, он сразу же так и сделал!.. Но не получил! Кто же не скучает и в лунном кругу по док-шамаш?.. Не получил, и впредь не повторял.

Коричневые, рябые пальцы сместились к краю бубна, начали бродить вопросительно, ускоряясь, сбиваясь. На выход, значит. Сопровождавший подхватил ритм.

Докстри набросал сахарных шариков в чашку без воды, и покачивал её, размешивал… Звякал в ритм…

Сбитый с толку увиденным, Гром тихо обратился к нему:

– Вы говорили, девушек в Шамании не бывает… Ревнивая Шамаш, всё такое… Говорили?

– Гром… – прошептал его док. – Тут, конечно, темно, но где ты видишь девушку?..

Во всю пасть драконом осклабился, беззвучно смеясь, и резкий зигзаг профиля прямым текстом сообщил, каков был этот жулан когда-то… Многим и многим латникам из враждебных кланов нечеловечески повезло, что Докстри сменил поля войны на полночную степь Шамании.

– Это не девушка! Это чёрт рогатый, глубоководный… С перепонками… А как каштаны грызёт… Видал?

Ещё б не видал… Гром обернулся, из-за плеча на предмет рогов… Показалось ему, что вон они, полумесяцем!..

Но то был скорей уж нимб, оказавшейся за Мемой, луны. Луна в руках у неё, луна за головой…

Докстри добавил:

– Если уж галло тут, то по веской причине. Что-то стряслось или что-то должно произойти.

02.18

Кувшин пригодился, сахарное блюдо Мема лениво перебирала, отхлёбывая лишь воду.

Открыв глаза, но ещё видя перед ними лишь муть, она спросила именно про Докстри:

– Что, шаманийцы, док-то стрижиный сияет уже где-то на бродах? Позвал его тузик глюков ловить?

Лица повернулись к нему, и Докстри, неторопливо вставая, откликнулся:

– Зовёт, Мема, что ни день приходит, сахарком откупаемся пока…

– Ха-ха, – сказала галло, не рассмеявшись.

Они обнялись. Мема вгляделась в проступившее из мути знакомое лицо человека, вытаскивавшего её из пропасти. Не в лунном круге, в степи. Не раз. Два, пять… Как находил, удивительно? Бывший жулан, кого хочешь, в любых просторах найдёт. Клинчи не поняли бы поговорку про иголку в стоге сена. Что может быть проще? Больше десяти раз подряд находил и вытаскивал.

Был у Мемы такой период…

Добыв из бурлящей мути каштанов с избытком, она уходила в степной мрак, на расстояния, откуда луны уже не кажутся

огромными, а лишь далёким заревом. Пропадает его черта, распластанная над горизонтом, так долго, что устаёшь, спотыкаясь, идти… Идти с твёрдым намерением не возвращаться. Податливой оказалась твёрдость галло. Или твёрдость жулана оказалась высшей пробы. Однако в десятую, пресечённую им попытку Мемы тузика найти, Докстри сказал ей, что на этом баста, он уважает её выбор, одиннадцатой не будет. И её действительно не было.

А ведь жуланы, как сказали бы про зверей, природные враги Мемы.

Дорогое, значимое лицо… Мерцания нет, но акварельные разводы очевидны, и как морщины резки, от сиреневого к серому. Глаза не светлячка, волчьи, приземлённые, живые, невыразительные глаза хищника.

«Придёт ли тузик за волком?.. Глаза, чёрт дери тебя, док стрижиный, без перемен – настоящего жулана!»

– Что, тоже красавица? – усмехнулась она его встречному разглядыванию – Мы пара с тобой, старик.

Докстри кивнул:

– Где шатёр ставим? Кто кого за битые ракушки показывает?

– На байском рынке?

– Чего так слабо?! Для избранных, на Жуке!..

Мема без «ха-ха» рассмеялась, двоим понятной, шутке, мило погуляли когда-то…

– Там, Докстри, гости робки… Толку-то…

– Зато не бедны! Ох, Мема, что их упрекать, от нас с тобой тузик и тот драпает… Ты звала? И я звал!.. Не подходит близко, боится!.. Бросишь ему сахарку, и вовсе убегает… А на Жуке сделаем просто, поставим пирамидки у входа, ты с одной стороны, я с другой. Путь за выход платят!

– Ох, не любишь ты до чего свою бывшую братию!

– А за что их любить? Да не в них дело, разницу прочуял…

– И какую же?

– А ту, что на корточках, светлячком, люстрой в воде по колено, глюков манить – реаль… И покой… А в жестянке на байке скакать – пшик, пустышка. Чушь и галлюцинация.

Не то он говорил, что на самом деле было. Хотя покой, да, в его устах – аргумент. Но разницу-то почувствовал между кое-чем

другим… А после увидел лицо Шамаш… А вскоре и тот каштан, что дал ему имя «Докстри». Как всё было…

Аргументы, иллюстрации приведённые Грому для самого Докстри, для док-шамаш не значили абсолютно ничего! Он за дроидскую сторону аргументацию фантазировал. По разные они стороны: Гром через каштаны глядел на хищничество, Докстри из лютого прошлого борца и клинча на стрижиные радости. Что для Грома смыкалось, для латника, потерявшего счёт своим жертвам – пропастью разделено!

На Жуке Докстри вдруг понял разницу между запретным каштаном и войной. В каштане не надо ничего решать. Там всё сделано, совершено. Ты невиновен… Как стриж ты выбираешь очередное горло, как шаманиец, ты просто «фьюить!..» Удар и вокруг… Кайф стекает и повторяется…

Пешеход с булавочную головку размером. Кайф – размером с невинность. Свобода. Ничего не теснит в груди. Быстрина разгладила, стёрла рябь сомнений, толкучку противоречивых порывов, откаты рефлексии. Неразделимый сплав яростной скорости и покоя.

Никто ничего не решает. Так назначено. Он – меньше чем призрак, ты – немногим больше чем светлячок. Его ущерб равен нулю, твоё приобретение пало ниже его, в область отрицательных чисел, но это твоё дело. Те, что встречают твой смертоносный, невесомый удар, исходно предназначены тебе. Отданы тебе, ты не виновен…

А если попадётся каштан, в котором, поворачиваясь спиной к последним лучам заката, стриж одевает резаки и планирует на тёмный бульвар, стрижиной дуэли навстречу… Если такой каштан по недомыслию, по неосторожности уже проглочен, то надо – перешагнуть. Через непонятное что-то. Выйти на стук лунного круга, сказать: «Не повезло…» Услышать: «В другой раз». Услышать: «Я завтрашний круг тебе уступлю». И почувствовать себя счастливей, чем до ошибки. «Нет, спасибо, не нужно. Сам не доглядел, пустяки».

Докстри ощутил эту разницу всей кожей. И оставил маску жулана.

Базовое для людей качество проявилось в

совершённом им кульбите, тенденция экономить. Сокращать, упрощать. За счёт углов, разумеется, за счёт поворотов. Но если перемены неизбежны, лучше уж одна крутая и очевидно выгодная. Длина прямого пути считается за «один», слагаются повороты. Утомляют повороты. Особенно внезапные. Особенно напряжённое ожидание, то есть сам факт непредсказуемости следующего.

Латник экономит, закрывая лицо, экономит целую палитру эмоций, все не вспыхнувшие чувства, все не принятые решения. Только драка, только позиционные решения, позиционные связи, перестановки.

Докстри повернул от линии фронта клинчей, не имеющей шанса в обозримом будущем на исчезновение, туда, где всё предопределено, да корня засолено, и там ощутил: свобода! Страстная же натура не удивительно, что скоро заставила перегореть. Не тормозил, не оглядывался. В будущее не смотрел. В лик Шамаш, и на бульвары с клыка – фьюить!..

– Где бываешь сама, дружок? Смуглую, палёную Мему боятся ещё на правом крыле, не забыли?

– Вот уж не знаю. Док стрижиный, чего мне там делать? Как улетел Большой Фазан, – нос индюшачий у него отрасти, и чтоб по земле волочился! – разве это борцовское крыло? Культяпка. Затрудняюсь решить: ясли или богадельня? Старики пялятся, как младенцы младенцев мутузят. А сами ни-ни… Тьфу! К скамейкам задами приросли? Слюни пускали и к подушкам прилипли? Те, которые раньше без скрипа зубов друг друга видеть не могли, в дёсны целуются, ученика перепродавая. А уж если уступит кто на битую ракушку в цене, так вообще любофф. Тьфу и тьфу, из одной фляжки лакают, а как запретное не булькает в ней, так им уже и смотреть… – скууушно… Глаза продерут на минутку, и по-новой, голубя посылают: где ноустопщики? Не торгуют, а с борцами поделятся, свои, да и тише выйдет… Заходила, Докстри… Видала. Боюсь другой раз идти!.. Боюсь увидеть через пару лет, что голубки, кроме как фляжки подносить, будут и слюни им вытирать, и сопли.

– Ох, Мема, – тихо смеялся Докстри, – у тебя язык, как шип ядовитый! Кто на правом-то тебя так разочаровал? Из знакомых кто-то?

– Разочаровал?! Когда это я ими очаровывалась? Скажи ещё, одолел! В этот музей восковых фигур кто пришёл, тот сам себя и разочаровал. Хорошо еще, вход бесплатный.

Жадные твари, меркантильные, одна выгода в уме. Небось, пытались и платным сделать, да билетёра били каждый день!

– Ох, Мема!..

– Чего? Не согласен, что ли?

– Спорю, ты ставила на кого-то, но промахнулась!

Мема хмыкнула и не ответила ему.

Сам некогда из борцов перешедший в клинчи, Докстри не мог не признать, что правое крыло много потеряло с уходом Пепельного Фазана. Он, конечно, держал их в тонусе.

– Но неизменны луны Шамаш… – лиричным, почти пропетым, нежданным переходом завершила уничижительную речь галло. – А Паж здесь?

- Хех, мы уж засомневались, не впрямь ли за лунами ты пришла!

– Шамаш зовёт иногда… За ними тоже. Так что?

– Нету Пажа. Не балует он нас.

– А Чума?

– Привет, Мема, – отозвался парень из-за её спины.

– Привет, разбойник. Видитесь с ним на Южном? Как Паж?

– Цветёт и пахнет.

Докстри пожурил:

– Галло, ты давай, всем рассказывай, зачем искать пришла. Шаманийцы понадобились на континенте или оттуда кто просится к нам?

– Ни то, ни то. Приём намечается у Гранд Падре?.. Срок близится.

– Тоже мне, новость. Ежегодная.

– А на приёме ойл будут разносить…

– Что?!

– Ха-ха. Разыгрывать. Я и размышляю: с кем мне, галло, под ручку пойти?

– Ойл?! Мема, давай серьёзно. Марлблсы магнитные что ли? Опять с Техно? Тупицы-технари очередной модулятор разломали, шарики бросили в игру? Или тряпку внутри нашли, которой в прошлую эпоху дроид шестерёнки протёр? Неужели у клинчей так плохи дела, что они польстились на эти ставки?

– Флакон ойл.

– Мема, откуда?!

– А вот этого никто не знает.

Шёпот промчался в кругу парней.

– Да, галло, ты можешь удивить…

– На этот раз меня саму ещё как удивили. Клинчи сторожат на байском рынке флакон, ровно коршуны, как щупальца актиньи сжались вокруг. Я, Докстри, столько клинчей за всю жизнь не видала, в смысле разнообразия кланов. Там атмосфера сейчас… Ооо!.. Чиркни искрой, и Краснобай взлетит до высокого неба! Взорвётся, как есть, до Шамании взлетит!

– Нам тут байский рынок не нужен…

– А Шаман?

Спросила Мема про брата из лунного круга, заинтересованная в ойл безмерно.

Парень, чья чашка осталась в её руке, сказал:

– Помним мы, хех, наши играют. Но ты же прекрасно понимаешь… Обыграть их, гадов, нельзя! Мы за своего так и так встанем но… Им и ставка, и развлечение, противно развлекать…

– Без вариантов, – согласились несколько голосов.

Шаманийцам доводилось наблюдать

клинчевы победы у Гранд Падре.

– Ха-ха, – сухо откликнулась Мема. – А мне не противно, я не прочь их развлечь. Разнообразие внести.

– Мема, ты технарь, ты, что ли не знаешь, латник наполовину человек, наполовину латы, – возразил Докстри. – Ты надеешься обдурить – кого? Кибер-панцирь? Снулую черепаху в нём? Как бывший латник тебе говорю, всё так отчётливо, напряжено и безразлично… Если враг на горизонте, хлоп, срабатывает инстинкт, оживают затворы, прочее – на автомате. Черепахе побоку, она просыпается, когда на горизонте другие латники, а панцирю всё вообще по бокам, по сочленениям…

– …по ойлу в них. Пройдёт как по ойлу. Я сама не игрок…

– Я игрок, – сказал Чума, – но берега вижу. Берега реальных возможностей. Ущелья навроде. К ним на лодочке не подплыть. Клинч – полумашина, Мема.

- Кому говоришь? Лучше тебя это знаю! Не подплыть… Вам виднее, вы ноги боитесь замочить, я светлячковыми бродами пришла. Рычаг у меня есть. Врать не буду, в разработке. Но что я задумала – в четыре руки играют. Компаньон мне нужен, шаманиец.

Чума возразил:

– Хочешь, как хочешь: Гранд Падре неподкупен. Что поле его, то и птенцы. Некуда рычага применить. Ну, не к чему, гладко! Мема, я игрок, я ж этот рынок – насквозь!

– К воздуху, Чума… Он тоже гладкий? Не к полю, не к птенцам… Ойл беспрепятственен, ты это знаешь?

– Все это знают. Тем ценен.

– Ага, всепроникающ… И для панциря снулой черепахи… Она ещё не выиграла флакона, а ойл уже в ней, в сочленениях… Так?

– Ты хочешь отравить ойл в воздухе?!

– Чуть-чуть, – улыбнулась Мема. – Насколько смогу, что б едва-едва… Чтоб голова не закружилась у латника. Не ослабела рука… Пальчик один дрогнул бы при броске…

Сорвала аплодисменты и недовольно бросила:

– Рано!

Суеверная галло.

Открытая речь её – клеймо свидетельства об отсутствии примесей в золотом слитке

шаманийского братства, о принципиальной монолитности его. Нет щели, поддеть замок лезвием предательства, ни узких кругов, ни личных фаворитов, всё в полный голос.

Голос, смутно знакомый галло, возразил ей из отдаления, из темноты. Кто-то в степь уходил, вернулся только что, и сразу возразил со знанием дела:

– Латники не дураки, Мема. И не ты одна охотишься на флакон. Крупная птичка с Техно Рынка нацелилась на него же. Скромная птичка, которой достаточно нескольких капель. Нескольких зёрнышек. За работу клинчи обещали в клюв положить. За контроль над игрой и залом Гранд Падре. Да, Мема, и латники не стесняются нанимать как бы телохранителей!.. Карат Биг-Фазан, Мема, на их стороне.

– Ач… – поперхнулась Мема и выплюнула ругательство. – Ач-ча!..

У кого на сердце при упоминании врага не посвежело от радости, тот не имел хорошего врага! Крупного, сочного! Не пакостников и мелких подлецов, которых минуют, ноги отряхивая…

– И того… – подытожил парень в китайском, шёлковом костюме, выходя на свет двух бубнов. - На нашей стороне, как понимаю, ты и Секундная Стрелка. Так, Чума?

– Так.

У них были одинаковые косоворотки. Одинаково по булавке вместо верхней пуговицы. Они были похожи на людей, объединённых прошлым, и некогда мирно переставших общаться. Этим прошлым были вычурные, для полудроидов непрактичные, со всеми разновидностями отнесённые к кулачному бою, единоборства. Пока коллекционировали, общались, по пункту применимости разошлись. Приятель, Тао, ушёл бы на левое крыло Южного фазаном, если б шаманийцев тянуло в принципе куда-то помимо Шамаш.

«Пепельный Фазан…» – повторила Мема по себя, наблюдая, как из персонажа, мимоходом упомянутого ею самой, в качестве легенды правого крыла, он фениксом восстаёт, преображается в неизбежное «завтра», в плоть и кровь завтрашнего дня.

«Чертовски давно не пересекались! Каков он стал? Что утратил, что приобрёл?..»

Большой Фазан… Ряд их последних встреч представлял собой моментальные, незапланированные дуэли с оружием собственного изобретения. Удавок в основном. Удавки Мемы бросались клубком, с его стороны – разновидности отододи. Дуэли удавок, всякий раз завершались прискорбной утратой

свежесозданного: ноль – ноль, ноль – ноль!..

Рычаг, упомянутый Мемой, задуман был не вчера, не с пропажей Шамана.

В Гала-Галло действительно неимоверная скука. Складывающей оригами, выдумывающей сто сорок пятый каллиграфический шрифт, Мема себя не представляла.

Её небольшой модулятор, хрипящий, чадящий, – подумать, инструмент предпоследней эпохи! – Мадлен вышвырнуть не посмела, но изгнала в дальний угол сада. Рядом беседка с библиотекой техно-вирту, уголок Мемы. Кто имел неосторожность сунуть любопытный нос, того она считала законной добычей, для испытания новой удавки и бессчётных сторожевых ящериц. Не насмерть, конечно, но желающие перевелись сразу и навсегда. Двойная выгода.

Обогнать Карата – её неизменный интерес, но надо на что-то и отвлекаться, отупеешь вконец, маньяком станешь. А на что?

Мема окинула мысленным взором просторы рынков континентальных и небесных, и узрела наиболее крупную, сложную добычу: латников. Стала изучать их. Изучать их обмундирование. Искать слабое звено. Поиски упёрлись в ойл.

Главное, оно же слабое.

Отдельный компонент, дроидская субстанция, в модуляторе не изготовишь, левой рукой в Собственном Мире не превратишь, нет схем для него. Но если Ойл нельзя сделать, может быть есть способ его испортить? Ага…

Поскольку это масло – связующее в латах клинчей, предмет своих поисков Мема обозначила «рычагом», фомкой, ключом, который их вскроет. Широкие перспективы, кстати, открывались ей в случае успеха: полностью отвоёванный рынок, вместо уголка в мокром, стриженом саду, целый рынок! Возможно со своими, неотделимыми от него модуляторами.

Ещё вариант: присоединение к одному из кланов. Смутное подозрение маячило тут, что получится шило на мыло, но всё-таки разнообразие в жизни. И драться можно сколько угодно, и просторы…

Сомнение же в том… Мема холодно, глухо ненавидела Мадлен, но Мадлен – круче латников, этого невозможно не видеть. Латниками при всей их невообразимой красе, Мема пренебрегала как технарями даже, за ограниченность целей. За явное нежелание работать головой, сменить целиком парадигму, если уж отвоёванный рынок цель, якобы цель, не

зайти ли с другой стороны… «Врут себе. Им попросту нравится продолжать. Нравится всё, как есть. Понимаю, и загодя скучно. Но скучно и в Гала-Галло…»

Узнав про очередную дурость Техно Рынка, Карат был в гневе. Кое-кто, не сумев разобраться, – с личным, правду сказать, модулятором, имел право, – разобрал и не нашёл ничего умней, как пустить начинку в игру. Карат обрушил столько и таких эпитетов на родной Техно, издевательские характеристики Мемы – ласкательные прозвища на их фоне! Шарики он частью отыграл, частью выкупил. Ради клинчей же, его постоянных заказчиков. И тогда услышал про целый флакон ойл…

Не поверил вначале. Когда увидел аншлаг латников вокруг и внутри Шафранного Парасоля, разом удостоверился. Не клинчи нашли его, он их. И сразу получил предложение от всех кланов, следить за чистотой места.

Под солнечно-жёлтым тентом чеканный флакон ждал своего дня, и что пуст он, знали дракон и Отто.

Четыре огромные тучи сгущались с четырёх сторон…

Клинчи, особо – Жуланы.

Секундная Стрелка, не вполне понимавшая, что с латниками равняет их лишь скорость. Группа, ищущая хорошей драки, вне рыночных условностей Южного, вне индивидуализма правого крыла, всей стаей изловить клинча хотели, как минимум!

Третья туча – Гала-Галло.

Четвёртая – лично Биг-Пепельный-Фазан, так мало нуждавшийся, хоть и знающий цену ему, в ойл… Зато всеми фибрами души не желавший возвращенья Шамана… Желавший… Фибрами… Незакрытая тема, бой-кобры на прежних условиях, маячил перед ним как сама эта кобра, затмевая дневной свет.

О, если бы тот струсил! Как и решил Карат вначале. Вызов аннулирован навсегда, без вопросов. Нет же, нет! Не струсил, и, вернувшись, он в ту точку вернётся, с которой ушёл, это факт. Как же боялся этого Карат, как мучительно ждал этого, как предвосхищал в неуправляемых, навязчивых мечтах. Боялся помимо своей воли противникам клинчей подыграть! Его разрывало.

Как Отто советовал Пачули, как Паж – самому Отто, так говорил здравый смысл: отвернись, в сторону отойди, пусть без тебя разрешится! Во всех трёх случаях без толку! Карат ждал возвращения Шамана, как прибытия поезда или корабля, смены сезона, как чего-то от его воли не зависящего, с отчаяньем, с жадной надеждой. До дрожи. Ни за что не открыл бы заново подобную страницу! Открытую не закрыл, вот в чём проблема. Она не отпускала его.

«Борец год среди клинчей… Не на цепи же? Не на цепи. Он вполне может вернуться возросшим, как борец. Сверх моего. Я небесный, верховой борец. А клинчи – борцы универсальные. Он может выиграть у меня кобру…»

Прокручивал и сам себе не верил. Огненный Круг ускорялся, пылая. «Возросший как борец» Шаман, вернувшийся на погибель, сгорал в воображаемой схватке. В медленно сжимающемся захвате Шаман погибал, как сочный, беззвучно треснувший плод. Как гранат взрывался, липким, грязным, наичистейшим, терпким, гранатовым соком исходил, зерно за зерном. Отдавал каплю за каплей, секунду за секундой, безвозвратно отдавал ему свою бессмысленную и превосходную, как его, Шамана жестокость – бессмысленную, как его львиное тело – превосходную, свою

заканчивающуюся жизнь. Гранатом в горсти. Косточками незримо стучат в ладонь, в железные мускулы Карата красные огоньки, и палёный запах, как у Буро в шатре, до исступления усиливает жажду… «Чёрт! Он-не-вернётся! Не-вернётся-не-вернётся! Я не вернусь в этот чёртов шатёр! Дьявол!.. Ач-ча!»

02.19

Всем фокусам фокус Мема показала Грому-шаманийцу.

Каштаны раскрывались лазурью непрерывно, прояснившийся лик не скрывался, локтями сцепившись стояли шаманийцы и согласованно отпускали каштаны один за другим. Ни бубнов, ни разговоров, тишина глубже, чем при безлюдье, лишь свист и шипение превращаются в трели, затихая, нарушаясь следующим свистом…

Гром и лунный круг в широком составе отправились навестить Шамаш. Какая-то дата наступила, не вполне понятная ему, календарный отсчёт на особую фазу луны. На выходе Мема задержала Грома. Ей интересны новые лица, новости континентальные, до сплетен голубиных, как глоток свежей воды.

И по делу интересно поближе на новичка взглянуть. Паж и старшие шаманийцы рассматривали два типа кандидатов на марблс поединок у Гранд Падре.

Выбрать человека, зависшего в шаге от состояния светлячка, с выдающимися, обострёнными способностями. Но игра не должна совпасть с глубоким провалом в его состояниях, когда бессилен, практически невменяем. Провал - непредсказуем.

Или шаманийца свежего, чьи способности ниже, но стабильней, кто не ощутил пока даже признаков провала.

Паж думал, ориентировался на Чуму… Мема думала… И решила прощупать. Кого? Да Грома хоть. Пошутить с ним.

У лестницы Мема отпустила чью-то руку и осталась с Громом наедине. Под ручку.

Полувопросительно, полуприказующе потянула обратно. Сияла луна латунью начищенной, лучистым ореолом туманила несравненные черты, в себя ушла, чтоб не подслушивать, не подглядывать.

Скула галло, худое плечо как в брызгах от

лунного света, палёная Мема. Шаманийцы всегда на краю. Их лунный круг и есть край. Всякий каштан – край, и жернова, загадочное место. Меме нравилось ещё ближе к краю, чтоб пятки – над пропастью. Подумала, что новичку с гордым лицом, замкнутым в скорбь изгнанничества, понравится тоже. А нет, значит не тот человек.

Рука галло из его согнутого локтя выскальзывала медленно и неотвратимо, давая понять не случайность ускользания… От лестницы они удалялись по тонкой штриховке над-под бездной. И Гром делал вид, что не замечает. Наступил момент, в который не чувствовал, касаются ли пальцы галло жёстких складок старой кожанки. Касаются, раз идут.

Дуэльные самоубийства стрижей неотступно крутились в его голове. Вдруг они сказывается, вдруг становятся для кого-то навязчивой идей. Для неё? Сожалел, что не успел попрощаться с Бестом, с Бураном. В то же время галло не производила впечатления психа, главный угрожающий признак отсутствовал.

Ночь стирала пределы условного этажа, можно до бесконечности идти, не видно, что в области Там шагаешь.

Через какое-то время Гром кусал губы, сдерживая поднимавшийся адреналиновый смех, круче гонок над самыми волнами. Магнит

отраженной луны растягивал мостик двух шаманийцев вверх и вниз, выгибал его, играл им, бездна манит…

Мема провела по рукаву кожанки до манжета, до мизинца и потянула Грома вниз.

Ни в Архи-Саду, ни на Мелоди подобных галло девушек встречать ему не доводилось. Гром немножечко забыл про Шамаш.

В целом, безотносительно личных пристрастий и по сравнению с хозяевами, торговцами, игроками, изгнанники целомудренны. Тяжёлая жизнь не располагает. Лютые хищники земли и моря тоже, и по той же причине. Те и те обычно падают в отношения, в настоящие пары, когда настигает судьба, а не в масло рынков цокки. Цокки для изгнанника редко – случайный эпизод. Тогда как для торговца с Оу-Вау, к примеру, случайная прихоть, оплата долга, о которой забудет к вечеру. Изгнанник же чего-то ждёт… Ну, ясно чего… Можно ли назвать её меркантильной, мысль о Собственном Мире? Мечту о не охотничьем приглашении в него? Так или иначе, эта мысль, ожидание, надежда, пусть не всё, но многое портят.

Гром сел рядом с галло и, вопросительно заглядывая в лицо, взял за подбородок. Молнии адреналина превратились в зарницы, зыбь перестала.

Хохотнув, Мема стёрла улыбку с лица и сказала:

– Разочарую тебя, – сказала с хрипловатым, горчащим смешком. – С тузиком рядом по светлячковому броду пять тысяч лет как ушёл мой ненаглядный шаманиец. Цокки – не мой способ пить Впечатления оставшихся дней. Но ты ляг, полежи… – спешить к тузику, ты ведь сначала заподозрил меня в этом, да? – тоже не моё. Поговорим про простые стеклянные шарики… Про марблс… И я кой-чего тебе покажу, клянусь, не слабей цокки.

Не слабей и не далеко ушло.

Они обсудили Грома, как игрока, по его собственному признанию заурядного, прошлись именами марбл-ассов… Не соприкасались руками! Как же так? А вот как…

Пока разговаривали, Мема водила по Грому не обкатанным каштаном, иглами по коже, так чтоб след регенерации исчезал подобно следу на воде, за царапиной…

По лицу, по груди…

Гром резко сел скинул куртку.

По стопам и ладоням…

Галло – не только лишь песни. Основательницы клуба всегда умели доставить удовольствие, тем охотились, до уровня голубей не опускаясь, и впрочем… И такое бывало – под маской.

Если бы так чутко галло, певица вайолет, не слышала ритм чужого тела, не чувствовала скорость Огненного Круга, Гром ощутил бы лишь уколы. Он замирал от непрестанного «почти падения», от неуловимо мелкой дрожи жерновов, готовых включиться, уронить и поймать и перемолоть их обоих шестерёнками, чья сила равняется взрыву Морской Звезды… Следуя течением огоньков, корень Впечатления исходил не через глотку, а через кожу, завал, раскрывался, звал ещё настойчивей…

Гром очнулся от полыхания Огненного Круга, когда понял, что освещает ночь не слабее луны Шамаш. Мема усилила нажим до пробуксовки регенерации. Паж, ноустопщик научил. Гром готов был вырвать каштан силой из её руки, досмотреть уже! Сорваться в близящийся томительно долго «фьюить…» Мема опередила. Как Паж, изо рта напоила его, пообещав:

– Смотри. Я выведу…

…Грома подбросило на нестерпимой волне, выгнуло, как резак полумесяцем…

…Фьюить!..

…О, эти старые клубы, знающие толк в наслаждении!..

После ярчайшей картины шею огибающего резака, Мема его вывела без бубна, одним только голосом. Имитируя феноменально…

За выход особенно, без сахара, без чистой воды, исходное уважение Грома к галло сменилось почтением. Ещё на шаг приблизив к пониманию настоящей цены братству.

«Спасибо? Должник? Чем могу?» Всё не то!

Гром не поблагодарил, наградил её:

– Ты – шаманийка.

Тихо и твёрдо. Самое нежное, что произнёс в жизни.

– Да ты что? – хохотнула Мема. – Ну, раз понял, значит и ты шаманиец!

От сердца спросил:

– Мема, что я могу сделать для Шамаш и

тебя? Чем быть снаружи полезен? Я хочу.

– Карат, – кратко ответила Мема.

Уточнения это имя не требовало. Что от старого врага ей может быть надо?

Потом, в иные, романтизма лишённые встречи Мема пояснит:

– Как борец ты не скоро, но сравняешься с Большим Фазаном, если, конечно, продолжишь навыки тренировать. Сравняешься, так как – шаманиец, брат. Должна сразу оговориться. В бою между лучшим из клинчей, из жуланов, будь они прокляты, или гамм, я бы поостереглась ставить на клинча. Они – ох… Но они – предсказуемы! Повадку конкретного клана изучить – дело нескольких вылазок на их рынки. Биг-Фазан непредсказуем в каком смысле… В ускорениях. Но обмануть его можно… Он заносчив, не всегда внимателен. На том помимо очевидных данных выезжает, что связки его атак наработаны, универсальны. Но это – ошибка. В скорости вы сравняетесь… В силе… Болевой порог у тебя будет, сам понимаешь какой. Высокий. Что голову оторвать твою, ясно, не помешает? Но при менее фатальных захватах поможет обмануть… Блефовать. И ещё,

рассказываю обстоятельства: Биг-Фазан носится со своей принципиальностью, как тень под волнами с налипшей в зобу соляшкой: ни выплюнуть, ни проглотить! Вызова моего он не примет ни в жизнь! Это уж очевидная неданность… И прежде тебя ставила я на одного шаманица… И всё удачно так поначалу слагалось…

Именно! Отнюдь не случайностью был Шаман у Густава в шатре. Происки галло. Ради конкретного боя-кобры задержался он там. Ненавидевший Кроху, Меме Шаман – брат.

Отнюдь не в одностороннем порядке мучительное желание Карата ждало решающего поединка. С другой стороны тоже ждали. Без муки, правда, без трепета. Легко и самоуверенно.

Проигранная партия у Гранд Падре нарушила его планы. Но обещание, данное шаманийке, её брат твёрдо помнил.

Грандиозность четырёх туч, к Жёлтому Парасолю гонимых ветрами самых разных страстей, Отто в упор не видел, здраво оценить не мог.

Паж мог. Оценил.

Шатко и призрачно на ветру будущее бестолкового, ласкового телёнка. В Арома-Лато умудрённо-циничный. На Марбл-стрит свой парень. За игровыми столами грациозный, венценосный дракон. Пред клинчами – соломинка на ветру, настоящая былинка на побережье. Близится буря.

Пажа о пустоте флакона не осведомлённого, о планах Мемы позаботившегося, с кандидатурой Чумы согласившегося, как поддело, так и не отпускало изогнутым, острым когтём тревоги.

Вроде и соглашение вступило в силу, а тревога – опять и опять:

«Оно не вообразить, как это теля бросает финальный шарик, промахивается на миллиметр… А клинч во всеоружии, машина, танк… Перчатка, с голову величиной, сносит скалу ударом ладони без замаха. И шарик в этой перчатке – птенец… К неимоверно тонкой работе приспособления их перчатки: танцовщице стрелки подвёл бы на глазах… он не промахивается, ни на миллиметр… И что? Что и что?.. Шаману – что, Шаману – конец, но телёнку-то ничего! Чего я дёргаюсь, чего я места себе не нахожу?! А чего он продолжает летать туда?! Чего он?! Отойди в сторону! Отто совсем уйди! С поля боя уйди, с безобманного поля Гранд Падре…» –

«Сам и уйди, – отчётливо заявил Пажу тот же самый внутренний голос через паузу. - Твоё какое дело?» – «Шаман – мой человек, я док для него и для всей Шамании!» – «Мы вроде бы не о нём?» – «Мы про отойти». – «Да. И ты не играешь, ты – дрянь, а не игрок. Что случится? Что-то случится? Тогда отдавать клинчам ещё одного шаманийца глупо». – «А не попытаться подло". – "Вот! – громко, торжествующе подвёл черту внутренний голос. – Гляди, как удачно могло бы сложиться: марбл-асс, посторонний человек пускай и рискует!» – «Заткнись!» - Паж рявкнул вслух, и опустошил треть фляжки, заливая советчика внутри, захлебнись, торгаш расчётливый! Огляделся смущённо в громком, местами оглушительном, кузнечном ряду, за психа не приняли?

Тревога росла и росла, хоть ни откуда не следовало, что Отто вообще выйдет в финал.

Про Ойл узнали все кланы латников. Информация распространилась со стремительностью пожара по сухой траве их полей. На континенте осведомителей у латников полно. Им годами платят за то лишь, чтоб в нужный момент проявили расторопность.

Клан Вяхиря утратил первенство, не их латник пойдёт к Гранд Падре. Неважно. Там будет

адская заварушка за этот флакон. В небе.

Клинчи не устраивали разборок на территориях вешних людей. Как выглядело бы? Бой десятков и сотен тяжело вооружённых великанов за Шафранный Парасоль? За ажурное сооружение на лесах, из бамбука, бумаги и шёлка?

В решающий день небо вокруг рынков-визитёров будет черным-черно от их доспехов, белым-бело от ездовых драконов… «Отто, исчезни! Уйди в сторону!..»

Кивок Отто и пожатие плеч стали точкой отсчёта.

Выйдя на полукружие открытой площадки Шафранного Парасоля, Вяхирь с высоты второго этажа и своего роста окинул взглядом Краснобай. Усмехнулся и заявил во всеуслышание, для всех шпионов:

– С этого момента и до дня игры флакон не меняет места пребывания!

Ни он, ни какой иной клинч его не заберёт. К Гранд Падре не понесёт, в частности.

– Уважаемым баям Арома-Лато лучше тоже не рисковать и не прикасаться к нему.

Да уж понятно…

За одно только утро следующего дня Личи насчитала вокруг Парасоля тридцать три обмундированием, эмблемами несхожих латника, друг с другом и с обалдевшей, робко и нагло праздношатающейся, публикой не вступавших в разговоры. Айва поманила её, в соседних шатрах указала ещё двух… Серьёзных… До жути!.. Сквозь маски прямо каменные лица излучают суровость. Девчонки хихикали, парни Арома-Лато были в меньшем восторге.

В последующие дни напряжение отчасти спало.

Партии в лото демонстративно не отменялись, в личные шатры не переносились. Гордость. Вот ещё. Вы следите, ваше дело. Мы играем – наше. А и добро пожаловать, чем, в сущности, отличается заказчик и гость двух с половиной метрового роста в маске от обычного в маске или без? Ничем. Сыграть не желаете? Соломка вот, угощайтесь.

Прежним руслом потекла их жизнь гораздо больше выдержки требовавшая от латников, чем от хозяев шатра, и новых переживаний куда более ярких доставила первым.

Заказчиков у группы убыло, а затем резко прибавилось.

Совершенно незнакомые люди приходили, будто за флакончиком духов… Так подробно излагали нюансы индивидуального состава, будто важно им!.. Что интересно, все они оказывались в итоге не болтунами, а реально богатыми людьми, возвращались и платили! К приготовленному абсолютно не придирались, а так не бывает касательно ароматов! Запас одноразовых пипеток-ароматизаторов для чашек и соломок разошёлся весь! А Лайм ещё выкинуть порывался, считая, что выдохлись!.. На пустую соломку менялись, на съедобную пустую, на шарики, колечки с тайничками, бусы с ними же, и всякие без разбору финтифлюшки. Жаловаться ни один покупатель не пришёл!

Клинчи общались… По-своему, но общались! Играли в простые шашки, на вопросы отвечали односложно. Разговорить их по большому счёту никому не удалось.

Кто осмеливался пристальное внимание клинчам уделить, замечал в прорезях масок, глаза неподвижно сидящих громад уставленные в пол, в пространство, а собеседнику в лицо бросающие взгляд коротко и резко.

Карточки, бочонки лото, лёгкий, изящный, наработанный жест Личи, достающей их из холщового мешка, многоцветие в нарядах, якобы за игрой следящей, публики, маневры её пройти мимо клинча впритирку, а то и потрогать невзначай, как будто не существовали для них, не к ним относились. Реальность – лица и разлитый в воздухе ойл, сделавший неощутимыми доспехи, смешавшийся с оттенками ароматов в бумажных стенах, в шёлковом зонтике шафранном. Эти стены для волков нескончаемой войны, бумажные, разрисованные цветами, плодами и любовными сценами разной степени откровенности, абсурдно, мучительно тонкие, взывали к ним в полный голос, но на незнакомом языке.

Черные Драконы за гостями постоянны, за арома-баями редки, стабилизировалась атмосфера.

У Гранд Падре запущен и вовсю шёл «календарь печатей».

Серьёзные игроки непременно имели личные печали, вели календари. Существовали календари заведений, в Арбе тушью ставились отметки, у Гранд Падре воском.

Зал огибала полоса мягкая как воск. Претендовавшие на финальную игру марбл-ассы прикладывали к ней личные печати. Для задела – по числу присутствующих каждый. В дальнейшем никакой системы поединков не наблюдалось. Кто с кем хочет. Победитель перекрывал печать побеждённого. Игрок, чьих оттисков на календаре не осталось не может предлагать заход в партию, но ему могут предложить, дать шанс. Присоединение нового человека всегда возможно. Оно добавляло по оттиску всем, оставшимся к тому моменту, и ему доставалось общее число. Трудно сказать, повышало ли запаздывание шансы. Скорее нет: отборные противники, личных оттисков на календаре у запоздавшего вровень…

Случались года, противник клинчу находился задолго до дня, когда безобманные птенцы слетятся на безобманное поле. Случалось и наоборот, день всё отодвигался, кто-то новый приходил, кто-то струсив, предлагал выбывшему игроку партию, переуступая таким образом сомнительное счастье финальной игры… Так что она, ежегодная отборочная, по факту приходилась на неопределённый, плавающий день.

Бесповторный Шатёр Отто выдавал хозяина с головой, с порога окинуть взглядом: марблс форэва!

Там не было ничего, помимо игрового стола. Бесповторного.

Артефакт в цену простой механики. Настраиваемые большим количеством комбинаций магниты под столешницей немножко изменяли рельеф поля. Повторы как раз таки возможны, задавались и периоды изменений, а можно – бесповторно, случайным образом. Это не магнитный марблс, играемый липучими, железными шариками, это чтоб с самим столом играть.

Шатёр Отто поставил в ряду, дальний конец и противоположная сторона которого вместо шатра представляла собой дорожку Кривульного Марблс, то есть как его стол, но вытянутое игровое поле, низкое, на уровне колена. Влюбился, когда увидел.

Играли по пять примерно заходов, создав новый рельеф. За четыре его исследуют, пятый – решающий. Кто умудрился выиграть первые четыре, имеет право для пятой партии изменить рельеф, но тогда в случае проигрыша, он больше теряет. Стандартная схема, всяких других тьма.

Но последнее время нахмуренный, повзрослевший Отто избегал и Кривульным рядом пройтись. Вернётся от Гранд Падре и у себя сидит. Стол ему соперник. Негромко бумцает стекло… Ничего не набирал на панели, на изнанке столешницы, даже не выдвигал её. Коленом снизу ударит, чтоб на новый стряхнулся рельеф, и сызнова.

Через все предварительные ступени возносясь на возвышенной пик философии, кидал и бормотал что-то вроде:

– Вот выиграю у самого себя… – и никто у меня никогда не выиграет, и… и буду вас всех настолько круче, не догоните!.. – ну вас всех к чертям… – и буду без вас… – а и отличненько даже… – очень надо, очень хотелось даже…

Получается – очень!

Черти в бормотании его мелькали всё чаще, заполонив целиком, становясь морскими, глубоководными, придонными… Обретая масляные волосы, тяжёлые как шёлк, сине-зелёные в отливе…

Столу Отто катастрофически проигрывал! Отто скучал. Он перекрыл все незначимые восковые печати у Гранд Падре, отмёл всех противников среднего уровня, чтоб отойти в

сторону лишь в последний момент. Он не хотел на Цокки-Цокки, не хотел на Ноу, не хотел никуда - один.

Паж проводил дни-ночи между Южными Рынком и Шаманией, избегая Ноу и Марбл-стрит. Но не настолько, чтоб Отто забыл данное обещание, пересекались изредка в Арбе. Как демон моря Паж остро чувствовал до лжи недотягивающую скользость положений…

Айва пришла к Отто, со словами:

– Есть мысль…

Её появлению, всегда отвлекающему от пустых, грустных мыслей, Отто возрадовался.

– Доброму дню – победный у Падре!

Считалось, что в финал имеют шанс выйти обое. Притом, обое знали, что – не выйдут! Но тренировались азартно, по-братски. Стратеги… Сколько бумажек исчертили, сколько заметок пересмотрели чужих. Склоняться вдвоём над мятым листком, под паутиной линий, лоб ко лбу, карандашами водят, пальцами щёлкают… А то щёку, лоб подопрут и хмурятся… Генералы в канун сражения! Какое число раскладов возможно при игре на выбивание с линии?

Миллиард! Вот миллиард и разбирали.

Для Айвы, любительницы, знатока жульнических приёмов игра на безобманном поле – вызов: при самых простых и прозрачных условиях, запутать, в заблуждение ввести. Выступая на стороне Шаманийцев, получила новое задание, связанное с тонким дурманом. На общем фоне Айва не выделялась, готовились многие, Марбл-стрит в полном составе.

Принцип такой в финале, что засчитываются только броски, выбившие чужого птенца со своей половины поля или с черты, а с его – за пределы поля. Цель «на верхней ветке гнездо», чтоб твои марблс останавливались на одной линии, к разделительной меже вплотную.

Отто выкатил панель, обнулил шкалы, сделав столешницу ровной. Тонкий луч пересёк её.

Айва тряхнула мини-малблс в горсти и сказала:

- Заходи по-левой, рассыпь. Чтоб справа без канарейки на веточке...

Образовалась параллель, увидеть которую могла разве что Фортуна с самого верхнего,

недостроенного яруса своего храма.

В Дольке, в мастерской для уединения, миниатюрных работ и полноразмерных размышлений о мире вокруг, автономный дроид, коваль, радость всей дроидской сфекры, подходил к кадке проведать при случае, затем каждый день, затем дважды в день...

Имел распорядок: на месте ночного сна у него - распускание всех непамятливых, имитационных орбит. Чтоб обновились пружинки, чтоб автоматика в норму пришла. Которое"утром" не соберётся - на выброс, на замену.

День пропустил, на кадку не взглянул, всё, сердечник, контур-азимут не на месте. А ближе ко дню слепого пятна, станет заглядывать чуть не каждый час, а то и раз в пять минут. Равно пугали его и быстрые перемены в кадке и замирание процессов.

Параллельно у Гранд Падре, прежде неизвестный там, беспечатный игрок прилетал всё чаще и чаще.

Непонятно зачем, а впрочем, мало ли, возможно он из кругов делающих свои, внутренние ставки. Голубь, курирующий

календарь? Похоже. Невзрачный парень, правда, без голубиных отличительных знаков. Веки полуприкрытые, безразличный, мутноватый взгляд, как по службе прилетал, обходил зал вдоль календаря, улетал, не глянув на поле. В то время, когда тренируются, днём. Гранд Падре по серьёзным играм утренне-вечерний рынок.

Чем ближе финальная игра, тем чаще появлялся. Муть в невыразительных глазах не выдаст шторма, не то, что ряби волнения, однако к фляжке прикладывался, едва воззрясь на общий узор календарной полосы…

«Наполовину из однотипных оттисков… - вертикально стоящего меча! Да чтоб тебя! Обещал ведь ты!.. Щуки сухопутные!»

Его печати, его.

Отто даже на пенковых мечах Мелоди не сражавшийся, выбрал этот символ сразу и спонтанно, едва обнаружив, что печати существуют как явление. Он без секунды размышления баю-кузнецу назвал первое, из всплывших двух. Второе - лев, но что такое лев? Кошка. Живой артефакт, может есть у кого за рамой, бродит, рычит… А меч, это меч.

Его мечи в овальной, двойной обводке

печати бросались Пажу в глаза, как присутствие тени ядовитой, затаившейся на дне, резанёт предчувствием натренированным столетиями.

Паж вылетал с рынка, изрыгая горловые, морские, галькой среди пены перекатывающиеся проклятия в адрес растущего заборчика из символа который, как вскоре узнал Отто, уместен более на рынках цокки! По этой причине никем до него из марбл-ассов не был присвоен.

Совсем молоденький, глупенький Отто секунды не смутился! Заказал перековать из печатки в кулон и носил, зависимо от настроения, под одеждой, а то напоказ.

"Троп тебе повстречайся, актиньи придонные тебя поймай на все трёхчастные шипы, на пунцовую треть! Дурак, телёнок соляной с восточного, горького побережья! Что ты бьёшься в календарь этот, как соляшка рылом в берег! Уноси свой меч на свои сладкие цокки! Там отпечатывай! Дурак, дурак, дурень, дурашка! Халиля дурней! О, уходящее зарево недоступной Аволь, а чужих-то печатей как мало осталось на календаре..."

02.20

У Халиля собрались они, благо шатёр его для

подглядывания так же хорош, как против подслушивания – погребок. Сам Халиль, Паж, Мема, Чума. Помимо него от Секундной Стрелки, одновременно от борцов, знавших Шамана, пришёл Злотый с новым учеником, поразительно молчаливым парнем, настолько, что за глухонемого, сочли бы в прежние времена. Массивный, в беге и кувырках лёгкий, прозвание Цыц. С каких областей тянулось, неведомо, в разбойничьем их кругу себе таких замечаний, кому цыц, а кому не цыц, парень не позволял. В ноздре пирсинг, в противоположной брови тоже, колечки белого металла. Злотый рядом с ним выглядел, как с телохранителем, хотя дело обстояло наоборот. Он заплатил долги парня, плюс, один из долгов оказался боем, проведённым за него. Злотый в своём репертуаре. Впрочем, приобретение перспективное по физическим данным. Айва, присоединившаяся к ним, с новым парнем, как в гляделки утонули, так из них к общему разговору и не выныривали.

Сразу возникшей и сразу отброшенной версией, прозвучавшей из уст галло, мыслившей как галло, стало: перекупить Карата. Версия реалистичная. Технари, они такие, упёртые, фанатичные, если знать на что клюнет, любого технаря можно с потрохами купить. Но не в любом случае. И не в этом.

– Уже, – бросил Чума. – В смысле уже отказался. Он знаете, кем конкретно нанят-то из латных?

Паж со скрипом воскресил названия крупных кланов в уме:

– Неужто гаммами?

Название это происходит от позывных, от их гармошек губных.

– Нет, док, не угадал. Жуланами.

– Ого. Ого-го…

Жуланы – номер один. Специальная единичка, иерархии особняком стоящая. Именно те, при чьём появлении на рынках оно смысл имеет, это: «Глянь! Латник!.. Прячься, не высовывайся…»

Жуланы это…

Бывшие хозяева Рынка Жук.

Бывшие противники гамм, клана номер два, конфликт с которыми перешёл в тлеющую фазу. Рынок жуланов Сугилит активней осаждали мелкие кланы, то индивидуальными вылазками, от объединившись для продуманной, неизменно отбиваемой атаки. Было чего осаждать.

Назван их рынок по имени породы – «сугилит» – камень, в избытке встречающийся на засушливых, бесплодных просторах. Из него сложена крепостная стена, а за ней интересное… Дополнительный фактор, на безводных землях не позволяющий поднимать пирамидки торга, источник некого излучения. Что ещё за нею знают сами жуланы. Приглашённые имеют возможность наблюдать. Отклик на такое приглашение, кажется, что угрозы не несёт по сравнению с отказом. Удостаиваются его, естественно, технари и редко танцовщицы, чары.

Условие, об увиденном не распространятся, тем более легко выполнимое, что относится к постоянно перестраиваемым внутри системам безопасности, сигнализации, механических ловушек. Распознать это, да ещё и успеть растрепать, пока не устарели сведения так, чтоб до враждебных кланов дошло, задача бессмысленно трудная. Касательно главной начинки крепости, общеизвестно – она модулятор высокой мощности. Плохо изученный, неподдающийся, от Рынка Сугилит неотторгаемый. Язык его кодировки неразгадан. Из-за того, помимо технарей, математиков, для них желанные гости знатоки старых языков.

Современные цветовые шкалы, модулятор легко считывает, быстро воспроизводит

заданное, но только в пределах узкого блока. Там есть панель с предустановленными схемами вроде как для конструктора, соединяемыми вручную.

Модулятор берёт широкий спектр субстанций, пригодных к формованию и отверждению. И выдаёт не узкий. Что вместе дало жуланам ощутимую фору. Но и то очевидно, какая это малость!

Звучит так, будто полудроиды склонны к узким специализациям и доскональному изучению… Конечно же нет! В целом можно сказать, что Техно Рынок – приложение к науке материаловедению, как опорному для скрытых механик и превращений в мирах. А полиглоты – производное Рынка Мелоди, истории танцев, песен и мод!

Благодаря этому модулятору «Куб-в-Кубе», их война, их непрерывная оборона, как и надежды на большее выглядят в сравнении с другими хоть как-то обоснованно, осмысленно. Зато самим пошло не впрок, по той же причине. Недроидский клан, жестокий. Осёдлые люди, которым есть что оборонять, в процессе обороны утратили главную полудроидскую черту – ребячливость. Срок жизни полудроидов таков,

что вне Собственного Мира поневоле отвергнешь постоянство, они так круто меняют пристрастия, будто перерождаются, на разных отрезках жизни, как разные люди. Жуланы зависли в одной точке, плохо для них.

Также Куб-в-Кубе средство обороны. Латы жуланов обязаны отвечать двум условиям – механической устойчивости для боя и защиты от него. Излучение поставленное на максимум ранит полудроида до нерегенерации.

Жуланы пользовались им с этой целью несколько раз.

Их старым врагом, личным врагом была Мема. История вражды классическое сочетание бессмысленности и грязи. Попала она на Сугилит как технарь, а мотивация у жуланов была - отомстить Мадлен, проклятой галло. Правильно Мема судила, что Мадлен круче жуланов! Клинчи рассудили так, что для закрытого клуба, технарь – наибольшая потеря… Да Мадлен никто не нужен! Котиничка только. Не суть. Это было подло, глупо, грязно с их стороны.

Не когда Мема взошла за крепостную стену, а вплотную шла к Кубу, они включили третий режим и выкрутили вентиль… Удавкой

брошенной, издалека! В Мему бы целились, и то больше шансов. Пёстрая, опалённая кожа галло ни о чём не сказала им… Ошибка! Регенерация – умная вещь, навык имеет. Случаев потренироваться Мема предоставляла ей в избытке. Слабость жуланов состояла в краткосрочности третьей степени защиты их лат.

Расположились как можно дальше, по нишам стенным…

Мема не побежала. И не вздумала падать. Она шла сквозь густые лучи, отворачиваясь, подставляя одну щёку, с тех пор приобретшую просвеченность как бы, шла, куда и собиралась – к Кубу…

В утихающих, зримо-спиральных, опадающих лучах она положила руку на вентиль, жуланы прокляли свою недальновидность! Тогда многие подумали на неё – дроид! А Мема прохрипела:

– Ну что, хозяева гостеприимные, не поскупитесь на второй душ?

Рычащие голоса из-под масок, униженные до сипения, спросили, чего хочет она, чего угодно галло, уважаемой госпоже, чтобы не включала. О, галло имеют хороший аппетит! Но в данный момент хотела она уйти живой. А каким

способом? Одним единственным, если сработает. Галло технарь рассудила, что рамы ей не достичь, пирамидки не поднять, штуки этой не заглушить. Но заметила, что лучи в штатном режиме и в том, который её сейчас едва не сжёг, распространяются по-разному… Увеличивая мощность, они образовывали воронку, расправляющуюся до горизонтального диска. Значит?.. Освобождая верх?.. Наблюдение стремительное и безошибочное.

Она поманила одного жулана к себе, сказав:

– Не раньше. А что не позже, ты сам понимаешь.

И крутанула-таки вентиль, стоя на верхней грани Куба, свободной рукой поднимая пирамидку. Успех! Её зов к дракону разнёсся краток, хрипл и пронзителен. Вторая удача, строение изначальное, крыша не препятствие дроиду. Жуланам в голову не приходил подобный вариант бегства, Мемой логически выведенный за минуту. В белом вихре галло была такова. Судорожным порывом вентиль перекрыв, этот клинч не выжил, остальные получили своё, но оправились.

Задумываясь о присоединении к латникам, Мема имела виды на клан гамм, на возобновление их старой вражды с жуланами, отомщённой себя не чувствовала. Галло очень

мстительны все, не только Мадлен.

Жуланы это опережающие технологии. С опорой на Техно Рынок и на превращения в мирах.

Визуально покорённые ими технологические высоты запечатлены, например, в незаметности мест сочленений в латах. Ни в бинокль с киббайка, и в модуляторе микро-макро не видны! А нужен специальный фонарик. Настолько необходим, что у клинчей на жуланов идущих войной, он встроен в наплечник. Для жуланов является первой мишенью.

Что ещё…

У них обтекаемые формы доспехов. Цвета обычные, матово-чёрный, асфальтово-серый, материалом обусловленные, лучшего не нашли. По этому фону набрасываются временно, постоянно – трудно дышать, дичайшие окрасы, чтоб рябило в глазах. «Пеструшки» – дразнилка для жуланов.

Великаны перед вешними людьми, среди клинчей они средние массой и ростом. Лидеры в

этом отношении – Рогачи, к природным борцам наиболее близкий клан, упивающийся рукопашной более чем отдалёнными по времени мечтами.

Жуланы сделали ставку на технологии, надеясь уйти в окончательный отрыв, закрепиться на Сугилите, закрыть его, и постепенно отвоёвывать рынок за рынком. Пока что они успешно обороняли крепость и Куб, – сказать, он их оборонял – с тревогой ожидая, что сыграют какие-то непредсказуемые обстоятельства, отнимут преимущества, достигнутые ими. Дроидам ведомо, с чьей подачи, с чьей лёгкой руки технологии выйдут на новый виток и вознесут врага, оставив жуланов на нижнем витке?

Шпионов от жуланов на Южном Рынке и на Техно не меряно. Чего ждут, за кем именно шпионят, никто не знал. И они и сами заказчики их не знали! Специфическая атмосфера.

Карат сотрудничал с жуланами давно, без энтузиазма, заглядываясь на тех же гамм, лихих и весёлых, музыкальных. Думал, что если однажды к жуланам примкнёт, в надежде сорвать с гамма какого-нибудь маску! Взглянуть.

У Биг-Буро однажды до невменяемости набрался коктейлей, закемарил и представилось, что завтра бой-кобры, что Шаман – гамм, и по

прорези глазной рвётся маска, открывая львиное, хмурое лицо.

Однако с жуланами его сближал поиск технологий, ориентированный на материалы. Карат собирал библиотеку схем веществ, от композитов, предназначенных к оружейному делу, до всех-всех подряд. Перебирал их, читал, думал над ними. Рассматривал образцы. Его собственная тема – магниты и неравномерно, непостоянно магнитные сплавы. Медянка отододи построена на них же.

Жуланы по характеру жестоки. Как и всякий безумец, кто всерьёз рассчитывает на некий окончательный рывок. Для клинчей вешние люди – пейзаж вневоенный, украшение неба и земли, для жуланов часть поля боя. Кто зашёл на него, пригодился или не увернулся, сам виноват. Вот когда сделаются жуланы господами всех отвоёванных рынков, не будут вешних людей даже на них обижать, а пока… Вечное пока. Они и охотились, и превращали.

Владея обороняемой крепостью, жуланы обрели привязанность к вещам, есть, где складывать. Их натуру это дополнительно испортило.

Азартные игры признают, нисходят до них не только промеж себя на Сугилите. От Гранд Падре они уносили противника примерно через раз, остальные разы равномерно принадлежали другим кланом, а решалось это на Жуке, во время марблс-перемирия.

Выше изложенные черты клана глубоко вторичны, полное представление о жуланах даёт их полевая боевая тактика. Недроидская, простая, эффективная. Презираемая. Так все могут, да не все опустятся до такого.

Как и у гамм, у жуланов прекрасная внутриклановая связь. Не губные гармошки, позывные жуланов не слышны. В иных кланах обыкновенно пользуется ею для объявления тревоги, просьбы о помощи при внезапной перемене погоды, а в личном столкновении с одной целью, обретя противника, заявить клану: «Этот – мой!» Жуланы с точностью наоборот. Они зовут, на четыре стороны призывают: «Добыча передо мной, все сюда!»

Не общее правило, Докстри, например, был одиночка: слихачить и похвалиться. Ему не помощь, а зрители были нужны!

Киббайки жуланов великолепны… Рёв,

отдельной строкой прописываемый в заказе, оглушает, дезориентирует, пугает. Напугал бы и демона в океане. Психическая атака с разных сторон, которая никогда не блеф, сокрушительная и недроидски злая. Она вошла в саги и поговорки. «Жуть жуланья». «Жулан-град». Не от слова город, а ледяной град, череда ударов судьбы, полоса неудач.

Неприятный побочный эффект имеет их звериная, волчья тактика, балансирующий на грани общей для латников этики.

Все кланы – сплочённые стаи, все поддерживают друзей, но и устраивая погоню в условно «своём» рынке, они из погони дают беглецу одного, а если силён оказался, одного за другим соперника до самой рамы.

Тот факт, что поля их огромны, породил стиль жизни клинчей: кочевой, верховой, одинокий. Постоянные переклички, нежданные схватки один на один. Принципиальна их развязка.

Если не сбежал, если победа вдруг, выпал один случай из тысячи, наступил момент сорванной, разорванной маски. Приподнятой маски. Двух открытых лиц. Взаимно – ключевое слово.

Момент последнего шанса для побеждённого. Выбрать жизнь. Отказаться от неё.

Стать рассыпающимися огоньками или отправиться за победителем в его Собственный Мир, чтобы получить там, и только там новую маску, своего нового клана, а верней, сделать её самому, отпечатав лицо на изнанке. Нельзя похитить гостя, чтоб наделал масок про запас.

Это легитимный переход. И всё-таки, смысл в том, что лица клинча никто больше не видел. И не увидит. Боец покидает клан, где был безликим, обретает клан, где будет безлик. Никому не известный, помимо человека, победившего в честном бою. Между ними.

Жажда жизни бывала, разумеется, причиной, но глубинным импульсом бывала эта, в своём клане не случавшаяся близость. Переворот, благодарность за исполненное законное, за миг, сравнявший их, за шанс.

То же самое является причиной, что приняв жизнь, латник боя не возобновляет, удара в спину не будет. И подлого превращения в Собственном Мире не будет. Оба латника честнее Морских Чудовищ в этот момент. Второй, третий подобный же переход ничем не запрещён и практически невероятен. Второму клану преданы безраздельно, наиболее сильными, отважными

становятся именно перешедшие бойцы. Это как с раскаявшимся хищником – один раз.

А с жуланами? С грызущей поверженного стаей? Нет, тот, кто зубы на глотке сомкнул, он поднимет маску, но остальные разве отвернутся? Унизительно слишком для хеппиэнда. Формализация сущностного – вот черта между жизнью и смертью.

Позывные гамм поют из губной гармошки: «Они тут!.. Их много!.. Я в беде!.. Он уходит!.. Я догнал! Этот – мой!..» Поют: «Этот – мой, мой, мой!..» И клан уже не встревает, разворачивает киббайки, к раме мчит, заблокировать её. Потому что гамма-клинч желает честной, личной победы! Как любви. А жуланы только победы. Сплочённые, сильные, равные, жестокие. Золотой набор, веками проверенная тактика. Высоко их вознесла.

Жуланы это плоские маски. Посредине гневно раздувшиеся ноздри сходятся в чёрный клюв, выступающий в профиль едва заметно. Глазные прорези лежат в отличительной чёрной полосе, «полумаске жуланов». Неровный, ломаный оскал зубов либо наверх усмешкой загнут, либо вниз, широкий, от края до края маски. Отличие, иные кланы рисуют строго

горизонтально.

Как эти невеликие птички накалывали на шипы пойманных насекомых, жуланы украшали крепостную стену латами поверженных врагов. Знак презрения, этот мусор не нужен нам. Знак угрозы приглашённым технарям, книжникам, танцовщицам, и ваши шмотки тут могут так же висеть, болтать не надо.

А жуланьи латы так сродственны бойцу, что в огоньках пропадают на нём, умирающем.

Шамания в союзе с континентальными технарями готовилась отбивать у латников Шамана. Подготовительные работы шли вовсю.

Уже Мема с Айвой познакомились, пособачились и сдружились. Готовить начали, две ведьмы, варево для Гранд Падре колдовское. С Мемы – действующее вещество, разбалансирующее ойл в стыках доспехов. С Айвы – надёжная маскировка его запаха чем-то, создающим вдобавок лёгкую, несерьёзную атмосферу. Полудроиды богато пользуются духами, шлейфом амбре никого не удивишь, подозрения не вызовешь.

02.21

«Гордость нас погубила.

Твоя гордость,

Моя гордость…»

Мема пела на мотив «Ах, мой милый Августин», и с каждым куплетом он становился всё медленней, всё грустней. До ледяной какой-то, безнадёжной созерцательности. Эта песенка не на эсперанто, потому на нём немного коряво звучит, а исходно она складная. Им в Гала-Галло всего дел-то, самолётики складывать, по коллекциям Впечатлений старые языки учить… Старьё переводить на эсперанто, на старые же мелодии перекладывать… Подходящие, чтобы горевать на чужом языке, чтоб тебя не услышали, чтобы сценкой, мим-сценкой выглядело это.

«Взять бы нам в горсть её,

Выбросить вовсе…»

Коряво, в оригинале лучше. В оригинале, не в горсть, а за шкирку. И не вбросить, а за дверь отправить. К будке, на цепь посадить. Так как в следующих строках:

«Гавкала на чужих бы,

Незваные если гости…»

Мема пела и бродила одна, уйдя от лунных бубнов в Шамаш.

В те времена, которые воскрешала для неё песенка, Мема находилась под сильным влиянием Мадлен. Не представляя собой в этом смысле исключения. Весь ближний и дальний круг Мадлен находился под её несомненным влиянием.

Притом что, пожалуй, единственная из основательниц Гала-Галло, певиц вайолет, именно Мадлен не обладала каким-то ярко выраженным, специфическим даром. Остальные обладали исходно, Котиничка в океанских глубинах приобрела. А даром Мадлен оказалась власть собственно. Власть, как таковая. И дар её был велик.

Устойчивые группы отличает суровость, чёткость границ. Как наружных, так и внутренней структуры. Масло масляное, устойчивость – жёсткость, да. Но чтоб понять, каково оно в реальности, требуется время. И подходящая шкура: крепкая, но чувствительная. Потому что понять означает – на собственной шкуре ощутить. Тот ещё риск имеется, что в процессе

она задубеет и, пережив, не поймёшь. Зато впишешься. Мема вписалась. Её ненаглядный – нет.

Сохранение членства в закрытом клубе означало для Мемы, уже потерявшей дракона хищницы, бойца, борца и технаря, – слишком дорогой для Гала-Галло, чтоб Мадлен чистоплюйство проявлять, – умножение доступа к информации на степень всего имевшегося в распоряжении клуба. А как борцу правого крыла, тоскующей без его атмосферы, – страховка, возведённая в степень всех знакомств Мадлен, всех борцов и богатеев. Супер. К слову, она предпочитала те борцовские шатры, где правил не устанавливали вовсе.

На секундочку, на одно мгновение не трус, Мема, как в схватке, в жизни пользовалась всеми доступными ей приёмами, силами, оружием, так по жизни, на правое крыло заходя, использовала все связи и страховки. На поручительство, на выкуп, на остановку боя… Вскоре они сделались ей ненужными, но первые годы, девушка неопытная и некрупная, без покровительства она не выжила бы там. Что же до характера, она напрашивалась на неприятности, как только могла.

С Каратом… В целом у них ничья, но при случае, мог поиздеваться! До того как их вражда перешла в стадию: удавка на удавку, обе в мусор, Меме не повезло…

По цепочке от той же Мадлен шла страховка, чтоб проигравшей Меме на бои-кобры не выходить, ими брезговала. Ну, замена банальная, платная. Через Карата, как выяснилось, шла. Надо ж было ей именно тогда оступиться, промахнуться в дурацком кулачном бою!

Звёздочки перестали мерцать в глазах… В ушах колокольчики затихли… На смену им пришёл голос, разлетевшийся над борцовским рядом:

– Право замены!.. От сектора гиацинтовых фазанов!..

«Знакомый голос…»

Взмах руки… Покачиваясь лениво, с обнажённым торсом, играя мышцами, парень уже выходил за неё… Его заслонила широкая спина, чёрные косы змеятся, лоснятся…

«Он что ли?!»

Обернулся.

«Он!.. Невезение терминальной стадии! Карат на правом крыле чёрт знает сколько времени и не бывал… Нарочно пришёл?..»

Нарочно! Его и приняли здесь не за легендарного Биг-Фазана, а за богатого поручителя с Техно.

Полётный, сильный голос лектора вдруг стал неопределённым и вкрадчивым голосом гуляющего, рыночного охотника… Щёки, отчёркнутые полуулыбкой, лучики от сошедшихся полумесяцами глаз. Всё так половинчато в нём… И так однозначно.

Мема ртом хлопнула, как рыба, невзначай за спину потянулась, к брошенной сумке, к отододи…

Биг-Фазан наклонился участливо:

– Тебе уже лучше? Водички ищешь? Пожалуйста, возьми…

Скрещенные на груди руки, в правой узкая стопка зажата небрежно: между безымянным и мизинцем. Клинчевский знак. Так напоказ перехватить какое-либо оружие – пренебрегающий, оскорбительный жест. Одним мизинцем, типа, одной левой…

– Ненавижу, – восхищённо прошипела Мема, оценив проделанную им интригу, плюс везение. Его. Её – невезение.

Рука Мемы остановилась на узле медянки отододи, взгляд Карата на её руке, а её взгляд на его двух круглых, витых, медных браслетах… И

улыбке. Улыбочке…

– Приятно видеть, – сказал Карат, – что моё скромное изобретение пользуется успехом. Сам этих малышек люблю…

Не скрываясь, он приподнял запястья.

– Одной поймаю, второй освобожу тебя… Нам обязательно устраивать это шоу на публике? Выпей, оливки нет.

Мема опрокинула стопку.

Оливки не было. Чистый яд.

Карат предложил ей то, что пили они тесной компанией… С ненаглядным её и с Каратом вместе… В пору их недолгой, светлой дружбы. С тех пор хранил. Не выпил, не продал. Да и не велика ценность, чего там продавать, суетиться… Ей отдал.

Прошло время, сцену эту она вспоминала с улыбкой.

Почему же её ненаглядный ушёл из Гала-Галло?

А почему любое слово, совет, «на» обычное, «на, возьми» произносились тут не с вкрадчивостью охотника, не с зазывным гонором

бая, не с напускной важностью торговца, не с устрашающим рокотом клинча? Наконец, не с бесцветной, шипящей глубиной Морского Чудовища? А тоном и выражением – между плевком и приговором? Почему у всех старых галло хриплые голоса? Они же не клинчи? Зачем им такое в голосе? Выработалось… Само…

«Возьми себе этот лал…» – в устах Мадлен звучало, как: «Лети, утопись в море!» И так всегда. Каждый день. Мему это устраивало. Её друга нет. Поперёк горла встало.

Не то, чтоб Мадлен запрещала нежности. На неё равнялись. Под её влиянием находясь, как под ярким прожектором. Меме, что, она не знала сантиментов вообще, как таковых…

Её друг затруднился бы выразить, проблему словами. Столь актуальную, что ушёл туда, где не будет любимой каждый день. Считалось на тот момент твёрдо, что нет девушкам пути в Шамаш. Где одни парни, и сантиментов тоже в помине не бывало. Однако жизни побольше! Всё-таки сто раз больше, чем в Гала-Галло!

Где над огромной луной брат брату – страховка… Всего-то взялись за руки. Непостижимо… Волшебство…

Где сладости прячут в земле, не деля на свои и чужие…

Где пальцы гуляют по бубнам не только для дела, но и от нечего делать…

Где, если с тоски, вне лунного круга, во мраке, среди кратко цветущих тюльпанов ты проглотил каштан, кто-то непременно отыщет тебя! На его бубен, зовущий, указывающий путь во мраке, ты станешь выходить долго-долго… Ты выйдешь, и он встретит тебя… Брат, побратим, шаманиец… С Чистой Водой забвения, с сахарной ниткой в руке… С криком: «Паж, Паж, получилось! Нашёлся чёртов суицидник! Где там твои ледышки?! Тащи скорей!..»

За спиной друга Мемы остался стриженный парк Гала-Галло, где каждый куст – надгробие.

Очень быстро Шамаш позвала и забрала его, открытого, её обаянию не сопротивлявшегося. Стрижиные полёты выпивал как никто упоённо. О сути их, о моральной стороне не задумывался…

А в Галло – то, и то, и то, ничего нельзя было! Даже петь. Даже насвистывать. Мадлен, певица вайолет, не желала вспоминать о прошлом. Каллиграфия, оригами… Тишина… Музыкальное сопровождение рынка – слон в чудной сбруе, в

накидке с бубенчиками, ему можно. Ему не запретишь изредка протрубить. И тот раздражал Мадлен.

Кое-кто на материке дорого дал бы за этот живой артефакт…

Густав не забыл слона! В моменты, когда отступала тоска и накатывала обычная скука, он размышлял, как его, такую громадину можно украсть из облачного рынка?

Лучший вариант – открыто попросить у Мадлен! Избавилась бы с радостью!

Но при той памяти, что по себе оставил Густав, легче украсть Гала-Галло у слона! Тоже вариант, и его Густав обдумывал. А потом скука отступала, и приливом накатывала всегдашняя тоска: «Вот бы Марик…» Что, удивился? Обрадовался?.. Ещё как.

02.22

Игровые ряды Южного Рынка неким свежим утром, кому прекрасным, кому средне, кого и вовсе насторожившим, предъявили ранним пташкам архитектурную доминанту, небывалую, неожиданную.

Изготовителю шатров Густава улыбнулась его идея стремительного прихода на неизведанные территории. Для себя повторил так же – за одну ночь. Но не жилое, и не шатровое. Игровое сооружение, в полном согласии с местонахождением. Длиннющая штука, сама себе реклама, она сразу произвела фурор. Ориентиром стала, рынок-то путаный, тесный и с каждым днём всё тесней. Рынками-спутниками обрастал, за рамой уже негде.

Инженер, – внезапно, – Суприори. Техно-бай, техно-голубь, по Техно и Южному проводник, себе на уме – всем слуга, и вдруг… Не уголок, два места дорогие выкупил, вельможей заделался, владельцем аттракциона. Дело хорошее, да не всегда, весёлое, но для всех. И с его именем не вязалось.

Остроумный и язвительный, день ото дня глубже погружавшийся в непонятную, возрастающую тоску, Суприори.

Уставший от заказов и заказчиков, хитростей и тонкостей, Суприори. Жульнические устройства требовали порой выдумки стократ против подлинников!

От исследований уставший Суприори, от

корифеев техно, которые больше похожи на роботов, чем роботы из старых книжек…

Уставший от придирок Буро, этим способом вытягивавшего технаря на откровенность, но не такой Суприори человек.

Сплошные придирки… Ему что ли, Биг-Буро, он имитации вместо скрытой механики подсовывал? Подсунул ему хоть раз? Или друзьями его, фаворитам, прихвостням бессчётным? Разочка не бывало! Всех помнил и знал! Лишь ради того, чтоб на ровном месте не оступиться. Не шлёпнуться на виду. Надоело! Совсем посторонним людям подсовывал. Устал… От занудства Карата, от… Непонятно чего. От всего в целом и раны одной, дроидам регенерации неподвластной.

Суприори завернул финт, какого не ждали от него. Уж точно там, где не ждали.

Как выглядела его «Астарта» – стела, старт, стрела… Трамплин. Симбиоз гипертрофировано лаконичной американской горки с русской рулеткой.

Тонкий, тончайший шпиль. Элегантное и простое сооружение. Перекрытия жёсткости почти не заметны и помещены высоко, в самый

угол, вскарабкаться по ним нельзя.

От двух нешироких опор упругими вогнутыми дугами трамплин резко стартовал ввысь. Дуги, желоба сужались до ширины плеч и швыряли человека в головокружительный свободный полёт. Астарта выстреливала и ловила. Но ловила не всегда… Не каждый раз.

Инженер и владелец лишь хмыкал, руками разводил: ну, механика, ну, не идеальная… Ну, и что вы хотите от меня? Предупреждаю каждого, никто силком не тянет.

Весь Южный горячо спорил: задумано им, подлецом или случайность-таки, побочный эффект?

Взбешённый Буро, ненавидевший бессмысленный риск, обратил этот вопрос к Карату в форме претензии. Будто Карат за Суприори ответчик.

Собутыльник и друг-технарь на тон его не обиделся. Отнёсся с пониманием и со всей серьёзностью, проявившейся в том, что не ответил. Взял день на изучение вопроса. Вердикт его оказался таков: Суприори не лжёт, но лукавит, как всегда. Стартёр и приёмник объединены безгарантийной сцепкой. Уточнение взбесило Буро хуже прежнего, хотя куда казалось бы.

– Неизбежен ли технически, – спросил он, –

выбор конкретно этой сцепки?

– Нет, их, сцепок типов только пятнадцать навскидку назову.

– Тогда – зачем?!

– Эта дешевле.

«Придушу… И жрать не стану».

Её название… Грамотные полудроиды, играли в слова, палиндромы занимали их, сочинение вензелей смысловых, чтения и записи отражённо, задом наперёд… Конечную и начальную «а» отбросив, они задумались, Суприори ли Астарта принадлежит. Нет ли тут скрытых смыслов, старт это или совместное владение? С кем? И какой монетой Суприори отдаёт совладельцу его часть прибыли?

Полудроиды не указывают друг другу, что им делать. Вот будь Суприори с Буро оба Чудовищами Моря… Иначе бы их разговор сложился. Выкупить не удалось, продажу аттракциона не обсуждал владелец. Если и притворно, то актёрство соблюдено на высоте.

Суприори сделал вид, что принял вопрос о продаже за комплимент. Удивился, потрясён: Буро видел его Астарту! «Куда бы отвернуться от неё!..» Не разглядел ли уважаемый, критичный Биг-Буро на ней лишних, неподобающих финтифлюшек, как обычно, кнопочек неработающих, или ещё подозрения какие?

Неподдельная же грызла Суприори тоска, что он выдержал, не дрогнув, глаз не отведя, ответный, тяжёлый взгляд Буро, и тяжёлое его молчание.

Чем пленил рыночных гуляк аттракцион.

Помимо безжизненных континентальных гор, полудроиды не знают чувства высоты, на драконе верхом - это не одиночество. Половину ощущения высоты забирает дракон, а ему небо – как рыбе вода, среда обитания. Гонщик это «человекодракон». Неразделимое, совместное чувство скорости, полёта и высоты. На гонках не знают головокружения, чувства бездны, зова её. И в горах дроид подхватит. В рынке – нет.

Астарта выбрасывала так высоко, что Южный представал с невозможного ракурса, как на ладони, загадочный лабиринт сквозь конические дымки тысяч шатров, протянувшихся к

Собственным Мирам. Скорость взлёта и падения заставляла резко замереть и восхитительно ускориться Огненный Круг. Где ещё такое достижимо? Пошли разговоры, кто «прыгал», а кто нет… Кто сколько раз…

Сколь раз не ловила Астарта? Им не удалось вывести закономерность. Раз из ста, из тысячи?.. Она не была пугающей, зловещей. Жёлоб стартёр перламутрово-кирпичный внутри, белый снаружи. Ускорял он плавно. Белый целиком жёлоб приёмник к моменту достижения подножия, плавно снижал скорость до нуля. На ноги встал, и дальше марблс катать, дротики бросать… Аттракцион комфортный, в отличие от многих и многих соседних. Только вот, смертельный иногда.

За эксклюзив платили Суприори. За возможность проверить себя. За регулярную дозу безумия, за дуэльный инструмент.

Став богаче он стал ещё мрачней, стриженный жёлто-блондинистый ёжик. Со спины, с затылка – солнышко, обернётся – мрак.

И какой вздор Суприори брал за проход на него!

Он брал всякое, расходники, схемы, ракушки,

украшения, марблс наборы, разные технические штуки, включая сломанные. Но среди прочего, редкую, однако, никому и не нужную дрянь. Находя её, как правило на ней не наклонялись, поднять. Если срочно нужен грубый нож, скребок, если кто иглами такими на Краснобае пользуется… А Суприори брал или дорого или это…

«Солиголки». Соляные иглы. Неживая стадия соляного телёнка, тыкавшегося в берег… Прибрежный артефакт, природный.

Это – как если бы тени имели скелет, умирали, и на побережье волны обкатывали их кости. Но не в округлую гальку, а в иглы с крюком на конце. Зазубренным. «Кость» постепенно исчезает: крюк изгибается пока не дойдёт до основания. На изогнутой части образуются зазубрины, позволяя воде и ветрам солиголку дальше разрушать.

Крюк почти не заметен на конце иглы. Пугает их сходство с ядовитыми шипами, живыми тенями, выброшенными наугад монстром с глубины. Отличить несложно, надо в упор за одной иглой смотреть. Да кто это станет делать и зачем, с учётом того, что упругости в шипе как раз на длинный прыжок, а нюх хороший. Добычи не найдя, живая игла на глазах погибнет, истает в ядовитую лужицу, они не могут без воды. А солиголка закаменевшая, как те, что на каштанах,

но в десять раз длинней, она валяется годами. Эту дрянь Суприори в оплату и принимал.

Буро услышал, скривился. Противно, непонятно, к чему каким боком приложить, к морским интересам не отнести… Чёрти что, а не человек, этот технарь.

Проявив жадноватость, на выкупленные места Суприори установил опоры желобов, а те места, над которыми в небо устремилась Астарта, не захотел выкупать. Их владельцы шипели на него, но рассуждали промеж себя, чего больше сулит им такое положение, выгод или рисков. Выгод. Неприятная часть состояла в наглости, а вовсе не в физических их рисках. Штуковина не рухнет, инженер Суприори хороший, человек сложный.

Приземлялись люди навстречу водному тиру. Вариант кафе, для тех, кого жажда и сука измучили сообща. А взлетали от марблс поля.

Возле него и пресеклись Паж с Отто, когда Гранд Падре уже «приглашения разослал», кода приблизился срок, число печатей достигло минимума, после которого опоздавших не берут. Заспорили о времени их уговоренной встречи на Цокки-Цокки.

Отто бросил мимо:

– Клин с клинчами, уговор на тогда? Кому сказать, я покупаю тебя по времени, как щипаного голубя…

– И кому же сказать? – улыбнулся Паж. – Кто должен этому удивиться?

Он снова был в перепоясанных лоскутках бывшего пончо, державшегося ремнём. Щипаный.

Отто не ответил, он повторил:

– Когда клинч у Гранд Падре, так?

– Так.

– До или после, не говорено.

– После.

– До.

– После…

– До! Или я забыл обещание.

Паж где-то ждал этого.

Вздохнул:

– Морских тварей все норовят обмануть, а потом удивляются, что мы злые.

– Паж…

Отто взял его за локоть и отвёл его в сторону.

– …я не понимаю, что я испортил, что вдруг поломал, пригласив тебя туда? На рынок, где не отметились, только солиголки прибрежные!

«Как раз о них думал, – отметил Паж про себя, – о странной цене этого блондинистого парня…»

– …Паж, я не понимаю. Я думал, думал, думал! И не надумал, скажи, прямо скажи, что я сделал не так?

– Ничего. Мой род занятий и образ жизни не пускает на Цокки-Цокки часто. Я уже объяснял.

– И поэтому ты избегаешь меня даже на Ноу?! Часто – это два раза в год?!

– Кому как…

Паж обнаружил в непривычной обстановке на дневном свету, что телёнок стал взрослей. Получается, действительно избегал, паузы обостряют зрение. Брусочек упрямых губ иначе смотрится, когда оттенён играющими желваками.

«Анисовых, сахарных губ… Если б ты знал!.. Ты б не сердился».

Отто не глядел на него. На марблс, скачущие тоже не глядел. На пирамидками сложенных,

жёлтых канареек, пёстрых кукушат, классика.

– Освежиться что ли? – бросил он, шагая к жёлобу пустующей Астарты. – Так сказать, сверху на ситуацию взглянуть!

Паж вздрогнул. Он понял, что напоминает Астарта ему: один, вертикально поставленный, резак. Исполинского размера!

– Прошу, не ходи, – быстро, не повышая тона, сказал Паж.

Руку занёс и приостановил мыслью: «Интересно, через какое время, до клинчей, после, до, телёнок простит мне оплеуху с тенью, залепленной точно в ухо? Ещё шаг туда сделай, и…»

Отто не сделал шага, развернулся:

– Что снова не так? Или пан или пропал. Если пропал – у Гранд Падре меня не будет… Как ты и хотел! Точно! С гарантией!

Пока руками размахивал, другой претендент обогнал его на пути к Астарте. Протянул Суприори кисет с чем-то гремящим, тот глянул удовлетворённо, шнурок затянул и, поклонившись, пропустил его.

Вольготно сев в жёлоб, как в кресло, улыбающийся парень ударил босой пяткой в полосу «старт».

Астарта обволокла его свечением, потянула, подбросила. Распространился низкий, тихий гул, возросший до свиста… Парень взлетел и разбился насмерть.

Очертания тела не осталось. Пыль, Огненный Круг и костёр из огоньков дроидов в рыночной пыли.

Они шли прочь с Южного.

– Тебе удалось меня обидеть, – как всегда безэмоционально сказал Паж.

– Один – сто, – глухо ответил Отто.

Паж гнал, подталкивал его, выбитого из колеи, смотревшего лишь под ноги. Босые пальцы пылят, пыльные. Шею согнуло, всё небо разом обрело враждебность. Наверх страшно, тошно смотреть. В руке Пажа зудел порыв сугубо воспитательной трёпки. Он-то, он, глубоководный ныряльщик, знал цену жизни! А этот…

«Я щас – копия Буро…»

Рама показалась за маревом широкого главного ряда.

– Хорошо, после Гранд Падре, – в сторону

сказал Отто.

– Хорошо, до, – сказал Паж.

Поняв, что сейчас либо ударит, либо поцелует его.

– Хорошо, – удивился Отто, поднимая несчастные глаза. – Накануне, как в тот раз, на Мелоди встретимся, да?

– Да.

Они столкнулись, как сталкиваются в погоне за бум два Белых Дракона в небе, и поцеловались на прощание.

02.23

В шатре Биг-Буро целый день происходило что-то странное.

Всем прохожим открытое, мимоходящим, притормозившим возле. Ненадолго. Приветливости лицо хозяина не выражало. Обыкновенно уставленный ширмами так плотно, что сам Буро кое-где боком протискивался между стеллажей и сундуков, шатёр приобрёл глубину и просматриваемость. Большой… Озеро тёмное, торфяное, куполом тента закрытое. Полог откинут, кое-где и тент прорезан.

Карат мелькал в полумраке, уходил, приходил, ещё какие-то люди с Техно. К Буро Карат приближался, чтоб развести руками и кулаком в ладонь стукнуть: поправим, нет нерешаемых проблем.

Отгородивший себе дальний уголок, хозяин шатра с регулярностью маятника проходил через середину его, через технарей собравшихся… Некоторое время все вместе безмолвно и неподвижно смотрели в пол, после чего Буро воздевал руки к небу, исторгал горестный стон и удалялся. Чтоб вернуться опять. Полное ощущение, что они целый день хоронили и оплакивали хомячков… Почему-то в шатре… По одному… И хомячки не иссякали…

Есть такая грубая подделка механическая под живые артефакты, «хомячки, хомы», они для миниатюрных забегов, вроде улиток Рулетки, ну, и красиво сделанные, чтоб бегать просто так, под ногами мешаться. Источник энергии у них внутренний, невозобновляемый. Когда бессмертием живых артефактов не наделённые, хомячки прекращают свой бег, своё шныряние, их действительно можно лишь выкинуть или похоронить. Но никто так не делает! Тем более у себя в шатре! А уж приглашать оплакать и

закопать игрушки их создателей с Техно Рынка – запредельная экстравагантность!

Во второй половине дня ситуация приобрела черты лихого абсурда, когда эти хомячки действительно появились в его шатре! Во всё возрастающем количестве. Воскресли, пришли Буро утешить?

Они шныряли на узком пятачке, подпрыгивали, катались, были преисполнены веселья! Которое хозяину не предалось…

Биг-Буро топал туда-сюда с прежней мрачностью, только внимательней под ноги глядя. Перешагивая, чертыхался именами таких придонных монстров, про которых на континенте слыхом не слыхивали, обменивался с Каратом парой слов и удалялся. Несколько раз за день одеяния расшитые свои, длиннополые переменил…

Что происходит? Хомячки шерстистее, подвижнее обыкновенных. Их приносили в больших, шевелящихся мешках. И уносили.

Ближе к вечеру Суприори припёр и установил какое-то подобие со всех сторон дырчатой тыквы. Оставшиеся в шатер хомячки забегали в неё и выбегали, их больше не

уносили.

Туманная ночь Южного Рынка вокруг шатра Бутон-биг-Надира была не туманна… Сквозняк веял оттуда. Больше в небо направленный, но и в стороны тоже туман разгонял…

Свет пирамидки разливался сквозь треугольник откинутого полога и прорези в тенте.

Паж приближался, из фляжки отхлёбывая, чтоб не делать этого при Биг-Буро, и морщился. Откуда запах? Кто-то в богатом ряду сошёл с ума от страха перед тенями и устроил ароматическую завесу против них? Внезапно изгнанником стал и обнаружил, что негде ему ночевать? Если да, то положение действительно трагическое, есть от чего сойти с ума, грех на такого сердиться.

Не угадал. Устроивший ароматическую завесу давно уж изгнанник, трагедия мхом поросла, в комедию вылилась, хомяки во мху завелись!

Муск, мускус вообще-то любимый и распространённый среди полудроидов аромат, уравновешивающий своей тяжестью их

подвижную, легковесную суть.

С ним связаны две основные ассоциации, в прежние эпохи одна относилась к чесноку, другая к ладану.

Муск угрозам Великого Моря противоположен, и муск – запах скорби. Последнее не портило его, потому что аромат скорби в данном случае – аромат утешения. Успокоения. Добавилась и третья ассоциация, среди живых муск – аромат согласия, восстановления мира.

Вошло в речь, в устойчивые выражения. «Пролить мускус» – пережить потерю, горевать, прощаться или мириться посредством формальной процедуры.

Похлопав в ладоши и услышав невнятное бурчание Паж зашёл внутрь.

Свет лился от пирамидки… – с дохлым хомяком на острие! Ещё – от оранжевой тыквы, двухэтажной, с перегородкой внутри…

Хомяки валялись внутри и вокруг неё. Без движения. Если внутри они ещё походили на спящих, на обоих этажах располагаясь лапками вниз, то снаружи тыквы – лишёнными пальчиков,

условными лапками вверх… У которого шесть, у которого восемь… Феерия абсурда!

Запах муска внутри шатра был уже плохо переносим. Паж кашлянул, запершило в горле. «Не удивительно, что машинки-бегунки сдохли. Тут и я к утру валялся бы лапками к верху».

– Доброй ночи – добрый рассвет… – неуверенно сказал Паж.

Перевёл взгляд с хомяков на Буро и обратно… И безотчётно отхлебнул из фляжки.

Буро застонал, кивнул, обратно в землю уставился.

Видимое и унюханное Паж напрямую не связал. «Что днём произошло? Запах специальный, тент порезанный…» Что угодно могло произойти, от несчастья, до церемонии примирения с какой-то группировкой Южного Рынка. После драки с ней же? Нападения её?

– Ты пролил муск, Буро? – иносказательно, обтекаемо спросил он, на всякий случай, заранее участливо.

Буро кивнул:

– Горе у меня. Горькое…

– Какое?

Буро простёр руки к полу, к десяткам тушек мохнатых, к тыкве, ими же полной, опять к притоптанной маленькими лапками земле… Изобразил что-то безумное: камнепад, фонтан, взрыв Морской Звезды, распадение пространства-времени…

И взвыл безо всякой иносказательности:

– Я муск разлил!!!

– Оу?..

– Оууу!.. Уууууууу!.. Безрукий я, безмозглый! Что мне теперь, переселяться?! Никто-никто Паж, Або-цокки мой милый, никто человеку не нужен, и чудовищу не нужен, чтоб жизнь себе отравить! Кривых рук вполне достаточно. А дурная голова сто-про-цент-ную гарантию даёт! Уходи, не мучайся. Я как-нибудь… Потопаю куда-нибудь, пережду… Тут невозможно, ач-ча!..

– Выветрится… – ещё неуверенней сказал Паж и допил фляжку до дна, отводя глаза.

Худая грудь под пончо, ещё не превратившимся в лохмотья, судорожно дрогнула несколько раз от смеха. С большим трудом подавленного смеха.

– Эээ… Сочувствую, Буро… А бегунки, хомы дохлые зачем?..

– Хомчики – сорбенты как бы, в шкурку как бы вонь собирают… Не собирают они ничего! У этих завод кончился, завтра новых обещал Суприори, покрупней… Оууу! Сдался же мне этот набор!

Биг-Буро в Шафранном Парасоле, на клинчей полюбоваться зайдя, между делом выменял полный, стандартный набор эфирных масел, концентрат ещё тот, прошедших так называемую «возгонку», набор «поднятых» масел. Входе неё, к ароматом присоединяется вещество, улучшающее проницаемость чего бы то ни было.

Орудуют поднятыми маслами специальной пипеткой, как духи на кожу наносят в одно касание. Дополнение возгонки одноразовое, если ароматизировать чашку воды, вода его свойствами уже не обладает.

Ядрёная, но недорогая вещь, и хоть мускус Буро ни к чему, но - суетиться, выковыривать из коробки?.. Притащил домой, уронил, рассыпал… Именно лишний муск и разбился! Обиделся, наверное. Более идиотское положение трудно выдумать!

Паж немного смутился, представив, что суеверный человек мог бы упрекнуть его: «Ты сглазил!..» Вспомнил, как сжёг возле шатра, духами Отто пропитанную, накидку. Про муск считается, что он «не веет единожды». Но это значит не то, что «беда не приходит одна», а что «куда пришёл муск скорби, придёт и муск утешения». Так или иначе, примета сработала – не веет единожды!

– Отвлекись, – сказал Паж с улыбкой, оборачиваясь на пятках вокруг себя. – Я уже здесь. И ты здесь. Ну, куда мы пойдём? Куда ты потопаешь один? Давай выпьем чего-нибудь ради… – незабываемого цокки! Подумай, Буро, прикинь: доведётся ли когда-нибудь посреди такого безумия повторить?! Оу, Буро?..

– Ха-ха, лучше к Тропу в пасть!

– Давай наберёмся до бессознательности! Забодяжим лютый коктейль, назовём его…

– …хомчик в мускусе?..

Гомерический, инфернальный хохот двух чудовищ разнёсся в тумане по безлюдному Южному Рынку.

Биг-Буро проснулся не утром, а днём. За

полдень. Паж давно ушёл.

За складным, атласным экраном-стенкой технари, званые со вчера, вовсю шуровали. Слышалось топанье множества лапок. Спор Карата с Суприори. Чем дальше, тем хуже они ладили. И если для кого-то кончится плохо, то для Суприори…

Воздух стал ли свежей? Буро не понял, как понять, настолько принюхавшись. Сел и подумал: «Проснулся…» Удивлённо подумал.

Чудовища не спят. Дремлют, пробираются в полудрёме сквозь водоросли и мёртвые леса, щупальца и губительные потоки, сквозь угрозы Великого Моря, никогда не покидающие их раненой памяти… А он – проснулся. И сел.

Ноги спустил, не почувствовав рези, не услышав хруста…

Согнул, распрямил…

«О, дроиды… О врата Або-Аволь…»

Поднял руки к голове, и они застыли ветвями дерева, раскидистыми ветвями…

«Сейчас, сейчас… О, Або, лунным заревом блеснув во мгле, не утопи же сияния!..»

Буро поднял их выше, свёл, и…

Беспрепятственно…

Они соприкоснулись ладонями беспрепятственно…

Нет ломоты под черепом, нет бивней Гарольда, нет рогов…

Буро выдохнул и умылся пустыми ладонями, всё ещё не веря, от макушки, молитвенно опуская до груди…

Муск отнюдь не считался расходником скрытой механики, ингредиентом, лекарством, оружием против морского. Отпугивает кое-кого, не нравится, и только…

Но… Вот…

Обруч «короны» валялся под ногами, под нормальными ногами. На них, здоровые, Буро встал и пошатнулся…

В стопке книг нашёл вирту, раскрывающееся зеркальным приёмником запроса. Закрыл глаза, распахнул книгу… Взглянул.

Он был лыс, бледен. Без никаких рогов. Миндалевидные глаза, тёмные, горящие отчаянным напряжением. Такие глаза он видел

несчётное количество раз. У сотен и тысяч гостей Южного Рынка, впервые ступивших на крупный рынок. Видел у чистых хозяев, впервые ступивших на континент. У самых разных людей: задолжавших, заблудившихся, растерянных, встреченных им, сопровождённых, охранённых, выкупленных…

Теперь он, Бутон-биг-Надир, вернулся в мир живых, обычных людей, как когда-то поклялся себе. Надир вернулся на континент. Во всеоружии морской крепости и умений. И привычек… Но без присущих теней вообще! Свободный! Огненный Круг, сокрытый звук его неторопливого, размеренного вращения, ясно давал понять, что от зова к Белому Дракону, от распахнутого небесного простора, от дождей и ливней Буро оделяет ровно столько минут и шагов, сколько требуется преодолеть до ворот Южного Рынка…

«Сейчас Карат с Суприори зайдут, и увидят сумасшедшее старое чудовище, рыдающее над тем, что залило свой дом мускусом, не удивятся и посмеются над ним, когда выйдут, но не раньше, чем свернут в боковой ряд… Как же я люблю вас, глупые, счастья своего не понимающие, люди, как я ждал этого – возвращения к вам. Смейтесь, танцуйте сегодня и завтра, разделите со мной мою радость».

Небо, небо, небо… Ветреное, облачное небо

уже неслось под ним. Движения и мысли казались тугими, замедленными, как бег по мелководью… И Буро хотел, он хотел… Не спешить… Он должен поделиться с кем-то… Сильное до требовательности желание. Не с полёта, со слова, с разделённой или неразделённой радости, всё равно, со слова должна начаться его новая жизнь…

Они так тщательно собирали осколки, ха-ха.

Для красоты во флакончик вложенный Личи, мускатный орех закатился под ложе…

«Голову прикрыть…» Буро наклонился за обручем, понял, что ерунда получается, заметил орех. Поднял. Приложил к губам, вдохнул ещё вчера ненавистный запах, и убрал в нагрудный карман. Запах муска и этот орех будут талисманами для него.

Платок повязал, бандану, тюрбан… Всё не то. Рассмеялся, слёзы смеха уголком вытер, отбросил.

Помимо старого, широкого, с лунными камнями, тонкий обруч имелся среди украшений. Хищниц Южного, приятельниц, танцовщиц задобрить такое собирал. Сказать – диадема? Так ни камней, ни завитков, в три полосы: узкая, ещё

поуже, и тонкая как нить. В три оттенка золота. Его опустил на лоб, впору, значит судьба. «Пусть думают, что корону сменил. А что лысый, так мне можно, я – извращённая тварь морская, да и бриться налысо, борцам, вон, норм, технарям норм».

Атласный экран стоял перед Буро крепостной стеной, замковой. Не пройти, не отодвинуть. Волнительно.

Он раздвинул вертикальную прорезь тента, оглядел ряд…

Биг-Джун торгуется на пороге, из его шатра марблс стучат… Промчалась пара, спеша, взметая босыми ногами пыль, оба с Чёрными Драконами. Дроиды плывут, лапы переставляя, а не пыля… Биг-Джун кивнул Буро, поклон изобразил, ничего странного не заметил. «И тебе привет…»

– Биг-Буро, если могу быть полезен…

– Густав, можешь. Заходи.

И присесть-то негде. Буро на ложе, Густав на стопку вирту.

– Чем, Биг-Буро?

Густав не смеялся, о беде его уже осведомлённый. Чего тут весёлого? Да и, в общем, не смешлив.

– Не знаю…

Большой-Буро руки в замок сцепил, смотрел исподлобья.

– Я хочу… На облачный рынок какой-то слетать что ли… Я не знаю, Густав… И дракон мой наверняка их, новых, не знает…

Тишина образовалась. Шорох лапок, бубнёж Карата…

– О, дроидский ненарушимый свет…

Густав заметил. Понял.

– Как?! Когда?! Ты уходил в море? Спускался к источникам не со мной, без сопровождения?! Ваши, морские, они ведь не рвутся к источникам, к обсидиану скользкому под Чистой Водой…

– Можно и так сказать… Спускался… Не рвутся… Не важно, Густав…

– …Биг-Буро, я в твоём распоряжении! Я тебе гид, провожатый, Чёрный Дракон, я… – безумно рад за тебя!

– Спасибо.

– Это – муск? – сообразил Густав.

– Да. И не только.

– Я должен кое-что сказать тебе, Биг-Буро, как-то повода не было… Как под землёй, так в небе, на любых рынках, не жди подвоха от меня, прошу! Я не просто уважаю тебя, я выполняю обещанное. Такое обещанное, Буро, которое и не успел пообещать! Вот какое: на облачном рынке дроидов, последнее, что сказал Марик, он ведь меня никогда ни о чём не просил, последнее было о тебе! Это правда, Биг-Буро. Я не обещал ему, не помню, о чём думал в тот момент… Но понял теперь! Давно уже понял…

Густав жестикулировал, запинался, заглядывал в тёмные миндалины глаз, как в ожившее прошлое, не иллюзорно ожившее, настоящее. Половина его собственной тяжести испарилась куда-то, половина тоски.

– Густав, мне так хочется отпраздновать… Чем, как не полётом? Давай встретимся над Мелоди к вечеру ближе, это место и верхом найду, а затем…

– Куда скажешь!

– Ты знаешь Рынок Гранд Падре?

– Не бывал, но знаком с теми, кто знает…

– Отлично.

Они встали, и Густав обнял его:

– Биг-Буро, я счастлив за тебя.

02.24

Изменившись на посторонний взгляд немножко, внутренне Биг-Буро изменился куда сильней. В смысле и стиля общения, того не замечая за собой.

Он стал куда молчаливей, афористичней. Интерес к артефактам не находил в нём опоры, Буро по-прежнему торговал, консультировал, дарил и принимал дары, но без огонька.

Настолько же редко, насколько и регулярно посещал Мелоди. Танцевал ещё реже, перед каждым визитом туда волнение безрезультатно старался унять. Он распрекрасно мог делать это и прежде: посещать круг искристых, лимонно-жёлтых шаров, под медузами планирующих, расплывающихся светильников. Покачиваться в медленном парном танце мог и не мог, зная каков он, на какой кошмар положит танцовщица, на грудь ему кладя, свою милую руку.

Буро даже стал немного затворником, случалось, не выходил день-два. Якобы химичил

там, с тенями, с напитками… На самом деле, сидел, думал…

Комплекс случившихся перемен на популярности Буро в худшую сторону точно не сказался. Пожалуй что, в лучшую. По-прежнему к его поручительству прибегали, – ногами, со всех ног! – и Буро не отказывал в нём. По-прежнему голуби, горлицы, технари и борцы искали его благосклонности, искали службы у него, на него лично.

Обходиться без закрытых одежд с подолом до земли Буро не научился, и без чего-то, пересекающего лоб, чувствовал себя неуютно.

Тогда, в первый раз, налетавшись, напившись, омывшись всеми встречными дождями, к Мелоди повернув, Буро снизился раньше, чем над волнами показался континент…

Туманные Моря дроидов – поблёскивающая дымка вдали…

Белый Дракон летел медленно, потому что всадник то и дело разворачивал его собачью голову, голову большого дога к себе, и глядел,

наглядеться не мог. Буро представления не имел, что разговаривают с драконами не такие лишь люди, как Бест, и вслух просто так произнёс:

– Ты вспоминал? Что позову, что увидимся, мог представить, дроид?..

– Я знал, – без подфыркивающего шипения, чистым голосом произнёс дроид, открывая в пасти дога ряды белоснежных, ровных зубов аллигатора.

От-те раз!

– И что ты ещё знаешь? Выкладывай от и до!

Дракон отвернулся и сказал в пространство:

- Мы больше не расстанемся. Мы станем первой расой. Ты и я.

Снизились раньше времени. С этой линии обзора Великое Море, освоенное, ненавидимое вызывало ледяной ужас у Буро. Доверяя своим драконам, самые робкие затворники миров не испытывали такого страха.

Океан был тёмен, его волны вставали и сталкивались.

После всех дождей, скоростей, облаков, чужих рам и прихожих за ними, придирчиво

рассмотренных, состояние Буро было ненормально. Ему показалось, что не может быть, чтоб всё было настолько славно, хорошо, удачно. Что единственный день счастья кончился, сейчас он упадёт, и история его жизни выйдет на следующий, тождественный завершившемуся круг… Ужаснулся и потупил соответственно… – немедленно нырнул.

Прошептав:

– Через минуту позову, не сердись…

Сказал и нырнул. Со злости на себя.

Ещё не хватало ему – бояться Великого Моря. Пусть море его боится. Сделал круг, посмотрел в глубину… Высокой волной подброшенный, позвал дракона, и за гриву его поймал с первого раза. До Мелоди успел обсохнуть…

Круговорот дел вовлёк его и закружил, сразу в эпицентре событий, главное из которых – Гранд Падре. Слетал, поглядел…

Вскоре Айва заявилась к Буро, про Гала-Галло напомнила ему.

Она шла за поручительством, пришла за советом.

Когда коллекционируешь жульническое и торгуешь им нужен кто-то третий, удостоверяющий покупателю: «Да, это шулерские марблс. Нет, не против тебя». В противном случае остаётся подозрение, что продавец осведомил о части свойств, утаив главное, и набор при встрече с конкретным противником сыграет против своего обладателя. На руку сыграет тому, кому был продана недостающая информация о нём.

Айва же хотела увидеть Гала-Галло… Взглянуть на клуб и на обитателей. Мема спрашивала у Мадлен, та прислала ответ запечатанным самой Айве…

Буро - знакомый и добрый, хитрый и проницательный, отчего не показать? Не посоветоваться?..

Письмо приветливое расприветливое ставило, однако, вопросы… Биг-Буро оно очень не понравилось. Отразилась в нём уважаемая Мадлен, как в зеркале.

– Перечти свиток, Айва, – буркнул он, – это письмо-отказ, но в нём – четыре абзаца, на локоть длины, не считая их каллиграфических завитушек. Зачем? Есть хорошее слово «нет».

Полезное очень слово. Подозрение вызывает тот, кто не пользуется им в его лаконичности. Либо для него, либо же для других, но для кого-то непременно бывает нехорошо.

Айва улыбнулась Буро нежно и отрицательно покачала головой.

Он усмехнулся:

– Я редко пользуюсь? Ты это хочешь сказать? Зато – прямо!

Тут и у Густава брови удивлённо поднялись… Но за плечом Буро его не заметил, и развёрнутых возражений не последовало.

– Мадлен мне подруга. Письмо это – враньё.

Густав внимательно перечёл и серьёзно спросил:

– Почему, Буро? Как оно может быть враньём, если это обыкновенный вежливый отказ?

Спросил и хмыкнул, вспомнив Мадлен, её хрипловатый смех, её запредельную грубость.

– Соотнёс, да? – уловил Буро. – Где вежливость, а где Мадлен.

– Ну, поручила он письмо кому-то написать! Андрэ…

– Не…

– Так на что ты ориентируешься? Никакая бумага.

– Понимаешь, Густав, есть фальшь и фальшь. Есть подделка для усложнения на вид. А есть куда худшая, для упрощения… Кое-кто из технарей, не буду вслух говорить кто, поналепляет кнопочек… Шкалы, бегунки сделает для регулировки, а оно не работает ничего! Ну?.. Ну, жулик, конечно. Чтоб продать подороже, круто выглядело бы. Это для чужих, которые больше не придут, а есть враньё для своих… Есть фальшь, когда не накручивают, а убирают, как будто лишнее что. Убирается главное. Выходит непереносимо… Щас сравню… Мимы одеваются в ночь «Вууу!..», в ночь страшных представлений чудовищами Моря, да? Приклеивают лапки, головы лишние… Страшно? Опасно? Ну, если постараются, могут напугать! Особенно, если кое-кто, не буду вслух называть, им настоящие, рабочие пружинки поставит в скрытую механику…

Суприори изучал полку с альбомами, не оборачиваясь…

– Лишнего навертеть, наврать, смешно и глупо, и не так уж опасно. Наоборот, обнимаешь молча, а сам придушить бы хотел. Обнимаешь, чтоб он не прочёл «нет» в кривых глазах. Это тебе не лишнюю голову приклеить, это – снять настоящую… Голову саму. Оу!.. Ты уже настоящее

чудовище… Моря… Э, типа, такой я перед тобой весь открытый. Это страшно, да. Безголовых чудовищ и в Великом-то Море мало…

Буро ещё раз полностью раскрутил свиток.

– Видишь, тут ничего нет, кроме того, какая ты, Айва, интересная и особенная. И тут, и тут, и вот тут – в конце. И отказ. Зачем? Уверяю, Айва, некое предложение ты получишь иного толка… Непохожего содержания, когда не ожидаешь. До отказа галло не снисходят. Полученный отказ значит, что тобой заинтересовались. И на прощание: я не советую.

Умный Буро… Мадлен присматривала на континенте в заведение определённого типа управляющего – тоже определённого типа. Чтоб не стеснялся ни своих, ни чужих продать, чтоб не открывался ни тем, ни другим, а ей – полностью, чистой хозяйке. Охотники ищут мясников.

Айву минуло, другому человеку выпадет сомнительная честь, найдёт его Котиничка.

Ровно то сложилось промеж двух демонов: избежавшим морского клейма, и

освободившимся от него, ради чего Отто зазвал Пажа на Цокки-Цокки, близкая дружба и полная откровенность! Жизнь несправедлива. Без клейма, отмеченные лишь неизбежной печатью Великого Моря, силой да цветом кожи, да опытом, они имели, что поведать друг другу, вспомнить, чем поделиться…

Паж имел шатёр, в нутре Краснобая, олицетворявший запустение. Видимо, перенёс на него нерасположение к опустевшему Собственному Миру, практически не навещал. Ночевать верхом привык настолько, что это не казалось ему тягостным или странным.

К вечеру Паж бывал проникнут ядом глубоководного льда настолько, что явь если и отличалась от дремоты, то лишь более тусклыми цветами, бессмысленной какофонией звуков, усилившихся до глянцевой резкости, смешавшихся в хлам. А в высоком небе тихо. По крайней мере, там тихо… Ну, неплохо и на Ноу Стоп…

Наступили дни, когда Белому Дракону и ноустопщикам пришлось поскучать без него.

Очищенный, перестроенный, избавившийся от доброй трети хлама, шатёр Биг-Буро стал Пажу пристанищем туманными ночами.

Узнай Отто, умер бы от ревности и обиды, а поближе узнал, так и понял бы, что не к чему

ревновать.

Староваты и ленивы для регулярного, бурного цокки, как Отто его себе представлял, демоны пили, шутили, перемывали косточки заметным фигурам Южного Рынка, без азарта катали марблс, и беседовали о всяком разном... Рокировка: языкастый Буро стал более молчаливым, замкнутый Паж обнаружил, сколько накопилось невысказанного.

В мозгах у Пажа впервые за годы и годы прояснилось. Обнаружился повод вслух проговорить, систематизируя, над пустотами подолгу зависая, всю накопившуюся информацию про стрижиный век, что из каштанов извлёк, что их обрывочных картинок вирту.

Буро же рассказал ему, что знал от Беста. Знакомый с Амиго, обязанный ему, в Архи-Саду на эту тему Паж с ним не общался, Амиго всё вытягивал из полудемона, не наоборот. Для шаманийца стрижи - не исторического коллекционирования тема, а Шамания то, о чём за пределами её молчат.

Чем помог Буро...

Слушанием. Взглядом со стороны,

сведениями… Терпением к бесконечным уточнениям… Согласием играть в испорченный телефон, что бы в Архи-Саду Паж по-прежнему появлялся ради книг, нечастых майн, не афишируя главный интерес, в крупицах вирту ему перепадающий.

Буро, казалось, любопытства к собеседнику лишён… Сразу не заметная черта, но со временем проступающая. Ею отталкивают сознательно или интригуют невзначай.

Однажды Паж спросил:

– Мой биг-цокки, чем же мне развлечь тебя? Чем угодить?

Буро пал в глубокую задумчивость… Новообретённые дни уединения Буро, что верхом, что в шатре, не содержали, подозреваемой рыночными друзьями, и недругами особо, какой-то тайны. Он прислушивался к себе, он пытался услышать себя… И не слышал большего, чем плавно-летящая-тишина… Внутри его как бы тоже был Белый Дракон, но уже венценосный, без всадника… И летел, отмеряя секунду за секундой взмахами крыльев. Ни цели, ни беспокойства… И это беспокоило! Озадачивало Буро.

Задумавшись, лаская голову своего цокки, запуская пятерню в очень густые, тяжёлые, шёлковые волосы цвета морской волны, приобретённую зелень которых не могла скрыть их природная чернота, Буро ворчал, чтобы совсем не молчать, чтоб не обидеть:

– Развлечь?.. Оу, чем-то ещё?.. Вопрос… Странный…

Колени Буро пахли муском, да и весь он, и Паж уже начал привыкать к этому тяжёлому аромату.

Преображение Биг-Буро поразило осведомлённых о нём, а таковых – раз, два и обчёлся. Обстоятельства же знал только Паж, раз и навсегда пришибленный, пусть ненавязчивой, в общем-то, и не проговорённой, но очевидной благодарностью Биг-Буро размером с Великое Море. Паж постоянно пытался вернуть как-то эту признательность ему, незаслуженную, случайную, чтобы сравнять счёт.

– Развлечься?.. Слышал ты, мой Або, в Архи-Саду от кого-нибудь, из книжек не вылезающего, старую присказку: кабы молодость знала, кабы старость могла? От Амаранта, Беста друга? Повторяет, оу, ха-ха, изгнанник и старость,

подумать только, вот уж, что ему не грозит… Я бы повторил, да по праву, но для нас это не работает… Я порядком знаю, и всё могу. Всё что захочу… – Буро помолчал, и голос его оживился скрытой насмешкой, обращённой на себя. – Кроме одного: я не могу заставить себя захотеть!

Паж поднял лицо, встряхнулся, волосы разметав: «Да, Буро, заметно…»

– Наскучило? Я нечуток? – спросил он с двусмысленностью в одной приподнятой брови.

– Оу, ха-ха-же, нет!

И Буро, – велика сила привычки, – в очередной раз осознал, что не обязательно ему на кресле высоком сидеть! Легко гнутся ноги, нет нужды голову безрогую на что-то опирать. На ковёр скользнул вниз, к своему цокки в объятия.

Попытался исправиться:

– Про всё я сразу, кроме, конечно… А так – в целом… Вообрази: цацки и люди, облака и Впечатления, Морская Звезда и море проклятое это, превосходящее сушу во столько раз, что не вообразить… Мне думается иногда Паж, Великое Море, есть самая наибольшая вещь во вселенной, больше чем сама вселенная, в том смысле, что она-то пустая, но не Великое море. Оно больше её планет, облачных миров, всех дроидов, всей их сферы… О чём я, не о том…

Вообразил? Вещи самого несхожего размера. А для меня они как пострижены, как на Техно стригутся ёжиком, всё вровень, понимаешь меня?

– И люди? – спросил Паж.

Не совсем про людей он спросил…

Да, в конкретном пункте, преображённого Буро ждал крупный облом.

Он надеялся, что пристрастие ача уйдёт вместе с тенями. Надеялся, ждал, боялся… Боялся.

Как бы, да не так! Надеждам и сомнениям его осуществиться было не суждено.

Буро повторял, правду говорил: всё вровень, как постриженное. Летая, и запираясь на день, на два он не признавался себе, что нарушает покой одна только мысль… Тяга. Знакомая, увы, более чем понятная. Его привычки остались при нём. До глубины пробирает то же, что и всегда… Дженераль.

Буро вздохнул глубоко, тяжко, и хищная улыбка успела разойтись, неудержимая, как круги на воде, раньше, чем закончился вздох. Со своей натурой бросил спорить.

– И люди, оу… Або-цокки мой, позволь, угощу? Ты чуток, более чем, действительно, мне не отвлечься. Сделаем пару глотков? И продолжим.

Сделали.

Пажа Буро угощал всё время готовым, при нём не охотился, но однажды туманная ночь Южного Рынка столкнула их со старой подругой Биг-Буро…

На огонёк, на свет пирамидки, без предупреждения, без приглашения зашла Котиничка. Женщина в Красном пришла незваная, но не с пустыми руками. Устроенный морской демоницей пир запомнился континентальным демонам надолго.

02.25

Существование тени суть баланс захватывания и усвоения относительно объёма захваченного. Нарушается баланс, тень распадается или претерпевает пропорциональное видоизменение.

Увеличение обеих позиций, слишком быстро хватает, слишком много, как правило, приводит к распаду. Голод, медлительность – к трансформации.

Рассогласованность между позициями порождает более интересные варианты.

Когда скорость тени велика, а потенциальной добычи, упавших людей, остатков других теней, чудовищ мало, её скорость возрастает ещё и это приводит к гибели. Не из-за голода, что практически невероятно, а из-за того, что разбивается о Свободные Впечатления, игнорируя потоки течений, режется и разбивается. Виновен перепад. Есть множество медлительных теней, жадности не познавших, осторожных.

Если же такая туповатая тень попадает в ситуацию, где много еды, получается именно деградация к состоянию придонного монстра или сразу Падающего Факела.

Объективности ради следует отметить, что «много еды», касательно Великого Моря, всегда лежит в промежутке именуемом «лютый, постоянный голод».

А вот как меняется устройство чудовища,

если говорить о присущих тенях, то есть о чудовище с Огненным Кругом…

Предположим, а оно и зримо чаще всего так, что хватательная часть – периферия со щупальцами. Что она может расти.

Вспомним, что усваивающая – Огненный Круг. И он расти не может, он такой, какой есть, да ещё и порядком подостывший.

Наступает момент, когда щупальца, хватив нечто снаружи, обратно уже сгибаются, не дотягиваются! Если понимать Огненный Круг как рот, то они еду в рот не могут положить!

Таково упрощённое объяснение. На самом деле монстр уже не туповат на этой стадии, а почти бессознателен, на элементарную трансформацию хватательных частей, увеличение их не способен. И он, оно – лежит на дне. Хватающее, но голодное. Ядовитое. Опасное. Его щупальца красивы, как всё функциональное, и дико страшны. Актиньи дёсны. Хризантемы. Над подобной штукой и завис некогда Халиль.

Ещё бывают змеи. Актиньи шипастые, стреляющие. Бабочки, о коей разновидности и пойдёт речь.

Будь то змея, ёж, хризантема с пустым, светящимся центром, – правильнее герберой или подсолнухом назвать, но формой лепестков: хризантема. Общее у них – неспособность собраться. Коснуться своего центра. Огненный Круг продолжает тихо поддерживать до предела замедлившуюся жизнь. Снаружи он ничего не получает, кроме Свободных Впечатлений, ненароком сложившихся в крошечный связный отрывок, и ставших таким образом доступными усвоению. Благодаря ловле их немного утоляется голод.

Дольше прочих живут монстры не придонные, а зависшие в толще воды, на ветвях мёртвых лесов. Ведь ставшее связным Впечатление стремится всплыть на поверхность Великого Моря, чтобы собраться заново в настоящих облаках, хранилищах былого. Всплывая, они случайно достаются монстру, при движении снизу вверх. Придонным актиньям, плотно лежащим на грунте, совсем ничего такого не достаётся. Зато, пока способны сожрать, они лучше стреляют, намного дальше, дилемма.

Существа примитивные, именно тени, а не чудовища, устроены на стадии деградации принципиально так же как Чудовища Моря, но не

завязаны на Огненный Круг. Сама их внутренняя организация должна стискивать, сокращаться и тем усваивать захваченное.

Лепестки, щупальца не дотягиваются внутрь, змея не может свернуться в клубок. Она и прежде не заглатывала, а стискивала, выдавливая сок из жертвы, и впитывая его, теперь кольца крепче, но шире. В такую змею можно попасть как в железный капкан навсегда, но в итоге как блюдо достаться не ей, а пронырливой стае ро или демону, проплывавшему мимо.

Бой-кобры напоминает, да. Карат Биг-Фазан, как неморской демон мечтал, помнил, ужасаясь себе, изводясь вожделением и виной.

Бабочки, о которых речь, постепенно теряют способность плотно сложить крылья. А им надо сложить, чтобы жертву, кусок тени, глоток связного Впечатления стиснуть.

Большинство совсем деградировавших теней мелки, но некоторые огромны, как мутные области, как раскинутые сети. Их используют чудовища, сохранившее рассудок в качестве сетей, отнимают запутавшееся. Порой наоборот самого монстра подкармливают.

В такое, когда оно в полной силе, не в деградации, упадёшь в желудок сразу, попрощаешься с жизнью! А если оно не в форме уже… Глянь, побарахтался, и выплыл, или вытащили тебя.

На малявку наступил, тридакна, к примеру, сомкнулась на стопе, ужас, не поминайте лихом! А ей, бедняге, не откусить, деградировавшая тридакна. Стряхнул и дальше пошёл по дну, хотя лучше – поплыл над ним. На йоту, но безопаснее.

Неприятно, что любое из этих приключений оставит в теле яд. Хоть некоторым наоборот – приятно! Жить не могут без. И «лёд» добывают, «слизь, сопли», ага, яд для ценителей. Несмертельный.

Великое Море – ненастоящее море, полно особенностей, отличий.

Например, обитатели его сильно зависят от течений, но мало – от глубин. Компрессии, декомпрессии противостоит структура монстра, если озаботился ею, течения агрессивны для всех без исключения, даже толстошкурых тварей. Тени и чудовища, которые на поверхность не поднимаются, имеют охотничьи приспособления легко достигающие её.

Отсюда вывод: если где Великое Море более-менее безопасно, это на мелководьях. По крайней мере, снизу шипом никто не пульнёт. Но не на берегу! На берег слишком многие тени и чудовища ориентированы, по берегу вкусные люди ходят! А по мелководью нет, и некоторые демоны человекообразные устраивают в камнях себе тайники.

Бабочки…

Форма этого типа монстров…

Ну, во-первых, они, конечно, не бабочки. Сходству сильно мешает размер и тот факт, что тела нет, крылья они складывают как в одну, так и в другую сторону…

Казалось бы, мелочь. Но эта мелочь переводит тень в совсем другой класс. Тридакна элементарная по определению с конкретной стороны раскрывается и захлопывается. Способность делать это с противоположных сторон всё равно, что способность выворачиваться наизнанку, восстанавливаясь сразу и полностью. Какие бы причудливые формы не обретала тень, шкура её остаётся шкурой, требуха – требухой. Бабочки-кардиналы исключение.

Во-вторых, они красивы как бабочки. Эффектны, порой гипнотически эффектны.

Великое Море изобретательно и наделено хорошим вкусом, ибо – оно экспериментирует вслепую. Без права на ошибку. Играет на выбывание. Не может позволить себе халтуру, только прямое попадание, только высший класс.

Бабочки не сверхъестественны, но велики, два, четыре человеческих роста. Их «крылья» порхают, складываясь поочерёдно с противоположных сторон. Закрепи их мысленно в одной точке, и станет видно, что бабочка по классификации – тридакна. Но те – донные, эти в толще водной порхают и на ветвях сторожат.

Между крыльями нет тельца, но может быть голова. Если бабочка – монстр, промеж крыльев виднеется светящаяся пустота неотчётливого Огненного Круга. Если бабочка – тень, между крыльев мутная пустота, как штриховка натянутых «струн».

Они издают при полёте тревожный и зовущий, ни на что в мире не похожий свист, той же цели служащий, что и привлекательный окрас. Концентрация горячих цветов в бабочках моря достигла рекордной густоты среди не

дроидорукотворных объектов. В большинстве своём они бархатно-синие, чёрные, фиолетовые с пятнами, лучащимися мнимым теплом, оранжевыми пятнами «павлиньих» глаз.

Когда загнанная или неосмотрительная жертва оказывается вплотную, бабочка складывает крылья, расплющивает и так пожирает.

Деградирующая бабочка до конца плотно крылья сложить не может. Между ними остаётся промежуток. Она пробует заново, не отпускает. То с одной стороны сблизит крылья до острого угла, то с другой. Не получается. Угол остаётся. И он называется – ад. Он называется – будка. Самый быстрый и наиболее жёсткий способ сделать Морскую Собаку, заменив рассудок на пару рефлексов. Так Котиничка и делала себе Морских Собак, галло Великого Моря.

Суть метода понятна и непосвящённому.

«Кардинал» – название часто использующейся тени. От слова «кардинально». Ради того кардинала выбирают, что порхать не умеет, где посадили, там и сидит. Срывается – крайним усилием, разве, голос Тропа заслышав.

А посадили его вблизи подводного ключа

Чистой Воды забвения, умножив Кардинала на сдирающий кожу холод. Между крыльев ни вздохнуть, ни развернуться. Пленник видит только ущелье. Выход, то расширяющийся, то сужающийся. Его взгляд, мысль, порыв, отчаянье, всё его существо направлено только вперёд. Всё. Остальное в его существе – боль.

Через некоторое время Морская Собака готова. Осталось парализовать кардинала, выпустить готовую собаку и накинуть уздечку. Морская Собака не заботится о течениях. Она разобьёт грудью кого и что угодно. Не задумавшись, сама разобьётся.

Как её ни назови: галло, Котиничка, Женщина в Красном, полудроид и Чудовище Моря… Собственноручно?.. И да, и нет. Фактически – расставила ловушки и достаёт готовое из них. Загоняет – судьба…

Котиничка милая, потому она красавица, страшно раненая, безнадёжно больная отчаяньем, непоправимым искривлением судьбы. Да, галло, да, надменная, да, Чудовище Моря. И да, она пользовалась успешно всеми его лютыми возможностями.

Пребывая в исходно чистом или морем

извращённом статусе, люди эпохи высших дроидов не способны на злодеяния прежних эпох. И в море они ближе к животным. Съесть и согреться – предел их свирепости. Нигде они не найдут, наделённого рассудком, исполнителя для наихудших вещей. А люди прежних эпох без труда находили.

Обернувшись к эпохе до дроидов, выпивая чарку запретного, где плещутся Впечатления чужой жестокости и чужих самооправданий, любой полудроид, любой хищник мог бы брезгливо сказать: «Приказывали тебе? Приказ – пустой звук. На руки свои посмотри».

Кокетства она была лишена. И девичьего, – перед кем в океане красоваться? – и демонического самолюбования.

Инфернальный ужас Великого Моря в красных всполохах шали, кистей, бахромы, стрекал парализующих, безмысленно плыл за упряжкой Морских Собак, безмысленно вышел на сушу.

Нетвёрдо ступая по каменистой земле, по

дну-то легче ходить, Котиничка пересекала Южный Рынок.

Багрянец её сияния, королевский пурпур предметом гордости тоже являться не мог. Он выдавал её и утомлял. Зарево, сопровождающее галло Великого Моря, зависело от Юлы, от сезона и бывало как громадным, так и обтекающим её плотным красным шёлком. Просторное он полупрозрачно, а в противоположной фазе так плотно, что она выходила гулять без одежды, в зареве. Ослепительная, невозможная.

Мадлен в такие дни ждала её близ Синих Скал. Каждый раз поражаясь, что подобное великолепие возможно для человека, а не дроида.

Статус господствующей над первой расой производил багряный феномен. Осталась бы Котиничка чистой хозяйкой, была бы как Олеандр – полностью рубиновой. Была бы обычным демоном – ярко зелёной, как Изумруд в Собственном Мире. А получилось ни то, ни сё – Женщина в Красном. Постепенно свыклась, стала наряжаться в шали теней.

Однако и у лишённой самодовольства Котинички дрогнули уголки рта, когда на пороге шатра заметила произведённый ею эффект…

В ту ночь туман не слоился по Южному, ветер не гонял его клоками. В ту ночь за туманом Южного Рынка вообще не было. Утоп, прекратил существование. На месте рынка - котёл с густой пеной.

Полное безлюдье. Сокращение гусениц-теней вдоль рядов, их абсурдные, внезапные подпрыгивания. Треск раздавливаемого стекла из-за полога, где вода в бутылке неосмотрительно оставлена на полу. Тень покрупневшая выползает… Без промедления, без рывка, перекусывает гусеницу за порогом и вырастает ещё на треть… Глаза же тени съеденной тени проступают у съевшей на хвосте, выгода получилась.

Безлюдье – не бездемонье.

С гулким бичом бродит кто-то хромой, кособокий, в плаще с капюшоном. Удары бича раскатываются как гром.

Если внимательно, осторожно выглянуть за поворот, можно заметить, что бич его не прочь сбежать! То и дело демон кусает рукоятку. Прицелившись искоса, разбивает следующую тень с резким, оглушительным хлопком.

На главном ряду туман пробивает свет из шатра Биг-Буро острым треугольником беспечно откинутого полога.

Оттуда тоже раздаются свистящее, ударом заканчивающиеся, звуки, и заразительный смех. Но не из шатра, а над ним. Смех двух демонов – негромкий, суховатый и более низкий, густой. Нипочём им эта ночь, превратившая Южный Рынок в котёл с туманом. Буро изобрёл удочку…

Ах, какая удочка! Забудь он про эстетику, это был бы уже не Биг-Буро!

Запускался процесс щелчком искры. По леске сбегал огонёк, гнал перед собой кусочек сорбента. Крючок - гарпун, так что они по-сути не удили, а стреляли. Зазубренный артефакт тени бы не повредил, но крючок – сорбент.

Взобравшись на антресоли шатра, распахнув «чердачное» окошко, приятели демоны гарпунили бестолковых теней, выдёргивали, разглядывали, отпускали…

Буро по-привычке некоторые порывался съесть и одёргивал себя, смеясь вдвойне. Часто

попадались тени, облепившие какой-нибудь артефакт, бутылку с водой. Отнятую и немедленно выпитую!

Крепко зажатая десятком хрупких лапок, гравюра в раме под стеклом заставила приятелей хохотать до упаду! Жаль, тень – лапки и спинка, цокающие шипы. Головы не найти, спросить невозможно: «Тени на континент с каких-то пор за артефактами выходят? Обустраивают океан?!»

Вытащив три подряд комплекта коллекционных марблс, знакомых, в соседних шатрах с вельможами ими не раз играл, Буро понял, что завтра ему глаза отводить или смиренно каяться.

– Не я к ним пробрался? – прогудел Буро, взывая за поддержкой. – Честная добыча!

Паж кивал с полной серьёзностью, зная, Буро, конечно, вернёт.

Не успели пресытиться, как следующий бросок выудил им… Халиля… Ай да добыча!

Разгадка проста: Халиль с вечера ещё подорвался. На Краснобае в след тени наступил, вчерашней, в прохладе рыночной материальной стены день пережившую.

Не очень-то ему хотелось к Оливу… Совсем не хотелось.

Пока колебался, действие яда усилилось. В горле комок, дракона не позвать. Пешком смог дойти к Южному, а тут и ночь уже…

Когда вдаль до предела брошенная, леска встретила сопротивление на высоте человеческого роста и задёргалась, приятели мигом спрыгнули вниз. Паж ужаснулся, но не удержался от смеха: богатый улов!

Буро успокоил его, примолкшего, распутывая леску:

– Порядок, путём… Поправим брата-алхимика, – это он за коктейли Халиля так называл, слегка ревнуя к таланту. – Выправим… Дошёл, молодец.

Выправили. Словно всё это время бежал, выпив противоядие, Халиль согнувшись, сидел, не мог отдышаться.

На пороге шатра туман порозовел…

Выглянули. Отшатнулись обратно.

Не сговариваясь, демоны пихнули бутылочку с лекарством в руки Халилю, а его самого за

дальние ширмы.

Минуты не прошло, как в тумане, сделавшемся вишнёвым киселём, раздались вежливые хлопки. Буро кивнул Пажу, не отправиться ли тебе к алхимику? Мотнув головой, Паж отверг такой вариант.

Хозяин образовался на пороге, обе руки гостье протянул и, пожимая её точёные ручки, поклонился:

– Коти… Сколько сезонов ветра и тумана, Коти, сколько лет…

Актинья-астра, зловещий цветок на призрачном стебле, приручённым зверем зависла на уровне её колена.

– Да, Надир. Здравствуй, Надир. Доброй ночи – добрый рассвет.

В шатре багряное зарево разбежалось по ширмам и стенам, преобразив до неузнаваемости жилище континентального демона.

02.26

Дружеский визит. Просительский. Не с пустыми же руками к старому другу идти.

В красном она была, в юбке длинной с тонким воланом понизу, в шали, и с белёсой хризантемой-блюдцем. Буро, ко всякому привычного, продрало холодом по спине, едва глянул на это блюдце, с колеблющимся вертикальным зрачком… Порадовался, что лысый, волосы дыбом не встали. Скоро опять порадуется, когда Котиничка воды нальёт в блюдце и кое-кого… Кое-что кушать позовёт.

Паж, глубоководный ныряльщик, и тот потерял дар речи от принесённого морской галло к общему столу.

Оба знали, что это такое и для чего оно может использоваться, но вообразить не могли способа вынести – это – на сушу. Да она не несла ведь, позвала. Прилетело само.

Неприятное, по-счастью, ошибочное подозрение у Буро возникло сразу при взгляде на блюдце, обрамлённое лепестками: «Галло узнали, что охотника Дзонгу, что Густава нашёл я…» Нет. Это в принципе не имело значения. Крайне прагматичные, пребывающие в холодной вражде меж собой, обитатели закрытого клуба не сожалели о погибших. Буро защищал своё место обитания, они точно так защищали покой Гала-Галло. Пожали бы плечами, признав его правоту.

Хризантема-актинья в руке у галло – приманка, гудок зовущий тень слишком большую, чтобы тащить её. Тень достаточно чуткую, чтоб унюхала издалека, прилетела, когда позовут, когда добавят росой на «лепестки» щупалец несколько капель воды связных Впечатлений. Туман густой, позволит прилететь…

Позволит принести угощение, что зависло между бархатных крыльев. «Финальный-синий» назвал бы дроид их цвет в полёте. Определённо синий и несомненно чёрный. Задержи взгляд, пытаясь определиться, разглядеть какой же именно, и всё, пропал. Назад тому два дня один несчастный, начинающий пловец на отмели так и сделал…

Из поднесённой ей стопки Котиничка плеснула в хризантему. Дымок поплыл рядами Южного и достиг побережья. Гигантская бабочка взмыла над волнами и устремилась на зов. Она летела с нарушенным свистом, немелодичным, непустым. Межу крыльев её находился подарок старому знакомому.

Котиничка знала, разумеется, что Биг-Буро ача, и подарок принесла ему, как ача, настолько редкий, что не найти и в Великом Море. Милая Коти. Сама приготовила и не пожадничала.

Морской Собакой этому бедолаге уже не стать.

Буро содрогнулся.

Меж тем, человека между створками крыльев давно не было. Полудроиды живучи, но всему есть предел. Слоями чередуясь, там пребывало всё до капли оставшееся от человека: слой горячий – слой ледяной. В форме человека. Торт. Экстра-дженераль. Лакомство. Вкуснотища. Недопереваренный тенью нектар.

Без иронии, это вещь, которая позволяет наслаждаться каждым глотком. Каждым как первым. Так дегустаторы перемежают вкусы. Плюс адская острота собранного предсмертным отчаяньем. Жаждой вырваться, близостью и недостижимостью спасения. Метод противоположный методу Буро. Изготовляя ловчие тени, он, как движущую силу использовал расслабляющую страсть, отнимающую волю, Котиничка – страсть усиливающую её, волю к жизни для последнего рывка, которого, увы, не будет.

Буро выдохнул и подставил бокал ача, руку протянув прямо в смертоносные, продолжающие складываться и расправляться крылья, подождал, пока паром наполнится рог и пригубил. С

удовольствием пригубил. Паж последовал его примеру совершенно невозмутимо.

Но из тени не пьют. Фу, дурной тон.

– Мы же не в Великом Море?

Котиничка попросила блюдо, дунула. Нарушенные слои утратили очертания тела и полились в него, начиная с пальцев ног… Не кончаясь. Долго не кончится, ведь это пар.

Из тени-кардинала утекая, человек-торт ложился в блюдо, как был слоями. Вокруг него дрожал воздух, рябил, воспроизводя глубинное течение. Лицо умершего расплывалось и прояснялось. «Шамаш…» – подумалось Пажу при взгляде на внезапно прояснившиеся черты.

Цвет бабочки кардинала менялся к грязно-оранжевому.

Паж облизал губы, то пересыхали, то леденели.

Как обычно бывает, при шоке от запредельных дроидскому чуждых нравов чужой, мысль метнулась в поисках близкого,

откуда нормальность мира имеет отсчёт. Для Пажа – в Шаманию. Вспомнил и подумал…

«Чёрт! Такой риск и такой шанс для него… В море, док, лучше в море… Нет, не лучше. Но если уж само море на Южный Рынок к тебе пришло, имеет смысл воспользоваться».

– Госпожа Великого Моря, – с поклоном обратился он, – разреши мне быть по-морскому откровенным. Ради этого бесподобного дженераль, позволь мне сходить за другом, ему было бы за лекарство. Ни ему, ни мне, если откажешь, не представится впредь подобной возможности.

– Сходить далеко ли? За ширму? – беззлобно, моментально съязвила галло, уж такая природа у них. – Мы с Надиром не успеем посплетничать! А впрочем, секретов и нет, зови.

Буро засмеялся, наивно с их стороны.

Но Паж имел в виду не Халиля, а Чуму. Не питьё, а контейнер.

Вот и получилось, что столь непохожих людей объединили надежды, замешанные на случайностях.

Галло заворожила Чуму. Раньше, чем успел

осознать, кто перед ним. Паж по своему обыкновению, позвал, не распространяясь, куда и зачем, а он и не спрашивал, если док зовёт.

Увядающая, осклизшая тень-хризантема высыхала на полу…

Жуткая бабочка, поводила крыльями, складывая попеременно разными сторонами…

На блюде, предназначенном к вымачиванию гор соломок или катанию с горки на нём, лежал состоящий из слоёв тумана неживой человек.

– Галло, – шепнул Паж, представляя их, – Великого Моря.

И кашлянул, смутившись: с чего вдруг шептаться? Голос как-то сам.

Сумасшедшей красоты видение в багровых всполохах сидело на фоне… Скромная и хрупкая, как девочка, спокойная и прямая, как смерть.

Халиль, гораздо более странный тут, чем ядовитые тени, не разделял восхищение Чумы. Ютился поодаль, очочки на ворот повесив, не смея чашку пригубить. Хотя налили ему совершенно другое. Изредка вскидывал чернейшие, звёздной ночью полные, глаза на Женщину в Красном…

А Чума, за порог ступив, от её истинной красоты, от скорбного, суховатого, потустороннего лица не отрывался…

Мадлен бы понравилось, этаких привечают в Гала-Галло! Как ни умны, как ни проницательны старейшины закрытого клуба, не без слабостей и они! Честолюбие подталкивало лучшим охотникам, независимым отказать, а принять льстеца, почитателя. Так вырождаются закрытые сообщества.

Вели светскую беседу…

Тема соответствующая моменту. Кто, как ни галло может о ней подробно, живописно рассказать.

– Островки цветущие… – так начала рассказ, мечтательно, негромко. – Если б не толща воды вместо неба, летних пустошей пейзаж.

Окраины ледяного ада Морских Собак, как правило, океанские цветники. Насквозь не просматриваются. Без течений, без теней. Штиль

душный, глубоководный, как перед грозой.

Чистая Вода забвения неукротимо триллионы лет спорит с водой кратчайших Свободных Впечатлений, производя стужу, которой нет подходящих слов. Цифр, эпитетов… Кардиналы немногие из теней, способных обитать подле неё.

В этих адских местах обсидиановая порода земных недр выходит непосредственно в океан, и Чистая Вода забвенья бьёт ключом не разбавленная, порождая лёд и ад, пытаясь разбить кратчайшие Свободные Впечатления, производя лютый холод.

По ошибке заплыв в такое место, вплыть из него столь же сложно, сколь из кардинала. Требуется неимоверное усилие воли, потому что здесь любое движение тела и мысли удваивает боль.

Те существа, которые всё же выплыли из ледяного ада, уже не избавятся от привычки плыть по прямой, от тенденции брать на старте максимальную скорость. Они слишком долго и страстно взращивали такой рывок. Не вернётся и чуткость к течениям, к глубинам. Собакам всё равно.

Как тип демонов, они исходно порождены не своей волей или паникой, а особенностями поймавших собаку мест: адов и крыльев кардинала. Исходно – не злонамеренностью собратьев. Уже после, наблюдая, соотнося, полудемоны обнаружили, что за Морской Собакой удобно плыть. Сообразили, что их можно самим делать, загоняя в ловушки. Из кардинала хуже получается, слабей сила рывка, глубже последствия травматичной длительной компрессии. Зато если поместить кардинала в адскую область, выгода двойная: створки несколько защищают от холодной воды, а вода препятствует чрезмерному сжатию. Ад растягивается на годы, собака, вышедшая их него, будет крепкой, будет долго служить. И рывок у такой собаки сверхъестественной силы! Почему? Она годы наблюдала вдали горизонт спасения: луковые соцветия над островками стелющейся иссиня-изумрудной зелени… Пучки луковых стрелок… Каждый день равен году.

Собака наблюдала не тени, не галлюцинации, не скрытую механику, разбросанная с умыслом на дне, а настоящие растения: цветы-метаморфозы.

Блистательные плоды дроидской селекции выжили на океанском дне в узких пределах: возле ледяных адов. Близ тёплых источников, на отмелях, на обычном дне не прижились.

Тёплые источники адам Морских Собак, как явление и как уголок природы, противопоставлены. Затишья вокруг нет, но нет и крупных течений. Водоворотики слабые, щекотные.

Да это никакие и не источники. Это пути, которыми Свободные Впечатления, воссоздавшись до связных, всплывают на поверхность, чтоб оттуда испариться, стать облачными хранилищами.

Местонахождение тёплых «атласных лент» непостоянно. Лента может виться с огромной глубины пять минут и прерваться внезапно. А может на отмели испаряться сто лет подряд. Чудовища Моря ленты обожают, несмотря даже на то, что прямое тепло им вредит. Обожали б и люди, но – занято…

Ныряльщики, такие как Мурена и Паж, делят с чудовищами атласные заводи. Не редко, что и мирно делят, а, казалось бы – какой шанс для охоты! – в тепле побыть и тёпленького попить.

Изумруд, когда Селена хотела в атлас завернуться, отыскивал ближайшую ленту и разгонял всех на километры вокруг. «Чёрный Господин», «Злой Владыка»… Его прозвища

имелись, кажется, даже на языке теней, не имеющих не только языка, но и головы! Наученная дрожь, по которой ориентировались и другие тени: туда не заплывать, там «Чёрный Владыка», погибельное зло.

Хорошие, всем желанные атласные ленты… Однако, такого явления, как цветы-метаморфозы вокруг не плавало, не цвело. Они вообще не плавают, им требуется опора. Земля Собственного Мира… Сырая континентальная земля… А таковая имелась в лишь в Архи-Саду, где Пта начинал адаптировать первую вынесенную метаморфозу. Подходит и дно Великого Моря.

Цветку-метаморфозе желательны резко контрастные «метеоусловия». Дроиды выводили их не в лучшие времена: погода катастроф, широчайшее распространение общественных и личных климатических дроидов. Не время для клумб.

Метаморфозы оказались приспособлены к пограничным условиям лучше, чем к усреднённым. В противном случае фазы их удлинялись неравномерно, сменялись прыжками, растение гибло, не замкнув положенный цикл развития. Вокруг собачьих

адов условия идеальные, а во второй фазе, производящей опоры, разбрасывающей усы, цветок может самостоятельно перебираться, куда ему надо.

Ночь темнее всего перед рассветом… Касательно ада Морских Собак, обратное верно: ярче всего светится вывеска над вратами в ад.

Цветник глубоководный…

Фиолетовый, цветущий шарами лук, на фоне обсидиановой черноты лучится янтарным светом… В песке, в плетистой травяной подстилке россыпи симбионтов - мелочёвка белых звёздочек… На рябиново-зелёных плетях теряются граммофоны следующей фазы, дудочки, маленькие раструбы… При отсутствии деревьев плети стелются, напрасно завивая усы… Найдя светлый остов каменного дерева, увивают, даруя ему видимость буйной лиственной жизни… Тишина… Душный штиль…

С опасностью этого предгрозового пейзажа в Великом Море не сравнится ничто.

Достаточно демону плавником повести и вылететь чуть дальше, чем рассчитывал, как его окутает глубочайшая фиолетовая тьма. В обратную сторону ад плохо просматривается. Его

пронзает лишь янтарный свет луковых соцветий. Настолько холодно, что свет обжигает, клеймит узором стремительно распускающейся листвы, когда цветок-метаморфоза проходит быстрые стадии.

– А ниже? – спрашивал Чума галло.

– Нельзя нырнуть с подбрюшья Великого Моря ещё глубже его, в снегопад, – отвечала она.

– Почему?

Этого галло не знает, в кругу морских существ не принято болтать о том, чего не знаешь.

В самом деле, почему? Чтобы не нарушить инкубатора? Да нет, чего там нарушать, миллиарды снежинок притянуться всё равно, а пока процесс не закончен, тот, с кем он происходит, нематериален. Ему не повредишь.

Затем не нырнуть, что падающие снежинки «комплектных» Впечатлений, то есть, больших, чем свободные, но меньших, чем связные, в такой кристаллической форме и в такой атмосфере через некоторое время, поспорив с

дроидами регенерации, начнут заполнять в человеке базовую схему, неизрасходованную часть. Заполнять, но не преобразовываться, вытеснять имеющееся, уничтожать настоящую память, вкладывая новое содержимое.

Для дроида приблизительно такое называется обнулением и насильственным установлением вектора. Человек вынырнул бы с фрагментарной, целиком искусственной памятью. То, что для Восходящего становилось тенденциями характера, для живого человека образует фальшивые воспоминания.

Почему «бы»? Потому что он не вынырнет. Близость Юлы притягивает, усыпляет, растворяет в себе, превращает в Пух Рассеяния. «Что хорошего в прошлой жизни? Чего ценного осталось наверху?»

А если и было и осталось, Царь-на-Троне может разыскать в Заснеженной Степи и вынести оттуда, никто, кроме него.

Есть и такой момент… Снежинки преобразуются, как следует, по базовой схеме в дефектах тела. Положим, Чудовище Моря нырнуло в снегопад. Вместо рук у него тени-плавники. Когда вынырнет, будут и руки и

плавники.

Напрашивается вопрос: а если нырнёт человек без обеих рук? Травма была. Да, тогда вынырнет с руками, нормального размера. Снежинки сработают как регенерация. Если поспешит, точно выберет момент, не задержится лишку, его память останется при нём.

А что если повреждено более половины тела? Ведь известно, что дроиды регенерации останавливаются, не видя схемы, хранящейся в виде двух половин. Снежинкам всё равно.

Получается, на свете существует место, где погибшие от насильственной смерти могли бы обрести спасение, но дроиды закрыли его? Получается так.

В песне одной поётся, что дроидов позволения не спрашивая, на волне Юлы, оседлав её, достиг заснеженной степи Юноша Кит.

Не все дроиды согласны с тронами, закрывшими путь в Снегопад. Но кто в силах противостоять тронам? Да и кто может находиться в Великом Море, не говоря, своевольничать там? Разве что, Троп.

Паж и его осведомлённость в морском неизвестны Котиничке, и сам он неизвестен. Галло намеревалась развлечься, без вмешательства просмотрев его рисковую целительскую попытку, но тронутая восхищённым взглядом незнакомца, надумала при надобности помочь. Одобрительно отметила про себя, что Паж не имел в виду под лекарством лакомство ача. При двух посторонних людях, они к туманному блюду вовсе не прикасались, будто он украшение или поверженный чей-то враг. Чума зван ради бабочки-кардинала…

Паж начал спутанные комментарии, в которых чёрт морской ногу сломит, ища, где на вопрос проливается свет, Чума перебил:

– Док, я согласен, я вижу, док, мне нечего терять, док… Не получится, заранее говорю: признателен за попытку, док, и заранее – прощай.

– Чума, ты хоть выслушай меня, а?

– Я слушаю.

– Помнишь, как ногти красили? Так вот, это была полная фигня. Из кардинальских створок, ты выйдешь, ты точно выйдешь, это я обещаю. Крепче лака будешь. Не на то время, что лак держится. Понимаешь?

– Понимаю…

Галло улыбнулась:

– Мема всё зазывала меня в Шаманию, а я всё отнекивалась. Зря… Вкусные каштаны, бесстрашные парни…

– Зря… – прошептал Чума и утонул в её потустороннем, скорбном, циничном взгляде.

Умывшись пустыми руками, Паж сделал попытку всё же завладеть его вниманием:

– Что ты понял?

– Всё. Там больно, там опасно, я могу не выжить.

– Нет! Там жутко больно, там жутко опасно, я точно вытащу тебя, но ты точно не выживешь! Чума, я вытащу тебя на какую-то часть мёртвым. На твёрдую часть! Не прежним! Отчасти таким, как он, – Паж кивнул вниз, на блюдо, на туманное тело. – Мёртвым и для деградации, и для регенерации. Как ты и хотел…

Последнее пробормотал скороговоркой, всё равно его не слушали.

– Я согласен, док, я всё понял, док, я ничего не теряю, док, – Чума улыбнулся прояснившимся взглядом, улыбкой, предназначавшейся не ему. – А могу я после этого уйти в океан?

– Собакой, – улыбнувшись, мягко пропела Котиничка.

– Это означает «нет» – сказал Паж. – Как "нет" переводится «собака» с морского эсперанто.

– Не сердись, друг Надира, – сказала галло, – это была шутка. Я укрощу кардинала немного сейчас. Для друга друга Надира. Разведу створки. Бабочка не затронет головы.

– Благодарю, госпожа Великого Моря.

Котиничка попросила ещё чашку простого связного Впечатления у Буро и пошептала над ней. Побрызгала на кардинала.

Паж пересел так, чтоб Халиль оказался за его спиной, а Чума прямо между ним и тенью. Биг-Буро тоже заслонил Халиля по знаку Пажа, прихлёбывая из рога ача, тщательно контролируя лицо от посторонних выражений… Не удержался. То, что предстоит им долго, а экстра-дженераль – простёрт на блюде, плещется, испаряется…

Жуткая бабочка цвета грязно-оранжевой тучи распахнула крылья широко в линию, в одну плоскость. Тела меж ними не было, разумеется, ущелье, проход. Для одного человека.

Было видно, как тяжело тени это положение держать, как дёргается, как хочет свести,

захлопнуть. Рисунок проступил. Два верхних пятна подобны рисункам в тире: малиновые круги, серые, узкие сектора чередуются, светлей, темней.

Малиновые кольца не статичны, он текут в центр мишени. Кто угодно понял бы, что так, таким нервным сужением, сжимается голодная пасть. Собственное ускорение обгоняло их, вырисовывались зубцы. Слышно, как наименьшие круги раз за разом пропадают в центральной точке тира со скрежетом, со скрипом зубов. Для стоящего человека как раз на уровне головы.

Галло ещё пошептала, ещё побрызгала… И эти узоры пропали! Разбежались, поменяв направление, наружу и пропали совсем!

Нижние остались…

Нижние узоры на крыльях кардинала подозрительно напоминали фигуры людей. Серые. Расплывшиеся, контурные, сглаженные… Неопределённо экспрессивные. Словно бегут в разрыв между крыльями.

Да, у них не было голов. Головы приходились бы на уровень верхних, пропавших пятен. Вместо них, до границы крыла мелькают, мигрируют

треугольники. Оранжево-серое, серое, малиновое, отвратительно… Грязно-оранжевый кардинал тосковал по своему настоящему магическому цвету: финальному синему, отнятому колдовством галло. Рвался из-под её власти, трясясь с каждой минутой сильнее. Сейчас потемнеет и кинется, на всех разом. Позовёт, вберёт, заблудившейся в чёрном, финальной синевой горячего цвета…

«Я не зашёл бы, – сразу подумал Паж. – Уж лучше по колено в воде светлячком тузика манить».

Не зашёл бы? Когда прямо сейчас пообещал и намеревался? Это не в счёт. Шаманийское братство. Что требуется для брата по лунному кругу, Паж не учитывал в категориях: боюсь – не боюсь, хочу – не хочу.

Котиничка дула на воду и брызгала. Она явно играла. Ей было интересно, сколько удержит разъярённую тень на суше, в тумане.

Кардинал чуял присутствие двух неморских людей, тёплых.

– Кто стал собакой, – напевая, рассказывала она, их серые руки лижет… Кто умер, пополам разорвётся… Малиновым склоном, правая часть

правым, левая часть левым, им под ноги стечёт… И сойдётся обратно: левое с правым, правое с левым… Кому выжить - насквозь кардинала пройдёт…

Её смех был мелодичен у дроида и хрипловат как у Мадлен.

«Пройдёт насквозь», действительно смешно.

– Ммм, вы не думайте, – внезапно решила объясниться галло Великого Моря, – это ослабляет кардинала, что распаляет его. Выглядит бррр… Как ему и выглядеть, если ему плохо. В принципе, можно начинать.

Паж сказал:

– Чума, ещё одно. Ты, наверное, я уверен, ты по каштану судишь, но то ж – не то… Смотри, вникни: не то. Не отбивает мозгов. Сохраняет. Видишь, чувствуешь. Понял?

Без того косноязычный, напротив кардинала Паж побил все свои рекорды.

Галло без труда поняла, что он имеет в виду, и подтвердила:

– Суть кардиналов собачьих именно в этом. Чума, шаманиец, твой док хочет сказать, что кардинал не каштан, на Впечатление, не пропустит тебя сквозь ад в мир грёз. В его створках не теряют сознания. Док просит тебя это

учесть, и, видимо, повторить согласие. Или передумать… Я могу уничтожить кардинала, – она усмехнулась, – одним плевком. Но вместе с тем, кто между створками. Пока ты там, вы с тенью – одно. Так что нужно именно выйти, вытолкнуть.

Паж покивал:

– Госпожа почтенная и могущественная, присоединяюсь к приглашениям Мемы. Приходи в Шаманию, – он зыркнул на Чуму. – Тебя слушают!..

– Спасибо, спасибо. Я подумаю.

Чума не ждал больше. Он встал и шагнул между трясущихся крыльев. И пошёл… На месте оставаясь, шагая широко.

Это скоро закончилось. Крылья начали смыкаться.

Серые руки потянулись к нему, обвили, потянули… В горизонтальном положении, как в толще океанской, Чума словно плыл и попался. Увяз, глядя на выход, от него в недостижимом шаге…

Сначала человек…

Через минуту – размытое пятно…

Через две – кокон, непрерывно уплотняющийся…

Крылья, пытаясь сомкнуться, выпускали липкое что-то от одного к другому, тонкое, тягучее, и крутящееся. Гало считала секунды… Брови её удивлённо и уважительно поднялись… «Мема зря не болтает. Шаманиец…»

Едва успела подумать, небо над Южным Рынком, туман до облачных куп, разодрал в клочья запредельный людскому крик.

02.27

Крик затих, превратился в щёлкающие вспышки звука, плотные, как слои на блюде, мешавшие и разговаривать и молчать, хотя были тихи.

Они внушали напряжённое ожидание, что с минуты на минуту, вот-вот… На следующем щелчке кардинал сомкнётся. Перекусит, раздавит.

Или же разойдётся, выпуская накопившийся крик, превосходящий в тысячу раз, взрезающий грудь, останавливающий Огненный Круг.

Буро помолчал, слушая щелчки, и спросил:

– Коти, а на что, вообще-то, по времени ориентироваться?

– А как всегда. На глазные тигели, на веки. Не вставай, Надир, отсюда увидим. Где нет голов, там сейчас две его отразятся… Посинеют, тогда.

Халиль опрокинул в рот чашку.

Забывшись, Буро набрал для него дженераль, и он был выпит, как чистая вода.

Паж тоже считал секунды. Просто так.

– Сыграем во что-нибудь? – предложила галло. – Обсудим Гранд Падре…

– Значит в марблс?

Галло застенчиво пожала плечами:

– Подходит по теме. Да вы обставите меня, я плохо играю! Надир, будь великодушен, я прошу форы!

Паж сказал, не переставая считать:

– Здесь все плохо играют. Сыграем, почтенная госпожа Великого Моря на твой визит к Шамаш?

– Плохо играют, да хорошо ставят? А если я

вровень с тебя потребую?

Паж сбился со счёта:

– Можно сделать ему легче?!

– Можно, – бесстрастно ответила галло, – однако… Тяжелей – безопасней, легче – рисковей. Я в общей сложности стаю, упряжки три собак, за такими манипуляциями потеряла, оптимальную степень подбирая. Ты ему док? Прими решение.

– Чуть-чуть…

Галло подула на остатки воды, и та осталась ледышкой в её пальцах. Остальные знали, как катаются они, а Халилю было суждено впервые увидеть приготовление коктейльной марблс.

Прислонив к Огненному Кругу, галло катала лёд против его хода по резким, как бенгальские огни, вспышкам огоньков.

Буро тяжёлыми веками прикрыл миндалины глаз. Халиль рукой. Паж не отреагировал.

Женщина в Красном… Теперь она разбрасывала зарево достаточное, чтоб просветить насквозь бездну у Синих Скал до заснеженной степи, до подбрюшья Великого

Моря. Вода сочилась по ней, из глаз, с макушки, из-под ногтей красными огоньками. Все огоньки доставались шарику льда. Лицо на йоту не изменилось, сосредоточенность между бровей, тигели век синели…

– Чуть-чуть, – задумчиво повторила она ровным голосом, – примерно так и будет чуть-чуть…

Отняла руку, подула на шарик и бросила в ущелье крыльев кардинала. Бабочку тряхнуло, ущелье разошлось на ладонь.

Буро выдохнул. Щелчки стали реже.

Паж встал, поклонился галло и сказал:

– Я твой слуга.

– Не за что. Так на визит к вам? Я не могу, шаманиец. То есть могу… Но я… Но я никогда не прилечу. Я видела ваше облако. Снаружи. С Мемой, со спины дракона её. Я слышала о нём многое…

Котиничка устремила взгляд поверх кардинала, в сгущающуюся под сводами темень.

– Когда-то очень давно, шаманиец, я сама попалась кардиналу, покрупнее, чем этот раз в пять, и Царь-на-Троне показал мне своё прекрасное лицо. Я увидела спасение… Будущее, спасение. Всё сразу… У меня ведь статус, дроидский, у меня связь с первой расой… Я увидела всё, кроме своей смерти. Не её… А я так ждала её, так мечтала о ней… Так разозлилась… На дроида. На кардинала. Я, Паж, в то время очень хотела знать, сколько мне ещё ждать?! Сколько можно?! А фигушки… Разозлилась. Сильно. Не знаю, что это было, Паж, но кардинал разорвался, в клочья. Как в нём разрывает не вовремя вытащенных собак. А за лохмотьями снаружи увидела… Ты ведь тоже видел его, да? Белый Дракон летит над фиолетовой бездной, белые крылья - отрогами гор, нет окончанья крыла… Он не замечает тебя, но вот-вот заметит… Да, понимаешь, да? Он удалялся… Улетал… В профиль. Он всегда в профиль.

Буро прервал её шёпот своим трубным голосом:

– Коти, это гимн Тропу? Мы предпочитаем гимны Аволь.

– А откуда мы, Надир, знаем, что это Троп? И кто такой Троп? Откуда это имя, откуда мы знаем его? Не приближается, не удаляется… Всегда на шаг, на миг от…

– Ты была насквозь отравлена, Коти, это морок. Троп, это подводный морок.

– Да! И в этом мороке я увидела… Увидела… Над его хребтом облако Шамании. Троп нёс её и улетал в неё… В океане он меня не настигнет! Не найдёт! Он… Он настигнет меня в Шамании… Троп прозревает в Шамании… Орлиный глаз, орлиный профиль… Паж, друг Надира, я – трусиха, за раму вашего облачного рынка я не ступлю.

«Дженераль бреда, – подумал Паж. – Троп в Шамании? Квинтэссенция несочетаемого».

Верхние части крыльев чудовищной бабочки снова имели пятна. Два отражения бледного, размытого, неузнаваемого лица. Определённо – синие веки.

– Время, – сказала галло. – От сих до сих, в течение получаса.

Паж уже стоял на ногах.

– Замечу, – добавила она, – двух попыток быть не может. Я не встречала тебя в Великом Море, но вижу, что ты изрядный ныряльщик, и всё понимаешь сам. Потому, ради очистки совести: я вас двоих вытащу только мёртвыми. Не

как ты сказал ему, а полностью. Вытащу, но кусками.

Паж кивнул и собрался.

Кардинал исчез, исчез брат, шаманиец, кокон в промежутке крыльев. Остался лишь сам промежуток. Выход.

Не вход, сразу – выход. Паж представил себя выбрасывающимся наружу. Представил, как пружина уходит в рывок. Представил себя брошенной медянкой отододи. Препятствий нет, есть лишь цель, и она с другой стороны ущелья.

«Насквозь. Одним броском насквозь».

Каждую их этих мыслей галло одобрила бы.

Прыгнул.

Там был оглушительный свит, перемешанный с оглушительным криком. Больше ничего.

Когда они выкатились, Чума был в полном сознании с заиндевелым, прояснившимся, хоть и не человеческого цвета лицом, но главное – с горящими живыми глазами. Словно с горки скатился в игровом ряду, а не совершил прогулку к положению Морской Собаки! Довольный такой!

Не действие яда проявилось в глазах. То есть его, но побочное. Чуму сильно тряхнуло и оживило. Отбросило по времени назад, туда, где есть место надежде и удивлению. Физически выгоды: крепость, стабильность в силах, в настроении, это он оценит после.

Технически грубоватое примитивное это исцеление нетрудно понять.

На тонкую работу дроидской регенерации оно не похоже, а похоже на упорядочивание вслепую. Как верхом если несут ягоды из Собственного Мира, доносят меньше, чем собрали в Саду. Они утрясаются, оптимально ложась, но и сминаясь при этом.

Попавшегося человека крылья-створки на макро-уровне давят, смыкаясь, на микро пытаются разорвать. Это движение пронизывает тело, растягивает в стороны. Одновременно, сознание пленника тянет его вперёд, к просвету, и растягивает вдоль. Образовавшийся крест напряжений грубо упорядочивает потоки воды-огоньков. Усиливает крупные, за счёт мелких, тело становится крепче, ум – грубей.

Ничего самостоятельно не сплавивший тигелем, Чума позеленеть не мог. Но печать моря

осталась. Цвет, пребывавший в разводах на лице Докстри, не морской, а шаманийский, предсветлячковый распределился по щекам как тон заиндевевшей сливы. Потусторонний, ровный. Необычайный, сиреневатый румянец.

Котиничка вдохнула новую жизнь в того, кто вопреки утешениям Пажа, мог сделаться безобидным светлячком со дня на день… Оживила и выпустила его как бабочку-кардинала порхать рынками неба и земли. С растрёпанными космами, прекратившими выпадать, с чумой в зрачках, с булавкой в виде косы на плече, блестящей, словно кардинал её заодно начистил и заточил.

Дикими от перенесённого, преданными глазами снизу вверх глядя, Чума поблагодарил галло, охотно протянувшую навстречу его неуверенному жесту тонкие, аристократичные руки…

Преклонив колено, Чума выразил благодарность док-шамаш, доку для всей Шамании.

И задал вопрос, от которого обалдели все разом. Ведь не слышал он их! Из недр кардинала не мог слышать!

– Док-шамаш, а летал ли когда-нибудь за рамой, прямо в Шамании, внутри, над городами, над светлячковыми бродами, над полночной степью в пору тюльпанов, над лунным кругом, и бубнами какой-нибудь дракон? Огромный Белый Дракон?

Пришла галло за невеликой надобностью. Обговорить: что если поддержать какой-то морской добавкой ведьмино варево Мемы?

Женщина в Красном обладала, проистекающими из местонахождения, обширными знаниями про яды. Но – про сильные, предельно сильные, парализующие, быстрые яды. Про оливки меньше, про мороки, пьянящие яды почти ничего. Там это не нужно. Да и не против людей её познания.

Много ли гонщиков, драчунов падает в море? К тому же они слабы.

Морских Собак тоже не из людей в основном делают, из чудовищ невменяемой стадии, которых в родники, в крылья кардиналов удаётся заманить, загнать. Делают из крупных теней, имеющих «тревожность», чёткую полярность: хватать – спасаться. Тени, которым неведом страх, не подходят.

Варево Мемы должно быть прозрачнее, чем туман, должно неуловимо опуститься на безобманное поле Гранд Падре. Маскирующий себя, дурманящий публику аспект требуется.

Встречаясь редко, Котиничка, технарь Великого Моря, и Мема, технарь земли, сохранили между собой вполне нормальные отношения. В закрытом Галла-Гало не успели друг дружке осточертеть. Ну, интересы в области превращений общие, обе не чистые хозяйки давно, а взмахом левой руки в Собственном Мире делается то, что не сплавит тигель Огненного Круга, не выдаст модулятор.

Биг-Буро сказал сразу:

– Коти, я тебя огорчу. Моё мнение такое, что нет. Небо и Море! Да, изгнанническая присказка. Не ругаются они тем, что в море, и не благословляют тем, что в небе. Дроидским… Имеют обиду к тому… Хищник воскликнет: дроидский свет ненарушимый! А изгнанник воскликнет – непреклонный… Да, я к чему… Небо и море, несродство между собой имеют, ощущаемое независимо от дозы. И я, Коти, не раз замечал, чем доза меньше, тем большая тревога отражается на лице у выпившего, – у понюхавшего! – оливку. Халиль должен знать.

Подтверди?

Халиль кивнул:

– Уж если подсовывать, то намешай всего с чёртом лысым погуще! Так может прокатить. А если в чистую воду из миров каплю, скатившуюся по льду глубоководному капнуть, она там горит как фонарь ночной на Краснобае! Сильно ощущается.

– Примерно такого ответа я и ждала.

Халиль говорил, уставившись в пол, где соляным контуром высохшим осталась хризантема некогда поймавшая его… Тень высохла, а полоска зрачка всё бегала, всё искала его, глядя с утоптанной земли.

Остаток ночи прошёл за теоретическими выкладками на тему, почему тени таковы, каковы они есть.

Биг-Буро под влиянием Амиго, подумывал это записать. Когда сам разберётся вполне.

Ведь и слов-то, терминологии не имелось. Человеческое эсперанто близко к дроидскому, отличаясь обилием терминов в одних областях и недостатком в других. Великое Море не рассуждает. Оно вздыхает косяками теней ро,

оно шипит и бормочет в прибое, оно кричит. Без слов. Как Чума между створок кардинала.

А ещё, как только предоставляется возможность, оно выходит из берегов. И самые лёгкие, самые мобильные его части выходят с ранними туманами. Можно сказать, каждую ночь океан прокатывается по Морской Звезде, как волна по палубе корабля, за исключением Архи-Сада на возвышенности в центре материка.

Тени же в этом тумане многочисленны и однообразны. Почему? Почему такими их создают чудовища, не сговариваясь. Бессознательно. Потому что – мало мозгов. И времени ничтожно мало. На осознанное созидание не хватает, на удержание тоже. А на то чтоб не допускать к Огненному Кругу противостоящих Впечатлений не хватает выдержки.

Из тумана и выходит эта порода, «шагалки». В толкающий импульс превратилась пара сплавленных противоположных Впечатлений. Тень на лапках – уже усложнённая тень. Нижний порог – эти «землемерки», разнообразные тридакны. Мягкие, без укреплённой раковины, если других теней не сумели сожрать, переработать в тень тела. Вряд ли успеют. Недолговечные, они – растягивающаяся землемерка, прыгающая, катящаяся, действительно «тень», сгущение темноты.

Ходячий рот. Тень может таким способом бежать или хватать. По характеру предпочтений они и делятся на два этих типа.

Бутон-биг-Надир проявил незаурядную широту взгляда, в единой системе сведя теней и дроидов. Правда, людей исключив. Ради наглядности и простоты. Про дроидов понарассказывал, владыки Сад его собственный сад посетивший некогда, Амиго. Между делом, когда о Марике рассказывал. С Густавом не говорили, ни полслова. Второстепенные детали дроидской сферы запали, на досуге Буро осмыслял их.

– Что значит жить? – вопрошал он. – Жить значит присваивать. Возьмём для примера два типа существ, которые, оу, ха-ха, как раз и не живут! В нашем понимании. Теней и дроидов. Но сначала: что значит присваивать, как? Либо охватив снаружи, либо вторгшись изнутри. А дальше? А дальше либо переварив и усвоив частями, либо целиком оставив себе. Как питающую воду связных Впечатлений, или как присущую тень.

Он выглядывал за полог и указывал на сокращающееся рывками нечто в тумане.

– Как думаете, Халиль, Чума, эта, ускакавшая от Великого Моря, финтифлюшка скорее проглотит наступившего на неё или в пятку вопьётся сверлом?

Халиль, не далее как этим вечером на такое и наступивший, поперхнулся, а Чума ответил:

– Куда ей проглотить, когда мала?

– Правильно. Оттого в большинстве своём они ядовиты. Шанс проникнуть внутрь человека, переварить его изнутри. И там себя заново выстроить. Халиль, не бледней, от намерения до реализации тут, оу, ха-ха… Куда ей, она мала и безмозгла. Порой организм сам справляется с подобной неприятностью. Вот… А крупные, громадные тени Великого Моря, Морские Гиганты… Они тоже безмозглы, но так пассивны, что в их нутре можно пребывать без опаски длительное время. День, два… Безопасней, чем снаружи! Однако затем… Когда тупая громада определиться… Оу, ам тебя! Так, Коти?

– Так, Надир. По характеру движения их можно распознать, на материк выползших. Те, что двигаются, будто выстреливая себя, имеют задаток порождения ядовитых шипов. Те, что перекатываются, имеют склонность в объёме расти. Если на такую наступил, куснёт сильнее, но не отравит. Может стопу откусить. Но, Надир, в чём же симметричны им дроиды?

– Во всём, смотри. И они стремятся присвоить нас каким-то из этих двух способов. Мы – полудроиды, так?

– Так, Надир.

– Это их способ раз. Они часть нас давным-давно, навсегда внутри. Облачные миры ими задуманы и поддерживаются, так?

– И это, Надир, их способ два, мы у них давно и навсегда внутри?

– Не я, конечно, я изгнанник, но да, именно так.

Халиль заметил:

– Теням мы нужны частями, а дроидам целиком.

– Да, в этом разница. Но в чём ещё? Я затрудняюсь сказать…

– Но это достаточно большая разница!

Буро добавил со слов Амиго:

– Я слышал, что и между собой они в сходных отношениях. Называют это образованием семейств, вхождением в семейства. Что сохраняют при всякой возможности друг друга, семейство и любую информацию.

– И это так, Коти?

– Да, но их упаковку информации от

уничтожения бывает сложно отличить!

Паж усмехнулся:

– Теням частями, дроидам целиком… А люди людям?

Чума, Халиль и Котиничка ответили одновременно:

– Кусками, – Чума.

– Целиком! – Халиль и Котиничка.

Удивились, Халиль особенно. Рассмеялись.

– Для превращения, – пояснила галло, – нужен живой человек, целиком. А ты как считаешь, провокатор, Надир?

Буро потёр переносицу, заслоняя улыбку, и прогудел:

– А я считаю, без разницы.

– Но мы не об этом, – понимающе покосилась на блюдо галло.

– И я не об этом. Коти, в твоём ли, – закройте ушки, ребята, – роге человек оказался, или, ха-ха-оу, на твоём цокки-роге, или в твоём Собственном Мире… На острие ли пирамидки… В твоей власти, в твоём услужении… Ты думаешь уже не о нём, правда? Отчасти, краем глаза, правда? Поглядываешь уже куда? А?.. Да в сторону тех, кто пока не твои! Пока гуляют…

Плавают, гуляют… Увы и ах, оу!.. Как ни хороша добыча, сколь дорого бы не встала тебе удавшаяся охота… Увы, оу… Она завершена. Не всё ли равно, без разницы, я так и сказал. Хоть к демонам, хоть к дроидам нас отнеси, мы будем продолжать охоту.

Ранним утром, проводив Халиля, не попался бы снова, обогащённый познаниями, Паж выразил своё удивление Чуме.

Он ждал по выходе того из кардинала проклятий, возможно, упрёков, долгого периода восстановления. Никак не оживления, сливовых, изморозью помолодевших щёк. Неужели жуть этой тени преувеличена? Сам-то, хвала Лакричной Аволь, не попадался, миновало его.

– Нееет! – воскликнул Чума, на всю ширь ряда раскидывая руки. – Дооок! Я не знать, не знал, каково там будет, лишь потому и шагнул! Ооо!.. О каких преувеличениях речь! Без преувеличения!

– Чум, ты же видел… И слышал? Чего ж ты пошёл?

– Так я доверяю тебе, док! Как иначе? Не для того ты меня среди ночи выхлопал из Собственного Мира, чтоб монстра покормить!

– А вдруг не монстра, вдруг - галло?

– А если тебе надо, док-шамаш, так и обоим вам на здоровье! В конце концов, тебе видней.

– Ну, что светлячком лучше быть, это мне с другой стороны видно! А тебе – нет! Про это бы так не сказал.

– Да я ж так и сказал! Ты же знал сразу, а я доверяю тебе.

– К тому же облаку прилетели, – Паж вздохнул. – И что будет, когда придёт пора повторить? Опять пойдёшь в кардинала?

– Была бы возможность!

– Ты противоречишь себе в двух словах!

– Нет, Паж, галло сказала мне: «Не тот вышел сегодня, не тот зайдёт завтра». Как сегодня не будет… Хотя, мотылёк – адские челюсти, ач-ча!

– Ох, будет возможность… Чума, ты понимаешь, что галло Великого Моря попросту приготовит себе из тебя собаку? Последовательно?

Чума покосился на его, почесался, шею потёр, разбрасывая пряди дугами вздыбленных волос…

И признался:

– Ну, как бы да… Мы как бы… Договорились.

– О, нет!..

– Док, каждому своё. Я не хочу светлячком. Галло прекрасна. Я хочу собакой.

– О, нет.

– Слушай, Чума, а почему ты про дракона-то заговорил? Ведь ни мыслей, ни глюков не помещается в створках кардинала. Неужели ты увидел что-то в мороке? В коктейльной конфетке её?

– Какое там! Какую конфету? Не знаю, док… Я вспомнил, когда чуть створки чуть разошлись… Я вспомнил, как… Бросишь каштан - и Шамаш улыбается, как жернова чуть разошлись… Так улыбается, как будто створки на сердце раскрылись… А за ними Шамания и огромный Белый Дракон… Летит… Над Шамаш, под Шамаш… Несёт её на хребте. Она улыбается, а он летит… Не двигаясь. Крылья расправлены, морда орлиная… Лишнее для такого – крыльями махать.

– Он страшный, – мимоходом спросил Паж, – что и говорить о нём, нет силы?

– Мало-мальски не страшный… Я неудачно выразился?.. Он был, ну, не вместе, но рядом, в общности некой с Шамаш… А как можно не

доверять ей? Кому, если не ей и не тебе?..

Всё совпало, что о Тропе Паж знал. Кроме главного: страшен этот дракон, непереносимо, до онемения. Ожидая голос его услышать, взгляд его повстречать, сходишь с ума. Сам в створки крыльев кардинала нырнёшь, как глупая тень в расщелину скальную, сочащуюся гибельной для неё Чистой Водой забвения, от большой тени спасаясь. Нырнёшь, чтобы только избежать его взгляда, его заранее невообразимого окрика.

– Отнюдь не обыкновенное это дело, Чума… Если и морок, тоже необыкновенный. Замечал, что и снов почти не видишь у нас? – Паж сменил тон. – Тузика он ждал!.. Уши мои пожалей: собакой моря, а не светлячком… Сам ты и получишься тузик, так что ли?!

– Тузик не собака, док! Тем более не морская! Тузик большеголовый криволапый… Ач-ча, я не знаю кто! Ужас!

– Тоже видел?.. – прищурился Паж.

– Нет, док… Док-шамаш, не хочу светлячком. Не хочу манить его… И да, вот как последний трус я, что именно: не хочу и знать, почему они все его манят. Зачем зовут к себе? И те, что горят, и те, что мнятся из каштанов. Мне не интересно! Я

к красивой галло хочу. Пусть запряжёт и один раз прокатится.

– Собака ты, собака… Одумаешься, надеюсь. Ещё сам будешь кому-то док…

02.28

Последний оракул Буро явно не к нему относился, чем и огорчил безмерно. Встревожил.

Человек, ради его оракула окунувший в недра вирту свою руку, прежде не искавшую оракула, а именно – Каури, раскрыл шёлковые страницы тяжёлого как диван тома на месте, где оказалась открытка. Тоже вирту, с движением. Совпадение столь маловероятное, что текст на страницах Биг-Буро проигнорировал.

Открытка реагировала не на касание, а на глаза перед ней, на моргание глаз. Двухчастная банальная красивость.

Обнаружив, что на неё смотрят, открытка предъявляла пейзаж в голубых тонах: небо и море. «Небо и море!» – прошептал Буро

изгнанническое восклицание.

Голубизна, разделённая горизонтальной волнистой чертой, оживала. Стебель тянулся, поднимая бутон, раскрывшийся по мере вознесения. Когда взмывал над водой, лепестки его оказывались бессчётны, цветок становился солнцем.

При всей простоте идеи, воплощение её смотрелось скорей грандиозно, чем мило. Обычное благопожелание: доброй ночи – добрый рассвет, удачи, в смысле.

Буро прислушался.

Некоторые открытки имеют звуковое сопровождение, обонятельное, неощутимое, воздействующее исподволь. Не что-то подобное заворожило его? Нет, картина сама.

Она длилась, пока не моргнёт смотрящий.

Тогда линия горизонта начинала смещаться вверх до ухода за пределы открытки. Нижняя часть её темнела, и то был уже не вид на море со спины дракона, а предстающие ныряльщику океанические глубины. Последовательно: пена, голубизна, морская волна, синь, ультрамарин и непроницаемая фиолетовая бездна. Буро знаком этот спектр. Создавший открытку мастер выдал своё знакомство с Великим Морем не понаслышке.

Солнце исчезло с открытки, а стебель начинал утопать, падать на дно, чем ближе к нему, тем ярче светился, тем сильней изгибался петлями и в самом низу ложился красивой виньеткой. Монограммой? Сокращением благопожелания? Буро не знал этих букв. Погружаясь в полный мрак, они истончались и пропадали. Да ему не требуется, без того всё понятно: восход одного станет закатом другого, имевшего к этому восходу самое непосредственное отношение. Буро покинул грозное Великое Море, покинул окончательно и бесповоротно, это его восход, сомневаться не приходится. А вензель чей? Кому уготован закат? «Нет, оу, Буквы прочитать надо-таки…» Бутон-биг-Надир был старчески мудр и привычен к потерям, но юношески склонен бороться до конца.

В Соломенный День, на заре его Буро получил эту открытку-предсказание. В Соломенный День Паж предстал Отто в новом свете.

Печать моря принято скрывать, стыдиться её, прятать. Естественно, ведь чисто внешне, как правило, она – уродство, знак исходной враждебности небесному, дроидскому началу в

полудроидах.

Избавившись от теней окончательно, ликуя, каждым следующим днём обнаруживая в себе перемены к теплу, гибкости, мягкости, казалось, необратимо утраченных, Бутон-биг-Надир на конспирацию махнул рукой. Кто он такой и что он такое – все давно знали.

Буро мог лечить, как Олив, в чём-то лучше, в чём-то хуже его, но прежде скрывал это, перенаправлял раненых на Оливковый Рынок, что являлось пунктом их необъявленного договора. Теперь принимал людей открыто. Не маскировал в коктейле оливку, которая должна противостоять яду. И в названиях не маскировал! Мог подарить, продать универсальный коктейль: «Блевотно-ежиный!» Если на тень наступил, и не знаешь какую, что ждёт тебя через несколько часов или минут, выпей его залпом! Будет ооочень плохо!.. Тебе, но и тени тоже.

Легализовал коктейль «Побегунчик». Для тех, кто отравился в опасном месте и должен срочно покинуть его, а отравился парализующим чем-то... Со стороны эффект, производимый этим пойлом, смотрелся... Комично – не то слово! Зато не долго, так как на руки и ноги действовал одновременно, и человек-ветряная-мельница скоро исчезал с глаз бессердечно хохочущей публики! Узрев такового, даже Олив округлил глаза и поинтересовался у Биг-Буро, не слишком

ли оно… эээ, грубовато? Для публичной шутки?.. Буро ответил, что нет. Полная безвредность стоит того, и менять рецепта он не собирается. Пусть лучше под ноги смотрят и с незнакомцами не пьют. А потом ещё долго смеялся!

Если кому интересен принцип их действия, он таков…

Морской яд в принципе, это недотень, стремящаяся стать присущей тенью, но не способная к тому. Извне пришедшее, тигелем не своим переплавленное, присущим стать не может. Но как будто у него есть соображение, яд подталкивает человека выплавить присущую тень, тогда яд пожрёт её и ею станет, присущей. Противоядие же скомпоновано так, чтоб показаться выплавленной тенью и позволить сожрать себя. После чего весь конгломерат распадается, ибо противоядие задумано крайне нестабильным, а с отходами легко справляются дроиды регенерации.

Новые-старые знакомые Буро появлялись на горизонте. Недавно Котиничка…

Выдающаяся продолжительность жизни полудроидов, что вообразить её фактически, должна быть поделена на не менее выдающуюся разницу между пребыванием верхом под ливнями, на континенте и в Собственных Мирах. Ну и в океане, конечно, но это отдельная тема.

Четыре эти состояния очень разные. Время в них течёт по-разному. Затворничество в мире это не анабиоз какой-нибудь, но и не пляски на Мелоди. Затворник, вернувшийся к рыночным развлечениям, приходит порой как совсем новый человек в среду, изменившуюся до неузнаваемости. И если в ней бывает обнаружен человек из прошлого, ооо!.. Из первой пятёрки миллионов лет... То во второй половине жизни, как бы ни складывались их отношения в первой половине жизни, во второй они станут приятельствовать неразлучно! Есть что вспомнить, есть о чём поговорить.

Уникальность демонов и клинчей в том, что их жизнь, их навыки не имеют разрывов периодами затворничества. Шаманийцев тоже.

И музыкантов.

Как оно бывает, возврат в прошлое...

Когда-то Суприори, пять тысячелетий всего,

мелочь по их меркам, затворничал, корпел над руинами модулятора, доставшегося ему задарма, как оказалось, не починяемыми по причине уничтоженной связующей кибер-части. Когда плюнул и вылетел за раму, решиться не мог: на какой облачный рынок направить дракона?.. Рынки-то дроид помнил, а вот названия их и специфику всадник успел подзабыть!..

Пока вспоминал, естественно как-то очутился рядом большим Цокки-Цокки. Сомневаясь, за время его отсутствия, не нашёлся ли хитрец, превративший намоленное место в ловушку, всё-таки зашёл.

За первым поворотам, навстречу глуховатым, басовитым, мажорным струнам неспешно идя, он увидел своего цокки, одного из, цокки-баса. Обнажённый, с контрабасом между ног он играл, прикрыв глаза, и не сразу заметил нового гостя рынка.

Инструмент блестел тёмным лаком, музыкант маслом, зовущий, волоокий, дремотный и одуряюще желанный. Обвитый, пропитанный в своей наготе струнными ритмами, ароматами амбры и миндаля, властью над этими струнами, над гулким корпусом великолепного инструмента… Над рынком цокки и всеми его гостями, опьянёнными амброй и миндалём, усталостью, им лично, упоительным, дурным от жажды… Играл долго, а попить ему приносили

давно. Толстыми, гудящими струнами упоённый, неутомимым каким-то смычком, на орбиту вышедшим, покинувшим притяжение земли, на орбиту и возносящим… Без пропусков, без остановок. Замедляясь, но не остывая…

Суприори покачнулся, ни слова не говоря, и опустился перед цокки-басом на колени.

Довольно экспрессивный жест для рынка, на котором отказы более редки, чем дроиды в Великом Море. Но жест не о том… О тотальной благодарности судьбе за то, что в одну реку, оказывается, можно войти дважды, и блаженство, как нить, продето во все бусины бытия…

Цокки-бас, кстати, когда-то и дал ему, совсем молоденькому и неопытному, прозвище «суперский!», «суприори». Не за таланты на Техно Рынке, которых не имел, Суприори прозвали так! За врождённый талант к любви. В те времена подделками он ещё не торговал и смертельных аттракционов не строил…

Уточнить стоит. Музыкальный талант и мастерство не дают представления о месте цокки-басов в общей иерархии рыночных людей, которое они делили с баями, немузыкальными

старейшинами цокки рынков. Высокое и уникальное место. Чем уникальное…

Безо всяких идеологий и религий формируется облачный эскиз. Впечатления впитываются и выбираются спонтанно, как душа ляжет. То есть заново, с нуля.

Точно так вне Собственных Миров в разные периоды времени каждый раз заново формировалась культура как таковая, цокки как часть её, этикеты, в частности ношение одежды.

Отличительная черта, покоящаяся на обособленности Облачных Миров, недоверчивость. Средний полудроид, не без колебаний решившийся сойти где-то с Белого Дракона, существо замкнутое, робкое, торопливое до крайности. С человеком, встретившимся ему, когда оба не верхом, обмен поклонами и разговоры о погоде грозятся затянуться так… Что станут надёжным щитом от хищника! Затворничеству чуждый, охотник попросту столько болтовни не выдержит! Ему проще побыстрому обдурить другого хищника!

Ладно, а как затворник будет одет? Скорее всего, он будет закутан с головы до ног, возможно, в маске, и несомненно будет иметь нижнее одеяние. Эти два одеяния символичны как собственничество и робость.

В целомудрии полудроидов нет, не только идеологической, но и вообще интеллектуальной составляющей. В сущностной части оно опирается на дроидский консерватизм, в человеческой на недоверчивость. Второе и разумно, и не очень.

Для того, кто прилетел на континент выменять себе вирту и читать его в Собственном Мире ещё тысячу лет, раскованности не требуется, замкнутость обоснована. А тому, кто уже оброс связями, увлечениями, проблемами эти два одеяния начинают жать. Он бы хотел уже в чужом Собственном Мире отдыхать, сбросив верхнее одеяние, фигурально выражаясь, звать в свой мир гостей, фигурально отбросив нижнее одеяние. Но не решится. Такой полудроид начинает за рамой искать и создавать домашние огоньки. Одеяние становиться узким Собственным Миром: самовыражением, чертой характера, знаком, намёком, вызовом. Бронёй, опять-таки, маской кличневской, чтоб покер фейс прирос к лицу, а то спадает.

Она довольна бесплодна, попытка решать эмоциональные проблемы через трансформацию внешности. А как и кому их

решать? Где? Наверно, не на Краснобае, не портным. Нет среди полудроидов и «разговорщиков», психологов на старом эсперанто. То есть, среди охотников полно! Но не говорят же «комодо-бай»!

Зато есть понятие цокки-бай, гетеры высокого класса всегда существовали. Всегда от цокки-горлиц и цокки-голубей ждали не того, чем весь их класс славен. Особенно те покупатели, которые в страшном сне не признались бы. А получали от них, ясно что. Не тот случай, когда высший класс коррелирует с ценовой категорией.

«Психологом», словом напрочь вышедшим из употребления, назвать цокки-бая, значило бы оклеветать, хотя бы потому, что «лога» мало в их искусстве, эти баи чертовски мало разглагольствуют! Зато их эффективность чертовски велика! Кто-то удивлён? Вряд ли.

Для нахождения цокки-бая проходят фильтры не нарочные, естественные. По знакомству. По наводке. Они редко бывают видные, эффектные люди.

На цокки-сокки рынки часто приходят с большой тоски. Это напрасно, исцеления так не получается. Туда надо приходить за радостью и с

радостью, принося и приумножая. Люди с иным подходом рискуют разочароваться, в чём они там начали разочаровываться, в жизни окончательно.

Перебрав море партнёров, последние из которых подозрительно часто спрашивали, что случилось и не нужна ли помощь, мрачный гость сладкого рынка порой слышал от кого-то: «Глянь, сокки-марблс в уголке...» – «И чего?» – «Просто. Рекомендую». Девушка как девушка, ничего особенного. Но так, по совету можно познакомиться с той, с которой рядом очнёшься уже в высоком небе и обнаружишь, что цокки на драконьей спине, – мягко говоря, непринятый способ... – оказывается восхитительное времяпрепровождение! Что понятливость драконов распространяется не только на гонки, а твои проблемы соломки выпитой и переломленной не стоили. «Ура, опомнился парень». – «Да уж, не в тему мрачные рожи тут, не в тему».

Отто в этом смысле очень повезло. Когда Чёрного Дракона потерял, признанный цокки-бай первым встретил его за рамой рынка. Утешил, насколько возможно.

Вместе с тем, став своим на Цокки-Цокки, Отто не имел азарта к занятию. Равностное отношение цокки-бая к партнёрам предалось ему. Ни с роковыми страстями, ни с одержимой привязанностью, ни с чем, кроме тёплой,

поверхностной доброты жизнь цокки рынков у Отто не ассоциировалась, чистое поле, открытый дом. Острых ощущений, закрытых, таинственных миров и себя в них он отправился снаружи искать, за столами марблс, на Ноу Стоп и дальше, куда не звали его, куда не следовало заглядывать.

А раз на Цокки-Цокки Отто был потрясён. Ему, ну, не именно ему, всем, кто был, приятель показал вкладыш из гига-вирту, запечатлевший цокки эпохи до дроидов. Пока калейдоскопом мелькала нарезка отменных девичьих тел, Отто лениво и одобрительно смотрел вполглаза. Но когда там пошли более последовательные сцены цокки, Отто обратил внимание на тамошних парней… Ему вообще показалось, что он перепил запретного на Ноу и теперь смотрит не вирту а глюки!

– О, дроидские крылья, овевающие нас! – воскликнул он, уставившись в голограмму, так, что очутился носом внутри неё и погасил на секунду. – Мой бай, почему они делают это с такой звериной серьёзностью?! Про что это вирту? Он запретное?

– Нет! – засмеялся его цокки-бай. – Оно типичное.

– Но мой драгоценный бай, почему они даже не улыбаются?!

– Подожди… Кто-нибудь да улыбнётся!

Публика рядом уже покатывалась со смеху. Понимая, что шутят, Отто не улавливал в чем шутка…

– Сколько ждать? Долго?

В самом деле, должно же оно как-то разрешиться? Общий хохот был ему ответом.

– Внимательней, Отто! Не отвлекайся, пропустишь!

– Я не стану это смотреть!

– Прояви терпение, как исследователь! Награда не заставит себя ждать.

– Уже заставила!

– Ха-ха, спешишь! – обнял его цокки-бас и повалил на спину. – Отдохни, представь: облака пролетают, пахнет сладкой мятой, взмахи крыльев… Успокойся.

Какое успокойся, когда он не понял!

– Зачем вы это притащили?!

Удерживая его как жука на спине, перебирающего лапками, цокки-бай пообещал:

– Покажу, Отто, ну, не ради же этой экзотики!

Оно не перематывается, вирту, потерпи.

Отто просмотрел до пост-титрового клипа, дописанного в последнюю эпоху, и был вознаграждён за терпение. Клип запечатлел дроида. Одиночку 2-1, это вторая раса для себя задокументировала.

Одиночка, как человек, обыкновенным зонтиком-стопкой собирал дождь из-под рынка, уходящего последней грозой. Среди ветвистых молний. Быстро летал, искал что-то, ловил. Ему помогал дроид, державший меха - синий мешок, украшенный звёздами. Звёзды и молнии… Мешок держал дроид желания, королева, её вуали не тяжелила вода, она непрерывно проявлялась, ни разу не до отчётливости… Когда зонтик, раскрытый наверх, наполнялся, дроиды сближались… И воспользовавшись сближением, не сразу расходились… Помедлив, награда нашла Отто, на это – стоило посмотреть.

Негласно и однозначно в иерархии цокки-баев имелось две живые легенды. Две противоположности.

Цокки-бай… Им был юноша-виолончелист, большой и мягкий на вид, на характер и на ощупь, открытый всем, доступный, милый в

беседе и в деле. Не молчун.

И сокки-бай…

Про неё знали лишь, что познакомиться можно, оставив в определённом шатре Южного Рынка записку. На нём же встретиться, в шатре, который сокки укажет, если дождёшься ответа. Она явно завсегдатай Южного, но кто именно? Она будет в маске. Что нужно особенного написать, чтоб откликнулась? Тех, с кем встречалась, спрашивали: как она? Они не могли ответить. А вопрос, о чём говорили, смешной, она безмолвна.

Девушек сокки мало, даже горлицы-сокки по этой причине втрое дороже голубей. Потому на каждую их них заглядывались, гадали: она? Живая легенда? Какую магию проявляет наедине, что счастливчик, обретший её ночь, уходит как Восходящий на утро?

«Я по-прежнему извращённая тварь морская? Я навсегда извращённая тварь морская, ребята, я знаю. Так пользуйтесь этим! Что среди вас живёт. Развлекайтесь! Кто за глаза обычным демоном назовёт, того расцелую!»

Любящий угощать и развлекать людей, теперь без подставных лиц, открыто Биг-Буро

использовал морскую тематику, аттракцион устроил в подаренном Густавом шатре.

Водный купол, низвергающийся без источника, возвышенный без поддержки изменил форму, превратился в отрезок ребристой трубы. Стеклянный бамбук диаметром в два человеческих роста. На рёбрах слегка искажается внутреннее убранство, в промежутках между ними видимое как сквозь кристально чистое стекло. Что же за убранство?.. Любой вошедший с первого взгляда угадает: «Дорожка? Для гонок, выходит?.. Значит – и для марблс!» И не ошибётся. Даже морской аттракцион с тенями исключением не стал! Забеги, партии марблс-тенями. Их Буро сделал и шариками, и гоночными улитками.

Чтоб запускать имелись специальные варежки. Брезентовые, громоздкие, негнущиеся… Неудобные! Так ведь это для смеху! Не для марбл-ассов игра.

Ради гонок со дна поднимались бортики. Вначале те, которые сгребут теней к одному краю, на старт. Затем продольные обозначат беговые дорожки. Четыре, четверо игроков поймают по тени в рукавицу и по сигналу – марш!

Когда в марблс играет большое, неопределённое число участников, подходящих на один бросок, свою тень-марблс надо маркировать, стреляя из пистолета краской, добавленной в воду связных Впечатлений, в желатиновую пулю, еду. Тут в избранную тень нужно хорошо целиться, а то другие налетят и сожрут! Получится вместо одной ярко красной тени, розоватая стайка.

Как же они выглядели… Ну, как шарики, да.

Столь незатейливую форму Биг-Буро сумел сделать одновременно пугающей и смешной. Глазные яблоки. Зрачок. Он не смотрит, он - вроде сопла ракеты, выбрасывает воду и толкает тень в рывок, оставляя в кильватере завитки быстро таявшего дыма. По этой причине перемещались они, с точки зрения непосвящённых людей, задом наперёд, а попытки лавировать принимались за попытки глаза обернуться, посмотреть, что же там впереди. К чему можно добавить, что белёсыми веками тени щурились и моргали, забавные.

По бокам глазные яблоки имели два плавника, будто веки их там завязаны бантиками. Прилегая к корпусу, плавники пропадали, сообщая ему некую огранку. Совершенно

прозрачные веера, исключительной остроты по всему краю. Раскидывая плавники, тень резко тормозила. Они для медленного лавирования, разворотов, но в основном для еды: резать и впитывать. Отдельного рта у тени нет. Когда нет пасти, клыков, существо кажется безопасней… Это такая ошибка. И как часто она приводит к предсказуемым последствиям.

Делал их Буро собственноручно, наловил маленьких ро и перелепил. Ро-гласс назвал. Самоподдерживающаяся система. Заточены жрать и расти.

По мере роста, в отличие от исходника, ро-глассы теряли мощь и скорость, и бывали пожираемы более мелкими. Чтоб не смущать этим зрелищем людей, Буро сместил пик активности теней на тёмное время суток, что для океанских не свойственно и даже противоестественно. Океан ориентируется на свет, от него ждёт подарков. Буро совершил переворот в основе, чем заслужил высокую оценку от Изумруда. Всегда-то главное от широкой публики скрыто.

Несмотря на то, что тень впитывала связные Впечатления плавниками, лезвием края и поверхностью, подрагивающей от

бессознательного наслаждения, её поверхность в этот момент, вдавливалась, забирая, там, внутри усваивая, а снаружи образовав смайлик нечеловеческой улыбки! Огибающий зрачок, струящийся, будто волны идут по губам сладострастника. Вдвойне от обычного вида ро-гласс жутковато и комично!

А ещё она облизывалась! На самом деле пыталась образовать третий плавник и не могла. Но он пробегал по смайлику и, облизнув весь шарик, с причмокиванием пропадал. Публика пищала от восторга! Лишь этот момент гарантировал Буро, что голодать его питомцы не будут!

Иногда напоить ро-гласс приносили такую дорогую воду, не представляя её цены, что Буро выкупал немедля. Пули-то желатиновые его, а вода с посетителей, благо вход свободный. В дни, когда скучал, на заполнение пулек садился сам и гадал: что за Впечатления принесут сегодня?

Для кормёжки, где не нужен пистолет, а можно бросать или с рукавицы кормить, гости роняли каплю воды в чашу с растопленным воском и доставали капсулу. Брось и смотри, какая тень домчится скорей. Буро их очень замедлил, морские скорости сухопутным людям были бы попросту не видны.

Когда ими пойманными в рукавицу

швырялись как марблс, тени маневрировали с завидным изяществом… Партия не складывалась, однако, грубоватая на первый взгляд игра приобретала несомненную эстетическую ценность. Особенно если разобраны все рукавицы и десяток ро-гласс брошен в какую-нибудь тень посредине водного купола. Они не сталкивались, как положено шарикам, никто не попадал, для этого надо гораздо сильней бросать, но закручивались в дивный танец взаимных обтеканий, постепенно замедляющийся.

Притом, туповатые, низшей интеллектуальной ступеньки тени на непродолжительное время обижались! Им не нравиться, что их швыряют! Подманить и поймать такую тень становилось гораздо трудней.

Насколько в действительности опасны его ро-гласс знал только Буро. Да те из Морских чудовищ, которые под плащами, капюшонами, париками, масками, гримом, заглядывали к нему. С порога заглядывали, хмыкали и уходили.

За палец ро-гласс не цапнет, не оттяпает и руки. Её нужен весь человек, как среда и пища одновременно. Может за голову утянуть. Одна

может. Все вместе буквально разорвут на части.

Инцидент имел место.

Ночной посетитель, парень борец из соседнего шатра, там обитали, интересная категория… Видите ли, борцы - теоретики… Этот был практик. Он в армрестлинге проиграл визит. Что тень в голой руке принесёт.

Парень – за полог, а Буро – из отгороженного закутка в основной зал шатра вошли с разницей две секунды. Но всё, было уже поздно.

Буро нырнул с разбега, тени брызнули в стороны, а он попал в созвездие огоньков дроидов, в форме человека всплывающее под водяной купол. Ача с тоской и наслаждением задержался в нём… Зловещий, рефлекторный вздох «ач-чча!..» распространился по ночному, туманному Южному Рынку… Ещё некоторое время качался в толще водной один… Кончено. «Дураки сухопутные, знать не знают, разобраться не желают, остерегаться не хотят».

С тех пор закрывал шатёр на ночь.

Шатру дано имя Бутон-биг-Надиром: «Гусиный Шатёр», в честь и в насмешку бывшему хозяину, бывшему недругу. На том не остановился, гусями бронзовыми вместо львов украсил вход. Густав смотрел на изогнутые бронзовые шеи, и голос Марика проходил по

сердцу ножом: «Гус, Гус… Густав…» Всё бы отдал, жизнь бы отдал, не задумавшись…

02.29

Чего не принято у полудроидов, так это выше других карабкаться, сверху разглагольствовать или наблюдать. В пространственном понимании выше.

Бывают рынки хитро закрученные, игровые, там ярусы лесов, гор, площадок препятствий, бывают распорядители игр, направляющие… Но это всё для дела, как в Шафранном Парасоле по необходимости. А чтоб так, с трибуны… Не, не бывает.

Наоборот, пониже сидят те, кто поважнее, на ногах стоят, кто полюбезнее, прислуживает или выслуживается.

Поэтому, сделав второй этаж над ширмой в Гусином Шатре, Биг-Буро не взирал оттуда за порядком. А, подумав, загородил интересным сооружением. Для хозяина оно было как жалюзи – подглядывать можно! Для публики внизу - опахалами. Из широких планок жалюзи, колыхавшихся, распространяющих ветер. Можно побрызгать, повеет дождём, слабым,

Впечатления неразличимы, освежают… Ароматизировать, вообще кайф… Дивный шатёр, всякого благополучия хозяину!

В счастливый, весёлый Соломенный День, не пожелал бы хозяину шатра благополучия один из посетителей… Ядовитую тень, ро-гласс подержавший в голой руке, незадачливый марбл-асс… Отто.

Отчаялся до Гранд Падре сосредоточится на задании Арома-Лато. Все мысли мимо. Пузырёк с апельсиновым маслом доставал, глядел и обратно в карман. Сейчас подумал: «А нельзя ли этим маслом смешных марбл-теней подкормить?»

Публика приманивала теней, чтоб рукавицей хватать, а он, дурашка, чтоб подкормить крашеной каплей, голую руку протянул сквозь водную стену. Вдаль, к ничейной тени протянул, к шарику, расправившему полусферы тонких, гранёных меридианами плавников. Сбоку прыг ро-гласс, и цап его! И руку, и каплю. Покрасил, ничего не скажешь… Занемела, как нету. И колет. А ему этой рукой играть… Колет зверски! В бадью с Чистой Водой забвения сунул. Стало хуже.

– Бутон-биг-Надир наверху, – сказали ему, –

беги! Или позвать?

Ноги-то не отказывали, чего звать.

Отто бесшумно взлетел по лесенке с поворотом площадки, раздвинул частую соломку аквамариновых бусин, перемежавшихся жемчужинами две через две, и увидел сцену… Однозначную сцену, не нуждавшуюся в трактовках. Собственно, не допускавшую их.

Он был так быстр, так тих, нежданен, что успел ещё увидеть, как, оправляет, запахивает одежду Буро… Как, сквозь жалюзи оглядывая шатёр, тихо смеясь и комментируя игру, они с Пажом прощаются традиционным рукопожатием Мелоди после парного танца, со взаимным, синхронным поцелуем рук.

Обрывается что-то и встречает человека земля… Реальность, почва как бы… Над которой махал, махал крыльями, устал и упал…

«О, так вот оно как обстоит на самом деле… В соломенных коронах гуляют… Паж в соломенном венке гуляет рядом с господином, к которому не каждый так запросто подойдёт… Оливково-зелёный Олив рядом с ними, клычками сверкает… А уж к Оливу-то совсем никто без нужды… Причём тут я, где мне среди них место?»

Ревность у них не в почёте. Отто не приревновал, а увидел себя со стороны. Ничтожеством, полным нулём, как в день потери Чёрного Дракона, день чужой подлости и своей наивности, маленьким, ничтожным существом в мире существ хитрых, умных, огромных. Повязанных между собой, но не с ним. Безнадёжным, наивным идиотом.

Глаза на неподвижном лице у него были такие, что Паж вздрогнул: «Светлячок на Южном?! Хуже. Ач-ча, ещё хуже...» На языке вертелось дурацкое, бессмертное: «Это не то, что ты подумал». А чего тут думать? Промолчал.

– Почему – так?.. – прошептал Отто. – Врать, ждать... Чего? Ну, то есть, я не про других, я про нас...

И поперхнулся.

– ...про нас с тобой?

«Каких нас? Каких с тобой, неудачник?..»

Развернулся и вышел.

«Тебя просто не надо. Пойми, признай».

Соломенный День продолжался Соломенной Ночью.

Отто брёл среди музыки и огней. Хромал. Тень, сброшенная на ногу, обожгла и её. Маски, маски… Как никогда.

«Маятники-Кукушки», марбл-салюты рассеивали тьму над рядами и туман в рядах, распыляли сорбент и муск. Искры, пиротехнические залпы взлетали в небо, чтоб маятником из стороны в сторону метаться, исчезая в промежутке, взрываясь в крайних точках амплитуды со звуком похожим на «ку-ку, ук-ук!..» Красные, они напоминали Цокки-Цокки…

Там Отто понимал себя в отличном приключении, теперь со стороны понимал – внутри неповторимого, оказывается, счастья, которое не вернуть, как глупость, наивность, как заблуждение не вернуть, которое недостижимо, оказывается.

«Важна же для них эта партия у Гранд Падре! Для кого, для них? Я даже этого не знаю и не узнаю!.. Наивный неудачник. Я просто купил, попросту купил его, задорого, за очень дорого, как и обговорено. Но я не знал, что просто покупаю… Почему же не знал, когда так и обговорено? Я же знал. Мы же сразу договорились… Но Паж?.. Он был так искренен на Цокки… Да что такое искренность на Цокки? Неудачник, лузер. Видимо, за пологами рынков цокки она есть, как запах аниса, как струны,

барабаны, бу-бум… А снаружи нету. Не долетает. Не доносится. Просто купил. Как голубя, как цокки-горлицу. Хватило мне, марбл-ассу, на один торг, да на то, чтоб продолжал врать до Гранд Падре… Просто – купил. Как голубя. Просто купил…»

Отто заметил, что его тащат, а руки не чувствовал, не отошла она. Сквозь толпу, из толпы…

Внешность у тащившего была солидная, рост выдающийся, выражение лица – смущённое и суровое, одновременно. Заискивающе. Он выглядел, как олимпийский бог, обмишурившийся в чём-то… Отто поднял глаза.

«Ох, задушит… Или этот вельможа станет объясняться передо мной? Оправдываться? Как же важна для них грядущая партия с клинчами!..»

Олимпийский бог тащил его безмолвно, пока на локоть Отто, вырывавшегося лениво, не взглянул при яркой вспышке фейерверка…

– Что это?! – трубно, нахмурившись, возгласил Буро.

Это был синий, лиловый локоть,

почерневший до искры на сгибе, яркой звёздочки с красными вкраплениями.

Отто посмотрел внимательно, безразлично посмотрел и ответил, слово за словом выпуская, как птенцов марблс:

– Это доказательство, господин, что подсматривать за вами, шпионить за вами я не на-ме-ре-вал-ся… Бутон-биг-Надир? Уважаемый, чести не имел быть знаком с тобой, господин. Приношу свои извинения.

– Принимаю. Взаимно.

– Взаимно.

Буро, он в общественном мнении, как ни крути, навсегда останется Чудовищем Моря. В такое время суток и при подобных обстоятельствах и знакомые побоялись бы следовать за ним. Отто было всё равно. До своего шатра Буро дотащил его быстро.

Беглый осмотр показал, что руку легче отрезать. И даже правильней. Как раз по локоть, где яд временно сдержан от распространения поясом огоньков дроидов, во мраке ночи выглядевшим одной яркой звездой. Над ней следует отрубить руку, и предоставить

дальнейшее дроидам регенерации. Ибо в противном случае выйдет то, что называется «оливкой прижечь». Альтернатива – промывать противоядиями человека насквозь целиком. То есть, ещё более неприятными ядами.

– Как предпочитаешь? Разом или Олива звать?

– Зачем тебе это? - цедя слова, спросил Отто.

«Зачем, зачем, дурилка. Славный, но совершенно простенький пацан…» Зачем?.. Затем, что сто тысяч раз Пажу Буро клятвенно обещал покровительство для конкретно этого насупленного телёнка. Все морские клятвы перебрал, обещая! И своими же ро-глассами ущучил!

– Вопрос на вопросом отвечают…

– …дураки, господин, знаю, ду-ра-ки. Имею полное право.

Буро покачал головой, хорошая, несмешная шутка.

– Не нужно Олива, сезон, два обойдусь левой рукой.

– Пей.

Графинчик был узкогорлый, хрустальный, тяжёлый. Вода ледяная, без вкуса и запаха.

Буро так скоро извлёк из-под низкого столика широкий, тупорылый, разделочный нож, ясно, что неспроста он там живёт. На столик руку Отто положил и нажал. Без приготовлений, без какой бы то ни было паузы. Как приснилась рука, огоньки – и всё… Нифига не больно.

– Очень сожалею о моих кусачих игрушках… Очень.

– Пу-стя-ки…

– Он не для тебя, мальчик.

– Я уже понял.

– Нет, ты не понял.

– Куда яснее. Я не спорю, господин. Не пара, неровня, так далее… Я вижу теперь.

В самых разных кругах, от специфических небесных рынков до крупных земных не принято цокки партнёров отнимать, присваивать. Ревность выказывать не принято. Но если уж случается, то, как личные коллекции, личные заморочки, обсуждению не подлежит.

Отто понял ситуацию, как то, что это он вторгся в отношения людей, полудемонов, которые явно не завсегдатаи никаких цокки

рынков. Вторгся, может, и по праву, но вот на продолжении настаивать не следовало. Ему было так горько и от глупости своей, и от надежд глупых, рухнувших.

Биг-Буро за последнее время очень изменился.

Застарелая боль, выдержка каждодневная и ежёминутная всегда облагораживали его лицо, но и убавляли яркость. Освободился, навёрстывал.

Его кожа приобрела тёплого, янтарного цвета смуглость и здоровый гладкий блеск. Зелень проявлялась отдалённо. В довольно узких губах поселилось немного высокомерия и доли на две сверх него чувственности. Обыкновенной человеческой и ача… Без «короны» рогов, лысый, с обручем по лбу он выглядел мало необычно, и много внушительно, небожителем.

Перенесённая скорбь не уйдёт окончательно с высокого лба, из миндалин глаз. Миндаль горький. Буро казалось, он всё время теряет, судьба его вымощена дорожкой сплошных потерь. Сетовал. А это не судьба, это сама продолжительность жизни. Долго жил, многих пережить довелось.

Такому грандиозному существу Отто смотрел в лицо… Куда ему спорить? Не из трусости, а согласен: неровня, не пара.

Единственное, что противилось: ожог белоснежный вокруг груди у Пажа, кораллом расходящийся, под левой лопаткой не замкнутый. Красный светильник Цокки-Цокки водил по нему лучом, как Отто губами. «И что, анисовый цокки, больше никогда? Совсем никогда?»

Остаток Соломенной Ночи Отто провёл самым няшным образом, ноги в тазике полоща, выгоняя остатки злой тени с охромевшей ноги, обкусывая за соломкой соломку, безразличие к их дивному вкусу и кратким Впечатлениям переживая как неловкость.

А Буро покоя себе не находил: безруким, так хоть не хромым! Дёргался, прекрасно зная, что поверхностной ране нужны лишь вода и время. Как мог, развлекал Отто, живописал радужные перспективы всего, чем он цокки своего цокки готов за отступничество утешить.

Ещё вчера подобное Отто во сне бы не привиделось! Сегодня ему скучно слушать. Скучно и тоскливо.

– Хочешь менялой быть в игровом районе? Кто с кем на обмен не сумеет договориться, все к тебе пойдут!.. Хочешь в единоличное распоряжение целую голубятню? Каждый вечер они приукрашенных сплетен, о, сколько в клювах принесут! А как опытны в ласках, а как безотказны!..

«Ага, – несправедливо думал Отто, – мадам в заведении, всю жизнь мечтал».

Несправедливое пренебрежение, Буро предлагал шик.

В реалиях же такого мега образования, как Южный Рынок, владелец голубятни, то бишь, владелец намоленого места, общеизвестного, удобного как птичкам, так и заказчикам почтовых, всяких прочих услуг, он – птица крупная, на узловом центре гнездящаяся, могущая тут же забацать что угодно по своему вкусу. Личные соревнования может организовывать, распоряжаясь универсальной доской объявлений. Голуби хозяину этого места на все лады ворковать будут, на глухие рыночные задворки нипочём не улетят, расчётливое племя.

– Чего сам-то ты хочешь? – спросил Буро, поняв, наконец, что болтает не о том.

– Нафинг… – в сторону глядя, бросил Отто на неизвестном ему языке и плеснул больной ногой в тазике.

– Ты боишься меня? Затем и не хочешь ответить?

– Нет, – улыбнулся Отто, почему-то вопрос показался ему смешным.

– Тогда… Да ведь ты марблс-мания! Не сплетник и не торговец, я как-то запамятовал.

– То есть, Паж говорил обо мне?

– Угу… Да что же тут можно подарить… Ваши поля и столы не покупаются, не продаются, не в этом их смысл… Подыграть тебе что ли, хочешь партию, от меня – поддавки?! Что тебе проиграть?

Отто рассмеялся и покачал головой. Если б он боялся этого вельможу, этого полудемона Южного… То ненавидел бы и презирал, и всё сразу стало бы где-то нормально, как-то разрешимо… Но, чем обаятельней, непосредственней, щедрей раскрывался Буро, тем глубже уходил в себя Отто, сознавая, насколько «мальчик, не для тебя». Можно со стороны принять за боязливое оцепенение. Ногами плескал, разговора не поддерживал, хотел исчезнуть, провалиться сквозь тазик и сквозь землю.

Буро упрям. Задержать гостя ему необходимо. Хромым в утреннем тумане уйти – худшее, что мог сделать однорукий, несчастный телёнок.

– О, знаю! Хочешь набор неприрученных цыплят? – нахмурился. – Не ври, что не хочешь!

Опыт есть опыт! Попал, хоть и не с первого раза.

Отто встрепенулся:

– Цыпа?! Уважаемый господин имеет в виду…

– Отто-марблс-бай! Прошу тебя, мальчик, просто – Буро. Имею их, и в виду, и в кисете. Два пятка Цыпа… Неприрученных цыпа, – подчеркнул Буро.

По какой причине он подчёркивал это?

Обобщающее название шариков марблс – птенцы. Наборы противников зовутся: канарейки и кукушата. Они могут отличаться по договорённости разными окрасами, качествами. Классика – когда размер одинаков. Канарейки однотонны и начинают, кукушат бросают вторыми и они пестры.

Цыплятами же называются марблс редкостные, желанные, невзирая на то, что их отличительное качество не помогает в игре. Оно сближает цып с живыми артефактами.

У марблс-мания море разливанное личных ритуалов, суеверий, амулетов.

Из последнего наисильнейший, привязанность к которому достигает порой вершин безумия, это личный набор птенцов. Ими не всегда играют, не всем показывают, порой никому, но всегда носят с собой. Возможно – первый в жизни набор. Возможно, принесший особенную удачу. Возможно – цыпа.

Качество же цып таково – они сбегаются к хозяину по щелчку его пальцев. Надо быть неподдельно повёрнутым на чём-либо, чтоб пережить восхищение таковой способностью вполне.

Прикатываются цыпы не дальше, чем с противоположной стороны широкого стола, но выглядит… Обворожительно! Если проиграл сдуру марбл-талисман, за ним, за простым-то

шариком идут гостем в Собственный Мир. Идут в слуги. За цыпа на дно бы морское пошли! За своих прирученных цыпа!

На щелчок чужой руки они не реагируют, утратив хозяина, становятся обычными стекляшками. Скрытой механики наипростейший образец. После создания цыпы «приручаются» пальцами, тепловым узором подушечек пальцев и ладоней правой руки, хозяина впредь не меняют.

Их редкость зависит от редкости материала. Почти любой модулятор скатает, а вот «цыпа-стекло», так его и назвали в честь марблс, модуляторы не производят.

Это дополнительный пункт, сближающий цыпа марблс с живыми артефактами. Стекло для них производят левой рукой, превращением в Собственном Мире. Не кто попало, человека в цыпа-стекло превращают технари, схему материала держа в уме, проецируя в форму, пригодную для модуляторов. Стекло это магнитное, для экспериментов оно надо Карату, больше вроде бы и никому.

Уже потому понятно, что необратимо запечатлеваются тепловые линии пальцев, когда технологии на грани дроидских, магнитное стекло, как материал.

Торговать набором цыпа – признаваться в своём хищничестве. Кажется, что такого? Но есть разница, когда про тебя знают, что без Чёрного Дракона ходишь, другое вслух, в лицо произнести: «Гляньте-ка, что я вчера вечерком скатал!»

В кругу Секундной Стрелки, подобное бесстыдство принято, в ещё худших узких кругах, а в широких нет. Нужно торговать через кого-то, то есть ему отстегнуть. Торговаться с богатым марблс-мания, достаточно циничным, которого не смутит свежее происхождение желанной игрушки. Проблемы, сложности…

Поэтому цыпы торгуют как вина – выдержанными. На этих непритязательных с виду шариках есть знак, объединяющий набор. Добавлен одиннадцатый шарик, которым не играют, на нём – встроенный счётчик лет. Через тысячу лет цыпы считаются выдержанными, очистившимися от своего недроидского происхождения. Когда миновал тысячный год, не только закоренелый хищник, любой марблс игрок их без колебания возьмёт в руку.

Чистоплюи, и ещё какие, страстные марблс игроки. Не играют ведь физически грязными шариками. Запрещено и неудобно. Идея символической и фактической чистоты – их

суеверный пунктик.

Когда марблс игрок собрался на Арбе ночь покататься или на облачный марблс рынок улетает на несколько дней, он суеверно старается подгадать, чтобы вход в начальную партию был против соперника – чистого хозяина.

Биг-Буро ушёл за ширмы, погремел оттуда кисетом, произведя замирание у марбл-асса в животе, и потряхивая парчовым мешочком, на петле шёлкового шнура его небрежно крутя, вернулся.

«Уууx ты!..» – протянула в Отто часть не затронутая грусть-печалью.

В качестве противовеса нецке продет в шнурок одиннадцатый шарик-цыпа. Буро самодовольно предъявил его на широкой ладони, развернув счётчиком вверх.

К удивлению самого Буро, давненько не перебиравшего свои сокровища, счётчик показывал красивое число: один – один – один – один... Тысяча сто одиннадцать лет прошло с их создания. Сделал Биг-Фазан, это помнил Буро, знаменательный день был... Сегодня тоже.

И вдруг миндальные тёмные глаза Буро

расфокусировались печалью…

– Ведь ты же не решишь, что я тебя обманываю, Отто? Так дёшево… Не подумаешь, что подсунул чьи-то?

– А в чём дело, уважаемый Бутон-биг… Буро… С чего я должен так решить?

– В чём? Так ведь правой рукой проверяют неприрученность…

– А, ну да…

«Как можно было забыть?»

– Нет, не подумаю. А обманешь, через год с претензией вернусь!

Они хором засмеялись.

Отто перестал и отрезал:

– Уважаемый, я не возьму их. И буду делать, что захочу. И ты делай что хочешь.

– Я и делаю, что хочу. Пытаюсь убедить тебя: просьба – не угроза, подарок – не цена. Я прошу понять… Отступиться… Если веришь, возьми.

В играх марблс, как в самых разных обособленных областях наук и развлечений, обыкновенные вещи и понятия имеют свои

названия на внутреннем арго.

Чисто-белые марблс называются на нём «днешными», в смысле – нетронутыми, однодневными, как создаваемые ради одной партии, разбиваемые после неё. Белые шарики, в силу упомянутых суеверий, считаются днешными, чистыми навсегда, их не разбивают. При всей простоте окраса и материала, белые марблс особо любимы игроками.

Отто перебирал в кисете, катал на ладони, пять и ещё пять цыпа-днеш, не глянцевых, матовых, как цыплята в пуху. Столкновения и ноготь его не оставляли следов на их боках. Два пятка неприрученных цыпа-днеш, которые будут сбегаться к нему по безобманному полю Гранд Падре, стоит лишь щёлкнуть пальцами…

Взял. Не ради цып, ради дарителя. И Пажа, пусть будет счастлив.

«Не виноват ты, что дурак я… Такой дурак, что, похоже, и сам не виноват. Была бы дурость рукой, попросил бы и её заодно отрезать…» Собрался повторить упрямо, что мол, всё понял, но ничего не обещает. Да зачем?..

После рассвета кто-то уже стучался к Буро, хлопал в ладоши. Пошептался с хозяином на

входе, ушёл…

Когда с главных рядов Южного Рынка ветер смёл сорбент, а на боковых высохли последние склизкие тени, Отто был с миром отпущен.

Телохранитель, Биг-Фазан-Карат уже поджидал его за пологом.

– Моё дело, – сказал, – до рамы проводить, или до шатра твоего. Имеешь его на Южном? Хоть сразу, хоть до вечера броди.

Сразу.

Отто был богат, однорук, разбит. Ожог от тени ро-гласс и тени, лечащие от ожога, сказывались.

Обернулся в конце ряда.

«Громадный какой… В жизни к этому шатру не подойду. Будь благополучен, будь счастлив Паж. С дроидами, ага, с чудовищами, ага, с цокки своими, в вашей Шамании… Где угодно, Паж, с кем тебе угодно!..»

02.30

Ближе к дальней стене Техно Рынка, где его элита, мастодонты его собирались обсудить текущие дела, уделяя этому утренних минут

пятнадцать раза два в сезон, в остальное время тишину обеспечивал специальный модулятор, там и Карат отгородил себе уголок.

Отгородил не по-научному, по-разбойничьи, как парни Секундной Стрелки в горах поднимают пирамидки для игры – минимальным из возможных треугольников. Хищник, охотник… Шатра не поставил. Диван под «деревом»… Под ветвистым держателем для аксессуаров и заметок, насаженных густо как листва на шипы, магниты и крокодильчики. Крона из записочек самому себе. К папкам имел нерасположение, таблицы создавал для конкретных надобностей, считал их подавляющими творческое начало. Экстравагантность, которую он мог себе позволить себе, обладая феноменальной памятью.

Диван из пенки. Дешёвый… Просиженный, драный, скособочившийся. И громадный, хоть стол ставь и в марблс играй. Судя по квадратным углублениям от ножек, так порой и делали. Свисающие записочки, частью, как диван, истлевшие, скрывали его целиком, и пирамидки закрывали. Плакучая ива…

Зайти к Биг-Фазану в логово, означало зайти в лес без шороха, – эффект модулятора-заглушки, – в лес, пахнущий химикатами и старой бумагой. Непроглядный лес в несколько десятков шагов. На свой страх и риск заходи.

Кому-кому, а завсегдатаям известно, какой Карат бывает в проекте одержимый технарь, и какой он охотник. Имя его первое, борцовское тоже известно.

Риска не понимал, или страха не имел? Суприори не стал дожидаться Большого Фазана на мощёных дорожках Техно Рынка, прямо нырнул под бумажки, шлёпающие по лицу. Вместо хлопков на входе пощёлкал пальцами.

Модулятор, чётко отделяющий механические звуки от производимых людьми, пропустил щелчки. Пропустил и голос Карата, гнусаво имитирующий звуковые указатели с облачного Техно-Лаба, где впрямь нетрудно заблудиться:

– Дредий повород налево, и вы дришли…

Мрачный Суприори усмехнулся: «Дришли, мим с бубенчиками!.. Фазан щипаный, щаз, поверну за угол и дриду!..»

Однако повернул трижды и всякий раз дальше на шаг, - как положено делать, следуя указателям с Лаба, - и звонко рассмеялся, уткнувшись взглядом в клык ярко светящейся пирамидки. Во всякой шутке комодо есть доля комодо.

Суприори вручил ему пульки цилиндрических палочек, набор экспериментаторских пистонов… - и одно застарелое недоумение. Наконец-то сказал, а то молчанка затянулась сверх меры.

Они посидели на краешке дивана, добивая его, кроша в задумчивости рыхлую пенку, попили братски из одной бутылки, и Карат исчез со словами:

– Вряд ли… Но мало ли…

Суприори остался.

Незаметно вернувшийся Карат мог наблюдать появившуюся у него привычку закусывать губы. В моменты одиночества, предполагающего снятие выражений с лица. Словно кто-то незримый поджидал Суприори в эти моменты, чтобы наедине, только наедине повторять ловкачу, посреднику, жулику от техно что-то, заставляющее его молчать и кусать губы. Взгляд тусклый, волосы отросшие, ёжик – жёлтый дикобраз.

Карат был бы рад помочь ему. Какой ни не есть, Суприори их племени – технарь. Один гуляющий охотник и другой гуляющий охотник, это объединяет? Да, сюрхантеры им общие

враги. Выбор темы для исследований и экспериментов их обоих обрёк на противодействие дроидов. Чтоб не сказать прессинг.

Но где один почивает на лаврах, другой терпит поражение за поражением. Биг-Фазан изобретал оружие и был успешен. Суприори, в несчастный день избравший тему кибер-механики, изобилующей лакунами в сведениях, был, мягко говоря, неуспешен. Он старался, компоновал разрозненные факты и предположения, проверял, бесстрашно экспериментируя на себе, но при каждом новом шаге упирался в непредугаданную стену.

Подвели его, однако, не опасные эксперименты, а мелкое жульничество.

Среди технарей много затворников. Всегда имеется шанс для того, кто прижился на рынке, считает себя стариком, всезнайкой, наткнуться на того, кто в Собственный Мир со стопкой альбомов ушёл раньше, чем всезнайка увидел раму Техно Рынка! Чья белая борода всё ещё по дорожкам волочится, когда сам затворник уже в шатёр мастодонтов зашёл!

На беду свою именно такой человек

Суприори и повстречался. На Пароле, на входе, где дежурил случайных людей отсекать, богатых отсеивать. Если б внутри, в Пан-Квадрате, если б у Карата в гостях, беды не случилось бы.

Этот незнакомец чётко указал, что ему надо. Их тема оказалась общей – кибер-механика. Время сразу насторожиться, товар искомый, хоть дешёвый, но редкий, а главное - обозначен правильно. Но жулики алчны и азартны.

В глупой башке Суприори на тот момент ничего не крутилось, помимо выгоды. Без колебаний он подсунул покупателю муляж.

Вскоре объявилась с поклонами и возгласами тройка в полном составе: Нота, Ментор, Свасти… Та-да-дам!.. Унцито разноцветноглазый, грубоватый всегда, заявившийся дежурного подменить, гостю едва не в ноги поклонился. Суприори настигло запоздалое осознание своей неправоты…

Он и признал бы, и извинился… Попросил бы Свасти их нормально познакомить… Но покупатель, как назло, едва кивками поприветствовав старых друзей, всё вертел, всё разглядывал этот чёртов недоделок! Рукава широкие, такие карманами служат…

Движением быстрым и незаметным покупатель вложил что-то в муляж, под крышку кальмаровидного веретена, и швырнул в лицо

жулику:

– Подавись своей ложью.

Бросил как камень. И лжец подавился.

Вложенное сделало муляж действительным «веретеном». Специфика от этого не появилась, но появился и сработал момент схватывающего контакта. «Бур, винт, поршень...» По всякому называют, в зависимости от конструкции. Вложенный был «крючок», рыболовный крючок. Запретная часть кибер-механики, сделанная в Собственном Мире, незаметно от дроидов. Стечение обстоятельств, Суприори попался.

Отсутствие специфики стало последней каплей неудачных обстоятельств.

Кальмар с крючком пробил голову насквозь, а щупальца раскрылись изнутри в межбровье, без выбора захватывая всё человеческое, все органы чувств.

Муляж из тонких, мега тонких нитей, проволок... Пробив башку, он не торчал из неё. Канул, впитался. Ну, может, секунды три Суприори походил на ктулху, после чего опять на Суприори. Снаружи. Изнутри - на паралитика.

Густава, использованная им, обладающая узкой спецификой, кибер-механика замедлила. Суприори внеспецифичная заготовка полностью остановила. Он сознавал окружающее с невероятной кибер-отчётливостью, но при этом настолько не имел личных побуждений, что не мог даже ходить, шага сделать.

«Бур» и «крючок» от «поршня» отличаются, не правда ли, предполагаемой связью со второй стороной. Заезженной пластинкой в голове Суприори вертелось: «Похищение? Рабство? Грабёж?.." Не-а. «Крючок». Решающее невезение настигло Суприори, когда обидчик оборвал леску.

Кибер травма не вытащила Суприори за жабры на берег смерти, не осталась с ним, как яд. Всё-таки Техно Рынок.

Свасти уговорил жулика простить. Гость показал чертёж. Вытащил кальмара Ментор. Но за нечестность своё Суприори получил.

Пока бродил шагающей статуей по рынку, пока водили его приятели, консультировались, щипчики-магнитики для операции искали, только ленивый не преминул сообщить Суприори, что за дело он схлопотал, заслуженно... Это озлобило

его? Нет, он им благодарен был, и с упрёками согласен.

Суприори мучили фантомные боли. Не проходили. Почему? Он не отпускал их. Он побыл киборгом.

Ужас в том, что благодаря вот такому стечению обстоятельств, он побыл полным киборгом, внеспецифичным, тем, кого не бывает, ибо - зачем? И как?

Он помнил невыразимую силу безмыслия. Обычная человеческая страсть к жизни, в норме подобная лёгкому бризу, на пике – тайфуну, из киборга рвалась как радиоактивное излучение, сквозь все органы чувств, вне контроля разума. Ни одно желание ни во что не выливалась, каждое – охватывало с предельной силой. Страсть Шаманийцев к стрижиным «фьюить!..» – ничтожная толика обрушившегося на Суприори. Как человеку ему было порядком страшно, как киборгу – ему было никак.

Вероятность подобного несчастного случая - косвенная вина дроидов.

Ища спасения, Суприори нашёл выход на них, редко контактирующих с людьми. Не сразу.

Суприори уже готов был искать морской помощи, когда через Олива вышел на Беста. Густав, старый знакомый в Архи-Саду оказался сюрпризом…

Но вердикт был тот же:

– Дроиды регенерации сработали полностью, отлично. Человек, ты здоров и цел.

Бест поинтересовался, как такое может быть.

– Очень просто, – ответил дроид, как две капли воды похожий на владыку Там. – Огоньки дроидов текут ритмично и верно, правильно захватывают влагу. Но человек ими помнит. Держит азимут. Не даёт растечься в иные пути.

Густав глядел мимо.

Перекодировав человеческий организм из белковых структур в «огоньки», каждую деталь дроиды сделали совершенной. По силе, по производительности, так сказать. И лишь затем положили ей нормальный, человеческий предел.

Сверх того они сбалансировали триаду: восприятие-усвоение-преображение.

Без такового баланса и ограничений, органы чувств выдавали бы атомный взрыв на всякий коснувшийся их импульс. Память хранила бы абсолютно всё воспринятое. Воображение предлагало бы все возможные варианты времяпрепровождения на следующий день, час, миг. Наконец, каждая мышца сжималась бы и расслаблялась полностью. Такой организм нежизнеспособен. Человек – это сумма ограничений. Кибер-механика – это таран, осадная машина под стенами его крепости. Суприори воспользовался ей, к сожалению, успешно.

Кажется, ну, испытал ты разок нечто сверхъестественное, радуйся и живи себе дальше. Байки трави, важности напускай.

Обнаружился подвох: дроиды регенерации следуют воле человека, производя работу. Утраченная рука восстанавливается, начиная с подушечек пальцев, с чувства хватания. Человек, лишившийся глаза, видит на следующий день, а друзья его глаз через четверть сезона увидят. Мускулы клинчей, борцов соответственно наращиваются.

Как же начал меняться организм человека пережившего состояние киборга, побывшего вне

дроидских ограничений? Лишь изнутри поймёшь, снаружи можно дать количественную характеристику – весьма радикально. Безо всякого морского яда Суприори быстро пришёл к состоянию, когда из Огненного Круга не проливается песня, он звал Белого Дракона, но сам не слышал зова… Вскоре не сможет и звать.

Пороговое восприятие взлетело на нечеловеческую высоту и осталось там. Низлежащее утратило вкус, цвет, запах. Не представляло малейшего интереса. Вровень и выше лежащего не находилось для Суприори-киборга.

Незаметные для постороннего взгляда, но жуткие и характерные, приметы скрывая, Суприори пребывал в трансе от единственного штриха… Сравнительно эфемерная потеря, для него - катастрофическая. Суприори утратил вкус к цокки. Напрочь.

На этих рынках, при звуках контрабасов и виолончелей, при виде партнёров, действительно близких ему, на пороге всегда утешительных радостей он чувствовал столько же, сколько робот. Или меньше. Он думал, что меньше. И даже свою бесчувственность Суприори не ощутил, а увидел в чужих глазах. Он

был не нужен, непонятен. Когда последний раз долетел дотуда, он понял, что стал на Цокки-Цокки чужим. И на Южном Рынке ему не улыбались голубки.

Малейшие происшествия, всякая минута каждого дня болезненно фиксировались памятью, обретшей за короткое время страшную силу. Суприори помнил всё, как машина самописец. То есть, сплошную боль отчуждения. Как она перемещается в оболочке его тела с Техно, на Мелоди, с Мелоди на Краснобай.

Эволюция предыдущей эпохи повторилась в технаре следующей. Он начал искать выход, изобретать. Смоделировал то же самое, даже форма похожа: резак. И ощущения вернулись.

Тема, некогда избранная произвольно, стала вопросом жизни и смерти, делом каждого дня.

Суприори искал обход дроидских запретов, конструировал сверхмалые «винты», «крючки»… Что-то проходящее сквозь частую сеть дроидских фильтров.

Чёрные Драконы уже заметили его и держали в поле зрения, когда Суприори пришёл к идее Астарты.

Если ему не удавалось сделать кибер-механику столь малую, что можно в теле спрятать, не удастся ли противоположный ход: построить гигантскую и отдельную? Мнимо отдельную он него? Связанную слегка? Наделённую элементами распадающимися, «поршнями» не просто малыми, но сразу исчезающими?

Астарта дала ему пережить нечто невероятное.

Шаманийский стрижиный восторг, когда резак острым «фьюить!..» забирает инфра-ультра, полный спектр поддерживающей жизнь энергии, «пар», состояние вещества – между влагой и огоньками дроидов. Исчезающий на резаке тотальный импульс жизни. Контур-азимут всех людей. Гибнет один, весь мир гибнет – это не образное выражение.

Когда моток перевязывают посредине и, затянув, разрезают по сторонам, выходит помпон, пушистая звезда.

Стрижи и Астарта так и резали, не по груди, где сам узел жизни затянут, а по шее. Раскрывалась «звезда наоборот», лучами внутрь, в резак, в Астарту, в Суприори, пробивая,

наконец, броню его кибер-бесчувствия. И только. Ничего кроме.

На лицо главный закон: ужасающей бессмысленности злодеяний.

Ни на какой мечте не коренился архитектурный кибер-шедевр Суприори, Астарта. Даже на мечте, подобной амбициям Карата, об умной отододи, новой удавке… Никакой нацеленности в послезавтра. То, что нацелено в завтра – просто голод. Астарта – просто зуб.

Ошибки растут без корней, иначе сказать: в отсутствии корня заключается ошибка. Закон «сухой ветки в песке» – трудом, кровью, талантом её поливай, инфра-ультра, всё заберёт песок, но ветка плода не даст.

Да, Астарта питалась людьми. Верней, тоже киборгами, невольными, ставшими таковыми на время полёта… Ничем она не питалась, она неживая. Астарта делала полудроида полукиборгом и забирала все три несовместимые половины… Так не может быть, три половины? Не может. Вот она и забирала.

На гибельные мгновения между киборгом за секунду до смерти и киборгом у подножия пролегала не то, что прямая связь,

образовывалось единство. Суприори был стриж, Суприори – его жертва. Когда очередной летун разбивался в лепёшку, разбивался и он, злорадно, неукротимо счастливый в самоуничтожении…

Остатками воли и рассудка возжелав спасения, Суприори пришёл к Карату, угадав родственную душу, полную избыточных страстей. Пришёл очень поздно.

На этот момент Бутон-биг-Надир уже решил, куда технарю следует отправиться с его помощью, чем скорее, тем лучше.

Ну, Буро-то хоть от Пажа в общих чертах знал про Шаманию и ту эпоху. Аурору же, платиновый гений с надчеловеческим умом, пребывая в неведении относительно скучных закидонов истории, поняла исходя из пары бесед в Архи-Саду. Что случилось, поняла, и что такое Астарта.

Суприори ещё пару раз появлялся среди и изгнанников, когда поднималась тема кибер-механики.

Хмуро встречал хмурого Суприори гостеприимный Архи-Сад. И только Рори вдруг, улыбнувшись безмятежно, спросила:

– А сколько стоит билетик? На «чтоб полетать»?

Соль отрыла рот и, не обнаружив рядом с сумасшедшей девушкой, её Дабл-Пирита, устремила к Бесту жалобный взгляд, невозмутимому, точно каменная кладка за его спиной. Биг-Буро твёрдо обещал ему, что из Архи-Сада никто на эту штуку не ступит. Буро он верил и не напрасно.

Нервно дёрнув бровью, Суприори ответил грубо и резко:

– Дорого. Не для изгнанников.

Почему самолюбивая Рори так весело рассмеялась? Реакция безумна под стать вопросу.

«Аурору сошла с ума. Я так и знала, – подумала Соль, – нельзя постоянно думать о математике и абстракциях».

Аурору видела лицо Беста, отправившегося с изгнанником на Южный, но вернувшимся без него… Поиграть, в игровые ряды зашли. Проклятые! Заколдованные ряды для Беста. Возненавидел их хуже правого крыла.

О дальнейших успехах технаря-жулика-

вельможи Суприори на Южном Рынке, речи быть не могло, вопрос лишь в том, кто кого опередит.

02.31

Что же ненавидят с такой силой дроиды в облачном рынке Шамания?.. Высшие дроиды… Максимально подобные людям дроиды… Разумеется, свою же ошибку! Постоянно на глаза лезущую, ими же допущенную ошибку. Бессильную досаду, разумеется. Невозможность исправить, время отмотать назад. Приложили руку, ага.

Какие проблемы остались в эпоху высших дроидов принципиально не разрешены? Две фундаментальные: запретное и хищническое. Преемственность злого и трансляция злого. Из прошлого - запретные артефакты оружейного толка и запретные Впечатления. В настоящем, понятно, похищения и недроидская борьба.

Дроиды пытались решать две фундаментальные проблемы по отдельности. Не выходит. Пытались вместе… Лучше б не пытались.

Следует упомянуть к двум принципиальным проблемам одно, – одно общее! – принципиальное ограничение: дроиды не уничтожают. Они сохраняют. Не без разбора, с разбором, но всё подряд, потому что всё - информация, а информация высшая ценность.

Троны напряжённо размышляют, имеют ли они право закрывать уголки Морской Звезды? И в какой мере? Дроиды – принципиальные машины, они понимают, что закрыть на сто процентов означает – уничтожить. «Для некоторых людей на некоторый промежуток времени» – уточнение смысла в глазах принципиальной машины не имеющее, закрыть полностью, не оставив лазейки, не соорудив двери, пусть с кодовым замком, – значит уничтожить.

Мало кому известно, ниже обсидиановых пещер соль законсервировала целые пласты «культурного слоя», под пеплом извержения Морской Звезды, целиком рухнувшие в пустоты скальных пород, накрытые морем и покинутые. Подлинных артефактов, куда больше, чем принято считать. Целые дома и кварталы-этажи… Частично обросшие друзами, сталактитами, частично выветрившиеся артефакты… Замещённые минералами при полной сохранности формы…

Некоторые догадываются, что подобное

должно бы существовать…

Волею судьбы, именно склады оружия остались ближе к поверхности. Именно их дроиды всё пытаются зарыть поглубже, замаскировать получше.

А какие минимальные лазейки можно оставить, что б никто не пролез? Формальные, узкие-преузкие лазейки?

Например, совместить хранилище запретных артефактов с хранилищем запретной воды. Её массив создаёт такую атмосферу, что приближение к «Водопаду Памяти о Крови» с каждым шагом кричит: «Стоп! Поворачивай назад? Куда ты, дурак, лезешь?!» В прежние времена это называлось интуицией. Непосредственно же водопад ограничен полем, степень холода которого несовместима с жизнью, с движением потоков в теле.

Кажется, получилась? О, как они просчитались!

Тот факт, что коллекционеры запретного питья могут существовать, для дроидов было открытием, в которое с ходу поверить не могли! Дроидов свидетелей расспрашивали… Поисковиков и Чёрных Драконов к

расследованию привлекли… Удостоверились: эту дрянь – пьют! Нарочно – пьют!..

«Ловушкой для хищников» назвал хранилище запретного Августейший шут своим, с его острым как жало языком. Разумеется, какой бы то ни было ловушки, замаскированной, обманом завлекающей, дроиды не собирались строить, наоборот! Маятник предосторожностей качнулся в другую сторону. Дроиды ограничили подход к оружейному хранилищу и водопаду ужасными, непостижимыми, отталкивающими - легендой, привратником, атмосферой. Плюс его внутренние, уже упомянутые свойства… Вот снова зря!..

Не обманом она привлекала!

Своими ногами всякий хищник устремлялся к краю, как мотылёк на пламя. Своими ногами шёл во мраке, спотыкаясь о ружья и бомбы, разглядывая их. Никто не толкал его навстречу холоду, вплотную к водопаду с кровавыми огоньками, не заставлял смотреть, вдыхая сырость, всей кожей смотреть на то, от чего стоило отвернуться сразу.

За всякого, из таковых хищников, разгорался спор между дроидами второй расы. Не имелось ли в его ошибке дроидской провокации? Хотя на тот момент человек не являлся живым, был солью и холодом. «Он точно сам пришёл?» –

«Точно…» Всё равно – море сомнений.

Затем попался Индиго и сломал ловушку. Создал прецедент. Он не был хищником, тёплый Чёрный Дракон сопровождал его. До водопада и четырёх тронов дойдя, Индиго не погиб.

Куда теперь перепрятывать?

Касательно современных хищников, с морем швах, не поправить, не отрегулировать, чужое оно дроидам. Сырой материал, хранилище неупорядоченное – питательная и грозная среда. С какой стороны и подступиться к ней. Гелиотроп с Чёрными Драконами обмозговать пытался, для прочих – неактуально.

Рыночное хулиганьё, меркантильное и скучающее – той же неприступности проблема. Ускользающая материя.

«Как бы хищникам запретить быть хищниками?..»

Автоматизировать пресечение хищничества?! Да никак!

Можно ли оборудовать границу между хищником и жертвой. Потенциальным – хищником? И потенциальной – жертвой? Смешно? Действительно смешно, роли в каждый

момент непредсказуемо распределены. Мотивацию не вычленить, не уловить! Часто её вовсе нету!

Есть рама мира, как распоряжаться ею, ваше дело, люди.

Тема кажется настолько вечной, что глупой. Однако холодные дроиды 2-2 с обидой и растерянностью неоднократно имели возможность убедиться, что пресечение хищничества возможно. С обидой, потому что всякий раз это чудо совершал дроид нарушитель, тёплый дроид второй расы.

Каждый раз это бывал личный контакт, во всех смыслах своевольный. Бессистемный, незапланированный… Никогда – приказ трона. Никогда – продуманный ход, угрожающая демонстрация, что-то, благодаря чему хищник должен прозреть и «сам всё понять». Личный контакт и всё.

Продолжительный. Эпизодический. Дружба. Наставническая связь. Притворство дроида обыкновенным человеком надолго и в публичных местах. Танцы, песни. Дроид притворялся мастером на Краснобае, заказчики тянулись к нему. Нарушитель делился с людьми

крошками знаний и морем тепла, дроидского тепла, растапливающего.

Дружба и веселье, таким способом пресечь хищничество получалось.

Для дроидов нарушителей, как правило, раскаяние хищника - побочный результат. Они развлекаться в сферу людей уходят. Но, к примеру, бай-мастер, учащий тиснению бумаги, превращению её в барельефы, в ткани, в наряды и маски для мимов, одноразовые сценические костюмы, безопасно прямо на теле сгорающие… Он день за днём учит и сопровождает работу прибаутками, байками об эпохе, к которой относятся и костюмы, и представления, этот дроид-бай может приметить кого-то…

Борца. Заказчика вначале. Затем наблюдателя. Затем ученика. Борца с правого крыла… Он за бой берёт одну ставку и одну жизнь… Сложно ли увлечь хищника тёплому дроиду? Сложно ли сделать своим учеником?

Проходит день, ещё день, ещё… Борец игнорирует правое крыло, он рядом с наставником на Краснобае. Трудно ли влюбить в себя и своё искусство хищника тёплому дроиду? Трудно вовремя остановиться!

На примере видно, дело индивидуальное, методики не имеющее, совершенно свободное во второстепенных моментах, жёстко обусловленное в основном: это личный, тесный контакт. Хищник получает время поразмыслить. Получает вместе и предмет для размышлений - контраст между вчерашним днём, и сегодняшним, без борьбы, без охоты, без лжи...

К сожалению, контраст получается в большинстве случаев недопустимо избыточный. Меняющий обоих до такой степени, которая неизбежно приведёт дроида на Турнирную Площадь, а человека к безнадёжному непониманию: отчего жизнь, радость и тепло вдруг начались и вдруг закончились. Где ошибка, в чём вина? Не его вина, из дроидской сферы пришла, в неё вернулась.

Это ответ на вопрос, почему тронам не способствовать всемерно контактам тёплых 2-2 и 2-1 с хищниками, именно с целью пресечения хищничества.

То самое ограничение: дроиды не уничтожают. Они сохраняют, да. Тесный контакт с человеком уничтожает обоих быстро и необратимо. Это уже не тот дроид и не вполне человек.

Тупик.

Сог-цок за нарушителей границ!

Возвращаясь к Шамании.

Чем только она не успела побывать! Эскизом, Собственным Миром, облачным рынком. Затем снова Собственным Миром! Пристанищем для человека, который поддерживал со второй расой дроидов тесную связь. Дроидам пришло на ум, что мир, человеку неродной, не трепетно близкий, вполне можно сделать хранилищем. Что запретная вода природу Собственного Мира охладит настолько, что он и вовсе никогда не прольётся. Таким образом хранилище надеялись окончательно закрыть.

Всё шло по задуманному. Но второй хозяин Шамании чужой, безразличный ему мир хозяин тоже однажды утратил.

Он был внимателен. Он тщательно выбирал гостей, но от предательства не убережёшься. Шамания стала обратно рынком. Переполненным запретной водой! Затем стала для клинчей полем вечной войны. А затем мало-помалу она заселилась шаманийцами…

Дроиды некоторое время побились головой

об её раму. Обругали все всех, кто только принимал в авантюре участие, кто поддерживал ещё вчера… И отогнали проклятущий рынок с глаз долой. В высокое небо, на верхние лепестки. Не-по-лу-чи-лось.

– Геспер, фосфор, люцифер… – бормотал Гелиотроп в уединении Дольки, на корточках пред кадкой сидя.

В белом, лабораторном халате, с моноклем сильно увеличительного стекла в глазу, сквозь которое ему не на что тут смотреть.

Росток. Поросль сорняков вокруг него, как тина поникшая. Притронуться нельзя, условие. Его бормотание походило на какое-то заклятие, с ходом веков превратившееся в детскую считалку, но сохранившее аромат тайны.

– …и вечерняя звезда. Флаведо – флавус… Албедо – альбус… Гесперидий. Он же – утренняя звезда…

Вернулся к столу. На тиски, ножики, что там ещё навалено, сверху положен диск, срез оранжа, апельсина. Диаметром с арбуз. Благоухал, соком инструмент пачкал. Ни от какого плода не резал, в очередной раз с ноля создал. Что увидеть хотел? Каждую дольку в

разрезе. Зачем? Просто так. Боялся, что выращенного оранжа не увидит ни в разрезе, ни в кожуре.

В дверь постучали.

«Кто-то вежливый и ко мне? – с человеческим сарказмом подумал конструктор. – Не может быть. Наверное, дверью ошиблись…» Не было поблизости никого, кто оценил бы шутку. Кто мог оценить, стучатся копытом в окно.

Юноша за порогом подчёркнуто соблюдал требования к полётам в человеческой сфере: общая форма, Белый Дракон, отстранённость в лице – против знакомств со встречными…

– Ха!.. – сказал Гелиотроп. – С новым носом, с новым счастьем!

– Фррр!.. – выдохнул Белый Дракон этим носом, новым, как можно судить по приветствию

Мокрым, слюнявым поцелуем тыркнулся в щёку, и ещё минуть пять конструктор с белым ящером на общедраконьем перефыркивались!

Всаднику протянув руку, Гелиотроп её так и не отпустил, долгим пожатием нивелируя сомнительную вежливость, в данном случае – свою! Но ему было интересно пофыркать и на

нос вблизи посмотреть. Монокль в глазу пригодился!

Этот белка, не так давно отказался от его помощи: «Сам починюсь!»

Сам, так сам… А драконий нос, он колебатель и стабилизатор азимута. Травма невелика, но исправлять её без посторонней помощи, всё равно, что резьбой по скорлупе заниматься с тремором в руках. Приятелей смешить. Но сделал. Конструктору интересен был избранный драконом метод.

– В море макал, фррр… Бррр!..

«Аха-ха, великолепно, метод салями наоборот!»

– Пластами орбит приторможенных?..

– Фрррах, да!..

– Долго же пришлось тебе мокнуть, собираться и опять! В У-Гли зайти побоялся? А Тропа взгляд из-под волн встретить не побоялся? Я вашу выходку давным-давно забыл!

– Фрррах, забыл!.. О какой же выходке речь коли забыл?!

– Трусишка!..

– Нос в море лучше, чем нос в тисках!

За столом минутный весёлый настрой покинул Гелиотропа.

Айн – прямой, строгий без притворства, сидел напротив, ожидая с почтительным безразличием и внимал той же считалке:

– Флавус, альбус, гесперидий… Утренняя звезда…

Они собирались на турнирную площадь.

Зная характер и подозрительность своего братишки, Гелиотроп избегал отпускать Айна от себя, справедливо полагая, что с ним на турнирной площади, удивительный дроид в большей безопасности, чем где бы то ни было. Кажется, и Айн понимал это. Кажется, ему было всё равно…

В самом деле, какие тревоги могут одолевать дроида, чья функция видеть то, чего нет? Во власти которого измерить это, сосчитать?

Для автономного дроида инженера Айн всё еще высвечивался конструкцией из суставов, тонкими плашками набранных костей… Под пронзительно зелёным взглядом лишь сердечник орбиты, дар Амаль, оставался замутнённым. Тихий трон. Молчащая орбита.

Гелиотропа смущало, что её замутнённость

имеет красноватый тон… Августейший уж точно указать на это не преминет! Как на вину. Чью же вину? Этого юноши?..

Зелень взгляда падала в кирпичный дым красноты, и как серое облако ощущался обоими итоговый неконтакт. Но во лбу у нового дроида орбита, подобная самостоятельно починенному носу дракона, балансир итоговых азимутов, гармонировала с конструкторским взором идеально-хрустальная зелень, преломляющая свет в тысячи оттенков зелени же, без иных вкраплений…

«И это братик, вне сомнений, поставит ему в вину!.. Внимательность – счётчику в злонамеренность поставит… Сохраняем мы, дроиды, свои родовые черты от первого дня до последнего. Как был Стражем игровым, так Стражем братик и остался. Неигровым уже».

– Флавус… – указывал Гелиотроп на жёлтую корку оранжа.

Внешний слой отделился обручем, завис над столом и рассыпался звёздной крупой…

– Альбус…

И белое кольцо обручем пошире взмывало,

чтобы рассыпаться манной крупой.

Айн улыбался. Он дорого бы дал за устранённое противоречие их сердечников. Да в чьей это власти?

– Гесперидий…

Мякоть оранжа собралась в яркую звезду, свет которой был удивительно мягок при большой интенсивности.

Все пять пальцев правой руки Гелиотроп сложил щепотью вверх, словно приготовился посолить вверх известным жестом. И поймал на них звезду.

– Геспер, фосфор, лююцифер… – перечислял он эпитеты того, что скрывалось за двумя слоями кожуры, жёлтой и белой. – Вечерняя и утренняя звезда…

Раскрыл щепотку. По-морскому сказать, в тигель ладони канул гесперидий, а разведённые пальцы преобразились…

– Фосфор… – повторил Гелиотроп.

Его большой палец стал белым, он источал лёгкое бледно-зелёное свечение. Указательный – жёлтым и горел, согласно взору конструктора, пронзительным ярко-зелёным пламенем. Средний – красным, он зажёгся вспышкой обычного огня. Безымянный чёрен. Мизинец

казался железным.

Гелиотроп загнул, не охваченные огнём, пальцы, а указательный со средним оставил выпрямленными, задумчиво разворачивая, рассматривая в монокль.

Айн сказал:

– Коронованного создатель, если ты когда-нибудь станешь высшим дроидом и обретёшь трон, я хочу оказаться в твоём семействе.

– Азимут прият, – лёгкое удивление выразив, кивнул Гелиотроп. – Если надумаю, а ты к тому времени уже будешь тронным, кинь в меня пригласительной меткой, не постесняйся. Но, Айн, милый, что тебя навело на эту мысль?

– Почтенный, всей дроидской сферы опора, не могу ответить. Белый-автономный, не далее как сегодня, сказал мне: «Лишь ты и люди не знаете, откуда какая мысль. Откуда пришла к вам в голову». Он хорошо выразил мою невозможность.

«Ишь, крокодил какой!.. И нос починить догадался!..» – хмыкнул Гелиотроп.

– Что, Айн, – перевёл тему Гелиотроп, – довелось тебе за прошедшие дни помогать

какому-нибудь Восходящему с запросом?

– Да, владыка Сетей хотел, чтоб для владыки Запруд я указал в которых тучах, где нет прудов для касания, с Впечатлениями, под которые им смысла нет лететь… Кстати, что это такое, пруды?

– Небольшая вода. Ты указал?

– Указал. Нескладно выходит… Моя же траектория пролегла, от тучи к туче, где этого нет!

– Да, – рассмеялся Гелиотроп, – заковыристая дилемма! В свете её, да не покажется мой вопрос фамильярным, ты как видишь в дальнейшем себя? В Туманных Морях? На троне?

– Почтенный, я, такой как сейчас, без антагониста, одиночкой 2-1 и один полный оборот пробыть не смогу, иначе сам себя увижу, и остановятся все орбиты. Троном не могу, трон – стены суть, вокруг семейства расположиться должен, наружу смотреть…

– Значит – при троне? Отсюда мысль твоя и пришла, всё просто.

– Нет, не отсюда. Что нет, это я вижу.

– Дааа, – протянул Гелиотроп задумчиво – удивительный ты, Айн, дроид. Ну, что на площадь? Потом, раз Туманных Морей леса не прельщают тебя, вернёмся вместе в Дольку? Соберу кое-что и покажу тебе, ладно? Серп в

меду, он с турнира мне достался. Это бумеранг победителя в потёкших, изнутри пробитых доспехах. То есть он без разрыва зашёл, а на выходе ранил. Случайно, специально ли не смог вернуться? Необычный бумеранг. Укажи мне, согласно твоему дару, откуда эта луна, серп полувозвратный – не – происходит. А я уж попробую среди оставшихся вариантов угадать, откуда происходит.

– Распоряжайся мной.

02.32

Уррс настиг Айна с наставником на Турнирной Площади. Уррсу потребовался Гелиотроп вот за каким, странным вопросом…

Отто в очередной раз поверил сходу чёрт знает кому и чему.

Принёс, как сорока в гнездо, за одно из колёс Арбы, престранный рассказ о полной разумности давным-давно несуществующих животных. А именно про разговор человека с крысой… И был тааак убедителен!

Пересказчики выдумок стократ убедительнее выдумщиков. Те языком мелят, в пустоту глядя, а следующий человек, кружево выдумки плетя, перед мысленным взором имеет живого человека рассказ. Как не наполниться кружеву плотностью реального Впечатления?..

Уррс осознал, насколько ничего не понимает. Ведь не может быть?.. Отто клялся, что в этот раз не поверил, а сам видел! Ну, сам-то он положим, глоток видел, остальное для переводчика сохранил… Отдал выпить и внимал, не дыша, уши развесив.

– Дикарь его зовут, он не покидает Архи-Сада. Он мне дословно! Смотрел, пил и вслух говорил, что видит, что слышит! Не бывает такого притворства! Зачем бы? Уррс, прошлое не таково, как мы привыкли считать!

Уррс никак не привык считать. Его настоящее интересовало, а особенно – будущее! Из прошлого интересовало: куда Отто руку дел? И почему у него такой вид пришибленный? Из-за руки или как?

Но на важную для друга тему со своими, в дроидской сфере, поговорить согласился немедля.

Вода была с Рынка Ноу Стоп. В общем, это свидетельствовало в пользу неподдельности, нерафинированности Впечатления. Обманные

коктейли, конечно, тоже бывают, намешанные, чтоб фантазийное Впечатление, кино или вирту-кино, с реальными событиями переплести, «сквозь-мыслю» называются, но среди ноустопщиков они непопулярны.

Удивившее его Отто Дикарю принёс, потому что язык во Впечатлении звучал неизвестный. Эпоха задолго до эсперанто…

К счастью, она осталась только во Впечатлениях… К сожалению, осталась в них.

Пачули, выслушавший его первым, позвал Халиля, и тот подтвердил: коктейль, но не «через-мыслю». Смешаны нерафинированные Впечатления двух реальных людей, находившихся рядом. Очень дорогая вода, эксклюзив.

Досталась она Отто за обещание перенять эстафету в партии марблс, грозившей игроку в случае поражения сезоном голубиной службы на тех условиях, после каковых обратно в «высшее общество» его бы не скоро приняли. Парень был из касты консультантов-проводников по Краснобаю, а они жуткие снобы. Всячески стараются отдалиться от местных голубей. Но сами-то, на Рынке Мастеров обитая, они-то не

мастера, не баи ведь! К голубям ближе всего стоят, от них упорней всего отпихиваются, логично.

Вода содержала Впечатления двоих, не разговаривавших друг с другом.

Тот, на чьё Впечатление пришёлся почти весь, объёмный, грушевидный графин, запретной воды, этот человек лежал на земле, на каменных плитах. Щекой тяжело лежал. Похоже, что с холодного камня не поднимется. Голова его была разбита, он видел тёмную лужицу своей крови.

Человек, наблюдавший чрез решётку, видел кровь в волосах, вывернутые ноги. И крысу, стоящую перед его лицом. Видел как крысу. Серое пятно с длинным, голым хвостом.

Лежащий видел её, как маленького человечка. С носатой, умной мордочкой, с лапками, словно ручки. Глазки бусинки умны, усы двигаются…

Но большей частью он видел себя изнутри, как болит голова, как бегут тропинки воспоминаний…

Поля… Ограда, край их поля. Столбы, жерди перекладин… Коровы, идущие в ворота… Видел издалека ту, соскучившуюся, которая встречает у старых ворот. Пахнет просторным небом, вечерней пылью, начинающей отсыревать в преддверии ночи. Пахнет едой от платка и поцелуя, и любовью от её волос, заплетённых, растрепавшихся, густых… На этом месте он прекращал вспоминать и возвращался к крысе, запаху крови, боли в голове и на черепе…

Смотрящему из-за решётки человеку не было до него никого дела. Думал про крысу: прогнать, не прогнать? И не прогонял.

Он злился, что люди так бессмысленно живучи, надеялся, что этот, живучий, наконец, умрёт сам. Успеет, что его не придётся достреливать. А придётся, если офицеры успеют приехать до утра. Впрочем, если уже пьяные приедут, он может быть свободен, запинают сами. Досадовал. Не видя лица, знал, что этот – жив. Он лежал не так, как лежат покойники, не как часть земли, тяжело впечатавшись в неё, иначе.

Крыса смотрела спокойно и любопытно. Крыса слушала лежащего, по крайней мере, он так считал. Впрочем, он считал, что говорит, хотя

губы не шевелились, ни звука не нарушало тишину.

Себя ли успокаивая, настраивая на дальний путь, исповедуясь ли, он объяснял крысе разницу между живым и мёртвым. Он рассказывал и доказывал ей, что умер давно, а дважды не умирают.

И всю вот эту тошнотворную жесть, ради просьбы Отто, Дикарь, не пробовавший в жизни капли запретного, синхронно переводил вслух. Безостановочно, монотонно, с некоторого момента решив не вникать.

Поля ласкали вечерним светом воспоминаний закатывающиеся глаза. Человек водил рукой, как сломанным крылом, хозяин земли, на неё, и на себя указывая…

«Это ли я? – спрашивал он крысу. – Разве это я? Это – на себя указывал – кусок земли… А земля моя где, где я настоящий? Где дому фундамент поставил… Куда поглядеть свозил её. На пашни, на пастбища. И всё моё, всё… Вот это я. Это был я. А потом оказалось – беги! Да с чего ж беги, куда же беги, когда всё тут моё?.. Я живой был, больше меня было моё завтра. А когда я остался больше, чем завтра, я стал мёртвый.

Вокруг стало тесней, чем внутри. Как в петле. Дышать нечем и воздуха не хватает. Два уничтожили. В третий раз дома не поднимал. На пепелище не ставят, а вокруг отрезали, сказали, что не моё. Где ставить? Не ставил, всё равно сожгут. Я думал зачем? Ну, зачем жгут? А так, чтобы не было… У Заречных сожгли, а он и повесился. Бежать? Куда от своей земли бежать? Он и повесился… А я не вешался, так умер. Стал меньше, чем можно. И умер. Теперь не умру. Стану чем-то… Упырём стану, мозги им сосать. Мне всё равно… Речка, речушка наша, куда на ярмарку… Не та, что в болота, широкая, да тинная… Эта ручей узенький, быстрина – Чернушка куда веселей бежит. Прыгает по камням. Она впадает в озеро… Оборонь его звали. Оборону на берегу его когда-то держали. Крепость была, руины по сей день видны, малинник, иван-чай, меня батя мальцом возил. Большое озеро, берег вдали, как полосочка, а в темень и вовсе не видать… Пока оно было, завтра, больше меня, я был живой, и дом, каменный фундамент положить успел. Загадывал, думал про неё, как преступит порог, как хлопотать будет, как на соседский двор глянет… И с соседкой «бла-бла-бла…» У колодца, колодец общий. Повезу её, думал, землю покажу… Как у речки - озеро, Оборонь впереди у нас было, я живой был. Было течь куда. Дышать. А если некуда, то и незачем. Надо было стрелять

в них… Или бежать. А мы не стреляли. Люди же, как в них стрелять?.. Поздно… Хороший был фундамент, каменный, наши-то из кирпича были, как у Заречных. А там тёсанного камня есть. Оказалось, купить можно. Я купил, поднимал и кряхтел!.. Любо-дорого, хороший фундамент. Кто-то живёт, кому-то достался, это не сжечь…»

Так он говорил. А затем стало плохо видно. Ночь, офицеры всё же приехали. Тот, кто сквозь решётку заглядывал, угадал, пьяные приехали. Началось то, ради чего, собственно, приносят такую воду в котёл на Ноу Стоп.

Бедняга Дикарь по настойчивым просьбам Отто досмотрел до конца, до дна испил, так сказать.

Отто взывал к нему, знать хотел, что крыса ответила! О, дроиды!..

Дикарь поклялся, что ни слова, небом и морем изгнаннически поклялся! Отто, изредка, глотка не делая, прикасавшийся к воде губами, не поверил ему.

Вероятно, по той причине, что он - полудроид. Дродидская часть не позволяет до предела разувериться в жизни, не позволяет допустить, что может быть всё так беспросветно

плохо. А в этом Впечатлении не нашлось решительно никого, от кого исходила бы надежда. Кроме крысы. Значит, она. Она слушала… Поводила усиками… Она что-то ему ответила очень важное!

– Сказала по-крысиному? – допытывался Отто. – Это же не Впечатление безумца! Люди не разговаривают с пустым местом! Значит, она слышала и должна была отвечать! Долго молчала и слушала, это я понял, а затем? Что было затем?

Дикарь, морщась, рассказывал. Да Отто и сам видел: крыса сразу убежала, когда пришли офицеры. Не скоро, но ушли… Темнота и тишина с далёкими пьяными выкриками. Выстрелы. Мутный рассвет озарил картину, который не доживший до утра человек мог быть удовлетворён…

– А дальше?

– Луна дошла до окошка, заглянула. Косой прямоугольник, расчерченный на полу.

– А после?

– Графин кончился.

«А, вот в чём дело! Впечатление не полно! Оно прерывается на самом важном месте. Надо выпросить и разыскать продолжение! Наверняка, крыса сказала что-то важное. Или вообще, звери были дроидами регенерации, и она сказала:

«Усни. Я соберу тебя заново. Убежишь к озеру Оборонь, и переплывёшь на тот берег, на свободную землю…» Наверняка, дроиды скрывают что-то обидное для них. Возможно, что долго были зверями? Махонькими, хвостатыми, и теперь стесняются своего прошлого?..»

Идея захватила Отто. Про Пажа он больше думать не мог, навязчивая обида измотала его. А нежность не отпускала, только росла. Проклятье какое-то. Решил, во что бы то ни стало отвлечься. Допытаться в одном коктейле до сути. Историк, хе-хе, с чего только коллекции не начинаются!

Прежде дроидов рыночные люди, конечно, объяснили Отто, что именно он видел. Но доверчивый телёнок именно в этом случае и не поверил! Совсем!

– Отто, – задумчиво спросил его Халиль, – ради выкупа, сколько дней ты видел или слышал, чтоб человек человека на пирамидке продержал? Выкупа или поручителя ожидая?

– Пять дней подряд! – с круглыми глазами отрапортовал телёнок, не в силах тот небывалый, недроидский случай забыть.

– Пять дней… – подтвердил Халиль, он, будучи постарше, превосходящего рекорда не

помнил. – И это в свете миллионов лет нас ожидающих, тех из нас, кто над морем не будет гоняться и с Астарты пуляться в небо, пять дней… Человека бывает, встречаешь, и не вериться, что он тот, кто татушку прошил тебе! Он забыл, как иголку в руках держать… Столько собрал марблс, что можно насыпать горку немногим ниже Астарты и кататься с неё… Отто, а тот, кто разговаривал с мышью…

– С крысой, – перебил уже вкусивший самообразования Отто, – есть разница, это разные звери…

– …ладно, так он имел шанс прожить лет… Несколько десятков. Ну, сто. Вряд ли сто… Знаешь, сколько при этом его продержать могли на пирамидке торга. Без торга. Ну, в плену?

– Тоже пять дней?!

Незамеченный обоими, Паж слушал их под горшком с геранью в отгороженном закутке.

На этом восклицании, – «…как же тебя на Ноу-то занесло, телёнок анисовый?» – желание обнять его до хруста и никогда не отпускать, вышвырнуло Пажа со скамьи и Краснобая прочь.

– Не угадал, – сказал Халиль. – Он мог провести в плену и сезон, и год. И десять и двадцать.

Отто насупился и упрекнул его:

– Халиль, по моему мнению, выдумки, даже страшные должны радовать и веселить. А не наводить тоску. Вот Паж, к примеру… Про бездны у Синих Скал рассказывал, как его чуть не поймали, смехота же! А как поймали ещё смешней! Хотя я-то про море-то понимаю! До колик мы хохотали, вся Арба, помнишь, нет?

Было, редкий случай разговорчивого Пажа.

Халиль развёл руками и поправил очочки на угольных, звёздных очах.

Степень осведомлённости Отто, ноустопщика, относительно тюрем вызывает удивление лишь на первый взгляд.

Сцены насилия в запретной воде самоочевидны, а сцены человека находящегося в комнате с бедной, убогой обстановкой тюрьмы – отнюдь. Впечатление же не длится год, не пьют одну чашку десять лет. Сцены с людьми, которых битком набито в комнате с двухэтажными нарами, непонятно что такое. Наоборот его можно понять: скученность признак дружественного места для полудроидов. Вон, на Цокки-Цокки в закутках «черпнувших лодочек» и побольше парней набивается!

Любопытство Отто к жизни зверодроидов не существовавших, быстро подвело его к зверокиборгам. И эти не существовали! Но, до воплощения не дойдя, оставили в мифах и легендах значительный след. Как будущее, которого ждут, ужасаясь и с нетерпением. След этот не был стёрт, так как, Впечатления с ним - сплошь фантазийные: киношки, фестивали ряженых, игрища. А подобное – никогда не запретная вода. Её много.

Но… Эпоха-то в запретное попала едва не целиком. Та самая, предпоследняя. К Шамании Отто подошёл вплотную, не подозревая о том. Загадочное местопребывание Пажа для него не связалось с упоминанием отдалённого облачного рынка, в котором можно больше узнать о предпоследней эпохе.

Тема Шамании всплыла для Отто, дверь Шамании приоткрылась в неожиданном для такого разговора месте. У Гранд Падре.

Никогда не знаешь, где новости поджидают тебя… «Знал бы, соломки бы в уши натыкал!..» – Биг-Буро проворчал, обнаружив, что опоздал пресечь безобразие буквально на пять минут.

Он давно заподозрил, что Астарта, возведённая Суприори и не слушающаяся его, ближе к кибер-механике, чем к скрытой механике. На рынках у клинчей киббайки и прочее некому отнять, дроиды туда не заходят. Но на континенте кибер-штучки Чёрные Драконы изымали, обнаружив. Эту же, проткнувшую небо иглу, мудрено не обнаружить и тени-нюхачу, слепой со всех сторон! Однако драконы возле неё не появлялись.

Карат объяснил феномен так:

– Не придираются оттого, что эту кибер-механику к телу не присобачишь, телохранителям – пустое место она.

– Подозреваю, что присобачишь, – возразил Буро, – ровно на время взлёта. Да что я рассуждаю перед тобой, технарём.

– Биг-Буро, – Карат хотел очередного коктейля и безоглядно льстил, – ты безупречно рассуждаешь! Такому, как ты не надо быть технарём или баем, что бы здравым смыслом любую загадку распутать!

Буро похлопал Большого Фазана с усмешкой по плечу и подмигнул в строну больших песочных часов: к вечеру приходи, днём у меня что-то не смешивается… Днём вдохновение не посещает.

Облачный рынок, на который ступил Буро, едва обретя возможность летать, стал чем-то особенным для него. Притягивал. У Гранд Падре, не играя почти, Буро проводил много времени. Ему было вместе: спокойно, волнительно и радостно, как рядом с Густавом в первый визит… Оглядывался, будто Марика искал у комодо за плечом. Будто Марик покинул земные рынки, но осталась надежда встретить его на облачных.

Густава обошёл мираж подобной надежды. Проводив Буро, к Гранд Падре больше не заявлялся.

Буро опоздал, Отто успел отыграть обещанную партию за воду с крысой, положившей начало его поискам. У кого же выиграл? Кому службу задолжал ноустопщик, отдавший воду запретного Впечатления? Он задолжал Суприори.

Короче обычного выстриженный ёжик его правильной, красивой головы изучал раздражение даже затылком. Суприори уже превратил мысленно этого ноустопщика, проводника по Краснобаю, в шпиона и слугу, и такой облом. На безобманное поле их привела величина ставки. Последний раз, когда мнимый киборг смог позвать Белого Дракона, после Гранд Падре континент принял его и не отпускал.

Отто не знаком Суприори. Технарь опрометчиво запросил отыграться, и Отто сделал его снова, единственной в наличии левой рукой! Привычно подумав: «Жаль Паж не видит меня!» Стрельнул глазами на входящего Буро и затосковал от сияющей роскоши его одежд, царского роста, непобедимой приветливости.

Суприори, обрадованный лёгкой к отдаче ставкой, рассказывал Отто, что знал про рынок Шаманию. Про засоленную историю кибер-механики. Рассказывал, названия «Шамании» не произнося. За отдельную цену, будто нехотя Суприори согласится найти для Отто «к этому рынку» голубя, проводника. Назовёшь заранее, попросит кого-нибудь другого. Болтать будет, а шаманийцы этого не любят. Молчком – тише и выгодней. Надёжней и безопасней… Вряд ли, зайдя, Отто выйдет обратно… Да и что значит, зайдя? Когда Харон не встречает человека направляющим зовом лунного бубна, притяжение рынка в лепёшку разобьёт незваного посетителя об раму.

К рассказу Суприори Отто проникся полным доверием и по характеру своему, и по причине явного совпадения. Выпитые им соломки эпохи стрижей, содержавшие уличные представления,

принадлежали, как Впечатления, жертвам стрижей и обрывались резко, одинаково: непередаваемым, круговым чувством в горле и по шее, и звуком… «Ййи-ююю… Фьюить!..»

– Что же ты хочешь за сопровождение? – спросил Отто. – Или сыграем в третий раз, на эту услугу?

Мрачный Суприори повеселел:

– Хватит с меня!

– Тогда говори цену.

– Мммм… – Суприори огляделся, будто ассоциаций ища, подсказки у места. – За комплект неприрученных птенцов!

Он назначил очень высокую цену. Эти марблс нужны ему не как игровая фишка. Как ролики для кибер-начинки Астарты. Но отчасти запредельно высокая цена служила успокоению совести: парнишка наверняка не найдёт.

Отто усмехнулся, вынул кисет и протянул…

Вместо того чтоб обрадоваться, Суприори похолодел, став ещё мрачней. Преображённая Астарта и судьба, ждущая марбл-асса, предстали в одной картине. «Чёрт, на вираже попутный

ветер встречного страшней!»

Взял. Рассмотрел пристально, удивления не скрывая.

– Цыпа-цыпа!.. – позвал их, стеклянно гремевшие в кисете. – Цыпа-днеш, беленькие!..

Кивнул. Обговорили день.

Взгляд Биг-Буро от входной рамы был тяжёл и тёмен, как обсидиан подземелий.

Зачем же Суприори, к Гранд Падре залетевшему случайно, не игроку, технарю комплект неприрученных цып, чья суть не легла доверчиво и окончательно в чью-то правую руку, не потратила её на установление нерушимой связи? Затем, что Астарта до сей поры, кого хотела – казнила, кого хотела – миловала, от инженера, воздвигшего стелу, её выбор не зависел никак… А инженер хотел, чтоб зависел. От его правой руки. Какие открываются перспективы…

Перспективы открылись.

Зачин… Было два богатея на Южном, что

ссорились постоянно. И вдруг один из них на Астарте погиб… Ну, что, бывает… А Суприори, снова удивив рынок, купил у второго такое, что обычно не продают… У бессменного держателя места, купил его «уголок белых писем», откуда разлетались эти прощальные лепестки. Пустяшная, кажется точка… Однако прилежала к ней крупнейшая на Южном Рынке голубятня-сокки, и принадлежала ей, как точка, как земля, чей лабиринт простирался, охватывая сектор задворок, до самой рыночной стены. Дальняя голубятня от шатра Бутон-биг-Надира. Ближняя, элитная, стояла к нему почти вплотную и была невелика. А эта – к игровым рядам вплотную, между ними и правым борцовским крылом. Двух и даже трёхэтажные, тесно стоящие голубиные шатры, в которых не торгуют. «Салоны» по периметру, а вызвать птичку можно через «внутреннего голубя», хорошо знающего обитательниц.

Так Суприори стал тем, чем Буро предлагал заделаться Отто, впрочем, ненадолго…

Высоко над Синими Скалами, на пустой Турнирной Площади зеленоглазый дроид-конструктор крутил боевой шест в руке, между пальцами пропуская, улыбался Айну: сейчас

притупим, нетерпеливые же почемучки эти уроборосы… – и рассеяно повторял юному дракону общеизвестное…

Зверодроиды – глупости, зверокиборги – человеческие глупости… Пёс был, да когда это было. Морская Звезда ещё не взорвалась, луна ещё светила.

02.33

Вторым зрителем их разминки на турнирном поле оказался, – без сюрпризов, – Августейший.

Нарочно подгадали, чтоб пустовало оно, да от автономного разве скроешься. Впрочем, он не вмешивался ни советами, ни комментариями, зыркал и перо серое грыз. Его высокая трибуна пустовала, сохраняя флёр покровов, духов красавиц, королев. Гаер топал внизу, по периметру площади.

Гелиотроп жестом несколько раз безрезультатно пригласил его присоединиться к их тренировочным схваткам. Однообразным, для поверхностного наблюдателя не зрелищным.

У Айна прямой двуручный меч односторонней заточки. У Гелиотропа средней длины шест, плеча не достигающий, дзё. Сколь ни уникален, с превосходящим оружием, не устоявшимися азимутами, молчащим троном, с удивительной функцией своей, Айн вчистую проигрывал автономному сопернику раз за разом.

Волнение, нарастающее упорство, заодно с рассудительностью и хладнокровием, обгоняющая досада – вот начальные чувства, которые новый обитатель дроидской сферы успел испытать и они наложили на его характер сильный отпечаток.

Формирующие базово-завершённого дроида переживания оказались турнирными и конкурентными, чтоб не сказать жёстче. Их положительная сторона – в противнике, в отношении к нему, точному, прямому, на йоту лишённому рисования и эгоизма, благородному в полном значении слова. Гелиотроп, отражая каждую следующую атаку, всё подумывал подсказку дать, и передумывал… Меча не держал в руках этот дроид до сегодняшнего дня. Пусть тупит, пускай повторяется, ему будет приятнее и полезней догадаться самому.

Два варианта атаки, сверху косым в шею и

колющим в грудь, Гелиотроп отражал одинаково, чтоб не путать новичка: полшага вперёд, блок такой, чтоб меч лишь скользнул по шесту, а противник на шест напоролся. При колющем прямом Гелиотроп ещё успевал иногда сверху коротко долбануть по мечу, отклоняясь слегка, паузы не делая перед встречным «уколом».

Зрителю просвещённому, Августейшему, например, это однообразное зрелище было в высшей степени интересно. Почему…

Если копьё самое малотравматичное турнирное оружие, то шест и вовсе непонятно, считать ли за оружие. Он… Лифт? Способ транспортировки что ли?

Сеть, которая ловит, но не связывает, клещи, которые берут, но не держат. Такая сеть бестолковая, не определившаяся, где ловец, где улов. Клещи не решившие, с которой стороны у них ручки, с которой «хватало».

Айн лишённый турнирный доспехов, налетая грудью на торец шеста, пропадал и немедленно оказывался на противоположном торце. Если Гелиотроп толкал его в спину, то Айн вылетал со свистом в ушах до края площади. А если нет, успевал развернуться и понять, что даже с учётом

времени, необходимого Гелиотропу, шестом дугу очертить, опережения не случается. Тот снова лицом, снова с ожидающей, механистичной улыбкой. Бесполезно!

Палка, шест, это как бы раскладка клещей. Самая заготовка. Сложить. Затем разорвать, пережав специальным жестом, вот клещи и вышли. Или ножницы. «Посредине гвоздик» будет точкой уже без сомнения относящейся к преображающим инструментам.

Когда Гелиотроп заходил в У-Гли с клещами наизготовку, значит, кто-то из драконов не сильно счастлив будет через минуту. Когда Августейший, – для смеху! – выходил перед настоящим турниром на площадь с огромными ножницами… На шуточный бой публику задирал, осмеливались редкие одиночки из Туманных Морей.

Такой принцип: беспокойства не внушают заготовка и усложнённый инструмент, а то, что от заготовки на шаг отошло, оно… – грубовато, так сказать… Жестковато.

У дроидов, к примеру, есть свои модуляторы микро-макро, им-то важней функция макро, где множества заданных шаблонов воедино

сводятся. Эти модуляторы смотрят, как и дзё Гелиотропа, разбирая и собирая, без перемешивания между стадиями. Сбой возможен, но аккуратный… Вкрадчивый… Так что не сразу заметно, что дырка из правого уха ведёт в левую пятку вместо левого уха…

Клещи же в руках конструктора ошибки не ведают, но - грубоваты…

Как преображающий инструмент работал бы и шест, если сделать на нём завихренье, клапан. Не сделал, там была только стальная кисть Гелиотропа, сжимающая древко. Сквозь неё Айн проскользнул уже сто раз, на йоту не изменившись, если конечно досады не считать, глупо зациклившегося упрямства.

– Предлагаю в качестве домашнего задания, – произнёс Гелиотроп, отступая на шаг и опуская шест.

Айн сделал тот же шаг назад, левую руку на сердце, правую с мечом простёр в зенит. Достигнув точной вертикали, меч убрался в его предплечье как в ножны, только наоборот – с рукоятки до острия. Поклонился. И Гелиотропа поразило нежданное сходство…

Ровно так закончился бой Стража с владыкой Там, с его дорогим, тёплым протеже, творением его, ослушником его… В меч дискрет канул Там, в могущественную руку шута… Долгая разлука.

– Ммможно я?.. – раздалось заискивающее мычание Белого Дракона над площадью.

Уррс фыркнул и сконденсировался от Августейшего на противоположной стороне.

Он знал четыре приёма против этого финта как свои четыре клыка! А шестьдесят четыре уловки, как свои шестьдесят четыре зуба!

– Давай со мной! – громогласно крикнул Августейший через площадь, так что гул по ней пошёл.

Уррс хамски плюнул искрой и отвернулся. Они успели поссориться.

Гелиотроп покачал головой. Позвал обоих в Дольку, с Айном, ничего не поделаешь, примирения ради. Обществу друг друга не возрадовавшись, паяц и дракон, однако, приняли приглашение.

Странноватая сложилась компания, но не просчитанные смеси, как нешаблонные ассоциации в колбе, дают нечто: взрыв или джинна? То и то пригодится!

Уходя через центральный панцирь с начавшей заполняться площади, Гелиотроп сочувственно отметил, что дроиды тёплого семейства не смирились с новым главой до сих пор. Всадник гарцующий у дальних ворот, снова он… Сутулый, флегматично и зорко владыка оглядывал трибуны.

Владыка Порт издалека приветствовал Гелиотропа конным поклоном, общим для него и Георга. Гелиотроп вздохнул, кланяясь. «Ну, по крайней мере, у него классный конь. И терпение размером с поле Юлы… Такое чувство, что оно в нём аккумулировалось! У скольких-то убыло…»

Спускались Улиточьим Трактом. Айн впереди, перед Гелиотропом, иначе Тракт выбросил бы его, второй расы дроида, наверх. За Гелиотропом паяц, в конце процессии дракон, то и дело наступавший ему на маховые перья крыл. Паяц мог бы поднять крылья. И вообще форму поменять. Но не менял и не поднимал.

Очередное перо, выдернутое, под драконьей лапой оставшееся, подождало, пока задние лапы пройдут… Взвилось и с шипением воткнулось в кисточку белого хвоста! В шикарную, шёлковую кисточку!.. Уррс взвыл, кувырок на тракте, это как на узкой железной лестнице для него. Огнём

хвост обдал, клыками вцепился, и выдрал клок пуха, но не перо! Мерзкое, серое, трёпанное, драное!

– Бррратно-тссс! Скверная сссссссстрекоза! Обррратно пошли!.. Фрррах, в небо пошли, к Обманке! Там же рассссссберёмся с тобой!

– Подарок!.. – басом захохотал паяц. – Не стоит благодарности!

– Дрроидсссссское проклятье, из ссссемейства своего не выйдешь до иссссчерпания мира! Полетели драцццццца!

Гелиотроп притормозил Айна, обернулся, нахмурившись… И рассмеялся!

Паяц, коротконогий, крылатый, плешивый старикашка в кургузом пиджачке с жабо, накрепко обвитый драконьим хвостом, с пером не извлекаемым, уклонялся от алого пламени, бьющего в лицо! А уклоняясь, успевал короткую гриву Уррса в пряди укладывать, бормоча:

– Ничего-ничего… Покрасивше сделаем-сделаем, лучшим образом устроим…

В его руке мелькало, кинжалом занесённое следующее перо, заколоть в гриву.

Толща морская синела вокруг…

Сквозь алый огонь из его же пасти плошки уррсовых глаз, бешено вращались, вылезая из

орбит, следя за рукой в диком отчаянье. Нервный тик отбрасывал зрачок в сторону, ужас возвращал на место.

Бесчувственному хохоту Гелиотропа внимало Великое Море, не подозревающее о Тракте, тени шарахались прочь… Гигантский кардинал распахнул створки крыльев и улетел в синюю тьму…

– Хелиос, – взвыл дракон, – я откушу башшшку ему! Прямо сссейчас, извини!..

– Ку-ку! – среагировал Августейший.

И воткнул себе это перо в макушку, в плешь!

– Не подавись, дорогой! Поперхнёшься, придётся пощекотать тебе горло третьим пёрышком!

Он рыкнул, вздрогнул. Из-под драконьего хвоста резко выдернул крылья. Они хлопнули, и мелькнул в оперении кусок меча… Штриховка дискрет. Блик шлифовки. Страшной заточки лезвие.

– Братик, прекрати!

– И не подумаю! С каких это пор мне низззя?

Конструктор всё ещё смеялся:

– Он Тропу пожалуется! Уррс, скажи, чего ты молчишь?!

- Пожалуюссссс?! Я-сссссссс?! Хелиос-торопус-тропус!.. С перьями сссссссъем! Извётрышшшшш плешивый!

И съел бы!.. Будь, что будет!

Но Айн тихо сказал:

– Пора… Скоро взойдёт луна.

Всё трое замерли. И к нему обернулись. Остановились орбиты на миг. О, какой ощутимый для дроидов миг небытия…

Для каждого взошла эта луна.

Счётчик того, чего нет на свете, попал, не целясь, одной стрелой в три разные мишени.

Он не имел цели прекращать их потасовку.

В самом деле ощутил что «пора», что «скоро взойдёт».

Гелиотроп вдруг подумал, что этот дроид не умеет смеяться. Совсем. Впоследствии наблюдения подтверждали его догадку раз за разом. И он начал думать, а что произойдёт, если всё-таки рассмеётся? Не выпь ли он? Не напугает ли всю дроидскую сферу, как Троп своим голосом?

И Августейший много чего подумал.

Так или иначе, они последовали словам Айна, будто приказу.

Перья исчезли, кольца хвоста разошлись.

Теперь паяц шёл как четырёхногий, суровый Страж. Уррс в облике человека. Они больше не сердились друг на друга. Они были вместе, Айн – отдельно. Ни в чём неповинный, Гелиотропом заслонённый от них, и просвечивающий сквозь Гелиотропа…

– Ящерица, ты что ли, с Тропом над обманкой кружишь? – спросил Августейший, припоминая. - Видал два силуэта, что за топ-извёртыш, понять не мог, думал, Тропа на Пухе Рассеяния отражение.

Уррс кивнул.

– Он считает, Троп, что с вами не

поразговариваешь…

– А с тобой, типа – да? – прищурился Страж.

Уррс понял его колкость: интересный, типа, ты собеседник? За молодостью лет он себя таковым не считал и скромно добавил удивительное:

– Он рассказывает. Это – да… Ему есть о чём… Я с радостью, мне интересно.

«Оппаньки! Голоса тропова мы не пугаемся?! Совершенно?! Что ж, - подумал Стаж, приплюсовав Аномалию-Линь, оранжевоглазую, – теперь в сфере Юлы насчитывается минимум три уникальных дракона. Причём, я не уверен и про двух новых, в сфере ли они, или подле сферы…»

Вслух сказал:

– Не теряй этой дружбы, ящерица. По перьям ему не топчись.

Уррс хмыкнул. Уж год как не уроборос, а кругом по-прежнему одни советчики!

Планы, планы… Планы – смешная вещь! Смешней всех выкрутасов Августейшего паяца. Он-то с Уррсом, как гости, кстати пришлись,

очередной концерт в Дольке устроили, заодно тиски ломанные поправили Гелиотропу: Уррс драконьим огнём их расплавил случайно, гаер перековал, раз уж так, не выбрасывать же вещь… А вот званый Айн не понадобился конструктору, потому что…

«Взошла луна…»

Его слова на тракте относились к тому, зачем зван, к серпу бумеранга… Ведь Айн – счётчик отсутствующего. Турнирный инструмент «серп в меду» вместе с мёдом доспехов успел раствориться в кладовке Гелиотропа. Бывает с таким оружием. Ускорился, недостающую скорость выхода их лат наверстал. До полной луны восстановился в медовом ореоле окончательно уничтоженных лат… И испарился, ушёл в Пух Рассеяния. Таким образом Айн увидел его, а что увидел, то и сказал с небольшим, бессмысленным опережением: луна успела взойти и пропасть в облачной дымок у подножия Горы Фортуны.

Августейший глядел в панорамное окно и видел Великое Море сквозь все облачные миры. Видел, как лунный круг отражается, слабеет и разбивается рябью волн. Завидная острота зрения!

– Чей ножик-то? – грубовато спросил он, как в тех случаях, когда пытался скрыть волнение. –

Кто с такой чепухой на турнир вылез?

Гелиотроп не знал, чей. Ему от драконов достался, они над Турнирной Площадью в небе поймали, как залп фейерверка.

– А что? – переспросил он.

– Ничто… Не помнишь что ли? У дроидов желания было всю войну…

– Такое?!

– Да уже не тающие ножики!

– Твоя правда, братишка…

Сюрикены грозовые у них были, полные луны… Этот же нож, подобно дроиду желания повёл себя, две фазы продемонстрировал и пропал в две стороны разом.

Удивительно, что вокруг кадки Гелиотропа апельсиновый запах однозначно веял! Деревце же вело себя как угодно, но только не как деревце: покрывалось как нимбом, помимо ветвей, делало вид, что листва шумит на ветру, сбрасывало её, цвести не собиралось, но плодом благоухало вовсю! Ждёт чего? Может в своё время и апельсин предъявит таким же парадоксальным способом?

02.34

Десятидневные виражные гонки на прибрежной равнине закончились. Чествование победительницы и вечерний салют тоже. Нико развлекалась, как всегда – в отличной гоночной форме. Махараджа был счастлив: хоть не над волнами! Вслед за ним и Нико, публика переместилась на Мелоди, продлевая праздник.

В равниной тьме, поперёк разделённой на густую тьму земли и разбавленную тьму неба, светились, ради ночной части гонок фосфором выкрашенные, брошенные шесты разворотов, круги манёвров, закреплённые на них едва, чтоб при малейшем задевании падали. Арки наземные, ажурные. Тоннель извивался, будто рёбра змеи. Ночной ветер трепал два вертикальных флага: старт и финиш.

Море невдалеке выло голосом Пажу незнакомым. Ловушечным… «Приди… Подойди…»

«Тьфу, на сухопутных людей рассчитано».

Паж скривился, не проймёшь его такой ерундой, а задевает. Со злорадством через несколько минут он отметил, как вдохи косяков ро, беспредельность державшие за край горизонта, как пиалу за кайму, приблизились необычайно… «Оу… Ооу!.. О-ууууу!.. Уууууууу…» Такое ощущение, что они на берегу, вышли и ромбами стоят… Воющий голос взвизгнул и пропал с хрипом. Перерезали.

«Довылся… Тупая тень».

На прощанье легонько хлопнув Белого Дракона по скуле, обращённой к нему в ожидании, суровой морды, Паж припал к хребту и сквозь зеленолунное кольцо гоночного препятствия пролетел ловким кувырком. Спрыгнул. Дракон растаял.

Ни то, ни сё, дурное освещение: огоньки дроидов видны полосой, к небу рассеиваются над прибоем. Досюда не долетают, во тьме ничего не видать. А фосфор шестов раздражает глаз. Паж поморгал, сдвигая плёнку на глазах, и его зрачки зажглись двуцветным переходом, от болотной тины под верхним веком к аметистовой точке над нижним. Вертикальными стали. Не зрачки, а две аметистовые слезы, замёрзшие. По ним видно, что не вздумают капать. Маска

демонического Пьеро.

Настроение ныряльщика ей не соответствовало, приподнятое, самодовольное. И по-праву!

Сегодня нырнул чисто, вынырнул путём. Через все тёплые, мимо ледяных источников, адов собачьих. Даже полетать и высохнуть успел. Осталось явиться к заказчику. Кубик в кармане. Завтра воля, выручка, оплаченные счета!..

Полная воля на предпоследний день! Гранд Падре ждёт, и не только он...

«Сколькие ждут!.. Сколькие не думают сейчас ни о чём, кроме марблс-поединка у Гранд Падре... Если бы внимание людей, прикованное к одному месту, имело вес, облачный рынок на континент рухнул бы, сверху на Южный Рынок встал!»

Без преувеличения. Так напряжённо давно ничего не ждали. И он. Но он всё-таки больше ждал предпоследнего дня.

С чувством, как говориться, смешанным... Что смешано? С чем?

Бывают коктейли путанные, – Халиль, жалевший воду на них, не делал впрок, лишь по специальной просьбе, – когда компонентов на стопку больше десяти. Взбиваются почти до морской воды, до разбивки на свободные

Впечатления. Получается перец, острое, фрагментарное питьё. Момент, когда пора прекратить взбивать, сам себя обнаруживает: стопка разогревается и резко остывает. Третий способ получить тепло. Помимо первого – огня, относящегося к неживому миру артефактов, второго – Огненного Круга, разогревающего питьё ача, относящемуся к живому. Это нечто третье – краткое тепло Впечатлений. О нём, о таком коктейле и свойстве, Паж задумался, стоя в равнинном мраке, ожидая голубя от заказчика.

Голубь на свет его вертикальных, аметистово-тинных зрачков приближался без восторга…

Тормознул дракона, слез и пошёл пешком, руки с гривы не убирая. Паж усмехнулся. Моргнул. Зрачки перевернулись, легли горизонтально… Голубь остановился.

Паж снова моргнул и не увидел голубя…

Небо просветлело на несколько секунд огромной, тающей драконьей мордой, размытым облаком прощания…

«Каких леших-зёрен-придонных опять! Вечно настроение испортит!»

На месте голубя над зияющим провалом в

сырую непроницаемую тьму стояла бесформенная копна. Жевала. Держала в двух гибких щупальцах два шара глаз… На уровне как бы пояса, если счесть копну антропоморфной. Глаза были протянуты к Пажу, они тоже имели вертикальные зрачки, тоже мигали веками без ресниц, как бы кланялись, приветствуя его.

Демон близорук.

Но демоном ещё пока называться может, копна эта была стрекалами. И не его, а тени, носимой вроде шляпы. Под ними демон антропоморфен настолько, чтобы, скрывая рост, присев на корточки, все пять колен согнув, в широком плаще и под маской ходить рыночными рядами. Охотился таким способом, бесхитростным. Днём оставлял записку вызов в голубятне. Ночью голубя в условленно месте поджидал. Откликались редко, голуби робки. В этот раз повезло.

Паж с досадой подумал: «Не пугался бы ты, голубок, моих зрачков, ближе подлетел, глядишь, жив бы остался. А я б ими не лупал…»

Демон вежлив. Красиво ли рассчитываться на пороге? Со старым знакомым?

От приглашения Паж не отказался.

Уже предвкушавший на драконьей спине полётную, тихую, вольную ночь до утра… Утренний Сад… Визит за сладкими плодами… Очень сладкими, для шаманийца прекрасными… Паж пожертвовал ею. Ради задела на будущее.

Рыночникам надо одно и то же: глубоководный лёд, субстанцию добываемую просто и утомительно. Даже риски тоскливо однообразны, внимание замыливается, по-глупому бы не пропасть. А от своего брата демона можно ожидать заказа неординарного, заковыристого, сложного. Чтоб труда поменьше, а чести побольше! Чтобы виртуозно рассчитать, вынырнуть с добычей и гордиться!

«Осой», актиньей-осой звали демоны моря Пажа промеж себя. Это – титул!..

Он не был охотящимся ача. Вытащивший и костерком согревший его Амиго испугался тинистых глаз напрасно. Но природу ныряльщика верно уловил. Охотящимся – не был, ача – был. За его метод и прозвали Осой, жалом, атакующим актиньи.

Обнаруживая в кругу щупалец, в просвете стрекал пойманного ныряльщика, пылающего насквозь, которого только яд и подводный холод

удерживали от распада, убедившись, что это не та стадия, регенерация с которой возможна, Паж впивался осой с разгона в щупальца. Ударялся в хаос сияния, в нерастраченное тепло и сладостную, восхитительную наполненность связных Впечатлений. Отнимал, короче, добычу. Оса смерти для всего конгломерата. Тем оправдывал себя: истребляет злые тени.

Реально актиньи встретились ему меньше десяти раз, и почему не погиб от их яда, Паж сам не знал. Как ача он не останавливался. И впредь не собирался. После того, как человеком подплыл, оценил ситуацию и сказал себе: можно, он до полного насыщения становился осой, тупой осой, тупой тенью, решительной как всеобщий, лютый подводный голод.

Отнимал жертв у тридакн, у небольших кардиналов. У теней ро, если успевал отнять. У пёстрых змей отнимал, впитывая всем телом тепло и влагу, раздавленную их же кольцами. В их пёстрых объятиях забывался, едва-едва не гибельных и для его жилистого тела. Змей он оставлял в живых, поскольку и они не пытались сожрать полудемона, слишком прохладного для их рефлекторных сокращений. Подчас огромные как стволы дерева, эти красивые сотрапезники

нравились ему, сентиментально к змеям относился.

Упавшие гонщики, естественно, редкость. Смешно предполагать, что это удовольствие Пажу – на каждый заплыв. А останки людей – светящиеся клубки, неусвоенные, по цепочке отнимаемые тенью у тени, встречаются, если знать, где искать. Тени агрессивны, но усваивают плохо, так как, Огненного Круга не имеют. Встречаются наполовину люди, наполовину падающие факелы, погибшие очень давно и выплывшие из гиганта после его распада.

Халиль, который парил над астрой, над самым дном, тёплый, горячий, отравленный, полусонный, был для Пажа серьёзным искушением, с честью преодолённым.

– Ос-са, приветствую тебя на суш-ше! – щёлкающим, раскатистым и ломким голосом обладал заказчик. – Чк-чк, положи мне сверху на весы слова твоих последних приключений. И я тебе кое-чего сверху обговоренного положу.

Весы реально стояли перед ними. Напольные, большие, две чёрные чашечки на золотом коромысле, стойка чёрная. Чашечки в равновесии замерли пусты.

Обстановка подземного убежища и вид существа, обставившего его, произвели бы сокрушающее впечатление на кого угодно, на человека, полагавшего, что видал всё. Размерами. Тут демону незачем припадать на четвереньки. Обилием и функциональной согласованностью нечеловеческих, сугубо недроидских, приспособ…

Дома он, Ухо, разделся, как сделал бы простой человек, без гостя пришедший, или к гостю пренебрежительный. Это не нарочно, недостаток манер и тяжело ему. Хотя на вид и не скажешь. Исполин уронил плащ мимо вешалки. Да, она имелась. За каменной, со скрипом отодвигаемой дверью, без петель. Каменный блок без ручки, с отверстиями под пальцы. Накинул парчовый халат, пояса не завязав. Дальше проследовал, подол волоча, как шлейф…

«Ухо»…

Ухо занимало весь его лысый затылок. Не в смысле, ухо с мочкой… Воронка внутрь. Естественное желание океанского жителя, наблюдать за опасностью и со спины тоже. Ему удалась из намеренных вот такая трансформация.

Пещера в целом походила на дом. Только потолки везде высоковаты, как своды в готическом храме.

Прихожая с Падающими Факелами в виде не рыб, не лепестков пламени, но, раскинувших руки, вниз головой падающих, людей. Высоко на сводах закреплены факелы, их ореолы расходятся зримыми, сквозняком нетронутыми, овалами. Что это и есть останки людей, Паж понял, едва глянув.

«Слепил… Объединил с обычными факелами. Для красоты что ли?»

Для страшноты! На самом деле, чтоб дольше на воздухе светили. Ярче.

«Гостиная» освещена факелом более старым, очертания тела превратились в извивающуюся четырёхконечную звезду. Нижний луч в сумме как три верхних, так что и она – падающая, А три как встречным потоком сносимы. Он не закреплён, парит на тумане, восходящем из широкой плошки. Паж вдохнул и кашлянул, давно не нюхал такого, тем более не пил. Этот факел приятней, и цвет его старый, в аметист, как у Пажа вертикальные зрачки. Рядом с плошкой, под светильником упомянутые весы. За ними – стенная ниша, всё сразу: спальня, столовая хозяина, не отгороженная от зала.

В спальне-трапезной-нише Ухо восседал частью скалы. Подножия под все десть колен, гнущихся в любую сторону, хоть лестницей, хоть замыкаясь в два угловатых колеса на месте ног. Подголовник, чтобы шеей опираться, а ухо бы продолжало слушать стену, вибрациям почвы внимать… Полно чашек на кронштейнах, на кольцах. Некоторые пусты, большинство поблёскивают, налитые вровень с каймой. Для демона – неплохо устроился.

Обстановка выдавала желание хозяина сохранить сколь возможно человеческие приметы.

Зал с книжными полками вдоль стен. Старинными фолиантами, – интересно, раскрываются ли они, или намертво окаменели? Остроумная вещь: водные альбомы. Без придонного льда такое не сделаешь. Впечатления законсервированы листами. Можно понюхать, на язык попробовать. Можно вырвать, скомкать и «прочитать», кинув в рот. Имелись и чистые страницы. Имея с собой связное Впечатление, можно записать его в альбом, вылив на шелковистый, полупрозрачный лист…

Камин источает озарённый пар. Полагающиеся к нему аксессуары: решётка, совок, щипцы, часы на каминной полке…

Столики, выгрызенные из скальной породы, лампы, цельные с ними, не горящие, но выполненные искусно…

«Этой пастью выгрызенные? С ума сойти…»

Напольные вазы, в них цветы, частью морские, окутанные паром, частью искусственные с рынков, живых Паж не обнаружил. Большущий кактус. Непонятно… Гостиная, качественная имитация гостиной.

Из функциональных вещей – плошки с водой, как те, что под руками хозяина.

С трудом, но угадывалось тяготение к конкретной эпохе. И вместе с тем – сделать удобно. Глазам другого демона это удобно выдавало, что и без того знал: что хозяину перемещаться тяжело. Не из-за каких-то дефектов в десяти коленях. Из-за того, что он для суши и для самого себя слишком тяжёл. Отсюда и редкие визиты на рынки, отсюда в неудобном положении ног, скрытых плащом, неестественно плавная поступь. Будто катился, перетекал.

Зато если бы Ухо вздумал топнуть, то мог проделать трещину в любом месте земли, с любого места уйти домой, проламываясь сквозь обсидиан. Грызя его! «Ухо грызёт обсидиан, –

хмыкнул Паж, разглядев странные отметины, полосы на стенах, – как шаманийцы безе». На Оу-Вау всё собирался для своих заказать, да так и не собрался.

Повсюду недроидская суть в обрамлении интерьеров: от ламп до выступов стенных, до углов полок, ножек журнальных столиков, столешниц, как крыши пагод, загнутых углами вверх… Рогами - загнутых вверх. Везде разбросаны они, бокалы ача: миниатюрные, длинные, спиральные, гладкие, с насечками гарпунными, чтобы жертва не сорвалась. Гарпунный рог Ухо носил на груди, не снимая.

Ухо – ача, куда без того… Но голову, челюсти он превратил в инструмент для бурения, пригодный сквозь землю и скалы проходить. Жала не сохранилось, а ведь не зубы нужны, что-то колющее. Даже у Буро – обыкновенный человеческий, но очень длинный язык! Ухо не имел никакого, потому чавкал.

Топнуть Ухо мог где угодно, во всякой точке Морской Звезды. С поправкой на то, что и Бутон-биг-Надир не хуже мог топнуть… Редко, с оглядкой демон Ухо появлялся на Южном Рынке.

Пару раз моделью бывал, демонстрацией

для Буро, беспрекословно выполняя унизительную службу, показать, что бывает с теми, кто: «Буро, я уйду в Великое Море!» Ага, а потом выползу на «великий берег» тысячелетие за тысячелетием подыхать. Иди, только глянь сначала.

02.35

Колосс… Громада… Нешуточно страшен.

В парчовом халате, обтекающем его как расплавленное красное золото, торс человеческий – валуны мышц и костяк плеч, ключиц, рёбер… Если сплести четыре пёстрые, морские змеи, каждая из которых толщиной ствол каменного дерева – таковы были его руки, тяжко лежащие в каменных нишах подлокотников. Истёрся камень, потрескался под ними. Колени Ухо как человек согнул, посередине. И развалился… Когда так разваливался, мощь свою переживал вполне. Излучалось из демона это оправданное самодовольство… А лицо?

Лицо его был таково, что в одну из редких

встреч Буро на прощанье бросил: «Не показывайся ты им, дроидского света ради, когда жрёшь их! Должно оставаться в нас хоть что-то дроидское?»

Ухо с трудом удерживал нейтральное выражение морды, но когда в глубочайшей задумчивости оно проступало само, то превосходило жутью обе крайности.

Для носа места осталось мало, он короткий и широкий, ноздрями наружу, вырезанными глубоко, как при гримасе. Под ним две трети правильного овала лица, – форма черепа сохранна, – занимал рот. Пасть. Либо ощерившаяся ухмылкой, так что углы губ – до глаз. Либо морда вытягивалась вниз подковой, и все непобедимые зубы, два плотных ряда представали миной горя и угрозы… Узкие, ссохшиеся от соли губы с трудом натягивались на них. Как выглядит бур горнопроходческий? Так и его частые зубы немного разнесены: один вперёд, другой поближе к глотке, чуть развёрнуты и наклонены.

Оставшуюся треть лица, то есть весь лоб, занимали два шара глазных яблок. Зрачки узкие, свободно вращающиеся.

Когда Паж протягивал что-то или начинал жестикулировать, Ухо вынимал то левый глаз, то оба и подносил поближе к нему. В такой момент

Пажу представлялось, что глубокие провалы глазниц рады успокоению… Рады бы и так и остаться… Но Ухо возвращал белёсые шары на место.

Нет в Паже надменности, самовлюблённости ни на грош, ни на битую раковину. А ведь он, развалившийся в дивной архитектуре кресла-замка готического напротив, он – человечек, человечишко, каждодневно нырял туда, куда эта громада… Не мог? Ещё как мог! Боялся!..

Пловец Ухо идеальный. Четверные питоны рук, бёдра и голени, и линия хребта – дополнены невысоким сплошным плавником. Пловцу и ныряльщику конструкция идеально подходит. Гибкое, могучее, запредельно тяжёлое Чудовище Моря. Но Ухо ловил мелюзгу теней прибрежную. Караулил гонщиков под трассой… Туда, куда Паж нырял, даже не заглядывал!.. Глаза застил ужас, вываливались шары его глаз, когда обращал лицо к фиолетовой бездне, вдоль Синих Скал взглядом скользя…

А Паж нырял, и хоть бы что. Без осечки приносил заказанное. Иногда сюрпризы. Ну, что до сюрпризов, то и Ухо, живая каменоломня Морской Звезды, удивить способен…

Как-то раз, вечером не дождавшись своего цокки, и в ночь не дождавшись, а дождавшись к утру, Буро в сердцах сказал ему, ледяную одежду мнущему, пробиравшемуся до ледяного кармана и подарка в нём:

– В облаках и под облаками, Або-цокки-мой-Паж, лишь ты и чары мало-мальски ума не нажили, ничего не боитесь! Або мой, может, ты – чара? Может, я чего-то в тебе не доглядел, что-то несуществующее между ног примстилось?..

Паж рассмеялся, от холода его смех был абсолютно беззвучен.

– Я очень боялся, Буро! Я всякий раз страшно боюсь! Что ты вот это самое, пока я плыву и бегу, про актиньи-дёсны, ага, угадал, сидишь и думаешь! Боялся и очень-очень спешил, но мои руки и ноги замёрзли, плохо бежали!.. Они виноваты, Буро, я не виновен!..

– Ну, так дай я их за это согрею...

Ухо скучающий, жадный – стабильный заказчик для Пажа. Интересно на этот раз совпали их взаимные бонусы.

Пажу был заказан какой-нибудь скальп из «ежей», то есть, не сама тень, а скорлупа, оставшаяся от тени тела. Штука схожего порядка со скорлупой каштанов. Образуется на значительных глубинах. Как правило, не опасна и не нужна. Яд вымыт давно, худшее, наступив, уколешься. Но для способного разгрызть её, перетереть зубами, полезна в высшей степени, ибо усваивается без побочных эффектов, непосредственно тело укрепляя.

Помимо заказа Паж не принёс ничего, а бонус в том, что попался ему скальп «замочного ежа» – придонного монстра, на последней стадии представлявшего собой обратный клапан. Без чего бы то ни было в смысле резервуара. Просто клапан. Всё что перед ним – пища, позади – источник постоянного течения в Великом Море. Крепкий втройне: монстр живёт долго, передвигаться вовсе не может, и уж никак потревоженным быть ему не суждено!

По молодости лет Паж любопытствовал, выбирал течение и плыл против него. Порой течение пропадало, порой оказывалось круговым. Порой – завихрением от многотысячной стаи теней ро, от морского гиганта, который сам по себе система внутренних

течений, полупрозрачный, дырявый, монументальный дом для кого ни попадя, переживший создателя на века. А случалось, течение приводило его к заднице, к тыльной части замочного ежа. Понаблюдав за окрестной мелюзгой, очень скоро Паж разобрался, что подплывай с боков хоть вплотную, а вокруг ни-ни!..

Поскольку этим монстрам годится в пищу всё, от несчастных гонщиков, до подобных ежей, осевших на мелководье, теней всякого рода, комков, останков, а на излёте и свободные Впечатления великого моря сгодятся, монстры-ежи неуклонно растут, достигая размеров, когда их легко принять за элемент пейзажа морского дна. Гору. Шипы обычных ежей - всасывающие жала, они длинны, иллюзию разрушают. А у замочных ежей, походящих на гору с пещерой, внешние шипы, за ненадобностью истончились, стали как покров кристаллический, как шерсть зверя под инеем, поверхность блистающего камня. Замочный ёж кушает внутренними шипами, они у него как обоюдоострые ножи. Но снаружи-то не видно, что там в гроте!

Задача Пажа была сложна необходимой проверкой: дохлый ли ёж. Поскольку, давно

устоявшееся, некогда им порождённое, течение благополучно движется и сквозь скальп. Нужно подплыть со входа. И заглянуть.

Паж привязал себя верёвкой с белому стволу каменного дерева, узлов навязал на ней, и по узлам перебираясь, очутился на входе в грот, в пасть. Течение мотало и било его, но скальп был стар и необитаем… Повезло.

Как Паж принёс в шкатулке гору со дна Великого Моря? Он принёс замок от замочного ежа. И несколько иголок, дабы не разочаровывать голодного, ждущего что погрызть.

Замок это лишь по названию. Это вещество на входе. Вещество феноменальной тяжести, плотности, роднящей его с заказчиком. Сравнить можно с песком, который останавливает течения, который достаточно рассыпать, чтоб течение над ним не прошло, начало огибать. Ёж имеет его как предохранитель, на случай ему лишь ведомый. Держит под спудом обычного песка. Но морские обитатели про удивительные свойства замка осведомлены, раскопать грунт под скальпом считают за невероятную удачу.

Ухо улыбался подковой страшной пасти,

превзошедшей в изгибе высоту глаз. Два шара лежали в ней, как пузырьки на краях чаши. Цокал языком, нюхал кубик черными, глубоко вырезанными ноздрями. Паж вертел в руках свой гонорар: мешочек каштанов не шаманийских, с Горьких Холмов принесённых, пил и развлекал демона рассказом про клинчей, про близящуюся игру.

За рассказ, за дороговизну принесённого замка он получил в подарок ключ. Этот уже не по названию, настоящий ключ. Докуда Ухо дорылся под землёй, круша гранит, пемзу, кремень и обсидиан? Ужас гнал его время от времени, иррациональный ужас гнал вглубь земли. В иные дни ради любопытства рылся горизонтальными ходами, объединяя в сеть случайные открытия.

Передавая Пажу ключ в виде штопора или сверла, Ухо сказал приметы, где дверь искать:

– Найти место можно Ос-са, если от огньков др-родов, чк-чк, где сужаются они, а не текут, заворачивают обратно…

Есть такое место, демону пройти неприятно, но реально, Чистая Вода забвения там сильно разбавлена морской, образовала крошево ледяное.

– …и по расщелине вниз.

– Благодарю, Ухо, готов тебя выслушать. За

чем нырять?

Демон задумался, на весы замок положив, бутылку коктейлем заполняя по каплям. Бордовые густые капли… Ради этого ингредиента изредка встречался с ним Буро.

Щедро, но Пажа больше заинтересовал ключ. С брелком. Паж увидел кнопку встроенного брелка. Не для кармана, а в тело втыкающегося. Значит – кибер-механика. Кнопка не работала, эмблему на ней этими зрачками не разглядеть. На ощупь – выпуклая, неровная полоска. Паж подышал на кнопку, покачал ногтём… И она выстрелила.

Промазала, в полудемона прицелиться не смогла. Ключ с открывшимся брелком лежал на колене Пажа, ослепительный и простой. Буква «тэ», столбик штопора и перекладина с закругляющимися вниз концами. «От-как… Оно и на кнопке, уверен». Шаманиец сразу и без сомнения узнал в брелке – расправленные стрижиные резаки.

Они услышали глухие хлопки и оба вздрогнули. В такие моменты Ухо срывался вглубь земли. Стучались как белым днём на рынке! Чьи шуточки? Этого не может быть,

потому что этого не может быть никогда.

Как совпадения, действительно не может. А как визит, оно уже случилось.

Хозяин и гость плечом к плечу пошли отрывать, ну, плечом к бедру, Паж мелочь рядом с ним. Вцепившись в плиту, Ухо отодвинул её со скрежетом, повторяя про себя: «Надир, больше некому, это Надир». И Паж подозревал, что он.

Ни с какой стороны не Надир.

За дверью, на фоне подземных разломов, маленькие куколки с фонариками в руках, стояли две девушки. Одна закутана до глаз. Вторую Паж знал по Архи-Саду. Блондинка с фарфоровой кожей, с переливчатым перламутром глаз, демон моря, возлюбленная того, с кем не сталкивался ни в плохом, ни в хорошем смысле, надеясь нейтралитет и впредь сохранить.

Селена поздоровалась молчаливым общим поклоном, не решив, кому первенство следует отдать, знакомому или хозяину. Педантизмом Густав заразил её навсегда.

И сразу призналась:

– Прошу просить меня, Паж, я следила за тобой.

– Чему обязан?

– Нуждой в знакомстве.

– Вас представить? Извольте, сумасшедшие красавицы… Ухо…

Аурoруа сбросила накидку с головы и протянула вверх чудовищному колоссу руку первой:

– Рори, очень приятно.

«Уважаю таких! – восхитился Паж, припомнив с тенью стыда себя в момент их знакомства. – Платиновое солнышко. Две блондиночки… Полночь… Километр вниз под прибрежной равниной… Или это сон, или что-то невообразимое!»

– Чк-чк… – поцокал демон, задвинув плиту и увлекая гостей за собой. – Не я же, о ёжи, ёжи, чк-чк, придонные, предмет твоего поиска, Рори? Про какие сокровища недр земных вы пришли сюда? За какими?..

Селена улыбнулась. Паж, представив её, сказал:

– Видишь ли, Ухо, не похоже, чтоб речь пошла о сокровищах. У принцессы Великого Моря всё море – её сокровищница.

Ухо пощёлкал рядами плотных зубов ещё уважительней и отвесил Селене поклон:

– Чёрному Господину полезен быть рад. Рад быть полезным. Злой Господин может рассчитывать на меня.

С улыбкой Селена покачала головой, речь не об этом, и кивнула:

– Передам.

А Рори сказала:

– Господин, это я, не она. Я пришла пригласить тебя. На игровой Южный. Позволь пригласить тебя!.. На тиры, на карусели. Позволь купить для тебя билетик…

От парней-то их ускользнуть посложней было, чем за Пажом проследить! Обманщицы торопились, слиняли с Мелоди, на него и вернулись, оставив Чудовище Моря с полудемоном наедине. Под сильным впечатлением от своего визита оставив. Молчаливыми. Обоих повлекли реки памяти вспять.

Ухо - в те годы, когда прелестные девушки звали развлечься, повергая его в смятение потому лишь, что не привык ещё к обществу прелестных девушек… Так и не довелось привыкнуть, не успел… Но тогда их появление не

означало экстраординарных обстоятельств.

Знал бы он, как страшен со стороны, погрузившийся в невинные помыслы чудовища, скрежеща зубами, которым досталось столько голубок, тогда как губам… – одна, да и та… Чего вспоминать. Голубка и есть голубка, притворщица.

Зубы демона… Ссохшиеся губы, мерзкая оправа, из неё наружу вышедший бор алмазный… Грязный, корозийный, ржавый в промежутках, бликующий на гранях… Сложный, функционально совершенный инструмент… Челюсти скрипели, скрежетали в задумчивости под шарами глазных яблок, запавшими тёмные в пазы.

Собутыльника, расслабленно возлежащего в кресле, их вид отрезвил от тысячелетнего хмеля: «Зачем?!»

Две куколки, словно отражённый свет проникли в пещеру, где не бывает солнца.

Они и – это…

Вот так и трезвеют вдруг, узрев несочетаемое.

Не на Ухо Паж взирал, прикладываясь то бутылке, то ко фляжке ноустопщика, на себя… Кубик вязкого льда, катал во рту, омывал тёплым питьём ача, холодной тоской Ноу Стоп. Мешанина обыкновенного человека сбила бы с ног при первом глотке. Как на рынках «карусельной гравитации» жил бы несколько дней, ни рукам, ни ногам, ни языку своему не хозяин! Демону – хоть бы хны, фон, привычка. На фоне запретных и остывающих Впечатлений, режут тьму хвостатыми ромбам теней ро, косяки настигающих его вопросов… Зачем?!

«Зачем?! Ради чего?! День за днём, год за годом… Лакричное небо, опрокинутое небо Аволь, отчего я сразу не спросил себя: где ты, Паж?! Ты ныряешь, ты мчишься, полосами расчертив морду… Не нападут, настолько тупы, настолько! Ты уходишь на глубину, где похолодание каждого следующего течения говорит, что на этом ярусе нет уже и таких тупых… Ты выныриваешь с добычей, и отдаёшь её таким же на материке! Где же я?! Паж, ты в море? Ты на суше? Где ты?.. Много ли успел собрать счастья за такой жизнью? Док

стрижиный? Приблизился ли к собственному имени? Зря лунный круг зовёт тебя док-шамаш! Ничего не успел, ничего не распутал. Как шло, так и продолжается угасание каждого шаманийца, кто всего лишь хочет кайфовать и знать. Девять из десяти кайфовать, десятый – знать. И те, и другие в своём праве. А кому из них ты помог? Никому! Сколько лунных братьев тузик увёл у тебя на глазах? Ты помешал ему? Что ты сделал? Ничего! Ты нырял ради демонов и пил на Ноу! И ты док-шамаш?! Ты тупая соляшка Великого Моря, промёрзшая и просолившаяся тень! Ради демонов, от демонов к демонам, вот вся твоя жизнь! Ой ли, они тупы, те что ловят в океане, на суше нанимают тебя? Не тупей ли ты, мечущийся промеж?.. Я должен собраться. Я должен упорядочить свою жизнь. Хотя бы те записки, что собраны по каштанам. Каковы бы ни были пусты и однообразны, попав к человеку более толковому, чем я, они могут направить его, указать направление дальнейших поисков. Упорядочить и передать… Докстри, Чуме… Буро копию, и копию для кого-нибудь, кому он сочтёт нужным… Есть у него… Всякие… Изгнанников сообразительными считает, будто время жизни их не обрезано, а сжато, сконцентрировано, вместе и соображалка… Я так не думаю, но Буро виднее. И этот ключ. Не зря же он пришёл ко мне».

Лунные бубны стучали у него в ушах с упрёком? Солнце Собственного Мира звало? Впрямь разрозненные бумаги записок напоминали о себе?.. Нет, нет и нет!..

Угощение почти остывшей, позавчерашней магмы ача, было питко до жути. Совпало с нормальной температурой тела. Горлышко бутылки Паж брал губами всё нежней. Задумчивей. Казавшаяся безумием перспектива: радикально сменить образ жизни ради бестолкового приятеля, единократного цокки, – сделав сальто-мортале, приземлилась с головы на ноги. Устоявшийся образ жизни – жуть и дичь!.. Анисовые, тёплые губы – мир и рай...

Стараясь не думать о том, кто позавчера был телесным теплом, остывающим в бутылке, Паж, глотнув, оставлял её прижатой к губам, и походил так на, прямо скажем, недорогую, откровенно неопытную кокетку, внутри голубятни удерживающую визитёра, раскрутить на сплетни, на подарки. Что поделать, искренность простовата. Фигня, некому за ним следить, что целует: бутылку или брусочек упрямых, обиженных, избегаемых губ своего единократного цокки?

«Аут! Довольно! Отнырял, отплавал своё.

Закрываю счета, и...»

Паж всегда-то думал словами немногим лучше, чем говорил, тут кончилась всякая упорядоченность, остались искры, подобные Свободным Впечатлениям...

«Губы-бёдра-стройное-округлое-упругое-доступное-тёплое-сколько-угодно-насовсем-всегда-тёплый-милый-мягкий-телёнок-со-всех-сторон-мой-иди-ко-мне... Аут!.. Морской холод, прощай!"

Если так, то остались считанные дни холода и одиночества. Затем начнутся несчётные. Не считаемые...

«Я ведь знал. Едва прикоснулся к нему, я тогда уже знал...»

02.36

Тут как получилось... Никто ни с кем ничего не разочка не заговаривал про третий угол в треугольнике: Паж, Отто, Буро.

Канун марблс-поединка у Гранд Падре, одинокий, однорукий марбл-асс коротал на Мелоди, внезапно переполнившийся грустными песнями чар.

Босые, вместо красных сапожек красными лентами перевязавшие щиколотки, они разорванной цепочкой хоровода обтекали группы, пары, другие хороводы. И заводили грустную песню там, где умолкала музыка или певец. Лица закрыты масками-бабочками. Увидевший их впервые, принял бы за небесных танцовщиц, что охотницы не поверил бы.

Отто на драконьей спине, качая ногой, кружил посреди медуз, змейкой пролетал между лимонного света шаров, внимал то с северной, то с южной, то с западной, то с восточной стороны Мелоди знакомому припеву из Пяти Прощаний: «Как же мне, как поверить, как мне поверить в это?.. Весь я остался в прошлом, нет меня, нету, нету…»

Лучшие, всеми любимые песни простоваты, да, откровенно просты. «Нету… Нету…» – Нежными голосами пропеваемые, эхом носимые звуки казалось заклинанием и одновременно явлением природы. Они странным образом утешали. Было в них какое-то освобождение.

Тосковал, воображал, как уже следующим вечером уступает у всех на виду, сдаёт партию. Его печать одна на календарной стене до решающего дня зависла.

Паж о встрече Отто с Буро не подозревавший, считал, что уговор, естественно, в силе. Обнаружив телёнка именно там, уговору согласно, откуда и в прошлый раз отправились на Цокки-Цокки, вынырнул зигзагом из-за жёлтого шара, из бенгальских лимонных искр, со словами:

– Ждал? Я вот. Полетели?

Крепкое объятие холодной руки за шею и поцелуй в щёку.

Отто обалдел. Выяснять, спрашивать, ничего не стал. Удачу спугнуть? Кто их знает, какие там отношения, между ними, демонами. Может, поссорились. А может просто Буро знать не обязательно. Или… «Да нет же! Наивный я дурак! Гарантии ради, что не передумаю! Говорили же мне, что Паж прилетает на печати глядеть!»

Отто молча, послушно направил дракона в небо, в сторону Цокки-Цокки.

Чуткий к настроению всадника, дракон летел не торопясь. Едва крыльями махал.

Паж думал: «Может, ему так хочется, растянуть дорогу?.. В тёплый, анисовый Аут…»

В один прекрасный, по крайней мере, пейзажно-прекрасный момент, их Белые

Драконы вовсе прекратили движение и зависли крылья распластав. Всадники переглянулись Отто, поднявшись чуть выше, соскользнул на дракона Пажа.

Металлом, воронёной синью отливали волны беспредельного моря… Над половиной горизонта занимался новый день.

По-видимому, нижние тучи оказались сильно плотней верхних слоёв. На месте полосы рассвета восток всей огромностью небес от неба до головокружительной выси разгорался горячим светом, пунцовым, карминным… Зарево кострища величиной с материк.

– Помнишь, – тихо спросил Отто, едва слышно сквозь отдалённый шум моря, – сухую траву кто-то жёг? Это огненный пожар, ты думаешь?

Не перестал добавлять «огненный», и после того, как Дикаря лекцию по лингвистике выслушал.

«Огненный – пожар… Телёнок упрямый, ну, что ты будешь с ним делать!..»

Паж улыбнулся:

– А лисички… Взяли спички… К морю синему пошли, море синее зажгли…

Потрепал отросшую шевелюру.

– Ты серьёзно? Я не слышал этой песенки. Зверодроиды поджигали море?..

Ну, как не смеяться над ним? Не ирония ведь, впрямь настолько доверчив.

– Это не песенка, цокки, это старый-старый стишок! Речь о не живых артефактах – а о настоящих лисицах!..

– И кто его, как его потушили, море?

– Кардинал поднялся из каменного леса, взмахнул крыльями и погасил.

– Большущий…

– А то… Они знаешь, какие бывают!

– Ух… А что такое, кардинал?

– Тридакна в стадии бабочки.

– Ишь…

Синие Скалы медленно приближались, из вертикальной черты на фоне алого горизонта превратившись в узкий, зубчатый треугольник.

– Не тянет в лодочку Цокки-Цокки? – спросил Паж, заранее направляя к скалам дракона.

Отто кивнул. Музыкой он пресытился, публика им не нужна, а скалы уединённей каморки.

На самой вершине лежал туман обычного облака. Редко бывает.

Отто принюхался, прислушался...

Если заключены Впечатления в этой влаге, то неуловимые. Впечатления настроений. Облако рафинированное наоборот: грубая информация ушла, тонкая осталась, грусть какая-то. Зато тут тепло. На вершине Синих Скал всегда тепло.

Паж развернул телёнка лицом к себе. "В непонятном он всё-таки настроении". Обнял, тогда лишь заметив широкий... Пустой рукав...

Однажды из актиньих дёсен, ниже уступа, где Паж собирал кристаллики льда, вырвался шип и ударил его в грудь. На груди висло перекрестье, пучок таких же, загодя обезвреженных, шипов. Очнулся, на волнах качаясь. Удар, полученный им тогда, был во сто раз слабее.

Паж задохнулся, его распорола вдоль, от живота до позвоночника, эта бессильная, обрубленная рука. Огненный Круг замер.

– Дроиды, Отто, светлые дроиды, Отто!!! Ты – нырял?! Один?! С кем?! Цокки мой, Отто, что ты учудил вдруг?.. Зачем, зачем, зачем? Отто, я

требую, отвечай, зачем?! Почему ты немедленно, сразу, в тот же день мне не рассказал?!

«Как, почему в тот же день, сразу… Потому – что. А в следующие дни тебя ещё найти надо было…»

Разглядывая регенерацию, Отто поднял культяпку и рукав сполз до локтя.

– Да всё в порядке, Паж, чего ты? Мало ли рук теряют и отращивают. Никуда я не нырял. На Южном с ро-глассами неудачно поиграл.

Регенерация благополучно дошла до кисти и замедлилась, произведя характерный эффект…

Дроиды регенерации по схеме внимания ориентируются. Где нет его, идут по-прямой, а где есть – от главных точек. В результате, при отсутствии кисти руки, те места, где подушечки пальцев уже наметились, горели маленькими созвездиями огоньков дроидов. Двигались, будто пальцы есть. Но взять ничего не могли. Не скоро ещё смогут. Эти пять созвездий, как пять лезвий царапнули Пажа по сердцу, когда с ребяческой непосредственностью Отто ими подвигал: вот, смотри, прикольно регенерирует.

Паж очень ждал, очень сильно хотел Отто. До этого момента. Почувствовав, Отто глубже прежнего провалился грусть.

– Не хочешь с уродом, да? Давай отложим

снова. На потом… Надеюсь, мой обрубок забудется, не отобьёт у тебя охоту насовсем.

Как будто уголёк предельного льда из ада Морских Собак доставал, Паж взял его руку и положил на Огненный Круг, под лохмотья жилетки. Прижал пять точек, как пять рогов ача, к Огненному Кругу. До чего же больно может быть от такого, в сущности, пустяка.

– Помолчи, а…

Левая мысль утешительно мелькнула краем его сознания: «Зато уж теперь-то безобманное поле Гранд Падре марбл-асс пролетает со свистом! Одной левой сделать клинча? Даже оливкой опившемуся, марблс-мании такое не приснится».

Кострище зари подёрнулось дымком угасания, началом пасмурного дня. Стало моросить.

Отто лёг щекой ему на плечо, брусочком тёплых губ – в жилистую шею, в худое плечо. Смотрел, как на спектр разбивают свет чёрные с зеленоватым отливом волосы. Как отсыревают пряди, лохмотья. Впечатлений дождя не замечал.

Он думал: «Что мне отдать тебе? Не

отталкивай меня…»

Вдыхал, запоминая. Глубоко вдыхал запах кожи, необратимо проникнутой морем.

«Не отнимай у меня этого, Паж, я пропал. Не лишай меня дыхания жизни. Света дроидского ради, незабвенного дроидского манка, Паж, дай мне какой-нибудь выход… Дай послужить тебе. За раз в сезон, за раз в году… Слугой, вещью, приманкой в море. Марионеточным игроком на продажные партии. Фальшивые, заказные, мерзость… Голубем. «Голубем-при-пологе»… Только где твои шатры? В Шамании? Надежды нет… Что мне пообещать?! Во что не вмешиваться?! Не появляться где?! Чтоб ты не отталкивал меня, чтобы оставил себе?.. Паж, оставь меня себе. Оставь меня себе, оставь, оставь… Я не знал, что всё так сложно. А ты знал! Ты знал, но взял. Теперь оставь, это же правильно? Ну, чем, понять не могу, чем я вам помешаю, изредка, иногда прикасаясь к тебе?..»

– Ты мне не доверяешь совсем, – тихо констатировал Отто. – Ты следил, чтоб у Гранд Падре я заранее вышел из календаря. Глупо, некрасиво.

И Паж не различал Впечатлений в дожде. Он

таял под моросью тёплой для него, ныряльщика, таял под сопение тёплых губ. Таял и обратно собирался пружиной, готовый защищать своё до последнего дыхания, своего цокки, своё счастье. Жилые шатры на тех и этих рынках поднимал для двоих, фантазировал, защиту придумывал, охрану, от морского и человеческого, случайностей и коварства, от старых своих приятелей и неизвестных разбойников… От всего, что не угрожало отнюдь!.. Как демон, нашедший жемчужину:

«Кто бы ни сунулся, демоном море сделало меня навсегда. Пусть только сунутся. Буро всё поймёт, на остальных плевать, авось наймут себе нырка. Прощайте друзья-заказчики, дьяволы сухопутные, счастливо оставаться! Сахарный цокки, мой Собственный Мир ты превратишь до былинки по-своему, как захочешь, как душа пожелает, мой анисовый цокки… Мой Або-Аут, свет Лакричной Аволь, до последней былинки!.. На Краснобае район отгорожу и ворота поставлю. Личный клуб тебе: арба два. Специфику позаковыристей удумаем, чтоб гостей поменьше, оу, ха-ха! Научусь палками в марблс играть, Восходящим мечтал, да не собрался, как бишь его… А – биллиард!.. Умеешь? Наверняка. А нет, так мы купим вирту и вместе научимся, я плохо, ты сразу… У нас бездна времени впереди. Больше, чем существовал мир, больше чем ему

осталось. Есть крутая волна, Отто, волна не ограниченная морем. У него – берега, а у неё – нет. Идёт себе и идёт. Вздымается, падает. Кто запретит ей вздыматься и падать? Выше высокого и ниже низкого. Кто остановит её, идущую сквозь тебя и меня? Чувствуешь, как она идёт сквозь тебя и меня? Юноша Кит на её гребне заплыл через Двое Врат прямо в Аволь, золотой мой, анисовый, за белую скорлупу… Значит, он подчинил её, Отто, превзошёл её, крутую волну, и мы превзойдём… Никто к нам не сунется, я не позволю. Прощайте, тугие змеи на каменных ветвях, пёстрые змеи в фиолетовом мраке, я нашёл объятия крепче ваших, я нашёл Аволь».

– Конечно, не доверяю, – ответил он, – и на безобманное поле, уговор, приду.

– Кто бы сомневался.

– Дай мне, – прошептал Паж, перебираясь поцелуями от уха к склонённому лицу, – дай мне твои губы.

– Бу… – сказал Отто.

Тёплое, примирительное «бу…»

«Дроиды светлые, каково же мне будет не видеть тебя. Уже завтра, Паж, уже сегодня, прямо сейчас. Каково же мне будет видеть тебя на Ноу… Весь я остался в прошлом, нет меня, нету, нету…»

02.37

Одну ледышку, вторую, третью… Десятую, пятнадцатую… Двадцать-которую?.. Оуу?.. Ууу… Дохлый номер, счёт ушёл, числа превратились в каштаны, каштаны распростёрли крылья и взвились страшными кардиналами из фиолетовой бездны. Створками без тел. Крыльями безголовыми. Они зависли над гребнями волн, они машут крыльями, каждое величиной с облачный мир, машут, машут, но не удаётся погасить пожар на Великом Море. Кардиналы раздувают его. «Отто, встань за моей спиной!..» Пожар ширится, он захватывает облака, он ослепляет, веки прозрачны перед ним, и ладони прозрачны… «Оу, что я натворил!.. Но… Почему я, разве я? Это лиски! Лиски-намо танцует, её лапки темны как горелые спички. Они зажгли море, эти лапки, а я, я не виноват…»

Белый Дракон Отто снижался где-то над континентом, над запрокинутыми головами. У него часа два до заката, на то, что бы путь к одному рынку узнать.

Провожатый к Шамании, не подозревавший

о том, куда провожатый, махнул ему с валуна, улыбнулся. Сощуренные, азиатские глаза.

А посредник лишь кивнул, и то мимо глядя. Сейчас он их познакомит. Жёлтый как солнышко, стриженный ёжик, мрачный как Горькие Холмы.

Каури не знал, к какому именно облачному рынку взялся человека проводить, не шаманиец. Его дракон запомнил дорогу по причине частых встреч с Чумой там, где облако Шамании маячит на пределе зрения. Встречались ради небесных драк и грабежей. А Суприори, что это та самая Шамания, логически вычислил слегонца. Неудобный факт ему тоже давно известен: шаманийца не купишь, они сами выбирают новых людей в лунный круг, шпионов не терпят, но и предательства ради не позовут. Лишку Суприори трепался об их земле с посторонним человеком, затем – недолго ему осталось, никакого риска. Провожатый не знает, куда ведёт. Шаманийцы, скорее всего, вовсе не узнают, что кто-то на раме разбился. Инструктировал Отто цинично: «Прыгай, а дальше всё случиться само».

Тёмная ночь на сердце у Отто. Знал, что делает не то, шпионит. Так нежно они прощались… Незадача, прощание значило для Отто одно, для Пажа совершенно другое. Для Отто: расстанемся друзьями. Для Пажа… Паж так много хотел сказать ему! Столько прокрутил слов в голове, устающей от них, что не произнёс ни

единого! Был уверен, что всё понятно без слов. Расставались-то на несколько часов, до Гранд Падре, до партии века!

Как зеркало лежала гладь Великого Моря под Синими Скалами, а на вершине их горела крошечная, синяя звезда… Огонёк дроидов? Сиреневато-синяя. Они не бывают такими, не подмешивается к ним краснота.

Паж очнулся от ледышек. Раскрыл глаза, поморгал. Не помогает. Плёнки тинистой будто нет, и век нет. Вспышки, всполохи. Ничерта не видно. Вспышки яркие, аж грохот прокатывается в ушах. Он тёр глаза, пытался разглядеть хоть что-то и с большим трудом обнаружил за буйством зарниц, сияний, всполохов, второй план: окружающее пространство. Выцветшая до белизны скала… Она горит? Что за блики на ней?

«Что-то горит за спиной у меня?»

Паж обернулся заторможено… Он поворачивался лицом к тому, кто уже бросил удавку и затягивает узел, к неизбежности.

«Нет. Нет. Не верю… Не может быть».

Пожар?.. Рановато и для заката. Пустынное облачное небо за спиной.

У кромки скалы, подёрнутый рябью глянец водный отразил его – светлячка, пылающего насквозь. Вспышки перед глазами застилали видимое, шум в голове, словно Великое Море поместилось в ней с прибоями всех побережий.

Припомнил Чуму… «Только не светлячком! Не хочу светлячком, док-шамаш!»

Закрыв лицо руками, Паж качался на ватных ногах: к морю, от моря… Не заслоняли ни веки, ни руки от полыхания, внутреннего полыхания. Фатум. Рок. Поверить невозможно.

«К Буро!.. Завещание, записку успеть оставить!.. К Докстри – если успею. Успею! Долечу и тоже, напоследок… На отшибе, вечно Шамания на окоёме… Успею ли, ач-ча!..»

По дороге к материку, засомневался не только, выгадает ли в Шамании минуту на самоубийство, но что до земли долетит.

«Снегурочка! – с яростью усмехнулся он на себя. – Любви захотелось демону! Ежа морского бы полюбил, прорва ощущений! И сильно, и не растаешь!»

Он упал с дракона где-то между гранитных валунов, где Отто встретил Каури. Очнулся уже затемно. Однако в сознании. Его сияние освещало ему путь. Ночью он даже лучше видел, легче улавливая контраст между всполохами и

темнотой вокруг.

Паж брёл по Южному Рынку в рябом, волнистом тумане, и шустрые, мелкие тени шарахались от него, как от шагающего костра. Призрачно-синего.

Буро углядел его из окошка второго этажа, откуда теней удили. «От отчаянья, к отчаянью. Потери, утраты. Потери, потери, потери...»

– Я не настолько глуп, Буро, что бы лекарства просить! – усмехнулся Паж. – Но, если ты можешь...

– Не могу! Ты цокки мне, я не могу!

Буро усадил его и обложил мускусными подушками. В мощь повелительно-тяжёлого аромата он свято уверовал однажды и навсегда.

– Я Чудовище Моря, а не чудовище в принципе, Паж! Как и ты! Я выпивал с ними, я соблазнял их. На игру, на коктейль, я делился с ними и отравлял, да! Но никто из них не был мне цокки! Ты у сердца мне, Паж, я не могу повредить тебе, пойми, прости. О, черти придонные, тьма, Великого Моря тьма, почему ты решил, что это жизни конец? Паж, скольким в Шамании ты сам внушал: неведомо, куда уходит

светлячок? Может быть, это начало, оу? Начало!

– Прости, прости, Буро. Извини, прости. Мне не следовало спрашивать. Знаешь, нужен помощник… Ха… Казалось бы, чего проще: нырни на ежа, и баста. Ну, глаза закрой!.. Ну, спиной упади!.. Пускай течение закрутит, бросит на шипы. Ан, нет! В человеке полно предохранителей. Их, кажется, больше чем самого человека!.. Я в полном ауте, Буро, и это не Аут Аволь. Я в полном смятении.

– Привык, что не такой, как все? – понимающе усмехнулся Буро.

– Ага, и подорвался.

Вроде спешить есть куда, да спешить - невозможная глупость и сил нет…

Буро рассказал ему самую грустную, красивую историю… Венец тонкой лирики.

– Представь, от Суприори.

Ничего добротного не исходило от этого технаря, фальшивки сплошные, а история чудная, неповторимая. Связное Впечатление.

На Техно Рынке, откуда и пришло Впечатление, откуда Суприори его стащил,

воспользовавшись положением дежурного, принимающего, скупающего, оценивающего новинки, оно было потенциальным ключом к старой загадке. Впечатление содержало пример кодировки не в цветовой, а в звуковой шкале. Из-за глупого воровства технарям дверь так и не раскрылась. Узнай Карат, незавидна была бы участь жулика. Но Буро его не выдал.

Суприори нуждался кое в чём морском и время от времени просил Буро о посредничестве и защите. Случилось, что Буро рассказал ему про Шершня, который «коллекционирует», имеет пристрастие, к Впечатлениям взрыва Морской Звезды. Тогда Суприори и стащил Впечатление. А Буро Шершню его не отдал! Заинтриговало, запало, начал искать для себя. Не нашёл, но в Архи-Саду встретил того, кто знал о чём речь. Вдвойне потрясён встречей остался Биг-Буро: этот кто-то был дроид. Выяснилось, что память о кратком эпизоде на стыке эпох, загадка и для дроидов, хоть совсем по иной причине.

Впечатление содержало момент, когда извержения обрушили города и открыли старые материки, пустые. Когда луна уже взорвалась, а солнце отдалилось. Троп носился, сравнимой с Солнцем размером, синей звездой. Держал

планету, балансировал Юлу.

На пустынном континенте стояло «пианино кодировки».

Инструмент рабочий, недолго служивший, оставленный на память и для научных целей. Люди и дроиды забросили попытки кодировать информацию полутонами звуков вместо оттенков цвета. Закономерно. Сколько оттенков можно увидеть разом, в единую таблицу сведённых, с выводами и обобщениями? То-то и оно.

Звуковое направление поисков оставило после себя удивительные, не поддающиеся осмыслению артефакты.

Пианино оказалось исключением среди исключений: оно объединяло два способа кодировки. Запись шла звуком в цвет.

Хрустальное насквозь пианино. Без корпуса, без ножек, но педали есть. Они остаются на месте, а многоцветный ряд клавиш течёт. Уходит вправо над пустынной землёй без предела, пропуская навылет хлопья снега. Река бесцветного, струнного хрусталя не обретает устья, отсутствует часть, которая приняла бы клавиши.

Слева ставятся «ноты», схема идеи, если был набросан черновик кодировки. Голографическая таблица, сплошь забитая разноцветными квадратиками разной величины, в зависимости от веса, роли компонентов в задумке. Ноты не обязательны, идею можно держать в уме. Играешь тему, на правом листе возникнет план в общих чертах. Закончил, переставляй налево, играй снова, уточняй схему воплощения до тех пор, пока модулятор не согласиться её принять. Или закодируй создание покладистого модулятора!

Справа физически или виртуально ряд клавиш должен заканчиваться в модуляторе, которому служит панелью ввода задач. Если виртуально, если модулятор невесть где, от него отходит подобное пианино, а над этим, в конце ряда клавиш мерцает общая для них голографическая сетка таблицы, заполнялась по мере игры. Её с двух сторон можно заполнять. «Разговаривать» на её поле.

Педалями выбирался регистр пяти основных цветов. Смысловой регистр, что кодируем: компоненты, процессы, пропорции? Красный цвет клавиш, например, означает и активное вещество, и смешение веществ. В зависимости от полутона, от соседствующих тонов, он может указывать: какими способами, каково оптимальное количество, распределение в

объёме, и так далее.

Технарь мог сравнить, насколько результат точной, практической кодировки совпадает с вариантом, который показался ему гармоничным при умозрительном подборе, с тем, что был предложен вирту. Не лучше ли тот или иной компонент заменить? Не замедлить ли некоторые процессы в модуляторе, не поменять ли порядок закладки компонентов?

Характерно, что клавиши – алфавит и словарь текут со стороны результата, а не запроса. От момента начала заполнения таблицы пианино уже предлагает не в «алфавитном порядке» их, коих бесконечное множество, а блоками, подсказками.

Пианино кодировки работало в какой-то мере дроидом желания, переводчиком с языка воображения, смутных желаний через звук на язык цвета.

Пианист мог прикладной цели и вовсе не иметь! Следить за теченьем реки, слушать шум реки, касаясь то одной, то другой клавиши, пока не стукнет: вот оно! Эта самая нотка! Метод прямо противоположный идее абсолютной точности в кодировке, зато хорош для

импровизаций и проверки интуиции. Для тренировки хорош. Нота – оно? Аккорд – оно? Сочетаются ли вещества – процессы – пропорции, как выглядят в таблице рядом?

Ограничение: неживыми артефактами, вещами, граблями какими-нибудь, не сыграешь.

Собственные, автоматические функции у дроида тоже были. Но уже в те времена никто не помнил, из присвоенных пианино, как громадному словарю, какие, что значили слога, слова, выражения, команды?..

Белый Дракон стоял за пианино. Вместо передних лап, на сгибах крыльев по когтю. Он играл ими. Поочерёдно ударяя клавиши, порой две за раз...

Снег падал на землю с космической высоты. Из космической ночи непреходящей, как полнолунье Шамаш. Синейшая звезда сияла, попадая на клавиши лучом. Дрожала земля, вулкан просыпался к следующему извержению.

Обнаружив однажды в альбоме-вирту сжатое описание и чертёж пианино кодировки, Буро

задумался: «А случайно ли уничтожена его вторая часть, принимающая?» Вирту её не показывало. Там стоял неизвестный Биг-Буро значок.

За расшифровкой отправился в Архи-Сад к Дикарю…

Вот человечек, на которого не распространялось обаяние Бутон-биг-Надира!

Демонов, полудемонов, чудовищ в любой степени тронутых морем, – даже не тронутых, а оливку выпивших позавчера! – Дикарь распознавал сверхъестественным чутьём. Его, нерешительного, раненого утратой изгнанника ненависть к Змею, ко дням, проведённым во власти чудовища, внушала изумление. Она не ослабевала. Но преданность Бесту не уступала в размере. Переводить если надо, консультировать он соглашался, не заставляя себя упрашивать.

Однако загляни чудовище в его узорчатый ларчик, в каких мимы - грим, а танцовщицы украшения хранят, в записную книжку… Буро содрогнулся бы, хуже, чем от гостинца Котинички. Дикарь тщательно собирал информацию о веществах, приёмах, для теней и демонов категорически летальных. Ингредиенты в его колбочках и пробирках невинные по отдельности служили той же конечной цели.

Буро он поклонился, в глаза не глядя, а сразу в альбом, переведя неведомый значок неведомым же словом. Бест помахал рукой: давай толкование, что ли. Но Дикарь, захлопнул вирту и пригляделся к форзацу, к корешку… Провёл по нему вдоль и сломал вирту! Раскрыл со стороны корешка на том же самом месте!

Широким лопухом, они сидели в густой траве, прикрыл схему пианино, а по значку ударил пальцем дважды. И на месте значка, кружка с рогами, над чисто техническим вирту восстал голографический высокохудожественный чёрт! Чёрный, в пламени, с красными рогами! Он был так реалистичен, будто сейчас покажет язык и убежит!

Рори, увлечённо следившая за ними, звонко рассмеялась. Чёртику и своей догадке! Карат кивнул ей: чего и следовало ожидать. Они часто пикировались, но не ссорились, что безусловная заслуга Большого Фазана.

В числе несведущих оказались Буро и Бест.

– Это Чудовище Моря? – спросил Бест неуверенно. – Нужно к морю развернуть пианино правым боком, или изловить тень?

Дикарь поморщился. Гримаса не ясно сообщила Буро, что этого ему в друзьях не

видать.

– Ещё версии? – спросил Дикарь. – Погадай, если интересно.

– Это дроид?

Тут уж возмутился дроид.

Индиго стоял над ними в воздухе, и назад отгонял собственный холод, как будто плыл. Будучи обнаружен, приветствие пробормотал: выражаю почтение господствующему…

Отдалился и устроился на воздухе, ноги скрестив, не на разлапистой ветке, а под ней.

– Киборг это, – недовольно просветил Индиго старого друга. – Обозначение кибер-механики. А пианино – дроид. В целом – мура, в музей.

«В музей» – авторское ругательство Индиго, со смехом дроидской сферой одобренное и перенятое!

– Оууу… – хором протянули Буро и повисшая на Бесте Мурена.

Тогда Буро пересказал им Впечатление, как

мог подробно, и добавил, что Суприори сказал: в той музыке дракон сыграл будущее мира.

Индиго хмыкнул:

– Августейший на моей уже памяти ох, как поскользнулся на этой теме! Не знаю, кто такой Суприори, но байка из нашей сферы. Не заметил ты, утративший Биг-Буро, что произнёс сейчас на дроидском эсперанто с акцентом: «Буд-щее мира?» На дроидском пропуск нарочный в слове «будущее» делается. Поскользнулся Августейший, как вепрь над Обманкой! И шлёпнулся!

А именно…

Над стократным Лалом четырьмя тронами собрались.

Страж тогда сказал:

– Удивительно ли сыграть буд-щее мира, если сам Троп и играл! Кому же знать, как не ему!

Помянул паяц всуе великого Тропа.

Он же пошутить решил, напугав весь дроидский рынок, подал голос из ниоткуда:

– А вот и нет, плешивый. Я был занят, очень занят тогда. Играл Белый Дракон совершенно

мне не знакомый. Более того, Хелий, – голос поплыл мягче, – слышишь меня? Чтоб дважды рот не открывать на эту тему, я искал впоследствии этого дракона. Без-ре-зуль-татно. Хелий, лови, догадался? Тьфу – передо мною ваши поисковики. Не нашёл, значит, его не было, значит сколько-то-фазный этот дракон был, лишённый передних лап… Как Многомил твой, га-га!.. Что-то да значит!

– Стой, так полные киборги существовали? – удивился Бест.

– Друг мой, господствующий над первой расой, ты что-то невразумительное говоришь, – пожал плечами Индиго. – Полный киборг – робот, машина. Ну, делали машины человековидные и что? Кибер-механика – ввинчивание неживого в живое, так, что задевает мозг. Сознание. Ввинчивание оливки в горло, тени в пятку – кибер-механика. Ножи отравленные, удавки, кастеты – кибер-механика. Они вынуждают к негативным эмоциям! Отдельно нож, яд, тень – не кибер-механика.

– Откуда же чёртик?

– Из сугубой неприязни дроидов к этому явлению, Бест!

«Теперь понятно, почему схема дроида полностью не приведена. Кибер – запретное, кибер – вредоносное, довольно и значка».

Ещё сильней заинтригованный, Буро покинул Архи-Сад, преисполненный огромной подозрительностью к Суприори.

«То означает, что пианист… Пианист-дракон-дроид… Через нажатие клавиш вступал в кибер-связь… С чем? С какой кибер-механикой? Кодируя её на что? Это я вряд ли узнаю, но получается, кибер-связь возможна на расстоянии».

Вряд ли узнает, оставшееся неведомым и Тропу: не с чем, с кем.

Двухфазный дракон, говорил через пианино-кодировки когтями на сгибах крыльев, с тем, кого не может быть, с полным киборгом. С доком всех стрижей прощался его ездовой дроид. Буро – с Пажом.

02.38

В Шаманию. Сколько достанет сил. Через тернии, всю жизнь дремавших кошмаров, ждавших своего часа.

Возможно, так проявилось для светлячка действие растворённых повсеместно и незримо в Великом Море, всеотторгающих Впечатлений тупиковой ветви дроидов… Впитываются они плохо, усвоиться не способны вообще, и продолжают кружение в теле, подспудно сообщая тревогу, когда сметён верхний слой, когда от сознания уже мало чего осталось. Лихорадочно скачут обрывки мыслей, ища выход, но выхода нет…

Или это слишком сложное объяснение. А попросту уравновешены противоположности: опоры – потерями, надежды – предчувствием беды… Одно отступает, возрастает другое, свято место пусто не бывает. Чем крепче была надломившаяся уверенность, тем глубже провал в сомнения. «Разобрался ли я в азах?»

Паж всю сознательную жизнь был ныряльщиком ловким и самоуверенным.

«В море нельзя быть уверенным. А я был. Я рассмешил его, – лихорадочно Паж подыскивал объяснения галлюцинации. – Море смеялось и мне подыгрывало. Пока ему не наскучило. Я умираю. Ему наскучило. Оно хочет забрать своё себе».

Ошеломляющая вначале, полиморфность Морских Чудовищ, при освоении глубин предстаёт банальной. Шаг за шагом раскрывает смехотворную примитивность импульсов и реакций. Деградация. Повсеместная. Единообразная притом. Тупые, тупые, тупые морские твари… Если изучил как, с какой стороны, в каком течении обогнуть гиганта, как и чем украсить себя, чтобы боялись напасть, как двигаться, чтоб, едва завидев тебя, разбегались, считай – хозяин моря. Не один ты, конечно, есть демоны не хуже тебя, сообразительные, присущими тенями не злоупотребляющие, но океан так велик, о конкуренции речь не идёт. Избегнуть столкновения заинтересован как ты, так и встречный.

Без плавников и хвоста будешь в Великом Море главная рыбка, если пуст, тих, сосредоточен и ловок.

Картой течений и сводом типичных атак

хранилось в уме Пажа Великое Море. Запылившейся от времени картой в старом сундуке морского волка.

Карта преобразилась и ожила.

Паж мчал на порывистом Белом Драконе, не видящий ничего, навстречу вспышкам, сам вспышка, комета неоново-синяя, мчал в высокое небо, последний раз в Шаманию, а живая, древняя Тварь-Океан бушевала под ним. Чем выше взлетал, тем выше вскидывалась и она, хватая беглеца, захлёстывая ледяным ужасом.

Всю жизнь ей отдал, разве отступит? Позволит бросить себя? Покинутая ныряльщиком стихия следовала за ним. Её очередь. Теперь он – океан, а она ныряет. Примитивная, изученная?.. Во всю глотку хохочет океан над удачным розыгрышем, над затянувшейся шуткой.

Из преисподней догонял океанский страх, за тысячелетия набравший силу цунами в подсознании.

На высоте, где пахло уже дроидской сферы сладкой мятой, Пажу всё мерещились горечь и

соль. Вздымались валы под драконьими лапами, клубился тяжёлый, серый туман, ураганные порывы разрывали его. Сейчас захлестнёт, сейчас пропадёт дроид. Великое Море схватит песчинку, возомнившую о владычестве над ним. Схватит и водоворотом утащит на дно, к сиянию метаморфоз, в ледяной ад Морских Собак…

А если ещё ниже?

Вниз, в ультрамариновый космос, без донных актиний, без самого дна, где время застывает, а вода уже не может застыть. Где тонут Падающие Факелы, похожие человеческие скелеты, с гибкими костями, ниже – на рыб, ниже – на спирали водорослей… На что-то, обгоняя их, похож ты сам?

Ультрамариновый, фиолетовый омут чернеет и сияет одновременно, не смотреть в него нельзя. Он весь – как крыло кардинала, финального синего, горячего цвета, выжигающего глаза. Им уже не увидеть свет дня, не увидеть снегопад в подбрюшье океана.

Ничего, кроме падения. Кружения? Зависания? Кто ты, актинья на дне? Или Факел Моря…

Горячие цвета холодного Великого Моря выжрали глаза, но почему, почему, если так, они пропускают это в испепелённые глазницы?.. Это?! Это – единственное «только не это!..», что угодно,

«только не он!..» Необозримый Белый Дракон накрывает бездну, приближается, как горные отроги вправо и влево не кончающихся крыльев...

Он видит тебя.

Не убежать. Не спрятаться.

Он всегда видел тебя, Троп, чьё имя, произнесённое вблизи него, порождает шторм. На огромной драконьей ладони держал. Песчинка ничтожная, под линзой моря, сквозь толщу моря, с момента первого погружения он видел тебя. Теперь в упор. Куда ни повернись. Не то, что сбежать, отвернуться некуда. Повсюду напротив.

Дрожат как на разрыв затянутые струны: крик в твоём и клёкот в его горле, готовые вырваться одновременно.

Если и тупы морские твари, сухопутные превосходят их в тупости, говоря, будто есть что

страшней. Чем когда смотрят. Когда тебя увидели. Кода тебя видит Троп.

Пажа ныряльщика в небе, в агонии пожирал типичнейший морской кошмар: быть замеченным, быть видимым тому, кто шире горизонта, кто со всех сторон. Быть замеченным из неопределённого далёка стаей гигантских ро, когда весь косяк разворачиваясь моментально, складывается единым ромбом, нацеленным в твою голову… – ослепительная гибель.

Оригинальности лишённый, этот кошмар, очевидно, совпадал с действительной природой Тропа, которому, однако, до морских тварей и ныряльщиков мало дела.

Паж летел широко распахнутыми глазами на вспышки. Каждая била. Зрачки не реагировали. Каждая била в мозг, в заднюю стенку черепа: нокаут, нокаут! Глазницы казались ему шире светлячковых, голова словно вмещала глазницы только. «К Шамаш, дракон, К Шамаш…»

Всё, всё, всё в последний раз. Ещё один раз: последний каштан, последний разговор, завещание другу, последний лик Шамаш.

Вспышки перемежались провалами глубокой фиолетовой темени… Глубоководного мрака…

«Галлюцинация. Бред… К Шамаш, дракон, в Шаманию, дракон».

Галлюцинация: сейчас Великое Море усмехнётся и скажет: «Было интересно наблюдать за тобой. Ты догадывался? Догадливая песчинка соляная. Кристаллик соли. Падай, тони, смотри… Увы, ты так ничтожно мал. Ты растворишься у Тропа на языке, на полпути до бездны, смутно угаданной тобой…»

Галлюцинация: «Ну, а если… Если вдруг… Монстры - не монстры, и тени - не тени?.. Ширма?»

Что если Тварь-Океан с первого дня наблюдает за ним, и понять человеку нельзя цель этого наблюдения? Оно выдаёт себя редко и отдалённо - огромным Белым Драконом показывает себя, летящим в фиолетовой бездне, превосходя её… Вправо, влево нет окончанья крыла…

Галлюцинация: «А может быть, и Троп это - мираж?» Уравновешивающая противоположность желанному, спасительному миражу Лакричной Аволь? Но нет, ни Тропа, ни Аволь?

«Дроиды, дроиды светлые, дракон мой, только дотянуть до Шамаш…»

На случай, когда требуется подождать Харона, шаманийцы имели приспособления вроде парашютов, «пеги-парашюты», которые вскоре широко распространяться для игр. Не заслышав на подлёте равномерного, ждущего бубна, его раскрывают и парят на пределе притяжения рынка…

Паж не имел пеги, забыл позывной свисток, не обратил внимания на феноменальное: Белый Дракон поднёс его к самой раме.

Повеяло Шаманией. Зрение прояснилось немного, и он ступил на порог.

«Нет Харона. Нет перевозчика. Пешком». Воспользоваться своей плоскодонкой – невыполнимая задача.

Паж не ускорялся, не спотыкался, не делал остановок. Боялся: раз остановится и всё,

прирастёт.

Не так уж часто он проходил этот путь ногами, чтоб знать его с достоверностью, ан, – будто всегда знал. «Светлячковые броды… Ясно теперь почему».

Не всюду удобные и мелкие, броды имели единую нацеленность, раскрылись перед его взглядом как люминесцентная паутина. Чем ближе к «жерновам» Шамаш, тем расстояние между радиусами уже. Они стрелками указывали на двухэтажные ангары. Светлячки встречались на паутинных нитях меж радиусов, и его неодолимо тянуло занять какую-то из свободных поперечин.

Так тянуло, что, не обращающий сейчас внимание на светлячков, он, отшатываясь, разворачиваясь снова к избранному направлению, отметил, что свет распространяется от дверных косяков. Вокруг светлячков – светлячковые двери?.. Куда ведут?

Когда светлячок приседал и манил кого-то у Пажа из-за его спины, его окатывало придонным ледяным ужасом.

Навязчивый морок, следовал за ним: будто Великое Море не остановила рама Шамании.

Будто, изогнутый как на картине, свирепый пенный вал идёт затопленными улицами, идёт по пятам, шипит, нависает, рухнет, накроет и поволочёт… Собачьими, кривыми зубами схватит и поволочёт… Обратно, обратно, обратно… За раму, под воду, без дна, без дна, без дна… Приземистый, криволапый, большеголовый тузик-смерть шёл в толще цунами… Шум, гудение в ушах поддерживали иллюзию. Далёкий лай… Вой…

Паж бежал от смерти за смертью, бежал от доли светлячка, от Великого Моря – к Шамаш, чтоб дала ему смерть, дала спасение.

Отто на периферии сознания сопровождал его путь крошечной звёздочкой, последней радостью, грустью от непоправимой, потому совершенно спокойной вины: «Буро опять оказался прав…»

В эти минуты имело значение только одно имя и прощание: «Док-стри. Док-стри. Док-стри, найдись, услышь меня, хоть бы ты оказался на месте! Где обычно, где всегда. Докстри, Докстри…»

Докстри был там, где обычно, где всегда.

По лестнице Паж уже не понял, как поднялся.

Замер, привидение светящееся. На полосатости балок развалился его старый друг и брат.

Паж узнан не был. Удивлённое: «От, хех…» – на светлячка завершилось стоном гнева и досады, когда, с ног до головы оглядев, Докстри узнал, горящие синим, сиреневатым, знакомые черты.

– Док-Паж, свет наш!.. Меня обогнал!

– Я же не док-стри, – хрипло и тихо возразил Паж.

– Так и я ещё нет. Я думал, может, нагонишь, обгонишь… Может каштан док-стри попадётся и тебе…

– Что, жулан, не любишь ходить в разведку? – ухмыльнулся светлячок. – Надеялся по моим следам, за моей спиной, а? Думал, что я всё разузнаю, вернусь и расскажу?

– Хех, а то ж!

– Дык… Никто ещё не вернулся.

– Дык – никто и не ушёл. В нужную сторону не ушёл. Кто котомку не собрал, кто не дождался часа, кто свернул с дороги…

– На тебя вся надежда.

– Я знаю, – без ложной скромности согласился Докстри.

И допустил жестокость. Состояния друга он не смог понять. Когда обсудили тайник и записки, когда Паж ключ с резаками на брелке отдал, объяснил, где найти на Горьких Холмах нужное место, Докстри пошутил:

– Выбрал особняк себе, пока бродами шёл, куда тузика манить будешь?

Зачем спросил?

Паж, у которого от сахара чуть прояснилось в глазах и в голове, снова провалился в ад. Не всемогущ человек, не достало ему сил отшутиться.

– Тузик – реальность? – хрипло спросил он, словно они с Докстри не одной осведомлённости люди.

Для Пажа сейчас тузик был настолько реальность, что, спиной к лестнице сидя, он гадал, сумеет ли собака-смерть по перекладинам взойти!

Свою бестактность Докстри осознал, но вместо извинений, вместо утешений, вспылил! Шёпотом разговаривавшие, они теперь, оба сиплые, хриплые, едва не кричали.

– Док-Паж, ты меня перепрыгнул! Через мою

голову перемахнул, и ты ещё спрашиваешь?! Поешь сахарку! Освежись и ответь! Ты мне, а не я тебе! Что же ты бросаешь нас в середине пути?! Хотя бы на это ответь: что и почему они манят?.. Ну что, Паж, не уходи, а? Чёртов нырок! Сначала ты купался, потом ты перепрыгиваешь через меня, и уходишь! Док-шамаш, поплыли в лунный круг?.. Это может помочь.

– Не поможет!.. Чёртов жулан, взгляни ещё раз, если плохо видать! Поближе подойди! Докстри, пожалуйста… От меня остаётся несколько бумажек и три слова пустых. От всей нелепой жизни нырка, да, да! Возьми, разберись, передай дальше! Парни будут сшибаться стрижами, будут каштаны сто раз ради этого проглочены! Тысяча и сто тысяч, ради кайфа стрижиного, но, но, но!.. Сто тысяч первый – ради того, чтобы понять… Корень кибер-Впечатления, почему он так губителен? Не соль отдельно! И не вода отдельно! Он! Мы очень близко к чему-то я это знаю, и ты это чувствуешь. Может быть, просто к последней грозе облака Шамания? Не угодно ли ей пролиться?.. Опуститься на континент? Ответ в прошлом, ты согласен? Шамания – это её каштаны, согласен? Я собирал, я думал, я записывал. Я ничерта ни в чём не разобрался! Постарайся ты… Докстри?

– Ох, Паж, я верю, какой-то докстри когда-то пройдёт до конца, увидит что там. Оттуда увидит,

что у тут нас, что мы неправильно делаем… И я пойду, куда донесут ноги, обещаю.

Услышав это слово, Паж поступил, как поступил бы любой, не утративший силы духа, человек в его положении. Он сказал совсем небрежно, совсем мимоходом:

– Ещё бы сахару. В воде разболтать… Есть, нет?

Знал, что есть, и знал где.

Докстри ушёл, Паж остался один над жерновами с каштаном в руке. Ожить им самое время.

02.39

Ноги отказывали. Паж сел на балку, сполз по чему-то спиной, оказавшемуся ржавым резаком, крыльями стрижиными. Привалился…

Едва место их соединения коснулось позвонка в основании шеи… Ржавчина облачком опала! Резаки, щёлкнув, ушли в стальные полоски погон. Погоны же – сверлом в позвонок.

Не больно, дико щекотно под языком.

Утратив опору, Паж закачался неваляшкой и разразился тихим, хриплым хохотом светлячка. Лет пять в общей сложности они с Докстри провели за попытками реанимировать эту штуку! А она сама… Крикнуть ему? Сил нет, голоса нет. Подождать? Времени мало. Вдруг дальше полное безумие? Он колебался.

Скрывшись, кибер-механика не проявляла себя ничем, кроме чугунной, погонной тяжести на плечах. «И как они раскрываются? Что к чему дальше приложить?..»

Он совсем плохо видел и непередаваемо странно ощущал себя, но на самом краю физические проблемы приотступают…

«О чём бы подумать напоследок?»

В ладонь впились иглы двух сжатых каштанов. Один себе в рот, на прощанье и для храбрости, второй – Шамаш.

«Прощай, Ноу Стоп, сколько лет вместе… С вами было неплохо… Не жди, лунный круг, что светлячком к вам спущусь по ступеням водопада, не спущусь. Держитесь друг друга крепко. Пускай тузик обходит вас стороной. Что ещё… Буро,

прощай, мудрый людоед, мне кажется, ты бессмертен, хочу так думать, ты не против, оу? Ха-ха!.. Небо и море пусть благословят твои зло-и-благо-деяния… Что ещё?.. Ты ещё, Отто… С тобой всё понятно, прощай. Я знаю, что обидел тебя. За что же я так обидел тебя?.. Неужели ты не видел, что я меньше чем пустышка? Кожура от каштана, колючки есть, внутри ничего, лишь скорлупа. Сожми, и потрескается окаменевшая соль, мёртвая, неживая форма. Сжал, и потрескалась, рассыпалась у тебя в руке. Ты не виноват, я тоже не виноват. А кто от начала, от манка дроида, кто хоть в чём-то виноват? Отто, я. Перед тобой. Вот и забудь, вот и не вспомни. Я так хочу, это моё последнее желание…»

Хотел повторить вслух: «Прощай». Не выговорилось.

Тихая майна, прощание с Вайолетом, незабытым дроидом, полилась свободно, без удушливой хрипоты. Майна к дроиду, майн-вайолет, сохранивший в паузах дроидский голос… Снова Паж захотел сказать «прощай», и снова не получилось.

Всё поняв, Докстри, остановился за воротами.

Подброшенный вверх каштан падал по дуге, пересёк уровень пола между балок. Жернова пришли в движение, перевернулись, зубьями

прошли верхний сквозь нижний, острой, горизонтальной полосатостью мрака… И…

Галлюцинация: два беспредельных огненно-белых крыла. Дракон стремительней молнии предстал на горизонте, накрыл свет и тьму, превратился в разинутую пасть: челюсть и челюсть – жёрнов и жёрнов… Пропасть глотки, иссечённая мелкой штриховкой…

Галлюцинация: провал.

Это ли называется «вся жизнь промелькнула пред глазами»?

Паж летел стрижом.

Отяжелевшие погонами плечи выпустили лезвия до указательного пальца, до бритвы на нём. Видение стрижиного города пронеслось на фоне заката, вертушки стрижиные, бульвар…

Последний, для храбрости проглоченный каштан раскрывался перед ним.

Видение ударило в другого стрижа. Ночь. Стрижиная дуэль. Оба как нарисованы на штриховке… Оба даже не голограмма, точечный

рисунок на параллельных линиях… Проницаемы, беспрепятственны. Паж осознал, что был проигравшим, то есть, выигравшим в той стрижиной дуэли.

Причина таковых давно интриговала его, теперь раскрылась со всей очевидностью: не выдерживали, велик секрет. «О, тридакна безмозглая, как можно было не догадаться!» Тоска гнала. Полукиборгу не нужна влага Впечатлений, уходящее солнце испаряло её, случайно скопившуюся, а если нет, не до конца, через какое-то время тяжесть жизни становилась непереносима. Если же испаряло всё время и до конца – тот же итог: невыносимо! Не ветер-суховей, человек и полудроид – капелька всемирного океана в любую эпоху.

Паж был уверен, что находится между жерновов и погружён в растянутый миг предсмертных видений… Пока не начал погружаться…

Резаки его крыльев не были Впечатлением, отнюдь. Тонкую дроидскую механику жерновов они прошли навылет, как нож растопленное масло, не повредив ему. Прошили облачные миры и спикировали в Великое Море.

На атласном экране тьмы закончился двухсекундный сеанс каштановых Впечатлений, и кто-то начал постепенно включать свет, чтоб не ранить глаза… Глубоко фиолетовый. Ультрамариновый. Глубинный…

Периферия непроглядна, центр – смутное зарево. Стриж летел на него. Мотылёк ночной.

Фиолетовая тьма обрела подводный гул, стоны, вздохи… «Оу!.. Оууу… Оооо… Уууу…» В предугаданном кошмаре, Пажа забирал океан.

Смутное зарево было Тропом. Тропосом, устьем, куда впадает весь океан.

Паж заслонялся раскинутыми руками от абсолютной драконьей белизны, без полутонов, без тени, и летел в эту белизну. Летел на медленно разворачивающийся профиль, белый как его сны… Ничего кроме ужаса не осталось.

«Неужели я самый дурной человек на свете?! Неужели я заслужил это?! Не смотри на меня! Я не охотник, не житель моря, я не был им, не был, дракон, дроид, за что?.. Ты не дроид!.. Ты само, ты – само Великое Море, злое море, лжецам вырывающее языки, лгущее всем! Каждой бесплодной надеждой!.. Отпусти меня!..»

– Або Аут!.. Аволь!..

Паж звал Аволь.

– Оу… Оууу!.. Ооооу!.. – вторили ему высоко, далеко за спиной оставшиеся косяки теней ро.

Без взмаха, без движения летел невыносимо белый дракон, бесконечно, мучительно долго. Как не бывает. Как нельзя вообразить.

«Аволь, Великое Море больше небес! Шире космоса! Мы живём в перевёрнутой, наизнанку вывернутой вселенной!.. За что, Аволь? За что?.. Зачем он смотрит на меня, Аволь?.. Лакрица, сахарный Аут!..»

Тьма позади, Пажа несло на непереносимый свет внутри мраморной, перламутровой зарницы.

Янтарь пробился в межбровье… Сахар почудился на губах. Запахло лакрицей, анисом, который так тонок, когда далёк, отдалённость – его совершенство… Паж заставил себя приоткрыть отчаянно сощуренные глаза и взглянуть прямо.

«Або Аволь!.. Несоизмеримое… Не сталкивается… Крупинка соли, что я… Где я?..»

Белый Троп смотрел в упор на него сквозь падающий иссиня-белый снег. Исподлобья. Орлиный клюв склонён. Перламутровый свет распространяется ореолом вокруг янтарно жёлтого сердечника. Сто тысяч Пажей войдут в одну ноздрю, в клюв - континент. Искра белей-белого под веком узкого глаза.

Руки ныряльщика вытянулись над головой, навстречу янтарному зареву в перламутровой скорлупе. Посредине широчайшей драконьей груди, округлое в основании, сужающееся вверху, переливалось зарево.

Лакричное Яйцо. Двое Врат.

- Або Аволь!..

0240

Некоторые гига-вирту показывают отрывки из фильмов.

Большой ценности как времяпрепровождение они не представляют. Выпитые Впечатления тех же фильмов

воспринимаются гораздо ярче, свежей. Однако нерафинированное Впечатление нескольких сцен подряд редкость. Целого фильма – невидаль. Голограмма вирту воспроизводит плоскость экрана, и способные не отвлекаться четверть часа подряд, полудроиды могут посмотреть, задокументированный кем-то из дроидов в научных целях, отрывок художественного кино.

Сцену из фильма вспоминал Суприори, отправив Отто на верную гибель, поджидая какого-нибудь претендента на Астарту. Вспоминал до стука в груди, до пылания Огненного Круга, в горле, в животе начинавшего стучать.

Знали бы они, они все, как охотно, как дорого он готов платить за то, за что вынужден брать плату! Доли секунд ослепительной жизни, тех, взлетающих, которым суждено благополучно приземлиться, и за полноценные секунды тех, кто умрёт ради него. Ради того, чтоб полукиборг, полудроид распахнул механические глаза и горячими зрачками вобрал каплю жизни.

Солиголки служили тому же. Смешно непредсказуема жизнь: до последнего изгибающийся крючок, который уже никого не зацепит, полукиборга – зацепил.

Паж, изысканный в сравнении с ними придонный лёд, использовал под язык, за щеку кладя. Там и солиголке последнее пристанище. Делая так, Суприори чувствовал себя на единственную ступеньку выше полукиборга – тупой, умершей тенью! Солью, заместившей остаточные структуры. Крючок загибался под языком… Он был когда-то прямо или косвенно жалом, частью впрыскивающей яд, высасывающей тёплую влагу связных Впечатлений… Это и переживал Суприори: язык становился шипом слепой, глухой, чуткой и тревожной тени… Какая дешёвка! Всё, что осталось.

Отступало шумное разноцветье игрового ряда…

Равномерно выкрашенный серой краской безмолвный Южный простирался вокруг…

Парадоксальное облегчение: серое было для Суприори окрашенным в серый цвет. То есть, по крайней мере, оттенки имеющим монохромом!

Без солиголки под языком киборг воспринимал с предельной силой звуки и цвета. Они падали, падали, падали на него. Они стояли сплошной тюремной стеной. А так – потише…

Сцена, что вспоминал, вызвала когда-то недоумение у изгнанников. Его – потрясла просто! Дважды потрясла, при обсуждении: Суприори не понял, чего тут можно не понять.

То был сказочный фильм. Призрак заставлял человека есть пиццу. Шикарную, горячую, смачную пиццу. Вот, собственно, и всё.

Звук имелся, но говорили не на эсперанто. Юноша по имени Дикарь перевёл диалог, а владелец гига-вирту, Амиго, пояснил, какова мифология призраков, что они долго живут, ничего не чувствуют, кроме эмоции скорби, гнева там…

Для Суприори абсолютно всё было очевидно. Как хочется призраку смотреть, как человек ест… Хотя бы смотреть! Как обыкновенный человек, поедая обыкновенную пиццу, рассказывает про её вкус…

Когда столкнётся не с умозрительными задачами, а с личными проблемами, самый большой материалист и скептик, самый рассудительный технарь не застрахован от всплеска мнительности.

Суприори вроде и знал, что нет в старых байках никаких рецептов, никаких подсказок. А

забыть не мог.

Истомившись ожиданием, поклявшись, что невыносимо пустые, за полдень перевалившие сутки первый же окупит билетиком на тот свет, сцену с привидением в уме он проигрывал снова и снова.

«Дроиды светлые, непреклонные, как бы я хотел простого глотка воды, чтоб раскрылся, чтоб видеть через него пустоватое, рафинированное прошлое! Кусок пиццы. Давайте же, идите сюда, отдайте мне краткие секунды, панораму Южного, с высоты моей жажды и вашей смерти».

Дождался.

От водного пейнтбола мокрая, шумная компания стрелков направлялись к Суприори. В плащах. Один в маске, под вычурной шляпой, ловил приятелей и какой-то незнакомой песенкой дразнил:

– Видишь ли, – с хрипотцей, с прищёлкиванием пел он, – я Норландина! Да я уже Норландина!..

Суприори в незнакомой песне слышалось странное имя.

– Знай, я совсем Неорландина…

Резкий голос, словно подыгрывал себе трещоткой. Языком щёлкал, пальцами.

«Совсем Норландина… А я совсем не Суприори… Бестолковый текст…»

Стрелки уже подошли, протиснулись до него меж сгрудившимися, оспаривающими правила и чей-то выигрыш, марблс игроками.

«Он проиграл сеанс рискового аттракциона? Ну, что ж, Норландина, привет и пока».

С неудовольствием Суприори отметил, что девушка, скинувшая капюшон – изгнанница, та, которой отказал в Архи-Саду.

«Неужели будет снова торговаться? Рядом её парень, борец. Как его?.. Милашка?.. Дабл-Ня? Точно. Насупленный. Мне повезло, блондиночка при нём торговаться не будет, уф… Уж думал, что придётся снова повременить…»

Претендентом на экстремальное развлечение оказался тот самый, певший куплеты. Также к неудовольствию Суприори шляпы он не снял, лица не открыл. Великан, за клинча бы сошёл, но маска… Она представляла собой никак не оскал. Детское личико, девичье? Что-то среднее, грустное. Алебастровое личико с

лёгким румянцем. На великане, между чёрной широкополой, мятой шляпой и поднятым воротом плаща смотрелась она диковато и странно. Но цену дал великолепную!

Дальше Суприори спешил. На странности, и замечая их, не обращал внимания. А они были…

Например, как прогнулся жёлоб под ним. С каким невыносимым, нетипичным звуком Астарта ускорила и подбросила это существо, взвыла… С каким, гибель несущим, свистом, оно возвращалось навстречу земле.

Чужими глазами Суприори успел увидеть не панораму Южного Рынка. Себя самого, жёлтый ёжик коротко стриженной головы… И – всё…

Южный содрогнулся от свиста и грохота…

Киборга, основание и обломки Астарты увлекая за собой, демон, превосходивший земную тяжесть, провалился под землю. Едва отскочили марблс игроки, едва мокрая компания брызнула врассыпную.

Грохот затих. Пыль осела.

Платиновая блондинка подошла к краю воронки и заглянула внутрь.

– Ох… – вырвалось у Дабл-Пирита, схватившего её за локоть.

– По заслугам, – спокойно сказала она.

Но для Суприори это был ещё не конец.

Часть 3

03.01

Августейший беседовал с человеком.

Их обнимала тенью сочная, непролазная зелень Архи-Сада, самопроизвольно разросшегося настолько, что уже его частям дали названия: лес такой-то, лес этакий, Терновая Глухомань, Незабудковый Лужок, симпатичная полянка… Человек и дроид находились к юго-востоку, в местности так и названной, Зюйд-Вест. Сюда и разрастался, в сторону понижения рельефа и близости грунтовых вод. В южном направлении прореживали его, к востоку совсем чаща, с топориком надо идти, туда уже редко и заходили. На Зюйд деревья кряжистые, дуплистые, мощные корни на поверхность

выходят, обломки скал выталкивают и огибают, тайнички устраивать удобно. Изгнанники, они как белки, а кто – мышь с кладовкой.

Доминировали на Зюйд-Вест нереально высокие, старые деревья сай, они же молодые заполонили второй ярус. Настоящий подлесок из трав и кустов не мог распространиться, ни света в достатке, ни воды. И свою-то поросль забивали тенью взрослые деревья. Лес это украсило: почва сухая, мхи да лишайники причудливых расцветок, узорами разбегались по ней. Расстояния между стволами, как между колоннами… Прогуливайся как крытой галереей… Впрочем, где как, к этой конкретно поляне сквозь южные буреломы приходилось проламываться, или восточными тропинками петлять. В пятнашки не поиграешь, не побегаешь тут, юные сай на подходе больно стегали раскидистыми вилками нижних ветвей.

Они мутировали от первоначального. Вместо двойной вилки расходится целый зонтик спиц-ветвей. Вытягиваясь, эти сай становились эффектны: пирамидальная крона, вознесённая ровным, стройным стволом, поднималась фонтаном из широкой зелёной чаши. Под такими уже гуляй, не пригибаясь, а вот мелочь не даёт и с дракона так сразу приземлиться…

Над полянкой по периметру её нависали и колыхались тяжёлыми веерами лапы громадных ветвей. Лепетала, в вышине гудела под ветром даль. «Кисточковые кедры» составили сай некоторую конкуренцию. Пучки игл длинны и мягки, они, в самом деле, используются некоторыми баями художниками для широких неровных мазков. Над поляной же кедры, набравшие зелени в хвою, пролили её безыскусно сумраком в мох, подчеркнув пятна рассеянного континентального света, хаотичным, подвижным узором разбросанные вокруг. Ощущение сводов нерукотворного шатра. Охотничьего, разбойничьего – с обрезанной верхушкой. И дроид соответствовал…

Дроид и человек, дай им волю, отменные бы соорудили друг на друга ловушки! Нет такой воли, нет физической возможности. Они ограничивались словесными сражениями. Провоцировал человек. Часто.

В мягкой, пляшущей полутени Густав решился оставить на время словесные дуэли. Обратится к дроиду с прямым вопросом, без заковырки, без утайки обстоятельств. А именно с просьбой о совете.

Он часто приходил сюда один. Потому что здесь о прошлом ровно ничего не напоминало. О Марике. А после того, как здесь же имел миллион препирательств с дроидом, триллион разбивающихся об его неуступчивость звонких, бессильных надежд, всё стало напоминать ему здесь о прошлом. Ещё чаще стал приходить, человеческая природа…

Негласно принято: господствующий над второй расой при посторонних людях слышит лишь её отклик, а в облике первую или вторую видит наедине, если нет на то отдельного, обоснованного запроса.

От ладони распространяющееся тепло, холод, стекающий со второй ладони, вместо букв предстали в них, раскрытых как книга. Густав без напряжения представил тем же манером, что людей искал: где Августейший, и гаер стал – здесь.

Серыми крыльями хлопнул, образовался на рыжем мху. Костюмчик кургузый, жабо пышное, плешь блестит, словно полирует он её, ярко-красные губы. Уравновешенный взгляд машины, без самодовольства удовлетворённой, равной сумме возможностей и притязаний. Одна бровь круто сбегает к переносице.

Густав хмыкнул и подумал, что с Турнирной Площади не видел его в той ипостаси, отнявшей Марика. Не видел августейшим Стражем. Безразлично подумал, его тоска не проходила, обостряться же ей некуда.

Руки скрестил на груди и прослушал обязательное приветствие:

– Выражаю своё почтение господствующему над первой расой…

Поклон гаера досмотрел… А вот не менее традиционное: «на этот раз постарайся формулировать конкретнее», пересёк:

– Четвёртый трон…

– Первый! – сходу поправил Августейший.

– Да хоть четырежды единственный!

– Твоими бы устами, да мёд пить! Востронюсь во главенстве, я тебя не на верхнюю ступеньку, к себе на колени посажу!.. Идёшь в мои дроиды?

«Небо и море!.. – Густав перенял изгнаннические лексику, ощущая себя таковым. – Шут-шут-шут!..»

– А как предпочитаешь, дроид, чтобы к тебе обращались?

– Никак! И не дёргали бы со скуки! Лиски

себе купи, путь хвостом перед тобой вертит!.. Что я, джинн из лампы? Ты сказок перечитал, о, господствующий над первой расой?! Не обольщайся: захочу, приду, не захочу, не приду! Кстати, ты получил от вепря вирту по старым играм?

– Что-то ты всё хочешь, да хочешь!.. Да, получил, можно подумать вепрь не доложился тебе.

– Прохрюкал чего-то, я был занят… Получил, значит… Во, пересмотри повнимательней, тыща сто восемнадцатая картинка с конца. Он даже и похож на меня где-то!.. – гаер надул щёки. – Как там к нему обращаются? Во!.. И ты так ко мне обращайся! Они, правда, сразу в обморок хлопались, вместо поклона, так и я тебе не запрещаю! Валяй!.. Не стукнись, вот сюда, где помягче…

– Придурок!

– Сам придурок, к Стражам не обращаются! Зачем? И когда?

– Вирту я разглядел внимательно. А когда обращаются?.. Ну, например, когда Страж продует…

– Чего?

– Игру, игру продует.

Паяц напыжился, не факт, что притворно. Жабо поправил… Перо выплюнул…

– Гейм овер? Тогда… Они просто исчезают! Показать как?..

– Нет! – воскликнул Густав и расхохотался. – Скажи лучше, как тебя называют там? Свои, не Стражи, а дроиды?

Густава вдруг пробило на упрямство, нос в небо задрал, прищурился, дроидскую сферу силясь разглядеть!..

– Внутри семейства? – настаивал он. – Вокруг трона стоящие? Тот же вепрь, как называет тебя? Хрюкни, я пойму! Что это, великая тайна, что ли?!

Августейший-таки хрюкнул на его нежданный энтузиазм, но Густава было уже не остановить:

– Да-да, и сформулируй конкретнее! На каком языке к тебе обращаются, с какой орбиты, с которой целью… Давай, в порядке исключения, ты сначала ответишь, а потом я продолжу формулировки подбирать!

– Ха-ха, неплохо! Припомнить бы… В самом деле, как?.. Память моя, память… Дырявая…

– Постарайся, дроид! А то я ведь по-твоему сделаю: стану биться в падучей каждый раз, пока ты «выражаешь почтение»… Тебе ведь это, глядишь, за нарушение зачтётся!..

– Аха-ха!.. Совсем неплохо! И кто же вызовет меня на Турнирную Площадь? Гелиотроп, братик мой? Доминго?.. О нет, только не он! Я помру на месте от умиления!..

– Я вызову.

– Ты неповоротлив и краткосрочен, человек. Если я замедлюсь в воротах… Если я, с трибунами по порядку раскланиваясь, круг перед боем сделаю, срок твоей жизни выйдет быстрей, чем сможешь занести меч. Сейчас я серьёзен.

– Я тоже, шут. Я буду серьёзен и там, и я буду – верхом… Дроид безымянный, четвёртый трон, знаешь, когда-то давно я видел необычного дракона во сне… Крылья его простирались, охватывая землю, и не было окончанья крыла, он смотрел как орёл поверх бытия… И, кажется, однажды, где-то… Не припомню, когда и где, – память, память моя дырявая… – видал наяву этого дракона. Так на нём и выйду против тебя!

– Оч-чень жду! – Августейший сверкнул стальными глазами.

До угроз скатившееся препирательство внутри себя имело необычный диссонанс, возможный лишь в таком взаимодействии, меж дроидом и человеком, внутри обеих сфер нет.

Они говорили одно, а позами выражали другое. Не зыркали исподлобья, не бычились, а неторопливо прогуливались краем поляны, остановившись в тенистом уголке.

Густав взобрался на нижнюю ветку сай, изогнутую, продавленную, и упёрся в подлокотники изгиба, на трон вроде как залез!

«Тронный, неизначальный… – подумалось Августейшему. А что, вроде Доминго, вполне возможно… Сейчас точно от умиления помру! Как уроборос смешной, ха-ха. Надеюсь, ты не очень скучаешь там, в его Собственном Мире, Джем-Марик, пока мы тут развлекаемся?! Ничего не поделать, начудил, плати… Тронный-уроборос, вызывай меня, хоть дроидом, хоть человеком, я тебя не обижу!..»

За время их вынужденного, обоим небезынтересного знакомства Августейший успел оценить выбор владыки Там. Его возлюбленный и в глазах автономного дроида получил оценку очень высокую. Ум. Способность быстро собраться в любой ситуации, сложить факторы, как бы много не было их. И ещё что-то трудно выразимое, вроде внутренней силы. Если человек в принципе – трон, уплотнённые до трона орбиты, то Густав – титановый трон, на

степень превосходит обычных людей.

Так что препирательства препирательствами, но по-сути они говорили на равных, когда говорили на отвлечённые темы. Одна же из них была не совсем отвлечённой. Её избегали. Не всегда. Порой тоска становилась невыносима, и Густав начинал по касательной… Впрочем, ради того, чтоб перескочить на секущую. Чтоб коснуться… Упомянуть… Гаер делал вид, что резко стал туповат, глуховат, не заметил.

Густав заводил разговор о первой расе, почему выходит так, что люди не влюбляются дважды. Прежние вирту и книги полны любовных треугольников, а начиная с эпохи высших дроидов, как отрезало. Попали в запретные? Этот вопрос до истерики рассмешил паяца.

– Нееет!.. Вздооор!..

Почему же? Вслух размышлял Густав:

– Дроид, ты считаешь, кому стать первой расой, это предопределено? Они не могут не полюбить друг друга? Или это чувство всё-таки вырастает из причин? Может вырасти или не вырасти.

– Я знать-то не знаю… Но я думаю, что из причин. Но вы ведь полу-дроиды… Думаю, человеческая часть накапливает причины, а

наша, дроидская – однажды связывает пару накрепко. Она такова, мала перед вами, ничтожна, что на два раза не хватает. Разорвать можно. Повторно связать нельзя. С другим связаться кем-то. Кончики короткие остались, ха-ха…

Густав умолкал. Ему нечего больше спросить и нечего сказать.

Многократно, чуть не с первого дня, и между делом, откликаясь на некоторые просьбы практического порядка, на долгую регенерацию от морских ранений, Густав нырял, от оливок, и он бывал небрежен, Августейший повторял ему:

– Человек! Лекарство для вас: сон, вода и Собственные Миры!.. Уйди, отдохни, красивой воды кувшин захвати с собой!

Кто виноват, что Густав отрицательно качал головой?

Общим азимутом был Августейший для Густава и для бывшего владыки Там. Актуальным и бездействующим. Тихий азимут.

Густав утвердился на древесном троне, Августейший остался стоять, чесать затылок с остатками пегой шевелюры… Звонко хлопнул

ладонью по лбу и воскликнул:

– Вспомнил! Турнир отменяется, я вспомнил, как красавицы мои звали меня буквально вчера! Память короткая, позавчера уже не припомню… Это ничего?

– И как же? – Густав наклонился вперёд.

Озираясь, холодные, холод источающие, руки сложив рупором, паяц бочком подходил к нему, всем обликом выражая неуверенность: признаться, не говорить? А вдруг услышит кто?

– Как? – повторил Густав.

Холодный, щекотный вроде мурлыканья Ухаха, ответ перетёк ему в ухо, сбросив с лесного трона!

– Пупсиком и… Муси-пусиком… Что выбираешь?

В первую секунду Густав даже разозлился на идиотскую, плоскую шутку. Но в следующую: дроидское влияние, магия шута! Он хохотал как чокнутый, явственно представив у костра Августейшего, приземлившегося, сложившего серые, трёпаные крылья. «Выражаю своё почтение…» – «Привет, муси-пусик!..» Рухнул с ветки сай и покатился, держась за живот, красный, пунцовый! «Шут-шут-шут, чёртов паяц!..»

Утирая слёзы, фыркая по-драконьи на довольного, приосанившегося шута, Густав раскачивался на мху. Сине-зелёный мох, на морское дно в Каменном Лесу похожий. А он – ныряльщик сквозь абсурд ситуации. Как Августейшему удавалось, – а удавалось непременно, за визит хоть раз, – взбесить и насмешить, полностью отвлечь его?!

Вынос мозга и рикошет… «Зачем? Ты? Отнял у меня?.. Марика? Чёртов шут, добей!.. Отнял - добей! Зачем?! Что я сделал тебе плохого? Зачем ты уничтожил одного и оставил второго, зачем мне жить? Не могу… Мне не поднять следующий день… Тяжёлый, невесомый, пустой… Положить бы в него что-нибудь, в этот мешок огромного дня, стал бы легче… Пустым не поднять… Шут, чёртов шут, что у вас были за счета?! Ненавижу, верни… Завтра я точно сойду с ума…»

Да, и в этот раз, впустую Страж повторил:

– Регенерация – брызги насущного. Лечит вас сон и влага, и Собственные Миры. Кувшин красивой воды – в Собственном Мире.

Гаер снова не был услышан, ведь Густав не спрашивал, он молчал…

Дрёма хитрый, тёплый, закоренелый

нарушитель сказал бы: тут в сердечнике нужен парадокс. Есть пружины в механизмах, на которых базируется сила, когда они туго закручены, а есть – когда растянуты. Нужен парадокс при взаимодействии с людьми несчастными и глухими. Если бы Густав говорил, а дроид промолчал всё, что произнёс, то был бы услышан. Тут надо наоборот. Но стремился ли Августейший к этому?

– Я зачем звал тебя, дроид… Мне надо вынырнуть, а не вынырнуть. Я про яд, старый яд.

– Солёная вода – не наша стихия, – живо, встревожено отозвался дроид.

– Я знаю, помню.

– Обрисуй ситуацию.

И Густав рассказал ему про корень Впечатления Гарольда, который не проходит, не усваивается, не даёт покоя. Про сплавление тени, необходимость найти равновеликое древнему ужасу, ненависти равное, с противоположным знаком Впечатление.

– Знаю эту историю, у нас её не позабыли, – Августейший кусал перо и хмурился, – сразу сказал, не наша стихия. Дроиды регенерации не

извлекают связанного с водой. Выпитое лишь Огненный Круг испаряет, да, но не он, а он – постольку поскольку, воля-то ваша, не его. А соль, конечно, не испарить, естественно… Ну, начал пить, пей дальше, что тут сказать…

– Когда хочешь, всё ты понимаешь, нормальным языком выражаешься, скотина! - весело отреагировал, ни на что не надеявшийся, Густав.

Паяц замотал плешивой башкой и поправил его:

– Пупсик!.. Масипусик!..

- Буээээ… - Густав перегнулся через ветку, изображая, что морской водой тошнится. – Прекрати! Ухи отвалятся сейчас!..

– Как угодно господствующему над первой расой…

– Угодно на будущее – вот как сейчас: я попросту спрашиваю тебя. А ты, можешь, подскажи, не можешь, не выкручивайся.

– Господствующий, «конкретнее» потребовать было бы сейчас – самое оно, как раз пришлось бы кстати… Тебе не понятен твой вопрос, а значит и мне, но на ошибку я укажу. Нашими, дроидскими словами, тут извини, как умею. Тут ты мне можешь вернуть «конкретнее»… Впрочем, без толку.

– Слушаю.

– Молодец… Так вот… Безрассудно выпитое, это как бы установившаяся орбита. «Буэээ…» – потребность выблевать его, как бы намерение орбиту изменить… У нас нет понятия полного уничтожения, выброса вовне. Понимаешь ли, проблема в том, что проблемы вовсе нет: бери, меняй! Любое изменение – изменение. Раз – и всё! Всё!.. Двинул её, сжал, исказил, точку фокусировки переместил, орбита и пропала. Любая не она – уже не она. Но ты задаёшь характеристики: равное по модулю, противоположное по знаку… А откуда ты взял, что они возможны? Не для задачи, а в принципе? По-нашему, по-дроидски если, изменения орбит не меряются ни в каких единицах. Услышал? Нет шкалы для измерения орбит. Полным-полно на свете вещей, которые не вопрос искусности, а только решимости.

– Ой, у таких, решительных, мильён раз я выигрывал, которые, голову очертя… Скажи уж ещё проще – вопрос силы. Ни искусства, ни решимости особой не понадобится.

– Не услышал ты меня. Не про то речь, что думать не надо, а про то, что не сосчитать не пройденное. Нельзя одну орбиту изменить многократно. А значит нельзя – на сколько-то. Единожды можно. Совсем изменить можно. Только так… А чтоб цель из виду не упустить, на

то существуют азимуты… То есть орбиты чужие, такие, к которым не прикасаешься, в чём их для тебя смысл…

– Яснее некуда, – вздохнул Густав. – Всё равно, спасибо, я запомню. Пупсик… Масик…

Лесное эхо дроидским колдовством Августейшего паяца подхватило и разнесло оба слова. Неискажённым голосом Густава, до самого Архи-Сада, как подумалось ему, с досады врезавшему себе кулаком в ладонь, со всей дури, под аплодисменты удаляющихся, растрёпанных, серых крыльев. «Шут-шут-шут!..»

03.02

Где невозможно увидать ясного голубого неба, сразу под дроидской сферой и над верхними лепестками розы ветров, украшенной Собственными Мирами, как бессчётными каплями росы, дроиды курсируют по делу. «Через-ступенчатые» метки носятся, это, те которые способны взять промежуточный азимут, «через-обратные» – те, которым проще вылететь за пределы контуров, и обратно вернуться, чтобы

адресата почуять из ничейного пространства, вепри рыщут, крики выпей разносятся иногда, ушам людей не слышные, но зовущие смутным беспокойством. Приняв общую форму, дружбу с Белым Драконом сведя, из Туманных Морей пролетают верхом одиночки 2-1, как порядочные, на Йош, на Турнирную Площадь или к тронам за какой-либо надобностью.

В целом же это пространство принадлежит дроидам 2-2, непосредственно сопровождающим Восходящего от тучи к туче, и Белым Драконам.

Простор над Пухом Рассеяния в высоту не превышающий храма Фортуны, под бесцветным космическим небом, яркими звёздами в созвездии Кушака, и вся человеческая сфера – есть, белодраконий простор службы и игры. Не два разных, один, потому что эти крылатые ящерицы просачиваются сквозь Лабиринты Бегства свободно, минуя Улиточий Тракт. Простота базовой схемы позволяет им, лишь сквозь Турнирную Площадь Белый Дракон не в состоянии просочиться.

Вопрос, почему дроиды мирятся с довольно жёсткой обусловленностью, перемещаясь подобно людям, а не уходят всякий раз в

необщую форму, чтобы собраться в нужной им точке, имеет единственный ответ. Кому бы из второй расы он не был задан, если дроид снизошёл до ответа, а не «человек, спроси конкретнее», их реакция полна недоумения:

– Причина, что мы – высшие! Мы летаем и ходим как люди, потому что мы высшие дроиды.

Звучит так, будто нарядившись ради представления, они поклялись вовеки не заканчивать и без надобности не прерывать игру.

Однако Чёрный Дракон ответил Аурору по-другому, и свежий взгляд его многое прояснил. Ответил без заковырок, ясно, как автономный представитель служебной третьей расы.

– В какой же «нужной» точке должны мы собраться? – переспросил дракон.

Рори кивнула Густаву, уточняй, ты хотел что-то выспросить.

– Ммм… – озадачился Густав и глуповато загнул. – У вас плохо с ориентированием? Потребность в компасах? Их недостача?

Он серьёзен, и Чёрные Драконы невеликие юмористы, что позволило продолжиться разговору, обречённому с любым дроидом 2-2.

– У нас, о господствующий над первой расой, – неторопливо басом произнесла тёплая гора

чешуи, плеснув голубоватыми белками глаз на Рори, «что за дурак подле тебя, как достался ему его статус?» – недостача пространства. По все его «точки» включительно. Вздумаешь поговорить со второй расой, на дроидском эсперанто не произноси это «точки пространства», не позорься. Всё чего ты добьёшься от них – внеочередного осмотра дроидами регенерации, не препятствует ли что у тебя в мозгах контурам базовой логики.

Отповедь так отповедь!

Густав не отчаялся, зашёл с другой стороны:

– Ладно, не в точке, а относительно. Подальше от кого-то, – его голос самопроизвольно упал, – поближе к кому-то…

Дракон кивнул:

– Для этого общая форма и предназначена. Чтоб не промахиваться.

– Вы слепы в необщей?

– Скорее наоборот: мы зрячи в необщей. Представь, ты в планшете с песком, где вы чертите, удерживаешь взгляд на одной песчинке так, что остальных не видишь. Ты собираешься её выудить. А тебе советуют: закрой глаза и руку протяни! Зачем закрывать-то?! Для нас, это звучало бы как: открой глаза и возьми. В необщей форме мы видим весь бисер сразу.

Легко ли? Проще лапами подойти, крыльями долететь. Видеть всё разом и мимо кого-то одного не промахиваться, могут автономные. Страж, Хелий – в отношении кого угодно. Мы автономные и чёрные и белявки можем в отношении их и вас, но не своей третьей расы. Мы на азимуты ориентируемся, на состоящие из орбит азимуты, а пока уходишь в необщую, пока собираешься, мир переменился уже!

– О, так вот почему!.. – воскликнул Дабл-Пирит.

Рута, ученик и друг, с некоторого времени приобщил его к драконьим покатушкам. Драконьи сражения безмерно привлекали Пирита, как борца, пока вплотную не столкнулся! Учителю неимоверные усилия понадобились, чтоб перед учеником сохранить лицо. Одно дело, когда твой собственный, сердечно связанный с тобой дроид мчит на гоночных скоростях, и совсем другое, когда стая Белых Драконов играет тобой как мячиком. Но и это показалась ему цветочками когда увидел их, промеж собой затеянную, белодраконью свару! Фортуну на дроидском эсперанто возблагодарил, что смотрит со стороны.

Если имела бы название эта куча-мала, это

ослепительно белое и оглушительно грозовое, плюющееся молниями облако когтей, клыков, воя, хрюканья, рычаний, назвалась бы… «Угадай, кто водит!» А водят все! Вопрос, кто из них – не – водит… Он проиграл! «Царь горы» рядом с этим безобразием – шахматная партия по переписке! Но правила у игры есть, куда же без правил, и они проще простого: за драконом, что первый сдрейфил, сиганул не вглубь кучи, а из неё, она и ринуться в полном составе! Победителей окажется столько, сколько смогут его за хвост и за нос кусить, не обязательно двое!

Самый позорный вариант завершенья игры тот, после которого несчастный белый беглец на год клеймён прозвищем «ди-уробороса». То есть обязанностью представляться любому и каждому, – включая вторую расу! – зажав хвост в зубах, словами «да, я уроборос». Заключался он в том, что устав, перепугавшись, или будучи загнан под перекрёсток, в ущелье сомкнувшихся лепестков, что держат облачный рынок, дракон берёт хвост в зубы. Как уроборос: я маленький, не трогайте меня. Тогда лишь один преследователь символически тяпнет его одновременно за хвост и за нос. Какой это позор для дракона, выразить невозможно. Но какая их игра страшнота!

Твёрдо уверенный, что с ним на спине дракон в бой не вступит, не первый раз наблюдая это зрелище, Рута был безмятежен. Слегка скучал, пока перебесятся, пока вернуться… Когда же под Дабл-Пиритом, забыв крыльями махать, ездовой дроид нетерпеливо перебирал лапами, и волна походила по хребту от гривы до кончика хвоста, волна походила и по спине всадника! Оставаясь холодом межу лопаток, заставляя сильней пятками сжимать драконьи бока. Когда ездовой зверь не реагирует на тебя, само по себе неприятное переживание.

Пирит удивлялся, содрогаясь при очередном визге из гущи сражения, почему они не пропадут прямо там и не соберутся далеко-далеко?! Не похоже, чтоб все были в восторге. Более того, не все и желали вступать в игру! Но честь, знаете ли… Тогда почему не пропасть под чужой раззявленной пастью и не собраться у чужого же хвоста? А вот, понял почему: не разглядеть из необщей формы бисерину в куче, и не прицелиться и не успеть! Мимо всей стаи, конечно, не промахнёшься, но внутри неё положение можно серьёзно ухудшить.

Беличья сфера помнит интересный случай, когда в самом разгаре сражения Дарующий-Силы

позвал совершенно искусанного Белого Дракона, который и вырваться-то не факт что мог, но хвоста в зубы брать не собирался. Позвал служить Восходящему.

Это дракон был слабоватый, элегантный и храбрый. Стая сошлась во мнении, что и такой элегантный выход он заслужил. Хотя их, собственно, никто не спрашивал.

Изо всех дроидов наиболее «объёмны» в необщей форме могущественные, высокоспецифичные одиночки, расширившиеся не за счёт наружных орбит движения. Не за счёт «выпадов» этих орбит, то есть искажений, вытягиваний до эллипсов и до параллельных линий.

Искажениями пользуются обычно поисковики, как резинку натягивают, чтобы выстрелить ею. Тогда разноситься по дроидской сфере бег визжащих вепрей и проникающий на громадные расстояния голос неподвижных, незримых выпей…

Одиночки растут за счёт прибавления в числе «подкожных» орбит, хранилищ информации. Создай дроид на их основе семейство, оно обретёт имя его специфики, а они совершат

фазовый переход уплотнения до трона. Но почему-то далеко не все стремятся к этому, расширяя внешние орбиты до пределов, в общем-то, и не нужных одиночке 2-1.

Замечание к теме.

Почему поисковики так ценны? Потому что их мало. А почему мало? Потому что их устройство полезное тронам не несёт выгоды самим вепрям и выпям. За пластичность орбит движения, за высокие поисковые качества они платят внутренней пустотой. Нечего сжимать, нет хранилищ, вот и пластичность. Нет своей темы, нет памяти, кроме актуальной на момент запроса. Существующие поисковики на свою жизнь не жалуются, но вступить в их ряды никто из высших дроидов, – а драконов тем более! – не горит желанием. Создать же поисковика с нуля, задача трудная даже для Гелиотропа. По аналогии: как создать сложно организованную оболочку на пустоте, без костяка и без постамента. Августейший не зря встревожился: Айн счётчик, но практически – поисковик, сразу шагнувший от технического дроида на ступень сильнейших высших.

Пересекаясь орбитами как кругами, хоть это далеко не круги, по секущей в двух точках,

дроиды не мешают один другому, даже и не замечают. А вот попав внутрь целиком - беспокоятся. Эти их реакции легко описать в человеческих словах.

Если окружёнными оказываются внутренние орбиты внимания, дроида это беспокоит как навязываемое общение.

Если промежуточными, подкожными орбитами хранилищами – как подглядывание, потенциальное воровство.

Если их наружные, орбиты движения оказались окружены, это подобно плену, это дроид уже в чьём-то семействе.

Немного сложней выразить эмоции того, чьи орбиты оказались снаружи, а сделать это он мог как намеренно, так и случайно.

Если поймал внутренними орбитами внимания, вариант крайне редкий, это равнозначно приглашению в семейство, так Доминго понравившегося и предложившего себя дроида порой с Йош уводил. Не тронный дроид лишён такой возможности. Негативного продолжения такая пойманность по определению не имеет.

Захватив дроида промежуточными орбитами, информ-контур-азимутом, дроид как бы словами поймал, угрозой, соблазном, правдой или ложью. Это требование чего-то действия или информации. В случае тронов это равносильно приказу. Равносильно и запросу от Восходящего.

Пленение внешними орбитами движения ничего не значит. Это игра. Призыв к игре, провокация. Противоположно пленению внутренними. То: «Иди ко мне насовсем. Серьёзно…» А это: «Убегай! Лови!..»

Малые орбиты форм, всей совокупностью, форм-контур-азимутом оказавшись в чьих-то пределах, это уже практически стычка. Она возможна лишь в человеческой сфере, в дроидской – на Турнирной Площади, там малые орбиты обретают вид турнирного оружия. Остальные же уровни дроидской сферы до пуха Рассеяния и храма Фортуны недаром называются Лабиринтами Бегства, по ним кто-то убегает, кто-то догоняет, но драка невозможна между ними, только захват. Либо прекращение дроида на месте.

Поймать и пойманным быть можно произвольными сочетаниями внутри орбит-категорий: внимания, хранения, движения, форм. Описывать их нюансы слишком долго.

В Туманных Морях дроидов свободнее чем в верхней дроидской сфере, но тесней, чем в человеческой. Там из четырёх категорий следует вычесть информ-контур-азимуты. Ими не захватывают, их тоже. Недаром называются – одиночки 2-1, недаром в Туманном Море представший человеку дроид присваивает и преображает всё море, весь лес. На время разговора человека с дроидом окружающее их Туманное Море предстаёт лесом и подчинено лишь его специфике.

Автономные могут в любой момент поймать любого из высших дроидов в свой внутренний контур внимания. Но предпочитают делать это по взаимному согласию. Тут человеческие слова бессильны: приглашение, приказание?

В случае Гелиотропа с его Чёрными Драконами, тоже автономными, требуется приложить орбиты малых форм – клещей, тисков, горна, молотов и самого У-Гли.

В случае Августейшего с его красавицами, помогает контур движения, паяц каждый момент в движении, не даёт заскучать, на опережение

играет.

А в случае Тропа… Лучше спросить тех белок, которые повстречались ему в Обманке, в Пуху Рассеяния, тех чернушек, телохранителей не при деле, которые в Великом Море натолкнулись на него… Да они уже ничего не расскажут.

Кто-то из высших считал, Троп – весь внимание, что свойства всех слоёв орбит передались внутреннему контуру. Кто-то наоборот считал, Троп весь форм-контр-азимут, набор зубов и когтей, весь оружие, что иллюзорны два нескончаемых крыла, потому и нескончаемы, что иллюзорны…

Но все сходились во взгляде на его ужасающую цельность и на то, что голос Тропоса исходит ото всех слоёв и контуров, представляя собой отдельное явление в дроидской сфере.

Внимательный, феноменальный Тропос, бумц – и аварию устроил! Над Шаманией, над её мраморным облаком.

Внедорожно-аварийная ситуация сложилась на верхних лепестках человеческой сферы, куда случайно относит немногие Собственные Миры, нарочно – чаще относит… А так-то обычно спокойное, хорошее место – верхние лепестки.

Облака усеяны огоньками дроидов, синими огоньками Доминго. Размытые, рассеянные облака Впечатлений, из Великого Моря первым делом сюда взмывающие, в самую ввысь, слишком лёгкие, чтоб пролиться в ближайшие годы.

Облачный рынок и вовсе один… Не кружит, как на якоре встав, пребывает, монолитно мраморный, и Белые Драконы не подлетают к нему. Если с земли горами кажутся низкие, чёткие облака, то в небе он кажется горой взлетевшей, есть в нём какая-то тяжесть…

Аварийная ситуация сложилась как раз над ним и прекратилась – разом. Раньше, чем, попавшие в неё, успели осознать, что разбросало их в разные стороны?

Тесно, что ли в небе? Тесно. В некоторых определённых местах.

В высоком небе три дроида оказались на его пути случайно. А вместе – далеко не случайно.

Троп вовсе летит сквозь сущее, не исключая артефакты и земную твердь. Магматическая капля, с тяжестью которой несоизмерима тяжесть всей земли. За ним как вода смыкается чёрный обсидиан, повредить ему Троп не может.

При необходимости без труда носящий всю землю на хребте, Троп, разумеется, не нуждался в общем поле Юлы, как в опоре. Как в ручке и то не нуждался. Но как в ориентире – да. Можно сказать, Юла – его контур-азимут. Траектории снижения он выбирал, обтекая чужие орбиты, внимательно вёл себя. Что поделать, бывают осечки. Бывают специальные места, в которых лично уверен, и в которых никто не может быть твёрдо уверен. Так сказать, два пограничных варианта свободы, совсем ничейное и совсем своё. Обломы в отношении последнего наиболее огорчительны.

В пустоте между этих двух лепестков Тропос был уверен, как хозяин мира в том, что за его рамой находится его прихожая. Всегда тут снижался. Каплей падал, ядром пушечным, не глядя. На пути же его в этот раз что происходило…

Как пёс тряпичного щенка, Белый Дракон трепал за шкирку дроида второй расы 2-1. Не упрощая до сугубой образности: дракон вцепился во внешнюю орбиту 2-1 закручивающим, рвущим ухватом. Но не мог или не хотел разорвать её.

Дроиды боролись в постоянной смене общих

форм на необщие. Едва Белый Дракон становился видим, обруч в его зубах делался мячом. Удержать в пасти – невозможно. Дракон, раскручиваясь, вышвыривал его и ещё добавлял ускорения хлёстким ударом хвоста. Шар летел человечком, изнутри пропадавшим, до контура, контур расплывался в тот самый обруч орбиты. На периферии дракон ловил его заново, как необщая форма необщую. В реальности не отпускал, это и есть «кручёный хват», ведь они дроиды, держание в руке для них не статика.

Четырёхконечной звездой, ласточкой на пружинящей верёвке смотрелся высший дроид, то появляясь, то исчезая вокруг крылатого ящера, туманного смерча.

Дракон играл и сердился. Дракон не помнил, с кем играет, и не понимал: что ему препятствует сильней сдавить дроида поперёк, связать его же внешними орбитами. Рвать, да действительно не собирался. Есть разница, связать или крылья оторвать.

На что сердился? На точнейшее совпадение по месту и времени при их общем начальном такте сборки из необщей формы. Столкнулись. Надо же такому совпасть! Притом, что они разных рас, разных схем сборки, размеров. Казус. Все дроиды без исключения не выносят такого. Перед вторым тактом сборки внутренняя орбита внимания как бы выглядывает, осуществляет

грубую фиксацию на произвольно выбранном объекте, как на временном, доли секунды необходимом азимуте для сборки. Ими-то и совпали. Как столкнуться в дверях, с поправкой: оба заходили к себе домой!

Белый Дракон не помнил одиночку, не узнал новыми глазами, после обнуления. Прежнее же своё имя дракон не обнулил, но дополнил и звался теперь – Амаль-Лун. Дроида звали Айн. Могла ли Фортуна не свести?

Пикирующий Троп разбросал их как галопом несущийся на пастбище бык, заигравшихся в траве щенков. Не грудью, не копытами, ветром от своего приближения, дрожью земли, грохотом копыт. Заметил, конечно. Но возвращаться он не счёл нужным. Все живы-здоровы и ладно, под лепесток низлежащего перекрёстка канул, под мраморную глыбу облачной Шамании.

Айн подобной ему каплей тут же пал в Туманное Море. Освобождённый, замученный. Дракон Амаль не смогла одолеть ею же одарённого когда-то.

Она никуда не канула, вернулась пронюхать след: что за дела? И третий дроид, ожидавший развязку трёпки, от ураганного Тропа вовремя

отшатнувшийся, вернулся…

Третьим был Страж.

Наглядная демонстрация относительности понятий «случайность» и «свобода выбора». Фортуне принадлежит не один лишь храм её, а все на свете «ничейные поля».

Буквально накануне по причине дозавершённости Айн вышел из-под опеки тёплого трона, обретя свою нишу в Туманных Морях дроидов, свой абсурдный лес, образованный вычитанием из всех существовавших когда-то лесов.

Августейший караулил этот момент с пристальностью хищной птицы. Не пропустил. Но и воспользоваться не удалось. В итоге оказался нос к носу с прекраснейшей и поныне, с бывшей из своих королев! С Белым Драконом, на минуточку, не ведавшим стадии уробороса, воплощённым не временем и не чьим-то ковальским мастерством, а собственной волей.

Фантазия, которую дракон приложил к конструированию своей общедраконьей формы, была достойна бывшего владыки!.. Вдобавок, как выяснилось, гигантоманией Амаль страдала не слегка… Дроид желания, в нескончаемой череде

фаз проявления-исчезновения, под неисчислимыми покровами, вуалями, скрывал всю жизнь изящество непрерывной изменчивости… Могло ли не наскучить ей? Уж драконом, так драконом!

Вот они-то с Августейшим мигом узнали друг друга! Амаль, дрянь, порву? С первого взгляда в паяце здравомыслие взяло верх! В конце концов, самосохранение дроидов установлено второй наружу от сердечника орбитой!

Её внешность…

Незаурядная внешность Амаль-Лун, это фигня! А вот очи…

Очи именно то, чем неугоден, по мнению Гелиотропа, новоявленный дракон должен был стать Доминго. И что в действительности заставило Доминго влюбиться с первого взгляда!

Дракон стоил того, и зависть в главном троне накопилась, лишку созерцал, как владыка Порт гарцует на вороном, блистающем Георге. Один в своём роде. Отнять никак. Такого же запросить? Для держащего безусловное турнирное лидерство и пешим, и конным, чрезмерно мелочно! Хоть бы потребность была, так нет, фактически выпрашивать у Гелиотропа игрушку.

Доминго хотел что-то подобное, только круче. Не мог бы сказать, что, пока не увидел… недопустимые драконьи глаза.

«Оранжево-красные, ооо… Оррранжево! Лун, ты будешь принадлежать мне!..»

Хорошо, что дроиды не умеют читать мысли! А что люди не умеют - вообще основа миропорядка. Принадлежать?.. Забавное слово!.. Но порезвиться на Турнирной Площади Амаль-Лун не прочь!

Красный цвет в принципе не дроидский. Зелёный морской ещё туда-сюда. А красный – человеческий, пурпурно-лаловый цвет преображающего и запретного. Левую руку людей, превращающую в мирах, дроиды видят красной. При регенерации она восстановится немного позже правой. Притом, наличествуя физически или нет, за рамами собственных Миров своей функции левая рука не утрачивает, держать ёю нельзя, превращать можно.

Оранжевые, формой как лепестки ивы, глаза Амаль-Лун имели непостоянное количество красных зрачков: от трёх до семи. Их ряд бегал по черте нижнего века. Один зрачок в ряду крупней, ярок и сочен как Пурпурный Лал, им смотрел дракон. Что делал остальными, второй расе оставалось догадываться! Небывалое устройство.

«Мне необходима такая турнирная лошадь. Любой ценой…» Жадный, прозорливый Доминго.

Если бы дракон Амаль-Лун разлёгся между отрогами Морской Звезды, на значительной протяжённости чешуйчато-переливчатого тела с высоты мог быть принят за реку, блестящую под светлыми облаками, так велик, так гибок. Крылья Амаль-Лун задумала себе узкие и длинные настолько, что ножницами складывались над спиной. И морда длинная.

«Он, она» – говорить про дракона неправильно, но по старой памяти и по грации, «она» на подбородке имела теперь рыжеватую, жёсткую, вперёд торчащую бородку… Увидев это украшение, Августейший нервно сглотнул и перевёл взгляд выше, где насмешливо морщился розовый нос, постоянно мокрый, веснушчато-краплёный. Брови гневные, курчавые. Усы сверх всякого благоразумия длинные вились, вились и терялись где-то в пространстве!.. Хвост с шипом, несвойственная белкам черта, для Чёрных Драконов обычная.

Зависнув в небе со сложенными крыльями, дракон так сильно бил этим хвостом, что самого чуть швыряло из стороны в сторону. Августейший отдалился и вобрал дроида орбитой внимания.

«Ни кисточки на хвосте, ни гривы. Амаль - ящер. Тяготила её жизнь под покровами…»

Шут виляет, Амаль-Лун нагоняет… Он пятится, дракон бьёт хвостом, бросающим в зигзаг, наступает…

«Меч-дискрет владыка обнажит против меня?» – сомневался Белый Дракон.

Огонь перекатывался в пасти за клыками. Уррс не подумал бы сдерживаться, Амаль умна: изрыгнуть пламя – подарить его.

Язык облизнул крапчатый нос. Пламя гнева проглотилось, прокатилось внутри до шипа на хвосте, произведя утробное шипение, не с глоткой, а шорохом сдвигающееся чешуи. Дракон отметил, что и меч-дискрет остался в ножнах.

На каждой белоснежной, зеркальной чешуйки крылатый паяц, плешивый, в кургузом пиджачке то отразиться, то пропадёт… Дракон беспокоился и разминался, так борец, поигрывая мускулами, выходит на арену. Так дроид, из малых орбит заранее меча не образовавший, выходит на Турнирную Площадь, широко

вскидывая руки, трибуны приветствует, чтобы выхватить меч из ниоткуда в самый последний момент.

До тошноты и мелкой дрожи несдержанного смеха, утыкаясь снова и снова ему в лицо, Августейшего взбесила пегая, рыжая бородёнка, восхитила!

«Дёрнуть? Выдрать метёлку из крокодильей морды?.. Только этого и ждёт, или я не Стаж Закрытого Семейства!..»

Разводя руками, Августейший снова попятился, хлопнул крыльями, и серое перо закружилось, чтоб опуститься волчком в острые зубы паяца. Змея саркастичных губ искривилась, бровь круче к широкой переносице, и древняя машина попрекнула сбежавшего из-под её воли дроида, независимого отныне и навсегда:

– Стой, Амаль, дрянь! Дай на тебя полюбоваться!

Не останавливаясь, дракон отрицательно помотал торчащей щёткой бородёнки:

– Стой, Аффф-густейший, владыка! Дай я тебя обойму!..

«Ох...»

Драконий подбородок лёг ему на плечо.

Всё вернулось на круги своя. С белками

Августейший по природе дружит. В таком облике, не напоминающем владыке Фортуну-Августу, бывшая королева ему куда приятней.

После взаимных нежностей обнаружилось, что оба косятся на перекрёсток, под лепестками которого Троп исчез.

03.03

Взросление Уррса преумножало его почтение к Гелиотропу и одновременно частоту конфликтов с ним. К примеру, совсем недавно…

Гелиотроп не пустил дракона на Цокки-Цокки! В этой ситуации всё прекрасно: и рынок, куда Белым Драконам нельзя, и специфика рынка, и объяснение опекуном своего бестактного вмешательства… И то, что дракон туда вовсе не собирался!

Отто упал, когда услышал эту жалобу от друга!

– Дык… Э… А как?.. А вы что ли?.. – только и мог выговорить.

Их узкая компания в Архи-Саду состояла из тех, кому позволительно знать настоящую природу гиганта. Буйного, быстрого, упрямого. Так что обсуждать можно вслух. Остальные представление репетировали, по пьесе Амиго и Соль.

Уррс обижено моргнул нервным тиком. Облик человеческий – глаза коньячные, с огуречно-зелёной крапинкой…

Густав и Бест удивились не меньше Отто. Их вопросительное мэканье-бэканье быстро надоело дракону.

С шипением он перебил:

– Люди! Я даже не дорас-с-с-сказал, а вы? Чего – как? Чего – разве?..

Не «дорас-с-с-сказал» то, что реально на Цокки-Цокки он и не собирался, а Гелиотроп решил, что собирался, ну тогда, он, конечно, сделал вид, что собирался, и они конечно поссорились. А нечего указывать Белому Дракону, независимому навсегда!

– Он мне: ты хотел! А я: ещё бы не хотел! А ты бы не хотел?! А он мне: «Ха-ха-ха, уроборос, тебе ещё рано, ты ещё маленький!» Ассс!… Сссс!… Сказал бы в простоте: по дроидскому уговору нельзя! Мы его помним. В каком, интересссуюсь, месте я маленький?! И год уже,

как не уроборосссс!..

– Нет года, – поправил его осведомлённый Бест.

– Не важно! Хоть бы день сссверху, а уже не уброссс!

И сплюнул искрой, заставив отклониться луковичную стрелу цветка-метаморфозы, покачнув нераспустившимся соцветием.

Компания не то чтобы подходящая для обсуждения Цокки-Цокки… Но с другой стороны, тем и подходящая, что неподходящая, разная.

В руках Отто каких и чьих только бёдер не перебывало, и не только руках, и не только бёдер, до того, как белый коралл ожога на груди у Пажа вышиб его напрочь из этой сладкой среды. Бест – однолюб. Густав девственник. Ни одного партнёра за всю жизнь. Он никогда и ради охоты не посещал рынков-цокки, считая это ниже своего достоинства комодо, блюдя полудроидский кодекс чести.

Ну, и Уррс девственник, естественно. Среди белок лишь моногамные пары образуются. Гибель дракона для второго в паре – прекращение, как для ездового дракона смерть

его всадника. Беспарные они не поймёшь кто, задиристостью слегка различаются, а в паре обретают мальчико-девочковую специфику буквально в каждой орбите. Такового для Уррса не имелось. Он не особо и хотел, даже слегка побаивался. А с людьми – хотел!

На рынки цокки дроидов тянет невероятно, с этих рынков часто и происходит их падение в нарушители.

Одиночки 2-1 и рядовые 2-2 подозревают тронных дроидов в употреблении и злоупотреблении в этом смысле их правом по рынкам бродить! Это бред. Трон обретают и сохраняют внутренней твёрдостью, дисциплиной, никак не ловким сокрытием нарушений.

Белые Драконы не исключение, но удерживает их не страх разоблачения и турнира, ха-ха, и не дроидский договор, на который Уррс предлагал Гелиотропу сослаться. Гелиотроп потому и сказал, ты маленький, рано тебе, что прекрасно знал, какой ничтожный вес имеют для белок формальные договорённости.

Фактическая причина та, что непредсказуем, непостижим Дарующий-Силы. Но к Восходящему направляет – он… Вокруг непостижимого всегда

нарастают суеверия и легенды. В среде Белых Драконов бытует таковая: чем с большим количеством людей якшаешься, тем меньше шанс, что будешь направлен служить одному из них. А этим они пожертвовать не готовы! Вера в легенду имеет реверс: кто уже играет, гуляет, пляшет с людьми, те полагают, что терять им нечего! Помимо Тропа никто их не уймёт.

– И от какого числа связей начинаются санкции? – поинтересовался Густав.

Уррс лупнул глазищами. В две ладони взял вопросительную пустоту его слов и поиграл ею, будто двумя йо-йо в красивых, огромных руках… Логику человека бросая в землю и схватывая на взлёте… Жест общий для автономных дроидов, подобный тому, как люди ходят туда-сюда, размышляя.

– Гут, ты… Или вы все тихим азимутом меня понимаете? Тут – факт, а не – сколько. Да или нет. Гуляю с людьми и буду гулять! Ну, раз так, не взыщи… Факт, выбор.

Бест переспросил:

– Это мы как раз поняли. С какого числа он начинается, с каких дробей?

Уррс вздохнул, как Гелиотроп обычно.

– Пусть… Тяжко… Так скажу: с неопределённых дробей. Смотри, иначе не может и быть, если с нашего перевести на ваше эсперанто… Числа перевести. Двукратное считается за единицу, множество за ноль, однократное за неопределённое множество.

– Но почему?! - хором спросили трое, а Густав добавил. – Хотя бы, почему множество за ноль?

– Ну, очевидно же. Оно неизвестно где заканчивается. Может, закончилось давно, а ты продолжаешь считать!

– Афигительно! Для Рори запомню, ей должно понравиться.

Бест почесал в затылке и отметил:

– Всё-таки эта математика не вполне согласуется с вашим подсчитыванием дробей.

Дракон неожиданно согласился:

– Я тоже так считаю. Со здравым смыслом зато согласуется. Математика, а не подсчитывание. Господствующий над первой расой, участвуя, много ты видел толку от этих сборищ? Те, что видел я, – чуть не прекратился от зевоты! – все одинаково прошли. У меня едва челюсти не разорвались, у них, странно, что не отвалились языки. А закончилось всё одинаково

– на Турнирной Площади! Да и то сказать, при всём желании, как можно подсчитать изнутри чьё-то…

– Личное, индивидуальное?

– Да. Оно внутри. О нём сам знаешь. Коронованный знает. А больше никто. Он твоему знанию следует, не санкции это. Решил гулять, гуляй. А я-то, мы-то, но… Я не собирался!.. Мы ждём ведь, чтоб однажды – к Восходящему… Для того ради… Для него ради…

– О, ясно… А твоя следующая фаза…

– Тьфу! – сплюнул дракон. – Не хочу я никакой следующщщей! Ты хотел спросить, не увлекательнее ли будет? Я! Белый! Дракон!!! Выше некуда, им хочу остаться! И Хелиос-тропус, и он не понимает меня!..

Дроид понурил голову, дунул на метаморфоз и вскинулся обратно:

– Был бы драконом, понял бы! Я, если узнаю, что за фаза и если не драконья… Я, фигу поймают, на Цокки-Цокки на год таки и уйду, поломаю схему, терять мне будет нечего! Пусть как знают, вытаскивают меня оттуда за то, чем я маленький, за уши, наверно!

– Рано ещё!.. Сссссс… А когда не рано?! Вдруг… Во, во!.. Вот этот как метаморфоз!.. Вдруг на следующей стадии страшилищем каким-нибудь стану?!

– Разве он страшилище? – Густав протянул руку к фиолетовому, янтарный свет распыляющему шару, что раскрылся вдруг и целиком.

– А владыка Кошмар? – парировал Уррс. – По вашему - уух! Жжжжуть!.. А по нашему – не, хороший дроид, постоянный… Но как-то криво я его представляю на Цокки-Цокки!

Люди весело рассмеялись с драконом заодно.

А зря! Владыка Кошмар разок точно бывал на Цокки-Цокки! Иногда подозрения рядовых 2-2 не беспочвенны. Пока они тут в окопах, не гулянка ли в штабе?..

Было, но клубничка ни при чём. Тронный дроид преследовал нарушителя, преследовал там, куда третьей расе нельзя, а дело срочное. Цокки-Цокки он пролетел насквозь, оставив по себе долгую память… Неувядающую… Настолько же долгую, сколь краток был визит, впрочем, это отдельная история. Навылет прошёл, Страж чинил рынок тогда.

Владыка Кошмар – не подчинённый, а

соправитель владыки Сон, у семейства двойная орбита. Вначале она была неправильной восьмёркой, и семейство постоянно дрейфовало, это неудобно. Затем стало описывать на средней скорости вокруг трона владыки Сон пять расширяющихся кругов, на дальнем переходя, делая очень широкий стремительный облёт трона владыки Кошмар, теряя импульс и возвращаясь обратно.

Дроид к трону приходит так. Если по-правильному, без интриг и не ради личных амбиций владыки…

Манок тронного дроида притягивает Восходящего к принципиальному облику его будущего мира, например, Сад.

Наполняя этот сад, дроиды передают Восходящего друг другу по цепочке уточнений. И наступает момент, когда трон видит, что ошибки нет ни в одном звене. Контур получился. Контур-запрос.

Владыка понимает, что эфемерная конструкция контур-запроса физически состоит из памяти всех образующих её дроидов. Жаль, если пропадёт. И он предлагает кому-то из задействованных 2-1 подкорректировать его

специфику, принять имя и функцию всей цепочки. Чтобы она обрела таким образом материальный носитель. Информ-контур будет называться.

Хорошее, соблазнительное предложение. Но в ряду расхолаживающих поправок, кроме несвободы, есть ещё та, что нельзя взять, не отдав.

Одиночка 2-1 должен выбрать, что он забудет из своего. Элементарно нужна пустая орбита, не как объём, как факт и сила связи. Вот…

Искусство интриги дроидов проявляется в расчёте, как поменьше отдать, побольше получить. В итоге они растут и усиливаются.

Владыка Кошмар усилился до такой степени успешно, что стал соправителем. Специфика его – смежное с запретным, выдумки. Дроидам он приятен. Людям, – сюрприз! – страшен. У него нет лица.

03.04

Почему бы дроидам не собраться и не учредить единого правительства?

Да потому что – не собраться! И не учредить.

Человеческими словами говоря, они не тотально симпатизируют друг другу… Ещё реже доверяют. Только в отличие от людей, чьи орбиты неисчислимы и плотны, следовательно, почти неразделимы, у дроидов они обособленнее. Благодаря чему все симпатии-антипатии, происходящие меж людьми бессознательно, объясняемые поверхностно и превратно, меж дроидами осознаны, имеют логичные объяснения. А именно…

Как известно, дроиды легче создаются парой, иметь антагониста – скорей норма, стать одиночкой – скорей исключение.

Но ведь то же самое касается и орбит, из которых они созданы, орбиты ведь тоже дроиды! Технические.

Они располагаются закономерно…

Имеющие взаимное притяжение орбиты разнесены максимально, чтобы сплачивать попавшие между ними. Те орбиты, которые имеют несимметричные отношения, одна притягивается, а другая её отторгает или убегает от неё, отвечают за динамические процессы. В зависимости от сиюминутных потребностей,

некоторого технического антагониста дроид может усилить, иного ослабить. И наконец, взаимное отторжение орбит компенсирует избыточное сжатие, плюс, оно связано со взглядом дроида вовне, с влечением к принципиально новому.

Вся эта невообразимо многосоставная, сложная, непрерывно отлаживаемая конструкция образована элементами, которые у высших дроидов не сильно отличаются. То есть, чужая орбита на твою, оказавшуюся антагонистичной, может повлиять весьма активным образом! Если вы окажетесь физически лишку рядом.

Для иллюстрации.

На турнирной площади практически не бывает рукопашных боёв. Почему? Чтобы предотвратить излишнее сближение. Чтобы взаимодействовать лишь в пределах функциональных возможностей избранного оружия. Грубо говоря, если два дроида сшибутся с разбега, они превратятся в тучу орбит, в такое беспорядочное, слипающееся, взрывающееся облако, что сам Гелиотроп не разберёт! И не соберёт обратно, клеи-то не вечны, припои. Они разрушаются необратимо.

Если человек задался целью непременно уничтожить врага, если горит такой ненавистью, что не дорожит и своей жизнью, он берёт самое

сильное оружие. Подобной ненависти дроид испытывать не может, но может отчаяться разойтись с другим дроидом. Примерно, как ковбои в баре, в старых кинолентах: «Этот городок слишком тесен для нас двоих!» Тогда дроид, бросая вызов, не выхватывает из кобуры, а наоборот – откладывает в сторону какое-либо оружие. Ва-банк.

Возражение: внутренние междроидские проблемы не нужно ли обособить от служения Восходящим? Нужно! Но не можно! Не получается.

На первый взгляд, касательно служения Восходящим и поддержки Собственных Миров, междроидское управление не должно бы столкнуться с особыми внутренними разногласиями… Ох, ещё как должно! Очень-очень разнятся их взгляды на понятия должного, запретного, свободы воли и блага для людей. До полной несостыковки разняться. Священен единый принцип, имя ему: Сохранение. «Запретное» – да, «уничтожаемое» – нет. Консерватизму – да! Переменам, усложнению-упрощению, эволюции – нет! Так обстоят дела.

К примеру, нервную, кровеносную системы организм полудроида имеет, мельчайшие

дроиды всё воспроизводят. А красный цвет крови – нет. Он «виден» полудроидам только на ощупь. И это случайность, о которой высшие дроиды не подозревают! Не обратили внимания, что огоньки кроваво-красного цвета кодируют связанное с запретным. Травма, память о ней, Впечатление сохраняется сразу в запретное. Глаза людей видят блеск регенерации, не видя красного цвета, влаги утекающей, испаряющейся не видя.

Ещё… Не нарочно задумано, а выяснилось по факту, что два гостя превращают Собственный Мир в рынок, что великое множество гостей опускают его на землю…

Что до пирамидок торга, и они случайность, приспособленная хищниками под свои нужды. Уж для торга точно они дроидами задуманы не были! Тем более для похищений.

Пирамидка – иллюзия. Физическое воплощение принципа доступности Собственного Мира отовсюду, где дроиды способны это обеспечить, кроме Великого Моря и сырых оснований. Пирамидка торга - внутренняя поверхность воронки к Собственному Миру, а шатёр торга – наружная поверхность. Между ними возникает Белый Дракон, уносит и

оставляет там, куда упирается острие пирамидки – центре области Сад Собственного Мира.

Белые Драконы не всегда имели право уносить всадников из облачных рынков.

Первый континентальный рынок растаял, как сказали бы про небесный –- пролился. Но принцип-то остался! В шатрах торга Белые драконы появлялись, когда стоял на земле. Это распространяется на всю землю: где сухо, там пирамидку и поднимай. Тогда Белые Драконы, для которых облачные рынки физически доступны, они лишь по обещанию не залетают туда, плюнули и сказали: «Раз так, по зову над незримой пирамидкой в облачные рынки мы тоже заходим!» Что ж, это справедливо, логично.

Прецедент, право сложилось.

Владыка Порт, зовясь ещё Ожиданье-в-Порту, отражая в своём имени ту, что уйдёт к Августейшему, был незаурядный конструктор. Практикующий, прогрессировавший, востребованный более чем.

Недавнее тайное положение его определялось не какими-нибудь его хитрыми,

далеко идущими, планами и не его обстоятельствами вообще. Чужими. Планами его великого трона, нарушителя, влюблённого, как влюбляются дроиды, не теряя голову, а приобретая доселе неведомую им мощь. Особенно если в человека. Мощь такую, что выходит перелёт.

Порт, этот периферийный дроид обширного вольного, тёплого семейства Там конструировал, что требовалось, для владыки Там, оставаясь безвестным, во всех смыслах периферийным, бескорыстным. Каждый раз, когда владыка Там заводил речь о вознаграждении, за риски и за работу, в ответ получая отрицательное покачивание склонённой головы, он неизменно расставался с подручным поцелуем и обещанием: «Мой трон достанется тебе!..» Настолько вздор, что Порт даже не спорил. И те, что любили владыку, недооценивали владыку.

А конструировал Порт для него не улиток и не турнирное оружие. Высших дроидов.

Часть хитроумной авантюры, благодаря которой владыка, Хан-Марик, прожил в пыли насквозь хищнических рынков, свои безмерно счастливые, мимолётные годы-мгновения, не ставила в зависимость от успехов конструктора

успех всего в целом. Необязательная, если так подумать, часть… А иначе подумать, принципиальная.

Понимая, что изображать хищника ему придётся, как ни крути, похищения неизбежны, владыка Там здраво оценил предполагаемое число дроидов, которые принесут себя в жертву, изображая похищенного. Из части дроида столь подробный артефакт, – по сути, живой артефакт человека! – не получится. Остаток азимутов задействуется на бессловесные, но органичные людям движения. И того – дроид в минус. Из ближних. Из лучших. Из тех, кому можно открыться… Он был готов, они были готовы. Всё так, но, чёрт, топ-извёртыш, это неправильно!

Вот как они поняли и разрешили эту неправильность…

Люди эпохи до дроидов, те самые люди, которые называли себя «сапиенс сапиенс», и произвели от самоназвания замечательно смешное слово «гуманизм», подойдя вплотную к возможности ускоренного выращивание клонов на запчасти, не задумавшись, перешагнули эту грань! Подпольно, конечно… Но что значит, подпольно и противозаконно? Лишь то, что на клоновый бизнес все закрывали глаза, а

кормились на нём не только непосредственные исполнители, но и многочисленные стаи шакалов. «Блюстителей порядка» в частности.

А писку, визгу было, пока ещё в теории пребывала технология, а рассуждений о гуманизме! Как только теория стала практикой, тут рассуждения и закончились! Продолжали возмущаться крошечные секты поборников того-сего, да неистребимые городские сумасшедшие. Вечные протестанты.

Что такого? Мозг клону забивали наркотиками от первого до последнего дня, он как бы и не жил. Возмущений было – капля в море, а вот шуток-прибауток, анекдотов о том, как завидна их участь – море. «Как жизнь?» – «Неклоново!..» К сказанному можно добавить, что технологии-то выращивания тканей и органов разработаны были не хуже и давно! И в инкубаторах, и непосредственно в теле. Но как только появился более дешёвый и простой способ, хлоп – вылетели в трубу, корпорации эти разорились.

И дроиды пришли к тем же мыслям. И они, не задумавшись, перешагнули аналогичную грань. Но в противоположном направлении.

Дроиды тоже делали клонов… Но не для того, чтоб забрать их жизнь, а для того что бы оставить вместо себя! Передать им лучшее в себе: функцию, масштаб, разработанность. Азимуты же, предпочтения, мечты и надежды пусть обретут сами. Заменить человека собой – выбор уходящего. Самый главный, результирующий, контур-азимут, вольное счастье.

Порт конструировал, при их личном содействии, копии высших дроидов. Копии – максимально подобные им, уходящим в последний полёт.

Про это молчал и продолжал молчать. Участие в афёре такого масштаба, Фортуна ведает, чем грозило обернуться для него. Он не делал ничего плохого, на дроби дробей запретного… С другой стороны, ещё как делал. На троне сидя, не собственноручно, косвенно продолжал.

Удивившее Густава невозвращение похищенных объяснялось просто. Приземлялись они на угнанный Белыми Драконам облачный рынок, – «…фррр, рыночек, перекрёсточек!..» – и о произошедшем бывали немедленно осведомлены. За осведомлением же

непосредственно сразу следовал вопрос: «Хочешь ли ты, человек, чтоб дроид подобный прекратившемуся ради тебя был воссоздан?» Ну, какого ответа можно ждать на подобный вопрос от полудроида только что пережившего предательство, испуг, радость спасения и благодарность спасителям? Исключительно – да, да, да!

Технически, когда дроид на подмену наблюдал того, чьим изображением станет ради нескольких секунд, он в объекте наблюдения оставлял подробный отпечаток самых тонких вещей. Тех, которые не подлежат восстановлению грубой работой, ковкой и подгонкой орбит, контур-азимута, личности дроида. Отпечаток этот в человеке, проявляясь, высвобождается медленно, как постепенное испарение влаги. Если форсировать, «нагреть», беспорядочно испариться, вперемешку.

Человек этого никак не видит и не осознаёт, но снаружи заметно, насколько велик отпечаток краткого, но тесного взаимодействия с дроидом. Человек резко стал как бы мягче и одновременно свежей. А затем начал постепенно возвращаться к исходному состоянию.

Высшие дроиды, дифференцированные конструкторы и перекодировщики испарение отпечатка считывают легко, быстро. Применяют же медленно, завися и от скорости поступления

информации и от её внушительного объёма.

Так и получилось, что никто из похищенных не вернулся в сферу людей. Из копий высших дроидов тоже никто не зашёл пока с разоблачающим приветом в дроидскую сферу, в качестве олицетворения аферы. И те, и те пребывали на облачном рынке, в полудне нескончаемого пикника. Высокое небо носило их до предела замедленными прогулками над верхними лепестками розы ветров, на орбитах, доступных лишь Белым Драконам, независимым навсегда.

Рынок, что возмутило вторую расу, действительно отличался особыми условиями, недопустимыми ниже. Открытостью для автономных белых ящеров, чьё присутствие, кувырки, фокусы и выкрутасы безмерно украшали пикник! Ну, а кое-кого из второй расы… ничуть не возмутило!

Дроиды-конструкторы когда-то ближнего круга Там, похожие на предыдущего владыку как две капли воды в небывалой свободе делили время и пространство рынка с людьми. За тонким конструированием, поправками к схемам прекращённых дроидов проводили время. Счастливое время – за праздным, без дробей,

откровенно запретным общением с людьми. Их отход от трона и выход за пределы семейства никого, включая Августейшего, не удивил, власть поменялась. А глубже копни – наоборот: им владыка Порт открылся, и они радостно поддержали его.

Общая мечта вот…

Среди дроидских способностей их есть такая: на доли секунды прочитать схему всем существом, преображаясь в того, кто должен быть создан по этой схеме. Манипуляция не зависает, ничем плохим не грозит, используется часто с целью проверить отсутствие случайных ошибок. Приём использует и Гелиотроп.

И вот они ждали, что после считывания отпечатка, после уточнений достигших предела возможного, дроид откроет на эти доли глаза и узнает кого-нибудь из знакомых. Доказав тем самым, что не клон, а тот прежний дроид. Что обретён утраченный контур-азимут. Ждали с трепетом. И верили, и не верили в успех. А ещё они надеялись однажды что-то подобное провернуть ради возвращения владыки Там. На эту тему Порт молчал, ничего им не говорил.

Дни же на облачном рынке протекали, благо

и до угона он был игровой, не сильно отличаясь от дней на рынках, кружащих ниже. За исключеньем того, что охоты были вовсе не возможны, хищники не хищничали, вторая раса, люди и Белые Драконы резвились вместе и были в восторге от этого. О последствиях не задумывались даже самые рассудительные из дроидов Там. Завтра будет завтра! И да, разумеется, на отдыхе – марблс! Ах, какие там бросали шарики, не снилось самым одержимым коллекционерам! А какие жульнические катали! А как дрались, когда Белый Дракон обдурит зазевавшегося собрата!..

Порт знал, что на турнире владыка не был прекращён. Чувствовал. Дождаться его возвращения и вернуть трон, стало главной задачей, единственной целью его существования. Перед угрозами и подкупом Августейшего он склонился без сопротивления, легко. Вспомнил поцелуи и обещание владыки. Понял, что значили они. «Бери трон». Взял.

Невзирая на переманенного в дроиды желания антагониста, унизительный шантаж. С лёгкостью принял условия Августейшего. Ставленник? Хорошо. Метки принимать? Хорошо. Докладывать? Как скажешь.

Сутулясь, пряча усмешку, как воплощённое терпение, броненосец с леопардовой лентой короны, сидел на троне владыки под хмурыми, смягчающимися день ото дня, взглядами ближнего круга. Он хотел только одного, того же, чего все они: возвращения владыки, их волшебного прошлого: воли и танцевальных гонгов! Конечно, он берёг их на турнирной площади! Он отвечал за каждого. Верил и надеялся, знал и верил, что тёплый владыка, прекрасный как солнце, непременно и окончательно вернётся на трон!

03.05

Без пеги-парашюта Отто снижался по воздушным течениям, ускоряясь от слоя к слою навстречу мраморно-белому облаку Шамании. Его встречали, заметили даже без позывного свистка. Свист легко пропустить, вокруг неподвижной Шамании на удивление ветреное небо. Новый харон внимателен и одинок, новички редко оставляют свой пост. Встречал и направлял незваного гостя всеохватывающий, глубокий зов лунного бубна у Грома в руках.

Сначала Отто было забавно, затем – кураж, а

вскоре для страха не осталось места. Свист в ушах. Рамы не разглядеть. Крутился волчком. Гора облака, полнеба заняв, появлялась и пропадала со скоростью Лаймом бросаемых дротиков. Свист ветра. «Бум-бумц!.. Бум-бумц!..» – солнечным сплетением слышал. Кубарем вкатился за неё, ударившись в гулкую мембрану собственно звука, и не вдруг поднялся на ноги.

Суприори просчитался: Отто в Шамании, и он жив.

Вопрос, долго ли ему осталось, нежданному, незваному олицетворению угрозы. В принципе, защита рынка от шпионов – вторая задача харона, но не сокрытие их и факта появления, также и не без обсуждения с кем-либо из старших. Шаманийцам чужда несправедливая жестокость перестраховщиков, близка вера в то, что раз уж так, то – Шамаш позвала. Грома не устраивает именно благоприятный исход.

Подсознательно ожидая в тайных землях закрытого облачного рынка встретить того парня, что заставил пережить острейший приступ ревности, Отто удивился ему. Такое прямо сразу совпадение… Неприятное.

Парень, в упор не замечавший его в Арбе, не вспомнил и теперь, но с первого взгляда между ними воздвиглась стена отчуждения. И без неё положение патовое, с ней вообще. Оба лгали.

Занятые каждый своей ложью, к чужой не прислушивались.

Чей, Пажа? Ясно, Пажа. Харон? Харон так харон. В дороге просвещу, ладно в дороге. Поплыли.

Краткое путешествие привело их в странноватое подвальное помещение… Шлюз? На первых этажах по колено, подвал должен быть затоплен полностью, но вода сочилась по металлической лестнице, по стенам и, видимо, уходила куда-то с не замолкающим гулким журчанием. Окон нет, узкая дверь запасного выхода по периметру приварена к косяку. Нет запасного выхода.

Квадратное в плане, металлом обшитое помещение содержало много пустых столов, верстаков и что-то вроде ткацкого станка. «Нити» неведомого материала. Тонкие как струны или лучи.

Когда Отто, придя в чувство, нож ища, осознав, что ему светит, выронил платок для протирания шариков, он потерял дар речи. Легчайшая, самоочищающаяся ткань с марблс-эмблемой вертикально стоящего меча, упав на эти «мечи», провалилась на мокрый пол, словно

лепестки мармелада на Оу-Вау сквозь резалку… Хорошо, пальцем не успел потрогать струну, вовремя одумался. «Он привёз бросить меня на – резалку?!» Гром не чудовище, он просто свернул в первый тёмный подвал.

По легенде… По наспех сооружённой брехне: Отто прилетел один, чтоб в «доме» Пажа дождаться его самого и… Дальше он не придумал…

По встречной легенде Грома, ждать следует здесь…

Как человек, даривший каштаны к лунному лику Шамаш, Гром мог бы заинтересоваться подвалом и провести аналогию жерновами сакрального второго этажа… Там балки не доставали до стен, станок наоборот, больше помещения, уходит как в иллюзорную проекцию, в толщу отнюдь не иллюзорных, стен…

«Завёл, реализуй, – скомандовал себе Гром, – защищай миропорядок, чтоб все оставалось на своих местах. Мумифицируй».

Изгнанник от начала жизни ищет любой

стабильности любой ценой, склеп – не страшилка, мумия не ругательство, нежданно всплывший эпитет не смутил его. Черт знает, откуда он всплыл… От сладостей в кармане, наверно. Мастера Оу-Вау делают патоку такую, коконом скрученные на соломинке карамельные нити, «мумики» зовут, если сразу не съесть, назавтра фиг разгрызёшь.

Гром скомандовал и еще скомандовал…

Нить разговора утрачивая, подходя ближе.

Пустяк какой…

Ему не доводилось делать этого прежде. Никогда раньше он не отнимал жизнь.

В руке – чувство лунного бубна, направляющего бубна Шамании. Чтоб прямо, чтоб единственно верной секущей – в раму, а не в лепёшку об косяк. Не всякого постороннего человека можно зацепить. Не каждого и лунный круг выводит!.. Всяко бывает. А тут у Грома получилось, и теперь…

К этому времени он сделался опытным борцом и весьма чёрствым человеком, в ничтожной мере сохранившим, прежде-то не свойственное ему, сопереживание. Но для

падающего к раме Отто он, прямо если сказать, уже побыл док-шамаш. Тем самым, после которого Докстри может быть свободен! После которого может «фьюить!..» на вечный покой... Гром ломал себя, пытался тоску на тоску разменять.

Молча подходя. Ближе, ближе.

Как выбрать момент?! Как выбирают секунду между двумя: принадлежащей невинному, девственному «только что» и «уже» хрипящей, с локтём на горле, сующей пальцы под удавку поперёк груди?.. Воображал тысячу раз, без толку. На струны толкни, отвернись и уходи. Гром не мог. Смешно сказать, рассечённый платок Отто напугал и его.

Распуская шнурок с запястья, он обходил станки... И Отто обходил. Пока в углу не очутился. Спиной к заваренной двери.

На внутренних качелях Грома Отто был третьим лишим, язык прилип к гортани. Он бы и совета и помощи попросил, как заблудившийся спрашивает дорогу у охотника в незнакомом ряду, смутив и смягчив того, но нет отклика. Ведь отклик должен быть прежде? Раньше, чем произнесено первое слово.

Они застыли лицом к лицу: борец и марблс-игрок, протеже старого жулана и одинокий телёнок, заблудившийся в трёх соснах неподходящих ему рынков. Ни угроз, ни вопросов.

Отто кусал губы. Паж говорил: нет-нет-нет? Паж был категорически против? Хоть единожды сомнение проявил? Разве что в шутку: «Если будешь плохо себя вести...» Отто и повёл плохо, очень плохо, без приглашения пришёл.

Молчали. Смотрели мимо. Слушали, как светлячок ходит по потолку, по железу. Легким монотонным шагом.

Это бывает у них, забредут не в свою «ячейку» по светлячковым бродам и колобродят в ней, пока случайно не развернутся в нужном направлении, тогда выходят прочь.

Оба парня зачем-то ждали: вот-вот отдалятся, затихнут шаги...

Общая атмосфера Шамании подействовала на Отто крайне угнетающе. Красот, прелестей каких-то ожидал... Паж отрицал, нет-нет-нет?..

Призраки Впечатлений повсюду, смазанные, навязчивые, умножающиеся в геометрической прогрессии. Абсурдным количеством уже не вписываясь в реальность, они стелились перед лицом слоями зловещего кружева. Смерть свою в лице Грома Отто видел попеременно сквозь пару призрачных лиц: черноглазое женское и мужской профиль. Мужчина раз за разом поворачивался к нему и не заканчивал разворота. Отто чудилось, что это Гром ждёт кого-то, поглядывает в сторону.

«Так и не узнаю, – подумал Отто, в ознобе начинающейся лихорадки, – ни зачем, ни за что…»

Шаги светлячка наверху сместились в район двери. Гром напрягся. Он давно уже сменил кожанку на пластиковую одежду, с её отвратительной, дешёвой рациональностью, а поскольку не был ещё иссушен каштанами, он оказалась ему мала, туговата. Мышцы борца зримо перекатывались под пластиком.

Отто, по карманам хлопал впустую. Нашёл сувенирный, пустячный нож в искру встроенный, на локтевом браслете.

«Из чего удавка? Если металл, мне конец».

Казалось, светлячок ушёл… Но вдруг затопал

быстрее…

Гром уже качнулся вперёд…

Из лестничного проёма послышался лай низкий до хрипа и глухой. Совсем тихий… Душу вынимающий звук для шаманийцев. Всякий раз они говорят себе – послышалось.

За время его оцепенения Отто скинул браслет с локтя и – просчитался… Забыл, что нет кисти руки. Искра-нож звякнула о мокрый, железный пол.

Удавка мелькнула в воздухе. Отпрянув, поскользнувшись на мокром полу, Отто хотел схватиться за что-то… Этим что-то оказались вместе: удавка и нити станка. Схватился…

В мелкую лапшу – удавка, армированная биг-сталью, нож не помог бы. А рука… Правая рука, регенерации не закончившая, коснулась нитей безо всякого вреда для себя. Струн. Отто почувствовал их! Радостное переживание для человека, соскучившегося по своей руке! Провёл…

«Дрынь!..» – побежали гаммы. Кончики несуществующих пальцев лежали между струн, как на клавишах. А клавиши текли рекой… Из

дальней стены выходя, уходили в ближнюю стену. Беспрепятственно, магически. Отто пробежал пальцами по клавишам, словно всю жизнь лишь этим и занимался. Мелодия…

Миллион оттенков струн. Он шёл по ним пальцами, как по мощёной дороже Техно Рынка, перепрыгивая с плиты на плиту, радостно и спокойно.

Воцарилось прежнее напряжённое равновесие.

Отто думал: «Взгляну на него, дроидская магия рассеется, и борец удавит меня без удавки на раз. Надо что-то сказать под эти звуки. Под их покровом. Но что? Где я, в сущности? Как с ними, местными договариваться?»

Играл и метался… Играл красиво, дроидский инструмент, негармоничное извлечь нельзя. Спустя триллионы триллионов лет дроидская, не регенерировавшая до плоти, рука снова играла на легендарном инструменте.

Если бы Отто умел думать на дроидском эсперанто, он бы жерновам установки мог изменить, пианино кодировки служило им панелью задач.

Какой эффект произвела мелодия на Грома, трудно выразить…

Отто что играл? Что он не хочет умирать. Что он запутался, что слов не может подобрать. Струны переводили его настроение в звуки.

Спустя час, наверное, Отто всё же взглянул на своего преследователя и спросил:

– Почему?

Инструмент перевёл, сопроводил музыкой, очень похожей на колокольчики Туманных Морей дроидов.

Гром усмехнулся и выложил кратко. Про себя. Про то, что он – изгнанник! Что не позволит рассыпаться едва обретённому дому! Как уходят светлячки, рассказал. Что не призраки они, что предыдущий док уходит, когда последующий становится кому-то док. А предыдущий это главный для него человек.

Отто в ответ ему высказал превеликую

мудрость.

Чужая мудрость, куда Отто до неё, он молод. Но не фальшивил, повторяя. Искренне попугайничал, от чистого сердца, когда что-то нравилось ему.

А именно…

В Оу-Вау, сладком ряду Краснобая провожали однажды бая всем рядом.

Отто не знал ни его, ни церемоний прощальных. Не предполагал и того, что человек способен настолько точно предвидеть время своего ухода.

«Странный фестиваль…» – отметил он, свернув в благоуханный, общей любовью пользующийся ряд.

Столы накрыты для завсегдатаев, званых гостей и случайных прохожих, без разбора. Танцев никаких, разговоры тихие. Музыка: две чары вели вайолет, повторяющимися куплетами на незнакомом языке. Их сменял ай-вайолет четырёх юношей, поочерёдно повторявших строку за строкой, пять прощаний. И снова чары. Тихие, невероятные голоса будто закрыли сладкий ряд, обособили от шумного, алчного

Краснобая.

По какой причине сладкоежка Отто не знал бая, устроившего прощальный пир? По той, что пару сотен последних лет, бай ушёл на покой. Совсем: не учил и не «затворял», как говорят, лакомств. Оставался известен, как мастер мастерам, в узком кругу. Но когда пришло время, круг оказался довольно широк…

На прощанье бай собственнолично приготовил сладкое море тянучек и коктейлей, сахарную гору, возвышавшуюся над ним: монпасье, зефиры, безе, облачное безе – плавающее по воздуху… Букеты съедобные, плотными розочками набранные, украшения-лакомства, бусины-фрукты… Конфеты, чтоб за щекой полдня носить, смакуя… Шипучки, что взрываются во рту – кислые, кислейшие!.. Шоколады от молочных, растопленных до каменно-крепких, горьких, изысканных шоколадов с перцем, единственная «сладость», что признавал Паж помимо безе и чистого сахара… Подносы пастилок, блюда с горками сладких гофрированных корзиночек, наполненных водой Впечатлений, превращённой в желе, без корзиночек – в мармелады… Несчётно вариантов. Собственноручно угощал. Отто досталась мармеладная змейка из его рук и случайный обрывок разговора бая с его старым коллегой:

– Они не вытесняют нас, идущие за нами, какое заблуждение! В тебе говорит конкурентность по сию пору, друг. Тянет, попомни мои слова, с определённого момента, свесив ноги, сидеть на краю. Однажды просыпаешься утром, чтобы идти к мешалке, к плите, но понимаешь вдруг, что сегодня специальный день – на пороге сидеть, на лавочке языком чесать. Да, Халиль? Нисколько, я нисколечко не ревновал к их успеху! Кого? Моих же учеников? Их десять… Какое десять, их больше двадцати поколений! Про которое поколение, друг мой дорогой, ты спрашиваешь, не ревновал ли? Про первый пяток, про тех, что забыли моё имя? Не говоря, от кого и пошло их искусство. Не от меня ж исходно! От Вау-бая. На взлёте славы и успеха его имя подзабыл я сам! Но затем вспомнил… Угостить хотел бы. И поучиться ещё… А кто-то носится сейчас от Аромы к Оу-Вау, бегает, как сумасшедший, ингредиенты подбирает… Спустя тысячу тысяч лет он вспомнит обо мне. С трудом найдёт человека, который знал моё имя… Следом идущие, впереди идущие, не конкуренты нам, это время идёт само, время шагает… хорошо шагать с ним в ногу, хорошо и сидеть на лавочке…

Часа не провёл Отто за феноменальными столами, прежде чем тот бай поднялся на Белом

Драконе над Рынком Мастеров…

Последние минуты зовут в Собственный Мир. Вряд ли успел долететь, потому что совсем скоро над людьми, над длинными столами белым облаком распростёрлась драконья морда, прощальная… Чары замолкли. И все при все увидели, что дракон усами улыбается, что дроид совершенно счастлив. Это была морда, излучающая удовлетворённость собой и судьбой, работой проделанной от и до… Поразительно.

С Халилем по пути Отто. Вместе возвращались в Арбу.

Отто спросил, не показалось ли ему? Спросил, какое у Халиля впечатление от дроидской морды. Точно такое же. Разница, что Халиль не удивился.

Он от Пажа, Паж от изгнанников, а они от дроидов непосредственно слышали, что влюблённая пара, естественный срок прожив, становится первой расой.

– Причём тут дракон? – недоумённо спросил Отто.

– А ты никогда, – спросил Халиль в ответ, – не слышал переложения чарами той старинной

песни, из пяти прощаний отдельно, когда раненый человек умирает в поле, сожалея лишь о самой свободе, о вольной воле скакать на коне, об этом коне сожалеет?

Слышал, кто её не слышал. Но опять не соотнёс:

– И что?

– Не все счастливы в любви, – Халиль поправил очочки и добавил скороговоркой, – а возможно, без неё счастливых и побольше…

– И что?! Загадочные вы мои, что Паж, что ты, сил нету.

– А то что, говорят, гонщики, всадники, небесные бродяжки, любившие только полёт, только волю на драконьей спине, становятся первой расой с ездовым дроидом вместе: человек со своим Белым Драконом.

– О!.. Ух ты…

Свободному и беспечному Отто показался изложенный вариант куда романтичней пары человек-человек… И уж куда веселей скучных моногамных тысячелетий!..

Под аккомпанемент дроидского пианино, не

прекращая гулять несуществующими пальцами по мнимым струнам, Отто и рассказал эпизод Грому, повторив в конце чужие слова:

– Не толкаются сзади идущие. Как в пространстве, так и во времени места хватит всем.

Блеснул эрудицией:

– Не догонит Ахиллес черепаху, они даже не параллельным курсом идут, каждый своим.

Гром молчал. Пианино текло.

Точки регенерации указательного и среднего пальца шагающим человечком, замедляясь, рассеянно переходили с клавиши на клавишу. Как в незнакомой местности, задумчивый человечек руки остановился, поднял взгляд и обнаружил, что не представляет себе, как очутился и где, Отто прекратил игру, озарившись необычными оттенками световых клавиш…

Задевая неподвижные пальцы, новые звуки гаммами потекли.

Дроид сказал бы: новой алгоритмической плотности звуки. На человеческом эсперанто, помимо краткого замечания об их приятном, гармоничном восприятии в горле, подобном восприятию дроидского манка, сказать нечего, ибо главное тут не посыл, а отклик.

Новые гаммы возымели отклик. За пределами Шамании.

Удивительно, сколь ничтожные, случайные моменты радикально и необратимо нарушают равновесие… Если бы Отто убрал руку, технический дроид не откликнулся бы собрату ещё невесть сколько эпох.

Осколки Кроноса… Они до сих пор оставались связаны.

Из-под земли донёсся ответный звук. Откликнувшееся пианино кодировки, последний раз оживавшее под драконьими когтями, имело звук совершенно иной. Тембр человеческого голоса, духовой инструмент.

Уплывая по реке горюющей, утешающей мелодии… «Саксофон!..» – Гром вспомнил инструмент.

03.06

– Лифт, – произнёс негромкий голос у парней

за спиной, – он существует…

От неожиданности едва до потолка не подпрыгнули! Вместе, будто не враги, а заговорщики!

Докстри смотрел мимо них на поток уходящих в стену струн, мимоходом – на удавку порезанную, чёрт.

– Здравствуй, гость Шамании, – Докстри поклонился Отто кивком. – Неучтиво обсуждать в третьем лице, но… Харон-Гром, на правах твоего дока спрашиваю, что делает здесь этот юноша, кем он приглашён?

Гром набрал воздуха в широкую грудь, как пред прыжком в воду, – погружение и первый вдох так лучше проходят, – тяжело ему отчитываться.

Ответил:

– Этого я знать не могу. Направлял, не видя кого.

– Не дождался позывного?

– Не дождался, док.

– Без пеги?

– Без парашюта, док.

Трудно зачесть харону-новичку за большую ошибку. Харон боится не направить, и опытные-

то волнуются всякий раз.

– Хех, так-так… Недобрый человек завёлся снаружи Шамании, и не клинч, хех, новости. Правильно понимаю, гость, что не клинч показал тебе раму нашего рынка?

– Правильно.

– Сразу не спросил, как твоё имя? Я Докстри.

– Отто.

– Отт-так-так… Не находишь, наши имена чем-то схожи? По смыслу? Приятно познакомится, не думай, у нас тут не все разбойники с удавками. Выйдешь, как и зашёл, ты главное сам никого не приводи, пути не запоминай. Эх, Гром, ошибся и решил подчистить? Хех, поговорим ещё…

Сам облик, резкий профиль бывшего жулана, в два зигзага нос да подбородок, сиреневатые разводы по линиям морщин, почему-то успокоили Отто, мандраж утих. Пажа напомнил ему этот старший шаманиец что ли…

Докстри продолжил мягкий допрос. Мальчиком правильно показался ему Отто, старики лучше чувствуют время и возраста.

– Как видишь, Отто-не-шаманиец, у нас нет никаких особых красот. Сокровищ, уверяю у тебя, тоже нет. Кроме сластей! Но если ты сладкоежка,

за имя того, кто показал тебе нашу орбиту, я куплю тебе, чего и сколько захочешь на Оу-Вау. Юноша, это, хех, уверяю тебя, он – недобрый человек, и знал что делает. Покушение, хех, делал. Он хотел твоей смерти.

Немстительный по-природе, с другой стороны, Отто и покрывать никого не собирался. Но заметив, что находится в месте, куда другой раз путь ему заказан, можно сказать, на «родине» Пажа, решил извлечь максимум из ситуации. Шаманийцам важней имя услышать, чем ему произнести.

Предложение спонсорской прогулки на Оу-Вау рассмешило Отто! Там обыкновенно выгуливают голубей, недорогих, но любимых, там же и шатры есть для уединения. Мило, но он-то не голубь! Да он с одной блиц-партии марблс возьмёт столько, чтобы погулять сладким рядом любую сладкую голубку!

Хотел скаламбурить, но скромность взяла верх. К тому же облик жулана хоть не пугал, но и не располагал к шуткам… Если же к торгу, то вдумчивому.

Отто замялся, подыскивая слова, плетя, что на ум пришло:

– Ты сказал, лифт, по клавишам можно идти?

Отто путал лифт с травалатором, приспособлением облачных игровых рынков.

Струнное полотно текло перед ними в девственной паутинково-тонкой чистоте безмолвно. Это – лифт? Ступить босыми мокрыми ногами – кощунство.

– Как вы включили его? – спросил Докстри.

Гром глянул на Отто.

– Я поиграл, – пожал плечами тот.

– Руку отрезал что ли, когда удавку срывал? – недовольно уточнил Докстри.

– Нет, она уже была отрезана. Ею и поиграл…

– Хех, Отто, сбацай-ка что ещё ни на есть, ну, представь вызов на гонку играешь!

Отто покачал головой:

– Во-первых, я разочка не музыкант, а во-вторых, оно вроде как на мне играет…

– Это тебе так кажется, – перебил Докстри. – Оно тебя переводит. Сам попробую.

Его суховатые пальцы побежали по струнам, с обоих рук, быстро-быстро, и лицо вспыхнуло,

осветилось! Гром похолодел. Горящий сиреневый неон в лице дока – его ночной кошмар.

Докстри играл, откидывая голову, горлом прислушиваясь… Услышал, как и Отто, когда пальцы остановил. Покивал своим мыслям. Теперь ему надо услышанное повторить. Сделать обратный перевод. Он вроде как постучался, ему вроде как сказали: заходи… Заходить или не стоит? Ах, если б они прежде догадались, они с Пажом! Всё нескладно, не вовремя, не с теми.

Парни смотрели безмолвно: Отто, безмятежно улыбавшийся чуду, дроидскому колдовству, Гром, облизывающий сухие губы.

Докстри ходил вдоль струнного полотна. До стены, прямо в неё, обратно… Держал пальцы на струнах, не решался ни убрать, ни повторить за саксофоном.

Шанс выпадет ли снова? Завещание Пажа, их общее дело может совершить сейчас громадный скачок. Но скачок-то физический, фактический. Выживешь ли, и выберешься ли?

Шаманийское пианино кодировки – панель ввода и лифт жерновов, соответственно, отклик – это перемещение. Если жернова имеют отсек, приёмник для пластилиновой пыли, то отклик

прозвучал из него и лифт перемещает – в него. А если нет? Если инструмент откликается другому инструменту?

Подлинные древние артефакты принадлежали управляющей стрижиной верхушке. В каштанах Докстри видел и слышал пианино кодировки не раз, а отклик – впервые. Они с Пажом знали, если и уцелело при взрыве Морской Звезды, покоится где-то в лаве на континенте. Лифт их попросту размажет о земную твердь. Как дурачков, не пойманных Астартой.

Кто знал, что Троп вьёт лунное гнездо и прокладывает новым сквозной тракт? От самого верха, до самого низа обитаемых сфер тракт вёл ровненько через Шаманию.

Демон Ухо способен там прогрызаться, в обсидиановых недрах земли, невдалеке и ключ нашёл, Пажу подаренный.

В стрижиной зале, некогда вознесённой над миром, над Стриж-Городом выше некуда, а затем низвергнутой ниже некуда, почти в основанье Юлы, Томас, докстри, киборг, стрижей инженер и док проводил невыносимые последние дни в беседе с техническим дроидом. С музыкальным

дроидом. С пианино кодировки, переводил себя себе самому. Дракону своему переводил, говорил с ним через пианино.

Как начинающим учить эсперанто легче читать вслух по буквам, по слогам, так он, киборг, заменивший человеческую часть на киберчасть, мог думать лишь вслух и лишь через дроида.

Инженер самой страшной и примитивной расы, играя, не нуждаясь в отдыхе и сне, размышлял, как исправить свою огромную ошибку. Жалел хищных птиц не меньше чем их жертв.

Когда доверенный паж приходил, то звал своего дракона, и они отправлялись полетать не по-стрижиному, по-настоящему. Редко. В остальное время паж шпионил среди профессуры, ломал вертушки на входе. Вредил и шпионил, делал так, чтоб патологическая цепь охот и экспериментов хоть немного притормозила. Без толку. Время вспять не повернуть. Дроиды не откликались. Меж тем, лишь они могли решить проблему радикально. Они её и решили, когда уже не требовались «профессорам» стрижи и вертушки, когда дело дошло до откровенного, техническими примочками не обусловленного каннибализма.

Саксофон пел меланхоличный, повторяющийся отклик.

«Абсолютно человеческий тембр, – подумал Гром, - того гляди, разберёшь и слова». Почти, почти… – но никак. Фразы да, слова нет… Поверить невозможно, что отвечают струны. Гром привёл себе аргумент: «Ведь и у человека в горле связки, однако, горло труба, духовой инструмент… Непонятно только где и какого размера труба близ тех струн, о чём они решили вдруг поговорить? Два переводчика…»

Далеко-далеко внизу откликавшийся переводчик тоже тёк под неподвижной рукой. Тончайшие струны проходили, задевали о пальцы последовательно… Получалось, как если бы человек рассказывал что-то, а собеседник его кивал: да, да. Или вайолет, в котором один поёт слова, а второй без слов, музыкальное сопровождение.

Докстри решился.

Тряхнуло…

Присвистнуло…

И вместо того чтобы действительно размазать людей об землю, полудроидов

дроидский инструмент швырнул вниз, троповой шахтой.

Лифт должен везти в приёмник, но приёмника тут и в задумке не имелось… Пианино кодировки, как панель ввода, позволяло управлять жерновами, а как панель «вывода», как лифт, не имело куда отправлять. Сигнал простирался бы в космос, но встретил симметричный инструмент и сработал, как лифт в отношении него. Катапультой, по спирали. Стиль перемещения, который исчерпывающе характеризуется фразой: полудроиды очень живучи… Но главное, тропов тракт пропустил их.

Подземелье. Центра земли – рукой подать. Сухой, странный воздух.

Клык – главная башня Стриж-Города. Шахта пустот земных сохранила громадный осколок величественного когда-то комплекса зданий. Этаж тысяча двадцать третий, верхний этаж Клыка.

Тихо фосфоресцируют стены, неравномерно, гоняя широкий блик, обмениваясь им, жонглируя.

У балконного окна во всю стену, пианино кодировки начиналось, в окно напротив –

уходило.

Ближе к окну сидел пианист…

Без ответа мелодия зациклилась. Струны продолжали течь под его пальцами, замедляясь, скоро остановятся совсем.

«Эх, Паж… Не добежал ты…» Докстри тяжело поднялся. Ему судьба настоящему докстри в лицо взглянуть.

Из шаманийцев, проглотивших одноимённый каштан, все кончали с собой. Паж и Докстри не оставляли надежды понять, почему. Ведь именно этот каштан с Впечатлением Томаса, стрижиного дока, однозначно замедлял деградацию. «Бесконечное приближение светлячковости не выдерживали, приближая финал самостоятельно и радикально?..»

Томас-киборг оказался на Докстри похож иссушенными чертами. В лицах обоих отпечаталось больше мужества, чем страдания. Не написано секретов на лбу, пройти весь его путь нужно, чтобы ответ разыскать. Идти и идти.

Нетленный киборг блестел от соли, как всё вокруг, ею проникнутый. Был покрыт пылью, как и всё вокруг. Ни живым, ни мёртвым он стал давно, так сказать «при жизни», теперь был наполовину киборгом, наполовину солью.

Для посвящённого человека положение его рук, все десять пальцев лежавшие на клавишах говорили о том, что в момент катастрофы он не пытался сообщить что-то миру, а слушал кого-то издалека, игравшего на переводчике. Он слушал своего Белого Дракона с поверхности земли. Не сентиментальное прощание, отчёт, слушал как машина машину. Дроид рассказывал на прощанье, кем он станет в следующей фазе нетипичного, трёхфазного драконьего развития, как преобразилась земля, что решили дроиды, что ждёт землю и людей.

Связь прервалась, его пажа уже не было на свете, бытие киборга тихо угасло. Устал.

– Его можно разбудить! Наверняка!.. – ляпнул Отто, едва опомнился и сфокусировал зрение.

Ляпнув же, прикусил язык в прямом смысле. Его глаза округлись… Струны задрожали…

За плечами шаманийцев Томас-докстри смотрел на Отто… Его пальцы двигались. Едва-едва… Что-то знакомое он играл, какое-то из пяти прощаний.

Киборг играл и распадался:

солью…

светом…

вперемешку…

– Я не виноват, – тихо и заранее обижено шепнул Отто.

– Пшик!.. – махнули на него.

Свет просыпался вверх:

жестом сог-цок…

дымком…

метелью…

Соль просыпалась вниз:

ручейками…

на струны…

сквозь струны…

всё тише…

слабей и слабей…

Всё.

«Прощай, предтеча. Прощай док адского наслаждения, большого зла и неподдельного раскаяния, прощай, киборг…»

Ох, как же кружились их головы! Отто – даже и не пытался, так и сидел на полу. Гром с Докстри побродили, размяли ноги, выглянули в окно.

Шахта. Мрак вроде и обсидиановый, но весь радужный. Это Троп пролетал… Камень превратился в радужный обсидиан, и приобрёл свечение полноценными спектрами.

Пахло странно. Пахло горелым камнем, нагретым до плавления, и железом. Недалеко центр Юлы.

– Если мы в ближайшие несколько часов не выйдем отсюда, – сказал Докстри, – нас, хех, некому будет разбудить.

Ни намёка на влагу не предвиделось.

Но куда выйти? Вниз? Ерунда какая-то. Если и целы все этажи, открыты все двери, что дальше? Оттуда идёт этот странный запах. Пол вибрирует чуть-чуть, когда снизу раздаётся дёргающийся,

странный какой-то каменный хруст… Будто козёл не капусту, а обсидиан жуёт, бррр…

Однако пошли искать лестницу вниз длинной анфиладой однообразных комнат. Что-то надо делать? Не на месте же сидеть. Ключом Пажа Докстри запер дверь с почтением и печалью. Ненадолго!

Пригодился им этот ключ…

Лестница вон она… Вскрик, топот… Топот… Хруст… Вдалеке погоня?

Из темноты лестничной площадки на последнем издыхании вылетел парень. Светлоголовый, коротко стриженный… Узнаваемый стиль Техно Рынка.

Тусклый свет между стен Клыка, переходил от стены к стене: справа померкнет, слева разгорится, как пойманная, бьющаяся о стены птица. Отто, предстал в нём привидением нечистой совести, заставив Суприори решить, без шуток, что он сошёл с ума. Что видит ангела отмщения.

03.07

Внешность обманчива. Золотое солнышко, платиновая блондинка Рори, не хищница ни с какой стороны, потеря Чёрного Дракона не приснилась бы ей в страшном сне, инициировала и организовала крушение Суприори. Легко и просто, без колебаний. С холодным умом, не движимая, ни гуманностью, ни местью. Любопытством.

Для Селены вспомоществование – гуманность, да. Астарта её ужаснула, как отравленный шип сердце Южного Рынка, аттракцион чудовищный.

Селена близка с Муреной, Бестом, соответственно и с Биг-Буро. Она отлично понимала, что долго Бутон-биг-Надир терпеть такое безобразие, как Астарта, на Южном Рынке не будет. Зачем же суетиться, таясь от любимого, зачем сводить знакомство с монстрами вроде Ухо, не проще ли немного подождать? Именно что проще и надёжней! Но Селене было жаль того, кто вогнал шип в сердце горячего, азартного рынка. Того, кого Аурoруа возжелала исследовать, как в модуляторе микро-макро, как живой артефакт.

Закрытая, запретная тема – киборги. Чёрный

Дракон Рори, совершал нарушение за нарушением ради неё. Громадный как холм ящер внутренне содрогался всякий раз, когда изгнанник какой-нибудь ворошил кострище и произносил слово «угли»! Дрожь пробегала по воронёной чешуе до кончика хвоста, так живо представал ему двоичный вход в У-Гли, тиски и ошейник, и клещи в руке Гелиотропа, мягкий, рассудительный выговор и мягкий акцент устаревшего эсперанто… Фррр!.. Нет!.. Дракон, однако, продолжал делиться с Ауроруа сведениями по кибер-механике.

Мелкие брызги, что он знал. Какие приблуды тайком производили на Техно Рынке и в мирах. Какие дроиды путают регенерацию, чтоб человека запутать, преувеличить опасность, внушить ему боязнь подобных вещей.

О медальоне Густава, брошенном в лабиринте, Селена рассказала.

Рори сожалела вместе с подругой об Астарте и жертвах безумия Суприори, но - холодно сожалела. О медальоне - горячо!.. Кибер-медальон!.. Отшибающий человеческое в столь сильной мере! Вот бы воспользоваться!.. Побыть машиной… Почувствовать, как мысли текут в едином ритме метронома…

Сколько ни объяснял Густав, что вот ни капельки интересного не было в том состоянии,

любопытство Аурору лишь возрастало.

Благодаря накопленным познаниям, она живо разобралась с тем, что настигло Суприори. И… - восхитилась до глубины души! Он нужен был ей – человек с уникальным опытом, подопытное существо. Мыслила отстранённо, как Олив про своих рабов и жертв: «Не я их отравил? Ну, не всех я. Вот этих, этих не я. Почему бы не поэкспериментировать с исцелением?» Удачно ведь, честь по чести: Суприори надо освободиться от мучительного состояния, ей надо понять все аспекты этого состояния. Правда, плана у неё не было. Да и зачем, разумно сначала посмотреть на него, выслушать и его, и дракона, и Карата.

Опасаясь, что мнимого киборга, сокровищницу, желанную ей, Биг-Буро со дня на день отправит в лучший мир взмахом левой руки над пирамидкой торга, Аурору спешила.

Демон, – «…о, эффектный демон Ухо!» – должен был Суприори весьма впечатлить и настроить на нужный лад. В себе же Рори не сомневалась. Едва услышав, что есть на белом свете человек, понимающий его, страдалец не уйдёт от такого человека. Понимание, которого искал у Карата, он найдёт у изгнанницы.

В её план закралась непредвиденная ошибка.

Как Биг-Буро говорил про честность Морских Чудовищ, про враньё, что скривится, криво дальше пойдёт? Буро мудр, из глубины своей мудрости говорил.

Демон Ухо, как есть – Морское Чудовище. Он не был честен. Шла его жизнь вкривь, и вкось, и вразнос, с каждым днём всё кривее. Демон Рори солгал.

Он не собирался останавливаться в близлежащих пустотах земных, не намеревался отдать свою добычу. Он и девушек бы сожрал за милую душу, присутствие Пажа тормознуло естественный порыв. Как же он рад был его присутствию, когда услышал, что перламутровая блондинка – девушка Злого Господина, Злого Владыки Великого Моря! Ухо едва на изнанку не вывернулся от ужаса, что мог натворить! Его зубы бурильные так лязгнули – половину менять пришлось! А уж если Биг-Буро им покровитель… Этих девушек Ухо станет беречь как зеницу ока! Если что, из глазниц – в горсть и за пазуху! Чёрный Владыка и сам Надир, ужас какой… Но блюсти их интересы, беречь технаря с кибер-сдвигом он вовсе не обязан.

Судя по тому, что красавицы пришли сами, а Надир мог вызвать Ухо щелчком пальцев, обое господ, страшных ему, не в курсе дела, и не заинтересованы в этом технаре. Сожрать что-то необычное, не тень мелкую и не голубя посыльного, удачный поворот. Голуби злоупотребляют Чистой Водой забвения. Не по доброй воле. Их поят, заставляют пить много, чтоб не вздумали присвоить, что носят в бутылках, задарма насмотреться коллекционных Впечатлений. Голуби пустышки… Что-нибудь погуще сожрать… Надир не будет против. Скорее всего, Надир даже отблагодарит его… Прогулочка до Астарты обещала стать незабываемой.

Трус, как и все лжецы, лжец, как и все трусы, Ухо воспользовался планом и покровительством маленькой девушки, чтоб вдосталь погулять там, куда боялся заходить один!

Подобно тому, как Великое Море было отнюдь не велико для него, сужено до пары, тройки освоенных мелководий, Южный Рынок сужен до нескольких ночных часов и широких рядов, обычно безлюдных. Что днём, что вглубь он не совался. Опасался гнева Надира, сухости, разоблачения, кого не надо поймать, пирамидок, ловушек. Всего боялся. С Ауроруа и её друзьями

они славно повеселились, водяной перестрелкой… А когда пришло время рассчитаться, Ухо кинул заказчицу. Напрасно Рори и Селена ждали монстра с пленником в обсидиановом подземелье. Напрасно прислушивались к далёкому скрежету.

Увлекая за собой обломки Астарты, демон рухнул вглубь, в самые бездны. Слепой летел, прошибал обсидиан, бурил, вынув и спрятав глаза. Не наспех сожрать, посмаковать, остановиться, рог наполнить для коллекции ача.

На счастье Суприори, грохот, скрежет, тьма, скорость не позволили ему разглядеть Ухо в объятиях подробно, ноги бы отнялись. А так он сбежал.

Откатился.

Затих.

Притаился.

Шары глаз были вставлены на место… Затем вынуты…

Как светят себе фонариком или чиркают искрой, так Ухо водил двумя глазными яблоками в одной руке между обсидиановых обломков… АдЪ.

Ещё страшней, когда разворачивался – ухом… Воронка в затылке сокращалась, дышала,

пульсировала. Нюхала и слушала, втягивала воздух. Ад. Но не слышала воронка. Уже звучало, мешая ей, пианино кодировки.

Что не заметил Суприори в эти страшные минуты, что кибер-отрешённость напрочь куда-то делась! Он бежал, дрожал, отчаивался как самый обычный, сочный, съедобный, очень вкусный человек!

Бежал изо всех сил. Затем из последних сил. Затем на втором дыхании, на третьем…

Вверх и вверх лестницами Клыка, стрижиными лестницами, убегая от монстра дьявольской силы, но и тяжести немыслимой. Монстр, конечно, нагонял… Суприори, конечно выдыхался… Необычные звуки саксофона и струн раздавались вверху, впереди, дрожали в стенах… Пока не зациклились и не затихли.

Сдох, последняя площадка, верхняя. Монстр за спиной.

– Суприори?! – воскликнул Отто.

Огромный колокол покачнулся у Докстри внутри: «Цокки-бай?.. Он?.. Здесь?..»

Чудовище уже высилось над людьми во весь рост.

Люди пятились. Ухо хмыкнул, намечается перемена блюд.

Гром шепнул Докстри:

– …привет с Архи-Сада. Я так и знал, что у Рори ничего не выйдет. Кусочка от киборга не оставит ей этот красавчик… Все бездны морские, как хорош…

Гром, по-честному, и смотрел-то в бок, опасаясь, что затошнит до припадка, как иголок соляных, от морды с вывернутыми бурами зубов.

– …что значит киборга? – прошептал Докстри.

– …технарь в лоб получил, решил им и остаться. Лечить! Рори планировала его лечить!..

– А! Так это он самый!..

«Паж, – с горечью воззвал Докстри к утерянному другу, – почему ж ты не дождался чуть-чуть, пока всё происходить начало! Как я понимаю её, девушку-технаря… Только это не надо лечить, надо дать ему успокоится… О чём я? Старая жужелица, просыпайся и действуй!..»

Ключ-резак мгновенно отпер ближайшую дверь и с той же стремительностью Докстри

закрыл её между монстром и людьми. Эта дверь Ухо не по зубам. Во всяком случае – не сразу.

– Что делать будем? – спросил Гром.

Пианино кодировки тянулось через всю анфиладу.

– Нам нужно о-но, пиани-но… – задумчиво протянул Докстри. – Путь к панели задач должен открываться в обе стороны.

Исследователь, историк стрижиный! Какое отношение имеет включение пианино к требованию поднять наверх? Этому пианино то – не панель задач, движок лифта – с той стороны.

– А попробуй-ка ты, хех! – решил он, взглянув на беглеца.

«Вот и проверим заодно, фантазёр ты или бедняга».

Суприори стоял изваянием, белый. Эмоций не демонстрировал, хоть они бушевали как море. Кибер-транс вошёл обратно в силу. Страх и растерянность он воспринимал как киборг, констатировал и всё. Он хотел закричать и заплакать, хотел раскаяться перед Отто и проклинать его, но не мог. Констатировал и только.

Рука мнимого киборга легла на лучи струн… Его руку, полудроидскую плоть, струны поняли как кибер-плоть, ожили, не порезали. Полукиборгом Суприори был для себя, не праздным фантазёром. Пианино кодировки засвидетельствовало этот факт.

– Играй!

– Что… – спросил Суприори без выражения.

– Выход! Зови!

Что он сыграл? Что всякий полудроид! Что не могло струиться из вымышленного кибер-сердца, по чему так стосковался. Зов к Белому Дракону он сыграл! Из невообразимой подземной глубины!

И снова судьба срифмовала: Отто, его дроидской, регенерирующей руке, струны из-под пальцев киборга отозвались, руке Суприори – струны дроидских душ. Кодировка звуком не то же, что цветом на изразцовых дорожках Техно, звук – дорожка без предела, волна без прекращения. Суприори был услышан.

Белые драконы не могут – туда. Но это не значит, что они не слышат… Из-под земли, из-под толщи морской, из рынков они слышат зов. Но не

могут!

Однако есть и те, что могут… Но не слышат. Есть Троп. Есть трёхфазного развития уроборос… Есть дружочек его – Амаль… Эти двое оказались тогда рядом с драконом Суприори, в клубке, куча мала драконов.

На грани жизни и смерти зов… Обычно так кричит зов из-под воды, из недр…

Дракон Суприори взвыл. Амаль отцепилась от его хвоста и дёрнула вопросительно всклокоченной бородкой: что такое? Кусаюсь хорошо?

– Нет… Он… О, Фавор!..

Оранжево-красные семь зрачков Амаль-Лун прокатились от уголка глаза к уголку и обратно, и она сказала:

– Не вижу ничего…

Айн же, сидевший невозмутимо на её спине всю игру, произнёс:

– А я вижу.

– Это значит, сссто он обречён?! – воскликнул Уррс.

Так же невозмутимо Айн ответил:

– Либо, что его уже нет.

– Как же зов?

– Как человека нет. С какого-то времени он уже не человек.

Чем была башка Ухо, как не кольцом? Сквозной дырой во время бурения. Фронтально – буровая коронка зубов, на реверсе – воронка уха. Насквозь пролетали осколки горных пород. Туловище проталкивалось в крошеве без труда, настолько тяжелей его, насколько свинец тяжелей пены морской.

Глядя и слушая, как содрогается дверь, Отто представлял что-то подобное… В таком потрясении он даже напуганным не выглядел. Но именно его, слегка раскрасневшийся, пятнами побледневший фейс навёл Докстри на мысль, что происходит непорядок. Шумно и надоело.

«Никогда не задумывался… Клык в каштанах сто раз видал, и соседние «резцы» и «резаки» стрижиных башен, ласточкиных… Не задумывался почему: везде, всюду, куда только можно впихнуть – двери, решётки, замки. Правда, распахнутые… Ход стрижам и слугам везде открыт. Но всё же, зачем? Это что, мания преследования? Предусмотрительность? Осталось с прежних времён?..»

Докстри повертел на пальце ключ с резаками, хмыкнул, кашлянул и кивнул притихшему у стенки обществу:

– Хех, прогуляюсь. Не скучайте без меня!

Гром, вскочивший на ноги, был облит гневным, ледяным презрением. Дурачок, жертвенностью тут и не пахло. Док снизошёл к его растерянности.

– Я жулан! – бросил Докстри холодно, оскорблено. – Шаманиец и жулан! Брысь в сторону, Гром-шамаш.

Улыбнулся:

– Гром, гляди…

Ремнём из его многокарманных, милитаристких штанов с кратким стрижиным «фьюить!..» была выдернута удавка, отдалённо напоминающая велосипедную цепь. Несколько восьмёрок Докстри ею покрутил, демонстрируя, а для пущей убедительности…

Он взмахнул, и цепь встала вертикально, как змея. Парни видели, как зыбко стоит она, как подвижны сочленения, не затянуты, как волны бегут по цепи, достающей до высокого, метра четыре, не ниже, потолка. Верхняя часть удавки

образовала кольцо. Оно пошло вращаться, расширяя круги. Усатая лоза цветков-метаморфоз ищет опоры. Раздувшуюся кобру тоже напоминает. Чтоб латы корёжить, удавка. Чтоб врага прямо в латах удавить. Не континенте таких и не нюхали.

– Коброчкой назвал, – произнёс грозный жулан ласково, – в честь подкапюшонных боёв… Бывал на Южном? Прежде и на Центральном их устраивали. Ах, какие девчонки забредали под капюшон!.. На Южном-то Ярь одна, впрочем, малышка десяти стоит…

Он крутанул удавку. Сказать – резко? Но парни не увидели резко или нет. Сверкнула горизонтальная молния. Порыв ветра. Сквозняк. Серый, свистящий диск. Он сменил плоскость вращения, накренился и исчез. Удавка сложилась Докстри в руку.

– Жулан я, Гром. Раньше бы рассердился, на другого бы… Тебе прощаю. Нам думать надо, как выходить. Похоже, лифт наверх не идёт… А тут это грызётся, как тузик под дверью… Сосредоточится мешает.

Тузика помянул… Он да Мема, больше никто не мог с этим словом шутить.

Прежде чем исчезнуть за дверью, Докстри пугнул кто, кто за ней. Отогнал. Ударил клубком удавки. Металл громыхнул, грызенье затихло.

Докстри чикрнул вдоль замка резаками ключа. Пройдя над замочной скважиной, они распахнули створку, которая немедля захлопнулась у Докстри за спиной.

03.08

Тишина, глухая, невыносимая тишина. Гром вспоминал. Дока, кого ещё, дока за дверью.

Новый опыт был для него – повиниться. Случилось некоторое время назад, из-за боя на правом крыле… Гром едва не стал настоящим хищником, в схватке с протеже, как выяснилось, одного из шаманийцев. Приоритеты неверно расставил, надо – сначала общинные. Даже не так, сначала и потенциально общинные. Внимательней надо, развлечения, схватки и грабежи, личное на втором месте.

Станут отчитывать? Да только ли отчитывать?.. Изменение статуса, хароном не бывать? В лунный круг не заходить сколько-то дней, лет? Или совсем изгнание, изгнанник

дважды?..

Для человека его психического склада и советы-то унизительны. Тем не менее, шёл, куда и когда назначено Докстри своими ногами, по ночной степи, оставив за спиной озерцо лунного света, держа указанное направление, и вскоре узрел в степном мраке отдельную низкую луну. Полумесяц. Бубен испорчен, оторван лоскут…

«Ба, так они всё же настоящие. Я думал, дроидская магия…»

Под полумесяцем личный тайничок Докстри и общий с Пажом.

Не сразу заметил дока, растянувшегося на земле, слившегося с ней. А как же свет полумесяца? Светлый пластик одежд и светлая кожа?

Матового, чёрного метала латы были на Докстри, маска закрывала лицо. Белый оскал клыков – угрожающей, ломаной молнией. При появлении Грома Докстри, тихо рассмеявшись, немедленно снял маску.

Вместо ожидаемого порицания и вероятного приговора Гром получил недолгую исповедь старого шаманийца, бывшего жулана. И она оказалась посильней…

Его собственные латы сделались Докстри настолько велики, что мог прятаться в них черепахой, голову-руки-ноги втянуть, через горловину змеёй вылезти. Что он и сделал.

– Примерить желаешь? Хех, не стесняйся.

Ну, и Грому наколенные щитки ниже стоп. Посмеялись. Жуланьи латы плотные, цельные. Душно в них зверски, давным-давно не смазанных ойл. Блаженство выбраться наружу. Третьим собеседником, бестелесным, Докстри оставил маску, прислонив к сухому стволу, зубами стиснутыми отсвечивать. В сиянии полумесяца перед ней валялось громадное, пустое тело жуланьих лат.

– Ты счастлив был бы, а, нынче, здесь, если б того мальчика не стало? – спросил Докстри без упрёка и вызова, безо всякого перехода. – Нет, я серьёзно. Представь, что его нет. Ты доволен?

Гром, латами заворожённый, как ребёнок игрушкой, смутился.

– Нет, док-шамаш. Не доволен.

– И ведь забыл?

– Да, уже забыл.

– А вспомнил бы – живым вспомнил. И потом бы он умер у тебя в голове. В руках. И так каждый раз, каждый раз, каждый раз! – тихий голос Докстри повысился, и он закашлялся, как обычно. – Гром-шамаш, если за первейшее условие счастья человек ставит иное, кроме как – чистую совесть… Я ему либо очень завидую, либо очень не завидую. Первейшее и достаточное… Я тебе, Гром-шамаш, сейчас кое-что про себя, жулана, расскажу.

Пообещав, Докстри полез доставать из тайничка коробку сластей и бутылки с водой.

Шаманийцы неприхотливы, он особенно аскетичен. Как утончённость, таким аскетом сделанные, запасы можно понимать. Вода – чистая из миров, без Впечатлений. Сласти – чистый сахар, без ароматов, без фруктовых кислинок. И Гром любил подобное, однако до конца повествования не взял ни кусочка, ни глотка. Горло перехватило.

– Я не был вполне честен, говоря, как остался при Шамаш. Каштаны – моё, хех, Шамаш прекрасна… Но она стала последней, а не первой каплей. Жулан я, как есть, жулан был… Как тебе

гроб этот?

Гром удивлённо поднял брови.

– Гроб – ящик, в котором хоронили людей. Не всегда люди на огоньки рассыпались. В гробах их хоронили. Иногда заживо хоронили… Хех, жуланы – самих себя заживо. Знаешь, как мы спали? Не поверишь. В этой штукенции неудобно лежать, она ж для войны всё-таки, не воюют лёжа, хе-хех! Одевать по правилам её долго. На Сугилите приедешь с вахты, с разбоя, прислонишься спиной к стенке, или спиной к спине, глаза платком закроешь… И проваливаешься в бесконечные повторы: стычек, погонь… Что наяву, то и во сне. Сил, интересов ни на что больше не остаётся. Отдыхали раз в два, три… четыре дня. Когда мозги начинают вскипать. На драконе можно верхом… Не безопасно, но это получше будет…

Докстри отпил и оговорился:

– Хех, не к тому вообще. Вспомнилось. Ну, чтоб ты понял, латники ведь крутые, да? Круто смотрятся?.. Чтоб ты понял, как они промеж себя живут.

Отпил снова.

– Жужелицы, жуланы… Я среди жужелиц самый бешеный был. Из чужих лат всегда что-то ценное добыть можно. Ойл выжать, хоть каплю. Я на Сугилит без добычи вернуться, чтоб день хоть, раз хоть, я такого не мог себе позволить. А на нём самом особо не поживишься. Страху нагнали, не лезут клинчи на него, разве гамм занесёт. Так что, я не защищал, короче, гнездо родное, не сторожил. Нападал на чужие рынки. Ну, хех, нападая же готовиться надо?.. Хоть что-то продумать, разузнать. Мне темперамент не позволял и этого! Надо было всё и сразу. Облюбовал Жук. Киббайков на нём, хе-хе, у меня, как у белки хорошей, с дюжину было припрятано! Он же взбрыкивает постоянно, Жук! Один тайник раздавит, другой разбросает, третий не затронет… Я предпочитал простые кибы. Ездят быстро, но если что – бабах! Успевай спрыгнуть! Взрывались. От удара, от перегрева. Хех, зато дёшево и сердито! Мне нравилось, что рынок этот дурней меня. Нравилось, как он чокнутых уравнивает. Никому не ведомо, когда встряхнётся, покрывалом расправится, горами вздыбится, будто скомкали. А дурни вроде меня на Жуке имелись… Наши, жуланы тогда отступили, временно… Человеческая природа! Сколько прошло тысячелетий, а мне саднит такую ерунду вслух признать: наши, жуланы, иногда отступали!

– Наверное, потому что не наши наступали.

– Верно подметил! Гаммы гуляли на Жуке, на случайных гостей охотились. А ещё левые гости, бывало, ставили лагерь у входа… Ставили и снимали… С Центрального Рынка марблс-игроки серию партий взяли моду заканчивать на Жуке. Ну, мягко говоря, не умно. Смысл – у кого рука дрогнет. Азарт. Жук сам-то дрогнуть не дурак! На этих из клинчей никто не охотился. Лишь на другие кланы. Никогда не забуду одну погоню… Как мы на киббайках над их столом игровым пролетали! Надо сказать, тогда я отдал им должное, доиграли партию до конца! Мы не нарочно, мне самому некуда было деваться. Выход перекрыт, ущелья тоже. Вовремя жужелицы наши подоспели.

Докстри прервался, прислушался: ветер в степи. Сухой по сухой траве.

– А был тогда, Гром, в силе, ныне измельчавший, клан Колчанов. Колченогие они были. Регенерация, хех, хорошая вещь! Слишком хорошая. У них байки, как шарики! Я утрирую, конечно, но суть понятна, крутобокие такие кибы… Кто-то ноги себе переломал, а это на скалистых рынках как нефиг делать, кто-то просто беспрерывно в седле. Они ж исцеления верхом

ждали! А байки низенькие, маневренные, всем хороши, только получился – колченогий народец! Нищие, Гром-шамаш!.. Сильные, но нищие. Даже и латы неполные носили, а накладки. Маски из двух частей, нижняя – накладка на подбородок. Шамкают, когда говорят, разрез рта двигается. Удивительно, что в подобной экипировке столько лет протянули! Но храбрые, этого не отнять…

– Ситуация сложилась… Я гонял одного колчана… Ну, то есть он-то решил, что это он меня гоняет! Но вскорости вышло наоборот… Хех, хе-хе!.. Кха-кха-кха… Шикарный, жирный колчан! Колёса киба ойлом на весь Жук воняют, о байках они заботились. Соблазнительная добыча! А потом я его как-то потерял… Меня ещё смущать начало, что по времени пора загудеть Жуку и встряхнуться. На нём, чем дольше затишье, тем страшней. Ношусь, озираюсь… Ущелья сменяются разветвлениями, чисто речными, впадают в горные долины… Ни колчана, ни перемены ландшафта… Затем с вершины я заметил его опять и одновременно, что не один его гоняю… Колчан вылетел на большую, удобную для обзора равнину, и явно выдохся. Он всё пытался взять направление к раме, а гаммы, я семерых насчитал, отсекали от неё. Гармошки их слышно с вершины. Что их семь, мне – апчхи! Чхать! Я как

рявкнул, как рванули они – не разбирая дороги! Тут Жука и тряхнуло… О, как: я выкарабкивался час не меньше, байк искать - смысла нет. А расстояния там большие… Безводные. Я надеялся только, что уцелел хоть один из гамм верхом. Уж он-то мимо меня не промчит! Вот мне разом и байк, и добыча! Да, кое-кто уцелел…

– В толк не возьму, как, но лагерь случайных людей от рамы был переброшен в дальнюю часть рынка, считай, невредимым. Жук пошутил. Ты помнишь ещё, Гром-шамаш, какие они, люди ненашенские? Ровно киббайки колчанов! Кругленькие, махонькие, обтекаемые. Жалостно смотреть. Я с вешними не контактировал, не связывался с Техно Рынком, а тут вдруг целая группа над пенковым столом. Сбились вокруг него, смотрят затравленно, не рухнет ли что ещё. Но это фигня всё… Не в этом дело. Гаммы, они как охотятся? Когда ещё не взяли след? Они кругами, спиралями ездят, прочёсывают, и на гармошках переговариваются. Я прислушался… Уцелели пять из семи точно. Как и я, решили Жука прочесать… Где невысокие холмы образовались, на верхушку первый гамм взлетает - полный обзор ему. На угловую, свежую долину, на столовый матрас их дурацкий. На колчана… Колчан выжил…

– Он мчался, на крутых разворотах выпуская «закрылки». Такие штуки в районе задних колёс. Хех, колёс? Когда сам байк – колёса!.. В общем, чтоб бесшумно, спец-модифкация, стандарт – чтоб ещё скорее и на повороте не заносило. Это мне нравится в их байках, да, хех, да… Жаль, недокумекал, как на наши переставить… Мимо вешних чужаков он мчал, откуда не слышно гармошек гамм и, пролетая, зацепил закрылком одного из вешних. Бишь, секирой горизонтальной, вешнего зацепил. Ногу отрезал чисто, как фьюить!.. Тот даже не упал! Колчан – остановился… Спрыгнул с байка, подхватил его. Регенерация дело долгое, верно? Но если сразу приложить, может и не понадобиться. Он встал на одно колено перед раненым и приложил отрезанную голень. Вообрази… Марблсы вешние к своему бегут… Колчан нагрудником с ойл держит обеими руками голень, приложив на место. И гармошки гамм играют… Всё ближе и ближе… Ойл – вещь! Воды-то нет, вода б помогла, но ойл есть, он воды ещё лучше.

– Представь, Гром, открытое поле, с любого холма – насквозь. Вешние бегут, гармошки

перекликаются, ближе-дальше, дальше-ближе… Ещё ближе… Колченогий в дрянных латах, как изваяние, не шелохнувшись, на одном колене перед вешним человеком, лица на нём нету, стоит и ждёт. Когда огоньки пропадут по резу. Морда, подбородок вперёд выставлен. Колченогий, убогий, стрёмный…

Докстри потянулся. Сухой, сипловатый голос поменял регистр…

– Я, Гром, до жуланства больше всего голубок любил. На Центральном Рынке одной не осталось, которую не попробовал бы. И любимицы имелись, но больше привлекал свежачок! А вот парней не выносил на дух. Не голубей, а вообще. К борцам ходил редко, потому что не нравилась мне моя злость. Обязательно вскипало что-то, мало победить, надо добить! Что на борцовском ковре, то и на гонках: догнать мало, надо подраться. Меня к жуланам не удивительно, что привело… Драки вдоволь, рожи не видно!

– А тут вдруг… Колчан, коленопреклонённый, как прорисованный на щите, как геральдика. Перед гладеньким, крохотным, испуганным человечком. Стоит на одном колене, подбородок выставив. Не шелохнётся… Я думаю, он меня не видел, пешего. Он слушал байки и гармошки, а я его видел, я… За всю свою жизнь я не видел ничего красивее!.. Ни голубки, ни танцовщицы

прекрасней не видел!.. Чем этот убогий колчан… Крепкий, упрямый, абсолютно бесстрашный. В высоком небе имел небесных танцовщиц, но и они… Ничего в жизни красивей я не видел, чем этот клинч, замерший на одном колене! Ничего и никого! Он был прекрасен… Я испытал почтение к человеку. Если б у дроидов был царь царей… Я вдруг понял, Гром, что такое красота. Он не видел меня, а я смотрел и смотрел… Надеюсь, этот колчан жив по сию пору, надеюсь, с ним всё в порядке. Когда я людям без масок обратно привыкал, а они улыбались мне, я в их улыбках этого колчана, не морду его, не маску, а его - коленопреклонённым снова и снова видел…

– Как шип я был, Гром, хех, без преувеличения, ровно как ядовитый шип. Пока он на актинье сидит, и тот сложнее меня устроен! С какой-то соображалкой её связан, выстреливать может и возвращаться. Паж рассказывал мне. Может не весь яд выпускать, а я… Хех!.. Кхе-кхе-кхе…

Докстри закашлялся сквозь смех:

– Видел голубку и всё выпускал! Видел врага, а мне любой парень враг был, кто глаза не опустил сразу же, одно к одному, гнев выплёскивался как яд. На правом борцовском

меня невзлюбили, да и самому противно. Думаю, кому, сколько от природы дано буйства, над этим человек не властен. Я из рядов, где сокки-голубки порхают, не выходил вообще, редко – на правое крыло размяться. И вкуса к ним не утратил! Мне нравились всякие разные. Я всяких ценил, но особо тех, которые про наготу. Что мне их тряпки! Вырядиться и парень может, тааакие гуляют порой! Ха-ха, Вяхирь из них, из них, хе-хе, который ойл первым унюхал! Тааакие!.. Плечики узкие, бёдрами крутит, мордаха прикрыта, свернёшь да и плюнешь: тьфу, парень! Ни цокки, ни в морду дать, никакого удовольствия! А голубки, что любят нагими летать, да ещё танцевать, да ещё целой стайкой, ооо!.. Честно, я устал, не телом, устал не от ласк, а от выбора! Всё боялся пропустить, не успеть! Как будто меня гнало что-то! Как будто я каждую обязан попробовать! От неистощимого разнообразия, от новой голубки, мерещившейся за всяким поворотом. Измотался, отцепись уже, как бешеный. Сколько можно. И богат-то особо не был, спустя годы, не понимаю, чем я-то им нравился? Хех, не понимаю, чем!..

– Теперь смотри, Гром, как ценитель, бывало: сезон подряд пред глазами ничего, кроме голых тел. Очень, очень недурных тел! Совершенных,

исключительно девичьих. И вдруг в другой жизни - клинч. Колченогий, латы – дрянь дрянная! Челюсть дальше носа выпирает – лучше б ведро одел на башку! Как монумент коленопреклонённый… Голубки нагие мои перед ним, как настоящие голубки. Ничто, птички. Ну, вьются вокруг, а он Коронованный… Что голубицы перед ним?.. Ничто… Мне казалось, он сиял. Казалось, гармошки гамм его хвалят, он мне дроидом показался… Тогда я сказал внутри, что тебе сейчас сказал, что опротивел себе в свирепости. Противен стал, мерзок. Не отдавал отчёта, пока не с чем было сравнить, смотрел не в ту сторону. Когда через минуту я дрался за него с гаммами, этого колченого я не жалел, я его боготворил. На кланы, эмблемы, интересы, на гордость кланов мне было чхать. Апчхи. Почтение, вот, не жалость, я испытал почтение… Бесило раньше, меня всё бесило в парнях, и гордость и трусость вдвойне, и униженность и гонор, но вот это… На одном колене… Вот оно, хех, вот… Хех… Надеюсь, он жив и в порядке.

Докстри вдруг показалось, что самое главное не высказал, не донёс. Он взял Грома за голову, за лицо и повторил горячо:

– Нет, не было! В том, что колчан этот сделал,

не имелось такой уж отчаянной необходимости! Вешние марблс-дурилки не бросили бы своего! На киббайке пассажира не подвезёшь, но гаммы вполне могли привезти им воды и направить к горному озеру! Правда, и Жук мог встряхнуться снова, непредсказуемо… Хех, так это опасно равно всем, кто и с ногой, кто и без ноги! Лютой необходимости не было! Добро всегда неуместно, хех… В иных обстоятельствах оно называется нормой… Колчан не его ногу, не его вылечил, он меня вылечил.

– И ты хочешь сказать, – спросил Гром, – что прямо-таки от ношения масок люди утрачивают дроидские черты?

– Не утрачивают. Проявиться им негде. Жизнь – война… Слишком регламентированы. Скажи, тебе доводилось пить запретное?

– Вроде как, нет…

– Но ты в общих чертах представляешь что там?

– Естественно. Ничего особенного. Как если бы будни правого крыла Южного Рынка во Впечатлениях влаги…

– Хех, ага, угу… Тогда послушай, что

расскажу… Хех, ты, в общем, и правильно, и неправильно понимаешь. Паж звал, я летал с ним на Ноу… Ноу Стоп… Ну, что сказать, мне из котла, котёл шикарный, досталась, – Паж фыркнул, – ерундовина. Недроидская война. Эпохи до дроидов. Ему, может и ерундовина, а меня вряд ли что могло поразить больше! Чем скажу, хех, скажу. Ничего общего с нами. Бомбу представляешь? Нет? Ясно… Ну, представь охапку брошенных ножей. Связку отододи брошенных в толпу.

– Зачем?

– Чтобы стало понятно.

– Нет, зачем брошенных?

– Потому что, где-то там враг. Возможно. Представь, кто-то летит на драконе в высоком небе со связкой медянок отододи в руке. Каждая способна задушить не одного человека, а столько их, сколько бывает на главных рядах Южного Рынка в Соломенный День. Кто-то летит и сверху бросает их на, по-нашему, по-клинчевски, на вражеский рынок, на континент. И попадает в него, а не в море. Представь, что он делает так много раз за день. На следующий день то же самое. Как пекарь сластей просыпается и идёт вытягивать сахарные нити, так небесный клинч набирает с утра медянок и взлетает, чтобы днём сбрасывать вниз. Не видя куда, не видя на кого.

Хех, не узнает, отнюдь не узнает, не поинтересуется, на кого.

– Такого не могло быть. При всём уважении, док.

– Гром, я это видел в запретном Впечатлении.

– При всём уважении, док-шамаш, в такое трудно поверить. И Паж пьёт их?

– Угу, хех.

– А ты его спрашивал, зачем? Чего привлекает?

– Спрашивал. Острота. Привычка, без острого неуютно становится. Ноустопщика по фляжке и на Южном узнаешь.

– Факт, замечал.

– Док-шамаш, и чем всё закончилось там, на Жуке?

– Я тихонько ушёл. Живо расценил, откуда ворвутся в долину гаммы. Хотел сделать так, чтоб они даже не потревожили их. Сделал! Я же ненормальный! Двое тогда ушли от меня. Смогли убежать. А троих я сделал! Пеший! На Сугилит я вернулся с тремя латами! И с тремя киббайками гамм!.. Хе-хе!.. Представляешь, как меня

встретили?! Впервые я дрался не за себя, не развлечения ради. Но почему-то… Три эти, которых… Когда мы в лица взаимно… Без масок им когда в лица глядел… Они все предпочли смерть… На Сугилите я латы сбросил, вообще задушился, не мог уже в них. Рухнул и заснул… Доооовольный… Собою довольный!.. Жук видел во сне, но вешних не было… Не было колчанов, а только гаммы. Столько гамм, что задавили бы меня. Они сходились… И опускались на одно колено… Жук вздрагивал и крушил их, давил, проглатывал, но не меня. Меня обходил. Я вздрагивал, и сон повторялся…

– После того я стал никчёмной жужелицей! Плохо экипированные клинчи стали напоминать мне колчанов. Я не мог охотится на них. На гамм не мог… И вдруг в Шамании…

– Вы сражались в ней?

– Ну, да. Уходить-то мне было некуда, я не собирался из жуланов уходить… Таким, как я, на континенте и в небе пресно. Всё пресно: происходящее, выпитое… Опа… – лик Шамаш!.. Я ведь не помнил про того колчана, в смысле не думал о нём нарочно. Обратно я к тому времени изголодался по голубкам! Когда лунный свет Шамаш увидел… Смутный, перевёрнутый лик,

меня как торкнуло. Вслух, вырвалось просто, как сейчас помню: «Невозможная, я видел человека превосходней тебя…» И она улыбнулась!.. Наверное, кто-то уронил каштан, но она – улыбнулась, клянусь! Шамаш кивнула мне! Вот так, Гром, на самом деле я остался в Шамании. Каштаны идеально подошли! Ни риска, ни мук совести, и во сто раз острей! Фьить, фьюить!.. С той поры я не забрал ничьей жизни. Но я – докстри… Из тех, что забирают свою, кончают с собой… Гром, как дорого я дал бы, чтобы понять: что заставило покончить с собой моих предшественников? Ведь которое подталкивает меня, есть такое дело, подталкивает, оно не имеет отношения к Шамании! К моему прошлому относится… Интересно, как было у них?

– В Шамании, в лунном кругу я увидел и этот жест, коленопреклонения, внезапно, будто указатель на пути. У нас, жужелиц и клинчей, вообще такое не принято, такого не бывает. И я сначала не понял, кто тут король, хех. Кто основной самый. А оказывается для каждого свой док, а больше никто. Ты сильный, Гром, ты после первого каштана быстро околемался. Но чаще бывает так: когда лунный круг уже вывел танцора, конвульсии прекратились, пена из рта…

Человека надо как можно скорее поднять, причём на ноги. Усадить, хех, и скоро поднять. Это как бы с распространением сил связано. От Огненного Круга после каштана силы не хотят отдаляться. Голова проясняется – туда дотекают. В руки, да, они ближе. А в ноги нет, если не поставить на них. Так и выходит, что человека ставят хотя бы на одно колено, чтоб стопа на земле, потом на обе стопы. А кто ставит, скорей всего тот, кто и будет док ему, хех, получается… Мне этот жест за указатель стал как бы.

– Док-шамаш, прости мою небрежность. Такое больше не повториться.

В откровенной исповеди, чуждой приукрашивания и стыда, Докстри опустил момент действительно вторичный, к делу не относящийся, к тому же из относительно недавних времён, когда ради голубок-сокки Докстри ещё покидал изредка Шаманию. Однако момент нарушал категоричность его бессчётных «всегда, никогда». И возымел последствия.

Из любопытства он побывал некогда на мальчиковом, большом Цокки-Цокки. Не понравилось. Партнёра не выбрал, чего хорошего в парнях, как партнёрах, в упор не понял. Но запомнил путь. А поскольку сокки и танцовщицы

там всё же бывают, однажды он проследовал за крошкой, направлявшейся с Мелоди в сторону сладкого анисового рынка. Во всяком случае, ему так показалось. Когда мозги набекрень, мысли в одном направлении текут. Туда или не туда летела танцовщица, выяснить Докстри было не суждено.

Он попал за пологом в анисовую, масляную тьму, на вечеринку без света, под стоны наслаждения контрабасов, виолончелей и людей, где не видели, кто – кто, кто с кем, где на ощупь, где единственно узнаваемые цокки-басы часто сбивались, а то и вовсе откладывали смычки, где прерывались низкие барабаны, и снова возобновляли ритм.

Что не сокки, а парень захватил его в плен, Докстри мог понять без труда, но вот чего не смог – отказаться.

Его рот был исключителен, его рот был воплощённым блаженством. Ни одна голубка не отдавалась нежней, ни сверху, ни снизу не доставляла большего наслаждения. Голубки, по крайней мере, с Докстри, они отдавались, а этот парень, он любил, он присваивал. Каждым движением признавался в любви. Его руки хотели от Докстри так же много, как его губы, цокки забирал его, лаская. Докстри поклялся бы, что это человек, давно и страстно влюблённый, дорвавшийся…

Покинутый на скате блаженства, не успевший шепнуть спасибо, он услышал имя виртуозного цокки-бая. Хвалебное прозвище. Кто-то, с кем явно перемещались в связке, потянул его в масляный, анисовый мрак, мурлыкнув еле слышно, с придыханием: «Суприори…» Человека с таким прозвищем Докстри не знал. Выяснять? Разыскивать? Ему?..

03.09

Если разложить в ряд материальные инструменты, возникшие за все эпохи, обнаружится четыре их типа. Разложить по возрастающей сложности и плотности орбит, а не по времени возникновения:

– орудия,

– робото-кибернетические орудия,

– дроиды от низших до высших второй расы,

– и, собственно, люди.

– орудия, вещи, артефакты - столь рыхлы, что их можно брать в руку фактически,

манипулировать ими, своей воли они не имеют. Нож с рукояткой.

– робото-кибернетические попадают по плотности в ту неудобную, опасную категорию, которая – обоюдоострое лезвие, а каштан с шипами, не взять, так чтоб не пораниться.

– дроиды попадают в третью категорию: взаимодействовать можно, уколоться они сами не позволят. Это как колючий шарик, чьи шипы слишком плотны, до слияния в шершавую поверхность.

– люди плотны до выхода за пределы того и того. Взаимодействовать можно, не трудно и пораниться о человека. Причём самостоятельно, речь не об его злонамеренности.

Из чего напрашивается вывод, что вещи и дроиды на высоте по сравнению с людишками, и кое-кто с этим от души согласен! Но к делу.

Плотность орбит высших дроидов и людей – опора, обиталище «свободной воли», – которую упоминать без кавычек наивно, не упомянуть тоже нельзя. Эта плотность - управляющий момент, место, где выбирают направление движения.

Тут межа. Водораздел. Скат на две стороны: к кибернетическому либо к дроидскому.

К дроидскому скат таков…

Полудроид, со своим вполне человеческим телом и вполне дроидо-технологичной способностью левой руки превращать, не имеет границы, буфера между принятием решения и его реализацией. Не имеет посредника. Он как решает, так и воплощает – сам. Свободная воля? Где-то да. Крайне-крайне неустойчивое равновесие. Насколько имеет право называться свободной – воля того, чьи действия шустрей осознавания?

Полудроид надумает и передумает в кратчайший момент. Потому что орбиты его сверх допустимого сближены. Они взаимодействуют моментально и спонтанно на самых разных уровнях. Число вариантов превосходит доступное удержанию в уме, рассудочному анализу. В сумме это называется – чувства. Побуждения. Под коими: характер, интуиция, момент, нравственность врождённая и наработанная, влияние момента. Комплекс орбит, дроидскими словами говоря, с азимутом, привязанным к общечеловеческому контур-азимуту, проявляется, как чувствительность к

красоте и её пику – человеческой красоте, априори – к её ценности.

Таковая плотность не благо и не зло, а данность. Дроиды приближаются к ней лишь в совокупности второй расы. По-отдельности же дроиды вполне рассудочны. Холодные чуть более, тёплые чуть менее, но не за счёт плотности орбит, а за счёт скорости их вращения.

Что до кибер-механики, она и есть возможная прокладка между намерением и воплощением. Прокладка, впившаяся в тело. Зло. Именно зло.

Пример?

Борец решает: принимаю ставкой жизнь, ставлю свою. Но он может передумать! Может пожалеть, может и струсить. Борец, воспользовавшийся кибер-механикой пред боем, не остановится никогда. Он решил. Она работает. Как огоньки дроидов, как дроиды регенерации она работает в теле, но по-прямой. В пределах своей функции и единственного намерения, с которым было употреблена. Она – перчатка, рукавица, которая не даст почувствовать сквозь себя. Перчатка клинча без ойл.

Разница между кибер-примочеками и

дроидоувязанным техно, неочевидная лишь на первый взгляд, огромна, принципиальна. Лишь тому неочевидна, кто на своей шкуре не испытал.

Вонзив в руку медальон, Густав пережил это онемение сполна. Ему требовалось только идти, и он шёл! Кибер-механика великолепно распределила его силы на максимально долгий путь, всё лишнее отсекла. Он шёл и констатировал. Всё.

Дроиды отнимают оружие, не ставшее частью образа жизни. А образ жизни не складывается из чего-то одного, у кого-то одного. Можно отнять купленный, только что изобретённый пистолет, усовершенствованную удавку. У кланов, где все доспехи – и оружие, и щит, как отнимешь? У всех сразу технически невозможно, у одного нечестно. Тем самым, клинчи обошли оружейные запреты.

Тонкая грань пролегает между оружием и всеми остальными артефактами. Оружие от неё по ту сторону, где кибер-механика, артефакты, по ту, где дроиды.

Линейность действия кибер-механики вот предмет запрета.

Лишний раз стоит повторить: множество,

невообразимое разнообразие дроидов возникло, как следствие принципиальной неспособности человека сформулировать точный запрос. Невозможности выразить своё желание конкретным, исчерпывающим образом.

Взгляд на водораздел с другой стороны, через вожделение и ненависть.

Первое, алчное побуждение – дроидское, исходно неконкретное. Обладать, подчинять, нравиться. Так или иначе взять себе.

Второе, побуждение отвергнуть – принадлежит человеческой части полудроида.

Первое ничто не удовлетворяет до конца, но самое разное подходит!

Второе воплотить легко, а не раскаяться… Лишь если не выныривать совсем. Кибер-механики не извлекать из тела.

Пример.

Чара, которые, как известно, одиноки и прекрасны, обидела своего почитателя, оттолкнула. Он зол и неудовлетворён. Он по-

прежнему и ещё сильней хочет поцеловать чару. Это человеческое желание. Это дроидское желание. Как бы он ни урвал, ни выиграл, ни купил этот поцелуй, ни соблазнил, уведя волшебную танцовщицу из их сословия, он будет чертовски рад! Все поцелуи будут и те, и не те. Понадобятся следующие! Это жизнь.

С другой стороны, он может захотеть мести. Задушить чару, бросить на чью-то пирамидку, чтоб превратили её в медальон, который станет носить напоказ, презрительно и гордо. Пока в море не вышвырнет… И это человеческое желание! Но путь воплощения может быть человеческий, либо нечеловеческий – без колебаний, полутонов… Когда делает зло не сам! Заказать человека охотнику, заказать мастеру превращений, это, – безо всякой материальной основы, без шипов и медальонов, маятников и резаков, – это настоящая кибер-механика.

Технически, строго говоря, при собственноручной мести последние секунды тоже кибер-механика. Она ставит функцию, совершение задуманного выше человеческой жизни. Выше переменчивых, непоследовательных, живых чувств.

Оно имелось в виду, когда произносили с осуждением поговорку: цель оправдывает средства. Оправдывает ведь! Постольку, поскольку достигает. Проблема в том, что

неживое целей не достигает никогда. Не имеет их. Оно неживое, бесчувственное.

В эпоху высших дроидов дилемма эта потеряла актуальность даже в кланах латников. Но в прежние эпохи не отпускала человечество: кто виновней во зле, кто совершил его или кто отдал приказ?

Тоже разница между кибернетическим и дроидским. Приказ – кибер-механика в чистом виде. Прослойка.

Для исполнителя командир – кибер-механика, позволяющая делать, но не чувствовать. Для командира исполнитель – кибер-механика. Как сквозь перчатку, не чувствует сквозь него.

Стародавняя строчка и аминь: «… но каждый в грехе, совершенном вдвоем, отвечает сам за себя».

Внутри самого человека, безо всяких примочек и приспособлений, сильная, злая страсть, одержимость тоже будет кибер-механикой. Толкает в слепоту, во мрак. Уплотнение орбит сверх того, что для дроида называется троном. Объятия борца, душащего соперника – не мускулы полудроида с масляной,

потной кожей, а кибер-механика, и глаза его – пуговицы, мёртвые глаза.

Негромкий взвизг донёсся до парней. Следом зловещая тишина… Обвал… Тоже негромкий…

Обе створки двери распахнулась широко, и на сей раз Докстри захлопывать их не спешил.

Он упал сразу за порогом, за голову держась, перепугав их, особо Грома, хуже, чем бурозубое чудовище. Но его усталый смех, на миг показавшийся ненормальным, звучал всё громче… Усиливаясь, пока снова не начал казаться абсолютно ненормальным, гомерическим хохотом!

– Чёрт-чёрт! Ач-ча!.. – ругался жулан сквозь хохот. – Я уж и подзабыл, как это бывает! Ач-ча!..

– Что произошло? – прошептал Отто.

– Ничего! Вы ничего не пропустили! Это… оно… – решило уйти!.. Не попрощавшись! Нет, кое-что вы пропустили! Стоило посмотреть, как такая громадная жопа исчезает с такой дивной

скоростью! Ящерка!.. В завал обсидиановый брык – и нету!..

«Почему-то я не удивлён…» – подумал Отто.

– Эх, хех… Всё за ним осыпалось. Через туда – не уйти.

Отсмеялся. Зал Клыка объяло молчание. Сосредотачивайся – не хочу.

Докстри не хотел и понял почему. Не монстр за дверью, сосредоточится мешал Суприори. В глубине души, Докстри предчувствовал, что они найдут выход. Но совсем не был уверен, что успеет и сможет сказать, этому несчастному существу, мнимому киборгу, всё, что должен. Что должен ему, задолжал.

Откровенное, пристальное разглядывание несостоявшейся жертвы чудовища объяснений не требовало, но у Докстри лишние слова на языке, как это бывает.

– Где-то я видел тебя, – сфальшивил он.

Непосредственный и феноменально неуместный Отто среагировал тут же! Вот оно, вот почему показался успокоительно-знакомым резкий профиль, клещи из двух зигзагов носа и подбородка! В месте исключительно мирном

мельком видал! А зная Суприори, как цокки-бая, вычислил мигом, сошлось:

– На Цокки-Цокки! Почтенный жулан, бурозубых монстров прогоняющий, я помню тебя! В гордом одиночестве! Ты ждал кого-то?

Докстри оставалось лишь выдохнуть и головой помотать: ну и мальчик… Не удивительно, что в Шаманию просочился, удивительно, что до своих лет дожил!

Три раза за всю свою жизнь Докстри прилетал на Цокки-Цокки, и вот вам, получите! Отто на память не жалуется. Любитель новизны, он запоминал новые лица и тех, кто не достался ему. Докстри тогда посидел, контрабасы послушал, Мелоди Рынок с кем-то обсудил и вышел. В тот раз, в третий он надеялся имя услыхать, упоминание о том, кто сейчас на корточках стену подпирает… Для жуланов и клинчей в целом упоминание цокки рынков – компрометирующий, неловкий момент. Ну, совсем не принято в их среде, ну, максимум, голубка, заказ приносящая с Техно Рынка, заодно…

Чем тише вокруг, тем Суприори хуже и тяжелей. Он не ответил, ещё сжался и понурился. «Невозможно соотнести, – Докстри изучал сведённые брови, плотно сжатые, обветреные губы, прошлого цокки-бая в которых не читалось.

Да и будущего не читалось. Глухое отчаянье во всём. – Неужели он? Этот? Неужели?.. Паж столько говорил про Астарту и ни разу не назвал имя автора сооружения… Теперь понятно кто и зачем… Судьба. Шамаш зовёт тебя в моём лице. Деваться тебе некуда».

Докстри сел на корточки перед глухим гробом, который Суприори представлял собой. Человека не выковырить? Пусть прорастает. Пусть сделается в солёной каштановой скорлупе зерном, корнем Впечатления. Новым докстри.

Как полукиборг снаружи с полукиборгом внутри, Докстри заговорил с ним. На человеческом эсперанто нечеловеческим манером, будто с акцентом… Неудобным для людей, для киборгов подходящим способом говорить слова – через равные промежутки. Докстри излагал Шаманию. Излагал, что каждый каштан, каждый полёт стрижа позволит ожить, а сахар – остаться живым. Что если пройдёт до конца – мучительная глухота обернётся непревзойдённым покоем, когда попадётся и окажется на языке «каштан докстри», сплошная, острая соль… Может быть именно он, Суприори-Докстри перемахнёт стадию светлячка и соблазн суицида, раскроет тайну: что там дальше, к чему

способны вывести каштаны, раз уж не позволяют остаться полудроидом.

Отто вопросительно, лишь взглядом взывал к Грому: что происходит? У Грома в квадратных глазах отражался светлячковый неоновый Докстри…

Жулан исчерпал свои силы. Пламя охватывало его. Он умирал не как докстри, как человек. Отшагнув к человеческой природе, избежав суицида. Светлячки и докстри не живут вне Шамании, не зависают в непостижимом, замедленном угасании без светлячковых бродов.

Докстри обернулся к Грому и ему вручил завещание:

– Тебе поручаю. Тебе Суприори-шамаш отдаю. Будь ему док. Про ошибку на раме не знает никто. Оставайся хароном. Будь ему док-шамаш. Рановато тебе, но… Вручаю.

Помолчал, закончил:

– Однажды, Суприори, ты уравняешь в спокойствии «внутри» и «вокруг». Постарайся. Ради… Земли, которая тебя приютит, лунного круга, который тебя примет. Ради наших поисков правды об этой земле… Её природы щедрой, хех,

и губительной. Я не успел, не сложилось, может быть, ты сумеешь, как киборг, понять: что заставляет исчерпываться и уходить? В чём порок у природы запретного? Он есть, я знаю, и Паж знал, а ты поймёшь в чём. Лунного круга ради, чтоб он продолжался исправленным или прекратился совсем. Мы старались понять, но жизнь коротка, «фьюить!..» заманчивы. Ты будешь другим, для тебя «фьюить!..» не опьянение, а лекарство. Возымей терпение, и однажды ты первый станешь полным киборгом. То есть… Нет, ну что ты бледнеешь?! Снова полудроидом – на вторую половину – киборгом, человеческое ты уже доломал в себе. Иди дальше. Не пытайся пятиться назад, не выйдет! Могло бы восстановиться, давно восстановилось бы. Значит, регенерация не про нас… Взбесилось, а значит, и утихомириться всё разом, все органы чувств разом. Угадал, да? Ты чувствуешь это? Постепенно и вместе, как беснующийся океан не заплатками успокаивается, весь. Сначала едва, постепенно – до штиля, а ты – до камня, до алмаза. Во всём можно найти преимущества. Ты не влюбишься, не увлечёшься коллекцией, не забудешься ни на какой из гонок… Но ни что и не сможет диктовать тебе. Крепкий как, хех, обсидиан. Астарты не нужно, не умножай зла. Соль хранит всё, что тебе нужно: вираж, «фьюить!..» и горло. Бери! Тебе понравится. И это, будь я проклят, можно! Хотя… Не суть.

– Я где-то встречал тебя… – согласился Суприори.

Лишь эту фразу и сказал, оставшуюся без ответа.

Глубоко под землёй находились они, вплотную к юбке Юлы, от оси недалеко.

Умирая в небе и на земле, человек рассыпается на огоньки, стремящиеся вниз.

Не так получилось с Докстри. Он будто отражался рядом с самим собой, дублировался. Какое-то время огоньков хватало, чтобы ему полупрозрачным стоять, а неуловимый сквозняк, выметая огоньки, чтобы собрал из них второго полупрозрачного Докстри. Стоящего торжественно и твёрдо, подобно своему источнику. Стоя на ногах Докстри хотел умереть. Как клинч.

Успел ещё удивиться живучей силе привычки: как жулан в такой момент он должен остаться без маски. Нет ни маски, ни противника, а чувство сохранилось: порыв снять, приподнять её. Ведь если смерть рядом, а его лицо не обнажено, значит, он победил? Тянется вверх рука. При всей фатальности обстоятельств, обуславливающих этот жест, для клинчей он

подсознательно желанен. Чтоб не сказать, долгожданен. Как ойл дарует свежесть, освобождение.

Уже от исходного Докстри осталось меньше, чем от сметённого в сторону. Огненный Круг и резкие, стрижиные плечи, профиль жулана…

Белый дроид на чёрном троне проявился в остановившемся кругу, протянул руки и забрал его изнутри, с последними огоньками вместе, не осыпавшимися…

Отражённый в сторону Юлы Докстри не падал, не пропадал.

Удивительно, но Отто молчал! Гром и Суприори не отпускали из своих зрачков того, кто сделался призраком вполне…

«Призрак» подмигнул, кашлянул: хех…

Тихим, суровым голосом усталого жулана пропел второе из пяти прощаний…

- Надежда положит случаю руки на плечи…

И сразу повторил ещё тише. Шаманийцу тут есть с кем прощаться, но Отто был уверен, что – ему. Знал, что ему.

Вообще-то из пяти песен, это, второе по счёту, наименее возвышенное. Трагедиям чуждое, не капитальное прощание. Поют его при временных расставаниях. Это куплеты цокки-голубятен, случайных связей. Не обязательно в смысле «до свиданья». Его мелодию насвистывают, что б невзначай дать понять о поверхностном интересе, намекая, что ищут мимолётного развлечения. Но сами куплеты нежные, романтичные. Так ведь Фортуне одной ведомо, начавшись с каких куплетов, какими закончится нежданное негаданное знакомство, когда:

«Не предотвратить разлуки,

Не предугадать встречи,

Возложит надежда случаю

Руки на плечи…

– Ты лучший мой танец… – шепчут,

- Ты лучший мой вечер».

«Призрак» Докстри кашлянул вновь и усмехнулся: ещё тот куплет! Не подходит к ситуации. Что поделать, с голубками летал, от них

и нахватался.

А потом раздался низкий до хрипа, очень тихий лай… Стремительный разворот Докстри, приветственный, манящий взмах неоново-синей руки…

К стыду своему, Гром понял, что зажмурился, когда уже открыл глаза. Ни призрака, ни лая.

Рядом Отто и подопечный. Ах, как рано, насколько же рано Грому становиться доком! Но - без вариантов. Оба парня на шаманийца вопросительно смотрят.

Каждого ошибки сплошные завели сюда, у каждого положение дурацкое, а уж между собой… Ошибки остались в прошлом, а проблемы сближают людей.

– Небо и море, – пробормотал Гром по изгнаннической привычке. – Ни неба, ни моря. Ни Чистой Воды забвения, когда-то я успел возненавидеть её, глотнуть бы сейчас. Докстри сказал, что мы выберемся? Верить можно только плохим новостям…

Точно! Но на этот раз, плохие новости ожидали не людей, а спешащих к ним дроидов по возвращении в дроидскую сферу! Особенно

Уррса и Айна, поломавших Гелиотропу улиточий тракт на подходе к Дольке! А Тропу его альтернативный тракт!

Не идти же дроидам пешком через Шаманию? Дракону – пешком?!

Белый Дракон Суприори, независимый навсегда, чхать хотел на любого, кто усомнится в его праве любую возможность использовать, откликаясь на зов. Амаль, предоставившая эту возможность, шкодный характер дроида желания Фавор приплюсовала к белодраконьей шкодности, ей чхать дважды. Амаль-Лун о последствиях задумывалась после их наступления!

Фееричная четвёрка лихо образовала «матрёшку»: Амаль-Лун внешняя орбитой движения, Айном – внутренней, Белый Дракон в промежутке.

Конструкцию для затравки шибануло о панцири Улиточьего Тракта, так как Айн – высший дроид и тракт не может вниз проходить, затем шарахнуло об Шаманию, и уже сквозь жернова бросило на Клык, разрушая тщательное, последовательное мощение тропова тракта. Всё поломали, что могли!

– Ну, привет, люди подземные!

03.10

Дроидов от первой «ступени» до сотой включительно обуславливает принадлежность к холоду или теплу в первой расе терминально: они отталкиваются или взаимно уничтожаются. Они – базовая подвижность.

Аннигилировавшие, – да, именно так, несуществующие, отсутствующие в пространстве бытия – дроиды вступают во взаимодействие с оттолкнувшимися, порождая следующую ступень. Они же образуют взаимосвязь и с другими аннигилировавшими, но только в присутствии оттолкнувшихся. Через них. Так образуется первая «степень».

Она – базовое восприятие. Начиная с неё аннигиляции нет, если в столкновении дроидов не участвует равное количество исходных оттолкнувшихся дроидов: тепла с одной стороны, холода с другой. Когда взаимно уничтожаются таковые, это называется огоньком дроидов.

Этот процесс шёл бы сплошняком, но за их разнесённостью в пространстве следит общее поле Юлы, а в телах - дроиды регенерации. Рана и смерть нарушают её, в Туманных Морях нарушает постоянное перебирание дроидов первой степени одиночками 2-1.

Выше, в технических дроидах, дроиды степеней разнесены схемой, функцией. Они её осуществляют, она их разводит.

С высшими и третьей расой та же история.

И того: от технических дроидов до первой расы принадлежность теплу или холоду не обуславливает ни функцию, ни само существование. Грубо говоря, дроида можно вывернуть наизнанку, перевести с языка тепла на язык холода и он будет функционировать ровно так же, хоть и чувствовать себя по-другому.

В расах с первой по третью включительно тепло-холод так крепко соединены и точно сбалансированы, чтоб дальнейшее сближение и аннигиляция сделались невозможны. Опять-таки следит за этим общее поле Юлы, частью которого является сама первая раса – глаза Юлы, тот её аспект, который позволяет в общем поле Юлы людям и дроидам не просто существовать, но видеть, воспринимать.

Первая раса, вроде как солнечный свет. Как распространение звуковых волн и запахов. Общее поле. Вездесущее восприятие.

Часть его предаётся «господствующему над первой расой». Поскольку, сотворив что-то новое,

не бывшее прежде, он доказал, что ему нужна эта оптика.

Какова же причина называться мельчайшим дроидам первой ступени таковыми – дроидами? А не явлением природы, мельчайшими кирпичиками мироздания?

Причина в том, что если б являлись кирпичиками, идентичными, безликими частицами материи, отторжение и схлопывание их случилась бы за миг! Всех! Потому что являлись бы частицами, как ткани пространства, так и ткани времени.

Пространства и времени не существует фактически, а не в каком-то там отвлечённом философском смысле. Являйся хоть какие-то единицы бытия идентичными, их «судьба» была бы идентична. Без выбора, все бы оттолкнулись, от кого могли, разлетевшись до бесконечности, и схлопнулись, с кем могли. Все со всеми! Без очерёдности. Бумц! Финал!.. Ни о каком броуновском, скажем, движении, хаотичном речь бы не шла.

Но положение вещей таково, что «первоступенные» дроиды имеют личную историю, и взаимосвязи в форме

потенциальностей, как ни просты и ни малы. Они движутся в зависимости от силы этих связей, которые условно можно назвать «первоступенными» орбитами, следствием их предыдущего бытия.

Дроиды первой ступени не зародились в морях-океанах, с неба не упали. А были созданы, как части самых первых дроидов, тех, чья функция обозначена, кто отнюдь не безлик. Так же они многократно являлись носителями информации Впечатлений, пребывая в облачных хранилищах, в Собственных Мирах, в Свободных Впечатлениях и наконец, в телах людей

Связи, связи, связи. Прошлое исчезает, но связи сохраняются. Помнишь ты или нет, живёшь или умер, Доминго ты, восседающий на троне, или дроид первой ступени, аннигилировавший миг назад, связи никуда не деваются. Тебя нет, они есть. Ты – они. Принесут плод, снова будешь – ты.

Связи могут путаться, усложнятся, упрощаться. Сливаясь – умножая модуль, делясь – умножая категории. Всё могут, но не исчезать. Они – только – плюсуются. Может быть, поэтому, никогда не оторванная от жизни, дроидская математика оперирует лишь сложением?

Получается, вначале было всё же яйцо. Курица без яйца – не курица, мало ли кто

кудахчет. Не вылупилась, не несётся? На звание курицы нечего претендовать!

Умножение первоступенных дроидов шло лавинообразно, но личный род имеется у каждого. От кого он произошёл? Чем был? Счётчиком, сборщиком? Улиткой грызущей лазурит?

Если представить, что мельчайших дроидов, кто-то взял в горсть и потряс, они, да, начнут эволюцию. Будут отталкиваться и аннигилировать. Неосуществившейся частью дополнять оттолкнувшихся, образуя дальнейшие ступени и степени. До тех пор, пока не сложатся в автономных дроидов, подобных тем, которые ещё таились от людей. Тем, которые, служа людям, размышляли и рассуждали: «Открыться ли им? Повременить? И как открыться перед человеком?..» Заново будут таиться и сомневаться.

И лететь на зов.

Супериори сбили с ног, на него ориентировались, как на азимут, а под землёй,

куда там дракону точно затормозить!

Из необщей формы вышли людьми.

Белая Амаль в языках алого пламени. Бородатая драконесса! Пять оранжевых зрачков прокатываются в каждом глазу, один красный среди них…

Уррс, как Уррс. Бросился к Отто, едва завидев. Осмотрел, обфыркал и встал человеком. Страх какой – обнаружить малыми орбитами внимания, глазами обнаружить всадника в опасном месте, зова не услышав!

Белый Дракон Суприори оказался юношей выдающейся красоты, удивительной для дракона грусти в греческих чертах, и беспокойного характера. Он сразу принял общедраконий облик и нырнул холкой под руку всадника. Не надеялся дождаться зова. Насколько безнадёжны дела, чуял.

Высший дроид Айн, стоящий ближе всего к людям по устройству, оказался дальше всего стоящим в физическом смысле и в эмоциональном. На расстоянии. Холодный дроид, это и правильно, что вдалеке. К тому же, он плохо видел этих людей. Хищники. Азимуты телохранителей не указывают на них. Малыми орбитами глаз смотреть Айн не привык, потрудиться эгоизм дроидский мешал: неприятно. На это время утрачивается

проницательность дроида в аспекте его неординарной функции. Айн держался в стороне и ждал. Понадобится, не понадобится? Сюда-то ясно, нужен был – он и держал направление. А отсюда?

Играли в гляделки, лишь Белый Дракон Суприори тёрся об его руку, подфыркивал и скулил, готовый рвануть с места. Но куда?

Матрёшку с человеком сделать легче лёгкого, да зачем она под землёй? Тут сделаешь, тут и останешься. Торгового шатра нет, открытого неба нет. Близость оси Юлы, юбки её, заснеженной степи, беспокоила дроидов. В таких местах, на высшем и нижнем пределах общего поля Тропом пахнет… Драконы переглядывались.

Амаль-Лун прошлась, грациозная и раскованная. Фам фаталь и клоун одновременно, сказалась близость к Августейшему. Оглядела пианино кодировки.

Высокая, пламенная Амаль – свежий, юный дракон. Её пламя, как шубка уробороса, каждый язык огня или обведён чёрным жаром, или заключает его в сердцевине. Первая раса так балансируется.

Уставив всклокоченную, жёсткую бородёнку

Грому в лицо, они как раз одного роста, Амаль-Лун фыркнула:

– Тропа не видал?

Обалдев от её специфичной красы и всего происходящего, Гром промычал что-то невнятное.

Толкнув безвольного Суприори, его Белый Дракон вскинулся на дыбы:

– Фррра-чем?! Троп – зачем?!

– Действительно, зачем? – флегматично поддержал Уррс.

Тик огуречно-зелёного глаза его всё же выдал! Не нужно сюда Тропа. Дождутся ещё разборок и неприятностей.

Амаль-Лун презрительно хохотнула на них:

– Мы с Августейшим видели, как канул. Сюда. Примерно… Обо что я бока-то все ободрала? Об чёрнодраконью чешую! А кто мог её столько насобирать? Троп один! Тут нора его! Мостил норный тракт… Но откуда куда?

– Сссматываться сссрочно! – зашипел дракон Суприори. – Экссстренно! А то добавит и белодраконьей чешуи!

– Грррав! Фра-ха-ха! – гавкнула на него Амаль. – Гелиотроп поторопил меня, и я выбрала

не то племя! Трусссливое племя!

– На воле поговорим?! В обманке выясним, кто трусливый дракон, а кто и вовсе не дракон!

– И кто же?!

– Ссссс!!!!

– Фрсссссссссссс!!!

– Прекратите! – Уррс призвал с интонацией Гелиотропа. – Давайте подумаем… Принюхаемся что ли. У кого какие азимуты прослушиваются?

– Да хоть бы все! Что толку, когда они через степень, не вырулить! – огрызнулся дракон Суприори.

– Ну, ползком через завалы ползи! Прямиком в море выползешь. А там, кстати, и Троп! Сссс распроссстёртыми объятиями!..

Дискуссия развернулась, перешла на дроидское эсперанто… Вкрапления драконьих ругательств. На общедраконий… Шипение. Фырканье. И окончательно развернулась на необщем дроидском, на языке перезвона Туманных Морей.

Гром и Отто на пару, переглядываясь уже как друзья, разглядывали клокастую бородку пламенной драконессы и думали, что в этом мире никогда не будет скучно.

– Метки! – фыркнул Уррс на эсперанто. – Метки вылетят, им хоть бы хны!

Айн молчал.

Амаль потешалась.

Дракон Суприори отчаивался:

– Кому ты метку пошлёшь?! Чего ты напишешь в ней?! Что мы по У-Гли стосковались? Гелиотроп, забери нас отсюда, мы замёрзли под землёй? Пришли нам угольков из У-Гли?

– Своим напишу…

– Что?

– Э… – фррр… Нууу…

Амаль энергично закивала:

– Браво-браво, текст, что надо! А как лаконично сформулировано!

И разразилась весёлым, заразительным смехом дроида желания! Уррс собрался злиться. Не получилось.

– Люди! – воззвал дракон Суприори. – У вас

есть какая-нибудь мысль?

Тишина…

– Чего ты от них хочешь? – недоумённо фыркнула Амаль-Лун. – Я вниз просочилась, мне и наверх карабкаться. Авось вылезу.

– А в какую матрёшку складываемся? Кокон что ли?

Уррс замотал головой:

– Кокон-свит не выйдет.

Амаль уничижительно хлопнула пятизрачковыми глазищами:

– Во-первых, выйдет! А во-вторых, матрёшкой надёжнее – с каждым в отдельности. Полазаю, чего…

Айн поднял лицо и вслушался счёт-орбитами в тракт, пропустивший их.

Покачал головой:

– Не выйдет. Я вижу его, значит, тракт разрушен. Его чинить Тропу под силу, – и добавил, – я ухожу? Я не нужен здесь?

Драконы обернулись.

– Везёт тебе… – кто профырчал, кто подумал.

А Суприори подумал: «Не уходи».

Присутствие этого дроида, высшего счётчика вещей невозможных и отсутствующих, овевало его целительной свежестью. Холодным по холодному. Как вечерний ветерок из сада. Травы росисты, на ночь закрылись цветы. Благословенный ночной покой задувает в склеп – холодный в холодное…

Этот дроид видел его. Дракон услышал, а этот - видел. Ровно то переживание, о котором говорил ушедший док-шамаш: не глаза, покой послезакатного неба смотрит на мнимого киборга, как на песчинку, как на ладони.

Такова его функция: Айну не требуется специальное отождествление с человеком. А растождествление невозможно.

Айн стремился к контактам с людьми меньше, чем какой бы то ни было 2-1. Но он услышал «не уходи», верней, услышал отсутствие намерения человека произнести это слово. Отговорку знал и воспользовался ей на автомате…

– Сформулируй конкретнее, – холодной скороговоркой произнёс дроид.

Чтение мыслей державший за глупую сказку, технарь удивился безмерно. Люди и дроиды вслух-то прескверно друг друга понимают!

Так же на автомате Суприори переспросил:

– Сформулировать что?

Дроид завис. Меж продолжением и непродолжением диалога. Который сам без нужды, неосторожно начал! И естественно, не ушёл, что и требовалось: шах и мат!

Кое-кому, а именно Густаву, в отчаянном противоборстве с августейшим гаером не приходил в голову такой примитивный, такой бесстыдно дурацкий ход: ответить вопросом на вопрос!

Уррс неисчерпаем!

– А если послать метку – улитке?!

Амаль, в технических дроидах не разбиравшаяся, как дракон, а как дроиду желания, ей они и вовсе ни к чему, стрельнула десятью зрачками на Айна… «Дело он говорит или как?»

Спокойно-преспокойно Айн, творение и подопечный двух выдающихся технарей уточнил:

– Уррс, ты состоишь в переписке… с улитками?

– Нет! – оскорбился дракон, стеганув по полу

хвостом

Искра на языке загорелась.

Амаль расхохоталась.

Айн педантично продолжил уточнения:

– Тогда кому и кто метку пошлёт?

Спокойствие высшего счётчика непробиваемо.

– Я!.. Ссслушайте… Ты выходишь через необщую форму, так?

–Так, – кивнул Айн.

– Амаль-Лун без матрёшки и кокона легко просочиться так?

– Ди, – кивнула Амаль.

– Один из вас оставляет мне личную пустую метку. Там на воле кто-то из вас хозяина метки перекуёт в улитку. Ведь ты, Айн, умеешь ковать? В Амаль огня хватит. Я выпускаю метку. Улитка ловит мой азимут и прогрызается к нам. Без никаких дроидских штучек мы выходим!

Смеялись уже и люди! Не зря столкнула их судьба – с непосредственностью Уррса может сравниться лишь непосредственность Отто! Но и он не предложил бы так, походя Белому Дракону стать улиткой грызущей!

– Ссславный, хорошшший мой уроборосс, – прошипела Амаль-Лун в его же стиле, – ошибка природы и трёх тупых белок… Не нассступило ли время, ведь ты сколько-то-там фазный, для следующей фазы?..

Прошипела так выразительно, что великанский дракон отпрыгнул! Уши прижаты, морда в сторону, как от огня, хотя Амаль-Лун искрами не плевалась.

– …давай прямо тут изсс тебя улиточу сссскуём?.. Отсюда прямо наружу и грызи… Авосссс сссс направлением не ошибёшьссся… Знай, от Юлы в зенит забирай!..

«Топ-извёртыш, действительно…» Уррс дальше попятился, сворачивая за Отто невзначай. Друг расправил плечи и мужественно заслонил его! Символически. Всерьёз.

Смеялись поголовно, Суприори и Айна не исключая!

Однако, в самом деле, пора что-то предпринимать.

Айн сел на пол, пластилиновую пыль размел в тонкий слой. Чертил что-то пальцем…

Драконы и люди ждали.

– Фавор поёт в тишине… – задумчиво произнёс он.

Пословица эквивалентная человеческому: ночь темнее всего перед рассветом.

– Владыка Порт, – упомянув покровителя, он поклонился слегка, – многажды говорил: орбитой к трону, радиусом с трона. Он ругался так на грубость и спешку, на торопливость… Но у нас ситуация противоположная… Нам и требуется – с трона… Из этой плотности… Как на вашем эсперанто топ, из которого создано вот это помещение?..

– Обсидиан? – догадался Отто.

– …обсидиан… Неживая порода, от морской недалеко отстоит… Значит, улитка должна быть проще, чем для сухого лазуритового топа. Уходим радиусом за улиткой вослед. Уррс, – Айн поклонился дракону, – ты решил. На улитку грызущую, бескарманную, незапасающую, топ у меня есть, а в у вас есть огонь. Её делаем и следом за ней выходим.

Испортили они, конечно, зал. Опалили. Драконий огонь не шуточки. Пока дроиды улитку

ковали, люди прятались в соседнем зале.

Получившаяся улитка, ни на какую улитку и близко не походила. На винт корабельный, на вентилятор. Она вгрызалась в обсидиан с лёгкостью и яростью.

Драконы прониклись трепетом к счётчику-конструктору, написавшему схему без вспомогательных дроидов сходу и без ошибки, а люди прониклись к дроидам вообще. Они редко видят, да крайне редко и происходит это: подчинение дроидами непосредственно материального мира, артефактного. Полюбоваться же улиткой в работе им почти не удалось. Приходилось держаться в отдалении.

Продвигались спиральным, круглостенным тоннелем со скоростью прогулочного шага.

Периодически, разрушенные Ухо, промежутки сменялись уцелевшими помещениями Стриж-Города. Дааа… Тут есть чего отнимать Чёрным Драконам… Но куда ж это надёжней-то спрячешь?

Улитка вывела точно по архитектуре, в последнюю - парадную залу и остановилась перед неодолимым для неё препятствием… Айн зарделся, коваль, узревший неудачу своего творения. Агрессивный вентилятор большим мотыльком бился в парадную дверь.

– Как-то улиту бы остановить и перенаправить?.. – осторожно фыркнул дракон Суприори, заметив смущение конструктора.

Мудрствовать не пришлось. Уходящий Докстри оставил ключ будущему докстри…

Гневный вентилятор был собран Айном в горсть, пойман за лопасть и смят как фольга от шоколадки. Дроиды могущественны…

За дверью последние несколько сотен метров они прошли, озираясь в тревожном восхищении. Обсидиановые пещеры блистали смесью огоньков обычных и кроваво-красных, пульсировавших, бессильных исчезнуть, соль, соль, соль.. Искристый иней на чёрном обсидиане. Дышать трудно и людям, и дроидам. Но те не обгоняли и Айн не ушёл.

На поверхности им открылись Горькие Холмы.

Полоска побережья вдали, туманного. Серый, светлый день. Неживое, необитаемое место. Ни для кого не подходящее, от дракона до самой тупой тени. Соль, соль, соль… Горькая соль. Под землёй, на земле, в воздухе…

Как-то им захотелось на этой соли присесть. На пороге скалистого холмика входа. Не поговорить. Посидеть.

– Что ты за дроид? – спросил Суприори Айна.

Тот механически среагировал:

– Сформулируй вопрос конкретнее.

Дальше молчали.

Пейзаж. Горькие Холмы. Белизна, благородный минимализм пейзажа… Если б не воздух, не горечь, вдыхаемая глоток за глотком.

Посидели на дорожку и разлетелись каждый навстречу своей судьбе.

Потеряв дока, Гром стал именно таким, каким и задумывалось. Ради чего доком избирается тот, кому уходить скоро… Каким становился каждый в лунном кругу, при всей разнице характеров, от разбойничьих до коллекционерских. Равностным, невозмутимым, утратившим голодный блеск надежд в глазах.

Он заново взглянул на лунный круг. Всё, что у него осталось. Углов не обнаружил в этом кругу.

Гром вырос разом. Ответственность и сосредоточение.

На каштаны, на экстатические видения в лунном кругу тратилась звериная страсть. Хватало. С покрышкой. Вне его шаманиец спокоен, как киборг, выдержан, как холодный дроид.

Суприори сломался. Ему оставалось - безоговорочно поверить старому шаманийцу, который ушёл у него на глазах, который по крайней мере, умел высказать, непостижимое обычным людям. Суприори подчинился Грому беспрекословно, и это лучшее, что мог он сделать.

Гром не спешил. Несколько лет они провели на правом крыле, чтоб Суприори элементарно набрал массу и увеличил рост. Приблизился в крепости к требуемым стандартам.

Правое крыло спонтанно, опасно в любом случае. Но все бои, которые назначал и курировал, прошли без сюрпризов. Некая аура распространялась вокруг Грома-шаманийца, соперники принимали его условия или не приближались. Нахождение рядом Чумы окончательно отбивало охоту дерзить у самых

безбашенных.

Чуме досталась голубятня Суприори.

Неожиданно для всех, знавших его, особенно для разбойников Секундной Стрелки, Чума стал хорошим распорядителем голубятни-сокки… Вроде не любитель… Да и слава про голубятню, как про сокки для сокки…

Говорили, что по ночам изредка приходит, хлопает в ладоши перед пологом дама, чьи шали и юбки оторочены красным сиянием… Говорили, что по утрам уходит не одна. Говорили, что не поймёшь, идёт ли за ней голубка или плывёт по туману?.. Как отравленные тенями по мелководью плывут… Болтали, ясное дело.

Голубок среди сокки прибывало. Чума оказался щедр, приветлив, надёжен. Строг: его голубок не обманывали с оплатой.

Но и убывало… Несколькие единоличницы строптивые пропали куда-то.

А бывало, и это уже не болтовня, днём приходила дама в полной птичьей маске. Пока шла, в центральных богатых рядах шептались: «Галло, галло…»

Галло прогуливалась по Оу-Вау с какой-

нибудь сокки-голубкой… Как все делают, как обычно. Но затем не находили клиенты и друзья именно эту голубку в тесном лабиринте сокки-голубятни… Наверное, плохо искали.

03.11

Уррс унёс Отто с кувырком в зенит, к Гранд Падре, на безобманное поле.

Улетел Гром, взять паузу перед возвращением в Шаманию, продышаться от солёной горечи в жёлтых, целебных цветах Архи-Сада.

Пропала Аномалия-Лун в хитром, как клубок старых меток, как её улыбка, кувырке.

И Белый Дракон Суприори исчез, не проявлялся в покое.

А Суприори остался сидеть на белом камне, жгущем солью голые ладони. Ждал Грома, что ему жёлтые цветы. Айн остался рядом, Айн, не отвечающий на вопросы. «Не уходи…»

В Суприори билась одна человеческая мысль,

как улитка грызущая недавно билась в закрытую дверь, с той же бессмысленной, яростной настойчивостью. Он хотел поднять глаза и увидеть голубое небо. «Почему нет?» – думал он. Он и раньше об этом думал. «Солнце, как излучатель, могу допустить, по какой причине, закрыто от нас. Но почему неба нет?» Странный вопрос при очевидном размахе облачных миров, но для технаря правомерный. Ощущая себя лучше в присутствии холодного дроида, Суприори хотел как-то задержать его, заболтать что ли…

– Кто ты? – спросил он, попытку вопроса упростив.

Ответ последовал сразу, куда уж конкретней.

– Я дроид.

«А если до бесконечности повторять?» Ничего на ум не шло.

– Кто ты?

Не прокатило. Айн чуть склонил голову к плечу и вопросительно промолчал.

– Почему мы не видим голубого неба? – задал Суприори единственный занимавший его вопрос.

Счётчик небытия направил строгие глаза вверх и снизошёл ими обратно – до Суприори, до

ответа!.. Увы, не ответив...

– Я спрошу...

Здорово. Только на этом всё. Дроид понял человека буквально и актуально. Исчез.

«Это не к спеху...» – успел подумать Суприори. Прогнал, спугнул, молодец. Остался один.

Вечерело.

Он смотрел глазами киборга, ощущением киборга знал, как поднимается вдалеке над морем стена тумана, как готова перекатиться через прибрежные надолбы соляные, каменно-соляные хребты. Знал, что тени пойдут в ней, что спящие тени поднимутся вокруг из солёной земли.

Боялся? Наверное. Отчасти. Какая разница, когда нет возможности улететь. На Мелоди, вспоминал, бывало ещё хуже. Ещё тоскливей.

В полёте – больней, ветер режет, встречный. Бессмысленность, иллюзорность движения обнажается. В полёте хуже всего. Суприори-киборг осознавал, что остаётся на месте, что нет движения, как такового, принципиально нет. И единения нет с драконом...

Либо тени покончат с ним, либо Гром вернётся до ночи.

Сполз с камня на чистую соль, рыхлую, рассыпающуюся как крупный песок. Запустил в неё пятерни до влаги и увидел корень Впечатления, невиданного никем прежде него.

Не зря выход из обрушенного, захоронённого Стриж-Города располагался над Шаманией. Просочилось?.. Притянулось?.. Кто знает, ведь и в океане Свободные Впечатления притягиваются сами по себе до тех пор, пока не обретут исходное состояние, не сольются в связные, существовавшие когда-то. Подобное к подобному.

Не видел, но по замиранию Огненного Круга, по внезапной холодной тоске, Суприори узнал его.

Тайный, мелькавший изредка в каштанах, он никого особо не интересовал среди Шаманийцев, этот недостриж, сверхслуга. Чего глядеть, ни «фьюить!..» по горлу, ни пажеской тайны...

Раскрывшееся перед Суприори Впечатление, без колючей скорлупы сгустившееся до

концентрата корня, предъявило «слугу шлюза».

Под шлюзом имеются в виду не вертушки под Стриж-Городом, а понятийный шлюз. Смысловой. Кастовый.

Во Впечатлении словно наяву, напротив незадачливого жулика, морального киборга, будущего шаманийца стоял «вербовщик». Он излучал власть. Излучал обещание власти. Реальней человека, ближе дроида, с призраками каштанов несравнимо, проявилось Впечатление вербовщика стрижей. Грандиозное, подавляющее…

Только не Пажа! «Привет, замшелые байки!..» – подумал когда-то неромантичный, несуеверный Паж, услышав от Докстри, как вербовщика звали… Люцифер всякого их них звали.

Оправданное имя. В амуниции, созданной против гравитации и трения атмосферы, ходящий со скоростью полёта, Вербовщик светился сквозь тонкие «полётные» доспехи, украсившие грудь, бёдра, лоб, предплечья и голени… Плечи, где не было погон стрижей… Он был похож на актёра из труппы внизу, под балконом. Там шумел уличный театр: смех, музыка, бархаты, шелка, перья,

меховые боа, аплодисменты…

Над сборищем, над театральной сценой, над площадью Вербовщик светился, знакомым неоново-синим, светлячковым огнём. «Неоновым» его шаманицы называли, прежние названия точней: «крип и ксен». Сквозь латы светился «криптоном, ксеноном» вербовщик, с латами вместе. И глаза светились. Горели тускло, тяжело, будто мутные звёзды сквозь голову, от горизонта ада.

Площадь шумела, труппа срывала овации. Вербовщик смотрел на отбившегося от стаи, обделённого и отвергнутого актёра. И повторял: «Все и каждый… Все и каждый…»

Мертвенная, холодная тоска окатила Суприори и застыла на нём ледяной коркой, как до первого включения Астарты, когда с пика её на Южный Рынок смотрел: «Все. Каждый».

Во Впечатлении губами человека напротив, Суприори повторял общеизвестное прозвище вербовщика. Не Люцифер, нет. «Ксен – чуждый он…» – шептались простые люди, чуждый. «Крипт – скрытый он…» – так называли стрижи. Между этими двумя прозвищами лежало главное, настоящее имя, оно же – подпись и печать.

«Кровью? – усмехнулся когда-то циничный, несуеверный Паж. – Огоньками дроидов договор

подписывали?» Нет, достаточно было произнести его главное имя: Люцифер. И поклониться, когда ставит клеймо в основание шеи, схему под завтрашние погоны.

Никакой мистики – имя считалось за договор, голос – за подпись. Отпечаток стопы, ладони тоже подходит. Слово проще всего.

Этот актёр, видимо, не хотел, не планировал переходить из актёрской в стрижиную касту. Чтоб не сломаться и не произнести, он отчаянно, непрерывно шептал общеупотребительное: «Ксен, Ксен… Фобос, Фобос…» И так называли вербовщика, боялись его.

А Люцифер повторял наработанное. Тупо, в упор. Вариации, тонкости – лишнее в его деле. Не его искушение толкнёт в спину, а их готовность искуситься.

Он говорил, он твёрдо обещал, что на следующий же день новый стриж пронесётся над головами всех своих обидчиков. Потому что он прав, они осуждены. Тише, как положено, вкрадчивей клялся, что соль земли – власть. Повторял, что он, Люцифер предлагает ему власть.

Напряжённый как стриж, убедительный как

король борцов, из которых вербовщика и выбирали.

Вербовщик излучал жажду той власти, которую предлагал. Он излучал, – Паж без труда понял это, – неутолимое желание самому быть стрижом! Евнух среди них… Через руки Вербовщика проходили сотни людей навстречу с погонами, недоступными ему… Первый светлячок, горящий между человеческим, которое терял, и кибер-стрижиным, в котором ему было отказано. Жуткое состояние.

Производное лжи. Того, кто станет Ксен, Крипт, Люцифер, профессора заведомо выбирали из самых эффектных внешне борцов. Давали резаки, позволяли войти во вкус и под надуманным предлогом отнимали их. «Отработаешь вину, завербуешь стольких-то, получишь назад стрижиные крылья». Этого не происходило никогда, потому что с ходом времени Вербовщик становился всё успешней.

Не в ксеноновом свечении тела под латами, не в словах и не в тоне, свободно преходящем от вкрадчивости к угрозам и обратно, смертная, ледяная тоска заключалась в том, что каждый знал: он не лжёт! Не лжёт! Бери!

Люцифер – вербовщик обиженных. Люцифер – оружие слабых. Люцифер, изнанка дроидского, Дарующий-Силы эпохи стрижей!

Он обещал, он исполнял, он только слегка не договаривал… Едва склонишься перед ним, едва подставишь плечи под клеймо, едва поклонишься «Люцифер…» Сахар и соль земли лягут в твои омертвевшие руки безвкусными навсегда. Сахар не сладкий, соль не солёная. Потому что отныне ты – киборг, киборг, киборг! До последнего заката, до бессмысленной, ночной стрижиной дуэли, освобождающей разом от жизни и от погон.

«Киборг, добро пожаловать!.. Ха! Ха! Ха!..»

Это – ни докстри, ни раздосадованная профессура не поправили: завершив сделку вербовщик смеялся! Гомерическим, рвущимся из утробы демоническим хохотом… Имидж к чёрту. Не мог иначе. Он и сам не понимал, почему. На претензии плевал, но удивлялся, что бессилен сдержаться. Он чувствовал себя отомщённым в этот момент.

Завершив Астарту, Суприори ощутил вот эту конкретно тоску, ледяной туман. Редко бывает, когда течение вынесет ледяное крошево со дна, а

бурун подхватит и бросит во всадника, неосторожно снизившегося над морем.

Суприори тогда заключил сделку. Он смирился с ледяной тоской, видя грядущую власть, тоскуя и ужасаясь. Заключил вслух!

– Люцифер Южного Рынка – Астарта… – произнёс он тогда.

Имя, крутящееся в корне Впечатления, поразило его.

Айн появился так же внезапно, как пропал. Строгий силуэт дроида возник внутри очертания вербовщика, внутри его света и шёпота: «Повтори… Произнеси… Как зовут меня, ты же знаешь…»

Дроид перед человеком ровнёшенько возник, как положено, с чётким докладом:

– Не знаю. И никто не знает.

Морок пропал. Суприори вздрогнул и рассмеялся.

Характерный парадокс заключён в ответе высшего дроида-счётчика-небытия. Понимать его

надо, как «все знают».

В каждом дроиде второй расы сохранилась память о той необходимой поправке, когда их технологии вынуждены были служить кибер-технологиям, однозначно суицидальным против человеческой природы. Непереносимая ситуация.

Поправка такая…

В легендах самых разных эпох и народов нечисть боится солнечного света, не успев спрятаться, физически разрушается при нём.

Облачные хранилища парили над Отрезанным Городом, над вертушками, над башнями профессорских школ, над Стриж-Городом, отнюдь не заслоняя солнечного света. Его синь и голубизну они не затрагивали. Для кибер-механики каждого следующего поколения таковое положение становилось всё более неудобным.

Солнце попросту – очень сильный и здорово широкоспектровый излучатель, а механика точна, ей не требуется, её портит. Едва подстроишь вилку какую-нибудь отправляющую мозги на запредельную скорость расчётов, отсекая пространственное ориентирование, как утренний

час сменился полуденным. Излучение совершенно другое. Над эффектами, привносимыми кибер-вилкой в мозги, случайные зрители от смеха рыдают, кто с вилкой в башке, от ужаса. И опасно, и жутко, и неэффективно. Требуется что-то принципиально поменять.

Профессора думали извернуться похитрей, движимые гордостью и обычным для узких специалистов недоверием к общедоступным, лежащим на поверхности решениям, презрительным недоверием. Но хитрые ходы упирались в глухую стену.

Людям не привыкать пользоваться тем, принцип работы чего для них мистика, устройство секрет, даже настройка – магическое действо. В дроидские времена стократ, повсеместное явление. Ещё до автономных дроидов, проектирование в науке и прикладной механике свелось к запросам для технических дроидов. А уж там они сами между собой выбирали пути решения, обращаясь к заказчику лишь в поворотных точках. Раз, тысячу раз. Суть не меняет, вручную расчёты подобного уровня людям не произвести. Тонкость сборки тоже доступна лишь дроидским моторным, ниже субатомного уровня, манипуляторам. Дроиды не спешили осуществлять расчёты и сборку кибер-механики… Саботажники.

Когда солнце в очередной раз подложило в троянского коня вместо кибер-воинов кибер-свинью, некий профессор стукнул кулаком, постановив:

– Большой, громадный зонтик, и баста!

Но и зонтик-то, достаточный, чтобы закрыть планету от солнца, вручную не сошьёшь. Надо побудить дроидов. Запутать их. Следует учитывать и то, что однажды раскрытый этот зонт должен стать неубираем, иначе какой смысл? Дроиды просекут фишку, на кнопку нажмут, он и сложится.

Тогда было задумано и осуществлено преступление всемирного масштаба. Дроиды, от момента возникновения не помышлявшие о войне с людьми, потерпели в этой односторонней войне сокрушительное, крупное поражение. А нет поражений без контрибуций.

Газовое оружие принадлежало к запрещённому издавна. Слишком просто, слишком без выбора.

Оружие, применённое профессорами, было именно газовым, сплошного действия. Против

своих. Против человечества. Им нужны были заложники. Они взяли в заложники человечество целиком.

Не летальный газ, он произвел мутацию…

Видоизменение людей не позволило им пользоваться облачными хранилищами в тогдашнем состоянии. Что означает, и влага связных Впечатлений не усваивалась телами, ни как образы прошлого, ни как влага.

Оперировать мельчайшими дроидами тела профессора не могли, но ломать не строить, испортить смогли запросто. Примитивный модулятор погудел и выдал ядовитую дрянь. Распылённая кибер-механика была настолько мала, что связалась с дроидскими основаниями и не подлежала извлечению, иначе как «пинцетом», вручную. Ни автономными дроидами регенерации, ни техническими, обитающими в теле, она не воспринималась как дефект.

У кого бы из них, старейших дроидов, спросить, разве что у Гелиотропа: поняли они, что произошло? Что случилась не техногенная катастроф, а намеренная провокация? Интересно спросить, но в итоге неважно. Хитрый расчёт профессоров оказался верен, дроиды пошли путём наименьшего сопротивления. Изменения внесли не в людей, а в структуру облачных

хранилищ…

Распростёрся повсеместно пасмурный день над ещё не уничтоженными взрывом Морской Звезды, безжизненными континентами, и только Стриж-Городом протыкал его Клыком главной башни, где Томас-докстри сидел за пианино кодировки, ещё далёкий от раскаяния, но уже близкий к помешательству.

С Клыка впервые днём, – многолюдным днём, а не ночью, озарённой карнавальными огнями! – сорвались из широких балконных окон стрижи. «Фьюить!.. Фьюить!..»

Со спины…

В лобовую…

Плечом на горло…

Оборот вокруг резаком…

Едва прикасаясь…

Едва-едва…

«Фьюить!..»

Дать стечь обмякшему телу с указательного пальца…

Рядом атаковавший стриж на указательный

резак принял жертву, закрутился до шеи в шею, до смертоносного объятия…

Смерчики смерти уходили в землю. Бульвары пустели. Была паника.

Но вскоре налёты стрижей будут восприниматься, как явление природы. Погодное явление вечно пасмурного неба.

Смеялись они там, в бастионах школ, как смеётся победитель своей силе и удаче? Ужаснулись на миг? Не верится. Они же – профессора, а тут разом столько свеженького материала. В виварий, срочно.

Когда-то единицу яда измеряли в мышах… Одна ядо-мышь, сколько надо, чтоб мышь сдохла. Профессора и Томас-докстри считали в «бульварах» эффективность оружия, сколько сотен метров в толпе на полной скорости прорезал бы, стриж, не замедлившись. Скольким отрезал бы головы.

Исключая киборга-Томаса, о раскаянии профессоров дроидская история умалчивает.

В стрижах осталась рудиментарная тяга к солнцу.

Высота Клыка позволяла его видеть. Тягу сохранила, как ни странно, кибер-механика резаков, плотно объединяемых с телом, и сконструированных прежде кибер-газа. Не как нужное, а как противоположное ей, как сахар шаманийцам, стрижу солнце. Закаты были особым временем, которое стрижу не пропустить. Потому на закатах люди могли гулять по бульварам спокойно. Ночи по-прежнему доступны стрижам, но… После заката тянет разлечься, растечься. Стрижи сделались полностью дневными птицами.

Лишь иногда толкнёт что-то… Стриж сядет резко и смотрит на пятно луны за облаками, на прямоугольник погон или раскрытые сброшенные резаки.

Это ещё не та, далеко не та ночь, в которую он сорвётся вниз, не чужого ища, а свою шею подставляя. Но та уже маячит, близится закат, когда стриж переведёт взгляд с пылающих облаков на собрата и прочитает в его глазах их общую мысль: «Сегодня. Пусть один освободиться, ты или я».

Их дуэль будет в полную мощь.

03.12

Густав заполучил енота!

Живой артефакт достался ему от мима в награду за выкупленного друга.

О, впервые с момента прозрения и утраты сумасшедше довольного Густава поглотили сиюминутные хлопоты!

Архи-Сад радовался за него, но не то, чтоб сильно радовался еноту… Живой артефакт оказался сродни торнадо, неутомимым злым и диким.

С первых минут очевидно было! Густав тащил его на шлейке по мощёным дорожкам сквозь заросли, уговаривал, хохотал, собирался обратно звать дракона и лететь верхом до шалашика в Архи-Саду. Енот тявкал и щерился, небрежно по характеру задуман, создан для красоты. Красота удалась, остальное соответствовало мгновению, в котором занесена над гостем превращающая рука: спешка, неуверенность, раздражение… Густав – ликовал, подарок сверх меры щедрый.

Бесстыдно предъявил Селене мохнатое, ощененное зло:

– Иди сюда, луна Великого Моря, и

восхитись! Гляди, каким муси-пусей ты должна была стать! Жалеешь, что я передумал, а?

Не смутился и присутствием позеленевшего от такой наглости Изумруда!

Когда Изумруд сильно злился, Чёрный Дракон реально отдалялся от него, кожа зеленела и сила падала вполовину. То есть, падала – бы… Ведь, охотясь в море, на теней и чудовищ Изумруд не злился никогда. Зачем? На что? Легендарной мощи Чёрного, Злого Господина ничего не грозило, увы, для его противников, увы!

Как ребёнок Густав возился с живым артефактом.

Облизывал прокусанные пальцы. Расчёсывая шубку, повторял: «Я люблю тебя, енот! Ты - мой енот!..» Енот на это не вёлся, и кусал, невзирая на лица, людей соответственно территориальной к нему близости.

Кормил. Постоянно кормил. Вот с чем не имелось проблем!.. К недоумению и раздражению Архи-Сада живой артефакт поглощал всё что ни попадя. Проваливалось оно в енота, как в бездонную бочку, куда девалось там, одни дроиды знают! Сластями Густава уже никто не угощал, смысла нет. А этой штуке пускай траву заготавливает! Что не мог съесть, енот разбирал. Не поддающееся – ломал. Остальное

воровал и прятал. И был в этом неутомим. Да, кроме того, от него разило, как от енота! Короче, идеальный питомец!

– Облезет он у тебя!

Полушутливо, полусерьёзно хмурился технарь Карат, когда Густав в очередной раз тащил купать зверюгу в искусственном прудике Архи-Сада.

– Я отнюдь не уверен, как в живых артефактах регенерация срабатывает.

Пока мокрый енот отряхивался и обсыхал, попутно рвясь прополоскать стыренный у Рори букетик в удивительно вонючих, зверюге под стать, береговых водорослях, Густав выбирал среди ароматических пудр из Шафранного Парасоля, какой шкурку опшикать. Розой? Фиалками?

– Зачем, Гут, ну, зачем?! Ты ему ещё жилеточку с юбочкой на Краснобае пошить закажи!

Фразу закончить не успел, как повстречал с земли распахнутый взгляд енотовладельца:

– А что? Отличная идея…

«Скоро холодно, толкучка ветров между сезонами… Бывает живым артефактам холодно? Наверняка».

– Нет надежды? – участливо интересовался подошедший Бест.

– Нет, никакой нету, – скорбно покачал головой Карат Биг-Фазан.

Такой шебутной, мохнатый компаньон и нужен был Густаву, чтобы вынырнуть из глухой тоски.

Он очень хотел оживить енота. Карат, смеясь над ним, тем не менее, имел уже мысли в каком модуляторе реально подготовить «впрыск», распускающий отрезки заблокированной схемы.

Возражал, однако:

– Тебе не нравится, что он однообразен? Не обучаем? Повторяется иногда с точностью до взлая и разворота башки? Так он и не станет другим. Он зверёк! Гут, подумай немножко, таким, как есть, он будет при тебе всегда, пока не наскучит. Оттого, что зациклен! Самодостаточен! Корм ему в шутку, вода, питьё в шутку. А после понадобится вода, чтоб жить. Но Впечатлений он не увидит! Умней – не станет! Зато станет

конечен. Схема, которая сейчас по кругу вертится в нём, развернётся, перебрав всевозможные сочетания, закончится. Их меньше, чем в нас, Гут, он ведь зверёк! Рассыплется на огоньки, ты без игрушки останешься.

Густав думал. Но думал он не о том. А о том, что оживший енот перестанет его кусать, выслушает и поймёт… Что дальше, Густав не думал. У него не было дальше, было только вчера.

Когда испарилось вчера, забрезжил следующий день, на енотовую морду мокрую указал лучом из рамы Собственного Мира: не он ли твоё освобождение?

Обладание желанной игрушкой возымело и побочный эффект.

Пустой, погружённый в тоску, продуваемый как сито, Густав меньше страдал от корня Гарольда. Он бодрствовал без мыслей, спал неглубоко, в полудрёме успевал сбежать от ужаса разъярённой громады, вздымающейся из бешеных волн, уклониться, проснуться.

В первый же день, наигравшись со зверьком, Густав упал без задних лап, енота до того замучив, что рядом дрых, а проснулся от своего

крика… Случилось же такое пробуждение не раз и не два, а повторялось каждую ночь. Архи-Сад рад бы помочь ему, да как?

Помощь пришла со стороны.

Мутноглазый некрупный парень появлялся в Архи-Саду ради настойчивых просьб Амиго, записывавшего его майны сразу в гига-вирту. С парнем торговцы Южного Рынка передали комодо по имени Гут, обитающему среди изгнанников, коллекционное Впечатление – енота. Заискивающий подарок. Паж прост, голубем ему поработать не трудно.

Прежде чем уединиться за майнами со стилусом в руке, вместе с обмирающей от предвкушения красоты и тайны, Соль…

…как Амиго шипел на неё, отвлекавшуюся постоянно при звуках невероятных майн! «Пишшши!.. Соль, мы договаривались?» – «Да, да…» Шептала она. В гига-вирту, достопримечательность Архи-Сада, запечатлевали сразу, потому что, не говоря о простой, требующей нотных значков, и голографическая бумага не сохранит архитектуру звука. Стилус позволял зафиксировать, гига – сохранить, но Соль останавливаться не должна!

Отвлекаться! Иначе ряды текста и звука разойдутся. Амиго скорописью не владел.

Так вот, прежде чем предаться ранним, росистым утром этому приятному занятию, они, Соль, Амиго и гость Архи-Сада, свернули к шалашу Густава. Нет, крика не застали, но Густав вышел к ним цвета мертвенной прозрачности, знакомой Пажу по морским травмам. Тогда Паж ничего не спросил. После, между делом выяснилось, что да, есть проблема… Густав, опытный чуткий комодо, отметил и запомнил снисходительную надменность в реакции Пажа, счёл за предложение торга, со стопроцентной вероятностью – торга за блеф.

За майнами Паж остался в Архи-Саду до вечера.

Горел зелёный костёр, вытягивался, танцевал.

Енот присмирел, живой артефакт гипнотизировало многоцветно-зелёное пламя. Белая коряга каменного дерева лежала причудливой саламандрой в огне. Пажу нечасто доводилось сидеть у костров, и совсем не приходил в голову каменный лес, как дрова.

«А здорово получилось. Приучить кого-

нибудь из богатеньких и приторговывать дровосеком!»

К смолистому, тёплому аромату можжевеловых опилок коряга примешивала прохладный, глубоководный запах, близкий Пажу. Каменный лес не пахнет тревогой, относительно безопасное место Великого Моря…

Хорошо и тихо. Народу много, но так темно и тихо, то – будто мало.

Густав тянул через соломку енотовое Впечатление, закрыв глаза, улыбаясь блаженно. На фоне слабой улыбки его измученность проступила как пятно ядовитой тени из-под успокоившейся прибрежной воды, когда оседает муть.

В кругу костра, напомнившем ему лунный круг, в Паже вдруг заговорил док-шамаш, и он дал себе труд раскрыть рот.

– Гут?

Густав вздрогнул и очнулся:

– А?

– Ты, помнится, нарушил воду Гарольда?

Густав вздохнул. Зачем отвлёк? Помнится… Всем помнится, хоть с кляпом во рту спи.

Паж уплыл дебрями своего косноязычия:

– Дак, э… Что, то есть?.. Неужели он до сих пор шубу растит и воет?

Неприятная манера торговаться. Настолько свысока…

- Воет… Слышно, да?

– Слышал, – согласился Паж, не так поняв его. – Раз шесть, не помню уж, сколько подставляли меня, а в первый-то я сам! Из любопытства попробовал, оу, глоточек!

Густав круто развернулся спиной к костру и сел напротив демона.

– Паж? Послушай… Я провёл жизнь так, что издеваться надо мной – делать одолжение, бить – оказывать милость. Как охотник на всё, что движется, как последняя тварь я провёл жизнь. Но не смейся надо мной. Скажи просто: вот моя цена. Я не верю, прости, на битую ракушку не верю тебе. Но ты хочешь сказать, я готов выслушать.

Густав покосился в сторону и вдруг помрачнел:

– Ты хочешь… – енота?

Искренний смех Пажа, чью улыбку-то раз в

сто лет видали, убедил Густава в искренности демона безоговорочно! Комодо фальшь умеет отличить.

– Нет, оу! Нет, ха-ха-ха!.. Что я с ним буду делать?! Нырять верхом? А?.. Оу-ха-ха!.. Гут, по бездомности мы с тобой примерно равны. Уж предположил бы, что отниму твой шалашик! Но енота забери! На что он мне, вонючий, кусачий?.. Ну его нафиг!

Успокоился и серьёзно спросил:

– Так что тебе помешало сплавить тень из его шкуры и бивней? Неужели настолько боишься позеленеть? Каждую ночь свидание – лучше? Или чего боишься? Что присущая тень, что вырвать – ад, больно, не сможешь? Это пустые страхи, с ног на голову: вырывают, чтоб заиметь, сохранить. Если тебе сохранять её не надо, возле Огненного Круга задержи, она испариться, вся недолга. Сразу только! Сразу, а то заморочит, оу, и вырвать себя прикажет и тебя сожрёт. Но это – пустое, если – сразу, если на берегу в тепле, если знаешь, что делаешь, не те проблемы, так как-то, э… да…

– О, дроиды… Уважаемый демон, земли и моря господин, это я понимаю, знаю и, наверно, могу. Но он… – большой! Громадный! Ты видел?! Ты, как и я, трогал, нарушал воду Гарольда?! Ха-ха, не верю. Ну, если видел, вспомни - насколько

большой! С чем его сплавить, Гарольда? Что станет ему равновеликой противоположностью, а?.. Что?.. Что подобрал ты?

– Эээээ… – протянул Паж. – Э… да… Сочувствую. Если б я начал так заморачиваться… Оу, не знаю, чем бы и кончилось…

– То есть?

– Да какой же он большой, когда это - корень Впечатления? Капля?

– Ужас от него большой… Сквозь всё проходит, сквозь любой сон…

– Эээээ… Ну… Э, да… Так-э, это ж и удобно.

– Удобно?! Офигенно удобно! Ты с Ноу Стоп, кажется, впервые мы там встретились? Я не удивлён.

- Эээ, Гут… Удобно для сплавления. Выбирать не надо. Что угодно годится в пару. Расположи строго по диаметру Огненного Круга, вот они и есть две противоположности. Остаётся форму выбрать. Чтоб даже случайно Впечатление Гарольда не стало формой тени – строго по диаметру, на противоположных сторонах. А годится любое… Любое без жути и малого накала, лёгонькое – ему противоположность.

Густав сжал кулаки и переспросил:

– Ты так делал?!

– Да, – терпеливо повторил Паж. – Не единожды. У тебя нерафинированная вода, что я принёс? Отлично. Глотни морской, чтоб в памяти поднялось, рафинируй Впечатление на две части. Скажем, вид енота и, – тявкает он там? – голос енота. Гавканье сплавляй, а вид для формы оставь, чтоб легче схватить. Мохнатый Гарольд станет мохнатым енотом! Ещё та сатана выйдет! Оу, это не вырвать наружу, особенно новичку… А жаль!..

Демон ошибся.

Не то, чтобы мысль нова. Так или иначе, к ней подходили даже дроиды. Черный Дракон Ауроруа однажды в холодную ночь, – Архи-Сад тогда рассвет встретил блистающим от инея, – обвил её и Селену излучающим жар чешуйчатым хвостом. Дракон беседовал с девушками, пока их парни, спасаясь от подступающего холода, выделывали что-то замысловатое на борцовском ковре.

Мало-помалу изгнанники собирались к дракону поближе, к излучающему мраку. Распределились в итоге между ним и жар излучающим светом – костром. Все хотели заснуть поскорее, миновать холод ночной. А Густав нет. Он пытался не спать. Он чувствовал

далёкое море, туманом не дотянувшееся, но сырым ветром долетающее сюда.

Аурoруа дремала, Селена перебирала вслух самые прекрасные Впечатления, когда-либо выпитые ею. Не стукнет ли Густава: вот он, противовес Гарольду. Густав улыбался признательно и устало. Явь противостояла Гарольду, бодрствование, и ничто кроме.

Дракон спросил:

– Господствующий над первой расой, правда ли, – дроид не очень доверял Рори, даже для него её ум представлялся лишку оригинальным, – что пакеты категорий для вас – цифры в ряду? Цифровой алфавит?

– Ммм? – высоко-интеллектуально переспросил Густав.

– Пакеты, платформы? – повторил дракон и перечислил. – Вероятность, Пребывание, Выход, Остановка, Взаимосвязь…

– Что, ммм-мосвязь?..

Рори сонно приподнялась, свет костра превратил в зелёный металл платину её кудрей, и перевела на человеческое эсперанто:

– Один, два, три, четыре, пять…

Гибким кончиком хвоста, отведя шип в сторону, дракон обнял её за шею и уложил

обратно, спи.

– А этот ряд… платформ, он где-то кончается? – попытался Густав. – Или все наши цифры для вас – пакеты… с чем-то?

– Хаос, Предел, – завершил ряд дракон.

– Шесть, семь, – перевела Рори.

– Ну, да… Понял, цифры в ряду… Нет, ну… Ты же сам… Для вас они что-то другое, значит… Как я могу ответить? Мы вообще о разных вещах говорим.

– Об одних, – возразил дракон. – Для нас они иначе устроены. И по этой причине не могут находиться в ряду.

Великолепно. Густав выдохнул.

Рори села, оставив хвост, как боа, на шее, и решила изложить закономерности:

– По семь включительно слагаемые приобретут качества суммировавшего их пакета. Если разложить на другие слагаемые, они передадут свои свойства суммировавшему пакету. Действие имеет приоритет над сущностью, итог над началом. Один плюс один, не две Вероятности, а Пребывание. Сходится, да, парное созидание дроида… Пять через три, вычитания нет, пять через два, если смотреть в пять, как через три или две прозрачные грани

пятёрки, – будет равно, соответственно, две Взаимосвязи, окрашенные большая Выходом, меньшая Бытием.

– А дальше семи, – вмешался Амарант, – что там за математика?

– Там обычная практически. Только учитывать надо, что и она будет из этих пакетов.

Селена обратилась к дракону:

– Дроид, если ты способен вообразить Гарольда, ночной кошмар, жуткое видение, на какой пакет он похож, по-твоему? Что надо сложить, обнуляя вектор?

– Обнуляя?! – рыкнул громадный ящер на слово неприятное, удивительное ему, сказалась общедроидская тенденция сохранять. – Обнуляя?! Зачем? Выход. Триста шестьдесят. Нули прочь. Он после любого Бытия. Всё равно. Совершенно. Абсолютно. Не нужно мне знать, кто был ваш Гар-р-рольд и как он ж-ж-жуток.

Дроидская хитрая, непостижимая математика, их лексикон и алфавит, вот какая: в ней есть только сложение. Исключительно.

Разговор зашёл с гуманитарных материй. Кто-то в Архи-Саду поссорился с подружкой,

голубем Южного. Цокки-горлицей назвал, а это не всякой по нраву. Искал примирения и надумал с дроидом посоветоваться.

Гостил тогда в тенистых зарослях Дрёма.

Тёплый лукавый дроид приподнял брови. От удивления даже невесомый шарфик взлетел над его широкими плечами: чего ж хитрого в твоём вопросе?

– Подари ей что-нибудь! Что она любит?

Сота покачал головой:

– Дарил… Ещё придумаю.

– Выбросила?

– Нет же! Мы общаемся, мы нормально вроде… Она не такая стала ко мне. Странный ты дроид, как простой торговец мыслишь. Какое отношение имеют артефакты с слову? К обиде? Скажи, как мне обратно перемотать, чтоб как было…

– Никак, – пожал плечами дроид. – Вперёд перелистни!

– Небо и море… Не понимаешь ты меня, ты тоже.

– Или ты не понимаешь? Страница закрывает страницу. Тебе это надо?

– Это. Не закрывает.

– Правильно, не закрывает.

– Господин дроид шутит со мной?

Рори послушала их, покачала головой и Дикаря призвала, чтобы тот перевёл с эсперанто на эсперанто:

– Господин дроид хотел сказать, что – правильно не закрывает. Иными словами, закрывает, но неправильно.

– Этого не требуется, – усмехнулся Сота.

Дрёма возразил:

– А иначе никак.

И пошло-поехало про их математику.

Можно добавлять. Прибавлять. А отрицательные числа, да, имеются, как отрицательные поступки.

– Гляди, – наклонился дроид к человеку, – в обидных словах, что обидно, что худшее в них? Что люди равновелики. И чьи-то обидные слова – они всегда величиной, размером с произносящего их человека. А тот слушающему

равен. Они смертельны в любом случае, слова. А извинения? Они того же размера… Плюс ещё. Тем больше, чем больше ты прелистнёшь страниц.

– Звучит хорошо, – Рори больше интересовала формальная сторона дела, – но к чему они плюсуются? Тот, смертельный, минусовой раз, он делся куда-то? Разве?

– Ты очень умна, изгнанница прекрасная, золотая орбита света вокруг Дарующего-Силы! Не делся. Плюсуются и к нему. Проблема…

Аурoруа была нетерпелива, как всякий кого похвалили:

– Проблема, что и она, та, что принимает подарки и извинения, плюсуется встречно!

– Да!

– Отвергает, выбрасывает… Плюсуется. Такая выходит толпа народа!

Сота вернул их на землю, слившихся в философском экстазе:

– Где выход дроид?

– Ну, уж точно не там, где вход! Это ваши глупые человеческие поговорки. Что сделано, то сделано, не вернуть. Иди вперёд, там узнаешь.

Густав знал.

Но это такой совет, произносить который лень, до того бессмысленно. Далеко выход, очень далеко. Зато – в любой стороне! Иди куда хочешь, болтай что хочешь, дари любую ерунду. Просто будь рядом. Выход – характеристика времени, количественное понятие. Что-то там вдалеке начинает происходить с их дроидской, бесконечно плюсующей математикой, какой-то там неизбежен фазовый переход.

То есть, Густав сталкивался с подобной логикой и, конечно, задумывался над тем, чтобы предпринять попытку сплавления тени наобум, лишь бы кошмар прекратился, наконец. Не мог… Ведь ему грозила даже не смерть, даже не встреча лицом к лицу с – Этим, а превращение в – Это…

Но появился Паж, парень, который не рассуждал по цифры и пакеты. Паж сказал: «Я. Я делал это». Густав взглянул ему в глаза, сквозь тинистую мутную плёнку посмотрел в глаза полудемону-полудроиду и поверил, обретя всё, чего недоставало ему. Решимость.

Не желая мучиться лишнюю ночь, позвав

Изумруда в помощники, теней отгонять, Густав направился к морю. Зашёл по колено.

Блистали огоньки Туманного Моря дроидов, играли всеми цветами, исключая красный.

Черпнул пригоршню и сделал глоток. Отправил всплывшее в уме тявканье енота в кольцо Огненного Круга…

Тем временем и Гарольд всплыл от морской воды… Гарольд был тут как тут. Вынырнул из памяти, закружился у сердца, холодя, задевая… Крутился и облик енота с другой стороны - противовес.

«А что если Свободные Впечатления вымоют из меня енотов облик раньше, чем Огненный Круг сблизит и сплавит их вращение?» Густав любовался на меховой комок, явственный до зримого.

Благодаря такой концентрации - виртуозной и точной, тень, будучи сплавлена, пала в облик мехового зверька без дополнительных усилий!

Жар, вихрь…

Потемнение в глазах…

Готово!..

Новоявленное Чудовища Моря – Густав попытался её схватить, тень-енота! В уме схватил!

Зрение металось между там и тут. Густав запутался, испугался, решил, Амарант упустил живой артефакт, а тот примчался на побережье! Саднящая боль прошла вдоль сердца и всё: тень в руках.

Тень излучала туман. Облизывалась туманным язычком. Холодная. Склизкая в мехе… Густав выронил её…

Под пологом тумана и огоньков, он увидел, как, преображаясь, меняя лапы на плавники, тень-енот убегает в штормящее Великое Море. Стремительный шар. С любой стороны морда. От чёрной, глянцевой точки «носа» расходятся усы-лучи. Над блестящими, глянцевыми "глазами" брови-лучи. Стрекала нюхо-глядящие, вовремя Густав уронил её.

Получилось что-то близкое к Морскому Ежу. Кто-то встретит в Великом Море, кто-то удивится. А если человека сожрёт его тень, телохранителя Густаву не видать как своих ушей… Он ощутил её жадность, её побужденье напасть, и нерешительность сделать это. Умной сплавлена, против создателя не пошла.

Изумруд усмехнулся, лихо.

– Уничтожь её, прошу, – сипло от першащей в горле морской воды выговорил Густав.

Изумруд прислушался к океану…

– Спешить некуда… Кругалём пошла. Перелеплю, если ты непротив.

– Тогда она не моя?

– На две перелеплю, чтоб ты был спокоен. Они точно будут не твои.

Пообещал и нырнул в туманное море.

Не от хищной тени Густава ждал подвох, Изумруд исполнил обещанное.

Проводив Чёрного Господина взглядом, Густав поднял голову. Ему почудилось розоватое проясненье зари. По времени рано, но у горизонта под розовым бликом катится зеленоватая будто волна… Выше соседних… Уплотнение огоньков, наверное. Перезвон их в тумане стал плотней, согласованней, не разговор, а хор… Блик «зари» взмахнул чем-то, как флагом, зелень гребнем перекинулась, и всё пропало.

Густав не чувствовал ни облегчения, никакой перемены. Усталость, отходняк.

Не будя Амаранта, спавшего в гамаке, он отвязал мехового дружка от дерева, к себе потащил подмышкой. Помнилось Густаву, что особенно дружески живой артефакт в этот раз прокусил ему палец.

Близилось утро нового, совершенно нового дня.

03.13

Ну что… Подвёл Густава енот, подставил.

Он не виноват, конечно, хотя… На тот момент мог быть виноват, он уже не являлся живым артефактом! Живым являлся, а не артефактом! Но шлейф что ли тянется от момента хищнического созидания таковых?.. Некая общая судьба.

Причём тут енот, причём милый зверюга? С неотразимыми полосками чёрной полумаски, наглым носом, с лапками-ручками, дважды наглыми, со всё возраставшей склонностью на задних лапах вальяжно пройтись. При чём эти умные-разумные глазки?.. Хитрые глаза никогда не без грустинки! Разве такой лапуся может быть в чём-то виноват? Кроме прокушенных пальцев,

неустанных попыток к бегству и несчётного числа украденных, погрызенных, испачканных вещей? Обнаружат его в тряпичном гнезде, и проникновенное урчание сменяется бессовестным, возмущённым лаем! Воем. Кто его побеспокоил, в поисках любимого пледа?! Как вы посмели?! "На, забери, твоё! Сиди, не скандаль!.. Хочешь абрикосик?» – «Рррррр!.. – «У-сю-сю!..» Смех, да и только.

Густава подвёл не енот, а свойство, которое часто губит и вполне достойных людей: законное собственничество, лице, в морде енота, исподволь подкравшаяся алчность: мой, моя зверюга.

А как начинался день… Хорошо начинался!

Карат Биг-Фазан в Архи-Саду появлялся не то, что бы часто. Без интереса ему. К девушкам приходил, к Аурору а и Селене. За ними приходил, на Техно Рынок позвать, дорожки мощёные почитать за компанию, их свежим взглядом, какая будет интерпретация.

В тот день объявился с самого утра. На ковёр к борцам выйти согласился, размяться.

Сота уговорил, трепет испытывал перед легендарным Пепельным Фазаном. Но Фазан

был рассеян, хоть и безукоризненно точен. Соперникам баловство одно, главный его козырь, скорость - не перенять. Она от множества небесных поединков наработалась, от схваток в высоком небе, где замедлено всё. Ещё от природы. Темперамент: приземляясь пушечным ядром, мощь приземления без паузы вложить в удушающий захват… На ковре среди изгнанников, взлетая и падая, кувыркаясь, Биг-Фазан чувствовал себя балериной какой-то, глуповато чувствовал. Великоват он и резок для этого ковра и для этих борцов, ладно, не грех развлечь людей.

Селены не было, Рори, осведомлённая Каратом кое о чём, шлялась вокруг неопределённо загадочным выражением на лице… Поглядывал на енотовладельца. Любопытно, прецедент. В эпоху высших дроидов такого ещё не бывало…

Ранним утром-то Большой Фазан в высшей степени по делу прилетел, енота вернуть. Чтоб хозяину не ждать, не беспокоиться.

Густав доверял другу, поклявшемуся специально разобрать дорогой инструмент, чтоб не попортить чужую собственность. Поклялся не в «рубанок», на стружку за стружкой, живой артефакт разглядывать, а сквозь вынутые линзы.

Исключительно – поглядеть. Не прикасаясь.

Совсем никак не трогать.

Карат клялся, левую руку, от забывчивости подняв, хищник. Глаза – полумесяцами, щёки отчёркнуты приторной улыбкой охотника. Вечно такой.

Вчера, получив согласие, сцапал зверюгу за шкирку, шлейки не отстегнув. Развернулся, взмахнул тяжёлыми чёрными косами и утащил добычу в сквозной шатёр Пароля.

Сквозь линзы смотрел, как обещано. Ха-ха-ха. Обещано – исполнено. Оно, правда, не требовалось…

Распыляемая добавка к схеме живого артефакта готова… Посмотрел, посмотрел… Да и опшикал из тубы.

Нехитрая, безболезненная операция…

Енот - брык… На спинку повалился и лапки подогнул! У Карата оборвалось сердце. Огненный Круг замер. Чу?.. Скулит… Да что же это такое?!

А это первое, что решил сделать живой-уже-не-артефакт, притворится дохлым! На всякий

случай. Вокруг ужасный, огромный, незнакомый мир.

Карат перевернул животное, к массивным стационарным линзам, освобождённым от кожуха, поднёс и опять посмотрел… Всё равно ему куда, хоть на шерстинку, лишь бы не выпавшую…

Да! Победа, торжество разума над грубой материей! Что дроиды зациклили, технарь расциклить смог!

Суженная часть схемы пропала. На её месте, раскручиваясь, растрачивая себя, стояло что-то вроде катушки. Она и есть – невеликая, ограниченная, но реально свободная воля зверька. Конечный процесс, исчерпывающий схему.

«Ты хотел, – мысленно воскликнул Карат, - Гус, курсик мой, получи! Эх, была у тебя до этого момента бессмертная игрушка, стала смертная, как ни крути. Без Огненного Круга в тушке меховой. Ты сто тысяч таких переживёшь. Рассыплется енотыч твой на огоньки дроидов, ты расстроишься, я получусь виноват».

Ничего не поделать, всюду свои издержки. Густав с тем же безрассудством желал настоящего зверька, живого, с какой Карата интриговал эксперимент.

В радостном возбуждении от успеха, от миновавшего испуга технарь нёс кусачее чудовище обратно. Как, когда Густав заметит произошедшую перемену? В чём она проявится?

Енот не изменился внешне. Привычки его не изменились тем более! Однако долго ждать не пришлось.

Биг-Фазан вообразить не мог, как Густав привязан к артефакту! Насколько изучил его - от и до.

У живых артефактов имеются повторяющиеся движения, всегда. Такие мини-связки последовательных действий. Они воспроизводятся часто или редко, но обязательно полностью, если уж началась связка, то идёт до конца. Енот долен был почесаться задней лапой и затем развернуться в другую сторону, носом подвигать. Густав знал, помнил. Вместо этого…

Нос сморщился, чихнул, и острозубая пасть выхватила из рук половину, ему же предназначавшегося, абрикоса!

Густав не сразу понял, он читал. Остановился… Положил закладку… Потряс головой… И увидел за енотом, за клумбой, под

лозами кустов вытянувших гусиные шеи от любопытства Карата и Рори…

– Ты шутишь?! – догадался Густав.

Вскочил на ноги.

– Ты сделал это?! Тебе удалось?! О, Карат, ты высший дроид Техно Рынка! Что же теперь, как мне с ним? А еда, а вода?! Всё то же?.. О, енотыч же хитрей сто раз будет! Теперь он точно сбежит!..

Лучше бы на шлейку взглянул, на карабин разогнувшийся! Енотыч уже доказал, что сбегать не собирается. Что он – енот Густава.

– Гут, гут! Феноменально!..

Похвастаться? Естественно! Биг-Буро? Ему первому!

На Южном-то Рынке енота и попытались стащить. Густав вспылил. Раньше толкнул вора, чем понял, что делает. Не подумал раскаяться. Впрочем, какая разница, поздно.

Это случилось на обратном пути.

Сладкий ряд Оу-Вау вынес лавочки своих роскошеств, без торга, рекламировать, завлекать, знакомиться.

Ароматные воды в соломках, чтоб не сомневались люди, не боялись оливку выпить невзначай. Соломки очень длинные, воды, сиропы налиты с чередованием, разным цветом отмечены, красота. Как будто заросли травы вдоль обочины. Цвели сахарные зонтики, дополнительное лакомство спрятано в полураскрывшиеся сахарные бутоны.

За травой же не поле, отнюдь… Шатры торговые, со срезанными верхушками, для похищений подходящие… В частности, шатёр Смерча. Прозвание оттого, что скрывался как вихрь стремительный, ни разговоров про откуп, ни промедления.

Есть такие, фанаты превращений в мирах, технику тренируют, сосредоточенность, им торговаться на рынках не за что. Смерч носил маску тигра, шатёр редко покидал.

Сколько раз в былые времена Хан-Марик выныривал из-за плеча Густава здесь, возле полога, откинутого до узкой обзорной щели… Возникал, чтобы безупречно, коротким толчком

завершить безошибочную охоту комодо… Ни осечек, ни сомнений. В чём ему сомневаться, в похищении у похитителя?.. Всё продумано. «Дважды безупречный Марик, Хан-Марик… Дроид Марик… Хан дроид…» Густав понял, что не один год избегал сладкого ряда и этой части Южного Рынка из-за болезненных воспоминаний.

Зазевался он, пробуя сироп, енота держал подмышкой. Сквозь соломки просунулась рука и выхватила мохнатое чудо. Перелетев лавку одним прыжком, сокрушая сладкие, хрупкие заросли.

– Смерч, что за дела?!

Но грабителем оказался не хозяин шатра.

Бестолковый воришка не придумал ничего лучше, как искать спасения за откинутым пологом, ха, идиот. Смерч был на месте… Не изменился, контрастные полосы тигриной маски чернеют в полумраке. Кажутся жёлтыми глаза, обращённые к свету дня, усиливая сходство с тигром, а зрачки от сияния пирамидки – голубыми.

Отнимая зверюгу, одной левой, сокрушительным кулаком в грудь Густав отправил

вора на острие торговой пирамидки, и вышел, как в старые, недобрые времена, на пойманного не взглянув. Воздушный поцелуй послал ему вслед хозяин, щепотку пальцев целуя прорезью маски меж объёмных тигриных клыков:

– Гус, хорошо поймал! Гроза рыночных воришек, сюрхантер Гус, прежний Гус, комодо!

«Да пропадите вы пропадом! Нечестно! Несправедливо!»

Долгие годы не чувствовал ни тепла, ни зла. На неудавшемся грабеже Густава захлестнула детская, горячая обида. Едва-едва выправляться начала кривая-косая жизнь! Отвыкал ждать ночных кошмаров, истреблённый, как корень Впечатления, в обычных снах Гарольд являлся ему ещё долго, претерпевая модификации… Едва обрёл что-то дорогое, желанное… Как проклятый, как заколдованный – хлоп, размечтался, Густав! Та же история, что и с Собственным Миром! Сразу, сразу жизнь хочет отнять! Испортить, разрушить!

«Как Собственный Мир?.. А как он там поживает, мой Собственный Мир?..»

Про утрату телохранителя Густав подумал мимолётно: «Задержался ты при мне дольше,

чем можно бы предполагать, Чёрный Дракон, прощай».

По утрату Я-Владыка, растерзавшего слух и сердце охотника своими стонами, подумал со злорадной ухмылкой: «Самое время, значит, навестить свои пески. Наконец-то высплюсь в тишине! Гай, вон, тысячелетиями так жил, зачем я, дурак, мучился?»

Переходя из мира в мир, существует эта каста тёплых дроидов, отдельного семейства они не имеют, свободно по дроидской сфере не гуляют.

«Вовеки не увидимся, не услышимся, прощай!»

Серьёзней Густав задумался, что станет теперь с его статусом «господствующего над первой расой». Будет ли Августейший откликаться? По-прежнему ли явится к нему ради словесных поединков?.. Ничего путёвого они не приносили, но и без них Густав не мог. Бесил совет от гаера повторяющийся, никчёмный: «Лети к себе. Сон лекарство для вас, вода и Собственный Мир». Дроид, что ты, плешивое чучело можешь знать о нас, людях?

Совет вспомнил, вспомнил заодно нерушимую надёжность входной рамы. Вот где

енотыча не грабанут. Всё как-то сошлось. Не время ли последовать совету паяца? Самое время.

Подобно Оливу когда-то, измученному безысходной тоской, Густав сделал рывок в её сторону, раз невозможно от неё, пусть. Не регенерирует, не заживает? Ещё выше отрежь.

От шатра, возле которого Марик реален до галлюцинации, Густава качнуло туда, где и вовсе нетронутой осталась память о нём, где последний раз были вместе. В песках и ливнях… Под ливнем, созданным дроидской рукой… В золотом песке, дроида творении…

Не слишком красиво с его стороны, но на тот момент Густав забыл про Архи-Сад. Его стукнуло уйти, а в затворники часто уходят, не попрощавшись. Енот и он.

«Там не стащите, провалитесь вы сквозь землю!»

Полёт его был недолог, решимость бестрепетна.

Дракон перекувырнулся на подлёте и зашвырнул всадника прямо на раму с енотычем в обнимку.

– Хулиганский дракон, нельзя так! А если б выронил? Ты бы ловить стал?!

«Друг мой, друг мой…» - выстукивала трещотка за рамой, звук разносился между облаков. Густав спрыгнул, отпустил енота и всем существом прислушался…

– Нет! Нет этих чёртовых стонов!

Никто не поёт, не вытягивает душу! Лишь трещотка: друг мой, друг мой…

Мохнатый комок деловито направился вниз по барханам, скатываясь, утопая в наполовину золотом песке.

– Умница, енотыч, домой идёт, чует куда!..

Густав последовал за ним, торопясь до ежевечернего ливня.

Клока мысленно обругал. И раз, и два, и три: незатихающий звук трещотки. Что вблизи, что в дали, она звала одинаково.

– Друг мой, друг мой… Удружил, скотина! Да чёрт с ней, всё равно лучше скрипичных стонов.

Да, трещотка была веселей и легче, но в особняке её звук доносился из-за каждой двери, буквально, звал. Когда помнишь слова, из

мелодии их не вытряхнуть.

Обходя свои подзабытые владения, за енотом вослед, куда он, туда и хозяин мира, Густав явственно слышал вместо пощёлкивания зовущее: «Друг мой, друг мой…»

– Скоро она голосом петь начнёт! Нет, один раз я из дому вылечу… Придётся!.. За шкирку притащу его, пусть превращает во что угодно беззвучное!

Густав сворачивал и сворачивал по пустым комнатам, по паркетным залам. Еноту надоело рыскать, что-то раскапывал в наметённом по углам золотом песке, а хозяин нарезал круги сквозными комнатами, будто ожидая найти источник звука… Прятки… Как на облачных рынках, прятки, догонялки вслепую. Все с завязанными глазами, а один с колокольчиком или поёт: «Ловите меня!»

Густав улыбнулся воспоминанию, тем более приятному, что на том рынке он не охотился… – когда за очередным поворотом мелькнула прядь чёрных густых косм…

Сойти с ума – боязнь универсальная, полудроидов она не обошла стороной. Густав помертвел, остановился. Прислушался.

Без спешки, мягко ступая, подошёл. Выглянул… Никого в зале. Чёрные космы мелькнули теперь за входной, дубовой дверью. Густав толчком распахнул её. Тяжеленная дверь раскрылась без спешки…

Внизу широкой парадной лестницы, на фоне сияющей золотой пустыни, с чёрными волосами до колен стоял он самый, Хан-Марик. Диковатый, одичавший дроид, на тронного владыку вовсе не похожий, а похожий на прежнего Хан-Марика. Смущённый и нахальный, по-собачьи преданный. Улыбался, пинал песок.

Зовущая песня Я-Владыка – «друг мой, друг мой…» – изливалась от него, освещая барханы Собственного Мира.

Они долго бежали по осыпающимся пескам вверх, скатывались вниз…

Как раз в преддверии ливня, когда безумная туча начала сгущаться вдалеке, грубый Густав догнал Марика, сбил с ног, припечатал к земле за волосы, и долго-долго, отчаянно долго смотрел в лицо. «Серые… Тигриные, жёлтые… Нет, серые…»

Тигриные? Ну, конечно! Смерч!.. Не один владыка Там хронический нарушитель, на Южном осталось порядком его соратников. Для дроидов одно баловство, без подмены, игра в похищение: птичка, улетай.

Ни засмеяться, ни заплакать. Густав нависал над дроидом, как туча вплотную к земле, нерафинированная тоска, темнеющая, когда уже некуда темнеть лихорадочными глазами. Придавил, навалился тенью на золотой дроидский свет. В кулаках песок и чёрные космы.

– Хан, до чего же… Как же я…

Лишку слов, толпятся, а не хватает.

– …люблю тебя, – прошептал Марик. – Я люблю тебя, люблю.

Поцеловать, не дотянуться.

– Пусти, Гут… – хмыкнул. – Гус, пусти, что я енот тебе? Дракон тебе, за гриву держать?.. Гус, пусти!

– Не отпущу.

Им нашлось, что обсудить, когда ливень

прошёл, когда мокрые, золотые, насытились друг другом и успокоились слегка.

Надо мебель в особняке завести что ли, хоть на втором этаже, который не затапливает. Или гостя звать, менять погоду. Нет! Больше никаких гостей!

На балконе Марик сделал из себя Густаву кресло, тёплый дроид, обнял, покусывая то за плечо, то за ухо как дракон, целуя. Енот пришёл. Взъерошенный, извалявшийся в золотом песке. Носом поводил, фыркнул, чихнул и ушёл вразвалочку, обернувшись за балконной дверью. Рассмеялись, зверюга определённо ревнует! Обозревали ночь в золотой пустыне и ближайшее будущее заодно.

Положение сложное и довольно-таки комичное…

Марик покинет Собственный Мир лишь в том случае, если Густав теряет статус чистого хозяина. Но не может же дроид подвигнуть человека на такое! Да и Густава полностью устраивало, что дроид, ха-ха, заперт тут!

Другой вариант. Непосредственно по месту службы, в золотых песках Собственного Мира Я-Владыка должен учудить что-то уж совсем запредельное, что сделает из него нарушителя экстра уровня, достойного извлечения Тропом.

– А что именно может повлечь такие последствия?

Густав спрашивал, но толку не добился. Марик смеялся! Хохотал.

– Нууу… – тянул Марик. – Я даже не знааю… Отродясь не делали так…

Врёт, ой, врёт!..

Меж тем, вернуть трон тёплый владыка намеревался твёрдо и в ближайшее время. Тем более, ничего не требуется, кроме как выйти! Трон берегут для него.

– Хан! – рычал Густав. – Дай ты мне передохнуть! Утихни!.. Ну, что тебе не сидится?

– Насиделся! – справедливо отвечал Марик.

– Придумай лучше как мне плешивому отомстить! Как прекращаются дроиды?

Тут Марик вскидывался:

– Забудь-ка, а?

И повторял за Фортуной едва не дословно:

– Страж – дроид сложной структуры и судьбы. Игровой дроид «для, против» людей…

– Но он – дроид? Или он может меня…

Прекратить? Дай мне оружие, Хан, дай схему, как его изготовить, дай карту, где найти! Хан, поперёк горла мне, как гаер надо мной поиздевался!

Марик вскидывался ещё круче:

– Не может, но забудь! Забудь, Гут, выкинь его вообще из головы! Объективно: что он говорил?

Густав повторял, и Марик бесстыдно, бессовестно смеялся!

Руки простирал, к справедливости взывая:

– Но ведь правильно говорил?! Хороший совет давал?!

И Густав срывался на хрип:

– Он знал! Знал! Знал!.. Знал, что не полечу!

Марик хватал его и держал сильно:

– Знал. Тише, знал… Убедить не мог.

– Как не мог?! – вырывался Густав. – Одно слово! Гнусный гаер, одно слово! Чего мне стоило его молчание! День за днём, год за годом!

– Гут, тихо, тихо… Кто есть Августейший, подумай сам? Он – ограничитель дроидам желания. Он – Страж Закрытого Семейства. Он – не мог. Ну, и не хотел, конечно же! Мы выйдем, Гут, скоро оба выйдем, счета у меня к нему основательные… Раскрутим, что было, закрутим

по-новой…

– Марик…

– И вообще, Гут, я вижу только одну схему, опробованную Доминго. Хватит разлуки, Фавор! Ты станешь дроидом, меньшее из зол… Я возвращаю трон, как минимум… Так что, не Марик, Гут, привыкай называть меня владыкой! Давай-ка потренируемся…

Владыка, как есть, прилетал ему крепкий подзатыльник! Отомщённый крепким поцелуем.

– Не может прекратить… – размышлял Густав. – Тогда в чём дело? Что он может?.. Да говори уже прямо!

Марик процедил, неохотно, но процедил всё-таки:

– Он может тебя отнять.

«Эээ…» – что-то подобное подумал Густав. Более чем скептично. «Это лихо, это поворот, конечно. Ну, заодно и луна на землю упадёт… Непосредственно с высоты прошлой эпохи! Эх, Марик-Хан, ну что ты несёшь?!»

Незамеченное сразу препятствие маячило и в упомянутом плане.

Сделавшийся дроидом Индиго был обычный человек, Доминго, предшественник его, тоже. А Густав был «господствующим над первой расой дроидов». Что суть физическое изменение в тигле Огненного Круга, в малых тигелях ладоней, единократное и необратимое.

Прецедента, чтоб дроид второй расы господствовал над первой не бывало. Его и не вообразить. Не говоря о третьей.

Каким же дроидом он станет? Сразу первой расы, слившись с нею и с Мариком вместе? Это не входило в планы последнего. А Густав бы согласился, он очень устал. От жизни вообще. Очередной тупик.

Смущало-таки Густава бормотание Марика, повторявшееся на самых неожиданных виражах рассуждений: «Вот поэтому он может тебя отнять… И в этом случае он может тебя отнять…» Чепуха какая-то. Единоличник Густав, не дроид, человек, гордый, деспотичный, заносчивый – обыкновенный, настоящий человек, и при Марике-то себя подчинённым не мог вообразить! Становиться каким-то дроидом? От этого племени не видел ничего хорошего. Но исподволь Марик внушал азы, которые позволят неизначальному дроиду ориентироваться в понятиях и эсперанто.

Немного о дроидской математике, в связи с общедроидским языком.

О, это по-настоящему интересная тема!.. К сожалению, почти не поддающаяся адекватному раскрытию.

К примеру, откуда берётся этот мелодичный, постоянный перезвон Туманных Морей? Это разговор, ясное дело, но почему такой? Для непосвящённого продолжительно-однообразный… Потому что это разговор пустячный!

О погоде? Добрососедские ядовитые сплетни? Вот и нет! Тут пролегает отличие дроидских пустяков от человеческих: у людей пустяки – предмет разговора, а у них – плоть, слова. Они разговаривают «пустяками», возможно, о чрезвычайной теме. О конструкции базового человеческого кода… О свержении главного трона, – привет, Доминго, об этом разговоры среди одиночек не прекращаются вообще! Но слова они используют легковесные, пустячные по смыслу, а по форме – очень длинные. Прямая зависимость.

Внимание, начинается математика…

Отдельно стоящее слово имеет максимальный вес. Дополненное стоящим рядом и относящимся к нему - половинный. Конкретность исходного понятия при этом убывает. А не наоборот, несмотря на то, что…

Дом – целый вес. Дом красивый – половина дома. Красивый – целый вес. Красивый очень – половина веса. Бежал - целый вес. Бежал быстро… – значит вдвое медленнее!

Дальше идут дроби и сложные дроби дробей.

Они все, всегда и только – плюсуются, хотя: третье будет отнимать вес у второго, которое благодаря этому вычтет у первого не половину веса, а меньше, но вторгается четвёртое, и так далее. А бывают их сотни в цепочке.

Аналогичными понятиями и ведут дроиды лёгкий, светский разговор.

То есть… Сказать коротко, для них означает – сказать резко и грубо. Это вызов, либо приказ.

В случае приказа от трона негатива нет, наоборот, это как бы даже кайф, конкретный вектор.

На турнирную же площадь выходя, они

обмениваются порой тоже весьма конкретными, но совсем другими словами!

Момент… Дополняющие слова могут стоять как до, так и после основного. А уведомлять собеседника, какое собственно основное, никто не обязан! Язык интриганов. Дроиды желания – асы в нём.

Промежуточное положение между тем, быть расплывчатым или грубым, занимает присоединение к основному слову цифр. Являясь буфером и указателем между ним и дополнениями, цифры расставляют значения на свои места. По рангу.

На подобном языке ведутся все серьёзные обсуждения, особенно инициированные четырьмя тронами.

Особняком стоит присоединение к основному слову какого-то, уж никак, ни с какой стороны его не дополняющего. Не относящегося

к нему. Противоположного по значению, по вектору. Это… Очень трудно объяснить… Реально трудно… Больше всего похоже на предложение сделать выбор. Но… Внутри одной категории.

Говорящий как бы держит два яблока в руках и предлагает взять одно. Сделать поворот разговору, перемену вектора. Загвоздка в том, что абсолютно не видно, какое зелёное, какое красное, пока не возьмёшь! Не видно, о чём речь! А когда взял, русло беседы уже изменилось! Вектор.

Согласился, подписал пустой договор. Теперь гадай, заговорил владыка Сад о «мокром пламени», потому что, хотел тебя, Мокрый-След пригласить в семейство? Или рассчитывал у тебя выпытать про антагониста дроида Пламя-Свечи, который получает метки из семейства Дом прямым, запрещённым способом… И так далее, и тому подобное…

Насколько дроидские интриги сложны. Отсюда понятно, какую живую симпатию дроиды испытывают к турнирной площади, где от болтовни могут отдохнуть!

До кучи: каждое и любое слово может принадлежать в первой расе к холоду или теплу.

Дом, красота, бег – могут быть тёплыми или холодными. Разных степеней. Слова «тепло» и «холод» не исключения! Холодный-холод, холодное-тепло и тёплый-холод, тёплое-тепло – четыре совершенно разные вещи. Сложения векторов трудны!

03.14

– Возникшее строго одновременно, возникает из единой точки пространства… – вещал Гелиотроп голосом машины, чистым и просвещающим, как сакральный звук солнечных часов, для того создан, тем богат. – Собственная размерность пространства из коих набрана вплотную, без промежутков.

Ходящие на задних лапах Чёрные Драконы и стулья имели под себя приспособленные: спинка-подлокотник с одной стороны, с другой дракон садился и назад отводил мощный хвост.

Такие сосредоточенные в полукреслах, старательные… Нижняя лапа кое у кого вцепилась когтями в перемычку ножек, держащих не иллюзорный вес, драконы внимали

конструктору. Приближённые и усмиряемые вместе. Последних ошейники отличали, но помимо шипастых стальных полос ничто.

Гелиотроп считал, нет лучше метода, привести к послушанию, чем просветительские экскурсы в самого себя, а значит и в историю, и в азы конструирования. Открытость успокаивает, внушает доверие, даёт пищу уму.

– Из единой точки пространства в единый момент времени может произойти лишь одно событие. Иными словами, бесконечность, любое число вещей. Иными словами, не произойти. Ибо – едины, не различны. Для перехода на следующую ступень необходимы: фиксатор, то бишь, свидетель процесса, и произвольной силы импульс, который позволит… Что? Жду версий.

– Плешивому вбить его плешь до самых пяток… – мрачно прорычал низкий, едва различимый как рёв, драконий голос из тёмного уголка У-Гли…

Гоби, седой со лба, обернулся, нахмурившись, тряхнув прядями густой гривы. Драконы в ошейниках хохотнули в унисон.

Гелиотроп улыбнулся:

– Жмёт? Иди, я поправлю.

Рык, слов не содержащий, раздался в ответ.

Не так давно Августейший, – отчего лишний раз не развлечься шуту, почему Стражу в бою не размяться? – на иронический зов братишки откликнулся, и в кузню на огонёк зашёл… Раз уж братика тут кусают, помочь, придержать…

Как раз в тот день Большая Стена прикатила нарушителя их своих, чёрного ящера осенённого отличной, но не слишком новой идеей: дроиды желания и Чёрные Драконы по праву силы должны дроидской сфере задавать каркас.

Идея эта здоровая в основе, недаром она приходит независимо под разные ящериные черепа. Действительно, если дать им волю, главами семейств будут исключительно дроиды желания. А направлять запрос от Восходящего, противозаконно скорректировав его, будут они, чёрные ящеры, к тому, кому сочтут нужным, чей манок им понравится. Беззаконие. Помимо прочего, при таких тронах семейства утратят специфичность. Беззаконие и болото.

Августейший глубокую его неправоту дракону глубоко и всесторонне разъяснил. Да так, что следы клещей остались на верхней и

нижней челюсти. Ошейник, и правда, жал немного. Это оттого, что Гелиотроп, заковывая, спешил.

– Гоби, поправь на дольку. А мы продолжим пока… Так зачем импульс?

– Выбить, – ответил дракон в плаще.

– Не спрашиваю, откуда, но – что? Когда ещё нечего выбивать?

– Привнести? Дополнить?

– Тоже неверно. Это как попытаться налить что-то в полный сосуд, стоящий на бесконечно скользкой поверхности. Попытка оттолкнёт единую точку пространства-времени на неопределённое расстояние. Ищи-свищи. Я немножко запутал вас, сказав «необходимы» во множественном числе. Импульс и свидетель не стоят рядом, это не явления доступные счёту, покрываемые числом два.

– Значит, импульс и есть различение.

– Верно, и что он позволяет как импульс?

– При исходном единстве, то есть, принципиальном отсутствии азимута… Позволяет расколоть то, чего нет пока, на пару

противоположностей, которая возникают одновременно с размежеванием.

– Умница ты, даром, что дракон! – воскликнул Гелиотроп и сразу извинился. – Они могут отличаться лишь друг от друга. В любом случае они – антагонисты. Промежуточные варианты невозможны. Взаимное влияние изначально.

– Но доступно коррекции? Впоследствии?

Гелиотроп кивнул:

– Вплоть до разрыва.

Тем самым коваль изложил своим крокодилам базовое представление о создании дроидов от мельчайших до высших.

Отдалённое следствие отвечает на вопрос, почему так легко создать парой высших дроидов и так сложно одного сковать вручную. Парное создание – автоматизированный вплоть до последних мгновений процесс. Когда уже всё готово, конструктор задаёт цифру, цифра же станет идеей, принципиально возможной функцией дроида. Очерченной, но неопределимой. Корректируемой в обе стороны до полного разрыва парой противоположностей.

Антагонисты друг для друга – начальный контур-азимут.

Вручную на наковальне личность дроиду, контур-азимут сковать должен сам конструктор, а вот это задача по-настоящему сложная… Сложность её в чём? Сковать надо не из себя. Ориентировать создаваемого дроида следует не на себя, а на каких-то иных дроидов. Пространственно, геометрически чуждых, и по функции.

Когда куют что-то на себя ориентированное, оно маленькое выходит. Мелкое. Для метки это плюс, для высшего дроида здоровенный минус.

Отдалённое следствие… Таковой, вручную скованный, дроид имеет возможность заполучить антагониста по своей воле. Может сковать, если тоже будет конструктором. Может отнять у другого. Уникальная возможность, остальные дроиды антагонистов лишь теряют.

Например, если дроид имеет функцией обнаружение и счисление несуществующего… А имя носит «Первый», потому что он первый такой на свете, им скованный антагонист будет обладать возможностью знать всё сущее, всё что есть, и, по-видимому, назовётся «Последним»…

Последним дроидом на свете?

Об этом Августейший, сидя на многоступенчатом троне своём, в окружении королев желания, думал день и ночь, день и ночь…

Паяц. Шутки его становились всё острей, серые перья крыльев – растрёпанней. Не менялся только крутой изгиб брови, сбегавшей к широкой переносице, и спокойные глаза превосходной машины.

Всполохами горнила за спиной обведённый и увеличенный, отбрасывая на пол, в бешеной пляске зашедшуюся тень, четырьмя расставленными ногами крепко упёршись в порог, Страж внимательней драконов слушал братишку. Он только что перековал на более жёсткий ошейник ещё одного ящера и решил в их закуток заглянуть… Кивал и слушал. Так кивал, как вытаскивают меч из ножен, когда не спешат и не передумают.

– Какой интересный рассказ, Хелий… – кашлянув, хрипнул он.

Драконы обернулись. Шипение донеслось из тёмного угла, громче, громче…

Плеснули, хлопнули кожистые крылья размера замечательного, непонятно, как поместились под сводами. Тьмой кожистые крылья пали на Стража, закрыв целиком. Комком тьмы дракон выкатился вместе с ним за порог…

Мало-мальски не обеспокоенный Гелиотроп бросил через плечо:

– Да, братишка, вот так и живу… Если что, припой над полкой с заплатками. Успехов, клещами не усердствуй, оставь ему, прошу, хоть что-то от носа. Драконы мои, продолжим…

Следует прояснить, а за что собственно ошейники?.. Зачем? Какова природа претензий второй расы к значительной части третьей? И каков смысл их пребывания под властью конструктора? Потому что владычество Гелиотропа над Чёрными Драконами, конечно, не результат насилия, а увлекательный и плодотворный союз.

Ошейник не за нарушения телохранителем, непослушание на службе отметается сразу. Рядом с человеком, дракон выкладывается на все сто.

Есть аспект, в котором бывают повинны вместе Чёрные и Белые Драконы. Но

телохранители платят, а с белок некому спросить! Пожурит Доминго… Троп гаркнет на них… Если сам участия не принимал!.. В чём? Да вот в чём…

Орбиты движения Белых Драконов, как известно, охватывают всю дроидскую сферу, то есть их наружная часть совпадает с внешней границей общего поля Юлы. Потому в Пухе Рассеяния редко встретишь кого-то, кроме них, и в Храме Фортуны, и Обманка их, белок, дом родной… Это нормально, естественно, никто не против, но… Они ведь постоянно играют! Дерутся. Убегают. А куда? Вниз, наверх убежать невозможно…

Зато возможно, раскачать свои пределы! А значит и общего поля, поелику совпадают они! Образно говоря, взобраться на верхушку Юлы и раскачивать её, как вершину упругого деревца! Ка-а-ак спружинит! Как выкинет дракона из кольца, окруживших его соплеменников!.. Ровно такой же финт проворачивают и чёрные ящеры, традиционно враждующие с белыми, наказуемые за то. Частный момент.

Постоянная тенденция их нарушений:

попытка влиять на вторую расу. Горячие цвета, природа дроидов желания, сильней в Чёрных Драконах, чем даже у тронных дроидов, а тем более у приближённых тронов. Сильней, чем в одиночках Туманных Морей.

Зная это, дракон пытается заполучить власть. Оказывая, например, услугу. Если дроид Восходящего перенаправляет его запрос на средства передвижений к дроиду «Конные-Упряжные», Чёрный Дракон успевает дроиду «Верховые» сказать: «Я заставлю его замолчать, а ты дай услышать Восходящему твой манок…» Вращающиеся, спиральные зрачки в девственно голубых, круглых глазах принуждают «Упряжного» к молчанию, ибо дракон силён… И Восходящий уходит гулять под ливнями с дроидом близким по теме, но другим.

Так зарождается интрига. Выигравший и проигравший в ней, оба будут молчать. Причины долго раскладывать по полочкам. Но и один, и второй от Чёрного Дракона будут зависеть впредь.

Возможно, пострадавшему он компенсирует ущерб подобной же услугой… Возможно, его власть распространится, таким образом, и на некрупные троны… Но сколько верёвочке не виться…

Однажды плешивая голова паяца возникнет

на месте коронованной головы проштрафившегося трона, и сухая, железная рука Стража затянет болты на ошейнике так, что чёрнодраконья орбита позволит думать краткими рывками какую-нибудь одну мысль… «Я-был-не-прав… Я-был-не-прав… Я-придушу-тебя-однажды-гаер…»

Обычно это более милосердная рука Гелиотропа.

Реже – пять великолепных когтей, как пять узких серпов лунных… Под надменным орлиным профилем, под двумя крылами, простёршимися беспредельно… И клёкот… И некуда вверх… Лишь Великое Море внизу обманчиво открыто бегству.

Троп не нападает в небе. И не отпускает. Сколько бы ни кружил, ни метался, либо Чёрный Дракон успевает скользнуть ящеркой в У-Гли, нырнуть за спину Гелиотропу и покаяться, либо обнаруживает себя значительно ниже, чем У-Гли…

Под волнами Великого Моря клёкот не слышен… Но почему-то выныривать не хочется совсем…

Телохранитель, законные права и

обязанности променявший на интриги, вдруг оказывается в непередаваемо фальшивом положении безмозглой, бессмысленной тени, плывущей непонятно откуда, зачем и куда…

Если телохранитель чейный, если его позовёт субъективной тревогой или объективной опасностью человек, дракону неимоверно повезло. В противном случае, на ближайший зов человека откликнется уже какой-нибудь другой Чёрный Дракон. А этому остаётся под волнами гулять, сколько Тропу охота играть в кошки-мышки.

Грандиозный дроид, носящий на себе землю, скучает. Не оттого что дни его долги и пусты, они наполнены, а скучает по прошлому, по предназначению своему, боевой, игровой дроид. Не раз он просил Гелиотропа:

– Забацай такого же, как я! Мне на веселье.

Конструктор, крохотная перед ним фигулька, вполне может… Чего сложного в игровом, боевом драконе, помимо размеров?

– Чтобы вы мироздание разнесли? - неизменно отвечал Гелиотроп.

– Да мы не приблизимся!

– К чему?! К мирозданию?..

– К тебе, Хелий!

Впустую обещал Троп, отлично понимая, что нечем их будет уравновесить. Дракон дракону не бывает антагонист. Удвоенный Троп получается… Да хоть удесятерённый! Плохо, что именно драться-то ни близко, ни далеко от Юлы им будет нельзя! Землетрясение либо буря из космоса.

Троп надеялся однажды противоречие распутать…

Противоборство Гелиотропа с Чёрными Драконами имеет неистребимые пырейные корни в общедраконьем характере. А сотрудничество – в общедроидских обстоятельствах.

Обстоятельства таковы…

По исчезновении Кроноса, необходимой опорой автономным дроидам, помимо общего поля Юлы, стал сам факт их общности, проявляющийся во множестве аспектов. Из них важнейшее – наличие или отсутствие антагониста, притяжение или отторжения к нему, а значит, ко всем, кто связан с ним. Слова дроидов «влияния не имеет» – маркируют

суммарное воздействие взаимно нейтрализующих азимутов, явление сугубо временное. Но весомое, потому упоминаемое при отчётах.

Дроиды последней эпохи стали непрерывно ткущейся сетью. В непрерывном движении, нескончаемых взаимосвязях. Технический дроид ещё может достичь удобного ему законсервированного состояния за несколько логических шагов и пребывать в нём, сколько потребуется.

Автономный дроид, оставшись в одиночестве, будучи невостребованным, входит в штопор. Он замедляет неактуальные функции куда медленней технического, зато не знает предела, где остановиться. Точка остановки – уже востребованность, уже взаимосвязь, какой-то дроид, азимут. Вне общества высший дроид дичает в самом прямом смысле слова.

Недаром и Белые Драконы клубятся стаями. Недаром одиночки живут в плотных Туманных Морях, а не рассеяны над Великим Морем. Эта кучность – их способ взаимодействовать.

Стремясь избежать беды, выталкивающей в открытый космос, Белые Драконы взяли на себя

лишь одно добровольное обязательство в отношении людей, и не упускали случая гаркнуть: «Независимые навсегда!..» Справедливо в целом. Проблема снята, усмирять их некому и незачем.

Чёрнодраконье служение осуществлялося через вторую расу, опосредовано. Невзирая на их многократные обещания, чёрнодраконий характер при тесном взаимодействии со второй расой лез изо всех щелей.

Так что, положение в изоляции для дроида – чисто гипотетическое...

С другой стороны, клещи Августейшего Стража, некоторые клещи и тиски Гелиотропа, в У-Гли хранимые за их, трепет внушающую, величину, построены именно на этом эффекте, изоляции.

Что представляет собой ошейник на Чёрном Драконе?

Цепей не бывает на них, за ошейники не приковывают ни к чему. Дроиды с глубочайшим презрением и недоумением вспоминают про

тюрьмы и лагеря, как мстительно-исправительные учреждения. Дроидам вообще странно, что у таких, не дружащих с логикой и лишённых ответственности существ, как люди, могли получиться, пусть и побочным эффектом робототехники, такие выдающиеся существа, как они! Месть для дроида – пустой звук. Отыграться дроида никогда не потянет в ущерб выгоде.

А исправляющий эффект ошейника состоит в том, что он – дополнительная орбита. Внешняя по-факту, внутренняя по-природе.

Как и у дроидов желания, порядочная разнесённость внутренних-смотрящих и внешних орбит движения позволяет Чёрным Драконам быть отличными телохранителями. Быстро соображать, быстро реагировать. Оборотная сторона – плохой самоконтроль.

В зависимости от конкретного назначения, ошейник проходит шипами двух или более типов внутрь до соответствующих слоёв, где расположены орбиты, выбранные для сближения. После чего начинает работать медленным припоем.

Тиски и клещи, примерно то же самое, но тотально и без припоя. Выбор и фиксация за

конкретные слои, чтоб с остальным не мешали работать.

Тиски – безопасная имитация того, что ждёт дракона, за своеволие выброшенного прочь из Общего поля Юлы. То есть, «вакуум», который схватывает и держит. Эти тиски закручиваются не чтобы схватить, а чтобы они сами не раздавили, не разорвали пустотой, притягивающей, засасывающей силой.

Почему за морду? За локти дракона не свяжешь. "Мои зубы – моя столица, мои когти – мои границы!"

В морде и когтях у драконов располагаются орбиты движения, которыми они меняют свою форму. Если не зафиксировать, получится бесконечное противоборство с аморфной структурой.

Ещё такой момент. Возможность сбежать у всех дроидов практически безгранична. А вот пункт назначения при бегстве в пределах общего поля Юлы маловероятен. Бегство же наружу её, последнее, о чём они задумаются.

Справедливо будет закончить рассказ о возможных провинностях Чёрных Драконов рассказом об их несомненной пользе.

Кто может быть близок конструктору по роду его занятий? Наверное, те, что собирают и систематизируют информацию. Они – непокорные крокодилы, властолюбивые ящеры, считающие себя обделёнными.

Идентификация и сбор запретного среди Впечатлений – тонкая материя и сложнейшая задача. С учётом сложности, Чёрные Драконы редко промахиваются.

Нелинейность задачи и фильтры, применяемые к ней, возможно лишь по аналогии обозначить… Главный принцип: дерево познаётся по плоду его, бессмертный принцип. Пока не созрел результат, как узнаешь, ядовито ли, плодовое ли оно?

Дроиды Впечатлений не видят, но их содержание, и довольно подробно, способны по косвенным признакам угадывать.

Мельчайшие составляющие видят, Свободные Впечатления, то есть… Поэтому им так безвыходно плохо в Великом Море. В общей форме до бесконечности переживать кратчайшие

вспышки образов, страдать, но сохранять надежду в виде тела, что выловит дракон или человек, или к берегу прибьёт. Уйти же в необщую форму – прекратиться навсегда.

Видят устойчивые блоки: кусочек обозначающий «пистолет», причём конкретную марку… Но запретный артефакт во Впечатлении – ничтожный, недостоверный маркер. Там может оказаться попросту кино, причём, хорошее кино. Не запретное, фантазийное Впечатление.

Надёжный маркер вот: красивое-некрасивое. Над чем и бьются. Тут лишь пример поможет указать, как…

Полудроид влетает под дождь. Смотрит, впитывает связное Впечатление. Блистают в полном наборе ядовитые в стаканах вещества, в зубах курящиеся сигары, в руках щелчком курка обозначаемые стволы… И вылетает мокрым, напившимся, освежённым, счастливым. Это – не запретное, это – кино.

А может пить рафинированный, но дорогущий коктейль, где собрано нарезкой лишь одно лицо, правильное, довольное. Лицо тирана. Тут он – ребёнок, тут он уже на футболках рисован. Ни оружия, ни насилия, ни признаков

уродства. Однако – не усваивается. Пьётся, но портит. В организм полудроида привносит рассогласованность. Организм подсознательно не хочет допускать это мордатое изображение к Огненному Кругу, усваивать не хочет. Но в доброй компании выпивая, полудроиду выплюнуть неловко.

Подобных тонких маркеров – миллиарды.

Возможно, какой-то алчный, о выгоде думающий, человек настроил когда-то сотни зданий, напёк тысячи булочек, музык насочинял, и так далее… Нечистых. Отторгаемых, не усваиваемых. Собрав их в облачном эскизе, хозяин однажды захочет исправить его, свой Собственный Мир… А как исправить? С помощью гостя или левой руки? Что подтолкнёт его к хищничеству, не собранные ли однажды Впечатления?

Настолько тонким отбором и заняты Чёрные Драконы помимо обязанностей телохранителей.

Сколько тонкости нужно, чтобы достоверно соотнести дроидское с человеческим, сколько

протянуть тончайших связей между понятиями обеих сторон? Во сколько порядков больше, чем доступно Гелиотропу?

Он отменно знал устройство растения, к простейшей вещи привязал созревание его плода – к созданию духов на основе его аромата. Условий: чтоб не погиб арома-бай, чтоб не распалась группа, которой должен результат предъявить, не переполнилась посторонними людьми и, наконец – он создал требуемое! На мельчайшие детали их мирного, размеренного уклада жизни Гелиотроп завязал процесс роста и созревания, на очевидность требуемых ходов, доступность ингредиентов…

Мимо – до такой степени!..

Нет, всё время что-то происходило, но его деревце Фортуне известно, оранж ли вообще, не только не проходило последовательными стадиями роста, с кадкой вместе, оно выдавало любой сюрреализм в любой момент времени! Больше всего это напоминало попытки Марика вслепую создать тучу взмахами левой руки!

Деревце росло, сжималось, оказывалось корнями вверх, рухнув, пускало побеги. Пенёк покрывался мармеладными топориками, как опятами, чтобы назавтра они начали таять молоком, – анисом пахнущим молоком! – и продолжали почти сезон подряд…

Гелиотроп махнул рукой. Его страхи и зыбкие надежды цеплялись корнями теперь за что угодно, кроме логичной последовательности событий. Конечный пункт неизменен, всепроникающим рыком Тропоса запечатлён: «Предъяви!»

Не позже известного дня и минуты – не дроидской волей – возле этой самой кадки.

Настоящий, выращенный, а не синтезированный апельсин должен лечь Тропу в лапу.

Очевидно, идея с выбором группы чистых хозяев, была провальной. Люди накрепко связаны, судя по буйству абстракционизма в скромной цветочной кадке: с морским, с запретным и их, дроидским. Накрепко, неразделимо. Нельзя на реальность закрывать глаза.

03.15

Гоби был такой дракон… Везучий и невезучий одновременно. Телохранитель, которому запретили служить людям, по

причине… успешности. По причине его магнетичности, люди привязывались, прилеплялись к нему.

Для самого специфичного из холодных одиночек влюбить в себя человека – раз плюнуть. Они разрываются между тягой к службе и опасением влюбиться со своей стороны. А Гоби, будучи Чёрным Драконом, обладал в ряду притягательных горячих цветов орбиты глаза весьма редким цветом. В просторечье, «горячим-дьявольским», который можно зрительно представить как смесь идеально прозрачного чёрного и непрозрачного светлого янтаря, взаимно, непрерывно переходящих дуг в друга, такой расплавленный аналог цветов-дискрет. Настоящее, полное название этого цвета – «Оболочный-Тающий-Би-Джи».

С функцией у цвета прямая связь. Гоби по происхождению пустынный дроид, спутник и радар климато-физиологических дроидов. Имел когда-то опору в реальности: пустыня Гоби – жёлтый обсидиан. Всем дроидам, ориентированным на общее поле Юлы, нужна или благоприятна опора на природные артефакты. Материальное для них – азимут и структурирование по функции.

«Тающий-Би», как сокращённо его называют, в не извлечённом виде, без плотного контакта с определённым горячими цветами, – опять-таки, условно, представляющими собой вариации атласной и бархатной белизны, в данном случае – белков глаз, не так опасен. Могущественен, как взрывчатое вещество без запала.

Без них, например, он есть то, незримое, в летнем небе, благодаря чему так ласкает взгляд лазурь. Именно в летнем. В пламени свечи, где уже очевидней присутствие жёлтого оттенка, Тающий-Би – её ореол, который расходится, а взгляд затягивает при этом.

«Би» в его названии маркирует двуступенчатость воздействия – «оболочка-пропуск», «обволакивание-пропускание». В природе, в небе, в свече Тающий-Би пропускает на волю, в следующий простор.

Но в глазах Чёрного Дракона Оболочный-Тающий янтарной спиралью расходится от зрачка сквозь прозрачную, не обнаружимую черноту, достигает девственно голубого окоёма белка и обретает там атомную силу притягательности, тому, кто заглянул в эти глаза, нет спасения.

Надо на что-то ориентироваться Гелиотропу,

отправляя драконов служить?

Белых отправляет Царь-на-Троне, ему лишь ведомо, по каким принципам.

Выбирая подопечного телохранителю, Гелиотроп хватался за первую попавшуюся ассоциацию. Гоби? Обсидиан? Почтальоны носят обсидиановые серьги, вот и отлично.

Трижды Гоби становился Чёрным Драконом голубок, потерявших предыдущего телохранителя. И трижды образ жизни подопечных менялся к предельно рискованному. Плохо.

От противного оценивается эффективность телохранителя, чем меньше трудится, чем реже появляется, тем лучше.

Тут имело место провоцирование рисковых ситуаций со стороны голубок совершенно бессознательное. Ведь дракон, этого человек не успевает увидеть, прежде чем обрушиться на тень или врага, появляется анфас пред подопечным и в упор смотрит. Таков его способ, собраться из необщей формы, реакция на азимут…

Это неуловимое в своей краткости появление, оно привлекает. Помимо всего прочего Чёрные Драконы – тёплые дроиды. Привлекает, а что именно, человек не в

состоянии понять.

В третьем же случае, голубка была связана с запретной водой и отчасти с оружием, и со всех сторон повела себя абсурдно. Она выдавала единомышленников, клиентов, предававших оружие через неё, провоцируя Чёрного Дракона на выполнение второй части его службы, отнятия запретного. При отнятии же в сногсшибательные глаза дракона в упор можно смотреть, сколько выдержишь! Сколько сил хватит. И Гелиотроп сказал: «Хватит!» Гоби со многими извинениями был отстранён, зато приближен к самому конструктору в порядке моральной компенсации, и ради особо полезных качеств.

Полезность и уникальность Гоби проявлялось в частности в том, что он ещё одно исключение дроидской сферы, а именно. Он тот, кто может относительно свободно слушать голос Тропа, не распадаясь паническим взрывом на орбиты, каждая со своим азимутом, и не собираясь в итоге мучительно долго, опасливо, соображая: замолчал уже Троп или ещё нет? Откусил что-нибудь или пронесло?

Так и случилось, что они собрались вчетвером поговорить о будущем Уррса: он, Гелиотроп, Троп и Айн. Юному счётчику

несуществующего голос Тропа нипочём, он устремлён к тому, чего нет, а голос Тропа в высшей степени есть!

Айн появился позже других в У-Гли, но он-то и был причиной собрания.

Он увидел Уррса. Не малыми орбитами глаз, а функциональностью необщей формы. Из неё. Что означает, преображение близко. Двух или более фазовость Уррса, значит, распространяется на начало его жизни. Стартовая многофазовость, как у метки, которая крутится на старте, выбирая оптимальный маршрут, в полёте его уже не корректирует.

Задача стояла не продешевить.

Как и обещал, Гелиотроп готов был сковать вручную любой пустой азимут следующей фазе. Но Уррс не знал, чего он хочет! За всё прошедшее, ничтожное по дроидским меркам время, он не успел определиться. Как и все Белые Драконы, он хотел кувыркаться в небе, сражаться со своими, играть с людьми, с Отто. Ещё на рынки цокки хотел…

– Ну, – язвил Гелиотроп, – и что я должен начинать ковать, в таком случае?

Как выбрать наиболее перспективный, неконкретный, пустой отдалённый азимут? Не то, к чему Уррса тянет, а к чему он способен, тогда как другие нет?

Бросающаяся в глаза, а точнее в уши, особенность их и свела: он с Тропом не на равных, но близко.

Выходит, надо плясать о того, что есть Троп. А что есть Троп? Дроид, носящий землю на хребте. Уррс поменьше? Да Уррс поменьше его, но покрупней других в своём племени. Небольшое вложение от Тропа, и Уррс, оставшись драконом, что исходно в его приоритетах, станет кем-то подобным.

Троп был согласен. Не жадина. Он симпатизировал этому уроборосу, которому в полноценного Белого Дракона вырасти, похоже, не судьба. До белки – просто чуть-чуть убрать и всё. Но ведь глупо, слишком просто…

Троп был готов. Так он и приятеля получает, давно выпрашиваемого у Гелиотропа. Уррс колебался, сам не понимая почему.

– Ты ведь большую часть времени проводишь вне общего поля? – спрашивал Уррс.

И Троп важно кивал, привыкнув к молчанию.

– Зато ему открыта дроидская сфера в любой момент без Улиточьего Тракта, открыто и море, – соблазнял Гелиотроп.

…когда насквозь открытая Тропу дроидская сфера насквозь содрогнулась.

Волны от большого гонга пошли по ней.

Гелиотроп прислушался… и расцвёл.

Троп прищурился недоверчиво… И от всей души обругал Августейшего! Владыка Там – не прекращён. Владыка опять на троне! Чёртов паяц обдурил его, Тропа!

Надо всей дроидской сферой торжественный, ликования и вызова полный, разносился звук большого танцевального гонга семейства Там.

Владыка Порт не дал Августейшему поторговаться за возвращение трона. Наместник вернул его сам. Как? Очень просто.

Порт, во-первых и в главных – конструктор.

А от прежнего владыки осталась нетронутой важнейшая часть дроида, остался - трон. Фактически половина прежнего владыки в тёплом семействе.

Отняв трон, следующий владыка искажает под себя тронную орбиту. А что если, себя под неё?.. Такой вариант не случался прежде, но реализацией его, никому не понятной, и объяснялась сутулость броненосца с леопардовой лентой на лбу. Он – хранил. Только хранил. Не использовал.

Наглядная разница: если сесть на подушки трона, они промнутся, да? Примут очертания нижнего фронта! Мягонько и прекрасно! А если наоборот? В полноте многоступенчатый, гранитно-янтарный тёплый трон тяжёл, как пирамида, монумент славы, ларец с сокровищами. Владыка Порт принял его и держал. На спине, на плечах. Тяжело.

Достаточно предусмотрительный, чтоб загодя изобразить требуемую осанку, на троне он живо приобрёл её всерьёз. Следил уже не за тем, чтоб не выдать себя, ненароком распрямившись и потянувшись сладко, а чтоб не согнуться совсем крючком.

Господствуя на троне, владыка Порт сопротивлялся трону. «Я сохраняю. Я не должен

распоряжаться этим. Это не моё». Сокращал, как мог, время физического пребывания на нём в общей форме.

Из любезно предоставившего себя для этой цели дроида, приближённого владыки Там, а весь ближний круг с ним схож был до предела, Порт ковал по памяти копию владыки за вычетом тронных орбит. Прореживал, убирал из дроида орбиты наделённые потенциальностью трона.

Для объекта перековки это одновременно и большое счастье, и большой труд. При удачном завершении дела, дроид будет прекращён, но величие поступка не в самопожертвовании, а в ежесекундном самоконтроле…

На время всего процесса перековки, он должен отринуть свои азимуты. Эгоизм отринуть, склонности, желания.

При ковке с нуля высшего дроида нужна практически не достижимая вне Лазурного Лала чистота. При перековке имеющегося дроида её не требуется, но… Он не должен мешать! Да, тиски, клещи служат тому же, но при ковке высшего дроида их не применишь! Только самоконтроль. Его внутренняя работа.

Дроид вынужден пассивно и очень долго

наблюдать за тем, как коваль отнимает его азимуты, то есть его «интересы», «черты характера», тем самым разрушая его «личность», его контур-азимут.

Тонкий момент: разбираемый не имеет права в качестве этого контур-азимута размышлять и о том, ради кого идёт на такую жертву!

Красивый поступок с человеческой точки зрения, с дроидской он красив виртуозным исполнением сложнейшей задачи.

У них всё получилось.

Половинная копия, будучи скована в противоположной, холодной расе, с двойным коэффициентом холода, совместившись с тёплыми тронными орбитами, обретёт завершённость, но не отдельность. Она утратит половину орбит сразу, а в оставшейся половине отразится трон.

Это подобно тому, как недостаточное количество снега просто тает, испаряется под солнцем, а избыток превращается в лёд, и яркое солнце, отразившись, блистает на нём. На миг, но больше и не нужно. Копий не бывает на свете. Ни в человеческой, ни в дроидской сфере, нигде

ещё.

«Копия – это зов». Постулат из общедроидской механики, слишком сложный, чтоб предпринимать дерзкую попытку расшифровать его на человеческом эсперанто.

Пространство между отражаемым и отражением станет безусловно чисто, никакие стены владыку Там больше не смогут удержать. Он обретает на миг качества дроида желания.

Дроид, сотворённый ковалем, вступил в пределы семейства Там, взошёл на верхнюю ступень трона. Пустой трон принял царственного, долгожданного владыку.

Косматый, черноволосый, одичавший, растрёпанный… Сияющий как солнце он уже сходил по ступеням. Топнул на нижней ступени, и раздался гонг…

Владыка Там ударил в гонг своей тронной сущности. Произнёс одно единственное слово. Приказ и вызов. Долгожданный, невозможный, неизбежный. На танцевальный гонг позвал своих дроидов.

Можно ли перевести это слово на человеческое эсперанто? На дроидское-то

нельзя!

Сутулый леопард поклонился долгожданному владыке, наместник, чья служба закончена. Поклонившись же, распрямился. Леопардовая лента поперёк лба от тепла благодарственного поцелуя перекрутилась сама собой, она больше не корона.

Где ставленнику, нарушившему планы укрыться от гнева Августейшего гаера? Не в тёплом семействе. Оно в принципе очень открытое.

Гремящий, грохочущий копытами по бесплотности дроидской сферы, по небу, атласно-чёрный конь, Георг, стремительно нёс двух всадников в У-Гли… Не обогнав паяца. Но и напасть тому не удалось.

– О, Фавор… – сказал Гелиотроп, поняв всё разом. – Иди, иди, проходи. И ты, и ты, братишка… Мир, дружба, ведь так?

Порт явился откровенно просить заступничества. Августейший – заполучить его на составные части. Всяческие троны, злоупотреблявшие турнирными делами, одиночки, забияки, увлекавшиеся конструированием, сам Троп, наконец, забирали орбиты противников на общеполезные, устремлённые в будущее цели. Упорядочить семейство, метку заковыристую изобрести, тракт замостить, починить дроида желания… Августейший же, держа непокорную, несравненную силу королев желания в стальном кулаке, видел смысл в усилении самого лишь себя, как высшей ценности дроидской сферы!

Над непокорной головой ставленника в погоне гаер лязгал стальными зубами, слюнки текли, и тут – Айн… Со своим «почему не синим, почему не голубым» небом. С лёгкой досадой: «Почему я не вижу, что все видят?» Спасибо, конечно, за эксклюзив, господа-создатели, но хотелось бы и некоторых удобств тоже.

– Так тебе нужен антагонист-притяжение, – отмахнулся Августейший, глаз с Порта не сводя, – и не отдаляться от него. Он станет твоими глазами-дискрет, через миг-миг-миг…

Не думая, сболтнул. Подобный антагонист очень ослабляет, кто на такое пойдёт. Августейший был уверен, что случится худшее и Айн обретёт однажды антагониста с качествами

взаимного отторжения, что сделает их в паре сильнейшими, чем Троп.

– Сковать весьма трудно, – уточнил Гелиотроп. – От начала если.

Порт, только что закончивший подобную работу, отнюдь не «от начала», на готовом материале, усмехнулся.

– Не с нуля? – отреагировал Гелиотроп на его усмешку. – Дракон получится.

Тут Уррс усмехнулся, а если дракон уже есть?

И спросил у Айна:

– Что значит стать твоим антагонистом?

– Знать всё. Быть везде.

– Это мне подходит!

Педантичный Гелиотроп вмешался и немного откорректировал чересчур смелое определение:

– Не так, Уррси… Знать, твоими глазами видеть будут люди, все бродяжки, все хозяева у рам, обитатели континента. Через тебя увидят, что по природе доступно им – голубое небо, солнце, чуть заслонённое, облака хранилища…

Так даже романтичней, а уроборосы большие романтики!

– И это мне походит! - воскликнул дракон, сплюнув искрой, на сей раз от восторга,

заманчивые перспективы.

Но решил дело тот факт, что это подходило Августейшему! Превосходило самые оптимистические его мечты!

03.16

Для дроида откладывать какое-либо дело на потом, значит плюсовать умножать вес задачи на каждый временной промежуток. Дополнительно учитывая всё, что успеет измениться, составляя и непрерывно корректируя прогноз смещения азимутов заинтересованных лиц… Вроде, как пазлы складывать, кода они – живые амёбы, да и основание не стоит на месте.

Четыре трона загодя планировали встречи, будучи в четвёрке настолько согласованы и сильны, чтоб позволить себе пренебрежимо малое не учитывать. Перековку Уррса откладывать – и глупость, и риск.

Процесс этот длительный и уникальный, на словах долгий, на деле занял секунды – в подготовительной и завершающей, доли секунд – в основной фазе. А вот призадуматься

пришлось…

Как бы сказать с точки зрения человеческих понятий… Если Айн и Уррс решились стать антагонистами непрерывного объединения, с функцией тотального по охвату, то есть распространяющегося на всех людей, зрения, им нужен зрачок… Два, понятное дело, на двоих два зрачка. Нужны азимуты поверхностного скольжения с минимальными трением и залипанием. Тоже дроиды. Если технические, то высокого порядка. Их ковать время займёт.

В первой расе определились легко, без спора. Айн, счётчик отсутствующего сохраняет холод, опирается на горячие цвета ночи, вот его динамика. Уррс делает ставку на тепло и ледяные, повсеместные цвета дневного света, вот его проницающая подвижность. Хорошо, один видит день, другой ночь, но – хрусталик? Как они будут фокусироваться?

В противном случае все полудроиды смогут видеть исключительно лишь голубое небо, но в нём ничего. Антагонисты тоже будут пропускать сквозь себя зримое навылет, Уррс ночью, Айн днём. Невелик в таком случае его выигрыш, для Уррса получается откровенный убыток.

Противоречие Августейший вслух подметил неожиданно поэтично для холодной, автономной машины:

– Без солнца за облаком, без луны ночной?

Он имел в виду зрачки, как дневное и ночное светила, как дроидов, пожертвующих частью орбит «становой», «хребтовой». Она будет уплотнена до состояния трона, после чего изъята. Через таким образом получившийся «обратный трон» полудроидская часть в человеке будет видеть, словно за облаком скрывшиеся «солнце и луну» или отражённые в океане. А для Уррса и Айна обратные троны станут «линзами», окнами фокусировки азимута зрения.

На хрусталики два автономных дроида нужны. Не средние, не заурядные, нужны дроиды широкого охвата внешних орбит, уровня дракона, поисковика…

Призадумались…

Дневную кандидатуру предложил Августейший, сухо, оглушительно щёлкнув пальцами:

– Амаль-Лун!

Оранжевый цвет очей дракона навёл на

мысль.

Амаль уже пребывала в положении новой турнирной лошади Доминго, каковое обоих полностью устраивало! Отправлен был за ней Георг, ибо, копытом по улиточьему панцирю стуча, легче вызвать зверя, познавшего это место.

Раздача одеяний связала трёх дроидов накрепко… Ничто не проходит бесследно. Дроидская математика: плюсуется, исключительно плюсуются всё, что происходит, бытие и небытие.

Предусмотрительная, цепкая алчность Доминго вновь проявила себя! На огненно-рыжей, гарцующей кобылице он заявился верхом в У-Гли. Почтительный, сдержанный, готовый дать отпор.

– А чем это тебе помешает?! – в лоб, сходу спросил Августейший.

Доминго не мог знать, чем дырка в турнирной лошади ей и всаднику помешает, он не конструктор.

Разрешил вопрос добавлением обстоятельства:

– Хелиос, если очередная шутка гаера

окажется… очередной шуткой, без объяснений, и по первому слову станет ли Георг мой?

Пламенная Амаль-Лун и чернейший, атласный Георг в конском обличье стояли бок о бок.

Георг покосился, умножая девственную голубизну белка чёрно-драконьего глаза, и торжественно кивнул. Амаль фыркнула: Доминго, ты меня не променяешь! Сражаться на бывшем дроиде желания сто раз круче!

Необщим дроидским, тихим ржанием, россыпью колокольного звона Амаль-Лун спросила Гелиотропа, в чём перспектива и в чём убыль? Тем же манером верховный конструктор ответил ей, что убыль в свободе, а прибыль в связи с первой расой, скорости и зрячести. Выгода в поверхностной, но постоянной связи с людьми…

Хорошо. Идёт.

Изначальный Белый Дракон отверг бы, для них воля - главное, независимых навсегда, но королеве желаний, пленнице закрытого семейства к ограничениям не привыкать.

Порешили на том, что зрачок ночи может быть добавлен после. Это лучше, чем откладывать ковку.

Где ковать? В У-Гли тесновато. Стократный

Лал капризен, ему всё – нечистота, включая контур-азимуты, дроидов он вначале обнулит, кому это надо?

Амаль щурилась, вспоминала, как её сделали… Гелиотроп думал о том же.

Требуется море огня… Можно попросить Тропоса огласить призыв к белкам, проще простого, ан, некрасивый это жест. Пустяк, не имеющий отношения к делу, и, в то же время, самое прямое отношение имеющий: нельзя начинать доброе дело, крупное новшество с угроз и приказав. Некрасиво даже в форме вопроса: не будете ли вы так любезны… Тон не тот.

Однако же Троп, не вступая в пререкания, сорвался, бросив в дверях:

– Позову. Не я. А вы не подглядывайте и не подслушивайте!..

Замечательно.

Паяц хлопнул растрёпанными, серыми крыльями, рассыпавшись в острые белые огоньки. Подслушивать отправился и подглядывать.

Пожалел гаер, что отправился, как и все хитрецы на определённом этапе, перехитрил самого себя.

Значимый момент он всё равно пропустил: откуда взялась птичка…

Важно ли? Августейший счёл её за прихоть Тропа, личную метку, выполненную в виде соловья с голубым пятном на горле, точная копия незабвенной Фавор.

С тоской, – ни приблизится, ни оторваться, – августейший паяц наблюдал, как над верхними лепестками розы ветров кружит она. Исчезает в обманке, появляясь за трелью вослед, в арках грандиозного храма Фортуны скрывается, вылетает с другой стороны… Ныряет под Пух Рассеяния, в сферу людей спускается и поёт, поёт… Соловьиными трелями зовёт каждого встреченного дракона к вершине Синих Скал.

«Облик – точная копия Фавор… Голос – Фавор…»

Троп давно вернулся в У-Гли.

Страж скрипнул зубами, копытом топнул по небу и отправился туда же, ухмылке троповой навстречу: получил? А нечего нос совать.

Потрясающая картина предстала им, прибывшим к званому собранию.

Над беспредельностью океана, над вылинявшей до белизны вершиной Синих Скал вращенье Юлы кружила многотысячная стая Белых Драконов, как стая альбатросов.

Если б знали они, если б стальной, дискретный Страж мог предположить, как стучал, как переворачивался сердечник в Тропе, как в горло ему ударял, едва сдерживаемым волнением… Но такой случай упускать нельзя! Такой случай больше не представится! Все на старте, она – тоже. Фортуна может выйти, оставшись незамеченной, обретя свободу появляться и скрываться, по крайней мере, на первое время. Будет им «тихий» второй зрачок.

Приготовились. Расположение таково…

Белые Драконы образовали идеально равный круг, вращающийся по часовой стрелке. С каждым Гелиотроп поздоровался, каждого поблагодарил. Круг извергал пламя.

Внутри него на востоке, откуда приближалась ночь, сидел Айн на воздухе. На западе, куда

уходит день, Уррс свернулся кольцом, снова уроборос – хвост в зубах. Между ними Гелиотропом натянуты нити припоя, разрываемые и распределяемые пламенем.

Остальные дроиды пребывали снаружи. Амаль – за Уррсом.

Гелиотропу работы нет, он наблюдал и думал про то, как любит Белых Драконов.

Кружение Белых Драконов должно было продолжаться до решающей минуты, назначенной природой, до заката, который оборвёт оставшиеся нити припоя, так чтоб осталось взаимное притяжение дроидов.

Облачное небо, стремительно темнея, заиграло многими оттенками… На горизонте гористые кряжи облаков ещё удерживали свет, когда… – раз!.. – хлоп!.. Айн и Уррс взлетели и разбились друг о друга, превратившись в частое мерцание дискрет. Осталось их развести. Грубая работа, простая.

Клещами Августейший Стаж схватил часть мерцания дискрет, лишь ему видимую, и без почтения швырнул на запад.

Лучом ярче драконьего пламени Уррс

растянулся и канул в зрачке Амаль…

Айн проявился на месте, с нежной, несвойственной ему улыбкой удивления и довольства, с прикрытыми глазами. Увеличился до размеров неба, одновременно приобретая прозрачность… Окончательно приобрёл и канул вниз, сейчас его время.

Амаль последовательными кувырками свернулась в собственный зрачок, достигший запредельной яркости, и пропала в нём. Сейчас не Уррса время, он может быть свободен. Она же проявилась обратно пламенным скакуном.

Удачно прошло. Без накладок.

Белые Драконы не фыркали и не баловались. Гелиотроп поблагодарил их вновь и сказал:

– Завтра будет на этой дольке небывалый день, крылатые, щедрые, нетерпеливые ящерицы! Отныне Уррс – небо дня, Айн – небо ночи. Я уверен, что вы уже навострились покувыркаться в нём, счастливо, да поёт Фавор!

Смущённые его вежливостью и серьёзностью осуществлённого, драконы ушли через необщую форму.

Ушли Хелиос и Троп…

Ускакали рядом Доминго на пламенной Амаль-Лун и Порт на атласном как ночь Георге. Объятия цвета индиго ждали одного, благодарный, благословенный свет долгожданного владыки ждал второго, и трудно сказать, кто был счастливей в эту ночь…

Августейший остался.

Четырёхногий силуэт сухопарого мужчины в рабочем фартуке на вершине Синих Скал запрокинул голову к пику всех сфер, к горе Фортуны. Ему чудилась далёкая песня Фавор. Чудилась… Приближалась…

Плотные тучи разошлись немного. Облачные миры начали отступать, так чтоб перед всадником облачный представал лишь один в поле зрения. Облака хранилища – смотря по погоде.

Вместо глухой, пасмурной ночи простёрлась глянцевая, шёлковая тьма с точками звёзд, видно созвездие Кушака на ребристом зеркале океана… Августейший человеческими глазами вглядывался в океан. Облачка обведены каймой света…

Из-за одного выплыло отражение невыносимо прекрасного лика Шамаш, лунного

лика. Августейший глядел на неё, внимая соловьиной песне, четыре руки на груди скрестив, гадая: «А не с живым ли артефактом метка совмещена?» Не ловил, опасаясь испортить, на будущее оставил.

В лунном блике тайная и явная, притягательная, тревожащая, свойства дроида желания проявляя сполна, улыбалась Фортуна – зрачок счётчика Айн… Дроид желания – зрачок дроида, способного небытие в руку взять, на ладони взвесить…

«Целая ночь, – думала королева желания, – ещё какие-то пара тысячелетий разлуки, стальной шут, бесподобный владыка, и вечность будет принадлежать нам».

Фавор заметила хозяйку, чирикнула как воробей и прервала песню, устремившись на знакомое плечо. Луна скрылась за облаком.

Страж наблюдал океан, но видел лишь редкие, широко разбросанные блики.

03.17

Гранд Падре, на йоту не изменившийся в интерьере, был торжественен и перенапряжён.

На подлёте к нему, едва замаячил на горизонте, хоть снизу, хоть сверху ли, с боков подлетай, мобильные крепости тяжело вооружённых латников равномерно распределены. Зловещие, графитово-чёрные.

Внутри, вдоль стен – по паре от каждого клана.

Для Отто они представляли собой декорацию, панели стенные. Он зашёл и Пажа не увидел. Пажа не было…

Взглянул на календарь печатей. «Дроидский свет нерушимый, да тут одни мои мечи!.. А приятелей-то с Арбы затворники повышибали».

Восковые оттиски вертикально поставленного меча разбавили иероглифы марбл-ассов Отто неведомых, они – затворники миров. Выделяется отпечаток косы, знак Чумы.

Отто рассчитывал из игры выйти пораньше. Против знакомого зайти в партию и невзначай уступить. Но в заключительный день вызовы шли поочерёдно. То есть, он должен сыграть в поддавки с кем-то из… – «раз, два, три…» – трёх затворников, чтобы освободится. Как знать, что за люди, эти затворники?.. Насколько наблюдательны, насколько обидчивы? С

уверенностью можно сказать, что ассы, раз дошли до конца.

На эту игру обычно шли до конца. Что флакон пуст, и что он рискует попасть под стальной гнев клинчей, ни один из игроков не знал.

Среди значимых для Отто зрителей обнаружены были Айва, Халиль. Анис:

– Привет марбл-ассу от баев Цокки-Цокки!

Обращало на себя внимание непривычно большое число изящных горлиц и голубей. Легконогие. Грациозные. Полудроидам за исключением голубей бегать негде, разве, проводником по лабиринтам Южного.

Почтальоны – не игроки. Кто-то привёл… Для виду раздавали соломки. Передавали записки уже не совсем для виду, латникам неохота вслух разговаривать. Случай представился – увидеть и запомнить элиту шпионивших на клинчей посыльных. Видимо, большую выгоду нашли в том, чтоб засветить своих шпионов, но и им показать врагов. Рассчитывали, что выйдут массированным штурмом на источник Ойл?

Отто сосредоточился на противниках, ожидавших его.

Затворники миров, как они есть, спутать невозможно. Лица неподвижностью спорили с масками латников. Глаза проницательные. Суеты ни в чём.

Могло так случиться, что и эсперанто не владеют. Сколько тысячелетий провели в созерцании? А сколько из них провели над игровым полем с шариками в руке? Таким легко проиграть. Но легко ли нарочно?

Три пары глаз, отнюдь не буравивших, без вызова, без насмешки прочитали Отто, как резюме, смутив до крайности. Отто доводилось выигрывать за других, но не поддаваться за себя. В случае с приятелем, подмигнул и всё, тебя поняли, это не мерзость продажной партии.

Краска бросилась Отто в лицо. Не рассчитывал на такую реакцию. Стыд и ступор. «Проиграю честно. Паж придёт, подумает, что издеваюсь над ним… А если мои кукушата и выбьют их канареек, Чуме уступлю, тут у меня рука поднимется. А он изменился…» Шаманиец сдержанно кивнул ему, понимающе и утвердительно. Вот и отлично.

Затем Чума махнул какому-то голубю… Он обещал. Он боялся, что после игры выполнить обещание станет невозможно. И так плохо, и этак, но он обещал.

Голубь миновал великанов не без труда, проскальзывая, протискиваясь, и возник напротив Отто.

Рефлекторным, излишним в данном случае, жестом коснулся шарика сердоликовой серьги: не мои слова, не моя вина. Произнёс имя Пажа и протянул сложенную записку. «Напоминает, чтоб я проиграть не забыл? А прилететь самолично грозился…»

Отто раскрыл пустой лист. И пустым взглядом уставился в него. Прощание.

Паж написал бы, да он не видел уже ничего перед глазами кроме вспышек. Времени надиктовать не имел, язык заплетался. Успел Чуму попросить и всё.

Отто поднял глаза. «Это оно?..» Он не получал прежде белых писем прощания.

Буро стоял на пороге. И качал лысой головой, и кивал: да, всё плохо, да всё именно так. Паж оставил самому Буро заклинание проследить у Гранд Падре за марбл-ассом, не отпускать его. Чтоб не начудил.

Осуществимость таких просьб обратно пропорциональна их неизбежности. Дроиды трёх рас с Чудовищами Великого Моря вместе не удержат человека от безумия. Однако, сильно удивив, прямо-таки насторожив Буро, Отто воспринял письмо с поразительным мужеством.

Выслушал и сказал:

– Нет, невозможно, чтоб всё было так плохо.

Буро поморщился. В жизни лишку раз он сталкивался с тем, что ещё как возможно…

Кто же ещё, кто есть из общих знакомых? Чума.

– Чума, Паж…

– Паж поручил мне это, голубя поручил. Пустым письмом не лгут и не шутят. Свидетельствую, если требуется, на человека Паж в тот момент был мало похож. На лампу похож, горел светлячковым неоном… Докстри сказал: над жерновами… Так что и лампой ты его больше

не встретишь. Позволь сказать, что я сожалею. Мы разделяем горечь с тобой. Док-шамаш он был мне и всему лунному кругу.

«Что за бред? – подумал Отто. – Мы несколько часов назад расстались».

– Я не верю.

Реакции не последовало.

Ну, вот и пропала для марбл-асса причина краснеть, играя на безобманном поле в поддавки… Пажу он был должен, Пажу клялся, а больше никому ничего не должен. Белый листок в дрожащей руке – хороший, отменный предлог проиграть первую же партию.

Отто вспомнил Пачули, как советы раздавал ему свысока: отвернись, отойди в сторону! Погуляй, полетай. На готовенькое вернёшься…

Для друга Арба стояла на кону, заведение – мечта всей жизни. Для Отто на кону не стояло ничего.

Напротив Отто лежало безобманное поле и знало всё про него. Насквозь его видело. Отто

мерещилось голубое, прозрачное утреннее небо над полем…

Как и всякий подлинный мастер, он был един со своими инструментами. Неразделим на пике формы. Стоя на меже, он был шариком марблс – птенцом слётком, приземлившимся, устремлённым к первому самостоятельному взлёту. Он был кукушатами, лежащими в руке. Поле уходило за горизонт. Поперечная межа ощущалась животом, всем организмом, преисполненным лёгкости и твёрдости. Лёгкий, нацеленный.

«От всего сердца проигрыш я обещал только Пажу…» Листок дрожал в руке. Листок, которому он не верил, как невозможно поверить в собственную смерть.

В далёкой дали, на той стороне безобманного поля, схожие как три одинаковых деревца, стояли его основные соперники. Чума беспокойно рыскал вокруг, тревожащимся зверем. Застывал солиголкой на побережье. Соляным телёнком откатывался дальше торкаться в игровое поле через плечи зрителей, как в карты подглядывают. Будто там есть, что скрытое, на тихом, ждущем поле, не порождающем обмана, не поддающемся на

уловки.

Из этих четырёх Отто потенциально предавал каждого своим проигрышем. С Чумой хоть уговор есть и надежда, Отто видел, какие серьёзные люди полагались на этого шаманийца… Но о пустом флаконе не знает и он… «Просто отвернись. Отойди. Позволь дрогнуть непритворно дрожащей руке…» Нет.

Полночи ждали, как боя условных часов. С рынка Гранд, но не через раму, от самого безобманного поля, как землетрясение, донесётся перекатывающийся гул: от низкого к высокому вою, от воя к грохочущей тяжести. Звук останавливающейся центрифуги модулятора, работавшего год без перерыва. Знак, что полностью готовы марблс, что лежат, «остывают», ждут рук, которым достанутся, чью судьбу решат.

Отто заметил, как публика, голуби, да и Чума заинтересованно поглядывают в его сторону, однако, поверх его. И чего там?

Клинч его мечты, вот кто там. Над телёнком возвышался бастионом его предполагаемый соперник, выбранный той стороной. Жулан.

Комедия. Нашёл когда и о чём сожалеть… Комедия в готических, жестяных декорациях.

Отто был разочарован! Озирая, к примеру, их столпотворение под Шафранным Парасолем, в глубине души он присматривал себе противника из других кланов! Рогача хотел… Увешанного милитаристскими штучками, в перчатках с голову величиной… Жуланы не столь эффектны.

Однако люди на противоположной стороне считали иначе. Двое из трёх затворников, слова не говоря, развернулись, стёрли свои оттиски с календаря печатей и смешались с толпой зрителей. Упс, без тени стыда!.. Трусы. Могли б хоть слинять с рынка. Нет, зачем же, интересно ведь досмотреть…

Чума занял место рядом с оставшимся затворником. Позы этих людей, чуждых невыразимо, совпали полностью! Руки скрещены на груди, одна подбородок держит.

Отто хмыкнул, чего они? Не всё ли равно, какой клинч. Подмигнул Айве: смешные какие, бледненькие стали. И она усмехнулась, обходящая по уговору зал, благоухающая духами с легчайшим оттенком ойл.

Биг-Фазан поглядывал на наручные «часы», на смоделированный им кусочек лат. Что-то смущало его…

В дверях появилась Мема.

Взмахнула невинным гоночным флажком поддержки…

Восьмигранное табло «часов» Карата, отчётливо сказало: «Хм…» Стегануло его электричеством и сдохло в матовый графитовый цвет. Карат хохотнул, обругав себя: «Техно-наив, дальше Пароля меня пропускать не следовало!» Что воздействие на их латы имеется, клинчей он осведомил.

Жуланы отмахнулись, играем всё равно.

Айва – грациозная красавица, походившая на чью-то голубку, избежала разоблачения. Тот факт, что их взаимные с Мемой перемещения плетут сеть сверхлёгкого ойл, разбалансирующего ойл в наиболее тонких сочленениях, а именно, в перчатках, осталось неразгаданным.

Но жуланы чутки. О, как чутки существа, оградившие себя крепостными стенами во всех смыслах! Безумны, но восприимчивы…

Перчатки жулан снял… Своего захода не дожидаясь.

Чума стал бледен, как до кардинала.

Отто и затворник миров остались безразличны. Один несведущий, другой игнорировавший техническую часть заговора. Гуманитарий Отто, во-первых, в механике не понимал чуть меньше, чем ни черта, а во-вторых, подсознательно не верил в превосходство техники над искусством и везением.

Протяжный вой останавливающегося волчка с нижнего Рынка Гранд сменился рокотом, звенящей тишиной и тем возвестил начало.

Слуга-хозяин Рынка Гранд возник на пороге Рынка Падре с подносом, закрытым ажурной тканью, непрозрачной от множества слоёв. Каждый слой – из сотен микроскопических. Чем больше, тем надёжней совершенные марблс защищены от внешних воздействий.

Поднос забрал слуга-хозяин Рынка Падре. С ним рядом принесший – коротышка, этот – жердина. Цокает, как чёрт знает что… В шароварах и лохматой куртке, ленты, мех, нити. Руки в перчатках до локтя, словно дамские бальные натянул. Его костюм служил уменьшению воздействий.

Ближний ряд, скрипнув, отшагнул от поля. Ровная дорожка образовалась от безобманного

поля до слуги-хозяина Рынка Падре, застывшего с подносом в руках. Хотя ему у входа стоять на протяжении ещё двух партий, застывшему с подносом у входа.

Чума на поднос покосился как приговорённый на топор.

Отто вновь остался безразличен.

Он и затворник миров положили перед собой на края безобманного поля обычные высококлассные марблс.

Желающие могли разглядеть шарики с любыми приборами в руках, удостовериться, что стекло.

Публика неспешно обогнула поле. Отчасти свидетельская проверка, больше – приветственный ритуал. Мимо Отто проходя, шептали ему слова поддержки, по плечу хлопали.

Жулан остановился в первом ряду у линии межи, упёршись взглядом в неё, широко расставив ноги, словно драться пришёл, а не играть. Плоская маска. Горизонтальная линия оскаленных клыков, чёрная горизонтальная – по прорезям глаз. Перчатки на поясном ремне,

кисти рук, – собственно, лишь пальцы из-под манжет видны – мертвенно белые…

Смешной, молодой телёнок, марбл-асс, вздохнул на этого жулана: скучный, мрачный, не такого клинча хотел!

Проходя в веренице людей, Чума обменялся с Отто несколькими фразами. Ради чести шаманийца. Ради памяти док-шамаш посвятил Отто в курс происходящего.

– Наш план провалился. Не вздумай сдурить, проиграй ему сразу. Чем раньше, улетишь, тем лучше. На сей раз с них станется устроить тут потасовку. Если жулан проиграет, то нет, но выиграет – они станут драться. Попомни мои слова, вся эта шушера трусливая прилетела ради последних отборочных партий, на финал не останется.

Как он оказался прав!

Когда они брызгались, разводили, тратили, запах ойл казался совсем другим…

Как бутон не похож на цветущее поле, далёкий раскат грома – на буйство грозы. Как мятный запах в колбе, выставленный на продажу Арома-Лато, вовсе не похож на сладкую мяту

высокого неба…

Бывает, позовёшь дракона, а он благоухает так, что сомнений не остаётся, в предыдущее мгновение ещё резвился на верхних лепестках человеческой сферы, где мята слаще сахара и свежей, чем Великое Море самой холодной, ветреной порой между двумя сезонами.

Так и от клинчей, заполонивших зал, ойл доспехов распространил невероятную атмосферу, напоминавшую аромат во флаконе весьма отдалённо. От их ойл – холод в животе. Разноклановые, непроницаемые. Спрессованная лепёшка из «не лущёного зерна», перчёного, кислого лакомства, взрывающегося на языке. Что-то в высшей степени цельное и до крайности ненадёжное, готовое взорваться при любом неверном движении сокрушительно и бесповоротно.

Тишина. Разговоры исключены. Биг-Фазан оказался в первом ряду. Он утрачивал на фоне латных приставку «биг»… Просто Фазан-Карат.

Размышлял этот технарь о подозрении, некой гипотезе, настигшей его, не успевшей оформиться вполне. Размышлял о направлении, куда ему следует двигаться в своих оружейных

разработках.

«Зашкаливающее число клинчей… Встреча у Гранд Падре не банальное соревнование за единичный, лакомый ресурс. Смысл «целого флакона ойл» не в количестве капель, а в их единстве…»

Как ему прежде в голову не пришло! Флакон должен быть распределён между клинчами какого-то клана, он предназначался самому клану, его неведомому технарю. Ради какого-то технологического скачка им нужен значительный объём ойл одномоментно. В нормальной жидкой фракции.

Тряпки, пропитанные ойл, оставшиеся от протирки модуляторов, годящиеся протирать латы на тысячелетия вперёд, для их целей явно не подходят.

На клинчей Отто не смотрел, а то и впрямь рука дрогнет! Не фантазировал о ближайшем будущем, выходе в финал и поражении.

«Да, будь, что будет! Обо мне сложат песню, наверное… Ха-ха!.. Или наоборот, будут молчать! Здесь – точно, здесь моё имя слишком гулко прыгает между стен! Я стану майной безобманного поля… Стану паузами в клацанье

шариков, когда испрашивают у предшественников удачи. Паузами майн-вайолет, голосом тишины…» Жалко себя… Чуть не прослезился! Рассмеялся.

Он зачем эти глупости думал? Чтоб про белый листок не думать. Хорошо бы под клинчевой удавкой оказаться раньше, чем останется наедине с пустым письмом, перечтёт во второй раз, и убедится, что в первый прочёл правильно.

Лицо его противника, затворника, невыразительное как маска, но и прозрачное, как маска неба, внушило Отто твёрдую решимость честно идти до конца.

«Удивительный, непостижимый затворник Собственного Мира, через четверть часа ты будешь немного огорчён. Но до следующего дня, как бы ни был твой мир далёк, а Белый Дракон игрив, ты окажешься уже за рамой. Обещаю. Не промахнусь».

Одержимые люди, случается, не в состоянии разжать хватку своей концентрации, как хватку руки. Помнят её во сне, помнят наяву.

К примеру, Лайм, говорил со смехом, что Рынок Мелоди предстаёт симфонией тех-то и тех-

то запахов. Не ради шлейфов от духов танцовщиц! Лимонные шары, искристые светильники периметра для Лайма пахнут его прозвищем. Светильники-медузы – тающей карамелью, в которой переложили сливочный тон, который топит медузы, заставляет опускаться к земле.

Отто со смехом рассказывал, что когда решал, для начала в уме, выпавшую бочонками лото, комбинацию ароматов, то заснул и начал видеть запахи в форме сталкивающихся марблс. А шарики-то стеклянные! Они отталкивались! Не хотели смешиваться запахи в его утомительном сне! Весь Шафранный Парасоль понимающе рассмеялся, знакомо!

На безобманном поле перед заходом в партию ожидаемые броски представились Отто стилусом. А шарики марблс – белыми чернилами. Слова, швыряемые как стеклянные шарики, белые на белое.

Случается, но редко, что удаётся тайное передать пустым письмом. Стилус особый… Тогда оно не белое, не прощальное письмо! Не последнее из пяти прощаний.

«Может я ему просто дико надоел! Страшно помешал. Наскучил. Да ещё и рука эта отрезанная… Нормальный человек спрятался бы за рамой, пока не отросла, переждал бы, глаза не

мозолил! А я… Надоел, опротивел. Но это – временно. Это же не навсегда? Надоел и всего-то. Положит надежда случаю руки на плечи…»

Марблс по безобманному полю скачут к меже. И замирают возле.

Напротив Отто стоял весьма опытный игрок.

При подобных партиях столкновение шариков вообще не обязательно. Довольно своих птенцов выстроить на меже, рассчитывая, что сопернику это не удаться. Или удастся с чуть меньшей точностью, на миллиметр, на микрон. Но если выбить его канарейку своим кукушонком, то, конечно, шансы возрастают.

Их птенцы попарно «делали поцелуйчики». То есть, столкнувшись, откатывались без преимущества.

Чума ухмыльнулся, здорово напоминает стрижиные «чмоки фифы» в пустоту. Даже скорей… – между двумя стрижами, шея к шее, взаимный суицид.

Осталась пара на двоих. Отто пора

проигрывать.

Чума медленно перешёл в сторону Отто, намекая: «Лажай, он мой. Я видел его игру, справлюсь…»

Отто бросил кукушонка с подскоком. Канарейка соперника отлетела прочь, а пёстрый шарик Отто попрыгал и остановился практически на меже. С его стороны. Брависсимо! Чисто прямо-таки идеально.

«Зачем?! Круть свою показать?! Нашёл время». Чума и Карат переглянулись. Всё идёт не так.

А Отто очутился внутри грозы, пронизанного Ойл неба. Стоял и слушал, как громыхают аплодисменты нескольких сотен перчаток из камня-стали. В его честь.

Обошли с затворником поле и пожали друг другу руки. Затем – с Чумой.

Без слов обнялись с Пачули. «Как ты меня терпел с моими советами, друг, арома-марблс-бай? Как все вы меня терпите? Забудь всю фигню, что я нёс, запомни меня таким и здесь… Эх, почему ты такого простого слова мне не сказал… – что дороже выгоды, умней компромисса,

шикарней Арбы… – возможно, не кривить душой?»

03.18

Обыденность крутых поворотов. Никаких сильных внутренних терзаний, никаких театральных жестов.

Тщательно изображавший особо среди чистых хозяев Арома-Лато напускной цинизм, Отто не рисовался на безобманном поле и доли секунды. Когда подошёл к Чуме и тихо признался, что флакон пуст… «Пуст, такие дела…» Настолько просто и обыденно это прозвучало, что хищник решил: послышалось. Тряхнул головой, рассыпая ещё шире пряди дыбом, дугами стоящих волос. «Ущипните меня…»

– Что? – наклонился он к Отто, к самому уху.

А Отто и голоса особо не понижал… Он же не врать решил, а признаваться. Но потусторонний, потрясённый шёпот Чумы заставил лишь сдержанно кивнуть: именно, пуст.

Чума аккуратно отфланировал к Карату… Всё не по задуманному идёт, вообще всё.

Комодо, гуляющий охотник Южного Рынка, Карат Биг-Фазан умел контролировать лицо… К счастью. Но, не будучи шаманийцем, он не мог дать Чуме требуемого – совета. Тот находился в положении между внезапной переменой обстоятельств с одной стороны и неизменяемостью их с другой, принципиальной: игра шла не за флакон с их стороны, за жизнь и свободу другого шаманийца.

Мема, по каменному лицу Карата прочитав больше других, неуловимо быстро очутилась рядом. Она – шаманийка уважаемая в лунном кругу.

– Я не трус, – сказал неопределённо, а сам подумал о другой галло…

О Женщине в Красном, вернувшей его к жизни, обещавшей забрать эту жизнь, что ещё соблазнительней… О невероятной галло Великого Моря. Вспомнил разом голубятню свою, голубок… О начавшей налаживаться жизни задумался, возможности ещё десять или сто раз пасть в стрижиное «фьюить!..», оборачивая в виртуозном столкновении резаком крыла чьё-то горло, беспрепятственно, до содрогания сладко… Скорость, власть, вольная, мнимая, стрижиная жизнь в каштанах… Алое зарево в Великом

Море…

– Наши примочки не действуют, – сказала Мема. – Какой ты игрок сам по себе? Только это сейчас важно.

– Мы вровень.

Мема дёрнула худым, рябым плечом:

– Раз так, не о чем гадать. Два шаманийца вдвое больше, чем один. Пусть рискует чужой.

Чума выдохнул. Мема – авторитет.

Красные, лакированные когти в замок за спиной сцепив, громко и отчётливо, не без труда Чума объявил со своего игрового места:

– Я – пас.

После чего и случилось предсказанное им.

Та часть публики, что надеялась смыться до решающей партии, или, по крайней мере, до окончанья её, зашевелилась с комичной, не украшающей беглецов живостью. Спустя пару минут Гранд Падре имел в своих стенах лишь плотные ряды клинчей, Биг-Буро, прислонившегося к стене, имевшего обзор за счёт выдающегося роста. Словно по высоте и отбирала оставшихся судьба, даже слугу-хозяина

Рынка Гранд.

Маленький перед ними Отто. Однорукий, одинокий, за рукавом к поясу притянутым – белое письмо прощания. Отто переложил его за пазуху, к сердцу, а руку просунул в рукав, и стало видно, что регенерация далека до завершения. Что он играл одной левой, не рисуясь, а поневоле, многие клинчи заметили лишь теперь, судя по глухому ропоту.

Жулан предупредительно протянул Отто левую руку. После рукопожатия слуга-хозяин торжественно пронёс безобманные марблс от двери сквозь асфальтово-серые ряды доспехов, скалящихся масок. Игроки вяли птенцов с подноса и разошлись.

Дальнейшее будет непонятно без объяснения некоторых базовых правил игры.

«Партия на стеночку» – выбивание чужих от стены и выстраивание своих птенцов как можно ближе к ней – простейший вариант. Очерёдность бросков соблюдается, если нет полного, точного выстраивания на «меже». Кто поставил туда первого птенца, получает право бросать второго и так далее. Есть и ещё исключительные, победные построения, столь редкие, столь

маловероятные, что о них чего и говорить. «Меч», например.

Жулан предоставил право заходящего в партию броска Отто, как повелось издавна.

Отто не был успешен. Помешал ему не страх за своё ближайшее будущее. Помешало другое непредвиденное волнение… Его пальцы думали, что уникальное стекло держат, круче набора цып, которых не приручил, разочка которыми не сыграл.

Нетвёрдо он держал птенцов Гранд Падре, неуверенно. Первый же брошенный, проскакав по звонкому полю, остановился от межи на расстоянии собственного диаметра. Провальный для марбл-асса результат. Против клинчей – фатальный.

После его промаха интерес как бы сразу пропал, не успев разгореться… Безмолвная чёрнолатная публика наблюдала, как жулан выстраивает своих птенцов точно по меже… Точно… Ровнёхонько… «Секрет раскрыт, – подумал Отто. – Не в перчатках их искусство…»

Биг-Буро внимал стеклянному стуку марблс, прикрыв тяжёлые веки, и пытался соотнести силу Морского Чудовища с силой этой армады. Не

идиот, что такое численный перевес понимает и начинающий борец, демон моря подавно.

Жулан не ошибся ни разу. Ряд его птенцов смотрел на Отто с межи, плотный, идеальный. Следующие броски Отто – простая формальность. Даже если ровно поставит – рядом с уже брошенным его птенцом от межи далеко. Зал беззвучен. Ждут.

Произошло следующее.

Отто забыл про свою руку. Правую, отрезанную. Ну, забыл. Не до руки сейчас. Он хотел перебросить шарики, как привык, в правую руку а с неё – отбивкой на поле, шик такой, позёрский приём не для финала, а для захода в совсем друге партии, но терять ему нечего.

И уронил…

Сквозь светящиеся подушечки отсутствующих пальцев…

Хотел поймать, да той же, правой рукой, дурашка…

У Буро сжалось сердце. Сначала Паж, потом телёнок этот. Его же, Буро вина.

Несуществующие пальцы, пропуская стеклянные шарики сквозь себя, струйкой их отклонили: прыг-прыг-прыг… – друг через дружку. Куда? Куда целился – на межу.

Ровно-ровно в ряд остановились птенцы, в «меч», а вернее – в «единый взмах меча».

Практически не воплощаемая, в марбл-легендах упоминаемая комбинация. От себя кидая, как выстроить линию за один бросок?.. Но уж если она встала, куда ни нацелена, на «межу» или полностью собранное соперником «гнездо», она как мечом протыкает его!

Последний кукушонок толкнул всех, вплоть до первого, неудачно брошенного. Тот цокнул, вытолкнул канарейку жулана и откатился к своим. «Меч» Отто остановился…

Чистая победа…

Отто глянул, как в пропасть, глазам не веря, и пошатнулся, закружилась голова.

Не чуя ног под собой, он подошёл к календарю печатей, своим оттиском перекрыть вызов жуланов. Вертикально стоящий меч Отто – между жуланьих крыльев… Латники проиграли.

Никогда ещё Гранд Падре не гремел такой бурей аплодисментов.

Клинч в маске без рисунка клыков отделился и встал у рамы. Его выиграли. Шаман свободен.

При завершающем дружеском рукопожатии расчётливый технарь, жулан спросил его:

– Кто придумал ради победы отрезать руку? Ты сам? Нам пригодился бы такой боец.

Низкий, аж рычащий голос, вблизи чуть не сносит, как ветер на скалах.

Отто покачал головой.

– Кажется, мне вы не поверите, но это случайность. Совпадение…

Клинч хмыкнул и не стал настаивать:

– Не суть… Марбл-асс, давай теперь поторгуемся. Нам нужен этот флакон. Он был твоим? Он вернулся к тебе? Вешний человек, прояви благоразумие и назови свою цену.

«Интересно было б увидеть твоё лицо, – подумал Отто. – За флакон поднял бы ты маску?»

Промолчал. Усмехнулся…

Освежающий душ он устроил клинчам, запомнившийся надолго.

Отто подпрыгнул, срывая флакон вместе с подвеской, открыл… И перевернул горлышком вниз!

– Как, – спросил, – это против правил?..

Огромную драку предотвратил телёнок на безобманном поле. А какие ещё последствия, про то Фортуна знает…

Клинчи дерзость и честность уважают, чувством юмора не обделены. К тому же, будь они хоть сто тысяч раз латники, мании нескончаемой войны, хаос многотысячного сражения прельстит далеко не каждого.

Третий раз достался Отто шквал их аплодисментов, рёв, хохот, улюлюканье, свист сотен голосов, пролившийся, раскатившийся за раму, охвативший небо…

Промахнулась боязливая публика, напрасно поспешила уйти. Впрочем, так и должно быть, легендарную сцену в награду получили те, кто её достоин.

Некоторую ценность представлявший флакон достался проигравшему клинчу в подарок.

– Прощай, марбл-асс, – сказал он. – А то приходи на следующий год, выдумаем новые ставки. Ради тебя… Ты нам пригодишься!

– Польщён! Но вряд ли, – отозвался усталый Отто. – Да и что значит, приходи? Вы такие надменные. Вы-то приходите, кто хотите, а у нас кого Гранд Падре пригласит. Заслужить надо.

– Ну, отчего же ему снова тебя не пригласить? – лестно возразил жулан и добавил. – Положит надежда случаю руки на плечи.

03.19

«Або Аут Аволь!..»

Под хищный клюв и бычий лоб, под узкие орлиные глаза, глядящие в упор, Паж нырнул в золотое сквозь перламутровое.

«Або Аволь!..»

Сквозь амальгаму морского подбрюшья нырнул.

«Аволь!..»

В сердечник драконий.

Наиболее защищённая грань в дроидской сфере – пересечена.

Сгруппировался в падении. Очнулся в мягком снегу.

Снегопад был част до непроглядности. Хлопья, хлопья…

С минуту Паж ещё озарял зимний пейзаж светлячковым неоново-синим светом, но снежинки быстро погасили его, падая и впитываясь без ошибки.

Регенерацию бесцеремонно наблюдал снежный зубр – нереально мощный и плечистый юноша. Руки в боки, снег задерживался на светлых волосках тела, даже, пожалуй, шерсти. Юбка из перьев. Орлиных? Каждое похоже на меч, юбка из мечей…

– Удивление-синь-Фавор! – крикнул юноша

кому-то в снегопад. – Осталась последняя ступень! Вектор нашего тракта идёт до закрытых лепестков.

От его голоса вибрировала и качалась вся степь, всё небо над степью, снегопад взвихрялся беспорядочно, Огненный Круг сбивался в груди.

Снег заскрипел в ритме быстрых шагов. Танцующей походкой издалека приближалась фигурка под вуалями, обгоняющая их, затмеваемая ими. Она споткнулась о сброшенные, занесённые снегом резаки, на необщем дроидском заковыристо выругалась, интонации - как фальшивый звук треснутых колокольчиков, и воскликнула на необщем дроидском:

– Топ-извётрыш, какую пакость припёр!

Колокольчики Туманных Морей в её голосе посвежели и разбились смехом.

Паж не видел и не слышал. Взметая снег...

...на него вылетел крепкий как табуретка, кубический пёс!

Низкий, криволапый английский бульдог! Башка – будка! Сам – с тумбочку! Дружелюбный!..

Шерстью покрыта лишь холка, блестит как сахарная. В высшей степени живой и активный пёс образован сочленениями кибер-механики, называемыми «шатуны», вроде пружин на шарнирах, очень тугие. Едва поднявшийся, Паж рухнул обратно. Натиск пёсьего прыжка его, откровение сбили его с ног: лай не оставлял сомнений, что именно в этом собачьем облике и обитал их шаманийский ужас…

– Тузик, – повторял Паж, отмахиваясь и ловя, – Тузик хороший, хорошая собака.

Упустил, бежать по снегу не получалось. Светлячкового сияния нет, но и сил нет. Тихим свистом Паж подозвал застеснявшегося пса. Приподняв стальное ухо, Тузик на свист не шёл, и тогда Паж поманил его…

Через минуту они самозабвенно играли в снегу: Паж ловил его, трепал, гладил, упускал, на бок пытался повалить… Ага, как же, тропову кибер-механику! Взрывающий снег, криволапый пёс скакал на него и вокруг. Утихомирился и позволил схватить, поднять руками славную, механическою морду.

Паж тяжёлого зверя передние лапы и всмотрелся в «шаманийский ужас». Цветок

метаморфоз… Густо-чёрно-фиолетовые, «пред-финального-фиолета» зрачки источали слоистый, медовый, янтарный свет. Белки источали сахарно-белый. «Або Аволь, тузик – проводник в Лакричную Стевию… О, как всё вместе, как всё рядом!.. Близко и парадоксально!..» Паж рассмеялся и укусил себя за кулак. Большеголовый, криволапый – да! Ужас?! О, нет! Обаянием кибер-пёс превосходил все, когда-либо виденные Пажом, живые артефакты. В квадратных глазах пса цвели луковые шары метаморфозы, светилось блаженство Аволь в снегопадном собачьем раю.

Подошедшая дева-дроид откинула за плечи вуали, кроме одной, ростом она оказалась с юношу. Улыбнулась. Из людей – Густав выдерживал взгляд дроида желания.

Паж опустил глаза, а пёс, приветствуя её, рявкнул низко и ооочень гулко, словно в бочку! Залился счастливым лаем, быстро успокоившись под рукой королевы. Напрыгался. Положил морду в снег, и Паж положил. Лёг рядом, утратив последние душевные силы.

Лик Шамаш снова сиял перед ним – снова перевёрнутый… Что за судьба такая!

Дроиды заспорили, что-то объясняли… Про одностороннее движение, про него: выйти, не выйти, сразу, погодя.

Паж лежал. От собаки пахло свежескошенной травой и ойл.

«Интересно, а что здесь пахнет анисом? Снег, духи Шамаш?..»

– Дроидские очи в кибер-механике… – вслух произнёс он.

– Ага! – согласился шерстистый юноша одобрительно к его догадливости.

Огненный Круг подпрыгнул, и не сразу вернулся в нормальный ритм. Пространство дрожало и гудело беспорядочными волнами.

– Доминго увидит, с трона рухнет! Но мы не покажем, ему, да, Фавор?

Последние слова были обращены к маленькой птичке.

– Или покажем? Чтоб знал, что не надо скопом явления демонизировать. А тузик? Верно я говорю? Ты, что ли – чорт?!

Паж отдышался, опомнился, и почувствовал стыд за все испытанные, накопившиеся как гнилая коллекция страхи. Примета выздоровления, но как освободится от этого стыда, не более осмысленного, чем его предметы?

Паж знал на самом деле. Знал, куда ради самоуважения ему надо нырнуть с открытыми глазами. Горлом помимо рта говорят с важнейшими в жизни дроидами. Открытым горлом и слушают, и обращаются к ним. А при таком способе разговора, уничтожающем барьеры, человек должен обратиться первым. Это все помнят, как манок своего дроида, со времён пребывания Восходящим: запрос исходит от человека.

«Что спросить? Как твоё имя?» Паж догадался, как его имя. Не виляя, ему следует произнести: «Ты – Троп?» Два слова. Одно из них, то, которое нельзя произносить в океане…

Но в противном случае дроид не представится, не вынудит человека услышать своё имя, одинаковое на обоих эсперанто и необщем дроидском, имя, которое не заглушить, не смягчить. Останется беспредельными крыльями, клёкотом Великого Моря, невзирая на размер оказанной услуги, несмотря на доказанную дружественность.

– От тебя! – внезапно чудной трелью ответила Фортуна.

Вот на эсперанто Паж её услышал! Тронный дроид онемел бы, впервые омытый голосом королевы над королевами желания!

Голова у Пажа пошла кругом.

– Что? Что от меня, Шамаш?

– Лакрица, анис – от тебя! Ах, это я смешна, конечно, ты не чуешь! Ты принёс её с собой. Человек, одинокие люди говорят «сахарный аут» про вектор сюда. Называют его сладким. И засыпают в снегах. Но те, кто встретил любовь, те называют: «анисовой, лакричной Аволь». И уходят обратно. Контур-азимут любимого их всегда обгоняет, зовёт, кажется им лакрицей. Для них снежный сахар пахнет анисом…

Фортуна смеялась. Дроиды вообще часто смеются, дроиды желания – при каждом удобном случае.

– Почему именно анис?

– Я не знаю, я дроид! – Фортуна рассыпалась смехом. – Не знаю даже, что за запах! Но я могу сказать почему… Анис для меня – двойной аромат, принадлежащий в первой расе, теплу и

холоду поровну. Базовый запах, ведь это нормально – парно создавать, парно существовать. Даже троны! Ах-ха-ха, даже самый устойчивый трон вращается вокруг – каждого – из дроидов семейства, вот так! А не они лишь вокруг трона!.. Ха-ха, мало кто это понимает!.. Або-лакрица… Аут-и-сахар… Лунная-Стевия…

Кажется, она могла долго перебирать напевные слова, как Чудовища Моря перебирают их, едва зайдёт речь об Аволь!

Юноша прозаически перебил её:

– И это сильно усложняет дело.

Дроиды обратно заспорили меж собой, быстро сбившись с эсперанто на необщий дроидский.

Паж собрался с духом… Вспомнил Отто… Изо всех сил прижал к себе пса, самого лучшего, самого доброго кибер-пса на свете… Снежного зубра оглядел с головы до ног, и, воспользовавшись первой же паузой, спросил:

– Ты… Троп?

Море громыхнуло.

Когда Троп находится в нём, не без

последствий проходит озвучивание его имени. Так и возникают мифы о колдовских заклинаниях, от обычного резонанса.

Запели тени ро, замычали морские гиганты, стон пробежал по стрекалам актиньих дёсен. Оглушительно плеснув крыльями, сорвались где-то из тьмы во тьму зловещие кардиналы… «Оуууу!.. Ооооо!..» – прокатилось по океану, заглохло в снегопаде.

Дроиды рассмеялись. Юноша протянул ему руку, пора подниматься и знакомиться.

Сдержанно кивнул:

– Ди, человек. Да.

Больше ничего не произнёс. Но за это громовое «да!», сказанное как «ди!», пронзившее Пажа насквозь, Фортуна всё же погрозила дракону пальцем.

В дальнейшем имел место следующий эффект, последствия того же самого, избыточного и необратимого перепутывания дроидских и человеческих орбит при близком контакте: пространство больше не содрогалось для Пажа, когда Троп открывал рот.

На рынках, как выяснилось, этот дракон

присутствовал в надменной немоте. Большого удивления подобный стиль не вызывает. Некоторые затворники миров не владёют эсперанто, самому навыку словесного общения они бывают чужды. Для рыночных людей немота бывает следствием травмы от яда и обстоятельством проигрыша кому-либо.

В снегу в отдалении, неуместные и грозные, ещё блестели синей сталью расправленные стрижиные резаки, заметаемые снегопадом.

– Видишь, королева, докуда протянулась Юла Гнезда? Не морской житель пожаловал к нам. Ещё немного, скоро твоя неволя придёт к завершенью.

Фортуна усмехнулась:

– Вальс повторится сначала.

«Вальс» – мягкое ругательство в их сфере, синонимичное выражению «на грабли наступать». Безмолвным удивлением ответил дроид.

Она – усмешкой:

– Да мне ли не знать!

– Тебе ли одной, королева? Тссс… Я Фавор спрошу!

Крошка-птичка не покидала его великаньего плеча. На горле голубое пятно трепещет. Фавор

покосилась на Тропа бусинками обоих глаз, крутясь, пёрышки почистила… Чирикнула и сорвалась в снегопад. Паж – взглядом за ней… Ан, не только взглядом.

Как только последняя снежинка заполнила последний, каштанами нанесённый изъян, Дарующий-Силы начал свою работу. Человека повлекло навстречу снегопаду, Огненный Круг возносил его, светился.

Могучая, как ствол каменного дерева, рука Тропа легла на плечо и пресекла взлёт:

– Что, ныряльщик, убежать надеешься?! Скажи мне, разве можно из моря досюда донырнуть?

Паж помотал головой.

– Вот и отсюда нельзя туда. Будешь под потолком болтаться. В верхнем снегу летать. Я через сердечник пропустить могу сюда, в сторону Юлы, а обратно нет… – Троп задумался, добавил. – Здесь ты, человек, бессмертен!

Фортуна недовольно фыркнула и опровергла:

– Человек, не слушай. Что ящер может знать про смерть и бессмертие? Пусть вылупится начала!

Троп вылупился…

– Да не на меня! – колокольчиком захохотала королева желания.

– На него?!

С юмором у дракона не хуже, чем у соплеменников.

– На себя!

– Королева желаний, твоё философское очень требование…

– Самое физическое! Вот подожди, разоблачение настигнет нас с тобой на пару!.. Августейший возьмёт клещи и поможет вылупиться! С разных, самых неожиданных сторон себя разглядишь!

– А ты заступись за меня, королева! И вообще, что за унизительные предположения?! Что мне его клещи? Да я его вместе с клещами проглочу…

Троп задумался и пробормотал под нос крючковатый, орлиный:

– Хотя… Этого-то, подумать если, то и не надо…

Насмешил королеву чище прежнего.

Отсмеявшись, она сказала:

– Мой возлюбленный гаер – дроид сложной

структуры и судьбы. Его признательность тебе будет огромна, но Фавор… – она протянула руку и птичка, чирикнув, села на мраморные, тонкие пальцы, – Фавор ведает, какую форму может принять его благодарность…

Троп фыркнул и оглушительно чихнул! Аж снегопад взвился вокруг него наверх, образовав ненадолго бесснежное пространство!

Общий жест пренебрежения для людей и дроидов, «апчхи» – широкого охвата местоимение, подводящее разговору односторонний итог.

Из-под тяжести дроидской руки, Паж спросил:

– Как же быть?

«Как из Аволь, из заснеженной степи выходили другие? – подумал он. – Если выходили, если это из-за них легенда об Аволь жива».

– Как Восходящие, – ответила Фортуна. – Как они, так и ты. Коронованный должен за тобой спуститься.

– И он спустится?

Троп фыркнул:

– Нет, конечно! Ты же не Восходящий! Разве ты хочешь наверх, чего ты не видел там, а чего хорошего ты там видел?

– Вы меня запутали. Нарочно?

– Никто тебя не путал, – серьёзно сказала Фортуна. – Ты про Хелиосом кованного Царя-на-Троне говоришь, а сколько их прибыло с той поры? Мы не кованного имеем в виду, а любого другого.

– К чему выходить? – задумчиво, провокативно рассуждал зубр. – Кто сюда попадал, поперву спрашивали, а назавтра – хоть гони их!.. Снег бы пинают застенчиво, вокруг да около: «Какое чудное местечко… Как бы тут бы остаться?..» Под снег тянет вас, в спячку, медведи. Юла, первая раса притягивает, иными словами. Или есть, зачем выходить? Намекнуть кому-то там, – он указал орлиными глазами наверх, – чтоб нырнул, чтоб посветил тебе Огненным Кругом на выход?

Паж представил Отто за серебряной пеленой, за полупрозрачной амальгамой, маленького, тёплого, с Огненным Кругом в груди, с беспредельным океаном за спиной, холодным,

фиолетово-синим, пенным, буйным, вздыхающим голосами косяков ро: «Оу… Оууу!..» И его захлестнула такая огромная нежность, что океан не вместил бы её.

- Нет! Никого там нет!..

«Через все океанские ужасы, каменные леса, между крыльями кардиналов, сквозь кольца пёстрых змей. Ни в коем случае! Лягу и усну тихонько в снегу».

Дроиды, переглянувшись, засмеялись.

– Ох, человек, есть такой человек, правда? Реакция твоя очень правильная. Знаешь, как она называется на нашем эсперанто? «Ноль-тон» – исходная точка.

Проблема для этих двоих застарелая, неразрешённая, так что, они довольно сбивчиво пытались осветить её для человека, непосредственно являвшегося её частью.

Фортуна:

– Заковырка, аспект такой… Мы вплотную к оси Юлы. Свои законы… Здесь ты не полудроид, а получеловек. Ты думаешь, что виден, а ты не виден. Думаешь, что ты есть, а для кого есть? Тебя даже не вполне нет! Дроиду и наверху

нашей сферы сложно разыскать дроида, насколько сложней внизу разыскать полудроиду – получеловека! Меток здесь не летает, не бывает поисковиков. Здесь ты не можешь быть азимутом, ни для какого дроида, включая Тропа. И я не могу, никто. Можешь для единственного человека, с которым в первой расе переплетён. Когда Троп ныряет, в снегопаде мы заново ищем друг друга. Когда ты нырял на свет, то не навстречу ему, а «куда-то на свет». Ты просто недооцениваешь его размер. Ты нырнул и нашёлся случайно – благодаря резакам. Думаю… Думаю, ни один иной артефакт не способен пересечь эту грань… Троп и я могли долго искать и совсем никогда тебя не найти. До спячки и полного погружения. Твой азимут по первой расе способен тебя разыскать, Троп направить его не способен, да в этом и не имеется нужды, ни, извини, выдаю тайну, толком охранить. Тропос теней не разбивает, максимум, что он может, поймать Чёрного Дракона и вынудить его послужить телохранителем хищнику в океане.

Тропос:

– Это я обещаю. Это – обещаю. А касательно основного момента… У пространственных азимутов есть свойство: чем с большего

расстояния начат путь, тем надёжней приходит в пункт назначения. То есть, если бы я вознамерился позвать твоего друга, мог бы позвать его… абстрактно вниз!.. За амальгаму впустить мог мы, а дальше птичка Фавор знает, сколько тысячелетий вы искали бы друг друга в снегу, когда столкнулись и какова вероятность. Взять же второй раз разбег – невозможно. Знание о том – куда, уже «не издалека». С первого раза, или – или. Или он сам, или – увы.

Фортуна:

- Кто кроме человека имеет власть позвать Царя-на-Троне? Даже Гелиотроп, создатель его не имеет!.. Твой друг выпустит тебя, как Дарующий-Силы спуститься за тобой! Прочие дроиды не должны вмешиваться в человеческие вектора! Само приближение Тропа отклоняет вектора! Удивительная согласованность, я вынуждена это признать, с общедроидскими запретами: в поиске одного человека другим дроид может только помешать. Да и полудроидам лезть в чужие отношения не следует… Как Фортуна-Желания-Августа говорю!

В результате эмоционального дроидского многословия, картина сложилась пред Пажом довольно отчётливая и простая. Через небо и море, опасности, глубины, теней и чудовищ, вдоль тропова незримого присутствия тянулась ниточка между Отто и ним. Как потенциальность, она азимут, орбита – как путь. Дроиды могут её лишь порвать и запутать. Пройти вдоль Отто должен самостоятельно, как Белый Дракон, слушая только Огненный Круг. Каждый последующий шаг зависит от предыдущего, если по две стороны амальгамы они хотят сойтись точно, как лицо попадает в отражение. Подталкивать Отто нет необходимости, направлять – нет возможности. Способен ли Отто забыть его?

Притяжение Юлы Паж осознавал ежесекундно, зато притяжение наверх было несравнимо сильней. Дроид предупредили его, что можно тут уснуть и не проснуться. Сонного – заметёт. Вероятность такого Паж не допускал для себя. Огненный Круг – как будто полон зовом к Белому Дракону, помимо его воли, горло – как у Восходящего открыто, прислушивается зову дроидского манка. Подсолнухом надежда из Заснеженной Степи тянулась наверх.

Фортуна ушла в снегопад.

Троп обернулся драконом, посадил человека на спину и понёс затейливыми траекториями, петлями, серпантинами в снегопаде. Он прокладывал ходы, которыми Отто будет гулять во время ожидания.

По воздуху между снежных хлопьев там разумнее ходить. Толстенный слой снега на земле человека держит, не даст провалиться, но поступление и усвоение снежинок матрицами отслеживают технические дроиды над землёй, неправильно пересекать их пути. Выходит помеха. Гелиотроп захочет удостовериться, всё ли в порядке, разоблачение замаячит на драконьем носу.

– Куда ты потом? – по-свойски спросил дракон вполоборота, безосновательно и твёрдо уверенный в благополучном исходе для человека.

– В Собственный Мир. Нет, на Краснобай… Не увести мне оттуда, чувствую, марбл-венценосного телёнка…

– У-га-га, громкий эпитет! Любишь его?! Игрок-то, чай средненький, га-га-га!.. Впрочем, помню одного за игровым столом, в венце

марбл-асса… Поклевал я, правда, этот венчик…

– Стоп! Ты? Ты что ли в Арбе отобрал у Отто сезонный титул?! Так расстроив его?!

– Расстроил? Я? Человека?.. Я безутешен… Но игра, есть игра!

– Плохой дроид!

– Охо-хо! Ты даже не представляешь, насколько плохой! Ага-га-га!.. Ага!.. – гулким клёкотом хохота подтвердил Троп.

– И много среди нас вас бродит, дроидского марбл-жулья?!

– Ну, парочка ещё… Значит, на Краснобай?

– Д-да… Фишку одну хочу… Кто продаёт, знаю, где установить, решил, но, хотелось бы для себя тоже… Но как пронести бильярдный стол в Собственный Мир?..

– Рама узкая?

– Рама нормальная, лететь с ним как?

– Набиваешься, наглец?! Ладно, отнесу. Не чета вашим ездовым белкам!

Паж машинально хлопнул зверя по шее привычным, одобрительным жестом и сразу опомнился:

– Дракон, какой бред, какое безумие!

– Поверишь ли, – разоткровенничался Троп. – У меня в плетёнке Лунного Гнезда артефактов побольше, чем на всём Краснобае. И бильярд… – есть!

– Научи меня! Чтоб Отто ещё не умел, а я умел немножко!

– Может быть, может быть… – пробормотал дракон. – Долго лететь, по-улиточьи если, с человеком на спине… Но почему бы и нет?..

Дальше кружили в молчании, упоённо, плавными виражами, каждый в своих грёзах.

Четвёртым от начала времён всадником Тропа стал Паж. Первым из числа людей.

03.20

Гуляя по снегопадному небу, Паж бессознательно замедлялся в месте своего приземления, на оси нового тракта, проложенного сквозь Шаманию. Запрокинет голову и стоит. Грезит, как пробьётся сквозь снегопад золотистый свет Аволь.

На таких глубинах Огненный Круг виден

всегда, кажется тёмным, медным огнём, а свет его – слоистым, тягучим.

Паж легко представлял себе Отто за бликующей амальгамой, за перламутровой скорлупой: крошечное пламя в широких золотых ореолах. Золото медленно горит, слоями, волнами расходится до самых берегов, до пляшущих волн, на всё Великое Море. Растворяется в море, как сахар огромной радости и едва уловимый анис. Любовный анис.

Снова в будущее смотрел на Аволь. Або Аволь всегда с другой стороны!

Под снегопадом, как под нерафинированными ливнями гулять. Впечатления равномерно краткие, зато полноценны по органам чувств. Вдоль тропова тракта летели снежинки, в иных местах отфильтрованные, запретные. Пажа тянуло на место их беседы. Паж много узнал, уточнил.

Единственная снежинка, упав на лоб, потрясла Пажа Впечатлением кратким, отчётливым. Он увидел киборга… Совершенного киборга, в котором дроидская часть была подчинена кибер-части… Шаманийская тема, предпоследняя эпоха.

Киборг по-стрижиному влетает через окно в зал Клыка, убирает погоны-резаки, они со щелчком складываются на загривке, садится за хрустальную полосу клавиш…

Как за пару секунд Впечатления Паж распознал киборга в стриже? Почему насквозь пронзило? Он услышал существом дракона, Впечатление дроида досталось Пажу – казуистически редкое. Венценосные драконы, – независимые реально, зато не факт, что навсегда! – оставляют Впечатления, но понять их нельзя, этот был Белый Дракон, двухфазный, понять его можно.

Паж услышал как истраченный, несуществующий в киборге Огненный Круг призывает Белого Дракона через пианино кодировки. Голос космического одиночества – саксофон летит над пустыней. Он так одинок, словно уже взорвалась Морская Звезда, а следом все планеты и звёзды, пространство и время, но остался абсолютно нерушимый саксофон, зов превыше надежды.

Просто Впечатление, хорошая музыка. Мир в стадии катастрофы оставался густонаселён. В зале одновременно появились дроид и слуга верхней категории, с пажеским значком на ошейнике, в ямке между ключиц. Он обменялись парой фраз на здорово устаревшем эсперанто.

«А вот и он. А вот и я. Вот, кому я паж, Отто». Впечатление предъявило его лицо…

Точно так иссыхали лица шаманийцев, проглотивших «каштан докстри».

«Инженер стрижей стал киборгом… Сомнений быть не может… А это, рядом с ним… Это я?.. Так вот как выглядел я… Дракон удивительный, без передних лап…» По когтю на каждом крыле. «Найти бы его, разыскать. Тот паж уже ничего не расскажет, как и тот докстри, но дроид может существовать и поныне – ниточка протянулась от них до нас… Он должен многое понимать по Шаманию, этот дракон». Увы, неизвестный даже Тропу.

Тропос мимоходом дал ковалю, почитаемому всей дроидской сферой, исчерпывающее определение феномена, связавшего их с Фортуной. Он действительно подвозил дроида желания, и действительно они с тех пор ещё не возвратились.

Когда Тропос увидел самое пленительное из дроидских созданий, то есть, самое пленительное создание всех времён и рас, пребывающим в стадии утраты опоры на общее поле Юлы, он, начавший к тому времени вить

гнездо на месте луны, подумал, что небольшая Юла его Лунного Гнезда вполне может стать промежуточной опорой.

Но дроид желания не пребывает в каком-то одном конкретном месте. Фортуна поселилась на орбите выше земной Юле и одновременно ниже. Вернуться в дроидскую сферу – вернуться в среднее положение.

Троп охотился ради королевы, без колебаний разбивая Чёрных Драконов забредших в Великое Море, делился… Малыми орбитами их чешуи мостил новый «лунный» тракт. Кое-что оставлял себе. Кое-что для тракта заказывал у ковалей, избегая сообразительного Гелиотропа. Разбойник.

Очутившиеся милостью Тропа под снегопадом люди, девяносто девять из ста не покидали его. Они засыпали, погружаясь постепенно в общее поле Юлы вместе с Белым Драконом. Человек крепче дроида, сильней, Царь-на-Троне, тот, который Огненный Круг, звал дракона из-под снегов, как единственный азимут, и дракон летел сквозь океан… Он счастлив, и Троп доволен – ценные мелочи перепадали ему… Чешуя белая, к примеру: база базы малых орбит формы, крепкая вещь, на срезе - дискрет.

Единицы, вынырнувшие к жизни и любви, отделывались общими словами. Если находилось, кому их спросить… "Ну, умирали, да не умерли, погибали, да не погибли, регенерация, что? Холод Великого Моря консервирует, регенерация медленна. Чудовища нет, не сожрали, за соляшку приняли, за камень холодный, повезло… Где с тех пор пропадал? Где люди добры, Впечатления добродетельны, ха-ха… Вы о чём?.. Разве есть на свете такие места? Давайте лучше споём про Анисовый Аут, Або, Аволь, пропоём лакричные имена".

Самовосстановление для Фортуны технически не главная проблема. Главная – момент возвращения, когда она станет видимой. Тогда обнаружится Гнездо Тропа, бытующее на уровне побасенок. Обнаружится факт, что Юла не одна… Две Юлы, две опоры, два общих поля произведут хаос в дроидской сфере, о масштабах которого можно лишь догадываться. Передел семейств…

Притом, ничейность земной Юлы – аксиома. А та не ничейная, она – тропова! Кто-то захочет поближе к ней переместится, вторая раса окажется под властью технического дроида третьей, автономного, не высшего? Как бы дико

ни звучало это, сомнения нет, что многие захотят!

Фортуна непрерывно размышляла над открывающимися перспективами. Троп – ни минуты! Его-то, Тропа всё полностью устраивает! Пусть обживаются в поле Лунной Юлы. Хоть все пускай перейдут, облачные миры отбуксируют!.. Старый мир на лепестки разорвать и подуть, разлетится роза ветров по космосу! Лунному Миру, водружённому на шпиль лунной Юлы, земля предстанет необязательным, красивым ночным светилом, предназначенная лишь для матриц в заснеженной степи.

«Троп получается – главный… – дракон почёсывал брюхо когтистой лапой. – Хорошо…»

Однако и у него имелись сомнения.

Например, он не меньше прочих любил Морскую Звезду, небо с мирами, дроидскую сферу с лабиринтами и семействами. Любил перекрёсточки людских рынков, где можно сплясать и покатать марблс… В отличие от большинства дроидов любил и Великое Море.

Так что Троп и Фортуна-Августа не спешили. Сомнения, сомнения…

Появиться в дроидской сфере до полного

самовосстановления Фортуна никак не могла. По многим причинам. Лично – из-за Августейшего. Едва покажется ему или дать о себе знать, что для дроидов равноценно, суть – тихий азимут, который подал голос… Но ведь Фортуна покинула дроидскую сферу непосредственно в тот момент, когда Августейший готов был перераспределить их взаимные орбиты в её пользу, таким образом, покончив с собой, прекратившись. Это положение вещей никуда не делось. Едва увидит её, опирающуюся на общее поле Лунной Юлы, сам опирающийся на Юлу Земли, будет разорван между них.

Крах гарантированный, это уже не версии, не раздумья о грядущем.

Фортуна-Августа должна восстановиться целиком, отпустить луну, опереться на землю, никак иначе. Для этого Троп должен закончить мостить Лунный Тракт, пока что – ему да тузику доступную траекторию между луной и Заснеженной Степью.

Осторожно. Последовательно. Внимательно. Ещё и ещё раз: без спешки и в полной тайне. Дроид желания, восстанавливающийся с краёв – чёрная дыра, страшная сила.

С момента их встречи Фортуна летит с Тропом, пребывает выше высокого, ниже низкого, в будущем, в нигде.

А Фавор щебечет, где ей угодно!

Мелочи, на которые она была способна ради людей, как дроид желания, Фортуна совершала: притягивала хищников в Шаманию, у них же выманивала каштаны, чтоб не увлекались слишком… Теперь вот сделалась ночным оком Айна, Луной…

Прокладывая Лунный Тракт сквозь самое дроидо-необитаемое место, Шаманию, великий дракон счёл, что грех туда самому не заглянуть… Не зря, не зря!.. Чистый восторг ждал его в Шамании. Тузика, зверо-киборга Тропос из Шамании бессовестно спёр! Едва увидел, ошалев от восхищения. Дорог пёс ему, как Фортуне – птичка Фавор… Подправил бульдога и отпустил гулять. Лунным Трактом и Заснеженной Степью, Тропос отпустил Тузика гоняться свободно.

Светлячки видят пса, они манят его, да-да, и он их манит! Увести за собой получается, когда ослабевают настолько, что их, облачный рынок уже не держит.

03.21

– Карат Биг-Фазан… – Шаман поздоровался с противником полным именем.

Гармоничный, недалёкий хищник. Если б не Шамания, дорога ему – в латники.

Четверых знакомцев объединило правое крыло на короткое время. Четыре перепутанных интереса.

Карат рассчитывал на сближение по теме кибер-механики с девушками Архи-Сада. Наряду с Громом и Чумой – Большой Фазан теперь покровитель Суприори на правом крыле.

Для Грома и Шамана, враг шаманийки и галло Большой Фазан – отнюдь не забытая цель.

Шаман для Карата – навязчивая идея, мания.

Здравый смысл мог бы ему прошептать, как бы уникален он, Большой Пепельный Фазан, ни был…

«Сколько лет ты не выходил на бои? Всерьёз? А сколько времени парень провёл среди клинчей? Не на привязи держали его год. Год! Не

артефактом стать, латником он надеялся среди них остаться! А про то, что шаманиец он, ты не забыл, Карат? У них, известно, бывают провальные фазы, зато в остальное время эти парни быстры на уровне разбойников Секундной Стрелки. Болевой порог у них… на верхней точке шкалы, не порог – поднятый мост откидной».

Мог бы, но здравый смысл не говорил Биг-Фазану ничего, плюнул здравый смысл на Большого Фазана, – не слушает!

Возможное поражение как ничтожнейшая вероятность отсутствовала в завтрашнем дне. Причина не самомнение, причина – одержимость. Шаман представлялся здоровым, сочным плодом. Шаман вернулся, чтоб стать законной добычей, пропитанной его, Карата, вожделением, как «зефирная-губка» пьяным сиропом. Год её пропитывают самыми разными водами, приготовляя для Соломенного Дня. А вечером этого дня режут подобно торту, надеясь, что обиды прошлого года прощены, что бай с Оу-Вау начинял её не ради спланированной мести, а ради примирения.

Семь дней Карат и Шаман дали друг другу погулять, размяться. Шаману – адаптироваться к гравитации континента и отсутствию лат.

Шёл уже шестой день, а Карат Биг-Фазан ни на ковёр борцовский, ни в какой шатёр борцовский не зашёл! Но и не уходил с правого крыла. Смотрел… Смотрел всё подряд. Ставки забывал делать. Его сжигала лихорадка. Метания раскачивали его, как маятник. Чем ближе условленный день, тем глубже уходил в себя. Столб какой-то обсидиановый, мертвей Суприори.

Гром изредка выходил на ковёр. Договаривался о поединках, не грозящих подопечному неприятностями. Таскал его на любой армрестлинг.

Карат сидел и смотрел.

Настал вечер седьмого дня.

Правое крыло живо затапливал туман. Почему-то самые злые тени норовили собраться там. Подобное к подобному?

В кругу сплошных костров к шипению прогоравшего сорбента перемешивались крики публики и бойцов. Смотрели сочетание кулачного боя с правом на единственный захват. У этих стилевых «кулачников» имелись манеры крика, свиста. Перед ударом, после. Эффекта добавляло. Можно спорить, помогало ли

вложиться? Или отвлечение противника, вкупе с тратой сил? Но что касается ставок – помогало! Ходили на них чаще, ставили дороже. Одаривали фаворитов.

Шаман вышел против победителя, коренастого как тумбочка, быстрого, как смерчик на воде. Не сиделось Шаману.

Гром смотрел на Карата… Карат – на Шамана, который был откровенно страшен.

Всё такой же великолепный, презирающий одежду, бёдра обвязаны тряпкой алой, на тряпке цепи вытканы… Обалденно, декоративно… Его скорость и жестокость потрясали. С первых минут трудно сказать, живое ли тело отлетало под его кулаками на пружинящие стенки шатра. Захватом воспользовался, когда противник лежал на земле. Ну, как воспользовался, просто наступил на горло.

Слева от Грома, которого чуть не стошнило, сидел киборг Суприори с неподвижным лицом, справа – Карат с неподвижным. Два манекена, смотрящие на сатану!

«Куда я попал, что я тут делаю?»

Гром хотел каштан, хотел вкусной, дорогой

воды Впечатлений, что-нибудь сладкое, чего и все шаманийцы. Продолжения борцовской карьеры не хотел. Он стал тоже жесток, но в отличие от Шамана, холоден. Как попытавшийся сбежать шаманиец, этот человек не нравился ему, не ощущался братом. Лунный круг наверняка изменил бы такое положение вещей, но пока его не случилось.

Тяготясь молчанием и завершившимся боем, – «Как всё-таки живучи наши тела, он цел, кулачник! Не завтра ли выйдет на поединок снова?» – Гром подумывал покинуть на ночь правое крыло. Собрался вставать, грядущим днём поинтересоваться, даст ли Карат поручительство для Суприори. Уж очень удобно на правом крыле существовать рядом с ним! Никаких забот и тревог, сплошное уважение.

Небрежно, нервно Карат отмахнулся:

– Да! Материально, да, я вас поддержу. В плане бороться, за или вместе, два на два, три на три, это в пролёте. Разок. Завтра мой разок. Разок и всё. Потом нет, нет и всё.

Он повторил «разок», повторил «и всё». Повторил ещё, и ещё раз…

А ведь Биг-Буро говорил ему: «Карат, хватит клянчить коктейли! Карат, хватит дурить! Прекрати. Ненормальная у тебя лихорадка! Чего у тебя на уме?»

Мимо… Не слышал и не слушал.

Гром – посторонний парень, ни с какой стороны не авторитет для Большого Фазана, услышав эти «разок» и «всё»… Нет, он даже не ухмыльнулся, не скривился презрительно… Но что-то жутко знакомое мелькнуло в его глазах…

Буро в редких случаях не способен помочь отравленным, но совсем недавно такое случилось. Была целая серия отравлений. Дурные! Ряд не поделили!.. Ради новоприбывших торговцев, небесных кочевников не потеснились, ну и… Аборигенов подвела не глупая беспечность, а глупая самонадеянность. Собутыльников кочевников – она же! Когда пришло время ответный подарок пригубить. И яд тот самый, вот демон-торговец нажился на обеих сторонах!..

Глупышек, новичков Южного Рынка Буро любил и обхаживал, как понимающие осведомлённые люди обхаживали его самого. Не обвинял их, за ошибки не заставлял расплачиваться. Ну, сжулил, против кого не надо, ну, зазевался, босой ногой наступил на ядовитый шип в тумане, какой с него спрос?

Эти мешали яд, пили сами.

Буро, в ярости и недоумении глядя на спины тех, кому вынужден был отказать, однако, этих эмоций вовсе не имел на лице… Смерть – имел. Пренебрежение живого к мёртвому. Жаль бы, да поздно жалеть. Не о ком уже, падаль, отбросы, мусор.

Так смотрел как Халиль сквозь очочки, когда собеседник исчезает для него, а происходящее в Арбе – появляется, как на пустое место…

Ещё вариант: так смотрит демон в океане, который что-то увидел за твоей спиной. Распахнутые створки придонного монстра… Колыхание цветков метаморфоз под ледяным течением из ада Морских Собак…

По Биг-Фазану громов мимолётный, брезгливый взгляд плевком стёк. Холодный душ. Пощёчина.

Ещё хуже: стесняясь публичной сцены, на дурака, на публичного дурака так смотрят. Так отворачиваются от распадающегося огоньками мёртвого тела.

На секунду задержался взгляд Грома, но Карат в нём прочитал годы и годы «разочков», «последних раз», в цепи оглушительных коктейлей между ними. Плавятся тела, исходят на

воду, багровыми огоньками стучат в захвате, в боях, где шипованные плётки разрешены. Пот с губ, гранатовые, алые огоньки, последний выдох он глотает «последний раз», «ещё раз», «ещё разочек», и не может остановиться.

Бред.

Ад.

Бездна.

Пурпурный Лал померк.

С ослепительного завтрашнего Шамана ушли красные отблески.

Как человек случайно, чужой милостью избежавший смертельной опасности, Карат вдруг упал в слабость и холод до озноба, стыд и слабость. Зато его ноги коснулись дна: обратно не передумаю. Дно, баста.

Как шаманийке и как галло Меме полезен бы Карат живым… «Давно не виделись, месть не к спеху». Работающий, да, на её врагов, по этой самой причине неплохо знающий их, жуланов, технологии и повадки, Меме пригодится такой человек.

Честно признаться, что ты передумала? Для

девушки, для галло? Латник, в плен захваченный, скорее откроет пред всем чужим кланом лицо, снимет доспехи и раскланяется на четыре стороны! Мема искала отмазку. А вот и она.

Поглядела Мема на Шамана… На клинчевские замашки в борьбе… И поняла, что завтра одним братом в лунном кругу станет меньше.

– Уступи мне бой…

– То есть как?

– Тебе трудно?

– Ни сколь, но ты же сама…

– Позволь, объясню на деле, выходи против меня.

– Как тебе угодно, мем-шамаш.

Безо всяких поддавков, Шаман проиграл хитрой, стремительной галло кулачный бой. Да, не те навыки… Публичное унижение не тронуло его, шаманийское братство важней. Гром заметил и оценил, потеплел к брату из лунного круга.

Шаман проиграл, как ставку, отложенный бой-кобры в Гусином шатре. Поединок с Биг-

Фазаном за Пурпурный Лал теперь законное право Мемы. В чём могла она быть уверена: не получит его! Но если не хочет драться, пусть откупается Большой Фазан, пусть рассказывает про жуланов…

Карат согласился.

Удар.

– Каких ещё жуланов? Не знаю ни про каких жуланов.

Сощуренные полумесяцы глаз, и улыбочка.

Лёгкий, весёлый, гора с плеч, на следующий день Карат Биг-Фазан направлялся в заведение подкапюшонных боёв. Смеясь, сомневаясь, предвкушая. Тёмные страсти отступили от Карата.

«Придёт? Догадается? Галло же!.. Или проявит небрежность, без дополнительной разведки на риск пойдёт?»

Пришла.

На удивлённое и насмешливое лицо Густава Мема обратила внимание, уже стоя на пирамидке. На публику глянула и губу прикусила…

«А ещё галло! Мадлен совершила бы

сепуку!»

– Ты в курсе, что специфика заведения немного изменилась? – прошептал Карат ей на ушко.

«Чёрт-чёрт-чёрт!..»

– Ты, кажется, разочарована? – продолжал насмешник. – Уверяю, Лал не изменился ничуть, и достанется тебе. Я по-прежнему не принимаю вызовов от девушек. Победи меня, Мем!..

«Чёрт-чёрт-чёрт!»

Карат подмигнул, взглядом обводя публику:

– Мема, время и место!.. Ну, неужели ты всерьёз собралась придушить меня? Разве плохой способ примириться? Пусть весь Южный узнает, что мы друзья! Мем?

Примирения он искал давно. Мема нравилась Фазану. Облачный рынок Гала-Галло интересовал его, Шамания и кибер-механика тоже. Но технарь и старый охотник понимал: тайно от жуланов вести дела с их противницей – худшее, что можно придумать.

Биг-Фазан взаимно нравился Меме, вражина упрямый, человек из стремительно пустеющего

прошлого, вот и Докстри покинул лунный круг…

Их одиночество было сходного рода.

Хорошее заведение у Густава. Яркое, щедрое. Ему тоже не худо: с одного поединка такой доход и публика довольна!

– Однажды мы должны были подраться, – задумчиво рассуждал Карат, распростёртый на спине, между её смуглых колен, улыбающийся как чеширский кот, глядя в лицо, ожогом по скуле сбрызнутое. – Не думай, ты честно победила…

Говорил чистейшую правду! Знала бы Мема… Если б могла понять, насколько исчерпало, вымотало Большого Фазана по касательной скользнувшее искушение! Как нужна была ему яркая финальная точка.

«Мадлен меня на порог не пустит, если узнает… Когда узнает… Цаца…»

Мема ответила с хохотком:

– Фазан щипаный, я дам тебе шанс отыграться!

– Один?! Цокки-Мем, а вдруг я проиграю снова?

03.22

Победитель выглядел побеждённым, да и как ему было выглядеть, не редкость такое положение вещей.

Человек, не побоявшийся остаться с другом на безобманном поле Гранд Падре до конца цокки-бай, прощаясь, утешил Отто маленьким настоящим апельсином.

Плод отдавал отдавал вместе: цитрусом, муском и анисом. В другое время марбл-асс оценил бы ненарочито сложившееся сочетание, всё-таки полноправный член Арома-Лато… Не теперь. Силы, уверенность, всё покинуло разом. Даже удивление перед благородной справедливостью клинчей. Людей, чьих лиц не видим, мы склонны в чём-то подозревать, но разве клинчи не полудроиды, и разве благородство странно?

Даль прорезаема молниями, темна от ночных гроз и латников, не спешивших разлетаться. Чем возвращаться теперь верхом, лучше повременить.

Отто перелетел к нижнему Рынку Гранд, ступил на раму скользкую от дождя и вежливо постучался, оглядывая прихожую в шаг длинной. Вешалки пустые, картины-схемы между ними, устройство механизмов, красиво, загадочно. Прислушался, рассеянно подбрасывая и ловя апельсин, чуть не уронил в грозовую ночь.

Дверь распахнулась, напугав его, плавно, абсолютно бесшумно, без шагов, без скрипа петель, и слуга-хозяин Гранда в дверном проёме был внезапен как привидение… Его взгляд… Словно Отто удавкой напоказ играл, а не апельсином!

Извинившись за вторжение, ещё раз извинившись за дилетантский вопрос, марбл-асс осведомился:

– Господин, техно-бай, уважаемый, если легендарный модулятор ещё не включен ради следующей партии абсолютных птенцов, нельзя ли взглянуть на него в этот краткий промежуток времени?

«Ох, вероятно, господин принял обыкновенный плод за скрытую механику, за высокую ставку!» – подумал Отто.

– Увы, увы! – поспешил оговориться. – Очень признателен буду за краткую экскурсию, но

оплатить мне её нечем, разве что уважаемый поверит мне в долг! Или согласиться на этот пустяк!

Отто подбросил апельсин снова и виновато улыбнулся.

– Вполне, вполне, – кивнул техно-бай в тон ему и повёл за собой.

Отлично, не все торгаши.

Гранд оказался самым миниатюрным из когда-либо посещённых Отто рынков. Вроде и милый, а неудачное расположение комнат. Так они не жилые, кладовки. Каждая похожа на цитрусовую дольку. Заходишь в сектор с рамы, с торца, сразу за прихожей комнатка сужается в угол. Справа и слева двери в подобные этой комнатки без окон. Левая – библиотека по марблс, правая – столик и подушки, стеллаж для бутылок, там слуга-хозяин принимал гостей. В помещении с модулятором, в самом деле, нежелательно посиделки устраивать, вибрация лишняя не требуется, чистота, напротив, требуется… Но сейчас модулятор отдыхал, сейчас можно. Они через правую комнатку прошли в зал размером с три противоположных.

Любопытный гость осмотрелся. Панорамное

окно во всю стену… Ночь. Грозовая… Удивительно – совпадение с реальностью.

А вот и легендарная машина… Не так велик модулятор, оказывается!

Для марблс-мании священное место Рынка Гранд представлялось каким-то горнилом судеб, вроде кратера вулкана! Модулятор – цилиндр, чаша расправилась в покое, как идеальный спил невысокого пня с рисунком годовых колец. Он терялся на массивном столе среди прочих инструментов, заготовок в тисках и без.

Они сели на низкий подоконник и принялись молчать.

Настроения беседовать у обоих одинаково на нуле.

Хозяин откатил створку окна.

Отто воскликнул:

– Неужели область Сад? Туда можно вый… вылететь?

Хозяин пожал плечами утвердительно и неопределённо. Отто понял его, как можно. Чего сложного выпасть в окно, лететь и зависнуть. Зачем? На игровых рынках нашли бы

применение, да ведь этот не игровой.

У окна кадка с засохшим деревцем. Свежий, росток жёлто-зелёной запятой пробивается от корня. Отто задумчиво, осторожно положил апельсин рядом с ним под сухой веткой… Странное место, загадочный человек рядом.

Вторжение было ошеломительно резким. Этому парню Отто когда-то в Арбе проиграл, но сейчас, от неожиданности, по росту, массе, бычьей шее сразу подумал на латника, завалившегося с претензией. Они ведь могли счесть, что сам Гранд Падре им чем-то обязан. Не, лицо открыто. Заносчивое, энергичное, с хитринкой.

Возникнув перед ними, парень требовательно щёлкнул пальцами и протянул руку ладонью вверх.

Вопросительная пауза…

Техно-бай кивнул на кадку…

Парень прищурился… И захохотал! Откинув голову, он рассмеялся клёкотом, басом, гулкими басовыми раскатами.

«Офигительно смешной натюрморт! Сплошные загадки. То ли меня носит среди чужих

тайн постоянно, то ли мир в принципе состоит из чужих тайн?»

Хозяин Рынка Гранд извинился перед гостем:

– Обстоятельства…

– Конечно-конечно! Я побуду чуть-чуть и рассветом уйду, – пробормотал Отто.

– Сколько угодно. Запуск модулятора следующей ночью.

Оба: великан и хозяин лёгкими птичками скатились и канули за окно.

«Чтоб я хоть что-то понял! Целиком – из чужих тайн».

Белый лист пустого письма валялся под ногами, пах цедрой, маслами Цокки-Цокки и муском утешения. Воспоминание пробудилось. Отто рассеянно складывал бомбочку и вспоминал…

Как он искал утешения на Цокки-Цокки. Пол сезона впереди без Пажа! Для человека его темперамента… С тоской, изнывая, пришёл к своему цокки-баю, ближайшему другу после

череды предательств обретённому.

Не меняются! Вот что приятно, что прекрасно в этом месте и этих людях: не меняются!

Телёнком башку на колено положил и высказал накопившееся:

– Анис, освободи ты меня! Я не тут, я весь не тут, не с вами, я знаю, что так – не путём!

– Ждёшь кого?

- Ага. Столько не ждут… А я – жду! Сог-цок, Анис-бай? Мне обняться нужно, не с пустотой, понимаешь?

Анис обнял и согласился, что не путём, но дал просимое, никакого отношения к желанному не имеющее. Замечательный, верный как дроид.

Отдыхали, перебирали струны горизонтальной арфы в четыре руки, путаясь и споря обрывками мелодий.

– Ноустопщик? – недоумённо, насмешливо приподняв бровь, переспросил Анис. – Они худшие любовники на свете!

Отто улыбнулся. Паж был жестковат, да, но есть разница между «как» и «с кем».

Две пользы дали ему объятия Анис-бая, маленькое утешение и большое понимание, что замены искать не имеет смысла, замены не

найти. Что не помешало ему немедленно попытку повторить!

Обнявшись, накрепко сощурившись, упрекая себя в неблагодарности, – в которой никто и не помышлял упрекать его, – Отто захватывал и отдавал свои, его губы, повторяя безмолвно: «Замечательный, верный, лучший… Не тот, совсем не тот, не он, не ты».

В тоске и одиночестве Рынка Гранд, сидя на подоконнике, обнимаясь взглядом с облачной, грозовой пустотой, Отто ей повторял: «Освободи ты меня…»

Речитатив… Песня… Сам собою складывался из его жалоб поистине высший образец песен цокки. Полный страсти, горький как гибельный передоз. Слишком горький, чтобы оказаться смертельным.

Он обращался к Пажу-ныряльщику Великого Моря…

«Нырни и не выныривай! Уходит Синяя Скала синей дорогой в бездну. Нырок, ступи на неё. Упади под волну, под блик на волне, упади под глубокую тень. Синей дорогой иди сквозь Великое Море. Упругим телом направляйся вглубь. Смотри, я горячий источник. Источник

боли, горя и страсти, заглохший на дне. Заглохший на самом дне, под холодным камнем. Нырни, я жду тебя. Освободи меня. Освободи мой горячий ключ. Под тяжёлым камнем он ждал тебя тысячу. Упругий нырок, столкни камень горя с ключа моей страсти. Дай свободно выплеснуться ему. Дай взорваться Морской Звездой. Лава застынет новой землёй. Обсидианом нашего континента. Так я люблю, так жду тебя там, в глубине. Мой нырок, я жду тебя, как жемчужина ловца, как актинья смерти, освободи меня».

Сог-цок песни издревле делятся на цокки и сокки песни по сюжету, так повелось. Сокки песни, накрепко связаны с девой, запертой где-то, и обыгрывают её положение в диапазоне от высокой лирики до откровенных непристойностей. Цокки песни связаны с тем, кто едет за девой. Отто с его мягким баритоном сочинил типичную сокки песню.

– Красивая майна… – незнакомый и ужасно знакомый голос…

Парень ударил хвостом об подоконник. Тогда Отто узнал своего Белого Дракона! В таком облике не видались.

За окном рассвет… Как реальное небо – белёсо-ясное, голубое…

– Почему майна? – возразил Отто. – Ни с кем не пел подобный вайолет.

– Ты делаешь паузы. Ты слушаешь чей-то голос.

– Правда? – Отто вздохнул. – Я позвал тебя, так понимаю?

Обычное дело – ездовому дракону отреагировать на песню.

– Позвал, эээ… Погоди…

Ездовой дроид – в рынке, возможно… Но дракон сидел снаружи на карнизе… «В области Сад? Я запутался…»

– Домой или полетаем, покувыркаемся? – как ни в чём не бывало, спросил дракон, кивая наружу.

Приподнявшееся светило едва-едва заслоняют редкие кучевые облака.

– Туда?.. Ты о чём вообще?!

– Садись и держись… – покровительственно фыркнул дроид, принимая общедраконью форму.

Жутко довольный. Некогда единственный, став милостью Уррса вторым, он не в восхищении

пребывал по данному поводу. Теперь снова его время.

Перекувырнулся и унёс Отто в первое погожее утро эпохи высших дроидов, в рассветную лазурь…

Руки Фортуны сложили ткань времени, огромные ножницы чикнули, и улетел в прошлое лоскут от двух эпох. Люди снова летали на драконах по синему небу, где лишь солнечный диск неизбежно чуть притенён. Передать восторг, и не мечтавших об этом, всадников, удвоенный восторг их Белых Драконов, решительно невозможно.

Ойкумена встречала голубое небо, торговцы выходили из рынков, игроки прекращали партии, борцы поединки. Хозяева миров по наитию подходили к рамам, гонщики останавливали драконов. Чудовища Моря и даже тени поднимались к его поверхности, чтобы близоруко присмотреться, чутко принюхаться к переменам.

Выбор Уррса, его двухфазное устройство дракон изложил Отто, как мог, упрощая. Решил,

что изложил. Отто решил, что понял. Огорчился, конечно.

Охватившее всех и каждого на континенте изумление пред голубым небом, для Отто весь день имело привкус удивления, напряжённого поиска. Первый погожий день эпохи он провёл верхом. Лазурь пытался прочитать, отклик услышать… Это ведь не прекращение дроида? Где он там, как он там, Уррс?..

Устал, направился домой. Облако его мира лежало к западу, там, где лазурь зеленела, просматривалась до какой-то невероятной глубины, темнеть не желая… Огуречной зелени, света.

Не хотел домой. Сел на раме. Передумал.

Тоска. Нет места покою, ни снаружи, ни в груди.

Полудроиды обделены передающими информацию, записывающими её устройствами. Отто, разумеется, не имел никакого изображения Пажа, ни фото, ни карандашного наброска от мазилы с Краснобая. Чем ближе ночь, тем нестерпимей желание увидеть это лицо. Его подхватило и понесло, к тем лицам, которые хранили присутствие друга, напоминали о нём,

так что печальное известие Халилю принёс Отто.

– Расскажи мне что-нибудь! Про него, про вас… Поговори со мной! Или смешай оливку покрепче, чтобы одним глотком, чтоб из глотка не вынырнуть! Не везёт мне, Халиль, невезучий я какой-то…

Халиль снял очочки и потёр глаза, его тоже слегка подкосило. Расторопно делая три дела сразу, он прихватил Отто за локоть, бутылку за горлышко – в закуток погреба, голубя местного – в Арбу, Пачули предупредить, что сегодня он не помощник, Халиль увлёк гостя за собой.

Настоящий погреб: темно, глухо, сыро, но уютно. Обустроено. Ниши и полки под сосуды всех размеров, от бочек на земле, до пробирок в коллекциях. Бочки же и составлены диваном, покрыты жёстким, вытертым ковром. Халиль сел перед ним на отдельную бочку, на бочку-столик поставил пиалу на глоток, бутылку, наполнял и рассказывал, рассказывал и наполнял…

Так Отто узнал историю их знакомства, благородную, историю ныряльщика-Пажа, с чего началась, как расширялся круг его заказчиков, начиная с тех, которым нельзя было отказать, которые приказывали Пажу, как рыночному

голубю, ловили на него как на живца других чудовищ, а приманка всё не погибала… Живучей оказалась приманка, сообразительной и памятливой.

Можно ли забыть волю и гордость, сломанные об колено, переламываемые день за днём… Яд, даруемый как милость… Принимаемый, как тошнотворное унижение… Свет каждого следующего утра, зеленоватый сквозь постоянно обожжённые глаза, означающий лишь новую пытку… Щупальца и стрекала, облеплявшие с ног до головы, отсекаемые не раньше, чем живого места не оставалось…

«Водоросли», Языки Зла лентами обвивали щиколотки, ноги, грудь, защищённую панцирем от удушья, шею… Они вызывали спазмы, метавшиеся по телу, как проглоченная змея, ломали кости, замедлялись под черепом: вправо-влево, вправо-влево, мятник, пробивающий виски. «Дроиды светлые, сердечное спасибо вам за нашу живучесть, горячий вам из Каменного Леса привет…» Эту мысль Паж помнил, а кроме неё ничего, боли тоже. Помнил, что до шеи надо ждать, неподвижно стоять на ветке каменного дерева и ждать, когда Чудовище Моря отломит её с Языками и наживкой вместе, швырнёт в горячий источник: «Воскресай! Распутывайся и поживее, а я пока ленточки соберу…»

Халиль рассказывал, как вдруг начал редеть круг заказчиков, как из него порывались бежать, но недалеко убежали. Над океаном морской голубь летал быстрей гонщиков, под водой плавал стремительно, как тень… Спустя некоторое время круг заказчиков снова начал расширяться, утверждаясь на других условиях…

Не знал и не мог рассказать Халиль лишь того, какими глазами Паж смотрел на заказчиков из числа людей. Нормальных, светлокожих без прозелени людей, которым, едва держась на ногах, представляя собой нечто среднее между ныряльщиком, прошитым актиньей, и актиньей, распоротой тенями ро, заодно и доставлял заказы… Огрызок человека.

Отлично известен был этим людям способ добычи ядов. Не дрогнув, брали кубики и пучки водорослей из его заледеневших рук, испещрённых шрамами ожогов, такими язвами, в которых, как в жерле вулкана бились, не утихая, огоньки регенерации, кипящие на вид, кроваво-красные на ощупь. Порой заказчик, снимая моток обезвреженных водорослей с худого плеча, сжимал его и задерживал руку…

Паж-демон тинистой плёнкой замутил глаза, хватит, насмотрелся.

Памятливый оказался голубь с клювом ястреба, с ястребиными когтями.

Вырвавшись на свободу из-под волн, Паж видеть не мог ни морских тварей, ни сухопутных.

Ноу Стоп приютил его: запретную воду пил жадно, как Чистую Воду забвения, пришлась она ему. Недавнее прошлое тонуло в истошных воплях запретного, его ад – в чужом аду. Ледышку под язык, и пропади все пропадом. Меткое, горькое выражение Биг-Буро тоже по душе пришлось: «С континента, Паж, чудовища попадают в океан. Свои настоящие лица обретут и выползают обратно».

Затем Шамания позвала.

Ловкость, уверенность ныряльщика Паж обрёл вместе с тягой на океанское дно, в области жуткие для несведущих, пугающие расстояниями бездны… Для него – чистые, беспамятные. Всё самое страшное Паж видел на суше, в нетронутых морем лицах, в дорогих шатрах, на глубине ему пугаться нечего.

Халиль не сгущал красок, перескакивал с темы на тему, шутил. Он снабжал рассказ пажескими анекдотами, эпизодами, специфическими, лишь демонам понятными

шутками, невольно копируя и его косноязычность…

Хорошо иметь доверчивость, позволяющую непосредственно выражать просьбы и печали. Хорошо иметь при этом добрых и понятливых друзей. Отто нужно было, чтобы говорили-говорили… Это получил, и дремал-дремал… Он выиграл у клинча, он потерял друга и дракона, он жутко устал… Грусть Отто привычной тропинкой переходила в мечтательность, пожертвованная Халилем, вязкая ледышка за щекой не резала ностальгией, а успокаивала, в глубоководные фиолетовые мечты вела…

«Обычным человеком он был, и начал и смог, значит и я смогу… Безо всяких демонов… Завтра же, нырну, где большие волны подбрасывают, научусь ловить дракона за гриву… И узнаю морскую глубину… И каменный лес… Я стану не хуже!.. Кто упал, вытащу, кто замёрз, не хуже ныряльщиком стану… Найду горячий источник… Лёд вот такой же добуду… А может, и дроида повстречаю, которого некому проводить наверх…»

Тропинка мечтаний пропадала в дремоте. Отто казалось, что он излагает всё это своему дракону, занявшему шириной плеч весь проход

лестницы, своему Белому Уррсу, сидящему, как Чёрный Дракон, по-человечьи…

«Хорошо, что ты есть… – думал Отто. - Голубое небо тоже неплохо… Но и зелёное неплохо… Хорошо… Уррс, хорошо, что он ошибся, ты по-прежнему есть, ты дракон, а не сплошная прозрачность… Зелёного взгляда, голубого неба… Хорошо…»

Огуречно-зелёный свет заката свернул с Краснобая на Марбл-стрит, зашёл в Арбу, следуя за голубем Арбы, направился в шатёр Халиля, стёк мягкими драконьими шагами в погреб и замедлился, не войдя.

Светоносная зелень драконьих глаз осветила найденного друга, рассыпалась брызгами чайных, коньячных последних лучей по стенам, бочкам, бутылкам, коллекциям… Отразилась в дымчатых, круглых стёклах очков на вороте изумлённого хозяина, его чёрные, звёздные очи превратила в зелёный, звёздный космос…

Жестом Халиль пригласил: проходи.

Дракон отрицательно качнул головой, сел на ступеньках. Он слушал бормотание спящего и подпевал ему:

– Я дневное небо… Я ночной дракон… Никогда доселе… Завтра испокон.

Сбился, да всё равно ерунда получается!

- Днём не обессудь, служба… Ох… Фрррах… Недраконье это слово… Ночью зато погоняемся!

Не просыпаясь, Отто кивнул: «Ещё как, ещё сколько ночей погоняемся… А днём я буду спасатель, ныряльщик, ага… Дело доброе, дело хорошее… Чудище поймало, я спас, я крут!" Бормотал, бормотал и закончил, как всегда: "Эх, жаль Паж не…"

Паж узнает.